This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 3433 05929087 8

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

259186

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

БЕСѢДА

III

МОСКВА

1871.

Digitized by Google

КНИГА III-я—МАРТЪ. 1871 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЪ I.

Стран.

I.—ВЪ ВОДОВОРОТѢ.—Романъ. Часть вторая, гл. I—VI.—**А. Ѳ. Писемскаго** 5

II.—ЖАЛОБЫ БѢДНЯКОВЪ, изъ Роберта Соута. Стихотвореніе.—**А. Н. Плещеева**. 82

III.—КНЯЗЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ.—Очеркъ.—**Н. А. Чаева**. . . . 85

IV.—О СВОБОДѢ СОВѢСТИ ВЪ ДРЕВНЕЙ ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.—**А. С. Лебедева** 125

V.—ЧТО СДѢЛАНО ПО ВОПРОСУ О ДУХОВЕНСТВѢ.—**И. С. Беллюстина** 134

VI.—АМЕРИКАНСКОЕ ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО.—**Кн. С. С. Урусова** 158

VII.—КОЛОНИЗАЦІЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ и РАСПРОСТРАНЕНІЕ ГОРНАГО ПРОМЫСЛА.—**Н. П. Колюпанова** . . 183

VIII.—ВСЕСЛАВЯНСТВО.—**А. А. Майкова** 219

IX.—ФРИДРИХЪ II и ГРАФЪ ПАНИНЪ—ПРУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПЕРВОМЪ РАЗДѢЛѢ ПОЛЬШИ.—V.—**Г. В. Есипова** 262

X.—ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ НОВѢЙШАГО РОМАНА ВЪ ГЕРМАНІИ.—*** 298

ОТДѢЛЪ II.

XI.—ОТВѢТЪ НА ЗАМѢТКИ Г. КОЛЮПАНОВА О ПЕРЕЛОЖЕНІИ ПОДУШНОЙ ПОДАТИ.—**А. И. Кошелева** . . . 1

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода.—Недоумѣнія, порождаемыя имъ въ кругу духовенства и въ средѣ читателей.—Сопоставленіе отчета съ фактами изъ дѣйствительной жизни.—Законъ о свободѣ совѣсти по отношенію къ духовенству.—Отвѣтственность отчетовъ частныхъ и офиціальныхъ по отношенію къ обществу.—Судныя товарищества. 6

Digitized by Google

БЕСѢДА

1871

Digitized by Google

Digitized by Google

БЕСѢДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

11143

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

Книга III.—Мартъ

МОСКВА
И. Г. Соловьевъ. Страстной бульваръ
главная контора журнала

ВѢНА
C. Gerold u. Sohn

БЕРЛИНЪ, ЛОНДОНЪ
A. Acher & C°

НЬЮ-ІОРКЪ
E. Steiger

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
А. Ѳ. Базуновъ. Невскій проспектъ
главная контора журнала

Digitized by Google

259186

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°.
Большая Дмитровка, д. № 7.

Digitized by Google

ВЪ ВОДОВОРОТѢ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Часовъ въ двѣнадцать дня Елена ходила по небольшому залу на своей дачѣ. Она была въ совершенно распущенной блузѣ; прекрасные волосы ея всѣ были сбиты, глаза горѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ, хорошенькія ноздри ея раздувались, губы были пересохшія. Передъ ней сидѣла Елизавета Петровна, съ сконфуженнымъ и оторопѣвшимъ лицомъ: дочь вчера изъ Парка пріѣхала какъ сумашедшая, не спала цѣлую ночь; потомъ все утро плакала, рыдала, такъ что Елизавета Петровна нашла нужнымъ войти къ ней въ комнату.

— Лёночка, ангелъ мой, что такое съ тобой? спросила она ее какъ-то робко.

Съ тѣхъ поръ, какъ князь сталъ присылать къ нимъ деньги, Елизавета Петровна сдѣлалась очень нѣжна съ дочерью и начала постоянно безпокоиться объ ея здоровьѣ.

Елена молчала и ничего не отвѣчала, и только выступившія на глазахъ ея слезы и вздрагивающія щечки говорили объ ея страшномъ, душевномъ настроеніи.

— Вѣрно съ княземъ что нибудь вышло?... непремѣнно ужь такъ, непремѣнно! произнесла Елизавета Петровна какимъ-то успокоивающимъ голосомъ.

— Онъ такой пизкій человѣкъ, такой лгунъ! проговорила, наконецъ, Елена.

Digitized by Google

— Ахъ, Господи, ничего этого нѣтъ!.. Намъ всегда такъ кажется, когда мы кого любимъ, продолжала Елизавета Петровна тѣмъ же кроткимъ и успокоивающимъ голосомъ. Она въ первый еще разъ такъ прямо заговорила съ дочерью объ ея любви къ князю.

— Нѣтъ, мнѣ это не показалось!... Я никогда бы не стала говорить, если бы мнѣ только это показалось! говорила Елена.— Впрочемъ, я сейчасъ сама ему тѣмъ же заплачу, освобожу его отъ себя. Дайте мнѣ бумаги и чернильницу, прибавила она почти повелительно матери.

Та послушно встала, сходила и принесла ей то и другое.

Елена принялась писать къ князю письмо:

«Вы понимаете конечно черноту вашихъ поступковъ. Я просила васъ всегда объ одномъ: быть со мной совершенно откровеннымъ и не считать меня дурой; любить женщину нельзя себя заставить, но не обманывать женщину—это долгъ всякаго хоть сколько нибудь честнаго человѣка; между нами все теперь кончено; я наложницей вашей состоять при вашемъ семействѣ не желаю. Пожалуйста не трудитесь ни отвѣчать мнѣ письмомъ, ни сами приходить—все это будетъ совершенно безполезно».

Елизавета Петровна, усѣвшаяся невдалекѣ отъ Елены, употребляла было всѣ усилія, чтобы прочесть то, что пишетъ Елена; но, по малограмотству своему, никакъ не могла этого сдѣлать.

— Потрудитесь приказать Марфушѣ сходить къ князю и отдать ему это письмо, говорила Елена, запечатавъ облаткой письмо.

Елизавета Петровна нерѣшительно приняла его изъ рукъ дочери.

— Что ты такое, по крайней мѣрѣ, пишешь къ нему? спросила она, вовсе не ожидая, что Елена отвѣтитъ ей что нибудь; но та однако отвѣчала:

— Пишу ему, что онъ нечестный человѣкъ и что между нами все кончено!

Елизавета Петровна даже поблѣднѣла при этомъ.

— Ахъ, не совѣтовала бы я тебѣ этого дѣлать, не совѣтовала бы, проговорила она, не уходя изъ комнаты.

— Позвольте ужь мнѣ, въ этомъ случаѣ, ни чьихъ совѣтовъ не спрашивать, возразила ей Елена.

— Но ты только выслушай меня.... выслушай нѣсколько моихъ словъ!... произнесла Елизавета Петровна вкрадчивымъ голосомъ.—Я, какъ мать, буду говорить съ тобою совершенно откро-

Digitized by Google

венно: ты любишь князя,—прекрасно!... Онъ что-то такое дурно поступилъ противъ тебя, разсердилъ тебя,—прекрасно! Но дай пройти этому хоть одинъ день, обсуди все это хорошенько, ты увидишь, что тебѣ многое въ иномъ свѣтѣ представится! Я сама любила и знаю по опыту, что все потомъ иначе представляется.

— Вы никогда не любили. Вы только, Богъ васъ знаетъ зачѣмъ, продавали себя! сказала Елена.

Елизавета Петровна сильно покраснѣла.

— Нѣтъ, я любила, повторила она и не стала больше говорить: она очень хорошо видѣла, что Елену нельзя вразумить и только развѣ придется услышать отъ нея еще нѣсколько крупныхъ дерзостей.

— Марѳуша! крикнула между тѣмъ та.

— Я пойду и отдамъ ей письмо!... остановила ее съ досадой Елизавета Петровна.

— Да вы непремѣнно же отдайте! сказала ей Елена.

— Отдамъ.... Что мнѣ!... Дѣлай глупости.... отвѣчала Елизавета Петровна, уходя; но покуда шла изъ комнатъ въ кухню, гдѣ была Марѳуша, она кой что попридумала.

— Поди, отдай это письмо князю!... начала она приказывать той; непремѣнно отдай ему въ руки сама и скажешь ему, что это письмо отъ Елены Николаевны; а что Елизавета Петровна приказала-де вамъ на словахъ сказать, чтобы вы очень не безпокоились и пожаловали бы къ намъ сегодня,—поняла ты меня?

— Поняла, барыня! отвѣчала краснощекая и еще болѣе растолстѣвшая Марѳуша. Не смотря на простоту деревенскую въ словахъ, она была препонятливая.

— А что же, барыня, мнѣ дѣлать, какъ я князя не застану дома? спросила она, принимая письмо отъ Елизаветы Петровны и повязывая голову платочкомъ.

— Подожди его.

— А если онъ долго не придетъ?

— Подожди подольше, разрѣшила ей Елизавета Петровна.

Марѳуша послѣ того проворно пошла черезъ большой садъ къ Григоровымъ на дачу. Не возвращалась она, по крайней мѣрѣ, часа два, три, такъ что Елена всякое терпѣніе потеряла.

— Да что Марѳуша пропала, что ли, совсѣмъ? спросила она.

— Вѣроятно забѣжала куда нибудь къ пріятельницамъ! отвѣчала Елизавета Петровна; о томъ, что она велѣла Марѳушѣ лично

Digitized by Google

передать князю письмо и подождать его, если его дома не будетъ, Елизавета Петровна сочла болѣе удобнымъ не говорить дочери. Часу въ четвертомъ наконецъ Елизавету Петровну вызвала кухарка,—это возвратилась Марѳуша.

— Барыня, я не застала князя, доложила ей та какъ-то таинственно,—ждала, ждала, все тамотко сидѣла.

— А письмо куда же ты дѣвала?

— Письмо оставила тамъ. Камердинеръ говоритъ: «дай, говоритъ, я положу его на столъ».

— Но гдѣ же можетъ быть князь? спросила Елизавета Петровна все болѣе и болѣе приходя въ досаду на то, что Марѳуша не застала князя дома; теперь онъ письмо получитъ, а приглашеніе, которое поручила ему Елизавета Петровна передать отъ себя, не услышитъ, и потому Богъ знаетъ чѣмъ все можетъ кончиться.

— И тамъ-то, дома-то не знаютъ гдѣ онъ, толковала ей Марѳуша:—въ шесть часовъ утра еще ушелъ и до сей поры нѣтъ.

Елизавета Петровна понять не могла, что это значитъ. Она возвратилась къ дочери.

— Марѳуша пришла, князя дома нѣтъ; онъ въ шесть часовъ еще утра уѣхалъ изъ дому, проговорила она неторопливо.

— Какъ въ шесть часовъ утра?.. Куда же это онъ могъ уѣхать? спросила Елена.

— Тамъ дома никто не знаетъ.

— Что за вздоръ такой! Пошлите ко мнѣ Марѳушу.

Елизавета Петровна сходила и позвала Марѳушу.

— Куда князь уѣхалъ? спросила ее Елена.

— Никто, барышня, не знаетъ, отвѣчала ей Марѳуша;—княгиня ужь людей по лѣсу искать его послала; въ Москву если бы поѣхалъ, такъ лошадей бы тоже велѣлъ заложить.

— Но, можетъ быть, онъ на извощикѣ поѣхалъ, замѣтила Елизавета Петровна.

— Николи, барыня, онъ на извощикахъ не ѣздитъ, николи!... люди ихніе мнѣ это говорили, объясняла Марѳуша.

Елена, слушая ее, все больше и больше блѣднѣла.

— Ну, поди къ себѣ, сказала она какимъ-то тихимъ голосомъ Марѳушѣ.—Подите и вы, прибавила она матери.

Елизавета Петровна, взглянувъ съ безпокойствомъ на дочь, вышла; но впрочемъ сѣла въ ближайшей комнатѣ и стала прислушиваться. Елена сидѣла нѣсколько времени, не шевелясь на

Digitized by Google

своемъ мѣстѣ; лицо ея постепенно начало принимать какое-то испуганное выраженіе. Ей послѣ расказа Марѳуши пришла въ голову страшная мысль: «князь ушелъ въ шесть часовъ утра изъ дому; его вездѣ ищутъ и не находятъ; вчера она такъ строго съ нимъ поступила, такъ много высказала ему презрѣнія: что, если онъ вздумалъ исполнить свое намѣреніе—убить себя, когда она его разлюбитъ?» Все это до такой степени представилось Еленѣ возможнымъ и яснымъ, что она даже ужь вообразила, что князь убилъ себя и теперь лежитъ, исходя кровью, въ Останкинскомъ лѣсу, и лежитъ именно тамъ, гдѣ кончается Каменка и начинаются сѣнокосные луга. Затѣмъ Елена не могла болѣе владѣть собой, она вдругъ встала съ своего мѣста.

— Дайте мнѣ поскорѣе одѣться!... дайте!... почти вскрикнула она.

На этотъ зовъ ея вбѣжала къ ней сама Елизавета Петровна.

— Что такое, ангелъ мой, съ тобой, что тебѣ надобно? спросила она ее съ безпокойствомъ.

Елизавета Петровна, по преимуществу, боялась, чтобы отъ такихъ душевныхъ волненій Елена не выкинула.

— Одѣньте меня, maman, поскорѣе!.. одѣньте! говорила Елена почти какимъ-то помѣшаннымъ голосомъ.

— Но куда же ты, ангелъ мой, идешь? спросила она ее робко.

— Я пойду поищу князя; я знаю, гдѣ онъ можетъ гулять, отвѣчала Елена, тѣмъ же какъ бы помѣшаннымъ голосомъ.

Такой отвѣтъ дочери Елизавету Петровну очень порадовалъ: «слава Богу, подумала она про себя,—теперь они встрѣтятся тамъ и навѣрно помирятся».

— Что-жь, сходи; тебѣ и самой пройтись не дурно! произнесла она вслухъ.

Елена проворно вышла, прошла весь большой садъ, всю Каменку; но ни въ началѣ ея, ни въ концѣ не нашла князя. Шедши, она встрѣчала многихъ мущинъ и, забывъ всякую осторожность, ко всѣмъ имъ обращалась съ вопросомъ:

— Скажите, вы князя Григорова знаете?

Большая часть мущинъ нѣсколько удивленнымъ голосомъ отвѣчали: «Нѣтъ-съ, не знаемъ!» но двое изъ нихъ сказали ей: «Знаемъ-съ!»

— Бога ради, скажите, не видали ли вы его гуляющимъ здѣсь? начала она приступать къ нимъ.

— Рѣшительно не видали, отвѣчали тѣ.

Digitized by Google

Въ концѣ Каменки Еленѣ почему-то вообразилось, что князь, можетъ быть, прошелъ въ Свиблово къ Аннѣ Юрьевнѣ и, прельщенный какимъ нибудь ея пуддингомъ, остался у нея обѣдать. Съ этою мыслію она пошла въ Свиблово: шла, шла, наконецъ силы ея начали оставлять. Елена увидала на дорогѣ ѣдущаго мужика въ телѣгѣ.

— Послушай, довези меня до Свиблова, сказала она ему,— вотъ тебѣ двугривенный.

Мужикъ посадилъ ее. Елену начало сильно трясти, такъ что угрожала опасность ея положенію; она однако ничего этого не чувствовала и не понимала. Доѣхавъ до Свиблова, Елена послала мужика справиться, что не тутъ ли князь Григоровъ. Мужикъ очень долго ходилъ, наконецъ пришелъ и сказалъ, что тамъ нѣтъ никакого князя Григорова. Елена была въ отчаяніи. Обратиться съ просьбою въ полицію, чтобы та розыскала князя по Останкинскому лѣсу,—ей казалось единственнымъ средствомъ. Для этого она рѣшилась ѣхать въ Москву и въ Останкино должна была уже возвращаться пѣшкомъ, потому что мужикъ поѣхалъ далѣе за Свиблово. Елена пошла; но, дойдя до конца Каменки, она снова до такой степени утомилась, что почти упала на траву; а день между тѣмъ былъ теплый, ясный: передъ глазами у ней весело зеленѣли деревья, красиво и покойно располагались по небу золотистыя облачка,—этотъ контрастъ съ душевнымъ настроеніемъ Елены еще болѣе терзалъ ее. Она принялась плакать и долго ли, коротко ли плакала, сама даже не помнитъ; только вдругъ она услыхала надъ собой тихій и вкрадчивый голосъ:

— M-lle Жиглинская, что вы тутъ дѣлаете?

Елена приподнялась: передъ ней стояла госпожа Петицкая.

— Я гуляла и такъ далеко зашла и устала, что расплакалась даже, и легла вотъ тутъ отдохнуть, отвѣчала она, стараясь улыбнуться и поспѣшно утирая свои глаза, но госпожа Петицкая замѣтила, конечно, растроенный видъ Елены.

— А я такъ, признаться, очень обрадовалась, увидавъ васъ, подхватила она,—и думала, что съ вами непремѣнно гуляетъ нашъ пропавшій князь Григоровъ.

— А его еще не нашли? проговорила Елена.

— Нѣтъ, удивительное дѣло: княгиня понять не можетъ, гдѣ онъ, такъ что я ужь по рощѣ пошла искать его. А вы тоже его не видали? прибавила госпожа Петицкая, устремляя на Елену испытующій взглядъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не видала, отвѣчала та почти задыхающимся голосомъ: встрѣтиться и бесѣдовать въ такую минуту съ госпожею Петицкой, было почти невыносимо для Елены, тѣмъ болѣе, что какъ ни мало она знала ее, но уже чувствовала къ ней полное отвращеніе.

Госпожа Петицкая, впрочемъ, вскорѣ сама раскланялась съ ней.

— Ну, adieu, авось отыщется гдѣ нибудь нашъ бѣглецъ! проговорила она и пошла, твердо увѣренная, что князь гулялъ въ лѣсу съ Еленой; разссорились они, вѣроятно, въ чемъ нибудь, и Елена теперь плачетъ въ лѣсу, а онъ, грустный, возвращается домой, и госпожа Петицкая, дѣйствительно, придя къ княгинѣ, услыхала, что князь вернулся, но что обѣдать не придетъ, потому что очень усталъ и сейчасъ ляжетъ спать.

— Я думаю, онъ не столько отъ усталости не желаетъ кушать.... произнесла она нѣсколько двусмысленнымъ тономъ.

— А отчего же еще? спросила ее княгиня, но какъ-то не рѣшительно.

— Такъ, я имѣю тутъ маленькія подозрѣнія.

Но какія именно подозрѣнія госпожа Петицкая имѣетъ—княгиня не спросила ее.

— Я сейчасъ встрѣтила Елену, продолжала госпожа Петицкая, какъ бы самымъ обыкновеннымъ голосомъ.—Вообразите, она лежитъ на травѣ вся расплаканная, такъ что мнѣ даже жаль стало ее—бѣдненькую.

— О чемъ же она плачетъ?—не утерпѣла уже и спросила княгиня.

— Говоритъ, что ходила очень много, устала, оттого и расплакалась. И госпожа Петицкая вслѣдъ затѣмъ не громко разсмѣялась.

Княгиня на это ничего ей не сказала.

Госпожа Петицкая до сихъ поръ никакъ не могла вызвать ее на полную откровенность по этому предмету, такъ что начинала даже немножко обижаться за то на княгиню.

— Но гдѣ же баронъ? воскликнула она, когда сѣли за столъ, и баронъ не являлся по обыкновенію.

— Ахъ, онъ сегодня, къ великому моему удовольствію, отправился на цѣлый день къ Аннѣ Юрьевнѣ! отвѣчала княгиня.

—Къ великому удовольствію вашему.... Но за что же такая ваша немилость къ нему? спросила госпожа Петицкая.

— За то, что онъ мнѣ ужасно надоѣлъ, сказала княгиня, по

Digitized by Google

видимому, совершенно искреннимъ голосомъ; но госпожа Петицкая на это только усмѣхнулась: она не совсѣмъ повѣрила княгинѣ.

Елена въ это время ѣхала въ Москву. Воображеніе она имѣла живое и, благодаря тяжелымъ опытамъ собственной жизни, оно, по преимуществу, у ней направлено было въ черную сторону: въ томъ, что князь убилъ себя, она не имѣла теперь ни малѣйшаго сомнѣнія и хотѣла, по крайней мѣрѣ, чтобы отыскали трупъ его. Что чувствовала Елена при такихъ мысляхъ, я предоставляю судить моимъ читательницамъ. Прежде всего, она предположила заѣхать за Миклаковымъ; но, такъ какъ она и прежде еще того бывала у него нѣсколько разъ въ номерахъ, а потому очень хорошо знала образъ его жизни; вслѣдствіе чего, сколько ни была разстроена, но прямо войти къ нему не рѣшилась и предварительно послала ему сказать, что она пріѣхала. Миклаковъ и на этотъ разъ лежалъ въ одномъ бѣльѣ на кровати и читалъ. Услыхавъ о пріѣздѣ Елены, онъ особенно этому не удивился.

— Сейчасъ приму-съ, сказалъ онъ лакею, и, въ самомъ дѣлѣ, хоть не въ очень полный, но, все-таки, приличный туалетъ облекся.

— Поди, проси, сказалъ онъ лакею.

Тотъ пошелъ и пригласилъ Елену.

Миклаковъ даже отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ при видѣ ея: до такой степени она испугала его и удивила выраженіемъ своего лица.

— Что такое съ вами? воскликнулъ онъ.

— Ничего—не обо мнѣ дѣло, проговорила Елена порывистымъ голосомъ,—но князь Григоровъ нашъ застрѣлилъ себя....

— Господи помилуй!... воскликнулъ еще разъ Миклаковъ и еще болѣе испуганнымъ голосомъ.—Но гдѣ же, какимъ образомъ и зачѣмъ? спрашивалъ онъ торопливо.

— Около Останкина въ лѣсу, должно быть! говорила Елена: она въ эти минуты твердо была убѣждена, что передаетъ непреложнѣйшіе факты.

— Но что же, видѣлъ, что ли, кто нибудь его? продолжалъ распрашивать Миклаковъ.

— То-то никто не видалъ и нигдѣ найти не могутъ, отвѣчала Елена.

— Но какъ же вы знаете, что онъ убилъ себя?

— Потому что мы поссорились съ нимъ вчера, а онъ мнѣ прежде всегда говорилъ, что какъ я его оставлю, то онъ убьетъ себя.

Digitized by Google

— Но отъ этихъ словъ до убійства далеко! сказалъ Миклаковъ, махнувъ рукой.—Ахъ вы—барышня, барышня смѣшная!

— Нѣтъ, я не смѣшная; его нигдѣ не могутъ найти!... Наконецъ я писала ему, что между нами все кончено, и онъ, я знаю, не перенесетъ этого.

Елена все ужь перепутала въ головѣ; она забыла даже, что князь, не получивъ еще письма ея, ушелъ изъ дому.

— Зачѣмъ же вы писали ему это?

— Зачѣмъ?... Изъ ревности, конечно!... Теперь пойдемте объявить объ его смерти въ полицію: пусть она трупъ его отыщетъ!

— Трупъ отыщетъ! разсмѣялся Миклаковъ.—Богъ дастъ и живымъ его обрящемъ!

— Нѣтъ, вы живымъ его не обрящете.... Пойдемте!

— Куда пойдемте?

— Въ полицію какую нибудь—объявить.

— Подите вы, въ полицію объявлять.... страмиться!... Поѣдемте въ Останкино лучше; тамъ, можетъ быть, и отыщемъ его.

— Но, чтобы отыскать его надобно тысячу людей разослать по лѣсу, какъ вы это сдѣлаете безъ полиціи? возражала ему Елена.

— Мы тысячу людей и пошлемъ! Въ Останкинѣ есть своя полиція,—зачѣмъ же намъ городская нужна?

— Есть тамъ полиція? спросила Елена.

— Есть, успокоивалъ ее Миклаковъ, и затѣмъ они вышли, сѣли на хорошаго извощика и поѣхали въ Останкино.

Елена начала безпрестанно торопить извощика.

— Бога ради, мой милый, поѣзжай скорѣе!... умоляла она его, и голосъ ея вѣроятно до такой степени былъ трогателенъ, что извощикъ что есть духу началъ гнать лошадь.

— Ну, барыня, сказалъ онъ, подъѣзжая къ Останкину, за сто бы рублевъ не сталъ такъ гнать лошадь, какъ для тебя это дѣлалъ.

— Спасибо тебѣ! На вотъ тебѣ за то! Сдачи мнѣ не надо! проговорила Елена и отдала извощику пять рублей серебромъ.

— Ну вотъ за это благодарю покорно! проговорилъ тотъ, снимая передъ ней шапку.

Видя все это, Миклаковъ поматывалъ только головой и чувство зависти невольно шевелилось въ душѣ его: «Вѣдь любятъ же другихъ людей такъ женщины!» думалъ онъ. Того, что князь

Digitized by Google

Григоровъ застрѣлился,—онъ нисколько не опасался. Увѣренность эта, впрочемъ, въ немъ нѣсколько поколебалась, когда они подъѣхали къ флигелю, занимаемому княземъ, и Миклаковъ, войдя въ сѣни, на вопросъ свой къ лакею: «дома ли князь?» услышалъ отвѣтъ, что князь дома; но только никого не велѣлъ принимать и заперся у себя въ кабинетѣ.

— Э, такъ я и силой къ нему взойду! сказалъ Миклаковъ, и не долго думая, вышелъ изъ сѣней въ небольшой садикъ, подошелъ тамъ къ довольно низкому изъ кабинета окну, отворилъ его, сорвавъ съ крючка, и черезъ него проворно вскочилъ въ комнату.

— Что это вы, ваше сіятельство, дѣлаете тутъ? воскликнулъ онъ, увидя князя сидящимъ передъ своимъ столомъ.

Князь, въ свою очередь, услыхавъ шумъ и голосъ Миклакова, вздрогнулъ, проворно что-то такое спряталъ въ столовый ящикъ и обернулся.

— Что вы тутъ дѣлаете? повторилъ ему свой вопросъ Миклаковъ.

— Да такъ!... ничего!... отвѣчалъ князь, какъ-то насильно улыбаясь, а между тѣмъ самъ былъ блѣденъ, волосы у него были взъерошены, глаза съ мрачнымъ выраженіемъ.

— Вы Елену ужасно напугали; она пріѣхала ко мнѣ въ Москву и говоритъ, что вы застрѣлились.

Князь при этихъ словахъ еще болѣе поблѣднѣлъ.

— По чемъ же она знаетъ это? спросилъ онъ.

— Потому что, говоритъ, вы сами ей обѣщали при первомъ же удобномъ случаѣ совершить надъ собой это пріятное для васъ дѣло.

Князь молчалъ.

Предчувствіе любящаго сердца Елены врядъ ли обманывало ее. Князь въ самомъ дѣлѣ замышлялъ что-то странное: поутру онъ дѣйствительно еще часовъ въ шесть вышелъ изъ дому на прогулку, выкупался сначала въ прудѣ, пошелъ потомъ по дорогѣ къ Марьиной рощѣ, къ Бутыркамъ и наконецъ дошелъ до Парка; здѣсь онъ, замѣтно утомившись, сѣлъ на лавочку подъ деревья, закрывъ даже глаза и просидѣлъ въ такомъ положеніи, по крайней мѣрѣ, часа два. Послѣ того онъ всталъ, пришелъ къ Яру, спросилъ себѣ ѣсть, но ѣсть однако ничего не могъ; за то много выпилъ и вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы подъ вліяніемъ величайшаго нетерпѣнія, нанялъ извощика и велѣлъ ему себя проворнѣе везти

Digitized by Google

обратно въ Останкино, гдѣ подали ему письмо отъ Елены. Прочитавъ это письмо, князь сдѣлался еще болѣе мраченъ; велѣлъ сказать лакею, что обѣдать онъ не пойдетъ и, по уходѣ его, запершись въ кабинетѣ, сѣлъ къ своему столу, изъ котораго, по прошествіи нѣкотораго времени, вынулъ уже знакомый намъ ящикъ съ револьверомъ и сталъ глядѣть на его крышку, какъ бы прочитывая сдѣланную на ней надпись рукою Елены. Въ это время къ нему въ кабинетъ вскочилъ черезъ окно Миклаковъ. Князь, какъ мы видѣли, очень сконфузился при его появленіи.

— Пойдемте на улицу, Елена васъ тамъ у воротъ дожидается! говорилъ между тѣмъ тотъ.

Весь наружный видъ князя и вся кругомъ его обстановка показались Миклакову подозрительными, и онъ не хотѣлъ его оставлять одного.

— На улицѣ.... у воротъ дожидается? говорилъ князь все еще какимъ-то опѣшеннымъ, оторопѣлымъ голосомъ и потомъ пошелъ за Миклаковымъ.

Елена продолжала сидѣть на пролеткахъ; отъ волненія и усталости ее била лихорадка.

— Вотъ вамъ живъ и невредимъ—ваше сокровище! сказалъ Миклаковъ, подводя къ ней князя.

— Ахъ! вскрикнула при видѣ его Елена.—Подите сюда, дайте мнѣ ваши руки; вы.... живы, здоровы, да? да?... говорила она.

— Здоровъ! отвѣчалъ князь, беря и съ жаромъ цѣлуя ея руку.

— Ну, поѣдемте къ намъ поскорѣе, говорила Елена, почти таща князя на пролетку.

Тотъ сѣлъ. Извощикъ не шибко поѣхалъ. Миклаковъ пошелъ около нихъ.

— Я ужасъ, ужасъ, что не надумала! говорила Елена.

Князь молчалъ.

По пріѣздѣ Елены домой, силы опять совершенно оставили ее: она прилегла на диванъ и принялась потихоньку рыдать.

Князь помѣстился около нея и низко, низко склонилъ свою голову. Елизавета Петровна, очень обрадованная возвращенію дочери и, не менѣе того, пріѣзду князя, не преминула однако отнестись къ тому съ маленькой укоризной.

— Ну, надѣлали же вы намъ хлопотъ, начудили! говорила она ему.

Князь ничего ей не отвѣтилъ и даже отворотился отъ нея. Онъ въ послѣднее время нисколько даже и не скрывалъ передъ

Digitized by Google

ней чувства своего отвращенія; но Елизавета Петровна, получая отъ него такія хорошія деньги, совершенно ему все это прощала.

Миклаковъ, между тѣмъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Выраженіе лица у него было тоже какое-то недовольное: видно, что и у него на душѣ было скверно, и, когда Елена поуспокоилась нѣсколько, онъ спросилъ ее:

— Скажите мнѣ на милость, что такое собственно произошло между вами?

Елена расказала, какъ разсердился князь на Архангелова за слова его о княгинѣ, какъ и чѣмъ ей показалось это.

Миклаковъ усмѣхнулся при этомъ.

— Искренности и откровенности между вами нѣтъ, какъ между большею частію людей! проговорилъ онъ.

— Вотъ ужь нѣтъ!... нисколько!... воскликнула Елена.—Я съ нимъ откровенна никакъ не меньше, чѣмъ сама съ собой.

— Вы-то еще, можетъ быть, откровеннѣе его; но онъ-то ужь съ вами очень мало откровененъ.

Князь слушалъ пріятеля съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Въ чемъ же я не откровененъ съ ней? сказалъ онъ наконецъ, не поднимая головы.

— Очень во многомъ, какъ и сами вы согласитесь, отвѣчалъ ему Миклаковъ.

— Нельзя же всякій вздоръ, который приходитъ въ голову, расказывать.... пробурчалъ князь, какъ бы больше самъ съ собой.

— А вы считаете это вздоромъ? спросилъ Миклаковъ, намекая князю на кое-что.

— Что такое онъ отъ меня скрываетъ и въ чемъ онъ со мной не откровененъ? начала приставать къ Миклакову Елена.

— Какъ я вамъ могу открыть это!.. Это не моя тайна! отвѣчалъ тотъ.

— Извольте сейчасъ же сказать Миклакову, чтобы онъ все расказалъ мнѣ про васъ! обратилась она уже къ князю.

— Зачѣмъ? Тебя опять можетъ встревожить это; послѣ я какъ нибудь самъ тебѣ раскажу, отвѣчалъ князь.

— Но я теперь же хочу, сію же минуту! настаивала Елена.

Князь пожалъ плечами.

— Говорите, если ужь начали, обратился онъ къ Миклакову съ явнымъ оттѣнкомъ досады на него.

— Говорите, пожалуйста! повторила тому и Елена.

Digitized by Google

— Извольте-съ, началъ Миклаковъ:—во первыхъ, я долженъ сказать, что князь васъ любитъ. Согласны съ этимъ?

— Согласна! отвѣчала Елена.

— Но все-таки вы ревнуете его къ княгинѣ, такъ?

— Такъ, ревную и имѣю на это, кажется, полное право.

— И вы ревнуете его по тому, что вамъ представляется, будто бы онъ, до сихъ поръ, продолжаетъ еще любить княгиню?

— Конечно любитъ! подхватила Елена,—и прямое доказательство тому есть: она, Богъ знаетъ, какое для него имѣетъ значеніе, а я никакого.

— Ну, то и другое несправедливо; князь не любитъ собственно княгини, и вы для него имѣете значеніе; тутъ-съ, напротивъ, скрываются совершенно другіе мотивы: княгиня вызываетъ вниманіе или ревность, какъ хотите назовите, со стороны князя вслѣдствіи того только, что имѣетъ счастіе быть его супругой.

Князь при этомъ покачалъ головой.

— И послѣднее время, не унимался однако Миклаковъ:—княгиня, какъ извѣстно вамъ, сдѣлалась очень любезна съ барономъ Мингеромъ, и это, изволите видѣть, оскорбляетъ самолюбіе князя, и онъ даже полагаетъ, что за подобные поступки княгини ему, будто бы, цѣлый міръ плюетъ въ лице.

Елена насмѣшливо улыбнулась.

— А, вотъ что!... признаюсь, я не ожидала этого!... произнесла она.

— Наконецъ, князь объясняетъ, что онъ органически, составомъ всѣхъ своихъ нервовъ не можетъ спокойно переносить положеніе *рогатаго мужа*! Вотъ вамъ весь сей человѣкъ! заключилъ Миклаковъ, показывая Еленѣ на князя;—худъ ли, хорошъ ли онъ, но принимайте его такимъ, какъ онъ есть, а вы, ваше сіятельство, присовокупилъ онъ князю,—извините, что посплетничалъ на васъ; не изъ злобы это дѣлалъ, а ради пользы вашей.

— Сплетничайте, если ужь вамъ такъ этого хочется!... отвѣчалъ князь. Овладѣвшая имъ досада все еще не оставляла его.

— И какой же мы теперь, продолжалъ Миклаковъ,—изъ всего этого извлечемъ урокъ и какое предпримемъ рѣшеніе, дабы овцы были цѣлы и волки сыты. Вамъ голосъ первый въ этомъ случаѣ, Елена Николаевна.

— Я тутъ такъ близко заинтересована, что никакъ не могу быть судьей и, конечно, рѣшу пристрастно! отвѣчала та.

Digitized by Google

— И я ужь конечно, подхватилъ князь.

— Значитъ, вы одни и рѣшайте; вы и будьте только нашимъ судьей, сказала Елена Миклакову.

— Быть вашимъ судьей!... повторилъ тотъ хоть и комически, но не безъ нѣкотораго, кажется, чувства самодовольства,—прежде всего-съ я желалъ бы знать, что признаетъ ли, на примѣръ, Елена Николаевна нѣкоторое нравственное право за мотивами, побуждающими князя извѣстнымъ образомъ дѣйствовать и чувствовать.

— Признаю отчасти, хотя нахожу, что мотивы эти весьма не высокаго сорта.

— Но все-таки, какъ бы то ни было, вы не будете, значитъ, огорчаться, если онъ совершитъ когда нибудь опять подобную выходку.

— Огорчаться буду, но менѣе, конечно, произнесла Елена, взглянувъ при этомъ съ любовью на князя.

— Теперь-съ къ вамъ обращаю мое слово, отнесся Миклаковъ къ князю:—будете ли вы въ такой мѣрѣ позволять себѣ выходить изъ себя?

— Я не знаю этого? возразилъ князь.

— Не знаете того! повторилъ Миклаковъ;—хорошо и то, по крайней мѣрѣ, что откровенно сказано!.. Теперь, значитъ, остается внушить княгинѣ, что ежели она въ самомъ дѣлѣ любитъ этого господина, въ чемъ я, признаться сказать, сильно сомнѣваюсь....

— И я совершенно въ этомъ сомнѣваюсь, подтвердила Елена.

— Но положимъ, что любитъ, то все-таки должна дѣлать это нѣсколько посекретнѣе и не кидать же этимъ безпрестанно въ глаза мужу. Всѣ такого рода уступки будутъ, конечно, нѣсколько тяжелы для всѣхъ васъ и заставятъ васъ иногда не совсѣмъ искренно и откровенно поступать и говорить; но каждый долженъ въ то же время утѣшать себя тѣмъ, что онъ это дѣлаетъ для спокойствія другаго... Dixi! заключилъ Миклаковъ.

— Но кто же, однако, княгинѣ передастъ предназначенное для нея наставленіе? спросила Елена.

— Конечно ужь не я! отвѣчалъ Миклаковъ,—потому что я двухъ словъ почти съ ней не говаривалъ; всего приличнѣе, я полагаю, внушить ей это князю.

— Ему то, ему; но осмѣлится ли еще онъ! замѣтила ядовито Елена.

Князь ничего на это не произнесъ и даже такое имѣлъ выраженіе лица, какъ будто бы не про него это говорили.

Digitized by Google

— Все, значитъ, поэтому кончено! воскликнулъ Миклаковъ и взялся было за шляпу, чтобы отправиться въ Москву; но въ это время проворно вошла въ комнату Елизавета Петровна.

— Ни, ни, ни! Не пущу безъ ужина! воскликнула она, растопыривая передъ нимъ руки.

— Да, вѣдь, поздно: я пѣшкомъ пойду! Темь такая, что, пожалуй, съ кого нибудь и шинель снимешь! проговорилъ Миклаковъ.

— Вы же снимите! воскликнула Елена.

— А вы какъ думаете! отвѣчалъ Миклаковъ.—Я принадлежу къ такого рода счастливцамъ, которые съ другихъ только могутъ стаскивать что нибудь, а съ меня никто ничего!

— Чтобы предохранить васъ отъ этого преступленія, мы васъ въ экипажѣ проводимъ, сказалъ князь.—Потрудись, моя милая, сходить и сказать, чтобы коляска моя сюда пріѣхала! обратился онъ къ Марѳушѣ.

Та сейчасъ же побѣжала исполнить его приказаніе.

— Въ коляскѣ меня проводите? Это не дурно! произнесъ Миклаковъ снова комически и снова не безъ оттѣнка самодовольства.

Ужиномъ Елизавета Петровна угостила на славу: она своими руками сдѣлала отличнѣйшій бифстексъ и циплятъ подъ соусомъ; но до всего этого ни князь, ни Елена почти не дотронулись; за то Миклаковъ страшно много съѣлъ и выпилъ все вино, какое только было подано.

— Ужинъ для меня, толковалъ онъ своимъ собесѣдникамъ,— самая пріятная вещь, такъ какъ человѣкъ, покончивъ всякаго рода сношенія съ себѣ подобными, дѣлается наконецъ полнымъ распорядителемъ самого себя, своихъ мыслей и своихъ чувствъ.

Языкъ, при этихъ словахъ, у Миклакова начиналъ ужъ немного заплетаться. Когда же онъ сѣлъ въ княжескій фаэтонъ, чтобы ѣхать въ Москву, то какъ-то необыкновенно молодцовато надѣлъ на голову свою кожаную фуражку.

— Хорошо быть умнымъ человѣкомъ: ни за что, ни про что катаютъ тебя князья въ своихъ экипажахъ!.... говорилъ онъ вслухъ и кивая, въ это время, въ знакъ прощанія, князю головою: выпивши, Миклаковъ обыкновенно дѣлался откровеннѣе, чѣмъ онъ былъ въ нормальномъ своемъ состояніи!

*

Digitized by Google

II.

Княгиня, въ свою очередь, переживала тоже довольно сильныя ощущенія: она очень хорошо догадалась, что мужъ изъ ревности къ ней вышелъ до такой степени изъ себя въ Паркѣ и затѣялъ всю эту сцену съ Архангеловымъ; она только не знала хорошенько, что такое говорила съ нимъ Елена въ сосѣдней комнатѣ, хотя въ то же время ясно видѣла, что они тамъ за что-то поссорились между собой. Требованіе же князя, чтобы княгиня ѣхала съ нимъ въ экипажѣ, обрадовало ее до души; она ожидала, что онъ тутъ же съ ней помирится и у нихъ начнется прежняя счастливая жизнь. Княгиня, въ противуположность Еленѣ, любила все больше представлять себѣ въ розовомъ, пріятномъ цвѣтѣ; но князь всю дорогу промолчалъ, и когда она, при прощаніи, сказала ему, что онъ долженъ извиняться передъ ней въ *совершенно другомъ*, то онъ не обратилъ на эти ея слова никакого вниманія; а потомъ она дня три и совсѣмъ не видала князя. Надежды ея, значитъ, въ этомъ отношеніи рушились совершенно, и ей вообразилось, что онъ, можетъ быть, считаетъ ее уже недостойною, чтобы помириться съ нею, по случаю ея кокетства съ барономъ. Княгиня готова была плакать отъ досады, что держала себя подобнымъ образомъ съ этимъ господиномъ и рѣшилась оправдаться передъ мужемъ. Для этого она написала и послала князю такого рода письмо: «Я, мой дорогой Грегуаръ, безъ вины виновата передъ вами, но, клянусь Богомъ, эту вину заставила меня сдѣлать любовь же моя къ вамъ, которая нисколько не уменьшилась въ душѣ моей съ того дня, какъ я отдала вамъ мое сердце и руку. Вамъ вѣроятно не нравилось то, что я была слишкомъ любезна съ вашимъ пріятелемъ—барономъ, но завѣряю васъ, что баронъ никогда мнѣ и нисколько не нравился, а напротивъ теперь даже сталъ противенъ, и я очень рада буду, когда онъ уѣдетъ. Кокетничая съ нимъ, я думала этимъ возвратить вашу любовь ко мнѣ, которая была, есть и будетъ всегда для меня дороже всего, и если вы дадите мнѣ ее снова, я сочту себя

Digitized by Google

счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Прошу васъ убѣдительно отвѣтить мнѣ и не мучить меня неизвѣстностью; всегда вѣрная и любящая васъ жена..

Е. Григорова.»

Письмомъ этимъ княгиня думала успокоить князя; и если заглянуть ему поглубже въ душу, то оно въ самомъ дѣлѣ успокоило его: князь былъ радъ, что подозрѣнія его касательно барона почти совершенно разсѣялись; но то, что княгиня любила еще до сихъ поръ самого князя,—это его уже смутило.

Недоумѣвая какъ и что предпринять, онъ рѣшился подождать Миклакова, который вечеромъ хотѣлъ прійти къ нему на дачу, и дѣйствительно пришелъ.

— Вотъ вы съ Еленой говорили мнѣ, началъ князь послѣ первыхъ же словъ,—чтобы я разныя разности внушилъ княгинѣ; я остерегся это сдѣлать и теперь получилъ отъ нея письмо, каковое неугодно ли вамъ прочесть!

Князь подалъ Миклакову письмо княгини, которое тотъ внимательно прочелъ и вслѣдъ за тѣмъ все лицо его приняло какое-то умиленное выраженіе:

— Какая, однако, отличнѣйшая женщина княгиня! воскликнулъ онъ.

— Чѣмъ же? спросилъ князь, хотя и догадался почти, что хочетъ сказать Миклаковъ.

— Добрѣйшая и чистѣйшая женщина, какихъ когда либо я встрѣчалъ, продолжалъ Миклаковъ.—Вы сколько лѣтъ женаты? прибавилъ онъ князю.

— Десять лѣтъ! отвѣчалъ тотъ.

— Шутка!... И послѣ того, что вы изволили творить противъ нея, она сохранила такую преданность къ вамъ!... Не умѣете вы, сударь, цѣнить подобное сокровище, рѣшительно не умѣете!...

— Но Елена, я надѣюсь, какъ женщина, никакъ не хуже княгини, проговорилъ князь.

— Елена имѣетъ совсѣмъ другія достоинства, сказалъ Миклаковъ.

Друзья послѣ этого замолчали на нѣкоторое время.

— Какъ я предсказывалъ, такъ и вышло! началъ Миклаковъ, разсмѣясь,—вся эта исторія съ барономъ, отъ которой вы такъ волновались и бѣсились, оказалась сущимъ вздоромъ.

Digitized by Google

— Если она даже вздоръ, подхватилъ князь,—то все-таки это ставитъ меня въ еще болѣе щекотливое положеніе.... Что я буду теперь отвѣчать на это письмо княгинѣ?... Обманывать ее какимъ нибудь образомъ я не хочу; написать же ей все откровенно—жестоко!

— Зачѣмъ писать?... На словахъ ей надобно объяснить, возразилъ Миклаковъ.

— А на словахъ я не могу, потому что, какъ и испыталъ это разъ, или наговорю ей какихъ нибудь рѣзкостей, чего вовсе не желаю, или самъ разчувствуюсь очень.

— Такъ какъ же тутъ быть? воскликнулъ Миклаковъ.

— Всего бы было удобнѣе... продолжалъ князь, пожимая плечами,—если бы вы, по добротѣ вашей ко мнѣ, взяли на себя это порученіе.

— Какое порученіе? спросилъ Миклаковъ.

— Порученіе объясниться съ княгиней.

— Это съ какой же мнѣ стати? воскликнулъ опять Миклаковъ.

— Съ такой, что я вашъ другъ и просилъ васъ о томъ...

— Но что же именно объяснять я ей буду? говорилъ Миклаковъ, уже смѣясь.

— Объяснять..... началъ князь съ нѣкоторой растановкой и обдумывая,... чтобы она.... разлюбила меня, потому что я не стою того, такъ какъ.. . измѣнилъ ей.... и полюбилъ другую женщину!

— Э, нѣтъ!... Этимъ ни одну женщину не заставишь разлюбить, а только заставишь больше ревновать, т. е. больше еще измучишь ее. Чтобы женщина разлюбила мущину, лучше всего ей доказать, что онъ дуракъ!

— Ну, докажите княгинѣ, что я дуракъ; можно, полагаю, это?

— Можно! отвѣчалъ совѣршенно серьезнымъ тономъ Миклаковъ;—хорошо также ее увѣрить, что вы и подлецъ!

— Увѣрьте ее, что я и подлецъ! подхватилъ князь.

Миклаковъ послѣ этого помолчалъ немного, а потомъ присовокупилъ:

— Не честно-то въ самомъ дѣлѣ, не честно съ ней поступили!

— Можетъ-быть, я не спорю противъ того; но какъ же однако: вы беретесь, значитъ, и скажете ей?

— Да, пожалуй! отвѣчалъ Миклаковъ.

Digitized by Google

— А когда именно?

— Когда хотите, мнѣ все равно.

— Сегодня, на примѣръ!... Она теперь дома и сидитъ одна!...

— Нѣтъ, сегодня нельзя! сказалъ наотрѣзъ Миклаковъ, взглянувъ при этомъ мелькомъ на свои худые брюки и сапоги въ заплатахъ.

— Отчего же? спросилъ князь, вовсе не подозрѣвая, чтобы подобная причина могла останавливать Миклакова.

— Да отъ того, отвѣчалъ тотъ, что я долженъ сообразить нѣсколько и обдумать мое посольство!... Завтра развѣ?

— Ну, завтра!... Въ такомъ случаѣ я пришлю за вами въ Москву экипажъ, сказалъ князь.

— Присылайте! согласился Миклаковъ.

И придя домой, сей озлобленный человѣкъ началъ совершать странныя надъ собой вещи: во первыхъ, еще вечеромъ онъ сходилъ въ баню, взялъ тамъ ванну, выбрился, выстригся, потомъ на другой день, едва только проснулся, какъ сейчасъ же принялся выбирать изъ своего небогатаго запаса бѣлья лучшую голандскую рубашку, затѣмъ, вытащилъ давнымъ давно не надѣваемые имъ лаковые сапоги. Касательно верхняго платья Миклаковъ затруднялся, что ему надѣть: лѣтняя визитка у него была новѣе чернаго сюртука; но за то изъ такого дешеваго трико была сшита, что, конечно, каждый лавочникъ и каждый лакей имѣлъ такую; сюртукъ же хоть и сдѣланъ былъ изъ очень хорошаго сукна, но за то сильно былъ ветхъ деньми. Миклаковъ всетаки рѣшился лучше надѣть сюртукъ, предварительно вычистивъ его самымъ старательнымъ образомъ; когда наконецъ за нимъ пріѣхалъ экипажъ князя, то онъ, сѣвъ въ него, нѣсколько развалился и положилъ даже ногу на ногу: красивая открытая коляска, какъ извѣстно, самаго отъявленнаго философа можетъ заставить позироваться!... Бойкіе кони понесли Миклакова въ Останкино. Онъ всю дорогу думалъ о княгинѣ и о предстоящемъ свиданіи съ нею. Она еще и прежде сего ему нравилась и казалась такой милой и такой чистенькой; прочитанное же имъ письмо ея къ мужу окончательно утвердило его въ этой мысли, и княгиня стала представляться Миклакову какъ бы совершенною противуположностью ему самому: она была такъ добра, а онъ золъ; она такъ опрятна, а онъ вѣчно грязенъ; она блондинка, а онъ брюнетъ,—словомъ она ангелъ, а онъ чортъ. Пріѣхавъ въ Останкино и войдя въ переднюю флигиля, занимаемаго кня-

Digitized by Google

гинею, Миклаковъ велѣлъ доложить о себѣ и, когда лакей ушелъ исполнить его приказаніе, онъ замѣтно оставался въ нѣкоторомъ волненіи. Княгиню тоже удивило это посѣщеніе.

— Проси! сказала она какъ-то безпокойно лакею.

Миклаковъ вошелъ.

Княгиня подала ему свою бѣленькую ручку.

— Вы вѣроятно у мужа были? спросила она его.

— Нѣтъ, я не былъ у него сегодня, отвѣчалъ Миклаковъ уже нѣсколько и мрачно.

— А я полагала, что вы не застали его дома, продолжала княгиня, все еще думавшая, что Миклаковъ пріѣхалъ къ князю.

— Я даже не заходилъ къ нему, отвѣчалъ тотъ.

Княгиня дальше не знала, что и говорить съ Миклаковымъ и только попросила его садиться и сама сѣла.

Миклаковъ нѣкоторое время вертѣлъ шляпою.

— Я собственно явился къ вамъ.... началъ онъ, немного запинаясь,—не отъ себя, а по порученію князя.

— Отъ мужа? спросила княгиня съ испугомъ и вся краснѣя въ лицѣ.

— Отъ него-съ, отвѣчалъ Миклаковъ.—Мы съ княземъ весьма еще не долгое время знакомы; но нѣкоторое сходство въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ сблизило насъ, и такъ какъ мы оба твердо увѣрены, что большая часть пакостей и гадостей въ жизни человѣческой происходитъ отъ того, что люди любятъ многое дѣлать потихоньку и о многомъ хранятъ глубочайшую тайну; въ силу этого мы послѣ нѣсколькихъ же свиданій и не стали имѣть никакихъ другъ отъ друга тайнъ.

Княгиня начала почти догадываться, что хочетъ этимъ сказать Миклаковъ, и это еще больше сконфузило ее. «Неужели же князь этому полузнакомому человѣку расказалъ что нибудь,» подумала она не безъ удивленія.

— А въ силу сего послѣдняго обстоятельства, продолжалъ Миклаковъ,—я и сдѣлался невидимымъ участникомъ вашихъ бесѣдъ семейныхъ и пререканій.

Удивленію княгини предѣловъ не стало.

— Признаюсь, я вовсе не желала бы, чтобы кто нибудь былъ участникомъ въ нашихъ семейныхъ отношеніяхъ, проговорила она.

Миклаковъ пожалъ на это плечами.

— Тутъ вамъ нечего ни желать, ни опасаться; потому что изъ всего этого если не выйдетъ для васъ нѣкоторой пользы, то

Digitized by Google

во всякомъ случаѣ не будетъ никакого вреда: мнѣ вчерашній день князь прочелъ ваше письмо къ нему, которымъ вы просите его возвратить вамъ любовь его.

Княгиня окончательно запылала отъ стыда и смущенія.

— И князь поручилъ мнѣ сказать вамъ, говорилъ Миклаковъ съ какой-то даже жестокостью,—что какъ онъ ни дорожитъ вашимъ спокойствіемъ, счастіемъ; но возвратиться къ прежнему чувству къ вамъ онъ не можетъ, потому что питаетъ пылкую и нѣжную страсть къ другой женщинѣ!

Княгиня при этихъ словахъ изъ пылающей сдѣлалась блѣдною.

— Съ недобрыми же и нехорошими вѣстями пришли вы ко мнѣ! проговорила она.

— Что дѣлать! произнесъ въ свою очередь невеселымъ голосомъ Миклаковъ.—Но мнѣ хотѣлось бы, прибавилъ онъ съ нѣкоторою улыбкою, не только что вѣстникомъ вашимъ быть, но и врачомъ вашимъ душевнымъ: помочь и пособить вамъ сколько нибудь.

— Нѣтъ, мнѣ никто и ничѣмъ не можетъ пособить! произнесла княгиня, и слезы полились по ея нѣжнымъ щечкамъ.

— Будто?... Будто печаль ужь ваша такъ велика? спросилъ съ участіемъ Миклаковъ.

— Очень велика! отвѣчала ему княгиня.

— Гмъ! произнесъ Миклаковъ и затѣмъ, помолчавъ нѣкоторое время и какъ бы собравшись съ мыслями, началъ:—Вотъ видите-съ, на свѣтѣ очень много бываетъ несчастныхъ любвей для мущинъ и для женщинъ; но, благодаря Бога, люди отъ этого не умираютъ и много, много развѣ что съ ума отъ того на время спятятъ.

— А это бываетъ же? спросила княгиня.

— Бываетъ-съ это! отвѣчалъ ей Миклаковъ торопливо,—и по моему лучшее отъ того лекарство—самолюбіе; всякій долженъ при этомъ вспомнить, что неужели же онъ все свое человѣческое достоинство поставитъ въ зависимость отъ капризной воли какого нибудь господина или госпожи. Насъ разлюбили, ну и прекрасно: и мы разлюбимъ!

— Хорошо, разлюбимъ; а какъ не разлюбляется! возразила княгиня.

— Что за вздоръ: не разлюбляется! воскликнулъ Миклаковъ.— Для этого, мнѣ кажется, стоитъ только повнимательнѣе и построже вглядѣться въ тотъ предметъ, который насъ плѣняетъ—

Digitized by Google

и кончено. Что вамъ, на примѣръ, по преимуществу нравится въ князѣ?

Княгиня нѣкоторое время затруднялась отвѣчать на такой вопросъ.

— Умъ, конечно? подхватилъ Миклаковъ.

— Разумѣется, умъ; потому что мущина прежде всего долженъ быть уменъ, проговорила княгиня.

— Совершенно вѣрно-съ.... Жаль только, что женщины иногда совсѣмъ не то принимаютъ за умъ, что слѣдуетъ; въ чемъ именно, по вашему, умъ князя проявляется?

— Какъ вамъ сказать въ чемъ.... Каждое слово его показываетъ, что онъ человѣкъ умный.

— Гмъ, слово! повторилъ Миклаковъ.—Слова бываютъ разныя: свои и чужія; свое слово умное придумать и сказать очень трудно, а чужое повторить—чрезвычайно легко.

— Такъ неужели же вы думаете, что князь все говоритъ чужія слова? спросила княгиня съ нѣкоторымъ уже оттѣнкомъ неудовольствія.

— Я тутъ ничего не говорю о князѣ и объясняю только различіе между своими словами и чужими, отвѣчалъ Миклаковъ, а самъ съ собой въ это время думалъ: «женщинѣ если только намекнуть, что какой нибудь мущина не уменъ, такъ она черезъ недѣлю же убѣдитъ себя, что онъ дуракъ набитѣйшій.»—Ну, а какъ вы думаете насчетъ честности князя? продолжалъ онъ допрашивать княгиню.

Та даже вспыхнула отъ удивленія и неудовольствія.

— Господи, вы ужь его и безчестнымъ человѣкомъ начинаете считать!... Худаго же князь адвоката за себя выбралъ, проговорила она.

— Я опять-таки повторяю вамъ, возразилъ Миклаковъ,—что я желаю только знать ваше мнѣніе, а своего никакого вамъ не говорю.

— Какое же тутъ другое мое мнѣніе будетъ; я, безъ сомнѣнія, признаю князя за самаго честнаго человѣка!

— То-есть почему же это такъ? Можетъ быть, по тому, что, имѣя семьдесятъ тысячъ годоваго дохода, онъ аккуратно платитъ долги по лавочкамъ и по булочнымъ.

Княгиня опять вспыхнула.

— Нѣтъ, не по тому, сказала она явно сердитымъ голосомъ,— а вотъ, на примѣръ, другой бы мужъ всю жизнь меня сталъ об-

Digitized by Google

манывать, а онъ этого, по своей честности, не въ состояніи былъ сдѣлать, говоритъ мнѣ прямо и искренно!

— Что-жь, прямо и искренно говоритъ!... возразилъ Миклаковъ:—это конечно можно дѣлать изъ честности, а, пожалуй, вѣдь, и изъ полнаго неуваженія къ личности другаго.... — И я такъ понимаю-съ, продолжалъ онъ, расходившись,—что князь очень милый, конечно, человѣкъ; но барченокъ, который свой капризъ ставитъ выше счастія всей жизни другаго: сначала полюбилъ одну женщину—бросилъ; потомъ полюбилъ другую, и ту, можетъ быть, броситъ.

— И всѣ мущины, я думаю, такіе, сказала княгиня.

— Нѣтъ, не всѣ мущины такіе, произнесъ Миклаковъ.

— Кто же? Васъ, что ли, прикажите считать пріятнымъ исключеніемъ? спросила его колко княгиня.

— Да, хоть-бы меня! пожалуй, отвѣчалъ ей нахально Миклаковъ.

Княгиня пожала плечами.

— Скромно сказано! проговорила она опять съ насмѣшкой. Ее не на шутку начинали сердить эти злые отзывы Миклакова о князѣ. Положимъ, она сама очень хорошо знала и понимала, что князь дурно и, можетъ быть, даже не честно поступаетъ противъ нея; но никакъ не желала, чтобы объ этомъ говорили посторонніе.

Миклаковъ же съ своей стороны видѣлъ, что онъ мало подѣйствовалъ на княгиню своими убѣжденіями и расчиталъ, что на нее временемъ лучше будетъ повліять.

— А что, скажите, чѣмъ вы занимаетесь?... На что тратите вы вашъ досугъ? спросилъ онъ ее.

— Да ничѣмъ особенно не занимаюсь, отвѣчала княгиня.

— Но что же, читаете ли что нибудь?... Музыкой много занимаетесь? продолжалъ Миклаковъ спрашивать.

— Прежде много занималась, а теперь и та наскучила.

— Значитъ, только и дѣлаете, что оплакиваете утраченную любовь вашего недостойнаго супруга?

— И того нѣтъ: для меня рѣшительно все равно, утратила я его любовь или нѣтъ! произнесла княгиня сильно досадуя въ душѣ на князя, что онъ подводитъ ее подъ подобныя насмѣшки.

— Но надобно же однако на что нибудь пріятное и занятное направить вамъ ваше воображеніе, говорилъ Миклаковъ.

— Я направлю его къ Богу и буду просить у него смерти, отвѣчала княгиня.

Digitized by Google

— Э, пустяки—смерти просить!... А въ карты, скажите, вы любите играть? спросилъ ее Миклаковъ.

— Люблю! сказала протяжно княгиня.

— Ну, хотите, я буду ходить къ вамъ въ карты играть, серьезно, по большой?... Буду васъ обыгрывать,—благо у васъ денегъ много.

Княгиня усмѣхнулась. Она это предложеніе Миклакова приняла сначала за шутку.

— Прикажите, или нѣтъ? настаивалъ тотъ.

— Пожалуй, ходите, отвѣчала наконецъ княгиня. Ей самой немножко улыбнулась мысль о подобномъ времяпрепровожденіи.

— Такъ такъ, значитъ, на томъ и покончимъ! произнесъ онъ, уже вставая и протягивая княгинѣ на прощанье руку.

Та ему ничего не отвѣчала и только подала ему тоже свою руку.

Миклаковъ ушелъ.

Княгиню страшнымъ образомъ удивило и оскорбило такое посольство отъ князя. «Развѣ самъ онъ не могъ побезпокоиться и написать ей отвѣтъ?... Наконецъ, просто сказать ей на словахъ?... Зачѣмъ же было унижать ее еще въ глазахъ посторонняго человѣка? думала княгиня и при этомъ проклинала себя, зачѣмъ она написала это глупое письмо князю, зная по опыту, какъ онъ и прежде отвѣчалъ на всѣ ея нѣжныя заявленія. Съ настоящей минуты она начала серьезно подумывать, что въ самомъ дѣлѣ не лучше ли ей будетъ и не легче ли жить на свѣтѣ, если она разойдется съ княземъ и уѣдетъ навсегда въ Петербургъ къ своимъ роднымъ.

Самъ же князь въ продолженіи всего времени, пока Миклаковъ сидѣлъ у княгини, стоялъ у окна въ своемъ кабинетѣ и съ жаднымъ вниманіемъ ожидалъ, когда тотъ выйдетъ отъ нея. Наконецъ Миклаковъ показался.

— Идите сюда скорѣй! не утерпѣлъ и крикнулъ ему князь.

Миклаковъ подошелъ было къ нему къ окну.

— Идите же въ комнату! крикнулъ ему еще разъ князь.

Миклаковъ усмѣхнулся, мотнулъ головой и вошелъ въ комнаты.

— Ну что же, говорили? спросилъ его стремительно князь.

— Говорилъ, отвѣчалъ протяжно Миклаковъ.

— Что же вы именно говорили?

— Говорилъ, во первыхъ, что вы человѣкъ весьма недалекій, произнесъ Миклаковъ и пріостановился на нѣкоторое время, какъ

Digitized by Google

бы желая наблюсти, какое это впечатлѣніе произведетъ на князя. Того, при всемъ его желаніи скрыть это, замѣтно передернуло.

— Ну-съ, далѣе? сказалъ онъ.

— Далѣе, я ей объяснилъ, что вы человѣкъ пустой и не совсѣмъ даже честный, въ отношеніи ея, по крайней мѣрѣ!

— Благодарю, что не во всѣхъ ужь отношеніяхъ, сказалъ князь, притворно усмѣхаясь.

— Не во всѣхъ-съ, не во всѣхъ, подхватилъ Миклаковъ.

— Что же она на все это?

— Она пока еще не соглашается съ такимъ моимъ мнѣніемъ но, во всякомъ случаѣ, рѣшилась по немного начать развлекать себя, и я въ этомъ случаѣ предложилъ ей свое товарищество и партнерство.

— Предложили? Вотъ за это спасибо! воскликнулъ князь.

— Предложилъ; только напередъ вамъ говорю: прошу меня не ревновать, а то я въ этихъ случаяхъ трусливъ, какъ заяцъ: сейчасъ на утекъ уйду!

— Ни взглядомъ, ни словомъ не обнаружу сего грубаго чувства предъ вами, отвѣчалъ съ оттѣнкомъ веселости князь.—Но она все таки не очень огорчилась? прибавилъ онъ озабоченнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, по видимому, не очень.

— Это и отлично! произнесъ князь съ видимымъ удовольствіемъ.

— Мнѣ, однако, пора домой! сказалъ Миклаковъ.

— Не смѣю останавливать!... Экипажъ готовъ! сказалъ князь, съ чувствомъ и съ благодарностью пожимая руку пріятеля. Миклаковъ опять сѣлъ въ тотъ же фаэтонъ и поѣхалъ: онъ и на этотъ разъ думалъ о княгинѣ. Въ его зачерствѣломъ и наболѣвшемъ сердцѣ какъ будто бы снова заискрилось какое-то чувство и зашевелились надежды и мечты!

III.

Прошло недѣли двѣ. Князь и княгиня, каждодневно встрѣчаясь, ни слова не проговорили между собой о томъ, что я описалъ въ предыдущей главѣ: князь дѣлалъ видъ, что какъ будто бы онъ и не получалъ отъ жены никакого письма, а княгиня, что къ ней вовсе и не приходилъ Миклаковъ съ своимъ объясненіемъ; но на душѣ, разумѣется, у каждаго изъ нихъ ле-

Digitized by Google

жало все это тяжелымъ гнетомъ, такъ что имъ не ловко было даже на долгое время оставаться другъ съ другомъ, и они каждый разъ спѣшили какъ можно поскорѣй разойтись по своимъ отдѣльнымъ флигелямъ.

Послѣ 15 августа, Григоровы, Анна Юрьевна и Жиглинскіе предположили переѣхать съ дачъ въ городъ и наканунѣ переѣзда князь, сверхъ обыкновенія, обѣдалъ дома. Баронъ за этимъ обѣдомъ былъ какой-то сконфуженный. Въ половинѣ обѣда, наконецъ, онъ обратился къ княгинѣ и къ князю и проговорилъ нѣсколько умиленнымъ и торжественнымъ голосомъ.

— А я завтрашній день поблагодарю васъ за ваше гостепріимство и попрошу позволенія проститься съ вами!

— Что-жь вы ѣдете въ Петербургъ? спросила его княгиня замѣтно довольнымъ голосомъ.

Князь же только кинулъ взглядъ на барона.

— Нѣтъ, я остаюсь въ Москвѣ, отвѣчалъ тотъ, все какъ-то болѣе и болѣе конфузясь, но я буду имѣть дѣла, которыя заставляютъ меня жить ближе къ городу, къ присутственнымъ мѣстамъ.

Князь и княгиня, а также и госпожа Петицкая, обѣдавшая у Григоровыхъ, посмотрѣли на барона съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Какія же это у васъ дѣла такія? спросилъ его князь.

— Да такъ.... разныя, отвѣчалъ уклончиво баронъ.

— Разныя... повторилъ князь.—Но развѣ отъ насъ вы не могли бы ѣздить въ присутственныя мѣста?

— Далеко, ужасно далеко! отвѣчалъ баронъ.

— Что же вы въ гостинницѣ, что ли, гдѣ нибудь будете жить? продолжалъ князь и при этомъ кинулъ мелькомъ взглядъ на княгиню. Онъ навѣрное полагалъ, что это она потребовала, чтобы баронъ переѣхалъ отъ нихъ: но та сама смотрѣла на барона невиннѣйшими глазами.

— Я нанялъ квартиру у Анны Юрьевны, отвѣчалъ баронъ протяжно.

— У Анны Юрьевны?... воскликнули въ одинъ голосъ Григоровы.

— Но гдѣ же и какая у ней квартира можетъ быть? подхватила стремительно Петицкая.

Она успѣла уже познакомиться съ Анной Юрьевной и даже побывать, изъ любопытства, въ городскомъ ея домѣ.

— Внизу. Я весь низъ беру себѣ, отвѣчалъ баронъ,—главное по тому, что мнѣ нужно имѣть квартиру съ мебелью, а у Анны Юрьевны она вся меблирована, и меблирована прекрасно.

Digitized by Google

— Еще бы не прекрасно! воскликнулъ князь. Мало ли чего нѣтъ у моей дорогой кузины; вы у ней многое можете найти, присовокупилъ онъ, какъ то особенно внушительно.

Госпожа Петицкая при этомъ сейчасъ же потупилась: она обыкновенно всегда, при всякомъ вольномъ намекѣ князя, опускала глаза долу.

Баронъ же старался принять видъ, что какъ будто бы совершенно не понялъ намека князя.

— Я васъ поздравляю: вы непремѣнно влюбитесь въ Анну Юрьевну! объяснила ему прямо княгиня.

— Влюблюсь? спросилъ баронъ, поднявъ, какъ бы въ удивленіи, свои брови.

— Непремѣнно, она очень милая, хоть, можетъ быть, и не совсѣмъ молода! подхватила княгиня.

— Совершенно вѣрю; но, къ сожалѣнію, я самъ мало способенъ къ этому чувству, проговорилъ баронъ.

— Почему же это?... Я полагаю, напротивъ! сказала съ нѣкоторою колкостью княгиня.

— И я тоже, поддержала ее госпожа Петицкая.

— Я такъ много, продолжалъ баронъ,—перенесъ въ жизни горя, неудачъ, что испепелилъ сердце и сталъ старъ душею.

— А вотъ Анна Юрьевна накатитъ васъ отличнѣйшимъ бургонскимъ и помолодѣете душой, подхватилъ князь.

— Что ты за глупости говоришь! произнесла княгиня, а госпожа Петицкая опять сдѣлала видъ, что ей ужасно было стыдно слушать подобныя вольности, и ради этого она позадержала даже немножко дыханіе въ себѣ, чтобы замѣтнѣе покраснѣть.

— Князь для остраго словца не пожалѣетъ и отца! подхватилъ съ своей стороны, усмѣхаясь, баронъ.

Всѣ эти подозрѣнія и намеки, высказанныя маленькимъ обществомъ Григоровыхъ барону, имѣли нѣкоторое основаніе и въ дѣйствительности: у него въ самомъ дѣлѣ кое-что начиналось съ Анной Юрьевной; послѣ того непріятнаго ужина въ Нѣмецкомъ клубѣ, баронъ далъ себѣ слово не ухаживать больше за княгиней: онъ такъ же хорошо, какъ и она, понялъ, что князь начудилъ все изъ ревности, а потому подвергать себя по этому поводу новымъ непріятностямъ баронъ вовсе не желалъ, тѣмъ болѣе, что чортъ знаетъ изъ-за чего и переносить все это было, такъ какъ онъ далеко не былъ увѣренъ, что когда нибудь увѣнчаются успѣхомъ его исканія передъ княгиней; но, въ то же вре-

Digitized by Google

мя, перемѣнить съ ней сразу тактику и начать обращаться холодно и церемонно барону не хотѣлось, потому что это прямо значило показать себя въ глазахъ ея трусомъ, чего онъ тоже не желалъ. Въ видахъ всего этого, баронъ вознамѣрился какъ можно рѣже бывать дома; но куда дѣваться ему, гдѣ найти пріютъ себѣ? «Къ Аннѣ Юрьевнѣ на первый разъ отправлюсь»! рѣшилъ баронъ, и дѣйствительно, на другой день послѣ поѣздки въ Паркъ, онъ, часу во второмъ, ушелъ пѣшкомъ изъ Останкина въ Свиблово. Анна Юрьевна, въ свою очередь, въ это утро, тоже скучала. Встрѣтивъ юный музыкальный талантъ подъ руку съ юной дѣвицей, она наотрѣзъ себѣ сказала, что между ею и симъ неблагодарнымъ все и навсегда кончено, а между тѣмъ это ей было грустно, такъ что Анна Юрьевна, проснувшись ранѣе обыкновеннаго, поутру, даже поплакала немного: не смотря на свою развращенность и цинизмъ въ пониманіи любви, Анна Юрьевна наединѣ, сама съ собой все-таки оставалась женщиной. Приходу барона она обрадовалась, ожидая, что это все-таки немножко развлечетъ ее.

— Что вашъ князь и княгиня? спросила она его съ перваго же слова.

— А я ихъ не видалъ сегодня! отвѣчалъ баронъ.

Анна Юрьевна до прихода барона сидѣла въ саду въ бесѣдкѣ, гдѣ и приняла его.

— L'air est frais aujourd'hui!... Пора въ городъ переѣзжать, проговорила она, кутаясь въ свой бурнусъ и затрудняясь на первыхъ порахъ о чемъ бы болѣе интересномъ заговорить съ своимъ гостемъ.

— Нѣтъ, что же за холодно; я еще ни разу не надѣвалъ своего осенняго пальто! возразилъ баронъ, желая, кажется, представить изъ себя здороваго и крѣпкаго мущину.

— Да, но, можетъ быть, васъ согрѣваетъ въ Останкинѣ пріятная атмосфера, которая васъ окружаетъ! произнесла Анна Юрьевна лукавымъ голосомъ.

— Атмосфера пріятная? переспросилъ баронъ, совершенно какъ бы не понявъ ея словъ. — Какая же эта атмосфера? прибавилъ онъ.

— Атмосфера въ обществѣ съ хорошенькой и милой женщиной, отвѣчала Анна Юрьевна. — Она сама отчасти замѣчала, а частью слышала отъ прислуги своей, что баронъ ухаживаетъ за княгиней, и что та сама тоже не равнодушна къ нему, а потому она хотѣла пораспросить нѣсколько барона объ этомъ.

Digitized by Google

— Да, вотъ что! произнесъ тотъ,—но только атмосфера эта скорѣе холодящая меня, чѣмъ согрѣвающая! заключилъ онъ.

— Будто? сказала Анна Юрьевна недовѣрчивымъ голосомъ.

— Увѣряю васъ!

Анна Юрьевна отрицательно покачала головой.

— Что вы влюблены—въ этомъ.... je ne doute guère!.. Но чтобы и вамъ не отвѣчали тѣмъ же—не думаю! проговорила она.

— Что я не влюбленъ и что мнѣ ничѣмъ не отвѣчаютъ, могу доказательство тому представить.

— Пожалуйста.

— Скажите, когда бываютъ влюблены и имъ отвѣчаютъ взаимно, то пишутъ такія письма? проговорилъ баронъ и, вынувъ изъ своего бумажника маленькую записочку, подалъ ее Аннѣ Юрьевнѣ. Письмо это было отъ княгини, писанное два дня тому назадъ и слѣдующаго содержанія. «Вы просите у меня «Московскихъ Вѣдомостей»; извините, я изорвала ихъ на папильотки, а потому можете сегодня сидѣть безъ газетъ»!

— Пишутъ въ такомъ тонѣ? повторилъ баронъ.

— Пишутъ во всякомъ!.. проговорила Анна Юрьевна и при этомъ ей невольно пришла въ голову мысль: «княгиня въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, такая еще простушка въ жизни, что до сихъ поръ не позволила барону приблизиться къ себѣ, да, пожалуй, и совсѣмъ не позволитъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ Аннѣ Юрьевнѣ кинулось въ глаза одно, по видимому, очень не важное обстоятельство, но которое, тѣмъ не менѣе, она замѣтила. Баронъ сидѣлъ къ ней бокомъ, и Анна Юрьевна очень хорошо видѣла его рыжій затылокъ, который ей весьма напомнилъ затылокъ одного молодаго англійскаго лорда, секретаря посольства, человѣка, для котораго нѣкогда Анна Юрьевна въ первый разъ пала.

Часу въ четвертомъ баронъ наконецъ всталъ и хотѣлъ было отправиться въ Останкино.

— Куда же вы?... Dinez avec moi!... le diner sera bon! сказала ему Анна Юрьевна.

— О, нисколько въ томъ не сомнѣваюсь! отвѣчалъ баронъ и, разумѣется, не отказался отъ этого приглашенія.

Когда они сѣли за столъ, баронъ сказалъ:

— Я завтра хочу ѣхать въ Москву на цѣлый день погулять тамъ, посмотрѣть.... Я почти совсѣмъ не видалъ Москвы.

— Да и видѣть особенно нечего, подхватила Анна Юрьевна.— Я сама тоже завтра ѣду туда на цѣлый день.

Digitized by Google

— Изволите ѣхать?

— Да, et pour de raisons desagreables!... Тамъ у меня какіе-то процесы глупые затѣваются; надобно ѣхать къ нотаріусу, написать одному господину довѣренность.

— Какого же рода процесы у васъ? спросилъ баронъ.

— Да тамъ съ мужиками по размежеванію земель; я ихъ всѣхъ на выкупъ отпустила; у меня очень большое имѣніе, тысячъ двадцать душъ по прежнему было!...

При этихъ словахъ баронъ даже пошевелился какъ-то безпокойно на стулѣ.

— Ну, а мужики всѣ эти, говорятъ, ужасно жадны: требуютъ себѣ еще что-то такое больше, чѣмъ слѣдуетъ; управляющіе мои тоже плутовали, такъ что я ничего тутъ не понимаю и рѣшительно не знаю, какъ мнѣ быть.

Баронъ, слушая все это, по видимому, моталъ себѣ на усъ.

— De quelle manière vous rendez vous à Moscou,—en voiture de place? спросила его Анна Юрьевна.

— Oui,—en fiacre! отвѣчалъ баронъ.

— Хотите, я заѣду за вами? сказала Анна Юрьевна.

— Si vous le voulez bien! проговорилъ баронъ, вѣжливо склоняя передъ ней голову.

— Хорошо, похищу васъ, такъ и быть!... Только мнѣ надобно заѣхать въ мой домъ; вы не соскучитесь этимъ?

— Нисколько.

На другой день Анна Юрьевна въ самомъ дѣлѣ заѣхала за барономъ и увезла его съ собой. Домъ ея и убранство въ ономъ совершенно подтвердили въ глазахъ барона ея слова о двадцати тысячахъ душъ. Онъ замѣтно сдѣлался внимательнѣе къ Аннѣ Юрьевнѣ и началъ съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ ее подсаживать и высаживать изъ экипажа, а сидя съ ней въ коляскѣ, не разсаживался на все сидѣнье и занималъ только половину его.

— Господина, которому вы даете довѣренность, вы хорошо знаете? спросилъ онъ ее, когда они подъѣхали къ самой ужь конторѣ нотаріуса.

— Нисколько!.. Онъ адвокатъ здѣшній и очень хорошій, говорятъ, человѣкъ.

— Ну это.... особенно если довѣренность будетъ полная и при такомъ большомъ имѣніи, дѣло не совсѣмъ безопасное.

— Очень можетъ быть, даже опасное! Mais que devons nous faire, nous autres femmes, если мы въ этомъ ничего не понимаемъ!...

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ не повременить ли вамъ немножко, и не поручите ли вы мнѣ предварительно пересмотрѣть ваши дѣла? проговорилъ баронъ.

— Ахъ, пожалуйста! воскликнула Анна Юрьевна, и такимъ образомъ вмѣсто нотаріуса они проѣхали къ Сіу, выпили тамъ шоколаду и потомъ заѣхали опять въ домъ къ Аннѣ Юрьевнѣ, гдѣ она и передала всѣ бумаги барону. Она, кажется, начала ужь понимать, что онъ ухаживаетъ за ней немножко. Баронъ два дня и двѣ ночи сидѣлъ надъ этими бумагами и изъ нихъ увидѣлъ, что всѣ дѣла у Анны Юрьевны хоть и были запущены, но все пустыя, тѣмъ не менѣе, однако, придя къ ней, онъ принялъ серьезный видъ и даже нѣсколько мрачнымъ голосомъ объяснилъ ей:

— У васъ дѣлъ очень много, такъ что желательно было бы, чтобы ими занялся человѣкъ преданный вамъ.

— Но эти адвокаты, говорятъ, очень честны!... Il songent à leur renommée! сказала на это ему Анна Юрьевна.

— Не всегда! возразилъ ей баронъ,—честность господъ адвокатовъ, сколько я слышалъ, далеко не совпадаетъ съ ихъ извѣстностью!

— Вы думаете? Но къ кому же я въ такомъ случаѣ обратиться должна? воскликнула Анна Юрьевна.

— Позвольте мнѣ, хоть, можетъ быть, это и не совсѣмъ принято, предложить вамъ себя, началъ баронъ, нѣсколько запинаясь и конфузясь: я службой и петербургскимъ климатомъ очень разстроилъ мое здоровье; а потому хочу годъ или два отдохнуть и прожить даже въ Москвѣ; но, привыкнувъ всегда къ дѣятельной жизни, очень радъ буду чѣмъ нибудь занять себя и немножко ажитировать.

— Mille remerciements! воскликнула Анна Юрьевна, до души обрадованная такимъ предложеніемъ барона, потому что считала его безусловно честнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ, по своему служебному положенію, все таки принадлежалъ къ ихъ кругу, а между тѣмъ всѣ эти адвокаты, Богъ еще вѣдаетъ, какого сорта господа. Во всякомъ случаѣ permettez moi de vous offrir des émoluments, прибавила она.

Баронъ при этомъ покраснѣлъ.

— Я самъ имѣю совершенно обезпеченное состояніе и желаю вашими дѣлами заняться adlibidum, проговорилъ онъ. Состоянія у барона собственно никакого не было, кромѣ двухъ, трехъ тысячъ, которыя онъ скопилъ отъ огромныхъ денежныхъ наградъ, каждогодно ему выхлопатываемыхъ Михайломъ Борисовичемъ.

Digitized by Google

— Но какъ же это такъ? произнесла Анна Юрьевна, конфузясь въ свою очередь.

— Я васъ буду настоятельно просить объ этомъ! сказалъ баронъ рѣшительно.

Анна Юрьевна на это ничего не отвѣчала и пожала только плечами; она, впрочемъ, рѣшила въ головѣ черезъ мѣсяцъ же сдѣлать барону такой подарокъ, который былъ бы побогаче всякаго жалованья.

Сдѣлавшись такимъ образомъ l'homme d'affaire Анны Юрьевны, баронъ почти каждый день сталъ бывать у ней; разъ, когда они катались вдвоемъ въ кабріолетѣ, она спросила его.

— Вы, переѣхавъ съ дачи, у князя будете жить?

— Не знаю, отвѣчалъ протяжно баронъ,—мнѣ бы очень не хотѣлось!... Думаю пріискать себѣ гдѣ нибудь квартиру.

Анна Юрьевна нѣкоторое время какъ бы недоумѣвала или конфузилась.

— Возьмите у меня низъ дома, сказала наконецъ она и при этомъ какъ-то не смотрѣла на барона, а глядѣла въ сторону.

— Но мнѣ съ мебелью нужна квартира! возразилъ баронъ, какъ бы не зная, что у Анны Юрьевны весь домъ биткомъ набитъ былъ мебелью.

— У меня тамъ мебель есть, отвѣчала Анна Юрьевна; но только одно: je n'accepte point d'argent, такъ какъ вы не удостоиваете меня чести брать ихъ за мои дѣла.

— Въ этомъ случаѣ, какъ вамъ угодно, согласился баронъ.

— И потомъ, я буду просить васъ не держать повара; мой столъ будетъ всегда къ вашимъ услугамъ.

— Очень благодаренъ! согласился и на это баронъ.—Вашъ обѣдъ такъ заманчивъ, что его можно предпочесть всѣмъ на свѣтѣ обѣдамъ, присовокупилъ онъ.

— Вы находите..?! спросила Анна Юрьевна и сильно ударила возжами по лошади, которая быстро ихъ понесла.

Когда они потомъ стали возвращаться съ своей прогулки, Анна Юрьевна снова заговорила объ этомъ предметѣ.

— Тутъ конечно, начала она, дѣлая гримасу и какъ бы все вниманіе свое устремляя на лошадь,—по поводу того, что вы будете жить въ одномъ домѣ со мной, пойдутъ въ Москвѣ разные толки, но я ихъ нисколько не боюсь.

— А я еще и меньше того! подхватилъ баронъ; но передать своимъ хозяевамъ о переѣздѣ къ Аннѣ Юрьевнѣ онъ, какъ

Digitized by Google

мы видѣли, едва только рѣшился за послѣднимъ обѣдомъ на дачѣ, а когда перебрались въ городъ, такъ и совсѣмъ пересталъ бывать у Григоровыхъ. Извѣстія объ немъ княгиня получала отъ одной лишь госпожи Петицкой, которая посѣщала ее довольно часто и всякій почти разъ съ какимъ-то тихимъ азартомъ расказывала ей, что она то тутъ, то тамъ встрѣчаетъ барона на лошадяхъ Анны Юрьевны. Чтобъ объяснить всѣ эти послѣдніе поступки барона, я, по необходимости, долженъ буду спуститься въ самый глубокій тайникъ его задушевнѣйшихъ мыслей: баронъ вышелъ изъ школы и поступилъ на службу въ періодъ самаго сильнаго развитія у насъ бюрократизма. Для этого рода дѣятельности баронъ, какъ будто бы былъ рожденъ: аккуратный до мельчайшихъ подробностей, способный, не уставая, по 15 часовъ въ сутки работать, умѣвшій складно и толково написать бумагу, благообразный изъ себя и, наконецъ, искательный передъ начальствомъ, онъ, по духу того времени, Богъ знаетъ до какихъ высокихъ должностей дослужился бы и ужь въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и звѣздоносцемъ, какъ вдругъ въ службѣ повѣяло чѣмъ-то хоть и безтолковымъ, но новымъ: стали нужны составители проектовъ!... Баронъ очень хорошо понималъ, что составлять подобные проекты такой же вздоръ, какъ и писать краснорѣчивыя канцелярскія бумаги; но только онъ не умѣлъ этого дѣлать, съ юныхъ лѣтъ не привыкъ къ тому, и вслѣдствіе этого для него ясно было, что на болѣе высокія должности проползутъ вотъ эти именно составители проектовъ, а онъ при нихъ— самое большое, что останется чернорабочимъ. Все это страшно грызло барона, и онъ еще при жизни Михаила Борисовича хлопоталъ, чтобы какъ нибудь проскочить въ сенаторы, и тотъ обѣщалъ ему это устроить, но не успѣлъ и умеръ, а преемникъ его и совсѣмъ сталъ тѣснить барона изъ службы. Только нѣмецкій закалъ характера и надежда на свою ловкость дали барону силы не пасть духомъ, и онъ вознамѣрился пока съѣздить въ Москву, отдохнуть тамъ и пріискать себѣ, если это возможно будетъ, какую нибудь выгодную для женитьбы партію.

Баронъ въ этомъ случаѣ, благодаря своему петербургскому высокомѣрію, полагалъ, что стоитъ ему только показаться въ Москвѣ въ своихъ модныхъ пиджакахъ, съ дорогой своей тросточкой и если при этомъ узнается, что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ станиславской звѣзды, то всѣ московскія

Digitized by Google

невѣсты сами побѣгутъ за нимъ, но вышло тамъ, что на всѣ тѣ качества никто не счелъ за нужное хоть бы малѣйшее обратить вниманіе. Принявъ этотъ новый ударъ судьбы съ стоическимъ спокойствіемъ и ухаживая отъ нечего дѣлать за княгиней, баронъ мысленно рѣшился снова возвратиться въ Петербургъ и приняться съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ тереться по пріемнымъ и переднимъ разныхъ вліятельныхъ лицъ, но на этомъ распутіи своемъ, онъ, сверхъ всякаго ожиданія, обрѣтаетъ Анну Юрьевну, которая въ послѣднія свои свиданія съ нимъ, какъ-то всей своей наружностью, каждымъ движеніемъ своимъ давала ему чувствовать, что она его, или другаго, онъ хорошенько не зналъ этого,—но желаетъ полюбить. Всѣ прежніе планы въ головѣ барона мгновенно измѣнились, и онъ прежде всего вознамѣрился снискать расположеніе Анны Юрьевны, а потомъ просить ея руки и сердца: она передъ тѣмъ только получила извѣстіе изъ-за границы, что мужъ ея умеръ тамъ.

— Теперь вамъ надобно замужъ выходить! сказалъ ей баронъ по этому поводу.

— Ни за что на свѣтѣ, ни за что! Чтобы связать себя съ кѣмъ нибудь—никогда!.. воскликнула Анна Юрьевна и такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что баронъ съ разу же понялъ, что она въ самомъ дѣлѣ искренно не желаетъ ни за кого выйти замужъ, но чтобы она не хотѣла вступить съ нимъ въ какія либо другія, не столь прочныя отношенія—это было для него еще подъ сомнѣніемъ.

Ухаживать за женщинами, какъ мы уже видѣли, баронъ былъ не мастеръ: онъ всегда ихъ расположеніе пріобрѣталъ деньгами, а не рѣчами, и потому привыкъ обращаться съ ними черезчуръ нахально и дерзко. Такой пріемъ, разумѣется, всякую другую женщину могъ бы только оттолкнуть, заставить быть осторожною, что и происходило у него постоянно съ княгиней Григоровой, но съ Анной Юрьевной такая тактика вышла хороша: она сама въ жизнь свою такъ много слышала всякаго рода отдаленныхъ и сентиментальныхъ разговоровъ, что они ей сильно опротивѣли и такимъ образомъ, поселясь по переѣздѣ въ городѣ въ одномъ домѣ и видаясь каждый день, Анна Юрьевна и баронъ стали какъ-то все играть между собой и шалить, словно маленькія дѣти.

Въ одинъ, на примѣръ, изъ сентябрскихъ дней, которые часто въ Москвѣ бываютъ гораздо лучше іюньскихъ, баронъ и Анна Юрьевна гуляли въ ея огромномъ городскомъ саду не довольно уеди-

Digitized by Google

ненной и длинной аллеѣ. Баронъ сломалъ вѣтку и сталъ ею щекотать себѣ около уха и шеи.

— Что вы это дѣлаете? спросила Анна Юрьевна, устремляя на него смѣющійся взоръ.

— Щекочу себя!.. ужасно щекотно, отвѣчалъ баронъ—посмотрите! прибавилъ онъ и пощекоталъ у Анны Юрьевны шею.

Та при этомъ съежилась всѣмъ станомъ.

— Ни, ни, ни! Не смѣйте больше! проговорила она; но баронъ еще разъ ее пощекоталъ.

— Voila pour vous!.. вскрикнула Анна Юрьевна и, сломивъ вѣтку, хотѣла ударить ею барона; но тотъ побѣжалъ отъ нея, Анна Юрьевна тоже побѣжала за нимъ и, едва догнавъ, ударила его по спинѣ, а затѣмъ сама опустилась отъ усталости на дерновую скамейку: отъ бѣганья она раскраснѣлась и была далеко не привлекательна собой. Баронъ, взглянувъ на нее, замѣтилъ это; но счелъ болѣе благоразумнымъ не давать развиваться въ себѣ этому чувству.

— Велите мнѣ дать воды, мнѣ ужасно жарко! сказала Анна Юрьевна.

Баронъ пошелъ и самъ ей принесъ полный стаканъ съ водою, изъ котораго Анна Юрьевна отпивъ до половины, не проглотила воду, а брызнула ею на барона.

— А, такъ и я на васъ брызну! воскликнулъ онъ и, схвативъ стаканъ, тоже набралъ изъ него воды. Тогда Анна Юрьевна ужь побѣжала отъ него, но онъ, однако, въ кабинетѣ догналъ ее.

— Ну Богъ съ вами, брызгайте, пожалуй! вскричала она, снова утомившись и падая на длинное кресло.

Баронъ хотѣлъ на нее брызнуть; но не могъ и захохоталъ при этомъ во все горло.

— Нѣтъ, не могу; я проглотилъ воду! сказалъ онъ, продолжая хохотать.

— Стиксовали, значитъ! проговорила Анна Юрьевна.

— Да, стиксовалъ. А вы знаете это выраженіе? спросилъ ее баронъ.

— Еще бы! отвѣчала Анна Юрьевна.

Другой разъ, это было послѣ обѣда, за которымъ баронъ выпилъ весьма значительное количество портеру, они сидѣли, по обыкновенію, въ будуарѣ.

— Хороша ли у меня ботинка? спросила Анна Юрьевна, протягивая къ нему свою ногу, обутую, въ самомъ дѣлѣ, въ весьма красивую ботинку.

Digitized by Google

— А хорошъ ли у меня сапогъ? отвѣчалъ ей на это баронъ, подставляя свою ногу подъ ногу Анны Юрьевны и приподнимая ту немного отъ пола.

— Не смѣйте такъ дѣлать! прикрикнула ужь на него Анна Юрьевна.

Это занятіе ихъ, впрочемъ, было прервано приходомъ лакея, который сталъ зажигать лампы и такимъ образомъ сдѣлалъ будуаръ не столь удобнымъ для подобнаго рода сценъ.

Наконецъ однажды вечеромъ баронъ и Анна Юрьевна разговорились о силѣ:

— Я очень сильна, сказала Анна Юрьевна.

— И я очень силенъ! подхватилъ, не желая ей уступить, баронъ.

— Въ рукахъ я не меньше вашего сильна! подхватила Анна Юрьевна.

— Не думаю—помѣряемтесь.

— Eh bien, essayons!.. согласилась Анна Юрьевна и они, вставъ и взявъ другъ друга за руки, стали ихъ ломать, причемъ Анна Юрьевна старалась заставить барона преклониться передъ собой, а онъ ее, и, разумѣется, заставилъ, такъ что она встала почти передъ нимъ на колѣни.

На другой день послѣ этого вечера баронъ, сидя въ своемъ нарядномъ кабинетѣ, писалъ въ Петербургъ письмо къ одному изъ бывшихъ своихъ подчиненныхъ:

«Почтеннѣйшій Клавдій Семенычъ»!

«Потрудитесь передать прилагаемое при семъ прошеніе мое объ отставкѣ по принадлежности и попросите объ одномъ, чтобы уволили меня поскорѣй изъ-подъ своего начальствованія. Въ настоящее время я остаюсь пока въ Москвѣ. Этотъ городъ, исполненный русской старины, рѣшительно привлекаетъ мое вниманіе. Вы знаете всегдашнюю мою слабость къ историческимъ занятіямъ (баронъ дѣйствительно, еще служа въ Петербургѣ весьма часто говорилъ подчиненнымъ своимъ, что онъ очень любитъ исторію и, что будто даже бы пишетъ что-то такое о ливонскихъ рыцаряхъ), но гдѣ же, какъ не въ праматери русской исторіи, это дѣлать? Карамзинъ писалъ свою великую исторію въ Свибловѣ, гдѣ я почти каждый день бывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ!»

Digitized by Google

Перечитавъ все это, баронъ даже улыбнулся, зачѣмъ это онъ написалъ объ исторіи; но переписывать письма ему не захотѣлось, и онъ только продолжалъ его нѣсколько поискреннѣе:

«Будущее лѣто я поѣду за границу, а потомъ вѣроятно и въ Петербургъ, но только не работать, а пожуировать». Баронъ непремѣнно предполагалъ на слѣдующую зиму перетащить Анну Юрьевну въ Петербургъ, такъ какъ боялся, что онъ даже нынѣшнюю зиму умретъ со скуки въ праматери русской исторіи.

IV.

Разъ, часу въ первомъ дня, Анна Юрьевна сидѣла въ своемъ будуарѣ почти въ костюмѣ молодой: на ней былъ голубой капотъ, маленькій утренній чепчикъ; лице ея было явно набѣлѣно и подрумянено. Анна Юрьевна, впрочемъ, и сама не скрывала этого и во всеуслышаніе говорила, что если бы не было на свѣтѣ куаферовъ и косметиковъ, то женщинамъ, послѣ ея лѣтъ, на Божій свѣтъ нельзя бы было показываться, Баронъ тоже сидѣлъ съ ней; онъ былъ въ совершенно домашнемъ костюмѣ, безъ галстука, въ туфляхъ вмѣсто сапогъ и въ сѣрой, съ красными оторочками, жакеткѣ.

Лакей вошелъ и доложилъ:

— Николай Сергѣичъ Оглоблинъ!

Анна Юрьевна взглянула на барона.

— Принимать или нѣтъ? проговорила она, какъ бы спрашивая его.

— Отчего не принимать? Примите!.. Дайте только мнѣ уйти, отвѣчалъ баронъ и поднялся съ своего мѣста.

— Проси! сказала Анна Юрьевна лакею.

Тотъ пошелъ.

Баронъ, между тѣмъ, ушелъ въ сосѣднюю комнату и оттуда, по особой винтовой лѣстницѣ, спустился внизъ.

Вошелъ Оглоблинъ: это былъ еще молодой человѣкъ съ завитой въ мелкіе, мелкіе барашки, головой и съ выпуклыми глазами, тоже нѣсколько похожими на бараньи; губы и ноги у него были толстыя и мясистыя.

По происхожденію своему, Оглоблинъ былъ даже аристократич-

Digitized by Google

нѣе князя Григорова; родъ его съ материнской стороны, говорятъ, шелъ прямо отъ Рюрика; прапрадѣды отцовскіе были героями нѣсколькихъ битвъ, и только родитель его вышелъ немного плоховатъ; впрочемъ все-таки былъ сановникъ и слылъ очень богатымъ человѣкомъ; но самъ Николя Оглоблинъ оказывался совершенной дрянью и до такой степени пользовался малымъ уваженіемъ въ обществѣ, что, не смотря на тридцатилѣтній возрастъ, его до сихъ поръ еще называли monsieur Николя, или даже просто Николя. Онъ обыкновенно цѣлые дни ѣздилъ въ моднѣйшемъ, но глупѣйшемъ фаэтонѣ по Москвѣ то съ визитами, то обѣдать къ кому нибудь, то въ театръ, то на гулянье и всюду, и вездѣ безумолку болталъ и не то чтобы при этомъ что нибудь выдумывалъ, или лгалъ,—нисколько: умъ и воображеніе Николя были слишкомъ слабы для того, но онъ только, кстати ли это было или не кстати, расказывалъ всѣмъ все, что онъ увидитъ или услышитъ.

За такого рода качества ему, разумѣется, не мало доставалось, такъ что отъ многихъ домовъ ему совсѣмъ отказали; товарищи не рѣдко говорили ему *дурака* и *подлеца*; но Николя не унимался и даже годъ отъ году все больше и больше начиналъ изливать изъ себя то, что получалъ онъ изъ внѣшняго міра посредствомъ уха и глаза.

— А я, кузина, и не зналъ, что вы въ городѣ, зарапортавалъ онъ сейчасъ же, какъ вошелъ, своимъ мясистымъ языкомъ, какъ-то шлепая при этомъ своими губами и даже брызгая немного слюнями; но вчера тамъ у отца собрались разные старички и говорятъ, что у васъ тамъ въ училищѣ актъ, что ли, былъ съ мѣсяцъ тому назадъ.... былъ?...

— Былъ!.. Что же? сказала ему Анна Юрьевна довольно суровымъ голосомъ.

— И тамъ архіерей, что ли, какой-то былъ!...

— Былъ и архіерей, говорила Анна Юрьевна тѣмъ же суровымъ голосомъ.

— И что тамъ начальница училища какая-то есть.... m-lle Жиглинская, что-ли...

— Есть, и что же?

— А то, что, началъ Оглоблинъ, и шепелявый языкъ его немного запнулся при этомъ,—будто бы архіерей... Я, ей Богу передаю вамъ то, что другіе говорили,—спросилъ даже: дама она или дѣвица.... Слышали вы это?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не слыхала.

— Спросилъ, говорятъ, и потомъ у себя, что ли, или тамъ въ какомъ нибудь интимномъ кружкѣ своемъ и говоритъ: «что это, говоритъ, начальница въ училищѣ у Анны Юрьевны дѣвица и отчего же elle est enceinte?

— D'après quoi est ce qu'il pense cela? воскликнула Анна Юрьевна, замѣтно обеспокоенная этимъ извѣстіемъ.

— Je ne sais pas! отвѣчалъ Николя, пожимая плечами.

— Ну!.. il se trompe!... Elle n'est pas enceinte, mais elle est malade! говорила Анна Юрьевна, желая какъ нибудь спасти Елену отъ подобной молвы.

— C'est bien probable!. согласился и Николя; но, вѣдь, вы знаете, наши старички, продолжалъ онъ, брызгая во всѣ стороны слюнями, разъахались, распѣтушились... «Въ женскомъ, говорятъ, заведеніи, начальница съ такой дурной нравственностью!... Ее надобно, говорятъ, сейчасъ исключить»!...

Анна Юрьевна ни на шутку при этомъ разсердилась.

— Дурная нравственность passe encore! начала она, дѣлая удареніе на каждомъ почти словѣ. Отъ дурной нравственности человѣкъ можетъ поправиться; но когда кто дуракъ и занимаетъ высокую должность, такъ тутъ ничѣмъ не поправишь и такого дурака надобно выгнать.... Такъ вы это и скажите вашимъ старичкамъ,— понравится имъ это или нѣтъ...

Николя при этомъ самодовольнѣйшимъ образомъ захохоталъ.

— Ей Богу, сказалъ бы, да разсердятся только; отцу развѣ скажу, отшлепалъ онъ своимъ язычищемъ.

— Отцу скажи, онъ изъ такихъ же!

— Изъ такихъ же! подтвердилъ и Николя, продолжая хохотать. Тамъ они еще говорили, присовокупилъ онъ болѣе уже серьезнымъ тономъ, въ газетахъ даже есть статья о вашемъ училищѣ.

— Какая статья? спросила Анна Юрьевна. Сама она никогда не читала никакихъ газетъ и даже чувствовала къ нимъ величайшее отвращеніе, вслѣдствіи того, что еще во время ея парижской жизни въ одной небольшой французской газеткѣ, самымъ скандальнымъ образомъ и съ ужасными прибавленіями, была раскаэана вся ея біографія.

— Я потомъ отцу и говорю: «какая я говорю статья»? Онъ меня позвалъ въ кабинетъ и подалъ: «на, говоритъ, свези завтра къ Аннѣ Юрьевнѣ»!

И вслѣдъ за тѣмъ Николя вынулъ изъ кармана нумеръ газеты

Digitized by Google

и подалъ его Аннѣ Юрьевнѣ. Та прочла статейку и лице ея снова запылало гнѣвомъ.

— Ахъ какое негодяйство! воскликнула она.

Статейка газеты содержала слѣдующее: «Нигилизмъ начинаетъ проникать во всѣ слои нашего общества, и мы, признаться, съ замирающимъ сердцемъ и болѣе всего всегда опасались, чтобы онъ не коснулся наконецъ и до нашей педагогической среды: опасенія наши, къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ оправдались: въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи начальница его дѣвица до того простерла свободу своихъ нигилистическихъ воззрѣній, что обыкновенно пріѣзжаетъ въ училище и уѣзжаетъ изъ него, по большей части, съ своимъ обожателемъ».

Вѣсть объ этомъ въ редакцію сообщилъ Ельпидифоръ Мартынычъ, который пользовалъ въ оной, и, разговорившись какъ-то тамъ о развращеніи современныхъ нравовъ, привелъ въ примѣръ тому Елену, которую онъ дѣйствительно встрѣтилъ разъ подъѣзжающею съ княземъ къ училищу; и когда его спросили, гдѣ это случилось, Ельпидифоръ Мартынычъ сначала объяснилъ, что въ Москвѣ, а потомъ назвалъ и самое училище.

«Печатая это, гласила статья далѣе: мы надѣемся, что лица, поставленныя блюсти за нравственностью юныхъ воспитанницъ, для которыхъ такой примѣръ можетъ быть пагубенъ на всю ихъ жизнь, не преминутъ не медля же вырвать изъ педагогической нивы подобный плевелъ!»

— Вы господина, что издаетъ эту газету, знаете? обратилась Анна Юрьевна къ своему гостю.

— Знаю-съ! отвѣчалъ Николя.

— Ну, такъ передайте ему, что я презираю его мнѣніемъ et que je me moque de ses pasquinades и учиться у него управлять моимъ училищемъ не буду!

— Хорошо-съ, передамъ! сказалъ, опять засмѣясь, Николя и очень, какъ видно, довольный такимъ порученіемъ:—у насъ послѣ того Катерина Семеновна была, бухалъ онъ, не давая себѣ ни малѣйшаго отчета въ томъ, что онъ говоритъ и кому говоритъ.— «Что жь, говоритъ, спрашивать съ маленькой начальницы, когда, говоритъ, старшая начальница тоже самое дѣлаетъ.

— Это я, что ли, то же самое дѣлаю?

— Да, вы; она ужасно васъ всегда бранитъ.... У васъ вотъ тутъ внизу баронъ Мингеръ живетъ! прибавилъ Николя, показывая на полъ.

Digitized by Google

— Живетъ! подтвердила Анна Юрьевна.

— Катерина Семеновна говоритъ, что вы за него замужъ выходите.

— Выхожу, можетъ быть.... Ей-то что-жь до этого!.. Завидно, что ли?

— Должно быть, завидно, что ее никто не беретъ! сказалъ Николя и снова захохоталъ своимъ глупымъ смѣхомъ. Наконецъ, выболтавъ все, что имѣлъ на душѣ, онъ сталъ прощаться съ кузиной.

— Мнѣ во многихъ еще мѣстахъ надобно побывать! говорилъ онъ, протягивая ей свою жирную и пухлую руку.

По уходѣ его, Анна Юрьевна сейчасъ же велѣла позвать къ себѣ барона.

Тотъ пришелъ.

— Дуралей этотъ Николя множество новостей мнѣ привезъ, сказала она ему.

— Новостей? спросилъ баронъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

— Да, и ужасно какого вздору: прежде всего, что я за васъ замужъ выхожу.... разъ—враки.

— Враки.... повторилъ за нею протяжно баронъ.

— Потомъ ужь газетная сплетня: статья тамъ есть про мое училище.

— Есть, читалъ, произнесъ баронъ тѣмъ же протяжнымъ голосомъ.

— Что же вы мнѣ не сказали о ней?

Баронъ пожалъ плечами.

— Во первыхъ, я полагалъ, что вы сами ее знаете и читали, а, во вторыхъ, и спорить съ вами не хотѣлъ.

— Въ чемъ же тутъ спорить со мной? спросила Анна Юрьевна.

— А въ томъ, что я съ этой статьей совершенно согласенъ:— нельзя же въ самомъ дѣлѣ дѣвушекъ, подобныхъ Еленѣ, держать начальницами учебныхъ заведеній.

— А какъ же у васъ, у мущинъ, дураки набитые занимаютъ высокія мѣста?

— И это очень не хорошо! возразилъ ей баронъ.

— Хорошо или нѣтъ, они, однако, занимаютъ.

Баронъ еще и прежде того пробовалъ Аннѣ Юрьевнѣ дѣлать замѣчанія насчетъ Елены; но она сразу же остановила его довольно рѣзко, что сдѣлала и теперь, какъ мы видимъ.

— Ваше дѣло-съ! произнесъ онъ замѣтно недовольнымъ тономъ.

Digitized by Google

— Чисто мое, и ни до кого оно не касается! сказала Анна Юрьевна, но въ эту самую минуту судьба какъ бы хотѣла смирить ея гордость и показать ей, что это вовсе не ея исключительно дѣло, и что она въ немъ далеко не полновластна и всемогуща.

Вошелъ лакей и подалъ ей пакетъ.

— Казенный-съ! проговорилъ онъ какимъ-то мрачнымъ голосомъ.

Анна Юрьевна, взглянувъ на адресъ, измѣнилась немного въ лицѣ и проворными руками распечатала письмо. Оно было, какъ и ожидала она, объ Еленѣ.

«Милостивая государыня, Анна Юрьевна! писалось къ ней: «глубоко цѣня ваши просвѣщенные труды и заботы о воспита«ніи русскихъ недостаточнаго состоянія дѣвицъ, я тѣмъ болѣе «спѣшу сообщить вамъ, что начальница попровительствуемаго «вами училища, дѣвица Жиглинская, по дошедшимъ о ней свѣ«дѣніямъ, самаго вреднаго направленія, и даже предосудитель«наго, въ смыслѣ нравственности, поведенія, чему явнымъ дока«зательствомъ можетъ служить ея настоящее печальное состояніе. «Будучи увѣренъ, что въ этомъ послабленіи вами руководство«вала единственно ваша доброта, я вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше «просилъ бы васъ сдѣлать немедленное распоряженіе объ уда«леніи сказанной дѣвицы отъ занимаемой ею должности.»

Дочитавъ письмо, Анна Юрьевна сейчасъ же передала его барону, который тоже прочелъ его и, грустно усмѣхнувшись, покачалъ головой.

— Печальная вещь, но которой, впрочемъ, надобно было ожидать, проговорилъ онъ.

— De la part des fous on peut s'attendre de tout! произнесла Анна Юрьевна.

Баронъ на это ей ничего не сказалъ.

— Что же вы, однако, намѣрены дѣлать? спросилъ онъ ее потомъ, помолчавъ немного.

— Что же дѣлать?... Должна буду удалить ее; но я и сама послѣ этого выйду!... Дайте мнѣ перо и бумаги, я сейчасъ же это и сдѣлаю.

Баронъ пододвинулъ то и другое Аннѣ Юрьевнѣ. Она сѣла и написала:

«По письму вашему я сдѣлаю распоряженіе и велю бѣдной дѣ«вушкѣ подать въ отставку. Какое непріятное чувство во мнѣ «поселяетъ необходимость повиноваться вамъ, вы сами можете

Digitized by Google

«судить, а потому, чтобы не подвергать себя другой разъ подобной непріятности, я прошу и меня также уволить отъ дол-«жности: трудиться въ такомъ духѣ для общества, въ какомъ вы «желаете, я не могу. Письмо мое, по принятому обычаю, я «хотѣла было заключить, что остаюсь съ моимъ уваженіемъ, но «никакъ не рѣшаюсь написать этихъ словъ, потому что они были «бы очень не искренни.»

— Позвольте!.. позвольте!.. воскликнулъ баронъ, все время стоявшій за плечомъ у Анны Юрьевны и смотрѣвшій, что она пишетъ: такъ писать нельзя, что вы въ концѣ приписываете.

— Отчего же нельзя? спросила настойчиво и капризно Анна Юрьевна.

— Оттого, что васъ подъ судъ отдадутъ за подобное письмо. Какъ же можно въ полуофиціальномъ письмѣ написать, что вы кого бы то ни было не уважаете.

— Ну что-жь изъ того, что отдадутъ подъ судъ?.. Пускай отдаютъ: съ меня взять нечего—я женщина!

— Это все равно; васъ все-таки будутъ таскать въ судъ къ отвѣтамъ и потомъ посадятъ, можетъ быть, на нѣсколько времени въ тюрьму.

Послѣдняго Анна Юрьевна немножко ужь испугалась.

— Позвольте я вамъ продиктую, подхватилъ баронъ, замѣтивъ нѣсколько испуганное ея настроеніе,—все, что вы желаете выразить, я скажу и только соблюду нѣкоторое приличіе.

— Ну, диктуйте, согласилась Анна Юрьевна, садясь снова за письмо.

Баронъ ей продиктовалъ:

«Получивъ ваше почтеннѣйшее письмо, я не премину предло-«жить бѣдной дѣвушкѣ выдти въ отставку, хоть въ то же вре-«мя смѣю васъ завѣрить, что она болѣе несчастное существо, «чѣмъ порочное. Усматривая изъ настоящаго случая, до какой «степени я иначе понимала мою обязанность противъ того, какъ «вы, вѣроятно, ожидали, я, къ великому моему сожалѣнію, «должна просить васъ объ увольненіи меня отъ настоящей долж-«ности, потому что, поступая такъ, какъ вы того желаете, я «буду насиловать мою совѣсть; дѣйствуя же по собственному «пониманію, конечно, буду не угодна вамъ».

— Вотъ видите, заключилъ баронъ, кончивъ диктовать письмо, вышло ядомъ пропитано, а придраться не къ чему.

— Никакого тутъ яду нѣтъ. Не такъ бы къ этимъ господамъ

Digitized by Google

слѣдовало писать! возразила Анна Юрьевна съ неудовольствіемъ, однако написанное прежде ею письмо изорвала, а продиктованное барономъ запечатала и отправила.

Баронъ вообще, день ото дня, все больше и больше начиналъ имѣть на нее вліяніе, и это, по преимуществу, происходило отъ того, что онъ казался Аннѣ Юрьевнѣ очень умнымъ человѣкомъ.

— Ecoutez, mon cher! обратилась она къ нему, послѣ нѣкотораго раздумья,—князь Григоровъ не секретничаетъ съ вами объ Еленѣ?

— Нѣтъ, не секретничаетъ, отвѣчалъ баронъ.

— Съѣздите къ нему, будьте такъ добры, и раскажите все это! заключила Анна Юрьевна.

Баронъ сдѣлалъ гримасу: ему очень не хотѣлось ѣхать къ Григоровымъ, такъ какъ они вѣроятно уже знали или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвали объ его отношеніяхъ къ Аннѣ Юрьевнѣ, а потому онъ долженъ былъ казаться имъ весьма некрасивымъ въ нравственномъ отношеніи, особенно княгинѣ, которую баронъ такъ еще недавно увѣрялъ въ своей неизмѣнной любви; а съ другой стороны, не угодить и Аннѣ Юрьевнѣ онъ считалъ какъ-то неудобнымъ.

— Пожалуйста! повторила между тѣмъ та.

Баронъ, нечего дѣлать, поднялся и поѣхалъ, а чрезъ какой нибудь часъ вернулся и привезъ даже съ собой князя. Сей послѣдній не очень, по видимому, встревожился сообщеннымъ ему извѣстіемъ, что отчасти происходило отъ того, что все послѣднее время князь былъ хоть и не въ веселомъ, но за то въ какомъ-то спокойномъ и торжественномъ настроеніи духа: его каждоминутно занимала мысль, что скоро и очень скоро предстояло ему быть отцомъ. О, съ какимъ восторгомъ и упоеніемъ онъ готовъ былъ принять эту новую для себя обязанность!...

— Я радъ, съ своей стороны, что Елена не будетъ служить, сказалъ онъ Аннѣ Юрьевнѣ.

— Но я за то не рада!.... возразила она.—Тутъ они затронули меня!... Я сама должна черезъ это бросить мое мѣсто.

— И то отлично, что вы бросаете мѣсто!... Развѣ въ Россіи можно служить? подхватилъ князь.

— Я также нахожу, что отлично кинуть подобную должность, подтвердилъ и баронъ. Ему давно хотѣлось навести какъ нибудь Анну Юрьевну на мысль оставить свое мѣсто съ тѣмъ, чтобы удобнѣе было уговорить ее ѣхать сначала за границу, а потомъ и совсѣмъ поселиться въ Петербургѣ.

Digitized by Google

Анна Юрьевна однако доводами своихъ кавалеровъ, мало убѣдилась и оставалась разсерженною и взволнованною.

Князь послѣ того поѣхалъ сказать Еленѣ о постигшей ее участи и здѣсь встрѣтилъ то, чего никакъ ужь не ожидалъ: дверь ему, по обыкновенію, отворила Марѳуша, у которой на этотъ разъ носъ даже былъ распухшимъ отъ слезъ, а лѣвая щека была вся въ синякахъ.

— Дома Елена Николавна? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ-съ, никакъ нѣтъ! отвѣчала Марѳуша, едва удерживаясь отъ рыданій.

— Но гдѣ же она? спросилъ съ безпокойствомъ князь.

— Онѣ совсѣмъ отъ маменьки уѣхали-съ!

— Какъ совсѣмъ уѣхала? Куда уѣхала?

— Въ гостинницу Роше какую-то!.. Дворникъ сейчасъ и платья ихнія повезъ туда за ними.

Князь понять ничего не могъ изъ всего этого.

— Что же, она разссорилась, что ли, съ матерью? спросилъ онъ.

— Не знаю-съ, отвѣчала Марѳуша, недоумѣвавшая, кажется, говорить ли ей правду или нѣтъ.

— А Елизавета Петровна гдѣ? спросилъ князь.

— Онѣ дома-съ.

Какъ ни противно было князю каждый разъ встрѣчаться съ Елизаветой Петровной, но на этотъ разъ онъ самъ назвался на то, чтобы узнать отъ нея, что такое случилось.

— Поди, доложи, приметъ ли она меня? сказалъ онъ Марѳушѣ.

Та пошла.

— Пожалуйте, просятъ-съ, сказала она, возвратясь къ нему въ переднюю.

Князь пошелъ.

Елизавета Петровна приняла князя у себя въ спальнѣ и лежа, даже въ постелѣ. Лицо у нея тоже было заплаканное и дышавшее гнѣвомъ.

— Что Елена-то Николаевна ваша надѣлала со мной, произнесла она тотчасъ же, какъ князь вошелъ.

— Что такое? спросилъ тотъ.

Елизавета Петровна злобно усмѣхнулась.

— Разгнѣваться изволила.... Эта сквернавка, негодяйка, Марѳутка,—чесался у ней языкъ-то, донесла ей, что управляющій вашъ всего какъ-то раза два или три приходилъ ко мнѣ на дачу

Digitized by Google

и приносилъ отъ васъ деньги, такъ зачѣмъ вотъ это, какъ я смѣла принимать ихъ!... и такихъ мнѣ дерзостей наговорила, такихъ, что я во всю жизнь свою ни отъ кого не слыхала ничего подобнаго.

Князь слушалъ Елизавету Петровну съ понуренной головой и съ недовольнымъ видомъ; ему, видимо, казалось все это вздоромъ и бабьими дрязгами.

— И все это по милости какой нибудь мерзкой дѣвки, продолжала между тѣмъ та, снова приходя въ сильный гнѣвъ.—Ну, и досталось же ей!.. досталось!.. будетъ съ нее!..,

Елизавета Петровна, въ самомъ дѣлѣ, передъ тѣмъ только била и таскала Марѳушу за волосы по всѣмъ почти комнатамъ, такъ что сама даже утомилась и бросилась послѣ того на постель; а добродушная Марѳуша полагала, что это такъ и быть должно, потому что очень ужь считала себя виноватою, растроивъ барыню съ барышней своей болтовней.

— Что жь Елена Николаевна совсѣмъ отъ васъ уѣхала? спросилъ князь Елизавету Петровну.

— Совсѣмъ!... Говоритъ, что не хочетъ, чтобы я ею торговала. Я пуще подбивала ее на это.... Жаль, видно, стало куска хлѣба матери, и съ чѣмъ теперь я осталась?... Нищая совсѣмъ! Пока вотъ вы не стали присылать намъ, дня по два сидѣли не ѣвши, въ нетопленныхъ комнатахъ, да еще жалованье ея тогда было у меня, а теперь что? Ужь какъ милостыни буду просить у васъ, не оставьте вы меня—несчастную!

Елизавета Петровна повернулась при этомъ на своей постелѣ и спустила одну руку до самаго пола, какъ бы представляя, что она кланяется князю до земли.

— Будете вы обезпечены, этимъ не тревожтесь! сказалъ ей тотъ съ досадой собираясь уйти.

— А нынѣшній-то мѣсяцъ получу ли, что прежде получала? Онъ ужь весь прошелъ!.. проговорила Елизавета Петровна кроткимъ голосомъ.

— Получите и за нынѣшній и за будущій, отвѣчалъ ей князь, выходя въ залу и явно презрительнымъ тономъ. Сѣвъ въ карету, онъ велѣлъ, какъ можно проворнѣе, везти себя въ Роше де-Канкаль. Елена взяла тотъ же нумеръ, гдѣ они обыкновенно всегда встрѣчались. При входѣ князя, она взмахнула только на него глазами, но не тронулась съ своего мѣста. За послѣднее время она очень похудѣла; подъ глазами у нея шли синіе круги; румянецъ былъ какой-то неровный.

Digitized by Google

— Прекрасно, отлично со мной вы поступали! говорила она, подавая, впрочемъ, князю руку, когда тотъ протянулъ свою.

— Что такое я поступалъ? отвѣчалъ тотъ, смѣясь.

— Ничего!... смѣшно это, очень!... продолжала искренно сердитымъ голосомъ Елена.—Хоть бы словомъ, хоть бы звукомъ намекнулъ мнѣ, что у нихъ тутъ происходитъ: хороша откровенность между нами существуетъ!

— Въ чемъ тутъ откровенности-то быть,—я даже не знаю!..

— Какъ вы не знаете? воскликнула Елена: вы знали, я думаю, что я всю честь мою, все самолюбіе мое ставила въ томъ, чтобы питаться своими трудами и ни отъ кого не зависѣть, и вдругъ, оказывается, что вы перешепнулись съ милой маменькой моей и я содержанкой являюсь, никакъ не больше, самой чистѣйшей содержанкой!

— Содержанкой, выдумала что!... произнесъ князь.

— Какъ же не содержанкой? Мать мнѣ сама призналась, что она получала отъ васъ нѣсколько мѣсяцевъ по триста рублей серебромъ каждый, и я надѣюсь, что деньги эти вы давали ей за меня, и она, полагаю, знала, что это вы платите за меня; какъ же вы оба смѣли не сказать мнѣ о томъ; я не вещь неодушевленная, которую можно нанимать и отдавать въ наемъ, не спрашивая даже ея согласія!

— Я единственно не сказалъ тебѣ по тому, что этого не желала мать твоя.

— А вы развѣ не знали, что за существо мать моя?.. развѣ я скрывала отъ васъ когда нибудь ея милыя качества? Но, можетъ быть, вамъ ея взглядъ на вещи больше нравится, чѣмъ мой; вамъ тоже, можетъ быть, желалось бы не любить меня, а покупать только!...

— Я не покупалъ васъ, а дѣлился съ вами тѣмъ, чего у меня избытокъ: вы сами собственность считаете почти зломъ, отъ котораго каждому хорошо освободиться!

— Да-съ, прекрасно!... возразила ему съ запальчивостью Елена,—это было бы очень хорошо, если бы вы весь вашъ доходъ дѣлили бы между бѣдными, и я съ удовольствіемъ бы взяла изъ нихъ слѣдующую мнѣ часть; но быть въ этомъ случаѣ пріятнымъ исключеніемъ, я не желаю, и тѣмъ болѣе, что я нисколько не нуждалась въ вашихъ деньгахъ: я имѣла свои средства!

— Но ваши средства были такъ ничтожны, что на нихъ нельзя было существовать. Елизавета Петровна мнѣ призналась, что до

Digitized by Google

моей маленькой помощи вы не имѣли дровъ на что купить— обѣда порядочнаго изготовить, и если вамъ не жаль себя и своего здоровья, такъ старуху вамъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ пощадить и сдѣлать для нея жизнь нѣсколько поспокойнѣе.

— Я нисколько не обязана эту старуху особенно успокоивать! возразила Елена.

— Какъ не обязаны?.. она вамъ мать! воскликнулъ даже съ удивленіемъ князь.

— Что-жь такое мать! отвѣчала, въ свою очередь, съ запальчивостью Елена.

Князь пожалъ на это плечами.

— То, что въ насъ есть чисто инстинктивное и совершенно безсознательное чувство любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ! возразилъ онъ ей.

— Да, родителей къ дѣтямъ—это такъ, и оно дано имъ природой въ смыслѣ поддержанія рода, чтобы они берегли и лелѣяли своихъ птенцовъ; дѣти же обыкновенно, наоборотъ: какъ получатъ силы, въ нихъ сейчасъ же является стремленіе улетѣть изъ роднаго гнѣзда. Конечно, есть родители, которые всѣхъ самихъ себя кладутъ въ воспитаніе дѣтей, въ ихъ будущее счастье, тѣ родители, разумѣется, заслуживаютъ благодарность отъ своихъ дѣтей; но моей матери никакъ нельзя приписать этого: въ дѣтствѣ меня гораздо больше любилъ отецъ, потомъ меня веселилъ и наряжалъ совершенно посторонній человѣкъ и, наконецъ, воспитало и поучило благотворительное заведеніе.

Съ каждымъ словомъ Елены, князь становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ совершенно соглашался, что она говоритъ правду, но все-таки ему тяжело было ее слушать.

— Вы, можетъ быть, дѣйствительно, началъ онъ, не поднимая глазъ на Елену,—имѣете нѣкоторое право не заботиться очень много о вашей матери, но вы теперь должны ужь подумать о самой себѣ: вамъ самимъ будетъ не на что существовать!

— Почему же мнѣ не на что будетъ существовать? Я жалованье имѣю.

— То есть, имѣли!.. Вотъ прочтите эту милую бумажку, которую прислали о васъ Аннѣ Юрьевнѣ, проговорилъ князь и подалъ полученное Анной Юрьевной письмо, которое онъ, уѣзжая отъ нея, захватилъ съ собой.

Прочитавъ письмо, Елена страшно измѣнилась въ лицѣ. Князь никакъ не ожидалъ даже, чтобы это такъ сильно ее поразило.

Digitized by Google

— Что-жь, развѣ Анна Юрьевна и выгонитъ меня по этому письму? спросила она съ раздувшимися ноздрями и дрожащимъ немного голосомъ.

— Аннѣ Юрьевнѣ дѣлать больше нечего: она не можетъ не послушать даннаго ей приказанія, отвѣчалъ не торопливо князь.

— Нѣтъ, этого нельзя!.. этого не должно быть!.. возразила Елена. Вы, князь, извольте хлопотать какъ угодно, поднимите всѣ ваши аристократическія связи и отстойте меня.

— Весьма радъ бы былъ, сказалъ тотъ,—но тутъ ничего не подѣлаешь: вы прочтите, кѣмъ подписано письмо; этихъ господъ никакими связями не пересилишь!

— Что-жь, я такъ и погибать должна? спросила Елена.

— Но чѣмъ же погибать, другъ мой! милый? Вдумайтесь вы хорошенько и поспокойнѣй въ ваше положеніе, началъ князь сколь возможно убѣдительнымъ голосомъ.—На что вамъ служба?.. зачѣмъ она вамъ?.. Неужели же я по своимъ чувствамъ и по своимъ средствамъ, наконецъ,—у меня вѣдь, Елена, больше семидесяти тысячъ годоваго дохода,—неужели же я не могу обезпечить васъ и вашу матушку.

— Я не хочу моей матери обезпечивать—понимаете вы?.. Я еще давеча сказала, что ей довольно мною торговать! Если вы хотите ей помогать, такъ лично для нея, но никакъ не для меня!.. Чтобъ и имени моего тутъ не было!

— Прекрасно: я ей буду помогать лично для нея, но какъ же вы-то чѣмъ будете жить? Позволите вы мнѣ вамъ предложить что нибудь для вашего существованія?

— Теперь, конечно, давайте! Не съ голоду же умирать! отвѣчала Елена, пожимая плечами;—не думала я такъ повести жизнь, продолжала она почти отчаяннымъ голосомъ, и вы, по крайней мѣрѣ, отнеслась она къ князю, поменьше мнѣ давайте!.. наймите мнѣ самую скромную квартиру хоть этимъ отличиться немного отъ содержанки!

— Вы помѣшаны, Елена, ей Богу, помѣшаны! сказалъ князь.

— Ну, да, разумѣется, какъ же не помѣшанная: думала всю жизнь сама собой просуществовать, а судьба-то и пристукнула: «врешь!.. помни, что ты женщина!.. а негодяи мущины давнымъ давно и всюду отняли у васъ эту возможность!..»

Князь ничего ей не возражалъ: его, по преимуществу, безпокоило то, что Елена, въ ея положеніи, волнуется и тревожится.

— Если я умру теперь, что весьма возможно, продолжала она, — то знайте, что я унесла съ собой одно неудовлетво-

Digitized by Google

ренное чувство, про которое еще Кочубей у Пушкина сказалъ: «есть третій кладъ—святая месть, ее готовлюсь къ Богу снесть»! Меня вотъ въ этомъ письмѣ, говорила Елена, указывая на письмо къ Аннѣ Юрьевнѣ,—укоряютъ въ вредномъ направленіи; но каково бы ни было мое направленіе, худо ли, хорошо ли оно, я говорила о немъ всегда только съ людьми, которые и безъ меня также думали, какъ я думаю; значитъ, я не пропагандировала моихъ убѣжденій!.. Напротивъ того, въ этой дурацкой школѣ глупыхъ дѣвчонокъ заставляла всегда твердѣйшимъ образомъ учить катихизисъ и разныя священныя исторіи, внушала имъ страхъ и уваженіе ко всевозможнымъ начальническимъ физіономіямъ; но меня все-таки выгнали, вышвырнули изъ службы, а потому теперь, ужь извините, никакого другаго чувства у меня не будетъ къ моей родинѣ, кромѣ ненависти. Впрочемъ, я и по рожденію больше полячка, чѣмъ русская, и за все, что теперь будетъ клониться къ погибели и злу вашей дорогой Россіи, я буду хвататься, какъ за драгоцѣнность, какъ за ароматъ какой нибудь.

Князь продолжалъ оставаться нахмуреннымъ.

— Странная логика! произнесъ онъ:—вамъ одинъ какой-то господинъ сдѣлалъ зло, а вы начинаете питать ненависть ко всей странѣ.

— Не одинъ этотъ господинъ, а вся страна такая отъ малаго и до большаго, отъ мужика и до министра!.. И вы сами точно такой же, и это чувство я передамъ съ молокомъ ребенку моему пусть оно и его одушевляетъ и даетъ ему энергію дѣйствовать въ продолженіи всей его жизни.

— Но прежде, чѣмъ передавать ему такія убѣжденія, возразилъ князь, видя, что Елена все больше и больше выходитъ изъ себя,—вамъ надобно позаботиться, чтобы здоровымъ родить его, а потому успокойтесь и не думайте о той непріятности, которую я имѣлъ глупость передать вамъ.

— Ахъ, да, дѣйствительно! воскликнула Елена грустно-насмѣшливымъ голосомъ:—женщина прежде всего должна думать, что она самка, и что первая ея обязанность родить здоровыхъ дѣтей, здоровой грудью кормить ихъ, потомъ снова беременить и снова кормить: обязанность пріятная—нечего сказать!

— За то самая естественная, не придуманная! сказалъ князь.

— Конечно, конечно!.. соглашалась Елена тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ. Непріятно въ этомъ случаѣ для женщинъ только то, что

Digitized by Google

такъ какъ эти занятія самки имъ не даютъ времени заняться ничѣмъ другимъ, такъ мущины и говорятъ имъ: «ты, матушка, шагу безъ насъ не смѣешь сдѣлать, а не то сейчасъ умрешь съ голоду со всѣми дѣтенышами твоими»!

— Но что же дѣлать съ тѣмъ, что женщины, а не мущины, родятъ,—это ужь законъ природы, его же не прейдеши! сказалъ князь, смѣясь.

— Нѣтъ, прейдемъ, прейдемъ—извините! повторяла настойчиво Елена.

— Но какъ же и чѣмъ? спросилъ князь.

— А тѣмъ, что родимъ ребенка, да и отдадимъ его въ общину!

— И вы въ состояніи были бы теперь вашего ребенка отдать въ общину?

— Отчего же не отдать?... Не знаю, что я потомъ къ нему буду чувствовать, но, судя по теперешнимъ моимъ чувствамъ, кажется, отдала бы.... отвѣчала Елена, но какъ-то уже не такимъ рѣшительнымъ тономъ.

— Нѣтъ, не отдали бы! возразилъ ей князь и вскорѣ потомъ ушелъ отъ нея. Всю дорогу онъ прошелъ пѣшкомъ и былъ точно ошеломленный. Послѣдній разговоръ его съ Еленой не то, что былъ для него какой нибудь неожиданностью,—онъ и прежде еще того хорошо зналъ, что Елена такимъ образомъ думаетъ; наконецъ, самъ почти такъ же думалъ, — но все-таки мнѣнія ея какъ-то выворачивали у него всю душу, и при этомъ ему невольно представлялась княгиня, какъ совершенная противуположность Еленѣ: та обыкновенно каждую недѣлю писала родителямъ длиннѣйшія и почтительныя письма и каждое почти воскресенье одѣвалась въ одно изъ лучшихъ платьевъ своихъ и ѣхала въ церковь слушать проповѣдь; все это, пожалуй, было ему немножко смѣшно видѣть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадно.

V.

Миклаковъ, не смотря на то, что условился съ княгиней играть въ карты, не бывалъ однако у Григоровыхъ въ продолженіи всего того времени, пока они жили на дачѣ. Причина, его останавливавшая въ этомъ случаѣ, была очень проста: онъ находилъ, что

Digitized by Google

у него нѣтъ приличнаго платья на то, чтобы явиться къ княгинѣ, и все это время занятъ былъ изготовленіемъ себѣ новаго туалета: недѣли три, по крайней мѣрѣ, у него ушло на то, что онъ обдумывалъ какъ и гдѣ бы ему добыть на сей предметъ денегъ, такъ какъ жалованья онъ всего только получалъ сто рублей въ мѣсяцъ, которые проживалъ до послѣдней копѣйки; оставалось по этому одно средство: заказать себѣ у какого нибудь извѣстнаго портнаго платье въ долгъ; но Миклаковъ никогда и ни у кого ничего не занималъ. По нѣскольку разъ въ день онъ подходилъ къ нѣкоторымъ богатымъ магазинамъ портныхъ, всходилъ даже до половины лѣстницы къ нимъ и снова ворочался. Наконецъ, разъ, выпивъ предварительно въ Московскомъ трактирѣ рюмки три водки, онъ рѣшился и вошелъ въ магазинъ нѣкоего господина Майера. Подмастерье съ жидовскою физіономіей встрѣтилъ его.

— Могу я видѣть господина хозяина? спросилъ Миклаковъ, краснѣя немного въ лицѣ.

— Господина хозяина?... переспросилъ его съ нѣкоторымъ недоумѣньемъ подмастерье.

— Да.... Я желалъ бы съ нимъ переговорить объ одной вещи, сказалъ какъ-то неловко и сильно конфузясь Миклаковъ.

— Ваша фамилія? спросилъ подмастерье опять тѣмъ же тономъ недоумѣнія.

— Онъ меня не знаетъ; это все равно, скажу ли я мою фамилію или нѣтъ, говорилъ Миклаковъ, окончательно сконфузясь.

Подмастерье нѣкоторое время недоумѣвалъ; онъ врядъ ли не начиналъ подозрѣвать въ Миклаковѣ мошенника, который хочетъ выслать его изъ комнаты, а самъ въ это время и стянетъ что нибудь.

— Генрихъ! крикнулъ онъ наконецъ, какъ бы придумавъ нѣчто.

На этотъ зовъ изъ сосѣдней комнаты выскочилъ молодой человѣкъ въ самомоднѣйшихъ узкихъ штанахъ и тоже съ жидовскою физіономіей.

— Попросите сюда Адольфа Иваныча! сказалъ ему подмастерье.

— А!... Адольфа Иваныча!... крикнулъ юный Генрихъ и опять ускочилъ въ сосѣднюю комнату.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того показался и самъ Адольфъ Иванычъ, уже растолстѣвшій и краснощекій жидъ, съ довольнѣйшей физіономіей и съ какими-то масляными губами: онъ сей-

Digitized by Google

часъ только изволилъ завтракать и былъ еще даже съ салфеткой въ рукахъ.

— Васъ спрашиваетъ вотъ этотъ господинъ! сказалъ ему подмастерье, указывая рукой на Миклакова.

Адольфъ Иванычъ подошелъ къ тому и нѣсколько вопросительно склонилъ голову.

Миклаковъ началъ, немножко запинаясь, и былъ при этомъ не то, что ужь красный, а какой-то багровый.

— Я вотъ видите-съ.... служу бухгалтеромъ.... жалованье получаю порядочное.... и просилъ бы васъ.... сдѣлать мнѣ въ долгъ.... за поручительствомъ, разумѣется, казначея нашего.... въ долгъ платье.... съ разсрочкой на полгода, что-ли!...

— Платье?... Въ долгъ?... повторилъ Адольфъ Иванычъ и неторопливо обтеръ себѣ при этомъ ротъ салфеткой.—Ваша фамилія? прибавилъ онъ за тѣмъ, какъ бы нѣсколько строгимъ голосомъ.

— Фамилія моя не княжеская и не графская, а просто Миклаковъ! отвѣчалъ тотъ въ свою очередь тоже рѣзко.

Адольфъ Иванычъ открылъ при этомъ широко глаза.

— Господинъ Миклаковъ, авторъ такихъ прекрасныхъ разсужденій! произнесъ онъ съ уваженіемъ и съ удивленіемъ.

— Тотъ самый-съ! отвѣчалъ Миклаковъ, сильно этимъ ободренный.

— Но скажите, отъ чего же вы не пишете теперь? спрашивалъ его Адольфъ Иванычъ.

— Да такъ!... Какъ-то разошелся со всѣми господами журналистами.

— Жаль!... Очень жаль!... Я еще въ молодости читалъ ваши сочиненія и увлекался ими: дѣйствительно, въ Россіи очень многое дурно и всѣмъ кто умѣетъ писать, надобно-съ писать, потому что во всѣхъ сословіяхъ начинаютъ ужь желать читать! Всѣ хотятъ хоть сколько нибудь просвѣтиться!... Какое же вамъ платье угодно имѣть, почтеннѣйшій господинъ Миклаковъ? заключилъ Адольфъ Иванычъ съ какой-то почти нѣжностью.

— Да я и не знаю.... отвѣчалъ тотъ, пришедшій въ свою очередь тоже въ какое-то умилительное состояніе: фрачную пару, что ли, сюртукъ потомъ....Пальто....брюки какіе нибудь цвѣтные.

— Прекрасно-съ!... Безподобно!... повторялъ за нимъ Адольфъ Иванычъ.—Снимите мѣрку!... присовокупилъ онъ подмастерью, который, съ замѣтнымъ уже уваженіемъ къ Миклакову, сталъ исполнять это приказаніе.

Digitized by Google

— Мнѣ бы, знаете, и бѣлье надобно было сдѣлать, говорилъ Миклаковъ, вытягивая, по приказанью подмастерья, то руку, то ногу.—Нѣтъ ли у васъ знакомой мастерицы, которая бы мнѣ совершила это въ долгъ?

— Да мы же вамъ и сдѣлаемъ,—что вамъ хлопотать!... Отлично сдѣлаемъ!... воскликнулъ Адольфъ Иванычъ, и подмастерье, не ожидая отъ хозяина дальнѣйшихъ приказаній, снялъ съ Миклакова также мѣрку и для бѣлья.

— Нужно-съ въ Россіи просвѣщеніе,—нужно-съ!... толковалъ, между тѣмъ, Адольфъ Иванычъ.

— А что будетъ стоить все мое платье и бѣлье? спросилъ Миклаковъ, гораздо болѣе занятый своимъ туалетомъ, чѣмъ просвѣщеніемъ въ Россіи.

— Счетъ!... крикнулъ Адольфъ Иванычъ подмастерью. Тотъ сей часъ же написалъ его и подалъ Миклакову, у котораго, по прочтеніи этого счета, все лицо вытянулось: платья и бѣлья вышло на шестьсотъ рублей; значитъ, ровно на половину его годичнаго жалованья.

— Немножко дорого!... проговорилъ онъ не громкимъ голосомъ.

— Дорого-съ, очень дорого!... согласился и Адольфъ Иванычъ; но уступить, кажется, не намѣренъ былъ ни копѣйки.

Миклаковъ, дѣлать нечего, рѣшился покориться необходимости, хотя очень хорошо понималъ, что потомъ ему не на что будетъ купить никакой книжки, ни подписаться въ библіотекѣ, и даже онъ лишится возможности выпивать каждодневно сквернѣйшаго, но въ то же время любимѣйшаго имъ, по привычкѣ, вина лисабонскаго, или, какъ онъ выражался, побесѣдовать вечеркомъ съ доброй Лизой.

— Прикажете доставить вамъ удостовѣреніе отъ казначея?... проговорилъ онъ Адольфу Иванычу.

— Ни, ни, ни!... Не нужно-съ! Я господину Миклакову вѣрю гораздо болѣе, чѣмъ всѣмъ на свѣтѣ казначеямъ.

— Ну, благодарю!... сказалъ Миклаковъ, протягивая Адольфу Иванычу руку, которую тотъ съ чувствомъ и дружески пожалъ, и когда наконецъ Миклаковъ совсѣмъ пошелъ изъ магазина, онъ нагналъ его на лѣстницѣ и почти на ухо шепнулъ ему:

— У меня братъ вотъ пріѣхалъ изъ-за границы!... Я сейчасъ съ нимъ и завтракалъ!... Другъ задушевный Герцена былъ!... Всѣ замыслы его зналъ.

Digitized by Google

— Вотъ какъ!... произнесъ Миклаковъ, чтобы что нибудь сказать въ отвѣтъ.

— Да!... да!... повторилъ Адольфъ Иванычъ съ важностью.— И онъ тоже совершенно со мной согласенъ, что въ Россіи нужнѣй всего просвѣщеніе. Русскій работникъ, на примѣръ, мужикъ русскій—онъ не глупъ, нѣтъ!... Онъ не просвѣщенъ!.. Онъ только думаетъ, что если праздникъ, такъ онъ непремѣнно долженъ быть пьянъ, а будь онъ просвѣщенъ, онъ зналъ бы, что праздникъ не для того, а чтобы человѣкъ отдохнулъ,—согласны вы съ этимъ?

— Конечно!... согласился Миклаковъ.—И такъ до свиданія, monsieur Майеръ! прибавилъ онъ затѣмъ поспѣшно.

— До свиданья, до свиданья! сказалъ ему тотъ самымъ радушнѣйшимъ образомъ.

Какъ ни велико оказалъ одолженіе почтенный господинъ Майеръ Миклакову, но тотъ, выйдя отъ него, сейчасъ же разразился почти ругательствомъ.

«Скверно-съ, скверно не имѣть денегъ, говорилъ онъ, пробираясь домой:—всякій лавочникъ, всякій торгашъ будетъ вамъ нести чушъ, и вы ему должны улыбаться, потому что онъ меценатъ вашъ!»

Но какъ бы ни было, однако, магазинъ Адольфа Иваныча съ этого дня сдѣлался предметомъ самаго тщательнаго вниманія для Миклакова: онъ почти каждый день заходилъ узнавать, что не нужно ли что нибудь примѣрять на немъ, и когда наконецъ ему изготовлены были сюртучная пара и нѣсколько сорочекъ, то онъ, не медля, все это забралъ и какъ бы съ сокровищемъ какимъ проворно пошелъ домой. Здѣсь онъ прежде всего написалъ княгинѣ записку: «По разнаго рода дѣламъ моимъ, я не могъ до сего времени быть у васъ; но если вы позволите мнѣ сегодняшній день явиться къ вамъ, въ качествѣ вашего партнера, то я исполнилъ бы это съ величайшимъ удовольствіемъ.»

Снести это посланіе Миклаковъ нарочно нанялъ мальчика изъ сосѣдней мелочной лавочки, который невдолгѣ принесъ и отвѣтъ ему.

«Я рада буду васъ видѣть, и сегодня цѣлый день дома», писала ему княгиня.

Такое позволеніе, какъ видно, очень обрадовало Миклакова; онъ нѣсколько разъ и съ улыбкою на губахъ перечиталъ письмецо княгини и часовъ съ семи принялся одѣваться: надѣвъ прежде всего бѣлую, крахмальную рубашку, онъ почувствовалъ ка-

Digitized by Google

кую-то свѣжесть во всемъ тѣлѣ; новый, черный сюртучекъ, благодаря шелковой подкладкѣ въ рукавахъ, необыкновенно свободно шмыгнулъ у него по рукамъ; даже самая грудь его, одѣтая уже не въ грязную, цвѣтную жилетку, а въ черную, изящно-отороченную ленточкой, стала какъ бы дышать бо̀льшимъ благородствомъ; словомъ, въ этомъ костюмѣ Миклаковъ помолодѣлъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. Взявъ въ руки свое старое пальто и свернувъ немного на бокъ круглую шляпу, онъ, весело и напѣвая даже пѣсенку, пошелъ шагать по улицамъ московскимъ. У Григоровыхъ въ этотъ день, какъ нарочно, произошелъ цѣлый рядъ маленькихъ событій, которыя тѣмъ не менѣе имѣли вліяніе на судьбу описываемыхъ мною лицъ. Началось съ того, что съ самаго ранняго утра къ нимъ явилась госпожа Петицкая. Княгиня на этотъ разъ была болѣе обыкновеннаго въ откровенномъ настроеніи духа и между прочимъ расказала своей пріятельницѣ, что у ней съ мужемъ чисто одни только дружественныя отношенія.

— Но какъ же это такъ, какъ такъ? воскликнула госпожа Петицкая, исполненная удивленія.

— Но развѣ между нами могутъ существовать другія отношенія? возразила ей, съ своей стороны, княгиня.

— Почему-жь не могутъ? спросила госпожа Петицкая голосомъ невиннѣйшаго младенца.

— Потому что онъ любитъ другую женщину, отвѣчала княгиня спокойно и съ достоинствомъ.

— Ахъ, такъ вы это знаете? воскликнула госпожа Петицкая опять-таки дѣтски-невиннымъ голосомъ.

— Онъ мнѣ самъ давно сказалъ объ этомъ! отвѣчала княгиня съ прежнимъ достоинствомъ.

Госпожа Петицкая рѣшительно не знала какъ и держать себя: начать ли бранить князя или нѣтъ? Она впрочемъ слишкомъ не любила его, чтобы удержаться при подобномъ случаѣ.

— Все это очень хорошо!... начала она, какъ-то скосивъ на сторону весь свой ротъ,—но тутъ я только одного не могу понять: какимъ образомъ молоденькую, хорошенькую жену промѣнять на подобную цыганку, потому что m-lle Жиглинская, по моему, рѣшительно цыганка!

— Это ужь его вамъ надобно спросить, а не меня! отвѣчала ей съ горькой усмѣшкой княгиня.

Разговоръ этотъ ихъ былъ прерванъ полученнымъ письмомъ

Digitized by Google

отъ Миклакова, прочитавъ, которое княгиня сейчасъ же написала на него отвѣтъ, и обо всемъ этомъ тоже не сочла за нужное скрывать отъ госпожи Петицкой.

— А у меня сегодня вечеромъ гость будетъ! сказала она ей.

— Кто такой? спросила госпожа Петицкая съ любопытствомъ.

— Миклаковъ! отвѣчала княгиня.

— Ну, не интересенъ!...

— Но онъ очень уменъ, говорятъ!

— Не думаю!... Что пьяница—это я слышала; но объ умѣ его что-то никто не говоритъ!...

— Нѣтъ, онъ очень, говорятъ, уменъ! повторила еще разъ княгиня.

Въ это время вошелъ лакей и доложилъ.

— Николай Гаврилычъ Оглоблинъ!

Княгиня сдѣлала при этомъ недовольную мину.

Monsieur Оглоблинъ приходился тоже кузеномъ и князю Григорову, который впрочемъ такъ строго и сурово обращался съ нимъ, что monsieur Николя почти не осмѣливался бывать у Григоровыхъ; но услышавъ послѣднее время въ домѣ у отца разговоръ объ Еленѣ, гдѣ между прочимъ пояснено было, что она любовница князя, и узнавъ потомъ, что ее выгнали даже за это изъ службы, Николя воспылалъ нестерпимымъ желаніемъ, что бы тамъ послѣ съ нимъ ни было, расказать обо всемъ этомъ княгинѣ.

Подъѣхавъ къ дому Григоровыхъ, онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, что его примутъ, и его дѣйствительно не приняли бы; но за него заступилась госпожа Петицкая.

— Примите его, душенька! воскликнула она.—Я такъ много слышала объ этомъ господинѣ....

Княгиня послушалась ее и велѣла впустить Николю.

Тотъ влетѣлъ разфранченный и блистающій удовольствіемъ.

— Анну-то Юрьевну... началъ онъ отшлепывать сію же минуту своими толстыми губищами,—выгнали изъ службы!

— Какъ выгнали? спросила княгиня почти испуганнымъ голосомъ.

Госпожа Петицкая свои, по обыкновенію, опущенные въ землю глаза при этомъ приподняла и уставила на Оглоблина.

— Выгнали! повторилъ Николя почему-то съ необыкновеннымъ удовольствіемъ.—Тамъ у ней начальница училища была какая-то Жиглинская... Она дѣвушка, а очутилась въ положеніи дамы, а Анна Юрьевна все заступалась за нее,—ихъ обѣихъ и вытурили! Ха, ха, ха!

Digitized by Google

— Вотъ какъ, и Елену вытурили? спросила госпожа Петицкая какъ бы больше княгиню.

— Не знаю, я не слыхала этого, отвѣчала та съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Вытурили обѣихъ это,—головой моей парирую что вѣрно!.. выбивалъ язычищемъ своимъ Николя.—Къ намъ пріѣзжалъ Яковъ Семенычь Перковъ—вы знаете Перкова?

— Да, немножко!.. отвѣчала княгиня.

— Онъ этакой святоша... житія архіереевъ все описываетъ и говоритъ моей maman: «Аннѣ Юрьевнѣ, говоритъ, можно быть начальницей женскихъ заведеній только въ Японіи, а не въ христіанскомъ государствѣ.»

— Почему же въ Японіи? спросила княгиня невиннымъ голосомъ.

— Неужели вы не понимаете? воскликнулъ Николя.

— Нѣтъ! отвѣчала княгиня, смотря на него, по прежнему, съ недоумѣніемъ.

— Et vous aussi? отнесся Николя къ Петицкой.

— Я немножко!. отвѣчала та, слегка краснѣя: когда что касалось до какихъ нибудь знаній, то госпожа Петицкая, не смотря на свою скромность, всегда признавалась, что она все знаетъ и все понимаетъ.

— Тамъ дѣвушекъ учатъ не въ пансіонахъ, а въ другихъ мѣстахъ!.. пояснилъ Николя и залился снова смѣхомъ.

Но княгиня, кажется, и тутъ ничего не поняла.

Госпожа же Петицкая, задержавъ при этомъ, по обыкновенію, дыханіе, окончательно покраснѣла.

— Яковъ Семенычъ, по моему, совершенно справедливо говоритъ, отшлепывалъ Николя, побрызгивая слюнями во всѣ стороны: дѣвушка эта сдѣлалась въ извѣстномъ положеніи; значитъ, она прямо грѣшна противъ седьмой заповѣди—такъ?

На вопросъ этотъ обѣ дамы ему не отвѣчали.

— Значитъ, ее надобно наказать!.. предать покаянію, заключить въ монастырь.....

— Монастырей не достало бы, если бы всѣхъ за это такъ наказывали, сказала княгиня, слегка усмѣхаясь.

— Нѣтъ, мало что не достало бы!. Тогда хуже бы вышло: стали бы скрывать это и убивать своихъ дѣтей! проговорила госпожа Петицкая.

— Сдѣлайте милость: пусть убиваютъ, а ихъ за это на каторгу будутъ ссылать! разхарахорился Николя.

Digitized by Google

— Но почему же вы такъ строго судите?.. Это почему? отнеслась къ нему госпожа Петицкая,—неужели вы сами совершенно безгрѣшны?

— О, я совершенно безгрѣшенъ! отвѣчалъ Николя и самодовольнѣйшимъ образомъ захохоталъ во все горло.

— Вы?.. вы? воскликнула госпожа Петицкая съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ и устремляя на Николю проницательный взглядъ.

— Да, я! отвѣчалъ, продолжая смѣяться, Николя.

— Ну, я имѣю причины думать совсѣмъ другое! возразила госпожа Петицкая.

— Вы имѣете? спросилъ Николя.—Ахъ, это очень интересно! воскликнулъ онъ и пересѣлъ рядомъ съ госпожею Петицкой.

Та при этомъ подобрала немножко платье съ той стороны, съ которой онъ сѣлъ, и даже вся поотодвинулась отъ него нѣсколько: она опасалась, чтобы Николя, разговаривая съ ней, не забрызгалъ ее слюнями.

— Что такое вы имѣете, что такое? началъ онъ приставать къ ней, наклоняясь почти къ самому уху ея.

Госпожа Петицкая въ самомъ дѣлѣ знала про Николю кой-какія подробности: года три тому назадъ, она жила на дачѣ въ Паркѣ на одномъ дворѣ съ француженкой mademoiselle Пижонъ, тайною страстію monsieur Оглоблина, и при этомъ слышала, что онъ очень много тратитъ на нее денегъ. Кромѣ того, госпожа Петицкая изъ своего верхняго окна очень хорошо могла смотрѣть въ окна къ mademoiselle Пижонъ,—у госпожи Петицкой была почти страсть заглядывать въ чужія окна!.. При этомъ она видѣла, какъ Николя, для потѣхи mademoiselle Пижонъ, плясалъ въ одномъ бѣльѣ, какъ иногда стоялъ передъ ней на колѣняхъ, и при этомъ она била его по щекамъ; какъ въ нѣкоторыя ночи онъ являлся довольно поздно; но въ комнаты впускаемъ не былъ, а, постоявъ только въ сѣняхъ, уѣзжалъ обратно.

— Наконецъ это неблагородно! воскликнулъ Николя, — произнести человѣку обвиненіе и не сказать, въ чемъ оно состоитъ!.

Николя думалъ, что это онъ сказалъ очень умную, а главное, чрезвычайно современную фразу.

— А, такъ вы хотите, чтобы я назвала вамъ вашу тайну? проговорила госпожа Петицкая немножко какъ бы и устрашающимъ голосомъ.

— Хочу, скажите! отвѣчалъ ей на это смѣло Николя.

Digitized by Google

— Извольте, я вамъ напомню: Парнъ, Лазовскій переулокъ, третья дача на лѣвой сторонѣ.

— А!.. Ха, ха, ха! захохоталъ Николя.

— Такъ вы, значитъ, смѣетесь теперь тому, что тамъ происходило? спросила его госпожа Петицкая.

— Ха, ха, ха! продолжалъ хохотать Николя,—но какъ вы это знаете?.. вотъ что удивительно!

— Я все знаю, все знаю! говорила госпожа Петицкая знаменательно.

— И когда нибудь мнѣ это скажете? говорилъ Николя съ разгорѣвшимися глазами.

— Не знаю, увижу, какъ вы еще будете стоить того!... отвѣчала Петицкая.

Николя, по преимуществу, доволенъ былъ тѣмъ, что молодая и недурная собой женщина заговорила съ нимъ о любви; дамамъ его круга онъ до того казался гадокъ, что тѣ обыкновенно намеку себѣ не позволяли ему сдѣлать на это; но госпожа Петицкая въ этомъ случаѣ, видно, была менѣе ихъ брезглива.

— Но гдѣ же я съ вами буду встрѣчаться? присовокупилъ Николя въ полголоса.

— Да пріѣзжайте хоть сюда ужо́ вечеромъ!.. Здѣсь будутъ кое-кто! отвѣчала ему госпожа Петицкая тоже въ полголоса.

— А княгиня ничего?.. Приметъ? Впрочемъ я и безъ доклада войду!.. А вы будете? говорилъ Николя.

— Буду—непремѣнно!

Николя послѣ этого поднялся съ своего мѣста.

— Adieu, кузина! проговорилъ онъ, обращаясь къ княгинѣ.

— Adieu! отвѣчала ему та, какъ бы очень занятая своей работой и не поднявъ даже глазъ на него.

Николя уѣхалъ.

Князь послѣднее время видался съ женой только во время обѣда, и когда они на этотъ разъ сошлись и сѣли за столъ, то княгиня и ему тоже объявила:

— А у меня сегодня будетъ твой пріятель Миклаковъ.

— И отлично!.. Онъ славный господинъ! произнесъ князь.

— Но только я ужасно его боюсь: онъ насмѣшникъ, должно быть, большой! сказала княгиня.

— И насмѣшникъ не то что этакій веселый, а ядовитый! подхватила госпожа Петицкая, не извѣстно за что почти ненавидѣвшая Миклакова.

Digitized by Google

— Не свои ли вы качества приписываете ему? сказалъ ей на это насмѣшливо князь, начавшій послѣднее время, въ свою очередь, тоже почти ненавидѣть госпожу Петицкую.

Та при этомъ очень сконфузилась, покраснѣла и разобидѣлась.

— Благодарю покорно за подобное мнѣніе обо мнѣ! проговорила она.

— Почему-жь оно для васъ обидно?.. Ядовитость не такое дурное качество, котораго бы люди могли стыдиться! возразилъ ей князь.

— Да, но все-таки... произнесла госпожа Петицкая и не докончила своей мысли.

— Все-таки подобныхъ вещей не говорятъ въ глаза! пояснила за нее княгиня.

Князь отвѣтилъ на это небольшой гримасой и совершенно отвернулся отъ госпожи Петицкой.

— Миклаковъ вотъ какой человѣкъ, заговорилъ онъ потомъ, явно обращаясь къ одной только женѣ:—въ молодости онъ обѣщалъ быть ученымъ, готовился быть оставленнымъ при университетѣ; но, на бѣду великую, въ одномъ барскомъ домѣ, гдѣ давалъ уроки, онъ встрѣтилъ дочь—дѣвушку смазливую и не глупую!.. Онъ влюбился въ нее по уши; она отвѣчала ему тѣмъ же, давала ему даже тайныя свиданія въ саду, а когда время приспѣло, такъ и вышла замужъ за кого ей *приличнѣе* и *нужнѣе* было! Бѣдный Миклаковъ все тутъ потерялъ—всякое сердечное спокойствіе, вѣру въ людей, всю свою университетскую карьеру и наконецъ способность заниматься, потому что съ ума сошелъ.

— Какъ съ ума сошелъ?.. Не можетъ быть! воскликнули въ одинъ голосъ княгиня и Петицкая.

— Такъ, сошелъ! повторилъ князь,—а потому человѣкъ, котораго постигали въ жизни подобныя событія, врядъ ли способенъ къ одной только ядовитости; а что онъ теперь обозлился на весь Божій міръ, такъ имѣетъ на то полное, нравственное право!

Всю эту исторію любви Миклакова князь узналъ отъ Елены, отъ которой тотъ не скрывалъ ея. Самъ же Миклаковъ никогда прямо не говорилъ объ томъ князю.

— Вотъ ужь никакъ бы не предполагала, что Миклаковъ можетъ влюбиться до такой степени, проговорила княгиня.

— И я тоже! подхватила госпожа Петицкая.

— Мало ли кто чего не предполагаетъ, и женщины вообще очень дурно понимаютъ мущинъ! возразилъ князь.

Digitized by Google

— Точно также какъ и мущины! сказала ему на это госпожа Петицкая.

Но князь на это ея замѣчаніе не отвѣтилъ ни словомъ и, по прежнему, сидѣлъ, отвернувшись отъ нея. Между тѣмъ расказъ его о Миклаковѣ перевернулъ въ головѣ княгини совершенно понятіе о семъ послѣднемъ: она все послѣ обѣда продумала, что какую прекрасную душу онъ долженъ имѣть, если способенъ былъ влюбиться до такой степени и когда, наконецъ, вечеромъ Миклаковъ пришелъ, она встрѣтила его очень дружественно и, по свойсвенной женщинамъ наблюдательности, сейчасъ же замѣтила, что онъ одѣтъ былъ почти франтомъ. Княгинѣ это было пріятно: предчувствіе говорило ей, что такъ щегольски Миклаковъ одѣлся для нея. Вскорѣ затѣмъ въ залѣ раздались новые шаги: княгиня думала, что это князь, но въ гостиную явился Николя Оглоблинъ. На лицѣ княгини явно выразилось удивленіе, а госпожа Петицкая, при его появленіи, немного потупилась. Николя замѣтилъ, кажется, не совсѣмъ пріятное выраженіе на лицѣ хозяйки.

— А я вамъ давеча, кузина, началъ онъ, забылъ сказать, что у отца скоро будетъ балъ!.. Не забудьте объ этомъ и позаботьтесь о вашемъ туалетѣ: я нарочно заѣхалъ вамъ сказать о томъ.

Пріемъ этотъ Николя употреблялъ во всѣхъ домахъ, куда пріѣзжалъ не приглашенный.

— Не знаю, я врядъ ли буду у васъ на балѣ, отвѣчала ему довольно сухо княгиня.

— Ну, нѣтъ, пріѣзжайте! воскликнулъ Николя и поспѣшилъ затѣмъ усѣсться рядомъ съ госпожею Петицкой.

Княгиня же обратилась къ Миклакову.

— Вы желаете играть въ карты?

— Если вамъ угодно! отвѣчалъ тотъ.

Княгиня повела его въ совершенно особое отдѣленіе гостиной, за трельяжемъ, увитымъ плющемъ и цвѣтами, и гдѣ заранѣе были приготовлены столъ, карты и свѣчи. Они сейчасъ же усѣлись играть. Миклаковъ въ началѣ сильно потрухивалъ проиграть, потому что у него въ карманѣ было всего только три рубли серебромъ; но, съигравъ нѣсколько игръ, совершенно успокоился: княгиня играла какъ новорожденный младенецъ и даже, по видимому, нисколько не хлопотала играть получше. Ее главнымъ образомъ мучило желаніе заговорить съ Миклаковымъ поскорѣе объ его несчастной любви и сумашествіи.

Digitized by Google

— Скажите, начала она, сильно конфузясь и краснѣя,—мнѣ мужъ про васъ говорилъ... только, вы, пожалуйста, не разсердитесь!.. Я конечно глупо дѣлаю, что спрашиваю васъ, но мнѣ ужасно любопытно: правда ли?.. Но нѣтъ, прежде вы лучше скажите мнѣ, что не разсердитесь на меня.

— Никогда и ни за что не разсержусь, отвѣчалъ ей Миклаковъ.—Развѣ на ангела можно сердиться, прибавилъ онъ, тасуя немного дрожащими руками карты.

— На ангела!.. повторила княгиня, еще болѣе смущеннымъ голосомъ.—Мнѣ мужъ говорилъ, что вы разъ сходили съ ума отъ несчастной любви!

Миклаковъ очень хорошо понялъ, что такая рекомендація въ глазахъ княгини была для него не дурна.

— Цѣлый годъ былъ сумашедшій! отвѣчалъ онъ ей просто и совершенно не рисующимся образомъ.

— Вотъ этакъ пріятно быть любимой! проговорила княгиня.

— Но непріятно такъ любить, возразилъ ей съ горькой усмѣшкой Миклаковъ.

— Еще бы! подтвердила съ участіемъ княгиня.

Далѣе разговоръ на эту тему не продолжался. Миклаковъ сталъ молча играть въ карты и только по временамъ иногда слегка вздыхалъ, и княгиня каждый разъ уставляла на него при этомъ добрый взглядъ; наконецъ, она, какъ-бы собравшись со смѣлостію и ставя при этомъ огромнѣйшій ремизъ, спросила его тихимъ голосомъ.

— Гдѣ жь теперь эта особа?

— Она давно ужь умерла, отвѣчалъ ей Миклаковъ, по прежнему, просто.

Княгинѣ, какъ кажется, пріятно было это услышать.

Къ концу пульки, она, проигравъ рублей сорокъ, вспомнила вдругъ.

— Ахъ monsieur Миклаковъ, вы, можетъ быть, ужинаете? произнесла она.

— Ужинаю, если ужинъ есть, и не ужинаю, когда его нѣтъ!

— Онъ сейчасъ будетъ! воскликнула княгиня и сама почти побѣжала хлопотать объ ужинѣ. Черезъ полчаса онъ былъ готовъ. Monsieur Оглоблинъ, въ продолженіи всего вечера, не отошелъ отъ госпожи Петицкой, такъ что ей даже посмѣялась княгиня:

— Вы, кажется, новаго обожателя себѣ пріобрѣли?

— Кажется! отвѣчала госпожа Петицкая съ усмѣшкой и почти съ гримасой.

Digitized by Google

За ужиномъ Миклаковъ, по обыкновенію, выпилъ довольно много; но говорить что либо лишнее остерегся и былъ только, какъ показалось княгинѣ, поэтически задумчивъ. При прощаньи, онъ пожалъ у ней крѣпко руку.

— Благодарю васъ за все, за все! говорилъ онъ съ удареніемъ.

— Вы будете иногда приходить ко мнѣ? спросила на этотъ разъ княгиня сама, смотря на него своимъ добрымъ взглядомъ.

— Когда прикажете, хоть завтра же!

— Завтра приходите! сказала ему княгиня.

— Хорошо! отвѣчалъ Миклаковъ и ушелъ.

Николя, въ свою очередь, предложилъ госпожѣ Петицкой довезти ее до дому: они тоже, должно быть, постолковались между собой нѣсколько и пустились въ нѣкоторыя откровенности, Николя, на примѣръ, узналъ, что госпожа Петицкая ни отъ кого не зависящая вдова; а она у него выпытала, что онъ съ mademoiselle Пижонъ покончилъ все, потому будто бы, что она ему надоѣла; но, въ сущности, mademoiselle Пижонъ его бросила, и по этому поводу довольно откровенно говорила своимъ подругамъ, что подобнаго свинью нельзя къ себѣ долго пускать, какъ бы онъ ни велики платилъ за то деньги. Затѣмъ, госпожа Петицкая сдѣлала Николѣ такой вопросъ, что кого же онъ теперь любитъ? А онъ началъ ее съ божбой увѣрять, что никого!.. Но госпожа Петицкая этому, разумѣется, не вѣрила. Тогда Николя ей объяснилъ, что онъ, пожалуй, теперь принадлежитъ всѣмъ женщинамъ, и ни одной въ особенности, и этому госпожа Петицкая повѣрила. Поѣхавъ, дорогой, Николя самъ ужь расказалъ ей, что онъ имѣетъ своего личнаго, независимаго отъ отца, годоваго дохода двадцать тысячъ; госпожа Петицкая перевела при этомъ какъ-то особенно дыханіе. Когда наконецъ они подъѣхали къ квартирѣ госпожи Петицкой, Николя прямо спросилъ ее, что въ какой день онъ можетъ застать ее дома!...

— Въ воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, середу, четвергъ, пятницу и суботу! отвѣчала ему скороговоркой госпожа Петицкая.

— А если я не застану васъ въ какой нибудь день дома, что тогда съ вами сдѣлать? сказалъ Николя, тоже, въ свою очередь, желая съострить.

— Тогда на другой день пріѣдете! произнесла госпожа Петицкая, проворно соскакивая съ саней и скрываясь за калиткою своего дома.

Digitized by Google

Всѣ эти объясненія сильно взволновали Николю.

— Эка какая она — а? говорилъ онъ, и толстыя губищи его какъ-то отвисли у него при этомъ.

VI.

Ссора съ матерью сильно разстроила Елену, такъ что, по переѣздѣ на новую квартиру, которую князь нанялъ ей не вдалекѣ отъ своего дома, она постоянно чувствовала не совсѣмъ здоровою себя; но скрывала это и не ложилась въ постель: она, по преимуществу, опасалась того, чтобы Елизавета Петровна, узнавъ объ ея болѣзни, не воспользовалась этимъ и не явилась къ ней подъ тѣмъ предлогомъ, что ей никто не можетъ запретить видѣть больную дочь. Кромѣ того, Елена не хотѣла безпокоить и князя, который, она видѣла, ужасно тревожится грядущимъ для нея кризисомъ: она даже думала, чтобы этотъ кризисъ прошелъ секретно для него, и ему уже сказать тогда, когда все будетъ кончено. Въ одну ночь, однако, князь вдругъ получилъ отъ Елены какимъ-то страннымъ почеркомъ написанную записку: «Другъ мой, поспѣши ко мнѣ, я умираю, спасите хоть ребенка».

Князь, едва надѣвъ на себя кое-что, бросился къ ней. Онъ засталъ Елену, лежащую на постели, съ посинѣлымъ лицемъ и закатившимися глазами. Довольно не старая еще акушерка суетилась и хлопотала около нея.

— Ну, вотъ теперь мнѣ легче будетъ умирать! проговорила Елена, увидавъ князя и беря его за руку.

Вслѣдъ же затѣмъ его отозвала акушерка.

— Пошлите поскорѣй за докторомъ!... Я одна тутъ ничего не могу сдѣлать! проговорила она.

Князь опять побѣжалъ домой, самъ разбудилъ кучера и послалъ его за знаменитымъ докторомъ; кучеръ возвратился и доложилъ, что знаменитый докторъ у другой больной. Князь, при этомъ извѣстіи, вырвалъ у себя цѣлую прядь волосъ изъ головы, послалъ еще за другимъ знаменитымъ докторомъ, но тотъ оказался самъ больнымъ. Князь былъ готовъ съ ума сойти, тѣмъ болѣе, что Елена почти съ голосу на голосъ кричала. Онъ зналъ ея

Digitized by Google

терпѣливость и понималъ, каковы должны были быть ея страданія. Среди такого отчаянія, онъ вдругъ припомнилъ, какъ еще покойная мать его говорила ему, что ей въ ея родахъ очень помогъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Поѣзжай за Илліонскимъ! крикнулъ онъ стоявшему въ дверяхъ кучеру.

Тотъ поскакалъ за Илліонскимъ.

Елпидифора Мартыныча разбудили и доложили ему, что его зовутъ отъ князя Григорова къ госпожѣ Жиглинской. Онъ уже слышалъ, что Елена больше не жила съ матерью и понялъ такъ, что это, вѣроятно, что нибудь насчетъ родовъ съ ней происходитъ. Первое его намѣреніе было не ѣхать и оставить этихъ господъ гордецовъ въ безпомощномъ состояніи; но мысль, что этимъ онъ можетъ возвратить себѣ практику въ знатномъ домѣ Григоровыхъ, превозмогла въ немъ это чувство.

Онъ поѣхалъ. Князь, увидавъ его, чуть не бросился ему на шею.

— Спасите, Бога ради, несчастную! воскликнулъ онъ.

— Я помочь только могу, а не спасти; спасти ее можетъ одинъ только Богъ! отвѣчалъ ему наставническимъ голосомъ Елпидифоръ Мартынычъ. Войдя затѣмъ къ больной, онъ началъ ее довольно опытнымъ образомъ изслѣдовать; благодаря значительной силѣ въ рукахъ и большой смѣлости, Елпидифоръ Мартынычъ, какъ акушеръ, былъ, пожалуй, не дурной.

— Я ничего тутъ не вижу особенно опаснаго!... говорилъ онъ, продолжая мрачно смотрѣть на Елену.

— Можетъ быть, младенецъ очень великъ!... тихо и не смѣло ему замѣтила акушерка.

— Ну да, врите больше!.. возразилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ и, взявъ Елену за руку, сталъ у нея пульсъ щупать, наклонивъ при этомъ даже голову, какъ бы за тѣмъ, чтобы лучше чувствовать біеніе артеріи.

— Кромѣ слабости и упадка силъ рѣшительно ничего нѣтъ! продолжалъ онъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собой. Затѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ, отошедъ отъ Елены, осмотрѣлъ ее уже издали.—Ну, прежде всего надобно помолиться Богу! заключилъ онъ и началъ молиться.

Акушерка, въ подражаніе ему, тоже стала молиться.

Князь смотрѣлъ на всю эту сцену, стоя, прислонившись къ косяку и съ какимъ-то безсмысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Digitized by Google

Съ Елпидифора Мартыныча, между тѣмъ, катился уже холодный потъ; лицо у него было блѣдно; глаза горѣли какой-то рѣшимостью.

— Потрудитесь, моя милая, теперь всѣ, какіе у васъ есть, ковры и одѣяла послать на полъ, чтобъ сдѣлать его помягче, сказалъ онъ менѣе суровымъ голосомъ стоявшей въ дверяхъ горничной.

Та принялась исполнять его приказанія. Елпидифоръ Мартынычъ мрачно и внимательно смотрѣлъ на ея труды.

— Зачѣмъ вы все это дѣлаете? спросилъ его наконецъ князь, какъ бы пришедшій нѣсколько въ себя.

— А вотъ за тѣмъ, чтобы вы ушли отсюда!... Ступайте!... Ступайте!... сказалъ ему Елпидифоръ Мартынычъ и почти вытолкнулъ князя за дверь, которую за нимъ затворилъ и сверхъ того еще и заперъ. Князь, очутившись въ залѣ, сталъ однако съ напряженнымъ и какимъ-то трагическимъ вниманіемъ прислушиваться къ тому, что происходило за дверью.

— Ну-съ, теперь все готово, и отлично! послышался ему голосъ Елпидифора Мартыныча.—Неугодно ли вамъ, милостивая государыня, привстать и пройтись немножно! присовокупилъ онъ, видимо относясь къ Еленѣ.

— Не могу!... не могу!... простонала было та на первыхъ порахъ.

— Нѣтъ!... можете!... встаньте!... это необходимо—к-ха! говорилъ, кашлянувъ слегка, Елпидифоръ Мартынычъ.

Когда Елена начала вставать, то къ ней, должно быть, подошла на помощь акушерка, потому что Елпидифоръ Мартынычъ явно что на ту крикнулъ: «не поддерживайте!... не ваше дѣло!.. и послѣ того онъ заговорилъ гораздо болѣе ласковымъ тономъ, обращаясь, конечно, къ Еленѣ: ну вотъ такъ!... идите!... идите ко мнѣ!

Елена вѣроятно подходила къ нему.

— К-ха! кашлянулъ вдругъ страшнѣйшимъ образомъ Елпидифоръ Мартынычъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ страшно вскрикнула и Елена. Князь толкнулся было въ дверь, но она не уступила его усиліямъ. Прошло нѣсколько страшныхъ мучительныхъ мгновеній.... Князь стоялъ, уткнувшись головою въ дверь; у него все помутилось въ головѣ и въ глазахъ; только вдругъ онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ: ему послышался ясно плачь ребенка... Князь опутился на стоявшее около него кресло; слезы, невѣдомо для него самого потекли у него по щекамъ. «Боже, благодарю тебя»! произнесъ онъ, вскидывая глаза къ небу.

Digitized by Google

Долго-ли просидѣлъ князь въ такомъ положеніи, онъ самъ того не зналъ; наконецъ запертая дверь отворилась и въ ней показался Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну что, благополучно? спросилъ его трепещущимъ голосомъ князь и съ еще болѣе выступившими слезами на глазахъ.

— Все отличнѣйшимъ манеромъ!... Сына-съ вамъ подарила!... отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ какъ бы веселымъ голосомъ, хоть холодный потъ все еще продолжалъ у него выступать на лбу, такъ что онъ безпрестанно утиралъ его своимъ фуляровымъ платкомъ.

Князь въ радости своей не спросилъ даже Елпидифора Мартыныча, что такое собственно онъ сдѣлалъ съ Еленой, а между тѣмъ почтенный докторъ совершилъ надъ нею довольно смѣлую и рискованную вещь: онъ, когда Елена подошла къ нему, толкнулъ ее, что есть силы, въ грудь, такъ что она упала на полъ и тѣмъ поспособствовалъ ея природѣ!... Способъ этотъ Елпидифоръ Мартынычъ заимствовалъ у одной деревенской повитухи, которая всякій разъ и съ большимъ успѣхомъ употребляла его, когда родильницы трудно рожали. Самъ же Елпидифоръ Мартынычъ употребилъ его всего только другой разъ въ жизни: разъ въ молодости надъ одной солдаткой въ госпиталѣ, такъ какъ о тѣхъ не очень заботились, умирали ли онѣ или оставались живыми, и теперь надъ Еленой. Здѣсь очень ужь ему хотѣлось блеснуть искусствомъ въ глазахъ ея и князя. Довольный и торжествующій, онъ сѣлъ въ залѣ писать рецептъ, а князь потихоньку на цыпочкахъ вошелъ въ спальню, гдѣ увидѣлъ, что Елена лежала на постели, вѣки у ней были опущены, и сама она была блѣдна, какъ мертвая. Князь не осмѣлился даже подойти къ ней и пробрался было въ сосѣднюю комнату, чтобы взглянуть на сына; но и того ему акушерка на одно только мгновеніе показала, такъ что онъ разсмотрѣлъ только красненькій носикъ малютки. Князь послѣ того, какъ бы не зная чѣмъ себя занять, снова возвратился въ залу и сѣлъ на прежнее свое мѣсто; онъ совершенно былъ какой-то растерянный: радость и ужасъ были написаны одновременно на лицѣ его. Елпидифоръ Мартынычъ, кончивъ писаніе рецепта, обратился къ нему.

— Вотъ-съ, извольте все это взять въ аптекѣ и употреблять по назначенію; а завтра часовъ въ двѣнадцать я опять къ вамъ заѣду, проговорилъ онъ; затѣмъ всталъ, отыскавъ свою шляпу и проворно пошелъ. Князь тутъ только вспомнилъ, что надобно

Digitized by Google

было заплатить Елпидифору Мартынычу, и поспѣшилъ его догнать.

— Благодарю васъ, говорилъ онъ, суя ему въ руку пятьсотъ рублей серіями, которыя случились у него въ карманѣ.

— Не нужно-съ! не нужно! отвѣтилъ вдругъ Елпидифоръ Мартынычъ, кинувъ быстрый взглядъ на деньги и отстраняя ихъ своей рукой отъ себя.—Я не изъ корысти спасалъ больную, а, прежде всего, по долгу врача, а потомъ и для того, чтобы вы оба устыдились и не на каждомъ бы перекресткѣ кричали, что я дуракъ и идіотъ: бываютъ обстоятельства, что и идіоты иногда понадобятся!

Говоря это, Елпидифоръ Мартынычъ блисталъ удовольствіемъ отъ мысли, что онъ могъ такъ великодушно и такъ благородно отомстить князю и Еленѣ. Первый же стоялъ передъ нимъ съ потупленнымъ и нахмуреннымъ лицомъ.

— Пожалуйста, возьмите!... повторилъ онъ еще разъ, протягивая опять къ Елпидифору Мартыновичу руку съ деньгами.

— Не возьмусъ-съ! отвѣчалъ тотъ, снова кинувъ какой-то огненный взоръ на деньги и надѣвая калоши. Черезъ минуту онъ хлопнулъ дверьми и скрылся совсѣмъ изъ глазъ князя.

За минутами такого торжества для Елпидифора Мартыныча вскорѣ послѣдовали и минуты раскаянія. Пріѣхавъ домой, онъ легъ было въ постель, но заснуть не могъ, и вдругъ, раздумавшись, ужасно сталъ досадовать на себя, зачѣмъ онъ не взялъ отъ князя денегъ. «Вотъ дуракъ-то я»! говорилъ онъ самъ съ собой, повертываясь съ одного бока на другой. «Вотъ дуралей-то»! прибавлялъ онъ, повертываясь опять на прежній бокъ, и такимъ образомъ онъ промучился до самаго утра, или, лучше сказать, до двѣнадцати часовъ, когда могъ ѣхать къ Жиглинской, гдѣ ожидалъ встрѣтить князя, который, можетъ быть, снова предложитъ ему деньги; но князя онъ не нашелъ тамъ: тотъ былъ дома и отсыпался за проведенную безъ сна ночь. Елпидифоръ Мартынычъ надѣялся на слѣдующій день, по крайней мѣрѣ, встрѣтить князя и дѣйствительно встрѣтилъ его: князь былъ съ нимъ очень внимателенъ и любезенъ, но о деньгахъ ни слова; на слѣдующій день тоже, — и такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля. Елпидифоръ Мартынычъ потерялъ всякое терпѣнье и разъ даже не выдержалъ и сказалъ акушеркѣ.

— А что, вамъ не платили еще ничего здѣсь?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не платили, а что же?

— Да такъ; мнѣ тоже; я самъ, впрочемъ, имѣлъ глупость: тогда князь тотчасъ же послѣ родовъ предлагалъ мнѣ тысячу рублей, а я не взялъ! Какъ, думаю, брать въ такую минуту,— сами согласитесь!

— Конечно! согласилась акушерка.—Но что же, все равно, онъ послѣ вамъ заплатитъ.

— Да, вѣдь, то-то послѣ заплатитъ—к-ха!... Какъ тоже онъ понялъ мои слова? Можетъ быть, онъ думаетъ, что я никогда не хочу съ него брать денегъ.... Нельзя ли вамъ такъ, этакъ стороной, имъ сказать: «а что, молъ, платили ли вы доктору?— Пора молъ, вездѣ ужь по истеченіи такого времени платятъ»!

— Ни за что, ни за что! воскликнула акушерка. Они, пожалуй, подумаютъ, что этимъ я хочу о платѣ себѣ напомнить; ни за что!

— Ну, глупо! Другой разъ васъ ни на какую практику съ собой не приглашу! сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Пожалуй не приглашайте!—сдѣлайте такое ваше одолженіе! отвѣчала акушерка; и когда Илліонскій уѣхалъ, она прибавила про себя: «ишь, старый чортъ этакой, говори за него, очень мнѣ нужно»!

Елпидифоръ Мартынычъ сталъ въ такое затруднительное положеніе касательно этихъ денегъ, что рѣшился даже посовѣтоваться съ Елизаветой Петровной и, собственно съ этой цѣлью, нарочно заѣхалъ къ ней.

— Поздравляю васъ со внукомъ! сказалъ онъ, входя къ ней.

— Какъ, развѣ родила Леня? воскликнула Елизавета Петровна, вспыхнувъ вся въ лицѣ: того, чтобы даже ей не прислали сказать, когда дочь родитъ, она ужь и не ожидала!

— Какъ же, родила съ недѣлю тому назадъ, прехорошенькаго мальчика!...

Елизавета Петровна на это молчала.

— Что-жь, вамъ надобно теперь ѣхать и познакомиться со внукомъ! продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Гдѣ ужь мнѣ этакой чести дождаться!.. Я во всю жизнь, можетъ быть, не увижу его!.. И въ подворотню свою, чай, заглянуть теперь не пустятъ меня! отвѣчала Елизавета Петровна и не смотря на сухость сердца, ей нестерпимо захотѣлось взглянуть на внука.

— Нѣтъ, пустятъ! успокоивалъ ее Елпидифоръ Мартынычъ.

— А я знаю, что не пустятъ! возражала ему Елизавета

Digitized by Google

Петровна, и слезы ужь текли по ея желтымъ и поблекшимъ щекамъ.

— Да, вотъ дѣти-то!... Кабы они хоть немного понимали, сколь дороги они родительскому сердцу, говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ размышляющимъ голосомъ. Но вы все-таки съѣздите къ нимъ; примутъ ли они васъ или нѣтъ—это ихъ дѣло.

— Съѣзжу, исполню этотъ долгъ мой, сказала Елизавета Петровна.

— Съѣздите!.. повторилъ еще разъ ей Елпидифоръ Мартынычъ, ну, и спросите ихъ, продолжалъ онъ, какъ-бы болѣе шутливымъ голосомъ: «а что, молъ, кто у васъ лѣчитъ»? Они скажутъ, разумѣется, что я.

— А развѣ вы ее лѣчите?

— Я.... На волоскѣ ея жизнь была.... три дня она не разрѣшалась.... Всѣхъ модныхъ докторовъ объѣхали, никто ничего не могъ сдѣлать, а я, слава Богу, помогъ безъ ножа и безъ щипцовъ,—нынче вѣдь очень любятъ этимъ дѣйствовать, благо инструменты стали свѣтлые, вострые: рѣжь ими тѣло человѣческое, какъ рѣпу.

— Что вы-то такое сдѣлали? спросила его Елизавета Петровна.

— Такъ тутъ секретецъ одинъ, отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ уклончиво.

— Князь, чай, хорошо заплатилъ вамъ за это? спросила Елизавета Петровна, заранѣе почти догадавшаяся, къ чему онъ ведетъ весь этотъ разговоръ.

— Да пока еще ничего! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-то стыдливо потупляя глаза свои. Тутъ маленькое недоразумѣньице вышло.... Когда все это благополучно кончилось, онъ вдругъ кидается ко мнѣ и предлагаетъ тысячу рублей.

— Тысячу же рублей однако? переспросила Елизавета Петровна.

— Цѣлую тысячу, отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, неизвѣстно какимъ образомъ сосчитавшій сколько ему князь давалъ; но я тутъ, понимаете, себя не помнилъ—к-ха!... весь исполненъ былъ молитвы и благодарности къ Богу—к-ха!... мнѣ даже, знаете, обидно это показалось: думаю, я спасъ жизнь—к-ха! двумъ существамъ, а мнѣ за это деньгами платятъ!... Какія сокровища могутъ вознаградить за то?!.. «Не надо, говорю, мнѣ ничего!»

— Вотъ ужь это, по моему, глупо! перебила его Елизавета Петровна.—Съ бѣдныхъ не взять—другое дѣло, а съ богатыхъ—что ихъ жалѣть!

Digitized by Google

— Согласенъ, что такъ; но что же прикажете съ характеромъ своимъ дѣлать? Не надо, да не надо!... Проходитъ послѣ того день, другой, недѣля, а они все, можетъ быть, думаютъ, что мнѣ не надо,—такъ я на бобахъ и остался!

— И ништо вамъ, сами виноваты, сказала ему Елизавета Петровна.

— Самъ, самъ!.. согласился Елпидифоръ Мартынычъ.—Не пособите ли вы мнѣ въ этомъ случаѣ!... Право мнѣ становится это нѣсколько даже обидно.... вотъ когда и нужно, присовокупилъ онъ какимъ-то даже растроганнымъ голосомъ, чтобы родители были при дѣтяхъ и наставляли ихъ, какъ они должны себя вести!

— Плохо ужь нынѣшнихъ дѣтей наставлять! воскликнула Елизавета Петровна.

— Плохо-то, плохо! Конечно, что на первыхъ порахъ слова родительскія имъ покажутся непріятными; ну а потомъ, какъ обдумаются, такъ, можетъ быть, и сдѣлаютъ по ихнему; я, вы знаете, для васъ дѣлалъ, въ этомъ отношеніи, сколько только могъ, да и впередъ—к-ха!... что нибудь сдѣлаю,—не откажитесь ужь и вы, по пословицѣ: долгъ платежемъ красенъ!

— Сдѣлаю, скажу, если только примутъ меня! отвѣчала Елизавета Петровна.

— Примутъ, примутъ! повторилъ двоекратно Елпидифоръ Мартынычъ и, поѣхавъ отъ Елизаветы Петровны, готовъ былъ прибить себя отъ досады, что о деньгахъ, которыя были почти въ рукахъ его, онъ долженъ былъ теперь столько хлопотать. Почтенный докторъ, впрочемъ, совершенно по напрасну безпокоился. Князь имѣлъ намѣреніе поблагодарить его гораздо больше, чѣмъ самъ того ожидалъ Елпидифоръ Мартынычъ; кромѣ того, князь предположилъ возобновить ему годичную практику въ своемъ домѣ, съ тѣмъ только, чтобы онъ каждый день заѣзжалъ и наблюдалъ за Еленой и за ребенкомъ. Послѣ помощи, оказанной Илліонскимъ Еленѣ, князь рѣшительно сталъ считать его недурнымъ докторомъ и не говорилъ ему о своихъ предположеніяхъ по тому только, что все это время, вмѣстѣ съ Еленой, онъ былъ занятъ гораздо болѣе важнымъ предметомъ.

— Какъ же мы назовемъ нашего птенца? спросилъ онъ ее.

— Да хоть Николаемъ, въ честь моего отца, который былъ весьма, весьма порядочный человѣкъ! отвѣчала она.

— Хорошо; но когда же мы крестить его будемъ?

Елена при этомъ вопросѣ молчала нѣкоторое время.

Digitized by Google

— Знаешь что, начала она не торопливо и съ разстановкой,— если бы только возможно это было, такъ я желала бы лучше его совсѣмъ не крестить!

— Какъ не крестить? воскликнулъ князь.

— Такъ, не крестить.... Я и ты, разумѣется, нисколько не убѣждены въ томъ, что это необходимо; а потому, зачѣмъ же мы надъ собственнымъ ребенкомъ будемъ разыгрывать всю эту формальность?

— Какъ же, ты такъ-таки совсѣмъ и хочешь оставить его некрещенымъ? спросилъ князь, все еще не могшій прійти въ себя отъ удивленія.

— Такъ, совсѣмъ некрещенымъ, отвѣчала Елена, какъ-бы ясно и опредѣленно обдумавшая этотъ предметъ.

— Но это, началъ князь, все болѣе и болѣе теряясь,—по нашимъ даже русскимъ законамъ совершенно невозможно; ты этимъ подведешь подъ отвѣтственность и непріятность себя и ребенка!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло: я никакъ не желаю, чтобы онъ жилъ подъ русскими законами.... Ты знаешь, я никогда и ни на что не просила у тебя денегъ; но тутъ ужь буду требовать, что какъ только подростетъ немного нашъ мальчикъ, то его отправить за границу, и пусть онъ будетъ лучше какимъ нибудь кузнецомъ американскимъ, или англійскимъ фермеромъ, но только не русскимъ.

— Но и тамъ все-таки нельзя быть некрещенымъ.

— Тамъ, то есть въ Америкѣ, онъ можетъ приписаться къ какой хочетъ сектѣ, по собственному желанію и усмотрѣнію.

Князь, на первыхъ порахъ, почти ничего не нашелъ что̀ ей отвѣчать: въ томъ, что всякій честный человѣкъ, чего не признаетъ, или даже въ чемъ сомнѣвается, не долженъ разыгрывать комедій, онъ, пожалуй, былъ согласенъ съ Еленой; но, съ другой стороны, оставить сына некрещенымъ.... одна мысль эта приводила его въ ужасъ.

— Нѣтъ, я никакъ не желаю не крестить его! сказалъ онъ, вставая съ своего мѣста и начавъ ходить по комнатѣ.

По тону голоса князя и по выраженію лица его, Елена очень хорошо поняла, что его не своротишь съ этого рѣшенія и что на него, какъ она выражалась, нашелъ бычекъ старыхъ идей; но ей хотѣлось, по крайней мѣрѣ, поязвить его умственно.

— Это почему ты не желаешь? Нельзя же имѣть какое-то безпричинное нежеланіе!... спросила она.

Digitized by Google

— Да хоть по тому, что я не желаю производить надъ сыномъ моимъ опыты и оставлять его ужь конечно единственнымъ, некрещенымъ человѣкомъ въ цѣломъ цивилизованомъ мірѣ.

Послѣднее представленіе поколебало, кажется, нѣсколько Елену.

— А китайцы и японцы?... И это еще неизвѣстно, чья цивилизація лучше—ихъ или наша!.. проговорила она.

— Я нахожу, что наша лучше, сказалъ князь.

— Я *такъ нахожу, такъ хочу....* какой прекрасный способъ доказывать и убѣждать! сказала насмѣшливо Елена.—Спросимъ, по крайней мѣрѣ, Миклакова, присовокупила она,—пусть онъ рѣшитъ нашъ споръ, и хоть онъ тоже съ очень сильнымъ старымъ душкомъ, но все-таки смотритъ посмѣлѣе тебя на вещи.

— Изволь, спросимъ! согласился князь—и, вслѣдствіе этого разговора, въ тотъ же день нарочно заѣхалъ къ Миклакову и, расказавъ ему все, убѣдительно просилъ его вразумить Елену, такъ что Миклаковъ явился къ ней предувѣдомленный и съ замѣтно насмѣшливой улыбкой на губахъ. Одѣтъ онъ былъ при этомъ такъ франтовато, что Елена, не смотря на свое слабое здоровье и то, что ее занималъ совершенно другой предметъ, тотчасъ же замѣтила это и, подавая ему руку, воскликнула:

— Что это какимъ вы франтомъ нынче?

— Онъ нынче всегда такимъ является, и каждый вечеръ изволитъ съ моей супругой въ карты играть! подхватилъ князь.

— Изволю-съ, изволю!... отвѣчалъ Миклаковъ, нѣсколько краснѣя въ лицѣ.

— Ну, прежде всего подите и посмотрите моего сына, сказала ему Елена.

— Да, да, прежде всего этого господина надобно посмотрѣть, отвѣчалъ Миклаковъ и прошелъ въ дѣтскую.

— Какой отличный мальчикъ! какой прелестный! кричалъ онъ оттуда.

Елена при этомъ вся цвѣла радостью. Князь, въ свою очередь, тоже не менѣе ея былъ доволенъ этимъ.

Миклаковъ наконецъ вышелъ изъ дѣтской и сѣлъ.

— Славный мальчикъ, чудесный! повторилъ онъ и тутъ еще разъ.

— А вотъ Елена Николаевна хочетъ не крестить его, сказалъ князь.

— Что-съ? спросилъ торопливо Миклаковъ, какъ-бы ничего этого не знавшій.

Digitized by Google

— Я хочу, чтобы онъ остался некрещенымъ, отвѣчала Елена.

— Но на какомъ же это основаніи?

— На томъ, что оба мы, родители его, не признаемъ никакой необходимости въ томъ.

— По этому вы сына вашего хотите оставить безъ всякой религіи?

— Хочу! сказала Елена.

Миклаковъ поднялъ отъ удивленія плечи.

—. Признаюсь, я не знаю ни одного дикаго народа, который бы не имѣлъ какой нибудь религіи.

— У дикихъ она пусть и будетъ, потому что всѣ религіи проистекаютъ или изъ страха, или отъ невѣжества.

— Отъ невѣжества ли, отъ страха ли, изъ стремленія ли ума признать одно общее начало и наконецъ изъ особенной ли способности человѣка вѣровать, но только религіи присущи всѣмъ людямъ, и потому какъ же вы хотите такое естественное чувство отнять у вашего сына?!

— Если у него нельзя отнять религіознаго чувства, то я не хочу, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ былъ православный.

— Какой же бы религіи вы желали посвятить его? спросилъ насмѣшливо Миклаковъ.

— Да хоть протестантской!.. Она все-таки поумнѣй и попросвѣщеннѣй! отвѣчала Елена.

— А позвольте спросить, долгое ли время вы изволили употребить на изученіе того, чтобы опредѣлить достоинство той или другой религіи? продолжалъ Миклаковъ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Для этого вовсе не нужно употреблять долгаго времени, а просто здравый смыслъ сейчасъ же вамъ скажетъ это.

— Ну, а я этого здраваго смысла, признаюсь, меньше всего въ васъ вижу, возразилъ Миклаковъ.

— Это почему? воскликнула Елена.

— А потому, что если бы вы имѣли его достаточное количество, такъ и не возбудили бы даже вопроса: крестить ли вамъ вашего сына или нѣтъ, а прямо бы окрестили его въ религіи той страны, въ которой предназначено ему жить и дѣйствовать; и пусть онъ самъ мѣняетъ ее послѣ, если ему этого пожелается,—вотъ бы что сказалъ вамъ здравый смыслъ, и что было бы гораздо умнѣе и даже либеральнѣе.

Digitized by Google

— Можетъ быть, умнѣе, но никакъ не либеральнѣе, сказала, отрицательно покачавъ головой, Елена.

— Нѣтъ, либеральнѣй, повторилъ еще разъ Миклаковъ: то, что вы сдѣлаете вашего сына протестантомъ,—я не говорю уже тутъ объ юридическихъ неудобствахъ,—что вы можете представить въ оправданіе этого?..—Одну только вашу капризную волю и желаніе, потому что предмета этого вы не изучали, не знаете хорошо; тогда какъ родители, дѣйствующіе по здравому слыслу, очень твердо и положительно могутъ объяснять своимъ дѣтямъ: «милые мои, мы васъ окрестили православными, потому что вы русскіе, а въ Россіи всего удобнѣе быть—православнымъ!»

— Въ томъ-то и дѣло, что я вовсе не хочу, чтобы сынъ мой былъ русскій!

— И того вы не имѣете права дѣлать: сами вы русская, отецъ у него русскій, и потому онъ долженъ оставаться русскимъ, пока у него собственнаго, личнаго какого нибудь желанія не явится по сему предмету, а то вдругъ вы сдѣлаете его, положимъ какимъ нибудь нѣмцемъ и протестантомъ, а онъ потомъ спроситъ васъ: «на какомъ основаніи, маменька, вы отторгнули меня отъ моей родины и отъ моей природной религіи?»—что вы на это скажете ему?

— Ничего я ему не скажу, возразила Елена съ досадой,—кромѣ того, что у него былъ отецъ, а у того былъ пріятель—оба люди самыхъ затхлыхъ понятій.

— А мы ему скажемъ, возразилъ Миклаковъ,—что у него была маменька—въ одно и тоже время очень умная и сумашедшая?

— Не сумашедшая я! воскликнула на это Елена...—а надобно же когда нибудь и кому нибудь начать!

— Что такое начать? спросилъ ее Миклаковъ,—чтобы всѣ люди протестантами, что ли, были?

— Подите вы съ вашими протестантами! воскликнула Елена.—Чтобы совсѣмъ не было религіи—понимаете?...

Когда Елена говорила послѣднія слова, то у ней вся кровь даже бросилась въ лицо; князь замѣтилъ это и мигнулъ Миклакову, чтобы тотъ не спорилъ съ ней больше. Тотъ понялъ его знакъ и возражалъ Еленѣ не столь ужь рѣзкимъ тономъ.

— А вотъ когда не будетъ религіи, тогда, пожалуй, не крестите вашего сына; но пока онѣ существуютъ, такъ ужь позвольте мнѣ даже быть воспріемникомъ его! заключилъ онъ, обращаясь въ одно и то же время къ князю и къ Еленѣ.

Digitized by Google

— Ну, дѣлайте тамъ какъ хотите! отвѣчала та съ прежней досадой и отворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ.

— Я очень радъ, конечно, отвѣчалъ князь и пожалъ даже Миклакову руку.

— А когда же эта исторія будетъ? спросилъ тотъ.

— Какъ нибудь на этой недѣлѣ, отвѣчалъ протяжно князь.— Можно на этой недѣлѣ? счелъ онъ, однако, нужнымъ спросить и Елену.

— Мнѣ все равно! отвѣчала та, не повертываясь къ нимъ лицемъ.

— На недѣлѣ, такъ на недѣлѣ! сказалъ Миклаковъ и взялся за шляпу.

— А вы еще къ намъ.... къ княгинѣ зайдете? спросилъ его князь.

— Зайду-съ, отвѣчалъ Миклаковъ опять какъ бы нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

По уходѣ его, Елена сейчасъ же велѣла подать себѣ малютку, чтобы покормить его грудью. Мальчикъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ прехорошенькій, съ большими и черными, какъ вишни, глазами, съ густыми, черными волосами; онъ еще захлебывался, глотая своимъ маленькимъ ротикомъ воздухъ, который въ комнатѣ у Елены былъ нѣсколько посвѣжѣе, чѣмъ у него въ дѣтской.

— Милый ты мой, говорила она, смотря на него съ нѣжностью, и тебя въ жизни заставятъ такъ же дурачиться, какъ дурачатся другіе!

А. Писемскій.

Digitized by Google

ЖАЛОБЫ БѢДНЯКОВЪ

Изъ Роберта Соута.

— И что̀ такъ ропщетъ бѣдный людъ!
Богачъ сказалъ мнѣ разъ.
— Чтобъ я тебѣ отвѣтить могъ,
Пойдемъ со мной сейчасъ.

Морозный вечеръ былъ, и снѣгъ
На улицахъ лежалъ.
Мы шли дрожа. Насъ зимній плащъ
Отъ стужи не спасалъ.

Старикъ намъ встрѣтился сѣдой;
Онъ сгорбленъ былъ и хилъ.
— Зачѣмъ изъ дому вышелъ ты?
Я старика спросилъ.

Онъ отвѣчалъ:—У очага
Сидѣть бы я готовъ,
Когда бы подали вы мнѣ
Хоть на вязанку дровъ.

Digitized by Google

Вотъ мальчикъ, видимъ мы, идетъ,
Въ лохмотьяхъ весь и босъ.
— Куда ты, я спросилъ его,
Бѣднякъ, въ такой морозъ?

— За подаяньемъ посланъ я,
Онъ мнѣ сказалъ въ отвѣтъ:
— Отецъ мой при смерти лежитъ,
А въ домѣ хлѣба нѣтъ!

На чье-то блѣдное лицо
Палъ свѣтъ — свѣтъ отъ фонарей.
На камнѣ женщина сидитъ,
Малютокъ двое съ ней.

— Зачѣмъ, я молвилъ ей, ты здѣсь?
Вѣдь ночь такъ холодна,
И дѣтокъ бѣдныхъ жаль...
Но мнѣ отвѣтила она:

— Мой мужъ солдатъ. За короля
Пошелъ онъ воевать.
И подаяньемъ хлѣбъ должна
Себѣ я добывать.

Въ одеждѣ легкой мимо насъ
Красавица прошла,
Въ лицо съ усмѣшкой намъ взглянувъ,
Развязна и смѣла.

Я, воротивъ ее, спросилъ:
— Иль сладокъ такъ порокъ,
Что онъ и въ эту ночь тебя
Изъ дома вызвать могъ?

Digitized by Google

Ее заставила — глаза.
Потупить рѣчь моя,
И тихій голосъ прозвучалъ:
— Весь день не ѣла я!

Богачъ стоялъ смущенъ и нѣмъ.
— Теперь, я произнесъ,
Ты знаешь все: отвѣтилъ самъ
Народъ на твой вопросъ.

А. Плещеевъ.

Digitized by Google

КНЯЗЬ

ДРЕВНЕЙ РУСИ

(Очеркъ)

«Азъ, худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, нареченъ есмь, при крещеніи, Василій, русьскымъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленымъ и матерью своею Мьномахы». Такъ начинаетъ князь древней Руси, Владиміръ Всеволодовичъ, свое завѣщаніе, этотъ драгоцѣнный памятникъ, воскрешающій время, отдѣленное отъ насъ восемью столѣтіями. Слѣда не осталось отъ узорныхъ теремовъ на Выдобычи, отъ дубовыхъ и каменныхъ бойницъ стараго Кіева, а духъ человѣка уцѣлѣлъ въ несокрушимомъ временемъ, прозрачномъ, какъ кристалъ, сосудѣ слова; истлѣли цареградскія, узорочныя паволоки, бережно хранившіяся въ княжихъ скрыняхъ, а мысленная ткань цѣла, лежитъ передъ нами, сохранивъ всю дивную пестроту, мѣстами яркость, золота и старыхъ красокъ; всматриваясь въ сложный узоръ ея, видишь не однѣ думы, но дѣлишь горе и радость, волновавшія когда-то душу человѣка. Такъ чудодѣйственно и такъ живуче человѣческое слово.

Мы выбрали для нашего очерка князя Владиміра Мономаха по тому, что духовный ликъ его являетъ собою завѣтный, любимый образецъ, къ которому стремились и стремятся лучшіе русскіе люди. Пренебреженіе къ наружному блеску, простота, полная, беззавѣтная, преданность общему дѣлу, любовь къ труженичеству суть тѣ коренныя русскія черты, которыми нельзя не любовать-

Digitized by Google

ся въ нашихъ: князѣ Пожарскомъ, Мининѣ, Петрѣ, Суворовѣ; не говорю уже о великихъ духовныхъ русскихъ вождяхъ, какъ св. Антоній, Ѳеодосій, Сергій; они-то, «стяжавшіе смиреніемъ высокая, нищетою богатая», и были главными строителями зданія духа народнаго, положивъ основной, первый камень подъ этотъ великій, вѣчный, стройный храмъ.

Не одна льстивая похвала монаха-лѣтописца, въ родѣ тѣхъ, что былъ «мнихолюбивъ преизлиха, щедръ и богобоязливъ благовѣрный князь», сохранилась въ памятникахъ времени о Мономахѣ; не однимъ свѣтомъ написанъ его ликъ: нѣтъ, есть и тѣни, и немногія пятна душевныя,—словомъ, весь человѣкъ, живой, выступаетъ изъ вѣковаго мрака старины незапамятной. Видишь его и въ гриднѣ за столомъ, уставленнымъ корсунскою златою утварью, и разъѣзжающаго на конѣ, съ нарядным соколомъ, по зеленымъ лугамъ и синимъ, тихимъ заводямъ; видишь окрученнаго въ кольчатый, боевой доспѣхъ, въ высокой ерихонкѣ съ архангеломъ на златой прилбицѣ и надписью: «помози архистратиже Михаиле рабу своему Василью», съ широкой, греческой саблею въ рукѣ, съ выведеннымъ золотомъ псалмомъ: «суди Боже обидящія мя»; видишь бесѣдующаго келейнѣ съ владыкою, кротко указующимъ ему на душевный недугъ, требующій врачеванія; и на Берестовомъ среди дружины уставляющимъ уставы людямъ, «о холопѣхъ, рѣзѣхъ, о послушествѣ»; на походномъ ночлегѣ въ курной, крестьянской избѣ ласкающаго богатырскою рукой бѣловолосаго малютку, сына бѣдняка смерда, хозяина; видишь сидящаго надъ писаннымъ золотомъ «изборникомъ» въ праздничный, не рабочій день; видишь надъ раннимъ гробомъ юнаго сына, жертвы нарушенной братней любви и поднятой корыстію усобицы; слышишь, какъ говоритъ онъ Всеволожей княгинѣ, въ отвѣтъ на мольбу ея прекратить вражду,—говоритъ, расплакався: «по истинѣ отцы и дѣды сблюли землю русьскую, а мы хочемъ погубити».

Великій дѣдъ князя Владиміра, умершій за годъ до рожденія внука, былъ тотъ самый князь Ярославъ, который, по слову лѣтописца, «насѣялъ сердца вѣрныхъ людей книжными словесы». Владиміръ святой взоралъ, а Ярославъ осѣменилъ. «Плоды этого сѣва мы и пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное; книги бо суть рѣки, напояющія вселенную, исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина». Ярославъ собралъ многихъ писцовъ и прелагателей книгъ съ греческаго на словенское письмо, за-

Digitized by Google

ложилъ кремль великій кіевскій, «у него же златыя врата», церковь св. Софіи и церковь на золотыхъ вратахъ «святое Богородицѣ благовѣщенье». Сынъ Ярослава, тезоименитый Мономаху, построилъ св. Софію въ Новѣгородѣ. Въ алтарѣ кіевской софійской церкви уцѣлѣла мраморная гробница князя Ярослава съ изваяніями птицъ, рыбъ, крестовъ и узоровъ.

Князь Владиміръ родился и выросъ въ Переяславлѣ, гдѣ княжилъ отецъ его. Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, бывшій долго мѣстопребываніемъ митрополитовъ, измѣняли въ это время, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе, свою сельскую наружность: каменныя церкви, «дивно вельми изукрашенныя», нотѣшные княжіе терема, созидавшіяся каменныя стѣны съ стрѣльчатыми бойницами, златыя, узорочныя врата, все это давало стольному граду въ это время нѣкоторое право называться, по благолѣпію, вторымъ Царьградомъ. Но обычаи двора княжаго, боярскихъ домовъ, мирная жизнь монастырей, далеко не походили на жизнь простонародья, даже городскаго, не говоря о деревенщинѣ и засельщинѣ. Подобно заповѣдному, нетронутому еще топоромъ, вѣковому лѣсу со свѣжестью и глушью непроходимыхъ трущобъ, раскидывалось вокругъ Кіева полуязыческое, новокрещеное, земство; чѣмъ дальше отъ Кіева, тѣмъ глушь была непроходимѣе, тѣмъ рѣже проникалъ въ ея разросшуюся, на волѣ, крѣпь лучъ свѣта. Такъ какой-то волхвъ, даже въ Новѣгородѣ, смутилъ людей, говоря имъ: «все вѣдаю; перейду Волховъ предъ всѣми». «Се бо не погански ли живемъ», говоритъ современникъ Мономаху, лѣтописецъ, «аще встрѣчамъ вѣруемъ? Аще бо кто усрящетъ черноризца, то возвращается; другіе же чиханью вѣруютъ, еже бываетъ на здравье главѣ; видимъ игрища утолочена и людій много множьство, яко упихати начнутъ другъ друга, а въ церкви стоять, егда бываетъ годъ (часъ) молитвы, мало ихъ обрѣтается». Поученіе Луки Жидяты, вопросы Кирика и лѣтописи представляютъ много указаній на свѣже-замѣтные слѣды язычества; даже далеко позже живо было поклоненіе деревьямъ и т. п. И это не удивительно въ то время, когда еще въ нашъ вѣкъ, крестьянинъ, выстроивъ новую избу, выходитъ съ хлѣбомъ-солью къ лѣсу приглашать хозяина—домоваго. Въ самой княжой дружинѣ виднѣются еще слѣды первобытной грубости; Ольбегъ Ратиборовичъ, самъ Ратиборъ, избивающіе обманомъ Итлареву чадь, стоятъ подлѣ старца Яна, «мужа добродѣтелью, не худшаго первыхъ праведниковъ», подлѣ Вышаты, жившаго въ Царьгра-

Digitized by Google

дѣ, сына Остромира новгородскаго. Много труда положено подвижниками, каковы св. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, для того, чтобы расчистить трущобу, проложить среди разросшейся глуши вѣрный и торный путь къ истинѣ, къ Божьему свѣту.

Каждую весну, въ половодь, сбѣгались по Днѣпру, къ стольному граду, выдолбленныя изъ толстыхъ дубовыхъ колодъ, лодки со льномъ, житомъ, шкурами, лыкомъ, воскомъ и медомъ. Торговый наѣзжій людъ, гости, кіевскіе купцы вымѣнивали у нихъ товаръ на «ярославле сребро», на куны, и нагрузивъ свои легкія, парусныя суда, спускались по Словутичу на низъ, къ Витичеву, чтобы, перегрузившись на Неясыти, въ порогахъ, нестись за прибылью и барышемъ къ Царюгороду. А сельщина, продавъ привезенный товаръ вмѣстѣ съ колодами, побродивъ по Кіеву, подивившись на княжи терема, златыя врата, на Десятинную церковь, на святую Софію, шла пѣшкомъ восвояси съ кіевскими гостинцами въ котомкахъ, образками за пазухой для домочадцевъ.

На свѣжей, непочатой почвѣ народной души быстро принималось засѣянное. (Въ славянинѣ было меньше звѣрства, чѣмъ въ половчинѣ, чудинѣ и другихъ инородцахъ, что доказывается между прочимъ тогдашнимъ правиломъ церковнымъ: предъ крещеніемъ, оглашенному славенину полагалось только восемь дней поста, чудину же и половчину сорокъ). Но вмѣстѣ съ пшеницею всходили на обильной растительною силою нивѣ и плевелы; сѣятелямъ надо было прилежно просѣявать зерно передъ сѣвомъ. Языкъ славянъ, воплотивъ поэзію ихъ дѣтски-свѣжихъ, связанныхъ тѣсно съ природою и ея стихіями, вѣрованій, былъ способенъ воспріять истину по-дѣтски, можетъ быть, сначала, какъ по-дѣтски переносили славяне свою любовь отъ языческаго миѳа прямо къ христіанскимъ, новымъ образамъ. Такъ въ Ильѣ Пророкѣ долго видѣло славянство своего бога громовника; говоритъ св. Илья Христу:

«Да ми даде ключева отъ небеси,
Да заключимъ иглы и облаци,
. . . . . .
Три годины да се не роди жито и руйно вино.»

Такъ въ загадкѣ о молніи опять слышна память славянъ о дѣвѣ громовницѣ: «Дѣва Марія по воду ходила, ключи обронила». Вотъ почва, въ какую пришлось засѣвать Божіе сѣмя нашимъ просвѣтителямъ,—почва мягкая, легко воспринимающая и пре-

Digitized by Google

творяющая. Нужно было только обращаться съ нею любовно, по качеству ея.

Святители русскіе были зодчими, иногда жертвовавшими жизнію дѣлу, какъ на пр. св. Леонтій; князья — ихъ помощниками, кладчиками, главными исполнителями мысли и плана зодчихъ; это было время посѣва той внутренней силы любви, которою донынѣ крѣпка Русь святая, силы, предъ нею же не устоитъ никакая численная, грубая и рыхлая, недолговременная сила. Зовъ на великое дѣло воспитанія земли русской слышали, имѣющіе здравый слухъ князья, какъ Владиміръ святой, Ярославъ, Мономахъ, Мстиславъ, любимецъ Новагорода; къ благодатному труду ихъ вдохновляло величіе недавно совершившихся и живо памятныхъ тогда землѣ событій; еще вчера Русь узрѣла свѣтъ въ Господнемъ свѣтѣ, недавно огласило ее слово истины, еще о дальнихъ странахъ своихъ молилась она, новопросвѣщенная: «да и тіи съ нами славятъ пречестное и великолѣпое имя Господа». Изъ вторыхъ только устъ, чуть не отъ самыхъ очевидцевъ, передавалась вѣсть о чудѣ изъ чудесъ, свершившемся въ одинокой, тихой кельѣ святыхъ Кирилла и Меѳодія,—о чудѣ осіянія народнаго лепета, слова, неугасаемымъ свѣтомъ вѣчнаго разума; недавно еще были въ живыхъ счастливцы, слышавшіе первую пѣснь на родномъ, русскомъ языкѣ, «вмѣсто мѵра, принесенную Владыкѣ», зрѣвшіе первый входъ Его въ нашу бѣдную, рубленую церковь: «возьмите врата *князи* ваши. Се грядетъ Царь славы». Слово какъ будто подняло свои конязи (конязь, князь, верхушка, сводъ у дверей), при входѣ духа разума, его оживотворившаго.

А между тѣмъ, не смотря на близость событій такой громадной важности, на вліяніе вожатаевъ, какъ св. Антоній, Ѳеодосій Печерскіе, въ самой княженецкой семьѣ не всѣ одинаково чутки были къ слову истины и любви, не всѣ съ одинаковою ревностью служили правдѣ. Семья княжая раздѣлилась на двѣ стѣны; вождями сторонъ въ описываемое время являются Мономахъ и князь Олегъ Святославичъ, двоюродный братъ его. Еще отца Олега, сидѣвшаго на велико-княжескомъ столѣ, не долюбливали кіевляне за насиліе, отобранье имѣній и поборы. Олегъ, по смерти отца, боясь мести новаго великаго князя, выгнаннаго отцомъ его изъ Кіева, бѣжалъ въ Тмуторакань, откуда скоро воротился на Русь съ цѣлою ордою половцевъ; грабежемъ черниговской земли и начались похожденія молодаго князя. Засѣвъ насильно въ Черниговѣ, онъ, въ видѣ ли награды, или наказанія земли, позволилъ дикарямъ

Digitized by Google

жечь и грабить села, брать въ полонъ поселянъ, кормиться въ волости. Всеволодъ, отецъ Мономаха, самъ Мономахъ и великій князь Изяславъ насилу могли его выжить изъ Чернигова. Въ этой усобицѣ убили великаго князя, только-что вступившаго было вторично на кіевскій столъ. Отказываясь отъ приглашеній уладиться на снёмѣ, Олегъ женился на половецкой княжнѣ и словно одичавшій соколъ налеталъ то и дѣло на Русь съ хищною стаей половцевъ. Оторванный отъ родной земли, отъ Кіева, Переяславля, этихъ средоточій просвѣщенія, сблизившись съ свояками, князьями половецкими, русскій князь одичалъ и, зная нелюбовь къ нему Руси, смотрѣлъ на свою землю какъ на недруга. Дума его, на рѣдкихъ съѣздахъ съ Мономахомъ, всегда несогласна была съ думою мужей «смысленныхъ», съ земскою думою; дружинѣ его и ему «вѣдомы были пути и яруги», но не вѣдомы нужды земли, не близки были ея слезы и вопли. Онъ знать не хотѣлъ голоса земли. Когда Олега звали князья въ Кіевъ «порядъ положить о русской землѣ предъ епископы, игумены, мужи отцовъ нашихъ и предъ людьми градскими», князь Олегъ, «вспріявъ смыслъ буй и словеса величава», отвѣчалъ: «нѣсть мене лѣпо судити епископу, или игумномъ, или смердомъ». И позднѣе Ольговичи, попавъ на кіевскій столъ, пили у тысяцкихъ и богатыхъ кіевлянъ, не прочь были запустить руку въ пазуху зажиточнаго горожанина, толстѣли непомѣрно, рыскали съ полудикою дружиною своей по Кіеву, умыкая пригожихъ дѣвицъ, якшались съ дикарями; Святополкъ похоронилъ даже тестя своего Тугоркана язычника, на Берестовомъ, подлѣ Печерскаго монастыря; за одинъ этотъ поступокъ могли не взлюбить его кіевляне.

Русь, полюбившая Владиміра и Мономаховичей, не хотѣла видѣть на кіевскомъ и черниговскомъ столахъ Олега и его потомковъ; а между тѣмъ князьямъ, одинаково происходившимъ отъ Владиміра святаго, Ярослава, думалось: «чѣмъ мы хуже братьи своей? Отчего намъ не столовать въ Руси?» И вотъ началась безконечная усобица, усложненная добываніемъ столовъ князьями боковыхъ линій—Всеславичами, Игоревичами. Такимъ образомъ образовались два типа князей: строителей и разорителей земли. Понятны слезы христіанина Мономаха, покатившіяся у него, при отвѣтѣ Всеволожей княгинѣ на мольбу ея помириться съ братьями: «да, мы губимъ русскую землю».

Русь, т. е. Кіевъ, Переяславль, Черниговъ, Новгородская земля, въ этой борьбѣ, стоятъ на сторонѣ Владиміра Всево-

Digitized by Google

лодовича и дѣтей его, уступая иногда противной сторонѣ, по пословицѣ: «сила солому ломитъ». Новгородцы, на примѣръ, въ отвѣтъ на предложеніе великаго князя взять его сына къ себѣ вмѣсто Мстислава Владиміровича, выразились прямо: «буде у твоего сына двѣ головы,—посылай въ Новгородъ». Старшинство князей земля принимала иногда въ расчетъ, но и помимо его радѣла и стояла за любимаго, знаемаго князя. Такъ Муромъ стоялъ за племянника Изяслава и не пускалъ дядю Олега. Новгородъ слышать не хотѣлъ о Святополкѣ, называя своимъ «вскормленникомъ» Мономаховича.

Св. Ѳеодосій и митрополиты признавали старшинство, отцовскую волю, и укоряли князей, силою завладѣвающихъ столами. «Не имамъ идти на трапезу Іезавелину и причаститися брашна того, наполнено бо крови и убійства: возвѣсти это пославшимъ тебя», отвѣчалъ Ѳеодосій боярину, присланному отъ Святополка звать его на обѣдъ, и велѣлъ на эктеніи поминать изгнаннаго князя. Не одинаково просвѣщенные князья не одинаково и принимали обличающее слово; не одинаково понимали дѣло угодниковъ; они боялись ихъ, какъ дикарь боится кудесника, но это не мѣшало, на примѣръ, Изяславу гнать изъ Кіева св. Антонія за то, что онъ постригъ Варлаама боярина и Ефрема, евнуха княжаго; только княгиня его, ляховица, упросила оставить святаго, вспоминая Божій гнѣвъ въ землѣ своей, по отгнаніи черноризцевъ. Страхъ этотъ не помѣшалъ Ростиславу утопить св. Григорія за обличительное, честное, слово. Говорилъ, правда, св. Ѳеодосію, встрѣчая его, князь Святополкъ:

— Се, отче, истину тебѣ глаголю, если бы возвѣстили мнѣ, что отецъ всталъ отъ мертвыхъ, не такъ бы обрадовался я, какъ радуюсь приходу твоему; такъ *не боялся* я отца, какъ *боюсь* преподобныя души твоея.

— Такъ, буде ты боишься меня, сотвори волю мою, возврати брата своего на столъ, отданный ему благовѣрнымъ отцемъ твоимъ, отвѣчалъ Ѳеодосій.

Князь же замолчалъ на это, не зная, что отвѣтить: «толми бо бѣ врагъ разжеглъ его гнѣвомъ на брата своего», прибавляетъ лѣтописецъ.

Дѣло дошло разъ до того, что св. Ѳеодосію стали грозить заключеніемъ.

— Я радъ этому, говорилъ угодникъ. — Чего я лишаюся? имѣнья ли, богатства, или дѣтей; чего жалѣть мнѣ? Ничего отъ

Digitized by Google

таковыхъ не принесли мы въ міръ этотъ; наги родились, такъ же подобаетъ намъ прейдти отъ свѣта сего».

И оттолѣ началъ еще сильнѣе укорять, гремѣть, «о братоненавидѣньѣ».

Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ родился въ 1053 году въ Переяславлѣ, отъ князя Всеволода Ярославича и царевны «грекыни», дочери греческаго царя Константина Мономаха. Теремъ, дѣтская, гдѣ росъ Владиміръ, былъ не похожъ на теремъ какого нибудь Святополка, женатаго на половчанкѣ. Тонкія паволоки съ хитрыми узорами, изящныя одежды чернобровой матери, тканыя пелены въ родѣ той, какую приносили греческіе монахи его прадѣду, великому князю Владиміру, были не рѣдкостью въ стряпнѣ греческой царевны; иконы византійскаго письма, панагіи съ мощми, мусіи съ золотыми, тонкими, какъ паутина, очертаніями лицъ и складокъ одеждъ, рабочій ларецъ матери съ устроеннымъ посрединѣ раемъ, гдѣ среди зелени гуляютъ звѣри различные и птицы на деревахъ, Адамъ и Ева, и все это отражается въ зеркальцахъ, замѣняющихъ стѣнки рая;—наконецъ кузнь: златыя серги, перстни, мониста, пуговицы лѣтниковъ, нарукавья дивнаго мастерства, сканныя коробочки для бисера, ароматники—все это съ дѣтства окружало княжича. Греческій языкъ, какъ языкъ материнскаго терема, былъ съ дѣтства свой князю Владиміру; кромѣ того митрополиты Іоаннъ, Ефремъ, Никифоръ были греки. Молодому князю было что читать въ богатомъ собраніи греческихъ и переложенныхъ по-словянски книгъ, устроенномъ великимъ княземъ Ярославомъ и любимцемъ его, Всеволодомъ, знавшимъ пять языковъ. Самый городъ Переяславль съ новоотстроенными, созидаемыми на митрополичьемъ дворѣ церквами, Кіевъ, съ узорчатыми теремами на Берестовѣ, съ св. Софіею, изукрашенною, еще яркими тогда, мозаиками и стѣнописью, воспитывали вкусъ княжича, не разъ сопровождавшаго отца на лѣса воздвигаемыхъ храмовъ. Спокойный, величавою простотою своей напоминающій простоту библейской рѣчи,—стиль русскихъ старинныхъ церквей первый, можетъ быть, посѣялъ въ молодую душу то чувство равновѣсія, ту мужественную твердость, то созвучіе мысли и дѣла, которыя видимъ мы въ каждомъ поступкѣ, словѣ, душевномъ движеніи князя Владиміра. Вліяніе искусства, какъ теплота солнечнаго весенняго луча, иногда незамѣтно, тихо, но всегда плодотворно, дѣйствуетъ на человѣка: а душа ребенка, мягкая какъ воскъ, особенно легко разогрѣвается отъ тепла, сообщаемаго красотою.

Digitized by Google

Живая память о св. Антоніи, расказы о немъ матери, просвѣщеннаго отца, домочадцевъ; св. Θеодосій, не разъ принимавшій князя Всеволода съ сыномъ въ своей тихой кельѣ (князю Владиміру было уже двадцать лѣтъ въ годъ смерти Θеодосія); наконецъ сверстница сестра, Янка, измлада «увеселявшаяся книжными словесы», отъ юности полюбившая уединеніе, облекшаяся дѣвицею въ ангельскій чинъ, чтобъ, совокупивъ вокругъ себя любимыхъ подругъ своихъ, уединиться съ ними въ отстроенной для нея отцемъ, при церкви св. Андрея, обители,—вотъ кто были первые воспитатели древлерусскаго князя.

А въ дѣдовской дружинѣ, между тѣмъ, съ Вышатою, долго жившимъ полоненникомъ въ Цареградѣ, старцемъ Яномъ, отъ коего лѣтописецъ многое слышалъ и записалъ, ходили еще свѣжія, стройныя былины о Владимірѣ-солнцѣ и его могучихъ богатыряхъ, въ перемежку съ живою, задушевною рѣчью старца, со вздохомъ вспоминавшаго свое невозвратное дѣтство, свою молодость. Порою вплеталась въ эти повѣсти о старой старинѣ забавная быль о печенѣгахъ-дикаряхъ, повѣрившихъ, что на Руси земля даетъ самородный кисель съ медовою сытою, или быль о томъ, какъ благовѣрная княгиня Ольга «переклюкала» греческаго царя, или недавняя быль о волхвѣ, увѣрившемъ простаковъ, будто бабы сдѣлали, что на Руси два года не родится никакое жито.

Кіевъ, Переяславль, въ умственномъ отношеніи, стояли выше другихъ княжествъ; зодчіе народной мысли строили здѣсь незыблемыя стѣны православнаго міровоззрѣнія. Не много осталось отъ софійской живописи и мусій на стѣнахъ, рушились каменные своды, и нѣтъ ярославовыхъ церквей, а посѣянное великими дѣлателями мысленной нивы донынѣ радуетъ, грѣетъ и животворитъ созерцателя; крѣпки плодоносные вѣковые корни насажденныхъ ими деревьевъ; ихъ жребій зеленѣть, питать плодами многія будущія поколѣнья, и, можетъ, не одной русской земли, а всего неоглядного Божьяго міра.

Благолѣпное служеніе митрополитовъ, жившихъ въ Переяславлѣ, демественное осьмогласіе, утратившее у славянъ однообразную, византійскую, искусственность, не воспитывало ли слухъ молодаго князя? Его благозвучіе, какъ и созвучное сочетаніе линій въ томъ храмѣ, гдѣ оно раздавалось, не были ли ему первообразомъ внутренняго благозвучія и строя?

А тамъ, изъ тишины княгининыхъ, златошвейныхъ мастерскихъ, какъ вешній вѣтерокъ, долетавшій до дѣтской, свѣжій,

Digitized by Google

неиспорченный еще напѣвъ славянской нашей пѣсни роднилъ съ пеленокъ княжича съ единокровною народною семьей, такъ имъ любимой во всю жизнь, и такъ его самого, даже во внукахъ, правнукахъ потомъ, столѣтія цѣлыя, любившей. И тýга и веселье и слезы и улыбка радости и всѣ помыслы задушевные и весь уставъ народной жизни простаго русскаго человѣка, были близки сердцу княжича, какъ близко все свое, родное, семейное. А пѣсни вѣщаго пѣвца, «растекавшагося мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаки», подъ гулъ и звонъ струнъ золотыхъ, рокотавшихъ славу князьямъ! Эти соловьиныя пѣсни про старую старину, какъ звѣнья золотой цѣпи окладня, связывали настоящее съ прошедшимъ любованьемъ правнука и внука доблестью дѣда и прадѣда. И вдругъ отъ величавой рѣчи повѣсти, «сложенной по былинамъ стараго времени», пѣвецъ, встряхнувъ кудрями, подымалъ веселый звонъ на потѣшный ладъ и затягалъ: «Эхъ не покиньте меня, молодца похмѣльнаго».

Въ переяславскихъ княжихъ хоромахъ дорогими, желанными гостьми были также паломники, вернувшіеся только-что изъ неблизкаго пути на Святую гору, во Іерусалимъ градъ.

— Сподобилъ меня Богъ трижды быть на Іорданѣ, самъ, быть можетъ, игуменъ-паломникъ Даніилъ, передавалъ, сидя у князя Всеволода, или у его княгини въ узорномъ теремѣ,—и въ самый праздникъ водокрещенія былъ я на Іорданѣ со всею дружиною моей, видѣлъ благость Господню, приходящую на воду Іорданскую: и народу безъ числа тогда приходятъ къ водѣ со свѣчами; и всю ту почь пѣніе бываетъ изрядно, свѣчамъ безъ числа горящимъ: о полунощи бываетъ крещеніе водѣ, тогда бо Духъ Святый нисходитъ на воды Іорданскія; достойные человѣцы видятъ добрѣ, како выходитъ Духъ Святый, а весь народъ не видитъ; но токмо радость и веселіе всякому человѣку бываетъ тогда на сердцѣ, егда погрузятъ крестъ честный и запоютъ: «во Іордани крещающу Ти ся, Господи». И тогда вси людіе кинутся въ воду Іордана, крестяся во Іорданской рѣкѣ, якоже Христосъ въ полунощи крестился есть отъ Іоанна. И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу, продолжалъ паломникъ,—видѣлъ я, какъ свѣтъ святый сходитъ ко гробу животворящему Господа нашего Іисуса Христа; мнози бо иніи странники не право глаголютъ о схожденіи свѣта святаго, будто Духъ Святый голубемъ сходитъ къ гробу Господню, а другіе говорятъ, будто молнія сходитъ съ небеси, и тако зажигаются кандила надъ Господнимъ гробомъ. Я о томъ скажу, какъ видѣлъ,

Digitized by Google

по истинѣ: въ великую пятницу, по вечернѣ, отираютъ гробъ Господень, вымываютъ кандила и наливаютъ масла деревянаго, чистаго безъ воды, вложатъ свѣтильни и не зажигаютъ; и запечатаютъ гробъ Господень во второмъ часу ночи; тогда изгасятъ всѣ кандила не токмо тутъ, но по всѣмъ церквамъ въ Іерусалимѣ....

И расказывалъ паломникъ, какъ онъ пошелъ ко князю Балдуину и поклонился ему до земли.—И рече ми: что хощеши, игумене русскій? Ибо онъ зналъ меня и любилъ вельми; былъ онъ мужъ добрый, смиренный и не гордился ни мало.

— Княже мой, господине, отвѣчалъ Балдуину игуменъ Даніилъ,—молю ти ся: Бога деля и князей деля русскихъ, хотѣлъ бы и я поставить кандило на гробѣ святомъ, Господнемъ, ото всей русскія земли.

Князь позволилъ, и Даніилъ, купивъ лампаду, поставилъ при гробѣ. Балдуинъ велѣлъ игумену идти за нимъ къ утрени въ Свѣтлое воскресенье; иначе трудно было пробраться сквозь толпу, собравшуюся въ церкви. Латинскіе попы пѣли въ великомъ алтарѣ, греческій игуменъ Савва вверху, надъ гробомъ, съ чернецами и бѣлымъ правовѣрнымъ духовенствомъ.... «И начали читать пареміи великія суботы; латыняне же въ великомъ олтарѣ верещати начаша по своему». Епископъ съ діакономъ нѣсколько разъ подходили къ «дверямъ гробнымъ, запечатаннымъ», и смотрѣли, сквозь рѣшетку, есть ли свѣтъ; народъ громогласно возглашалъ: «киріэлейсонъ,—еже есть Господи помилуй». Когда начали пѣвцы: «Господеви поемъ», надъ непокрытымъ верхомъ церкви появилось облако, пошелъ дождь «и смочи ны добрѣ», говоритъ Даніилъ. «И тогда, внезапу, возсія свѣтъ во гробѣ святѣмъ». Сняли печати съ дверей, епископъ зажегъ свѣчу Балдуину.... «А отъ княжой свѣчи мы всѣ возжгохомъ свои свѣщи, а отъ нашихъ свѣчъ вси людіе возжгоша. Кто не видалъ той радости въ тотъ день, тотъ не повѣритъ расказу; мнѣ же, худому, Богъ послухъ есть и святый гробъ Господень, и вся дружина моя, русьскіе сынове, приключившіеся тогда, и новогородцы, и кіевляне: Сѣдеславъ Иванковичъ, Городиславъ Михайловичъ, Кашховича два и иніи мнозіи, иже то свѣдаютъ о мнѣ и о сказаньи томъ».

Такъ и видится княжая семья, внимающая расказу паломника-игумна. Князей, строителей церквей, не мало занимала внѣшность, устройство храма іерусалимскаго; паломникъ развертывалъ планы, привезенные вмѣстѣ съ мѣрою гроба, ладонками, лампадою и кускомъ пѣмаго свидѣтеля избавленія—камня, зна-

Digitized by Google

менованнаго «кустодіею»; указывалъ Голгоѳу, мѣста, гдѣ пѣли утреню и обѣдню наши, а гдѣ и латынскія власти. Княжна Янка, вышивая пелену для новоотстроенной церкви своей обители, слушая плавную рѣчь паломника, переносилась мысленно въ страну, освященную стопами Спасителя, на берега рѣки, слышавшей гласъ небесный; и не одна слеза жемчужиной скатилась, можетъ быть, на пяльцы изъ очей благовѣрной княжны, промѣнявшей на скромную ряску монахини свои властительскія, блещущія золотомъ и перлами, одежды.

Вотъ въ лѣтній праздничный день, послѣ обѣдни и полуденнаго, обычнаго сна,—«въ полдень бо отъ чина почиваютъ и птици и человѣци»,—юноша князь сидитъ съ молодою дружиной своей, отроками, въ тесовыхъ сѣняхъ; и вдругъ подъ окномъ раздается хоръ могучихъ голосовъ:

«А не два звѣря соходилися,
«И не бѣлъ заяцъ, и не сѣръ заяцъ,
«Соходилася правда съ кривдою;
«Кривда правду переспорила;
«Кривда осталась на сырой землѣ,
«Правда пошла ко поднебесью,
«Къ самому Царю небесному».

Выглянула молодежь въ открытое косящато окно; слѣпцы-калѣки, опершись на длиные посохи, уставивъ въ землю сѣдыя свои бороды, стоятъ собравшись во единый кругъ, середи широкаго княженецкаго двора, и гремятъ, знай, стройно свою протяжную, мощную пѣснь:

«А не дай Богъ, братцы, неправдой жить».

Позвали въ гридню калѣкъ, поднесли меду имъ, и пѣли калѣки молодому князю «про страшный судъ», про то, «какъ душа съ тѣломъ разставалася», «про Алексѣя Божья человѣка», «про рѣку Сіонъ огненну, протечетъ коя, яко громъ прогремитъ».

Появилось въ рукописяхъ, пущенное, сдается намъ, дружинниками, слово какого-то Данилы, заточеннаго на Бѣлѣ озерѣ, съ замысловатымъ предисловіемъ, намекающимъ на то, вотъ-де какъ легко доходитъ до княжаго слуха земская мольба и жалоба: «Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ Бѣлѣ-озерѣ и запечатахъ въ воску, и пустихъ во езеро; и вземъ рыба, пожре; и ята бысть рыба рыбаремъ и принесена бысть ко князю; и нача ее пороти, и

Digitized by Google

узрѣ князь сіе написаніе и повелѣ Даніила свободити отъ горькаго заключенія». То шуткой, то побайкой, либо мѣтко подведенною пословицей, высказывалась князьямъ правда, намекалось на неровный дѣлежъ, на самоуправство: «Кому Любово, а мнѣ горе лютое; кому озеро Лачь, а мнѣ горькой плачь; кому Новгородъ, а у меня углы опали».... «Не имай двора близь княжа двора, не имай села близь княжа села». «Не море топитъ корабли, но вѣтри; не огнь творитъ разжиженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное (мѣховъ); тако же и князь не самъ впадаетъ во многія вещи злыя, но думцы вводятъ; съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцемъ думаетъ, и малаго стола лишится».... «Видѣхъ великъ звѣрь, а главы имѣетъ, не тако и добрые полки безъ добраго князя погибаютъ».... «Княже, господине, не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумца, несмысленна; нищъ бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ, красенъ, несмысленъ, то аки паволочитое зголовье, соломой набитое»... «Не скотъ во скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь,—а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ».

Вотъ не хитрая, но долговѣчная, опытная мудрость народной старины, поученіе «мірской притчи», современной Мономаху. Видно, что народъ излюбилъ издавна эти изрѣченія своей мудрости, въ которыхъ видѣнъ плодъ яснаго, прямаго жизненнаго созерцанія, принявшій краткій, мѣткій образъ въ словѣ, не лишенный порою и жгучаго юмора. Одни изъ нихъ и тогда еще шли изъ глубокой древности, какъ на примѣръ: «коли камень восповетъ по водѣ»—выраженіе, употребляемое въ договорѣ князя Олега язычника съ греками; а другія живы и теперь, какъ на пр. «Безумныхъ ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожаютъ». «Какъ во утлый мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити». «Ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна научити».

Плодотворно должно было быть воспитаніе молодаго князя на народной почвѣ, слышавшаго близко возлѣ себя нелицемѣрное, правдивое, умное слово народа.

Но рано оканчивалось въ старое русское время дѣтство, рано принимались князья за дѣло; въ крестьянствѣ нашемъ и нынче мальчикъ лѣтъ двѣнадцати ѣздитъ въ извозѣ, торгуетъ подъ надзоромъ отца, а четырнадцатилѣтніе нерѣдко сами хозяйствуютъ; въ высшемъ, нынѣшнемъ, обществѣ чуть не до двад-

Digitized by Google

цати лѣтъ барченка питаютъ дѣтскими расказами, не допуская, какъ до огня, до житейскаго дѣла.... Старина иначе смотрѣла на воспитаніе; мы видимъ малолѣтковъ князей уже во главѣ дружинъ, на поляхъ битвы.... Въ день «постригъ», справлявшихся надъ семи-восьмилѣтнимъ, княжича сажали на коня, давали ему, вмѣстѣ съ дѣтскимъ копьемъ, княжеское, *русское*, имя и поручали кормиличу (дядькѣ). Учась у владыки или у игумна сосѣдняго монастыря грамотѣ, письму, княжичъ наваживался, подъ надзоромъ дядьки, ловчему дѣлу, наѣздничеству, владѣть саблею, метать дротикъ, бить рогатиной: охота замѣняла военную школу. «Да не застанетъ васъ солнце на постели», учитъ Мономахъ сыновей. Съ зарею лѣтнимъ утромъ «вставали князья, шли къ заутренѣ и раннеи обѣднѣ, завтракали, или обѣдали и выѣзжали въ поле «на ловы». Рыская по зеленой, неоглядной степи, ловили они длинными арканами дикихъ коней, увеселялись на озерахъ и заводяхъ краснымъ полетомъ кречетовъ и соколовъ, ходили на лыжахъ зимою въ темномъ, дремучемъ лѣсу, на медвѣдей съ острою, оправленною въ серебро, тяжелою рогатиной, глушили косматаго тура, либо вепря ударомъ тяжеловѣснаго чекана, прикалывали острымъ концемъ копья; носились за оленями, со сворою легкихъ борзыхъ; слушали звонкій гонъ гончихъ по красному звѣрю,—гонъ, прерываемый яркими звуками серебряныхъ роговъ, повторяемыми задумавшимся надъ рѣкой сосновымъ боромъ. Охота на звѣря была по плечу одному богатырскому, тогдашнему, племени; тронуть изъ заросшей зеленью и заваленной хворостомъ крѣпи дикаго противника, чтобы встрѣтить его холоднымъ оружіемъ, рогатиной, мечомъ да саадачнымъ ножемъ было дѣло не легкое. Мономахъ расказываетъ на примѣръ: «тура мя два метала на розѣхъ; вепрь ми на бедрѣ мечъ отъялъ; медвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ мнѣ на бедры и конь со мною поверже; и Богъ невредженa мя сблюде».

Ловы воспитывали, кромѣ бойцовъ, и вождей боя: надо было нарядить людей, разставить ловчихъ, расчитать гоны. Урядъ этотъ воспитывалъ воеводу. «Еже было творити отроку моему», говоритъ князь Владиміръ, «то самъ есмь створилъ на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на стужѣ, не дая себѣ покоя; на посадники не зря, самъ дѣлалъ, что было надобѣ весь нарядъ и дома, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ держалъ, и конюшій, и о соколѣхъ, и о ястребѣхъ».

Въ отъѣзжемъ полѣ молодые князья, ночуя въ курныхъ из-

Digitized by Google

бахъ, сходились съ худыми смердами, узнавали ихъ житье-бытье, знакомились съ труженическою жизнью пахаря; а земцы, любуясь юными, свѣжими отпрысками благовѣрной княжой вѣтви, дивясь негорделивости княжичей, расказывали имъ про свои нужды, про урожай и неурожайные года, про недавній набѣгъ половцевъ, покатившихъ головней сотни деревень и весей. Здѣсь, можетъ быть, не разъ сжималось юное сердце княжича, при видѣ нищеты погорѣлыхъ; не разъ протягалась рука на помощь разоренному, являлась невольно краска въ лицѣ при взглядѣ на свой, обшитый соболями и серебрянымъ кружевомъ, бархатный охабень и потомъ на дрожавшаго рядомъ съ нимъ, едва прикрытаго тряпьемъ и рваной одеженкой, мальчика поселянина. Не потому ли Мономахъ, тотчасъ послѣ расказа своего «о ловчихъ, соколѣхъ и ястребѣхъ», вдругъ переходитъ къ словамъ: «а и худаго смерда и убогой вдовы не давалъ азъ сильнымъ обидѣти?»

Не долга была и холостая пора княжичей; рано опутывали сокола красной дѣвицей, чтобы не дать ему «гулять, бражничать со безумницы, съ удалыми, добрыми молодцы»; князей женили ранѣе двадцати лѣтъ. Мы не знаемъ года сватьбы Мономаха, но ему было двадцать три года, когда родился у него первый сынъ Мстиславъ. Это было въ тотъ самый годъ, когда онъ шелъ, плечо о плечо, съ княземъ Олегомъ, двоюроднымъ братомъ своимъ, къ ляхамъ на помочь противъ чеховъ. Молодая княжна Гида (супруга Мономаха, дочь англійскаго короля) уже, можетъ быть, не впервые провожала мужа, стоя у теремнаго узорнаго окна и глядя на сборы ратныхъ людей, вьючившихъ на телѣги тяжелую броню, сулицы, рогатины и копья. До этого похода князь Владиміръ ѣзжалъ въ Ростовъ, Смоленскъ, Владиміръ Галицкій; при тогдашнихъ дорогахъ, засадахъ отъ дикарей, эти пути были не ближніе и не малотрудные. Привезенная невѣстою изъ-за моря, долго осматривалась Гида, очутившись вдругъ въ изукрашенномъ, узорочномъ теремѣ, прислушиваясь къ звукамъ чужаго языка, суженаго ей быть скоро своимъ, богоданнымъ. Такъ осматривается дикая, молодая, серна, попавшись въ тенета; вздрагиваетъ и косится она на невиданныя лица ловчихъ, на охотничьихъ, взмыленныхъ, храпящихъ коней.... Любовь и ласка не скоро обрусятъ ее, не скоро примирятъ съ чужою землей, заставивъ позабыть дорогую, дальнюю, тѣнистую отчизну. А свадебныя пѣсни сѣнныхъ дѣвушекъ? Какъ это чуждо ей все—и слова пѣсень, и неслыханный звонъ сотни дѣвичьихъ голосовъ, и осы-

Digitized by Google

панье золотомъ, зерномъ, или хмѣлемъ, и поцѣлуи за столомъ, при всѣхъ, съ золотокудрымъ милымъ другомъ, чтобъ подсластить напитки привередливымъ гостямъ, все кажущіеся, вишь, горькими.

Отецъ Олега, Святославъ, княжилъ тогда въ Кіевѣ; поэтому князь Олегъ и велъ, вѣроятно, большой кіевскій полкъ съ великокняжескимъ стягомъ. Князья ѣхали впередъ ратныхъ въ повозкахъ; оружіе везли въ обозѣ; въ броню окручались князья и ратники передъ самымъ боемъ.

Не принявшіе еще чуждыхъ словъ и, главное, чужой мысли, занятой у другихъ, языки славянскіе были ближе тогда одинъ къ другому; различіе между ними было едва ли болѣе, чѣмъ нынче между двумя крайними, дальними, русскими областями; русскій понималъ ляха, чеха; даже позднѣе, въ XVI вѣкѣ, какъ нельзя лучше послы польскіе объяснялись въ Москвѣ безъ переводчиковъ. Простолюдинъ чехъ или словакъ пойметъ и теперь скорѣе простолюдина русскаго, между тѣмъ какъ мы, воспитанные славяне, не понимаемъ уже другъ друга.

Князья ходили въ Чехію за Глогову до Чешскаго Лѣса и пробыли тамъ четыре мѣсяца. Кольчуга, покрывавшая съ ногъ до головы, была тогда, на западѣ по крайней мѣрѣ, обыкновенною бронею конныхъ; вооруженіе всадника составляли копье, дротикъ, сабля, чеканъ или топоръ, продолговатый щитъ, заостренный снизу; шеломы нашихъ князей были съ острымъ яловцемъ (наконечникомъ) на верхушкѣ.

Тогда еще не поражало князей и дружинниковъ, какъ въ наше время русскихъ солдатъ, что «идешь, идешь, а все Русь-матушка», все раздается наше слово; еще не искажены были названія селъ и городовъ: Глогау называлось еще Глѣгово, Меленки не превращались въ Мюленбергъ. По Адріатикѣ, и выше, далеко внутрь запада, раскидывались передовыя, чеховыя, селенія славянъ. «Отъ Дуная разыдошася славяне по земли и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ; морава, чехи нарекошася». Такое воззрѣніе лѣтописца было общерусскимъ воззрѣніемъ на славянъ, память о родствѣ жива была; она осталась нынче въ одномъ пѣсенномъ воспоминаніи объ общей родинѣ: «Ой, тихой ты нашъ Дунай, сынъ Ивановичь Дунай». Вслушиваясь въ знакомую, родную, славянскую рѣчь, княжичи на землю чеховъ, на землю ляховъ глядѣли почти такъ же, какъ на область ростовскую, на Владиміръ Галицкій, откуда наши русскіе соколы князья, поднявъ высоко мечъ, грозили, съ своего зла-

Digitized by Google

таго стола, салтану за морями, отворяли Кіеву врата. Чехи были тогда такою же плотиною, сторожевыми съ запада, какъ куряне, «свѣдомы кмети», съ востока, какъ суздальская земля отъ болгаръ волжскихъ.

Въ это время заходила надъ славянами, съ запада, туча, разразившаяся вѣковою рознью и враждой одноплеменниковъ. Первая громовая стрѣла уже ударила, заронивъ искру, воспламенившую вражду въ семьѣ. 16-го іюля 1064 года папскіе послы, положивъ обвинительную грамоту греческой церкви, на престолъ софійскаго цареградскаго храма, вышли, отрясая прахъ отъ ногъ и восклицая: «пусть насъ Богъ разсудитъ». Единая доселѣ церковь раздѣлилась, чтобъ враждовать до нашихъ дней, вмѣсто любви питая рознь и ненависть между односемьянами. Вотъ взглядъ современника началу раздѣленія, духовнаго нашего лица, высказанный въ письмѣ его къ папѣ Александру II-му, «архіепископу римьскому»... «Невѣдѣ, откуду възникоша соблазни и възбраненіе божественнаго пути, яже что ради и како не исправишася и донынѣ зѣло чужуся сему; не вѣмъ бо, кій бѣсъ лукавый, завистливъ и истинѣ врагъ, и благочестію супостатъ, иже таковая премѣни, и *братьскую вашу и нашу любовь отверже всего хрестьянскаго совокупленья*? Не бѣхма бо реку: не хрестьяне вы, но хрестьянъ васъ Божіею благодатью изначала знаемъ, но еже не во всемъ держите вѣру хрестьянскую».... Вопросъ вращался пока въ кружкахъ высшихъ, духовныхъ лицъ и богослововъ, не вполнѣ сознавался большинствомъ, и князья, особенно молодые, врядъ ли предвидѣли всю страшную важность начинающейся розни, стоившей потомъ такъ дорого разъединеннымъ братьямъ.

Придетъ ли когда нибудь великъ день примиренія? Даруется ли всѣмъ славянамъ счастье едиными усты, единымъ сердцемъ, славити и воспѣвать великолѣпое имя Господне? Зажгутся ли пламенемъ братской любви славянскія сердца для того, чтобы навѣки, крѣпко, полюбить другъ друга, чтобы перейти отъ вражды и сопряженныхъ съ ней невзгодъ къ миру и радованію? Послѣ продолжавшейся столѣтія грозы возсіяетъ ли солнце надъ зелеными полями славянъ, надъ тихимъ Дунаемъ, Савою, Моравой? Раздастся ли давно желанный, мирный благовѣстъ къ славянской общей службѣ?

«Оттуда (изъ Чехіи) Турову, расказываетъ Мономахъ,—а на весну въ Переяславль, да опять къ Турову; изъ Турова въ

Digitized by Google

Смоленскъ, а изъ Смоленска въ Новгородъ». Такая трудовая жизнь князей походитъ на жизнь владимірскаго крестьянина-промышленника: тотъ тоже круглый годъ, исключая «страды», рабочей поры, мечется то на Ирбитъ на ярмарку, то въ Ригу, то въ Одессу.

Въ XI и XII вѣкахъ такіе походы были сопряжены съ немалыми опасностями и трудами; приходилось идти на возахъ по непроложеннымъ, часто неизвѣстнымъ, путямъ, сквозь враждебное, полудикое племя, переходить незнакомыя рѣки вбродъ, мостить мосты, блуждать нерѣдко цѣлые дни по лѣсу, чтобы потомъ набресть на деревушку, покинутую жителями, часто убѣгавшими въ лѣса, со всѣмъ имуществомъ, при появленіи отряда. Князья, какъ нынѣшній промышленникъ, ворочались домой къ праздникамъ, на великъ день, Рождество, Богоявленье, а иногда и праздники проводили въ походѣ. Не даромъ ихъ зовутъ лѣтописцы «тружениками, печаловниками, отершими много пота за русскую землю». Молодой Гидѣ не часто доводилось видѣть мужа дома.

Во время похода князей въ Чехію умеръ кіевскій князь Святославъ, и выгнанный Изяславъ воротился на отцовскій столъ съ ляхами. Князь Олегъ бѣжалъ въ Тмуторакань, боясь, вѣроятно, какъ бы Изяславъ не вздумалъ мстить ему за свое изгнанье, свершившееся по настоянью Святослава, отца Олегова. Отецъ Мономаха сѣлъ въ Черниговѣ, а Мономахъ переѣхалъ въ Смоленскъ. Недолго однако насидѣлъ онъ въ Смоленскѣ: князь Олегъ съ братомъ своимъ Борисомъ, набравъ половцевъ, пришелъ къ Чернигову и «землѣ русской много зло створи, проливше кровь хрестьянску». Князю Владиміру пришлось драться со своимъ спутникомъ въ Чехію. Вмѣстѣ съ великимъ княземъ, сыномъ его, Ярополкомъ, и отцемъ своимъ, подошелъ онъ къ Чернигову; черниговцы не отворяли воротъ; князей Бориса и Олега не было въ городѣ. Мономахъ приступилъ къ восточнымъ вратамъ, отнялъ у сторожей ворота, отворилъ и зажегъ «окольній градъ»; жители вбѣжали въ кремль. Великій князь со Всеволодомъ бились, между тѣмъ, на Нежатинѣ нивѣ съ Олегомъ и Борисомъ. «Первое убиша Бориса». Великій князь стоялъ съ пѣшими, какъ кто-то налетѣлъ на него, на конѣ, и ударилъ копьемъ въ плечо; такъ убитъ былъ князь Изяславъ, октября въ 3-й день. Сѣча продолжалась; князь Олегъ, едва спасшись, съ малою дружиною, бѣжалъ опять въ Тмуторакань. Тѣло великаго князя повез-

Digitized by Google

ли въ ладьѣ къ Кіеву. «И не бѣ льзѣ слышати пѣнья во плачи, велици вопли; плакася бо весь градъ Кіевъ».

— Отче, отче мой! говорилъ сынъ убіеннаго, Ярополкъ.—Многіе напасти ты принялъ отъ людей и отъ братьи своей; погибъ же не отъ брата, но за брата положивъ главу свою.

Отецъ Мономаха сѣлъ на кіевскій столъ, а Владиміръ переѣхалъ въ Черниговъ. Первые годы княженія Всеволода ознаменовались снова битвами съ Олегомъ и съ Ярополкомъ, которому почему-то не сидѣлось во Владимірѣ Галицкомъ. Князь Олегъ якшался съ половцами, пока они не убили брата его Романа; самъ онъ заточенъ былъ хозарами въ Греціи; но скоро соколъ вырвался изъ путъ, явился въ Тмуторакани и перебилъ «совѣтниковъ на убіенье брата и на его заточеніе». Новый великій князь огорченъ былъ новымъ убійствомъ, жертвою котораго палъ Ярополкъ отъ руки нѣкоего Нерадца.

Въ это время смутъ и вражды дочь Всеволода, Янка, постриглась дѣвицею и, «совокупивъ черноризицы многи», устроила обитель, подлѣ заложенной отцемъ, въ Переяславлѣ, церкви Св. Андрея. Не съ нею ли поселилась, постригшаяся тоже, сестра князя Олега, Святославна? Въ то время, какъ враждовали братья князья, младыя сестры ихъ молились, можетъ быть, въ одной обители*).

Тридцатилѣтній уже Мономахъ былъ правою рукою отца. «Не сочтешь, сколько я разъ ѣздилъ къ отцу изъ Чернигова, говоритъ онъ;—однимъ днемъ, къ вечернямъ поспѣвалъ въ Кіевъ». Мы не будемъ перечислять многочисленныхъ походовъ его; любопытныхъ отсылаемъ къ завѣщанію. Его трудно представить дома; эти поминутные: «поидохъ съ дружиною на Боняка за Рось», «паки идохомъ на Аепу», «въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ», вызываютъ воображеніе создавать не домашнія, мирныя сцены, а зимніе походы въ мятель и вьюгу, темную, осеннюю, ночь въ полѣ. Скрыпятъ тяжелыя телѣги, нагруженныя запасами, оружіемъ и тяжелою броней; тащатся шагомъ усталые волы, подгоняемые однообразнымъ покрикомъ погонщиковъ; князья, обогнавъ

*) Янка, кажется, сознавала важность раздѣленія церквей; не для охраны ли полученнаго нами отъ грековъ наслѣдія она ѣздила въ Царьградъ и привезла оттуда митрополита Іоанна? Отзывъ о немъ лѣтописца: «бѣ же се мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ», сходится совершенно съ отзывомъ византійскихъ писателей о логоѳетѣ Іоаннѣ, любимцѣ царя Константина, дѣда Владиміра Мономаха по матери. Можетъ быть, этотъ самый Іоаннъ указанъ былъ Янкѣ матерью?

Digitized by Google

обозъ, ужинаютъ въ крестьянской хатѣ, освѣщенной лучиною; на другой день, чѣмъ свѣтъ, съ зарею, садятся они въ повозки, или на коней, и опять ѣдутъ, подъ дождемъ, по грязной, осенней, дорогѣ. А вотъ ихъ станъ въ лѣсу, на берегу рѣки: горятъ костры, отражаясь въ водѣ; нарядивъ сторожевую цѣпь, князь, не снимая оружья, прилегъ вздремнуть подлѣ огня, накрывшись походной шубою; ратные варятъ себѣ ужинъ въ котлѣ. Вдругъ вдали показалось зарево; растетъ оно все шире, шире, словно обагряя небосклонъ хрестьянскою, неповинною кровью; всполошились ратные; поспѣшно осѣдлавъ стреноженныхъ, бродившихъ по лугу неподалеку отъ товаровъ (стана), коней, понесся весь отрядъ, вослѣдъ за княземъ, берегомъ, чтобы застать дикарей, чтобъ выручить полоненныхъ селянъ. Ближе и ближе пожаръ; вотъ черный дымъ столбомъ всталъ до неба передъ очами всадниковъ; ужь видны вьющіеся языки огня, вырѣзались облики полусгорѣвшихъ избъ, доносятся осеннимъ вѣтромъ, вопли, женскія, раздирающія душу, причитанья, плачъ ребятъ, ревъ коровъ, выгнанныхъ изъ-подъ пылающихъ навѣсовъ. Отрядъ влетѣлъ въ деревню, и началась сѣча; крестьяне, вилами, косами, кольями, бьютъ дикарей, вмѣстѣ съ княжой дружиною, живьемъ кидаютъ «поганыхъ» въ пламя. Падаютъ раненые кони, сверкаютъ сабельные, звонкіе, клинки, ломятся копья, бердыши: стонъ и крикъ ратныхъ смѣшались съ воплями и плачемъ женщинъ. Прогнали, полонили дикарей; пожаръ стихаетъ; на лугу, въ концѣ деревни, лежатъ связанные, полоненные дикари; дружина перевязываетъ раны, подбираетъ тѣла убитыхъ товарищей; князь слѣзъ съ усталаго коня, снялъ ерихонку съ потнаго чела и слушаетъ, сидя на наваленныхъ бревнахъ, передъ дымящимся пожарищемъ, грустный расказъ крестьянъ о томъ, какъ «Богъ вѣсть откуда появились окаянные, ворвались въ избы и учали бить спящихъ, не щадя ни стараго, ни малаго».

Видъ разоренныхъ городовъ и деревень, слезы страдалицы-земли, раздоры князей, кончавшіеся то и дѣло братоубійствами,— вотъ страшная быль, совершавшаяся предъ очами Мономаха. Изъ этой были, да изъ семейныхъ бѣдъ и невзгодъ добыты имъ жаркое чувство любви къ ближнему, даръ страха Божія, добыты любимыя слова его: «смертни есмы; днесь живы, а заутра въ гробѣ, и все, что ны еси далъ, не наше, но Твое; поручилъ ны еси на мало дній». Крѣпко, какъ увидимъ, бичевала судьба, воспитывая этого богатыря душою, будущаго избавителя, миро-

Digitized by Google

творца и строителя разоренной русской земли; она не балуетъ людей, призванныхъ совершить великое.

Тишь зеленѣющихъ полей, прохладная сѣнь дубовыхъ и лиственныхъ дубравъ, оглашаемая звономъ птицъ, благоуханье вешняго, южнаго утра, сіяніе лазурныхъ небесъ отразилось въ высоко-художественныхъ строкахъ духовной князя мыслителя: «Велій еси, Господи, и чудна дѣла твоя; никакъ же разумъ человѣческъ не можетъ исповѣдати чудесъ Твоихъ. Кто не похвалитъ, не прославитъ силы Твоея и великихъ добротъ, устроенныхъ на семъ свѣтѣ? Како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, звѣзды, и тьма, и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, Твоимъ промысломъ? Звѣрье розноличніи, и птицы, и рыбы украшены Твоимъ промысломъ, Господи! И сему чуду дивуемся, како отъ персти создавъ человѣка, какъ образи розноличніи въ человѣчьскихъ лицахъ; аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же свой лицъ образомъ *), по Божіи мудрости; и сему ся подивуемы, како птицы небесныя изъ ирья (воздуха) идутъ и первѣе наши руцѣ; и не ставятся на единой землѣ, но и сильныя, и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля; все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость Твоя на насъ, яже та угодья створилъ еси человѣка деля грѣшна. И тыи же птицы небесныя умудрены Тобою, Господи; егда повелиши, то вспоютъ и человѣки веселятъ; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще, онѣмѣютъ. А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло»! Какая теплая, чуткая къ красотѣ природы, душа слышится въ этихъ простыхъ словахъ!

Подросшій между тѣмъ, Мономаховичъ Мстиславъ княжилъ въ Новѣгородѣ и сталъ любимцемъ новгородцевъ. Къ этой вѣтви Володиміровичей лежало сердце всей земли, главное, по тому, что она хранила бережнѣй другихъ семейное преданіе, идущее отъ св. Ольги, князей Бориса и Глѣба, князя Владиміра святаго. Всеволодъ, любимецъ отца, говаривавшаго ему: «когда ты прейдешь отъ свѣта сего, лягъ подлѣ меня, ибо я люблю тебя паче всей братьи твоей за твою кротость и смѣренье», самъ Мономахъ, любовь къ землѣ и правдѣ котораго сквозитъ въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ; Мстиславъ, какъ увидимъ дальше, юношею уговаривавшій отца не мстить за убитаго брата: — вотъ вѣтвь

*) У каждаго своя физіономія, каждый своеличенъ.

Digitized by Google

князей,—вѣтвь исконныхъ державьниковъ старо-русскаго нравственнаго и земскаго строя.

Въ послѣдніе года княженья въ Кіевѣ Всеволода лѣтопись говоритъ о знаменіяхъ, какихъ-то стонахъ, слышанныхъ по ночамъ въ Полоцкѣ, о избіеніи людей, тамъ же, невидимою рукою; «навье (мертвецы) бьютъ полочанъ», толковалъ народъ; была засуха, горѣли лѣса, болота, рать великая была отъ половцевъ. «Се же наведе Богъ, веля намъ имѣти покаянье и въстягнутися отъ грѣха и отъ зависти, и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ непріязнинъ». Не голословно это упоминаніе современника лѣтописца о грѣхахъ и зависти; тотчасъ потомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти князя Всеволода, читаемъ: «се же Кіевѣ княжа, быша ему печали больше, паче неже сѣдящу ему въ Переяславли; сѣдящу бо ему въ Кіевѣ печаль бысть ему отъ сыновецъ (племянниковъ) своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другоя». Князь Всеволодъ, «смиривая ихъ», раздавалъ волости. И началъ онъ любить «смыслъ юныхъ», совѣтъ творя съ ними, а не со старою дружиною; и не доходила до людей княжая правда, тіуны грабили, продавали (отягощали пенями) людей, «князю, невѣдущу въ болѣзнѣхъ своихъ». Разболѣвшись сильно, князь Всеволодъ послалъ за сыномъ, Мономахомъ, въ Черниговъ. «Предсѣдящу Володимеру и Ростиславу сыну меньшому, пришедшу часу, преставися князь Всеволодъ, княживъ въ Кіевѣ лѣтъ пятнадцать». Тѣло великаго князя положено у святой Софіи въ Кіевѣ.

Слишкомъ сорокалѣтній, князь Владиміръ, похоронивъ отца, «нача размышляти; река: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ».

Этихъ драгоцѣнныхъ словъ, опять доказывающихъ, какъ жалѣлъ онъ землю, не произнесъ бы князь Олегъ, или позднѣйшій Ольговичъ.

«И размысливъ, посла по Святополка въ Туровъ, а самъ иде Чернигову».

Мѣсяца апрѣля въ 1093 году пришелъ князь Святополкъ и сѣлъ на столъ отца своего и стрыя (дяди) своего. Потянулись на Русь, какъ всегда при вступленіи на кіевскій столъ новаго князя, половцы ладиться о мирѣ; великій князь, не сдумавшись «съ дружиною отчей и стрыя своего», засадилъ въ истопку присланныхъ отъ дикарей въ Кіевъ пословъ; половцы начали воевать землю и осадили Торческъ. Князь Святополкъ началъ собирать войско.

Digitized by Google

— Не ходи на нихъ, говорили князю мужи «смысленніи»: воевъ у тебя мало такихъ, кои могутъ стать противъ нихъ.

— Имѣю отроковъ своихъ восемьсотъ, возражалъ князь,—они могутъ противъ нихъ стати.

— Поиди, княже, гамѣла молодая дружина. «Смысленніи» же говорили:

— Да хоть бы и восемь тысячъ пристроилъ, и то на лихо идти; наша земля оскудѣла отъ рати и отъ продажъ; пошли ино къ брату своему Володимеру, дабы тебѣ помогъ.

Великій князь послалъ по Владиміра; Мономахъ послалъ по Ростислава, «веля ему помогать Святополку». Князья съѣхались въ Кіевѣ, и началась межь ними распря и котора; а половцы уже воевали. И стали говорить князьямъ «мужи смысленніи»: — Пòшто вы распрю ведете межь собою? А поганые губятъ землю русскую; послѣ уладитесь, а нонѣ идите противу поганыхъ либо съ миромъ, либо ратью.

Мономахъ стоялъ за миръ, Святополкъ хотѣлъ рати. Пошли, наконецъ, всѣ къ Треполю; пришли на Стугну; здѣсь, созвавъ дружину на совѣтъ, начали думать; князь Владиміръ говорилъ: «стоя здѣсь черезъ рѣку, въ грозѣ сей, сотворимъ миръ съ ними». Къ этому совѣту пристали и всѣ «смысленніи», Янъ и прочіе. Кіяне же не пристали, а говорили: «хочемъ биться; пойдемте на ту сторону рѣки».

Рѣшили учинить послѣднее, и ратные перешли Стугну, съ немалымъ трудомъ, потому что было тогда половодье. Окрутившись въ броню и урядивъ дружину, князья миновали Треполь и перешли валъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ стѣнъ, окружавшій городъ; на правомъ крылѣ шелъ самъ великій князь Святополкъ, посрединѣ двадцатилѣтній князь Ростиславъ, на лѣвомъ князь Владиміръ. Половцы пошли навстрѣчу князьямъ, пустивъ впередъ застрѣльщиковъ съ луками; наши же стали межь валами, поставивъ стяги свои, чтобъ обозначить ратнымъ мѣсто сбора, и тоже выпустили изъ-за вала стрѣльцовъ. Выпускать сначала стрѣльцовъ—обычный пріемъ начинать бой, въ старое время, напоминаетъ наши кулачные бои, гдѣ обыкновенно тоже «задирать» высылаютъ ребятъ и молодыхъ бойцовъ; послѣ двухъ, трехъ сшибокъ между молодежью, «заправскіе» бойцы, съ крикомъ, кидаются уже стѣна на стѣну.

И налегли половцы перво на Святополка и взломили полкъ его; стоялъ крѣпко великій князь, но побѣжали люди его, «не

Digitized by Google

стерпѣвъ ратныхъ противленья»; и побѣжалъ Святополкъ. Половцы наступили на князя Владиміра съ Ростиславомъ; «и бысть брань люта». Трещали сулицы и копья, звенѣли о шеломы сабли и топоры; сверкали раззолоченныя ерихонки князей; вилася пыль столбомъ изъ подъ конскихъ рѣзвыхъ ногъ; но не устоялъ и князь Владиміръ съ Ростиславомъ. Прискакавъ къ Стугнѣ, они бросились на коняхъ, вплавь, черезъ рѣку; и началъ тонуть Ростиславъ; Мономахъ хотѣлъ было схватить его, но мало самъ не утонулъ; и погибъ двадцатилѣтній князь сынъ Всеволожь. Князь Владиміръ перебрелъ рѣку съ малою дружиною, «много бо пало отъ полка его».

Пришедъ къ Черпигову «печаленъ зѣло», плакалъ онъ по братѣ своемъ. «Сія же злоба случися въ день Вознесенія Господня, мѣсяца мая въ двадцать шестый день». Тѣло Ростислава привезено въ Кіевъ. Плакала не одна мать (вторая Всеволожая) по юномъ князѣ; но всѣ люди тужили и жалѣли о немъ, юности его ради. Далеко послѣ, пѣвецъ о полку Игоревѣ вспоминаетъ эту невзгоду, пѣняя «рѣки Стугны худой струѣ»... «Юношу князя Ростислава затворила она на днѣ, при темномъ берегѣ *); плачется мать Ростиславля по юноши князѣ; уныли цвѣты жалобой, древо тугою преклонилось къ землѣ».

Половцы продолжали воевать. «Створися плачь великъ въ землѣ нашей», говоритъ лѣтописецъ. Однихъ въ полонъ ведутъ, другихъ мечами сѣкутъ; на месть отданные, горькую смерть пріемлютъ, третьи отъ глада и жажды мрутъ; израненыхъ, въ печали, ведутъ связанныхъ по стужѣ, подгоняя пинками. Города, села опустѣли. Идемъ ли полемъ, гдѣ паслись пестрыя стада коней, овецъ и воловъ, — вытравленными поля видимъ; нивы поросли, превратившись звѣрю въ житье. Много народа хрестіанскаго пострадало: печальны, мучимы, холодомъ оцѣпляемы, въ голодѣ и холодѣ, ведомы въ вежи половецкія, наги и босы, ноги терніемъ исколоты... Со слезами другъ другу говорятъ: «я былъ такого-то города»; другой: «я изъ сея веси». Такъ переспрашиваются со слезами, родъ свой повѣдаючи, воздыхая и очи возводя къ Вышнему, свѣдущему тайная. «Но никто да не дерзнетъ сказать», оканчиваетъ очевидецъ-раскащикъ, «будто ненавидимы Богомъ мы. Да не будетъ! Кого бо такъ Богъ любитъ, какъ насъ возлюбилъ? Кого такъ почелъ, и вознесъ, и прославилъ? Никого».

*) Это мѣсто неправильно читалось: *на Днѣпрѣ, темномъ берегѣ!* Откуда тутъ Днѣпръ?

Digitized by Google

Читая эти выстраданныя строки, невольно, по слову лѣтописца инока, не дерзаешь роптать, смиряешься предъ неисповѣдимымъ промысломъ, будто крещающимъ слезами, кровью и огнемъ землю, омывшуюся, еще недавно, водою пакибытія. И не одинъ инокъ, а вся старорусская земля смотрѣла такъ на бѣды, ей посылаемыя; сознавая ихъ прямое и высокое значеніе, она единогласно ихъ звала и зоветъ «Божьимъ посѣщеніемъ».

Святополкъ уладился наконецъ съ половцами, женившись на дочери одного изъ ихъ вождей, Тугоркана. За то къ Чернигову пришелъ неугомонный князь Олегъ съ другою ордой дикарей— выживать Мономаха.

— Пожалѣлъ я хрестьянскихъ душъ и селъ горящихъ, и монастырей, признается Мономахъ въ своемъ завѣщаніи, — рекъ: «не хвалиться же поганымъ», отдалъ брату городъ отца моего и выѣхалъ, на святаго Бориса, изъ Чернигова въ Переяславль; и ѣхали мы, не было насъ сотни дружины, съ женами, и дѣтьми сквозь половцевъ; и облизывались они на насъ, «аки волци стояще».

Половцы принялись грабить около Чернигова: князь Олегъ не только не возбранялъ имъ, но, въ отместку землѣ, самъ велѣлъ воевать. Къ довершенію бѣдъ, какъ будто сговорившись съ половцами, въ августѣ, налетѣла на Русь саранча и пожрала траву и много жита. А тамъ Тугорканъ, не помня свойства съ великимъ княземъ, пришелъ къ Переяславлю. Мономахъ съ великимъ княземъ разбили однако его. Тугорканъ былъ убитъ въ этой битвѣ. На другой годъ Бонякъ, другой вождь половецкій, лѣтомъ невзначай чуть было не вошелъ въ Кіевъ и все-таки выжегъ предмѣстье, разграбилъ монастыри, запалилъ окрестные лѣса; сгорѣлъ и «красный дворъ», поставленный Всеволодомъ на холму, называемомъ Выдобычи. Въ одну ночь, непріятель ворвался въ обитель Печерскую. «Намъ, по кельямъ почивающимъ, послѣ заутрени», повѣствуетъ объ этомъ разгромѣ очевидецъ, списатель лѣтописи, «кликнуша около монастыря и поставиша два стяга предъ враты монастырскими; намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ взбѣгшимъ на полати (хоры); безбожніи же сынове Измаилеви взжгоша домъ святыя Владычицы нашея Богородицы и придоша къ церкви, влѣзли въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, емлюще иконы и укоряху Бога и законъ нашъ».

Этому разгрому былъ, кажется, причиною слѣдующій поступокъ князей русскихъ съ дикарями. Пришли половцы Итларь и Кы-

Digitized by Google

танъ съ ратными людьми къ князю Владиміру (въ Переяславль) на миръ. Итларь пріѣхалъ въ городъ, а Кытанъ сталъ межь валами. Князь Владиміръ, щадя городъ, уладился съ дикарями, *отдавъ Кытану сына своего меньшаго*, Святослава, *въ тали* (заложники).

Не можемъ не остановиться на этомъ поступкѣ князя, записанномъ у лѣтописца, какъ бы мимоходомъ, изъ него видно, что отправить малолѣтняго сына къ дикарямъ въ залогъ—было для князей дѣломъ обыкновеннымъ. Однако, что должна была перечувствовать мать, надѣвая на шею малолѣтному сыну образокъ, провожая его въ вежи дикихъ половцевъ; какъ жгли растерзанное ея сердце горькія слезы отъѣзжающаго ребенка; съ рыданьями кидалась она, какъ голубка, къ похищенному изъ роднаго гнѣзда птенцу, вилась надъ нимъ, укоряя жестокихъ людей, не пускавшихъ ее летѣть за оторваннымъ отъ сердца «милымъ дитяткомъ». Это уже не службица русской княжой семьи землѣ, а служба.

Итларь, съ лучшею дружиною, продолжалъ гостить въ городѣ. Въ это время пріѣхалъ бояринъ Славята изъ Кіева отъ великаго князя ко Владиміру Мономаху «на нѣкое орудье». И начала думать Ратиборова дружина съ княземъ о погубленьи Итларевой чади. Владиміръ не соглашался, говорилъ: «како се могу створити, ротѣ съ ними ходивъ (поклявшись имъ)?»

— Княже, нѣту тебѣ въ томъ грѣха, возражала дружина.—Да они и за́все «ротѣ къ тебѣ ходя», губятъ землю русскую и кровь хрестьянскую проливаютъ безпрестанно.

Князь Владиміръ послушалъ ихъ и въ ту же ночь послалъ Славяту съ дружиною и съ торками за городъ, «межь валы», гдѣ стоялъ Кытанъ съ своимъ отрядомъ; *выкрали* сначала княжича Святослава; потомъ дружина Славяты кинулась, зарѣзала Кытана и перебила дружину его.

Это было въ суботу вечеромъ; Итларь ночевалъ на дворѣ у Ратибора, ничего не вѣдая о случившемся съ Кытаномъ. Утромъ въ воскресенье, въ заутрени, Ратиборъ пристроилъ отроковъ въ оружьи и велѣлъ имъ истопить избу. И прислалъ Владиміръ отрока своего Бендюка по Итлареву чадь.

— Зоветъ васъ князь Владиміръ, говорилъ посланный;—обувшись, позавтракайте у Ратибора въ теплой избѣ и пріѣзжайте къ князю.

— Тако буди, отвѣчалъ Итларь и пошелъ въ теплую избу, съ чадью своей.

Дружинники Ратиборовы заперли ихъ тамъ, разобрали верхъ

Digitized by Google

избы, а Ольбегъ Ратиборовичъ, взявъ лукъ и наложивъ стрѣлу, ударилъ Ратибора прямо въ сердце; дружина приколола остальныхъ. «И тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, въ недѣлю сыропустную, въ часъ первый дня, февраля въ 24 день», съ замѣтнымъ удовольствіемъ, записалъ лѣтописецъ. Но эта безцеремонность съ дикарями обошлась, какъ мы видѣли, дорого Кіеву.

Приведенный расказъ, знакомя съ нравами описываемаго времени, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе, какъ русскіе смотрѣли на дикарей; будь нарушено крестное цѣлованье межъ князьями, лѣтописецъ непремѣнно бы пустился въ поученіе и порицанія; здѣсь онъ даже одобряетъ поступокъ князя и дружинниковъ. Самъ князь Владиміръ, расказывая въ завѣщаньѣ своемъ, какъ онъ «бралъ живыхъ руками» дикарей, напоминаетъ ловчаго, расказывающаго о поимкѣ вепря или тура.

Порѣшивъ съ Итларемъ и Кытаномъ, князья Святополкъ и Владиміръ послали звать Олега на половцевъ, но Олегъ, по обыкновенію, отвѣчалъ: «не здравлю». Князья пошли одни прямо на вежи, взяли ихъ и, полонивъ много скота, коней, верблюдовъ, челяди, воротились со славою на Русь.

У князя Олега жилъ сынъ убитаго Итларя.

— Вотъ ты не пошелъ, говорили, чрезъ посла своего, Олегу князья,—съ нами на поганыхъ, что изгубили землю русьскую; а у тебя есть Итларевичъ; либо убей, либо дай его намъ, вѣдь онъ врагъ русской землѣ.

Олегъ не послушался, и возникла между ними распря. Князья выгнали его изъ Чернигова и шли за нимъ слѣдомъ до Стародуба. Олегъ затворился въ Стародубѣ, но послѣ тридцатидневной осады и злыхъ сѣчъ, вышелъ отсюда въ Рязань, обѣщавъ пріѣхать на снемъ въ Кіевъ.

Этотъ грозный для Руси годъ ознаменовался и для Мономаха тяжкимъ семейнымъ горемъ. Промыслъ какъ будто воспитывалъ великаго мужа рядомъ, вмѣстѣ, съ землею. Князь Олегъ изъ Рязани, вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Кіевъ на снемъ, ладиться, собралъ новое войско и отправился на Муромъ, гдѣ сидѣлъ Мономаховичъ Изяславъ.

— Да пуститъ мене Изяславъ Мурому и Рязани, понеже се есть мое отечество», говорилъ князь Олегъ.

Напрасно посылалъ къ нему Мстиславъ изъ Новагорода:

— Не насилуй чужой волости, я пошлю къ отцу и примирю тебя.

Князь Олегъ, знай, шелъ, занимая города, сажая лучшихъ лю-

Digitized by Google

дей, радѣвшихъ Изяславу, въ тюрьмы. Князь Мстиславъ съ новогородцами пошелъ на помочь брату; въ поднявшейся усобицѣ убитъ былъ Изяславъ, одинъ изъ меньшихъ сыновей Мономаха; письмо князя Владиміра къ Олегу лучше насъ изобразитъ душевное состояніе почти шестидесятилѣтняго старца-отца. Вотъ оно:

«Пишу тебѣ это, зане принудилъ меня сынъ твой крестный (Мстиславъ Владиміровичъ), который сидитъ подлѣ тебя; онъ прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту, говоря: «уладимся и помиримся; братцу моему судъ пришелъ; а мы не будемъ за него местниками, но возложимъ на Бога; встанутъ они передъ Богомъ, а русской земли не погубимъ.» И я, видя смиренье сына моего, сжалившись и устрашася Бога, рекъ себѣ: онъ, въ юности своей, молодъ разумомъ, смиряется, на Бога укладаетъ, а я, человѣкъ грѣшенъ паче всѣхъ человѣкъ. И послушавъ сына, написалъ грамоту тебѣ; примешь ее съ добромъ, или съ поруганьемъ, увижу изъ отвѣта твоего. Сими словами я предварилъ тебя; я ждалъ отъ тебя, отъ твоего смиренья и покаянья въ прежнихъ нашихъ грѣхахъ. Господь нашъ не человѣкъ, но Богъ всей вселенной; все, что хочетъ, во мгновеніе ока творитъ, а и тотъ самъ претерпѣлъ хуленье, оплеваніе и побои, на смерть отдался, животомъ владѣяй и смертію. А мы что человѣки грѣшные? Сегодня живы, а завтра мертвы; день во славѣ и чести, а заутра въ гробъ и безъ памяти; иные собранное нами раздѣлятъ. Зри, брате, на отцовъ нашихъ: что они взяли съ собой? Что добыли? Токмо то, что сотворили душѣ своей. Но этими словами тебѣ бы надо предварить меня, брате; послать бы съ ними подобало, прежде меня, ко мнѣ. Когда убили дитя мое, и твое, предъ тобою, и ты узрѣлъ кровь его и тѣло увядшее, будто цвѣтъ новый отцвѣтшее, будто агнца закланнаго,—что бы тебѣ сказать, стоя надъ нимъ, вникнувъ въ помыслы души своей: «увы мнѣ! Что я сотворилъ? Не погадавъ его несовершенна разума, ради кривости свѣта сего преходящаго, добылъ грѣхъ себѣ, а отцу, матери—слезы.» Что бы тебѣ речь по Давыдски: «азъ знаю грѣхъ мой предо мною есть выну». Не кровопролитье, а прелюбодѣянье сотворивъ, помазанникъ Божій, Давидъ, посыпалъ главу свою и плакался горько; и отдалъ ему согрѣшенья Богъ. А Богу покаявшись, ко мнѣ бы грамотку прислать тебѣ утѣшную, и сноху бы послать ко мнѣ,—вѣдь въ ней тебѣ ни зла, ни добра,—чтобъ я, обнявъ ее, оплакалъ мужа ея и сватьбу ихъ, вмѣсто пѣсенъ; ибо я не видалъ ихъ ни предъ радостью (сватьбою), ни на вѣнчаньѣ, за грѣхи свои; ради Бога, пусти ее ко мнѣ скорѣе, съ первымъ словомъ, да я, окон-

Digitized by Google

чивъ съ нею слезы, посажу ее у себя; и сядетъ она, словно горлица на сухомъ древѣ, жалѣючи, а я утѣшуся о Богѣ. Ибо тѣмъ же путемъ шли дѣти отцевъ нашихъ; судъ отъ Бога пришелъ ему, не отъ тебя. Буде бы ты, сотворивъ волю свою тогда, добывши Муромъ, Ростова не занималъ, а послалъ бы ко мнѣ, отсюда бы уладились. Но самъ разумѣй, мнѣ ли было достойно посылать къ тебѣ, или тебѣ ко мнѣ? Да ты бы велѣлъ дитяти: сошлись съ отцомъ; я десять бы разъ послалъ къ тебѣ. Дивно ли, что мужъ умеръ въ полку твоемъ; лучшіе измирали, и роды наши, да не выискивать намъ было чужаго, ни меня въ соромъ, ни въ печаль вводить. Его смутили паробки, да не себѣ, а ему зло сдѣлали. Покаявся Богу, и мнѣ добро ты сдѣлаешь; а пославъ посла своего, или попа, и грамоту написавъ съ правдою, и волость возьмешь съ добромъ, и наше сердце обратишь къ себѣ; и лучше уладимся прежняго. Я тебѣ не ворогъ и не местникъ; не хотѣлъ я твоей крови видѣть у Стародуба, но не дай Богъ и мнѣ крови отъ твоей руки видѣти, ни отъ твоего повелѣнья, ни котораго же брата. Если я лгу, Богъ видитъ то и крестъ честный. Грѣхъ ли я сотворилъ, идя на тебя къ Чернигову? Я шелъ на поганыхъ. Въ томъ ли мнѣ каяться, что братьи своей жалѣлъ? Я человѣкъ есмь; а худъ тебѣ дѣлежъ, сынъ твой крестный сидитъ подлѣ тебя съ малымъ братомъ своимъ, рядись; а хочешь убить ихъ, у тебя въ рукахъ, понеже не хочу я лиха, но добра хочу братьѣ и русской землѣ... Не по нуждѣ я молвлю; душа мнѣ дороже всего свѣта сего; на страшной прѣ, безъ соперниковъ, обличаюся, говоря это».

Это вопль сердечный, долетѣвшій до насъ изъ дальней дали восьмивѣковаго прошлаго; это не формальный языкъ грамоты, не условная рѣчь государственнаго акта. Сила и грустное содержаніе письма мѣшаютъ любоваться художественнымъ языкомъ князя писателя. Но мы имѣемъ образецъ этой мастерской рѣчи въ завѣщаніи Владиміра. Приведенное письмо служитъ вмѣстѣ опроверженіемъ возможнаго возраженія: можетъ быть, завѣщаніе писано не самимъ княземъ? Кромѣ его самого уже никто не передастъ такъ живо этихъ слезъ, этого горя.

Богатое земскими бѣдами, княженье въ Кіевѣ Святополка завершилось злодѣяніемъ, которому нѣтъ подобнаго въ лѣтописи нашей. Какъ будто на вѣчное обличеніе, оно записано современникомъ лѣтописцемъ со всѣми ужасающими подробностями.

Въ Любечъ съѣхались князья на снемъ, «на устроенье мира».

— Зачѣмъ мы губимъ землю русскую своими ссорами, говорили

Digitized by Google

князья, а половцы землю нашу разносятъ? Отселѣ имемся во едино сердце и блюдемъ землю; пусть каждый держитъ отчину свою.

На съѣздѣ были Святополкъ, Владиміръ, Давыдъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи. Князья уладились на томъ, что каждый пусть держитъ волость отца своего. А кто отселѣ на кого будетъ, на того крестъ честный и вся земля русская.

Святополкъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ княземъ Давыдомъ. Рады были миру межь князьями всѣ люди. Только нѣкоторые стали шептать князю Давыду Игоревичу: «Володиміръ сложился есть съ Василькомъ на Святополка и тебя». Давыдъ, повѣривъ клеветѣ, передалъ эти рѣчи Святополку, прибавивъ:

— А кто Ярополка убилъ, какъ не Василько? а нынѣ мыслитъ на меня и на тебя, сложившись съ Володиміромъ; промышляй о своей головѣ.

Князь Святополкъ смутился, не зная, правда ли то, нѣтъ ли.

— Если ты правду говоришь, Богъ тебѣ послухъ, отвѣчалъ онъ Давыду, а если изъ зависти молвишь, Богъ будетъ за нихъ.

Князю Давыду удалось увѣрить его, и начали они «думати о Василькѣ». Мономахъ и Василько ничего не знали объ этомъ.

— Буде не возьмешь Василька, ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ въ Володимірѣ (Галицкомъ), увѣрялъ князь Давыдъ, и Святополкъ послушалъ его.

Четвертаго ноября, пробираясь домой въ Теребовль, назначенный ему на съѣздѣ, Василько пришелъ изъ Любеча съ своей дружиной къ Кіеву; перевезясь черезъ Днѣпръ, на Выдобычи, онъ поставилъ свой станъ на Рудици; сходилъ поклониться къ св. Михаилу въ монастырь, поужиналъ на Выдобычи и вечеромъ отправился почевать въ свой станъ. Утромъ, на другой день, прислалъ князь Святополкъ звать его на имянины. (При крещеніи Святополку дано было имя Михаилъ.)

— Не ходи отъ имянинъ моихъ, говорилъ, чрезъ посланнаго, Святополкъ.

Князь Василько отказывался:

— Не могу ждати; неравно рать будетъ дома.

Давыдъ прислалъ отъ себя уговаривать его:

— Не ходи, брате; не ослушайся брата старѣйшаго.

Василько не соглашался.

— Видишь, объяснялъ между тѣмъ князь Давыдъ Святополку, — не помнитъ тебя, ходя въ твоихъ рукахъ; а погоди, уйдетъ въ

Digitized by Google

свою волость, увидишь, если не займетъ твоихъ городовъ, Турова, Пинска и другихъ; помянешь меня тогда. Созови кіянъ, возьми его и отдай мнѣ.

Послушался Святополкъ, послалъ опять по Василька:

— Буде не хочешь остаться до имянинъ моихъ, пріѣзжай такъ, сегодня; посидимъ всѣ съ Давыдомъ.

Князь Василько велѣлъ осѣдлать коня и поѣхалъ. Встрѣтившійся ему на дорогѣ дѣтскій, предостерегъ его:

— Не ходи, княже, хотятъ взять тебя.

— Какъ хотятъ взять? отвѣчалъ Князь.—Они крестъ цѣловали, говорили: «буде кто на кого, на того крестъ и мы всѣ. И перекрестясь, сказалъ: да будетъ воля Господня.

Пріѣхавъ на княжой дворъ, съ малою дружиной, князь поздоровался съ вышедшимъ его встрѣчать хозяиномъ и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ, въ теплую избу. Пришелъ князь Давыдъ; всѣ сѣли; и началъ говорить Святополкъ:

— Останься на святокъ (на праздникъ).

— Не могу, брате; я ужь велѣлъ товарамъ идти впередъ, отвѣчалъ Василько.

Князь Давыдъ сидѣлъ какъ нѣмой.

— Ну, позавтракай хоть съ нами, брате, приглашалъ Святополкъ.

На это Василько согласился.

— Посидите вы здѣсь, а я схожу, наряжу, сказалъ князь Святополкъ и вышелъ изъ избы.

Давыдъ съ Василькомъ сидѣли; Василько началъ было разговоръ, но отъ Давыда не было ни гласа, ни послушанья. И посидѣвъ мало, спросилъ: «гдѣ братъ»?

— Стоитъ въ сѣняхъ, отвѣчали ему бывшіе въ избѣ великокняжескіе дружинники.

Давыдъ всталъ и пошелъ въ сѣни, сказавъ Васильку: «я схожу по него, а ты посиди, брате».

Не успѣлъ выйти онъ, какъ Василька заковали дружинники въ двои оковы и заперли; на ночь приставили сторожей.

Утромъ князь Святополкъ созвалъ бояръ и кіевлянъ и передалъ имъ слова Давыда.

— Тебѣ, княже, отвѣчали созванные, достоитъ блюсти голову свою; буде правду молвилъ Давыдъ, да пріиметъ Василько казнь; буде же неправду молвилъ, да пріиметъ Давыдъ месть отъ Бога и отвѣчаетъ передъ Богомъ.

Digitized by Google

Узнавъ объ этомъ, пришли игумены и начали молить о Васильке. Князь Святополкъ отвѣчалъ: «вотъ вамъ Давыдъ».

Давыдъ же подущалъ на ослѣпленье: «буде не учинишь этого, ни тебѣ княжить, ни мнѣ».

Святополкъ хотѣлъ отпустить, но Давыдъ настаивалъ на своемъ, боясь мести Василька.

Въ ту же ночь (9-го ноября) повезли князя—въ Бѣлгородъ, городокъ верстахъ въ десяти отъ Кіева; привезя туда, скованнаго, сняли съ телѣги и ввели въ небольшую избу. Сидя на лавкѣ въ избѣ, Василько увидалъ торчина, оттачивавшаго ножъ, и догадавшись, что хотятъ слѣпить его, «возопи къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ». Вошли, посланные Святополкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Щечевичъ, конюхъ Святополковъ, Дмитръ, конюхъ Давыдовъ, и начали разстилать коверъ; разостлавъ, взяли Василька и хотѣли повалить; но князь боролся крѣпко, не могли повалить его; тогда вошло еще нѣсколько человѣкъ, повалили, связали и, доставъ съ печи доску, положили на грудь ему; по концамъ доски сѣли Сновидъ и Дмитръ, но не могли удержать; подошли еще двое, сняли другую доску съ печи, сѣли на нее и прижали такъ, что захрустѣли у князя перси. И подошелъ торчинъ, именемъ Берлади, овчаръ Святополчъ, держа ножъ; ладя ударить въ глазъ, онъ промахнулся и перерѣзалъ лицо Васильку; потомъ ударилъ въ око и вынялъ зѣницу; затѣмъ вынялъ другую зѣницу. «И томъ часѣ бысть аки мертвъ» Василько.

Завернувъ тотчасъ же въ коверъ, положили Василька на телѣгу, замертво, и повезли во Владиміръ. На дорогѣ остановились съ нимъ за Здвиженскимъ мостомъ, на торгу, и снявъ кровавую сорочку, отдали выстирать попадьѣ, а сами сѣли обѣдать. Попадья, вымывъ рубашку, принялась причитать его; думала, что мертвый. Василько очнулся и спросилъ: «гдѣ я?»

— Въ Здвиженьѣ отвѣчали ему.

Князь попросилъ воды, испилъ, и вступила въ него душа, опомнился онъ и ощупавъ сорочку, сказалъ: «на что вы ее снимали съ меня? Такъ бы въ той кровавой сорочкѣ я и смерть пріялъ, сталъ бы передъ Богомъ».

Отобѣдавъ, провожатые повезли его дальше, по вязкому, осеннему пути, и только на шестой день привезли во Владиміръ. Вскорѣ пріѣхалъ туда и Давыдъ, словно ловъ уловивъ какой; посадивъ Василька на дворѣ Вакѣевѣ, онъ приставилъ стеречь его тридцать мужей и двухъ отроковъ княжихъ, Улана и Колчко.

Digitized by Google

Князь Владиміръ, услыхавъ о злодѣйствѣ, ужаснулся и всплакалъ.

— Не бывало еще въ русской землѣ, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцахъ такого зла. Тотчасъ же послалъ онъ къ Святославичамъ, Олегу и Давыду:

— Приходите къ Городцу, да поправимъ сего зла, створившагося въ русьской землѣ и въ насъ въ братьѣ; ибо ввергше среди насъ ножъ. А не исправимъ сего зла, то большее встанетъ въ насъ, начнетъ братъ брата закалать и погибнетъ земля русская, а враги наши придутъ и возьмутъ землю.

Лѣтописецъ какъ будто побоялся изобразить душевное состояніе Мономаха, когда услыхалъ онъ, что его подозрѣваетъ въ козняхъ князь Святополкъ,—его, отдавшаго, этому самому Святополку, добровольно, отцовскій столъ свой въ Кіевѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ бы чувствовалъ себя не въ силахъ изобразить внутреннее движеніе, произведенное въ душѣ князя Владиміра подобнымъ подозрѣніемъ.

Предъ совершившимся злодѣйствомъ, умолкли, улеглись всѣ личные счеты межъ князьями. Заплакали князья Олегъ и Давыдъ.

— Не было этого въ родѣ нашемъ, отвѣчали они послу, и собравъ вои, пришли къ Мономаху.

Разсвирѣпѣвшій левъ Владиміръ, стоялъ уже въ бору подъ Кіевомъ. Князья отправили съ рѣчами къ Святополку.

— Зачѣмъ ты сотворилъ зло въ русской земли, ввергъ ножъ среди насъ? Зачѣмъ ослѣпилъ брата? Буде какая вина была на немъ, ты бы передъ нами обличилъ его и наказалъ. Говори, какая вина его? За что ты погубилъ его?

Святополкъ отвѣчалъ: «Мнѣ повѣдалъ Давыдъ Игоревичъ, что Василько убилъ Ярополка и меня хочетъ убить, и занять Туровъ, Пинскъ, Берестье и Погорину; а ходилъ ротѣ съ Владиміромъ на томъ, что сѣсть Владиміру въ Кіевѣ, а Васильку въ Володимірѣ; а мнѣ была неволя блюсти свою голову; и не я его слѣпилъ, а Давыдъ; онъ и увелъ его къ себѣ».

— Не оправдывайся тѣмъ, что Давыдъ слѣпилъ; не въ Давыдовомъ городѣ взятъ, ни слѣпленъ; въ твоемъ городѣ и взятъ и слѣпленъ, отвѣчали на это Святополку посланные отъ князей мужи.

Съ тѣмъ разошлись. На утро князья сбирались переправляться черезъ Днѣпръ. Буря могла подняться не шуточная; стоило кликнуть кличъ Мономаху, и вся земля, не одинъ Кіевъ, пристала бы къ стягу любимаго князя. Князь Святополкъ сбирался бѣжать изъ Кіева, но кіевляне не пустили его. Въ станъ кня-

Digitized by Google

зей, къ Владиміру отправили княгиню Всеволожую съ митрополитомъ.

— Молимся, княже, тебѣ и братьямъ твоимъ, говорили вдова княгиня и митрополитъ,—не губите русскую землю; ее стяжали дѣды ваши и отцы трудомъ великимъ и храбростью, поборая по русской землѣ, иныя земли пріискивая; а вы хотите погубить землю.

Слыша эти слова Владиміръ расплакался и отвѣчалъ: «по истинѣ отцы наши и дѣды сблюли землю русскую, а мы хочемъ погубити». И преклонился на мольбу княгинину и митрополита; «чтилъ бо ее, какъ мать, отца своего ради».

Что Василько не имѣлъ вражды, не замышлялъ ничего противъ Святополка, доказываютъ слова его, посланному Давыдомъ къ нему, лѣтописцу: «это послалъ мнѣ Богъ за мою гордость. У меня только и было на умѣ: наберу берендичей, печенѣговъ, торковъ, скажу братьямъ Володарю и Давыду: дайте мнѣ молодшую свою дружину, а сами пейте и веселитеся; на зиму наступлю на землю ляшскую, а на лѣто возьму ее, отомщу за русскую землю; потомъ хотѣлъ перебрать дунайскихъ болгаръ и поселить у себя; потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и Владиміра на половцевъ; думалъ: либо голову свою сложу за русскую землю, либо добуду себѣ славу; инаго помышленья не было въ сердцѣ моемъ ни на Святополка, ни на Давыда...»

Выпущенный Давыдомъ, по требованію брата, князь Василько отмстилъ совѣтникамъ Давыдовымъ, боярамъ, вытребовалъ и повѣсилъ ихъ; потомъ явился съ дружиною и воями на Рожнѣ. Передъ битвою онъ, поднявъ крестъ, кричалъ: «вотъ что цѣловалъ ко мнѣ Святополкъ; онъ взялъ свѣтъ очей моихъ, а нынѣ хочетъ отнять душу мою». И была брань великая. Разбивъ Святополка, Василько съ братьями всталъ на межѣ; но долго не могли князья уладиться. Много и неповинныхъ избилъ Василько, мстя обиду свою, прибавляетъ лѣтописецъ.

Князь Владиміръ продолжалъ княжить въ Переяславлѣ. Съ особою, замѣтною, любовью записываетъ лѣтописецъ, современникъ, думныя рѣчи уже старца Мономаха. Видно, что онъ дѣлался больше и больше любимцемъ земли. Послѣдній снемъ его съ Святополкомъ былъ въ Долобскѣ, около Кіева; сидя въ одномъ шатрѣ, князья думали о томъ, идти или нѣтъ по веснѣ на половцевъ, не оставлявшихъ тревожить Русь.

— Негодно нынѣ, по веснѣ, идти: погубимъ смердовъ и ролью (рабочій скотъ), толковала Святополкова дружина.

Digitized by Google

— Дивно мнѣ, дружина, говорилъ на это Мономахъ,—жалѣете вы лошадей, а того не подумаете: начнетъ орати смердъ, а половчинъ, пріѣхавъ, ударитъ его стрѣлою, и лошадь его возьметъ; да въ село въѣхавъ, заберетъ жену его и дѣтей, и все имѣнье; лошади жаль вамъ, а самого его не жаль ли?

Не могла ничего возразить на это Святополкова дружина. Святополкъ всталъ съ словами: «я готовъ».

— Этимъ ты, брате, великое добро сдѣлаешь землѣ русской, окончилъ князь Владиміръ.

Князья пошли къ Переяславлю; князь Олегъ сказался больнымъ; походъ окончили побѣдою, огромною добычей и избіеніемъ двадцати князей половецкихъ.

Въ 1114 году, черезъ два года послѣ побѣды надъ половцами, преставился князь Святополкъ апрѣля въ 16 день, въ Вышгородѣ. Кіяне, собравши вѣче на торгу, послали ко Владиміру съ вѣстью о смерти Святополковой—и съ мольбою прійти въ Кіевъ на столъ.

Шестидесятилѣтнему старцу, Владиміру, труженику всю жизнь свою, испытавшему на себѣ сколько зла подымается изъ-за власти, хотѣлось отдохнуть въ родномъ Переяславлѣ, гдѣ все напоминало ему дѣтство, мать, отца возлюбленнаго. Не о столѣ, и не о власти, о другомъ думалось князю, прослывшему въ побѣдахъ. «Многострастный и печальный азъ», говоритъ князь, строго, какъ видно, допрашивавшій самого себя, «много борюся съ сердцемъ, и одолѣла душа сердце мое, зане тлѣнна она». Народная старина разумѣла, какъ проявленія души пять внѣшнихъ чувствъ, первыхъ будильниковъ страстей человѣческихъ. О борьбѣ сердца съ этими послѣдними, подчасъ могучими, врагами, и упоминаетъ Мономахъ. Ужь много лѣтъ назадъ, въ своей духовной, онъ молилъ Владычицу: «отнять отъ убогаго сердца его буесть и гордость, да не возношусь суетою міра сего пустошнаго». И вотъ при концѣ тревожной, длинной жизни, зовутъ его снова плыть въ это бурное жизненное море изъ тихой и уединенной пристани. Мономахъ отказался.

Но тамъ же, въ томъ же завѣщаніи князя, написаны другія слова: «лишаемъ—не мсти, гонимъ—терпи, избави обидима, суди сиротѣ, оправдай вдовицу; ни права, ни крива не убивайте, души не губите хрестьянскія». Знать, эти золотыя, драгоцѣнныя, слова прочла русская земля и не переставала требовать любимаго князя на новую, послѣднюю, ей службу.

Digitized by Google

Буря поднялась въ Кіевѣ, когда воротившіеся послы привезли вѣсть объ отказѣ Мономаха. Съ торга, гдѣ переданы были княжой отвѣтъ и поклонъ кіевлянамъ, толпа разошлась, буйствуя, по Кіеву, разграбила дворъ тысяцкаго Святополкова, Путяты, дома жидовъ, лѣпившіеся муравейникомъ по Подолу. Вѣче отправило новыхъ пословъ къ Владиміру: «поиди, княже, Кіеву, а не пойдешь, много зла будетъ; не одинъ Путятинъ дворъ, не однихъ сотскихъ да жидовъ, а пойдутъ грабить ятровь (свояченицу) твою, Святополчу; и на бояръ, на монастыри пойдутъ; и ты будешь въ отвѣтѣ, княже, буде монастыри разграбятъ».

Владиміръ пошелъ въ Кіевъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ воскресенье, князь въѣхалъ въ стольный градъ. Митрополитъ Никифоръ съ епископами, и всѣ кіевляне встрѣтили старца съ честію великою; всѣ люди рады были, и улегся мятежъ. При колокольком звонѣ и радостныхъ кликахъ толпы, князь труженикъ ѣхалъ на конѣ, предшествуемый своимъ, обветшавшимъ въ битвахъ, стягомъ, къ святой Софіи, поклониться гробамъ дѣднему и отнему; оттуда шелъ онъ, предъ старою дружиной своей, на княжъ дворъ, принялъ хлѣбъ-соль отъ горожанъ, и съ высокаго крыльца кланялся на всѣ стороны народу. Толпа, запрудивъ дворъ, усѣяла крыши, заборы и звонницы. Праздникъ былъ Кіеву, дождавшемуся на столъ любимца своего, стояльца за землю. Рядъ новыхъ, трудныхъ подвиговъ видѣлся старцу князю впереди, рядъ битвъ съ врагами внѣшними, внутренними, тяжелый подвигъ борьбы съ самимъ собою. Отъ Кіева зависѣли счастье и миръ земли: раздай кіевскій князь волости не по правдѣ, не уладься съ половцами, и снова кровью и огнемъ отзовется во всей землѣ великокняжеское необдуманное дѣло.

Мономахъ осуществлялъ собою, созданный русскою землею, завѣтный образъ князя. Вотъ какъ описанъ, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, этотъ любимый образъ у лѣтописца: «аще бо кая земля управится предъ Богомъ, Богъ дастъ ей князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля, и судью, правящаго судъ. А не управится, то Богъ отниметъ отъ Іерусалима крѣпкаго исполина и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, и дивна свѣтника, и мудра хитреца, разумна, послушлива». Эти строки, написанныя слишкомъ за столѣтіе до Мономаха, изображаютъ будто портретъ Владиміра Всеволодовича, «его же, по слову пѣвца, «нельзя было пригвоздити къ горамъ кіевскимъ».

Digitized by Google

Половцы, по обычаю, прослышавъ Святополчу смерть, совокупившись, привалили къ Выру ладиться; видя поминутные нелады между князьями, они намѣревались поприжать ихъ на миру. Вдругъ Мономахъ, собравъ сыновей и племянниковъ, выступилъ, въ доспѣхѣ, имъ на встрѣчу; въ тылу у дикарей явился князь Олегъ съ своей удалою дружиной. Едва показались княжіе, грозные, полки, какъ половцы отвалили восвояси. Впервые смѣло такъ, и негостепріимно, встрѣтила ихъ Русь. Попробовалъ, правда, Святополкъ, въ началѣ княженія засадить ихъ пословъ, но необдуманное дѣло князя, мы видѣли, какъ дорого обошлось землѣ, не готовой къ отпору.

Мстиславъ, сынъ Мономаха, работалъ между тѣмъ на сѣверѣ: заложилъ Новгородъ «болій перваго», въ Ладогѣ клалъ каменныя стѣны съ бойницами. Теперь ему руки были развязаны; Святополкъ, помня слова новгородцевъ его сыну, не долюбливалъ Новагорода и непріязненно смотрѣлъ на возрастающую его силу.

Въ то же лѣто перенесены мощи князей Бориса и Глѣба въ новую каменную церковь въ Вышгородѣ. Народу сошлось видимо не видимо. Митрополитъ Никифоръ, съ епископами и игумнами, освятилъ церковь; обѣдали у князя Олега, такъ какъ церковь заложена была отцемъ его; и было учрежденіе велико и кормъ убогимъ и страннымъ по три дни. Утромъ, на другой день, митрополитъ и власти, облекшись въ свои святительскія ризы, зажгли свѣчи съ кадилами благовонными и пришли къ ракамъ святыхъ; взяли сперва раку Борисову, поставили ее на возила и повезли, за веревки, князья и бояра, «чернцамъ впередъ идущимъ со свѣчами, потомъ попомъ, игуменомъ и епископомъ». И нельзя было везти отъ множества народу; ворота сломили; толпа покрыла городъ и забрáла, такъ что страшно глядѣть было на множество народу. Князь Владиміръ велѣлъ кидать въ толпу паволоки, мѣха, орницы (обшивки къ кафтанамъ), серебряныя деньги, чтобы отвлечь народъ отъ шествія и очистить дорогу. Въ церковь внесли легко. Поставивъ раку среди церкви, пошли по Глѣба. Такимъ же образомъ его привезли и поставили у брата. Князья заспорили, гдѣ помѣстить гроба. Владиміръ хотѣлъ поставить среди церкви и сдѣлать надъ ними теремъ серебряный; а Олегъ и Давыдъ желали поставить во впадину, на правой сторонѣ, «гдѣ отецъ назнаменовалъ».

— Киньте жеребій, рѣшили митрополитъ и епископы; гдѣ изволятъ мученики, тутъ ихъ и поставимъ.

Digitized by Google

Такъ и сдѣлали; князья положили жребій на святой трапезѣ, и вынялся жеребій Давыдовъ и Олеговъ; гроба поставили на правой сторонѣ, «гдѣ и ныне стоятъ».

Въ это время смутъ и усобицъ между князьями, гробницы братьевъ—князей мучениковъ были безмолвною, но сильною проповѣдью. Онѣ обличали, безъ словъ, враждующихъ; у ихъ подножья, въ Вышегородѣ, заключена, можетъ быть, не одна мировая, совершилось не одно чудо исцѣленія отъ душевныхъ недуговъ, чудо преложенія гнѣва на любовь. Не даромъ называютъ благовѣрныхъ князей-мучениковъ лѣтописцы «заступниками теплыми, стражами земли; свѣтилами, озаряющими всю русскую землю; звѣздами, восшедшими въ раннее утро русскаго богопознанія».

Мономахъ дополнилъ уставы дѣда своего Ярослава. Замѣчательно въ дополненіи князя Владиміра подтвержденіе отмѣны смертной казни «холопу, ударившему свободна мужа». Не менѣе важна и глава: «о женѣ», впервые равняющая ее съ мущиною. «Оже кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, якоже и мужа».

Тихо было въ землѣ, но вотъ дошла вѣсть до Мономаха, что князь Глѣбъ пожегъ Слуцкъ и не кается о томъ, но еще укоряетъ великаго князя. Князь Владиміръ, нарядивъ сыновей и племянниковъ, поѣхалъ, великимъ постомъ, на Глѣба. Глѣбъ заперся въ Менскѣ. Мономахъ, подойдя къ городу, велѣлъ рубить себѣ избу, противъ города. Глѣбъ испугался и прислалъ пословъ. Эта постройка избы напоминаетъ льва, добродушно играющаго съ маленькимъ звѣркомъ. Владиміръ простилъ Глѣба, отдалъ ему Менскъ и воротился въ Кіевъ.

Князь Мстиславъ между тѣмъ ходилъ съ новгородцами на Чудь и взялъ ихъ городъ Медвѣжью Голову. Другой сынъ, Ярополкъ, рубилъ города у Смоленска; укрѣпленные города нужны были Мономаху, задумавшему и выполнившему скоро великій планъ свой: выгнать изъ русской земли дикарей половцевъ. Старецъ теперь былъ не одинъ: сыновья и племянники помогали ему въ земскомъ дѣлѣ. Давыдъ послалъ сына Всеволода на Донъ съ Ярополкомъ; княжичи взяли три города; оттуда Ярополкъ привелъ себѣ красавицу жену, дочь ясскаго князя. Сынъ Юрій ходилъ по Волгѣ, въ ладьяхъ, на болгаръ волжскихъ, взялъ много полону и воротился съ честью и славою. Андрей ходилъ на ляховъ.

Будто гнѣздо молодыхъ соколовъ, разлетѣлись по всей землѣ Мономаховичи, добывая славы отцу и себѣ, а дружинѣ чести. И радовался семидесятилѣтній старецъ, любуясь ихъ полетомъ,

Digitized by Google

съ золотаго стола, грозясь по временамъ на половцевъ, не охотно оставлявшихъ въ покоѣ межу русской земли.

Не одни земскія дѣла занимали князя Владиміра: тотъ здравый русскій смыслъ, который проявилъ онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, та рѣдкая соразмѣрность между чувствомъ личнымъ и чувствомъ долга, которая созидала благо земли русской, отозвались и въ его личныхъ отношеніяхъ къ вѣрѣ. Спокойствіе совѣсти и гармонія силъ душевныхъ требовали сознательнаго отношенія и къ правовѣрію. Въ сосѣдствѣ ляхи уже держались латинства, а все-таки продолжали пѣть по-славянски молитву «Богородице»; въ Чехіи шла глухая борьба между нѣмецкимъ духовенствомъ, державшимся латинскаго языка и обряда, и народомъ, стоявшимъ за исповѣданіе вѣры и славянскій богослужебный языкъ, завѣщенныя ему просвѣтителями Кириломъ и Меѳодіемъ; народъ чешскій перенесъ отголоски этой борьбы и въ свои сказанія: сложилась повѣсть о томъ, какъ св. Проконъ, основатель Сазаво — Еммауской обители, гдѣ крѣпко держалось славянское богослуженіе, три раза послѣ своей смерти, являлся нѣмецкимъ монахамъ, введеннымъ въ обитель вмѣстѣ съ латинскою службою княземъ Спитигнѣвомъ, и приказалъ имъ удалиться изъ обители, куда и вошли вновь иноки славянскіе. Любознательный князь Владиміръ, который такъ близокъ былъ къ землямъ славянскимъ не могъ не принять горячо къ сердцу то шумное движеніе, которое сопровождало раздѣленіе церквей: и вотъ онъ по долгу бесѣдуетъ съ митрополитомъ Никифоромъ, и плодомъ этихъ бесѣдъ является посланіе Никифора о различіи латинской церкви и греческой.

Другое посланіе того же митрополита къ князю Владиміру «о постѣ», кромѣ того, что знакомитъ читателя съ философскими понятіями вѣка, дорисовываетъ образъ Мономаха. Разсматривая уклоненіе отъ истиннаго пути по пяти чувствамъ, митрополитъ сравниваетъ князя съ душою: «та убо сидитъ во главѣ, умъ имуще, яко же свѣтлое око въ себѣ и исполняюще все тѣло силою своею; тако и ты, княже, сидя здѣсь, въ сей своей земли, воеводами и слугами своими дѣйствуеши по всей землѣ; такъ и душа дѣйствуетъ пятью своими чувствами». Говоря объ осязаніи, писатель замѣчаетъ: «вѣдаю, яко отнелѣ же родися, рука твоя по Божіей благодати ко всѣмъ простирается и николи же ти сокровище положено бысть». О труженичествѣ Мономаха митрополитъ свидѣтельствуетъ такъ: «что подобаетъ

Digitized by Google

глаголати къ такому князю, иже болѣ на земли спитъ и дому бѣгаетъ, и свѣтлое ношеніе ризъ отгонитъ, и по лѣсомъ ходя сиротинну носитъ одежду, и по нуждѣ, во градъ входя, въ властительскую ризу облачится».

Говоря о слухѣ, наставникъ смѣло гремитъ: какъ ты не можешь видѣть все очами своими и нуждаешься въ напоминаніи, то, мнится мнѣ, отсюда «нѣкако приходитъ ти пакость душевная; отверсту сущу слуху, тѣмъ единѣмъ стрѣла входитъ ти. Того ради Соломонъ повелѣваетъ: блюдите, да не смерть внидетъ оконци вашими. О семъ испытай, княже мой, о томъ помысли; о изгнанныхъ отъ тебя, о осужденныхъ наказанія ради, о презрѣнныхъ; вспомяни о всѣхъ, кто на кого изрекъ и кто кого оклеветалъ, и самъ суди и разсуди таковыя; и какъ отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помяни и такъ сотвори и отпусти, да и тебѣ отпустится, отдай, да и тебѣ отдастся. Не опечались словамъ моимъ».

Высказавъ пожеланіе въ радости дожить до Господскаго дня Воскресенія, митрополитъ оканчиваетъ посланіе свое: «и возсіяетъ тебѣ свѣтъ, праведнымъ сіяющій, и его супружница веселіе; неосужденъ и неповиненъ, потомъ и на вышнее царство вознесешься, отъ дольняго, иже есть истинная пасха и истинный праздникъ».

Благовѣстъ къ этому горнему великому дню раздался для князя Владиміра въ 1124 году, 19 мая, черезъ тринадцать лѣтъ его славнаго столованья въ Кіевѣ.

Н. Чаевъ.

1870 г. декабря 24.
Москва.

Digitized by Google

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ *).

In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus amor.

СЛОВА БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА.

Духъ вселенской церкви есть духъ всетерпящей любви. Этотъ духъ съ особенною полнотою проявилъ себя въ древнѣйшій періодъ Христовой церкви, когда она, обращая болѣе всего вниманіе на практическую сторону христіанства—на воплощеніе его, въ самой жизни вѣрующихъ давала послѣднимъ полную свободу держаться личныхъ воззрѣній относительно тѣхъ или другихъ предметовъ вѣры, и еще менѣе стѣснялась допускать разнообразіе въ религіозныхъ обрядахъ, лишь бы эти воззрѣнія и эти обряды не выражали чуждаго ей духа и не являлись съ характеромъ надменной оппозиціи противъ общецерковныхъ вѣрованій и учрежденій. Искренне вѣрующій и самоотверженно преданный дѣлу христіанства, Оригенъ былъ не чуждъ нѣкоторыхъ мыслей, которыя послѣ соборно объявлены были неправыми; но эти мысли, имѣвшія характеръ личныхъ его мнѣній и никогда не выдававшіяся имъ за общецерковные догматы, не мѣшали ему принадлежать къ церкви и даже пользоваться въ ней великимъ уваженіемъ. Разногласіе церквей, восточныхъ и западныхъ, относительно времени празднованія Пасхи, способа принятія ере-

*) Во время печатанія статьи Н. П. Аксакова по вопросу о свободѣ совѣсти, мы получили и отъ А. С. Лебедева статью, имѣющую своимъ содержаніемъ тотъ же предметъ. Помѣщаемъ ее въ этой книгѣ «Бесѣды», такъ какъ она относится къ первымъ вѣкамъ христіанства, которые церковь ставитъ во главѣ своего ученія и своихъ преданій. *Ред.*

Digitized by Google

тиковъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, не мѣшало имъ сохранять между собою полное единеніе, не смотря даже на властолюбивыя притязанія римскихъ епископовъ (желавшихъ обряды своей церкви сдѣлать обязательными для остальныхъ церквей), во-время обличенныя и остановленныя другими епископами. Только въ случаяхъ, когда тѣ или другія лица, своими измышленіями, оскорбляли самый духъ христіанства и намѣренно стремились противупоставить свои нововведенія общецерковнымъ вѣрованіямъ и порядкамъ, церковь отлучала нововводителей отъ общенія съ собою; но и въ этомъ случаѣ чужда была, въ отношеніи къ нимъ, враждебныхъ расположеній. Рѣзко осуждая лжеученіе, отцы церкви однакожь не допускали другаго способа дѣйствованія противъ лжеучителей, кромѣ молитвы о нихъ и кроткаго слова убѣжденія. Принципъ преслѣдованія за религіозныя разногласія былъ совершенно чуждъ древней церкви, и не по тому только, что ей, при ея отношеніяхъ къ правительству, неудобно было прилагать его къ дѣлу, но и по тому, что онъ былъ противенъ одушевлявшему ее духу. «Религія, говоритъ Лактанцій,—не терпитъ принужденій. Убѣжденіями, а не насиліями, образуется въ человѣкѣ свободное произволеніе. Нигдѣ нѣтъ такой свободы, какъ въ области религіи. Мы не требуемъ, чтобы нашъ Богъ, который есть Богъ всѣхъ, почитаемъ былъ кѣмъ нибудь противъ воли, и не раздражаемся, если не бываетъ почитаемъ. Никого нельзя силою заставить почитать то, чего онъ не хочетъ. Можетъ, пожалуй, кто нибудь притвориться, но не можетъ хотѣть (т. е. хотѣть по принужденію) [1]).»

Тертулліанъ, обращаясь къ языческимъ властямъ, преслѣдовавшимъ христіанъ, говоритъ: «Дозвольте каждому исповѣдывать ту или другую вѣру по его произволенію: одному почитать истиннаго Бога, другому Юпитера, однимъ приносить въ жертву Богу себя самихъ, другимъ—козла. Бойтесь, какъ бы не утвердилось невѣріе, когда уничтожена будетъ свобода вѣроисповѣданія; когда будутъ запрещать мнѣ покланяться тому Богу, котораго я желаю, и будутъ принуждать меня почитать того, кого не желаю. Гдѣ Богъ, любящій вынужденное почитаніе?... Пожелаетъ ли даже какой ни будь Богъ этого» [2])? Въ сочиненіи «Къ народамъ» тотъ же самый писатель порицаетъ, какъ нечестіе,

---

[1]) Institut. V, 19, 20, 24.
[2]) Аполог. XXIV.

Digitized by Google

вмѣшательство государства въ дѣла вѣры. «У насъ нельзя даже быть и Богомъ, иронически замѣчаетъ онъ,—какъ съ разрѣшенія сената». Наконецъ въ письмѣ «къ Скапулѣ» Тертулліанъ не колеблется даже прямо признать право почитать идоловъ за тѣми, кому идолы кажутся богами. «Мы почитаемъ единаго Бога... вы считаете богами тѣхъ, на кого мы смотримъ какъ на демоновъ; каждый имѣетъ право обожать то, что кажется ему за лучшее. Противно вѣрѣ принуждать къ вѣрѣ... Богопочтеніе не можетъ быть безъ участія сердца».

Съ IV-го вѣка въ самомъ обществѣ христіанъ начинаются гоненія за вѣру. Еретики преслѣдуютъ православныхъ, православные—еретиковъ. Особенною ревностію въ преслѣдованіи иновѣрцевъ отличаются императоры, располагавшіе, конечно, и большими средствами для преслѣдованія: не соглашавшихся съ ними въ исповѣданіи вѣры (было ли это исповѣданіе православное, или еретическое) они наказывали отнятіемъ имущества, ссылкою, даже смертною казнію. Ожесточеніе боровшихся сторонъ часто доходило до крайнихъ размѣровъ. «Не такъ звѣри терзаютъ другъ друга, какъ люди», замѣчаетъ о христіанахъ, по поводу ихъ религіозныхъ споровъ, Амміанъ Марцелинъ [1]). Это ожесточеніе было тѣмъ прискорбнѣе и тѣмъ поразительнѣе, что поводомъ къ нему не рѣдко бывали не существенныя разногласія, а одни недоразумѣнія. Историкъ Сократъ, говоря о спорахъ по поводу слова *единосущный*,—слова, которое выражало, конечно, истинную мысль церкви объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, но не всѣми правильно понималось, имѣлъ полное право замѣтить: «борьба, въ семъ случаѣ, нисколько не отличалась отъ ночнаго сраженія; ибо обѣ стороны не понимали, за что бранятъ одна другую. Одни, уклоняясь отъ слова *единосущный*, полагали, что принимающіе его вводятъ ересь Савеллія [2]), а потому называли ихъ хулителями, какъ-бы отвергавшими личное бытіе Сына Божія. Другіе, защищавшіе единосущіе, думали, что противники ихъ вводятъ многобожіе, и отвращались отъ нихъ, какъ отъ вводителей язычества» [3]).

Среди этой борьбы разномыслящихъ, церковь, по видимому,

---

[1]) XXII, 5—8.

[2]) По ученію Савеллія, Божество есть собственно одно лицо, Божественная же Троица есть не что иное, какъ три формы обнаруженія дѣятельности Божества.

[3]) Кн. 1, гл. 23.

Digitized by Google

забыла принципъ вѣротерпимости. Но это только *по видимому*. На самомъ же дѣлѣ принципъ этотъ нисколько не погибъ для церкви: онъ нарушался людьми, которые не знали, какого они духа, и которые (какъ случалось нерѣдко въ этотъ періодъ такъ называемаго торжества церкви), едва оставивъ по наружности язычество, но не отрѣшившись отъ его духа, продолжали и въ христіанствѣ жить и дѣйствовать по правиламъ язычества; но онъ со всею энергіею защищался людьми, которые умѣли различать истинное отъ ложнаго, родное отъ чуждаго,—людьми, которые знали, какого они духа. Иларій Пиктавійскій, на примѣръ, въ слѣдующихъ словахъ внушаетъ принципъ вѣротерпимости императору Констанцію: «вы (императоры) за тѣмъ и поставлены, чтобы всѣ, находящіеся подъ вашею властію, пользовались вожделеннѣйшею свободою. Разстроенное не иначе можетъ быть приведено въ порядокъ, и распущенное не иначе можетъ быть обуздано, какъ если каждый, не терпя насилій, можетъ жить согласно съ требованіями своей совѣсти» [1]). «Если бы этой вѣрѣ стали дѣлать насиліе, говоритъ тотъ же отецъ о вѣрѣ Аѳанасія,—то всѣ епископы противостали бы и сказали: «Богъ есть владыка вселенной, онъ не нуждается въ вынужденномъ повиновеніи, не требуетъ вынужденнаго исповѣданія» [2]). Еще сильнѣе говорилъ противъ насилія въ дѣлѣ вѣры св. Аѳанасій: «не мечемъ и не войсками утверждается и распространяется истина, а увѣщаніемъ и убѣжденіемъ» [3]). Тѣхъ же мыслей былъ въ началѣ и блаженный Августинъ (Mea primitus sententia non erat, nisi neminem ad unitatem Christi esse cogendum, verbo esse agendum, disputatione pugnandum, ratione vincendum, ne fictos catholicos haberemus, quos apertos haereticos noveramus [4]), пока не пришелъ потомъ, въ борьбѣ съ донатистами, къ замысловатой, до странности, мысли найти оправданіе насильственнымъ дѣйствіямъ, въ отношеніи заблуждающихся, въ словахъ господина къ слугѣ (въ притчѣ о званыхъ на вечерю): «пойди по дорогамъ и изгородямъ и *убѣди прійти* [5]) (нищихъ и увѣчныхъ), чтобы исполнился домъ мой» (Луки 14, 23).

Отцы и учители церкви, лучше другихъ понимавшіе духъ хри-

[1]) Ad Constant. 1, 2.
[2]) L. 1, 6.
[3]) Hist. Arian., § 33.
[4]) Ep. ad Vincent., § 17.
[5]) Въ латинскомъ переводѣ: coge intrare.

Digitized by Google

стіанства, рѣшительно не одобряли неразумной ревности самихъ императоровъ, желавшихъ насильственными мѣрами защищать интересы церкви. Когда одинъ испанскій епископъ, Итацій, явился въ Триръ къ императору Максиму съ просьбою употребить правительственную власть противъ еретика Присцилліана, тогда епископъ турскій Мартинъ, случайно бывшій въ это время въ Трирѣ, убѣдительно просилъ, во первыхъ, самого Итація не искать у свѣтской власти суда въ дѣлахъ вѣры, а затѣмъ старался убѣдить императора отказаться отъ не принадлежащаго ему суда и, не успѣвъ въ этомъ, взялъ съ императора слово пощадить, по крайней мѣрѣ, жизнь еретика. Когда императоръ не сдержалъ своего слова (казнь Присцилліана была первая казнь за ересь), то епископъ Ѳеогностъ громко протестовалъ противъ такого насильственнаго дѣйствія императора и прервалъ церковное общеніе какъ съ Итаціемъ, такъ и съ другими епископами, сочувствовавшими ему; къ этому протесту присоединился Мартинъ, а также и Амвросій Медіоланскій.

Высокій примѣръ религіозной терпимости, въ видахъ сохраненія мира въ церкви, показалъ Св. Аѳанасій, когда на соборѣ въ Александріи, въ 362 году, по поводу спора о значеніи словъ οὐσία и ὑπόστασις [1]), глубоко раздѣлявшаго споривших, а между тѣмъ не нарушавшаго существа вѣры, онъ, вмѣстѣ съ другими епископами, положилъ рѣшеніе, которымъ дозволялось спорившимъ употреблять не одинаковыя слова, служившія къ выраженію одного и того же смысла. «Да послужитъ дѣяніе сіе, говоритъ по сему случаю Св. Григорій Богословъ,—урокомъ и для нашихъ современниковъ, если только захотимъ подражать ему. Ибо какъ отъ почерпнутой воды отдѣляется не только оставшееся внѣ почерпнувшей руки, но и вытекающее сквозь пальцы изъ держимаго рукою: такъ и отъ насъ отсѣкаются не одни печестивые, но даже и благочестивые, и не только ради догматовъ не важныхъ, которые не стоили бы и спора (что было бы еще не такъ тяжело), но даже ради реченій, заключающихъ въ себѣ одинъ и тотъ же смыслъ. Ибо когда благочестно употребляемъ

[1]) Значеніе слова ὑπόστασις не вдругъ установилось въ церкви. Признаніе Бога въ *трехъ* ипостасяхъ (лицахъ) составляетъ теперь одну изъ существенныхъ чертъ православнаго исповѣданія. А между тѣмъ даже Никейскій соборъ, принимая *ипостась* въ смыслѣ *сущности*, не хотѣлъ допустить выраженія, что въ Богѣ три ипостаси, и утверждавшихъ, что Сынъ Божій не одной и той же ипостаси съ Богомъ Отцемъ, анаѳемствовалъ.

Digitized by Google

реченія: одна сущность и три ѵпостаси, изъ коихъ первое означаетъ естество Божества, а послѣднее—личныя свойства (ἰδιότητας) Трехъ, и когда римляне, одинаково съ нами разумѣя, по бѣдности своего языка и по недостатку наименованій, не могутъ различить сущности отъ ѵпостаси, и потому замѣняютъ слово: ѵпостаси словомъ: лица, дабы не подать мысли, что они признаютъ три сущности,—тогда что изъ сего выходитъ?—Нѣчто весьма достойное смѣха или сожалѣнія. Сіе маловажное состязаніе о звукахъ показалось разностію вѣры. Потомъ, вслѣдствіе споровъ о семъ, произошло то, что въ реченіи: три лица, открытъ савелліанизмъ, а въ реченіи: три ѵпостаси—аріанизмъ. Что же далѣе? По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ днемъ прибавлялось что нибудь, хотя нѣсколько, огорчительное (такъ какъ споръ всегда производитъ огорченія), настаетъ опасность, что вмѣстѣ съ слогами расторгнутся и концы вселенной. Все это видя и слыша, сей блаженный, какъ истинно Божій человѣкъ и великій строитель душъ, употребляетъ свое врачество противъ такого недуга. Какъ же онъ производитъ сіе?—Со всею кротостію и человѣколюбіемъ пригласивъ обѣ стороны и строго изслѣдовавъ смыслъ реченій, когда нашелъ ихъ не отступающими отъ здраваго ученія, и ни мало не разнствующими въ понятіи, предоставляетъ имъ употребленіе разныхъ именованій, связуетъ же во едино самымъ именуемымъ» [1]). Это дѣло Св. Аѳанасія Св. Григорій признаетъ несравненно выше самыхъ трудныхъ подвиговъ аскетизма, которые, какъ говоритъ онъ, приносятъ пользу только упражняющимся въ оныхъ. Это, по его словамъ, равняется достославнымъ изгнаніямъ и неоднократному бѣгству самого Аѳанасія.

Еще замѣчательнѣе, въ разсматриваемомъ нами отношеніи, уступка, сдѣланная Св. Кириломъ Александрійскимъ епископу птолемаидскому Синезію. Синезій, по рожденію язычникъ, знаменитаго происхожденія, первое образованіе свое получилъ подъ руководствомъ, знаменитой своею ученостію, Ипатіи, волновавшей тогда своими публичными лекціями всю Александрію, но съ раннихъ поръ чувствовалъ влеченіе къ христіанству. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ вскорѣ получилъ отъ своихъ согражданъ приглашеніе на епископскую каѳедру. Синезій напередъ со всею откровенностію заявилъ, что, ради предлагаемаго ему сана, онъ не желаетъ отказаться ни отъ жены, имъ любимой, ни отъ фило-

[1]) Текстъ приводимъ по переводу «Твореній Отцовъ».

Digitized by Google

софіи, которой занимался до сихъ поръ съ такимъ усердіемъ, ни отъ нѣкоторыхъ мнѣній: догматы воскресенія тѣлъ и вѣчности мученій не были для него рѣшеными вопросами. Тогдашній епископъ Александріи Св. Кирилъ, тотъ самый, который съ такою рѣшительностію поражалъ анаѳемами Несторія, дозволявшаго съ каѳедры называть Богородицу—Христородицею, уважилъ эти сомнѣнія Синезія, именно на столько, на сколько они имѣли характеръ личныхъ сомнѣній, и посвятилъ его въ епископа.

Что касается различія въ обрядахъ, оно и теперь, какъ въ древнѣйшій періодъ, ни мало не мѣшало единенію вѣрующихъ. Историкъ Созоменъ, замѣтивъ, что древніе епископы, при возникшемъ вопросѣ о времени и способѣ празднованія Пасхи, справедливо думали, что безумно было бы христіанамъ, согласнымъ въ главныхъ пунктахъ вѣрованія, раздѣляться между собою изъ-за обычаевъ, ибо во всѣхъ церквахъ, хотя онѣ исповѣдуютъ одно и то же ученіе, нельзя найти однихъ и тѣхъ же по всему сходныхъ преданій,—дѣлаетъ по сему случаю слѣдующее перечисленіе различныхъ, по различію странъ и церквей, обычаевъ: «Извѣстно, что во всей Скиѳіи, при множествѣ городовъ, одинъ епископъ, между тѣмъ у другихъ народовъ существуютъ епископы иногда и въ селеніяхъ, что замѣтилъ я у аравитянъ и кипрянъ, у фригійскихъ новаціанъ и монтанистовъ. Діаконовъ у римлянъ еще и донынѣ не болѣе семи, потому что римляне имѣютъ въ виду число рукоположенныхъ апостолами, между которыми находился первомученикъ Стефанъ; а у другихъ число ихъ неопредѣленно. Сверхъ того въ Римѣ каждый годъ только однажды поютъ аллилуіа, именно въ первый день пасхальнаго праздника, такъ что многіе римляне даже клянутся тѣмъ, чтобы имъ сподобиться услышать или пѣть эту пѣснь. Тамъ же ни епископъ, ни другой кто, не говоритъ въ церкви поученій, а у александрійцевъ проповѣдуетъ одинъ только городской епископъ... У александрійцевъ странно и то, что при чтеніи Евангелія епископъ не встаетъ, чего у другихъ я не видывалъ и не слыхивалъ. Тамъ эту священную книгу читаетъ одинъ архидіаконъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ діаконы, а во многихъ церквахъ одни священники, въ знаменитые же праздники епископы, какъ, на примѣръ, въ Константинополѣ въ первый день Пасхи. И предшествующую этому празднику, такъ называемую Четыредесятницу, въ которую народъ постится, одни считаютъ въ шесть недѣль, на примѣръ иллирійцы и христіане, живущіе на западѣ,

Digitized by Google

вся Ливія и Египетъ съ Палестиною, другіе — въ семь, какъ жители Константинополя и окрестныхъ мѣстъ до Финикіи. Въ продолженіи этихъ шести или семи недѣль нѣкоторые постятся три недѣли съ промежутками, другіе три недѣли сряду предъ праздникомъ, а иные только двѣ, какъ, на примѣръ, послѣдователи Монтана. Не вездѣ то же время и тотъ же образъ даже для церковныхъ собраній. Извѣстно, что одни собираются и въ суботу, равно какъ въ первый день по суботѣ, что бываетъ въ Константинополѣ и почти повсюду; но въ Римѣ и Александріи не такъ. У Египтянъ во многихъ городахъ и селеніяхъ собираются вечеромъ въ суботу и, уже пообѣдавъ, пріобщаются таинствъ. Не всѣ также совершаютъ однѣ и тѣ же молитвы и псалмопѣнія или чтенія, и не въ одно и то же время. На примѣръ, такъ называемый Апокалинсисъ Петра, который древними признанъ былъ за совершенно подложный, въ нѣкоторыхъ церквахъ Палестины, какъ мнѣ извѣстно, читается еще и донынѣ, однажды въ годъ, въ великій пятокъ, когда народъ съ особеннымъ благоговѣніемъ постится въ память спасительныхъ страданій; а извѣстный нынѣ, подъ именемъ апостола Павла, Апокалипсисъ, котораго не признавалъ никто изъ древнихъ, одобряется весьма многими монашествующими...» Подобное же свидѣтельство находимъ у историка Сократа (кн. V, 22).

Замѣчательно высказывается такой же взглядъ на обрядовыя различія у патріарха антіохійскаго Петра, уже въ то время, когда общее настроеніе, нужно это признать, мало отвѣчало этому взгляду въ самомъ разгарѣ раздѣленія церкви. Послѣ того, какъ легаты римскіе, бывшіе въ Константинополѣ, съ безстыдною дерзостію положили на престолъ, въ Софійскомъ храмѣ, отлученіе на греческую церковь, патріархъ константинопольскій, извѣщая о семъ названаго патріарха Петра, осуждалъ въ письмѣ къ нему латинянъ за употребленіе удавленины и крови въ пищу, вопреки апостольскому уставу, за соблюденіе поста въ суботу вмѣсто середы, за запрещеніе брака пресвитерамъ и разрѣшеніе онаго, въ нѣкоторыхъ близкихъ степеняхъ родства, мірянамъ, за крещеніе единократнымъ погруженіемъ вмѣсто троекратнаго, за приложеніе къ символу словъ *и отъ Сына*, и за то, что епископы латинскіе носятъ кольца и, какъ воины, выходятъ на брань. Въ отвѣтъ на это письмо патріархъ антіохійскій выражалъ мысль, что однѣ изъ означенныхъ разностей безразличны, другія хотя и не совсѣмъ одобрительны, но могутъ быть терпимы,—и толь-

Digitized by Google

ко одна изъ нихъ, касающаяся существа вѣры, должна бы быть уничтожена. «Я бы полагалъ, говоритъ онъ,—что если они (Римляне) исправятъ свое приложеніе къ символу, не должно ничего отъ нихъ болѣе требовать, и можно даже оставить безъ вниманія вопросъ объ опрѣсноках (споръ о которыхъ въ то время отличался особенною страстностію). Умоляю тебя, согласись на сіе мнѣніе, дабы, требуя всего, не лишиться всего» [1]). Конечно, патріархъ антіохійскій ошибался, полагая, что раздѣленіе церквей совершается вслѣдствіе означенныхъ разностей,—причина раздѣленія была гораздо глубже; но, во всякомъ случаѣ, его взглядъ на значеніе этихъ разностей заслуживаетъ вниманія.

Итакъ, древняя церковь, твердо храня преданную ей отъ Христа и апостоловъ вѣру, со всею рѣшительностію отражала судомъ своимъ всякую попытку низвратить ее. Но, отлучая за такія попытки тѣхъ или другихъ членовъ отъ общенія съ собою, церковь нисколько не хотѣла подвергать ихъ какимъ либо гоненіямъ за вѣру. А въ вещахъ неважныхъ, каковы, на примѣръ, обряды, не противорѣчащіе духу вѣры, и даже самыя вѣрованія, хотя не совсѣмъ правыя, но не касающіяся однако же существенныхъ пунктовъ вѣры и не претендующія стать на мѣстѣ общей церковной вѣры,—въ такихъ вещахъ ея члены, даже не подвергаясь никакому духовному суду, оставаясь въ церковномъ союзѣ, могли совершенно свободно держаться своихъ воззрѣній и порядковъ. Такая-то практика древней церкви, такія-то правила ея и выражаются въ приведенномъ нами въ видѣ эпиграфа изреченіи блаженнаго Августина.

А. Лебедевъ.

---

[1]) «Правда Вселенской Церкви», 1841 г., стр. 310—313.

Digitized by Google

ЧТО СДѢЛАНО
ПО
ВОПРОСУ О ДУХОВЕНСТВѢ.

Строго-безпристрастная повѣрка сдѣланнаго—одно изъ наиболѣе надежныхъ ручательствъ успѣха всякаго дѣла. И если гдѣ требуется такая повѣрка, такъ именно въ нашемъ обществѣ, слишкомъ горячо отзывающемся на всякій поднятый вопросъ и слишкомъ скоро остывающемъ, когда за фразами слѣдуетъ самое дѣло, когда за теоріями и проектами слѣдуетъ его практическое осуществленіе.

Такъ, между прочими, вопросъ о духовенствѣ. Ровно двѣнадцать лѣтъ тому, какъ поднятъ онъ извѣстнымъ «Описаніемъ сельскаго духовенства.» Что-жь за эти годы сдѣлано для преобразованія духовенства существенно полезнаго, такого, что вошло, или по крайней мѣрѣ, могло войти въ жизнь, съ надеждой на дальнѣйшее развитіе къ пользѣ всего общества? Пора осмотрѣться, чтобы, на основаніи сдѣланнаго, опредѣлить дальнѣйшую судьбу этого вопроса.

Кто внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣла, того не могла не поражать странность, или, точнѣе, двусмысленность отношеній общества къ вопросу о духовенствѣ. По началу, когда затронуты были наболѣвшія язвы этой среды и ея собственная непригодность, отвсюду послышались сильные голоса о необходимости самыхъ существенныхъ преобразованій въ ней. Литература, отголоскъ общества, горячо припялась было за разработку всѣхъ сторонъ этого вопроса, затрогивая даже корень зла, считавшійся, въ былыя времена, неприкосновенной святыней. Все общество, ка-

Digitized by Google

залось, живо было заинтересовано важностью поднятаго вопроса и его разумнымъ и цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ. Но лишь начали приводить въ исполненіе нѣкоторыя преобразовательныя мѣры въ этой средѣ, какъ то же общество обнаружило совершенное безучастіе къ дальнѣйшему ходу этого дѣла. Правда, по поводу той или другой мѣры въ нѣкоторыхъ газетахъ появлялись хвалебные возгласы; но это былъ голосъ не общества, а редакцій, и притомъ голосъ, въ которомъ слышалось нѣчто заказное, непроникнутое искренностью и правдой. Общество какъ бы махнуло рукой на весь вопросъ о духовенствѣ. Вслѣдствіе чего такой поворотъ отъ горячаго участія къ совершему безучастію въ дѣлѣ? Увидѣло ли общество, по самому началу, что къ рѣшенію поднятаго вопроса приступили совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало приступить, и что, по этому, отъ преобразовательныхъ мѣръ нельзя ожидать добрыхъ послѣдствій? Но оно могло, но оно должно было твердо и настойчиво заявить, чего требуетъ жизнь отъ этой среды, и при какихъ условіяхъ можетъ быть удовлетворено это требованіе. Да, *должно* было: не общество существуетъ для духовенства, а духовенство для общества; и пасивная роль перваго въ дѣлѣ, отъ котораго зависятъ его высшіе духовные интересы, есть извращеніе самой сущности дѣла. Или, и по отношенію къ этому вопросу, повторилась обычная исторія: черезчуръ горячо относиться къ дѣлу, когда оно лишь начинается, и совсѣмъ охладѣвать къ нему, когда оно теряетъ обаяніе новизны? Или, наконецъ, весь интересъ общества въ этомъ вопросѣ былъ чисто внѣшній, безъ сознанія всей необходимости его правильнаго рѣшенія, а отсюда и безъ искренняго желанія, чтобы, наконецъ, приступили къ его рѣшенію безъ уклончивости, не отлагая.

Да не удивятся этому послѣднему предположенію. Есть данныя, на основаніи которыхъ оно представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ: извѣстно, съ какимъ антагонизмомъ отнеслись къ духовенству въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ этой средѣ, такъ непосредственно примыкающей къ жизни народа, такъ знакомой съ его потребностями и стремленіями и со средствами ихъ удовлетворенія, могли найтись, и дѣйствительно находились, лица, которыя готовы были отдать этому дѣлу и всѣ свои силы, и всю свою опытность, и, въ качествѣ руководителей народнаго образованія въ какой либо мѣстности, несомнѣнно принесли бы не малую пользу образовательному дѣлу народа; но ихъ готовность отринута, и имъ предпочтены лица безусловно чуждыя народной жизни,

Digitized by Google

ничѣмъ не заинтересованныя въ умственно-нравственномъ развитіи народа (что впрочемъ, по всей вѣроятности, и требовалось). Больше и хуже того: тамъ, гдѣ духовенство не въ лживыхъ цифрахъ, а на самомъ дѣлѣ заявило свою ревность въ открытіи народныхъ училищъ, обнаружились притязанія выбить это дѣло изъ его рукъ, какъ будто его ученье опаснѣе, чѣмъ абсолютное невѣжество народа; тамъ, гдѣ открываются училища помимо духовенства, ухищряются всѣми способами не допустить его къ участію въ ходѣ учебнаго дѣла; а если гдѣ, pro forma, и допускаютъ въ качествѣ законоучителей, то избираютъ не лучшее, а худшее изъ этой среды, съ вѣрнымъ расчетомъ на безвліятельность такого законоучительства; и даже (поразительное явленіе!) нашлись философы, которые, въ своихъ педагогическихъ чтеніяхъ, проповѣдывали, что законоучительство въ училищахъ вообще, а въ народныхъ по преимуществу, совсѣмъ и не нужно; а если ужь нельзя не сдѣлать этой уступки, то законоучителемъ можетъ быть всякій, помимо духовенства. Эти и подобныя имъ явленія, а такихъ явленій не перечтешь, доказываютъ, безъ возможности какихъ либо сомнѣній, что общество не уяснило еще настоящаго значенія духовенства въ своей средѣ; а отсюда: и двусмысленность его отношеній къ вопросу о духовенствѣ, и заявленныя желанія, чтобы оно было преобразовано, и нежеланіе до антагонизма пользоваться тѣмъ, что и теперь можетъ найтись лучшаго среди его. Если же не пользоваться, то къ чему, въ самомъ дѣлѣ, и преобразованія?—Поговорили—и достаточно; общественная совѣсть можетъ успокоиться и на этомъ.

Да, и достаточно, если духовенство навсегда должно остаться тѣмъ, во что, съ благословенія Византіи, выработалось оно среди всероссійской жизни,—левитомъ для обрядовыхъ богослуженій. Очемъ думать и хлопотать, если больше ничего не требуется? О благолѣпіи церквей и монастырей и обогащеніи ихъ оно, больше или меньше, ревнуетъ; службы, обряды, требы, лучше или хуже, исправляетъ, причемъ, естественно, не забываетъ и себя, потому что всякое ремесло должно же вознаграждаться; и пр. и пр. Значитъ, оно дѣлаетъ свое дѣло; и если требуется тутъ что, такъ развѣ «улучшить» его внѣшнее положеніе.

Но должно ли оно навсегда остаться левитомъ? — Вотъ вопросъ, который общество должно постановить прямо передъ своимъ сознаніемъ и рѣшить его не отлагая; потому что для плодотворнаго рѣшенія подобныхъ вопросовъ есть минута въ жизни

Digitized by Google

каждаго народа, по минованіи которой всѣ усилія поправить дѣло оказываются уже безполезными. И рѣшить этотъ вопросъ не особенно мудрено: пройденный Византіей путь,—прецедентъ, который какъ нельзя лучше можетъ уяснить намъ наше положеніе,—путь на столько страшный и безславный, что, прочитывая лѣтописцевъ этой, блестящей въ свое время, имперіи, невольно чувствуешь ужасъ до мозга костей, отвращеніе до самой глубины души. Какъ же могъ сложиться такой путь, когда христіанство было тамъ признанной государственной силой и стояло, по видимому, на всей высотѣ своего величія?—Не могъ не сложиться, и именно отъ того, какъ поставлено было тамъ христіанство, именно отъ того, что изъ него умудрились сдѣлать средство для чисто человѣческихъ, и самыхъ эгоистическихъ, цѣлей. Византійское христіанство было не служеніе Богу духомъ и истиною, не нравственно развивающая сила, а христіанство блестящихъ внѣшностей, великолѣпныхъ обстановокъ, поглотившихъ весь его внутренній смыслъ, все его жизненное значеніе, христіанство левитизма, съ левитскими стремленіями къ прерогативамъ, къ пріобрѣтеніямъ за какую бы то ни было цѣну, хоть бы за погибель всего дѣла Христова на землѣ, къ удовлетворенію самыхъ нечистыхъ страстей, хоть бы ради этого требовалось обратить въ куплю и продажу все святое и чтимое людьми. Что именно таковы были стремленія византійскихъ левитовъ, вслѣдъ за тѣмъ какъ христіанство сдѣлалось тамъ государственной силой, это свидѣтельствуетъ одинъ изъ тѣхъ, въ свидѣтельствѣ которыхъ невозможно усомниться, какъ въ самой истинѣ. Вотъ что свидѣтельствуетъ Григорій Богословъ:... «Страшный, изрытый пропастями оврагъ—это *мы*, т. е. наше, забывшее чинъ свой, сословіе; это мы, не на добро возсѣдшіе на высокихъ (епископскихъ) престолахъ; мы—предсѣдатели народа, учители прекраснаго; мы, которымъ дано въ удѣлъ питать души божественною пищею, но которые сами истаеваемъ голодомъ; мы—врачи немощей, и въ то же время мертвецы, заражающіеся непрестанно новыми и новыми недугами; мы—путеводители по стезямъ стремнистымъ, по которымъ никого еще не водили, даже и сами мы не ходили; мы, не послѣдовать которымъ правило самое короткое и вмѣстѣ урокъ, всего прямѣе ведущій ко спасенію; мы, которыхъ эта высота обличаетъ во всецѣломъ нравственномъ растлѣніи, а эта рѣшетка (отдѣлявшая епископскую каѳеру отъ народа) отдѣляетъ отъ прочихъ не жизнью, а высокомѣріемъ. Кажется мнѣ, что я слышу

Digitized by Google

проповѣдника, который стоитъ посреди и возглашаетъ: приходите сюда всѣ служители грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, чревоугодники, утучнѣвшіе, безстыдные, высокомѣрные, винопійцы, одѣвающіеся пышно, лжецы, обидчики, губители и развратители народа, безнаказанно налагающіе руки на чужое достояніе; низкіе льстецы и трусы передъ сильными, яростные львы надъ слабыми; двоедушные рабы перемѣнчиваго времени; полипы, принимающіе цвѣтъ камня, ими занимаемаго... всѣ таковые приходите смѣло, для всѣхъ готовъ широкій (епископскій) престолъ.— Одни изъ насъ состязуются за священные престолы, возстаютъ другъ противъ друга, поражаются и поражаютъ безчисленными бѣдствіями; другіе, раздѣлясь на партіи, возмущаютъ Востокъ и Западъ; начавъ Богомъ, оканчиваютъ плотію. Очи наши омрачены страстію или къ суетной славѣ, или къ богатству, и этой страшной, злорадной завистью, которая изсушаетъ человѣка... Таковы вожди; а недалеко отсталъ и народъ. Они (епископы) хотѣли бы, чтобы имъ принадлежали и міръ, и Богъ, и все» (Т. VI, стр. 6, 77—80, пер. Моск. Дух. Ак.). Болѣе сильныхъ и рѣзкихъ мѣстъ, на пр. объ епископскихъ грабежахъ церковныхъ и частныхъ достояній, ради чего епископы собирали соборы, и пр. т. п., мы уже не выписываемъ. Если-жь таково было левитство «высшаго чину», то нужно ли говорить, чѣмъ должны были быть, и на самомъ дѣлѣ были, тѣ левиты низшихъ разрядовъ, которые непосредственно соприкасались народу и прямо вліяли на него? И напрасно тѣ немногіе, которые видѣли всю гибель для общества этихъ левитскихъ стремленій, возставали противъ нихъ всей силой обличающаго слова правды,—борьба была слишкомъ не ровна: противъ одиночныхъ ревнителей правды была вся внѣшняя сила, и они гибли подъ давленіемъ ея. Что могъ сдѣлать Златоустый, съ самой несокрушимой энергіей возстававшій противъ нравственнаго растлѣнія охватившаго все византійское общество, отъ самой вершины и до самыхъ основъ? На кого повліять? Не на сильныхъ ли міра, не ихъ ли совѣсть затронуть? Его безпощадныя обличенія доходили по назначенію; быть можетъ; и совѣсть обличаемыхъ била тревогу; но сильныхъ міра окружала подобострастная стая левитовъ «высшаго чину», разныхъ тамъ Ѳеофиловъ, Северіановъ, Антіоховъ и пр., которые и спѣшили успокоивать и ублажать встревоженную совѣсть цѣной какихъ либо пожертвованій. Кончилось торжествомъ этихъ ублажателей обличенной совѣсти и позорнымъ изгнаніемъ непод-

Digitized by Google

купнаго обличителя. Такъ было уже въ то время, которое считается самымъ блестящимъ періодомъ христіанства въ Греціи. Что было дальше; во что, въ какую нравственно-растлѣвающую силу левитизмъ превратилъ христіанство въ послѣдующіе вѣка, объ этомъ и говорить уже черезчуръ возмутительно. Достаточно сказать, что за расширеніе власти левитовъ «высшаго чину,» за увеличеніе его прерогативъ, за его обогащеніе, прощались всѣ преступленія, какія только могутъ совершаться въ нравственно-растлѣнномъ обществѣ,—самый наглый развратъ, убійства, цареубійства и пр. и пр., не прощался лишь отказъ обогащать болѣе и болѣе эту, ничѣмъ ненасытимую, среду; тутъ въ дѣло шли анаѳемы, какія только могли изобрѣсти такъ изобрѣтательные на эти вещи левиты «высшаго чину,» (Михаилъ Керуларіосъ, 1043—1059, и пр., имъ же нѣсть числа). Къ тринадцатому вѣку Византія была уже нравственно-духовный трупъ, весъ насквозь и до тла прогнившій; только и недоставало какого либо внѣшняго толчка, чтобы этотъ трупъ разлетѣлся пылью и смрадомъ. Но трупъ—изукрашенный всей роскошью религіозныхъ внѣшностей; неисчислимымъ множествомъ монастырей и церквей, съ громадными богатствами въ нихъ, собранными насчетъ общественнаго растлѣнія; великолѣніемъ богослужебныхъ обстановокъ съ царской помпой левитовъ «высшаго чину;» неисчислимой массой левитовъ низшаго разряда подъ всевозможными наименованіями, и проч. и проч. Да, насчетъ общественнаго растлѣнія. Отъ развратной сыноубійцы Ирины, отъ развратнѣйшей мужеубійцы Зои и до династіи Комниновъ, включительно съ нею, все это были благочестивѣйшіе строители и обогатители монастырей и церквей. И какъ иначе? Кровавыя оргіи, среди которыхъ гибли лица и цѣлыя династіи не могли же въ конецъ заглушать тревогу совѣсти въ дѣятеляхъ этихъ оргій; требовалось хоть чѣмъ нибудь успокоивать эту тревогу. А левитизмъ давно уже изобрѣлъ самое успокоительное средство, и притомъ весьма легкое и удобное:—пожертвованія на монастыри и церкви, особенно на свою личную пользу. И лились эти пожертвованія соразмѣрно съ общественнымъ растлѣніемъ, т. е., чѣмъ глубже и неизцѣлимѣе дѣлалось оно, тѣмъ многоплоднѣе созрѣвала жатва для левитизма. «Торжество православія,» по свидѣтельству церковныхъ историковъ, было полное и совершенное, а народность позорно гибла—и сгибла, показавъ весьма поучительный примѣръ, къ чему ведетъ христіанство, если дѣлается орудіемъ эгоистическихъ цѣлей и

Digitized by Google

стремленій, если изъ религіи духа и истины превращается въ религію блестящихъ внѣшностей и обрядовъ.

Таковъ прецедентъ. Въ виду его, не трудно рѣшить, должны ли быть совершены самыя существенныя преобразованія въ нашемъ духовенствѣ, или оно можетъ *до конца* оставаться левитомъ обрядовыхъ богослуженій.—До конца? Но конецъ Византіи, и со всѣмъ торжествомъ ея православія, едва ли кому можетъ представляться удобнымъ и желательнымъ. А отъ одинаковыхъ причинъ, какъ извѣстно, одинаковы и послѣдствія. Слѣдовательно, общество, ради собственнаго спасенія, должно употребить все, съ своей стороны, чтобы духовенство не оставалось болѣе тѣмъ, чѣмъ было доселѣ; и тѣмъ энергичнѣе, и тѣмъ неотлагаемѣе должно сдѣлать это, что нравственное растлѣніе слишкомъ глубоко въѣдается во всѣ его слои; есть не малая опасность, что оно можетъ сдѣлаться совсѣмъ неизцѣлимымъ. А нравственное растлѣніе—это уже разложеніе общества.

Чѣмъ должно быть духовенство въ общественной средѣ?—Тѣмъ, что требуетъ отъ него сущность христіанства, а не византійскіе кодексы. Сущность христіанства — нравственное возрожденіе и усовершеніе человѣчества до той возможной полноты, какая только достигается на землѣ. Въ этомъ его жизненное, безконечно-плодотворное, спасающее значеніе. Отсюда и назначеніе служителей его посѣвать, укоренять и развивать начала нравственныя въ данной средѣ и неутомимо бороться со всѣмъ, что можетъ противодѣйствовать имъ и растлѣвать ихъ; такъ, а не иначе. Ни самъ Основатель христіанства, ни первые проповѣдники Его, ни единымъ словомъ, ни даже намекомъ не указали на необходимость, среди его, блестящихъ религіозныхъ внѣшностей, по примѣру язычниковъ и левитства, по чину еврейскому; напротивъ, все свое ученіе направляли къ тому, чтобы обновить нравственно и оживотворить растлившееся человѣчество. То же самое эти первые проповѣдники завѣщевали дѣлать и своимъ непосредственнымъ преемникамъ, которыхъ называли епископами и пресвитерами безразлично: нравственное усовершеніе ввѣряемыхъ имъ, борьба съ растлѣніемъ, въ какомъ видѣ ни проникало бы оно въ ихъ среду,—таковы главныя обязанности, которыя возлагали они на своихъ преемниковъ. Какія средства указали они для выполненія этихъ обязанностей?—Ученіе и примѣръ собственной жизни—ничего больше. Но ученіе неустанное, настойчивое, энергичное, безъ уступокъ и сдѣлокъ съ совѣстью,

Digitized by Google

безъ ухищреній замазывать нравственныя язвы какими либо самоизмышленными снадобьями; но примѣръ не обманчивый, не представляющій того страшнаго разлада между словомъ и дѣломъ, который въ основѣ убиваетъ всякое ученіе и самое чистое, и самое плодотворное.

Вотъ чѣмъ, существенно, должно быть духовенство въ общественной средѣ, учителемъ и проводникомъ тѣхъ самыхъ началъ, на которыхъ однихъ прочно зиждутся основы общества, которыми одними надежно скрѣпляются всѣ его связи; апостоломъ правды, любви и свободы, въ которыхъ однихъ вся жизненная сила общества; и не только апостоломъ, но и самоотверженнымъ «до крове»борцомъ за нихъ. Все прочее, что, собственно, называется «священническимъ служеніемъ», имѣетъ такое же отношеніе къ этому «существенному» какъ средство къ цѣли; «служеніе», нравственно не вліяющее, есть ужь нѣчто лишенное всякаго смысла, всякаго значенія, съ точки зрѣнія христіанства, по евангелію. И еслибъ кто усомнился, что именно этимъ должно быть духовенство въ общественной средѣ, тотъ пусть возьметъ на себя трудъ прочесть посланія ап. Павла къ Титу и къ Тимоѳею: дѣло епископовъ или пресвитеровъ опредѣлено въ нихъ слишкомъ ясно, чтобы могли быть тутъ какія либо сомнѣнія.

Но, чтобы быть именно этимъ, чтобы выполнить такое назначеніе, для этого, не трудно понять, требуются особенныя условія; изъ нихъ главныхъ два: призваніе и свобода дѣйствованія.

Говорить много о первомъ не представляется особенной необходимости, потому что слишкомъ не мудрено понять, на сколько рядовое человѣчество не въ состояніи выполнить, какъ слѣдуетъ, это назначеніе, которое потребуетъ отъ человѣка неустанной, цѣложизненной борьбы прежде всего съ самимъ собою, потому что нравственное усовершеніе и вообще никому не достается легко, а тутъ еще нужно быть примѣромъ для другихъ; а затѣмъ, съ окружающимъ зломъ, съ общественнымъ растлѣніемъ, борьбы, кромѣ всего, неблагодарной на землѣ. Для левитскаго служенія всякій можетъ быть годенъ, и еще скорѣе чѣмъ для всякаго другаго промысла, потому что, за ничтожной подготовкой, слѣдуютъ цѣложизненныя—косность и спячка всѣхъ душевныхъ силъ; можетъ быть годнымъ даже тотъ пролетаріатъ, который быстро формируется у насъ. Но для сказанной борьбы вполнѣ годными могутъ быть лишь тѣ, которые складомъ своимъ умственныхъ

Digitized by Google

силъ и своими душевными стремленіями стоятъ выше рядоваго человѣчества, могутъ вліять на него и сознаютъ въ себѣ несомнѣнное влеченіе—отдать свою жизнь на благо другихъ.

Но и съ призваніемъ, съ самымъ несомнѣннымъ призваніемъ, сказанное назначеніе не выполнится, и не можетъ выполниться безъ свободы дѣйствованія. Въ христіанствѣ, по евангелію, а не по византійскому кодексу, все основано на свободѣ: свободное убѣжденіе совѣсти, отсюда несокрушимая крѣпость вѣрованія, которую заступаетъ фарисейство, погибельнѣйшее изъ всѣхъ золъ человѣчества, какъ только начнутъ стѣснять свободу совѣсти; свободное апостольство, отсюда его изумительная плодотворность, мѣсто которой заступаетъ всецѣлое безплодіе, какъ скоро дѣло проповѣди подчиняется внѣшнимъ цѣлямъ, путамъ, оковамъ и т. д. Такъ было въ первомъ христіанствѣ и иначе не могло и не можетъ быть, потому что разумно-свободное существо должно дѣйствовать лишь по собственному сознанію, по внутреннему убѣжденію; превратить его въ орудіе чуждой воли, значитъ превратить его въ машину, значитъ, лишить его тѣхъ самыхъ свойствъ, какими человѣкъ отличается отъ безсловесныхъ существъ: какая же тутъ возможна дѣятельность?—лишь одна физическая, да и та не иначе, какъ съ физическими возбужденіями къ ней. Отсюда и законъ всякаго дѣйствованія «за совѣсть», по сознанію, по убѣжденію, «а не за страхъ», не вслѣдствіе внѣшнихъ возбужденій и толчковъ. И всякое уклоненіе отъ этого закона всегда и неизбѣжно ведетъ за собою ту кару, которая парализуетъ всякую человѣческую дѣятельность и доводитъ разумно-свободное существо до того, что ему дѣлается чуждымъ все человѣческое, а развиваются въ немъ лишь самыя грубыя животныя стремленія. Пусть же представятъ себѣ дѣятеля началъ нравственныхъ съ какимъ угодно призваніемъ, съ какою угодно энергіей, но въ той же крѣпостной зависимости отъ своихъ непосредственныхъ властей, въ какой стоитъ теперь духовенство,—много ли сдѣлаетъ онъ подъ ферулой этого невыносимаго давленія на мысль, на слово, на всю дѣятельность и на всю жизнь?—Не больше, если не меньше, чѣмъ сколько дѣлаетъ теперь то, что есть лучшаго среди духовенства. Да и теперь въ этой средѣ, т. е. въ той части ея, которая непосредственно соприкасается обществу, есть живыя, разумныя силы, конечно, въ весьма ограниченномъ числѣ, которыя съ яснымъ сознаніемъ, въ чемъ, главнѣйшимъ образомъ, должны состоять ихъ дѣло и служеніе, могли

Digitized by Google

бы дѣйствовать на пользу общества; но онѣ, эти силы, гибнутъ ни за что въ атмосферѣ деспотизма и бюрократіи, направленныхъ къ единственной цѣли, чтобы не прорвалась какъ либо и въ чемъ либо свободная дѣятельность подчиненныхъ. И какъ не гибнуть, когда даже проповѣдь тутъ не иначе возможна, какъ подъ условіемъ цензуры и бюрократическихъ отписокъ,—«а изъ ученыхъ кто сколько проповѣдей говорилъ въ годъ»?... Цензура и отписки на то, о чемъ такъ положительно сказано: «проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщавай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ»!... Цензура, сирѣчь охранительное начало, чтобы кто нибудь не дерзнулъ тутъ учить чему либо не подобающему, а что наибольшее большинство этихъ левитовъ, примѣромъ собственной жизни, учатъ такимъ неподобающимъ вещамъ, какія не могутъ быть терпимы ни въ какомъ правильно устроенномъ обществѣ,—объ этомъ охранительное начало безмолвствуетъ, какъ будто того не вѣдаетъ. И еще въ чьихъ и какихъ рукахъ, большею частію, эта цензура?—Развѣ въ рукахъ тѣхъ, которые, по своимъ разумнымъ силамъ, по развитости ихъ и по своей опытности, стоятъ на столько выше своихъ собратовъ, что могутъ быть ихъ совѣтниками и руководителями въ дѣлѣ проповѣди?... Совершенно напротивъ: сосредоточивается оно въ рукахъ тѣхъ бездарностей, чуждыхъ всего, что зовется истиннымъ образованіемъ, которые, съ завистливымъ до враждебности чувствомъ, относятся ко всему, въ чемъ чуютъ умственное превосходство надъ собою, и цензура которыхъ, *поэтому заставляетъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей* махнуть на все рукой, чтобы только прекратить сношенія съ этими офиціальными стражами левитскаго православія. Отчего такъ: по велѣнію ли какой злой судьбы, или по какимъ либо дальновиднымъ соображеніямъ тѣхъ, которые въ бездарностяхъ и умственныхъ ничтожествахъ видятъ свою надежнѣйшую опору,—это уже дѣло темное. Но если лучшія силы наличнаго духовенства гибнутъ для общеполезной дѣятельности, то все же оно можетъ выносить и, за весьма рѣдкими исключеніями, выноситъ безпощадное давленіе деспотизма и бюрократіи: родившееся, воспитавшееся и образовавшееся среди этой атмосферы, оно пріобрѣтаетъ способность дышать ея задушающими газами и не задохнуться. Но свѣжія силы, еслибъ притокъ ихъ въ эту среду и на самомъ дѣлѣ оказался возможнымъ,—имъ что̀ предстоитъ: бѣжать изъ этой среды какъ только онѣ почувствуютъ вліяніе ея атмосферы, или за-

Digitized by Google

дохнуться при нежеланіи измѣнить своему призванію!... То или другое,—но неизбѣжно одно изъ двухъ, потому что третьимъ тутъ можетъ быть лишь левитство.

Будетъ ли у насъ когда либо духовенство тѣмъ, чѣмъ должно быть?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ тѣ, такъ называемыя, «улучшенія», которыя или уже введены, или вводятся въ эту среду.

Здѣсь на самомъ первомъ планѣ уничтоженіе касты. Отвѣтъ на постановленный вопросъ положительный: каста уничтожена; право «сдавать мѣсто» прекращено; значитъ, для призванія къ пастырскому служенію открытъ широкій, ничѣмъ уже не стѣсняемый входъ. Такъ, мѣра эта существенно необходима. Именно съ нея и должно было начать для преобразованія левитства въ то пастырство, въ духѣ и смыслѣ христіанства по евангелію, въ которомъ настоитъ такая неотложная потребность для общества. И хвалебно восторженные возгласы газетъ, по поводу этой мѣры, шли отъ вѣрнаго начала, лишь погрѣшили всецѣлымъ незнаніемъ среды, къ которой предстояло приложить эту мѣру; отчего для разумѣющихъ дѣло, какъ оно есть, и показались не то насмѣшкой, не то намѣреннымъ мороченьемъ общественнаго сознанія.

Каста уничтожена, но на бумагѣ, или на дѣлѣ?—Только на бумагѣ, а на дѣлѣ она закрѣпощена и закрѣпощается болѣе, чѣмъ когда либо прежде. Именно, тѣ учебныя заведенія, спеціальное назначеніе которыхъ изъ одной левитской среды выдѣлывать левитовъ, не только остались во всей своей неприкосновенной цѣлости, но еще и вновь поставлены въ такія условія, при которыхъ притокъ сюда свѣжихъ силъ сдѣлался окончательно невозможнымъ, немыслимымъ даже. Отданныя на всю волю, въ безусловное подчиненіе тѣмъ, которые никогда не хотѣли допустить даже и мысли о чемъ либо въ родѣ преобразованія левитства въ истинное пастырство, которые всегда, unguibus et rostro, какъ говорится, отстаивали неподвижность этой среды, такъ пригодную для ихъ личныхъ стремленій, эти учебныя заведенія, eo ipso, наглухо закрылись для всего, что не принадлежитъ къ левитской кастѣ. Каста уничтожена, но обособленность кастическихъ учебныхъ заведеній закрѣплена болѣе прежняго;—какой тутъ смыслъ? Смыслъ той уступки, какая обыкновенно дѣлается, когда общественное мнѣніе черезчуръ настойчиво требуетъ уничтоженія чего либо безполезнаго или вреднаго въ общемъ ходѣ жизни, но что уничтожить кому нибудь совсѣмъ нежелательно: отмѣняются кое какія внѣшности, уничтожается названіе, но сущность подлежащаго

Digitized by Google

уничтоженію остается вся, какъ была. Такъ, противъ касты духовенства все вопіяло, какъ противъ чего-то паразитнаго въ общественномъ организмѣ; нельзя было, наконецъ, не удовлетворить общему требованію уничтоженіемъ ея. Но уничтожить, и на самомъ дѣлѣ, значило совершить то существенное преобразованіе, вслѣдствіе котораго въ общественной средѣ должны были оставаться лишь дѣятели началъ нравственныхъ; всему же прочему предстояла неминуемая судьба стушеваться: результатъ не особенно отрадный для всего прочаго, и тѣмъ болѣе неотрадный, что съ этимъ прекращалась всякая возможность удовлетворять разнымъ эгоистическимъ стремленіямъ. Какъ допустить что либо таковое? Для удовлетворенія общественныхъ требованій будетъ достаточно той уступки, что каста левитовъ или, иначе, «духовное сословіе» въ своемъ названіи и внѣшнемъ значеніи будутъ уничтожены; но затѣмъ контингентъ, изъ котораго формировалась эта каста, его подготовка, всѣ условія его существованія и дѣйствованія, словомъ, вся сущность дѣла останется въ прежнемъ положеніи. Велика уступка и великимъ добромъ отзовется она въ жизни....

И еслибъ еще осталось все въ положеніи прежнемъ!... Нѣтъ, въ положеніи худшемъ прежняго, лишь замаскированномъ, тоже разными уступками, представляющимися, Богъ вѣсть, чѣмъ на бумагѣ и разрѣшающимися самыми плачевными послѣдствіями на практикѣ. Прежде хоть учебная подготовка левитовъ была, до нѣкоторой степени, свободна отъ безпощадныхъ давленій деспотизма; вслѣдствіе чего и была возможность, по крайней мѣрѣ, за время учебнаго пути не заглохнуть и не растлиться живымъ, разумнымъ силамъ. Но съ окончательнымъ обособленіемъ этихъ учебныхъ заведеній, и они поставлены подъ тотъ же пригнетательный уровень ничѣмъ не сдерживаемаго деспотизма, подъ которымъ прежде задыхалось и растлѣвалось лишь одно безправное левитство. Трудно ли угадать, къ чему должно было повести это? Уже на самыхъ первыхъ порахъ этого «улучшенія» начали разбѣгаться изъ семинарій тѣ, которые имѣли возможность бѣжать:—свѣтскіе преподаватели, т. е. именно тѣ, которые вносили «духъ жизни» въ свое дѣло; былъ случай, что изъ одной семинаріи весь наличный составъ ихъ заразъ перемѣстился на службу въ акцизное управленіе. Затѣмъ пошли въ ходъ: изгнанія изъ семинарій всего, что приходилось не по нраву властителямъ ихъ, изгнанія безъ суда, однимъ почеркомъ пера; а чтобы

Digitized by Google

изгоняемымъ учащимъ было не завидно, то—и изгнаніе учащихся, безъ всякой вины съ ихъ стороны, безъ всякаго законнаго основанія, а въ силу лишь принципа, «что хочу, то и творю». Такъ, въ запрошломъ году, было заявлено въ газетахъ, чѣмъ отозвался новый семинарскій уставъ въ Рязани. «Недавно уволены отъ должностей ректоръ, инспекторъ и молодой учитель математики, безъ прошеній.... А затѣмъ гроза разразилась и надъ учениками: нежданно-негаданно ихъ вдругъ уволено изъ семинаріи до 60 человѣкъ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ семинаріи, на основаніи § 8 новаго устава, было три класа содержимыхъ на мѣстныя епархіальныя средства. Въ концѣ прошлаго учебнаго года стали говорить, что епархіальныхъ средствъ недостаточно для покрытія всѣхъ мѣстныхъ училищныхъ расходовъ. Вопросъ объ этомъ поднятъ былъ на сентябрьскомъ епархіальномъ съѣздѣ духовенства. Недоумѣніе членовъ съѣзда разрѣшить было некому, такъ какъ выборные отъ духовенства члены семинарскаго правленія не сочли нужнымъ быть на съѣздѣ. Въ одно изъ засѣданій епархіальнаго съѣзда прибылъ нашъ преосвященный викарій. Онъ объяснилъ собранію духовенства, что епархіальные класы семинаріи должны быть содержимы не на мѣстныя епархіальныя средства, а на наличный денежный взносъ церковныхъ причтовъ епархіи. Всѣ члены съѣзда поражены были такимъ объясненіемъ, потому что сумма епархіальнаго взноса на учебныя наши заведенія уже возвышена была съ шестидесяти тысячъ руб. асс. до шестидесяти тысячъ руб. серебромъ (и ни отчета, ни повѣрки!... даже и заговорить о чемъ либо таковомъ не дерзнулъ никто). Съѣздъ, впрочемъ, ничего не возразилъ на объясненіе викарія. Покорный волѣ начальства, онъ постановилъ внести на 1870 годъ отъ всѣхъ причтовъ епархіи изъ собственныхъ ихъ средствъ 4,500 руб. на содержаніе епархіальныхъ класовъ семинаріи, ровно столько, сколько требовалось по смѣтѣ для епархіальныхъ класовъ. Казалось, судьба ихъ обезпечена вполнѣ; отцы все сдѣлали для образованія своихъ дѣтей, и нечего имъ было опасаться внезапнаго увольненія изъ семинаріи. Казалось бы такъ, но вышло не такъ. *Журналы епархіальнаго съѣзда до сихъ поръ еще не разсмотрѣны епархіальнымъ архіепископомъ; они, по примѣру прошлаго года, покоятся гдѣ-то въ добромъ мѣстѣ* (почему-жь не переданы на разсмотрѣніе викарію?...). Не соблаговоливъ даже и взглянуть на журналы епархіальнаго съѣзда, *мѣстный архіепископъ и закрылъ своею властью два епархіальныхъ класа семинаріи*».

Digitized by Google

За изгнаніемъ учащихъ и учащихся изъ семинаріи слѣдовали точно такія изгнанія изъ нижнихъ учебныхъ заведеній во всей епархіи («С.-Пб. Вѣд.» 1869 г., № 347). Вотъ фактъ не бывалый, неслыханный въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, до послѣдняго «улучшенія» въ нихъ, которымъ они отданы на всю волю безграничнаго деспотизма. И да не подумаютъ, что это какое нибудь одиночное, исключительное явленіе,—никакъ; это лишь особенно выдающійся образчикъ того, что творится въ большинствѣ мѣстностей (что именно творится, желающіе знать благоволятъ просмотрѣть «Современный Листокъ» 1868—70 г.). Пусть же вдумаются въ значеніе этого факта и, затѣмъ, опредѣлятъ, чѣмъ онъ долженъ отозваться въ этихъ будущихъ служителяхъ церкви, надъ которыми отяготѣлъ такой безпощадный произволъ. Это презрѣніе ко всему, что зовется правдой и любовью, это отсутствіе даже той простой честности, которая не иначе рѣшаетъ дѣло, какъ съ самымъ строгимъ вниманіемъ, разсмотрѣвъ и взвѣсивъ всѣ обстоятельства его; это бездушіе, которое ни за что, ни про что, однимъ почеркомъ пера убиваетъ всю жизненную судьбу цѣлыхъ десятковъ личностей:—все это добромъ или зломъ повліяетъ на тѣхъ, которыхъ судьба пока еще спасла отъ изгнанія? Стремленіе ли къ правдѣ и законности дѣйствій заляжетъ въ ихъ души, или презрѣніе къ нимъ, въ силу властнаго примѣра? Проповѣдниковъ истины и любви подготовитъ, или выдѣлаетъ тѣхъ фарисеевъ, которые, пресмыкаясь предъ внѣшней силой, въ свою очередь, будутъ давителями и эксплуататорами всего, что только попадетъ подъ руку?—Въ отвѣтѣ сомнѣваться невозможно: подобные уроки слишкомъ поучительны и вразумительны, чтобы могли проходить безслѣдно въ юныхъ душахъ, готовыхъ воспринимать добро и зло, и второе еще скорѣе, чѣмъ первое. Что тутъ цѣлые курсы какого нибудь тамъ «нравственнаго богословія», кто повѣритъ непреложной обязательности ихъ въ виду подобныхъ уроковъ?—Никто не повѣритъ, а будутъ лишь глумиться надъ ними, разсуждая совершенно логически: «licet bovi, quod licet jovi». Не напрасно жь, изъ многихъ мѣстъ идутъ слухи, что распущенность учащихся въ обособленныхъ кастическихъ заведеніяхъ не подчиняется никакимъ сдерживающимъ мѣрамъ: самый естественный результатъ невыносимыхъ давленій деспотизма, и самое надежное ручательство, что изъ-подъ его ферулы выйдутъ недостойные дѣятели началъ нравственныхъ.

А между тѣмъ, все это замаскировано той уступкой, что ро-

Digitized by Google

дителямъ учащихся дано право самимъ наблюдать, при посредствѣ избираемыхъ изъ своей среды депутатовъ, за ходомъ образовательнаго дѣла своихъ дѣтей, обсуждать на съѣздахъ мѣры къ его улучшенію, и т. п. *Право* подъ давленіемъ безграничнаго деспотизма: какая злая насмѣшка надъ абсолютнымъ безправіемъ этой среды!... И какъ дорого поплатились тѣ, которые приняли это кажущееся право за нѣчто существенное и на самомъ дѣлѣ имъ дарованное.

Слишкомъ дорого. Вотъ образчикъ этой расплаты, по которому можно судить объ совершенныхъ «улучшеніяхъ» въ этой средѣ вообще, и въ ея обособленныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ частности; дѣло было въ Курской епархіи: одинъ изъ учебныхъ округовъ этой епархіи,—бѣлгородскій, особенно разумно и энергично отнесся къ преобразовательному дѣлу своихъ учебныхъ заведеній, которыя, какъ и вездѣ, находились въ самомъ жалкомъ положеніи, и съ самаго начала повелъ это дѣло вполнѣ сообразно съ духомъ и цѣлями вновь утвержденнаго устава. Предсѣдателемъ перваго съѣзда былъ выбранъ одинъ изъ лучшихъ священниковъ Бѣлгорода Б., всѣми уважаемый за свою умственную развитость и несомнѣнную честность. «Депутаты (28), благодаря удачному выбору предсѣдателя, сочли необходимымъ коснуться въ сужденіяхъ своихъ, самыхъ существенныхъ мѣръ къ улучшенію быта окружныхъ училищъ, какъ требовалъ того въ первой статьѣ своей § 24 училищнаго устава». Нельзя было не коснуться: непроходимое пьянство начальствующихъ и учащихъ, ихъ взяточничество, притязанія къ ученикамъ, неспособность къ преподаванію, очевидно, все это такія вещи, къ которымъ не могли хладнокровно относиться отцы учащихся дѣтей. А къ этому еще—«одинъ изъ бѣлгородскихъ священниковъ П., участвовавшій на съѣздѣ, не въ качествѣ депутата, указалъ самые живые факты весьма важныхъ недостатковъ начальственныхъ училищныхъ лицъ, а въ особенности на злоупотребленія по расходованію казенныхъ суммъ, въ одномъ изъ училищъ, обнаруженныя недавно бывшей ревизіей; вслѣдствіе каковыхъ злоупотребленій, ученики терпѣли не выносимые голодъ, холодъ, грязь, лишенія во всемъ. Что должны были сдѣлать депутаты по поводу этихъ губителей своихъ младшихъ поколѣній, соображаясь съ точнымъ смысломъ устава?—Должны были употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства къ устраненію недостойныхъ личностей, отъ недостойно занимаемыхъ ими мѣстъ и къ замѣщенію ихъ лучшими.

Digitized by Google

Они такъ и сдѣлали: забаллотировали негодныхъ и вредныхъ смотрителей, и выбаллотировали на ихъ мѣсто надежныхъ». Такъ! Но кто въ состояніи представить себѣ, во что разрѣшилась эта попытка бѣлгородскихъ депутатовъ воспользоваться Высочайше дарованнымъ имъ правомъ?—Все, кажется, было сдѣлано на столько законно, что прицѣпиться было не къ чему и оставалось лишь епархіальной власти утвердить сдѣланное съѣздомъ. Ничуть не бывало: однимъ почеркомъ пера все кассировано ею; все оставлено въ прежнемъ положеніи, а священники Б. и П. преданы суду консисторіи за то: «какъ они осмѣлились сдѣлать то, что сдѣлали». Консисторія, конечно, порѣшила, а власть утвердила: «председателя съѣзда, св. Б., удалить отъ всѣхъ выборныхъ его должностей и отъ всякаго участія на съѣздахъ». Затѣмъ, начались гоненія на священниковъ Б. и П. и интриги къ лишенію ихъ мѣстъ, на столько возмутительныя, что желающимъ знать всѣ ихъ подробности, мы предоставляемъ уже самимъ прочитать въ январскихъ (№ 3) и іюльскихъ (№№ 62 и 63) нумерахъ «Современнаго Листка» за 1869 г. Въ концѣ концовъ, власть таки доканала ихъ лишеніемъ мѣстъ, «и св. Б., человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, но не преклонной честности, заслужившій себѣ довѣріе цѣлой епархіи», лишенъ, и съ семьей, всѣхъ средствъ существованія. Замѣчательнѣе всего это бездушіе, съ которымъ отринуто все, что съѣздъ, на свой собственный счетъ, предположилъ было сдѣлать для облегченія невыносимаго положенія учащихся дѣтей: «разрѣшенія на сборъ по округу изысканныхъ комитетомъ суммъ отъ епархіальной власти не дано; осталось безъ утвержденія постановленіе съѣзда и о снабженіи дѣтей-сиротъ теплою зимней одеждой, насчетъ пожертвованій изъ собственныхъ средствъ» («С.-П. Вѣд.» 1869 г., № 348). Вотъ вамъ и *право*!!.. И опять-таки да не подумаютъ, что это исключительное явленіе; нѣтъ,—это лишь образчикъ того, что, за весьма рѣдкими исключеніями, творится на всемъ пространствѣ Руси православной, не только европейской, но и азіатской: эти «власти» нигдѣ не измѣняютъ усвоеннымъ принципамъ, ни въ Европѣ, ни въ Азіи. Вотъ что въ прошломъ году писали изъ Иркутска: «въ виду того, что творится теперь въ нашей епархіи, и самый премудрый человѣкъ сталъ бы въ тупикъ. И, странное дѣло, вся эта путаница произошла по поводу перваго училищнаго съѣзда. Разумѣется, не разсужденія и постановленія съѣзда, вполнѣ законныя, вызванныя вопіющими нуждами и вполнѣ благодѣтельныя

Digitized by Google

для убогаго училища, были причиной этой путаницы, а отношенія къ съѣзду епархіальнаго начальства. Когда оно увидало духовную братію, разсуждающею о близкихъ себѣ дѣлахъ и заботящеюся объ ихъ улучшеніи, оно осталось этимъ крайне недовольно (какъ-де вамъ, безправнымъ илотамъ, «смѣть свое сужденіе имѣть»; ваше дѣло пресмыкаться у подножія ногъ нашихъ). Теперь, когда почтенные отцы-депутаты давно уже разъѣхались, оно направило всѣ свои распоряженія къ опроверженію ихъ будто бы голословныхъ заявленій. Мало этого, чрезъ привлеченіе предсѣдателя съѣзда къ суду, наша епархіальная власть вступила на путь застращиваній, чтобы къ будущему собранію депутаты были скромнѣе (вотъ вамъ и Высочайше дарованное право: къ суду за него, съ несомнѣнно-извѣстными послѣдствіями!...). Однѣхъ резолюцій, наложенныхъ епархіальнымъ начальствомъ на журналахъ и постановленіяхъ съѣзда, достаточно, чтобы судить о расположеніи перваго къ послѣднему. Всѣ онѣ состоятъ лишь изъ слова «смотрѣно» и нигдѣ не оказалось «исполнить», или «утверждается». Значитъ, напрасно отцы-депутаты тратились матеріально, претерпѣвали дорожныя невзгоды, трудились на пользу своихъ дѣтей. Въ виду того факта, что предсѣдатель уже притянутъ къ консисторскому суду, можно опасаться и прочимъ депутатамъ испытать на себѣ разныя невзгоды. Грустно, крайне грустно становится на душѣ, когда вспомнишь, что реформы, направленныя мудрымъ Государемъ ко благу духовенства, въ иныхъ представителяхъ послѣдняго, встрѣчаютъ самое упорное противодѣйствіе» («С.-Пб. Вѣд.» 1870 г., № 23).... Но довольно, чтобы составить себѣ понятіе, какое значеніе имѣетъ *право* тамъ, гдѣ всѣмъ заправляетъ ничѣмъ необузданный деспотизмъ, и къ какимъ плачевнымъ послѣдствіямъ ведетъ малѣйшее поползновеніе воспользоваться этимъ правомъ, не на личную какую либо, а на общую пользу.

А отсюда, не трудно понять, во что должны были превратиться, и дѣйствительно превратились, пресловутые епархіальные съѣзды, на которые, по началу, даже само духовенство возлагало, было, не малыя надежды. Есть самыя свѣжія извѣстія изъ нѣсколькихъ приволжскихъ губерній объ этихъ съѣздахъ: порадоваться нечему отъ этихъ извѣстій. Нравственное давленіе, интрига, застращиванье, все было пущено въ ходъ, чтобы отбить охоту у депутатовъ являться на эти съѣзды. И съ какой милой безцеремонностью творилось все это, стóило нарочно съѣздить,

Digitized by Google

чтобы только полюбоваться. Вотъ, примѣромъ, собрались депутаты со всей губерніи, за сотни верстъ; среди нихъ есть и разумные и энергичные; но тутъ же и благочинные тѣхъ старыхъ порядковъ, въ силу которыхъ имъ уже давно усвоено названіе злочинныхъ. Главный вопросъ, подлежащій обсужденію, чрезвычайно важенъ: отчего, при громадныхъ пожертвованіяхъ духовенства на семинарію и училища, дѣла въ нихъ идутъ все хуже и хуже, и насколько цѣлесообразно употребляются собираемыя суммы?—А, кстати, на разумныхъ и энергичныхъ депутатовъ избравшее ихъ духовенство возложило обязанность поднять вопросъ о консисторіи съ благочинными, не пора ли-де обновить эту издряхлѣвшую институцію выборнымъ началомъ. Но интрига не дремала. Благодаря ей, сюда протерлась и забрала главную силу консисторская тля, какъ нельзя лучше напрактиковавшаяся въ лакействѣ передъ сильными міра сего, всегда готовая продать своихъ собратовъ кому угодно и за что угодно, хоть за лишнюю взятку въ преферансѣ. Съѣздъ открылся. Но напрасно разумные и энергичные депутаты добивались возможности законно обсуждать вопросы, ради которыхъ пропутешествовали за сотни верстъ; консисторская тля, поддерживаемая единомышленными ей благочинными, все парализовала возглашеніями: «это-съ не угодно его ....ству; объ этомъ-съ разсуждать не приказано; это будетъ-съ посягательство на права его ....ства; объ этомъ нужно напередъ доложить его ....ству». А «доложить», значило получить несомнѣнный отказъ, что слишкомъ хорошо было извѣстно депутатамъ, какъ хорошо знали они и то, что если съѣздъ и состоялся наконецъ, то противъ всякаго желанія мѣстной «власти», и что, поэтому, ея отношенія къ съѣзду могутъ быть не иныя, какъ непріязненныя до враждебности. На возраженія депутатовъ: что, угодно или нѣтъ его ...ству, они должны, по крайней мѣрѣ, знать, куда и какъ расходуются суммы, собираемыя съ духовенства на образовательное дѣло его дѣтей;—консисторская тля отвѣчала: «какъ, вы *намъ* не вѣрите? (депутаты не могли не уразумѣть смысла этой фразы, «оскорбленіе-де власти»), такъ подавайте особое мнѣніе, почему именно на вѣрите; я доложу его ...ству, и *мы* тамъ разсмотримъ», что въ переводѣ на житейскій языкъ значило: «осмѣльтесь только, такъ ужь будете помнить». И самые разумные и энергичные депутаты пасовали, потому что, при системѣ мѣстнаго управленія, чрезвычайно благопріятной для всего пошлаго, безнравственнаго, позорно-лакействующаго, и больше

Digitized by Google

чѣмъ не благопріятной для всего разумнаго и честно-энергичнаго, имъ дѣйствительно пришлось бы не особенно отрадно продолжать свое служеніе. Тѣмъ и кончился съѣздъ, т. е., пріѣзжали депутаты ни по что и уѣхали ни съ чѣмъ. Найдутся ли желающіе, изъ разумныхъ и энергичныхъ, въ другой разъ спутешествовать для толченья воды въ «губернію»?—Конечно нѣтъ;—что и требовалось достигнуть мѣстной власти.

Таково практическое значеніе уступки духовенству въ образовательномъ дѣлѣ ихъ дѣтей. Что̀ будетъ дальше, когда лучшія образующія силы разбѣжались или изгнаны изъ этой среды, а новыхъ никакой цифрой жалованья не привлечешь подъ эту невыносимую ферулу деспотизма,—предвидѣть слишкомъ не мудрено. Чуждое всякаго нравственнаго значенія—левитство прежде, переработается ли это, окончательно закрѣпощенное, сословіе въ дѣятелей началъ нравственныхъ при новыхъ порядкахъ, при новой системѣ образовательнаго дѣла, отрицающее въ самомъ принципѣ все, что только зовется началомъ нравственнымъ (ничѣмъ необузданный произволъ деспотизма и законъ нравственный—два противоположныя начала, взаимно исключающія одно другое), объ этомъ уже и спрашивать нечего: дѣло слишкомъ очевидно. Прежде, хоть наука тутъ, если и не всегда особенно поощрялась, то, по крайней мѣрѣ, при всѣхъ усиліяхъ большинства епархіальныхъ властей, не придушалась на столько, чтобы не могла служить нѣкоторымъ противовѣсомъ для ихъ давленія; она, въ лицѣ лучшихъ професоровъ семинарій, не пресмыкалась у праха ногъ ихъ, не лакействовала позорно передъ ними по образу консисторской тли; отчего и образующееся юношество не растлѣвалось преждевременно илотскими отношеніями ко властямъ; по крайней мѣрѣ, среди него всегда могли найтись личности съ яснымъ разумѣніемъ, что пресмыкательство и лакейство—самая дурная подготовка для всякаго рода жизненной дѣятельности. Но теперь, когда и наука поставлена подъ тотъ же уровень, подъ которымъ прежде задыхалось лишь одно левитство, для епархіальныхъ властей открылась вся возможность придушить и этого послѣдняго врага своего,—что̀ и поспѣшили они привести въ исполненіе изгнаніемъ свѣтскихъ професоровъ. Торжество, значитъ, полное: придавленность касты, ея умственное ничтожество и нравственное растлѣніе обезпечены со всѣхъ сторонъ и даже съ самыхъ основъ, а чьи слѣдуетъ глаза—отведены уступками.... Памятникъ должно поставить общество тому, кто

Digitized by Google

изобрѣлъ всѣ эти «улучшенія» левитской касты; а на барельефахъ его изобразить ораторовъ, съ такимъ паѳосомъ разглагольствовавшихъ о неисчислимыхъ благахъ для общества отъ этихъ «улучшеній».

Къ чему, при безграничномъ деспотизмѣ, должна была повести и та мѣра, которою для духовенства прекращалась возможность «сдавать мѣсто», этого могли не понимать развѣ тѣ, кто проектировали ее. Вотъ образчикъ практическаго осуществленія этой мѣры; выписываемъ его цѣликомъ, какъ онъ занесенъ въ «Московскія Вѣдомости». «Въ «Современный Листокъ» сообщаютъ, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, не смотря на положительное запрещеніе распоряженіемъ 1867 года закрѣпленія мѣстъ, все еще продолжаютъ закрѣплять мѣста; только система эта приняла нѣсколько другую форму. Прежде само духовенство сдавало мѣста своимъ сыновьямъ или зятьямъ, и мѣра эта была нѣкоторымъ облегченіемъ для престарѣлыхъ или осиротѣвшихъ семействъ; теперь же все это въ рукахъ мѣстной администраціи (т. е. архіереевъ) и уже сама власть раздаетъ мѣста сиротамъ женскаго пола. Въ число этихъ сиротъ попадаютъ нерѣдко лица другихъ сословій (такъ называемыя «племянницы»?...), извѣстныя мѣстной администраціи. Такимъ образомъ, прекрасная, благодѣтельная (да,—при иныхъ условіяхъ; а при существующихъ — лишенная всякаго смысла) для кандидатовъ во священники мѣра правительства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, рѣшительно противъ намѣреній св. синода, послужила къ большему обремененію молодыхъ людей и престарѣлыхъ духовныхъ. Первые, бывало, поступали на мѣсто къ готовому хозяйству, а теперь они берутъ навязанную сироту безъ всякаго пособія» (№ 203, 1869 г.). Вотъ оно какъ: что ни шагъ на пути «улучшеній», то лишь бо̀льшая возможность для властныхъ злоупотребленій; то лишь ухудшеніе положенія той среды, которую взялись улучшать. И не удивительно. Вѣдь нужно знать дѣло, за которое берешься; а безъ знанія, при всемъ желаніи, даже искреннемъ и честномъ, можно лишь вдосталь испортить худо идущее дѣло, а не поправить его. А какъ еще и искренняго желанія нѣтъ и берутся за дѣло лишь въ силу какихъ нибудь личныхъ цѣлей и соображеній, то какой же иной результатъ возможенъ тутъ, какъ не всецѣлое и уже непоправимое разстройство всего дѣла?

Что до свободы дѣйствованія, то возможность ея даже немыслима при «улучшеніяхъ», въ родѣ совершенныхъ. Свобода дѣй-

Digitized by Google

ствованія, когда наличное пастырство никоимъ образомъ не можетъ добиться тѣхъ внѣшнихъ правъ, какими уже пользуются всѣ, безъ исключенія, члены общества!... Странное явленіе: сколько зла въ духовной администраціи прежнихъ порядковъ, это уже на столько всѣми сознано, что даже и говорить объ этомъ перестали. И при такомъ общемъ сознаніи, ни единой существенно полезной мѣры, если ужь не для искорененія, то хоть для возможнаго ослабленія зла, разъѣвшаго среду!... Да, ни единой; нельзя же назвать полезной мѣрой, на пр., увеличенье жалованья членамъ и чинамъ консисторій; потому что извѣстное слово народнаго мудреца.... «дай хоть милліонъ».... нигдѣ не прилагается съ такой точностью, какъ именно въ этой администраціи. Не деньгами искореняется зло, а уничтоженіемъ порядковъ, породившихъ и развившихъ зло. Жалованье членамъ и чинамъ консисторіи увеличено, а старые порядки ни на одинъ волосъ не измѣнились, и зло не только не уменьшается, а идетъ впередъ crescendo. Образчикъ того, что̀ творится въ консисторіяхъ и при увеличенномъ жалованьѣ, мы уже не выписываемъ, а предлагаемъ желающимъ самимъ прочитать въ № 288 «С.-Пб. Вѣд.» 1870 г.: та же грязь и наглость поборовъ, та жь продажа наградъ, тотъ же откупъ отъ заслуженныхъ наказаній,—все то же, что̀ творилось и въ былыя времена. Наличное пастырство слишкомъ хорошо понимаетъ, что главное зло тутъ въ членахъ консисторіи, назначаемыхъ и всячески поддерживаемыхъ епархіальной властью, и что единственное средство ослабить зло—выборное начало, съ отвѣтственностью избираемыхъ членовъ передъ закономъ, а не передъ личной властью высшаго администратора епархіи. Поэтому, и пытается оно при всякомъ возможномъ случаѣ добиться хоть того права, которое сдѣлалось уже достояніемъ всѣхъ сословій,—права свободныхъ выборовъ: безплодныя попытки!... Для безграничнаго деспотизма ничего не значатъ: вся эта масса зла, какую вносятъ консисторіи въ среду пастырства; весь этотъ позоръ, какимъ, совершенно заслуженно, пользуются онѣ во мнѣніи общества; вся важность для него въ томъ, чтобы держать въ абсолютномъ безправіи подчиненныхъ и чтобы «ндраву его ничто не мѣшало». Отсюда, въ нужномъ случаѣ, и прикидывается онъ неразумѣющимъ того, что творится у него передъ глазами и съ его воли. Такъ, въ одной изъ приволжскихъ губерній пастырство вышло изъ терпѣнія отъ консисторскихъ притязаній и поборовъ и заявило мѣстной «власти», что оно готово жертво-

Digitized by Google

вать какую угодно сумму на епархіальныя нужды, лишь бы избавиться отъ консисторскихъ притязаній; «власть» прикинулась изумленною: она-де, сама взросшая въ этой средѣ, ничего о томъ не вѣдаетъ. Что-жь послѣдовало, когда увѣдала?—«Современный Листокъ» умалчиваетъ. Молчаніе совершенно понятное: безъ сомнѣнія, ничего не послѣдовало. А въ другой приволжской губерніи было и того хуже: какимъ-то несодѣяннымъ чудомъ, въ секретари консисторіи попала личность на столько честная и чистая, что даже не подчинилась вліянію окружающей среды. Понятно, она не могла не вступить въ борьбу съ консисторской тлей и не противодѣйствовать ей, когда та черезъ чуръ ужь нагло попирала все, что зовется правдой и законностью дѣйствій. Что же, нашла ли эта честная личность поддержку себѣ въ мѣстной «власти»?—Всего менѣе. Напротивъ, эта личность была для «власти» то же, что бѣльмо на глазу, отъ котораго всячески стараются избавиться. И избавились. И что ужь говорить о членахъ консисторіи,—пастырство доселѣ не можетъ избавиться отъ этой злѣйшей своей язвы, что зовется благочинными, назначаемыми отъ консисторій съ утвержденіемъ епархіальной властью; доселѣ не можемъ добиться *законнаго права*—избирать себѣ свободно хоть этихъ меньшихъ чиновъ своей администраціи. Намъ возразятъ, что во многихъ губерніяхъ, по отношенію къ благочиннымъ, уже введено выборное начало. Такъ. Но развѣ тутъ *право*, на законъ опирающееся и закономъ охраняемое?—Нисколько; все тотъ же произволъ, который сегодня вводитъ то или другое, а завтра, однимъ почеркомъ пера, уничтожаетъ введенное. Гдѣ *законное право*, тамъ невозможны явленія, въ родѣ слѣдующаго. «Харьковскій корреспондентъ «Современнаго Листка» сообщаетъ, что бывшій въ Харьковѣ лѣтомъ съѣздъ благочинныхъ, не смотря на важность той цѣли, для которой онъ созывался, окончился ничѣмъ. Благочинные собрались къ назначенному архіереемъ дню, но самаго архіерея, который объявилъ, что предметы для обсужденія благочинныхъ будутъ указаны имъ лично въ общемъ собраніи, въ Харьковѣ не оказалось. Нѣкоторые благочинные поспѣшили пріѣхать въ Харьковъ раньше нѣсколькими днями, чтобы напередъ посовѣтоваться между собою и тѣмъ сократить количество разногласій на самомъ съѣздѣ, что не могло не ввести ихъ въ значительныя издержки. Если прибавимъ къ этому, что отсутствіе хозяевъ изъ дому въ самую жаркую рабочую пору должно было пріостановить ихъ полевыя ра-

Digitized by Google

боты, то становится понятнымъ, почему благочинные, пождали, пождали и, не видя никакого толку, разъѣхались наконецъ по домамъ. Итакъ, начальникъ собираетъ съѣздъ, назначаетъ опредѣленный день, вызываетъ изъ деревень духовенство, отрывая его отъ полевыхъ работъ въ самое жаркое, рабочее, время, и, между тѣмъ, самъ уѣзжаетъ изъ города: странно!» («С.-Петерб. Вѣд.» 1869 г., № 346). А гдѣ возможны такія явленія, тамъ и введенное произволомъ выборное начало не имѣетъ ни смысла, ни значенія, потому что не опирается на прочную основу общаго для всѣхъ закона. Что это такъ, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить Кіевская епархія. Какъ много сдѣлано въ ней существенно полезнаго для преобразованія духовенства, въ основу чего положено именно выборное начало, распространяться объ этомъ нѣтъ нужды,—всей Россіи извѣстно. И что же?—перемѣна «власти», и все можетъ быть уничтожено однимъ почеркомъ пера. А такую возможность самымъ блестящимъ образомъ доказалъ екатеринославскій епископъ, заслужившій такую почетную извѣстность изреченіемъ: «благочинные *мнѣ* нужны, а не духовенству»,—черкнулъ знаменитую резолюцію, и пошло прахомъ все сдѣланное его предшественникомъ (объ этомъ общеполезномъ подвигѣ екатеринославскаго епископа Алексія см. въ №№ 285 и 306 «С.-Петерб. Вѣд.» 1869 г.). Если же наличное пастырство никакъ не можетъ добиться такихъ, чисто внѣшнихъ, правъ, то о свободѣ дѣйствованія,—безъ цензуръ, бюрократическихъ отписокъ и прочихъ оковъ, годныхъ лишь на то, чтобы задушить всякую дѣятельность духа, очевидно, и рѣчи не можетъ быть никакой. Да еще и что говорить о свободѣ дѣйствованія, когда самое матеріальное существованіе наличнаго пастырства ничѣмъ прочно не обезпечено отъ произвола «властей»: почеркъ пера, и честнѣйшій, разумнѣйшій дѣятель—безъ мѣста, значитъ, безъ куска хлѣба; а нѣтъ, такъ—пономарь, хоть бы послѣ десятковъ лѣтъ самой полезной пастырской дѣятельности. Чѣмъ защищенъ каждый въ этой средѣ отъ подобной катастрофы?—Ровно ничѣмъ. «По административнымъ-де причинамъ», и надѣвай суму съ цѣлой семьей. Жаловаться въ высшую инстанцію? Но тутъ нѣтъ закона, который каралъ бы злоупотребленія властнаго произвола, какъ бы вопіющи и возмутительны ни были они; а затѣмъ высшая инстанція предпишетъ дать мѣсто, и семья двадцать разъ успѣетъ перемереть съ голоду, прежде чѣмъ глава ея получитъ мѣсто, потому что властный произволъ всегда найдетъ сотни предло-

Digitized by Google

говъ затянуть дѣло. Выйти совсѣмъ изъ среды,—но куда-жь пойдетъ человѣкъ, лучшіе свои годы отдавшій пастырскому служенію? Да еслибъ и пошелъ куда, то кто-жь не знаетъ, какими нелѣпыми условіями обставленъ подобный выходъ, и какимъ презрѣннымъ пролетаріемъ предстоитъ сдѣлаться ему по выходѣ? Не правда-ль, все это условія какъ нельзя болѣе благопріятныя для притока сюда свѣжихъ, разумныхъ, энергичныхъ силъ?

А отсюда и вопросъ, будетъ ли когда нибудь у насъ духовенство тѣмъ, чѣмъ должно быть,—не требуетъ дальнѣйщаго отвѣта. Ясный и несомнѣнный отвѣтъ даютъ тѣ «улучшенія», которыя введены или вводятся въ этой средѣ. Теперь мы коснулись лишь нѣкоторыхъ, а о прочихъ будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ; но значеніе всѣхъ ихъ одно и то же: при видимыхъ уступкахъ, окончательное закрѣпленіе всѣхъ тѣхъ предлоговъ, которые выработали касту въ то, что она есть. На благо ли это общества, предоставляемъ судить всѣмъ тѣмъ, которые разумѣютъ, въ чемъ его самая важная и неотлагаемая потребность.

І. Волжостинъ.

Digitized by Google

АМЕРИКАНСКОЕ

ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Статистическія данныя для военной реформы въ Россіи.— Новыя данныя для военной статистики.

(Данныя объ Америкѣ заимствованы преимущественно изъ слѣдующихъ авторовъ: Laboulaye, Bancroft, Neumann, J. Leander Bishop и Welcker Staats Lexicon).

Я предлагалъ и предлагаю примѣнить къ Россіи не всю американскую военную систему, и даже не какую нибудь ея часть, а только ея *принципъ—свободу*. Съ европейской точки зрѣнія, американское военное устройство есть самое безобразное примѣненіе этого принципа; но если мы перенесемся на американскую почву и вообразимъ себя въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, при которыхъ развивается населеніе Союза,—тогда подъ безобразной оболочкой мы найдемъ несокрушимую силу. Безобразіе этой системы обнаружится, если мы, хотя вкратцѣ, на сколько позволяютъ размѣры этой статьи, прослѣдимъ исторію американской арміи; а несокрушимая сила окажется тогда, когда мы вникнемъ въ причины великихъ результатовъ, добытыхъ народомъ помощію этой арміи.

Исторія американской арміи начинается съ 1775 года, то есть, съ такъ называемой войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ, когда Англія задумала силою оружія подчинить своимъ разорительнымъ условіямъ нынѣшній сѣверо-американскій Союзъ, бывшій до того времени ея колоніей. Американцы возстали, не имѣя ни войска, ни оружія, ни генераловъ, ни военныхъ складовъ, ни надежды на поддержку. На этотъ безоружный народъ наступало самое богатое и самое сильное государство

Digitized by Google

того времени. Въ рукахъ англичанъ были всѣ крѣпости Союза, всѣ арсеналы и общественныя кассы. На помощь къ войскамъ, уже находившимся въ Америкѣ, перевозились свѣжія войска подъ начальствомъ генерала Гоу (William Howe). Превосходный военный планъ составленъ; три арміи направляются съ разныхъ сторонъ на Пенсильванію—центръ возстанія: одна армія вторгается изъ Канады, главныя силы подаютъ ей руку чрезъ Нью-Йоркъ, которымъ долженъ былъ овладѣть Гоу, а третья армія идетъ изъ Чарльстона чрезъ Виргинію. Эти арміи составлены на половину изъ такихъ солдатъ, которые изучили войну, сражаясь за или противъ Фридриха Великаго. (На деньги, которыя герцогъ Брауншвейгскій получилъ отъ англичанъ за уступленныя имъ нѣмецкія войска, выстроенъ нѣмецкій Версаль—*Вильгельмгое*, мѣстопребываніе седанскаго героя). Вотъ при какихъ обстоятельствахъ зараждается американская армія!

Война уже началась, а у американцевъ все еще ничего не готово. Англійскій генералъ Геджъ (Gage) выступилъ изъ Бостона за 20 миль (25 такихъ миль равняются экваторіальному градусу, то есть, въ верстахъ, около 105) съ цѣлью истребить не нужный ему *конкордскій* арсеналъ. Предпріятіе удалось; но вдругъ попадаются ему (Геджу) навстрѣчу человѣкъ 70 милиціонеровъ, гдѣ-то добывшихъ себѣ ружья. Генералъ потребовалъ сдачи, кто-то изъ милиціонеровъ выстрѣлилъ, началась перестрѣлка—и кровь полилась. По словамъ очевидцевъ (между прочимъ, лорда Магона), англичане возвратились въ Бостонъ «высунувши языки, какъ собаки послѣ охоты, потерявъ 273 человѣка». Это само по себѣ ничтожное дѣло вывело народъ изъ усыпленія. Американцы силою овладѣваютъ нѣкоторыми крѣпостями, и тамъ находятъ себѣ оружіе и порохъ, достаютъ деньги силою изъ общественныхъ кассъ. Наконецъ, конгресъ, собравшійся въ Филадельфіи, объявляетъ заемъ въ 100 т. фунтовъ, призываетъ подъ ружье 30 тысячъ волонтеровъ и назначаетъ главнокомандующимъ будущихъ войскъ виргинскаго гражданина, милиціонернаго полковника Вашингтона. Это былъ человѣкъ знакомый только съ элементарной математикой, не имѣвшій понятія о класикахъ и вообще не получившій такъ называемаго серьезнаго образованія. За то онъ былъ знакомъ съ мѣстностію, потому что занимался землемѣріемъ, былъ человѣкъ наблюдательный, весьма глубоко изучившій людей; наконецъ, онъ былъ извѣстенъ энергіей и благородствомъ души.

Digitized by Google

Армія, которою предстояло командовать Вашингтону, составилась самымъ невѣроятнымъ, самымъ безобразнымъ и даже просто смѣшнымъ способомъ: волонтеры нанимались на короткіе сроки, отъ трехъ до шести недѣль; только передъ самымъ концомъ войны конгресъ рѣшилъ нанять людей до окончанія войны. Вслѣдствіе такого безобразнаго набора, Вашингтонъ безпрестанно находился въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Завтра, на примѣръ, приходится дать сраженіе, а сегодня истекаетъ срокъ найма,—волонтеры оставляютъ ряды и преспокойно уходятъ домой. Имъ дѣла нѣтъ до того, что они защищаютъ собственное свое отечество и что странѣ безъ войска предстоитъ разореніе. «Если, разсуждали они,—мы были нужны на 43 дня, зачѣмъ наняли насъ только на 42?» Что если бы это безобразіе случилось у насъ, въ Россіи, на примѣръ въ 1812 году? У насъ непремѣнно сказали бы: «Да это идіоты! Да этотъ народъ хочетъ быть въ рабствѣ! Ему нужна нѣмецкая палка, потому что онъ еще не созрѣлъ,—въ немъ нѣтъ ни чести, ни любви къ отечеству. Это звѣри, а не люди»! и т. д. А объ американцахъ никто этого сказать не смѣлъ и не смѣетъ; всѣ находятъ, что это единственная расса, способная пользоваться свободой.

Вашингтонъ долженъ былъ выдумать особаго рода тактику; онъ долженъ былъ дѣйствовать съ такимъ расчетомъ, чтобы проигранныя сраженія и, вообще, затруднительныя обстоятельства приходились въ началѣ службы волонтеровъ, а побѣды и благопріятныя обстоятельства къ концу ихъ службы, потому что волонтеръ - побѣдитель охотно оставался на новый срокъ. Само собою разумѣется, что этотъ расчетъ, какъ и всѣ человѣческія соображенія, не всегда оказывался вѣрнымъ.

Едва собранные волонтеры въ числѣ 14.000 человѣкъ идутъ на Бостонъ, выдерживаютъ сраженіе и отступаютъ. Въ августѣ 1776 года англичане начинаютъ приводить свой планъ въ исполненіе. Вашингтонъ прикрываетъ Нью-Йоркъ только съ 10 тыс. волонтеровъ, а противъ канадской арміи формируется отрядъ, численность котораго доводится до 13 тыс. Вашингтонъ думаетъ удержать Гоу (Howe), но въ его отрядѣ паническій страхъ. «Всѣ мои усилія, пишетъ Вашингтонъ президенту,—остались тщетными; милиціонеровъ нельзя ни удержать, ни повести въ огонь; какіе нибудь 60 или 70 непріятельскихъ солдатъ показывались—и наши люди исчезали, не дѣлая ни одного

Digitized by Google

выстрѣла». Генералъ Гринъ (Green) свидѣтельствуетъ, что Вашингтонъ явно искалъ смерти, потому что «отъ подлаго поведенія своихъ солдатъ» пришелъ въ совершенное отчаяніе. Это былъ единственный случай, когда Вашингтонъ потерялъ хладнокровіе. Кризисъ миновалъ, и новый Фабій спасъ Америку.

До конца октября 1776 года Вашингтонъ прикрываетъ Филадельфію, занимая своими войсками различныя крѣпкія позиціи и стараясь обучить и дисциплинировать своихъ солдатъ. Но наступаетъ зима, и никакія усилія не могутъ удержать армію отъ разложенія: въ началѣ декабря онъ имѣетъ только 1.700 человѣкъ. Тогда его избираютъ диктаторомъ; онъ принимаетъ энергическія мѣры, дабы создать хоть сколько нибудь постоянныхъ солдатъ, которые составили бы кадры будущей арміи: этими усиліями набралось до 11 тысячъ человѣкъ. Тотчасъ же начинаются наступательныя дѣйствія. Многимъ изъ волонтеровъ истекаетъ срокъ найма послѣ Рождества; но Вашингтонъ надѣется одержать побѣду прежде истеченія срока. Въ рождественскую ночь армія его, перейдя рѣку Делауеръ (Delaware), атакуетъ наемныхъ нѣмцевъ въ ихъ зимнихъ квартирахъ. Двѣ побѣды одержаны, но на выручку нѣмцамъ идетъ изъ Нью-Йорка отрядъ лорда Корнваллиса. Наступило 2 января 1777 года; волонтерамъ истекъ срокъ, они готовы оставить ряды, а непріятель даетъ завтра сраженіе; отступить, имѣя рѣку въ тылу, въ виду непріятеля, нельзя и думать: положеніе отчаянное. На помощь употреблена диктаторская власть, впрочемъ не съ тѣмъ, чтобы силою удержать волонтеровъ, а для того, чтобы обѣщать каждому награду въ 10 долларовъ (долларъ $1^1/_2$ руб.). Наступаетъ ночь. Фланговымъ маршемъ американцы обходятъ непріятеля, нападаютъ на его тылъ, разбиваютъ, и однимъ этимъ сраженіемъ очищаютъ отъ него Нью-Джерсей. Побѣда удерживаетъ старыхъ солдатъ подъ ружьемъ, а молодыхъ пріохочиваетъ служить. Впослѣдствіи обстоятельства снова ухудшились: Вашингтонъ былъ вынужденъ уступить Филадельфію; три зимы проводитъ онъ въ открытомъ полѣ, его солдаты мрутъ, но не ропщутъ, потому что самъ диктаторъ терпитъ вмѣстѣ съ ними стужу и голодъ. Въ началѣ 1780 года у Вашингтона не болѣе 12 тысячъ голодныхъ и не одѣтыхъ солдатъ—положеніе отчаянное, тѣмъ болѣе, что ему предстоитъ отражать одну армію, угрожающую отъ Нью-Йорка, и другую—отъ Чарльстона:

Digitized by Google

но и одного человѣка Провидѣніе вознаграждаетъ, если только онъ имѣетъ доблести Вашингтона.

Первое благопріятное обстоятельство, ободрившее защитниковъ, обнаружилось еще въ 1777 году. 70-лѣтній старецъ Франклинъ, находясь въ Парижѣ, съумѣлъ возбудить симпатію не только во французахъ, но и въ достойномъ ихъ королѣ Лудовикѣ XVI. Эта симпатія выразилась сперва въ томъ, что нѣсколько французовъ, въ числѣ коихъ и Лафайетъ, отправились въ Америку драться подъ начальствомъ Вашингтона, потомъ подана была помощь оружіемъ и деньгами, а наконецъ зашла рѣчь и объ явномъ разрывѣ съ Англіей. Другое счастливое обстоятельство было то, что англійская армія, дѣйствовавшая изъ Канады, сдалась на капитуляцію. Наконецъ все было рѣшено тѣмъ, что Россія создала такъ называемый *вооруженный нейтралитетъ*, служащій и въ настоящее время руководствомъ при веденіи морскихъ войнъ. Въ 1780 году къ Россіи присоединились, послѣдовательно, Швеція, Данія, Голландія, Пруссія, Испанія и Франція. Между Франціей и Англіей началась явная война. Къ американцамъ на помощь прибылъ Рошамбо съ 5 тысячами французскихъ регулярныхъ войскъ. Въ то же время конгресъ объявляетъ наемъ волонтеровъ до окончанія войны, армія защитниковъ возрастаетъ до 18 тысячъ человѣкъ, и Вашингтонъ начинаетъ рѣшительное наступленіе на Ричмондъ (въ Виргинію). Кампанія оканчивается тѣмъ, что южная англійская армія сдается на капитуляцію, а восточная, очистивъ Нью-Йоркъ, садится на суда и уѣзжаетъ.

Въ 1776 году, 4 іюля, независимость Штатовъ была объявлена конгресомъ, и это число до сихъ поръ празднуется ежегодно какъ годовщина основанія Штатовъ. 30 ноября 1782 года независимость была признана формальнымъ трактатомъ со стороны Англіи. Съ тѣхъ поръ Америка пережила много трудныхъ годинъ, но военное устройство осталось почти то же, что было при Вашингтонѣ. Въ 1799 году дозволено президенту, въ трудныхъ обстоятельствахъ, призывать на три мѣсяца 75 тысячъ волонтеровъ.

Въ 1861 году мы застаемъ въ Соединенныхъ Штатахъ только 16 тысячъ человѣкъ регулярнаго войска. Война за независимость негровъ началась; часть регулярной арміи продана южанамъ генераломъ жидовской рассы за 2 милліона долларовъ (генераломъ Twiggs); южане быстро и толково набираютъ свои

Digitized by Google

арміи, бьютъ сѣверянъ и угрожаютъ самому Нью-Іорку, а у сѣверянъ все прежніе краткосрочные волонтеры; сегодня сраженіе, а вчера волонтеры разошлись. Наконецъ критическія обстоятельства отрезвляютъ конгресъ; начинаются наймы на года, а наконецъ и на всю войну.

Говорятъ, что по четырехлѣтней войнѣ (отъ 1861—1865) нельзя судить объ военномъ устройствѣ Союза и въ особенности о достоинствахъ американской арміи сравнительно съ европейскими арміями; но прежде чѣмъ возразимъ на этотъ отзывъ, подведемъ итоги цифръ волонтеровъ, выставленныхъ Союзомъ какъ на укомплектованіе регулярныхъ войскъ, такъ и для созданія милицій. Быть можетъ, громадностію итога разсѣятся всѣ сомнѣнія, и въ европейскихъ военныхъ людяхъ поселится уваженіе къ американскимъ арміямъ.

Въ іюлѣ 1861 года призвано волонтеровъ на 3 года	1.000.000
Въ іюлѣ 1862 года на укомплектованіе регулярнаго войска призвано, на сроки отъ 9 до 12 мѣсяцевъ	300.000
Въ 1863 году на укомплектованіе того же войска призвано	400.000
Въ теченіи 1864 года призвано на сроки до 3 лѣтъ	1.285.000
Первоначальная цифра регулярныхъ войскъ, не проданныхъ южанамъ	15.000
Итого	3.000.000

Южане выставили до 1.500.000 человѣкъ. Слѣдовательно, всего вооруженныхъ людей было выставлено 4 милліона 500 тысячъ волонтеровъ. Эта цифра и сама по себѣ громадна, но она изумляетъ еще болѣе тѣмъ, что выражаетъ собою почти полный итогъ *людей, способныхъ носить оружіе*. Война кончилась буквально по тому, что южанамъ некого было больше призвать къ оружію, тогда какъ у сѣверянъ оставался небольшой запасъ.

Когда народъ *дѣйствительно, а не на бумагѣ, свободно, а не изъ-подъ палки*, выставляетъ всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе, тогда называютъ его *великимъ* и уже не справляются о поучительности войны, а называютъ его армію первою въ мі-

Digitized by Google

рѣ. Такихъ народовъ, которые постыдныхъ мирныхъ трактатовъ не подписываютъ, а дерутся дѣйствительно до послѣдней крайности, выставляя подъ ружье до послѣдняго человѣка,— только два: американцы и русскіе. Такихъ армій, которыя сами не сдаются, а упорнымъ веденіемъ войны заставляютъ сдаваться другія арміи, только двѣ: американская и русская. Слѣдовательно, такихъ государствъ, къ которымъ въ настоящее время *принципъ всеобщей свободной военной повинности* примѣнимъ, только два: Соединенные Штаты и Россія.

Я указалъ на безобразіе системы укомплектованія арміи въ Америкѣ: люди оставляютъ ряды наканунѣ сраженія; въ результатѣ же оказалось, что американская армія лучше всѣхъ западно-европейскихъ армій. Какъ объяснить это противорѣчіе? Очевидно, что нужно обнаружить ту несокрушимую силу, которая, скрываясь подъ безобразной наружной оболочкой, дѣлаетъ народъ непобѣдимымъ. Свѣдѣнія объ этой силѣ мы находимъ въ статистикѣ Союза.

Всеобщая народная перепись въ Соединенныхъ Штатахъ—вовсе не то, что наши ревизіи. Тамъ перепись есть задача ученаго (математическаго, географическаго, геологическаго и т. д.) свойства, разрѣшенію которой администрація только содѣйствуетъ; у насъ—это задача чисто административная. Тамъ перепись обходится болѣе трехъ милліоновъ долларовъ, но за то результатъ ея есть подробнѣйшій и полнѣйшій сборникъ статистическихъ свѣдѣній, относящихся къ Союзу въ данную эпоху. Въ этой переписи участвовали и математики, и естествоиспытатели, и геологи, и политико-экономы, и военные, словомъ—представители науки. У насъ до сихъ поръ не извѣстно точно ни пространство русской территоріи, ни число жителей, и всѣ надежды нашего статистическаго комитета возлагаются на *единовременную перепись*, а денегъ мы тратимъ очень много, гораздо больше, чѣмъ бы слѣдовало. Одна изъ такихъ американскихъ переписей, именно 8-я, произведенная въ 1860 году, доставляетъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія:

Союзъ состоитъ изъ 34 штатовъ, 7 территорій и 1 дистрикта. Общая населенность—31.415.573 души обоего пола.

Въ этомъ числѣ: *бѣлыхъ*	26.973.843
Свободныхъ черныхъ	487.970
Рабовъ	3.953.760
Изъ свободныхъ, не въ Америкѣ родившихся, было:	4.088.215

Digitized by Google

Населенность удвоивается въ каждый 20-ти лѣтній промежутокъ времени, а сумма народныхъ имуществъ (народное богатство) удвоивается въ каждый 10-ти лѣтній промежутокъ.

Остановимся на отношеніи населенности къ народному богатству; уже въ одномъ этомъ мы найдемъ ту *несокрушимую силу*, о которой упомянуто выше.

Извѣстно, что Мальтусъ и его послѣдователи открыли, что въ человѣчествѣ дѣйствуютъ двѣ силы: одна изъ нихъ побуждаетъ народонаселеніе превзойти сумму средствъ своего существованія, другая—противодѣйствуетъ этому стремленію. Изъ совокупленія этихъ двухъ силъ происходитъ та *составная* или *равнодѣйствующая сила*, которой человѣчество дѣйствительно повинуется, размножаясь всегда сообразно съ существующими средствами.

Населенность можетъ удвоиваться въ каждый послѣдовательный промежутокъ времени отъ 15 до 25 лѣтъ: это доказано наблюденіями надъ населенностію Сѣверо-американскаго Союза.

Сумма народныхъ имуществъ не имѣетъ свойства удвоиваться столь же быстро, какъ населенность: выводъ изъ наблюденій надъ развитіемъ народнаго богатства во всѣхъ большихъ государствахъ *западной Европы*.

Сила, противодѣйствующая естественному стремленію народонаселенія превзойти сумму своихъ имуществъ, *существуетъ:* ибо *мы видимъ дѣйствія этой силы;* она выражается или въ явленіяхъ *разрушительныхъ*, какъ-то: война, голодъ, эпидемія, и т. п., или въ явленіяхъ *предупредительныхъ*, какъ-то: обязательная военная повинность, регулированіе браковъ (уменьшеніе числа браковъ помощію регламентовъ), распространеніе публичныхъ женщинъ и т. п.

Наконецъ, та *составная* сила, которой человѣчество дѣйствительно повинуется, *безспорно существуетъ*; ибо въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ *западной Европы* населенность удвоивается не ранѣе ,какъ черезъ 200 лѣтъ, а бѣдность все болѣе и болѣе исчезаетъ.

Два, и только два, государства на всемъ земномъ шарѣ составляли до сихъ поръ исключеніе изъ общаго закона: Соединенные Штаты и Россія. Въ Америкѣ рѣшительно нѣтъ стремленія населенности превзойти сумму народныхъ имуществъ; тамъ движеніе народонаселенія изображается прогресіей:

1, 2, 4, 8, 16,

а движеніе богатства—прогрессіей:

1, 4, 16, 64, 256,

Digitized by Google

то есть, въ каждый промежутокъ времени около 20 лѣтъ населенность удвоивается, а сумма народныхъ имуществъ въ тотъ же промежутокъ времени учетверяется. О Россіи будемъ говорить ниже.

Какъ же объяснить слѣдующее противорѣчіе: въ Америкѣ были войны; слѣдовательно, разрушительная мальтусовская сила дѣйствовала; между тѣмъ населенность тамъ удвоивается и теперь такъ, какъ бы сказанная сила вовсе не дѣйствовала: чѣмъ это объясняется?

Я уже пытался объяснить это противорѣчіе (см. «Обзоръ кампаній 1812 и 1813 годовъ...»), но мое сужденіе a priori вызвало со стороны моего рецензента восклицательный знакъ. Я сказалъ, что война менѣе другихъ разрушительныхъ явленій замедляетъ движеніе народонаселенія; это заключеніе подкрѣпляется довольно убѣдительно вычисленіями. Французы (между прочимъ Лабуле) вычислили, что въ 15 лѣтъ, отъ 1853 до 1868 года, Европа и Америка потеряли убитыми и умершими отъ войны 1.742.491 человѣкъ; изъ нихъ болѣе милліона приходится на Америку (см. Revue Nationale 1868 г. и Revue des deux Mondes 1869, декабрь). Ежели потерю эту взять въ 2 милліона человѣкъ, то окажется, что удвоеніе населенности должно бы было замедлиться только на 16 милліоновъ человѣкъ; тогда какъ въ дѣйствительности въ Америкѣ замедленія вовсе не было, а въ Европѣ движеніе осталось прежнее, то есть, замедленія также не было *). Расходъ на войны въ эти 15 лѣтъ составляетъ 48 милліардовъ франковъ, изъ которыхъ 35 милліардовъ приходится на Америку, а между тѣмъ движеніе богатства осталось прежнее.

Но я оставлю сужденія a priori, а просто сошлюсь на факты: въ Америкѣ—*свобода*, въ Европѣ—*не свобода*. Это значитъ, что свобода отъ военной повинности уничтожаетъ вліяніе войны; принудительная военная повинность есть болѣе разрушительная сила, чѣмъ война.

Другое условіе, составляющее несокрушимую силу Америки, найдемъ мы въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ:

---

*) Число людей, способныхъ носить оружіе всегда составляетъ отъ $^1/_4$ до $^1/_8$ общей цифры населенности данной мѣстности: такъ что если умираетъ 1 солдатъ, то съ нимъ вмѣстѣ населеніе лишается среднимъ числомъ отъ 4 до 8 человѣкъ, которыхъ онъ могъ бы произвести на свѣтъ; слѣдовательно, съ потерею 2 милліоновъ солдатъ населеніе Европы и Америки лишилось не менѣе 8 мил. и не болѣе 16 милліоновъ жителей.

Digitized by Google

Въ 1866 году общая населенность Соединенныхъ Штатовъ въ 33.150.000 человѣкъ распредѣлялась по народностямъ такъ:

Ирландцевъ	10.193,000	чел.
Шведовъ, голландцевъ, и т. д.	1.500,000	»
Негровъ	4.885,000	»
Нѣмцевъ	7.762,000	»
Разныхъ, въ томъ числѣ славянъ	3.478,000	»
Англо-саксонцевъ	5.332,000	»
Итого	33.150,000	чел.

Эти цифры краснорѣчивѣйшимъ образомъ свидѣтельствуютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ должна бы была дѣйствовать разрушительная внутренняя борьба: ирландцы должны бы были стремиться *обирландить*, а нѣмцы—онѣмечить. Дѣйствительно, нѣмецъ Растеръ (см. Staats-Lexicon) говоритъ, что нѣмцы переселяются не иначе, какъ съ пасторами, книгами, школами и съ сильнѣйшимъ желаніемъ удержать свою *культуру*. Но что же выходитъ на дѣлѣ? Этотъ же Растеръ съ горечью свидѣтельствуетъ (впрочемъ это извѣстно и безъ него), что *всѣ рассы безъ исключенія претворяются въ самый короткій срокъ въ англо-саксонцевъ*, или, точнѣе, всѣ обращаются въ *американцевъ*.

Объясненіе этому необычайному явленію можно найти въ одномъ словѣ — *свобода*. Пусть только попробуетъ американское правительство хоть на одинъ годъ употребить силу, принужденіе; пусть, на примѣръ, попробуетъ оно издать указъ о принудительности языка, о покровительствѣ какой нибудь церкви, и т. п.— одинъ такой указъ онѣмечитъ всю Америку.

Изъ тѣхъ же статистическихъ данныхъ узнаемъ, что *одна шестая доля* (въ 1860 году) *населенія Союза состоитъ изъ окончившихъ свое образованіе въ школахъ*. Здѣсь опять вся сила въ свободѣ, въ отсутствіи регламентаціи.

Наконецъ, относительно американскаго военнаго устройства, всего поучительнѣе то, что доценты, доктора, профессора и ученые вообще употребляются въ арміи не для того, чтобы водить лошадей на водопой (какъ въ Пруссіи), и не для того, чтобы по пяти часовъ сряду стоять въ полной парадной формѣ въ ожиданіи начала парада, даже и не для того, чтобы составлять планы вторженій въ чужія государства, а для того, чтобы людей замѣнить истребительными машинами; такъ что въ то время, когда неуче-

Digitized by Google

ные сражаются,—ученые работаютъ головой, изобрѣтая способы истребить непріятеля съ возможно меньшимъ расходомъ людей.

Такимъ образомъ подъ безобразной наружной оболочкой существуетъ несокрушимая сила народа. Когда есть свобода, умъ и быстрое развитіе народнаго богатства, — не можетъ быть тогда опасности извнѣ, и 16 тысячъ солдатъ можно считать предметомъ роскоши или, пожалуй, гордости для страны.

Въ Америкѣ *всѣ освобождены отъ военной повинности*, но по призыву правительства все населеніе, способное носить оружіе, является подъ ружье.

Въ Пруссіи всѣ обложены военною повинностію, но, во первыхъ, *не всѣ*; ибо освобождены отъ военной повинности: *члены Гогенцоллернскаго дома; владѣтельные князья* и проч.; *духовенство и лица, готовящіяся вступить въ духовное званіе; всѣ секты, не желающія драться*, и *неспособные*. Во вторыхъ, когда въ 1813 году были призваны всѣ прусаки, способные носить оружіе, то не явилась и десятая часть. Въ третьихъ, на 16 тысячъ кадренной арміи американцы сразу поставили 300 тысячъ рекрутъ, а въ Пруссіи въ 1813 году, сверхъ 45 тысячъ своихъ солдатъ, было еще 50 тысячъ русскихъ, и все-таки кампанія этого года открылась одними только старыми солдатами. Въ четвертыхъ, когда Наполеонъ въ три недѣли завоевалъ Пруссію, то изъ двухъ милліоновъ прусаковъ, способныхъ носить оружіе, не только никто не подумалъ о сопротивленіи, но многіе сдѣлались вѣрнѣйшими его слугами; такъ что подъ прикрытіемъ прусскаго караула Наполеонъ ускакалъ въ 1812 году изъ Сморгони въ Парижъ, проѣхавъ съ Коленкуромъ всю Германію. Намъ скажутъ, что все это *было*, но теперь повториться не можетъ. Хорошо, что же выходитъ? Пруссія не имѣла внутренняго могущества, а теперь, когда армія ея сдѣлалась первою въ мірѣ, внутренняя сила явилась; то есть: силы не было, но регламентами сдѣлано то, что сила явилась. Это что-то мудрено. Регламентъ можетъ повредить, можетъ разрушить, можетъ сдѣлать блестящую форму; но создать силу, измѣнить сущность, вдохнуть жизнь—не можетъ. Пруссія можетъ побѣждать, какъ это доказалъ еще Фридрихъ Великій; она можетъ искусственными способами продержаться на высотѣ первостепенныхъ державъ лѣтъ 25: но тѣмъ печальнѣе будетъ ея паденіе, когда живыя силы народовъ захотятъ свергнуть ея иго. Даже теперь, въ 1871 году, Пруссія была бы уничтожена, если бы французы рѣшились *ни въ ка-*

Digitized by Google

комъ случаѣ не подписывать мирныхъ условій, не согласныхъ съ честію и выгодами Франціи; французы потеряли изъ вида *силу времени....*

На выборъ нашему правительству представляется одно изъ двухъ: или *номинальная, обязательная, всеобщая военная повинность,* или *реальная, свободная, всеобщая военная повинность.* Въ послѣднемъ случаѣ, населенность удвоивается въ 20 лѣтъ, а богатство въ 10 лѣтъ; въ первомъ то и другое удвоеніе происходитъ не ранѣе 200 лѣтъ. Въ первомъ случаѣ распространяется грамотность, въ послѣднемъ—серіезное образованіе. Въ первомъ случаѣ государство зиждется на арміяхъ, регламентахъ и нашествіяхъ; въ послѣднемъ—на народѣ, свободѣ и отвращеніи отъ нашествій, при твердой рѣшимости не заключать съ врагомъ никакихъ сдѣлокъ, не истребивъ его, хотя бы пришлось погубить все свое имущество. Принципъ свободы есть основаніе человѣчное, прочное, цивилизующее, естественное; принципъ обязательной военной повинности есть основаніе безчеловѣчное, внушенное гуннамъ, вандаламъ, татарамъ и всѣмъ дикимъ народамъ жаждою грабежа, а французскому террору—жаждою власти и централизаціи; это есть основаніе не прочное, ибо изчезли гунны, вандалы и татары, погибъ терроръ, погибли Наполеоны, пострадали и законные короли; это основаніе безнравственное, останавливающее правильное развитіе, и противуестественное; ибо обязательныя арміи сдаются, грабятъ и забываютъ семейныя обязанности; ученые, которые должны бы были работать головой, принуждены рѣзать;—люди, призванные быть образованными, должны довольствоваться грамотностію;—арміи пополняются такими же ремонтами какъ лошади, волы, и т. д.

Выборъ сдѣлать не трудно. Безобразное поведеніе американскихъ солдатъ, оставлявшихъ ряды наканунѣ сраженія, у насъ немыслимо. Въ Америкѣ только 16 тысячъ кадровыхъ солдатъ, у насъ больше. На одного стараго солдата американцы даютъ 20 рекрутъ, у насъ можно взять 3. Содержаніе американской арміи стоитъ большихъ денегъ, у насъ достаточно улучшить бытъ солдата хотя на столько, чтобы онъ былъ сытъ, одѣтъ, изрядно вооруженъ, и ежегодно могъ бы удѣлять своей семьѣ нѣсколько денегъ. При Петрѣ I солдатъ получалъ жалованья въ годъ 9 рублей, то есть, нынѣшнихъ 45 рублей; нынѣшній солдатъ получаетъ только 2 руб. 70 коп. Получай онъ 45 рублей,—на себя истратилъ бы онъ рублей 5, а остальные 40 руб. отослалъ бы домой, гдѣ

Digitized by Google

деньги эти израсходовались бы производительно. Американскій солдатъ не стѣсненъ условіями формы въ одеждѣ,—не стѣсняйте и нашего солдата. Пусть будетъ однообразіе и воинственность, но оставьте ему бороду, если она у него выросла, оставьте ему прическу, какую онъ носилъ дома, наконецъ не затягивайте его въ тиски, а дайте одежду линейныхъ казаковъ. Сдѣлайте призывъ въ нынѣшніе солдаты: охотниковъ будетъ не такъ много, какъ въ Америкѣ. Но сдѣлайте кличъ «*въ казаки*!»—къ вамъ явятся милліоны. Что же это значитъ?—не знаю; но думаю, что всѣ наши войска не дурно переименовать въ казаки; такъ что будутъ: *Преображенскій*, *Семеновскій*, *Измайловскій*, *казацкіе полки*, *казацкая пѣхота*, *артиллерія*.... Имя—иногда много значитъ. Не безъ причины слово казакъ заманчиво для русскаго крестьянина, а слово солдатъ страшно. Всякому, конечно, извѣстно, что наши казаки имѣютъ у себя дома оружіе: почему бы не раздать нашимъ великороссійскимъ крестьянамъ (а потомъ, со временемъ, и другимъ) ружья? Они пострѣляли бы волковъ, которые истребляютъ у нихъ ежегодно одну десятую часть овецъ и барановъ; они пріучились бы такимъ образомъ владѣть ружьемъ, а въ годъ разъ можно бы было собирать всѣхъ способныхъ носить оружіе для обученія военной службѣ, но непремѣнно собирать вблизи отъ ихъ домовъ. Говорятъ, что нѣтъ ружей:—разочтемъ стоимость ружей, закажемъ ихъ у себя (а отнюдь не заграницей), раздадимъ ихъ всѣмъ способнымъ носить оружіе, послѣ чего расходъ запишемъ въ долговую книгу подъ статьею: «*на освобожденіе крестьянъ отъ военной повинности*»; этотъ долгъ погасится быстро и охотно. Прусская система сулитъ намъ новую тягость не менѣе какъ въ 30 мил. руб. ежегодно; вся эта тягость падетъ на недостаточный класъ: напротивъ того, американская система сулитъ выгоды для бѣдныхъ, свободу всѣмъ сословіямъ и несокрушимую силу государству. Кто сокрушилъ иго татаръ?—свободныя войска. Кто спасъ Россію въ смутное время самозванцевъ?—свободное войско. Кто 12 лѣтъ воевалъ за Малороссію (отъ 1655—1667)?—свободное войско. Кто сдался Карлу XII подъ Нарвой?—Дюкъ де ла Круа. Кто побѣдилъ полчища Наполеона I?—Народъ. Почему ратники не прославились въ крымскую войну такъ же, какъ ратники въ 1812 году?—потому что они были употреблены для земляныхъ работъ.

Наши государи всегда опирались на свободу. Терроризмъ (Робеспьеръ и Маратъ) изобрѣлъ всеобщую принудительную военную

Digitized by Google

повинность (конскрипцію), которой не вѣдала Франція до 1793 г. Волонтерами была разбита коалиція 1792 г. Бонапартъ воспользовался этою повинностію для распространенія деспотизма. Наконецъ и Пруссіи нужна теперь эта повинность для того, чтобы быть первостепенною державою: но есть ли поводъ къ внезапному измѣненію всѣхъ условій нашего русскаго быта? Намъ говорятъ о грозящей намъ войнѣ. Но въ такомъ случаѣ не ландверы нужны, не ломка всего быта народнаго, а просто милліона три солдатъ, которые должны быть выставлены всѣми сословіями либо натурою, либо деньгами. Какъ *временная* мѣра при дѣйствительной опасности государства, это не новость; такъ всегда у насъ было до Петра I-го: достаточные люди выставляли войска и сами сражались, а крестьяне перевозили тяжести и были избавлены отъ невольной службы; дворянскія и казацкія дружины были вольными ополченіями русской земли. Мало ли какія бываютъ *временныя мѣры*! Кто не тяготится мѣрами, принимаемыми, на примѣръ, противъ чумы: но всѣ знаютъ, что онѣ необходимы, а главное *временны*, а потому всѣ терпѣливо страдаютъ.

Я уже говорилъ, что первая военная мѣра, которая должна возымѣть силу теперь, тотчасъ, чтобы быть готовымъ къ войнѣ, должна состоять въ немедленномъ и не отложномъ переименованіи дивизій въ корпуса, полковъ въ дивизіи, баталіоновъ въ полки и ротъ въ баталіоны. За симъ, *пригласивъ* безъ всякаго принужденія всѣхъ не занятыхъ людей, окончившихъ ученіе въ гимназіяхъ, университетахъ и военныхъ училищахъ,—произвести ихъ въ офицеры послѣ краткаго военнаго обученія и притомъ однимъ дать чинъ поручика и выше (на пр. университетскимъ кандидатамъ), другимъ подпоручика, и т. д. Далѣе: отъ 10 до 20 дивизій должно немедленно привести на военное положеніе, то есть, обратить ихъ въ корпуса по 30 тысячъ человѣкъ въ каждомъ. Наконецъ, прежде чѣмъ приступить къ окончательному вооруженію, хорошо бы предложить всѣмъ европейскимъ государствамъ слѣдующій вопросъ: *угодно ли имъ всѣмъ взаимно обезпечить цѣлость своихъ владѣній и прочный миръ*? Если отвѣты будутъ благопріятные для мира, и всеобщій союзъ противъ завоевательныхъ стремленій кого бы то ни было состоится, — намъ можно заняться нашими внутренними вопросами и, между прочимъ, осуществить нашу военную реформу въ смыслѣ свободы. Если же миръ обезпеченъ не будетъ, то на какую бы мѣру для предстоящей реформы наше правительство ни рѣшилось, ему необходимо

Digitized by Google

имѣть въ рукахъ такія статистическія свѣдѣнія о нашемъ народонаселеніи и народномъ богатствѣ, за вѣрность которыхъ имѣлось бы *математическое ручательство*. Извѣстно, что знаменитый Лапласъ, опредѣливъ населенность Франціи въ 1802 году, вычислилъ, на основаніи теоріи вѣроятностей, ту *погрѣшность*, которой можно опасаться, принимая найденную имъ цифру за истинную: эту-то *погрѣшность* я называю *математическимъ ручательствомъ*. У насъ продолжаютъ смотрѣть на вопросы статистики, какъ на задачи административнаго свойства; нашъ *статистическій комитетъ* продолжаетъ сообщать свѣдѣнія, ни мало не ручаясь за ихъ достовѣрность, и всѣ надежды этого комитета вращаются около административныхъ мѣръ въ родѣ единовременной переписи. А между тѣмъ у насъ есть математики (Буняковскій, Чебышевъ и друг.), которые обогатили науку важными открытіями; у насъ есть множество кандидатовъ, окончившихъ курсъ математическихъ наукъ въ университетахъ и вынужденныхъ снискивать себѣ пропитаніе, преподавая чистописаніе, географію, естественную исторію въ отдаленныхъ уѣздныхъ городахъ: слѣдовательно, есть кому заняться статистикой Россіи.

Заглянемъ, на примѣръ, въ *Статистическій Временникъ Россійской имперіи, изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ* 1866 *года*, и обратимъ вниманіе на статью: *О добычѣ главнѣйшихъ минераловъ и металловъ*, которую самъ комитетъ рекомендуетъ какъ отлично, тщательно отдѣланную.

Въ таблицахъ много цифръ, а въ выноскѣ дано объясненіе вычисленіямъ, которое мы воспроизведемъ здѣсь буквально.

«Свѣдѣнія эти (о добычѣ лигатурнаго золота съ 1830 по 1861 годъ) заимствованы изъ труда *Ф. Рассели* о частномъ золотомъ промыслѣ въ Россіи, вошедшаго въ составъ трудовъ коммисіи для пересмотра системы податей и сборовъ. При оцѣнкѣ золота на деньги было взято основаніе, принятое въ таблицѣ Рассели, гдѣ общее количество поступившаго золота со всѣхъ заводовъ 37.009 пуд. 21 фун. 41 золот. 3 доли—оцѣнено въ 489.687.790 руб. $14^3/_4$ коп., откуда одинъ золотникъ равняется 3 руб. 14,56758145 коп., одинъ фунтъ 330 руб. 78,48781920 коп., одинъ пудъ 13,231 руб. 30,51276800 коп.»

Изъ этой выноски оказывается, во первыхъ, что свѣдѣнія наши заимствуются изъ труда Ф. Рассели, во вторыхъ, что комитетъ не вѣдаетъ различія, существующаго между цѣнами *чистаго зо-*

Digitized by Google

лота и *лигатурнаго*; въ третьихъ, что ариѳметическія выкладки производятся въ комитетѣ съ величайшею небрежностію. Изъ данныхъ *Рассели*, если оцѣнка справедлива, слѣдуетъ, что

1 доля	стоитъ.....		3,6	коп.,
1 золотникъ	»	3 руб.	45,6	»
1 фунтъ	»	331 »	77,6	»
1 пудъ	»	13,271 »	4	»

При этомъ я замѣчаю, что цифры, отдѣленныя отъ правой руки запятою, суть десятичные знаки, такъ что стоимость 1 доли есть $3^6/_{10}$ копѣйки. Напоминаю еще, что когда десятичные знаки выражаютъ дробныя копѣйки, то изъ нихъ оставляется только одна первая цифра, при чемъ ее усиливаютъ одною единицею, если первая изъ отбрасываемыхъ цифръ 5 или больше.

О количествѣ добываемаго у насъ золота я поговорю въ особой статьѣ; выпиской изъ *Временника* я хотѣлъ только доказать, что статистикой должны заниматься люди ученые (преимущественно математики, вполнѣ знакомые съ исчисленіемъ вѣроятностей, ибо опредѣленіе погрѣшностей есть весьма трудная задача).

Съ такими-то источниками, какъ *Временникъ*, мнѣ пришлось имѣть дѣло, годъ тому назадъ, и вотъ по какому случаю. Я взялся составить такой «*Задачникъ*», чтобы ученикъ, изучая математику по задачамъ, могъ въ то же время, изъ заданій, примѣчаній и приложеній, знакомиться съ основаніями статистики, политической экономіи, сельскаго хозяйства, и другихъ наукъ, имѣющихъ связь съ математикой. Источниковъ было очень много; но когда пришлось ихъ употребить въ дѣло, оказались ошибки, промахи, неточности и совершенное отсутствіе ручательства. Въ такомъ же положеніи находится нынѣ военное министерство. Реформу нужно сдѣлать на основаніи строгихъ данныхъ о населеніи и народномъ богатствѣ; но гдѣ найти эти данныя?—неизвѣстно. Я разрѣшилъ свою задачу въ теченіи 4 мѣсяцевъ помощію денегъ, за которыя получилъ нужныя свѣдѣнія, и, главное, помощію вычисленій. Ручательство въ достовѣрности моихъ цифръ состоитъ въ томъ, что я придерживался *самыхъ вѣроятныхъ* результатовъ, и притомъ, если встрѣчался случай сдѣлать одну изъ двухъ погрѣшностей, *положительную* (*съ плюсомъ*) или *отрицательную* (*съ минусомъ*), я допускалъ ту, которую допустило

Digitized by Google

бы лицо офиціальное. На примѣръ, опредѣляемое число жителей непремѣнно менѣе дѣйствительной цифры, а когда явится вопросъ о движеніи нашего народонаселенія, то правительство найдетъ, что мой періодъ удвоенія населенности нѣсколько болѣе дѣйствительнаго. Точно также, когда дойдетъ до нашей *ренты* (налогъ тогда только справедливъ, когда ложится всецѣло на ренту, отнюдь не подрывая производства), каждое лице, знакомое съ этимъ предметомъ, найдетъ, что я беру ниже дѣйствительной. Стало быть, если даже изъ моей цифры окажется, что такой-то налогъ слишкомъ малъ, можно быть увѣреннымъ, что это правда. Въ настоящей статьѣ я занимаюсь только самонужнѣйшимъ для военной реформы вопросомъ, именно: о числѣ жителей, о числѣ людей извѣстнаго возраста, о потеряхъ въ военное время, и т. п.

Прилагаемая въ концѣ статьи таблица, есть одна изъ восьми таблицъ, составленныхъ для моего *Задачника* *). Одна изъ не помѣщенныхъ здѣсь таблицъ, опредѣляетъ законъ смертности въ нашихъ городахъ за 1866 годъ. Такъ какъ законъ этотъ едва ли измѣнился теперь, то я могу опредѣлить число жителей любаго города. На примѣръ: сколько жителей въ Петербургѣ? Я говорю, что населенность этого города есть 504 тысячи, и притомъ утверждаю, что эта цифра опредѣляетъ наименьшее число жителей, а 532 тысячи—наибольшее.

Какъ велика была населенность Москвы въ 1866 году? Отвѣтъ: не болѣе 377 тыс. и не менѣе 354 тыс. человѣкъ.

Обращаясь теперь къ прилагаемой таблицѣ, объясню прежде всего основанія, послужившія для ея составленія.

Источниками послужили: выше названный *Временникъ*, сочиненіе Тенгоборскаго Études sur les forces productives de la Russie, сочиненія Буняковскаго (см. между прочимъ: *Опытъ о законахъ смертности въ Россіи*.....), *академическіе календари*, и т. п. Свѣдѣнія, доставляемыя этими источниками, я свѣрялъ, во первыхъ, съ указаніями исторіи, а во вторыхъ, съ нынѣшними *неофиціальными* свѣдѣніями, то есть, съ дѣйствительными (*реальными*, а *не воображаемыми*) обстоятельствами нашей народной жизни. Эта-то *провѣрка* и составляетъ *ручательство* въ *сравнительной* вѣрности моихъ цифръ. Для того, чтобы понять,

*) По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, печатаніе этого *Задачника* еще не начиналось.

Digitized by Google

какимъ образомъ по малому числу приходовъ можно судить о движеніи населенія цѣлой имперіи, и вообще, оцѣнить истинное значеніе моей *провѣрки*, я долженъ сказать, что еще Лапласъ показалъ математическій способъ исправлять цифры и принимать въ расчетъ вліяніе на движеніе народонаселенія одной *причины* или даже нѣсколькихъ причинъ. И такъ, въ слѣдимыхъ мною приходахъ я замѣтилъ, что *оспопрививаніе*, на сколько оно вошло у насъ въ употребленіе, какъ причина, умѣряющая смертность, вполнѣ уничтожается другими болѣзнями, другими причинами, и всего болѣе тою отвратительною болѣзнію, которую лучше не называть. По свидѣтельству нѣкоторыхъ докторовъ, съ которыми я говорилъ о способахъ истребленія этой болѣзни, можно ее уничтожить въ два года (во всей имперіи); въ дѣйствительности же она болѣе и болѣе распространяется. Офиціальныя и полуофиціальныя свѣдѣнія, опубликованныя въ газетахъ, убѣдили меня въ томъ, что мои наблюденія надъ малымъ числомъ приходовъ имѣютъ надлежащую общность. Вотъ какимъ образомъ маловажныя, по видимому, наблюденія привели меня къ открытіямъ первостепенной важности, что́ подтверждаетъ извѣстную старую истину: *малыя причины производятъ большія слѣдствія*.

Здѣсь кстати раскажу, какія мѣры принимаются противъ распространенія въ народѣ этой губительной болѣзни. Она или совсѣмъ не лѣчится, или принимаютъ паровыя меркуріальныя ванны, приготовляемыя знахарками. Послѣ нѣсколькихъ такихъ ваннъ, молодой человѣкъ превращается въ дряхлаго старика.

Когда сказанная болѣзнь будетъ уничтожена, я безъ всякихъ новыхъ свѣдѣній исправлю свои таблицы.

Историческія свѣдѣнія, равно какъ и прежнихъ временъ календари, были мнѣ полезны въ томъ отношеніи, что доставили способъ опредѣлить съ надлежащею точностію *періодъ удвоенія населенности* и *мѣру плодовитости* (то есть, отношеніе числа новорожденныхъ къ полной населенности въ данную эпоху). Наконецъ, для опредѣленія населенностей Польши, Финляндіи, Сибири и Кавказскаго намѣстничества мнѣ пришлось рѣшать чисто математическія задачи. На примѣръ: населенность Царства Польскаго удвоивается безъ малаго въ 174 года, а около 1850 года, она опредѣлялась по офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 5.008.000 человѣкъ: какъ велика была эта населенность въ 1866 году?— Отвѣтъ: 5.317.040 человѣкъ; а по офиціальнымъ свѣдѣніямъ— 5.319.363. Для Финляндіи, Сибири и Кавказа задача была слож-

Digitized by Google

нѣе, именно: я принялъ въ соображеніе гипотезу (весьма позволительную и раціональную), что *отношеніе между специфическими населенностями* Сибири и Кавказа, Сибири и Финляндіи, *есть величина постоянная* (разумѣется, для слѣдимой мною эпохи). Если принять въ соображеніе, что *специфическою* населенностію называется число жителей, приходящихся на квадратную милю (то есть, степень густоты населенія), то окажется, что я принялъ за величину постоянную *отношеніе между отношеніями*. Впрочемъ, всѣ мои цифры нѣсколько слабѣе дѣйствительныхъ, и въ этомъ состоитъ ихъ заслуга; ибо всѣ вообще таблицы опредѣляютъ подобные результаты съ большими излишками. Такъ, на примѣръ, мои вычисленія опредѣляютъ населенность Финляндіи въ 1.752.615, а по офиціальнымъ свѣдѣніямъ оказывается для той же эпохи (1866 годъ) 1.766.255.

За то, когда я даю цифру 63.966.000 для населенности 49 губерній европейской Россіи, внесенныхъ въ таблицы *Временника*, можно быть увѣреннымъ, что она ниже дѣйствительной, и что, слѣдовательно, цифра около 61 милліона, предложенная *Временникомъ*, еще ниже дѣйствительной, то есть, болѣе погрѣшаетъ, чѣмъ моя.

Мои вычисленія даютъ:

Населенность	49 губерній	63.966.000	чел.
»	Финляндіи	1.752.615	»
»	Польши	5.317.040	»
»	Сибири	4.439.550	»
»	Кавказа	4.162.246	»
Итого, не считая населенности Туркестанскаго края		79.637.451	чел.

Эта цифра меньше дѣйствительной, но военное министерство хорошо сдѣлаетъ, если будетъ расчитывать на 75 милліоновъ или даже еще меньшую цифру. Эту меньшую цифру я опредѣлю какъ только основанія реформы будутъ объявлены.

Далѣе: періодъ удвоенія населенности сказанныхъ губерній я опредѣляю отъ 77 до 80 лѣтъ, то есть, утверждаю, что тому назадъ 77 или 80 лѣтъ населенность этихъ губерній равнялась половинѣ числа 63.366.000, то есть — 31.983.000 челов.; между тѣмъ какъ офиціальныя свѣдѣнія опредѣляютъ этотъ періодъ въ 60 лѣтъ.

Digitized by Google

Мѣра плодовитости по моей таблицѣ $= {}^1/_{21}$, а по офиціальнымъ свѣдѣніямъ оказывается ${}^1/_{20}$; невѣрность этого послѣдняго числа бросится въ глаза, если принять въ соображеніе, что ${}^1/_{19}$ есть maximum этой мѣры.

Мѣра смертности (отношеніе числа смертностей къ общей населенности данной мѣстности и въ данную эпоху) опредѣляется дробью ${}^1/_{26}$.

На 100 рожденій женскаго пола приходится у насъ 105 мужескаго, а на 100 смертностей женскаго—108 мужескаго; то есть, у насъ, какъ почти вездѣ, число женщинъ въ живомъ поколѣніи превышаетъ число мущинъ, и *средняя жизнь* женщины продолжительнѣе средней жизни мущины. (Если сложить всѣ возрастныя указанія таблицы, потомъ раздѣлить эту сумму на первое указаніе, то есть, на число новорожденныхъ, опредѣляемое таблицей, наконецъ вычесть ${}^1/_2$, то получится *средняя жизнь*.)

Такъ какъ отношеніе числа жителей мужескаго пола къ къ числу жителей женскаго пола, въ 49 сказанныхъ губерніяхъ, можетъ быть изображено въ простѣйшемъ видѣ дробью ${}^{14}/_{15}$, а сумма обѣихъ населенностей равняется 63.966.000, то имѣемъ два условія съ двумя неизвѣстными величинами; опредѣляя каждую отдѣльно, находимъ, что число жителей мужескаго пола въ этихъ губерніяхъ есть 30.880.000, а женскаго 33.086.000. Если бы оказалась надобность составить таблицу смертности для каждаго пола отдѣльно, то пришлось бы раздѣлить число 17 тысячъ (новорожденныхъ по таблицѣ) на двѣ части пропорціональныя числамъ 21 и 20, ибо таково отношеніе, существующее между числами рожденій; такимъ образомъ найдется, что изъ 17 тысячъ новорожденныхъ приходится 8.707 на младенцевъ мужескаго пола, а 8.293—женскаго. За симъ живое поколѣніе распредѣляется пропорціонально числамъ 14 и 15, а число смертностей—пропорціонально 27 и 25.

Для того, чтобы опредѣлить число жителей данныхъ возрастовъ, на примѣръ, между такими-то возрастами, нужно полусумму крайнихъ указаній сложить съ суммою промежуточныхъ указаній таблицы, послѣ чего опредѣлить четвертый членъ пропорціи:

Полное число жителей, опредѣляемое таблицей (то есть 357 тысячъ), во столько разъ меньше полнаго числа жителей въ слѣдимыхъ губерніяхъ (т. е. 63.966.000), во сколько найденная изъ таблицы сумма меньше искомаго числа.

Digitized by Google

Рѣшимъ нѣсколько численныхъ примѣровъ.

1-й *Какъ велико число новорожденныхъ въ сказанныхъ 49 губерніяхъ?*

Пропорція:

357 тысячъ: 63.966.000. — 17 тысячъ: къ искомому, даетъ 3.046 тысячъ.

2-й. *Сколько въ этихъ губерніяхъ мущинъ 21 года?*

Полусумма указаній, соотвѣтствующихъ 21 и 22 годамъ таблицы, есть

6.321,

изъ этого числа 3.052 мущинъ и 3.269 женщинъ.

Пропорція:

3.046: 17 = искомое: 3.052 даетъ 546.847.

(Напоминаю ариѳметическое правило: когда отбрасываемая дробь равна половинѣ, 0,5, или больше половины, то первая изъ остающихся цифръ (справа) усиливается единицею).

Итакъ, если половина этого числа людей должна идти въ солдаты, то итогъ (изъ 49 губ.) будетъ около

273.424 чел.

3-й. Опредѣлить, *на какое число одновозрастныхъ* съ принимаемыми въ военную службу лицъ, по условіямъ нынѣшняго набора, *приходится*, въ сказанныхъ губерніяхъ, *по одному рекруту?*

По условіямъ нынѣшняго набора берется 6 съ 1.000 не моложе 22 и не старѣе 28 лѣтъ. Таблица опредѣляетъ 17.133 мущинъ этихъ возрастовъ, на которыхъ падаетъ ноборъ въ 1.032 человѣка (ибо таблица даетъ 172 тыс. мужескаго населенія), слѣдовательно 17 человѣкъ удовлетворяютъ условіямъ набора, и одинъ изъ нихъ непремѣнно идетъ въ рекруты.

4-й. Опредѣлить *число людей способныхъ носить оружіе* (въ 49 губ.), принимая предѣльными возрастами 18 и 50.

Таблица даетъ на 172 тысячи такихъ мущинъ 75.248 чел., слѣдовательно на 30,880.000 мужескаго населенія этихъ губерній приходится

13.509.641 чел.

5-й. Когда я сказалъ, что наша армія и теперь состоитъ почти вся изъ охотниковъ, лица занимавшіяся по семи и болѣе лѣтъ пріемкой рекрутъ, сдѣлали мнѣ слѣдующія возраженія: *первое*, дѣйствительно сплошь да рядомъ братъ идетъ охотою за брата, но этотъ братъ не пошелъ бы волонтеромъ по общему призыву;

Digitized by Google

второе, на проданныя квитанціи казна не нанимала людей. Между тѣмъ нынѣшній наборъ доставилъ, по моимъ свѣдѣніямъ, дополненнымъ вычисленіями, изъ однѣхъ 49 сказанныхъ губерній 18.528 такихъ охотниковъ, которые *нанялись за деньги*, то есть *безусловныхъ волонтеровъ*, которыхъ могло бы нанять правительство, заплативъ до 200 рублей или разомъ, или съ разсрочкою (не забудемъ, что вѣдь теперешнее жалованье есть 2 р. 70 к.) за каждаго охотника.

Рѣшимъ же слѣдующую задачу: *Если 18.528 чел. явилось такихъ охотниковъ, которые удовлетворяютъ нынѣшнимъ условіямъ набора* (когда 1 изъ 17), то *сколько набралось бы изъ 49 губерній охотниковъ при вольномъ наборѣ?*

Если бы 1.032 рекрута на 75.248 человѣкъ, то *одинъ* рекрутъ пришелся бы изъ 73 чел. Если же при одномъ на 17 имѣемъ 18.528 волонтеровъ, то при одномъ изъ 73 имѣли бы 79.326 волонтеровъ.

Взявши для круглаго счета 80 тысячъ и принявши срокъ службы въ 15 лѣтъ, найдемъ, что вольный наборъ доставилъ бы черезъ 15 лѣтъ армію въ 1.200.000 волонтеровъ.

Это для мирнаго времени, изъ 49 губерній; слѣдовательно, увеличивая только въ трое для военнаго времени со всего населенія получили бы (minimum) цифру

3.600.000,

которую не можетъ дать никакая принудительная система.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о чрезвычайно важномъ вопросѣ *военной статистики*. Онъ давно извѣстенъ и даже рѣшенъ; но такъ какъ это сдѣлано въ Россіи, то не только рѣшеніе, но и самый вопросъ остается подъ спудомъ. Можно быть увѣреннымъ, что нѣмцы первые воспользуются этимъ открытіемъ; они переработаютъ вопросъ и найдутъ рѣшеніе какъ бы это было вовсе неизвѣстно; они воспользуются открытіемъ, извлекутъ изъ него все нужное, и тогда мы же первые закричимъ: о нѣмцы! о геніальный народъ! всегда и во всемъ они впереди.

Въ 1842 году, то есть, почти *тридцать лѣтъ* тому назадъ, нашъ математикъ, уже и тогда знаменитый, предложилъ способъ опредѣлять потерю арміи послѣ сраженія прежде чѣмъ о томъ будутъ собраны свѣдѣнія (см. «Теорію вѣроятностей» Буняковскаго):—открытіе осталось неизвѣстнымъ.

Всякій человѣкъ, сколько нибудь наблюдательный, не разъ былъ

Digitized by Google

пораженъ громадностію разстояній, проходимыхъ *одиночными* людьми (на примѣръ, нашими богомольцами); они совершаютъ свои путешествія, останавливаясь гдѣ вздумается и почти всегда или босикомъ, или въ лаптяхъ, или въ башмакахъ, но отнюдь не въ сапогахъ. Каждому военному, конечно, извѣстно, что походы, совершаемые отдѣльными ротами (рота—$^1/_4$ баталіона), или вообще, отдѣльными частями, несравненно легче, чѣмъ походы баталіонами, или вообще, соединенными частями. Если, на примѣръ, отдѣльныя части пройдутъ 25 верстъ безъ потерь, то эти самыя части, пройдя эти самыя 25 верстъ вмѣстѣ, непремѣнно потеряютъ одного или нѣсколькихъ человѣкъ больными и отсталыми. Увеличивая послѣдовательно число баталіоновъ до 10, до 100 и т. д., легко понять, что большая армія должна, такъ сказать, *таять* независимо отъ потерь въ сраженіяхъ. По какому закону ослабляются арміи, корпуса, дивизіи, баталіоны и роты? Этотъ вопросъ военной статистики извѣстенъ только въ одной Россіи. Преподается ли объ немъ что нибудь въ генеральномъ штабѣ? Извѣстенъ ли этотъ вопросъ нашимъ начальникамъ? Дѣлали ли они какія нибудь наблюденія надъ ослабленіемъ армій въ походахъ? Увы, на эти вопросы—молчаніе.

Но скажутъ: много ли мы выиграемъ изъ того, что будемъ знать потерю армій? Не заключается ли все военное искусство въ маневрахъ и сраженіяхъ? На такіе вопросы я отвѣчу сперва примѣрами.

Пошелъ ли бы Наполеонъ на Москву если бы онъ зналъ, что вернется одинъ? Очевидно, нѣтъ. Уступилъ ли бы императоръ австрійскій сѣверную Италію, если бы онъ зналъ, что прусаки, дойдя до Вѣны, будутъ гораздо слабѣе его арміи? Подписалъ ли бы Тьеръ постыдный миръ, если бы зналъ, что не позже, какъ черезъ 10 мѣсяцевъ, Франція была бы очищена безъ боя? И такъ далѣе.

Не разъ было говорено о томъ, что мы можемъ прійти въ Константинополь черезъ Дунай и Балканы. Не разъ было говорено о походѣ въ Константинополь черезъ Вѣну. Не рѣдко слышались планы разбить австрійцевъ, взять Вѣну и освободить славянъ. Мало ли еще какіе были и есть планы. Я спрашиваю: сколько нужно войска, чтобы выполнить одинъ изъ этихъ плановъ, на примѣръ, тотъ, который считается самымъ легкимъ? Мнѣ отвѣтятъ *на обумъ*.

Законъ, по которому арміи исчезаютъ, предложенъ въ элементар-

Digitized by Google

ныхъ формулахъ, помѣщенныхъ въ моемъ «Обзорѣ кампаній 1812 и 1813 годовъ». Зная эти формулы, можно отвѣчать на всѣ вышепредложенные вопросы. Этими формулами я опредѣлилъ потери прусаковъ въ 1866 году. Этими формулами я опредѣлялъ силы прусаковъ во всѣ примѣчательные моменты нынѣшней войны. Потери прусаковъ отъ начала войны по настоящее время еще неизвѣстны, а я ихъ опредѣляю. Потеря убитыми и умершими не менѣе 150 тысячъ человѣкъ; потеря выбывшими изъ строя не менѣе 450 тысячъ человѣкъ: слѣдовательно, общая ихъ потеря не менѣе 600 тысячъ человѣкъ. Точно также я опредѣляю потерю американцевъ въ войну за негровъ не менѣе 300 тысячъ убитыми и не менѣе 900 тысячъ выбывшими изъ строя, итого 1.200 тысячъ человѣкъ. Законъ былъ справедливъ прежде, когда вооруженіе было иное, чѣмъ теперь; законъ остается справедливымъ и теперь: слѣдовательно, расказы о громадности нынѣшнихъ потерь— *вымыселъ*.

Старослуживые наши помнятъ, а можетъ быть слышали, что наши полководцы всегда раздѣляли баталіонъ, состоявшій изъ 1000 человѣкъ, на два баталіона, по 500 человѣкъ въ каждомъ; такъ дѣлалъ на примѣръ Дибичъ. Теперь можно математически доказать цѣлесообразность такихъ мѣропріятій. Положимъ, на примѣръ, что баталіонъ въ 1000 человѣкъ, штурмуя укрѣпленіе, потерялъ половину своихъ людей: я говорю, что эти самые 1000 человѣкъ, раздѣленные на два баталіона, по 500 челов. въ каждомъ, потеряли бы не болѣе трети своихъ людей. Такъ какъ притомъ дальнѣйшее ослабленіе баталіона лишило бы его надлежащей самостоятельности, то цифру 500 должно принять за нормальную силу баталіона въ военное время. И такъ далѣе.

Кажется, рѣшаемые вопросы не маловажны? Буду надѣяться, что военная статистика перестанетъ быть сборникомъ однѣхъ офиціальныхъ цифръ и свѣдѣній, добытыхъ администраціей. Повторяю, статистическія свѣдѣнія должны собираться и разрабатываться непремѣнно *учеными* и преимущественно *математиками*; одна администрація ничего сдѣлать не можетъ.

1 Марта 1871 г.

Князь Урусовъ.

Digitized by Google

ТАБЛИЦА,

опредѣляющая законъ смертности въ Россіи за 1866-й г. безъ Польши, Финляндіи, Кавказа и Туркестана. *)

Лѣта.	Остающихся въ живыхъ.	Лѣта.	Остающихся въ живыхъ.	Лѣта.	Остающихся въ живыхъ.	Лѣта.	Остающихся въ живыхъ.
0	17.000	26	5.799	52	2.783	78	331
1	12.961	27	5.683	53	2.667	79	303
2	11.452	28	5.567	54	2.551	80	275
3	10.428	29	5.451	55	2.435	81	247
4	9.579	30	5.335	56	2.319	82	219
5	8.880	31	5.219	57	2.203	83	191
6	8.699	32	5.103	58	2.087	84	183
7	8.518	33	4.987	59	1.971	85	155
8	8.337	34	4.871	60	1.855	86	127
9	8.156	35	4.755	61	1.739	87	119
10	7.975	36	4.639	62	1.623	88	85
11	7.794	37	4.523	63	1.507	89	68
12	7.613	38	4,407	64	1.391	90	51
13	7.432	39	4.291	65	1.275	91	34
14	7.251	40	4.175	66	1.159	92	29
15	7.070	41	4.059	67	1.043	93	24
16	6.955	42	3.943	68	927	94	19
17	6.840	43	3.827	69	811	95	14
18	6.725	44	3.711	70	695	96	9
19	6.610	45	3.595	71	639	97	6
20	6.495	46	3.479	72	583	98	4
21	6.379	47	3.363	73	527	99	3
22	6.263	48	3.247	74	471	100	2
23	6.147	49	3.131	75	415	101	1
24	6.031	50	3.015	76	387	102	0
25	5.915	51	2.899	77	359	—	—

*) Къ предыдущей статьѣ кн. Урусова.

Digitized by Google

КОЛОНИЗАЦІЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ

и

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ГОРНАГО ПРОМЫСЛА

(*Посвящается Н. К. Чупину*).

II.

Колонизація Пермской губерніи шла двумя путями.

Средина Пермской губерніи по сю сторону Уральскихъ горъ, къ югу отъ Соликамска, вплоть до Осы [1]), была пустынна. Пермякъ Кодаулъ, пріѣзжавшій въ Москву съ данью, сказывалъ царскимъ казначеямъ, что «эти мѣста искони лежатъ впустѣ, и доходу съ нихъ нѣтъ никакого, и у Пермичей тамъ нѣтъ угодій никакихъ». Эти пустыни, занимающія Пермскій и Оханскій уѣзды и часть Соликамскаго, Осинскаго и Кунгурскаго, отданы были Строгоновымъ и ихъ заселеніе составляетъ *первую эпоху* московской колонизаціи, непосредственно слѣдовавшую за утвержденіемъ здѣсь московской власти.

Строгоновы, по общему предположенію, были новгородцы. На это нѣтъ никакихъ прямыхъ доказательствъ; обстоятельство, что Строгоновы владѣли значительными участками земли въ Двинской землѣ, не можетъ служить неоспоримымъ тому подтвержденіемъ, ибо въ Двинской землѣ смѣшаны были колонизація и владѣнія новгородскія и ростовскія, потомъ перешедшія къ Москвѣ. Какъ бы

---

[1]) Въ выписи изъ Кайсаровскихъ писцовыхъ книгъ 1626—27 г. (Устрял., имен. люди Строгоновы, стр. 54 и 55) сказано: «учинена Андрѣевымъ и Петровымъ (Строгоновымъ) пустымъ землямъ и угодьямъ *вышестарыя* межи по рѣкѣ по Камѣ вверхъ, по обѣ стороны Камы рѣки, отъ рѣчки Палю до Никитинской вотчины Строгонова до рѣчки до Ошапу, по тому, что по отводу Андрѣя Хохлова въ той ихъ Андрѣевѣ да Петровѣ межѣ Строгоновыхъ поставили дворы государевы крестьяне Казанскаго уѣзда Осинскія-Никольскія свободы».

Digitized by Google

то ни было, не подлежатъ сомнѣнію два обстоятельства: 1) что Строгоновы представляли собою типъ тѣхъ новгородцевъ — купцовъ и вмѣстѣ бояръ-землевладѣльцевъ, которые, занимая и населяя обширныя пространства въ Двинской землѣ, были изстари самымъ могущественнымъ орудіемъ колонизаціи. Голландецъ Винзенъ пишетъ (1666 г.), что Аника Строгоновъ имѣлъ соляныя варницы въ Соль-Вычегодскѣ и торговалъ съ Зауральемъ, съ самоѣдами и другими «не русскими людьми» мягкою рухлядью и другими чужеземными товарами. При великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ, внуки Луки Строгонова получили право населить пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондукурской волости, который принадлежалъ Строгоновымъ въ 1678 г. по переписи кн. Бѣльскаго; 2) что Строгоновы изстари были сторонники московскихъ князей: Строгоновы принимали значительное участіе въ выкупѣ изъ плѣна великаго князя Василья Васильевича Темнаго; около половины XV вѣка, когда Иванъ III получилъ возможность раздѣлиться съ новгородцами въ Двинской землѣ и отобрать у нихъ земли, принадлежавшія прежде ему и ростовскимъ князьямъ, истцемъ земель, принадлежавшихъ московскому великому князю, является Лука Строгоновъ. Самое переселеніе (?) Строгоновыхъ въ Соль-Вычегодскую, еще прежде паденія Новгорода отошедшую къ Москвѣ, указываетъ на тѣсную связь фамиліи Строгоновыхъ съ московскимъ правительствомъ. Послѣ паденія Новгорода, когда большинство богатаго купечества выселено было оттуда въ Москву и во внутреннюю Россію, Строгоновымъ, привыкшимъ и къ торговлѣ, и къ колонизаціи, могла естественно прійти смѣлая мысль, пользуясь стариннымъ покровительствомъ московскихъ государей, основать свой великій Новгородъ въ пустыряхъ, по сосѣдству съ Камнемъ. И они основали его. Грамотою 4 апрѣля 1558 г. Иванъ Грозный пожаловалъ Григорію Аникѣеву Строгонову пустыя земли по обѣимъ сторонамъ Камы, отъ устья Лысвы до Чусовой, на пространствѣ 146 верстъ по теченію Камы; а 25 марта 1568 г. брату Григорья—Якову, отдана во владѣніе вся рѣка Чусовая, отъ устья до вершины, со всѣми впадающими въ нее рѣками и рѣчками, и Кама по обѣ стороны отъ устья Чусовой до Лосвинскаго бора, на 20 верстъ по теченію. Этого мало; скоро Строгоновы перешагнули за Уралъ: 30 мая 1574 г. Иванъ дозволилъ Якову и Григорью Строгоновымъ «въ Сибири между Тахчеями, на рѣкѣ Тоболѣ и по рѣкамъ, которыя въ Тоболъ впадаютъ, до вершинъ ихъ, на усторожливомъ мѣстѣ, крѣпости дѣлать, сторожей нанимать и огнен-

Digitized by Google

ный нарядъ держать на свой счетъ, желѣзо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владѣть». Кромѣ льготъ отъ повинностей и пошлинъ и права населять свои земли нетяглыми охочими людьми, Строгоновы пріобрѣли полную независимость отъ ближайшихъ московскихъ властей: «судитъ и вѣдаетъ своихъ слобожанъ самъ Григорій во всемъ; кому же будетъ до него дѣло, тотъ прежде испроситъ управную грамоту, и тогда ему Григорію ставиться на Москвѣ безприставно, предъ казначея, на срокъ, на Благовѣщеньевъ день». Съ той поры между Строгоновыми и московскимъ правительствомъ установляются особыя и постоянныя отношенія: правительство выжимаетъ изъ нихъ, Строгоновыхъ, денеги и за то расширяетъ безпрестанно и безъ того совершенно исключительную ихъ монополію. Флетчеръ расказываетъ, что Строгоновы имѣли до 300.000 наличными деньгами, кромѣ недвижимаго достоянія; что у нихъ было множество иноземныхъ нидерландскихъ и другихъ мастеровъ на заводахъ, нѣсколько аптекарей и медиковъ, 10.000 (?) людей вольныхъ и 5,000 собственныхъ крѣпостныхъ (?), употребляемыхъ для варенія и развоза соли, рубки лѣсовъ и воздѣлыванія земли отъ Вычегды до предѣловъ Сибири; что они ежегодно платили царю 23.000 р. пошлины, *но что правительство, требуя болѣе и болѣе, то подъ видомъ налога, то подъ видомъ займа, разоряетъ ихъ безъ жалости* [1]). Строгоновы помогали деньгами Шуйскому; Пожарскій взялъ у Андрея Строгонова «многія деньги ратнымъ людямъ на жалованье»; Михаилъ Ѳедоровичъ, въ 1613 г. просилъ денегъ взаймы у Строгоновыхъ, и не только денегъ, но и припасовъ натурою: «указали есмя просите у васъ взаймы, *для крестьянскаго покоя и тишины*, денегъ и хлѣба, и рыбы и соли, и суконъ и всякихъ товаровъ, что дати ратнымъ людямъ». (А. а. э., т. III. № 3). Чрезвычайные, единовременые налоги на Строгоновыхъ указывалъ не только царь, но и земство. Такъ царскою грамотою 1616 г., апрѣля 20, повелѣно было, *по всемірному приговору* Строгоновымъ уплатить на жалованье ратнымъ людямъ 16.000 р. Грамотой того же года, апрѣля 29, на соборѣ, составленномъ изъ духовенства, гостей и торговыхъ выборныхъ людей московскихъ и всѣхъ городовъ, постановлено было взять съ вотчинъ Строгоновыхъ, ихъ промысловъ и имущества 40.000 р. [2]), а въ 1686 г. съ нихъ же запросныхъ денегъ 20.000 р.

---

[1]) Карамзинъ, т. X, стр. 140 и 141, изд. Ейнерл.

[2]) Съ дворцовыхъ, монастырскихъ и боярскихъ отчинъ сошныя деньги, съ гостей и торговыхъ людей пятую деньгу, а со Строгоновыхъ 40.000 р.

Digitized by Google

Изъ жалованной грамоты Ивана и Петра (25 іюля 1692 г.) видно, что во время междуцарствія и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ у Строгоновыхъ взято въ казну деньгами, жемчугомъ, сосудами серебряными, хлѣбомъ и солью на 423.706 р., а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на 418.056 р. За это Строгановымъ предоставлены были слѣдующія льготы:

1. По грамотамъ 1558, 1564 и 1568, Строгоновы, сверхъ судебной независимости и дозволенія пріема тяглыхъ людей въ свои владѣнія, получили 20 и 10-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ повинностей и пошлинъ, право безпошлиннаго торга въ ихъ земляхъ для всѣхъ пріѣзжающихъ торговцевъ, свободу отъ подводъ и кормовъ для сибирскихъ пословъ, и казанскихъ, и пермскихъ посланниковъ и право держать въ своихъ городкахъ пищальниковъ и сторожей, и огненный снарядъ.

2. Послѣ покоренія Сибири, Иванъ подтвердилъ право безпошлиннаго торга въ Строгоновскихъ замляхъ, а Семену Аникіевичу Строгонову отдалъ города поволжскіе, Соль Большую и Соль Малую (теперь посады въ Костромской губерніи, не при самой Волгѣ).

3. Въ 1605 г., Ѳедоръ Ивановичъ увеличилъ Строгоновскія владѣнія, отдавъ имъ полтретя ста верстъ по рѣкѣ Камѣ ниже отъ прежнихъ ихъ земель, отъ рѣчки Ласвы до Ошапу, а также по впадающимъ на этомъ пространствѣ въ Каму рр. Сюзвѣ, Нытвѣ, Югу, Очеру и Ошапу и ихъ притокамъ, при чемъ отданы и «сѣлища чуцкія», съ 15 лѣтнею льготою отъ податей.

4. Въ 1608 г., Василій Ивановичъ (Шуйскій) по всѣмъ россійскимъ городамъ освободилъ Строгоновыхъ, людей ихъ и крестьянъ отъ суда всѣхъ мѣстныхъ властей, «а кому до нихъ дѣло, и ихъ велѣно судить кому онъ, великій государь, укажетъ»; дворы ихъ освобождены отъ постоя, подводъ у нихъ брать не велѣно, питье всякое про себя держать разрѣшено безъявочно; «у вѣры имъ самимъ не ставиться, а вмѣсто ихъ велѣно ставиться людемъ ихъ».

5. Въ 1610 г., Василій Ивановичъ указалъ на Устюгѣ Великомъ и у Вычегодской Соли приказнымъ людямъ дать изъ своей государской казны, изъ четвертныхъ доходовъ Строгоновымъ на ихъ тамошніе соляные промысла *денегъ сколько надобно*, за ихъ службу, что они отъ него, великаго государя, не отступили, и во всемъ ему служили и прямили и денежною дани ссужали». Въ томъ же году другой грамотой Шуйскій велѣлъ ихъ писать съ *вичемъ*; по третьей грамотѣ, за безчестіе Андрея Строгонова по-

Digitized by Google

ложено противъ московскаго лучшаго гостя *вдвое*—сто рублей. Эта же сумма внесена и въ уложеніе (гл. X, ст. 94).

6. Грамотами въ 1617 и 1618 годахъ, Михаилъ Ѳедоровичъ подтвердилъ всѣ прежнія владѣнія и права Строгоновыхъ, а въ 1623 г. пожаловалъ мѣсто по Камѣ выше Осинской слободы, отъ рѣки Тулвы вверхъ до границъ ихъ владѣній, 35 верстъ по теченію Камы.

7. Въ 1620 году Михаилъ Ѳедоровичъ, по платежу доходовъ, подчинилъ Строгоновыхъ новгородскому приказу, отдѣльно отъ Пермичъ и Усольцевъ; впослѣдствіи, въ 1685 г., при Иванѣ и Петрѣ, по челобитной Григорья Строгонова, всѣ дѣла, какія были у него, людей его и крестьянъ, сосредоточены въ новгородскомъ приказѣ.

8. Въ 1641 г. Михаилъ Ѳедоровичъ далъ новую подтвердительную грамому Строгонову. Въ ней, между прочимъ, такія отличія: разъяснено, что царскіе намѣстники и мѣстныя власти въѣзжаютъ во владѣнія Строгоновыхъ по уголовнымъ дѣламъ (разбою и татьбѣ съ поличнымъ); всѣ проѣзжія власти, сухимъ путемъ и водою, у Строгоновыхъ не берутъ ни кормовъ, ни подводъ; въ ратномъ вѣстовомъ дѣлѣ Строгоновы входятъ въ общій счетъ съ пермяками, усольцами и осинцами. Сами Строгоновы, люди ихъ, крестьяне и работники съ товарами не только не подсудны мѣстнымъ властямъ во всѣхъ русскихъ городахъ, но не велѣно имъ ни для какихъ дѣлъ никакого задержанія и остановки и тѣсноты чинить, и на рѣкахъ, на мостахъ и на перевозахъ мыта, и головщины, и перевозовъ и мостовщины нигдѣ не имать, ставиться вездѣ на дворахъ безъявочно.

9. Въ 1673 г., Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ всѣ права и льготы Строгоновыхъ и прибавилъ: лѣтомъ у Строгоновыхъ во дворахъ избы и мыльни топить вольно, а печатать не велѣно, по всѣмъ городамъ пошлины со Строгоновыхъ брать по уставнымъ грамотамъ [1]), «казавъ имъ тѣ грамоты», а лишнихъ

---

[1]) Строгоновы оказали важную заслугу въ финансовомъ отношеніи. Въ 1653 г. они, вмѣстѣ съ торговыми людьми, подали челобитную на обременительность торговыхъ пошлинъ: «изстари такихъ великихъ лишнихъ пошлинъ, какъ нынѣ емлютъ, не бывало; а нынѣ, годъ отъ году, безпрестанно затѣваютъ новосчинныя всякія, лишнія, напрасныя пошлины таможенные головы и цѣловальники, боясь недоборовъ, и въ тѣхъ недоборахъ его государевы опалы и правежу» (А. а. э., т. IV, № 64). Слѣдствіемъ этихъ жалобъ было отмѣненіе многихъ внутреннихъ пошлинъ и изданіе уставной таможенной грамоты. Какъ

Digitized by Google

не брать, «чтобъ имъ въ томъ мотанія и простою не было»; съ возчиковъ соли въ Казани, Нижнемъ, верховыхъ (волжскихъ) и сибирскихъ городахъ и въ Астрахани никакихъ службъ не требовать и вездѣ струги ихъ съ солью пропускать безъ задержанія и безъ всякихъ убытковъ.

10. Въ 1684 г., при царяхъ Иванѣ и Петрѣ, подтверждены права Строгоновыхъ; кромѣ того сказки о пожиткахъ и промыслахъ для денежныхъ сборовъ велѣно брать за рукой Строгоновыхъ, а гостямъ ихъ не обкладывать. Эта льгота, какъ видно изъ грамоты, дана по тому, что гость Ѳедоръ Юрьевъ, въ 1663 г., обложилъ слишкомъ тяжело Строгоновыхъ, «не взявъ у нихъ сказки», за что Юрьевъ съ товарищами стояли на правежѣ, а переплаченныя Строгоновыми деньги (26.855 р.) зачтены «въ иные поборы».

11. Въ 1688 г., велѣно Строгонову (Григорью) чинить «помѣстнаго окладу тысячью четьи денежною и съ прежнею указною статьею сто пятьдесятъ рублей, для того что Строгоновы изстари знатные именитые люди и въ Уложеньи объ нихъ имянно напечатано, а гостямъ та статья никому не въ образецъ и не въ примѣръ». Въ 1692 г. этотъ окладъ возвышенъ до 170 р., противъ гостя первой статьи вдвое.

12. Въ 1692 г., Строгоновымъ выдана послѣдняя подтвердительная грамота, съ перечисленіемъ всѣхъ прежнихъ, царями Иваномъ и Петромъ, и кромѣ того плата за безчестье Строгоновыхъ возвышена до 170 р., «да ему жь, кто ихъ обезчеститъ, отъ насъ, великихъ государей, быть въ опалѣ»; провозъ всякихъ Строгоновскихъ запасовъ, «про себя, а не на продажу», разрѣшенъ вездѣ безпошлинно.

13. Около 1610 г., балахнинскій выходецъ Иванъ Соколовъ, въ 2 верстахъ отъ Новаго Усолья, на лѣвомъ берегу Камы, завелъ Ленвенскіе соляные промыслы, перешедшіе во владѣнія соликамскихъ гостей: Шустова и Филатьева; они были отобраны и отданы Григорью Строгонову, какъ заведенные на его земляхъ.

14. Въ 4-хъ верстахъ ниже Ленвы, настоятели Іосифскаго монастыря и частныя лица завели, такъ называемые, Зырянскіе соляные промыслы. Въ 1652 г. отобраны въ казну монастырскія варницы, а въ 1659 г. частныхъ владѣльцевъ, гостя Ни-

---

видно, таможенныя уставныя грамоты не исполнялись, и Строгоновы выпросили себѣ, какъ *привилегію*, право *казать* имъ эти грамоты и не платить ничего лишняго.

Digitized by Google

китникова и жены Булгаковой. Въ 1679 г. монастырскія варницы отданы московскому Воскресенскому монастырю (Новый Іерусалимъ, построенный Никономъ), а въ 1697 г. Петръ Великій всѣ Зырянскіе промысла пожаловалъ Григорью Строгонову, съ тѣмъ чтобы онъ вносилъ въ казну ежегодно и безплатно по 100.000 п. соли, съ поставкою въ тѣ мѣста, куда назначено будетъ. Въ 1701 г. Зырянскіе промыслы укрѣплены въ вотчинное владѣніе Строгоновыхъ, съ уплатою 28.199 р. за казенныя постройки. Въ 1750 г. ежегодный оброкъ солью съ Строгоновыхъ сложенъ и велѣно соль въ казну принимать за деньги [1]). Но въ 1772 г., вслѣдствіе пожара, слабости разсола и поврежденія варницъ разливомъ Камы, Зырянскіе промысла были оставлены.

15. Этотъ длинный рядъ высочайшихъ пожалованій фамиліи Строгоновыхъ заключается собственноручною резолюціею покойнаго Императора въ 1828 г., по случаю иска Строгоновыхъ, начавшагося еще въ XVIII столѣтіи о вознагражденіи ихъ за земли, отведенныя правительствомъ частнымъ заводчикамъ въ верховьяхъ Чусовой, слѣдующаго содержанія: «Въ уваженіе заслугъ въ древнія времена фамиліи Строгоновыхъ, равно въ память того, что послѣдній въ родѣ графовъ Строгоновыхъ положилъ животъ на полѣ чести [2]), надѣлить заводы, нуждающіеся въ лѣсахъ, изъ дачъ казенныхъ, пустопорожнихъ и казнѣ ненужныхъ». Вслѣдствіе этого, къ Кыновскому заводу (гр. Строгонова) примежеваны земли изъ казенной Серебрянской дачи (Гороблагодатскаго округа), къ заводамъ кн. Голицыныхъ—изъ дачъ казеннаго Анненскаго завода, къ заводамъ кн. Бутеро-Родали (нынѣ Шувалова)—изъ дачъ по рр. Чусовой и Кельтмѣ, Пермскаго и Чердынскаго уѣздовъ.

Кромѣ того, изъ писцовыхъ книгъ и грамотъ видно, что Строгоновы постоянно скупали земли у сосѣднихъ мелкихъ владѣльцевъ; споры же сосѣдей Строгоновыхъ, какъ видно изъ тѣхъ же актовъ, всегда рѣшались въ пользу послѣднихъ. Достаточно ука-

---

[1]) Ср. о Зырянскихъ промыслахъ П. С. З. №№ 1584, 1781, 4629.

[2]) Внукъ барона Александра Сергѣевича, возведеннаго Павломъ въ графское достоинство (21 апрѣля 1798 г.) и сынъ извѣстнаго при Александрѣ Павловичѣ гр. Павла Александровича Строгонова—Александръ Павловичъ—убитъ на 19 году въ сраженіи подъ Крайономъ, въ 1814 году. Графское достоинство передано тогда барону Сергѣю Григорьевичу Строгонову, происходившему изъ другой линіи и женатому на дочери гр. Павла Александровича, гр. Натальѣ Павловнѣ Строгоновой.

Digitized by Google

зать, что когда въ 1678 г. Соликамскій уѣздъ переписывалъ кн. Бѣльскій, Строгоновъ выдалъ за него замужъ сестру свою. А вотъ и еще способъ: въ 1621 г., какъ видно изъ грамоты чердынскому воеводѣ Бутурлину (Акты. историч., № 286), чердынцы жаловались: «да ихъ же Косинскія и Гаенскія сошки у крестьянъ Верхурольскія деревни Никита Строгоновъ поотнималъ половину вотчины, и съ хлѣбомъ и со сѣнными покосы, прежде сошныя росписки лѣтъ за десять, и тѣ де крестьяне за великую нужу, и нынѣ на тѣхъ вотчинахъ у нихъ половничаютъ; а они де отъ того въ конецъ погибли и задолжали великими долги, и достальные де крестьяне бредутъ розно».

Какія же услуги государству и обширному, занятому ею, краю принесла фамилія Строгоновыхъ, въ уплату такой необычайной монополіи, такихъ небывалыхъ льготъ и пожалованій?—Оставляя въ сторонѣ всѣмъ извѣстную и дѣйствительно весьма важную государственную заслугу Строгоновыхъ—участіе ихъ въ покореніи Сибири, мы обратимся къ колонизаціи Пермскаго края.

Колонизація эта шла весьма быстро. Въ 1558 г., вслѣдъ за пожалованіемъ, Аника Строгоновъ построилъ городокъ *Канкоръ*, а въ 1564 г., въ 20 верстахъ ниже по теченію Камы, городокъ *Кергеданъ*, на Орловомъ наволокѣ, послѣ переименованный въ *Орловъ-городокъ*, какъ онъ называется и теперь. Въ Кергеданъ перенесены были промыслы изъ Канкора. Въ 1566 г. Строгоновы просили взять ихъ городки Канкоръ и Кергеданъ и всѣ ихъ промыслы въ опричнину, что и было исполнено. Но Канкоръ вскорѣ былъ брошенъ,—по крайней мѣрѣ, въ первыхъ писцовыхъ книгахъ (Яхонтова) 1579 года, о Канкорѣ уже не упоминается, — а Кергеданъ извѣстенъ подъ именемъ Орлова-городка. Затѣмъ Строгоновы начали подвигаться на югъ. Въ 1568 г. они построили городокъ Нижне-Чусовскій на Чусовой, вскорѣ сдѣлавшійся средоточіемъ ихъ владѣній, и открыли тамъ соляныя варницы. Въ 1570 г. Строгоновы завели острожки и въ нихъ соляныя варницы на Сылвѣ и на Яйвѣ; около 1606 г., вмѣсто оставленнаго Орловскаго промысла, въ 10 верстахъ выше Орлова-городка, по Камѣ, Строгоновы устроили новые соляные промыслы и слободу Новое Усолье, до сихъ поръ важнѣйшія Строгоновскія варницы[1]); въ 1616 г.,

[1]) Дѣйствіе Чусовскихъ варницъ прекращено въ 1773 и 1785 годахъ; Яйвенскій промыселъ существовалъ недолго, но, когда уничтоженъ, достовѣрныхъ свѣдѣній не осталось, за утратою ихъ въ Усольскихъ пожарахъ.

Digitized by Google

верхній Чусовскій городокъ и соляные промыслы; въ первыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія—самое южное свое поселеніе на землѣ, пожалованной Ѳедоромъ Ивановичемъ—Очерскій острогъ, на р. Очерѣ, ниже Оханска. Самый городъ Оханскъ было Строгоновское селеніе для рыбной ловли — Охань, заведенное около того же времени, какъ и Очерскій острогъ. Впослѣдствіи въ немъ основанъ Строгоновымъ монастырь, подъ именемъ Оханской Богородской пустыни, къ которой были приписаны всѣ близь лежащія деревни. По упраздненіи монастыря, въ 1764 г., Оханскъ переименованъ былъ въ Оханское экономическое село, а въ 1781 г., при учрежденіи Пермскаго намѣстничества, онъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, но и до сихъ поръ имѣетъ видъ небогатаго села. Въ 1579 году, по переписи Ивана Яхонтова съ товарищи, за Строгоновыми на рѣкѣ на Чусовой, и на Сылвѣ, и на Яйвѣ, и на Камѣ, и на Очерѣ числилось 4 слободы (Чусовая слобода на Сылвѣ, на Яйвѣ и Орелъ на Камѣ), да острожекъ (городокъ Орелъ), а къ нимъ 18 деревень, да 33 починка, и въ тѣхъ селеніяхъ пашенныхъ и не пашенныхъ крестьянскихъ, пищальничьихъ и бобыльскихъ 291 дворъ. Въ 1623—24 году, по переписи Михайла Кайсарова съ товарищи, чрезъ 44 года, во владѣніяхъ Строгоновыхъ прибыло три города (два Чусовскихъ и Орелъ-городокъ), да два острожка (Яйвенскій и Очерскій), что были напредь сего по сошнымъ слободы и острожекъ; кромѣ того прибыло 2 слободки, 2 сельца, 51 деревня, 16 починковъ, и въ нихъ прибыло 4 двора вотчинниковыхъ, да 340 дворовъ посадскихъ людей, и поваровъ, и подварковъ, и уѣздныхъ крестьянъ, и пищальничьихъ, и бобыльскихъ дворовъ, да 96 дворовъ пустыхъ. Въ 1678 г., по переписи кн. Ѳедора Бѣльскаго, да подъячаго Василья Меньшикова, у 3 братьевъ Строгоновыхъ оказалось чрезъ 55 лѣтъ: 4 города, 10 селъ, 176 деревень, 153 починка, и въ нихъ дворовъ: вотчинниковыхъ 52 двора, церковныхъ 57, крестьянскихъ 2.451, бобыльскихъ, вдовьихъ и нищихъ 271 дворъ.

Въ книгѣ Большаго Чертежа (по тексту, напечатанному въ древней россійской идрографіи, изд. Новикова, и составленному во второй половинѣ XVII столѣтія), о владѣніяхъ Строгоновыхъ сказано: «Отъ Соликамской, внизъ по Камѣ, на правомъ берегу 15 верстъ, монастырь Преображенье Спасово, Пыскорскій, а прежъ сего тутъ бывалъ городокъ Канкоръ Строгоновыхъ; въ монастырѣ церковь каменная..... Противъ рѣчки Зырянки и Зырянскихъ соленыхъ усолій, на другой странѣ Камы рѣки, соляные промыслы

Digitized by Google

Строгоновыхъ, словетъ Новое Усолье: церковь деревянная, посаду жителей со 500, а варницъ соляныхъ съ 40. Ниже Новаго Усолья, на той же правой странѣ 7 верстъ, градъ Орелъ Строгоновыхъ, церкви деревянныя, гораздо стройны; тутъ дворъ Строгоновыхъ, посаду не мало.... На Чусовой градъ Чусовскій, отъ Усолья Камскаго 70 верстъ.... а на Сылвѣ есть городки Строгоновыхъ».... (Кн. Б. Ч., изд. Спаскимъ, стр. 144—146).

Кромѣ того, за Григорьемъ Строгоновымъ показаны отчасти принадлежащія ему, какъ вотчиннику, отчасти взятыя въ оброкъ обширныя земли въ Усольскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ и три двора въ Сольвычегодскѣ на посадѣ. Замѣчательно, что, по писцовымъ книгамъ, въ Усольскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ, населеніе состояло преимущественно изъ *половниковъ*, т. е., свободныхъ крестьянъ, сидящихъ на владѣльческой землѣ и обязанныхъ отдавать вотчиннику половину собираемыхъ продуктовъ [1]). Само собою разумѣется, что въ переписяхъ показывались только тяглые люди и не означалось все населеніе Строгоновыхъ земель, не положенное въ тягло, а его было много: Строгоновы дали Ермаку, еще въ первое время, собственныхъ людей изъ русскихъ, литовцевъ, татаръ и нѣмцевъ—300 человѣкъ: вѣроятно, въ это число не входили всѣ охочіе люди, у нихъ проживавшіе. Флетчеръ, какъ мы видѣли, этого не тяглаго населенія упоминаетъ *вдвое* противъ тяглаго: 10.000 людей вольныхъ и 5.000 собственныхъ крѣпостныхъ, употребляемыхъ для варенія и развоза соли, рубки лѣсовъ и обработки земли.

Откуда у Строгоновыхъ сосредочилась такая масса крестьянъ—291 дворъ, въ 1579 г., т. е., чрезъ 21 годъ послѣ пожалованья? Неужели всѣ они состояли изъ добровольныхъ переселенцевъ, перешедшихъ къ Строгоновымъ изъ остальной Россіи?—Въ «Соли-Камскомъ Лѣтописцѣ», напечатанномъ Бергомъ, въ его Путешествіи въ Чердынь и Соликамскъ, подъ 1563 г. значится: «по указу великаго государя отдано имянитому человѣку Григорью Строгонову крестьянъ соликамскихъ, обвинскихъ и косьинскихъ 2.322 двора

---

[1]) Бѣляевъ («Крестьяне на Руси», стр. 31) говоритъ, что «общимъ условіемъ для всѣхъ крестьянъ, живущихъ на чужой землѣ, по псковскимъ законамъ, было *изполовничество*, отъ чего крестьяне назывались въ Псковѣ—*изполовники*. Не было ли такъ же и въ Двинской землѣ? Крестьяне-половники оставались въ Вологодской губерніи до самаго освобожденія крестьянъ и были, въ отношеніи къ повинностямъ владѣльческимъ, поставлены закономъ совсѣмъ въ иныя отношенія, нежели крѣпостные».

Digitized by Google

во владѣніе». Извѣстіе это въ буквальномъ смыслѣ не вѣрно: по писцовой книгѣ у Строгоновыхъ въ 1579 г. было всего во владѣніи 291 дворъ. Но въ основѣ его, по всей вѣроятности, лежитъ тотъ достовѣрный фактъ, что Строгоновы, вскорѣ послѣ занятія пермскихъ земель и покоренія Сибири, получили во владѣніе крестьянъ. Къ этому приводятъ слѣдующія соображенія: a) въ 1550 г. Грозный раздавалъ помѣстья въ Московскомъ и въ околомосковныхъ уѣздахъ дѣтямъ боярскимъ и дворянамъ. Есть указанія, что царь раздавалъ помѣстья въ покоренныхъ странахъ и притомъ въ новгородскихъ колоніяхъ. Послѣ казанскаго похода, когда покорилась мордва, Царь раздавалъ некрещеную мордву боярамъ, чтобы способствовать обращенію ея въ христіанство [1]); въ 1550 году, какъ видно изъ даточныхъ книгъ, были розданы земли въ Вотской пятинѣ многимъ боярамъ, окольничимъ и боярскимъ дѣтямъ [2]). Конечно, Строгоновы не принадлежали къ служилымъ людямъ; но, послѣ покоренія Сибири, они на столько выдѣлились изъ общей колеи, что Грозный нашелъ возможнымъ дать имъ царскую грамоту на города поволжскіе—Соль Большую и Соль Малую. Отчего же царь не могъ имъ дать грамоты и на обвинскихъ и косьинскихъ крестьянъ,—грамоты, которая до насъ могла не дойти, какъ большая часть грамотъ на пожалованныя вотчины, а для Строгоновыхъ не было особенной необходимости предъявлять эту грамоту, когда крестьяне уже были за ними записаны по переписи Яхонтова, и въ подтвердительной грамотѣ Ѳедора Ивановича 1591 г. сказано было: «владѣть Строгоновымъ вотчиною ихъ, городкомъ Орломъ, слободою, и съ варницами, и *съ деревнями*, и *съ починками*, и со всѣми къ нимъ угодьи, по прежнему, по писцовымъ книгамъ письма и мѣры писца Ивана Яхонтова». Въ то время собственно крѣпостнаго права—права на людей—не было, и потому пожалованіе деревнями и починками, т. е. угодьями, занятыми крестьянскимъ населеніемъ, было равносильно съ пожалованіемъ дворами и душами,—а потому выраженіе *деревни* въ этомъ случаѣ равносильно праву на прикрѣпленныхъ вскорѣ къ землѣ крестьянъ.

b) Въ писцовыхъ книгахъ, какъ центръ вотчинниковыхъ владѣній и самое населенное мѣсто, вездѣ ставится на первомъ планѣ Чусовской городокъ. Изъ писцовой книги Кайсарова видно,

---

[1]) Мельниковъ, статьи о Мордвѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

[2]) Koeppen, Erklärender text zu der etnograph. Karte des St.-Petersb. gouvern.

Digitized by Google

что въ *уѣздѣ*, приписанный къ Чусовскому городку, входили рѣки Обва, Косва и Инва. Въ Инвенской дачѣ гр. Строгоновыхъ находится сплошная масса, около 34.000 пермяковъ, почти половина всего наличнаго числа пермяковъ въ губерніи: значитъ, дача эта населилась не приходомъ извнѣ, но путемъ естественнаго приращенія. Можетъ быть, отданные царемъ Строгоновымъ крестьяне положили первое ядро крестьянскому населенію въ ихъ владѣніяхъ, и это населеніе, размножаясь естественнымъ путемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось притокомъ вольныхъ людей.

Какъ бы то ни было, переселенцы на Строгоновскихъ земляхъ сдѣлались крѣпостными и составили тѣ громадныя, владѣльческія населенныя имѣнія Пермской губерніи, которымъ не встрѣчается подобныхъ въ другихъ мѣстахъ. Вся масса крѣпостныхъ,—наслѣдіе, которое оставила Пермской губерніи Строгоновская колонизація,—сосредоточена въ Строгоновскихъ владѣніяхъ по сю сторону Урала: гдѣ нѣтъ Строгоновскихъ земель въ Пермской губерніи, тамъ нѣтъ и крѣпостнаго права. Въ зауральскихъ уѣздахъ всего было, до освобожденія, до 10 владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ, но всѣмъ имъ принадлежало менѣе 3.000 душъ. Вѣроятно, эти имѣнья образовались вслѣдствіе инструкціи, данной Татищеву 23 марта 1734 г., гдѣ было сказано (пунктъ 17), что для удержанія дворянъ въ горнозаводской службѣ, вмѣсто принадлежащихъ имъ въ другихъ мѣстахъ деревень, «дать въ Пермѣ, подлѣ Строгоновыхъ, деревень толикое жь число, коликое они въ русскихъ городахъ имѣли, и сверхъ того съ нѣкоторою прибавкою, дабы имъ вѣчно во услугахъ при тѣхъ заводахъ остаться и своихъ дѣтей въ то употреблять». [1]) Громадныя имѣнья Строгоновыхъ не дѣлились до 1747 года. Въ 1747 году послѣдовалъ раздѣлъ между сыновьями Григорья Дмитріевича, послѣдняго именитаго человѣка (+1716), баронами Александромъ, Николаемъ и Сергѣемъ Григорьевичами Строгоновыми. Изъ части старшаго брата, барона Александра Григорьевича (+1754), достались, по замужству его дочерей, одна половина кн. Голицынымъ, а другая князьямъ Шаховскимъ, отъ которыхъ, по браку княжны Шаховской, за гр. Шувалова

[1]) На основаніи этой инструкціи, состоялся указъ 25 апрѣля 1737 г. (Полн. Собр. Зак. № 7236), надѣлить дворянъ, служащихъ при сибирскихъ заводахъ изъ дворцовыхъ деревень Осинскаго уѣзда, также изъ ясачныхъ по р. Сивѣ, со впадающимъ въ нее рѣчками, всѣмъ поровну по 10 дворовъ, а которые не изъ шляхетства произошли до нѣкоторыхъ класовъ, тѣмъ по 5 дворовъ.

Digitized by Google

послѣдняя часть нынѣ во владѣніи графовъ Шуваловыхъ (мать ихъ, графиня Варвара Петровна Шувалова была потомъ за княземъ Бутера-Радали). Изъ части средняго брата, Николая Григорьевича (†1758), двѣ трети проданы гг. Лазареву и Всеволожскому, а остальная треть осталась въ родѣ Строгоновыхъ и принадлежитъ потомкамъ этой линіи, графамъ Александру и Сергѣю Григорьевичамъ Строгоновымъ. Часть меньшаго брата, Сергѣя Григорьевича,—линіи, возведенной въ графское достоинство,—осталась въ родѣ Строгонова и въ качествѣ майората, вслѣдствіе женитьбы гр. Сергѣя Григорьевича на старшей представительницѣ этой линіи, гр. Натальѣ Павловнѣ Строгоновой, перешла во владѣніе графа Сергѣя Григорьевича. Впослѣдствіи небольшая часть населеннаго имѣнья Строгоновыхъ куплена однимъ изъ Демидовыхъ (?). Во всѣхъ этихъ Строгоновскихъ имѣньяхъ, съ ихъ обломками, числились:

	По 9 ревизіи.	По 10 ревизіи [1]).
Гр. Н. П. Строгоновой	73.564 душ.	62.807 душ.
Графовъ Строгоновыхъ	16.067 »	12.900 »
Князя Голицына	21.051 »	17.059 »
Кн. Бутера-Радали (нынѣ гр. Шуваловыхъ)	18.947 »	15.592 »
Гг. Лазаревыхъ	19.229 »	10.433 »
Ал. Н. Всеволожскаго	6.814 »	{ 7.249 »
Н. Н. Всеволожскаго	7.259 »	»
Полк. Демидова	2.508 »	
Итого...	165.439 (!).	124.040 »

Крѣпостное право, въ собственно Строгоновскихъ имѣніяхъ, было относительно мягко: какъ въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ вотчинахъ, гдѣ не держали *управителей изъ иностранцевъ*, порядокъ въ управленіи заведенъ былъ возможно удовлетворительный при крѣпостномъ правѣ, и крестьяне достигли нѣкотораго экономическаго довольства, не смотря на употребленіе ихъ въ

[1]) Свѣдѣнія о Строгоновскихъ имѣніяхъ по 9 ревизіи взяты мною изъ Бергова Путешествія въ Чердынь. Я помѣстилъ ихъ по тому, что у меня не было свѣдѣній по 10 ревизіи, и я ограничился выборкою изъ «Матеріаловъ редакціонной коммисіи» по Пермской губерніи. Разница обоихъ итоговъ слишкомъ велика и не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ. По всей вѣроятности, въ «Матеріалахъ редакціонной коммисіи» были сдѣланы пропуски, потому что во всякомъ случаѣ ревизское счисленіе есть самое вѣрное, и, конечно, у Берга приведены числа по 9-й ревизіи настоящія.

Digitized by Google

заводскихъ работахъ и на соляныхъ промыслахъ и на то, что, на примѣръ, на работы въ Кыновскій заводъ являлось ежегодно 500—700 человѣкъ за 150—300 верстъ. Въ особенности замѣчательно было управленіе самой графини Натальи Павловны Строгоновой: дочь извѣстнаго своимъ либеральнымъ образомъ мыслей друга покойнаго императора Александра, графиня Наталья Павловна прикладывала къ дѣлу полученное ею воспитаніе и принадлежитъ къ числу тѣхъ свѣтлыхъ личностей, добрая память о которыхъ долго не умираетъ въ мѣстныхъ преданіяхъ. Основанная ею вспомогательная для крестьянъ касса, постоянная заботливость о крестьянахъ, а въ особенности существовавшая при ней горнозаводская школа,—все это, до сихъ поръ, съ любовью вспоминается на Уралѣ. Отъ той поры осталось тамъ цѣлое поколѣніе бывшихъ крѣпостныхъ воспитанниковъ графини, докончившихъ свое образованіе въ Германіи; имена ихъ (гг. Роговъ, Теплоуховъ, Волеговъ, Шаринъ) болѣе или менѣе извѣстны у насъ въ литературѣ, а въ Пермской губерніи они составляютъ ядро мѣстнаго образованнаго и дѣльнаго заводскаго люда. Графиня Наталья Павловна умѣла обращаться съ людьми: въ то время, какъ Демидовскіе воспитанники изъ-за границы, истязаемые крѣпостными прикащиками, стрѣлялись или сходили съ ума, крѣпостные питомцы германскихъ академій и университетовъ у Строгоновыхъ ставились въ такое положеніе, что приложеніемъ своихъ познаній приносили пользу владѣльцамъ и, оставаясь, въ свободномъ уже состояніи, управляющими и должностными лицами, съумѣли заслужить общее уваженіе, не исключая и управляемыхъ крестьянъ. Благодаря имъ, въ Строгоновскихъ заводахъ антагонизмъ между заводскимъ населеніемъ и заводскимъ служилымъ класомъ гораздо менѣе развился. Всѣ эти люди до сихъ поръ безъ особеннаго чувства не вспоминаютъ графиню.... Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, въ особенности послѣ освобожденія крестьянъ. Накопленіе помѣщичьихъ недоимокъ, какого не встрѣчалось ни въ одной губерніи, вызывало повальныя продажи крестьянскаго имущества и суровыя экзекуціи. Такъ обширный Инвенскій край, принадлежащій гр. Строгоновой, эта привольная мѣстность, гдѣ, по словамъ старинныхъ актовъ, «пашни были великія, и мѣсто теплое, и земли родимыя, и медъ и хмѣль родится по вся годы» [1]), край, служившій и впослѣд-

[1]) А. А. Э., т. III, № 293.

Digitized by Google

ствіи житницею для Новоусольскихъ промысловъ Пожевскаго и Майкорскаго заводовъ, послѣ ранней зимы 1862 года (съ сентября), погубившей хлѣбные всходы, въ 1863—64 г. совершенно разоренъ былъ продажею скота чрезъ полицію. Нельзя сказать, чтобы въ Пермской губерніи надѣлъ былъ хуже, или средства къ заработкамъ ограниченнѣе, нежели въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ, на примѣръ, Костромской, Новгородской, Псковской и проч. Несоразмѣрность поземельнаго надѣла съ установленнымъ душевымъ оброкомъ въ послѣднихъ губерніяхъ несравненно значительнѣе, и, однакожь, здѣсь платятъ крестьяне помѣщичьи оброки и выкупные платежи, а въ Пермской губерніи въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ накопилось до 400% недоимокъ. Это происходитъ отъ того, что въ Пермской губерніи условія надѣленія крестьянъ землею совершенно своеобразны. При обширности владѣній, при совершенномъ отсутствіи цѣнъ на землю и при сосредоточеніи владѣльческаго хозяйства на заводахъ и промыслахъ, не только частные владѣльцы, но и казна не обращали никакого вниманія на способы пользованія со стороны крестьянъ землею. Оттого, кромѣ общинныхъ земель, состоящихъ при деревняхъ и поселеніяхъ, внутри заводскихъ лѣсовъ, отдѣльные домохозяева постоянно расчищали новыя мѣста—сѣнокосныя поляны и пашни, которыми владѣли хозяева какъ личною собственностію, не входящею въ мірской передѣлъ. Такимъ образомъ въ имѣніяхъ Пермской губерніи не существуетъ ни общиннаго, ни подворнаго хозяйства въ чистомъ ихъ видѣ, а какое-то смѣшанное. Понятно, что при этомъ количество земли, состоящее въ дѣйствительномъ владѣніи каждой деревни, весьма разнообразно. При невозможности кадастровой оцѣнки этихъ угодій и вывода на этомъ основаніи частныхъ оброковъ, систему «Положенія о крестьянахъ», не признающаго этого смѣшаннаго хозяйства, можно было сколько нибудь справедливо приложить только при возможномъ размельченіи уставныхъ грамотъ, заключающихъ въ себѣ сосѣднія селенія, мало-мальски уравненныя по своему земельному надѣлу, ибо только для такихъ селеній, по самому существу дѣла, возможно было установленіе общаго однообразнаго надѣленія и основаннаго на немъ назначенія оброка, предоставляя внутреннее разверстаніе сельскому или волостному сходу, какъ это дозволено Положеніемъ.

Такой способъ, конечно, былъ сравнительно обременительнѣе для владѣльцевъ, ибо онъ требовалъ, при составленіи грамотъ,

Digitized by Google

съемки на планъ самыхъ дробныхъ дѣленій ихъ огромныхъ вотчинъ; напротивъ, владѣльцамъ было выгодно составленіе огульныхъ грамотъ, гдѣ, при совершенной безцѣнности пермскихъ земель, на возможно большее число деревень нарѣзывался въ общей примѣрной межѣ высшій надѣлъ и налагался высшій размѣръ оброка, подъ общею круговою порукою. Такъ это и было сдѣлано на первыхъ порахъ. Въ пермскихъ имѣніяхъ большія имѣнія дѣлились обыкновенно на *земскія*, куда причислялось нѣсколько десятковъ селеній (селъ и деревень), и которыя составляли самое крупное дѣленіе огромныхъ владѣльческихъ вотчинъ. По этимъ земскимъ и составлены были первыя грамоты. Естественно, что крестьяне были этимъ поражены и не стали платить, потому что нигдѣ не было такъ мало сходства между прежнимъ дѣйствительнымъ владѣніемъ и проектированнымъ по уставной грамотѣ; нигдѣ оброкъ, расчитанный по проектированному въ грамотѣ валовому надѣлу, не разнился такъ съ личнымъ экономическимъ положеніемъ отдѣльныхъ домохозяевъ, жившихъ по преимуществу насчетъ частныхъ своихъ разчистокъ, которыхъ пространство не было опредѣлено и принято въ соображеніе при составленіи грамотъ. Въ земской были селенія, имѣвшія не болѣе 1 десятины на душу воздѣланныхъ земель, и селенія, въ сложности съ разчистками имѣвшія до 10 десятинъ на душу; такое же различіе было и между отдѣльными домохозяевами. И между тѣмъ всѣ крестьяне, въ обширной земской, обложены были однимъ девятирублевымъ оброкомъ.—Какъ тутъ платить?

Мѣстное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, въ послѣдніе годы, приступило къ повѣркѣ и пересоставленію грамотъ, которымъ предшествовало образованіе новыхъ волостей и сельскихъ обществъ, при чемъ прежнія крупныя общества по земскимъ разбивались на болѣе мелкія, гдѣ именно группировались сосѣднія селенія, болѣе однородныя по количеству и качеству надѣла, чтобы изъ нихъ составить единицы для валоваго надѣленія. Это былъ единственный, практическій путь въ предѣлахъ закона, такъ какъ въ мелкихъ обществахъ крестьяне могли еще разверстаться между собою, что было для нихъ физически невозможно, при соединеніи въ крупныя земскія. Едва это дѣло начало подвигаться, едва введеніе Положенія получило сколько нибудь удовлетворительное начало въ Пермской губерніи, тѣмъ болѣе, что землевладѣльцы, предоставляя свои имѣнія на выкупъ, рѣшились на значительныя скидки [1]), изъ Петербурга явилась (въ 1870 г.) коммисія

[1]) Вмѣстѣ съ сложеніемъ недоимки, пониженіе оброчныхъ платежей въ имѣ-

отъ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, которая вновь возобновила всю эту запутанность, образованіе волостей и обществъ и надѣлъ землею по земскимъ. Остается ожидать, какъ на это дѣло посмотритъ ревизующій сенаторъ. Народъ ждалъ его съ нетерпѣніемъ, онъ утратилъ всякую вѣру къ мѣстнымъ властямъ, что и неизбѣжно было при подобныхъ колебаніяхъ и противорѣчіяхъ; вездѣ слышались отголоски, что ѣдетъ изъ Петербурга, отъ самого царя, самъ сенаторъ, который все прежнее перемѣнитъ и установитъ надлежащій порядокъ....

Возвращаюсь къ прерванному расказу о колонизаціи. Я сказалъ, что, послѣ покоренія Великой Перми—Москвою, дѣло колонизаціи начато было, главнымъ образомъ, Строгоновыми и окончилось, какъ извѣстно, покореніемъ Сибири. Обширный край, открывшійся для дѣятельности русскаго народа, вызвалъ самое оживленное движеніе на этой окраинѣ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ Сибирь несравненно болѣе кипѣла жизнію и обращала на себя вниманіе правительства, чѣмъ на нашей памяти Кавказъ, Ташкентъ, Киргизская степь.

Колонизація Сибири происходила весьма быстро съ самаго начала: въ 1585 и 1587 годахъ прибыли въ Сибирь московскіе воеводы Ив. Мансуровъ, Сукинъ и Мясной, а затѣмъ Данило Чулковъ, окончательно утвердившіе Сибирь за московскимъ царствомъ и уже къ началу XVII столѣтія въ Сибири основаны были слѣдующіе русскіе города и укрѣпленныя мѣста: городокъ на Оби при устьѣ Иртыша (1585), Тюмень (1586), Тобольскъ (1587), Лозьва (1589?), Пелымъ (1592) [1]), Сургутъ и Березовъ (1593), Тара (1594), Нарымъ и Кетскій острогъ (1595), Верхотурье (1598), Обдорскій и Мангазейскій городки (1600), Туринскъ (1601), Томскъ (1604), Туруханскъ и Зимовье Имбацкое (1609), остроги: Маковецкій, Кондомскій и Кузнецкій (1618), Енисейскъ и острогъ Бѣльскій (1619), острогъ Мелетскій (1620), Красноярскъ (1628) [2]). Сибирь, съ самаго начала, сдѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода для московской царской казны, особенно съ воцареніемъ Ро-

---

віяхъ гр. Строгоновыхъ простиралось до 3 милліоновъ р. сер., а вслѣдъ за ними согласились на значительныя сбавки и другіе владѣльцы.

[1]) Пелымъ населенъ былъ жителями Углича, сосланными сюда въ 1591 году, послѣ убіенія тамъ Димитрія; кромѣ того, многіе угличане поселены были въ Соликамскѣ и Чердыни.

[2]) «Городскія поселенія», т. V, ч. 1, стр. 146 и 147; Небольсина, «Покореніе Сибири», стр. 70—113.

Digitized by Google

мановыхъ, когда, вслѣдствіе погрома въ смутное время, московское государство было разорено и, не смотря на то, должно было напрягать послѣднія усилія, для отраженія внѣшнихъ враговъ и внутренняго наряда. Тогда выжиманіе денегъ изъ Сибири и ея инородческаго населенія сдѣлалось главною задачею московскаго правительства, что доказываетъ масса наказовъ сибирскимъ воеводамъ, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ финансовые вопросы и мѣры; но, независимо отъ правительственной эксплуатаціи, Сибирь представляла обширное поле и для частной предпріимчивости. Крижаничъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, писалъ, что Сибирь сему (московскому) царству «*несмѣрно нарядна и пригодна*». И дѣйствительно, Сибирь, съ первыхъ же лѣтъ своего покоренія, оправдала свое названіе «золотаго дна» и для казны, и для частныхъ предпріимчивыхъ людей. Пушные товары, въ глазахъ иностранцевъ, казались важнѣйшимъ источникомъ богатства Россіи, а открытіе Сибири развернуло для Россіи неслыханныя сокровища пушнаго богатства на пространствѣ отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго океана. Кильбургеръ сообщаетъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ въ одно лѣто отпущено было изъ Архангельска соболей 579 сороковъ, собольихъ хвостовъ 18.742 штуки, лисицъ 15.970 разныхъ сортовъ, куницъ 300 сороковъ, звѣрей, называемыхъ иностранцами minken (?) 281 сороковъ, горностаевъ 288 сороковъ, кошекъ 180,795 шт. Вообще XVI и XVII вѣки были временемъ высшаго значенія мѣховой торговли, и большинство преимущественно цѣнныхъ мѣховъ получалось изъ Сибири. Но не одни мѣха составляли предметъ сибирской торговли; быстро двинувшаяся въ Сибирь русская колонизація, поощряемая правительствомъ, которое старалось о заселеніи новопріобрѣтеннаго края, строила города, поселяла пахатныхъ крестьянъ для земледѣлія и наполняла Сибирь ссыльными, — все это пришлое населеніе, отодвинутое отъ прежняго отечества на большое разстояніе, нуждалось въ подвозѣ пищи, одежды, предметовъ домашняго быта; а потому товары, удовлетворявшіе этой потребности, были первыми статьями ввоза въ Сибирь изъ Россіи. Въ концѣ XVI вѣка и началѣ XVII русскіе купцы возили въ Сибирь хлѣбъ, русскій холстъ, готовые однорядки, сафьянъ, кожи, оружіе и военные снаряды, необходимые въ этой странѣ противъ звѣрей и людей, и прочіе товары, большею частію, простаго достоинства и русскаго издѣлія. Простота жизни въ Сибири долго исключала потребности изысканнаго быта, удовлетворяемыя

заграничными товарами. Въ 1609 г. въ Пермской землѣ, во всѣхъ городахъ, не оказалось иноземныхъ суконъ, камокъ, тафты: торговые люди не привозили этихъ товаровъ въ Сибирь. Только во второй половинѣ XVII вѣка большая развитость жизни привлекла въ Сибирь иностранные товары изъ Архангельска. Торговля съ Сибирью была большею частію въ рукахъ московскихъ купцовъ, знатныхъ гостей, посылавшихъ въ Сибирь своихъ покрученниковъ и прикащиковъ, набиравшихся въ поморскихъ городахъ: Устюгѣ, Вяткѣ, Чердыни, Соликамскѣ, Тотьмѣ и Сольвычегодскѣ. Сибирь вела, кромѣ того, торговлю и съ азіатцами. Торговля съ бухарцами для Сибири была такъ важна, что въ 1595 г. сибиряки въ челобитной просили, какъ милости, чтобы къ нимъ изъ Бухаріи приходили торговые люди съ товарами. Бухарцы торговали на гостиномъ дворѣ въ Тобольскѣ и снабжали Сибирь рукодѣльными потребностями жизни. Съ половины XVII вѣка возникли торговыя сношенія съ Китаемъ, сначала также сосредоточившіяся въ Тобольскѣ, а потомъ уже перешедшія въ Нерчинскъ [1]). Такимъ образомъ Сибирь съ самаго начала пріобрѣла для Россіи то экономическое значеніе, которое удерживаетъ до сихъ поръ, а именно:

1) Служила самымъ обильнымъ рынкомъ для отпуска цѣнныхъ сырыхъ произведеній природы въ Россію и за границу.

2) Сама потребляла значительное количество самыхъ простыхъ и недорогихъ издѣлій, приготовляемыхъ въ промышленной полосѣ Россіи.

3) Вошла въ обширныя и необходимыя для Сибири сношенія съ среднею Азіею и Китаемъ, которыя продолжаются до сихъ поръ и, существуя совершенно независимо и самостоятельно, не могутъ быть подорваны, не смотря на все стараніе правительства, другими, также безспорно необходимыми позднѣйшими путями, какова дорога самарско-оренбургская и вновь прокладываемый путь чрезъ Красноводскій заливъ.

Древней Россіи на столько же, на сколько и новой, извѣстна была важность для торговли путей сообщенія. Древнѣйшій путь въ Сибирь шелъ околицею: сѣверный путь изъ Москвы на Троицу, Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Шуйскій ямъ, Тотьму, Устюгъ, Ляльскъ, Кай-городъ, Соликамскъ, Чердынь, вверхъ по Вишерѣ, потомъ черезъ Камень въ р. Лозьву, внизъ въ Тавду, Тавдою

[1]) Костомаровъ. «Очеркъ торговли Моск. госуд.», стр. 113 и слѣд.

Digitized by Google

внизъ до Тобола, Тоболомъ вверхъ до устья Туры, а Турою вверхъ до Тюмени,—составлялъ до Соликамска 1.754 и оттуда до Тюмени около 2.000 верстъ; южный путь шелъ на Владиміръ, Муромъ, Нижній-Новгородъ, Козьмодемьянскъ, Санчурскъ, Яранскъ, Котельничъ, Хлыновъ и въ Кай-городѣ присоединялся къ первому; онъ былъ нѣсколько короче и составлялъ отъ Москвы до Соликамска 1.720 верстъ. Смотря по удобству, сибирскій путь замѣнялся водянымъ сообщеніемъ: Москвою рѣкою, Окою, Волгою и Камою до Соликамска. По указу Ѳедора Ивановича велѣно было провѣдывать прямую дорогу отъ Соликамска въ Сибирь. Крестьянинъ Верхняго Усолья, Артемій Бабинъ, нашелъ этотъ прямой путь, сократившій разстояніе почти вчетверо (отъ Соликамска до Тюмени 634 версты). Дорога эта, направленная на то мѣсто, гдѣ впослѣдствіи построено было Верхотурье, оконченная чрезъ годъ, названа была Бабиновскою и считалась единственнымъ путемъ, торговымъ и правительственнымъ, до самаго уничтоженія внутреннихъ таможень, такъ что послѣдній указъ, запрещавшій миновать Верхотурье и учреждавшій съ этою цѣлью заставы, состоялся 27 сентября 1754 г. (Полн. Собр. Зак., № 10302). Остатки Бабиновской дороги существуютъ понынѣ, служа въ зимнее время для сообщенія съ ирбитскою ярмаркою купцовъ вологодскихъ, соликамскихъ и чердынскихъ. Кромѣ того, для облегченія водянаго пути р. Турою, основана была колонія плотниковъ, въ видѣ острога на берегахъ Туры, въ Вогульскомъ юртѣ Баенды и Юрша Килтыевыхъ [1]). Само собою разумѣется, что новый путь тотчасъ же сталъ заселяться. Въ 1598 г. основанъ былъ на Турѣ г. Верхотурье и учреждено тамъ особое воеводство, принадлежавшее къ Сибири; въ 1600 г. построили большой гостиный дворъ, и открыта тамъ таможня для сибирской торговли, уничтоженная вмѣстѣ съ другими внутренними таможнями въ 1754 году, и учрежденъ ямъ. Городъ Верхотурье вскорѣ пріобрѣлъ важное торговое значеніе: Верхотурье былъ первый сибирскій городъ на пути въ Россію и главное складочное мѣсто. Служилые люди, ѣхавшіе въ Сибирь, здѣсь дѣлали закупы разныхъ потребностей въ большомъ количествѣ, не надѣясь ихъ найти въ Сибири, или желая купить дешевле, а это побуждало купцовъ привозить туда значительное количество разныхъ запа-

[1]) Крупенина, «Краткій очеркъ заселенія Пермскаго края». «Перм. Сборн.», т. I, Стр. 19.

Digitized by Google

совъ. Тутъ же, и еще въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ Лялинской волости, производился торгъ съ Вогуличами: русскіе вымѣнивали у нихъ мѣха, лосиныя и оленьи кожи, хмѣль, рыбу, и потому въ послѣднемъ мѣстѣ учреждена была таможня для пошлиннаго сбора. Вскорѣ послѣ основанія Верхотурья, въ Меркушинѣ, 50 верстъ ниже Верхотурья, на Турѣ, устроена пристань для судовъ, отправлявшихся въ Тюмень. Такимъ образомъ путь чрезъ Верхотурье сдѣлался офиціальнымъ и обязательнымъ, такъ что правительство преслѣдовало всѣ другія дороги [1]). Вскорѣ, въ этой безлюдной странѣ построенъ на той же Турѣ, ниже Верхотурья, Туринскій острогъ, по однимъ свѣдѣніямъ въ 1607 г., головою Яновымъ, а по другимъ, въ 1600 г., головою Лихаревымъ: первоначальное его заселеніе состояло изъ ямщиковъ и крестьянъ, перешедшихъ сюда изъ поморскихъ городовъ, по собственной охотѣ, для подводной гоньбы. Далѣе возникли слободы по самой Турѣ: Усть-Тагилъ, Усть-Салда, Благовѣщенская, въ 40 верстахъ выше Туринска. Но колонизація, начавшаяся здѣсь съ самаго начала XIII столѣтія, оставивъ этотъ сѣверный, негостепріимный край, вскорѣ спустилась южнѣе и первоначально держалась праваго притока Туры—рѣки Ницы, составляющейся изъ двухъ рѣкъ: Нейвы и Режа, и принимающей въ себя у г. Ирбита рѣку Ирбить. По крайней мѣрѣ, древнѣйшія въ томъ краю слободы стоятъ по этимъ рѣкамъ, гдѣ въ то время, именно по р. Ницѣ, жили татары; такъ Невьянская слобода основана въ 1619 г., въ 1633 г.—Ирбитская, въ 1628 г. одинъ татаринъ объявилъ желѣзную руду недалеко отъ Ницы, вслѣдствіе чего здѣсь основался Ницынскій желѣзный заводъ или плавильня, впослѣдствіи уничтожившійся, и возникла тогда же Ницынская слобода; въ 1637 г. населилась слобода Рудная, существующая до сихъ поръ въ 40 верстахъ отъ Ирбити; въ 1640 г.—слоб. Мурзинская на р. Нейвѣ и т. д. Въ 1662 году башкирцы нашли уже тамъ и разорили острогъ Невьянскій и Арамашевскій (по р. Режу). Ирбитская слобода скоро пріобрѣла важное значеніе. Плодородіе почвы привлекло сюда много переселенцевъ изъ Россіи, и купцы предпочитали Бабиновской пустынной дорогѣ вновь открывшуюся дорогу изъ Верхотурья на

[1]) «Акты истор.», т. I, стр. 139; Грам. верхотур. воеводѣ 1659 г.: «и нынѣ де положена изъ Сибири, мимо Верхотурскую заставу дальняя вновь окольняя дорога по слободамъ, черезъ Утку и Кунгуръ на Каму рѣку... а за Верхотурьѣ де, въ томъ проѣздѣ пошлинному сбору, для тое новыя дороги, передъ прежними годы, чинится недоборъ многой»... Полн. Собр. Зак., №№ 1030, 1518.

Digitized by Google

Салдинское село, Мугайское, Невьянскій монастырь, Невьянскую слободу, Рудную, Ницынскую, Ирбитскую, Киргинскую, Чубарову, Верхъ-Ницынскую, Краснослободскій острогъ, Усть-Ницынскую въ Тюмень (отъ Соликамска до Тюмени 644 версты, т. е. на 10 верстъ длиннѣе Бабиновской). Первоначально, въ Ирбитской слободѣ образовался обыкновенный торгъ, куда съѣзжались окрестные жители, а впослѣдствіи начали являться и инородцы со своими товарами. Сосредоточенію торговли въ Ирбити способствовало еще то обстоятельство, что товары, задерживаемые въ Верхотурской таможнѣ, не достигали зимнимъ путемъ до Тобольска и должны были останавливаться въ Туринскѣ или Тюмени, вслѣдствіе чего сибирскіе торговцы начали выѣзжать въ Ирбитъ, гдѣ останавливались товары. Указомъ, изданнымъ около 1643 г., Михаилъ Ѳедоровичъ утвердилъ существованіе Ирбитской ярмарки, а въ 1687 г. построены были уже лавки для пріѣзжающихъ торговцевъ и велѣно сбирать таможенныя пошлины съ товаровъ въ Верхотурскую таможню. Впослѣдствіи, для пользы купечества, повелѣно было всѣ товары, идущіе въ Ирбитъ, пропускать чрезъ Верхотурье безостановочно, не взимая пошлины, которыя платились уже въ Ирбитѣ. На время ярмарки сюда пріѣзжалъ изъ Верхотурья воевода. Ирбитская слобода переименована городомъ по указу 13 февраля 1775 г. «за непоколибимую вѣрность жителей», во время нападенія на тотъ край Пугачевскихъ шаекъ въ 1774 году [1]). Что въ началѣ XVII столѣтія мѣстность по притокамъ Туры была уже достаточно заселена, доказывается тѣмъ, что послѣ учрежденія Тобольской митрополіи (1621 г.), при первомъ митрополитѣ Кипріянѣ, возникли въ этой мѣстности монастыри: Невьянскій Богоявленскій, Введенскій на р. Нейвѣ, Рождественскій на р. Тагилѣ, Покровскій близь села Покровскаго; всѣ эти монастыри были упразднены при введеніи штатовъ въ 1764 г.

[1]) Въ настоящее время ирбитская ярмарка составляетъ вообще около половины оборотовъ нижегородской и, послѣ нея, занимаетъ первое мѣсто; слѣдующая за ирбитской, по суммѣ оборотовъ, полтавская ярмарка, самая значительная изъ малороссійскихъ, вполовину менѣе ирбитской. Ирбитская ярмарка составляетъ послѣ нижегородской главнѣйшій рынокъ для всей Сибири и кяхтинской торговли, а также для всей восточной полосы Россіи, особенно для губерній: Пермской, Вятской, Оренбургской и отчасти Казанской. Тѣмъ не менѣе, Ирбитъ имѣетъ значеніе только транзитнаго пункта, важность котораго обусловливается единственно пролеганіемъ торговаго пути и сейчасъ же падетъ съ проложеніемъ новой дороги.

Digitized by Google

Верхотурскіе промышленники проникли даже за Уральскій хребетъ въ чердынскіе предѣлы: нѣсколько верхотурскихъ промышленниковъ получили дозволеніе поселиться на р. Косьвѣ, но такъ, чтобы вогуламъ «тяжести не было». Послѣдствіемъ этого была такая жалоба вогуловъ:

«А какъ государи, въ ясашныхъ угодьяхъ русскіе люди начали всякихъ звѣрей и рыбу ловить, и тѣмъ насъ сиротъ изобижати, и у насъ сиротъ при прежнемъ ловли начало быть гораздо мало. И буде государь впредь русскіе люди въ чердынскія ясашныя угодья, *въ которыхъ они при прежнихъ вогуличахъ не бывали*, учнутъ соболей и иныхъ звѣрей и рыбу ловить, и намъ сиротамъ будетъ всѣмъ и достальнымъ съ голоду разбрестись въ разныя, ваши же великихъ государей, сибирскія кормовыя мѣста» (грамота, напечатанная въ «Путеш. въ Чердынь» и пр. Берга).

Другой приливъ колонизаціи подвигался въ то же время съ юга: южная часть Пермской губерніи,—части уѣздовъ Осинскаго, Кунгурскаго, Красноуфимскаго и за Ураломъ югъ Екатеринбургскаго, Камышловскій и Шадринскій—представляетъ черноземную полосу, хлѣбородную, хорошо орошенную, изобилующую лиственнымъ лѣсомъ и прекрасными пажитями, въ Красноуфимскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ растетъ дикая вишня, въ Шадринскѣ созрѣваютъ высокіе сорта пшеницы. Эту мѣстность занимали инородцы: башкиры, татары (сылвенскіе и иренскіе), остяки, черемисы, вогулы.

Башкирцы, народъ, по мнѣнію оріенталистовъ, происшедшій отъ смѣшенія племенъ финскихъ и турецкихъ, обитавшихъ здѣсь еще въ началѣ нашей эры, первоначально, по всей вѣроятности, жили по ту сторону Урала; по крайней мѣрѣ, туземныя преданія, приведенныя Рычковымъ въ его «Оренбургской топографіи» (Ежем. соч. 1762 г., стр. 111 и слѣд.) и расказы русскихъ старожиловъ, помѣщенные въ приводимой нами ниже челобитной исетскихъ слобожанъ, указываютъ, что башкирцы уже впослѣдствіи перешли за Камень и распространились въ обширномъ водоемѣ рѣкъ: Камы, Уфы, Бѣлой, Ика, Ая, Исети и Міяса, въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: Уфимской, Оренбургской, части Пермской и прилегающихъ земляхъ Оренбургскаго и Уральскаго казачьяго войска. Башкирцы, до покоренія Казани и добровольнаго принятія русскаго подданства въ 1557 г., повиновались, по извѣстію, сообщенному Рычковымъ, разнымъ властителямъ: зауральскіе башкиры—сибирскому хану, жившіе по рр. Бѣлой и Ику—

Digitized by Google

казанскому, а горскіе—ногайскимъ ханамъ; но впослѣдствіи они подпали однодержавству какого-то хана Акназара, совершенно ихъ разорившаго, вслѣдствіе чего башкирцы вновь разсѣялись. Въ книгѣ «Большаго Чертежа» значится: «а отъ устья рѣки Бѣлыя Воложки по рѣкѣ по Уфѣ, по обѣимъ сторонамъ и до Аральтовой горы и далѣ, все живутъ башкирцы, а кормленіе ихъ: медъ, звѣрь, рыба, а пашни не имѣютъ». Въ приводимой нами ниже челобитной исетскихъ слобожанъ, башкирскія кочевья указаны по рр. Исети, Міясу и Течи, въ нынѣшнихъ: Красноуфимскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ, гдѣ встрѣчаемъ мы ихъ и теперь. Татары въ Пермской губерніи жили по ту сторону Урала, въ нынѣшнемъ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ водоемѣ р. Туры и по сю сторону по рѣкамъ Сылвѣ и Ирени; по всей вѣроятности, послѣдніе были выходцы изъ-за Урала и принадлежали къ сибирскимъ юртамъ. Остяки упоминаются въ писцовыхъ книгахъ; на земляхъ ясачныхъ вогуловъ поселены имѣнія государственныхъ крестьянъ (на пр., дер. Кленовая, что была прежде крѣпость Кленовая). Черемисы въ небольшомъ количествѣ жили разбросанными въ южной половинѣ Пермской губерніи. До сихъ поръ изъ всѣхъ названныхъ инородцевъ, башкиры, вѣроятно, съ соплеменными мещеряками и тептерями, составляли главную массу инородческаго населенія въ такъ называемой Башкиріи. Башкирскій вопросъ въ XVII и въ особенности въ XVIII столѣтіи имѣлъ для Россіи громадную важность. «Послѣ того [1]), какъ пали мусульманскіе юрты: казанскій, астраханскій и сибирскій, какъ на мѣстѣ мечетей воздвигнуты были христіанскіе храмы, на мѣсто князей и мурзъ, управлявшихъ судьбами этихъ юртовъ, появились тамъ русскіе воеводы и другіе служилые люди русскаго царства,—еще далеко не уничтожились тѣ стремленія, которыя связаны были съ независимымъ существованіемъ покоренныхъ племенъ. Не находя для себя простора въ земляхъ, входившихъ въ составъ прежнихъ мусульманскихъ ханствъ, поборники общественнаго строя, основаннаго на господствѣ князей и мурзъ, ревнители вѣры Магомета, обратили вниманіе на Башкирскій край, какъ на сподручный для себя притонъ. Туземное населеніе его, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ башкирскихъ семействъ, вслѣдствіе бѣдности и совершеннаго отсутствія ка-

---

[1]) Инородческое населеніе въ Новой Россіи. Н. Фирсовъ. Казань. 1869 г., стр. 231 и 232.

Digitized by Google

кого либо образованія, скоро подчинилось вліянію этихъ выходцевъ, не находившему нигдѣ соперничества, тѣмъ болѣе, что они навсегда поселились въ краю этомъ, увеличивъ тѣмъ количество его населенія, дотолѣ ничтожнаго по численности [1]) и презираемаго за его грубость и невѣжество другими мусульманами. Башкирцы въ какіе-нибудь 50—60 лѣтъ фанатизированы были на магометанскій ладъ и явились послушнымъ орудіемъ въ рукахъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ потомковъ прежнихъ татарскихъ хановъ и мурзъ, не хотѣвшихъ примириться съ новымъ порядкомъ вещей, который былъ необходимымъ послѣдствіемъ завоеванія Русскими магометанскихъ восточныхъ ханствъ, и тѣмъ охотнѣе Башкирцы принимали ихъ сторону въ борьбѣ съ Россіей, что всякое враждебное дѣйствіе ихъ противъ Русскихъ обѣщало имъ поживу, до которой такъ падки полукочевые народы. Башкирскій край сдѣлался собственно колоніей Татаръ, не хотѣвшихъ подчиниться русской власти и не терявшихъ вѣры въ возможность возврата стараго магометанскаго порядка вещей. Сюда они перенесли всю вражду къ Русскимъ и здѣсь возобновили, опираясь на Башкирцевъ и на благопріятныя для себя условія мѣстности лѣсистой и гористой, ту борьбу, въ которой на берегахъ Волги, Тобола и Иртыша мусульманскіе муллы, князья и мурзы должны были уступить побѣду народу, боровшемуся съ ними во имя христіанскаго Бога и великаго государя, представителя и главы христіанскаго общества. Открывшаяся тутъ, въ этомъ пунктѣ борьба была такимъ образомъ борьбою Русскихъ не съ полукочевымъ только, отстаивавшимъ свою независимость и обычаи родоваго быта, башкирскимъ народомъ, но и со старымъ магометанствомъ, была продолженіемъ борьбы Русскихъ съ послѣдователями Магомета, имѣвшей мѣсто въ XV и XVI вѣкахъ. Ближайшимъ, видимымъ поводомъ къ башкир-

---

[1]) Въ запискѣ 1730 г., составленной уповательно Волынскимъ,—говорится: «чрезъ 20 прошедшихъ лѣтъ не было прямыхъ башкирцевъ больше 35 т. или по крайней мѣрѣ 40 т., а нынѣ съ бѣглецами стало больше 100 т., а именно: казанскіе, сибирскіе и прочихъ уѣздовъ ясачные татары большая половина въ башкиры перешла. Къ тому же и прочіе иновѣрцы: мордва, чуваши, черемисы и вотяки цѣлыми селами и деревнями съ ясаковъ туда перешли.... а нынѣ и русскихъ немалое число отъ подушныхъ податей бѣглецовъ въ башкиры перешло, какъ я о томъ отъ многихъ низовыхъ помѣщиковъ единогласно слышалъ (нарочные имѣя о томъ разговоры)». Тамъ же, стр. 228 и 229, Ср. П. С. З., № 3892.

Digitized by Google

скимъ возстаніямъ, въ XVII и XVIII вѣкѣ, были, большею частію, неистовые поступки и притѣсненія мѣстнаго начальства, «дурости воеводъ», какъ выражались современные указы. Выставляемыя требованія заключались въ домогательствахъ льготъ въ податяхъ, неприкосновенности старыхъ башкирскихъ обычаевъ и правъ, независимости отъ вѣдомства казанскаго губернатора и пр.; но смыслъ упорной борьбы, продолжавшейся болѣе столѣтія (съ 1662 года до пугачевскаго бунта, гдѣ башкирцы въ послѣдній разъ принимали участіе), носилъ чисто политическій характеръ. Еще въ 1679 году, когда башкирцы сбирались на Кунгуръ,—они говорили: «Чигиринъ турки и крымцы взяли и государевыхъ людей побили, и мы будемъ воевать, потому что мы съ ними одна родня и душа». Въ особенности башкирское повстанье усилилось съ экспедиціи Кирилова для заложенія Оренбурга: башкирцы поняли, что новое русское движеніе, въ тылъ башкирцамъ, окончательно охватывало ихъ край, отрѣзывало отъ азіатскихъ кочевьевъ союзниковъ и должно было привести къ окончательному замиренію Башкиріи,—поняли и вступили въ отчаянную борьбу. Это замиреніе Башкиріи, важное и необходимое въ государственномъ смыслѣ, было одной изъ самыхъ кровавыхъ драмъ въ русской исторіи; не говоря уже о всеобщемъ и конечномъ разореніи, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Рычковымъ, башкирское населеніе съ 1735 по 1745 годъ лишилось убитыми въ бояхъ, казненными, умершими подъ карауломъ, сосланными въ остзейскіе полки и въ работу въ Рогервикъ (нынѣ Балтійскій портъ) и розданными въ рабство 28.491 человѣкъ, 696 жилыхъ деревень было разорено; но «о числѣ показанныхъ, говоритъ Рычковъ,—утвердиться не можно, ибо много происходило, особливо отъ нерегулярныхъ людей, того о чемъ никакихъ рапортовъ подано не было, но еще и нарочно убитыхъ злодѣевъ таили». Казни отличались свирѣпостью: вѣшали за ребра, сажали на колъ, рубили на мелкія части. И такъ поступали не одни главные начальники, кн. Урусовъ и Соймоновъ,—даже, на примѣръ, подъ начальствомъ отряднаго командира подполковника Павлуцкаго, побили 1.650 человѣкъ, да въ полонъ взяли 1.445 человѣкъ; изъ того числа на страхъ прочимъ ворамъ повѣшено 183 человѣка (!?) [1]....

Извѣстно, что послѣ покоренія Казани и Астрахани, когда

---

[1]) Мат. для ист. Сибири, собр. Потанинымъ, Чт. Общ. И. и Д. 1866 г., IV, 4 и 5.

Digitized by Google

ужасъ обуялъ магометанское населеніе и между нимъ распространилось вѣрованіе, «наши книги говорятъ, что всѣ бусурманскіе государи русскому государю поработаютъ»,—башкиры вступили добровольно въ русское подданство, съ условіемъ, что они должны по прежнему оставаться полными владѣльцами земель и чтобы русское правительство всегда охраняло ихъ земельныя права, какъ отъ самовольныхъ завладѣній внутри ихъ вотчины, такъ и извнѣ отъ набѣговъ на нее ногаевъ и киргизъ-кайсаковъ. Эти условія закрѣплены грамотою Ивана Грознаго 1557 года, данною владѣтельному колѣну уфимскихъ башкиръ, Гаинской волости, Осинской дороги. Грамоту эту подтвердилъ Ѳедоръ Ивановичъ. Между прочимъ, эти условія способствовали тому, что башкирцы, и въ настоящее время плохіе земледѣльцы, владѣютъ громадными пространствами самой плодоносной земли, по 60 десятинъ на душу и болѣе, и вѣковыми лѣсами по Бѣлой и Камѣ, гдѣ они, въ послѣднее время, съ разрѣшеніемъ продажи башкирскихъ земель, отдаютъ свои лѣса на срубъ промышленникамъ за нѣсколько сотенъ рублей и нѣсколько ведръ водки, до которой башкирцы большіе охотники [1]).

Колонизація башкирскихъ земель началась тотчасъ же по принятіи подданства,—а вслѣдъ за ней и бунты. Со стороны низовьевъ Камы и Бѣлой построены: въ 1554 г. Бирскъ, а въ 1586 г. Уфа. Къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича [2]) начата старая Закамская линія, оконченная уже при Алексѣѣ Михайловичѣ. Она начиналась по Волгѣ у пригорода Бѣлаго Яра, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ., шла вдоль Малаго Черемшана на пригороды: Ерыклинскъ, Тіинскъ (Ставропольскаго уѣзда), переходила въ Спасскій уѣздъ, Казанской губ., далѣе чрезъ пригороды Билярскъ (Чистопольскаго уѣзда), пригородъ Новошемшинскъ (у истоковъ Черемшана), на Шемшинскъ (того же уѣзда), на слободу Екатерининскую, пригороды Заинскъ (Мензелинскаго уѣзда) и пройдя чрезъ Мензелинскъ (построенный въ 1645 г.), оканчивалась у р. Ика, близъ села Троицкаго. Пригороды эти населены были стрѣльцами и служилыми людьми, а по окончаніи польской войны, при Алексѣѣ Михайловичѣ, здѣсь же поселены выведенные поляки. Линія Закамская состояла изъ ряда валовъ

[1]) Это истребленіе башкирскихъ лѣсовъ, куда устремились всѣ вятскіе лѣсопромышленники, кромѣ другихъ вредныхъ послѣдствій, весьма дурно вліяетъ на отпускъ лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ Вятской губерніи.

[2]) Иванинъ, Вѣст. Геогр. Общ. 1851 г. въ отд. VI, 57—78.

Digitized by Google

въ степяхъ, засѣкъ и заваловъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, съ небольшими укрѣпленіями по мѣстамъ, слѣды которыхъ существуютъ и донынѣ. Со стороны Пермской губерніи возникла Оса [1]). Еще во времена Грознаго, на такъ называемомъ Осинскомъ городищѣ устроена была Новоникольская слобода. Вскорѣ, на мѣстѣ этой слободы (?), основана была крѣпостца Осинская; а когда, по грамотѣ царя Ѳедора Ивановича, поселились тутъ выходцы изъ Калуги, Усолья, Верхокамска, Кай-города и Устюга, въ 1596 г., крѣпостца эта превращена въ пригородокъ, съ своимъ мѣстнымъ управленіемъ [2]). Съ этихъ поръ башкирцы получили раздѣленіе на дороги (отъ татарскаго даруга, волость), Казанскую, Ногайскую, Осинскую и Сибирскую. Въ половинѣ XVII столѣтія русская колонизація подвинулась далѣе внутрь страны съ основаніемъ Кунгура.

Въ Кунгурской лѣтописи, составленной кунгурскимъ городовымъ старостою Гр. Ив. Пиликинымъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, сказано: «съ начала на Кунгурѣ и въ уѣздѣ онаго, жители обитать начали съ 7156 (1648) года, въѣзжіе изъ Чердыни и Соликамска, изъ-за монастырей и изъ-за вотчинниковъ и новоприходцы вятчане и кайгородцы, Сольвычегодска и Устюга Великаго, въ прежнія времена называемые посадскіе люди и уѣздные крестьяне и бобыли, кои прежній городъ Кунгуръ *сами собой*, на купленой у татаръ землѣ, построили 7157 (1649 г.) на рѣчкѣ Ирени, по теченію внизъ на правомъ берегу». Въ 1662—63 годахъ этотъ старый Кунгуръ былъ разоренъ уфимскими башкирами и кунгурскими татарами, и по челобитью кунгурцевъ прислана грамота отъ Алексѣя Михайловича (1663), вслѣдствіе которой кунгурцы спустились на 17 верстъ ниже, и между рѣкою Иренью и Сылвой основали теперешній Кунгуръ въ 1664 году.

Кунгуръ, рѣкою Сылвой сообщавшійся съ Камою и построенный на окраинѣ плодородной, черноземной полосы, скоро пріобрѣлъ важное торговое значеніе и русское населеніе подвигалось отсюда къ югу, вглубь инородческихъ владѣній, основывая въ первой половинѣ XVII вѣка (послѣ 1623 г.) вблизи Кунгура остроги Ординскій, Медянскій, Торговскій или Торговищенскій. Первые два существуютъ нынѣ въ видѣ простыхъ селеній на теперешнемъ торговомъ трактѣ въ Уфу, а Торговское село на рѣкѣ Сылвѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ уголъ, круто повора-

[1]) Поповъ «Татищевъ и его время» утвердительно показываетъ, что Оса построена въ 1557 году (стр. 162).

[2]) Крупенинъ, «Перм. Сборн.», т. I, 41 прим. 69.

Digitized by Google

чивая на востокъ; судя по своему названію и положенію, оно было, по всей вѣроятности, въ прежнія времена крайнимъ мѣновымъ пунктомъ съ инородцами. И здѣсь колонизація была рѣчная, распространявшаяся по рѣкѣ Сылвѣ и ея притокамъ, Бардѣ, Шаквѣ и друг., но отъ главной рѣки, отъ Камы, свободная колонизація была отрѣзана владѣніями Строгоновыхъ. Вмѣстѣ съ заселеніемъ русскими Башкиріи, естественно открылся другой, болѣе южный, путь сообщеніи съ Сибирью: на Казань, Уфу, Кунгуръ и далѣе чрезъ Касли на Катайскій острогъ, въ нынѣшнемъ Камышловскомъ уѣздѣ, на Исетскомъ или Шадринскомъ трактѣ изъ Екатеринбурга, въ 22 верстахъ отъ Далматова, такъ что, не смотря на запрещеніе ѣздить съ товарами мимо Верхотурья и на преслѣдованіе воеводами всѣхъ проѣзжавшихъ иными, кромѣ указаннаго, путями, правительство принуждено было въ 1680 году учредить въ Катайскомъ острогѣ постоянную таможенную заставу. Около Кунгура до сихъ поръ сосредоточено самое густое населеніе, въ Пермской губерніи, по сю сторону Урала—русское, перемѣшанное съ татарами и состоящее изъ вольныхъ, государственныхъ крестьянъ; временно-обязанное же населеніе сосредоточено въ сѣверной окраинѣ Кунгурскаго уѣзда, которая входила въ Строгоновскую колонизацію. Вскорѣ послѣ основанія Кунгура начались башкирскіе бунты.

Въ 1662 г. на Исетѣ рѣкѣ «воинскіе люди измѣнники башкирцы и черемисы и въѣзжіе татары многія слободы повоевали, людей побили и скотъ отогнали и дворы выжгли»; въ то же время другая шайка повоевала весь Кунгуръ. Этотъ бунтъ, продолжавшійся съ 1662 по 1665 годъ, былъ въ связи съ продолжавшимися еще въ Сибири возстаніями Кучумовичей, и главнымъ предводителемъ здѣсь явился одинъ изъ Кучумовичей, сибирскій царевичъ Кучумъ. Мятежники опустошали на сѣверѣ волости Невьянскую и Ирбитскую, Арамашеву слободу, селенія по рѣкѣ Рѣжу и осаждали остроги Арамашевскій и Невьянскій. Въ 1679 году вспыхнулъ такъ называемый сеитовскій бунтъ, продолжавшійся до 1681 года. Эти бунты и вызванное ими передвиженіе башкирцевъ проложили путь русской колонизаціи въ южную зауральскую окраину Пермской губерніи въ половинѣ и въ особенности, въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Причины и ходъ этой колонизаціи обстоятельно объяснены въ любопытной «челобитной царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ отъ жителей сибирскихъ слободъ на башкирцевъ», напечатанной, съ заимствованными нами примѣчаніями, Н. К. Чупинымъ въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1868 годъ. Вотъ подлинныя слова этой любопытной челобитной:

Digitized by Google

«Въ прошлыхъ годѣхъ, при бытіи сибирскаго царя Кучума, по сибирской сторонѣ Камени Уралу [1]) подлѣ рѣкъ и озеръ, жили улусные его, Кучумовы, люди. А какъ Кучума царя съ улусными людьми Ермакъ Тимофѣевичъ побилъ, и Сибирь взялъ, и многихъ татаръ подвелъ подъ вашу государскую высокую руку, въ ясашный платежъ вѣчно, и послѣ того Сибирь распространилась къ Уралу-Камени, по рѣкамъ и озерамъ пріѣзжали для промысловъ тобольскіе и тюменскіе служилые и ясашные татары и владѣли на сибирской сторонѣ Камени землями и угодьи по заимкамъ, кто гдѣ занялъ. Потому въ тѣ годы въ Тобольскомъ уѣздѣ по Исети и Тоболу, и по Пышмѣ, и по Міясу и по инымъ рѣкамъ вашихъ государскихъ остроговъ и слободъ, за малолюдствомъ, было мало; и башкирцы въ то время жили за Каменемъ въ Уфимскомъ уѣздѣ по Бѣлой и Аю [2]), и по Уфѣ, и по инымъ рѣкамъ и въ иныхъ тамошнихъ мѣстахъ. И какъ они, башкирцы, отцу вашему, великому государю Алексѣю Михайловичу, измѣнили [3]), не хотѣли ясаку платить, на Уфу, по Камѣ рѣкѣ, многія русскія деревни войной разорили, и отъ того воровства бѣжали съ уфимской стороны Камени на сибирскую сторону, и подлѣ Міяса, и Течу [4]), и подлѣ иныя рѣчки и озера на угодныхъ мѣстахъ почали жить; а тобольскимъ и тюменскимъ татарамъ давали наемъ, кортомныя деньги, по ихъ татарскому званію *калымъ*. И живучи на тѣхъ земляхъ и угодьяхъ, ихъ, башкирцевъ, умножилось. И чая отъ нихъ шатости, для осторожности городовъ и слободъ, по указу отца вашего, великихъ государей, блаженныя памяти великаго государя, въ Тобольскомъ уѣздѣ по Исетѣ и по инымъ рѣкамъ остроги и слободы построены, а мы, холопы ваши, въ бѣломѣстные казаки прибраны и для прибыли вамъ, великимъ государямъ, мы, сироты ваши, въ крестьяне поселены, платимъ денежные (и) хлѣбные оброки и десятинную пашню пашемъ. А они, башкирцы, живучи на сибирской сторонѣ Камени, подговоривъ себѣ въ по-

---

[1]) *Ураломъ* въ древнихъ памятникахъ называется часть хребта, составляющая водораздѣлъ въ нынѣшнемъ Златоустовскомъ округѣ, и нѣсколько на югъ и сѣверъ, т. е. то, что въ географіяхъ называется южнымъ Ураломъ. См. Путеш. Акад. Лепехина.

[2]) *Ай*, притокъ Уфы, беретъ начало въ Троицкомъ уѣздѣ изъ горы Калгана вблизи истоковъ Урала, Бѣлой, Міяса и Уя, до Златоуста течетъ между горами, а потомъ выходитъ въ степь.

[3]) *Течa*, вытекаетъ въ южной части Екатеринбургскаго уѣзда изъ озера Кызылташа и близъ Далматова впадаетъ съ правой стороны въ р. Исеть.

[4]) Сеитовскій бунтъ 1679—1681 года.

Digitized by Google

мочь калмыковъ и призвавъ многихъ иноземцевъ изъ Казанскаго уѣзду, и тобольскихъ и тюменскихъ татаръ, и вдругорядь отцу вашему, великихъ государей, блаженныя памяти великому государю измѣнили [1]), приходили въ Тобольскій уѣздъ на ваши государскія слободы войною. И отъ того воровства, вашимъ государскимъ указомъ, полковою службою ихъ, башкирцевъ, смирили. Съ сибирской стороны Камени они, башкирцы, бѣжали въ Уфинскій уѣздъ на прежнія свои жилища. И послѣ того, не въ давныхъ лѣтѣхъ, переѣхавъ они, башкирцы, изъ Уфинскаго уѣзду на сибирскую сторону Камени, и самовольно на вашихъ великихъ государскихъ сибирскихъ земляхъ и угодьяхъ подлѣ озера Чебаркуль, и Кызылташъ, и Аргазю, и Увельды, и Зынкуль, и подлѣ Иртяшъ, и Касли, и Чебакуль, и Алакъ, и Маянъ, и иныя озера, и подлѣ рѣки Міясъ, Течу, и Караболку, и Синару и иныя рѣчки [2]) почали жить и многими землями съ угодьи рыбными и звѣриными промыслы владѣютъ. И чая отъ нихъ, башкирцевъ, впредь шатости, для осторожности, по Исетѣ, по Міясу, по Течѣ и по инымъ рѣчкамъ построены далѣе Катайскаго острогу и Колчеданскаго острогу и Камышевская, Арамильская, Багарятская, Бѣлоярская на Течѣ, и Верхняя Міясская, и Средняя Міясская, Окуневская и Новопещанская слободы [3]) на вашихъ государскихъ проѣзжихъ земляхъ и

[1]) Озеро *Чебаркуль* въ Оренбургской губ., въ 64 верстахъ отъ г. Челябы, весьма обильное рыбой; озера: *Кызыльташъ*, *Иртяшъ*, *Увельды*, *Касли*, *Алакъ*, находятся въ южной части Екатеринбургскаго уѣзда, *Чебакуль* на границѣ Екатеринбургскаго и Шадринскаго уѣздовъ, *Маянъ*—самое большое озеро въ Пермской губерніи, въ Шадринскомъ уѣздѣ, *Аргази* озеро на границѣ Пермской и Оренбургской губерній, чрезъ него проходитъ р. Міясъ. Рѣка *Синара* вытекаетъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ изъ озера Синарскаго и въ Шадринскомъ впадаетъ въ Исеть, принимаетъ двѣ значительныя рѣки: *Багарякъ*—съ лѣвой и *Караболку*—съ правой стороны.

[2]) Говорится вѣроятно, о бунтѣ 1662 года (съ Кучумовичами).

[3]) *Катайскій* острогъ въ Камышловскомъ уѣздѣ, на Исетскомъ или Шадринскомъ трактѣ (изъ Екатеринбурга) въ 22 вер. отъ Далматова; *Колчеданскій острогъ* на томъ же трактѣ, ближе къ Каменскому заводу; *Камышловская слобода*—теперешній гор. Камышловъ; *Арамильская* слобода, въ 23 верстахъ отъ Екатеринбурга на Челябинскомъ трактѣ на Исети; сл. *Багарятская* на р. Багарякѣ, впадающей въ Синару; сл. *Бѣлоярская* на Течѣ, притокѣ Исети; сл. *Верхняя Міясская*, теперь село Міясское, бывшая Міясская крѣпость, верстахъ въ 27 ниже г. Челябы; сл. *Средняя Міясская—Окунева* въ 6 верстахъ выше устья Міясы въ Исеть въ Шадринскомъ уѣздѣ; сл. *Пещанская*, теперь село Пещанское у оз. Пещанскаго, въ южной части того же уѣзда, близь границы Оренбургской губерніи.

Digitized by Google

угодьяхъ; и въ тѣ остроги и слободы прибраны мы, холопи ваши, въ бѣломѣстные казаки и, для прибыли вамъ, великимъ государямъ, поселены мы, сироты ваши, во крестьяне, и съ тѣхъ земель и угодей платимъ вамъ, великимъ государямъ, денежные оброки и иные доходы. А башкирцы, Ямагуза съ дѣтьми и съ братьями, и иные башкирцы, Кошгильда и Ягильда съ братьями и съ дѣтьми, да Тоищъ Иткуловъ, Ермугуза.... Розметевъ, Урукайко Барагулковъ, Уруско съ товарищи на сибирской сторонѣ подлѣ Урала Камени въ вышеписанныя рѣки и озера насъ, холопей и сиротъ вашихъ, для рыбнаго и хмѣлеваго, и иныхъ промысловъ безденежно не пускаютъ, емлютъ кортомныя деньги, и въ селидьбѣ земель и угодій всякое утѣсненіе чинятъ. А у насъ, холопей и сиротъ вашихъ, кромѣ тѣхъ рѣкъ и озеръ, на сибирской сторонѣ Камени, для промысловъ иныхъ такихъ угодныхъ мѣстъ, нѣтъ»....

Колонизація, въ исходѣ XVII столѣтія, спустилась на берега Пышмы и Исети. Въ особенности густо населены были берега послѣдней рѣки: на ней лежали, въ предѣлахъ Пермской губерніи, слободы, начиная отъ устья, Мехонскій острогъ (1660 г.), Усть-Міясская, (1670 г.), Средне Міясская, Окуневская (впослѣдствіи Окуневскій острогъ, построенная въ 1676 г.), Чумляцкая, Верхне-Міясская, Маслянская (впослѣдствіи Маслянскій острогъ 1668 г.), Барневская (1686 г.), Шадринская (построена въ 1662 г., впослѣдствіи г. Шадринскъ), Крутихинская, близь Далматова. Кромѣ того, въ Тобольской губерніи, въ нижнемъ теченіи Міяса, были основаны: Исетскій острогъ въ 1650 г., Красногорскій въ 1671 г., Бешкильская слоб. въ 1668 г., Инчалинская въ 1676 г., Терсюцкая въ 1668 г. Основаніе этихъ слободъ было чрезвычайно просто. Строили ихъ обыкновенно слободчики: такъ, Исетскій острогъ построилъ слободчикъ, изъ конныхъ казаковъ, Давыдъ Андреевъ; Шадринскую слободу и Масленскій острогъ слободчикъ Юшко, прозваніемъ Соловей; Барневскую слободу—слободчикъ Ѳедька Мазихинъ. Каждому изъ этихъ слободчиковъ отводилось, по указу изъ Тобольска, болѣе или менѣе обширное пустопорожнее мѣсто, куда слободчикъ приглашалъ поселенцевъ и самъ становился первою общественною властью; такъ къ основателю Исетскаго острога приходили изъ разныхъ городовъ охочіе люди и сказывались государственными крестьянами и переведенцами изъ Казани; здѣсь же селились и новообращенные иновѣрцы. Впослѣдствіи слободы на рѣкѣ Исети и вообще въ образованной въ 1737 г. Исетской

Digitized by Google

провинціи пополнялись бѣглыми помѣщичьими крестьянами и, вслѣдствіе требованій помѣщиковъ, по представленію Неплюева, 27 іюня 1744 г., состоялся указъ [1]), по которому велѣно было, «чтобы той провинціи не опустошить», всѣхъ бѣглыхъ до ревизіи 1719 г. оставить на прежнихъ мѣстахъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ за рекрута. Замѣчательно, что колонизаціонныя отношенія сохранялись здѣсь еще во времена Рычкова, и всѣ позднѣйшіе выселки и поселки, на землѣ, отведенной первоначально поселившейся слободѣ, приписывались къ послѣдней: такъ къ Усть-Міясской слободѣ приписано было 13 деревень, къ Мехонскому острогу два села и 23 деревни, къ Красногорскому острогу 12, къ Бешкильской слободѣ 7 деревень и т. д.

Кромѣ того въ исходѣ XVII столѣтія, какъ видно изъ вышеприведенной челобитной, существовали: Катайскій острогъ, построенный въ 1646—1651 г., Колчеданскій въ 1673 г., Камышевская слобода, на Пышмѣ, построенная въ 1667 г. и переименованная въ 1781 г. въ уѣздный городъ Камышловъ, вмѣстѣ съ Шадринскомъ, Калиновская, тоже на рѣкѣ Пышмѣ, Арамильская слобода—на рѣкѣ Арамилкѣ, впадающей въ Исети, на Челябинскомъ трактѣ, Багарятская—на рѣкѣ Багарякѣ, притокѣ Синары, Бѣлоярская—на рѣкѣ Течѣ, впадающей въ Исеть. На рѣкѣ же Исети основанъ въ 1644 г. Далматовъ монастырь тобольскимъ жителемъ, пришедшимъ сюда изъ Невьянскаго монастыря, Дмитріемъ Мокринскимъ, принявшимъ въ монашествѣ имя Далмата. Это было едва ли не первое русское поселеніе на Исети: по крайней мѣрѣ, по преданію, инокъ Далматъ нашелъ на Исети мѣста, занятыя тюменскими татарами, и его хотѣлъ выгнать вотчинникъ земли, татаринъ Иличей съ дружиною; тотчасъ послѣ построенія, монастырь былъ сожженъ калмыками (?), а въ 1662—64 осажденъ Кучумовичами. Вскорѣ, какъ вездѣ, окрестности монастыря начали заселяться, такъ что уже въ 1688 г. монастырь имѣлъ свою особую вотчину, а впослѣдствіи болѣе половины югозападной части Шадринскаго уѣзда приписано было къ нему [2]). Здѣсь монастырское управленіе, предъ самымъ отобраніемъ вотчины, въ 1762 г. вызвало крестьянское возстаніе, такъ названную *дубинщину*, подъ предводительствомъ крестьянина Дениса Жарнакова, толпою до

---

[1]) П. С. З. № 9006.

[2]) До учрежденія штатовъ, за Далматовскимъ монастыремъ было 2.150 душ. крестьянъ, Матер. для стат. 1841 г. Обозрѣніе древнихъ русскихъ зданій, Глаголева, стр. 166.

Digitized by Google

500 человѣкъ съ «уязвительнымъ оружіемъ». Возстаніе было направлено преимущественно противъ архимандрита Іакинфа, управлявшаго тогда монастыремъ.

Архимандритъ Іакинфъ былъ лице въ высшей степени замѣчательное и характеризуетъ нравы духовенства того времени (см. статью о немъ во II книжкѣ «Пермскаго Сборника»). Между прочимъ на него подана была жалоба лично въ синодъ священникомъ и дьякономъ, которыхъ онъ «наказалъ плетьми и принудилъ въ окрававленныхъ одеждахъ совершать литургію». Жалобы на него были безпрестанныя, въ особенности за то, что онъ, «возлагая на служителей труды, превышающіе человѣческія силы, при обходѣ работъ, билъ нещадно плетьми, за неисполненіе». Но архимандритъ, кромѣ жестокости, отличался еще любостяжаніемъ, былъ богатъ и потому всѣ мѣстные слѣдователи находили, что жалобы на него подавались «затѣйливо, изъ побужденій недоброхотства». Іакинфъ изъ Далматовскаго монастыря въ 1774 году переведенъ въ соликамскій Пыскорскій монастырь и въ 1793 году убитъ крестьянами Пыскорской волости, съ помощью монастырскихъ служителей.

Такимъ образомъ, русская колонизація въ зауральской половинѣ Пермской губерніи, начавшаяся съ первой четверти XVII столѣтія, вслѣдъ за проложеніемъ Бабиновской дороги, съ сѣвера, чрезъ Верхотурье, спускалась все къ югу по притокамъ Туры—по Салдѣ (Салдинское, Усть Салда), Тагилу [1]), Ницѣ, образующейся изъ сліянія рѣкъ Нейвы и Режа, Пышмы, Исети съ притоками ея Синарой, Течей и Міясомъ [2]). При этомъ чѣмъ южнѣе водоемъ, тѣмъ онъ населеннѣе, такъ что Исетскій водоемъ (въ среднемъ и нижнемъ теченіи) самый южный и вмѣстѣ самый населенный.

Эта зауральская полоса Пермской губерніи, пощаженная крѣпостнымъ правомъ, до сихъ поръ самая въ ней населенная и

[1]) Въ «Соликамскомъ Лѣтописцѣ» у Берга есть извѣстіе, что прежде Верхотурья и Тюмени существовалъ Верхъ-Тагилъ, «гдѣ казанскій котъ заѣлъ воеводу Рюма Языкова». Поселенія на Тагилѣ, вѣроятно, возникли вскорѣ послѣ Верхотурья.

[2]) Въ «Сибирскомъ Чертежѣ» 1672 г., изданномъ Спаскимъ, поименованы, кромѣ приведенныхъ выше, слободы: Тагильская на устьѣ Тагила, Салдинская на устьѣ Салды; по р. Ницѣ: Нижне-Ницынская, Верхне-Ницынская, Чубарова, Кирчинская; на р. Бобровкѣ Усть-Ирбитская; на р. Ирбитѣ Бѣлослутская; Ощепкова Ницинская; по р. Пышмѣ: Бѣляковская, Куярская, Ощепкова Пышминская; на р. Исети: Куринская. «Врем. М. Общ. Ист. Др». 1849, т. III, 1 и 2 грань.

Digitized by Google

богатая: первый по населенію въ губерніи Камышловскій уѣздъ (838 ч. на 1 кв. милю), затѣмъ Шадринскій (828 ч.), т. е. именно водоемы Пышмы и Исети, гдѣ поселены исключительно государственные крестьяне (кромѣ Каменскаго казеннаго завода въ Камышловскомъ уѣздѣ). Опустѣвшій поморскій край — сѣверъ Вятской губерніи, восточная половина Вологодской и Чердынь— сюда выслали свое населеніе въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, занявшее рядомъ благодатную окрайну Тобольской губерніи, на ея юго-западѣ, гдѣ уѣзды Ялуторовскій, Курганскій и Ишимскій, составляя только $^1/_{129}$ часть Сибири (безъ Киргизскихъ степей) по пространству, вмѣщаютъ въ себѣ *шестую* часть всего ея населенія.

Изъ всего сказаннаго выходитъ тотъ общій результатъ, что съ половины XVII столѣтія русская колонизація въ Пермской губерніи и Сибири покидаетъ нехлѣбородный и негостепріимный сѣверъ и мало-по-малу подвигается въ южное приволье, раздвигая инородческія племена. По сю сторону Урала, населеніе, оставляя за собою Чердынскій и Соликамскій край, группируется около Осы и Кунгура; по ту сторону—изъ Верхотурья, Тюмени и сѣверныхъ сибирскихъ городовъ оно населяетъ басейны: Пышмы, Міяса и Исети, гдѣ впослѣдствіи возникъ важнѣйшій горнозаводскій центръ—Екатеринбургъ; и занимаетъ благодатную Ишимскую степь, гдѣ плотно усѣлись самые цвѣтущіе и торговые города Сибири: Ишимъ, Курганъ, Петропавловскъ.

Въ Пермской губерніи, уже впослѣдствіи, послѣ основанія Екатеринбурга и вслѣдствіе важнѣйшаго башкирскаго бунта (Кильмякъ Абыза и Акая), вызваннаго экспедиціею Кирилова, для построенія Оренбурга, двѣ южныя колонизаціонныя группы, около Кунгура, по сю сторону Урала, и къ югу отъ Екатеринбурга, по ту сторону (Шадринскій уѣздъ и зауральская часть Красноуфимскаго), связаны были новыми русскими поселеніями. Въ 1735 г. основана была Красноуфимская крѣпость, и вдоль нынѣшняго почтоваго тракта вытянулся рядъ нынѣ несуществующихъ крѣпостей, начиная отъ Кунгура къ Екатеринбургу, крѣпости Бушуевская, Ачитская, Бисертская, Кленовская, Киргишанская, Гробовская. Тогда же, послѣ вступленія Татищева въ должность главнаго начальника Оренбургской экспедиціи, вмѣсто умершаго Кирилова, согласно съ мнѣніемъ генеральнаго совѣта, собраннаго имъ въ іюнѣ 1737 года въ Мензелинскѣ, провинці-

Digitized by Google

альное пермское воеводство переведено изъ Соликамска въ Кунгуръ и открыта вновь Исетская провинція.

Такъ двигалась русская колонизація въ Пермской губерніи, въ эпоху московскаго государства. Новый приливъ колонизаціи и новая жизнь настали для этого обширнаго края со времени Петровской преобразованной Россіи, чему мы посвятимъ слѣдующія статьи.

Н. Колюпановъ.

Digitized by Google

ВСЕСЛАВЯНСТВО *).

Slovník Naučný—Научный Словарь. Ред. *Фр. Ригеръ* и *Як. Малый*. Т. VIII. Прага.

I.

Подъ заглавіемъ «славянская взаимность», почтенное ученое изданіе помѣстило особую статью о славянахъ, въ которой оно говоритъ о взаимной связи и взаимныхъ сношеніяхъ славянъ, съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, стараясь, на основаніи всѣхъ извѣстныхъ данныхъ, вывести формулу и для будущаго славянства, какъ-бы въ опроверженіе ходячихъ понятій о всеславянствѣ. «Научный Словарь» положительно отрицаетъ возможность сліянія отдѣльныхъ славянскихъ народовъ въ одно сплошное государственное тѣло. Подобный трудъ, если бы кто принялъ его на себя, онъ называетъ работою Сизифа. По его мнѣнію, всѣ отношенія и условія, въ которыхъ издавна находились и до сихъ поръ находятся славянскіе народы, противорѣчатъ осуществленію всеславянства. По этому ученое изданіе спѣшитъ отожествить всеславянство, panslavismus, съ славянскою взаимностью. Но что такое взаимность? Это слово слишкомъ неопредѣленно. Мы понимаемъ, что бродячія толкованія всеславянства заставили устранить это слово для того, чтобы не дать почвы этимъ толкованіямъ, исходящимъ съ вражеской стороны. Всеславянство—это то же, что объединенная Германія; но это однако мечта будущаго и мечта, навязанная славянамъ извнѣ; въ сущности же теперь оно не болѣе, какъ пугало, созданное, для собственнаго устрашенія, воображеніемъ романо-

*) Изготовляемую для этой статьи карту, Редакція надѣется выслать своимъ подписчикамъ въ самомъ непродолжительномъ времени. *Ред.*

Digitized by Google

германскаго племени и, къ несчастію, усвоенное также нѣкоторыми отщепенцами изъ славянъ, не имѣющими ничего общаго съ жизнедѣятельностію и мировоззрѣніемъ славянства. Западно-европейскія племена, романское и нѣмецкое, выросшія и воспитанныя на подчиненіи себя и себѣ, откуда прямо истекаетъ безусловная необходимость единоличной власти и рѣзко ограниченной государственной области, гдѣ власть эта могла бы совершать свои отправленія,—поспѣшили придать всеславянству это ближайшее, сподручное и не болѣе, какъ свое собственное представленіе, и такимъ образомъ опередили самихъ славянъ, которые въ своихъ общеплеменныхъ стремленіяхъ еще не выработали опредѣленной цѣли и строго послѣдовательнаго способа дѣйствія. Это доказываетъ самое слово «взаимность». Въ немъ нѣтъ никакой конечной мысли, безъ которой не можетъ же двигаться великое племя. «Научный Словарь» заключаетъ свою статью единеніемъ славянъ въ области духа, совокупною работою надъ поднятіемъ степени общаго сознанія, просвѣтляющаго умъ и укрѣпляющаго волю, отчего зависитъ и политическая мощь. Образцомъ ихъ взаимныхъ отношеній онъ выставляетъ древнихъ грековъ и отсюда выводитъ формулу: «разнообразіе въ гармоніи». Но древніе греки видѣли надъ собою крутую власть Македоніи; такой примѣръ не можетъ быть утѣшителенъ для славянъ, которымъ предстоитъ имѣть дѣло съ иноплеменною новою Македоніею—и дѣло на жизнь и смерть. Сравненіе мы находимъ неудачнымъ. Единеніе духа—подвигъ слишкомъ идеальный, отвлеченный, который, подобно подвигу древнихъ грековъ, можетъ улетучиться подъ ударомъ суровой, безпощадной дѣйствительности. Славяне, безспорно, должны совершать подвигъ духа: иначе они не будутъ живымъ членомъ человѣчества; но одновременно съ просвѣтленіемъ духа въ сознаніи, безостановочно, шагъ за шагомъ, должно совершаться оправданіе этого сознанія въ положительной дѣйствительности. Одно безъ другаго быть не можетъ. Сами чехи служатъ тому лучшимъ примѣромъ. Вотъ почему мы считаемъ болѣе вѣрною или, по крайней мѣрѣ, болѣе ясною, другую формулу: «единство духа, единство дѣйствія».

Во всякомъ случаѣ, всеславянство и славянская взаимность далеко не одно и то же. Мы не имѣемъ надобности выдавать одно за другое и думаемъ, что можемъ смѣло называть вещь ея настоящимъ именемъ. Только дѣти со страху прячутъ лице въ

Digitized by Google

подушку. Всеславянство—будетъ ли то лживая мечта враждебныхъ племенъ, или дѣйствительность, выработанная самими славянами — есть, потому что о немъ говорятъ, его боятся, ему противодѣйствуютъ. Но его форма преждевременно сочинена на Западѣ, подъ не-славянскимъ воззрѣніемъ, и не можетъ относиться къ славянамъ. Всеславянство, какъ однообразное государственное тѣло, какъ единый сліянный славянскій народъ, возникло, какъ нѣчто дѣйствительно возможное, только въ представленіи романо-германскаго человѣчества, которое уже создало единую Великобританію, единую Италію и досоздаетъ единую Германію. Два главнѣйшія условія выставляетъ «Научный Словарь» какъ благопріятствующія тамъ такому сліянію: совмѣстное положеніе частей и одновременное, одностепенное и однородное развитіе, совершаемое по однимъ образовательнымъ началамъ. Прибавимъ сюда еще одно и, кажется, самое существенное условіе—выдержанность западнаго человѣка для подчиненности и государственности. Подкладка или основа единенія, какъ въ романскомъ и нѣмецкомъ, такъ въ славянскомъ племени одна и та же: это—мысль народности; но конечное выраженіе ея совершенно противуположно у тѣхъ и другихъ. На западѣ—давленіе силы народности, приводимой въ дѣйствіе личностями или партіями, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть. Отъ давленія недалеко и до насилія. Южная Италія, быть можетъ, никогда не признаетъ себя за безразличное цѣлое съ сѣверною Италіею, хотя и имѣетъ общее съ нею управленіе. И если бы не свѣжая еще память о бурбонскихъ и австрійскихъ тюрьмахъ и пыткахъ, и если бы не негодованіе на французское вмѣшательство, то заговоры и волненія въ Неаполѣ и Сициліи были бы, можетъ статься, гораздо значительнѣе и рѣшительнѣе. Вспомнимъ битву при Монтанѣ и рану Гарибальди. Какъ бы то ни было—созданіе государства, и столица Римъ, хотя бы и безъ короля въ Римѣ: вотъ крайній предѣлъ итальянскаго единенія. Объединенная Германія и въ ней непремѣнно императоръ, хотя бы и безъ столицы,—опять такое же государство, для котораго нѣмцы не щадятъ крови и человѣчества и для котораго они ломаютъ границы и насилуютъ вновь притягиваемыя окрайны, а у себя дома свободу личнаго мнѣнія. Разладъ между свободомыслящими германцами и прусскимъ юнкерствомъ слишкомъ рѣзокъ и очевиденъ для того, чтобы о немъ распространяться. Тѣмъ не менѣе, вглядываясь пристальнѣе, нельзя не замѣтить, что объединяющейся Гер-

Digitized by Google

маніи нужна, во что бы то ни стало, цѣльная государственная форма, съ единоличною властію, и подъ это высшее и крайнее для современнаго западнаго человѣка понятіе подгоняются всѣ предназначенныя сюда по государственной теоріи Бисмарка составныя части. Но если и въ одной поземельной области, въ однородномъ населеніи, осуществленіе столь справедливой мысли, какъ мысль народности, не обошлось, во имя государства, безъ давленія и открытаго насилія, то что же сказать о Великобританіи, гдѣ разнородно-племенныя части сомкнуты въ одно цѣлое, единственно благодаря близости разстоянія и чрезмѣрному преобладанію одной изъ частей? Конечно, здѣсь уже не народность, а исключительно государственность связала эти части кровавымъ и безпощаднымъ подчиненіемъ слабой Ирландіи сильной Англіи.

Является государство какъ нѣчто отдѣльное отъ своего содержанія, какъ само въ себѣ сосредоточенное и само собою опредѣляемое представленіе. И чего же больше? У него есть закрѣпленныя границы, и въ этихъ, рѣзко на всякій разъ установляемыхъ, границахъ есть средоточіе власти. Образованіе такихъ политическихъ клѣтокъ есть отличительный признакъ западной Европы. И какъ бы ни передвигались и видоизмѣнялись эти клѣтки, какъ бы внутри ихъ ни улаживались начала народныя съ началами власти:—все-таки не живое содержаніе клѣтки, а отвлеченное представленіе самой клѣтки является политическою единицею въ европейской дипломатіи.

Внѣшняя политика любаго европейскаго государства, менѣе всякаго другаго государственнаго отправленія, хочетъ знать и брать въ расчетъ образъ мыслей и сочувствія своего народа; и это замѣтно даже тамъ, гдѣ народъ имѣетъ прямое участіе въ своемъ управленіи. Живое народное содержаніе можетъ только произвесть повременное возмущеніе въ положеніи и величинѣ клѣтокъ; но, покончивъ, оно опять мгновенно укладывается въ эти клѣтки и опять европейскія дѣла дѣлаются отъ имени и самосостоятельности самихъ клѣтокъ, а не отъ живаго ихъ содержанія. Оттого свойство государственныхъ границъ въ Европѣ таково, что онѣ всегда въ данную минуту являются твердо опредѣленными и неподвижными. Во время переворотовъ или вслѣдствіе войнъ, или черезъ сдѣлки, онѣ могутъ измѣниться; но мгновенно перескочивъ съ одного мѣста на другое, опять становятся неподвижными. Европейскія границы не ростутъ постепенно. Въ западной Европѣ не живое содержаніе государства, въ

Digitized by Google

силу внутренняго, совершенно добровольнаго и сознательнаго притяженія, сростаясь и срощая слѣдующія за собою окрайны, влечетъ вмѣстѣ съ собою и свои границы, какъ это бываетъ въ сѣверной Америкѣ и какъ это должно бы быть всюду, гдѣ былъ бы открытъ просторъ для свободныхъ союзовъ, а наоборотъ—границы замыкаютъ собою живое содержаніе. Западная Европа, какія бы ни были въ ней передвиженія и перевороты, по сю пору никакъ не можетъ выйти изъ этого круговращенія старой, отвлеченной государственности, потому что весь строй ея возникъ изъ церковно-феодальнаго насилія и подчиненія.

Если гдѣ менѣе всего западная Европа подвинулась впередъ, такъ это въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ. На глазахъ нашихъ, Австрія захватила вольный городъ Краковъ, Пруссія посылала гр. Пурталеса съ войскомъ въ Невшатель, чтобы подавить народное стремленіе къ соединенію съ Швейцаріею; Франція, искусственнымъ голосованіемъ, присоединила къ себѣ Ниццу и Савойю, и даже теперь новорожденная французская республика шлетъ войска подавить народное движеніе въ пользу Италіи; европейскій ареопагъ приковалъ Критъ къ Турціи, и западная политика оковываетъ мусульманскими цѣпями мильоны стенящихъ сербовъ и болгаръ; Австрія насильственно удерживаетъ жителей Бокки Которской, а можетъ быть, и цѣлой Далматіи, стремящихся къ возсоединенію съ Черногоріею, и посылаетъ противъ нихъ войска. Англія удерживаетъ Гибралтаръ и Мальту; германская имперія присоединяетъ Ельзасъ и Лотарингію вопреки отчаянному сопротивленію тамошняго населенія.... Не все ли это признаки коснѣющаго политическаго ученія о государствѣ, какъ клѣткѣ, которая создается и дѣйствуетъ по какимъ-то высшимъ политическимъ соображеніямъ,—высшимъ развѣ по тому только, что они суть достояніе прерогативы войны и мира, а не свободнаго народнаго соизволенія къ устройству своей политической судьбы. Вопросъ рейнскій не былъ миѳомъ; съ той ли, другой ли стороны, но онъ брошенъ былъ къ разрѣшенію — и временно разрѣшенъ насиліемъ, кровью и желѣзомъ. Сѣвероамериканское правительство, по отношенію къ острову Кубѣ, неизмѣримо сильнѣе испанскаго, и однако же оно не прибѣгло, даже во время возстанія, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, къ пріобрѣтенію Кубы способомъ Наполеона или Бисмарка. Вотъ различіе между политическими воззрѣніями Стараго и Новаго свѣта. Такъ глубоко въ старой Европѣ вкоренилась идея насилія и до такой степени

Digitized by Google

еще сильно въ своей косности понятіе объ искусственномъ государствѣ! Феодализмъ, создавшій цѣлую лѣствицу властей, начиная отъ мелкопомѣстнаго барона до електоровъ и священно-римскихъ императоровъ, и римская церковь, создавшая свою іерархію со свѣтскою властію и политическою ролью епископовъ и папъ, до сихъ поръ продолжаютъ подспудно дѣйствовать въ западномъ міровоззрѣніи. Но мы не пессимисты; мы признаемъ, что и западные народы, рано ли, поздно ли, истребятъ въ себѣ ту средневѣковую закваску, которая вошла было въ ихъ плоть и кровь. Начало народностей, которое такъ еще недавно возникло и которымъ уже не разъ злоупотребляли, всеобщая подача голосовъ, которая тоже на первыхъ порахъ послужила предметомъ злоупотребленія, и поднятіе нравственнаго уровня той народной рабочей массы, которая одна составляетъ существенную почву и дѣйствительную питательную силу всякаго политическаго общества, которую однако гнетутъ и експлуатируютъ со всѣхъ сторонъ и католическое духовенство, и близорукая буржуазія, и своекорыстная аристократія, и тунеядное юнкерство:— вотъ что въ отдаленной будущности можетъ разбить государственныя клѣтки на добровольные и свободные международные союзы и сдѣлать не нужными и потаенную дипломатію, и тѣ сотни мильоновъ, которые истощаются напрасно на содержаніе войска, и то истребленіе человѣческихъ жизней и рабочихъ силъ, которое сопровождаетъ солдатчину.

Оттого Европа не можетъ стянуться въ одинъ или нѣсколько сплошныхъ добровольныхъ союзовъ со способностію распредѣляться по естественнымъ народнымъ свойствамъ, рости притягательно подобно кристаллизаціи: она только межуется, и у ней всегда наготовѣ есть свободныя династическіе отпрыски для занятія свободныхъ престоловъ. Чрезъ это поддерживаются необходимые элементы политическихъ клѣтокъ: межи, установляемыя на конгресахъ, конференціяхъ, въ международныхъ коммисіяхъ по имѣющимся въ дипломатическихъ канцеляріяхъ картамъ, на которыхъ обыкновенно одного только не обозначаютъ: думъ и стремленій того населенія, о которомъ трактуютъ;—да нѣсколько родовъ или домовъ, призванныхъ управлять страною и имѣющихъ, по видимому, то преимущество, что въ самихъ себѣ носятъ готовыя начала внѣшней политики, которая потому не всегда справляется съ заявленіями народными. Лучшее современное доказательство такой отрѣшенности мы нашли недавно въ письмѣ

Digitized by Google

одного изъ членовъ Гогенцоллернскаго дома, который пишетъ: «я сохраняю свободу возвратиться въ мое любезное отечество и проводить тамъ на лонѣ совершеннаго семейнаго счастія жизнь вполнѣ независимую и изъятую отъ всякаго рода заботъ. Эта могучая любовь къ отечеству не переставала никогда, даже посреди самыхъ тяжкихъ заботъ, вліять на меня». Но что, если это вліяніе великаго германскаго отечества не соотвѣтствуетъ интересамъ народа, лишеннаго счастія считать своего правителя своимъ соотечественникомъ? Въ противность этому, обратимъ вниманіе на свободный Сѣверо-американскій Союзъ: онъ ничего, ни одной пяди своей земли, не завоевалъ и не подчинилъ себѣ насильно. Это не есть государство въ западно-европейскомъ смыслѣ; это—область, которая кристаллизуется и растетъ постепенно, притягивая къ себѣ, въ силу внутренняго тяготѣнія и жизненнаго сростанія, а не подтягивая насильно и не подчиняя неволею захваченнаго содержанія ради высшихъ государственныхъ соображеній. Оттого онъ никогда не завоюетъ ни Канады, ни Кубы, ни Мексики, но всегда можетъ привлечь ихъ къ себѣ добровольно.

Намъ кажется, что и славянство, никогда въ своей природѣ не вмѣщавшее духа насилія, хотя постоянно подверженное ему извнѣ, должно не иначе объединиться, какъ чрезъ взаимное добровольное тяготѣніе, при чемъ возникнутъ два или три средоточія, около которыхъ оно и окристаллизуется. Это будетъ свободный одноплеменный союзъ. Къ тому же, у славянства нѣтъ рѣзко очерченныхъ границъ: оно давно утратило ихъ; но оно само выработаетъ себѣ границы, какъ скоро начнется стяженіе въ народныя группы. У него нѣтъ данныхъ для образованія сплошнаго однообразнаго государства; но у него есть всѣ данныя для образованія одной, а скорѣе нѣсколькихъ союзныхъ областей, которыя могутъ рости, притягивая, въ противность насилію, началомъ гражданской свободы и равноправности, сосѣднія мелкія инородныя окраины, какъ-то: земли, населенныя греками, албанцами, румынами, и даже, чего добраго, самими мадьярами. Западно-европейская государственная форма болѣе первичная, болѣе простая, а потому низшая; вторая форма, союзно-областная, стоитъ несравненно выше ея. Оттого первая не устраняетъ ни войнъ, ни насильственныхъ для населенія передѣловъ, ни такъ называемой системы равновѣсія политическаго или, иными словами, взаимнаго опасенія и бремени воинской повинности и не-

Digitized by Google

производительныхъ для народнаго благосостоянія затратъ на вооруженную силу; вторая же, вся основанная на добровольномъ влеченіи всего живаго и непосредственно-народнаго существа къ сожительству съ другими, однородными ему, сама въ себѣ носитъ уже спокойствіе и довольство, а слѣдовательно, по самому свойству своему, чужда всякихъ насильственныхъ, сопряженныхъ съ борьбою, переворотовъ. Въ ней не можетъ быть взаимнаго опасенія, при которомъ государства стоятъ на сторожѣ другъ противъ друга въ вѣчной мучительной тревогѣ, въ вѣчномъ обезсиливающемъ вооруженіи, съ вѣчнымъ напряженнымъ вниманіемъ такъ называемыхъ блюстителей чести и достоинства государственнаго; ибо въ нынѣшнее время никогда народъ не подымется на народъ, если ихъ не перекрещиваютъ политическія межи и не возмущаетъ властолюбіе политическихъ личностей.

Опредѣляя всеславянство съ своей точки зрѣнія, западно-европейскіе народы вносятъ въ него и такое же содержаніе, въ которомъ государственность въ западномъ смыслѣ, принужденіе и подчиненность составляютъ главную основу. А такъ какъ въ славянскомъ мірѣ одна Россія есть государство самостоятельное, имѣющее несомнѣннымъ своимъ призваніемъ возрастить первое зерно славянскаго союза, то, не долго думая и не вникая въ существенныя свойства народа русскаго, Западъ кричитъ, что водъ де Россія стремится образовать всеславянское государство со всѣми качествами западныхъ государствъ—съ завоеваніемъ, насиліемъ, порабощеніемъ. Оттого на языкѣ Запада слово панславизмъ скоро превратилось въ панрусизмъ. Слабодушные, близорукіе изъ славянъ дѣйствительно отпугиваются словомъ: но они не понимаютъ, что Россія, въ смыслѣ западнаго государства, ничего и не сдѣлаетъ, да и не можетъ сдѣлать. Только смиреніе сильнаго, только теплое чувство сознаннаго родства и взаимнаго влеченія, только обоюдное равенство могутъ упрочить союзъ частей. Западъ не хочетъ понять, а тѣмъ менѣе указать, что Россія—единственная держава въ Европѣ, которая носитъ, даже въ настоящемъ своемъ строеніи, сѣмя союзнаго общенія. Данія, имѣвшая двѣ конституціи, не управилась съ одною изъ нихъ, бывшею для Голштиніи и Шлезвига, и потеряла эти области; Австрія могла бы одна изъ всѣхъ европейскихъ державъ назваться союзною областію, потому что у нея составлены были конституціи для всѣхъ ея областей; но не умѣя держать свое слово, нарушая поминутно свои уставы и отдавая преобладающую и насилую-

Digitized by Google

щую власть въ руки одной или двухъ народностей, она отреклась отъ своего лучшаго жребія. Только одна Россія, не будучи еще даже конституціонною державою, имѣетъ въ то же время въ спокойной связи съ собою конституціонную Финляндію, бережетъ даже отжившія права нѣмецкихъ рыцарей Прибалтійскаго края и два раза давала широкія права самоуправленія Польшѣ. Если польская интеллигенція, сдѣлавшись послушнымъ орудіемъ Запада и ультрамонтанства, лишила свою страну этихъ правъ, то это ея, а не Россіи, ошибка; если отношенія Балтійскаго края къ Россіи равномѣрно обнимаютъ все населеніе края, какъ нѣмецкое, такъ и эсто-латышское, то потачка одной народности въ ущербъ другой и вмѣстѣ въ ущербъ самому смыслу равносильныхъ отношеній цѣлаго края, есть недостатокъ охранительной способности государства, и есть, слѣдовательно, ошибка; если, наконецъ, въ русской печати подымаются иногда голоса, противорѣчащіе съ правами мѣстной жизни Финляндіи, признанными чрезъ установленныя самимъ русскимъ государствомъ отношенія къ Финляндіи, то и это ошибка, тѣмъ болѣе замѣтная, что она противорѣчитъ тѣмъ же самымъ голосамъ, звучащимъ въ пользу славянской федераціи. Но ошибки пусть будутъ ошибками; оставимъ ихъ въ сторонѣ. Оставимъ также въ сторонѣ и самый способъ, которымъ выражались и выражаются отношенія Россіи къ ея окрайнамъ: для насъ важно и знаменательно начало, только одно начало, въ его отвлеченности. Мы назовемъ его пожалуй, терпимостію. Итакъ, изъ самостоятельныхъ европейскихъ державъ мы въ одной только Россіи находимъ—не скажемъ, зародышъ: этого будетъ много, а скажемъ пока возможность содѣйствія къ лучшему и совершеннѣйшему способу построенія народнаго общежитія на востокѣ Европы, включая сюда все славянское населеніе. Въ осуществленіи этой новой формы мы предвидимъ историческую, общечеловѣческую задачу славянства, если только славяне останутся вѣрны самимъ себѣ и не выдадутъ другъ друга. Россія, какъ единственная славянская страна, пользующаяся свободою дѣйствія, стоитъ на первой очереди; починъ за нею. Поэтому, славяне не должны и не могутъ принять тотъ способъ единенія, какимъ представляютъ его по-своему народы Запада. Принять его, даже если бы и можно было, значило бы свернуть съ своей прямой дороги, не пойти далѣе того, до чего дошелъ современный Западъ. Но эта ли будущность славянства? Это ли его призваніе? Гдѣ же было бы то новое

Digitized by Google

счастливое наслѣдіе, которое оно, какъ историческая племенная особь, должно же выработать для человѣчества и человѣческаго общежитія въ особенности.

Чтобы нагляднѣе выказать всю несостоятельность западныхъ устрашеній и всю призрачность этого пугала панрусизма, взглянемъ на расположеніе и развитіе славянскаго населенія въ Европѣ. Возьмемъ народописную карту Шафарика или такую же карту Мирковича. Мы видимъ, что западные славяне соединяются съ восточными: смежная черта идетъ между польскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ и доходитъ до западной Галиціи, которая составляетъ какъ бы узелъ, отъ котораго къ сѣверу идетъ польская народность, къ востоку русская, къ югу вѣтвь угрословенская или словаки, а къ западу чехо-моравская. Хотя это и такъ, но за то старинное славянское и литовское, а нынѣ чисто-нѣмецкое Балтійское побережье, гдѣ давно уже водворились и отуземились нѣмцы, далеко врѣзывается въ сѣверо-западную границу славянскаго населенія и въ связи съ нѣмецкимъ Остзейскимъ краемъ оттѣсняетъ ее отъ Балтійскаго поморья. Несчастная Силезія, почти уже совсѣмъ онѣмеченная, глубокою впадиною отодвигаетъ назадъ славянскую пограничную черту. Далѣе, на западъ, славянское населеніе въ Чехіи оттѣснено нѣмцами отъ естественныхъ своихъ предѣловъ, каковы горные хребты Рудный, Исполиновъ и Чешскій лѣсъ, пограничные съ Саксоніею и Баваріею. На югъ отъ Чехіи и Моравіи весь лѣвый берегъ Дуная широкою полосою заселенъ нѣмцами, за ними далѣе къ востоку, до самыхъ предгорій Карпатовъ, протянулись мадьяры. Также точно по правому берегу Дуная и южнѣе опять въ томъ же направленіи къ востоку раскинулись нѣмцы до рѣки Литавы (Лейты), а за Литавой потянулись мадьяры вплоть до Карпатовъ и въ Седмиградіи. Все теченіе Дуная отъ Линца до Осека въ полномъ владѣніи нѣмцевъ и мадьяръ. А когда-то здѣсь, въ древней Паноніи, зарождалась великая серединная славянская держава, смыкавшая съ сѣвера нынѣшнихъ чеховъ, моравцевъ и словаковъ, съ востока галичанъ, а съ юга словенцевъ. Какъ скоро Дунай, эта, по истинѣ, кровеносная жила, попала обоими своими берегами съ прилегающими къ нимъ водоемами побочныхъ рѣкъ во власть инородцевъ, и какъ скоро нѣмцы и мадьяры водворились на плодоносныхъ равнинахъ Дуная, Грана, Рабы, Тисы, такъ у всего западнаго славянства разорвано было самое сердце его. Сплошное нѣкогда западно-славянское населеніе разрѣзано стало на двѣ половины:

Digitized by Google

сѣверо-западную, оттѣсненную на сѣверъ отъ Дуная въ нынѣшнія области Чехію, Моравію, и на юго-западную, сжатую въ горныхъ альпійскихъ ущельяхъ, на верховьяхъ рѣкъ Савы, Мура и Дравы. Роковымъ раздѣломъ стали здѣсь нѣмцы и мадьяры, и поземельная цѣльность западнаго славянства разрушена навсегда. Такимъ образомъ, если окинемъ бѣглымъ взглядомъ западную пограничную линію славянскаго населенія, то она представится намъ вся изрѣзанная съ тремя значительными выемами; изъ нихъ одинъ по Балтійскому поморью доходитъ до Тильзита и Ковна, распространяясь и далѣе по нѣмецкому землевладѣнію, такъ что трудно сказать, гдѣ ему конецъ; другой вверхъ по теченію Одры (Одера) проникаетъ за Опаву (Тропау) до нагорья Яблупки; третій, самый рѣшительный и громадный, вторгается по среднему теченію Дуная и далѣе къ востоку за Дунай и Тису до самыхъ Карпатовъ, обнимая ихъ собою и сопровождая отъ Кошицъ (Кашау) и Ужгорода (Унгваръ) до самой Оршовы на Дунаѣ. Въ виду такихъ выемовъ, славянское населеніе въ Познани и въ Чехіи съ Моравіею кажется какими-то лохмотьями, печальнымъ остаткомъ отъ богатаго, но безпечнаго народа славянскаго, растратившаго свои наслѣдственныя земли, которымъ нѣкогда границею была прямая черта отъ нынѣшней германской военной гавани Киля, лѣвѣе Любицы (Любека) на Дѣвинъ (Магдебургъ), Хебъ (Егеръ, въ западномъ углу Чехіи) и отсюда мимо Рѣзна (Регенсбургъ) на Пасовъ (Пассау) къ верховьямъ Дравы и до Ядранскаго (Адріатическаго) моря, близь Венеціи. Проведя мысленно эту пограничную черту стариннаго сплошнаго славянскаго населенія, за которою еще далеко западнѣе простирались славянскіе выселки въ Баваріи, Тиролѣ, Швейцаріи и верхней Италіи, и сравнивши съ нею только-что описанную нами нынѣшнюю пограничную черту, мы ужаснемся передъ силою истребленія и вмѣстѣ убѣдимся, что нѣмецкое Drang nach Osten не есть что нибудь новое, но что это могучій, несокрушимо-упорный демонъ-губитель славянства, работающій въ союзѣ съ двѣнадцатью вѣками.

Между древней и нынѣшней западными границами населенія славянскаго племени оказывается широкій промежутокъ, поражающій своею громадностью: онъ заключаетъ въ себѣ 216 тысячъ квадратныхъ верстъ, занятыхъ сплошь, безусловно, нѣмцами, и 114 т. квадратныхъ верстъ, занятыхъ мадьярами (не включая Седмиградію). Итого 330 тысячъ квадратныхъ верстъ, поте-

Digitized by Google

рянныхъ славянами въ Европѣ! Въ этомъ пространствѣ вмѣщается почти все прусское королевство, исключая прирейнскія владѣнія, вся нѣмецкая часть австрійской имперіи или Ракусы и все мадьярское населеніе венгерскаго королевства, — другими словами, земли, потерянныя славянами, дали три ядра тремъ европейскимъ государственнымъ областямъ. Эти земли нѣмцы считаютъ своими коренными; съ этою цѣлію въ Пруссіи сочиняются даже руководящія брошюры для гимназій. Здѣсь не слышно уже ни одного звука славянскаго, здѣсь нѣтъ ни одного жителя туземца славянина. Это роскошный, сытый нѣмецкій край, гдѣ тучнѣютъ нѣмцы, частію истребивши, частію взобравши и претворивши въ себя славянское народное вещество и продолжая еще донынѣ то же занятіе надъ тѣми остатками этого вещества, которые еще не успѣлъ оживотворить лучъ самосознанія; отсюда они расходятся далѣе къ востоку, прокажая цѣльность славянскаго населенія и образуя пока нѣмецко-славянскую и славяно-нѣмецкую смѣсь съ различнымъ процентнымъ содержаніемъ, смотря по мѣрѣ удаленія къ востоку, смѣсь, которую, однако, духъ нѣмецкій обрекъ на то, чтобы быть ей рано или поздно чистой нѣмечиной. На этихъ 216 тысячахъ квадратныхъ верстъ, гдѣ красуются Берлинъ, Лейпцигъ (Липецкъ), Дрезденъ (Драждяны), Вѣна (Видѣнь), Градцъ (Градецъ), кто бы подумалъ, что жили нѣкогда сплошнымъ цѣльнымъ населеніемъ туземцы славяне! Одни только мѣстныя названія рѣкъ, городовъ, селеній, урочищъ, въ безчисленномъ множествѣ, остались какъ-бы надгробными надписями на могилѣ славянства. Наука осмыслила и заставила говорить эти названія и раскрыла передъ нами эту могилу. Долгъ всякаго разумнаго и честнаго славянина поучиться надъ костями предковъ, узнать, что ждетъ его впереди, и что ему дѣлать.

Югозападные славяне или словенцы въ нынѣшнихъ областяхъ Штиріи, Хорутаніи (Каринтіи) и Крайнѣ, смежные съ хорватами и при посредствѣ послѣднихъ связующіеся съ юговосточными славянами, сербами и болгарами, составляютъ вмѣстѣ съ ними сплошное цѣлое, простирающееся отъ Горицы и Терста (Тріеста) при Ядранскомъ морѣ на востокъ до Чернаго моря и отъ береговъ Дравы и Дуная на югъ до Дринополя (Адріанополя) и до Солуня, гдѣ оно прикасается къ прибрежью Архипелага. Но этотъ отдѣлъ славянскаго населенія опять расторгнутъ съ восточнымъ, или русскимъ, соплеменнымъ, отдѣломъ чрезъ румынскія княжества, къ которымъ, по парижскому трактату, отошли дунайскія гирла

Digitized by Google

для того, чтобы рѣшительно пересѣчь ту прибрежную полосу, которая могла бы связать россійскія владѣнія съ Болгаріею. Румынскія княжества, въ соединеніи одно съ другимъ и въ рукахъ Гогенцоллерна, составляютъ надежный пробѣлъ, предназначенный европейскою политикою къ тому, чтобы двумъ вѣтвямъ славянскаго племени не входить въ соприкосновеніе между собою, и готовый принять такое положеніе, какое заблагоразсудятъ приказать ему соединенныя противъ Россіи державы.

Такимъ образомъ, окружная черта славянскаго населенія въ Европѣ образуетъ два огромныхъ отдѣла: западно-восточный и южный. Въ первомъ вся западная граница, изрѣзанная глубокими изгибами и впадинами, не имѣетъ естественныхъ опорныхъ предѣловъ и потому въ высшей степени неблагопріятна. Во второмъ, хотя границы и благопріятнѣе, потому что опираются на два моря, рѣку Дунай и къ юго-западу на планину (горную твердь) Шаръ, однако невыгода состоитъ въ томъ, что этотъ отдѣлъ не соприкасается ни съ западною, ни съ восточною частію перваго отдѣла. Разбитое на множество отдѣльныхъ областей, разрозненное огромными пространствами, занятыми чуждыми и враждебными племенами, славянство, уже по одному своему поземельному положенію, не можетъ слиться въ одно цѣльное государственное тѣло.

Не можетъ оно также и по тому, что состоитъ изъ нѣсколькихъ особливыхъ, ясно выдѣлившихся самоличностей или народностей, которыя, по выраженію «Научнаго Словаря», представляютъ собою уже совершившееся событіе, законченное историческое явленіе, и потому, при настоящихъ обстоятельствахъ, измѣниться не могутъ. Западнымъ славянамъ, въ древнихъ странахъ Паноніи, Норикѣ и Карніи, въ то еще время, когда они владѣли обоими берегами Дуная, не удалось образовать прочное государство съ княземъ Самомъ во главѣ; то же не удалось и Святополку въ Вышнихъ Моравахъ; не удалось и чехамъ, полякамъ и прибалтійцамъ при Болеславахъ. Не посчастливилось и южнымъ славянамъ сберечь царство Душана Сильнаго: тамъ и тутъ не устояли основы политическаго единства, которыя заложить пытались могущественныя славянскія личности, гремѣвшія въ свое время, но сходившія съ поприща безъ слѣда прочнаго государственнаго строительства. Слишкомъ различныя образовательныя начала, полное отсутствіе выдержанности для государственной подчиненности съ одной стороны и принудительности съ другой, и мно-

Digitized by Google

жество самыхъ разнородныхъ политическихъ вліяній въ связи съ двойственностію вѣроисповѣдною произвели то, что славянство раздробилось,—каждая часть его установилась сама по себѣ и установила свое особливое развитіе. Явилось нѣсколько славянскихъ языковъ или нарѣчій, которыя съ теченіемъ времени достигли большей или меньшей степени литературности и довершили окончательное распаденіе славянства на отдѣльныя самостоятельныя народныя личности, не поддающіяся уподобленію (ассимиляціи). Такъ полякамъ не удалось, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, уподобить себѣ русиновъ; самые близкіе между собою по происхожденію, языку и мѣсту жительства, сербы и хорваты, чехи и словаки не могли дойти до народнаго единообразія, не имѣютъ и общаго развитія; напротивъ, какъ между поляками и русскими, такъ и между сербами, хорватами, чехами и словаками исторія, съ главнымъ изъ своихъ двигателей, религіею, произвела и усилила рознь, которая можетъ быть искоренена лишь высокою степенью просвѣщенія, приводящаго къ сознанію необходимости не только духовнаго единства, но и тожества политическихъ цѣлей. И не только продолжается изстари начавшееся обособленіе въ установившихся славянскихъ народностяхъ, но отчасти возникаетъ даже вновь, по мѣрѣ скопленія способствующихъ къ тому обстоятельствъ. Такихъ обстоятельствъ много въ условіяхъ политическаго бытія славянъ, и потому сила ихъ обнаруживается даже и въ тѣхъ мелкихъ подраздѣленіяхъ, гдѣ въ выгодахъ славянства естественнѣе бы было ожидать противуположнаго. Такъ словаки отдѣлили отъ чеховъ свой письменный языкъ, свою литературу и журналистику, согласно съ признаками своего подрѣчія, которое есть не болѣе, какъ особый, мало отличный, видъ чешскаго нарѣчія. Такъ происки враговъ славянства стараются и отчасти успѣваютъ порознить письменный языкъ австрійскихъ русиновъ съ общерусскимъ языкомъ. Такъ новѣйшая западная пропаганда, взявшись за лесть и подстрекательство, все болѣе и болѣе успѣваетъ усилить внутренній разладъ между сербами и болгарами. Не говоримъ уже о послѣдовательномъ, въ обширныхъ размѣрахъ совершаемомъ, возбужденіи южныхъ и западныхъ славянъ противъ Россіи. Въ этомъ подвигѣ XIX столѣтія, который исходитъ изъ прирожденнаго взгляда западнаго человѣка на свое государство,—взгляда, въ самомъ существѣ своемъ носящаго взаимное враждебное опасеніе,—участвуютъ всѣ двигатели западнаго человѣчества всѣми своими сто-

Digitized by Google

ронами и всѣми средствами, честными и нечестными. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла и при исконномъ стремленіи раздробленныхъ частей славянства къ обособленію и самостоятельности, всеславянство въ западномъ смыслѣ невозможно. Это исконное свойство славянъ, вытекшее изъ свободы и равенства, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ историческихъ чертъ, рѣшительнымъ образомъ проявляющихся въ ихъ судьбахъ. Оно дѣйствовало сколько разрушительно, столько же и спасительно: потому судить о немъ должно осторожно. Какъ скоро посторонніе лукавыя наущенія или внутреннія насильственныя посягательства въ средѣ самихъ славянъ приводили его въ движеніе, тогда гибель цѣлыхъ племенъ и государствъ ложилась печальнымъ слѣдомъ за кровавыми усобицами къ немалой радости и корысти враговъ. Спѣшимъ объясниться. Подъ усобицами разумѣютъ непремѣнно дурное дѣло, какую-то домашнюю свару, недальновидныя, поверхностныя дрязги. Мы употребляемъ это обычное слово, но въ другомъ значеніи. И въ западной Европѣ были усобицы, однако тамъ иначе смотрятъ на нихъ. Тамъ усобились городскія общины съ феодалами, крестьяне съ землевладѣльцами, словомъ, подданные съ господами. Въ этихъ усобицахъ на Западѣ видятъ необходимое развитіе человѣчности. Въ восточной или славянской Европѣ усобицы тѣмъ только отличались отъ западно-европейскихъ, что въ послѣднихъ подчиненные и угнетенные добивались себѣ правъ, признавая, однако, вслѣдствіе всего іерархическаго строя жизни, источникъ этого права, внѣ себя, въ силѣ власти; тогда какъ въ восточно-славянской Европѣ, гдѣ были свобода и равенство, усобицы выражали протестъ противъ исключительности права; право признавалось во всѣхъ и въ каждомъ; отвергался лишь внѣ себя лежащій источникъ права. Сосредоточенность власти въ смыслѣ источника права, имѣвшая естественно обратною своею стороною лишеніе права другихъ, постоянно вызывала протестъ. Потому-то какъ скоро патріархальный бытъ ослабѣлъ у славянъ, и появились зачатки государственности въ средне-вѣковомъ, западно-европейскомъ смыслѣ самовластія, такъ и поднялись усобицы. Съ одной стороны, собирательная личность земская, представляемая туземными боярами и князьями, не хотѣла поступиться равноправіемъ и народоправіемъ передъ возстающей единичною властію: съ другой стороны, собирательныя племенныя личности тоже не хотѣли поступиться равноправностію передъ однимъ какимъ нибудь племенемъ, искавшимъ пре-

Digitized by Google

обладанія, или стремившимся, даже безсознательно, сдѣлаться ядромъ монархіи. Поэтому славянскія усобицы представляютъ собою, также какъ и на Западѣ, развитіе духа человѣческаго, и по нашему мнѣнію, основная мысль ихъ гораздо глубже, чѣмъ въ западныхъ, хотя по ранновременности своей, когда еще не выработана была формула примиренія, она должна была разрѣшиться лишь гибелью передъ стоявшею на очереди западною формулою централизованной и неограниченной власти. Но съ другой стороны, эти страшные многовѣковые погромы, испытанные славянствомъ, эти грозные натиски иноплеменщины, эти тѣсноты порабощенія—что сдѣлало бы все это изъ разнесеннаго на части, униженнаго, обезсиленнаго славянства, если бы его разрозненные члены, вслѣдствіе отдѣльной въ каждомъ полноты жизни, какъ слѣдствія свободы и равенства, не проявили той нравственной живучести, которая таится въ его упругой природѣ, склонной къ саможизненности и самоличности!

«Научный Словарь», отражающій вскользь мнѣніе чешскихъ политическихъ дѣятелей, справедливо полагая успѣхъ какъ своего, такъ и всего славянскаго дѣла вообще въ славянскомъ согласіи, усматриваетъ въ условіяхъ поземельнаго положенія и въ установившихся народныхъ особенностяхъ положительное препятствіе къ сліянію славянъ въ одинъ или два народа, или въ одну, двѣ цѣльныя политическія единицы. Съ его мнѣніемъ нельзя не согласиться; но должно прибавить, что здѣсь политическая единица принимается имъ въ значеніи западнаго государства.

Къ этимъ двумъ причинамъ мы присоединимъ третью, которую собственно и нельзя назвать причиною, а скорѣе необходимымъ условіемъ, которое должно имѣться въ виду всегда, когда рѣчь идетъ о вопросѣ славянскомъ. Оно, кажется, ускользаетъ отъ должнаго вниманія, особливо у насъ въ Россіи. Мы разумѣемъ степень внутренней способности или однородности силъ, выражающихся въ жизнедѣятельности народа. Самородныя силы дѣйствуютъ цѣльно и въ томъ направленіи, какое указываетъ духъ народный; но подмѣшайте къ этимъ силамъ нѣчто чужое, и это вводное чужое разложитъ цѣльность ихъ дѣйствія, уничтожитъ единство ихъ направленія. Нигдѣ инородное начало такъ не могущественно и вредоносно, какъ въ средѣ славянъ.

Мадьяры извѣстны по своей природной безплодности. Число ихъ не прибываетъ, не смотря на тучныя пажити, занятыя

Digitized by Google

ихъ поселеніями; и если бы не постоянное смѣшеніе съ кровью славянскою и нѣмецкою, число ихъ, быть можетъ, уменьшилось бы значительно. Занявши своимъ средоточіемъ страну по Тисѣ и Дунаю, отъ Коморна до Мугача, они изъ этого средоточія, гдѣ мѣстами еще уцѣлѣли старинныя названія кумановъ, печенеговъ и ятвяговъ, распространились кругомъ, постепенно слабѣя численностію. Въ срединныхъ округахъ по Тисѣ: Торнскомъ, Боршодскомъ, Гевешскомъ, Чонградскомъ и Саболчскомъ, и по Дунаю въ округахъ: Рабскомъ, Коморнскомъ, Остригомскомъ, Веспримскомъ, Стольно-бѣлградскомъ, Пештскомъ, Шомодскомъ и Саладскомъ ихъ населеніе возвышается отъ 70 и 85 до 100%. Да еще въ восточномъ углу Седмиградіи той же степени густоты достигаютъ секлеры въ смежныхъ округахъ Марошскомъ, Удваргельскомъ, Чикскомъ и Гаромсекскомъ. Здѣсь, прижавшись къ Карпатамъ, они сразу останавливаются и далѣе за Карпаты не переходятъ. Около вышеназванныхъ серединныхъ округовъ по Тисѣ и Дунаю весьма правильною полосою облегаютъ другіе округи, въ которыхъ мадьярское населеніе, мѣшаясь то съ нѣмцами, то съ славянами, то съ румынами, сталкивающимися здѣсь между собою въ различномъ содержаніи, не восходитъ выше 50—70%; таковы: Новоградскій, Гоморскій, Сатмарскій, Абуйварскій, Бигарскій, Бекешскій, Чанадскій и Толнскій. Наконецъ дальнѣйшая окружная полоса представляетъ уже преобладаніе надъ мадьярскою другихъ народностей, и здѣсь численность мадьяръ понижается отъ 40 до 20%. Въ прочихъ болѣе отдаленныхъ округахъ она еще слабѣе и мало-по-малу теряется среди другихъ народностей. Такое расположеніе въ видѣ постепенно блѣднѣющихъ округовъ свидѣтельствуетъ, что мадьяры не трогаются съ мѣста, и что границы ихъ разселенія остаются все тѣ же, какія были и въ старину. Но народность мадьярская высоко поднята, хотя и односторонне. Ея политическій смыслъ и постоянное стремленіе къ самостоятельности и достигнутое право преобладанія много привлекли къ ней изъ нѣмцевъ, славянъ и румынъ, преимущественно людей высшаго сословія, ставшихъ мадьярами или мадьяронами. Оставаясь густою и неподвижною въ своемъ средоточіи, мадьярская народность притягиваетъ къ себѣ частицы изъ другихъ народностей болѣе приманками внѣшнихъ преимуществъ, чѣмъ силою нравственнаго развитія. Таковъ ея признакъ. Изъ самаго поземельнаго расположенія видно, что это осѣдлая народ-

Digitized by Google

ность, а не ползучая и чужеядная, какою намъ сейчасъ представится народность нѣмецкая. И въ этомъ ихъ коренная противуположность.

Возвращаясь къ своей задачѣ, мы изъ предыдущаго должны заключить, что часть славянскаго населенія, прилегающая къ мадьярскому, отчасти проникнута послѣднимъ. Между тѣмъ и другимъ нѣтъ рѣзкой границы и въ междулежащихъ округахъ средній процентъ колеблется между обѣими народностями. Такъ въ Пресбургскомъ, Барчскомъ и Гонтскомъ словаки почти въ равномъ отношеніи къ мадьярамъ; въ Нитранскомъ словаковъ 82%, а мадьяръ 13%; въ Земенскомъ, Ужгородскомъ, Берегѣ и Угочскомъ между русинами и отчасти словаками мадьяры составляютъ 25—35%; въ Торонтальскомъ округѣ, или западномъ Банатѣ, сербовъ 34%, а мадьяръ 14%, въ Бачкѣ сербовъ и мадьяръ по 33—36% и въ Бараньѣ сербовъ 18%, а мадьяръ 48%. Разумѣется, въ округахъ, далѣе за этою чертою лежащихъ и уходящихъ въ глубь славянскихъ земель, процентъ мадьяръ быстро понижается. Мадьяры всегда были отличными помощниками нѣмцамъ противъ славянъ. Оттягивая на себя славянскія силы и устремляя ихъ къ средоточію своего королевства, они давали нѣмцамъ возможность удобнѣе тѣснить прочихъ славянъ. Въ надменной нетерпимости, они не признаютъ иной народности, кромѣ мадьярской, на всемъ пространствѣ земель короны св. Стефана. Несчастные, задавленные, не имѣющіе своего государственнаго права, словаки и карпаторусы насильно омадьяриваются; не только правительственный языкъ, но и учебный есть мадьярскій; всѣ лучшія и значительныя должности заняты мадьярами или мадьяронами; общественные выборы совершаются подъ страшнымъ давленіемъ властей, а если гдѣ эта пружина оказывается слабою, тамъ ее дополняетъ внѣшняя сила, рукопашный бой. Понятно, почему высказано было мнѣніе, что мадьяръ чистой крови не болѣе 2 мильоновъ Съ пробужденіемъ въ словакахъ чувства народности, однимъ изъ самыхъ вредныхъ дѣйствій на нихъ мадьярства было то, что, увлекшись мѣстною борьбою, они отпали отъ общей чешской письменности и завели свой литературный языкъ. Славонія и Хорватія, населенныя сербо-хорватскимъ народомъ, по государственному праву Тріединаго королевства (Славонія, Хорватія, Далматія), считавшіяся только въ личномъ соединеніи съ короною св. Стефана, стояли въ болѣе выгодныхъ условіяхъ къ мадьярской народности. Тѣмъ не менѣе, еще до 48 года пештскій сеймъ

Digitized by Google

высказывался съ великою нетерпимостію противъ самоуправленія этихъ областей, что и было причиною всеобщаго возстанія сербо-хорватскаго народа противъ мадьяръ. Въ 1867 году, заручившись содѣйствіемъ растерявшагося послѣ прусской войны австрійскаго правительства, мадьяры возстановили свою политическую самостоятельность, ограничившись лишь общими дѣлами съ другой половиною австрійской имперіи на правѣ личнаго соединенія. Вслѣдствіе этого Славонія и Хорватія были въ 1868 году возсоединены, а вѣрнѣе, присоединены къ Венгріи съ нарушеніемъ коренныхъ началъ ихъ государственнаго права и отнятіемъ возможности равномѣрнаго участія въ общихъ дѣлахъ. Противодѣйствіе народной стороны должно было замолкнуть передъ соединенными усиліями пештскаго и вѣнскаго министерствъ, нашедшихъ себѣ достойныхъ помощниковъ въ хорватскомъ банѣ, нѣмцѣ баронѣ Раухѣ, и многихъ хорватскихъ мадьяронахъ, предложившихъ свои услуги. Блескъ мадьярской народности давно уже привлекалъ къ себѣ хорватское дворянство; а послѣ возсоединенія, омадьяреніе и мадьяронство пошли еще быстрѣе. Таково отношеніе мадьярской народности къ славянамъ. Безъ права, безъ власти, безъ языка, словаки, русины и сербо-хорваты всею своею жизнедѣятельностію направлены къ Пешту: здѣсь исходъ ихъ борьбы, здѣсь же и источникъ ихъ омадьяренія....

Но поспѣшимъ къ другому племени, которое тысячу лѣтъ тому назадъ призвало полчища мадьяръ для совокупной борьбы съ славянами, и теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, въ союзѣ съ ними продолжаетъ вести ту же тысячелѣтнюю борьбу. Нѣмецкое движеніе на востокъ въ земли славянскія держится такого способа: изъ крайнихъ своихъ исходныхъ точекъ, служащихъ опорою, нѣмецкое племя направляетъ передовыя свои дружины на востокъ, гдѣ, разсѣяваясь въ наиболѣе пріютныхъ мѣстахъ, онѣ принимаютъ осѣдлость, отуземиваются и разростаются. Между этими новыми поселеніями образуются болѣе или менѣе сильныя средоточія, и пока кругомъ ихъ истребляется славянское племя, изъ этихъ средоточій идутъ опять нѣмецкія дружины впередъ и все далѣе и далѣе на востокъ, и опять образуются средоточія, какъ опора поступательнаго движенія, и опять все далѣе и далѣе на востокъ высылаются нѣмецкія дружины. Прежде это дѣлалось открыто и только внѣшнею силою: нѣмцы подвигались тогда военными краинами или марками, а теперь они подвигаются такими же, но только гражданскими марками, въ которыхъ вмѣсто

Digitized by Google

военной силы сосредоточивается нравственная, но все же таки нѣмецкая, сила. Дѣйствіе одно и то же. Передовыя нѣмецкія стоянки и теперь подвигаются на востокъ и далеко уже вдались въ предѣлы Россіи. По всей западной границѣ славянскаго населенія сосѣдятъ цѣлымъ объемомъ своимъ нѣмцы, начиная отъ Балтійскаго поморья до предѣловъ Хорутаніи невдалекѣ отъ Адріатическаго моря; они непосредственно соприкасаются съ поляками, чехами, моравами, словаками, хорватами и словенцами. Теперь, за исключеніемъ Сербіи съ Босніею и Герцоговиною да Болгаріи, принадлежащихъ Турціи, нѣтъ ни одного славянскаго края, въ которомъ бы не было осѣдлыхъ нѣмцевъ. По всему лицу монархіи габсбурговъ и гогенцоллерновъ расползлись и крѣпко задали корни эти носители германскаго просвѣщенія. Но не въ одномъ процентномъ содержаніи заключается особенность нѣмецкаго племеннаго движенія: оно носитъ всѣ признаки поступательности; процентъ нѣмцевъ постоянно возростаетъ, и они остаются все тѣми же нѣмцами, куда бы и какъ бы далеко ни зашли. Вездѣ простодушно-гостепріимный кровъ становится для нихъ своимъ домомъ. И вотъ здѣсь-то вся суть дѣла, вся опасность для славянства. Мы видимъ не простыя разрозненныя поселенія, а сомкнутое безостановочное движеніе впередъ, путь котораго обозначается относительною напряженностію нѣмецкаго элемента и соотвѣтствующимъ упадкомъ славянскаго.

Само собою разумѣется, что напоръ нѣмецкаго племени, этотъ Drang nach Osten, долженъ былъ начаться съ западныхъ окраинъ славянскаго міра. И дѣйствительно, вся совершенно нынѣ онѣмеченная полоса, лежащая между чертою стараго славянскаго населенія и нынѣшнею его границею,—та полоса, о которой мы упомянули выше, послужила нѣмцамъ опорною линіею для ихъ наступательныхъ дѣйствій. Современное явленіе, среди безчисленныхъ переливовъ и безконечнаго разнообразія настоящаго, обыкновенно кажется какъ бы неподвижнымъ: и оттого часто достоинства и вѣскость явленій убѣгаютъ изъ-подъ взоровъ людей минуты; только исторія своею послѣдовательностію, вырабатывая смыслъ явленій и возводя его къ сознанію и убѣжденію, раскрываетъ всю силу ихъ значенія. Только исторія, за тысячу лѣтъ назадъ взятая, покажетъ въ яркомъ свѣтѣ успѣхи нѣмецкаго движенія на востокъ,—и передъ этою картиною ужаснется славянинъ не только за свое прошедшее и настоящее, но и за будущее.

Digitized by Google

У Адама Бременскаго записано миѳическое сказаніе о томъ, что на озерцѣ Агримесвидилѣ (нынѣ Штокзее въ Голштиніи, западнѣе Плунскаго озера) саксонскій нѣмецъ одноборствовалъ съ славяниномъ и убилъ его, и на этомъ мѣстѣ положенъ камень. Это знаменательное преданіе, идущее изъ временъ до-историческихъ, изображаетъ весь смыслъ борьбы нѣмцевъ съ западными славянами, кончившейся совершеннымъ истребленіемъ послѣднихъ. Исторія открывается безпрестанными войнами бодричей, населявшихъ нынѣшнія Голштинію и Мекленбургъ, съ саксами, жившими за лѣвымъ берегомъ Лабы, и съ данами. Древнѣйшій саксонскій лѣтописецъ, Витекиндъ, такъ опредѣлилъ значеніе борьбы нѣмцевъ съ славянами: «нѣмцы, говоритъ онъ, бьются ради славы и съ цѣлію пріобрѣсти великую и пространную область; славяне же за свободу: иначе имъ предстоитъ рабство». И война эта шла на смерть. Римское духовенство, съ мечемъ въ рукѣ, ходило на битвы съ славянами язычниками, и обращеніе въ христіанство связало съ порабощеніемъ и данничествомъ. Племена славянскія, по выраженію лѣтописца Дитмара, принявъ христіанство, подчинялись какъ данники. Язычество оставалось со свободою, а христіанство сочеталось съ насильственною покорностію и безправіемъ, на которое такъ горько жаловались славяне епископу Герольду въ 1155 году. Въ X вѣкѣ, по свидѣтельству Адама Бременскаго и Гельмольда, Нордалбингія (страна на сѣверъ отъ устьевъ Лабы), гдѣ вагры, самая западная вѣтвь бодричей, сталкивались съ саксами и данами, представляла сплошную пустыню; густой лѣсъ тянулся отъ рѣки Травны до устьевъ Шлеи, и въ мѣстахъ едва проходимыхъ, среди чащи деревъ, виднѣлись слѣды бывшихъ здѣсь нѣкогда человѣческихъ жилищъ, рвы, очертанія градовъ, плотины. Таково было начало истребленія славянъ. Вотъ какія рѣчи, записанныя Гельмольдомъ, говорилъ Прибиславъ, князь вагровъ и бодричей въ 1155 году: «Властители наши съ такою жестокостію давятъ насъ, что при страшномъ данничествѣ и рабствѣ, для насъ смерть лучше жизни. Всякій день приходитъ намъ на мысль бѣжать. О, если бы было куда бѣжать! Перейти за Травну—тамъ ожидаетъ такое же бѣдственное положеніе; за рѣку Пѣну (къ лютичамъ)—тамъ то же самое. Что же намъ остается другое, какъ покинувши матерую землю, броситься въ море, и жить тамъ среди волнъ»? Въ опустошенныя, обезлюдненныя земли шли толпы нѣмцевъ изъ Фландріи, Вестфаліи, а епископы нѣмецкіе съ радостію принимали ихъ въ свое духовное стадо. Въ

Digitized by Google

въ 834 г. основано было гамбургское епископство, какъ превоначальное учрежденіе для обращенія, подчиненія и онѣмеченія славянъ. Съ того времени епископства являются лучшими проводниками нѣмецкаго владычества. Императоръ Оттонъ I сразу основалъ три епископства: въ Браниборгѣ (Бранденбургѣ) у стодоранъ, въ Гавельберѣ, недалеко отъ впаденія Гаволы въ Лабу, (Ельбу) и въ Старградѣ (Ольденбургѣ) у бодричей. Эти епископства должны были вѣдать всѣхъ славянъ между Лабою и Одрою. Но и ихъ оказалось недостаточно: вслѣдъ за ними и въ подкрѣпленіе имъ основано было архіепископство дѣвинское и открыты еще три епископства: межиборское, жичанское и мишенское— собственно для обращенія славянъ между Лабой и Салою; а въ 1051 г., въ пособіе старградскому епископству, учреждены были епископства въ Ратиборѣ и Рарогѣ (Микилинбургѣ), въ землѣ бодричей. Цѣль была политическая; и потому не мудрено, что славяне, при первой возможности, бросались на епископскіе престолы, разрушали храмы и изгоняли нѣмецкое духовенство. Но это не спасло ихъ отъ погибели. Въ союзѣ съ епископствами крѣпкимъ поясомъ стягивались вокругъ славянъ военныя крайны (марки), начало которымъ, вмѣстѣ съ крѣпостями по Лабѣ, такъ удачно положено было Карломъ Великимъ. Императоръ Генрихъ I усилилъ саксонскую крайну нѣсколькими крѣпостями и основалъ въ Шлезвигѣ и у Ратаровъ новыя крайны, такъ что сынъ его, Оттонъ I, получивъ военную границу противъ славянъ, устроенною наилучшимъ образомъ, съ раздѣленіемъ на нѣсколько марокъ и со множествомъ крѣпостей, могъ тѣмъ съ большею силою налечь на конечное покореніе славянъ. Императоръ Конрадъ построилъ еще новую крѣпость Вербно, противъ которой лютичи предпринимали напрасный походъ. Противъ разрозненныхъ и ссорившихся между собою славянъ, у которыхъ представленіе власти не восходило выше княжеской, шло сомкнутое, объединенное властію, племя нѣмецкое съ самимъ императоромъ во главѣ; военная выдержанность и чиноначаліе господствовали у нѣмцевъ; охранныя войска, сидѣвшія по крѣпостямъ, и забѣгавшіе впередъ епископы поддерживали это стройное шествіе въ земли славянскія. Если со временъ Карла Великаго или съ VIII вѣка прослѣдить до Генриха или до XII вѣка всю исторію этихъ славянскихъ племенъ: вагровъ, бодричей, лютичей или велетовъ, стодоранъ, сербовъ и мильчанъ, населявшихъ земли на западъ отъ Одры, по обоимъ берегамъ Лабы и между Салою и Лабою,

Digitized by Google

и на сѣверѣ достигавшихъ рѣкъ Шлеи и Егдоры (Ейдеръ) въ нынѣшнемъ Шлезвигѣ; а на югѣ касавшихся Чехіи и Баваріи,— то мы не замѣтимъ у нихъ никакой опредѣленной цѣли, никакого общаго политическаго стремленія. Въ продолженіи трехъ роковыхъ столѣтій, въ которыя рѣшалась будущая судьба ихъ, они живутъ изо дня въ день, слѣдуя лишь влеченіямъ минуты и тратя напрасно свои силы, запасъ которыхъ былъ, какъ казалось, неистощимъ. Нѣмецкіе императоры и маркграфы являлись то мирителями ихъ, то пособниками однихъ противъ другихъ, то властителями, то союзниками, то врагами и покорителями. Въ продолженіи трехвѣковаго спора двухъ племенъ за обладаніе серединною полосою Европы,—обладаніе, которое однимъ открывало путь къ востоку, другимъ къ западу, нѣмцы успѣли какъ-бы сростить себя съ славянами, послѣ чего судьба послѣднихъ очутилась въ ихъ рукахъ. Что бы ни происходило у славянъ, ссорились ли они, мирились ли, устроивались ли, нѣмцы тутъ какъ тутъ были при нихъ и съ ними и противъ нихъ, выдерживая пораженія и пользуясь побѣдами. И какъ скоро овладѣли они судьбами славянъ, въ половинѣ XII вѣка, такъ не замедлили нанести рѣшительный ударъ славянству. Обезсиленные славяне отдались въ добычу своимъ настойчивымъ врагамъ. Въ земляхъ сербовъ между Салою и Лабою—Конрадъ изъ Ветина, маркграфъ мишенскій, въ побережьи у бодричей и западныхъ лютичей—Генрихъ Левъ, и въ землѣ стодоранъ, будущемъ Бранденбургѣ,—Албрехтъ Медвѣдь, маркграфъ сѣверосаксонскій положили начало онѣмеченію, и когда Вальдемаръ Датскій разорилъ храмъ въ Арконѣ у лютичей, тогда ничто уже не могло предохранить славянъ отъ онѣмеченія, которое совершилось въ короткое время съ необыкновенною настойчивостію и послѣдовательностію. Съ этого времени стодоранскій городъ Браниборъ начинаетъ постепенно возвышаться; Албрехтъ Медвѣдь, владѣлецъ Сербиштя (Цербстъ) и Кетена, принялъ титулъ марграфа браниборскаго, и вызвавъ сюда многочисленныя толпы саксовъ, голландцев, въ фламандцевъ, тщательно заботился объ окончательномъ онѣмеченіи своихъ владѣній. Эти нѣмецкіе переселенцы основали близь стараго Бранибора новый городъ и назвали его ужь по-своему—Бранденбургомъ. Такъ возникло зерно будущаго прусскаго королевства и такъ исчезла славянская народность въ средоземьи Европы. Онѣмеченіе пошло далѣе на востокъ по поморью и опять епископы, какъ феодалы, явились передовыми носителями нѣмецкой власти

Digitized by Google

и нѣмецкаго языка; за ними тянулись толпы нѣмецкихъ переселенцевъ, а славяне съ своими князьями или уходили далѣе или перерождались. Князь Вышеславъ, сынъ того самого Яромира, который, въ молодости, отстаивалъ независимость Поморья отъ датчанъ и нѣмцевъ, когда пала Аркона,—былъ уже нѣмецъ въ душѣ, и въ договорѣ своемъ съ епископомъ шверинскимъ свидѣтельствовалъ, что землю свою получилъ отъ епископа на ленномъ правѣ, и вотъ какъ писалъ онъ о нѣмцахъ и славянахъ: «если же случится такое бѣдственное обстоятельство (sinistro succedente casu)—отъ чего да сохранитъ Богъ!—и обложенная податью земля возвратится въ прежнее положеніе, то есть, съ изгнаніемъ нѣмцевъ, славяне начнутъ снова заселять ее, то имъ и платить бискуповщину сполна, какъ прежде». Понятно, какъ при этомъ быстро шло онѣмеченіе. Славяне, конечно, не выгнали нѣмцевъ, а напротивъ того, нѣмцы вытѣснили славянъ.

Перенесясь отсюда черезъ область древнихъ чеховъ на берега Дуная и далѣе на югъ къ берегамъ Ина, Енжи (Енсъ), Мура и Дравы, мы видимъ здѣсь подобіе тому, что видѣли на сѣверѣ. Какъ на крайней сѣверозападной оконечности славянскаго міра, вагры боролись съ данами въ Нордалбингіи, такъ здѣсь еще въ шестомъ вѣкѣ передовые винды на югозападѣ славянскаго міра боролись съ баварами, которыми владѣлъ тогда Тассило I. Какъ тамъ бодричи постоянно враждовали съ напиравшими на нихъ саксами, такъ и здѣсь славяне жили въ подданствѣ аварамъ. Какъ тамъ бодричи и стодоране пошли въ союзъ съ Карломъ Великимъ противъ саксовъ, не вѣдая, что готовили тѣмъ себѣ погибель, такъ и здѣсь князь Борутъ, въ союзѣ съ Тассиломъ II, вассаломъ Пипина Короткаго, оттѣснилъ аваровъ, но за то самъ попался подъ верховенство королей франкскихъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь славяне управлялись мелкими князьями и не имѣли силы единства. И здѣсь опять встрѣчаемся мы съ мрачнымъ, но величественнымъ образомъ того же императора Карла. И здѣсь, какъ на сѣверѣ, онъ съ необоримою силою воли, съ ужасающею настойчивостію, залагаетъ крѣпкія основы нѣмецкаго движенія впередъ. Во всю ширь Европы, отъ устьевъ Лабы до истоковъ Мура, успѣлъ онъ создать единство нѣмецкой силы и устремилъ эту силу къ востоку. И здѣсь находимъ мы военныя краины: восточную, изъ которой образовались впослѣдствіи Ракусы (верхнее и нижнее ерцгерцогства австрійскія), хорутанскую и виндійскую. Подъ защитою этихъ военныхъ учреж-

Digitized by Google

деній основались въ здѣшнихъ обезлюднѣвшихъ странахъ, многочисленныя поселенія нѣмецкія изъ Баваріи, Франконіи, Швабіи и Саксоніи. И здѣсь также видимъ мы туземныхъ славянскихъ князей, привлекаемыхъ къ суду и разбирательству у нѣмецкихъ императоровъ; потомъ князья эти мельчаютъ и исчезаютъ по немногу. На ихъ мѣсто приходятъ франкскіе и баварскіе вельможи, получаютъ богатыя помѣстья и вызываютъ новыхъ нѣмецкихъ переселенцевъ. Является новая марка—крайнская, и высшая власть надъ всею страною вручается намѣстнику баварскому. Всѣ должности, разумѣется, ввѣряются однимъ нѣмцамъ. И здѣсь также епископы пасавскій, зальцбургскій, фрейзингенскій усердно исполняютъ свое политическое назначеніе — обращать и вмѣстѣ порабощать народъ подъ власть двухъ римскихъ владыкъ, папы и императора. Какъ сильные феодалы, они селятъ нѣмцевъ въ своихъ владѣніяхъ и шлютъ сюда нѣмецкое духовенство. Страны, надъ которыми пронеслось столько бурь, лишены были самостоятельности, и тѣмъ съ большею легкостью нѣмецкая власть завладѣла судьбами здѣшняго славянства, и народность нѣмецкая поспѣшила стереть славянъ съ лица этой земли, оставивъ какъ-бы въ память нашему времени ничтожные и вымирающіе остатки славянскаго племени въ нижней Австріи.

Такъ, раздвинувъ славянъ частію на сѣверъ за Дунай въ нынѣшнія земли моравaнъ и словаковъ, частію на югъ въ Штирію, нѣмцы стали твердою ногою въ древнемъ Норикѣ и западной Паноніи, образовавъ здѣсь въ послѣдствіи два ерцгерцогства австрійскія.

Теперь, когда брошенъ лучъ исторіи на средоземную полосу Европы, отъ Нордалбингіи, гдѣ нынѣ расцвѣтаетъ новорожденный германскій флотъ, и отъ Балтійскаго поморья, на югъ по междурѣчью Одры, Лабы и Салы и за Дунай до алпійскихъ ущелій, скрывшихъ въ себѣ и сберегшихъ славянское племя, — полоса эта, вмѣщающая въ себѣ до 216 тысячъ кв. верстъ, озарилась для насъ настоящимъ своимъ свѣтомъ. Геній Карла Великаго— геній нѣмецкій, создавшій военныя краины и вѣрно разгадавшій приличнѣйшій для нѣмцевъ того времени способъ поступательнаго движенія на востокъ, къ концу XII вѣка невольно, безъ чьей либо вины, отразился въ одной великой военной крайнѣ, какою стала для нѣмцевъ вся эта средоземная полоса. Пройдя по ней настоящимъ духомъ-истребителемъ, духъ германскій засѣлъ здѣсь единственнымъ обладателемъ земли, и немѣ-

Digitized by Google

чина, опираясь на эту первую, прочно и безусловно усвоенную себѣ добычу, потянулась далѣе на востокъ за новою добычею.

Наступила вторая эпоха нѣмецкаго Drang nach Osten.

При взглядѣ на народописную карту Европы, мы видимъ, что та средоземная полоса, о которой мы сейчасъ говорили, какъ-бы пересѣкается пополамъ: эта не-нѣмецкая впадина есть Чехія, далеко впередъ вдающаяся теперь въ нѣмецкія земли и устоявшая съ своимъ славянствомъ, благодаря развитости своего народа и отчасти своимъ горамъ, окаймляющимъ ее съ сѣвера, запада и юга. Чехія и по положенію своему и по нравственному значенію есть теперь передовой стражъ славянства и вмѣстѣ голова его. Понятно, что нѣмечина, охвативъ ее съ сѣвера и юга, поставила существованіе ея своимъ племеннымъ вопросомъ и съиздавна и до сихъ поръ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы задушить ее; понятно, что черезъ Чехію Бисмаркъ и Бейстъ—два соперника и врага, подаютъ другъ другу руку во имя высшихъ племенныхъ цѣлей. Еще съ X вѣка нѣмцы начали свои подходы въ Чехіи. По обычному правилу своему, которое и теперь всюду соблюдается и примѣняется ими, они проникали по всей землѣ во всю твердь народную и разъѣдали цѣльность народной мысли и воли, а между тѣмъ, сплачивались въ столицѣ и главнѣйшихъ городахъ; западный же уголъ, прилегавшій къ ихъ опорной чертѣ, рѣшительно дѣлали нѣмецкимъ, чтобы имѣть здѣсь новую дальнѣйшую точку исхода. Такъ съ древнѣйшихъ временъ завязались у чешскихъ королей брачныя и государственныя связи съ нѣмцами; высшее духовенство и первый епископъ Дитмаръ были нѣмцы; плодились монастыри съ нѣмецкими орденами; торговля была въ рукахъ нѣмцевъ. Въ XIII вѣкѣ стали основываться города съ нѣмецкимъ населеніемъ и магдебургскимъ правомъ. Толпы нѣмцевъ селились на чешскихъ земляхъ, и въ Прагѣ, при Вацлавѣ I, основана была цѣлая городская часть нѣмецкая; а при Оттокарѣ II заложено еще новое мѣсто для нѣмцевъ, по изгнаніи оттуда чеховъ (Малая Страна). Сами короли и вельможи прониклись нѣмечиной, мѣняли свои родовыя прозвища на нѣмецкія, давали городамъ нѣмецкія названія. Прилегающія къ Исполиновымъ и Руднымъ горамъ околицы: Трутновская, Кладская и Локетская заняты были нѣмцами; особенно ордена миноритовъ и нѣмецкихъ (прусскихъ) рыцарей ревновали объ онѣмеченіи. Городъ Хомутовъ такъ былъ онѣмеченъ послѣдними, что въ чехахъ пошла поговорка: «вездѣ люди—въ Хомутовѣ нѣмцы».

Digitized by Google

Много пришло въ Чехію и знатныхъ нѣмецкихъ родовъ съ своими дружинами. Околицы Фридландская и Либерецкая (Рейхенбергъ, прославившійся не такъ давно избраніемъ въ свои депутаты Бейста и поѣздкою его сюда) были наполнены нѣмцами. При короляхъ, изъ рода люцембургскаго, нѣмечина достигла высшей степени. Дворъ королевскій превратился въ нѣмецкій, говорили и писали частно и официіально по-нѣмецки. Въ Прагѣ былъ основанъ первый германскій университетъ, въ которомъ три голоса имѣли нѣмцы, а одинъ голосъ чехи. А въ пограничныхъ околицахъ чешскихъ шла сильная дѣятельность, направленная къ тому, чтобы эти околицы сдѣлать невозвратно и исключительно нѣмецкими. Такъ еще съ IX вѣка самый западный уголъ чешской земли, Хебъ, считавшійся частью Чехіи при Карлѣ Великомъ, былъ отторгнутъ нѣмцами и изъ него, въ соединеніи съ частью земли вымершихъ на верховьяхъ рѣки Салы сербовъ, сдѣлана восточно-франкская крайна или виндійская марка, разумѣется, онѣмечившая въ себѣ все славянское населеніе. Опираясь на этотъ уголъ, нѣмцы къ XIV столѣтію уже успѣли опоясать почти кругомъ всю Чехію своимъ населеніемъ и отодвинули чеховъ внутрь страны отъ ихъ естественныхъ предѣловъ—пограничныхъ хребтовъ, Рудныхъ и Исполиновыхъ горъ. Владѣя такимъ образомъ горными проходами, это нѣмецкое населеніе съ радостію отворяло ворота въ Чехію и встрѣчало враговъ славянства. Хотя съ появленіемъ Гуса чешская народность взяла верхъ и впервые проявилось народное сознаніе; хотя еще въ 1322 г. городъ Хебъ былъ присоединенъ къ Чехіи; однако внутреннее очищеніе отъ нѣмцевъ уже не могло совершиться вполнѣ: въ самый разгаръ гуситства, многіе знатные чешскіе роды держались нѣмечины; а тѣмъ менѣе могли воротиться къ чехамъ погорья или сѣверныя околицы, прилегавшія въ пограничнымъ горамъ съ Саксоніею; онѣ уже навсегда были потеряны для чешскаго населенія, хотя въ государственномъ отношеніи и входили въ составъ чешскаго королевства. Въ началѣ XVII столѣтія Папроцкій такъ говоритъ о чешской шляхтѣ: «немного осталось чистыхъ чеховъ; или чехъ женится на нѣмкѣ, или нѣмка выходитъ за чеха; обычаи и нравы болѣе нѣмецкіе, чѣмъ народные». Несчастная бѣлогорская битва, которая предала чешское королевство во власть Габсбурговъ, послужила началомъ къ рѣшительному онѣменію его; 36 тысячъ чешскихъ семействъ и между ними болѣе тысячи шляхетскихъ, выѣхали изъ родины и на ихъ мѣсто нахлынули по городамъ и

Digitized by Google

селамъ толпы нѣмецкаго люду; вползли и многочисленные духовные ордена, которые вмѣстѣ съ іезуитами жгли чешскія книги, и чехи начинали говорить и читать по-нѣмецки. Тридцатилѣтняя война, истребившая три четверти всего населенія, и моръ 1681 года довершили разореніе Чехіи. Къ прежнимъ нѣмецкимъ городамъ присоединилось множество новыхъ, и онѣмеченіе нѣкоторыхъ околицъ шло сплошною силою, недоступною уже ни для какого народнаго противодѣйствія. Любопытно описаніе Фрозина, объѣхавшаго всю Чехію въ 1699—1701 годахъ и обозначившаго отношеніе обѣихъ народностей по округамъ. До того онъ былъ пораженъ этимъ явленіемъ! Онъ пишетъ: «въ Пильзенскомъ округѣ на половину нѣмцевъ; околицу Кладскую я совсѣмъ ужь не отношу къ чехамъ; Литомержицкій на половину чешскій и на половину нѣмецкій; Жатецкій край почти весь нѣмецкій; Локетскій совершенно нѣмецкій». Продолжая завладѣвать славянскою землею, нѣмцы продолжали подрывать и нравственную почву. Въ 1774—76 годахъ нѣмецкій языкъ введенъ въ высшія и народныя училища; онъ сдѣлался и должностнымъ языкомъ, такъ что создалось какъ-бы особое сословіе нѣмецкихъ и онѣмеченныхъ чиновниковъ. Но по мѣрѣ поднятія народнаго сознанія и развитія народности, замѣтно стало во внутренней жизни страны обратное движеніе нѣмечины. Тѣмъ не менѣе, нѣмцы сдѣлали свое дѣло и успѣли охватить чистымъ и сплошнымъ населеніемъ всю сѣверозападную окраину Чехіи, а она, будучи въ рукахъ нѣмцевъ, открываетъ цѣлой Германіи доступъ сюда изъ Саксоніи. Начавши съ запада, Хеба, нѣмцы примкнули къ Саксоніи сплошною полосою и навсегда прирѣзали эту окраину къ великому нѣмецкому отечеству. Примѣръ поучительный и для насъ, потому что онъ повторяется и у насъ.

Теперь въ Хебскомъ краю, самомъ западномъ и прилагающемъ къ Баваріи, нѣмцы составляютъ полные 100%; ближайшіе къ нему и сосѣдніе съ Саксоніею края, Жатецкій и Литомержицкій, имѣютъ 96—99% нѣмцевъ; далѣе отъ нихъ къ востоку тоже сѣверные пограничные края, Болеславскій, Ичинскій и Градецкій, заключаютъ отъ 30 до 45% нѣмцевъ. Также точно края, лежащіе на юговостокѣ отъ Хеба, по границѣ съ Баваріею, Пильзенскій съ 35%, Писецкій съ 20% и Будѣіовицкій съ 50% нѣмецкаго населенія, вмѣстѣ съ предыдущими сѣверными, достаточно наглядно представляютъ послѣдовательный разумный способъ нѣмцевъ—занять собою окраины и стягивая понемногу этотъ поясъ,

Digitized by Google

стѣснить, задушить славянскую народность. И дѣйствительно, только внутренніе края въ Чехіи имѣютъ не болѣе 4—7% нѣмцевъ, а самый серединный, Таборскій, совершенно свободенъ отъ нихъ. За то въ самой Прагѣ нѣмцевъ до 33%.

Мы нарочно подолѣе остановились на Чехіи, потому что нравственные и поземельные подвиги стремящейся на востокъ германской народности, ея пріемы и окончательные успѣхи здѣсь видны какъ на ладони.

Какъ черезъ Хебъ шли нѣмцы и водворялись въ Чехіи, такъ точно, опираясь на ту же, ими устроенную и ужь совершенно сдѣлавшуюся нѣмецкою, опорную линію по Дунаю и Енжѣ (Ракусы), они тѣснились вверхъ по Енжѣ и Муру въ страну Альповъ, куда укрылись отъ нихъ потомки древнихъ виндовъ. Здѣсь какъ не громко началось, такъ и продолжалось онѣмеченіе съ помощію сильныхъ владѣтельныхъ домовъ и огромныхъ епископскихъ поземельныхъ имуществъ. Сравнивая теперешнюю черту славянскаго населенія съ тою, которая возникаетъ изъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сказаній, на пр. о битвѣ славянъ въ своей землѣ съ баварами у Агунта (нынѣ Иннихенъ) и изъ мѣстныхъ названій, мы видимъ, что здѣсь нѣмцы далеко на югъ оттѣснили славянъ и пріобщили къ своимъ, уже вполнѣ нѣмецкимъ, землямъ въ Ракусахъ, широкую полосу сѣверной Штиріи и Хорутаніи, ставшую тоже совершенно нѣмецкою. Въ прилегающихъ къ Ракусамъ округахъ Штиріи, Мостовскомъ (Бриксенъ) и Градецкомъ нѣмцы составляютъ въ первомъ полные 100%, во второмъ 96%; въ западной Хорутаніи тоже до 80%; такъ что только серединные, наиболѣе удаленные отъ нѣмецкихъ земель, округи Мариборскій (Марбургъ) въ Штиріи и Цѣловскій (Клагенфуртъ) въ Хорутаніи имѣютъ въ себѣ первый 95% славянскаго населенія, а второй 63%. Крайна, какъ болѣе удаленная область, осталась наиболѣе свободною отъ нѣмцевъ. Намѣстничество Фурлянское (Фріульское), которое ею завѣдывало по распоряженію старыхъ римскихъ императоровъ, не имѣло возможности нѣмечить ее; тѣмъ не менѣе впослѣдствіи императоръ Максимиліанъ I переселилъ сюда въ Ходченскій округъ до 20 тысячъ нѣмцевъ, и самый городъ Люблана (Лайбахъ) вмѣщаетъ въ себѣ уже на половину нѣмцевъ. Значитъ, и въ этихъ трехъ славянскихъ областяхъ, Штиріи, Хорутаніи и Крайнѣ, нѣмцы послѣдовательно овладѣваютъ и начистую нѣмечатъ окраины и тѣснятъ славянъ во внутрь, откуда имъ нѣтъ выхода и гдѣ ихъ надѣются окончательно истребить. Какъ въ Чехіи, такъ

Digitized by Google

и здѣсь нѣмцы успѣли совершенно отторгнуть цѣлыя окраины, откуда тѣмъ съ большимъ удобствомъ они могутъ высылать своихъ подвижниковъ на дальнѣйшее завладѣваніе славянскою землею и главное — для разъединенія и разложенія славянской народности, для помѣхи ея политическому движенію.

Естественнымъ путемъ всякаго народнаго движенія бываютъ большія рѣки. И точно: по Дунаю, который вся Германія считаетъ своею главною артеріею, связывающею ее съ Востокомъ, началось въ послѣднее время наиболѣе сгущенное разселеніе нѣмецкаго племени. Въ краяхъ, прилегающихъ къ Дунаю, на всемъ теченіи его по австрійскимъ землямъ, какъ-то: Толнскомъ, Бараньѣ, Бачкѣ, Торонтальскомъ, Темешварскомъ, нѣмцевъ считается теперь отъ 23 до 37%; въ другихъ до 20%. Важность обладанія этою рѣкою усмотрѣна была императоромъ Іосифомъ II, сюда направлены были имъ нѣмецкіе переселенцы;—и въ этомъ случаѣ, когда дѣло шло о существенномъ обладаніи такимъ важнымъ путемъ движенія, нѣмцы не поцеремонились ни съ мадьярами, ни съ славянами.

А еще далѣе впереди, по всему востоку австрійской монархіи, уже заготовлены для успѣховъ нѣмецкой народности передовыя усиленныя станицы. Частію еще во вторую эпоху, съ XII вѣка, въ Моравіи маркграфы и крупные землевладѣльцы, епископы и рыцарскіе ордена занялись онѣмеченіемъ страны, и древнѣйшіе, значительнѣйшіе города получили себѣ магдебургское право. Теперь во всей Моравіи нѣтъ края, свободнаго отъ нѣмцевъ: но преимущественно пограничные съ австрійскими землями и съ прусскими владѣніями края Знаимскій и Берненскій обилуютъ нѣмцами, имѣя ихъ у себя до 50%. Здѣсь въ распредѣленіи обѣихъ народностей таится тотъ же смыслъ, который мы замѣтили выше въ Чехіи и въ земляхъ словенцевъ.

Ко второй же эпохѣ, отъ XIV до XVIII столѣтія, относится и усиленное движеніе нѣмцевъ далѣе на востокъ за Моравію въ земли словаковъ, гдѣ въ округахъ Спижскомъ и Абуйварскомъ они составляютъ уже болѣе трети всего населенія, и въ Силезію гдѣ ихъ большая половина.

Частію уже въ новѣйшія времена, въ третью эпоху, именно въ XVIII столѣтіи, нѣмецкая народность протѣснилась и въ Галицію и въ Буковину; указомъ Іосифа II отъ 17 сентября 1781 года открытъ былъ рядъ распоряженій объ онѣмеченіи Галиціи. Нѣмецкіе переселенцы получали деньги на путевыя издержки,

Digitized by Google

водворялись на казенный счетъ, снабжались лѣсомъ и всѣми необходимыми припасами и орудіями (fundus instructus), освобождались на нѣсколько лѣтъ отъ податей и получали нѣмецкое право. Казна израсходовала до 2 милліоновъ флориновъ на это переселеніе и перевела сюда до 12 тысячъ нѣмцевъ. Всѣ округи Галиціи, кромѣ Саноцкаго и Чортковскаго, и Буковина имѣютъ у себя нѣмецкое населеніе, которое среднимъ числомъ восходитъ до 5%; а въ городахъ: Краковѣ до 37%, Львовѣ до 20% и въ Черновицѣ до 45%.

И сосѣдняя Седмиградія не осталась безъ нѣмцевъ: и тамъ почти повсюду водворены были они подъ именемъ саксовъ, преимущественно изъ отставныхъ военныхъ, и составляютъ теперь вообще до 4%, а въ нѣкоторыхъ округахъ достигаютъ 13%.

Такъ раскинута нѣмецкая сѣть по всему пространству австрійской имперіи и если окинемъ ее сразу однимъ взглядомъ, то нѣмецкая народность, противуположно славянской и мадьярской, сидящихъ неподвижными гнѣздами, представится намъ какою-то ползучею, всюду проникающею, вездѣ водворяющеюся, всеразлагающею живою силою. Немногіе серединные округи въ населеніи мадьярскомъ, по одному краю у чеховъ и моравaнъ, два округа въ Галиціи и нѣсколько округовъ въ Седмирадіи, уцѣлѣли отъ ея незванаго, назойливаго посѣщенія; да остались еще не тронутыми сравнительно небольшія области Хорватія и Далматія. Въ разныхъ мѣстахъ этой сѣти выдаются наиболѣе густо населенныя мѣстности, имѣющія такое же значеніе, какое имѣютъ передовыя станицы, когда отвоевывается непріятельская земля. Таковы онѣ въ особенности по теченію Дуная, провожающія нѣмецкую народность далеко на востокъ, по теченію Дуная, тогда какъ сѣверныя нѣмецкія окраины Чехіи и Моравіи и вся Силезія подаютъ руку сѣверогерманскимъ нѣмцамъ. Когда вспомнимъ, что нѣмецкая народность пользовалась всегда и доселѣ пользуется предпочтеніемъ въ глазахъ австрійскаго правительства, то мы поймемъ всю силу и значеніе нѣмечины, осѣтившей и землю славянскую и жизнедѣятельность славянскую; поймемъ, почему политическое положеніе такъ неблагопріятно для славянъ и почему у себя дома они отовсюду встрѣчаютъ противодѣйствіе и помѣху.

Перейдемъ же отъ этой печальной картины къ королевству прусскому: здѣсь то же движеніе нѣмецкое, но еще послѣдовательнѣе и безпощаднѣе. Какъ скоро германская власть утвердилась въ XIII столѣтіи въ междурѣчіи Лабы и Одры, въ Брани-

Digitized by Google

борѣ, такъ нѣмецкое движеніе быстро пошло на востокъ за Одру и внизъ по этой рѣкѣ. Западное Поморье первое онѣмечилось съ своими князьями къ концу XIII столѣтія. На опустошенныя датчанами земли пришли нѣмецкіе поселенцы, многочисленныя монастырскія помѣстья наполнялись нѣмцами, строились новые нѣмецкіе города и возобновлялись старые, какъ-то: Бранисла́въ, Штетинъ, Старгородъ, Дыминъ, Колобрегъ хотя и со славянскими именами, но уже съ нѣмецкими жителями. Бранденбургскіе маркграфы начали сюда свои вторженія и всѣми способами старались распространить свои владѣнія до береговъ балтійскихъ. Надобно только дивиться ихъ настойчивости, ихъ изворотливости! То захватами, то полученіемъ земель въ лено отъ датскихъ королей и нѣмецкихъ императоровъ, то снова войнами, то договорами съ туземными славянскими княжескими родами, добивались они Поморья, и наконецъ добились, послѣ того какъ нѣмецкое дѣло попалось въ руки Фридриху Гогенцоллерну, маркграфу нюрембергскому, купившему Бранденбургъ у дома Люцембургскаго въ 1415 году. Не смотря на свои славянскія имена, туземные князья поморскіе продолжали быть чистыми нѣмцами, и когда послѣдній изъ нихъ, Воиславъ XIV, умеръ въ 1637 году, тогда курфирстъ бранденбургскій, по договору, получивъ себѣ Поморье, подѣлилъ его между Бранденбургомъ и Швеціею, а въ 1815 году Пруссія пріобрѣла окончательно все западное Поморье. Восточное Поморье съ городомъ Гданскомъ (Данцигомъ), не смотря на алчность тевтонскихъ рыцарей, засѣвшихъ въ литовскихъ прусахъ, и бранденбургскихъ курфирстовъ, уцѣлѣло надолго для польскаго королевства и подъ его верховною властію успѣло нѣсколько сберечь свое славянство, которое и до сихъ поръ сохранилось въ слабыхъ остаткахъ кашубовъ. Но въ трехъ раздѣлахъ Польши, Пруссія отхватила себѣ остальное Поморье съ Гданскомъ, Познань, и въ 1815 году, закрѣпивши за собою окончательно великое герцогство познанское, далеко впередъ выдвинула свою задачу безпощаднаго онѣмеченія, и польское племя въ своихъ предѣлахъ обрекла на конечное истребленіе.

Между тѣмъ ливонскій и тевтонскій рыцарскіе ордена давно уже вторгшіеся въ земли литовскаго племени, нѣмечили эстовъ и латышей и истребили до тла литовскій народъ прусовъ. Нѣмецкій духъ вездѣ одинъ и тотъ же; потому всѣ работы его имѣютъ свойство согласоваться между собою. Онѣмечивая балтійское литовское побережье по Нѣману и Двинѣ, рыцари ме-

Digitized by Google

чемъ и крестомъ готовили сильную нѣмецкую краину на встрѣчу шедшей съ запада на востокъ германской силѣ. Время истребило рыцарей; но созданное ими быстро разросталось все шире и шире. И когда чрезъ присоединеніе Гданска и Торуня (Торнъ), прусскія владѣнія слились сплошь до самаго Краловца (Кенигсбергъ), тогда вдругъ оказалось, что къ нимъ примкнулъ новый членъ нѣмецкаго племени—Отзейскій край гдѣ рыцари, добывши себѣ новую опорную точку въ Берлинѣ и Краловцѣ, сильнѣе стали нѣмечить у себя литовское племя, высылая свои нѣмецкія дружины въ россійскія столицы и въ среду русскаго народа. Теперь въ Помераніи славяне совершенно исчезаютъ между нѣмцами, составляя едва 0.2½% всего населенія; въ восточной и западной Пруссіи, къ которой приписанъ и Гданскъ, уцѣлѣвшее подъ властію прежняго польскаго королевства, славянское населеніе составляетъ не болѣе 20%, и въ Познанскомъ великомъ герцогствѣ славяне держатся еще пока кое-какъ только на восточной границѣ съ царствомъ польскимъ и ждутъ того недальняго времени, когда пробьетъ имъ послѣдній часъ. Въ одно полустолѣтіе нѣмецкая народность поднялась здѣсь на 50%.

Славянская народность не признается нигдѣ въ прусскомъ королевствѣ. Пруссія давитъ и истребляетъ ее всею тяжестію и всѣми способами своей правительственной власти и всею силою нѣмецкой народности.

Давно также онѣмечилось верхнее теченіе Одры въ Силезіи; и здѣсь также славянство загнано въ самый восточный уголъ. Еще съ тринадцатаго вѣка, при послабленіи королей польскихъ и мѣстныхъ князей, приходили сюда и селились нѣмцы; всѣ большіе города уже надѣлены были магдебургскимъ правомъ. Князья чрезъ брачныя связи съ нѣмками, сами нѣмечились и нѣмечили своихъ подданныхъ; за ними трудились на пользу нѣмецкой народности епископы вратиславскіе, разные монастыри разныхъ орденовъ и рыцари храмники, іоанниты и др. Князья сажали на должности скорѣе нѣмцевъ, чѣмъ славянъ; шляхта усвоивала нѣмецкій языкъ и обычаи. Но кромѣ того, иногда употреблялось насиліе; бывали примѣры, что славянское населеніе изгонялось и на его мѣсто водворялись нѣмцы. Такъ Янъ, епископъ вратиславскій, въ 1495 г. предписалъ, чтобы жители одного селенія въ пять лѣтъ выучились по-нѣмецки; а иначе «его милость не потерпитъ ихъ нигдѣ и отовсюду выгонитъ». Особенною ревностію въ онѣмеченіи отличился домъ Гогенцоллерновъ бранденбургскихъ. Юрій-Фридрихъ, въ

Digitized by Google

концѣ XVI-го столѣтія, владѣя округомъ Креневскимъ, нѣсколько лѣтъ боролся съ чинами за введеніе здѣсь нѣмецкаго языка въ земское право. Въ тридцатилѣтнюю и послѣдующія войны нѣмецкой имперіи съ Пруссіею, Силезія жестоко пострадала; нѣмцы и жиды нахлынули въ нее потомъ, и скоро подъ властію прусскихъ королей совершенно онѣмечились ея западные округи, а славянская народность укрылась въ Опольскомъ округѣ на крайнемъ востокѣ, гдѣ противъ всего населенія прусской Силезіи она кажется слабою частицею, едва достигая 20%. Такъ быстро идетъ онѣмеченіе въ прусскихъ владѣніяхъ подъ властію Гогенцоллерновъ. Картина еще мрачнѣе, еще печальнѣе.

Чуется, что идетъ сила, и сила тѣмъ болѣе грозная, что ходъ ея спокоенъ, безшуменъ и расчитанъ прочно; каждый шагъ ея впередъ есть завоеваніе на вѣки. Гдѣ прошла она, тамъ славянство уже не возстанетъ; тамъ она ростетъ, полнѣетъ и, умножаясь, идетъ все дальше и напираетъ все тяжелѣ на Востокъ. Уже вся передовая часть западно-восточнаго отдѣла славянскаго міра охвачена ею, подобно страшной пасти—на сѣверѣ вдоль всего Балтійскаго поморья, гдѣ она вторгается уже въ предѣлы русскаго племени; на югѣ—вдоль теченія Дуная, гдѣ ей протягиваютъ руку недавно примиренные съ нею мадьяры; а между сѣверомъ и югомъ, выдвинувъ далеко впередъ свои стяжанія въ Силезіи и Познани, она устремила отсюда свой натискъ въ самое сердце славянства, чтобы разлиться нѣмецкимъ землевладѣніемъ по Вислѣ, Нѣману, Днѣстру и Бугу—словомъ, направо и налѣво, по всей сѣверозападной и югозападной окраинѣ Россіи.

Припомнимъ, что было время, когда нѣмцы бились съ славянами въ Нордалбингіи, недалеко отъ устьевъ Лабы, и на поляхъ Баваріи, близь береговъ Ина, и при Агунтѣ на верховьяхъ Дравы, въ долинахъ Тироля, и оттѣснивъ или истребивъ ихъ, заложили себѣ первую опорную черту. То была первая пора—пора крови и желѣза. Припомнимъ послѣ того, что съ этой опорной черты нѣмцы двинулись впередъ на востокъ во всю ширину Европы и покрыли собою все пространство по обоимъ берегамъ Одры, Дуная и по верхнему теченію Савы, Мура и Енжи. То была вторая пора, пора водворенія и устроенія. Передѣлы, даренія, покупки, наслѣдства между владѣтельными домами, нѣмецкое городовое право, нѣмецкія поселенія, введеніе нѣмецкаго управленія, участіе духовенства, наконецъ отреченіе князей и вельможъ славянскихъ отъ своей народности и вымираніе и вымариваніе остатковъ сла-

Digitized by Google

вянскаго племени въ средней Европѣ: вотъ признакъ этой второй поры, ознаменованной совершеннымъ отторженіемъ отъ славянъ нѣсколькихъ окраинъ, въ Чехіи, въ Штиріи и Хорутаніи и въ Поморьи, гдѣ заложены новыя опорныя точки для дальнѣйшаго усиленнаго движенія. Припомнимъ напослѣдокъ, что съ половины XVIII-го столѣтія почти одновременно Габсбурги онѣмечиваютъ берега Дуная, населяютъ нѣмцами Галицію и весь востокъ своей имперіи, а Гогенцоллерны онѣмечиваютъ Силезію, отторгаютъ и онѣмечиваютъ Познань и Померанію и входятъ чрезъ восточную Пруссію въ связь съ остзейскими нѣмцами. Это третья пора— пора государственнаго онѣмеченія и заложенія дальнѣйшихъ опорныхъ точекъ, освященныхъ конгресами при благоволительномъ участіи Россіи. И вотъ изъ-за Лабы и Ина нѣмецкое движеніе достигло предѣловъ Россіи. Что же, остановится оно?

Но зачѣмъ ему останавливаться? Сила онѣмеченія, подъ сѣнію нѣмецкой власти Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, крѣпко держитъ свою добычу. А власть нѣмецкая готовитъ ей новыя добычи въ будущемъ. Уже при Маріи Терезіи постоянная коммисія, составленная изъ офицеровъ генеральнаго штаба, должна была изучить румынскія княжества и отвѣтить, между прочимъ, на слѣдующіе вопросы: для австрійской монархіи, если она присоединитъ съ Божіею помощію эти области, нужно исчислить пространство, народонаселеніе и опредѣлить почву, а также денежную стоимость областей, для того, чтобы знать, сколько можно издержать на ихъ пріобрѣтеніе? Если Австрія, послѣ такого изслѣдованія, рѣшится завладѣть этими областями, то нужно знать, какія отъ того проистекутъ выгоды? Какой вредъ причинитъ Турціи и Россіи потеря этихъ областей, если бы заставить ту и другую отказаться отъ нихъ? Послѣ того Австрія не одинъ разъ пыталась занять своими войсками княжества; а въ тихомому, и еще недавно, передвигала свои пограничные столбы на почву княжествъ, какъ это прежде дѣлала она относительно Польши. Боснія и Герцеговина уже изслѣдованы ея военными топографами вдоль и поперекъ, и изучена всѣ мѣстность, примѣнительно къ военнымъ дѣйствіямъ. Года два тому назадъ, точно такъ же изучено было и сербское княжество, и издана особая брошюра, въ которой между прочимъ указаны возможные военные пути, описаны крѣпости и начертаны даже цѣлые маршруты. Проходы въ Карпатахъ изслѣдованы самымъ тщательнымъ образомъ, усилены укрѣпленія въ Галиціи, и читаются лекціи о предстоящей войнѣ съ Россіею. Въ

Digitized by Google

Германіи откровенно пишутъ о присоединеніи остзейскихъ областей къ великому нѣмецкому отечеству, восторгая умы культуртрегеровъ; а въ самыхъ областяхъ наслѣдники рыцарей спѣшатъ онѣмеченіемъ латышей и эстовъ. Покупка земель на западѣ Россіи, запрещенная полякамъ и дозволенная нѣмецкимъ протестантамъ, вызвала образованіе въ Германіи нѣсколькихъ обществъ, содѣйствующихъ распространенію нѣмецкаго землевладѣнія на окрайнахъ Россіи, конечно, съ цѣлью онѣмечить ихъ и заложить новую опорную черту, марку, для дальнѣйшаго движенія на востокъ. Въ западной части царства Польскаго, за Вислою насчитывается до 400 тысячъ нѣмцевъ и есть города, въ которыхъ не слышно другаго языка, кромѣ нѣмецкаго. Сѣверозападная и югозападная окрайны Россіи, очевидно, избраны нѣмцами за базисъ для водворенія сплошнаго нѣмецкаго населенія, опираясь на которое они могутъ вдвигаться постепенно въ глубь польскаго и малорусскаго населенія. Отсюда къ сѣверовостоку черезъ Ковенскую губернію они входятъ въ связь съ остзейскимъ рыцарствомъ, и въ самой Ковенской губерніи уже такъ твердо водворено нѣмецкое землевладѣніе, что она является отличнымъ дополненіемъ къ Остзейскому краю и упрочиваетъ связь его съ восточною Пруссіею. Широкую дорогу разрабатываетъ себѣ нѣмецкое племя по балтійскому побережью; дорога эта пригодна и для мирныхъ стяжаній и для кровавыхъ завоеваній. А къ юго-востоку, по новымъ путямъ сообщеній, чрезъ желѣзныя дороги, нѣмцы въ содружествѣ съ евреями, получившими новыя права водворенія, распространяются по привольнымъ южно-русскимъ областямъ, гдѣ такъ тепло и сытно живется, и спѣшатъ высылать своихъ піонеровъ все дальше и дальше вплоть до самаго Кавказа, гдѣ ждутъ ихъ, чтобы войти съ ними въ связь, новыя нѣмецкія поселенія, занявшія, въ противуположность чешскимъ, лучшія и плодоноснѣйшія земли съ здоровымъ климатомъ. Пусть статистика опредѣлитъ цифру нѣмцевъ и нѣмецкихъ евреевъ по западной и южной окрайнамъ Россіи—и тогда можно будетъ опредѣлить на сколько уже уплотнился этотъ инородный поясъ, охватившій Россію и завязавшій свои узлы въ финскихъ болотахъ и въ кавказскихъ нагорьяхъ.

Кто не сознается, что сила эта великая, что ею движетъ высоко напряженный, неутомимый духъ германскій, и слѣдовательно, эта сила историческая, міровая. Она не только выростаетъ изъ самой себя, но и умножается извнѣ чрезъ привхо-

Digitized by Google

дящихъ въ нее новообращенныхъ. Гдѣ же предѣлъ этой побѣдоносной силѣ? Страшно становится за будущее славянства, когда измѣришь все пространство, ею пройденное, когда позади ея увидишь только безмолвные, омертвѣлые слѣды совершеннаго истребленія славянскаго племени. Какъ всякая міровая сила, она пользуется такими орудіями, которыя сами по себѣ являются какъ необходимая потребность времени или неизбѣжное условіе человѣческаго общежитія. Нужна была дань, нужны была подданные—являются епископы съ проповѣдью и порабощеніемъ; нужны были поселенія—являются нѣмецкіе переселенцы; нужно было устроить городской порядокъ и промыслы,—является нѣмецкое право; нужно усмирить и взять въ руки такія страны, гдѣ народная мысль не сходилась съ установленными въ Европѣ понятіями о свойствахъ и предѣлахъ власти,—являются уступки такихъ странъ нѣмцамъ; нужны отвлеченно-государственныя, но не народныя связи,—являются дѣлежи и опять нѣмцы берутъ и онѣмечиваютъ славянскія земли; нужны вѣрные слуги,—являются нѣмецкіе чиновники. Въ Пруссіи все это дѣлалось и дѣлается рѣшительнѣе. Само государство способствовало къ распространненію нѣмецкаго землевладѣнія въ славянскихъ странахъ, принимая самыя разнообразныя мѣры къ удаленію владѣльцевъ польскаго происхожденія и не щадя на это денежныхъ пособій. Наконецъ, потребовалось развитіе торговли и кредита и явились па помощь нѣмцамъ сыны Израиля, выманивая себѣ постепенно обширнѣйшія льготы и права; ими наполнились главнѣйшіе славянскіе города. Евреи нѣмечились и несли свои природныя способности, даже по части журналистики, на пользу нѣмечинѣ. Оба племени соединились въ общемъ дѣлѣ, и нигдѣ эта общность нѣмецко-жидовскихъ стремленій такъ не сильна, какъ въ большихъ городахъ: Познани, Вѣнѣ, Пештѣ, Краковѣ, Львовѣ, Черновицѣ, вообще въ Галиціи и преимущественно по окрайнамъ Россіи и въ самой Россіи. Старая Германія сдѣлалась отечествомъ новаго Израиля, и чѣмъ одиночнѣе и неограниченнѣе была правящая государствомъ сила, тѣмъ легче устроивались способы нѣмеченія, тѣмъ легче было склонить ее въ свою пользу.

По образцу древнихъ прибалтійскихъ и подунайскихъ земель, но только иными способами, нѣмцы, двигаясь впередъ твердо, шагъ за шагомъ, не только плодятся и множатся на костяхъ славянскихъ, но и туземное славянское населеніе, онѣмечивая

Digitized by Google

его, обращаютъ въ пригодное для себя вещество, которое черезъ два поколѣнія становится отъявленною нѣмецкою породою. Далеко впереди этого сплошнаго движенія предшествуетъ такъ называемое пропитываніе нѣмечиною или раствореніе ею цѣльности народнаго существа и подготовленіе удобныхъ и многочисленныхъ гнѣздъ, гдѣ она впослѣдствіи высидитъ своихъ птенцовъ. Сѣверо-западная граница славянскаго племени свободна для этого предрасполагающаго вторженія нѣмецкаго начала. Подъ его претворяющимъ дѣйствіемъ, славянинъ усвоиваетъ себѣ нѣмецкое міровоззрѣніе и нѣмецкія склонности и сочувствія: онъ въ мысляхъ, дѣйствіяхъ и пріемахъ идетъ въ разладъ съ народомъ и, кромѣ несчастія, ничего другаго не приноситъ ему. Нѣтъ ничего хуже народныхъ выродковъ и нѣтъ ничего губительнѣе, какъ когда эти выродки заправляютъ судьбами народа. Вырожденный нравъ оскудѣваетъ доблестью и впадаетъ въ растлѣніе; отрываясь отъ родной почвы, онъ усвоиваетъ себѣ всѣ дурныя качества необузданной личности и наконецъ нисходитъ до темной измѣны. Когда нравственная связь его съ народомъ изсякла, онъ остается безчувственъ ко всему тому, что движетъ, волнуетъ народъ, что живетъ въ народѣ завѣтною думою, дорогими вожделѣніями; онъ чуждъ общему благу; онъ одноличенъ и потому онъ всегда рабъ и орудіе минуты. За нихъ народъ несетъ наказаніе своими неудачами, своимъ позоромъ и паденіемъ. Что же сказать о томъ безотрадномъ положеніи, когда къ выродкамъ присоединяются и настоящіе чужеземцы, надменно выставляющіе свою чужеродность и презирающіе тотъ народъ, къ которому они пришли изъ собственныхъ выгодъ, незваные, непрошеные? Эти чужеядные наросты, высасывая народные соки, еще тщатся увѣрить всѣхъ и каждаго и даже самихъ себя, что они еще облагодѣтельствовали народъ своею культурою. Люди легкомысленные, близорукіе, нравственно-испорченные поютъ имъ общимъ хоромъ славу, а они понемногу забираютъ въ руки народныя силы и становятся господами чужихъ судебъ и предаютъ народъ.

Балтійскій край, воспитанный въ крѣпкомъ нѣмецкомъ закалѣ, высылаетъ въ Россію своихъ питомцевъ и выдвигаетъ передовые посты нѣмечины со всѣми наклонностями къ великому германскому отечеству. Въ тылу у него стоитъ цѣлая Германія въ тѣсной нравственной связи съ нимъ, питая и поддерживая его своими элементами. Если нужно указать въ Россіи тѣ круги, гдѣ наи-

Digitized by Google

болѣе присуще русской жизни нѣмецкое начало, то эти круги будутъ: служебный и торговый, изъ коихъ одинъ устроиваетъ, заправляетъ и направляетъ всѣ общественныя стороны народной жизни, тогда какъ другой держитъ въ своихъ рукахъ цѣнность плода потовыхъ трудовъ и самый трудъ русскаго простолюдина, и наживается отъ него. И если круги эти, обнимающіе все пространство Россіи, имѣютъ свои біющіяся средоточія, то тутъ-то, замѣчаемъ мы, и кишитъ и работаетъ нѣмечина. Нѣмцы не составляютъ ни заговоровъ, ни тайныхъ обществъ, ни писаныхъ уставовъ; но каждый изъ нихъ порознь и всѣ вмѣстѣ пропитаны однимъ общимъ германскимъ духомъ, и это внутреннее настроеніе даетъ ихъ общему движенію значеніе сознательнаго преслѣдованія цѣли. Они неуловимы въ этомъ случаѣ. Они не поднимаютъ шума изъ-за своихъ народныхъ стремленій, храня мертвое молчаніе о своихъ способахъ и расчетахъ; но за то совершающіяся дѣла и послѣдствія, освѣщенныя временемъ и исторіею, говорятъ вмѣсто нихъ и выдаютъ ихъ тайну.

Если чехи, при высокой степени народнаго самосознанія и при нѣкоторой доли политической свободы, обезпеченной какою ни на есть конституціею, съ трудомъ лишь поддерживаютъ права своего королевства, будучи обезсиливаемы водворившимися у нихъ нѣмцами,—то нѣтъ причинъ, которыя помѣшали бы, по возведенію, предположить, что подобное внутреннее, домашнее противодѣйствіе должно существовать и въ другихъ славянскихъ земляхъ, быть можетъ, съ тою только разницею, что, сообразно существующимъ негласнымъ порядкамъ, оно и дѣйствуетъ негласно. Сила нѣмечины въ томъ, что она всюду вѣрна самой себѣ, единодушна и обладаетъ, надо отдать ей справедливость, высокимъ подъемомъ духа, дающимъ ей неустанную послѣдовательную силу дѣйствованія. Это мы видимъ въ Чехіи, Моравіи, въ земляхъ словенцевъ, въ Седмиградіи и вездѣ, гдѣ только достаточно усилилась нѣмецкая народность. Про прусскія области и говорить нечего. Возможно ли сомнѣваться, чтобы и въ другихъ славянскихъ земляхъ нѣмцы отказались отъ этой всегдашней увѣренности, что ихъ племени отъ вѣка предназначено пожирать и господствовать? Если, по слабодушію, или по слѣпотѣ, или по родству, имъ дозволяютъ пропитывать собою чужую народность, то съ какой стати они отказались бы отъ этого? Но въ то же время они хорошо знаютъ, что возвышеніе народнаго духа и участіе народа въ совершеніи своихъ судебъ

Digitized by Google

суть главная и рѣшительная преграда для нихъ. Поэтому неудивительно, что всю свою напряженность устремляютъ они на тѣ славянскія земли, гдѣ еще надѣются выиграть у господствующей власти и заблаговременно запастись безотмѣннымъ вліяніемъ на мѣстныя дѣла. Вотъ почему въ Австріи мы видимъ странное на первый взглядъ, но легко объяснимое явленіе: въ собственно австрійскихъ областяхъ, съ давнишнимъ туземнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, которое по тому именно, что одно здѣсь пребываетъ, не занято завоевательною задачею, государственная политика понимается иначе, чѣмъ такимъ же нѣмецкимъ населеніемъ въ земляхъ славянскихъ, гдѣ еще продолжается борьба и онѣмеченіе. Въ первыхъ нѣмецкое населеніе стоитъ за областное самоуправленіе, за настоящія конституціонныя права, за терпимость и свободу, и въ этихъ общихъ стремленіяхъ сходится съ славянами; а во вторыхъ нѣмецкое населеніе одобряетъ и поддерживаетъ всякій произволъ самовластія, всякое нарушеніе правъ и стѣсненіе личной свободы, всякое неправосудіе, всякую административную дерзость. Одни и тѣ же нѣмцы ратуютъ за свободу и коснѣніе, за равноправіе и безправіе. И это отъ того, что первые, какъ осѣдлые, имѣютъ прежде всего въ виду свои областныя выгоды, такія же, какихъ ищутъ и славяне для своихъ областей; а вторые, какъ набродники, стараются прежде всего усилиться на чужой почвѣ и на чужой счетъ и въ этомъ неправомъ дѣлѣ, разумѣется, могутъ быть поддержаны лишь отсталымъ правительствомъ, которое и сами поддерживаютъ. Всякое народное возбужденіе, всякое развитіе народное,—словомъ, всякое движеніе впередъ на почвѣ народной тѣмъ вреднѣе для нѣмецкихъ набродниковъ, чѣмъ менѣе водворились и огосподились они въ землѣ обѣтованной. Какъ поступаютъ всѣ земляки на чужбинѣ, они смыкаются въ плотныя дружины и, естественно противодѣйствуя выгодамъ туземнаго населенія, которое хотятъ обработать, дѣлаются ревностными приверженцами существующаго порядка вещей, усердными споспѣшниками всему тому, что въ коснѣніи настоящаго находитъ свою личную корысть. Въ странахъ, гдѣ общественныя дѣла ведутся неестественнымъ и несовершеннымъ способомъ, они составляютъ самый надежный оплотъ для тѣхъ, кому удобенъ этотъ способъ веденія дѣлъ, ибо только въ немъ заключается и ихъ собственное усиленіе. Другаго средства для нихъ нѣтъ: иначе они должны бы были или уподобиться и перерродиться въ туземцевъ, или отказаться отъ завѣтной задачи

Digitized by Google

господства. Сдѣлка съ личною властію возможна для нихъ столько же, сколько невозможна съ народомъ, который даже и въ безсознательномъ состояніи, по одному чутью, претитъ ими. Преданные изъ-за своекорыстія и усердные служаки, они легко поддѣлываются ко всякой власти, которая видитъ собственный ущербъ въ осуществленіи правъ народа, и въ особенности любитъ давленіе. Подъ сѣнью такой власти, нѣмцы крѣпнутъ и множатся и незамѣтно становятся сами участниками этой власти. Какою же дорогою пойдетъ такая власть? Пусть поразмыслятъ объ этомъ хорошенько даже равнодушные космополиты. Хорошо ли тому народу, когда, на примѣръ, въ военное время, въ борьбѣ двухъ племенъ, напряженныя силы, безчисленныя жертвы, тысячи человѣческихъ жизней и самые порывы возбужденнаго духа народнаго, въ конечномъ и рѣшительномъ объявленіи своемъ, должны пройти черезъ руки чужеродца или обращеннаго имъ отщепенца, который не настроенъ въ ладъ съ народомъ и неспособенъ на вдохновенные пріемы народные, и вмѣсто того, чтобы ринуться во-время въ бой, медлитъ и глубокомысленно раздумываетъ, а потомъ, опоздалый, побитый, увѣряетъ, что по теоріи онъ все-таки долженъ былъ побѣдить? Начиная съ несчастной для чеховъ бѣлогорской битвы и до послѣдняго времени, такіе примѣры, съ ихъ гибельными послѣдствіями, не рѣдкость въ исторіи славянъ. Или хорошо ли тому народу, когда чужеродецъ, власть имущій, клонитъ его къ неестественному союзу, къ вредной уступчивости по тому только, что противная сторона ему сродни? Или когда противодѣйствуетъ рѣшительному и полезному мѣропріятію, предлагая полумѣры и недомѣры по тому только, что его чужеродное самолюбіе или выгоды нужныхъ ему и такихъ же, какъ онъ, ревнителей власти, поблекнутъ передъ правомъ и правдою? Такіе примѣры мы видимъ тамъ, гдѣ нѣмецкое племя еще только водворяется. Довольно вспомнить всѣ дѣйствія австрійской внѣшней и внутренней политики до и послѣ 48 года, объясняющіяся тѣмъ, что австрійскіе нѣмцы еще не успокоены полнымъ торжествомъ упроченнаго и повсемѣстнаго бытія на почвѣ австрійской монархіи, что тамъ есть славяне съ самостоятельнымъ образомъ мыслей. Все, что свободно и свѣтло, что движетъ, грѣетъ и роститъ человѣка,—все то способствуетъ плодотворности туземной почвы и на ней сознательному развитію народности; а всякое сознательное развитіе туземной народности есть препона для чужеземщины, вторгающейся съ

Digitized by Google

цѣлію обработки и господства; слѣдовательно, нѣмецкіе такъ называемые просвѣтители необходимо должны быть противниками свободы и свѣта. Такъ оно и есть. Ихъ пріютъ тамъ, гдѣ царитъ полумракъ; ихъ опора тамъ, гдѣ власть дѣйствуетъ сама по себѣ, а народъ живетъ самъ по себѣ; ихъ выгода тамъ, гдѣ возможны темныя сдѣлки. Для такой власти они—драгоцѣнная находка, и такая власть всегда поддержитъ ихъ, пока стоитъ у дѣлъ. Это пора свободнаго нѣмецкаго наплыва и водворенія. Нѣмцы дорожатъ ею и ловко умѣютъ пользоваться обстоятельствами, содѣйствуя продолженію отсталаго порядка вещей. Они хорошо знаютъ, что двигаться на востокъ можно: тамъ народное сознаніе еще слабо, и народъ, въ младенческомъ непониманіи, уступаетъ шагъ за шагомъ свою родную почву для чуждыхъ ему воздѣлывателей и равнодушно становится подъ пришлое водительство.

Если такимъ образомъ нѣмецкое начало успѣло на столько пропитать собою славянскія земли, что въ однѣхъ оно уже безгранично господствуетъ, въ другихъ останавливаетъ всякое народное стремленіе, въ третьихъ отуманиваетъ здравый народный смыслъ и на всякое разумное и благотворное проявленіе народнаго сознанія наводитъ подозрѣніе въ нарушеніи общественнаго спокойствія и возбужденіи ненависти между двумя народностями; если такимъ образомъ славянскія земли не свободны отъ нѣмецкихъ соковъ, заявляющихъ себя болѣе или менѣе вліятельными участниками въ движеніи и направленіи туземной жизни, то, сводя къ итогу нашу мысль, мы можемъ съ увѣренностію отвѣтить изобрѣтателямъ славянскаго государственнаго единства, что хотя бы даже оно и было полезно или только возможно для славянъ и ими самими преслѣдовалось, однако, ужь одно то, что славянство пропитано нѣмечиной, ему враждебной, оно состояться не можетъ. Какъ скоро нѣмечина въ славянствѣ столь сильна, что не подвергается уподобленію, она во всемъ постарается повредить ему. Это коренной историческій законъ нѣмецкаго водворенія и внутренняго несходства двухъ племенъ. Западъ боится славянскаго сліянія; западъ изобрѣтаетъ форму панславизма: такъ его ли высланцы-просвѣтители не возстанутъ всею силою своего вліянія противъ всеславянства и не помогутъ истребить самые зачатки его? Но пусть успокоится Западъ. Ни поземельное положеніе славянскаго населенія, ни обособленіе отдѣльныхъ славянскихъ народностей, ни общее всему славян-

Digitized by Google

ству отвращеніе отъ насилія—ни одно изъ этихъ условій, ни порознь, ни вмѣстѣ съ прочими взятое, не благопріятствуетъ всеславянству въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Западъ, но напротивъ, подсѣкаетъ въ самомъ корнѣ. А нѣмецкая доля населенія, вмѣстѣ съ многочисленными своими прозелитами, всегда помѣшаетъ всякому всеславянству. Повторимъ то, что сказано въ статьѣ, выставленной нами въ заглавіи: «о сліяніи своемъ въ однонародное или окончательное политическое тѣло, славяне, по крайней мѣрѣ въ наше время, не могутъ и мечтать». Пытаться слить всѣхъ славянъ въ одно государство или въ одинъ цѣльный народъ, при такихъ противорѣчащихъ условіяхъ, значило бы совершить попытку величайшаго насилія; но въ такомъ случаѣ исторія—лучшая порука, что славяне никогда не допускали взаимнаго насилія и скорѣе погибали смертію подъ своимъ и чужимъ мечомъ, чѣмъ соглашались признаніемъ узаконить насиліе. Правда, нѣмцы, въ средѣ славянства, суть явленіе внѣшнее, какъ-бы случайное; но они столь сильны въ немъ, что почти овладѣли его судьбами. Съ грустною ироніей должны мы сознаться, что славяне только частными усиліями должны вырабатывать свою исторію; для этого нуженъ подъемъ духа всего народа, который долженъ же проявить рано или поздно свою волю. Тогда только возникнетъ всеславянство и создастъ себѣ самобытную форму, не похожую на ту, въ которую теперь Западъ вмѣщаетъ его. Славянъ упрекаютъ въ розни; упрекъ вѣрный, но поверхностный. Не прямо отъ розни и усобицъ можно возводить къ нраву ихъ и предполагать въ немъ какую-то разбитность и сварливость. Нѣтъ, а надо вникнуть глубже въ источникъ розни и усобицъ, и тогда найдется другая, посредствующая причина ихъ пагубной взаимной вражды: это—нетерпѣніе насилія, коренная черта ихъ нрава, черта вполнѣ человѣческая.

А. Майковъ.

Digitized by Google

ФРИДРИХЪ II и ГРАФЪ ПАНИНЪ

ПРУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПЕРВОМЪ РАЗДѢЛѢ ПОЛЬШИ

V

Успокоенный сообщеніями Солмса, что Россія склоняется на его сторону по вопросу о раздѣлѣ Польши, Фридрихъ началъ измѣнять тонъ устрашенія австрійскими вооруженіями, продолжалъ высказывать свою дружбу, указывалъ на силу своей поддержки. «Пусть только гр. Панинъ придерживается союза съ нами, писалъ онъ 2 іюня 1771; этотъ союзъ будетъ имъ полезенъ и для заключенія мира (съ Турціей); я увѣренъ, что гр. Панинъ сознаетъ, что Россія и Пруссія, будучи въ союзѣ, никого не должны бояться». Въ этомъ же письмѣ, говоря о возможности сопротивленія со стороны Австріи по раздѣлу Польши, король писалъ Солмсу: «Если бы они вздумали упрямиться, то слѣдуетъ хорошенько погрозить имъ, потому что они, какъ я слышу, кажется, совсѣмъ не такъ рѣшительны, какъ я полагалъ сначала».

Депеша Солмса отъ $\frac{21 \text{ мая}}{1 \text{ іюня}}$ совершенно успокоила Фридриха: Россія предлагала ему составить проектъ конвенціи о раздѣлѣ Польши. Съ свойственною ему осторожностію и обдуманностію, съ полною энергіею и дѣятельностію, онъ принялся за это дѣло. Въ теченіи нѣсколькихъ дней проектъ конвенціи былъ готовъ и 14 іюня н. с. Фридрихъ послалъ его къ Солмсу. Для вписанія частей Польши, переходящихъ къ Россіи, въ проектѣ оставленъ былъ пробѣлъ: онъ предоставлялъ Россіи вписать что ей угодно. Для Пруссіи Фридрихъ выговаривалъ Помереллію, по тече-

Digitized by Google

нію р. Нотеца, начиная отъ Дризена, до Быдгощи и Фордона на Вислѣ, такъ чтобы Нотецъ составляла границу между двумя государствами; также палатинаты Маріенбургскій и Кулмскій, вмѣсто гор. Ельбинга и другихъ уѣздовъ, смежныхъ съ Силезіею, на которые Пруссія имѣла, по ея мнѣнію, право. При такомъ назначеніи, Пруссія отказывалась отъ гор. Данцига съ землями ему принадлежавшими. Пунктомъ 3-мъ этого проекта положено было сохранять конвенцію въ глубокой тайнѣ, но когда настанетъ время, то обѣ державы, одновременно и при томъ совокупно, пригласятъ Австрію принять участіе въ раздѣлѣ, и, если паче чаянія она отъ этого откажется, то конвенція сохраняетъ свою силу. Время этого приглашенія, по мнѣнію Фридриха, наступитъ тогда, когда состоится соглашеніе Россіи съ Австріей о мирѣ съ Турціей. Тогда Австрія не будетъ имѣть возможности возражать, потому что она сама указала дорогу къ раздѣлу, а съ потерею надежды на поддержку Франціи, ей трудно воевать съ Россіей и Пруссіей. Въ этомъ дѣлѣ, разсуждалъ Фридрихъ главное: сдержанность и твердость. (Депеша 14 іюня напечатана вполнѣ въ книгѣ г. Шмидта подъ № 9).

$^{17}/_{27}$ іюня Солмсъ увѣдомилъ короля, что передалъ гр. Панину проектъ конвенціи. Гр. Панинъ обѣщалъ представить его императрицѣ. Зная нетерпѣливый характеръ короля, Солмсъ предварялъ, что онъ не можетъ опредѣлить скоро ли послѣдуетъ отвѣтъ Россіи, потому что наступило самое неудобное время для изустныхъ переговоровъ. «Императрица завтра переѣзжаетъ въ Петергофъ, великій князь—туда же послѣ завтра; чтобъ видѣться съ гр. Панинымъ мнѣ надобно скакать 30 верстъ». Солмсъ имѣлъ также разговоръ о польскомъ раздѣлѣ съ австрійскимъ посланникомъ. Князь Лобковичъ высказался ему, что императрица-королева говорила ему, что она желаетъ получить тотъ маленькій лоскутокъ земли, на который она можетъ доказать свои права, и прибавилъ, что австрійскому двору хочется возстановить прежнія границы Трансильваніи до рѣки Олты въ Валахіи. Гр. Панинъ отозвался Солмсу, что если Австрія будетъ дружественно смотрѣть на намѣренія Россіи и Пруссіи, то можно будетъ согласиться на отдачу ей этой части Валахіи, безъ всякаго затрудненія. (Деп. Солмса $^{17}/_{28}$ іюня, № 713).

Между Солмсомъ и гр. Панинымъ начались переговоры о проектѣ конвенціи, составленномъ королемъ, и Солмсъ доносилъ $\frac{24\ \text{іюня}}{5\ \text{іюля}}$. «Во первыхъ замѣтилъ гр. Панинъ, надобно изложить подробнѣе и по-

Digitized by Google

ложительнѣе причины, побуждающія обѣ державы дѣйствовать заодно, а именно: волненія въ Польшѣ, неповиновеніе жителей, примѣръ къ раздѣлу, поданный Австріей, и дружба между Россіей и Пруссіей. Гр. Солмсъ полагалъ, что это будетъ лишнее, потому что конвенція будетъ сохраняться въ глубокой тайнѣ; но гр. Панинъ возразилъ, что король прусскій можетъ отдавать приказанія изъ своего кабинета, не давая никому отчета, тогда какъ онъ, графъ Панинъ, совершенно въ другомъ положеніи: онъ обязанъ представить проектъ совѣту, рѣшеніе котораго сохранится въ государственномъ архивѣ, а потому ему необходимо дѣйствовать осмотрительнѣе, чтобъ не подвергнуться въ послѣдствіи упрекамъ въ его легкомысліи и поспѣшности. Солмсъ предлагалъ королю не противорѣчить гр. Панину по этому ничтожному обстоятельству. За тѣмъ, гр. Панинъ предлагалъ королю отказаться отъ города Торуна, а взять на свою часть: уѣздъ великой Польши между Нотецомъ и Вислою, всю Помереллію, за исключеніемъ гор. Данцига и принадлежащихъ этому городу земель; палатинатъ Маріенбургскій съ епископствомъ Вармійскимъ и палатинатъ Кульмскій, за исключеніемъ Торуна съ его землями. Взглянувъ на карту, гр. Панинъ сказалъ посланнику: при такомъ раздѣлѣ прусскій король будетъ владѣтелемъ большей части р. Вислы,—торговля Данцига будетъ въ его рукахъ и Россія и Польша могутъ отъ этого потерпѣть, и потому, гр. Панинъ выразилъ надежду, что прусскій король дастъ завѣреніе (assurance), что онъ не будетъ стѣснять торговли ни учрежденіемъ новыхъ таможенъ на Вислѣ, ни другими налогами, но оставитъ все въ настоящемъ положеніи. Гр. Солмсъ ничего не обѣщалъ гр. Панину, а представилъ королю. (Деп. Солмса № 714, $\frac{21 \text{ іюня}}{5 \text{ іюля}}$ 1771).

Въ это время главныя затрудненія для заключенія мира съ Турціей заключались въ требованіи Россіи отдѣлить отъ Турціи Молдавію и Валахію. Австрія не только не взялась быть посредницей между Россіей и Турціей на этихъ условіяхъ, но и отказывалась рѣшительно отъ посредничества и, принимая сторону Турціи, даже угрожала намъ. Фридрихъ, какъ мы видѣли, предлагалъ Россіи, чтобы отдать княжества эти Польшѣ, теперь онъ попробовалъ другое средство: предложилъ Австріи взять эти провинціи. Но Австрія категорически отказалась, указывая на свои прежніе договоры съ Турціей (Деп. короля Солмсу 10 іюля 1771). Короля сильно безпокоили эти обстоятельства: ему хотѣлось избѣжать войны съ Австріей; или вести ее въ союзѣ съ Россіею

Digitized by Google

и для этого необходимо было ему поскорѣе заключить конвенцію о польскомъ раздѣлѣ, въ которомъ неизбѣжно должны были опредѣлиться взаимныя отношенія Россіи и Пруссіи на случай войны съ Австріей. Онъ тревожился двусмысленнымъ своимъ положеніемъ между Россіей и Австріей: когда Турція изъявила желаніе, чтобы миръ былъ заключенъ при посредничествѣ Австріи и Пруссіи, Россія желала, чтобъ это посредничество принялъ на себя только одинъ король прусскій, хотѣла уклониться отъ австрійскаго вмѣшательства, но Фридрихъ самъ настоялъ, чтобъ Россія приняла посредничество Австріи. Дѣла только запутались. Еще 4 іюня н. с. Солмсъ писалъ королю (Депеша Солмса № 708, $\frac{21 \text{ мая}}{7 \text{ іюня}}$): «Объясненія князя Лобковича носятъ отпечатокъ досады и зависти, которыхъ онъ не въ силахъ скрыть; остается узнать, слѣдуетъ ли онъ своему настроенію или говоритъ въ духѣ своего двора. Что же касается до личныхъ убѣжденій императрицы, то, можно сказать, она не истая австрійка (bonne autrichienne), и отъ проницательности вашего величества, вѣроятно, не ускользнуло то, что большаго труда стоило заставить эту государыню согласиться на участіе вѣнскаго двора въ переговорахъ о мирѣ. Она боялась, что Австрія будетъ предписывать свои законы въ этомъ дѣлѣ, и если бы не постоянные совѣты вашего величества, то императрица никогда не согласилась бы на это. Что же касается до графа Панина, то онъ смотритъ на политическія направленія австрійскаго двора съ меньшимъ пристрастіемъ. Онъ даже находитъ, что для русскаго двора выгодно сохранить на будущее время дружескія отношенія; онъ все-таки боится, что Австрія будетъ стараться присвоить себѣ первенство, котораго здѣсь не хотятъ предоставить союзнику; а потому хотя онъ и признаетъ въ дѣйствіяхъ этого двора честность, и отдаетъ справедливость уму князя Кауница и особенно уважаетъ князя Лобковича, но онъ все-таки находитъ въ выраженіяхъ вѣнскаго двора тонъ высокомѣрный, къ которому, по его словамъ, онъ не можетъ легко привыкнуть. Всего страннѣе можетъ показаться въ этомъ дѣлѣ то, что приверженцы австрійской системы—Орловы, Чернышевы и Голицыны въ настоящее время чрезвычайно недовольны вмѣшательствомъ вѣнскаго двора, и не одобряютъ мѣръ, принимаемыхъ къ заключенію мира; но это неудовольствіе не имѣетъ никакихъ другихъ побудительныхъ причинъ, какъ только личный ихъ интересъ. Первые (Орловы) не насытились еще тѣми почестями и богатствами, которыя они пріобрѣтаютъ.

Digitized by Google

Вторые (Чернышевы), честолюбивые до крайности, предполагаютъ, что безъ нихъ нельзя будетъ обойтись при продолженіи войны. Третьи (Голицыны), никогда не пользовавшіеся большимъ уваженіемъ, боятся лишиться всякаго почета и надѣются, что первые своимъ вліяніемъ при дворѣ поддержатъ ихъ положеніе; всѣ эти господа соединились противъ графа Панина и стараются вредить ему за противоположныя его убѣжденія, за его твердость и за правоту его дѣла; эти интриги, извѣстныя князю Лобковичу, заставляютъ его презирать интригановъ, и я его оставляю въ этихъ убѣжденіяхъ, потому что они, отдаляя его отъ этихъ лицъ, лишаютъ его возможности сблизить дружески его дворъ съ здѣшнимъ, а это сближеніе со временемъ можетъ быть вредно для интересовъ вашего величества».

На эту депешу король отвѣчалъ 19 іюня: «Я вижу, что вы не можете найти связь между видами вѣнскаго двора и моими внушеніями русскому двору, чтобъ приняли австрійское посредничество: сообщаю вамъ разъясненіе этого дѣла, которое вы можете сообщить графу Панину. Вы знаете, что когда я былъ въ прошедшемъ году въ Моравіи, пріѣхалъ туда курьеръ изъ Константинополя съ сообщеніемъ, что Порта выбрала насъ посредниками для заключенія мира съ Россіею; это обстоятельство имѣло послѣдствіемъ моихъ переговоровъ, при которыхъ я старался узнать мнѣніе князя Кауница объ этомъ дѣлѣ; я понялъ ясно, что въ этой войнѣ, если австрійцы не будутъ посредниками, то они примутъ участіе въ войнѣ на сторонѣ Турціи, и убѣдился, что двѣ вещи казались имъ не выполнимыми: первое—если русскіе, вслѣдствіе военныхъ успѣховъ своихъ, перейдутъ чрезъ Дунай; второе—если русскіе сдѣлаются сосѣдями Венгріи, завладѣвши Молдавіей и Волахіей. Въ это время Шуазель управлялъ Франціей, и этотъ министръ, въ случаѣ успѣха русскаго оружія, былъ въ состояніи подать помощь австрійцамъ со всѣми силами Франціи; въ такомъ случаѣ, могла возгорѣться всеобщая война, въ которой Россія имѣла бы противъ себя часть австрійской арміи, а противъ меня были бы главныя ея силы и въ добавокъ всѣ французскія войска, которыя бы были высланы на помощь Австріи.

«Такимъ образомъ посредничество Австріи, прямое или косвенное, было неизбѣжно, за исключеніемъ того случая, если бы миръ былъ заключенъ тотчасъ по окончаніи первой кампаніи. Мнѣ пришла еще одна мысль, но которую надо хорошенько обсудить,

Digitized by Google

прежде чѣмъ употребить ее въ дѣло: русскіе не хотятъ, чтобы турки продолжали владѣть Молдавіей и Валахіей; австрійцы не хотятъ, чтобъ русскіе владѣли посредственно или непосредственно этими провинціями, и вотъ соглашеніе, которое, мнѣ кажется, можетъ удовлетворить обѣ стороны: пусть отдадутъ эти провинціи Польшѣ, въ вознагражденіе за тѣ небольшія захваты (rognures), которыми ея сосѣди нѣсколько пооборвутъ ея границы. Австрія, захвативши нѣкоторыя староства, не можетъ ничего сказать противъ этого, а поляки выиграютъ въ этомъ размѣнѣ втрое противъ своей потери. Это предположеніе старайтесь употребить съ благоразуміемъ и дѣятельностію, такъ какъ оно заслуживаетъ внимательнаго обсужденія.»

Депеша эта была употреблена съ пользою Солмсомъ и $^{1}/_{12}$ іюля онъ доносилъ королю: «Здѣсь всѣ единогласно одобряютъ раздѣлъ Польши на основаніяхъ, предложенныхъ вашимъ величествомъ; а содержаніе депеши вашего величества отъ 19 іюля, кстати сообщенное графомъ Панинымъ императрицѣ и главнымъ членамъ совѣта, привело къ успѣшному рѣшенію. Эта депеша отстранила опасенія о непріятныхъ послѣдствіяхъ и убѣдила ихъ въ необходимости пріобрѣсти себѣ черезъ раздѣлъ Польши такого прочнаго и полезнаго союзника, какъ ваше величество.» (Деп. Солмса № 716, $^{1}/_{12}$ іюля 1771 г.).

Вскорѣ полученъ былъ въ Петербургѣ отвѣтъ Австріи, которая отказывалась быть посредницею между Россіею и Турціею на условіяхъ, предлагаемыхъ Россіею. «Я узналъ черезъ графа Панина, писалъ Солмсъ королю, что императрица очень обижена (piquée) этимъ отвѣтомъ, возбудившимъ всеобщее неудовольствіе. Графъ Панинъ говорилъ мнѣ, что онъ находитъ, что причины, выставляемыя кн. Кауницомъ слабы, не имѣютъ твердаго основанія и обнаруживаютъ мщеніе, злопамятство и злобу, не согласныя съ тѣми высокими чувствами, о которыхъ вѣнскій дворъ проповѣдуетъ;—графъ Панинъ полагалъ, что болѣе не слѣдуетъ обращаться къ этому двору.» (Деп. № 720, $^{15}/_{27}$ іюля). Черезъ два дня Солмсъ сообщилъ королю, что императрица изъявила желаніе, чтобы Фридрихъ принялъ на себя переговоры съ Турціею о мирѣ, и, чтобъ успокоить короля въ отношеніи Молдавіи и Валахіи, графъ Панинъ передалъ Солмсу, что императрица, имѣвъ счастіе вырвать изъ подъ власти магометанъ эти христіанскія страны, руководимая правилами чести и религіи, приняла непоколебимое рѣшеніе отдать эти провинціи только

Digitized by Google

христіанамъ. Она готова принять всякое предложеніе объ устройствѣ этихъ провинцій; для себя же она отказывается отъ нихъ; но только силою можно будетъ заставить ее возвратить Туркамъ. (Деп. $^{17}/_{28}$ іюля 1771, № 721).

Въ это время Фридрихъ обдумывалъ уже впередъ, въ какое время удобнѣе привести въ исполненіе конвенцію, т. е., фактически завладѣть Польшею. Извѣстія изъ Варшавы, полученныя королемъ, о мнѣніяхъ тамошняго нашего посланника Салдерна по этому вопросу, подали поводъ Фридриху сообщить Солмсу свои предположенія, сходившіяся съ предположеніями Салдерна. Они заключались въ томъ, что всего удобнѣе и выгоднѣе завладѣть назначенными каждому частями Польши; между тѣмъ какъ графъ Панинъ полагалъ приступить къ этому только по умиротвореніи Польши. 17-го іюля н. с. Фридрихъ поручалъ Солмсу слѣдить внимательно, какое впечатлѣніе произведетъ на русскій дворъ представленіе объ этомъ Салдерна и какое вызоветъ оно рѣшеніе. (Письмо короля отъ 17 іюля 1771).

Къ этому времени, король получилъ депешу Солмса (№ 714) объ опасеніяхъ гр. Панина насчетъ стѣсненія торговли по Вислѣ. Фридрихъ поручалъ Солмсу успокоить гр. Панина, что король не только не стѣснитъ торговлю, но будетъ оказывать ей покровительство, и что напрасно сомнѣваются въ такомъ искреннемъ союзникѣ, какъ онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король довѣрилъ «ловкости» Солмса объясниться такъ съ гр. Панинымъ, чтобы объ этомъ покровительствѣ не составлять особаго пункта въ конвенціи. (Письмо короля отъ 23 іюля 1771).

Между тѣмъ, все было подготовлено гр. Панинымъ для представленія императрицѣ и совѣту проекта *секретной конвенціи*. Черезъ Солмса графъ Панинъ совѣтовалъ даже королю, по подписаніи конвенціи, выдвигать свои кордоны въ польскія провинціи, ему предназначенныя. Солмсъ завѣрялъ короля, что при дворѣ, всѣ стараются выразить ему, посланнику, искреннее желаніе доставить Пруссіи пріобрѣтенія въ Польшѣ. Эти любезности, по мнѣнію Солмса, происходили отъ ожиданія разрыва съ Австріей и въ надеждѣ на союзъ съ Пруссіей, которая пойдетъ съ Россіей заодно противъ Австріи. (Деп. N. 723, $^{26\ \text{іюля}}/_{6\ \text{августа}}$ 1771).

Въ это время императрица и весь дворъ только что успокоились о здоровьѣ великаго князя Павла Петровича. Извѣщая короля, что великій князь отъ болѣзни своей поправляется и уже внѣ опасности, Солмсъ писалъ къ королю:

Digitized by Google

«Если бы великій князь скончался, то весьма трудно было составить вѣрныя предположенія о послѣдствіяхъ этого событія; всѣ со страхомъ помышляли о возможности этого несчастія, и, сколько я замѣтилъ, никто не могъ предвидѣть что будетъ, но всѣ были убѣждены, что это событіе было бы бѣдствіемъ для Россіи. Въ первый годъ царствованія нынѣшней императрицы думали, что великій князь не долго проживетъ, и тогда предполагали, въ случаѣ его смерти, назначить наслѣдникомъ одного изъ младшихъ сыновей шведскаго короля; въ настоящее же время, такое предположеніе встрѣтило бы много противорѣчій. Эти принцы кажутся уже слишкомъ взрослыми (trop agés) и притомъ нерасположенными къ Россіи, и потому нельзя надѣяться, что они привыкнутъ къ своимъ новымъ подданнымъ и чтобы они полюбили ихъ; впрочемъ, такъ какъ желали бы придерживаться къ семейству Петра Великаго, то нашлись бы партизаны въ пользу дѣтей принца Георга, или сына епископа Любскаго; нѣтъ сомнѣнія, что и дѣти герцога Антона Ульриха имѣли бы также своихъ приверженцевъ. Честолюбіе могло бы возбудить и въ частныхъ лицахъ намѣренія проложить себѣ дорогу къ престолу, и нашлось бы не малое число такихъ людей, которые вздумали бы учредить республику. Пока всѣ эти разнородныя партіи дошли бы до какого нибудь соглашенія, въ Россіи могли произойти большія смуты и безпорядки. При жизни императрицы, можетъ быть, общественный порядокъ не былъ бы нарушенъ; я убѣжденъ, что всѣ благомыслящіе люди преданы ей. Ея царствованіе такъ благодѣтельно и покойно для всѣхъ, что нельзя не желать сколь возможно долѣе сохраненія онаго; но между тѣмъ, каждая партія принимала бы свои мѣры для будущаго и, въ случаѣ ея кончины, смуты разразились бы съ большею силою. Что касается до императрицы, то она въ это тяжелое время вела себя съ величайшею осторожностію, такъ чтобъ не могли разгадать ея мыслей; она являлась въ публикѣ спокойною и даже веселою, пріемы въ ея аппартаментахъ продолжались по прежнему и она не избѣгала никакого случая, гдѣ могла показаться двору; но мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что въ кабинетѣ у себя она плакала и тревожилась за будущее. Обнаружившееся безпокойство въ народѣ и дерзкія разглашенія огорчали ее. Расказывали, что великій князь нисколько не былъ боленъ, но что его только прятали, потому что онъ слишкомъ нравился народу (à la nation), потому что онъ былъ уже въ такомъ возрастѣ, въ которомъ могъ зани-

Digitized by Google

мать мѣсто, принадлежащее ему по рожденію. Другіе сплётничали о продолжительности болѣзни, предполагая, что объ излеченіи великаго князя не заботятся намѣренно, чтобъ избавиться отъ законнаго наслѣдника. Правда, что никто изъ знатныхъ или изъ лучшихъ фамилій не принималъ участія въ этой болтовнѣ, и что всѣ эти слухи распространяли между людьми низшаго класа или дурнаго поведенія; изобличенные въ распространеніи этихъ слуховъ были арестованы и сосланы въ рудники въ Сибирь, но все это чрезвычайно огорчило императрицу, которая предполагала, что причина этихъ слуховъ заключается въ неудовольствіи противъ ея управленія, и ей тяжело было думать, что не смотря на всѣ свои старанія и заботы объ устройствѣ счастія своихъ подданныхъ, она не снискала ихъ любви. Въ настоящее время, съ прекращеніемъ пустыхъ толковъ, прекратились и опасенія; всѣ благомыслящіе люди и истинные патріоты съ радостію видятъ въ будущемъ, для себя и для семействъ своихъ, дни счастливые и спокойные, подъ управленіемъ правильнымъ и прочнымъ; въ выздоровленіи наслѣдника престола всѣ видятъ величайшее благодѣяніе промысла Божьяго, оказываемое Россіи. Въ настоящее время, всѣ убѣждены въ томъ, что для избѣжанія въ будущемъ подобныхъ опасностей, одно единственное средство: какъ можно скорѣе женить великаго князя, и такимъ образомъ приготовить для имперіи царствующій родъ (une famille regnante.)». (Деп. Солмса королю $\frac{29 \text{ іюля}}{9 \text{ августа}}$ 1771, № 724).

2-го августа с. с. графъ Панинъ представилъ на обсужденіе совѣта о притязаніяхъ короля прусскаго на разныя польскія земли, сообщенія прусскаго посланника, присланный отъ Фридриха проектъ секретной конвенціи и написанный имъ гр. Панинымъ контръ-проектъ сей конвенціи съ прибавленіемъ секретнѣйшаго артикула, заключающаго въ себѣ обязательство противъ вѣнскаго двора, на случай препятствія отъ сего послѣдняго. Совѣтъ, разсмотрѣвъ требованія прусскаго короля, положилъ: «внесть въ «сію конвенцію, чтобъ мы имѣли по оной остатокъ польской Лив«ляндіи, часть Полоцкаго и все Витебское воеводство, по сю «сторону Двины лежащія, дабы сія рѣка была натуральною на«шею границею съ Польшею до частной границы между Витеб«скимъ и Полоцкимъ воеводствами; чтобъ, слѣдуя по ней отту«да до пункта, гдѣ соединяются границы трехъ воеводствъ, а «именно: Полоцкаго, Витебскаго и Минскаго, продолжена была «наша граница прямою линіею до вершины рѣки Дружекъ, или

Digitized by Google

«Друца, къ мѣсту, называемому Ордва, и оттолѣ спускаясь по «сей рѣкѣ до ея устья, гдѣ она въ Днѣпръ впадаетъ, такъ чтобъ «все воеводство Мстиславское по сю и по ту сторону Днѣпра и «оба края воеводства Минскаго, выше и ниже воеводства Мсти-«славскаго, по сю сторону новой границы и Днѣпра намъ при-«надлежали, и чтобъ съ устья рѣка Дружекъ была нашею, съ «помянутой республикою, границею, сохраняя однако же Кіеву и «его принадлежности нынѣшнюю его границу по ту сторону той «же рѣки.» *).

Въ этотъ же день, $^{2}/_{13}$ августа, Солмсъ доносилъ королю: «Въ разговорахъ о мирѣ съ Турціей гр. Панинъ высказалъ ему, что императрица такъ желаетъ мира, что еслибы отъ нея зависѣло подписать миръ утромъ, то она не отложила бы этого до вечера; но, что вмѣстѣ съ тѣмъ, она не купитъ этого мира подчиненіемъ себя требованіямъ вѣнскаго двора. За себя гр. Панинъ сознавался, что онъ считалъ себя лично обиженнымъ, и что если бы подбили Турцію продолжать войну, онъ поведетъ ее такъ, что выведетъ изъ заблужденія всѣхъ тѣхъ, которые предполагаютъ, что Россія не въ состояніи долго поддерживать войну; графъ завѣрялъ, что Россія можетъ продолжать войну еще въ теченіи пяти лѣтъ, безъ всякой особенной тягости для государства, а что въ настоящую минуту, въ различныхъ казначействахъ правительства, есть 8 милліоновъ рублей свободныхъ, которыми можетъ распоряжаться императрица.» (Деп. Солмса № 725, $^{2}/_{13}$ августа).

4-го августа гр. Панинъ представилъ въ совѣтъ контръ-проектъ конвенціи, со внесеніемъ въ него русскихъ владѣній въ Польшѣ, и совѣтъ постановилъ передать контръ-проектъ прусскому посланнику **).

На другой день гр. Панинъ передалъ гр. Солмсу контръ-проектъ съ секретнѣйшимъ артикуломъ и записку, въ которой были объяснены причины сдѣланныхъ измѣненій противу проекта короля прусскаго. $^{6}/_{17}$ августа Солмсъ, посылая эти бумаги королю, доносилъ:

«Отправка контръ-проекта секретной конвенціи между вашимъ величествомъ и ея величествомъ императрицею о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ, сверхъ моего ожиданія, замедлилась еще нѣсколько дней, потому что необходимо было опредѣлить, какіе уѣзды Поль-

*) «Архивъ Госуд. Совѣта» ч. I, стр. 100.
**) Тамъ же, стр. 101.

Digitized by Google

ши предоставляются на часть Россіи и чтобы это опредѣленіе было утверждено формально совѣтомъ. Только вчера графъ Панинъ передалъ мнѣ этотъ проектъ, который и имѣю честь представить вашему величеству.» (Деп. № 726).

Фридрихъ, ожидая съ нетерпѣніемъ отвѣта Россіи на его проектъ конвенціи, вмѣстѣ съ тѣмъ обдумывалъ впередъ послѣдствія войны Россіи съ Австріей и 10 августа н. ст. писалъ къ Солмсу: «Я очень радъ, что вы меня увѣдомили о впечатлѣніи, произведенномъ на петербургскій дворъ отказомъ вѣнскаго двора принять на себя посредничество съ Турціей. Я опасаюсь очень, что отвѣтъ, который русскій дворъ предполагаетъ дать Турціи, не измѣнитъ ея убѣжденій; я боюсь, что настаивая съ твердостію въ желаніи вырвать у Турціи Молдавію и Валахію, принудитъ турокъ сблизиться еще тѣснѣе съ австрійскимъ дворомъ и, если они отдадутъ Австріи Бѣлградъ, то это будетъ союзъ наступательный противъ Россіи. Мнѣ кажется, что Россіи не слѣдуетъ продолжать и увеличивать затрудненія войны для двухъ провинцій, которыхъ она и сама не хочетъ удерживать за собою; и для избѣжанія всеобщей войны, я положительно предвижу необходимость, чтобы она пожертвовала что нибудь изъ своихъ завоеваній и вознаградила бы себя на Польшѣ за издержки на войну. Вы можете, однако, сказать графу Панину, что, исполняя желаніе императрицы, предложенія ея Турціи о мирѣ я сообщилъ къ исполненію посланнику въ Константинополѣ, но что я не ожидаю никакого успѣха въ этомъ дѣлѣ, потому что Франція и Австрія будутъ мѣшать всѣми силами, и потому не надобно надѣяться на какой либо успѣхъ переговоровъ моего посланника; относительно предстоящей конвенціи, вы очень благоразумно дѣлаете, что рѣшились не подписывать ея, а прежде сообщить ее мнѣ; я очень доволенъ, потому что могутъ включить такую статью, которая будетъ для меня убыточнѣе этихъ пріобрѣтеній, которыя я могъ бы сдѣлать для Пруссіи; теперь не время шутить и я предвижу почти разрывъ между вѣнскимъ дворомъ и Россіей, если послѣдняя будетъ упорно настаивать на раздробленіи Турціи отнятіемъ у нея провинцій, пограничныхъ съ владѣніями императрицы-королевы. Разсмотрите со вниманіемъ ходъ нашего союза съ Россіей: въ началѣ дѣло шло только о томъ, чтобы дать Польшѣ короля, потомъ дѣло о диссидентахъ; въ то время я предупреждалъ ихъ, что если они будутъ слишкомъ требовательны, то навлекутъ на себя войну съ

Digitized by Google

Турціей; мнѣ не повѣрили—а война возникла: война была для нихъ счастливая: я предупреждаю ихъ теперь, что вотъ приготовляется другая война, и если въ нее бросятся, возникнетъ опять война, и это никогда не кончится; въ политикѣ принимаютъ за правило, прилагаемое во всѣхъ случаяхъ: никогда не употреблять во зло успѣхъ (sa fortune); я бы желалъ, чтобы объ этомъ подумали въ Россіи, для выгоды императрицы и для блага ея имперіи. Поручаю вамъ передать имъ эти мысли подъ благовиднымъ предлогомъ, который могъ бы произвести впечатлѣніе.» (Депеша короля отъ 10 августа) *).

Твердое намѣреніе Россіи не возвращать туркамъ Молдавіи и Валахіи было главной причиной несогласія Австріи на посредничество. Кн. Кауницъ объявилъ прусскому посланнику въ Вѣнѣ, что Австрія никогда не дозволитъ раздробленія Оттоманской имперіи. Король предписывалъ Сольмсу, 14 августа н. ст., сказать графу Панину, что если до конца зимы не уладится вопросъ о Молдавіи и Валахіи, то война Россіи съ Австріей неизбѣжна, и что надобно подумать серьезно объ этомъ дѣлѣ. «Русскій дворъ, писалъ Фридрихъ, имѣетъ время обдумать всѣ послѣдствія, и ни одинъ великій государь не можетъ всегда повелѣвать фортунѣ; поэтому благоразуміе требуетъ не ввѣряться безразсудно этой слѣпой богинѣ.» Для достиженія мира, Фридрихъ совѣтовалъ Россіи сдѣлать нѣкоторыя уступки въ условіяхъ о мирѣ, предложенныхъ ею Турціи. «Если же русскіе думаютъ, писалъ Фридрихъ, что я приму на себя гарантировать эти условія, то они очень ошибаются. Всѣ мои трактаты съ Россіей относятся только до гарантированія мною короля Польши на тронѣ, но я не гарантировалъ отдѣленія Молдавіи и Валахіи отъ Турціи; я предложилъ императрицѣ гарантировать ей вознагражденіе въ Польшѣ за издержки по войнѣ—и я не отступаюсь отъ этого, но благо моей страны и интересы моего королевства не позволяютъ мнѣ сдѣлать ни одного шага болѣе; прибавьте къ этому: въ нынѣшнемъ несчастномъ году повсюду голодъ, даже за деньги нельзя достать хлѣба, чтобы прокормить народъ,—и вы согласитесь со мною, что я не могу идти далѣе. Отъ меня, по тому только, что я союзникъ, нельзя требовать, чтобы я дѣйствовалъ противно выгодамъ тѣхъ народовъ, которыми я управляю;

*) Эта депеша напечатана въ книгѣ у г. Шмита подъ № 16, но не совершенно согласно съ подлиннымъ собственноручнымъ текстомъ Фридриха.

Digitized by Google

и по этому, вмѣсто того, чтобы вступать въ новые, невыгодные союзы, которые навлекутъ на меня всю тяжесть войны, я ограничусь лучше тѣмъ, что останусь при старыхъ моихъ обязательствахъ. Если война возникнетъ между австрійцами и русскими, то первые сначала нападутъ на русскихъ въ Молдавіи; а если я сдѣлаю диверсію въ эту сторону, то австрійцы бросятся на меня всѣми своими силами, да еще пожалуй и французы сдѣлаютъ нападенія на мои нижне-рейнскія провинціи. Такимъ образомъ, мои владѣнія, едва отдыхающія отъ послѣдней тяжелой войны, я подвергну новымъ бѣдствіямъ. Все это требуетъ серьезнаго обсужденія. Послѣ всего мною высказаннаго, вамъ должно быть понятно, почему всякое предложеніе, сдѣланное Турціи объ отдѣленіи отъ нея Молдавіи и Валахіи, не будетъ имѣть успѣха. (Деп. короля Солмсу 14 августа 1771).

Послѣ этого король уѣхалъ въ Силезію и только 31 августа н. с. получилъ контръ-проектъ Россіи. 2-го сентября онъ увѣдомилъ Солмса, «что надобно все хорошенько обдумать и едва ли ранѣе двухъ недѣль дастъ отвѣтъ; а подписать всегда можно до срока, который кончится въ февралѣ.»

Солмсъ передалъ гр. Панину изустно содержаніе депеши короля отъ 14 августа, въ которой король давалъ почувствовать, что въ случаѣ войны Россіи съ Австріей онъ принужденъ будетъ отказать Россіи въ своемъ содѣйствіи. Графъ Панинъ объяснилъ Солмсу, что предшествовавшіе трактаты съ Пруссіей заключаютъ въ себѣ условія взаимной защиты, и на этомъ основаніи, въ настоящую войну съ турками, король исправно платитъ Россіи субсидіи; графъ указывалъ на соотвѣтственные пункты трактатовъ 1764 и 1767 годовъ, и наконецъ предложилъ Солмсу просить короля высказаться положительно по этому обстоятельству, потому что, согласно отвѣту короля, Россія или будетъ дѣйствовать энергически въ союзѣ съ королемъ противъ Австріи, или составитъ новый планъ дѣйствій, какъ по умиротворенію Польши и ея раздѣлу, такъ и по распоряженіямъ о войнѣ съ Австріей, Турціей и Польшей, противъ которыхъ она останется уже одна; война эта можетъ имѣть такія послѣдствія, которыя поставятъ Россію въ невозможность прійти на помощь Пруссіи, когда обстоятельства того потребуютъ.» (Депеша Солмса, № 730, $\frac{\text{23 августа}}{\text{8 сентября}}$ 1771) *).

*) Мы прилагаемъ весь текстъ депеши, какъ образчикъ глубокихъ знаній гр. Панина въ современной политикѣ и ловкости дипломатіи.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько дней гр. Панинъ, озлобленный противъ Австріи, высказалъ Солмсу, что Россія будетъ гораздо снисходительнѣе къ Турціи, нежели къ Австріи, когда ихъ разъединятъ; если допустить теперь Австріи предписывать Россіи условія о мирѣ съ Турціей, то потомъ она захочетъ приказывать и о польскихъ дѣлахъ, и воля Австріи станетъ закономъ для ея сосѣдей, что, по мнѣнію гр. Панина, не будетъ выгодно ни для Россіи, ни для Пруссіи. (Деп. № 732, $\frac{30 \text{ августа}}{10 \text{ сентября}}$ 1771).

Фридрихъ, съ своей стороны, въ это время продолжалъ выставлять всѣ опасности войны съ Австріей, свои неудобства участвовать въ этой войнѣ, необходимость, чтобы Россія отказалась отъ требованій отдѣленія Молдавіи и Валахіи отъ Турціи. (Деп. короля отъ 8 и 10 сентября) *).

$^{12}/_{23}$ сентября Солмсъ сообщилъ королю, что гр. Панинъ былъ боленъ сильной простудой головы и такъ страдалъ, что едва могъ говорить. Третьяго дня онъ имѣлъ съ нимъ объясненія и гр. Панинъ повторилъ прежнія заявленія Россіи, а именно: что императрица искренно желаетъ мира, но такъ какъ она видитъ, что она не можетъ допустить его иначе, какъ уступивъ Австріи, а потому несправедливость Австріи, благоразуміе и необходимость принуждаютъ ее добыть этотъ миръ силою оружія. Гр. Панинъ вполнѣ признавалъ мудрость короля въ замедленіи заключенія конвенціи и надѣялся, что король употребитъ всѣ средства, чтобы вразумить Австрію, и былъ убѣжденъ, что въ случаѣ неудачи переговоровъ, союзъ короля съ Россіею будетъ имѣть сильное вліяніе на Австрію. По мнѣнію гр. Панина, пробнымъ камнемъ въ переговорахъ съ Австріей можетъ быть предложеніе ей раздѣла Польши. Если она приметъ его, то это послужитъ доказательствомъ, что она склоняется къ благоразумію, которое выяснитъ ей истинную систему политики Россіи. Если же она откажется отъ участія въ раздѣлѣ Польши, то этимъ докажетъ, что она намѣрена вести войну съ Россіей, и что теперь вопросъ о равновѣсіи Востока она беретъ только предлогомъ, чтобы придавать справедливость несправедливымъ своимъ требованіямъ. «Мнѣ кажется, писалъ Солмсъ, что я разгадалъ намѣренія Россіи въ отношеніи Молдавіи и Валахіи и могу завѣрить, что она откажется отъ своего требованія отдѣлить ихъ отъ Турціи, если только при этомъ сберегутъ ея честь и если бы можно

*) Въ книгѣ Шмидта, №№ 18 и 19.

Digitized by Google

было сдѣлать не въ видѣ непремѣннаго исполненія требованія Австріи; они устроятся съ Турціей за деньги. Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь въ вѣрности этого предположенія, но не могу еще достигнуть, чтобы вызвать отъ гр. Панина его признаніе въ этомъ; хотя онъ уже не противорѣчитъ мнѣ, когда я ему говорю о необходимости этого пожертвованія; онъ требуетъ только, чтобы Россія была поставлена въ возможность вести переговоры съ Турціей непосредственно, и въ такомъ случаѣ обѣщаетъ всѣ снисхожденія, могущія ускорить заключеніе мира.» (Деп. Солмса № 735, $^{12}/_{23}$ сентября).

Предсказаніе короля о европейской всеобщей войнѣ, въ случаѣ если Россія не откажется отъ своего требованія отдѣлить отъ Турціи Молдавію и Валахію, вызвали еще откровенныя объясненія гр. Панина. «Въ разговорѣ объ этомъ, гр. Панинъ (писалъ Солмсъ $^{16}/_{27}$ сентября), послѣ нѣкоторыхъ общихъ фразъ, сказалъ, что онъ сообщитъ мнѣ, въ величайшей тайнѣ, свое личное соображеніе, которое будто бы онъ не передавалъ никому, ни даже императрицѣ. Это соображеніе заключалось въ томъ, что графъ надѣялся уговорить императрицу измѣнить условія мира съ Турціей, въ отношеніи Молдавіи и Валахіи, и заключить конвенцію съ королемъ прусскимъ о раздѣлѣ Польшѣ съ обоюдными выгодами, но при одномъ условіи: если только возвращеніе Турціи этихъ двухъ провинцій можетъ быть сдѣлано безъ всякаго посредничества Австріи и даже совершенно помимо ея, безъ ея вѣдома и участія. Графъ Панинъ убѣжденъ, что Австрія не руководится ни интересами Порты, ни равновѣсіемъ Востока, а исключительно закоренѣлою ненавистью и личною черною завистію къ Россіи князя Кауница, который возбуждаетъ свой дворъ унизить Россію, а если возможно, то даже уничтожить ее; при такомъ настроеніи невозможно предполагать, чтобы австрійскій дворъ оцѣнилъ умѣренность императрицы и ея любовь къ миру; напротивъ, весьма вѣроятно, Австрія припишетъ страху Россіи, если она отступитъ отъ предложенныхъ условій о Молдавіи и Валахіи; и затѣмъ Австрія увеличитъ свои требованія и будетъ противиться раздѣлу Польши; если предположить, что Австрія удовлетворится этимъ пожертвованіемъ, то и въ такомъ случаѣ оно будетъ не сообразно съ интересами и достоинствомъ Россіи, имѣя видъ пожертвованія, вынужденнаго угрозами и оскорбительною настойчивостію враждебнаго ей двора; такимъ поведеніемъ Россія передастъ свои интересы въ руки Австріи. По этимъ

Digitized by Google

соображеніямъ гр. Панинъ находилъ существенно необходимымъ уладить это дѣло въ непосредственныхъ переговорахъ Россіи съ Турціею и съ этою цѣлію полагалъ бы дать знать объ этомъ Турціи черезъ кого нибудь тайно. Такой человѣкъ, по словамъ гр. Панина, уже имъ найденъ,—это г. Симолинъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Регенсбургѣ, которому онъ уже предписалъ пріѣхать въ Петербургъ. Графъ Панинъ проситъ ваше величество дать ему совѣтъ и наставленія для отправленія г. Симолина секретно въ Константинополь съ означеннымъ порученіемъ.» (Деп. Солмса № 736, $^{16}/_{27}$ сентября 1771) *).

Въ это время Фридрихъ все еще не высказывался о присланномъ ему контръ-проектѣ конвенціи. 22 сентября н. с. онъ писалъ къ Солмсу, что получилъ депешу изъ Вѣны: австрійцы ни за что не соглашаются допускать отдѣленія Молдавіи и Валахіи отъ Турціи. «Для меня, пишетъ король,—совершенно все равно, кто бы ни владѣлъ этими провинціями; я объ этомъ писалъ вамъ уже сто разъ, и если я дѣлаю о нихъ разныя предложенія, то единственно изъ желанія отвратить всеобщую войну; въ этой войнѣ Россіи придется имѣть на плечахъ 100 тысячъ турокъ и 70 тысячъ австрійцевъ; сверхъ того, Франція и Англія употребятъ всѣ возможныя средства возбудить и Швецію къ диверсіи; надобно все предвидѣть, чтобъ заранѣе приготовиться. По этому Россія, какъ можно скорѣе и до зимы, необходимо должна набрать 70 тыс. рекрутовъ, для пополненія ими своихъ войскъ; я, съ своей стороны, долженъ ожидать, что австрійцы выставятъ противъ меня 80 т.; потомъ, венгерская армія нападетъ на меня съ другой стороны, а 24 т. французовъ, въ соединеніи съ австрійскимъ войскомъ, находящимся во Фландріи, займутъ страну Клёвъ, которая для меня важнѣе прусской Польши; и такъ, мнѣ надобно имѣть три арміи, а откуда ихъ взять, если я пошлю еще 20 т. въ Валахію, какъ этого требуетъ гр. Панинъ? По этому надо хорошенько обдумать, что дѣлать. Польскій раздѣлъ можетъ состояться независимо отъ этихъ обстоятельствъ,—развѣ графъ Панинъ постановитъ условіемъ sine qua non, чтобъ я далъ требуемый имъ вспомогательный корпусъ въ Валахію, а чтобъ турки уступили часть Молдавіи Польшѣ, которая будетъ слишкомъ счастлива получить такое вознагражденіе за ея потери. Всѣ эти соображенія, которыя

*) О посылкѣ г. Симолина и объ отвѣтѣ короля, по поводу этой посылки, мы не встрѣтили никакихъ свѣдѣній въ просмотрѣнныхъ нами документахъ и потому не можемъ ничего объяснить о послѣдствіяхъ предположенныхъ гр. Панинымъ тайныхъ переговоровъ Россіи съ Турціею черезъ г. Симолина.

Digitized by Google

пришли мнѣ въ голову, поручаю вамъ употребить въ дѣло при дворѣ русскомъ; я увѣренъ, что Россія сама будетъ мнѣ признательна за изобрѣтеніе средствъ, выгодныхъ для всѣхъ, и если я избавлю ее отъ случайностей всеобщей войны; я выжидаю еще нѣкоторыхъ разъясненій, послѣ чего вы получите подробный отвѣтъ мой о трактатѣ, который вы мнѣ прислали» (Деп. короля отъ 22 сентября н. с. 1771).

Король обдумалъ свой планъ и, пользуясь требованіями Россіи помогать ей противъ Австріи въ случаѣ войны, возвращая контръ-проектъ русскій съ своими замѣчаніями, увеличилъ свои требонія въ польскомъ раздѣлѣ. 30 сентября н. с. онъ писалъ къ Солмсу: «Мнѣ стыдно, до нѣкоторой степени, что я заставилъ русскій дворъ такъ долго дожидаться моего отвѣта о проектѣ конвенціи; но, по важности этого дѣла, требовалось много времени для обдумыванія всѣхъ случайностей и пріисканія впередъ средствъ къ противодѣйствію нашимъ врагамъ; но приказаніе императрицы выдвинуть еще 50 тыс. войскъ въ Польшу заставило меня наконецъ рѣшиться, независимо отъ тѣхъ затрудненій, которыя я еще предвижу; настойте же на исполненіи этого приказанія, чтобъ армія шла въ Польшу, чтобы она приступила къ разбитію Огинскаго, потому что не слѣдуетъ допускать непріятеля въ тылу своемъ; затѣмъ армія должна подвигаться къ Венгріи, черезъ Сандомиръ, указанною мною дорогою *). Такое движеніе будетъ имѣть весьма важное значеніе какъ для меня, такъ и для Россіи, потому что австрійцы поймутъ сейчасъ, что при такомъ расположеніи арміи, которая у нихъ будетъ въ тылу, имъ невозможно вступать въ Валахію, и еще по тому, что эта дорога единственная, по которой возможно арміи проникнуть въ Венгрію; наконецъ, это движеніе испугаетъ вѣнскій дворъ, который боится недовольныхъ въ Венгріи и не имѣетъ возможности ввѣриться грекамъ, которые тамъ въ большомъ числѣ. Я, съ своей стороны, приступлю къ большимъ расходамъ: мой взоръ устремленъ на берега Рейна до глубины Моравіи; можетъ-быть, я буду принужденъ нанимать войско за деньги; всѣ эти огромные расходы и большіе риски заставляютъ меня увеличить мои требованія; впрочемъ, если бы обстоятельства не дошли до такихъ крайностей, я слишкомъ былъ бы доволенъ тою частію Польши, которая мнѣ предназначается, и особенно тою дружескою готов-

*) Дорога эта объяснена въ депешѣ короля отъ 25 сентября, напечатанной у Шмидта, стр. 49.

Digitized by Google

ностію Россіи, съ которою это устроивается. Но, въ настоящемъ случаѣ, надобно чѣмъ нибудь покрыть огромныя издержки; при томъ, русскому двору совершенно все равно, въ чьихъ бы рукахъ ни былъ Данцигъ, а для меня чрезвычайно неудобно, если этотъ городъ останется въ рукахъ поляковъ: съ республикою будутъ вѣчныя ссоры и замѣшательства, поляки безпрестанно будутъ пріѣзжать въ этотъ городъ для интригъ и смутъ, при каждомъ моемъ шагѣ; вслѣдствіе этого, я уполномочиваю васъ подписать прилагаемый трактатъ безъ оговорокъ (en plein), и сверхъ обѣщанной мною вамъ награды, прибавлю еще болѣе значительную за ваше усердіе и труды, если вы довершите дѣло. Прилагаю письмо къ императрицѣ, которое вы передадите ей по окончаніи этого важнаго дѣла. Прилагаю еще къ этой депешѣ письмо Родта изъ Вѣны, подтверждающее рѣшеніе вѣнскаго двора о Валахіи и Молдавіи; Родтъ убѣжденъ, что если императрица желаетъ прочнаго мира, то ей надобно измѣнить свои требованія объ этихъ провинціяхъ; и то, что вы въ послѣдній разъ писали мнѣ объ образѣ мыслей гр. Панина по этому обстоятельству, чрезвычайно меня обрадовало; если графъ поддержитъ это мнѣніе, то онъ этимъ докажетъ высочайшую умѣренность, соединенную съ возможнымъ достоинствомъ (c'est joindre á la plus grande modération toute la dignité possible)». (Деп. короля отъ 30 сент. н. с.).

При этой депешѣ король выслалъ Солмсу: 1) контръ-проектъ секретной конвенціи, 2) секретнѣйшій артикулъ и 3) объяснительную записку, въ отвѣтъ на контръ-проектъ русскій *).

Король требовалъ Данцига.

2 октября с. с. Солмсъ получилъ эти бумаги и передалъ ихъ гр. Панину. «Требованія Данцига, писалъ Солмсъ королю $^{4}/_{15}$ октября с. с.,—поставило гр. Панина въ большое затрудненіе. Онъ ласкалъ себя надеждою, что ваше величество отказались отъ этого города навсегда, и видя теперь снова желаніе вашего величества получить этотъ городъ, объяснился со мною съ полною откровенностію: говоря за себя лично, графъ Панинъ выразилъ, что пріобрѣтеніе Данцига не внушаетъ ему боязни, и онъ не находитъ оное предосудительнымъ или вреднымъ для Россіи, но найдутся люди, которые будутъ осуждать поведеніе Россіи, если она будетъ содѣйствовать расширенію владѣній Пруссіи на Балтійскомъ морѣ и если она допуститъ ваше величество быть вла-

*) Послѣдняя напечатана у Шмидта, № 23, стр. 57.

Digitized by Google

стителемъ всей торговли въ Польшѣ. Сверхъ того, со временъ Петра Великаго, Россія признаетъ этотъ городъ вольнымъ и независимымъ и послѣ того всѣ россійскіе государи гарантировали Данцигу эту независимость, даже отъ короля польскаго; по этому Россіи чрезвычайно будетъ трудно оправдать свое отступленіе отъ гарантіи въ пользу вашего величества, вмѣстѣ съ тѣмъ, находя, что требованіе увеличенія вознагражденія, пропорціонально увеличенію расходовъ и опасностей, совершенно справедливо. Графъ Панинъ предлагаетъ вашему величеству получить это вознагражденіе изъ провинцій австрійскихъ; при этомъ гр. Панинъ завѣрялъ, что если чрезъ содѣйствіе вашего величества Россія заключитъ немедленно миръ съ Турціей, то, затѣмъ, она существенными средствами поможетъ вашему величеству сдѣлать эти завоеванія въ Австріи. Графъ Панинъ въ заключеніе сказалъ ему, Солмсу, что надо нѣсколько дней, чтобъ обдумать это важное дѣло». Сообщая о вышеизложенномъ королю, гр. Солмсъ просилъ разрѣшеній короля по слѣдующимъ вопросамъ: «во первыхъ, будутъ затрудненія о назначеніи срока дѣйствительнаго завладѣнія польскими провинціями; ваше величество назначили срокомъ подписаніе конвенціи; между тѣмъ Россія, до окончанія умиротворенія Польши, не можетъ отодвинуть свои войска къ границамъ; двѣ другія причины заставляютъ русскій дворъ желать, чтобъ время завладѣнія было отсрочено: желаніе развѣдать намѣренія Австріи по миру съ Турціей и мнѣніе Австріи о предположенномъ между Россіей и Пруссіей раздѣлѣ Польши; во вторыхъ, такъ какъ здѣсь желаютъ вести переговоры о мирѣ непосредственно съ Турціей, то полагаютъ полезнымъ, до окончачанія этихъ переговоровъ скрывать отъ нея предположеніе о раздѣлѣ Польши, изъ опасенія, что Турція въ такомъ случаѣ повѣритъ внушеніямъ Австріи о намѣреніяхъ Россіи къ завоеванію Польши,—внушенія эти возбудили и настоящую войну ея съ Россіей, и могутъ помѣшать переговорамъ о мирѣ» (Деп. Солмса $^{4}/_{15}$ октября № 741).

6 октября с. с. гр. Панинъ представилъ совѣту, переданныя ему Солмсомъ, документы и заявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ совѣту: «что какъ собственная наша польза не дозволяетъ поступить «на отдачу Гданска, то думаетъ онъ предложить королю прус«скому, чтобъ онъ, въ случаѣ войны съ вѣнскимъ дворомъ, «наградилъ употребленныя на нее издержки присоединеніемъ «себѣ его земель и что мы гарантируемъ ему оныя» *).

*) Арх. госуд. сов. Ч. 1, стр. 113.

Digitized by Google

Вскорѣ послѣ этого гр. Панинъ имѣлъ опять разговоръ съ Солмсомъ. $^{11}/_{22}$ октября посланникъ писалъ королю: «графъ Панинъ, съ которымъ я видѣлся на дняхъ, сказалъ мнѣ, что всѣ бумаги о раздѣлѣ Польши еще у императрицы на столѣ, и потому онъ не въ состояніи дать мнѣ министерскій отвѣтъ, но можетъ объявить, что императрица очень довольна твердымъ намѣреніемъ вашего величества закрѣпить еще болѣе дружбу и союзъ съ россійской имперіей; что ея величество того же мнѣнія, что главная цѣль конвенціи есть пріобрѣтеніе въ Польшѣ, и если встрѣтятся какія нибудь несогласія въ мнѣніяхъ о способахъ исполненія, то это не задержитъ окончательнаго соглашенія. Императрица, по словамъ гр. Панина, руководится мыслію, которая будто бы внушена ей вашимъ величествомъ, что по вопросу объ исполненіи нельзя постановить ничего положительнаго до тѣхъ поръ, пока не будутъ извѣстны точныя намѣренія вѣнскаго двора о войнѣ или мирѣ, а также согласится ли Порта войти въ непосредственные переговоры съ Россіей.... Наконецъ гр. Панинъ полагалъ, что императрица не должна торопиться сдѣлать общеизвѣстнымъ соглашеніе о польскомъ раздѣлѣ, въ особенности для того, чтобъ поберечь Турцію, и имѣть возможность уговорить ее на миръ; но въ послѣдствіи смуты и волненія въ Польшѣ послужатъ ей конькомъ (cheval de bataille), для оправданія своего поведенія. Окончательный выводъ изъ всего вышеизложеннаго графъ Панинъ сдѣлалъ такой: императрица намѣрена изложить секретную конвенцію съ секретнѣйшимъ пунктомъ, въ общихъ выраженіяхъ, но достаточно ясныхъ, чтобъ можно было понять главныя причины, побудившія обѣ державы заключить прежде конвенцію, установивъ на всѣ предвидимыя и возможныя случайности и существо и количество вспоможенія, а объ исполненіи составить чисто военную конвенцію, которая будетъ соображена съ вѣрными свѣдѣніями о намѣреніяхъ Австріи и Турціи. Въ этихъ видахъ, согласно идеямъ императрицы, гр. Панинъ составитъ новый проектъ конвенціи съ отдѣльнымъ секретнѣйшимъ пунктомъ и представитъ вашему величеству на одобреніе, съ приложеніемъ объяснительной записки. Что же касается до Данцига, то гр. Панинъ повторилъ прежде высказанныя имъ и извѣстныя вашему величеству затрудненія о предоставленіи этого города Пруссіи и прибавилъ, что императрица приказала ему собрать всѣ акты, состоявшіеся какъ при

ея предшественникахъ, такъ и при ней, относительно обезпеченія вольности и независимости этого города; но такъ какъ императрица всегда готова дѣлать удовольствіе вашему величеству, то она приметъ на себя особое обязательство, въ случаѣ войны съ Австріей, не класть оружія до тѣхъ поръ, пока не будутъ завоеваны отъ этой державы владѣнія, соразмѣрныя пріобрѣтенію Данцига, и что отъ вашего величества зависитъ теперь же указать эти провинціи» (Деп. Солмса отъ $^{11}/_{22}$ октября за № 743).

На этой депешѣ сохранился собственноручный отвѣтъ короля графу Солмсу:

«Изъ вашей депеши я вижу, что мы еще очень далеко отъ того, чтобъ прійти къ соглашенію о конвенціи: русскіе думаютъ только о своихъ интересахъ и хотятъ выработать изъ меня все, что только можно; развѣ они не понимаютъ, что у меня есть такіе же интересы близкіе моему сердцу; что всѣ могутъ обвинять меня въ величайшей безразсудности, если при такихъ видимыхъ для меня опасностяхъ я не приму всѣхъ предосторожностей, указываемыхъ здравымъ смысломъ; одна изъ первыхъ предосторожностей это—дѣйствовать, соображаясь съ поведеніемъ русскихъ: дадутъ пріобрѣтенія—и мои войска пойдутъ; нѣтъ пріобрѣтеній—нѣтъ у меня и войска: вотъ первая статья. Во вторыхъ, я не признаю уважительною ни одну изъ причинъ, выставленныхъ для отказа мнѣ въ Данцигѣ; то вѣрно, что этотъ городъ сдѣлался вольнымъ отъ слабаго управленія поляковъ; то вѣрно, что при обезпеченіи Россіи въ отношеніи торговли въ этомъ городѣ все остальное для нея не имѣетъ никакого значенія; то вѣрно еще, что для всякаго государства вредно, когда въ его границахъ находится чужое владѣніе, служащее источникомъ тысячи придирокъ, тысячи распрей. Вотъ настоящее положеніе дѣла. Между тѣмъ, не смотря на смягченный тонъ вѣнскаго отвѣта Россіи, австрійцы продолжаютъ вооружаться, а также не замѣтно, чтобъ турки склонялись къ миру; и такъ, Россія должна обдумать свои интересы и сообразить: нужны ли ей друзья или нѣтъ? Я васъ очень прошу воспрепятствовать предположенію о назначеніи мнѣ вознагражденій изъ будущихъ завоеваній въ Австріи—это дѣлить съ медвѣдя шкуру, не поймавши его; тутъ требуется дѣйствительность, и если Австрія даетъ отвѣты болѣе снисходительные, чѣмъ прежде, то это слѣдуетъ приписать моимъ вну-

Digitized by Google

шеніямъ вѣнскому двору, которыя однако не достаточно еще сильны, чтобы обезоружить ее».

Солмсъ, съ своей стороны, продолжалъ убѣждать гр. Панина согласиться на отдачу Данцига. Онъ писалъ королю:

«Причина сопротивленія русскаго двора къ отдачѣ Данцига заключается не столько въ опасеніяхъ о вредѣ для русской торговли, сколько въ уваженіи къ стариннымъ и позднѣйшимъ гарантіямъ, даннымъ отъ Россіи этому городу, о сохраненіи его вольности и независимости. Впрочемъ, я начинаю надѣяться, что можно будетъ отстранить эти затрудненія и достигнуть желаемой цѣли,—но только не могу опредѣлить времени, когда настанутъ благопріятныя обстоятельства. По этому дѣлу я имѣлъ весьма интересный разговоръ съ гр. Панинымъ, и если бы предстояло только убѣдить его одного, то дѣло устроилось бы оченъ скоро,—но графъ мнѣ признался, что онъ не имѣетъ возможности всегда и скоро побѣждать старые предразсудки и потому иногда принужденъ бываетъ соглашаться съ мнѣніемъ другихъ. Я замѣтилъ ясно изъ его словъ, что отсутствіе графа Орлова—одна изъ причинъ, замедляющихъ разрѣшеніе этого дѣла, вопреки желанію вашего величества поскорѣе его окончить. Императрица привыкла ставить гр. Орлова въ извѣстность обо всѣхъ дѣлахъ и ничего не рѣшаетъ безъ его вѣдома, а такъ какъ о настоящемъ дѣлѣ могутъ послѣдовать разныя мнѣнія, то и хотятъ дождаться графа, потому что гораздо удобнѣе направить мнѣніе графа изустными преніями, чѣмъ перепискою, на которую онъ можетъ еще и не обратить должнаго вниманія, при занятіяхъ своихъ въ Москвѣ. Отстранить этого нельзя. О Данцигѣ гр. Панинъ повторилъ причины невозможности отдать его Пруссіи, и что ему было довольно трудно достигнуть того, чтобъ Ельбингъ и Вармія были включены на долю короля, но что это не помѣшаетъ королю послѣ, вслѣдствіе нынѣшнихъ же политическихъ обстоятельствъ (conjonctures) завладѣть Данцигомъ. Графъ выразился при этомъ такъ: «этотъ городъ, по своему мѣстному положенію, будетъ принадлежать прусской монархіи». Считаю необходимымъ сообщить вашему величеству еще объ одномъ слухѣ, который можетъ дойти до вашего величества. Говорятъ, что графъ Орловъ не расположенъ въ пользу вашихъ интересовъ, и что особенно по этому графъ Панинъ боится публично поддерживать требованіе вашего величества на Данцигъ. Мнѣ кажется, этого не слѣ-

Digitized by Google

дуетъ опасаться. Гр. Орловъ, по видимому, не придерживается никакой политической системы. Онъ также мало дурной прусакъ, какъ и хорошій австріецъ, но онъ любитъ выказывать своимъ собратіямъ вліяніе свое на императрицу, и такъ какъ она добровольно приняла правиломъ слушаться его совѣтовъ во всѣхъ дѣлахъ, то у прочихъ связаны руки, и они не рѣшатся высказать своего мнѣнія, не спросивши гр. Орлова и не получивши его одобренія. Только одинъ графъ Панинъ осмѣливается спорить съ гр. Орловымъ и своею твердостію и медленностію достигаетъ почти всегда своей цѣли. Но для этого надо время и благопріятный случай, который не можетъ явиться въ отсутствіи гр. Орлова. Сверхъ того, мнѣ кажется, что случилось что-то такое, чѣмъ гр. Панинъ не доволенъ, потому что, объясняясь со мною секретно (confidemment) о вліяніи любимца на дѣла, графъ Панинъ выражался о гр. Орловѣ и объ его братьяхъ съ желчью, чего я давно уже не замѣчалъ» (Депеша Солмса $^{14}/_{25}$ октября № 744).

Солмсъ не переставалъ хлопотать о Данцигѣ, и старался опровергать доказательства, выставляемыя гр. Панинымъ въ справедливости отказа Россіи въ этомъ требованіи. Между прочимъ, Солмсъ объяснялъ, что если отказъ Россіи основанъ на желаніи Россіи не измѣнять прежнихъ своихъ гарантій этому городу, то такое поведеніе противорѣчитъ и раздѣлу Польши, такъ какъ Россія гарантировала также и Польшѣ ея цѣлость. Графъ Панинъ возражалъ, что когда сдѣлано было впервые предложеніе о раздѣлѣ и тогда уже ему было не легко согласить императрицу на это дѣло, но тогда поляки сами подали къ тому предлогъ, отбросивши всѣ соглашенія и продолжали быть явными врагами Россіи и вели съ ней войну; но городъ Данцигъ, во все это смутное время, оставался спокоенъ, и потому Россія не имѣетъ повода отказывать ему въ своемъ покровительствѣ. А Императрица считаетъ долгомъ совѣсти и чести держать свое слово, данное ей этому городу о сохраненіи его вольности и независимости. Съ своей стороны, графъ Панинъ считалъ для себя не позволительнымъ открыто идти противъ такихъ убѣжденій, совершенно правильныхъ, и, по званію своему министра, онъ долженъ поддерживать въ своей государынѣ эти убѣжденія, для сохраненія къ ней довѣрія ея союзниковъ. Графъ Панинъ просилъ Солмса не давать никакихъ обѣщаній королю о Данцигѣ, но что король можетъ вполнѣ положиться на обяза-

Digitized by Google

тельство, принимаемое императрицею, даставить ему вознагражденіе въ австрійскихъ владѣніяхъ, о чемъ и будетъ включено въ составляемую имъ секретную конвенцію (Деп. Солмса $\frac{18}{29}$ октября 1771, п. 745).

Фридрихъ, въ это время, все еще надѣялся, что Россія исполнить его требованія, въ благодарности за оказанныя имъ услуги и въ виду будущихъ услугъ *). Онъ ожидалъ терпѣливо, но надежды не осуществлялись.

«Я получилъ сейчасъ депешу вашу отъ 15 сего мѣсяца (№ 741), писалъ король Солмсу 30 октября н. с., и даю вамъ всѣ разъясненія на затрудненія, которыя вы мнѣ описываете. 1) О городѣ Данцигѣ. Я смотрю на это дѣло какъ на большую бездѣлицу (grande bagatelle). Авиньонъ принадлежалъ папѣ, но имъ завладѣли французы; Страсбургъ былъ вольный городъ, Людовикъ XIV взялъ его. Сколько подобныхъ случаевъ въ исторіи? Сверхъ того, я не хлопочу о пріобрѣтеніи торговаго города, но взгляните на карту, и вы увидите, что по своему мѣстному положенію Данцигъ перерѣзываетъ мои владѣнія; если бы вмѣсто растяженія моихъ владѣній по берегу Балтійскаго моря, захотѣли бы округлить ихъ, то, увѣряю васъ, я отъ всего сердца согласился бы на это; но такъ какъ это невозможно, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, предоставить мнѣ сплошное владѣніе, въ вознагражденіе тѣхъ опасностей, которымъ я подвергаю себя за Россію. 2) О занятіи провинцій, назначаемыхъ по раздѣлу. Сами вы мнѣ писали, что въ Петербургѣ намѣрены были сформировать легіоны, для охраненія новыхъ пріобрѣтеній, и что въ то же время наши посланники одновременно объявятъ объ этомъ вѣнскому двору. Это будетъ очень благоразумно, потому что придется же этимъ кончить. Я смотрю на это дѣло такъ: самое благопріятное время для занятія польскихъ провинцій наступитъ тогда, когда русская армія соберется между Сандомиромъ и Краковомъ, угрожая отсюда австрійцамъ, и декларація, сдѣланная тогда нами Австріи, заставитъ ее подумать о той диверсіи, которую можетъ сдѣлать эта армія и о тѣхъ ударахъ, которые могу и я нанести: затѣмъ, останется объяснить Польшѣ и выставить наши права, указывая на Австрію, которая подала намъ примѣръ; что же касается до турокъ, то когда имъ объявятъ, что Молдавія и Валахія возвращаются имъ за раздѣлъ Польши, они останутся очень

*) Шмидтъ, № 22.

Digitized by Google

довольны, что отдѣлались такъ дешево. Въ политикѣ общее правило: не дѣлать ничего въ половину, и потому надо съ твердостію рѣшиться на занятіе польскихъ областей; если же дожидаться до заключенія общаго мира, то это повлечетъ только къ новымъ всеобщимъ жалобамъ и неудовольствіямъ. Сверхъ того, я не пущу ни одной кошки впередъ, пока не получу вознагражденія, и потому сосредоточеніе армій въ Польшѣ должно быть одновременно съ окончательнымъ соглашеніемъ о занятіи нами нашихъ новыхъ пріобрѣтеній... Поручаю вашей заботливости хлопоты о Данцигѣ, который не имѣетъ никакого значенія для русскихъ» (Деп. короля отъ 30 октября 1771).

Несогласіе Россіи на отдачу Пруссіи Данцига раздражали нетерпѣливаго Фридриха. Черезъ три дня онъ писалъ Солмсу: «Меня удивляютъ русскіе своими затрудненіями о Данцигѣ; удивляюсь также, что ихъ такъ озабочиваетъ вопросъ о времени занятія предположенныхъ къ раздѣлу частей Польши, тогда какъ австрійцы уже подали намъ примѣръ; наконецъ, русскіе сами должны знать, на что они должны рѣшиться; я высказалъ имъ мои условія, при которыхъ я имъ подамъ помощь: если я имъ нуженъ пусть подпишутъ; если я имъ не нуженъ, пусть себѣ дѣйствуютъ какъ хотятъ, только они могутъ быть увѣрены, что въ послѣднемъ случаѣ я не вмѣшаюсь ни во что, до нихъ касающееся. Въ такомъ важномъ дѣлѣ я не пожертвую интересами моего народа и не имѣю никакого желанія измѣнять моихъ условій; увѣдомляю васъ еще, что г. Сальдернъ, находящійся въ Варшавѣ, принимаетъ въ отношеніи меня такой тонъ высокомѣрія и дерзости, что я поручилъ дать ему хорошую головомойку (mercuriale); несдержанность этого человѣка довершила испортить дѣла русскихъ въ Польшѣ, и если дать ему волю, то его пылкость поссоритъ Россію со всѣми, но я его знаю хорошо и не приписываю его двору того, что сдѣлано имъ лично» (Деп. короля отъ 3-го ноября 1771 г.).

Свѣдѣнія, полученныя королемъ изъ депеши Солмса отъ $\frac{14}{25}$ октября (№ 744) о замедленіи отвѣта Россіи по конвенціи по случаю отсутствія гр. Орлова, а также извѣстія о захватѣ конфедератами короля польскаго, вызвали также совѣты короля Солмсу: «Вотъ еще мысль, которая мнѣ приходитъ, писалъ король 10-го ноября н. с.,—но я ее поручаю вашему благоразумію: когда гр. Орловъ возвратится изъ Москвы, то вы обратите его благосклонное вниманіе на мои интересы, сопровождая это возможны-

Digitized by Google

ми любезностями, и расположите его согласиться на мои предложенія... Въ Польшѣ совершилось странное событіе: конфедераты похитили короля изъ самой Варшавы: но, къ счастію, онъ успѣлъ освободиться отъ нихъ; если наша конвенція состоится, то Россія должна воспользоваться этимъ происшествіемъ, чтобъ требовать отъ меня помощи въ Польшѣ, такъ какъ я гарантировалъ престолъ польскому королю, и предлогъ будетъ весьма правдоподобный; увидите, что въ скоромъ времени возникнутъ такія неудобства и замѣшательства, которыя заставятъ не спорить со мною о Данцигѣ; я полагаюсь, впрочемъ, на вашу дѣятельность и заботливость, также какъ и на вашу осторожность» Деп. короля отъ 10 ноября 1771 г.). Каждая депеша Солмса вызывала въ отвѣтъ новыя соображенія, новыя доказательства на то, что Россія должна исполнить его требованія: «я вижу, писалъ король въ отвѣтъ на депешу Солмса отъ $\frac{18}{29}$ октября,—что въ Петербургѣ еще не рѣшились ни на что; хотятъ сдѣлать пріобрѣтенія и не имѣютъ достаточно смѣлости завладѣть ими, хотятъ отъ меня помощи и не хотятъ дать мнѣ того, что я прошу; эта нерѣшительность погубитъ ихъ и всѣ наши проекты. Австрійцы поступили гораздо рѣшительнѣе: они заняли староства, которыя имъ нужны, не заботясь ни о комъ, а въ Россіи, совсѣмъ не кстати, теряютъ время на размышленія по вопросу о времени занятія Польши,—по вопросу, въ которомъ я объяснилъ всѣ причины и опредѣлилъ прямо, что занятіе Польши должно быть произведено въ то время, когда русскія войска появятся на берегахъ Вислы; что же касается до Данцига, то вообразите себѣ купца, къ которому приходитъ иностранецъ покупать нужную для себя вещь. Иностранецъ говоритъ: мнѣ хочется купить у васъ такой-то и такой-то товаръ; купецъ отвѣчаетъ: очень радъ, только вы заплатите мнѣ такою-то монетою. Иностранецъ отвѣчаетъ: я не хочу дать вамъ такой монеты; тогда купецъ прячетъ свой товаръ и отдаетъ поклонъ иностранцу, который можетъ отправляться въ другое мѣсто покупать себѣ вещь. Какъ, господа русскіе? вы желаете чтобъ я вмѣшался въ ваши ссоры, вы требуете отъ меня войска и чтобъ я, помогая вамъ, рисковалъ навлечь на себя всеобщую войну? Очень радъ! Но Пруссія и Данцигъ—вотъ за какую цѣну я продамъ вамъ мои услуги; итакъ, мои любезные русскіе, сдѣлайте одолженіе потрудитесь обсудить: имѣете ли вы во мнѣ надобность, или я вамъ безполезенъ? Однимъ словомъ, желаете ли

Digitized by Google

вы купить мой товаръ, можете ли обойтись безъ него, или, можетъ быть, этотъ Данцигъ, который вы такъ любите, подастъ вамъ ту помощь, которую я такъ дорого, по вашему мнѣнію, продаю вамъ? А такъ какъ при недостаткѣ хлѣба за него платятъ дороже, чѣмъ въ урожайные годы,—такъ и при недостаткѣ союзниковъ, тому, кто желаетъ быть таковымъ, платите ту цѣну, которую онъ требуетъ за товаръ, для васъ необходимый; эта парабола упрощаетъ всѣ совѣщанія и передъ глазами судей выясняетъ сущность дѣла; я не сомнѣваюсь, что ваше краснорѣчіе извлечетъ изъ этого пользу; что касается до общихъ дѣлъ, то графъ Панинъ дѣлаетъ мнѣ много чести, предполагая, что я могу, моимъ вліяніемъ, заставить кн. Кауница, самаго надменнаго и сосредоточеннаго человѣка въ Европѣ, шагать, начиная съ правой ноги; это заставитъ его напротивъ предпочесть лѣвую; у него своя система съ турками, которую я вамъ объяснилъ, свои какіе нибудь тайные виды на Бѣлградъ и Сербію, а въ особенности онъ желаетъ руководить переговорами Россіи съ Турціею о мирѣ и заставляетъ Турцію отказываться отъ всякихъ предложеній, которыя не прошли черезъ Вѣну для передачи Портѣ, и вслѣдствіе этого я не ожидаю никакого успѣха отъ дѣлаемыхъ мною въ Константинополѣ внушеній о мирѣ».

«Султанъ, ободряемый и поддерживаемый вѣнскимъ и французскимъ дворами, не приметъ никакихъ предложеній, дѣлаемыхъ ему мною по желанію Россіи; въ будущемъ году надо ожидать продолженія войны, и если русскіе потерпятъ какое либо пораженіе въ Молдавіи и Валахіи, то австрійцы, навѣрное, тотчасъ воспользуются этимъ, если конвенція наша не будетъ подписана ранѣе, потому что, въ послѣднемъ случаѣ, опасенія за наслѣдственныя свои провинціи помѣшаютъ австрійцамъ вступить въ Молдавію и Валахію. Вотъ, графъ, картина Европы, какъ она рисуется передъ моими глазами и, когда я смотрю на эти предметы широкимъ взглядомъ (en grand), то не могу понять, какъ такія бездѣльцы, какъ городъ Данцигъ и занятіе польскихъ владѣній, могутъ останавливать просвѣщенный и мудрый совѣтъ великой императрицы подписаніемъ конвенціи, столь важной для интересовъ россійской имперіи; эта конвенція уничтожитъ всѣ намѣренія ея враговъ, обуздаетъ поляковъ и упрямыхъ до сихъ поръ австрійцевъ заставитъ хлопотать о мирѣ искренно, чтобъ избавить себя отъ опасностей, которыя будутъ имъ угрожать при нашихъ сильныхъ вооруженіяхъ возлѣ

Digitized by Google

Венгріи. Надобно, чтобъ вы прониклись хорошенько всѣми подробностями, которыя я вамъ теперь сообщаю; употребите ихъ съ пользою; вы знаете, что я не люблю повторять одно и то же, а этотъ очеркъ представляетъ вѣрно и отчетливо отношеніе политическихъ интересовъ государствъ, въ настоящую минуту; если обстоятельства измѣнятся, можете написать столько же». Деп. короля 13 нобря н. с. 1771.

«Чѣмъ болѣе я обдумываю настоящее положеніе Россіи вообще и особенно въ связи съ послѣднимъ покушеніемъ на захватъ и жизнь польскаго короля и съ польскими волненіями, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что Россія не замедлитъ подписать секретную конвенцію въ томъ видѣ, какъ я ее предложилъ. Дѣйствительно, Россія въ критическихъ обстоятельствахъ (conjonctives); ей слѣдуетъ подписать. Не упускайте ни одного удобнаго случая выставлять ей, что объ ея критическихъ обстоятельствахъ знаютъ очень хорошо всѣ державы, также какъ и мы». Деп. короля 17 ноября н. с. 1771.

Знала ли дѣйствительно все Европа о нашемъ положеніи и считала ли его такимъ критическимъ, какъ желалъ его выставить въ глазахъ самой Россіи Фридрихъ,—намъ неизвѣстно; но что великія державы узнали о секретной конвенціи между Пруссіей и Россій—это положительно.

«Я съ удивленіемъ вижу изъ депешъ, полученныхъ мною изъ Константинополя, писалъ Фридрихъ Солмсу 18 ноября н. с., что тайна нашего новаго союза съ Россіею открыта. Сверхъ того, дюкъ д'Егильонъ намекнулъ уже объ этомъ моему повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: король прусскій заключилъ новый трактатъ съ Россіею и высылаетъ въ Польшу 40 т. войска съ значительной артиллеріей. Не понимаю, какъ могли узнать этотъ секретъ, и вы очень хорошо сдѣлаете, замѣтивши гр. Панину, что это новое доказательство тому, какъ мало заботятся въ Петербургѣ о сохраненіи тайны. Не забудьте также обратить его вниманіе на увѣренность Порты въ союзѣ Австріи, и такъ какъ теперь предположенія о пріобрѣтеніяхъ нашихъ въ Польшѣ уже извѣстны Турціи, то выставьте это обстоятельство новымъ предлогомъ для скорѣйшаго занятія нами польскихъ провинцій, сообразно моимъ послѣдне высказаннымъ соображеніямъ (Деп. короля 18 ноября н. с. 1771).

Фридрихъ ошибался, полагая, что обстоятельства заставятъ

Digitized by Google

Россію подписать предложенную имъ конвенцію. Императрица твердо отстаивала свои убѣжденія.

«Я имѣлъ разговоръ съ гр. Панинымъ, — разговоръ, вслѣдствіе послѣднихъ депешъ вашего величества о Данцигѣ. Онъ мнѣ опять повторилъ, что не опасенія о торговлѣ заставляютъ императрицу просить ваше величество отказаться отъ Данцига, но единственно уваженіе къ святости своего слова, даннаго Данцигу о сохраненіи его вольности и независимости, и то, что этотъ городъ не подалъ предлога къ измѣненію этого слова. Вслѣдствіе этого гр. Панинъ осмѣливается покорнѣйше просить ваше величество не требовать отъ его государыни жертвы, столь предосудительной для ея чести и добраго мнѣнія, которое она желаетъ пріобрѣсть въ Европѣ, сохраняя въ точности свое слово и свои обязательства. Графъ прибавилъ, что онъ далекъ отъ того опасенія, чтобы ваше величество приняли эти представленія за выраженіе зависти къ расширенію вашихъ владѣній, потому что ваше величество имѣете доказательство противуположнаго въ готовности императрицы предоставить эти расширенія во владѣніяхъ Австріи, въ случаѣ войны съ послѣднею. Относительно срока занятія владѣній въ Польшѣ, графъ убѣдительнѣйше проситъ ваше величество согласиться—отложить его до того времени, когда рѣшатся успѣшно или безуспѣшно переговоры съ Турціею о мирѣ» (Деп. Солмса № 749, $^{8}/_{19}$ ноября 1771).

Солмсъ получалъ депешу за депешею отъ короля о Данцигѣ и занятіи Польши, уговаривалъ Панина, хлопоталъ, но безуспѣшно. Гр. Панинъ сообщилъ ему, что конвенція разсмотрѣна совѣтомъ одновременно съ документами, относившимися до Данцига, и совѣтъ рѣшилъ, что этотъ городъ долженъ оставаться вольнымъ и независимымъ.

«Государь! изъ непосредственныхъ повелѣній вашего величества я почерпнулъ многочисленные доводы, чтобы склонить гр. Панина къ тому, чтобъ онъ принялъ на себя доставить вамъ, государь, обладаніе Данцигомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести его въ ваши виды, относительно немедленнаго вступленія во владѣніе новыми пріобрѣтеніями, какъ скоро подписана будетъ конвенція. Что касается до перваго, то онъ заявилъ мнѣ, что не въ его силахъ измѣнить мысли ея величества императрицы, но что онъ ручается, что ее огорчаетъ эта невозможность согласить обязанности относительно своего достоинства

Digitized by Google

и благоденствія своего государства съ желаніями вашего величества. Я говорилъ объ этомъ еще съ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта, и они высказываютъ почти то же самое; но я убѣдился, что опасенія причинить ущербъ русской торговлѣ почти не имѣютъ мѣста при противодѣйствіи этому дѣлу. Здѣсь есть другія два побужденія: во первыхъ, чтобы не нарушить обезпеченія, даннаго городу; во вторыхъ, боязнь возбудить неудовольствіе всѣхъ морскихъ и торговыхъ державъ, въ особенности Англіи и Голландіи, для которыхъ столь выгодно сохранить независимость Данцига въ отношеніи торговли, производимой Польшею, и которыя, кромѣ того, что могутъ надѣлать непріятностей вашему величеству, могли бы найти сотни способовъ, чтобы отомстить Россіи за тотъ ущербъ, который они понесли бы отъ перемѣны владѣнія и управленія Данцига. Что касается до вступленія во владѣніе, то гр. Панинъ полагаетъ, что для вашего величества было бы болѣе опасности, если тотчасъ же будетъ объявлено о немъ; тогда какъ напротивъ, отложивъ это на нѣкоторое время, вы доставите Россіи возможность приготовиться и быть въ состояніи содѣйствовать вашему величеству противъ вѣнскаго двора, принудивъ этотъ послѣдній, хотя бы даже силой, признать раздѣлъ Польши, или пригласивъ его принять участіе въ томъ же чрезъ переговоры, которые должны начаться вслѣдствіе объясненія гр. Кауница. Къ тому же и сама императрица не намѣрена откладывать вступленіе вашего величества во владѣніе до окончательной развязки настоящихъ дѣлъ; подобное отлагательство продолжалось бы только до того времени, когда вѣнскій дворъ, отвергнувъ всякое дружественное соглашеніе объявилъ бы войну Россіи, а ваше величество, на основаніи новыхъ обязательствъ, послали бы войска на помощь своей союзницѣ. Тогда всякая воздержность была бы ужь излишнею и ваше величество стали бы дѣйствовать, какъ только выгоднѣе для собственныхъ интересовъ; а до тѣхъ поръ, ваше величество соблюдали бы полную предосторожность для того, чтобъ упрочить за собою польскія провинціи, вамъ предназначенныя. Лучшимъ къ тому средствомъ послужило бы, по мнѣнію гр. Панина, если бы ваше величество соизволили удержать свои войска въ Польшѣ, чтобы въ тихомолку ввести ихъ въ предназначенные округи.

«Считаю долгомъ присовокупить, государь, что когда я говорилъ гр. Панину о необходимости для вашего величества удо-

Digitized by Google

стовѣриться въ пріобрѣтеніи новыхъ провинцій чрезъ дѣйствительное принятіе ихъ во владѣніе, то онъ далъ мнѣ понять, что если ваше величество будете настаивать на этомъ способѣ занятія, то это можетъ показаться недовѣріемъ къ обязательствамъ императрицы, на основаніи коихъ она передъ всѣми и противъ всѣхъ обѣщаетъ вамъ какъ пріобрѣтеніе этихъ владѣній, такъ и сохраненіе ихъ; что еслибъ ея величество замѣтила такое недовѣріе, то это огорчило бы ее. По возвращеніи гр. Орлова изъ Москвы я постараюсь склонить его на столько, чтобы черезъ него можно было дать другой оборотъ мнѣнію здѣшняго двора относительно Данцига. Это однако будетъ довольно трудно, такъ какъ по его образу жизни иностранные министры не иначе могутъ видѣть его, какъ въ придворномъ кругу. Извѣстіе о несчастномъ происшествіи съ королемъ польскимъ было встрѣчено въ Петербургѣ довольно холодно; поддержаніе этого государя слишкомъ обременительно для Россіи, чтобъ она могла заботиться о немъ иначе, какъ по политическимъ соображеніямъ, въ которыхъ личная пріязнь не имѣетъ мѣста» (Деп. Солмса № 751, $^{15}/_{26}$ ноября 1771).

Солмсъ, какъ мы видимъ, не терялъ еще надежды, хотя черезъ гр. Орлова измѣнить рѣшеніе русскаго двора о Данцигѣ,— но надежды его очень скоро рушились. Черезъ три дня, $\frac{18}{29}$ ноября, онъ доносилъ королю: «Графъ Панинъ сообщалъ мнѣ, съ соболѣзнованіемъ, что онъ принужденъ былъ не исполнить желанія вашего величества. Вопросъ о Данцигѣ былъ разсмотрѣнъ въ совѣтѣ, и на основаніи документовъ государственнаго архива, единогласно рѣшено, что сохраненіе независимости этому городу есть обязанность Россіи. Графъ Панинъ прибавилъ потомъ, что онъ надѣется, что ваше величество отдадите ему справедливость, что для доведенія системы прусской политики въ Россіи до того крайняго развитія, въ которомъ она теперь находится, онъ принужденъ былъ окончательно передѣлывать (renouer) всѣ закоренѣлыя идеи предшествующей системы и имѣлъ счастіе достигнуть этого съ успѣхомъ, такъ что ваше величество можете быть увѣрены въ немъ, если онъ не могъ устроить дѣло о Данцигѣ, то ваше величество сдѣлаете ему милость повѣрить, что при настоящихъ обстоятельствахъ онъ не могъ успѣть въ этомъ дѣлѣ. Мысль, чтобы Россіи воспользоваться покушеніемъ на короля польскаго, какъ предлогомъ для требованія отъ вашего величества помощи королю, совершенно сходна

Digitized by Google

съ планомъ гр. Панина для введенія прусскихъ войскъ въ Польшу подъ разными предлогами, съ цѣлію доставленія вамъ средствъ къ завладѣнію новыми провинціями, внѣ всякой необходимости предварительно объявлять объ этомъ, и Австрія не будетъ имѣть повода противиться вступленію войскъ. Графъ предполагаетъ слѣдовать совѣтамъ вашего величества. При этомъ случаѣ, графъ выразилъ, что онъ очень былъ недоволенъ, получивъ свѣдѣнія, что вся Польша увѣряетъ, что ей извѣстны намѣренія нашихъ дворовъ раздробить ее (d'executer dans ce pays); въ Варшавѣ большое волненіе; въ Данцигѣ открыто говорятъ о намѣреніи вашего величества завладѣть этимъ городомъ, и что какой-то французскій генералъ, братъ французскаго резидента въ Данцигѣ, совѣтовалъ всѣмъ быть на сторожѣ. Графъ Панинъ опасается большихъ безпокойствъ (il appréhendait que cela ne mit tout en combustion). Тайный совѣтникъ Обрѣзковъ, бывшій посланникъ къ Константинополѣ, на прошедшей. недѣлѣ возвратился сюда съ своимъ семействомъ. Ея императорское величество пожаловала ему домъ со всякимъ хозяйственнымъ продовольствіемъ на 6 мѣсяцевъ. При первой аудіенціи, она ему пожаловала орденъ св. Александра Невскаго, 10 т. р. для обзаведенія въ Петербургѣ и землю (Деп. Солмса $\frac{18}{29}$ ноября № 752).

Въ то время, когда вопросъ о Данцигѣ окончательно былъ рѣшенъ въ совѣтѣ, Фридрихъ все еще надѣялся, что Россія не посмѣетъ отказать его требованію и продолжалъ придумывать новыя предложенія. Между прочимъ, 11 декабря н. с. онъ писалъ къ Солмсу: «Не смотря на все то, что вы мнѣ пишете, я не могу понять настоящей причины, затрудняющей Россію отдать мнѣ Данцигъ. Извѣстіе, передаваемое вами, о зависти морскихъ державъ, наводитъ мнѣ подозрѣніе, что особенно Англія старается препятствовать этому пріобрѣтенію. Какъ бы то ни было, надобно подождать возвращенія гр. Орлова, чтобъ убѣдиться, нельзя ли будетъ воспользоваться его кредитомъ, чтобы разбить при дворѣ это неблагопріятное для насъ направленіе. Между тѣмъ мнѣ еще пришла мысль объ одномъ способѣ уменьшить боязливость Россіи: надобно уговорить ихъ, чтобъ они отдали мнѣ Данцигъ не въ собственность, а въ поземельное пользованіе на тѣхъ же правахъ, какими пользуются до сихъ поръ короли Польши, и въ силу которыхъ разрѣшеніе споровъ, возникающихъ въ этомъ городѣ, принадлежало бы мнѣ. Не забудьте высказать это соображеніе въ разговорахъ съ гр. Панинымъ

Digitized by Google

и съ гр. Орловымъ, чтобъ узнать, не согласятся ли они на это *).

Фридрихъ придумывалъ разныя предложенія о Данцигѣ, но дѣло уже было рѣшено: 22-го ноября 1771 гр. Панинъ вручилъ прусскому посланнику объясненіе русскаго двора о требованіяхъ Пруссіи, и между прочимъ въ этой нотѣ было написано о Данцигѣ: «Считая совершенно справедливымъ, чтобы король получилъ вознагражденіе за убытки войны, непреоборимыя препятствія не дозволяютъ Россіи согласиться, въ удовлетвореніе убытковъ прусскаго короля, на предоставленіе ему Данцига. Императрица не можетъ выпустить изъ виду интересовъ всѣхъ морскихъ державъ къ сохраненію сему городу настоящаго его положенія; оскорбить ихъ—все то же, что досадить имъ и повредить русской торговлѣ, дѣятельность которой зависитъ отъ добраго согласія съ ними россійской державы. Императрица не можетъ отказаться отъ прежнихъ своихъ обязательствъ, многократно подтвержденныхъ ея предмѣстниками, которыми гарантированы и признаны права и привиллегіи Данцига и его независимость; городъ этотъ, какъ отдѣленный отъ Польши, не можетъ подлежать распоряженіямъ, относящимся до сей республики. Отказываясь поневолѣ и единственно по существу своего собственнаго положенія, отъ согласія на предоставленіе Данцига Пруссіи, ея величество готова возвратить Пруссіи убытки за войну насчетъ вѣнскаго двора и обязывается не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока Австрія не согласится на это вознагражденіе какою либо поземельною уступкою или денежною суммою, въ случаѣ если Австрія атакуетъ его прусское величество» **).

Фридрихъ, какъ мы видѣли, все еще надѣялся, что Россія какъ нибудь да отдастъ ему Данцигъ, но депеши Солмса разрушили всѣ надежды. $\frac{25 \text{ ноября}}{6 \text{ декабря}}$ 1771 г. посланникъ доносилъ королю:

«Наконецъ, я имѣю возможность доставить вашему величеству съ курьеромъ Бантенфельдеръ новый контръ-проектъ русскаго двора по секретной конвенціи, отдѣльную, секретнѣйшую

*) Солмсъ пробовалъ предложить эту мысль гр. Панину и гр. Орлову, но безуспѣшно. Ему отвѣчали, что такое пользованіе будетъ имѣть, по силѣ прусскаго вліянія, тѣ же послѣдствія, какія имѣло бы и полное владѣніе (Деп. N. 761. $\frac{23 \text{ декабря } 1771.}{3 \text{ января } 1772.}$)

**) Изъ дѣлъ главнаго арх. мин. ин. д. Прусскія дѣла.

Digitized by Google

статью и объяснительную записку, составленную по приказанію императрицы гр. Панинымъ, для объясненія причинъ, побудившихъ Россію изъявить желаніе, чтобы ваше величество согласились на предлагаемыя измѣненія въ проектѣ, сообщенномъ отъ вашего величества, а также и для удостовѣренія, что намѣренія императрицы, при заключеніи новаго трактата, состоятъ не въ полученіи только помощи отъ вашего величества, при настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ, но преимущественно въ видахъ такого укрѣпленія дружбы и союза, которое было бы неразрушимо и необходимо обѣимъ державамъ и въ видахъ содѣйствія къ расширенію владѣній и къ могуществу прусской монархіи. Такъ объяснился гр. Панинъ, вручая эти бумаги» (Деп. Солмса $\frac{25 \text{ ноября}}{6 \text{ декабря}}$ 1771, № 754).

Король задумался. «Содержаніе вашихъ депешъ отъ 29 ноября, 3 и 6 декабря требуетъ многихъ размышленій... Мнѣ нужно время, чтобы все взвѣсить, и потому сегодня я не отвѣчаю (18 декабря н. с.). Я еще не имѣлъ времени разсмотрѣть хорошенько все—надо время; но что касается до Данцига, то я вижу ясно: затрудненія происходятъ отъ Англіи» (19 декабря н. с.).

Дѣйствительно, было о чемъ подумать. Переговоры Россіи съ Пруссіей были уже для всей Европы не тайной, подъ прикрытіемъ которой Фридрихъ торопился завладѣть польскими провинціями, такъ настаивалъ захватомъ Данцига и старался вызвать согласіе на то Россіи всѣми средствами—и любезностями и угрозами. Англія, Турція, Франція и Австрія знали о сущности переговоровъ. Фридрихъ отовсюду получалъ объ этомъ донесенія своихъ посланниковъ: онъ удивлялся, раздражался, кто могъ проникнуть эту тайну. «Англичанамъ, по всей вѣроятности, сообщили о проектѣ въ Петербургѣ, и они противодѣйствовали моимъ намѣреніямъ о Данцигѣ. Но какимъ путемъ узнали французы и австрійцы? Подозрѣнія мои падаютъ на нѣкоего Сабатье, французскаго резидента въ Петербургѣ; этотъ мальчикъ очень ловкій и развязный, и я не сомнѣваюсь, что онъ только гнусными путями проникъ тайну, сообщилъ своему двору и въ то же время Австріи, а эти дворы увѣдомили Порту и употребили еще это извѣстіе чтобъ разжечь умы конфедератовъ, воодушевляя ихъ еще сильнѣе противъ меня и противъ Россіи. При открытіи нашихъ секретовъ, не слѣдуетъ ли придумать другія мѣры, въ замѣнъ тѣхъ, которыя мы предположили на случай сохраненія тайны? Для разъясненія моихъ соображеній, я нач-

Digitized by Google

ну съ разбора проекта русскаго двора. Видно, что русскій дворъ надѣется воспользоваться перемиріемъ съ турками нынѣшнею зимою, чтобы заключить съ ними миръ безъ всякаго посторонняго посредства; надѣются подкупами согласить Порту на принятіе нынѣшнихъ предложеній, а послѣ мира, съ нашимъ посредствомъ, заставить вѣнскій дворъ дѣлать то, что мы захотимъ. Идея сама по себѣ хороша, но я боюсь, что она не осуществится по причинамъ, которыя я вамъ сообщалъ въ моихъ депешахъ прошедшаго мѣсяца, если только послѣдніе успѣхи русскаго оружія на Дунаѣ не заставили Турцію одуматься и сдѣлаться помягче. Предположимъ, что переговоры съ Турціей начнутся успѣшно. Графъ Панинъ долженъ ожидать, что первый вопросъ, который возникнетъ, это—о раздѣлѣ Польши, и надобно будетъ объясниться; если вздумаютъ отпираться, а миръ съ Турціей состоится, то впослѣдствіи, если завладѣютъ Польшею, это будетъ обманъ, и такимъ образомъ дадутъ Турціи право возобновить войну. Это соображеніе очень важно, и его надо взвѣсить. Мнѣ кажется, наше достоинство требуетъ дѣйствовать иначе: слѣдуетъ занять Польшу и объявить объ этомъ австрійцамъ и всему свѣту въ маѣ мѣсяцѣ, когда всѣ русскія войска вступятъ въ Польшу. Надобно же наконецъ на что нибудь рѣшиться, а желать какой нибудь вещи и не дѣлать ничего для ея пріобрѣтенія—это противорѣчіе. Что же касается до Данцига, если я рѣшусь отказаться отъ него, то сдѣлаю это единственно изъ уваженія къ императрицѣ. Но принося ей эту жертву, я надѣюсь, они обратятъ вниманіе на мои интересы по другимъ предметамъ и опредѣлятъ срокъ для занятія польскихъ провинцій» (Деп. короля отъ 22 декабря н. с. 1771 г.).

4-го января 1772 г., Фридрихъ отправилъ къ Солмсу свой новый контръ-проектъ, въ которомъ отказывался отъ Данцига, а 9 января писалъ Солмсу еще: «я не буду продолжать споръ съ Россіею о Данцигѣ. Россія впослѣдствіи увидитъ сама, расположена ли Англія искренно помогать ей противъ Австріи. Но въ свое время и въ своемъ мѣстѣ я сочтусь съ Англіей и не прощу ей ея тайные происки; если же русскій дворъ выскажетъ новыя затрудненія къ принятію условій нашей конвенціи и не согласится на посланный съ егеремъ Бартенфелдеромъ мой послѣдній контръ-проектъ, въ которомъ я уступилъ все, что только могъ, въ такомъ случаѣ повторяю вамъ еще, что я буду считать наши переговоры окончательно прерванными.

Digitized by Google

Не смотря на эту угрозу, Россія настояла еще въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ конвенціи, и она была, наконецъ, подписана $^{6}/_{17}$ февраля 1772 г. *). Заключеніе этой конвенціи между Россіей и Пруссіей было первымъ актомъ дипломатическихъ переговоровъ о раздѣлѣ Польши. Къ этимъ двумъ державамъ вскорѣ присоединилась и Австрія, вызвавшая своими захватами въ Польшѣ все это дѣло.

Мы заключимъ нашу статью выпискою изъ письма Фридриха Великаго къ Вольтеру въ октябрѣ 1773 года:

«Я знаю, что въ Европѣ вообще думаютъ, что раздѣлъ Польши есть слѣдствіе политическихъ интригъ, мнѣ приписываемыхъ. Однако это совершенно не вѣрно. Послѣ напрасныхъ попытокъ умиротворенія, пришлось прибѣгнуть къ раздѣлу, какъ къ единственному средству для избѣжанія всеобщей войны» **).

Г. Есиповъ.

*) Она напечатана въ книгѣ Фр. Шмидта: Frederic II, Catherine et le partage de la Pologne, стр. 72, подъ № 26.

**) Histoire des trois démembrements de la Pologne, par Rulhière. Кн. IV, 1, стр. 490.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

НОВѢЙШАГО РОМАНА ВЪ ГЕРМАНІИ.

Vorlesungen über den deutschen roman der gegenvart,
von **Fr. Kreyssig.** Berlin, 1871.

Въ послѣднее десятилѣтіе вниманіе русской читающей публики, поглощавшееся до того времени почти всецѣло произведеніями англійской, а еще болѣе французской беллетристики, стало мало-по-малу охлаждаться къ своимъ прежнимъ любимцамъ. Французскіе романы съ ихъ хитро сплетенной, неестественной интригой, съ ихъ многотомной болтовней и отсутствіемъ всякаго содержанія и глубины, должны были силою самихъ обстоятельствъ утратить свое обаяніе на наше современное общество, отличительной чертой котораго служитъ чисто реальное направленіе. Даже сами французы почувствовали, наконецъ, что идти далѣе по избранному ими пути невозможно, и новѣйшія произведенія ихъ литературы носятъ совершенно иной отпечатокъ и дышатъ той жизненной правдой, безъ которой успѣхъ въ наше время немыслимъ, и которую мы до сихъ поръ изъ всѣхъ французскихъ романистовъ замѣчали почти только у одной Жоржъ-Зандъ. Вліяніе англійской литературы на нашу читающую публику было прочнѣе и потому сохранилось отчасти и понынѣ. Описанія семейнаго быта, недурно начертанныя картинки обыденной жизни, мелкія тревоги и волненія у домашняго очага, составлявшія любимую тему англійскихъ романовъ, нравились многимъ, въ особенности же женской части публики, и если безсмертныя творенія Диккен-

Digitized by Google

са и Теккерея встрѣчались съ восторгомъ, то не оставались также безъ вниманія и произведенія ихъ меньшей братіи. Но мало-помалу публика начала тяготиться одностороннимъ направленіемъ англійскихъ романистовъ и романистовъ средней руки:—чувствительныя похожденія разныхъ добродѣтельныхъ Бетси, Китти и Молли утратили отъ частаго повторенія свое прежнее чарующее вліяніе на умы читателей, и потребность чего-то другаго, болѣе существеннаго и положительнаго, стала сознаваться все отчетливѣе и опредѣленнѣе. Съ той поры началось у насъ господство нѣмецкой беллетристики. Переживъ цѣлый рядъ видоизмѣненій, нѣмецкій романъ достигъ наконецъ до своего полнѣйшаго развитія и сдѣлался живымъ отраженіемъ современной дѣйствительности. Не удовлетворяясь узкой рамкой мѣстныхъ интересовъ или мелочами домашняго быта, нѣмецкій романъ затронулъ тѣ вопросы, которые тревожатъ умы людей всѣхъ народностей безъ различія и, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, явился защитникомъ правъ личности, свободы совѣсти и свободы отъ гнета устарѣвшихъ формъ воспитанія. Съ той поры нѣмецкій романъ пересталъ быть пустой забавой для празднаго читателя; пришло время, когда предсказаніе извѣстнаго критика Риля, что «придетъ пора, когда даже государственные люди должны будутъ читать романы для своего поученія», сбылось самымъ блестящимъ образомъ. Число переводныхъ сочиненій въ нѣмецкой литературѣ значительно убавилось: нѣмецкая читающая публика стала удовлетворяться своей собственной литературой, дающею отвѣты на всѣ наиболѣе тревожные вопросы дня, и значительно охладѣла къ беллетристикѣ сосѣднихъ народовъ. Одновременно съ этимъ и коренясь въ той же основной причинѣ, началось быстрое распространеніе нѣмецкаго романа за предѣлами отечества; переводы съ нѣмецкаго появились на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, не исключая русскаго, и благодаря имъ, имена Шпильгагена, Ауэрбаха и ихъ товарищей получили право гражданства всюду, гдѣ только есть мыслящіе и развитые люди. Прослѣдить всѣ видоизмѣненія новаго нѣмецкаго романа, изучить тотъ путь, по которому онъ шелъ до его настоящаго развитія, вотъ въ чемъ состоитъ задача предстоящей статьи. Мы остановимся, конечно, лишь на болѣе выдающихся личностяхъ, упомянемъ лишь вскользь или даже оставимъ вовсе безъ вниманія тѣхъ мелкихъ писателей, которые по своему чисто мѣстному или временному значенію представляютъ мало интереснаго для русскихъ чита-

Digitized by Google

телей. Руководящей нитью въ этомъ дѣлѣ будутъ служить намъ лекціи Крейссига, извѣстнаго своими чтеніями о Шекспирѣ и о Фаустѣ Гете; лекціи его о нѣмецкомъ романѣ недавно изданы въ Берлинѣ отдѣльной книгой.

Если вглядѣться пристальнѣе въ различныя видоизмѣненія романа вообще, то первое, что бросится въ глаза, будетъ та внутренняя, тѣсная связь, которая всегда существовала между нимъ и исторической жизнію самихъ народовъ. Въ романѣ, этомъ отдаленномъ отголоскѣ древняго эпоса, отразилось какъ въ зеркалѣ все, что въ различныя эпохи волновало, радовало и огорчало трудящееся и стремящееся впередъ человѣчество. Нѣмецкій романъ, подобно всѣмъ прочимъ, даетъ намъ вѣрное понятіе о разнообразныхъ проявленіяхъ народнаго духа въ Германіи подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій, въ различные историческіе моменты. Подъ впечатлѣніемъ ужасовъ, сопровождавшихъ тридцатилѣтнюю войну, возникли на германской почвѣ первые нравоописательные романы, въ которыхъ выразилась вся потрясающая иронія отчаянія. Нѣсколько позднѣе наступаетъ эпоха полнѣйшаго упадка вкуса; вліяніе романской литературы сказывается со всей силой, и вторая силезская школа изощряется въ рабскомъ подражаніи Лафайетту и госпожѣ Скюдери. Но цинизмъ, напыщенность и пустота этихъ подражательныхъ романовъ вскорѣ опротивѣли отрезвившейся публикѣ, и тогда началось господство высоко нравственнаго семейнаго романа, по образцу Грандиссона, Клариссы и т. д., между тѣмъ какъ аристократическое общество радостно привѣтствовало Виландовъ класицизмъ на французскій, великосвѣтскій ладъ. Съ Вертеромъ наступило томительное, какъ весенняя гроза, время, извѣстное въ литературѣ подъ именемъ эпохи геніевъ. Романъ преобразился: изъ спокойнаго и ровнаго, онъ сдѣлался страстнымъ и огненнымъ; въ немъ выразилось возмущенное чувство всего молодаго противъ отжившихъ свое время, стѣснительныхъ обычаевъ и формъ жизни. Когда улеглось нѣсколько это бурное настроеніе, когда стремленіе къ образованію и любовь къ искусству сгладили нѣсколько разстояніе, отдѣлявшее аристократію и среднее сословіе, тогда наступило господство художественнаго романа по образцу Вильгельма Мейстера. Эпоха романизма не прошла даромъ и для

Digitized by Google

нѣмецкаго романа: она ознаменовалась цѣлымъ рядомъ таинственныхъ фантасмагорій, неестественныхъ и сладострастныхъ романовъ и повѣстей, въ которыхъ выразились средневѣковыя стремленія романистовъ и ихъ нѣсколько пустоватая пресыщенность жизнію. Затишье, наступившее съ реставраціею, вызвало полудремоту созерцательнаго филистерства, и путевыя записки Гейне произвели потрясающее дѣйствіе своимъ неожиданнымъ появленіемъ посреди всеобщаго застоя. Сильное броженіе умовъ началось съ іюльской революціей; произведенія Дюма, Сю, Жоржъ-Занда не только съ жадностью поглощались нѣмецкою публикой, но и вызвали цѣлый рядъ подражателей; даже старикъ Тикъ своею Витторіей Аккоромбоной вступилъ въ ряды поборниковъ эманципаціи. Вся пестрота сильно возбужденнаго, но незрѣлаго и не привыкшаго къ дѣятельности общества, обнаружилась въ Эпигонахъ Иммермана и въ Мюнхгаузенѣ, между тѣмъ какъ появившійся вслѣдъ за тѣмъ цѣлый рядъ расказовъ изъ сельскаго быта указываетъ на недовольство и пресыщеніе общества самимъ собою.

Наступилъ 1848 годъ. Извѣстія изъ Франціи потрясли всю Германію и мгновенно все оживилось; дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя надежды, и то, что, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, никто не рѣшался высказать даже въ пріятельскомъ кругу, стало открыто раздаваться съ высоты ораторскихъ трибунъ, на площадяхъ, даже съ высоты самаго трона. Наступила пора неописаннаго волненія; царство романа временно прекратилось, давъ мѣсто передовымъ статьямъ, брошюрамъ и памфлетамъ политическаго содержанія. Могъ ли въ самомъ дѣлѣ кто нибудь интересоваться душевными страданіями какого нибудь вымышленнаго лица, когда всюду воочію совершалась дѣйствительная, полная жизни, драма? Но драма эта разыгралась далеко не такъ, какъ желала и надѣялась образованная и либеральная часть общества. Партія застоя и реакціи съ одной стороны, незрѣлость массы съ другой, погубили соединенными усиліями всѣ благіе результаты, добытые февральской революціей. Наступила минута горькаго разочарованія и унынія; патріотическое чувство, сильно возбужденное недавними событіями, было глубоко оскорблено, и, подъ вліяніемъ этого настроенія, возникъ новый видъ романа, цѣлію котораго было изображеніемъ подвиговъ и дѣяній прошлаго поднять упавшій духъ народа. Сюжеты этихъ романовъ были заимствованы преимущественно изъ отечественной

Digitized by Google

исторіи начала нынѣшняго столѣтія. Во главѣ писателей этого новаго разряда стоитъ Вилибальдъ Алексисъ; два изъ его романовъ «Спокойствіе — первая гражданская добродѣтель» (Ruhe ist die erste Bürgerpflicht) и служащій ему продолженіемъ «Изегримъ» могутъ почитаться лучшими изъ его произведеній. Главное ихъ достоинство заключается въ ихъ честномъ и простомъ отношеніи къ описываемой въ нихъ эпохѣ. Вилибальдъ Алексисъ патріотъ, но патріотизмъ не ослѣпляетъ его и не заставляетъ прибѣгать къ преувеличенію, которое всегда свидѣтельствуетъ о политической незрѣлости. Онъ горячо любитъ своихъ соотечественниковъ, но ничуть не идеализируетъ ихъ и не превращаетъ ихъ сплошь въ героевъ; описываетъ ли онъ намъ ландверъ 1813 года,—мы видимъ передъ собой не толпу богатырей, а простыхъ людей, искренно преданныхъ родинѣ, но совсѣмъ не воинственныхъ по природѣ, людей, которые по своей личной склонности, можетъ быть, и не хотѣли бы сражаться, но, затронутые въ національной чести, безропотно идутъ въ дѣло и спокойно умираютъ за отечество. Вообще произведенія Вилибальда Алексиса соединяютъ въ себѣ всѣ тѣ качества, которыя составляютъ принадлежность хорошаго историческаго романа: широкое развитіе дѣйствія съ рельефно очерченными историческими личностями, вѣрность вводныхъ типовъ, нравовъ и костюмовъ, безъ антикварной мелочности и безъ погони за анекдотами. Совсѣмъ не то видимъ мы у ближайшихъ послѣдователей Вилибальда Алексиса. Кенигъ, Геферъ, Галенъ также заимствовали свои сюжеты изъ эпохи французскаго владычества, но какая разница въ оцѣнкѣ историческихъ фактовъ! Романы первыхъ двухъ, только-что названныхъ нами писателей, поражаютъ насъ какой-то мизерностью исторической постановки; великая народная драма отступаетъ на задній планъ, затертая цѣлымъ рядомъ мелочныхъ, ни для кого не интересныхъ подробностей. По этому произведенія ихъ, хотя далеко не лишенныя заслугъ и написанныя нерѣдко весьма увлекательно, производятъ на читателя впечатлѣніе хорошенькаго tableau de genre, а не зарождаютъ въ его душѣ представленія о чемъ-то великомъ и потрясающемъ. Что касается Галена, то онъ впадаетъ въ другую крайность: люди, которыхъ онъ рисуетъ, не простые смертные, а скорѣе напоминаютъ древне-германскихъ богатырей; на всякомъ шагу они совершаютъ чудеса храбрости, великодушія, и если они не истребляютъ всѣхъ своихъ враговъ до послѣдняго человѣка, такъ это происходитъ единственно изъ

Digitized by Google

врожденной имъ доброты. Эти искаженія исторической вѣрности, эти преувеличенія, вызванныя избыткомъ патріотическаго чувства, значительно умаляютъ значеніе романовъ Галена.

Но не только изъ начала нашего столѣтія заимствовали свои сюжеты патріотическіе писатели Германіи. Такъ романъ Шеффеля, «Эккегардъ,» переноситъ насъ въ X вѣкъ; мы знакомимся съ тогдашнимъ бытомъ монастырей, съ жизнью обитателей замковъ, мы видимъ полуязыческіе нравы сельскаго народонаселенія. Еще большее значеніе имѣютъ историческіе романы извѣстнаго Генриха Лаубе, которые вышли въ свѣтъ въ три пріема подъ общимъ характеризующимъ ихъ названіемъ «Нѣмецкой войны (Der deutsche Krieg). Каждый выпускъ, состоящій изъ трехъ томовъ, носитъ кромѣ того отдѣльное заглавіе: «Юнкеръ Гансъ», «Вальдштейнъ, «Герцогъ Бернгардъ». «Юнкеръ Гансъ» описываетъ намъ тотъ роковой кризисъ въ исторіи Австріи, который повлекъ за собой начало тридцатилѣтней войны. Мы видимъ домъ Габсбурговъ въ нерѣшительности между Германіей и Римомъ, между жизнью и смертью; протестантскому вліянію противопоставлены происки іезуитовъ. Во второмъ выпускѣ мы видимъ Валленштейна, или правильнѣе Вальдштейна, на высотѣ своей славы; проникнутый сознаніемъ своего могущества, онъ въ сношеніяхъ съ императоромъ принимаетъ тонъ равнаго съ равнымъ, но, увлекаемый фантазіей, онъ болѣе угрожаетъ, чѣмъ дѣйствуетъ, и гибнетъ по собственной ошибкѣ. Въ третьемъ выпускѣ мы присутствуемъ при послѣдней, отчаянной борьбѣ протестантизма противъ окружающихъ его козней; мы видимъ гибель народнаго дѣла и торжество мрака и зла. Лаубе глубоко вникъ въ интересы, характеры и духъ изображаемой имъ эпохи; онъ не вдается до мелочей въ описаніе костюмовъ, домашней утвари и прочихъ антикварныхъ подробностей, но поразительно вѣрно схватываетъ весь колоритъ того времени. Читатель не утомляется его девяти-томнымъ произведеніемъ, а напротивъ того разстается съ нимъ съ искреннимъ сожалѣніемъ. Остается только потужить, что Лаубе, не смотря на свой несомнѣнный талантъ, не съумѣлъ избѣгнуть самаго опаснаго подводнаго камня историческаго романа; въ его обращеніи съ фактами мы замѣчаемъ иногда безцеремонность, которую не могутъ извинить никакія эстетическія побужденія; вопросы, не рѣшенные еще понынѣ, разрѣшаются имъ какимъ нибудь поэтическимъ вымысломъ и вполнѣ достовѣрныя событія перемѣшаны съ разными вставными эпизодами. Тѣмъ не менѣе

Digitized by Google

историческіе романы Лаубе имѣютъ несомнѣнныя достоинства и могутъ почитаться однимъ изъ украшеній нѣмецкой литературы. Вдаваться въ подробный разборъ всѣхъ писателей, которые сначала пятидесятыхъ годовъ дѣйствовали на поприщѣ историческаго романа въ Германіи, было бы слишкомъ утомительно для читателя. Мы ограничимся сдѣланными нами указаніями, прибавивъ, что всѣ названныя произведенія, равно какъ и тѣ, которыхъ по размѣру нашей статьи мы принуждены были обойти молчаніемъ, имѣютъ, не смотря на нѣкоторое несходство, зависящее отъ личныхъ взглядовъ и степени дарованія ихъ авторовъ, одну общую связь: любовь къ родинѣ и сильно развитое *народное* чувство. Такимъ образомъ еще до фактическаго объединенія Германіи началось ея духовное объединеніе; даже и въ этомъ случаѣ, по странному совпаденію, починъ принадлежитъ не «поэтическому» югу, а болѣе спокойному и энергическому сѣверу, какъ будто литература этимъ примѣромъ указала путь политикѣ.

Но народное сознаніе, пробужденное движеніемъ 1848 года и глубоко приниженное потомъ неудачей и гибелью всего дѣла, искало исхода, въ минуту разочарованія, не въ одномъ только созерцаніи прошлаго. Возникъ еще новый видъ литературы, для полнаго пониманія котораго необходимо пріостановиться на минуту и вникнуть въ совокупность причинъ, вызвавшихъ движеніе 24 февраля и на время перевернувшихъ вверхъ дномъ весь общественный строй страны. Не одно только стремленіе къ политической свободѣ, къ національному единству и возвеличенію, но и глубоко прочувствованная необходимость кореннаго преобразованія всего экономическаго и соціальнаго строя Германіи, лежала въ основѣ отчаянной попытки 1848 года. Но, на бѣду, масса была еще слишкомъ не развита и политически не зрѣла, чтобы, оставивъ частныя выгоды, дѣйствовать единственно во имя общаго блага. Когда былъ сдѣланъ запросъ изъ правительственныхъ сферъ относительно нуждъ и желаній народа, то полились цѣлые потоки самыхъ разнообразныхъ и противуположныхъ заявленій: рабочіе просили объ увеличеніи задѣльной платы и умепьшеніи часовъ работы, хозяева—объ усиленіи цеховыхъ правилъ, стѣсняющихъ свободу торговли, всѣ вообще—объ уменьшеніи податей, требуя при томъ однако, чтобъ отъ этого не пострадало величіе и могущество родины. При видѣ этой неразвитости массы, глубокое отчаяніе и разочарованіе овладѣло молодежью и всѣмъ образованнымъ сословіемъ, и недовѣріе къ силамъ и способностямъ

Digitized by Google

народа и въ особенности рабочаго класа смѣнило прежній восторгъ.

Тогда-то снова возстала литература, чтобъ дать отвѣтъ на сомнѣнія, терзавшія общество. Съ одной стороны, она въ историческомъ романѣ сдѣлала попытку изобразить наглядно, на что способенъ этотъ самый народъ, въ силахъ котораго стали сомнѣваться его лучшіе представители. Съ другой стороны, литература не погнушалась спуститься въ самый прозаическій уголокъ народнаго прозаическаго быта, въ домъ и лавку торговца, въ самый центръ промышленнаго труда. И попытка эта не осталась тщетною; величайшій литературный успѣхъ не только пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, но величайшій успѣхъ нѣмецкаго романа вообще принадлежитъ безспорно произведенію Густава Фрейтага «Приходъ и расходъ», первому не только по счету, но и по внутреннему достоинству, соціальному роману Германіи. Но, прежде чѣмъ вдаться въ разборъ этого произведенія, необходимо указать на другой, болѣе скромный трудъ, который хотя созданъ не въ беллетристической, а въ научной формѣ, замѣчателенъ своимъ сильнымъ вліяніемъ на развитіе нѣмецкаго соціальнаго романа. При изученіи нѣмецкой литературы невольно бросается въ глаза, что почти всегда серьезное научное изслѣдованіе предшествовало всякому крупному проявленію поэтическаго творчества. Такъ Бодмеръ какъ будто подготовилъ творенія Клопштока, Лаокоонъ Лессинга отразился на повѣствовательныхъ и описательныхъ произведеніяхъ эпохи геніевъ, критическія статьи Берне и эстетика Гегеля вліяли на литературную дѣятельность молодой Германіи. Если мы и не желаемъ ставить на одну доску съ этими произведеніями сочиненія Риля (Naturgeschichte der bürgerlichen Gesellschaft. 1851), то тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что многіе взгляды, выраженные въ немъ, какъ бы дали толчокъ реалистическому направленію 50-хъ и 60-хъ годовъ. Но при этомъ слѣдуетъ оговориться: Риль извѣстенъ какъ приверженецъ аристократіи, цеховаго устройства, юнкерства, какъ защитникъ добраго стараго времени; даже средневѣковое рыцарство заслужило отъ него поощреніе. «Люди эти», замѣчаетъ онъ съ поразительной наивностью, «были все же лучше нашихъ рыцарей промышленности; по крайней мѣрѣ, они имѣли опредѣленное занятіе и знали свое мѣсто». Эти и тому подобныя несообразности встрѣчаются въ книгѣ Риля; по этому вліяніе, о которомъ мы говорили, возымѣли лишь тѣ мѣста ея, гдѣ рѣчь заходитъ о нѣмецкомъ бюр-

Digitized by Google

герствѣ, къ которому авторъ относится въ высшей степени сочувственно. Онъ видитъ въ немъ всю будущность Германіи; въ свободномъ развитіи средняго сословія состоитъ, по его мнѣнію, прогрессъ, все хорошее въ разныя времена произошло отъ него. Какимъ образомъ это воззрѣніе вяжется съ только что указаннымъ поклоненіемъ средневѣковому строю общества, непостижимо; справедливо замѣчаетъ Крейссигъ, что «романистами можно восхищаться, можно даже многому учиться у нихъ, но спорить съ ними не слѣдуетъ»! Но, какъ бы то ни было, не смотря на противорѣчія, встрѣчающіяся у Риля, заслуга, которую онъ оказалъ нѣмецкому среднему сословію, несомнѣнна. Съ той поры нѣмецкому бюргерству отведено въ литературѣ почетное мѣсто, которое оно занимаетъ и по нынѣ.

Вліяніе Риля, какъ мы уже указывали, отразилось въ особенности на извѣстномъ романѣ Фрейтага «Приходъ и Расходъ». Романъ этотъ, взятый изъ купеческаго быта, вышелъ въ свѣтъ въ 1855 году и посвященъ герцогу Кобургскому; въ посвященіи своемъ авторъ говоритъ, что цѣлью его было поддержать бодрость народа, указавъ ему въ живой картинѣ на истинное, внутренное его значеніе. Но посмотримъ, удалось ли автору выполнить эту задачу. Нѣмецкая публика сперва восторженно встрѣтила произведеніе Фрейтага: въ нѣсколько лѣтъ оно выдержало пятнадцать изданій. Критика, съ своей стороны, также сочувственно привѣтствовала появленіе знаменитаго романа; за симъ наступила реакція. Послѣ первыхъ восторговъ, читатели стали находить не замѣченные ими прежде недостатки. Прежде всего попало въ немилость главное дѣйствующее лицо, Антонъ; его нашли слишкомъ прозаическимъ, совсѣмъ не похожимъ на настоящаго героя романа. Кому было дѣло до жизненныхъ тревогъ какого-то незначительнаго прикащика! То ли дѣло его аристократическій товарищъ Финкъ; вотъ этотъ годился бы въ герои, еслибъ онъ только не поднималъ постоянно на смѣхъ честнаго бюргерства и не попиралъ ногами всѣхъ обычаевъ хорошаго тона. Какъ скучны показались также описанія польскаго сельскаго быта или политическія событія, расказанныя въ романѣ. Таково было сужденіе массы; вслѣдъ за тѣмъ ополчилась и критика, и упрекъ въ неумѣстномъ выборѣ сюжета раздался и съ ея стороны. Но упрекъ этотъ не заслуженъ: узкость предмета не помѣшала Фрейтагу создать вполнѣ законченные типы, и нѣмецкій бюргеръ въ его романѣ стоитъ передъ нами какъ живой. Мы видимъ (въ ли-

Digitized by Google

цѣ Шретера) опытнаго и нѣсколько загрубѣлаго отъ постоянной борьбы съ жизнью купца; онъ добръ, честенъ, вполнѣ достоинъ довѣрія во всемъ, что касается сферы его дѣятельности; за предѣлами ея онъ недовѣрчивъ, уклончивъ, даже жестокъ; онъ не понимаетъ и не прощаетъ увлеченія страстей или проявленія слабости.

Не менѣе законченъ типъ героя романа, Антона. Съ его вступленія въ торговый домъ купца Шретера до той минуты, когда осуществились самыя сокровенныя его мечты, и онъ видитъ себя компаньономъ своего принципала, онъ остается вѣренъ себѣ. Всюду и всегда онъ является тѣмъ же честнымъ, добродушнымъ человѣкомъ, почтительнымъ къ главѣ дома, преданнымъ товарищемъ, неутомимымъ въ работѣ и горячо стоящимъ за честь фирмы. Въ то же время онъ такъ наивенъ, такъ не свѣдущъ въ самыхъ простыхъ житейскихъ дѣлахъ, такъ чистосердечно готовъ удивляться изящности и самоувѣренности манеръ своего аристократическаго товарища Финка, что не замѣчаетъ совсѣмъ, какъ въ затруднительную минуту Финкъ стушевывается, и честь спасенія изъ бѣды принадлежитъ самому Антону. Не менѣе совершенны второстепенные типы романа; всѣ они являются за самыми обыденными занятіями: одинъ изъ нихъ пишетъ счеты, другой отпускаетъ товары, третій закупориваетъ бочки, но всѣ эти лица взяты прямо изъ жизни, дышатъ правдой и потому сильно дѣйствуютъ на читателя. Фрейтагъ честно выполнилъ свою задачу, онъ съ любовью отнесся къ дѣлу и создалъ типы, которые должны быть дороги сердцу каждаго преданнаго родинѣ нѣмца. «Приходъ и Расходъ» есть не что иное, какъ апоѳеоза труда, и писатель, который, какъ Фрейтагъ, постигъ все его облагороживающее значеніе и избралъ его своимъ девизомъ, можетъ смѣло идти впередъ, не заботясь о тѣхъ, кому не по сердцу описаніе будничной обстановки жизни.

Но среднее сословіе не составляетъ еще всего народа, и потому картина была бы не полна, еслибъ авторъ ограничился описаніемъ одного только промышленнаго класа. Рядомъ съ бюргерствомъ онъ выводитъ въ романѣ съ одной стороны аристократію, съ другой паразитовъ общества, людей падкихъ на легкую прибыль. Всѣ эти лица сталкиваются въ эпизодѣ, описывающемъ долголѣтнюю борьбу германскаго и славянскаго племени (борьбу которую, замѣтимъ мимоходомъ, Крейссигъ называетъ поучительною и утѣшительною). Въ характеристикѣ этихъ лицъ, Фрейтагъ

Digitized by Google

оказался гораздо слабѣе; въ своей оцѣнкѣ аристократіи онъ всюду является одностороннимъ, чтобъ не сказать несправедливымъ. Но самая мрачная сторона романа—это та нетерпимость, которую Фрейтагъ выказываетъ въ отношеніи евреевъ. Если многіе изъ еврейскихъ типовъ романа изумляютъ читателя своей жизненностью, то общее отношеніе къ нимъ автора болѣзненно дѣйствуетъ на свѣжаго человѣка. Подобное явленіе почти непонятно; племя, которому обязаны своимъ происхожденіемъ Мейерберъ, Гейне, Берне и Кладдерадачъ, кажется, говоритъ само за себя, и остается пожалѣть, что Фрейтагъ унизилъ свой романъ такими несвоевременными нападками.

Черезъ десять лѣтъ послѣ появленія «Прихода и Расхода» вышелъ въ свѣтъ новый трудъ Фрейтага «Потерянная рукопись» (Die verlorene Handschrift). Этимъ произведеніемъ авторъ какъ бы пополнилъ начатую имъ картину, сдѣлавъ попытку изобразить соціальное положеніе ученаго сословія. По энергіи и богатству мыслей, этотъ трудъ почти не уступаетъ первому, и взглядъ автора на свободное, трудящееся, образованное среднее сословіе остался неизмѣннымъ. Но, не смотря на это, какая громадная разница между этими двумя произведеніями! При каждомъ новомъ чтеніи, «Приходъ и Расходъ» все болѣе и болѣе привлекаетъ читателя тонкой характеристикой, наглядностью типовъ, неподдѣльнымъ юморомъ. Въ «Потерянной рукописи» встрѣчаются прекрасныя частности, блестящія мысли, меткія описанія, но тѣмъ не менѣе сопоставленіе не вяжущихся между собою частей, изъ которыхъ составленъ романъ, производитъ впечатлѣніе чего-то неудавшагося и неудовлетворяющаго. Объясненія этого впечатлѣнія искали нерѣдко и, быть можетъ, не безъ основанія, въ самомъ сюжетѣ. Сынъ одного изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей влюбился въ жену професора, домъ котораго онъ часто посѣщалъ, въ бытность свою въ университетѣ. Чтобъ отвлечь сына отъ болѣе опасной связи, князь подъ благовиднымъ предлогомъ пригласилъ къ своему двору професора, но, къ счастью, молодой принцъ былъ слишкомъ робокъ и слишкомъ честно любилъ жену своего наставника, прекрасную Ильзу, чтобъ войти въ планы отца. Тогда случилось непредвидѣнное обстоятельство: самъ старый князь, пораженный красотою Ильзы, воспылалъ къ ней страстью, и увлекаемый ревностью, рѣшился убить ея мужа. Испуганная чета рѣшается бѣжать и скрывается въ романическомъ гротѣ, гдѣ случайно отыскивается *переплетъ* какой-

Digitized by Google

то потерянной рукописи Тацита, найти которую составляло цѣль всей жизни професора. Смѣшнѣе и нелѣпѣе этого послѣдняго эпизода трудно себѣ что нибудь представить; ученые поиски почтеннаго професора не возбуждаютъ сочувствія, напротивъ того они обставлены такими комическими подробностями, что скорѣе вызываютъ улыбку на лицѣ читателя, и никому даже въ голову не придетъ видѣть въ этомъ романѣ характеристику быта всего ученаго міра Германіи. Съ повѣствовательной стороны произведеніе это также очень слабо: не живымъ и увлекательнымъ расказомъ начинается оно, а весьма манернымъ обращеніемъ къ лунѣ, за которымъ слѣдуетъ подробное и не менѣе изысканное описаніе вечерняго ландшафта. Дѣйствующія лица не очерчены нѣсколькими смѣлыми штрихами, напротивъ того—появленіе каждаго изъ нихъ всегда сопровождается весьма пространной характеристикой; самое дѣйствіе вяло и лишено интереса. Неподдѣльный юморъ, которому мы удивлялись въ «Приходѣ и Расходѣ», исчезъ, уступивъ мѣсто какой-то почти балаганной веселости; авторъ очевидно не сжился съ своими дѣйствующими лицами, а скорѣе играетъ ими какъ куклами. Всѣ эти слабыя стороны нѣсколько искупаются, какъ уже сказано, истинно прекрасными подробностями, разбросанными по всему роману. Вообще, не смотря на недостатки, встрѣчающіеся въ «Потерянной Рукописи», Фрейтагъ безспорно одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ романистовъ Германіи. Настанетъ время, когда потомство забудетъ его ошибки и будетъ только вспоминать о немъ съ признательностью, какъ объ авторѣ неподражаемаго «Прихода и Расхода».

Если блестящій юморъ Фрейтага носитъ чисто національный отпечатокъ, то еще болѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи произведенія Фрица Рейтера. Въ нихъ отразился весь духъ народа, всѣ его нравы и обычаи, и не смотря на Plattdeutsche, на которомъ они написаны, значеніе ихъ не чисто мѣстное, а національное, общее всему нѣмецкому народу. Тщетно искали бы мы у Рейтера тѣхъ блестящихъ и новыхъ вымысловъ, которыми геніальные писатели прокладываютъ себѣ новые пути въ литературѣ. Во всѣхъ расказахъ собственная изобрѣтательность его играетъ незначительную роль, но почти никто до него не былъ одаренъ такою способностью наблюдать, сочувствовать и сживаться съ жизнью народа, никто не умѣлъ такъ тепло и честно относиться ко всему видѣнному и выстраданному и всему придать такую подходящую и своеобразную форму. Не болѣзненные признаки вре-

Digitized by Google

мени, не какія нибудь нравственныя уродства нашли отголосокъ въ романахъ Рейтера, а коренныя свойства нѣмецкаго характера. Ихъ-то съ изумительной вѣрностью постигъ авторъ; главная его сила заключается въ его добродушномъ юморѣ, который сохранился и развился въ немъ вопреки всѣмъ тяжкимъ испытаніямъ сопровождавшимъ его на жизненномъ пути.

Жизнь писателя всегда находится въ тѣсной связи съ его произведеніями; въ рукахъ историка литературы она служитъ цѣннымъ матеріаломъ для изученія его дѣятельности. Рѣдко гдѣ такъ приложимъ этотъ пріемъ, какъ въ данномъ случаѣ. Всѣ треволненія, пережитыя Рейтеромъ, даютъ намъ ключъ къ пониманію его романовъ.—Родился Рейтеръ въ 1810 году въ Ставенгагенѣ, въ Мекленбургъ-Шверинѣ. Отецъ его былъ бургомистромъ и кромѣ этой должности имѣлъ еще большой пивоваренный заводъ и занимался сельскимъ хозяйствомъ. Эти разнообразныя занятія привлекали въ домъ его людей всѣхъ сортовъ; было что послушать, что подмѣтить наблюдательному Фрицу. Живя часто въ деревнѣ, мальчикъ росъ здоровымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ и если и былъ лишенъ правильнаго, раціональнаго обученія, то, въ вознагражденіе за это, его бодрая натура не была испорчена разными педагогическими фокусами. До четырнадцатаго года учителями его были все какіе-то болѣе или менѣе оригинальные дилетанты: сперва какой-то прикащикъ, потомъ студентъ, портной, часовщикъ, наконецъ удалившійся отъ занятій аптекарь. Этотъ послѣдній былъ веселый, изобрѣтательный оригиналъ и никогда не лѣзъ за словомъ или за расказомъ въ карманъ; къ тому же онъ былъ большой любитель и знатокъ природы. Когда они гуляли съ мальчикомъ по лѣсамъ и полямъ, веселый аптекарь пояснялъ даже чириканье птицъ разными стишками и прибаутками, и его толкованія западали въ душу ребенка. Четырнадцати лѣтъ отъ роду его отправили въ гимназію; по 21-му году онъ поступилъ въ роштокскій университетъ.—Университетская молодежь находилась въ ту пору въ сильномъ возбужденіи; броженіе іюльской революціи еще не улеглось, и жажда подвиговъ, свободы и возвеличенія родины томила многихъ. Іенскій университетъ, куда перешелъ изъ Роштока нашъ Рейтеръ, состоялъ въ то время изъ двухъ корпорацій, изъ «Германцевъ» и «Арминовъ». Коренастый Рейтеръ немедленно приступилъ къ первой изъ этихъ корпорацій и съ той поры дрался на дуэляхъ, пилъ и ораторствовалъ на пользу и славу Германіи

Digitized by Google

не хуже остальныхъ товарищей. Но вдругъ гроза разразилась надъ университетами и начались преслѣдованія такъ называемыхъ демагоговъ. Это была послѣдняя оргія той системы, которая возникла подъ покровительствомъ Меттерниха и священнаго союза. Рейтеръ былъ схваченъ вмѣстѣ съ многими другими; онъ вынесъ въ теченіе года всѣ муки тогдашней системы допросовъ и былъ приговоренъ вмѣстѣ съ 38 товарищами къ смерти; впослѣдствіи его *помиловали*, т. е. замѣнили смертный приговоръ тридцатилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Нѣсколько неосторожныхъ словъ и желаніе свободы и объединенія родины—вотъ тѣ преступленія, которыя ставили въ вину Рейтеру. «Для того, чтобъ дѣйствовать, мы были слишкомъ слабы, для того, чтобъ писать, слишкомъ глупы», вотъ какъ характеризуетъ это происшествіе самъ Рейтеръ:—«по этому мы поступали какъ истые нѣмцы и много говорили, да кромѣ того еще носили въ нѣмецкомъ университетѣ среди бѣлаго дня нѣмецкіе народные цвѣта».

За это послѣдовало заключеніе въ крѣпости Зильбербергѣ, въ темномъ, нездоровомъ, удушливомъ казематѣ, съ пятью зильбергрошами въ день харчевыхъ денегъ. Такъ были прожиты первые три съ половиною года; за этимъ наступило шестинедѣльное, менѣе суровое заключеніе въ Глогау, а оттуда заключенныхъ перевели въ Магдебургъ, гдѣ началось настоящее мученіе. «Комендантъ, говоритъ Рейтеръ,—хотѣлъ очевидно показать всему честному міру, какъ слѣдуетъ обращаться съ государственными преступниками.» Послѣ смерти этого почтеннаго господина заключенные были переведены въ Берлинъ, оттуда въ крѣпость Дамицъ, и только въ 1840 году тридцатилѣтній студентъ Фрицъ Рейтеръ попалъ подъ амнистію, послѣдовавшую за воцареніемъ Фридриха-Вильгельма IV, и вернулся на родину.

Испытаніямъ его однако еще не наступилъ конецъ; отецъ его, желая вернуть потерянное время, послалъ его въ университетъ. Но увы, натура Рейтера влекла его совсѣмъ въ иную сторону: въ немъ рѣшительно не было того матеріала, изъ котораго образуются ученые; университетскія его занятія ограничивались попойками и разгульной жизнью. Огорченный родитель долженъ былъ вернуть домой блуднаго сынка; Фрицъ принялся хозяйничать въ деревнѣ отца, пріобрѣталъ все увеличивающійся запасъ здоровья и наблюденій, и такимъ образомъ подготовлялъ себя къ будущей литературной дѣятельности. Смерть отца оставила его безъ всякихъ средствъ; любовь, овладѣвшая около этого времени

Digitized by Google

сорокалѣтнимъ Фрицомъ, еще болѣе увеличила его финансовыя затрудненія; для прокормленія семьи онъ принужденъ былъ давать уроки по два гроша за часъ. Но вести хозяйство на подобныя средства было весьма не легко, и тогда-то нужда, «эта десятая муза», какъ называетъ ее Рейтеръ, побудила его къ созданію его перваго сочиненія «Läuschen und Rimmel». Это былъ сборникъ мекленбургскихъ и померанскихъ народныхъ анекдотовъ; успѣхъ ихъ былъ громадный, но пока еще только мѣстный. Такова же была участь появившагося вслѣдъ затѣмъ «Путешествія въ Беллингенъ». Народъ съ упоеніемъ зачитывался этими произведеніями, но критика и образованная публика еще гнушались ихъ. Лишь въ 1856 году появились безпристрастные и исполненные сочувствія разборы Роберта Пруца и Юліана Шмидта, за которыми послѣдовали худо скрытыя нападенія Гуцкова и открытая война со стороны предшественника Рейтера, Клауса Гроте. Но нападки эти не смутили бодрый духъ Фрица; ежегодно появлялось въ печати новое произведеніе его и соразмѣрно съ этимъ росло его благосостояніе. Вскорѣ фразы и выраженія изъ его романовъ сдѣлались любимыми поговорками народа; типы, которые онъ нарисовалъ, пріобрѣли невиданную дотолѣ популярность, и романы его вытѣснили изъ будуаровъ нѣмецкихъ красавицъ достолюбезныхъ имъ до того времени Бульвера, Сю и Вальтеръ-Скотта.

При разборѣ произведеній Рейтера становится очевидно, что всего слабѣе тѣ изъ нихъ, въ которыхъ ему приходится самому изобрѣтать сюжетъ. Лучшія его работы безспорно тѣ, которыя основаны на личныхъ воспоминаніяхъ или непосредственныхъ наблюденіяхъ. Его настоящая стихія — веселый, созерцательный юморъ; драматическая сила, въ особенности же трагизмъ, не его дѣло,—еще менѣе удается ему сентиментальный тонъ. Меткія наблюденія, теплота и сердечность изложенія, сочувствіе ко всему честному и хорошему, подмѣченному имъ въ своемъ народѣ, — вотъ въ чемъ заключается главная прелесть романовъ Рейтера. Каковъ долженъ быть характеръ этого человѣка, который могъ вынести все испытанное имъ и сохранить при этомъ незлобивость ребенка! По истинѣ удивляешься, глядя на этихъ «цареубійцъ» и «государственныхъ преступниковъ», преслѣдуя коихъ, выслуживали себѣ чины и ордена господа судьи. «Имъ нуженъ былъ нашъ жиръ», говоритъ Рейтеръ въ своемъ замѣчательномъ романѣ.—«Мое заключеніе въ крѣпости» (Ut mine Fe-

Digitized by Google

stungstid), «чтобы подмазать колеса реакціи для ретроградного движенія». Покорность, съ которой Рейтеръ вспоминаетъ объ этихъ ужасныхъ для него временахъ, не служитъ доказательствомъ притупленія чувства. Нѣтъ, онъ хорошо помнитъ и то дѣло, за которое пострадалъ, и самое страданіе; негодованіе еще иногда накипаетъ въ его груди при воспоминаніи о его мучителяхъ; но тѣмъ не менѣе все это было не въ силахъ испортить и озлобить его любящую душу.

Лучшими изъ его произведеній могутъ считаться сцены изъ временъ французовъ (Ut de Franzosentid) и его личныя воспоминанія (Ut mine stromtid). Первыя переносятъ насъ въ 1812 годъ, Слухи о бѣдствіяхъ наполеоновской арміи достигли до маленькаго городка Ставенгагена; все въ немъ взволновалось, все готовится возстать, если только подтвердятся слухи, и добить французовъ. Духъ времени, броженіе умовъ, скрытое волненіе народа схвачены такъ вѣрно, что читатель какъ будто стоитъ лицомъ къ лицу съ описываемыми событіями. Не менѣе живо написаны также и его воспоминанія; всѣ любимые герои Рейтера собраны тутъ, всѣ они обрисованы съ отличающимъ автора мастерствомъ и юморомъ, и читатель, окончивъ чтеніе этого произведенія, испытываетъ чувство мира и довольства, которое всегда оставляетъ по себѣ вполнѣ законченное произведеніе.

Но изученіе современной нѣмецкой дѣятельности не ограничилось однимъ только воспроизведеніемъ быта нѣкоторыхъ отдѣльныхъ кружковъ; романъ началъ мало-по-малу касаться и другихъ струнъ, освѣщать другія стороны соціальнаго вопроса, и, благодаря этимъ попыткамъ, дѣло, начатое Фрейтагомъ и Рейтеромъ, все расширялось, картина нравовъ становилась все яснѣе и нагляднѣе. Характеръ романа нѣсколько измѣнился, добродушный юморъ творцовъ «Прихода и Расхода» и «Ut de Franzosentid» уступилъ мѣсто новому элементу—комическому. Замѣчательнѣйшими дѣятелями на этомъ новомъ поприщѣ являются Эрнстъ Коссакъ и Фридрихъ Вильгельмъ Гаклендеръ. Произведенія Коссака, не смотря на ихъ несомнѣнныя достоинства, дѣйствуютъ нѣсколько раздражительно на нервы читателя. Ничего мягкаго, примиряющаго не встрѣчается въ нихъ; очевидно, что для Коссака весь міръ дѣлится на двѣ категоріи, на обманщиковъ и обманутыхъ; люди кажутся ему толпою негодяевъ,—тщеславіе и алчность составляютъ, по его мнѣнію, единственный двигатель всѣхъ человѣческихъ дѣяній. Гораздо выше его стоитъ Гаклен-

Digitized by Google

деръ. Онъ выступилъ въ литературѣ въ 1841 г. съ своими «Сценами изъ солдатской жизни въ мирное время,» и имѣлъ большой успѣхъ. Сцены эти пришлись какъ нельзя болѣе кстати: сильный антагонизмъ существовалъ между регулярнымъ войскомъ и образованнымъ среднимъ сословіемъ въ эпоху вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV-го.

Все, что говорилось въ пріятельскихъ кругахъ о военномъ педантизмѣ, жестокости и дерзости, все это ярко выступило въ очеркахъ Гаклендера. Но картина военныхъ нравовъ была бы еще не полна, еслибъ авторъ ограничился однимъ только изображеніемъ мирнаго времени; находясь въ лагерѣ Радецкаго въ 1849 году, Гаклендеръ имѣлъ случай изучить другую сторону быта военнаго сословія и вскорѣ послѣ этого напечаталъ свои «Сцены изъ солдатской жизни въ военное время.» Эти-то сцены и его юмористическіе расказы (Handel und Wandel, Namenlose Geschichten) могутъ считаться лучшими его произведеніями. Въ 1854 г. онъ выступилъ съ большимъ успѣхомъ на поприщѣ соціальнаго романа; его «Европейскіе невольники» привлекли всеобщее вниманіе новизною затронутой ими темы. Въ наше время сочувствіе къ рабочему класу сдѣлалось всеобщимъ; газеты полны отчетовъ о дѣйствіяхъ различныхъ рабочихъ обществъ и въ рѣшеніи этого вопроса мы видимъ одну изъ главныхъ задачъ будущаго. Гаклендеръ же въ своемъ романѣ противупоставилъ пролетаріямъ труда «пролетаріевъ во фракѣ;» онъ сочувственно отнесся къ страданіямъ того многочисленнаго класа тѣхъ образованныхъ и умственно высоко развитыхъ тружениковъ, которыхъ нужда лишила всѣхъ духовныхъ благъ, сдѣлавшихся необходимыми для нихъ вслѣдствіе воспитанія. Новѣйшія произведенія Гаклендера гораздо слабѣе; въ нихъ авторъ очевидно имѣетъ въ виду не образованнаго читателя, а массу публики, которая въ чтеніи ищетъ не пищи для ума, а простаго развлеченія. По этому его «Новый Донъ-Кихотъ», «День и Ночь», «Роковой часъ» и мн. др. соединяютъ въ себѣ всѣ необходимыя условія *легкаго* чтенія, но положительно лишены всякаго серьезнаго литературнаго значенія.

Въ пятидесятыхъ годахъ вышелъ въ свѣтъ второй выпускъ расказовъ изъ сельскаго быта, Бертольда Ауэрбаха; еще въ 1843 году выступилъ онъ на этомъ поприщѣ, и въ поэтическихъ, даже нѣсколько идеальныхъ чертахъ, изобразилъ прелесть деревенской жизни, кротость, честность и неиспорченность нѣмецкаго крестьянина. Какая разница между первымъ и вторымъ выпу-

Digitized by Google

скомъ! Разочарованіе, послѣдовавшее за неудачей геройской попытки 1848 года, отразилось и на взглядѣ автора; эгоизмъ, жадность, скупость, лѣнь—вотъ тѣ единственныя свойства, которыя онъ теперь видитъ въ характерѣ крестьянина; послѣдній отголосокъ идеализма встрѣчается еще въ хорошенькой идилліи «Бози и Мони» или вообще когда дѣло касается любви какой нибудь сельской красавицы; во всемъ же остальномъ царствуетъ полнѣйшій реализмъ. Но реализмъ этотъ не дѣйствуетъ на насъ благотворно, въ немъ не достаетъ того добродушнаго юмора, который составляетъ главную прелесть произведеній Фрица Рейтера. Авторъ является не объективнымъ созерцателемъ событій, а строгимъ, неумолимымъ судьею, и надъ всей картиной вѣетъ духъ безпощадной, чисто юридической справедливости. Впослѣдствіи это странное настроеніе сгладилось и позднѣйшіе деревенскіе расказы Ауэрбаха снова отличаются тѣмъ же идиллическимъ характеромъ, который мы замѣчаемъ въ его раннихъ произведеніяхъ. Успѣхъ его «Босоножки» и «Эдельвейса» былъ громадный; тѣмъ не менѣе намъ кажется, что авторъ поступилъ благоразумно, оставивъ въ сторонѣ этотъ жанръ и обративъ свои усилія на созиданіе соціальнаго романа. Идилліи трудно удержаться надолго отъ сентиментальной расплывчивости, для этого необходимъ неисчерпаемый юморъ или сильное, неуклонно движущееся впередъ дѣйствіе, но тогда идиллія уже утрачиваетъ свой первобытный характеръ и перестаетъ быть идилліей. Не быть же сентиментальнымъ трудно для нѣмца: «сентиментальность, очевидно, у насъ въ крови,» говоритъ о своихъ соотечественникахъ Крейссигъ,— «нѣтъ-нѣтъ, да и прорывается она и всегда находитъ себѣ почитателей».

Для полноты картины современныхъ нѣмецкихъ нравовъ, отражающихся въ романѣ, необходимо остановиться также и на тѣхъ произведеніяхъ, которыя поставили себѣ задачей изученіе быта еврейской части населенія Германіи. Лучшимъ представителемъ этого новаго рода нравоописательныхъ романовъ служитъ Компертъ. Прежде всего появились въ свѣтъ его «Очерки быта чешскихъ евреевъ»; за этимъ послѣдовали расказы «Изъ Гетто» и «Исторія одной улицы». «Очерки эти», говоритъ авторъ въ предисловіи къ послѣднему изъ названныхъ произведеній, «должны передать нѣмецкому народу всю мѣру горя и радости, отчаянія и надеждъ, свидѣтельницей коихъ была эта улица; типы и характеры, выведенные въ нихъ, должны изобразить ту борьбу и

Digitized by Google

тѣ страданія, въ которыхъ послѣ долгаго мрака зародилась, наконецъ, для этого племени заря новой жизни». Возбудить сочувствіе къ загнанному племени вполнѣ удалось Комперту; читая его расказы, мы получаемъ истинное уваженіе ко многимъ сторонамъ еврейскаго характера, и насъ глубоко возмущаютъ тѣ несправедливыя гоненія, которыя пришлось испытать этому несчастному народу. Но въ то же время не менѣе возмущаетъ насъ и та безпощадная сила старыхъ еврейскихъ традицій, которыя хуже всякихъ иноплеменныхъ гоненій давятъ и стѣсняютъ безъ того уже удрученное горемъ племя.

Нельзя также оставить безъ вниманія тотъ своеобразный видъ романа, который возникъ въ Германіи въ послѣднія десятилѣтія, подъ вліяніемъ частыхъ сношеній съ заатлантическимъ міромъ. Описаніе занимательныхъ и, прибавимъ, нерѣдко фантастическихъ приключеній, стычекъ съ туземцами, охоты за хищными звѣрями посреди роскошной природы, все это сдѣлалось для нашего предпріимчиваго и смѣлаго поколѣнія почти тѣмъ же, чѣмъ были рыцарскіе романы и chansons de geste во времена минувшія. Выше всѣхъ нѣмецкихъ писателей этого разряда стоитъ Герштекеръ; неутомимый путешественникъ, Герштекеръ описываетъ намъ природу дикихъ странъ, какъ очевидецъ, и поэтому описанія его дышатъ необыкновенной свѣжестью. Однимъ изъ лучшихъ его произведеній можетъ считаться его романъ «въ Америку»; типы переселенцевъ, которыхъ онъ описываетъ, вполнѣ жизненны, дѣйствіе нерѣдко возвышается до трагизма и не выходитъ никогда изъ границъ правдоподобнаго. Неоспоримымъ качествомъ романовъ Герштекера можетъ считаться скромность, съ которою авторъ избѣгаетъ всякаго неумѣстнаго хвастовства. Онъ изъ своихъ соотечественниковъ не дѣлаетъ героевъ добродѣтели и физической силы, которымъ съ перваго взгляда бросаются на шею всѣ американскія дѣвушки и одно появленіе коихъ затмеваетъ всѣхъ злополучныхъ yankee. Это чувство мѣры достойно величайшей похвалы и служитъ безспорно признакомъ нѣкоторой зрѣлости таланта; по этому мы и отнесемся снисходительнѣе къ автору и простимъ ему подчасъ грубоватую характеристику или же его неудачные набѣги на чуждую ему область юмора.

Соціальный романъ не ограничился однимъ только чисто объективнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности: желаніе провести новыя мысли и взгляды въ жизнь, служеніе какой нибудь всепо-

Digitized by Google

глощающей идеѣ, вскорѣ сдѣлались отличительнымъ признакомъ эпохи и подчинили себѣ даже изящную литературу. Время процвѣтанія искусства для искусства прошло, и нынѣ успѣхъ беллетристическаго произведенія зависитъ не только отъ его художественной отдѣлки, но болѣе всего отъ сущности выразившейся въ немъ *тенденціи*. Это видоизмѣненіе романа произошло въ Германіи съ легкой руки Карла Гуцкова, но, не смотря на искреннее уваженіе къ этому писателю, какъ журналисту и литератору вообще, должно сознаться, что въ этомъ случаѣ ему принадлежитъ только честь почина, но что скучнѣе и запутаннѣе его тенденціозныхъ романовъ трудно себѣ что либо представить.

Когда Гуцковъ напечаталъ своихъ «Рыцарей духа» (Die Ritter vom Geist), онъ былъ уже весьма извѣстенъ въ литературѣ и подъ его знаменемъ сгруппировалась вся *молодая Германія*. Своимъ, надѣлавшимъ столько шуму, романомъ «Валли» 24-хъ лѣтній журналистъ Гуцковъ еще въ 1835 г. понудилъ блаженной памяти Bundestag къ мѣропріятію, которое немедленно обезпечило молодому автору почетное мѣсто въ лѣтописяхъ свободной мысли. «Валли» не только былъ конфискованъ и авторъ его засаженъ на восемь мѣсяцевъ въ тюрьму, но и всѣ не написанныя еще сочиненія Гуцкова были впередъ осуждены. Этого довольно было, чтобъ доставить извѣстность любому писателю. Въ теченіи долгихъ лѣтъ Гуцковъ принужденъ былъ, говоря его же собственными словами, «остерегаться самого себя», такъ что онъ «едва не утратилъ руководящую нить его собственнаго, внутренняго *я*». Чтобъ скоротать время, онъ писалъ фельетоны, журнальныя статьи, безвредныя повѣсти и наконецъ обратился къ сценѣ, для которой написалъ нѣсколько драмъ и трагедій (Неронъ, Саулъ, Ричардъ, Сэвержъ и друг.). Въ 1845 г. началось нѣкоторое движеніе въ обществѣ,—движеніе, которое какъ бы подготовило взрывъ, послѣдовавшій въ 1848 г. Могъ ли въ такую минуту пробавляться невинными драмами вождь молодой Германіи, авторъ «Валли»? Страхъ передъ союзнымъ совѣтомъ пропалъ, и Гуцковъ, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, снова гордо поднялъ знамя либерализма. Его трагедія «Уріель Акоста» встрѣтила восторженный пріемъ; въ ней воплотилось съ полной силой все настроеніе дня, и потому, не смотря на нѣкоторыя ошибки, успѣхъ ея былъ необыкновенный.—Насталъ 1848 годъ; изящная литература примолкла; какъ уже сказано было, кромѣ передовыхъ статей, летучихъ листковъ и рѣчей ничего не печа-

Digitized by Google

талось и не читалось. Примолкъ также и Гуцковъ; но лишь только водворились тишина и порядокъ, онъ снова выступилъ на литературномъ поприщѣ, и на этотъ разъ уже не съ драмой или трагедіей, а съ девяти-томнымъ тенденціознымъ романомъ, «Рыцари духа». Появленіе этого романа произвело сенсацію въ образованныхъ сферахъ. «Фіаско, которое потерпѣли наши замыслы, наша политика, вызвало къ новой дѣятельности поэтическое творчество; на его долю выпала задача—противупоставить дѣйствительности свое собственное міровоззрѣніе, свой взглядъ на будущее, дабы научить современниковъ *не унывать*», говоритъ Гуцковъ въ своемъ предисловіи. Занявъ такимъ образомъ завидную роль пророка и вѣщателя, авторъ приступаетъ къ выполненію своей высокой задачи, но уже не считаетъ нужнымъ стѣсняться какими нибудь общепринятыми формами, отъ которыхъ прежде зависѣлъ успѣхъ художественнаго произведенія. Зачѣмъ требовать отъ романа ясности цѣлей и причинъ, сильнаго развитія дѣйствія, рельефныхъ типовъ, когда сама жизнь не представляетъ ничего подобнаго? Опираясь на такую неоспоримую логику, Гуцковъ принимается за свою работу, и въ результатѣ оказывается такой хаосъ, отъ котораго кружится голова у самаго неутомимаго читателя. По истинѣ, научишься *не унывать*, читая романъ Гуцкова; иначе никто не доберется до конца книги. «Авторъ, говоритъ Крейссигъ, вводитъ насъ въ хижину крестьянина и въ зàмки богачей, въ деревенскія харчевни и въ пышные отели, въ будуары красавицъ и въ притоны, гдѣ скрывается отребье столицы; мы выслушиваемъ сердечныя изліянія демагоговъ, государственныхъ мужей, людей дѣловыхъ и простыхъ авантюристовъ. Полиція посвящаетъ насъ въ отчеты своихъ тайныхъ агентовъ и даже о проискахъ масоновъ и іезуитовъ авторъ расказываетъ намъ все, что онъ знаетъ и даже, быть можетъ, нѣсколько болѣе того. Всѣ партіи, всѣ сословія имѣютъ тутъ представителей, отъ короля и его министровъ до простаго бродяги и преступника, отъ Treubund'а до соціалистовъ съ ихъ пропагандой, отъ высшей духовной іерархіи и до либеральнѣйшаго изъ либераловъ». Главное вниманіе въ романѣ сосредоточивается на судьбѣ двухъ братьевъ Вильдунгенъ, изъ которыхъ одинъ—художникъ, а другой—заштатный прусскій ассесоръ. Этотъ послѣдній сдѣлалъ вдругъ неожиданное открытіе, что громадное состояніе, принадлежавшее прежде ордену храмовыхъ рыцарей и находящееся въ рукахъ берлинской общины, принадлежитъ по справедли-

Digitized by Google

вости ему съ братомъ. Документы на эту собственность находились въ ящикѣ, но ящикъ этотъ былъ потерянъ возницей, которому была поручена доставка его въ Берлинъ. Для розысканія пропажи пускается въ путь ассесоръ Вильдунгенъ, но на дорогѣ съ нимъ случаются тысячи приключеній, потому что онъ безъ цѣли и мысли сближается со всякимъ прохожимъ. Онъ дружится съ какимъ-то прусскимъ принцемъ, который, обращенный къ соціализму во время своего пребыванія въ Парижѣ, путешествуетъ въ костюмѣ простаго столяра;—онъ влюбляется въ берлинскую кокетку, дочь почтеннаго юстицъ-рата Шлурка, которому посчастливилось найти и конфисковать драгоцѣнный ящикъ. Мелани (такъ зовутъ красавицу) отдаетъ ассесору документы вопреки воли отца. Вильдунгенъ затѣваетъ процесъ съ берлинской общиной; въ ожиданіи рѣшенія онъ приступаетъ къ исполненію своего намѣренія спасти страждущее человѣчество и для этого основываетъ орденъ *Рыцарей духа*. Дѣло въ томъ, что съ помощью Гуцкова, Вильдунгенъ давно пришелъ къ убѣжденію, что человѣчество погибнетъ безвозвратно, если его не спасетъ какое нибудь тайное общество. Къ іезуитамъ и масонамъ авторъ питаетъ глубочайшее презрѣніе; къ тому же онъ достовѣрно знаетъ, что нѣмецкіе масоны должны погибнуть отъ несваренія желудка, вызваннаго роскошными пирами масонскихъ ложъ. По этому широкое поле дѣйствій открывается передъ рыцарями духа. Между членами этого ордена не должно существовать прямыхъ сношеній; кромѣ ближайшихъ друзей, они не будутъ даже знать имена другъ друга, но это ни сколько не мѣшаетъ имъ провести въ жизнь нѣсколько полезныхъ и капитальныхъ реформъ. Для этого необходимо введеніе символическихъ знаковъ, учрежденіе правильной вербовки членовъ, при чемъ постановлено, что низшій всегда будетъ вербовать высшаго, глупый—умнаго, работникъ—своего хозяина. Денежныя средства общества будутъ употребляемы на содержаніе пострадавшихъ за свои убѣжденія рыцарей духа, въ особенности же честныхъ чиновниковъ и писателей.

Общество разростается съ изумительной быстротой, денежныя средства его также процвѣтаютъ, такъ какъ процесъ съ берлинской общиной выигранъ. Но, къ сожалѣнію, рѣшеніе это происходитъ въ ту минуту, когда Вильдунгенъ сидитъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ демагогическихъ проискахъ, и судъ оставляетъ пока деньги у себя. Заключенному удается однако спастись вмѣстѣ съ документами, все еще запертыми въ знаменитомъ ящикѣ, но, по

Digitized by Google

несчастію, ящикъ этотъ попадаетъ въ руки какого-то негодяя и вмѣстѣ съ похитителемъ дѣлается жертвой пламени въ ту самую минуту, когда рыцари духа празднуютъ свою первую годовщину въ прекрасномъ зáмкѣ на берегу Мозеля. Такова вкратцѣ сущность романа, но такъ какъ на эту тему все-таки нельзя было написать девяти томовъ, то Гуцковъ и присоединилъ къ основному дѣйствію до пяти вводныхъ, не менѣе пространныхъ и запутанныхъ эпизодовъ. Число дѣйствующихъ лицъ и фактовъ доходитъ до такихъ колосальныхъ размѣровъ, что читатель не въ силахъ удержать въ памяти нить разсказа. Утомленіе овладѣваетъ очевидно и самимъ авторомъ,—иначе нельзя себѣ объяснить той небрежности слога и тѣхъ невозможныхъ сочетаній словъ, которыя характеризуютъ «рыцарей духа». Само дѣйствіе вяло до невѣроятія, герои романа лишены всякой силы,—о страсти и говорить нечего. Самое простое нравственное чутье какъ будто оставило автора; когда Вильдунгенъ узнаетъ о смерти матери, которую онъ почиталъ и любилъ какъ святую, мы со страхомъ слѣдимъ за нимъ, ожидая потрясающаго взрыва горя. Но мы можемъ успокоиться,—авторъ позаботился о нашихъ нервахъ и потрясенія не послѣдуетъ. Къ Вильдунгену являются гости: «кофе»! кричитъ онъ издали своей экономкѣ,—дайте намъ поскорѣе кофе, но непремѣнно чернаго, потому что мы въ траурѣ!»—Какой неожиданный и успокоительный оборотъ дѣла! Не менѣе этого Гуцковъ заслуживаетъ укоризны за свое безцеремонное обращеніе съ историческими лицами; онъ беретъ людей, которые еще живутъ и дѣйствуютъ на глазахъ современниковъ, и заставляетъ ихъ говорить и дѣйствовать такъ, какъ ему самому хочется, не соображаясь вовсе съ истиной. Единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить та мысль, что романъ Гуцкова до того тяжеловѣсенъ, что не много найдется такихъ читателей, которые доберутся до конца его; по этому вредъ, производимый его неразборчивостью по отношенію къ исторіи, значительно уменьшается.

Десять лѣтъ спустя, вышелъ въ свѣтъ второй тенденціозный романъ Гуцкова «Римскій волшебникъ» (Der Zauberer von Rom). Въ этотъ промежутокъ времени случились важныя событія: во Франціи возникла вторая имперія, а съ нею вмѣстѣ воскресли и старыя опасенія и воспоминанія; въ Римѣ, поддерживаемомъ новымъ императоромъ, замѣчалось движеніе, и папа, опираясь на австрійскій конкордатъ и на прочныя связи даже въ протестантскомъ мірѣ, дѣлалъ попытки усилить свое вліяніе на дѣла со-

Digitized by Google

вѣсти и религіи. Гуцковъ на этотъ разъ искусно подмѣтилъ признаки времени и сдѣлалъ свои наблюденія предметомъ новаго девятитомнаго романа. Въ предисловіи къ этому сочиненію, онъ принимаетъ еще болѣе торжественный тонъ, чѣмъ въ предисловіи къ «рыцарямъ духа»; онъ непосредственно связываетъ свой романъ съ славными преданіями нѣмецкой исторіи, съ старинной борьбой противъ нивеллирующаго стремленія римскаго владычества. Какъ бы то ни было, но матеріалъ, которымъ на этотъ разъ располагаетъ авторъ, гораздо благодарнѣе прежняго; кто имѣетъ дѣло съ «римскимъ волшебникомъ» и его полчищами, тотъ видитъ передъ собой не призрачныя тѣни, а хорошо знакомые и вполнѣ осязательные факты. Ими-то и воспользовался весьма ловко Гуцковъ, и по этому его второй романъ значительно превосходитъ первый меткостью характеристики и живостью описанія. Его галлерея мужскихъ и женскихъ типовъ римско-католическаго міра весьма разнообразна и содержитъ прекрасныя подробности; не менѣе удачно также описаніе монастырской жизни. Въ числѣ удачныхъ типовъ романа мы видимъ каноника Асселина; вполнѣ обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, каноникъ безстрастно глядитъ на приближеніе ультрамонтанской реакціи,—въ немъ нѣтъ ни одной черты, свойственной реформатору, а тѣмъ менѣе инквизитору, и до обновленія церкви ему рѣшительно нѣтъ дѣла. Для развлеченія онъ почитываетъ Горація и Лукреція, ухаживаетъ за своими цвѣтами и птицами и старается по возможности рѣже и меньше проповѣдывать. Вокругъ него сгруппирована толпа молодаго духовенства, и въ средѣ его попадаются прекрасно схваченные типы. Одна изъ свѣтлыхъ личностей романа, молодой священникъ Бонавентура, представляетъ собою типъ вполнѣ евангельскій, на которомъ сосредоточиваются главнѣйшимъ образомъ симпатіи читателя. Это-то и даетъ значительный перевѣсъ «Римскому волшебнику» надъ «Рыцарями духа», такъ какъ послѣднее произведеніе не имѣетъ ни одного характера, способнаго приковать вниманіе. Даже самое дѣйствіе,—эта слабая сторона романовъ Гуцкова, на этотъ разъ нѣсколько живѣе, по крайней мѣрѣ въ началѣ. Но, не смотря на указанныя нами хорошія стороны, «Римскій волшебникъ» все-таки далеко не можетъ считаться удачнымъ романомъ; въ немъ также встрѣчаются разныя ситуаціи, которыя возмущаютъ эстетическое чувство читателя и какъ будто указываютъ на полнѣйшее отсутствіе его въ самомъ авторѣ. Такъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, чтобы

Digitized by Google

подавить въ себѣ наплывъ чувственности, имѣетъ обыкновеніе вѣшать себя за шею, въ каковомъ положеніи его и застаетъ однажды его возлюбленная, которая тутъ только понимаетъ смыслъ красныхъ рубцовъ, давно замѣченныхъ ею вокругъ горла ея милаго; остальные герои также постоянно поражаютъ читателя неожиданными выходками; почти никогда они не дѣйствуютъ сообразно съ здравымъ смысломъ,—напротивъ того, если разсудокъ указываетъ въ одну сторону, то можно смѣло поручиться, что герой Гуцкова выберетъ непремѣнно противоположную. Вообще фантазія играетъ плохія шутки съ авторомъ; такъ, ему достовѣрно извѣстно, что по смерти Пія IX папою сдѣлается Бонавентура, и первымъ актомъ его властвованія будетъ созваніе собора, коему поручится окончательное упроченіе царства Божьяго на землѣ и довершеніе церковной реформы, начатой Лютеромъ. Прибавимъ къ сказанному уже, что слогъ романа отличается также поразительной неряшливостью, языкъ тяжелъ и не правиленъ и слова зачастую составлены самымъ произвольнымъ образомъ.

Если недостатки, поражавшіе насъ въ произведеніяхъ Гуцкова, не исчезли еще окончательно изъ нѣмецкаго романа и понынѣ, то не возможно не замѣтить, какъ мало-по-малу онъ сбрасываетъ съ себя прежнія оковы, пріобрѣтаетъ стройность, пластичность, становится наконецъ полнымъ воплощеніемъ разныхъ сторонъ быта. Первенство на этомъ поприщѣ безспорно принадлежитъ Шпильгагену, этому любимцу русской читающей публики; по этому мы и остановимся нѣсколько долѣе на разсмотрѣніи его дѣятельности и посмотримъ, какъ думаютъ о немъ его соотечественники.

Фридрихъ Шпильгагенъ родился въ Магдебургѣ 24 февраля 1829 года; въ ранніе годы онъ посѣщалъ гимназію въ Стральзундѣ, впослѣдствіи слушалъ лекціи филологіи и философіи въ Берлинѣ, Боннѣ и Грейфсвальдѣ и по окончаніи весьма успѣшныхъ занятій выступилъ на литературномъ поприщѣ съ небольшимъ расказомъ «На дюнахъ». Расказъ этотъ отличается необыкновенной свѣжестью, тенденціи въ немъ почти незамѣтно. Нѣкій молодой ученый принялъ приглашеніе своего бывшаго школьнаго товарища посѣтить его въ уединеніи на островѣ, лежащемъ между Рюгеномъ и померанскимъ берегомъ. Товарищъ этотъ, вполнѣ обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи и счастливый въ семейной жизни, живетъ вдали отъ общества въ полномъ довольствѣ. Но житейскія невзгоды коснулись наконецъ

Digitized by Google

его мирнаго уголка; въ то время, какъ гость начинаетъ ухаживать за гостившей у хозяйки дома пріятельницей ея, хорошенькой Эллой, сама хозяйка подвергается преслѣдованіямъ какого-то молодаго сосѣда-аристократа. Ревнивый мужъ вызываетъ своего соперника на дуэль и погибаетъ отъ его руки; къ счастію, въ это время, поспѣваетъ на выручку какой-то морякъ, давно любимый Эллой, и женитьбой на ней хотя нѣсколько распутываетъ двойную дилемму, между тѣмъ какъ авторъ показываетъ намъ въ отдаленномъ будущемъ возможность брака между самимъ молодымъ ученымъ и прекрасной вдовой его друга. Въ этомъ неприхотливомъ расказѣ замѣчаются уже проблески тѣхъ качествъ, которыми впослѣдствіи всегда отличались произведенія Шпильгагена; прежде всего насъ поражаетъ необыкновенная наглядность и сила въ его описаніяхъ природы. Всякій, кому знакомы картины моря и его береговъ, кто когда либо бродилъ вдоль пустынной дюны или скользилъ на легкой лодкѣ по зеркальной поверхности воды, тотъ вполнѣ оцѣнитъ всю прелесть описаній Шпильгагена. И эта правдивость и наглядность не покидаетъ автора и тогда, когда дѣло касается волненій и бурь человѣческаго сердца. Неопредѣленныя стремленія, мечтанія и чувствованія, которыя характеризовали произведенія молодой Германіи, нашли оттолосокъ и въ этомъ расказѣ, но они не играютъ въ немъ преобладающей роли, а, напротивъ, отступаютъ передъ разумными требованіями жизни. Безъ всякой горечи, безъ всякаго Weltschmerz'а герой Шпильгагена высказываетъ убѣжденіе, что дѣйствительность всегда ниже нашихъ идеаловъ, и что съ этимъ слѣдуетъ помириться, если мы хотимъ наслаждаться тѣмъ, что можетъ намъ дать жизнь. Въ этомъ взглядѣ заключается вся тайна жизни, но сами герои Шпильгагена еще не вполнѣ сжились съ этой неоспоримой истиной, и имъ еще придется не разъ споткнуться, прежде чѣмъ они проникнутся ею окончательно.

«Проблематическія натуры» и «Сквозь мракъ къ свѣту» могутъ считаться, если разсмотрѣть ихъ съ психологической и культурно-исторической стороны, одними изъ самыхъ поучительныхъ романовъ нашего времени; они служатъ яснымъ отраженіемъ всѣхъ радостей, печалей и ошибокъ, которыя въ послѣднія десятилѣтія были неразлучными спутниками внутренней борьбы, переживаемой нами. Герой этихъ двухъ романовъ, Освальдъ Штейнъ есть воплощеніе любимѣйшаго типа «молодой Германіи», съ тою только разницей, что онъ очерченъ гораздо живѣе и рельеф-

Digitized by Google

нѣе, и что самъ авторъ смотритъ на него весьма здраво и не ожидаетъ отъ насъ никакихъ восторговъ. Воспитанный на самыхъ либеральныхъ началахъ, проникнутый ненавистью къ аристократамъ, Штейнъ тѣмъ не менѣе начинаетъ свою карьеру поступленіемъ въ какой-то знатный домъ въ качествѣ домашняго учителя. Намъ казалось бы, что только одной нуждой можно объяснить подобный шагъ, но послушаемъ, что говоритъ намъ по этому поводу другъ и учитель Штейна, професоръ Бергеръ: «Штейнъ долженъ какъ можно скорѣе наполнить столбцы той книги жизни, которая называется illusions perdues; для этого онъ долженъ идти въ среду юнкерства, какъ Могиканъ идетъ къ Ирокезамъ, и принести какъ можно болѣе скальповъ въ родной вигвамъ!» Говоря простыми словами, онъ долженъ ненавидѣть, презирать, по возможности даже вредить тѣмъ самымъ людямъ, служить которымъ онъ обязался. Но очевидно, самъ професоръ Бергеръ не вполнѣ довѣряетъ той силѣ ненависти, къ аристократамъ, которая живетъ въ груди его воспитанника и результатъ показываетъ, что онъ въ этомъ случаѣ не ошибся. Не успѣлъ Освальдъ Штейнъ порядкомъ обжиться въ замкѣ, какъ онъ уже влюбился въ молодую, богатую вдову аристократку; увѣренный въ ея взаимности, онъ тѣмъ не менѣе вскорѣ чувствуетъ припадокъ ревности къ какому-то барону, грубо оскорбляетъ свою любезную и на зло ей начинаетъ ухаживать за ея пріятельницей. Только-что помирились влюбленные, какъ Освальдъ ни съ того, ни съ сего впадаетъ въ страшное отчаяніе при мысли, что его милая была замужемъ и слѣдовательно принадлежала уже другому до него, хотя это было ему хорошо извѣстно съ самаго начала. За отчаяніемъ слѣдуетъ быстрое охлажденіе, вслѣдъ за которымъ Штейнъ влюбляется въ молодую пансіонерку, дочь своего принципала, потомъ убиваетъ на дуэли какого-то оскорбившаго его юнкера, послѣ чего, наскоро уложивъ свои вещи, возвращается на родину съ легкимъ карманомъ и тяжелымъ сердцемъ.

Какъ понять намъ характеръ Освальда? Что хотѣлъ выразить въ немъ авторъ? Неужели ту мысль, которую высказываетъ баронъ Ольденбургъ, что «Штейнъ—поэтъ, всюду ищущій идеаловъ и по этому отшатывающійся отъ всякаго человѣка, въ которомъ замѣтитъ хотя малѣйшее пятно». Нѣтъ, Шпильгагенъ слишкомъ реальная натура, чтобы увлекаться восторгами и «надломленностью» своего героя; этотъ характеръ выведенъ имъ, не

Digitized by Google

какъ образецъ для подражанія, а для назиданія нашего. Здравый смыслъ автора указываетъ ему на людей дѣла, какъ на надежнѣйшую опору общественнаго развитія, и между его воззрѣніями и взглядами молодой Германіи лежитъ цѣлая пропасть. Основную мысль романа можно искать въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «Проводить жизнь въ суетливой праздности—это самый тяжкій упрекъ, который можно сдѣлать человѣку въ наше время, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчается работа. Цѣль нашей жизни не состоитъ въ погонѣ за возвышенными чувствованіями и за поэтическими восторгами, а въ человѣчномъ отношеніи ко всему человѣческому, не заглушая въ насъ небеснаго огня, въ неутомимой борьбѣ на жизнь и на смерть съ хищной тираніей и ложью». Отъ такой проблематической натуры, какою представляется намъ Штейнъ, авторъ очевидно не ожидаетъ ничего, кромѣ безцѣльныхъ порывовъ, и это убѣжденіе долженъ раздѣлять всякій, кто смотритъ на жизнь просто и здраво, а не глазами романтика. По этоту насъ ничуть не удивляетъ, что и послѣдующая исторія Освальда, расказанная намъ авторомъ въ романѣ «Сквозь мракъ къ свѣту», не представляетъ ничего, кромѣ безконечнаго ряда ошибокъ и разочарованій, пока наконецъ Шпильгагенъ не положилъ конца томленіямъ и тревогамъ своего безталаннаго героя, давъ ему съ честью умереть на барикадѣ.

Если бы послѣ всего сказаннаго нами оставалась еще тѣнь сомнѣнія относительно настоящихъ воззрѣній автора, то чисто реальные типы, выведенные имъ въ противоположность Освальду, должны заставить умолкнуть всякое недовѣріе. Докторъ Браунъ и магистръ Бемперлейнъ служатъ представителями реальнаго направленія; главная цѣль ихъ жизни—это трудъ; они не теряютъ времени, цѣну которому хорошо знаютъ, въ праздныхъ мечтаніяхъ и порывахъ; они твердою поступью идутъ къ своей цѣли и достигаютъ ея, не смотря на встрѣчающіяся на ихъ пути трудности и преграды, о которыя разбиваются болѣе утонченныя проблематическія натуры.

Отличительною особенностью почти всѣхъ романовъ Шпильгагена, которую не рѣдко ставили ему въ упрекъ, является тотъ антагонизмъ, который онъ выказываетъ при всякомъ случаѣ противъ аристократіи, въ смыслѣ привилегированнаго сословія; антагонизмъ этотъ, который впрочемъ не составляетъ исключительной принадлежности одного Шпильгагена, а замѣчается въ большей или меньшей степени во всѣхъ нѣмецкихъ тенденціозныхъ

Digitized by Google

романахъ прошедшаго десятилѣтія, нашелъ себѣ выраженіе еще въ раннихъ произведеніяхъ нашего автора. Въ счастливый, безмятежный семейный кругъ, который мы видимъ въ граціозномъ расказѣ «На дюнахъ», вкрадывается, какъ злой геній, сосѣдъ-аристократъ, чтобы шутя, отъ нечего дѣлать, нарушить семейное счастіе своего довѣрчиваго амфитріона. Въ «Кларѣ Вэре» авторъ выводитъ англійскаго лорда, который изъ ненависти къ привиллегіямъ, даваемымъ рожденіемъ, отказывается отъ своего маіората и, чтобъ спасти сына отъ вреднаго вліянія касты, воспитываетъ его подъ чужимъ именемъ, въ привычкахъ къ труду и лишеніямъ и въ ненависти къ аристократамъ. Романъ «Гогенштейны» бичуетъ меткой сатирой цѣлую семью разорившихся дворянъ, которые какъ хищные звѣри толпятся вокругъ стараго богача-родственника. Въ «Проблематическихъ натурахъ», въ Сквозь мракъ къ свѣту» и въ слѣдующихъ за ними произведеніяхъ авторъ почти со злобой относится къ слабымъ сторонамъ нѣмецкаго юнкерства. Это озлобленіе есть не что иное, какъ продуктъ того глубокаго политическаго и соціальнаго разочарованія, которое было вызвано печальными столкновеніями власти съ либеральной партіей, ознаменовавшими первые годы прошлаго десятилѣтія. Но критика не только во Франціи, но и въ самой Германіи зашла такъ далеко, что обвиняла Шпильгагена въ низкой зависти къ преимуществамъ аристократическаго сословія и приводила въ примѣръ басню о лисицѣ и винограде. Но обвиненіе это слишкомъ нелѣпо и голословно; стоитъ только приглядѣться къ любому роману Шпильгагена, чтобы убѣдиться, что авторъ ничуть не заблуждается насчетъ остальныхъ сословій и также безпристрастно относится къ ихъ слабостямъ и порокамъ. Такъ, самые отверженные и низкіе типы, изображенные авторомъ, взяты имъ изъ средняго сословія, между тѣмъ какъ изъ среды юнкерства выступаютъ характеры, которые невольно заслуживаютъ нашу симпатію и уваженіе.

«Проблематическія натуры» заканчиваются указаніемъ на ту роль, которую предоставили бойцы революціи намъ,—дѣятелямъ эпохи болѣе мирнаго развитія,—на ту неутомимую работу, которая совершается при будничной обстановкѣ, для того, чтобы дать прочную основу нравственной свободѣ, чтобы изгнать на вѣки даже воспоминаніе о томъ мрачномъ времени, которое было такъ бѣдно людьми дѣла и такъ богато проблематическими натурами.

«In Reih'und Glied» (Одинъ въ полѣ не воинъ), вотъ заглавіе,

Digitized by Google

данное Шпильгагеномъ одному изъ лучшихъ его произведеній. Мысль, лежащая въ основѣ этого романа, вполнѣ ясна и осязательна; она указываетъ на необходимость тѣснаго соединенія всѣхъ для общаго дѣла, на невозможность успѣха при разъединенныхъ усиліяхъ, какова бы ни была геніальность отдѣльнаго лица. Для подтвержденія этой мысли, авторъ выводитъ два типа, служащіе представителями двухъ противуположныхъ направленій. Лео и Вальтеръ—дѣти двухъ братьевъ; въ жилахъ одного течетъ безпокойная кровь какого-то непризнаннаго деревенскаго генія-самородка, другой обязанъ своимъ происхожденіемъ честному и скромному лѣсничему. Разность происхожденія какъ будто повліяла и на характеръ молодыхъ людей. Вальтеръ—честная, любящая натура; нужды и страданія народа наполняютъ его душу глубокимъ соболѣзнованіемъ, и служеніе этому народу словомъ и дѣломъ кажется ему священной обязанностью. Чтобъ вѣрнѣе достичь своей цѣли, онъ серьезно приглядывается ко всему окружающему его и, разъ избравъ свой путь, идетъ по немъ неустанно, не увлекаясь ни честолюбивыми, ни эгоистическими замыслами, идетъ въ уровень съ народомъ, соображаясь съ его истинными потребностями.

Совсѣмъ иное дѣло—Лео; это не скромный труженикъ, а деспотически-геніальный человѣкъ; сердце у него играетъ второстепенную роль, разсудокъ управляетъ всѣмъ, и онъ безъ жалости ломаетъ все, что преграждаетъ ему дорогу. Любовь его къ народу чисто теоретическая; онъ служитъ ему не сообразно его нуждамъ, а увлекаемый своей собственной творческой фантазіей; встать на ряду съ другими, сдѣлаться одной изъ мелкихъ пружинъ, приводящихъ въ движеніе соціальный механизмъ, для него немыслимо. Онъ хочетъ быть реформаторомъ, а не слугой общества. Отстаивать почву шагъ за шагомъ—не въ его духѣ; онъ бросается впередъ, не замѣчая того, какъ далеко отстали отъ него его товарищи, и не разбирая средствъ для достиженія цѣли. По этому гибель его дѣла неизбѣжна.—Характеръ Лео обрисованъ авторомъ необыкновенно удачно; весь интересъ романа сосредоточивается на немъ и на родственной ему по духу Сильвіи, вопреки голосу разсудка, который указываетъ на *солидныя* добродѣтели Вальтера. По этому гибель этихъ двухъ даровитыхъ личностей производитъ на насъ тяжкое впечатлѣніе; мы чувствуемъ надъ собой давленіе какой-то мрачной силы, которая не даетъ простора правильному развитію человѣка. Не мудрено, что и ав-

Digitized by Google

торъ, какъ очевидецъ событій, начала 60-хъ годовъ, описываемыхъ въ его романѣ, находится подъ гнетомъ того же тяжелаго настроенія. Онъ глядитъ мрачно даже на будущее; никакихъ надеждъ не возлагаетъ онъ на либеральничанье принца (въ которомъ узнаютъ нынѣшняго прусскаго короля); онъ увѣренъ, что и это все разлетится въ прахъ, лишь только власть окрѣпнетъ въ его рукахъ, и что снова наступитъ царство произвола и самоуправства.

Въ новомъ своемъ романѣ «Между молотомъ и наковальней» авторъ оставляетъ въ сторонѣ политическія событія и устремляетъ все свое вниманіе на изученіе другаго не менѣе важнаго соціальнаго вопроса, — вопроса о трудѣ. Герой романа, Георгъ Гартвигъ, попадаетъ послѣ цѣлаго ряда романическихъ и художественно описанныхъ авторомъ приключеній, въ исправительную тюрьму, гдѣ, подъ вліяніемъ тюремнаго начальника, человѣка высоко образованнаго и гуманнаго, для него начинается новая жизнь. Онъ привыкаетъ трудиться и любить трудъ; со временемъ судьба улыбается ему,—онъ дѣлается хозяиномъ богатой фабрики и становится другомъ, товарищемъ, совѣтчикомъ своихъ рабочихъ. Онъ объясняетъ имъ все варварство того порядка вещей, который дѣлитъ людей на двѣ части, изъ коихъ одна играетъ въ жизни роль молота, другая—наковальни; онъ учитъ ихъ искать успѣха не въ борьбѣ противуположныхъ интересовъ, а въ дружномъ сліяніи ихъ для общей цѣли. Кто не согласится отъ души съ этими воззрѣніями! Имъ сочувствуешь тѣмъ живѣе, что авторъ является всегда истиннымъ художникомъ и увлекаетъ насъ мастерствомъ своихъ описаній. То онъ потрясаетъ читателя глубиною трагизма, то своимъ меткимъ юморомъ вызываетъ на его лицѣ улыбку; его дѣйствующія лица не блѣдныя тѣни, а типы, исполненные жизни и силы. Съ Шпильгагеномъ нѣмецкій романъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ, и соотечественники его имѣютъ завидное право гордиться этимъ даровитымъ человѣкомъ.

Не менѣе полнымъ успѣхомъ могутъ похвастаться соціальные романы другаго извѣстнаго писателя Бертольда Ауэрбаха. Романы «На высотѣ» и «Дача на Рейнѣ» показываютъ, что Ауэрбахъ и Шпильгагенъ принадлежатъ, по своему направленію, къ одному и тому же лагерю. Но если они родственны по духу, то во всемъ остальномъ, въ выборѣ сюжета, въ способѣ изложенія, въ расположеніи частей, они вполнѣ различествуютъ. Шпильгагенъ описываетъ намъ столкновенія политическихъ партій, борьбу про-

Digitized by Google

мышленныхъ и рабочихъ классовъ за свое существованіе; даже деревенскія его сцены рѣдко отличаются чисто идиллическимъ характеромъ. Дѣйствіе у него постоянно живое,—оно отличается даже нѣкоторою пестротою; его страстныя нападки на слабости аристократіи носятъ отпечатокъ непосредственныхъ личныхъ наблюденій. Напротивъ того, Ауэрбахъ—пѣвецъ гуманно-космополитическаго міровоззрѣнія и идиллической жизни на лонѣ природы. Какъ слаба та нить, которая въ романѣ «На высотѣ» связываетъ эти два противоположныя направленія! Почти всюду либо мыслитель, либо расказчикъ изъ сельскаго быта оттѣсняетъ на задній планъ романиста. Сюжетъ романа такъ не замысловатъ, что не даетъ простора широкому развитію дѣйствій; борьба и столкновенія крайностей происходятъ не столько фактически, на глазахъ читателя, сколько въ области мысли. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать, что неприкосновенность нравственнаго закона совмѣстима съ полной свободой мышленія. «Причина всѣхъ бѣдствій», говоритъ онъ въ своемъ романѣ,—«заключается въ томъ, что люди, одаренные умомъ, образованіемъ и дарованіями, считаютъ себя чѣмъ-то высшимъ и признаютъ за собою право перешагнуть за предѣлы дозволеннаго и за тѣсный кругъ долга». Эта мысль сближаетъ Ауэрбаха съ авторомъ «In Reih'und Glied»; на эту тему говорится въ романѣ «На высотѣ» много умнаго и полезнаго, но надобно сознаться, что эти разсужденія нѣсколько утомительны для публики, которая въ романѣ привыкла искать не однихъ только философическихъ размышленій. Даже въ отношеніи къ внѣшней отдѣлкѣ этого произведенія, оно свѣжестью и силой значительно уступаетъ прежнимъ расказамъ Ауэрбаха. Въ описаніяхъ сельскихъ нравовъ замѣчается натяжка и жеманность, которая очень вредитъ общему впечатлѣнію; за то серьезный читатель находитъ вознагражденіе за эти недостатки въ глубинѣ и силѣ мыслей, которыми изобилуетъ романъ.

Что касается «Дачи на Рейнѣ», то на ней Крейссигъ не останавливаетъ долго своего вниманія и, хотя онъ отдаетъ должную справедливость многимъ прекраснымъ сторонамъ этого произведенія, но замѣтно, что сердце его не лежитъ къ нему. «Дача на Рейнѣ», говоритъ Крейссигъ, «очевидно задумана авторомъ не въ добрый часъ; въ ней онъ покидаетъ сферу деревенской идилліи, чтобъ перейти къ совершенно противуположнымъ воззрѣніямъ и иному способу изложенія. Дѣйствіе, характеры, побужде-

Digitized by Google

нія, изображаемыя имъ, не вытекаютъ изъ нормальныхъ явленій окружающей насъ дѣйствительности, а суть прямыя послѣдствія самыхъ неправдоподобныхъ, чтобы не сказать невозможныхъ, комбинацій, въ которыхъ къ тому же замѣчается, какъ бывало у романистовъ и адептовъ молодой Германіи, значительный перевѣсъ резонерства, нерѣдко весьма многорѣчиваго, надъ самимъ дѣйствіемъ. Въ романѣ этомъ затрогивается одинъ изъ вопросовъ, возникшихъ подъ вліяніемъ американской междуусобной войны. Слѣдуетъ рѣшить, имѣетъ ли смѣлый и безсовѣстный авантюристъ, разбогатѣвшій флибустьеръ и торговецъ невольниками, благодаря блестящему образу жизни, хвастливой благотворительности и подкупу, право занять мѣсто въ кругу нѣмецкой аристократіи. Кажется, что большаго затрудненія въ этомъ случаѣ не предвидится; всякій знатокъ нѣмецкой исторіи, всякій, кто приглядѣлся къ нравамъ иныхъ избранныхъ кружковъ Германіи, не найдетъ ничего особенно предосудительнаго въ заявленіи богача-плантатора о той духовной связи, которая существуетъ между нимъ и родоначальниками многихъ знатныхъ родовъ. Но добродѣтель безсильна противъ злой молвы и свободной печати. Газетному скандалу, затѣянному въ рѣшительную минуту какими-то американскими знакомыми героя, удается то, чего бы никогда не добилось общество во имя справедливости и чистоты нравовъ,—авантюристу отказываютъ въ правахъ дворянства. Обида эта встрѣчается имъ съ ожесточеніемъ и угрозой; онъ не отрекается отъ своихъ дѣяній, онъ открыто признаетъ ихъ и заявляетъ, что, по его мнѣнію, все въ мірѣ по праву принадлежитъ *сильнѣйшему*; послѣ этого онъ уѣзжаетъ въ сопровожденіи вполнѣ раздѣляющей его взгляды, непобѣдимой духомъ, графини, и находитъ смерть въ рядахъ инсургентовъ, на поляхъ Виргиніи. Ему противупоставляется рыцарство нѣмецкаго гуманнаго духа, въ лицѣ офицера, котораго милліонеръ нанялъ въ наставники къ сыну, чтобы впослѣдствіи, противъ воли, самому подчиниться его нравственному превосходству. Интриги католическаго духовенства обрисованы довольно метко; дѣло не обошлось также, какъ и у Шпильгагена, безъ развращеннаго тщеславіемъ и эгоизмомъ юнкера. Перевѣсъ остается за двумя лицами: за капитаномъ и за сельскимъ хозяиномъ, который, переселясь въ Америку, дошелъ тамъ до истиннаго пониманія человѣческаго достоинства. Свѣтлыя личности романа получаютъ также на поляхъ американскихъ битвъ, но на этотъ разъ не въ рядахъ ин-

Digitized by Google

сургентовъ, а подъ усѣяннымъ звѣздами знаменемъ свободнаго труда и правъ человѣчества,—закаляющее ихъ кровавое крещеніе. Торжество гуманности, свободы мысли и честнаго труда, гармонически заканчивая цѣлое, дѣлаетъ честь и личнымъ воззрѣніямъ автора и публики, на чье одобреніе онъ могъ расчитывать. Но для художественнаго произведенія еще мало однихъ только хорошихъ побужденій; отдавая справедливость прекраснымъ частностямъ романа, поклонники Ауэрбаха (къ числу которыхъ причисляетъ себя и Крейссигъ) не рѣшатся отрицать, что это произведеніе гораздо ниже предыдущихъ по силѣ эпическаго дѣйствія и по яркости красокъ. Можно бы изъ пяти частей романа сдѣлать двѣ или три, не выбрасывая ни одной существенной подробности, ни одной замѣчательной, производящей впечатлѣніе, сцены, не вредя отнюдь ходу дѣйствія».

Если провести параллель между Шпильгагеномъ и Ауэрбахомъ, то обнаружится, что въ произведеніяхъ перваго замѣтно гораздо больше теплоты чувства, чѣмъ въ произведеніяхъ втораго. Не смотря на его борьбу противъ проблематическихъ натуръ, онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ извѣстной доли эстетическаго влеченія къ нимъ. Взгляды и замыслы его шире, описанія жизненныхъ волненій живѣе, чѣмъ у Ауэрбаха, которому нравится безмятежность идилліи съ одной стороны, глубина философскихъ умствованій съ другой, при чемъ онъ впадаетъ нерѣдко въ непростительную ошибку резонерства.

Романъ Германа Гримма «Непреодолимыя силы» описываетъ, подобно лучшимъ произведеніямъ Шпильгагена, столкновенія между аристократическими предразсудками и требованіями общества, которое все болѣе и болѣе привыкаетъ цѣнить реальныя заслуги и силы. Гриммъ, какъ почти всѣ беллетристы нашего времени, беретъ сторону общества противъ сословныхъ интересовъ, новой жизни противъ устарѣлыхъ формъ быта. Искусное сопоставленіе американскихъ и нѣмецкихъ соціальныхъ явленій даетъ особенную наглядность картинѣ. Основная мысль романа указываетъ на практическую дѣятельность, какъ на вѣрнѣйшее средство противъ безполезнаго аристократическаго самодовольства. Гриммъ расказываетъ намъ исторію двухъ разорившихся аристократовъ, изъ которыхъ одинъ бодро вступаетъ въ борьбу съ жизнью и пролагаетъ себѣ путь собственнымъ трудомъ, между тѣмъ какъ другой не можетъ никакъ отдѣлаться отъ барскихъ замашекъ и безплодно прозябаетъ. Не смотря на честныя стремленія авто-

Digitized by Google

ра, романическая закваска еще такъ сильна въ немъ, что между тѣмъ какъ разсудокъ влечетъ его къ людямъ дѣла, сердце его тяготѣетъ къ чисто-кровному аристократу. «По истинѣ», говоритъ Крейсигъ, «мы, нѣмцы, еще имѣемъ дѣло съ непреодолимыми силами, но эти силы скрываются не столько въ предразсудкахъ аристократіи, сколько въ привычкахъ и воззрѣніяхъ, коренящихся въ абстрактномъ литературномъ воспитаніи».

Окончивъ обзоръ дѣятельности лучшихъ представителей нѣмецкой беллетристики, мы не можемъ, по справедливости, обойти молчаніемъ и труды женщинъ-литераторовъ Германіи. Если при этомъ обозрѣніи намъ не встрѣтятся имена въ родѣ Жоржъ-Занда или Андре Лео, если многія изъ нѣмецкихъ романистокъ ограничиваются и понынѣ разработкой мелкихъ психическихъ моментовъ или погружаются въ анализъ ничтожныхъ явленій семейной жизни, оправдывая этимъ вполнѣ прозвище, данное ихъ романамъ нѣкоторыми критиками съ легкой руки французовъ (Strickstrumpfromane), то имена Фанни Левальдъ, Юліи Буровъ и др. могутъ быть произносимы не иначе, какъ съ истиннымъ уваженіемъ. Въ особенности заслуживаетъ вниманія Фанни Левальдъ; рожденная въ еврейской купеческой семьѣ, она пошла наперекоръ всѣмъ домашнимъ традиціямъ, стала жить независимо, своимъ трудомъ, находя «что для каждаго человѣка настаетъ пора, когда ему столь же необходимо отдѣлаться отъ семейной зависимости, какъ цыпленку вылупиться изъ яйца». Сдѣлавшись свободной сама, она всѣ свои силы положила па исканіе свободы для другихъ; она проповѣдывала идею равноправности людей путемъ образованія и сдѣлалась ярой сторонницей эманципаціи женщинъ, признавая въ этомъ случаѣ первымъ условіемъ успѣха солидныя знанія и свободное развитіе всѣхъ природныхъ дарованій. Если мы не видимъ въ ней озлобленія противъ высшихъ класовъ, то тѣмъ не менѣе прерогатива рожденія находитъ въ ней неумолимаго судью и выше всего на свѣтѣ она ставитъ трудъ и его облагороживающее значеніе. Ея романы «Женни», «Клементина», «Изъ рода въ родъ» и др. отличаются здравымъ взглядомъ на вещи, удачно схваченнымъ мѣстнымъ колоритомъ, что однако не лишаетъ ихъ общаго значенія. Не менѣе ратовала за женскую эманципацію и Юлія Буровъ; она выступила въ литературѣ въ 1859 году съ романомъ «Судьба женщинъ» и съ той поры неутомимо дѣйствовала въ разъ принятомъ ею направленіи. Она, также какъ и Фанни Левальдъ, отличается здравымъ

Digitized by Google

взглядомъ и твердостью убѣжденій; ея героини не обуреваемыя страстями личности, но твердые, честные женскіе типы, которые энергически борятся съ превратностями судьбы и нерѣдко съ увлеченіями собственнаго сердца. Совершенно въ другомъ родѣ, но съ не меньшимъ успѣхомъ, хотя и въ другомъ кругу читателей, выступила въ литературѣ извѣстная у насъ въ Россіи Марлиттъ; ея граціозные расказы «Goldelse», «Das Geheimniss der alten Mamsell» и др. читаются съ удовольствіемъ въ часы досуга и отличаются, если не глубокой, то вполнѣ правильной и отчетливой характеристикой. Она также касается текущихъ вопросовъ, въ особенности религіозныхъ, но въ противоположность своимъ предшественницамъ, рѣшаетъ ихъ больше сердцемъ, нежели разсудкомъ. Постепенно увеличивающееся число поборницъ женской эмансипаціи въ Германіи, идущихъ по слѣдамъ Фанни Левальдъ, такъ значительно, что вдаться въ подробное разсмотрѣніе ихъ дѣятельности значило бы выступить за предѣлы нашей статьи. Искренняя преданность дѣлу свободы и истиннаго просвѣщенія (чувство, котораго мы, до сихъ поръ, по старому предразсудку, не ожидали отъ нѣмецкихъ женщинъ) составляетъ общее отличительное свойство новой школы нѣмецкаго *женскаго* романа.

Обозрѣвая исторію развитія нѣмецкаго романа за послѣднія десятилѣтія, мы видимъ, что если онъ и не всегда достигалъ художественной законченности, то, взамѣнъ этого, почти неизмѣнно отличался честными и здоровыми стремленіями. Въ противоположность французскому роману, который, за немногими исключеніями, почти сплошь посвященъ психологически-тонкому анализу всевозможныхъ, болѣе или менѣе себялюбивыхъ побужденій отдѣльныхъ личностей, въ нѣмецкой беллетристикѣ замѣчается перевѣсъ соціальныхъ и историческихъ задачъ. Тѣсная связь, соединяющая новѣйшій нѣмецкій романъ съ живыми вопросами народной жизни, составляетъ его главное и неотъемлемое достоинство и объясняетъ намъ его необыкновенную популярность. Эта внутренняя связь служитъ доказательствомъ того, что нѣмецкая интеллигенція живетъ одною жизнью съ своимъ народомъ и по этому всегда энергически выступала съ словами сочувствія и поддержки во всѣ трудныя минуты народной жизни. Если въ настоящее время разгулъ властолюбивыхъ стремленій, заглушая чувство человѣчности и права, отвлекаетъ даже лучшихъ представителей нѣмецкаго романа отъ ихъ истиннаго служенія къ потворству милитаризму и политикѣ захвата; если Фрейтагъ осно-

Digitized by Google

вываетъ даже журналъ, (im neuen Reich), спеціально посвященный интересамъ новой имперіи, Ауэрбахъ сопровождаетъ нѣмецкую армію и пишетъ газетныя корреспонденціи, а Гуцковъ сочиняетъ патріотическія драмы,—то всѣ эти факты легко объяснимы тѣмъ печальнымъ туманомъ, которымъ обдали Германію успѣхи прусской политики, увлекшей даже нѣмецкихъ либераловъ до поклоненія ей за то только, что она будто бы одна могла въ данную минуту дать Германіи единство. Пройдетъ первый пылъ увлеченья, значеніе совершившагося выяснится, уляжется лихорадочный патріотизмъ, и литература съ усиленной энергіею выдвинетъ на первый планъ вопросы народной жизни, задавленные, затертые громомъ оружія. Подобно тому, какъ Вальтеръ и Лео Шпильгагена пришли на смѣну патріотическимъ, воинственнымъ типамъ Вильбальда Алексиса, нѣкогда такъ нравившимся, такъ и чадъ современнаго ультра-патріотическаго движенія разсѣется передъ свѣтлыми народными типами будущаго нѣмецкаго романа.

***

Digitized by Google

334

ОТВѢТЪ

НА ЗАМѢТКИ Г. КОЛЮПАНОВА

О ПЕРЕЛОЖЕНІИ ПОДУШНОЙ ПОДАТИ.

Не иначе, какъ съ величайшею благодарностью относимся мы къ замѣткамъ, которыми г. Колюпановъ почтилъ нашу статью (о подушныхъ податяхъ), напечатанную въ № 1-мъ «Бесѣды», и которыя помѣщены въ № 2-мъ этого же журнала. Чѣмъ болѣе мы будемъ толковать о предстоящемъ преобразованіи нашей податной системы, чѣмъ многостороннѣе и глубже этотъ предметъ будетъ обхваченъ и разработанъ въ журналистикѣ,—тѣмъ яснѣе, полнѣе и общедоступнѣе онъ явится земству въ будущихъ его чрезвычайныхъ собраніяхъ, тѣмъ удобнѣе будетъ ему высказать свое по сему предмету мнѣніе, и тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ матеріаловъ будетъ принесено къ окончательному разрѣшенію не легкой задачи переустройства нашихъ прямыхъ податей. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ, изъ повременныхъ изданій, однѣ ежедневныя газеты отрывочно и поверхностно коснулись этого предмета; изъ ежемѣсячныхъ же журналовъ, одна «Бесѣда» попыталась обратить общее вниманіе на этотъ одинъ изъ важнѣйшихъ дня сего вопросовъ.

Мы не будемъ возражать противъ нѣкоторыхъ общихъ и частныхъ мнѣній г. Колюпанова, по предмету прямыхъ налоговъ. Это завлекло бы насъ слишкомъ далеко и мало послужило бы къ разъясненію вопроса, на которомъ должно быть теперь сосредоточено общественное вниманіе. Считаемъ нужнымъ устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, возникшія въ умѣ нашего почтеннаго рецензента, вслѣдствіе или недовольно полнаго, или недостаточно яснаго изложенія нашего мнѣнія о предстоящемъ податномъ преобразованіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользуемся нынѣшнимъ случаемъ, чтобы нѣсколько пояснить и пополнить наше предложеніе о печномъ налогѣ; и затѣмъ выскажемъ наше мнѣніе о главномъ предложеніи г. Колюпанова.

Мы вовсе не имѣли въ виду, по обложеніи городскихъ строеній печною податью, удержать въ силѣ налогъ съ городскихъ имуществъ, уста-

Digitized by Google

новленный въ замѣну подушной подати съ мѣщанъ. Нѣтъ, мы предполагали его отмѣнить и для того включили въ общую сумму подушнаго налога и тѣ два съ чѣмъ-то милліона, которые нынѣ получаются съ городовъ. Мы отнюдь не смотрѣли и не смотримъ на печи какъ на предметъ, самостоятельно подлежащій податному обложенію. Конечно, всего справедливѣе и разумнѣе было бы взимать налогъ съ доходовъ или достатковъ гражданъ; но, въ настоящее время, при невозможности съ нѣкоторою точностію и безъ инквизиторіальныхъ мѣръ, опредѣлить наши доходы и достатки, и при малоудовлетворительномъ положеніи нашего управленія вообще, болѣе чѣмъ трудно предложить установленіе общаго подоходнаго налога. А потому необходимо довольствоваться однимъ изъ признаковъ достаточности людей, и при выборѣ его слѣдуетъ дать предпочтеніе такому признаку, который хотя приблизительно означалъ бы эту достаточность гражданъ, былъ бы самъ по себѣ очевиденъ и не требовалъ бы, для своего опредѣленія, ни обсужденій, ни преній, ни умозаключеній. Мы имѣемъ въ виду облагать не собственно печи, а строенія, въ которыхъ онѣ находятся, и которыя всякій для себя устраиваетъ или наймомъ пріобрѣтаетъ, соразмѣрно своимъ достаткамъ. Конечно, справедливѣе было бы облагать строенія по приносимому ими доходу или по удобствамъ, ими доставляемымъ; но первое невозможно, даже въ самомъ огульномъ видѣ, въ отношеніи къ деревенскимъ строеніямъ, а послѣднее не исполнимо вообще. Даже справедливѣе было бы облагать строенія по ихъ вмѣстимости, т. е. по ихъ кубическому содержанію; но это хотя возможно, однако потребуетъ значительныхъ работъ и большой траты времени, что́ въ настоящемъ случаѣ вовсе не желательно. Считая привлеченіе всѣхъ сословій къ платежу прямыхъ податей дѣломъ, не терпящимъ ни малѣйшаго отлагательства, и признавая тормозящими ходъ переустройства податной системы всякіе поиски лучшихъ, но сложныхъ и менѣе положительныхъ, податныхъ основаній, мы ухватились за печи, какъ за вѣрнѣйшее въ нашей странѣ и притомъ самое очевидное мѣрило вмѣстимости строеній, и притомъ какъ за такой признакъ, котораго приведеніе въ извѣстность, по всей имперіи, не потребуетъ болѣе трехмѣсячнаго срока. Впрочемъ какъ строенія въ городахъ уже оцѣнены, и какъ это основаніе лучше и вѣрнѣе для уравнительной раскладки налога, чѣмъ простое исчисленіе печей, то мы отнюдь не думаемъ настаивать на томъ, чтобы и въ городахъ причитающійся съ нихъ налогъ былъ непремѣнно разложенъ на печи. Мы думаемъ, что онѣ должны служить общимъ основаніемъ къ опредѣленію суммы налога, слѣдующей съ каждаго города, и что затѣмъ эта сумма можетъ и даже должна быть разложена на дома согласно существующимъ городскимъ оцѣнкамъ.

Насчетъ раскладки печнаго налога мы готовы идти даже далѣе.

Крестьяне, по большей части, собираютъ подушную подать не съ ревизскихъ и не съ наличныхъ душъ, а съ земли, раздѣленной по ревиз-

Digitized by Google

скимъ душамъ, или съ промысловъ, или на иныхъ, ими принятыхъ, основаніяхъ. Землю сходы даютъ семействамъ не по числу наличныхъ или ревизскихъ душъ, а по разнымъ, ими себѣ усвоеннымъ, соображеніямъ. Такой порядокъ, значительно улучшающій подушную подать, можетъ быть удержанъ и при печномъ налогѣ. Преимущества послѣдняго налога передъ первымъ заключаются въ томъ, во 1-хъ, что печной налогъ можетъ быть съ нѣкоторою уравнительностію разложенъ на всѣ сословія; во 2-хъ, что его удобно взыскивать и безъ круговой поруки, и что удержаніе ея въ крестьянскомъ обществѣ будетъ зависѣть отъ общаго согласія крестьянъ, т. е. отъ того, захотятъ ли они принять на себя раскладку печнаго налога по инымъ, ими излюбленнымъ основаніямъ, или нѣтъ; и въ 3-хъ, что установленіе этого налога даетъ возможность къ отмѣнѣ всякихъ временныхъ паспортовъ, затрудняющихъ передвиженіе рабочихъ и причиняющихъ имъ не малыя хлопоты. Такая уступка съ нашей стороны не есть вовсе отклоненіе отъ первоначальнаго нашего предложенія: мы считаемъ печи лучшимъ, въ настоящее время, основаніемъ къ раскладкѣ налога вообще, но мы не желаемъ малѣйше нарушать чрезъ то существующія, болѣе справедливыя или болѣе обычныя основанія внутренней раскладки податей въ разныхъ обществахъ.

Г. Колюпановъ думаетъ, что облегченіе крестьянъ, при устройствѣ печнаго налога, будетъ незначительно, и что едва 10% подушной подати перейдетъ на сословія, доселѣ отъ нея избавленныя. Мы думаемъ, что, на основаніи нашихъ предположеній, облегченіе крестьянъ по уплатѣ податей будетъ довольно значительное. Земскаго душеваго сбора уплачивается крестьянами около 20 милл. При переложеніи его на земли и другіе предметы земскаго обложенія, болѣе половины этой суммы сойдетъ съ крестьянъ. Число печей, находящихся въ строеніяхъ не крестьянскихъ, теперь конечно еще неизвѣстно; но нами сдѣлано приблизительное исчисленіе по одному уѣзду, и оказалось, что такихъ печей въ уѣздѣ имѣется около 20%; а потому, если положить, что по всей имперіи сохранится та же пропорція, то изъ 42 милл. подушной подати болѣе 8 милл. должно лечь на сословія, не платившія до сихъ поръ подушной подати; и слѣд. на сумму болѣе 18 милл. уменьшатся платежи крестьянъ, т. е. почти на цѣлую треть всей податной суммы. Думаемъ, что такое облегченіе немалозначительно, и что не совсѣмъ легко будетъ не-податнымъ сословіямъ, съ непривычки, нести такое бремя. Въ Пруссіи класная подать доставляетъ около 9 милл., а разрядная подоходная около 3 милл.; слѣдовательно, платежъ этихъ податей достаточными сословіями составляетъ 25% всей суммы. А потому, при печномъ налогѣ, мы не далеко отстанемъ отъ Пруссіи и можемъ, кажется, на первый разъ этимъ удовольствоваться.

Нѣтъ сомнѣнія, что земли вообще и особенно на сѣверѣ и на востокѣ имперіи, не могутъ вынести тяжелаго налога; но и нѣтъ никакой надобности въ установленіи таковаго. Мѣстныя губернскія и уѣздныя по-

Digitized by Google

требности должны быть, конечно, удовлетворяемы изъ мѣстныхъ средствъ; и земскія собранія должны изыскивать средства къ обложенію сборами и другихъ предметовъ помимо земли; а такіе предметы, въ промышленныхъ мѣстностяхъ, могутъ быть доставляемы промышленностью и торговлею. Что же касается до государственнаго земскаго сбора, то раскладка его между губерніями зависитъ и должна зависѣть отъ центральной власти, которая, смотря по доходности земель и другихъ предметовъ земскаго обложенія, можетъ разравнивать тягости этого сбора, заставляя иныя губерніи приплачивать сверхъ мѣстной потребности и давая другимъ губерніямъ пособія изъ общаго сбора.

Не г. Колюпановымъ, а со стороны, на словахъ, намъ было сдѣлано одно возраженіе противъ печнаго налога, которое здѣсь, при случаѣ, мы считаемъ не излишнимъ опровергнуть: въ избѣжаніе платежа этого налога, многіе, пожалуй, улучшатъ отопленіе своихъ домовъ, уничтожатъ излишнія печи, и правительство останется въ накладѣ. Мы вовсе не раздѣляемъ этого опасенія. Отопленіе печи стоитъ въ годъ отъ 10 до 50-ти руб.; налогъ же долженъ быть отъ 3 до 4-хъ рублей. Слѣд. если расходы по отопленію не были достаточнымъ побужденіемъ къ улучшенію печнаго устройства, то едва ли налогъ достигнетъ этой цѣли. Если же это случится, то это будетъ, со стороны печнаго налога, такая заслуга, на которую мы и не расчитывали.

Теперь приступаемъ мы къ разсмотрѣнію главнаго предложенія г. Колюпанова, которое состоитъ въ слѣдующемъ: «обложить всѣ процентныя бумаги (билеты государственнаго казначейства и банка, всякіе паи, акціи и облигаціи, векселя, текущіе счеты и всякія обязательства, съ отдачею капитала въ ростъ), одинакимъ процентомъ сбора, напримѣръ 5% съ дохода, доставляемаго капиталомъ».

Съ этимъ предложеніемъ г. Колюпанова мы никакъ согласиться не можемъ. Не отвергаемъ, что, при подоходномъ налогѣ, владѣніе процентными бумагами и всякими капиталами должно имѣть послѣдствіемъ соразмѣрное увеличеніе подати, платимой лицомъ, съ получаемаго имъ дохода. Не будемъ оспаривать права правительства, при извѣстныхъ условіяхъ, подвергать билеты, акціи, облигаціи и прочіе денежные документы платежу налога. Но мы никакъ не можемъ признать, что теперь у насъ полезно прибѣгать къ установленію такого налога.

У насъ вообще капиталовъ мало, и мы въ нихъ какъ нельзя болѣе нуждаемся. Не капиталы ищутъ у насъ помѣщенія, а промышленность и торговля всячески стараются ихъ къ себѣ залучить. При такомъ положеніи дѣлъ, налогъ на доходъ съ капиталовъ будетъ уплачиваться не капиталистами, а нуждающимися въ капиталахъ. Если теперь можно занять за 8, за 9 или за 10%, то тогда капиталистъ скажетъ: я долженъ уплатить 5% съ дохода, получаемаго съ капитала, а потому не угодно ли вамъ, заемщику, уплатить мнѣ лишній ½% на уплату этого налога.

Digitized by Google

И заемщикъ, у насъ на Руси, преклонитъ голову и исполнитъ требованіе кредитора, благодаря за то, что послѣдній, въ видѣ округленія счета, не потребовалъ цѣлаго лишняго процента. Наши 5% облигаціи и билеты всѣ стоятъ ниже своей нарицательной цѣны; наши акціи и паи, дающіе значительный дивидендъ, весьма не многочисленны; намъ предстоитъ еще выстроить весьма много желѣзныхъ дорогъ и учредить не мало разныхъ промышленныхъ и торговыхъ обществъ; мы въ этомъ дѣлѣ не совершили и трети, даже четверти того, что́ намъ еще предлежитъ. Выгодно ли намъ искусственно возвышать проценты на ссуды?

Наши государственныя бумаги даютъ отъ 4,32% до 6%, наши акціи и облигаціи приносятъ отъ 5 до 7-ми процентовъ, а учетъ векселей стоитъ отъ 7 до 10% и даже до 12%,—удобно ли въ настоящее время даже поднимать вопросъ объ обложеніи процентныхъ бумагъ какимъ либо налогомъ? Желѣзныя дороги дѣйствительно обогатили нѣкоторыхъ людей, получавшихъ на нихъ концесіи; но нынѣшніе владѣльцы этихъ бумагъ едва ли получаютъ отъ 5 до 7%. Къ тому же, при громадномъ займѣ, предстоящемъ Франціи, при мрачномъ настроеніи Европы вообще и при малодоходности многихъ изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ обществъ и товариществъ, своевременно ли возбуждать опасенія капиталистовъ? Въ убыткѣ, конечно, будутъ не они, а именно люди, нуждающіеся въ ихъ средствахъ; и такимъ образомъ мы обложимъ не капиталы, а государственныя, общественныя и частныя нужды.

Еще одно весьма важное соображеніе устраняетъ, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на долгое время, предложеніе насчетъ обложенія нашихъ процентныхъ бумагъ податью. Почти во всѣхъ условіяхъ на государственные займы и почти во всѣхъ концесіяхъ на желѣзныя дороги, да и въ Высочайшемъ указѣ отъ 17 февраля сего 1871 года, положительно сказано, что эти бумаги «навсегда освобождаются отъ уплаты какой либо пошлины». Правда, австрійское правительство перешагнуло чрезъ подобное же ограниченіе; но едва ли удобно дать такой совѣтъ нашему правительству, и конечно оно его не приметъ. Но и Австрія, въ этомъ отчаянномъ средствѣ, едва ли обрѣтетъ исцѣленіе отъ своихъ финансовыхъ недуговъ. Какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для государства, исполненіе даннаго обѣщанія есть необходимое условіе къ его преуспѣянію и къ сохраненію уваженія какъ собственнаго, такъ другихъ людей и народовъ. Думаемъ, что г. Колюпановъ, въ виду почти общаго желанія обложить податью капиталы, не обратилъ достаточнаго вниманія на неминуемыя послѣдствія такой мѣры и не будетъ настаивать на ея принятіи, особенно въ настоящее время.

А. Кошелевъ

5 Марта 1871 г.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода.—Недоумѣнія, порождаемыя имъ въ кругу духовенства и въ средѣ читателей.—Сопоставленіе отчета съ фактами изъ дѣйствительной жизни.—Законъ о свободѣ совѣсти по отношенію къ духовенству.—Отвѣтственность отчетовъ частныхъ и офиціальныхъ по отношенію къ обществу.

Ссудныя товарищества.

Чѣмъ болѣе подвигаемся мы на пути развитія нашей гражданской жизни, тѣмъ серьезнѣе мы къ ней относимся. То, что казалось лѣтъ десять тому назадъ сухимъ и скучнымъ, дѣлается въ настоящее время для насъ необходимымъ и возбуждаетъ все наше вниманіе. Длинныя таблицы цифръ и отчетовъ, на примѣръ, которыя встрѣчаются теперь на столбцахъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ органовъ печати, не пугаютъ и не отталкиваютъ читателя; напротивъ, въ нихъ старается онъ провидѣть дѣйствительность, въ нихъ желаетъ прочесть и прошедшее, и настоящее, и даже будущее той или другой стороны государственной и гражданской жизни.

Пытливость наша однако возрастаетъ несоразмѣрно со средствами ея удовлетворенія: офиціальныя цифры и отчеты продолжаютъ, по старинному, вѣщать общее благоденствіе и благополучіе, не смотря на очевидныя свидѣтельства противнаго.

Въ казенныхъ, офиціальныхъ отчетахъ вообще всегда занимателенъ вопросъ: для какой цѣли отчеты эти печатаются и какую пользу могутъ приносить они обществу въ томъ видѣ, въ какомъ они нынѣ составляются? Вопросъ этотъ особенно важенъ относительно такихъ отчетовъ, какъ на примѣръ отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, на которомъ мы хотимъ остановить вниманіе читателей.

Въ какое недоумѣніе долженъ быть поставленъ читатель и, въ особенности, въ какое недоумѣніе должно быть поставлено духовенство, усматривая, что всѣ отрасли обширнаго предмета, котораго онъ касается, отъ «утвержденія вѣры» до «утвержденія табели задѣльной платы за ра-

Digitized by Google

боты въ синодальной словолитнѣ»—все захвачено отчетомъ, всякій предметъ оказался достойнымъ быть отмѣченнымъ особою рубрикою и о всякомъ нашелъ составитель возможнымъ сказать доброе слово. Недоумѣніе духовенства, которому настоящее положеніе дѣлъ болѣе, чѣмъ кому нибудь извѣстно, должно быть тѣмъ сильнѣе, что большинство такихъ рубрикъ, наполненныхъ одобреніемъ и похвалами, касается не столько отношеній духовенства къ паствѣ, сколько распорядковъ въ средѣ духовенства, какъ сословія и какъ учрежденія. «Въ жизни церкви отечественной, говоритъ краткое заключеніе къ отчету,—минувшій годъ ознаменовался дѣйствіями и явленіями, долженствовавшими имѣть важное историческое значеніе. Законоположеніями 16 апрѣля и 26 мая 1869 г. положено начало коренной реформѣ многихъ сторонъ въ бытѣ нашего духовенства, требовавшихъ обновленія. Преобразованіемъ духовныхъ академій приведенъ къ окончанію давній вопросъ о лучшемъ устройствѣ духовнаго образованія. Обезпеченіемъ консисторій дана возможность къ правильному исполненію лежащихъ на нихъ важныхъ обязанностей. Предприняты и другія мѣры къ благоустроенію и возвышенію церковной жизни въ отечествѣ. Но совершаемое въ настоящемъ усиливаетъ попеченіе о будущемъ. Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь заявляетъ о себѣ и требуетъ рѣшенія вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта православнаго духовенства. Удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса составляетъ скрѣпу и завершеніе всѣхъ предпринимаемыхъ улучшеній въ области церковнаго управленія. Только тогда будутъ жизненны и плодотворны эти послѣднія, когда матеріальная обстановка служенія церкви будетъ соотвѣтствовать высокому назначенію, къ которому призывается священнослужитель, какъ пастырь, учитель и духовный руководитель народа». Такимъ образомъ, повторяемъ, собственно къ духовенству и къ распорядкамъ въ средѣ его, какъ сословія и какъ учрежденія, относится преимущественно отчетъ, а слѣдовательно благопріятный отзывъ объ этихъ распорядкахъ самого оберъ-прокурора святѣйшаго синода, равняется благопріятному отзыву и нѣкоторому поощренію начальства. Если все дѣйствительно обстоитъ благополучно, то можно и даже должно продолжать въ томъ же духѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, число присоединенныхъ къ православію, говоритъ отчетъ, оказалось въ теченіи года 18.754 чел.; мѣры къ обращенію раскольниковъ «усилены»; преосвященные сами принимали въ дѣлѣ этомъ участіе, на примѣръ во владимірской и саратовской епархіяхъ; въ нѣкоторыхъ епархіяхъ расколъ видимо слабѣетъ, и вообще обнаруживается торжество православія надъ расколомъ; приходское духовенство «болѣе и болѣе проникается сознаніемъ священнаго долга служить дѣлу просвѣщенія блуждающихъ на темномъ распутьи раскола»; въ просвѣщеніи инородцевъ поволжскихъ и въ предѣлахъ Сибири духовенство также проникается сознаніемъ своего долга, и просвѣщеніе это увѣнчивается успѣ-

Digitized by Google

хомъ; преосвященные прилагаютъ пастырскую дѣятельность свою на наблюденіе за благолѣпнымъ отправленіемъ требъ и на то, чтобы обряды православнаго богослуженія сопровождались пастырскими поученіями; въ дѣятельности прочаго духовенства начинаетъ проявляться «болѣе живое, дѣятельное, искреннее и разумное отношеніе къ исполненію своего высокаго призванія»; «обнаруживается стремленіе къ обмѣну мыслей на съѣздахъ; въ паствѣ не оскудѣваетъ, но возрастаетъ искони присущій духъ благочестія, народъ перестаетъ ограничиваться однимъ наружнымъ исполненіемъ обрядовъ, но болѣе и болѣе входитъ въ духъ его, духовно учебныя заведенія скоро подвинутся, можно надѣяться, на степень развитія, соотвѣтствующую видамъ устава, наконецъ, духовная литература принесла не скудные вклады въ сокровищницу христіанской учености и нравственнаго руководства вѣрующихъ». Да, долженъ сказать сельскій и всякій другой священникъ, благоговѣйно закрывая страницы начальническаго отзыва,—да, видно, и въ самомъ дѣлѣ все, слава Богу, обстоитъ благополучно. «Порицаніе духовенства», вторятъ такому успокоительному самообольщенію «Епархіальныя Вѣдомости»,—«порица-«ніе духовенства при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ сдѣлалось «такимъ общимъ мѣстомъ въ нѣкоторыхъ органахъ свѣтской прессы и «нѣкоторыхъ кружкахъ общества, что даже и не предполагается ими «возможности противуположнаго мнѣнія. Но обличеніе, пока оно вращает-«ся въ области только общей фразы, не можетъ быть признано спра-«ведливымъ, —нужно обличеніе доказать по пунктамъ, подтвердить фак-«тами, отдѣлить частное отъ общаго и тогда дѣлать выводъ». На этомъ мѣстѣ, кажется, разрушается недоумѣніе, порождаемое отчетомъ въ кругу духовенства, но здѣсь же начинается и недоумѣніе читателя.

Замѣчательнѣе всего то, что изо всѣхъ 100 слишкомъ рубрикъ, на которыя раздѣляется дѣятельность православнаго духовенства въ отчетѣ, ни въ одной изъ нихъ, какъ мы сказали выше, составителемъ не было сочтено необходимымъ указать на какіе либо въ этой дѣятельности недостатки, и вмѣстѣ съ тѣмъ признано возможнымъ посвятить отдѣльную рубрику описанію *главныхъ недостатковъ православной паствы* съ практическими и даже выходящими уже изъ круга духовнаго вѣдомства наставленіями касательно противодѣйствія этимъ главнымъ недостаткамъ православной паствы. «Рядомъ съ свѣтлыми чертами религіозно-нравственной жизни православнаго народа, говоритъ эта рубрика, идутъ *и нѣкоторыя темныя ея стороны*. Въ массѣ народа остается и упорно держится его давній и гибельный недугъ, растлевающій его нравственность, вносящій разстройство въ экономическій бытъ его,—это пьянство. Для подавленія этого зла необходимо сокращеніе кабаковъ». Въ связи съ этимъ нравственнымъ зломъ находится другое явленіе—распространеніе въ народѣ воровства, противъ котораго благотворно могла бы дѣйствовать отмѣна базаровъ въ праздничные дни.

Digitized by Google

Между тѣмъ, всматриваясь въ подробности отчета, въ главы, на примѣръ, о мѣрахъ къ обращенію раскольниковъ и иновѣрцевъ, объ утвержденіи вѣры и благочестія, и т. д., можно, кажется, отыскать ближе и помимо полицейскихъ мѣропріятій тотъ путь, по которому надлежало бы слѣдовать нашему духовенству, если бы оно, не будучи ублажаемо отчетомъ, «проникалось искреннимъ и разумнымъ отношеніемъ къ исполненію своего высокаго призванія».

Все представляется въ иномъ свѣтѣ, всякій фактъ, выведенный въ отчетѣ, получаетъ другой смыслъ и значеніе, если сопоставить его только съ дѣйствительностію и жизнью, или если даже въ самомъ отчетѣ читать между строкъ его.

Цифра обращенныхъ въ православіе—18.754 ч. (въ каковомъ числѣ находится болѣе 8 т. магометанъ, болѣе 3 т. язычниковъ и болѣе 4 т. разн. христ. испов.)—блѣднѣетъ передъ цифрою, на примѣръ, 17.829 человѣкъ однихъ раскольниковъ, считающихся по послѣднихъ статистическимъ даннымъ въ одной Оренбургской губерніи. Преосвященные владимірской и саратовской епархій, входившіе въ непосредственныя сношенія съ раскольниками, входили въ эти сношенія, какъ оказывается, тогда, когда образовалось уже «опасное волненіе», произведенное появившимся расколоучителемъ, или когда появилась уже секта хлыстовъ. Но гдѣ причина опаснаго волненія и распространенія сектъ въ средѣ православныхъ?—на это не отвѣчаетъ отчетъ. Послѣ проповѣди преосвященнаго, многіе слушатели, говоритъ отчетъ,—«пали на землю и благодарили за обличеніе», но почему проповѣдь православная не предупредила проповѣди расколоучителя?—на это нѣтъ отвѣта. А между тѣмъ, гдѣ нибудь, въ 50 верстахъ отъ Москвы, даже въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ с. Никольскомъ, какъ пишетъ корреспондентъ «Биржевой Газеты», и какъ написали бы, конечно, корреспонденты изо всѣхъ концовъ Россіи,—десяти и тринадцатилѣтнія крестьянскія дѣти не знаютъ молитвъ и, не только они, но и отцы ихъ, «а священникъ живетъ тутъ же, и ежегодно ходятъ къ нему всѣ на исповѣдь, и самъ духовный отецъ, въ свою очередь, не одинъ десятокъ разъ въ годъ побываетъ у каждаго крестьянина съ крестомъ да съ святою водою».. «Нашъ городокъ, пишутъ изъ Повѣнца, Олонецкой губерніи, не посѣщали архіереи уже *десять* лѣтъ, и когда, при посѣщеніи въ нынѣшнемъ году, церковь оказалась пуста, то архипастырь удивился такому равнодушію прихожанъ. Архипастырь удивился, но читателя это удивить не можетъ, и во всякомъ случаѣ должно удивить менѣе, нежели, на примѣръ, самообольщеніе отчета, увѣряющаго, что, послѣ поѣздки саратовскаго преосвященнаго по мѣстамъ, гдѣ распространялась секта хлыстовъ, вредная секта эта «перестала распространяться»—*по крайней мѣрѣ открыто*, прибавляетъ отчетъ, играя словами и не желая признаться, что секта просто на просто схоронилась отъ архіерея.

Digitized by Google

«Приходское духовенство болѣе и болѣе проникается сознаніемъ долга служить дѣлу просвѣщенія блуждающихъ на темномъ распутьи раскола», говоритъ далѣе отчетъ; а между тѣмъ поволжскіе инородцы, просвѣщенные уже православною вѣрою въ Нижегородской и Рязанской губерніяхъ, дошли, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же отчетъ, «до такого ожесточенія», что имена свои христіанскія перемѣнили на магометанскія, не допускаютъ священниковъ крестить дѣтей, хоронятъ родственниковъ безъ отпѣванія и если продолжаютъ исполнять обряды православные, то лишь изъ *страха гражданской власти*. Духовенство еще только «проникается» все болѣе и болѣе сознаніемъ вести къ просвѣщенію въ религіозно-нравственномъ отношеніи, а между тѣмъ въ Виленской, въ Донской, въ Тобольской епархіяхъ, для увѣщанія раскольниковъ, вызываютъ какого нибудь матроса Русанова и поселенца Ведерникова, обращеніе производится и помимо духовенства. Если отчетъ говоритъ съ похвалою о дѣятельности преосвященныхъ и приходскаго духовенства по части утвержденія вѣры и благочестія, и въ то же время изъ того же отчета оказывается, что пришлось разсылать священникамъ книги, могущія служить *пособіемъ* къ составленію поученій, что духовное начальство, допуская проповѣди безъ предварительной цензуры, ставило однакоже условіемъ, чтобы произнесенныя проповѣди представлялись потомъ цензору или благочинному, которому вмѣнялось въ обязанность доносить «*о ходѣ, направленіи и успѣхахъ проповѣди*». Сверхъ того оказывается, что въ Саратовской епархіи замѣчены были между прихожанами «*недовѣрчивость къ собственнымъ поученіямъ священниковъ*» и нерасположеніе ихъ къ проповѣдямъ, читаемымъ съ церковныхъ каѳедръ и *по тетради*.

«Въ паствѣ не оскудѣваетъ, говоритъ наконецъ отчетъ, но возрастаетъ искони присущій духъ благочестія, народъ перестаетъ ограничиваться однимъ исполненіемъ обрядовъ, но болѣе и болѣе входитъ въ духъ его». Между тѣмъ, въ отвѣтъ на такого рода показаніе вотъ что читаемъ мы въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, рекомендуемыхъ отчетомъ, въ главѣ о литературѣ, какъ органѣ распространенія духовнаго просвѣщенія: редакція взываетъ къ «образованному духовенству епархіи» содѣйствовать ей своими трудами, предлагаетъ цѣлую обширную програму статей, проситъ отцовъ и братій не оставить вѣдомостей своимъ сотрудничествомъ. Отзываясь на такое приглашеніе, священникъ Керенскаго уѣзда— Масловскій шлетъ въ редакцію подробное описаніе необыкновенныхъ родовъ младенца женскаго пола о двухъ головахъ съ четырьмя руками и тремя ногами. Окрещенъ младенецъ, прожившій сутки, съ произнесеніемъ словъ: «крещаются рабы Божіи Екатерины»; спрашиваетъ священникъ, какъ правильнѣе должно было дѣйствовать: крестить ли родившееся какъ одного, или какъ двухъ младенцевъ, къ какому разряду причтъ долженъ былъ отнести его въ статистическомъ отчетѣ? Редакція отвѣтила, что руководствоваться слѣдовало требникомъ Петра Могилы «о крещеніи

Digitized by Google

дивовъ или чадъ родящихся», при чемъ и выписываетъ всю эту замѣчательную статью; что касается до разряда, то вопросъ этотъ, замѣтила она, разрѣшается самою формою статистической вѣдомости; объ уродливости же близнецовъ должно быть внизу только особое примѣчаніе. Вотъ обращикъ статей, содѣйствующихъ духовному просвѣщенію. Какъ не оскудѣвать, къ несчастію, благочестію въ народѣ, какъ народу обращаться къ духу обряда, а не къ внѣшности его, когда и само духовенство, можетъ быть, въ большинствѣ своихъ членовъ не можетъ проникнуться этимъ духомъ! Въ одномъ изъ нумеровъ «Современ. Лѣтоп.», за нынѣшній годъ, нѣкто г. Троицкій, говоря о свободѣ совѣсти, между прочимъ, выразился такъ: «Отсутствіе этого кореннаго закона всякаго образованнаго государства (т. е. закона о свободѣ совѣсти) поставило духовенство Россіи въ положеніе фабрикантовъ, покровительствуемыхъ слишкомъ высокимъ тарифомъ. Какъ послѣдніе мало заботятся о своихъ покупателяхъ, такъ и духовенство, защищаемое духовною цензурою, а не свободой совѣсти, мало заботится о своей паствѣ. Одни предлагаютъ плохіе товары, другое—одни обряды и то плохо отправляемые. Для фабриканта еще служитъ нѣкоторою острасткой контрабанда, а духовная контрабанда есть только лучшій способъ наживы. Вотъ гдѣ корень спячки и равнодушіе духовенства къ своему дѣлу». Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, чтобы могло было стоять дальше, чѣмъ стоитъ православное духовенство отъ всего, что составляетъ душу и жизнь высокаго призванія его. Трудно представить себѣ, чтобы духовенство, которое мы видимъ, въ дѣйствительности было такимъ, какимъ онъ выставляется въ отчетѣ. Можно, напротивъ, дойти даже иногда до сомнѣнія: ужь извѣстны ли, полно, этому духовенству и законъ свободы совѣсти и всѣ тѣ высшіе законы духа, которыми управляется человѣчество. Вотъ какъ описываетъ, на примѣръ, священникъ Полтавской губерніи такъ называемыя имъ «темныя стороны своихъ прихожанъ». Какъ нарочно во время исповѣди, наслушался я, говоритъ онъ, «*разныхъ грубыхъ выраженій*». Кающійся говорилъ на примѣръ: «чѣмъ, батюшка, я согрѣшаю? я ничего за собою не знаю, развѣ только скажешь, что языкомъ», или: «большихъ грѣховъ я не имѣю у себя, развѣ только посердишься на кого», или: «вѣстимо, отецъ духовный, наше дѣло, что ни ступилъ, то согрѣшилъ», или: «въ чемъ согрѣшилъ, въ томъ и каюсь».—«Я колдовства не знаю, душъ не гублю, а больше ничѣмъ не грѣшна», говоритъ десятилѣтняя дѣвочка, или: «исповѣдуй грѣхи свои Господу Богу», говорю я одной взрослой. «Грѣшна батюшка», отвѣчаетъ она.—«Какъ тебя звать?»—«Грѣшна».—«Изъ какого ты двора?»—«Грѣшна».—«Да что ты говоришь?»—«Грѣшна».—«Понимаешь ли ты меня?»—«Грѣшна».—«Прочитай мнѣ молитву.»—«Грѣшна».—«Глуха ты что ли»?—«Нѣтъ, батюшка, я слышу».—«Да что-жь ты не такъ исповѣдуешься, какъ я всѣхъ наставлялъ?» (!?)—«А какъ же тебѣ еще нужно,—наше дѣло темное!»

Digitized by Google

И дѣйствительно темное! Цѣлая картина темнаго царства должна пройти въ воображеніи читателя! Эта исповѣдь, и кающіеся, и этотъ исповѣдникъ, не понимающій, какая собственно изъ двухъ сторонъ самая-то темная: невинная ли въ своемъ непросвѣщеніи страна кающихся, или не снисходящая къ этому непросвѣщенію и обзывающая «грубостью» сторона исповѣдника? Вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣніе, возбужденное въ читателѣ отчетомъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, здѣсь, кажется, должно доходить до высшей своей степени, и еще не отвязнѣе долженъ мучить его вопросъ: до почему же, наконецъ, ради чьего обольщенія печатаются эти отчеты и какую пользу могутъ приносить они въ томъ видѣ, въ какомъ они нынѣ составляются?

Тѣмъ не менѣе, однако же, расшевелившіеся интересы общества побуждаютъ всѣхъ и каждаго, какъ мы сказали вначалѣ, чего-то искать, домогаться. Мы всѣ занимаемся вопросами нашей гражданской жизни, мы всѣ стали заниматься хозяйствомъ, мы всѣ участвуемъ въ томъ или другомъ предпріятіи. Всякое хозяйство между тѣмъ, всякое коммерческое или другое предпріятіе требуетъ представленія въ извѣстные сроки отчета о результатахъ этого предпріятія и хозяйства. Отчетъ, свидѣтельствуя о выгодности или невыгодности предпріятія, долженъ въ то же время дать возможность судить, съ одной стороны, о томъ, на сколько способность, добросовѣстность и дѣятельность лицъ, поставленныхъ во главѣ предпріятія, позволяютъ продолжать его, или о томъ—не требуетъ ли продолженіе его измѣненія извѣстныхъ началъ и условій. Лица, уполномочивающія другихъ на какія либо дѣйствія, и лица уполномоченныя связаны между собою взаимными интересами; одни пользуются услугою, другія за услугу эту получаютъ или отдѣльное вознагражденіе, или участіе въ дѣлѣ. Но съ этимъ вмѣстѣ для первыхъ рождается право требовать отчета въ дѣйствіяхъ уполномоченныхъ, право, границы коего закрѣплены контрактомъ, довѣренностію или уставомъ, для вторыхъ рождается обязанность этотъ отчетъ представлять со всѣми тѣми подробностями, которыя пожелали бы знать ихъ довѣрители, и съ подкрѣпленіемъ всѣхъ данныхъ такими фактическими доказательствами, за вѣрность которыхъ находились бы всегда отвѣтчики.

Переводя такіе взгляды на отчеты офиціальные, общество, само собою разумѣется, въ правѣ ожидать отъ нихъ соблюденія тѣхъ же самыхъ условій, сопряженныхъ притомъ съ извѣстными послѣдствіями на случай несоблюденія ихъ. Но здѣсь и является та громадная разница, которая существуетъ между отчетомъ частнымъ и отчетомъ офиціальнымъ.

Отвѣтственность исполнителя, измѣряемая контрактомъ, довѣренностію, или уставомъ, требующими подписи своего имени, не то, что отвѣтственность безличнаго учрежденія, утвержденнаго закономъ, не требующимъ никакой подписи. На сколько въ первомъ случаѣ наступаетъ быстрая развязка, возстановленіе имущественныхъ правъ и кара лицу, нарушив-

Digitized by Google

шему довѣріе фальшивымъ отчетомъ, на столько, при существующихъ условіяхъ, во второмъ случаѣ отчетъ не можетъ служить мѣриломъ способности дѣятелей, мѣриломъ успѣха или не успѣха, состоятельности или несостоятельности дѣла. Отвѣтственный лишь передъ одной формальной, внѣшней стороною закона, исполнитель его можетъ обратить отчетъ свой въ нѣчто совершенно удаленное отъ жизни и дѣйствительности, а черезъ это отчетъ можетъ не только не служить къ разъясненію различныхъ, интересующихъ общество, вопросовъ и положеній, но можетъ, напротивъ, сдѣлаться источникомъ всякихъ ошибокъ и самообольщеній.

ССУДНЫЯ ТОВАРИЩЕСТВА.

А. В. Яковлевъ, въ замѣчательномъ своемъ докладѣ о ссудныхъ товариществахъ, въ засѣданіи 27 декабря прошлаго года, на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, высказалъ, между прочимъ, слѣдующую мысль, съ которой, безъ сомнѣнія, всякій согласится и никто оспаривать не будетъ: «Обновить силы массы, дать ходъ правильному развитію ея жизни могутъ только школа, кредитъ и улучшенное земледѣліе». Дѣйствительно, всѣ эти три задачи составляютъ насущный вопросъ дня и требуютъ неотложнаго и настоятельнаго разрѣшенія.

Въ этомъ убѣждены всѣ мыслящіе люди въ обществѣ, къ этому стремятся всѣ лучшіе дѣятели земства; понятно, что на обязанности всякаго органа печати, не расходящагося съ требованіями дѣйствительной жизни, лежитъ серьезная задача принести посильный трудъ въ разработкѣ этихъ вопросовъ. Мы уже затронули въ первой книжкѣ нашего журнала вопросъ о народномъ образованіи,—здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о ссудныхъ товариществахъ.

На первый разъ мы ограничимся сообщеніемъ печатнаго протокола съѣзда сельскихъ хозяевъ при московскомъ обществѣ, гдѣ въ засѣданіи 27 декабря 1870 года разсматривался вопросъ о сельскомъ кредитѣ и ссудныхъ товариществахъ: на этомъ засѣданіи выслушаны были: весьма важный докладъ А. В. Яковлева и интересныя сообщенія кн. А. И. Васильчикова и Н. П. Колюпанова (записка, присланная въ общество и напечатанная въ протоколѣ).

Намъ всего больше понравилось въ докладѣ г. Яковлева, что онъ черпалъ свои данныя и свои доводы въ нашей русской жизни, отстра-

Digitized by Google

нивъ избитые примѣры изъ практики иноземной, имѣющей свои мѣстныя условія и потребности. Мы не хотимъ этимъ сказать, что западные примѣры и идеалы намъ не нужны и что наше развитіе должно совершаться какимъ-то особымъ, своеобразнымъ путемъ, создавать оригинальныя формы, невѣдомыя остальному міру. Но мы думаемъ, что у насъ какъ и вездѣ— общественная и литературная дѣятельность тогда только будетъ истинно плодотворна, когда корень ея выйдетъ изъ своей родной почвы, когда общечеловѣческіе принципы науки и жизни пріурочены будутъ къ нашимъ собственнымъ условіямъ мѣста и времени, вслѣдствіе близкаго знакомства съ народомъ, съ его желаніями и проявленіями, а не тогда, когда изъ другой среды переносятся учрежденія, для той среды, гдѣ они выросли, вполнѣ пригодныя, съ точки зрѣнія міроваго прогреса вполнѣ желанныя, но увы!... для насъ не подходящія, отвергаемыя обществомъ и потому не приносящія никакихъ плодовъ. И потому мы вполнѣ сочувствуемъ г. Яковлеву и вѣримъ ему, когда онъ, отдавая въ дѣлѣ народнаго кредита преимущество ссуднымъ товариществамъ, говоритъ:

«Защищая ихъ и отдавая имъ преимущество передъ другими формами, я не буду приводить примѣровъ существованія ихъ въ Германіи. Я предполагаю, что самыя начала, на которыхъ они основаны, и тѣ условія, въ которыхъ ихъ приходится примѣнять, заключаютъ въ себѣ столько справедливаго, что никакихъ опытовъ германскихъ, никакихъ примѣровъ не нужно будетъ для того, чтобы убѣдить въ пользѣ и преимуществѣ ихъ предъ другими формами».

Мы должны отдать полную справедливость г. Яковлеву, что онъ въ своемъ докладѣ съумѣлъ защитить избранную имъ форму отъ нареканій, которыми она была встрѣчена при первомъ появленіи, и собранными примѣрами изъ недавней практики возникшихъ у насъ ссудныхъ товариществъ успѣлъ убѣдить въ пользѣ и въ сочувствіи къ нимъ какъ со стороны земства, такъ и со стороны народа, массы, для которой онѣ учреждаются.

Говорить о необходимости у насъ сельскаго кредита, — совершенно излишне, ибо въ этомъ всѣ убѣждены. Невѣрующіе могутъ прочесть въ самомъ докладѣ г. Яковлева очень коротенькое, но вполнѣ ясное и рельефно изложенное доказательство необходимости сельскаго кредита и примѣры обременительнаго роста (процентовъ), въ настоящее время гнетущаго крестьянское населеніе. Чтобы понять всю цѣну дешеваго кредита въ нашемъ сельскомъ быту, достаточно указать на примѣръ, приведенный кн. Васильчиковымъ. Въ Череповскомъ уѣздѣ (Новгородской губ.) распространено кустарное производство шлянъ; при этомъ, если крестьянинъ можетъ самъ купить шерсти, то онъ въ два мѣсяца получаетъ за свой трудъ 6 р.; а если не имѣетъ денегъ, крестьянинъ работаетъ на хозяина, то въ то же время онъ выработываетъ 3 р., т. е. *вдвое менѣе*. Безъ всякаго сомнѣнія, подобная пропорція существуетъ въ

Digitized by Google

большинствѣ крестьянскихъ промысловъ; а у насъ, по климатическимъ условіямъ, очень мало мѣстностей, гдѣ крестьянинъ, въ зимнее время, не былъ бы принужденъ поддерживать свое хозяйство какимъ нибудь промысломъ. Вотъ почему ссудныя товарищества, доставляющія необходимый въ крестьянскомъ быту краткосрочный кредитъ на самыхъ доступныхъ и выгодныхъ условіяхъ,—признаются для насъ лучшею и самою соотвѣтственною формою сельскаго или народнаго кретита. Но противъ товариществъ вооружились, на первыхъ порахъ, многіе сторонники крестьянской общины и сочувствующіе ей печатные органы, отдавая предпочтеніе волостнымъ банкамъ, доставляющимъ кредитъ цѣлому населенію, тогда какъ товарищества предлагаютъ его только избранному кружку. Вотъ что говоритъ въ своемъ докладѣ г. Яковлевъ:

«Защитники волостныхъ банковъ и противники товариществъ основываютъ свои возраженія на томъ, что сельскіе волостные банки могутъ идти, а товарищества—вещь не испробованная; что наши крестьяне не способны къ самостоятельному веденію такого дѣла, что самый способъ собиранія капиталовъ посредствомъ паевъ не въ состояніи дать достаточно денегъ, и что на этомъ основаніи товариществамъ не предстоитъ будущности, а что единственный способъ доставить кредитъ—это волостные банки. Противъ этихъ возраженій, конечно, возражать трудно. Возраженіемъ имъ могутъ быть только факты. Когда товарищества укрѣпятся и представятъ крупную цифру, возраженія падутъ, и лица, высказывающія ихъ, сами откажутся отъ нихъ. Но есть другое возраженіе, имѣющее болѣе существенное значеніе. Оно заключается главнымъ образомъ въ томъ, что волостные банки суть учрежденія, такъ сказать, вытекающія изъ самого духа общественнаго устройства нашихъ крестьянъ, и что товарищества въ состояніи подорвать этотъ общинный духъ на томъ основаніи, что товарищества учреждаются не по общественному приговору, составляютъ дѣло не волости, а нѣсколькихъ единичныхъ личностей, соединяющихся въ группу. Такимъ образомъ защитники волостныхъ банковъ видятъ въ нихъ сохраненіе общиннаго духа и считаютъ систему устройства товариществъ подрывающею этотъ духъ. Отсюда является вопросъ: дѣйствительно ли волостные банки въ состояніи поддержать общинный духъ и дѣйствительно ли товарищества подрываютъ этотъ духъ?—Съ перваго взгляда, дѣйствительно все какъ будто бы склоняется въ пользу волостныхъ банковъ. Волостные банки учреждаются по общественному приговору, на общественныя деньги, въ выборѣ правленія участвуетъ цѣлое сельское общество, учреждаются они для всѣхъ членовъ волости. Такимъ образомъ, съ перваго взгляда, съ формальной стороны, волостной банкъ представляется учрежденіемъ, какъ-бы дѣйствительно разливающимъ кредитъ между всѣми крестьянами; товарищество, съ перваго взгляду, какъ будто противорѣчитъ этому. Оно допускаетъ въ свою среду членовъ только по баллотировкѣ и по строгой оцѣнкѣ ихъ способности. Но если мы вникнемъ въ душу волостнаго банка и кредитнаго товарищества, то мы тогда придемъ къ убѣжденію, что скорѣе волостной банкъ въ состояніи подорвать духъ общиннаго интереса, чѣмъ товарищество. Нужно сказать, что волостные банки дѣйствительно учреждаются на общественные капиталы, но затѣмъ, все веденіе дѣла поручается избраннымъ лицамъ,—правленію, которое нисколько не заинтересовано въ немъ лично. Затѣмъ, каждый членъ общества, утвердившаго приговоръ объ учрежденіи банка, относится къ этому банку на столько, на сколько это касается его личнаго интереса. Иначе и быть не можетъ, потому что самый кредитъ по существу

Digitized by Google

своему есть начало единичное, каждое лицо имѣетъ въ немъ свой личный интересъ. Непремѣннымъ послѣдствіемъ совершеннаго отсутствія въ волостныхъ банкахъ чего нибудь связующаго этотъ личный интересъ является формальность отношеній къ нему членовъ общества. Самый контроль дѣлается одною формальностью, а банкъ дѣлается источникомъ цѣлаго ряда злоупотребленій. Примѣры существующихъ въ Россіи 2 или 3 тыс. волостныхъ банковъ подтверждаютъ эти слова. Волостные банки, основанные правительствомъ или съ помощью правительства, съ освобожденіемъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ ихъ обязательныхъ отношеній, большею частью уничтожались. Волостные же банки, которые остались, существуютъ только на бумагѣ. Капиталы, разъ пожертвованные обществомъ на этотъ банкъ, розданы крестьянамъ, и затѣмъ никто не считаетъ обязаннымъ возвращать ихъ въ банкъ обратно. Такимъ образомъ банки эти существуютъ только на бумагѣ, не имѣя ни гроша денегъ и не имѣя ни возможности, ни побудительныхъ причинъ къ взысканію съ своихъ членовъ. Я знаю примѣръ, что цѣлое сельское общество обратилось къ земству съ просьбою принять на себя банкъ и взыскать деньги постепенно съ его же собратій. Они готовы уступить половину своего числящагося на бумагѣ капитала, чтобы хоть что нибудь получить, такъ какъ въ настоящее время они рѣшительно не имѣютъ никакой возможности и никакого желанія другъ съ друга взыскивать. Съ другой стороны, товарищество, основной характеръ котораго заключается въ томъ, что оно составляется вслѣдствіе опредѣлившагося, такъ сказать, сознанія у извѣстной группы лицъ безсилія каждой одиночной личности и необходимости соединенія для пріобрѣтенія силъ, посредствомъ принятія на себя извѣстныхъ взаимныхъ обязательствъ,—товарищество, говорю я, представляетъ болѣе элементовъ общественнаго интереса, чѣмъ волостной банкъ. Лично взятый, каждый членъ общества, поступая въ него, принимаетъ на себя круговую поруку, извѣстныя обязательства. Такъ какъ тамъ лежатъ лично ему принадлежащія деньги, то онъ, лично интересуется общимъ дѣломъ и такимъ образомъ привыкаетъ мало-по-малу къ веденію общественнаго дѣла. Такимъ образомъ, сравнивая волостные банки съ товариществами, я положительно нахожу, что товарищество представляетъ въ себѣ несравненно болѣе живой элементъ, несравненно болѣе связующаго отдѣльные интересы, несравненно болѣе вызывающаго общественный духъ. Развитіе товариществъ нисколько не подорветъ общественнаго начала, а напротивъ оживитъ его, дастъ ему сознательное значеніе. Я положительно думаю, что указанныхъ мною преимуществъ товарищества предъ волостными банками, какъ со стороны практической, такъ и общественной, достаточно для того, чтобы признать второе возраженіе лишеннымъ серьознаго значенія».

Къ этимъ совершенно справедливымъ словамъ г. Яковлева, въ назиданіе нашимъ либераламъ, мы прибавимъ, что теперешняя крестьянская община, которую они всѣми силами поддерживаютъ и въ которой они видятъ свой идеалъ,— прежде всего есть община *обязательная*, насквозь проникнутая закаломъ крѣпостнаго права, подъ вліяніемъ котораго она прожила не одно столѣтіе. Въ нее каждый членъ поступаетъ по праву рожденія и въ ней утрачиваетъ всякую личную свободу, ибо, при всей личной невозможности оставаться въ ней, разъ въ нее попавшій можетъ освободиться только при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Такъ или иначе, эта обязательная община, чтобъ утвердить за личностью неотъемлемую долю ея свободы, должна перейти въ *свободную общину*, гдѣ лица соединяются не по праву рожденія, а по сознанію солидарности своихъ

Digitized by Google

интересовъ и откуда выходъ вполнѣ обезпеченъ, какъ скоро членъ не находитъ въ своей общинѣ удовлетворенія тѣхъ своихъ интересовъ, во имя которыхъ онъ къ ней присоединился. Товарищества представляютъ самый скорый, удобный и безопасный способъ перехода обязательной крестьянской общины въ свободную тамъ, гдѣ всѣ крестьяне достаточно разовьются и поймутъ выгоду кредита,—что весьма просто и можетъ вскорѣ случиться. Къ первоначальному ядру товарищества постепенно примкнетъ цѣлая волость, такъ что волость и товарищество, при развитіи у насъ общиннаго духа, непремѣнно постепенно сольются; и слѣдовательно, рядомъ съ обязательною крестьянскою общиною, возникнетъ готовая свободная экономическая община, на которую стоитъ только перенести административное и политическое значеніе, чтобы фактъ обновленія теперешней не свободной общины, которой будущее не можетъ быть прочно и долговѣчно, въ силу непреложнаго закона стремленія къ свободѣ,—осуществился вдругъ и всецѣло, безъ малѣйшаго перерыва и опасности, неминуемыхъ, если такой переходъ не приготовленъ и практическая форма его не дана народу заблаговременно. Западныя европейскія общины разложились не столько въ силу внѣшняго давленія, сколько въ силу внутренней несостоятельности, ибо онѣ были такія же обязательныя и крѣпостныя, какъ и наша. Бѣда западныхъ общинъ состояла въ томъ, что при ихъ разложеніи, народная жизнь еще не выработала свободныхъ формъ общежитія, явившихся впослѣдствіи, въ силу потребности къ единенію обособленныхъ и разъединенныхъ единицъ, высвободившихся изъ разрушенныхъ несвободныхъ общинъ. У насъ несвободная община удержалась долѣе и на столько счастливѣе, что имѣетъ предъ собою уже готовыя для перехода формы свободныхъ общинъ. Неужели же разумно и цѣлесообразно задерживать благовременное начало этого необходимаго перехода и стараться о сохраненіи обязательной общины со всѣмъ старымъ ея безобразіемъ, только изъ страха, какъ бы и у насъ не случилось того же, что на Западѣ, т. е. чтобы отдѣленные члены разрушенныхъ общинъ не подпали кабалѣ феодальной или промышленной, останавливающей развитіе нравственнаго и экономическаго уровня массы! Да поймутъ же, наконецъ, либералы, изучившіе чужую исторію и не знающіе своей, живущіе въ прошедшемъ и слѣпые въ настоящемъ, что теперь время не то, люди другіе, обмѣнъ сношеній совершается иначе выдвигаются другія задачи, предлагаются новые способы рѣшенія, однимъ словомъ, что въ исторіи человѣчества ни одинъ моментъ не повторяется вполнѣ одинаково, и что всѣ посылки отъ прошедшаго, если онѣ и имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое важное значеніе, то никоимъ образомъ не могутъ служить нормою для народной жизни другаго времени и другаго народа.

Между тѣмъ, г. Елисѣевъ, въ рецензіи на книгу г. Колюпанова: «Практическое руководство къ устройству сельскихъ и ремесленныхъ

Digitized by Google

банковъ», помѣщенной въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1870 годъ, возставая противъ ссудныхъ товариществъ, основанныхъ на началѣ самодѣятельности, за то, что будто бы «они дадутъ только хорошихъ фермеровъ для помѣщичьихъ имѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ подѣйствуютъ ни распущеніе русской общины и на образованіе новаго и такъ давно желаемаго многими класами русскихъ гражданъ—батраковъ», сводитъ всѣ свои соображенія къ слѣдующему заключенію, надъ которымъ онъ приглашаетъ остановиться земскихъ дѣятелей и избрать любое:

«Если сельскіе банки устроиваются съ тѣмъ, чтобы болѣе или менѣе равномѣрно поднять все наше рабочее населеніе, уничтожить возможность появленія русскихъ батраковъ, сдѣлать нашу поземельную общину цвѣтущею, подобно нѣмецкимъ общинамъ русскихъ колонистовъ, то необходимы и ассоціаціи и кредитные банки на началахъ такъ называемой *государственной помощи*.

«Если же наши сельскіе банки устроиваются для того, чтобы поднять *только* $^4/_{100}$ или $^5/_{100}$ *всего* нашего рабочаго населенія, остальную же массу его отчасти поставить въ положеніе гораздо худшее теперешняго, отчасти прямо обратить въ безземельныхъ батраковъ, русскую поземельную общину распустить, тогда необходимы ассоціаціи и кредитные банки *единственно* на началѣ самодѣятельности, съ исключеніемъ всякой государственной помощи».

Во первыхъ, это—фактически не вѣрно. Въ старѣйшемъ у насъ (съ 1864 года) Рождественскомъ ссудномъ товариществѣ считается 203 члена и число ихъ увеличивается, а во всей Рождественской волости числится 2,000 ревизскихъ душъ, въ томъ числѣ и несовершеннолѣтніе, которые не могутъ быть членами товарищества: это ужь не $^4/_{100}$ или $^5/_{100}$, а значительный процентъ, чуть не большинство домохозяевъ, такъ что Рождественское товарищество фактически подтверждаетъ наше предположеніе, что со временемъ волость сама собою сольется съ товариществомъ. Во вторыхъ, ожиданія, что правительство или земство вдругъ откроетъ во всѣхъ волостяхъ банки съ капиталомъ достаточнымъ для удовлетворенія нуждъ всего крестьянскаго населенія,—это такая несбыточная мечта, о коей и разсуждать серьезно не приходится. Откуда правительство или земство возьметъ нужный для того капиталъ? Его можно собрать единственно путемъ налога, а личній налогъ у насъ упадаетъ прежде и сильнѣе всего на крестьянское сословіе, составляющее около 96% всѣхъ плательщиковъ,—слѣдовательно, чтобы помочь крестьянамъ, нужно будетъ прежде всего обложить ихъ же самихъ, не смотря на то, что вся ихъ бѣдность и происходитъ именно вслѣдствіе излишней тягости существующихъ уже податей. Нечего сказать, хорошій способъ организаціи кредита! Если же обложить 4% достаточныхъ плательщиковъ, то на сколько должно будетъ возвысить съ нихъ налогъ, чтобы покрыть нужды массы въ 96%?! Но положимъ, что государство или земство нашло деньги,—и въ этомъ случаѣ волостные банки принесутъ несравненно менѣе пользы. Товарищество именно тѣмъ важно, что оно собираетъ первоначальное ядро болѣе развитыхъ и состоятельныхъ членовъ общины, образуя изъ нихъ сознательное цѣлое, гдѣ каждый является разум-

Digitized by Google

нымъ участникомъ общаго дѣла: такое общество само по себѣ представляетъ задатки прочности и служитъ лучшею школою, воспитывающею массу для совокупной экономической, общественной и политической дѣятельности. Волостное общество или волостной сходъ,—масса лицъ, случайно образовавшаяся вслѣдствіе физическаго нарожденія, какъ указываетъ горькій опытъ,—не способно къ самодѣятельности, въ немъ преобладаютъ обыкновенно крикуны или міроѣды, кулаки или прощалыги, вокругъ которыхъ собирается все апатичное, приниженное, неразвитое и лѣнивое, все неспособное къ самодѣятельности и работѣ мысли и слова.

Оттого приговоры волостныхъ сходовъ всегда представляются не результатомъ обсужденія большинства или даже руководящаго меньшинства, а выраженіемъ воли начальства, отъ посредника и мѣстной полиціи, до волостнаго писаря. При такомъ развитіи массы, волостной сходъ отнесется столь же апатично и безсознательно и къ дѣлу сельскаго кредита, такъ что на самомъ дѣлѣ волостные банки подпадутъ безконтрольному произволу ближайшей крестьянской администраціи, и дѣло сельскаго кредита заглохнетъ на первыхъ же порахъ, не принеся никакихъ существенныхъ результатовъ. А потому мы признаемъ въ высшей степени не благоразумнымъ и близорукимъ,—изъ желанія доставить кредитъ наибольшему числу лицъ и сохранить общину, которую будто бы подрываютъ ссудныя товарищества, чего, какъ мы видѣли, на дѣлѣ не существуетъ,—преслѣдовать несбыточную мечту повсемѣстнаго учрежденія волостныхъ банковъ съ помощью правительства или земства, и во имя этого тормозить учрежденія ссудныхъ товариществъ, опирающихся на самодѣятельность массы, товариществъ, не только возможныхъ, но уже принесшихъ на самыхъ первыхъ порахъ обильные и утѣшительные результаты. А для того, чтобы товарищества не сдѣлались орудіемъ для кулаковъ и міроѣдовъ, чтобы съ помощью товариществъ послѣдніе не воспользовались предлагаемымъ средствомъ и такимъ образомъ не получили возможности еще сильнѣе и безнаказаннѣе угнетать поставленную отъ ихъ въ зависимость остальную массу, достаточно самой простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ надежной гарантіи: въ образцовомъ уставѣ ссудныхъ товариществъ, напечатанномъ въ брошюрѣ гг. Яковлева и Лугинина, и принятомъ большинствомъ земскихъ собраній,—кредитъ для всѣхъ членовъ назначенъ равный, и слѣдовательно, кулаки, поставленные въ совершенно одинакія условія со всѣми членами товарищества, не могутъ злоупотреблять правомъ кредита.

Мы не будемъ останавливаться надъ изложеніемъ сущности устройства ссудныхъ товариществъ и главнѣйшихъ вопросовъ, ихъ касающихся; читатели найдутъ подробныя на то указанія въ самомъ протоколѣ общества. Мы полагаемъ, что публика болѣе или менѣе уже ознакомилась съ этимъ дѣломъ, о которомъ такъ много толковалось въ послѣднее время. Для лицъ же, желающихъ серьезно имъ заняться и практически помочь

Digitized by Google

начавшемуся движенію, рекомендуемъ брошюру гг. Яковлева и Лугинина: «Сельскія ссудныя товарищества» и сочиненія: Н. П. Колюпанова (Практическое руководство къ устройству сельскихъ и ремесленныхъ банковъ) и А. В. Яковлева (Очеркъ народнаго кредита въ западной Европѣ и Россіи); мы не думаемъ, чтобы безъ этихъ пособій могъ обойтись тотъ, кто захочетъ основательно изучить настоящее дѣло. Мы перейдемъ прямо къ указанію тѣхъ фактовъ, о которыхъ заявлено было въ засѣданіи московскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ.

Утѣшительно видѣть, что ссудныя товарищества, на первыхъ же порахъ, приняты подъ покровительство земствомъ: въ настоящее время въ Харьковѣ уже выработанъ проектъ товариществъ; въ Тульской губ., въ Новосильскомъ уѣздѣ, ассигновано на этотъ предметъ 3 т. р.; въ Московской губерніи, въ Подольскомъ уѣздѣ, 5 т. р.; въ Ярославской 15 т. р.; въ Новгородской губ., сверхъ 14 т., ассигнованныхъ лѣтомъ, ассигновано еще 15 т. р.; въ Псковской губ. 5 т.; въ Тверской губ. 45 т. р.; въ Костромской губерніи 36 т. р. Кромѣ того есть свѣдѣнія, что мѣстная администрація заботится объ устройствѣ товариществъ въ Сѣверо-западномъ краѣ и въ Оренбургской губерніи (изъ суммъ башкирскаго капитала).

Первое ссудное товарищество, Рождественское, образовавшееся 5 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время имѣетъ слишкомъ 200 членовъ; оно имѣетъ паевыхъ взносовъ 2.650 р. и выдало въ теченіи послѣдняго года 12 т. р. ссуды крестьянамъ. Этотъ первый опытъ, существовавшій безъ подражанія въ теченіи 5 лѣтъ, сталъ наконецъ вызывать устройство новыхъ товариществъ. Въ настоящее время правительствомъ утверждено уже 16 уставовъ; изъ нихъ половина относится къ Новгородской губерніи; кромѣ того существуетъ товарищество въ Гдовскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи; въ Ветлугскомъ уѣздѣ, гдѣ г. Лугининымъ открыто было первое ссудное товарищество подъ именемъ Рождественскаго, крестьяне Пыщугской волости отдѣлили изъ мірскихъ суммъ 2.000 руб. сер. и основали ссудное товарищество, уставъ котораго черезъ начальника Костромской губ. представленъ на утвержденіе министра финансовъ. Кромѣ того, имѣется въ виду открытіе трехъ ссудныхъ товариществъ: двухъ въ городѣ, въ средѣ мѣщанскаго населенія, и одного въ Тоншаевской волости, населенной черемисами, по собственной иниціативѣ крестьянъ, тамъ живущихъ; товарищество учреждается также въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. О новгородскомъ товариществѣ кн. Васильчиковъ передаетъ слѣдующія интересныя подробности:

По иниціативѣ губернской управы, созвано было экстренное губернское собраніе въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Новгородѣ. Собраніе это ассигновало на открытіе ссудныхъ товариществъ 14.500 р., и потомъ слѣдующее собраніе прибавило еще 15.000. «Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года состоялось первое постановленіе нашего собранія; мы принялись прилагать его, но по сихъ поръ свѣдѣнія очень сбивчивы. Я могу только представить теперь отчетъ о 5 товариществахъ, которыя я успѣлъ изслѣдовать. Устроилось ихъ гораздо больше

Digitized by Google

и ежедневно поступаютъ въ управу новыя просьбы объ открытіи товариществъ. Но о 5-ти я могу представить нѣкоторыя свѣдѣнія. Одно товарищество, Холмовское, основано подъ самымъ Новгородомъ при сельской учительской школѣ, которая отстоитъ въ 2 верстахъ отъ города. Тутъ попечителемъ назначенъ директоръ этого училища и родилась такая мысль, чтобы слить въ одно товарищество нѣкоторыхъ учителей, служащихъ при школѣ, чиновниковъ губернской управы и крестьянъ сосѣднихъ волостей. Но я долженъ уже нынѣ, послѣ 2-хъ мѣсячнаго опыта, заявить, что эта комбинація совершенно не удалась, т. е. не такъ, чтобы дѣло разстроилось, оно пошло очень быстро; но сейчасъ уже крестьяне заявили желаніе, что они отъ прочихъ господъ хотятъ отдѣлиться, и теперь рѣчь идетъ о томъ, чтобы именно раздѣлить это товарищество на два. Другія товарищества основаны въ Череповскомъ уѣздѣ и изъ нихъ два именно учреждены въ мѣстностяхъ очень промышленныхъ, гдѣ народонаселеніе занимается сельскимъ хозяйствомъ и при этомъ кузнечествомъ, молотобойствомъ, сапожнымъ ремесломъ; третье, наконецъ, именно въ той мѣстности, гдѣ я имѣю жительство, и два другихъ еще, всѣхъ три, учреждено въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне никакими промыслами не занимаются, кромѣ земледѣлія,—мѣстности довольно глухой, гдѣ народъ имѣетъ развитія не больше, какъ во всѣхъ другихъ полосахъ Россіи и гдѣ земледѣліе составляетъ единственный промыселъ и источникъ доходовъ. Всѣ товарищества были открыты въ ноябрѣ, и уже по истеченіи мѣсяца представляютъ слѣдующіе результаты: членовъ учредителей было сравнительно очень немного, потому что мы опасались, чтобы съ первыхъ поръ не открыть, можно сказать, дверь настежъ и не допустить въ это товарищество такихъ лицъ, которыя послѣ могли бы имѣть дурное вліяніе и вообще не были бы одобрены своими же товарищами. По этому мы старались ограничить число этихъ первоначальныхъ членовъ, которые не выбирались, а набирались. Число это было въ одномъ товариществѣ 60, въ другомъ 63, въ третьемъ 48, въ четвертомъ 39, въ пятомъ 48. Въ настоящее время число это уже возрасло, въ 5 товариществахъ, до 514 человѣкъ. Основнаго капитала дано отъ земства было въ одномъ 3.000 р., въ другомъ 1.500 р., въ прочихъ 3-хъ по 1.000 р., всего 7.500 р. Паевыхъ взносовъ получено 1.025 р., удержано процентовъ за ссуду 471 р., получено вкладовъ 267 р., сдѣлано частныхъ займовъ изъ постороннихъ суммъ за % 702 р.; итого въ теченіе перваго мѣсяца при основномъ капиталѣ въ 7.500 р. оборотъ достигъ въ 5 товариществахъ до 9.143 р.»

Кромѣ того въ Новгородѣ принята была слѣдующая, весьма важная и раціональная мѣра, о которой кн. Васильчиковъ говоритъ:

«Возникъ важный вопросъ: можетъ ли обойтись это дѣло безъ всякаго надзора довѣренныхъ лицъ отъ земства?—Г. Лугининъ, учредитель перваго банка, отвергая въ принципѣ всякую опеку и всякое попечительство частнаго лица или товарищества надъ ссуднымъ банкомъ, убѣдился самъ изъ опыта и передалъ намъ убѣжденіе въ непримѣнимости этого принципа къ нашему сельскому быту. Поэтому мы приняли въ основаніе, чтобы назначать попечителя на каждое ссудное общество изъ лицъ, знакомыхъ земству, уѣздному или губернскому, но оставлять его только столько времени, сколько товарищество будетъ задерживать этотъ капиталъ, ссуженный отъ земства. Значитъ, если товарищество найдетъ возможнымъ черезъ годъ или два возвратить этотъ ссудный капиталъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно избавляется отъ всякаго руководства и попечительства земства».

Въ № 16 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей передаются слѣдующія свѣдѣнія о Бѣлозерскомъ ссудномъ товариществѣ въ Новгородской губерніи:

Digitized by Google

«Проектъ устава былъ выработанъ Бѣлозерскимъ земскимъ собраніемъ еще въ сентябрѣ 1869 года, когда, сколько извѣстно, ни одно земство еще не поднимало вопроса о ссудныхъ кассахъ. На основной капиталъ кассы собраніе ассигновало, на неопредѣленное врѣмя, 1.000 рублей изъ денегъ, пожертвованныхъ Государемъ Наслѣдникомъ на пособіе бѣднымъ жителямъ Бѣлозерскаго уѣзда. Касса основана на началахъ взаимнаго кредита (т. е. выдаетъ ссуды только своимъ членамъ), но безъ круговой поруки, а съ отвѣтственностью только въ размѣрѣ паевыхъ взносовъ. Членами кассы могутъ быть всѣ, живущіе или имѣющіе собственность въ городѣ или уѣздѣ. Полный пай члена—51 рубль, изъ которыхъ рубль *вступной* идетъ въ запасный капиталъ. Пай можно вносить и по частямъ, но не менѣе 20 коп. въ мѣсяцъ. На одинъ пай выдается не болѣе 75 рублей. Ссуда выдается на три мѣсяца, да отсрочки дается три мѣсяца. За ссуду берется по 1% коп. съ рубля въ мѣсяцъ, и за отсрочку, въ видѣ пени, по ½ копѣйки. Ссуда выдается по усмотрѣнію правленія: 1) подъ личный кредитъ; 2) подъ поручительство членовъ и постороннихъ лицъ; 3) подъ залогъ фондовъ и билетовъ на вклады и обязательствъ кассы; 4) подъ залогъ другой движимости, какъ-то: скота, хлѣба; причемъ вещи, необходимыя въ домашнемъ быту, оставляются на храненіи и въ пользованіи у заемщиковъ, но только совершается на нихъ формальная закладная; 5) подъ обезпеченіе жалованья, заработной платы, долга на третьемъ лицѣ; 6) подъ обезпеченіе будущихъ продуктовъ; 7) въ случаѣ займа на устройство какого нибудь промышленнаго или торговаго заведенія—подъ обезпеченіе этого заведенія; 8) рабочимъ артелямъ или организованнымъ промышленнымъ и торговымъ обществамъ—подъ ихъ взаимную отвѣтственность; 9) подъ обезпеченіе недвижимой собственности. На практикѣ же огромное большинство ссудъ выдано подъ залогъ скота, небольшая часть—подъ личный кредитъ и очень немного—подъ недвижимую собственность и фонды. Изъ всей суммы барыша 25% идетъ въ запасный капиталъ, а остатокъ выдается пайщикамъ въ видѣ дивиденда.

Вотъ при какихъ условіяхъ дѣйствовала и дѣйствуетъ Бѣлозерская ссудо-сберегательная касса. Объ успѣхѣ ея можно судить по прилагаему отчету со дня открытія ея, 10-го апрѣля 1869 года, по 9-е декабря 1870 года:

Приходъ:			
1) Запаснаго капитала.	424 р.	25	к.
2) Паевыхъ взносовъ	5.361 »	38	»
3) Процентовъ.	587 »	66½	»
4) Вкладовъ.	235 »	75	»
5) Займовъ.	2.469 »	40	»
6) Возвращено ссудъ.	5.235 »	69½	»
	14.314 р.	14	к.
Расходъ:			
1) Выдано ссудъ.	13.960 р.	59	к.
2) На правленіе.	30 »	30	»
3) Возвращено вкладовъ. . . .	20 »	—	»
	14.010 р.	89	к.
На лицо	303 »	25	»

Членовъ кассы 273».

Въ распространеніи ссудныхъ товариществъ принимаютъ участіе, кромѣ земства, и отдѣльныя лица. Такъ намъ извѣстно, что еще въ прошломъ году помѣщикъ Галаганъ пожертвовалъ до 3.000 р. на откры-

Digitized by Google

тіе ссуднаго товарищества въ своемъ имѣніи Полтавской губерніи. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сообщено было свѣдѣніе, что въ городѣ Мстиславѣ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣта православнаго братства, предсѣдателемъ совѣта, архимандритомъ Анатоліемъ, возбужденъ вопросъ о пособленіи, изъ суммъ братства, устройству при волостяхъ уѣзда крестьянскихъ ссудныхъ товариществъ, для доставленія нуждающемуся сельскому люду дешеваго и доступнаго кредита. Архимандритомъ Анатоліемъ намѣчены также главныя начала осуществленія этого дѣла, вообще совпадающія съ оправдавшимися уже на дѣлѣ основаніями, принятыми Рождественскимъ ссуднымъ товариществомъ и, по примѣру его, также новгородскимъ и другими земствами для товариществъ, при ихъ содѣйствіи учреждаемыхъ.

Въ запискѣ г. Колюпанова сообщены слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ устройствѣ кредитныхъ учрежденій въ средѣ горнозаводскаго населенія на Уралѣ:

«Главнѣйшую массу рабочаго населенія, для котораго учрежденіе ссудныхъ товариществъ или вообще устройство рабочаго кредита составляетъ самый жизненный вопросъ, представляютъ уральскіе горные заводы, гдѣ находится 180 т. лицъ мужскаго пола въ предѣлахъ одной Пермской губ., для которыхъ собственныя руки, большею частію, безъ всякаго земельнаго обезпеченія, представляютъ единственное средство пропитанія, такъ что сокращеніе и другія случайности въ ходѣ горнозаводскихъ работъ оставляютъ этихъ людей въ безпомощномъ состояніи западнаго пролетаріата. Въ послѣднюю мою поѣздку на Уралъ, лѣтомъ нынѣшняго года, я убѣдился въ слѣдующемъ:

1) Необходимость ссудныхъ товариществъ на Уралѣ въ такой мѣрѣ настоятельна и такъ глубоко проникла въ сознаніе мѣстнаго населенія, что во многихъ мѣстахъ рабочіе, или стоящіе во главѣ ихъ служащіе при заводахъ сами додумались до учрежденія ссудо-сберегательныхъ кассъ, весьма сходныхъ съ германскими банками по системѣ Шульце-Делича. Таковы частныя горнозаводскія кассы на Тагильскомъ и другихъ Демидовскихъ заводахъ, проектъ, составленный для екатеринбургскихъ рабочихъ мѣстнымъ ремесленнымъ головой г. Персіяниновымъ, и другія попытки. Въ бытность мою въ Тагилѣ, я до нѣкоторой степени участвовалъ въ разработкѣ проекта устава для Тагильскаго ссуднаго товарищества на основаніи Высочайше утвержденнаго Рождественскаго устава, со многими существенными измѣненіями, вызванными особенностями горнаго промысла и мѣстными условіями рабочаго населенія; мнѣ писали, что проектъ этотъ, принятый рабочими, представленъ на утвержденіе пермскаго губернатора, и рабочіе, для открытія товарищества, перенесли до 7.000 руб. сер., накопившихся въ прежде основной частной кассѣ. Вообще всякая попытка къ образованію рабочихъ банковъ, артелей и обществъ потребителей между горнозаводскими рабочими встрѣчается съ несравненно большимъ сочувствіемъ и осуществляется гораздо скорѣе, нежели гдѣ нибудь. Укажу для примѣра на ссудо-сберегательную кассу, соединенную съ школой, возникшую по иниціативѣ бывшаго управляющаго Нижне-Сылвенскимъ заводомъ гр. Стейнбока-Ферморъ г. Семевскаго; на общество потребителей при Кыновскомъ заводѣ гр. Строганова, организованное при содѣйствіи управляющаго г. Рогова; на замѣчательныя въ высшей степени артели выдѣлки зарядныхъ трубокъ и кричнаго производства на Ниже-Туринскомъ казенномъ заводѣ, введенныя управлявшимъ тѣмъ заводомъ

Digitized by Google

горнымъ офицеромъ, Вс. Ал. Латынинымъ. При этомъ не излишнимъ считаю добавить, что горнозаводскія товарищества, съ пособіемъ отъ казны, проектированныя Высочайшимъ положеніемъ объ освобожденіи мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ на казенныхъ горныхъ заводахъ, не смотря на то, что подобныя товарищества открыты на всѣхъ казенныхъ горныхъ заводахъ и фабрикахъ Пермской губ., идутъ весьма плохо и совершенно не удовлетворяютъ своей цѣли, по неопредѣленности слишкомъ широкой программы, въ которую входятъ и благотворительныя пособія рабочему населенію, и заведеніе школъ, и производство ссудъ нуждающимся на счетъ обязательныхъ вычетовъ съ самихъ рабочихъ и равномѣрнаго пожертвованія со стороны казны.

2) Задѣльная плата рабочимъ на Уралѣ постепенно возвышается, и, для постоянныхъ рабочихъ по техническимъ производствамъ, достигаетъ въ настоящее время отъ 75 к. до 1 р. 20 к. за рабочій день; такой заработокъ даетъ возможность горнозаводскимъ рабочимъ составлять сбереженія, а для производительнаго ихъ обращенія и накопленія единственнымъ средствомъ представляется учрежденіе мѣстныхъ ссудныхъ товариществъ.

3) Несравненно болѣе высокій уровень умственнаго развитія въ горнозаводскомъ населеніи и присутствіе на каждомъ заводѣ служащихъ, достаточно подготовленныхъ для всякой простой бухгалтеріи, необходимой при ссудныхъ товариществахъ, устраняетъ самое серьезное неудобство, встрѣчаемое въ другихъ мѣстахъ, а именно недостатокъ людей, достаточно подготовленныхъ для первоначальной постановки ссудныхъ товариществъ среди рабочаго населенія.

4) Единственнымъ мѣстнымъ, но весьма сильнымъ препятствіемъ къ распространенію рабочихъ банковъ среди горнозаводскаго населенія на Уралѣ, представляли сами заводоуправленія или, лучше сказать, главноуправляющіе, стремящіеся вездѣ тормозить подобныя предпріятія самыми насильственными мѣрами, съ понятною цѣлію преградить рабочимъ всякую попытку къ пріобрѣтенію сколько нибудь обезпеченнаго и самостоятельнаго положенія, мѣшающаго постепенному развитію кабальной зависимости. По этому для неотложнаго и быстраго распространенія ссудныхъ товариществъ и вообще рабочихъ банковъ, уральское горнозаводское населеніе представляетъ среду наиболѣе крупную и нуждающуюся, и въ то же время всего болѣе подготовленную и способную; такъ что одно (разумѣется, по возможности дешевое и, если можно, даровое) распространеніе печатныхъ сочиненій о ссудныхъ товариществахъ между тамошнимъ населеніемъ много подвинуло бы дѣло распространенія этихъ полезныхъ учрежденій.»

Ознакомившись изъ сообщеній названныхъ лицъ съ вышеизложенными фактами и данными, съѣздъ сельскихъ хозяевъ, по предложенію А. В. Яковлева, принялъ слѣдующія заключенія:

I. Для успѣха и развитія сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственныхъ промысловъ необходимо распространеніе кредита.

II. Наиболѣе удобная форма кредитныхъ учрежденій для сельско-хозяйственныхъ промысловъ — кредитныя товарищества, учреждаемыя только для мелкаго, личнаго, кратко срочнаго кредита на основаніяхъ одинаковыхъ паевъ и круговой поруки.

III. Для учрежденія и распространенія кредитныхъ товариществъ полезно было бы содѣйствіе земскихъ учрежденій и частныхъ лицъ.

IV. Земскія учрежденія могутъ оказывать свое содѣйствіе, снабжая открывающіяся товарищества необходимымъ имъ на первое время ка-

Digitized by Google

питаломъ посредствомъ ссуды изъ запасныхъ или другихъ имѣющихся въ распоряженіи земства капиталовъ. Ссуды эти должны быть дѣлаемы не иначе, какъ на извѣстный срокъ и за проценты.

V. Содѣйствіе частныхъ лицъ можетъ быть облечено въ форму учрежденія, при московскомъ и другихъ обществахъ сельскаго хозяйства, особыхъ комитетовъ для собиранія и распространенія свѣдѣній о сельскихъ ссудныхъ и промышленныхъ товариществахъ.

Избранная обществомъ коммисія состоитъ изъ 5 лицъ въ Москвѣ: гг. Кошелевъ, кн. Черкаскій, Д. Самаринъ, Перцовъ и Чупровъ; и 5 лицъ въ Петербургѣ: гг. Яковлевъ, кн. Васильчиковъ, Верещагинъ, Мухортовъ и Брылкинъ.

Кромѣ того, въ запискѣ Н. П. Колюпанова, къ сожалѣнію не поспѣвшей во-время и прочитанной 3 января, содержится слѣдующее, по нашему мнѣнію, весьма важное заявленіе:

«Ссудное товарищество, располагающее и достаточнымъ числомъ членовъ и необходимыми капиталами, съ участіемъ въ немъ лица, обезпечивающаго успѣхъ на первое время, для своего существованія требуетъ прежде всего правительственнаго утвержденія. По существующему порядку, всякое ссудное товарищество проектъ своего устава представляетъ, черезъ мѣстнаго начальника губерніи, на сепаратное утвержденіе министра финансовъ.

Путь этотъ, кромѣ того, что онъ слишкомъ длиненъ, весьма неопредѣленный и, во многихъ случаяхъ, весьма не надежный. Прежде всего неопредѣленнымъ представляется вопросъ, кому и въ какой формѣ принадлежитъ инициатива просьбы объ утвержденіи? Послѣ изданія моей книги о сельскихъ банкахъ, я получилъ не одно письмо съ вопросомъ: кто и въ какой формѣ ходатайствовалъ о разрѣшеніи Рождественскаго банка.—и это нисколько не странно. Положимъ, что въ данной мѣстности составилось общество крестьянъ, желающихъ образовать ссудное товарищество. Имѣетъ ли право это общество отъ лица всѣхъ своихъ членовъ или чрезъ избраннаго ими повѣреннаго прямо обратиться къ начальнику губерніи и просить о надлежащемъ утвержденіи? Въ законѣ нѣтъ на это положительнаго запрещенія, но нѣтъ и положительнаго разрѣшенія: а между тѣмъ существуетъ статья Свода законовъ, по которой всякая просьба нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ признается *скопомъ* и *заговоромъ*. Статья эта въ прежнее время находила самое разнообразное примѣненіе именно въ отношеніи къ крестьянамъ, и потому не удивительно, что особенно въ отдаленныхъ уѣздахъ общество крестьянъ никогда не посмѣетъ обратиться къ начальнику губерніи безъ посредства какого нибудь административнаго лица, въ родѣ на пр. посредника, отъ личнаго взгляда котораго на дѣло зависитъ весь его успѣхъ на первыхъ же порахъ. Но, положимъ, что просьба въ томъ или другомъ видѣ принята начальникомъ губерніи: обязанъ ли онъ дать ей сколько нибудь опредѣленное движеніе? Нисколько! Костромской губернаторъ просьбу пышугскихъ крестьянъ прямо представилъ министру финансовъ, а точно такая же тагильскихъ рабочихъ отослана на предварительное заключеніе мѣстнаго исправника *). Вотъ почему я осмѣлился выразиться, что нынѣ указанный путь весьма неопредѣлен-

*) Намъ извѣстно, что съ іюня мѣсяца прошлаго года ходатайство тагильскихъ рабочихъ, тогда уже поступившее къ пермскому губернатору, до сихъ поръ не дошло до министерства финансовъ!!?

Digitized by Google

ный и ненадежный. Земство новгородское и костромское ходатайствуютъ о предоставленіи губернскимъ земскимъ управамъ права утвержденія ссудныхъ товариществъ, образующихся съ участіемъ земства. Но кромѣ того, что ходатайство это ограничивается однимъ разрядомъ ссудныхъ товариществъ и не распространяется на другія, едва ли правительство, какъ скоро оно признало земскія учрежденія въ такой степени частными и лишенными всякаго правительственнаго значенія, что даже лишило ихъ права безплатной почтовой пересылки, разрѣшенной всѣмъ частнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ,—едва ли, говорю я,—правительство согласится передать изъ своихъ рукъ право утвержденія ссудныхъ товариществъ земству, не смотря на то, что участь ссудныхъ товариществъ, самимъ земствомъ основанныхъ, ближе всего къ нему самому.

Между тѣмъ сокращеніе нынѣ существующей длинной и невѣрной процедуры въ утвержденіи ссудныхъ товариществъ и сельскихъ банковъ всякаго рода и замѣна слишкомъ высокой и отдаленной иниціативы, каково министр. финанс., какимъ либо мѣстнымъ учрежденіемъ, котораго роль въ настоящемъ случаѣ была бы строго опредѣлена разъ на всегда общимъ законодательствомъ, представляется такой существенной и настоятельной потребностію, безъ удовлетворенія которой не мыслимо сколько нибудь прочное и быстрое у насъ распространеніе ссудныхъ товариществъ и вообще кредитныхъ учрежденій для народа. Еслибы общество сельскаго хозяйства, ставъ на эту точку зрѣнія, вошла съ надлежащимъ о томъ ходатайствомъ къ правительству, то такое пособіе настоящему дѣлу принесло бы существенные и громадные плоды.

Въ Пруссіи законодательство утвердило разъ навсегда нормальный уставъ ссудныхъ товариществъ и другихъ кредитныхъ учрежденій для народа, въ такихъ широкихъ и общихъ рамкахъ, гдѣ находятъ мѣсто всѣ подробности, обусловленныя мѣстными условіями и потребностями. Затѣмъ частное утвержденіе всякаго возникающаго ссуднаго товарищества предоставлено мѣстнымъ торговымъ судамъ въ нотаріальномъ порядкѣ.

Соображаясь съ этимъ, было бы полезно и у насъ:

1) Составить въ министерствѣ и утвердить законодательнымъ порядкомъ на первый разъ уставъ ссудныхъ товариществъ или сельскихъ банковъ въ столь же широкихъ и общихъ рамкахъ.

2) Предоставить утвержденіе вновь возникающихъ ссудныхъ товариществъ въ нотаріальномъ порядкѣ мировымъ судьямъ и состоящимъ при окружныхъ судахъ нотаріусамъ.»

Одна часть этого предложенія, къ счастію, уже исполнилась: намъ извѣстно, что въ министерствѣ финансовъ дѣятельно занимаются составленіемъ нормальнаго устава для ссудныхъ товариществъ, и петербургскій отдѣлъ коммисіи, избранной московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, имѣлъ уже нѣсколько совѣщаній съ лицами, которымъ поручено составленіе нормальнаго устава. Остается пожелать, чтобы правительство изъявило свое согласіе на утвержденіе товарищества, согласно съ нормальнымъ уставомъ, безъ всякой проволочки, на мѣстахъ, нотаріальнымъ порядкомъ.

Мы убѣждены, что вопросъ ссудныхъ товариществъ получилъ серьезное движеніе и не остановится, не замретъ, какъ многое у насъ, о которомъ шумятъ сначала и забываютъ потомъ. Учрежденію у насъ ссудныхъ товариществъ сочувствуетъ правительство. Министръ финансовъ послѣднюю рѣчь свою въ совѣтѣ государственныхъ кредитныхъ установленій

Digitized by Google

(21 октября 1870 года) заключаетъ такъ: «полезное, учрежденное въ 1865 году Рождественское ссудно-сберегательное товарищество послужило примѣромъ для устройства подобныхъ же товариществъ въ другихъ мѣстностяхъ. Основная мысль сихъ учрежденій заключаетъ въ себѣ, что каждый отдѣльный рабочій земледѣлецъ или ремесленникъ, а также мелкій торговецъ, съ трудомъ и лишь съ большими пожертвованіями можетъ достать въ займы необходимый капиталъ, для поддержанія и усиленія своего промысла, такъ какъ лично такой заемщикъ не внушаетъ довѣрія капиталисту. Не только дурное употребленіе занятыхъ денегъ, но и болѣзнь или смерть заемщика можетъ лишать капиталиста выданной имъ суммы. Но какъ скоро нѣсколько рабочихъ людей составятъ между собою товарищество, на круговомъ другъ за друга ручательствѣ основанное, то невыгодныя стороны, представляемыя для кредита каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, исчезаютъ. Возможность потерять выданныя въ займы деньги отстраняется въ глазахъ кредитора взаимною отвѣтственностію, лежащею на всѣхъ членахъ товарищества. Учрежденія эти представляютъ еще неменѣе важную пользу въ томъ отношеніи что, обязывая членовъ своихъ вносить въ опредѣленные сроки извѣстную сумму для составленія оборотнаго капитала, пріучаютъ ихъ къ сбереженіямъ, составляющимъ главное основаніе народнаго благосостоянія».

Въ отчетѣ министра упомянуто что въ 1870 году министерствомъ утверждены уставы: Феллинской ссудно-сберегательной кассы Гадячскаго товарищества, Кукарской вспомогательной кассы и общества взаимнаго кредита прикащиковъ въ г. Харьковѣ.—Товарищества, какъ мы видѣли, составляютъ существенную заботу многихъ земствъ, ссудившихъ ихъ капиталами; къ нимъ обратились частныя лица, заботящіяся объ обезпеченіи трудящагося населенія; наконецъ мы многаго ожидаемъ отъ избранной московскимъ обществомъ коммисіи: составленная изъ лицъ, искренне преданныхъ этому дѣлу и не пугающихся всей трудностью предстоящей задачи, при неуставившихся у насъ мѣстныхъ сношеніяхъ и совершенномъ отсутствіи данныхъ изъ разныхъ мѣстностей,—коммисія, безъ сомнѣнія, сдѣлается центромъ, куда будутъ стекаться всѣ данныя по настоящему вопросу и оттуда мѣстные дѣятели будутъ почерпать, въ случаѣ нужды, необходимыя указанія и разъясненія.

А между тѣмъ значеніе ссудныхъ товариществъ въ строю народной жизни—серьезно и прочно. Вотъ что объ этомъ сообщаетъ, между прочимъ, кн. Васильчиковъ:

«До 1849 г. во всей Европѣ нищенство, неимущество шло въ ужасающей постоянной прогрессіи; во всѣхъ государствахъ безъ исключенія % неимущихъ возрасталъ. Вдругъ въ 49 г. дѣлается положительный переломъ: въ одной Франціи % не упадаетъ и даже идетъ немного возрастая; въ Англіи онъ упалъ, но почти незамѣтно; Германія же представляетъ фактъ, дѣйствительно поражающій, уменьшенія размѣра этого процента. Такъ на примѣръ, въ Пруссіи неимущихъ, по крайней мѣрѣ, офиціально записанныхъ въ приказахъ обще-

Digitized by Google

ственнаго призрѣнія и получавшихъ пособіе отъ общества и земства, считалось въ 49 г. 678.000, въ 65 году 493.000, такъ что % ихъ къ народонаселенію въ 49 г. былъ какъ 4,9%, въ 65 г. только 3%. Число неимущихъ уменьшилось въ теченіи этихъ 16 лѣтъ на. 185.000 т. е. почти на 1/3 часть. Фактъ этотъ совпадаетъ съ другимъ, хотя, разумѣется, положительной связи между ними указать невозможно. Въ 1849 г. открыты были первыя ссудныя товарищества въ Германіи и % неимущихъ упадалъ по мѣрѣ того, какъ возрастало число членовъ такъ называемыхъ кредитъ-ферейновъ, основанныхъ по стараніямъ Шульце-Делича. Въ 1865 году считалось во всѣхъ 745 товариществахъ, представившихъ свои отчеты 169.000 членовъ, число почти совпадающее съ уменьшеніемъ неимущихъ 185.000. Въ Пруссіи въ 49 г. 1 неимущій приходился на 20 жителей, а въ 65 г. 1 на 56; въ Баваріи въ 49 г. 1 на 38 жит., а въ 65 г. 1 на 56; въ Виртембергѣ въ 49 г. 1 на 29, а въ 64 г. 1 на 59 жит. Вотъ эти факты, которые хотя не имѣютъ прямаго соотношенія, но которые однако возбуждаетъ справедливое мнѣніе, что упадокъ нищенства и возвышеніе благосостоянія низшихъ класовъ положительно можетъ и должно быть приписано развитію дешеваго, краткосрочнаго и общедоступнаго народнаго кредита. Другое обстоятельство, которое также должно быть принято во вниманіе у насъ въ Россіи, это именно то особое развитіе, которое это дѣло получило въ славянскихъ земляхъ. Тутъ цифра одна, но цифра, я думаю, красноречивая; это именно то, что изъ числа 745 товариществъ, приведенныхъ въ отчетѣ Шульце-Делича, приходится на Чехію и Моравію 416. Но еще болѣе поражаетъ пропорція между всѣми австрійскими землями и Чехіей съ Моравіей. Во всей австрійской имперіи, при 32 мил. жителей, считалось всего 500, въ Чехіи и Моравіи 416 на 4 м. жит. Я не причисляю этого къ случаю, но я думаю, что именно славянскія населенія, привыкшія болѣе къ общежитію, къ общественнымъ связямъ, болѣе способны принять это начало взаимнаго сельскаго кредита, который и можетъ быть основанъ только на взаимности и на дѣйствіи общественнаго духа.»

Digitized by Google

РУССКІЯ СУДНЫЯ ДѢЛА.

Преступленія противъ вѣры. — Кража мертвыхъ тѣлъ. — Стѣсненія свободы раскольничьихъ вѣроученій. — Похороненіе мертвыхъ тѣлъ не по обрядамъ господствующей церкви. — Положеніе католичества по дѣйствующему закону. — Мнимое принятіе православія. — Дѣла о крещеніи ребенка безъ ксендза и священника, и о похороненіи по обрядамъ католической вѣры мнимо-православнаго крестьянина. — Переходъ изъ православія въ вѣру Моисеева закона.

Въ первой книжкѣ журнала, говоря о значеніи суда, мы указывали на неловкость его положенія, какъ бы ни были хороши порядки судоустройства и судопроизводства, на безсиліе его при недостаточности и отсталости закона. Это незавидное положеніе судебной власти съ особенною выпуклостью проявляется при разсмотрѣніи дѣлъ о такъ называемыхъ преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніяхъ ограждающихъ оную постановленій. Теперь уже ни для кого не тайна, что граждане русской имперіи и до послѣдней минуты не пользуются тѣмъ, что называется свободой совѣсти въ обширномъ смыслѣ этого слова. Заявленіе объ отсутствіи этого вида необходимой свободы для всякаго человѣка—не новость; ничего новаго нѣтъ и въ томъ, что русскіе люди сознаютъ крайнюю необходимость въ предоставленіи имъ этого блага или, лучше сказать, въ возвращеніи имъ этого естественнаго права, отнятаго у нихъ благодаря лишь ложно понятымъ рвеніемъ о благѣ вѣры. Но не смотря на возрастаніе и распространеніе этого сознанія, идущаго далеко глубже среды одного образованнаго общества и проникающаго даже въ самые непросвѣщенные слои народа, ни въ одной области не было такъ мало измѣненій, какъ въ этой. Все, чѣмъ ограничилось послѣднее

Digitized by Google

время въ этомъ отношеніи, заключается лишь въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частныхъ законовъ и въ допущеніи большей административной терпимости по отношенію къ расколу. Сущность же дѣла вѣры остается въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было назадъ тому 15 лѣтъ, и сдѣланныя уступки далеко не удовлетворяютъ современнымъ запросамъ жизни. По прежнему, остается дѣйствующимъ закономъ раздѣлъ второй уложенія о наказаніяхъ, изд. 1866 г., почти безъ всякаго измѣненія заимствованный изъ уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 года. Одни только наказанія за этотъ родъ правонарушеній измѣнены сообразно съ новою системою наказаній. Эти-то законы, такъ мало соотвѣтствующіе нашимъ взглядамъ на свободу совѣсти весьма часто пораждаютъ искусственно проступки и преступленія. Они совершенно наглядно оправдываютъ извѣстное положеніе, что обиліе преступныхъ дѣяній болѣе зависитъ отъ несовершенства законовъ, чѣмъ отъ безнравственности человѣческой воли. Такъ, на примѣръ, изъ Хвалынска сообщаютъ, что въ той мѣстности въ послѣднее время явился новый видъ кражи, *кража мертвыхъ тѣлъ*. Этотъ странный видъ кражи объясняется весьма просто. Хвалынскъ, какъ извѣстно, съ давнихъ временъ служитъ гнѣздомъ раскольничьимъ, а потому и неудивительно, что здѣсь принимаются усиленныя мѣры для преслѣдованія раскольниковъ. Наши законы по этому предмету, далеко не соотвѣтствующіе требованіямъ времени, даютъ полное право на подобныя усердныя преслѣдованія, способныя возмутить не одну человѣческую душу. Наши раскольники, даже самаго безобиднаго толка, какъ извѣстно, пользуются лишь фактическою терпимостью, размѣры которой зависятъ чисто отъ произвола администраціи. Законъ же не предоставляетъ и подобнымъ толкамъ раскольническимъ даже самой низшей степени свободы вѣры. Онъ не представляетъ имъ этой свободы и въ той степени, которой пользуются католики, лютеране и даже евреи и магометане въ нашемъ отечествѣ. Законъ дозволяетъ раскольникамъ лишь исповѣданіе вѣры, лишая ихъ права свободнаго богослуженія, угрожая имъ за постройку и поправку часовень и молитвенныхъ домовъ уголовнымъ судомъ и наказаніемъ. Между тѣмъ, протестанты, католики, евреи, магометане, исповѣдующіе ученія болѣе далекія отъ ученія православной церкви, не лишены свободы богослуженія, недоступной только для нашихъ раскольниковъ. На этотъ послѣдній довольно ограниченный видъ вѣроисповѣдной свободы раскольники, кромѣ близости своего ученія къ господствующему православію, могли бы имѣть право еще и по тому, что ихъ по офиціальнымъ свѣдѣніямъ числится до 12 милліоновъ, т. е. почти 1/6 часть всего населенія русскаго государства. Лицъ же прочихъ исповѣданій—армяно-грегоріанъ, католиковъ, протестантовъ, евреевъ и магометанъ—въ сложности лишь на два милліона больше офиціальнаго числа раскольниковъ. Итакъ, и число раскольниковъ, и качество большинства ихъ ученій должны бы давать

Digitized by Google

имъ, по крайней мѣрѣ, тѣ же права, которыми пользуются 35 тысячъ армяно-грегоріянъ или 3 милліона протестантовъ. Но настоящее юридическое положеніе ихъ вѣроисповѣдной свободы весьма ограничено, и потому они, смотря по мѣстности, подвергаются большимъ или меньшимъ преслѣдованіямъ. Усиленныя преслѣдованія, какъ видимъ, выпали на долю Хвалынска. Въ жару этихъ преслѣдованій, духовная власть узнала, что числящійся православнымъ, но въ дѣйствительности состоящій въ расколѣ, мѣщанинъ N находится при смерти. Желая предотвратить погребеніе его по раскольничьему обычаю, духовное начальство сообщило объ этомъ полиціи, которая и распорядилась поставить къ дому умирающаго караулъ. При такихъ мѣрахъ со стороны духовной и полицейской властей, дѣйствовавшихъ заодно въ этомъ противуестественномъ союзѣ, когда больной умеръ, приближеннымъ его ничего не оставалось болѣе, какъ покориться необходимости, т. е. похоронить умершаго по обрядамъ православной церкви. По словамъ корреспондента, въ тотъ же день, въ вечерню, покойникъ былъ вынесенъ изъ дома въ церковь. Радуясь, по видимому, успѣху православія, власти, конечно, успокоились. Но въ ту же ночь, во время заутрени, покойникъ пропалъ изъ церкви и, по предположенію, былъ погребенъ по раскольничьему обряду. Духовная власть, конечно, не могла равнодушно перенести такого успѣха въ своемъ рвеніи о вѣрѣ. Видя, что полиція оказалась безсильною, она обратилась къ суду. Она возбудила у мѣстнаго мироваго судьи дѣло о покражѣ изъ церкви мертваго тѣла. Къ счастію, мировой судья, не усматривая въ этомъ дѣдѣ проступка, прекратилъ настоящее дѣло.—Читая извѣстія о подобныхъ дѣлахъ, встрѣчающихся въ практикѣ новыхъ судовъ въ наше время, не знаешь даже какъ отнестись къ подобному факту: такъ несогласнымъ кажется онъ съ духомъ и потребностями нашего времени. Между тѣмъ, этотъ случай при существованіи законовъ, не признающихъ свободу раскольничьихъ вѣроученій, не долженъ представлять ничего страннаго. Но въ той же мѣстности у хвалынскихъ мировыхъ судей является масса дѣлъ, по видимому, невозможныхъ ни въ какомъ просвѣщенномъ государствѣ. Мы разумѣемъ дѣло о *похороненіи мертвыхъ не по обрядамъ православной церкви*. Правда, нашъ полицейскій законъ вмѣняетъ каждому въ обязанность быть ежегодно у исповѣди и св. причастія; священнику предписывается у насъ доносить архіерею о лицахъ, не исполнившихъ этихъ обязанностей въ теченіи 2 или 3 лѣтъ; у насъ начальство служащаго слѣдитъ за исполненіемъ послѣднимъ его обязанностей къ Богу, и по наступленіи ежегодно великаго поста, предписываетъ каждому изъ подчиненныхъ по обряду его вѣроисповѣданія быть у исповѣди и св. причастія; объ исполненіи подобнаго циркуляра подаются, какъ извѣстно, рапорты съ представленіемъ свидѣтельства священника. Наконецъ, въ нашемъ уголовномъ законѣ есть статьи, опредѣляющія наказаніе, правда, духовное, за уклоненіе отъ исповѣди и причащенія и за неприводъ къ

Digitized by Google

этимъ таинствамъ дѣтей. Но и при такомъ полицейскомъ взглядѣ на исповѣданіе вѣры съ трудомъ можно предвидѣть, чтобы хвалынскія духовныя власти могли возбуждать массу дѣлъ о похороненіи не по обрядамъ православной церкви. Хотя мировые судьи и оставляли безъ наказанія обвиняемыхъ въ подобномъ небываломъ проступкѣ, но мѣстная консисторія находила, что это дѣяніе—проступокъ, предусмотрѣнный 107 ст. уст. о нак. Консисторія забыла при этомъ, что эта послѣдняя статья преслѣдуетъ за нарушеніе установленныхъ правилъ при погребеніи умершихъ чисто въ медико-полицейскихъ видахъ.

Изъ другаго конца Россіи мы имѣемъ данныя, относящіяся къ тому же разряду явленій. Но здѣсь уже рѣчь идетъ не о расколѣ, не о вѣроученіяхъ, отдѣлившихся отъ господствующей церкви, а о католичествѣ. Положеніе католичества по нашимъ законамъ, какъ мы сказали, выгоднѣе и лучше, чѣмъ положеніе раскольничьихъ ученій. Правда, оно не пользуется свободою проповѣданія и распространенія своего ученія, какъ и всѣ другія вѣроученія, за исключеніемъ православнаго. Но самое православіе у насъ можно проповѣдовать только съ разрѣшенія архіерея и притомъ исключительно черезъ духовенство. За совращеніе изъ православія въ католичество также назначается уголовное наказаніе, какъ и за отпаденіе въ расколъ. Но, по крайней мѣрѣ, католичество пользуется не только одной терпимостью исповѣданія, но и правомъ на свободное отправленіе богослуженія,—правомъ, котораго лишены ученія, отдѣлившіяся отъ православія. Итакъ, католичество по дѣйствующему законодательству является не только терпимымъ вѣроисповѣданіемъ, но и признаннымъ. Но отъ признанія вѣроисповѣданія до его вполнѣ свободнаго существованія еще далеко, и это-то промежуточное пространство и является условіемъ, благопріятнымъ для развитія въ жизни явленій, поражающихъ наблюдателя своею странностью, чтобъ не сказать больше. При разсмотрѣніи этихъ явленій, кромѣ сказаннаго, слѣдуетъ имѣть въ виду, что борьба православія, защищаемаго судомъ и полиціею, съ католичествомъ происходитъ главнымъ образомъ въ западныхъ окраинахъ; что у насъ распространенъ взглядъ, считающій обрусѣніемъ распространеніе православія насчетъ католичества, и что у насъ, наконецъ, дѣло народнаго объединенія, при существующихъ порядкахъ, почти всецѣло отдается въ руки чиновничества, располагающаго одними внѣшними средствами. При такихъ условіяхъ, конечно, легко могутъ плодиться въ большомъ числѣ тѣ явленія, о которыхъ мы теперь поведемъ рѣчь. Изъ сѣверо-западныхъ губерній идутъ вѣсти о томъ, что въ тамошнихъ судахъ возникаетъ множество дѣлъ о совратившихся изъ православія. Происхожденіе этихъ дѣлъ объясняется такъ. Послѣ освобожденія крестьянъ, и особенно послѣ польскаго возстанія, благодаря рвенію мѣстнаго чиновничества, многіе крестьяне католики перешли въ православіе, или же только *давали подписку* въ томъ, что они

Digitized by Google

примутъ господствующее вѣроученіе. Но первые лишь на бумагѣ оставались православными, за немногими исключеніями, а вторые, давая подписку въ угоду начальству, воздерживались отъ исполненія вынужденнаго обязательства, въ надеждѣ на перемѣну обстоятельствъ. Невѣжество крестьянъ, происки помѣщиковъ и ксендзовъ и слабое вліяніе мѣстнаго православнаго духовенства на новообращенныхъ и на заявившихъ желаніе къ принятію православія,—вся эта совокупность условій дѣлала подобное распространеніе православія чисто призрачнымъ. Крестьяне лишь офиціально отчислялись отъ католическихъ приходовъ, но не присоединялись и къ православію. Благодаря распространенію слуховъ, имѣвшихъ силу при ихъ суевѣріи, они не ходили въ православную церковь и не придерживались ея обрядовъ. Исключенные изъ католичества, они не могли пользоваться обрядами и этой религіи. И въ сущности они оставались непричастными ни той, ни другой церкви. Отсюда и возникали дѣла, подобныя бывшимъ въ разсмотрѣніи новогрудскаго уѣзднаго суда. Приведемъ два такихъ дѣла. Одно называется: «*о крещеніи ребенка безъ ксендза и священника*». Оно началось по доносу сотскаго становому приставу о томъ, что у крестьянина мѣстечка Полонки, Харкевича, умеръ сынъ, который не былъ окрещенъ. При слѣдствіи оказалось, что Харкевичъ вѣроисповѣданія римско-католическаго, на исповѣди и у св. причастія не былъ въ продолженіи 5 лѣтъ, со дня выдачи имъ подписки въ томъ, что онъ присоединится съ семействомъ своимъ къ православію. На исповѣди и у св. причастія не бываетъ по тому, что ксендзъ не допускаетъ его, такъ какъ онъ далъ подписку на принятіе православія и исключенъ изъ католическаго прихода. По словамъ Харкевича, онъ далъ эту подписку 5 лѣтъ назадъ, но православія не принималъ, потому что раздумалъ и въ настоящее время не желаетъ перемѣнять вѣру. Сынъ его былъ окрещенъ по обрядамъ католической вѣры повивальною бабкой, такъ какъ ни онъ, ни жена его Авдотья не хотятъ обращаться въ своихъ религіозныхъ требахъ къ православному священнику. Жена Харкевича подтвердила объясненія своего мужа и сама созналась, что не была у исповѣди и св. причастія также 5 лѣтъ по тѣмъ же самымъ причинамъ. При естественномъ положеніи вопроса о свободѣ совѣсти, конечно, подобное дѣло было бы немыслимо, полиціи не было бы никакого дѣла до того, крещенымъ ли умеръ ребенокъ, или нѣтъ. Да и самый случай отсутствія крещенія, при религіозности семьи, не былъ бы возможенъ. Но разъ вѣра поступала подъ защиту и охрану чиновничества, разъ полиція дѣлалась распространительницею православія путемъ внѣшняго принужденія и взятія подписокъ, естественный ходъ дѣла нарушился, и сдѣлалось возможнымъ появленіе настоящаго страннаго процеса. Но вмѣшательство полиціи лишь дало начало дѣлу; судебный слѣдователь раскрылъ обстоятельства, которыя мы привели выше. При правильной постановкѣ вопроса объ отношеніяхъ гражданъ къ суду въ дѣ-

Digitized by Google

лахъ вѣры, дѣло это должно бы прекратиться по крайней мѣрѣ на этой ступени: въ немъ нѣтъ никакого дѣянія, подлежащаго вѣдѣнію уголовнаго закона. Судъ не безъ натяжки придержался закона. Онъ ухитрился найти проступокъ въ дѣйствіяхъ Харкевичей, конечно, для ввящаго поддержанія значенія власти. Онъ призналъ ихъ виновными.... въ чемъ? спросите вы,—«въ томъ, что, давши подписку принять православіе (!!), уже пятый годъ не бываютъ у исповѣди и св. причастія и въ томъ, что они не хотѣли окрестить своего сына, потому что не желаютъ обращаться ни въ какихъ религіозныхъ требахъ къ православному священнику». Но такъ какъ за подобныя преступленія въ уложеніи нашемъ не назначается ни ареста, ни наказанія розгами, то судъ и отослалъ этихъ преступниковъ въ духовную консисторію «для увѣщанія, вразумленія и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ». Любопытно знать, что сдѣлали эти духовные чиновники вѣдомства православнаго исповѣданія съ добрыми католиками и по какимъ церковнымъ (?) правиламъ распорядились они съ ними?

Не менѣе интересно и другое дѣло, разсмотрѣнное тѣмъ же новогрудскимъ уѣзднымъ судомъ. И здѣсь блюстителемъ православія является полиція. Тысяцкій донесъ становому, что трое крестьянъ, въ концѣ 1868 года, сами, безъ ксендза и священника, похоронили, по обрядамъ католической церкви, умершаго крестьянина своей деревни. По формальному слѣдствію открылось, что обвиняемые пять лѣтъ назадъ дали подписку о принятіи православія, но исполнить ее раздумали, оставаясь католиками. Къ числу такихъ же принадлежалъ и умершій. А потому крестьяне и не хотѣли похоронить его по православному обычаю, а ксендзъ отказался совершить погребеніе, такъ какъ и умершій и его односеленцы, хотя не исполнили своего обязательства принять православіе, но уже были отчислены отъ католичества. Какъ вы думаете, что сдѣлалъ уѣздный судъ? Поступилъ подобно хвалынскимъ мировымъ судьямъ, которые освобождаютъ отъ наказанія обвиняемыхъ въ погребеніи по раскольничьему обряду умершихъ мнимо-православныхъ? Нѣтъ, новогрудскій судъ обвинилъ крестьянъ по ст. 107 уст. о нак., нал. мир. суд., назначающей наказаніе за погребеніе умершихъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ. Но, во первыхъ, въ этой статьѣ, какъ мы уже сказали, имѣются въ виду лишь полицейскія правила; а во вторыхъ, крестьяне, въ данномъ случаѣ, похоронили умершаго безъ ксендза только по тому, что послѣдній отказался принять участіе въ погребеніи отчисленнаго отъ католичества. Эти соображенія не помѣшали уѣздному суду приговорить крестьянъ къ *четырехдневному аресту при полиціи*. Этого мало: уѣздный судъ еще отослалъ этихъ католиковъ къ суду духовной консисторіи за то, что они пять лѣтъ не были у исповѣди и св. причастія по православному обычаю. Такія диковинки еще возможны въ нашихъ судахъ.

Digitized by Google

Прежде чѣмъ мы покончимъ съ преступленіями противъ вѣры, заявленными въ печати въ послѣднее время, мы должны остановиться еще на одномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ московскомъ окружномъ судѣ. Московская духовная консисторія сообщила прокурору суда, что, по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ, еврей Кацманъ, принявшій православіе, продолжаетъ исполнять обряды своей вѣры и не посѣщаетъ православнаго храма. Два раза онъ былъ привлекаемъ духовною властію къ наставленію и вразумленію, но не внялъ имъ, продолжая коснѣть въ жидовствѣ. Чувствуя безсиліе своего убѣжденія, духовная власть прибѣгла къ свѣтской. И вотъ Кацманъ является подсудимымъ по обвиненію въ отступленіи отъ православія въ еврейскую вѣру. Преступленіе это влечетъ по нашимъ законамъ весьма неопредѣленное, странное и потому слишкомъ тяжелое наказаніе. Именно, если бы судъ призналъ Кацмана виновнымъ, онъ былъ бы отосланъ къ православному духовенству для увѣщанія и вразумленія, что, конечно, сопровождается жительствомъ въ монастырѣ; а такое жительство равносильно лишенію или, по крайней мѣрѣ, ограниченію свободы. Но, кромѣ этого, обвиненный въ такомъ преступленіи, до возвращенія въ христіанство, не пользуется правами своего состоянія, и на все это время имѣніе его берется въ опеку. Другими словами, для отступившаго отъ христіанской вѣры назначается полная гражданская смерть; онъ какъ-бы признается нравственно не существующимъ, а потому и неспособнымъ пользоваться своими частными правами имущественными и личными въ гражданскомъ быту. Такое наказаніе, по своей тяжести, равносильно вѣчному заключенію, ибо, при нежеланіи перейти въ христіанство, по твердости ли убѣжденія въ своей вѣрѣ, или по недостаточной убѣдительности вразумленія, это наказаніе можетъ продолжаться цѣлую жизнь. Итакъ, срокъ, а слѣдовательно и тягость этого наказанія ставятся въ зависимость отъ отреченія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ виновнаго. Но этого мало: здѣсь все зависитъ отъ произвола духовнаго начальства, которому предоставляется полная свобода дѣйствій: оно опредѣляетъ, искренно ли перешелъ виновный въ христіанство, или лишь по наружности; оно опредѣляетъ, возвратился ли іудействующій въ лоно церкви.

Итакъ, вотъ какое тяжкое, безчеловѣчное, неопредѣленное наказаніе грозило Кацману за то, что онъ перешелъ въ вѣру Моисеева закона, по своему искреннему убѣжденію, которое составляетъ самое дорогое достояніе человѣческой личности. Подсудимому Кацману лишь 28 лѣтъ, онъ произошелъ отъ родителей евреевъ, исповѣдывавшихъ вѣру Моисеева закона. Еще въ дѣтствѣ его сдѣлали кантонистомъ по очереди. Въ этомъ званіи, о которомъ непріятно даже самое воспоминаніе, Кацманъ 11 лѣтъ отъ роду былъ перекрещенъ въ православіе. Какъ извѣстно, кантонистовъ крестили даже не единично, но огуломъ. Въ одну изъ этихъ партій окрещиваемыхъ попалъ, вѣроятно, и Кацманъ. Онъ объяснилъ на

Digitized by Google

судѣ, что былъ принужденъ къ принятію православія подъ розгами и въ то время не понималъ ни достоинствъ, не недостатковъ новой вѣры. По словамъ подсудимаго, хотя онъ и былъ крещенъ, но оставался, остается и останется вѣренъ еврейской вѣрѣ. Не смотря на такія обстоятельства дѣла, товарищъ прокурора рѣшился поддерживать обвиненіе. Онъ указывалъ на то, что Кацманъ отпалъ отъ православія не тотчасъ послѣ принятія его, а спустя долгое время. Судъ, однако, оправдалъ Кацмана. Вѣроятно, главнымъ побужденіемъ для суда былъ законъ, изданный 4-го декабря 1862 года. По этому закону опредѣлено, что до 14-лѣтняго возраста нехристіане могутъ быть принимаемы въ православіе не иначе, какъ съ письменнаго согласія своихъ родителей и опекуновъ. Этотъ законъ и возникъ, благодаря многимъ печальнымъ явленіямъ, подобнымъ настоящему, и хотя онъ не могъ имѣть обратнаго дѣйствія для Кацмана, но судъ, рѣшающій вопросъ о виновности по совѣсти, по внутреннему убѣжденію, основанному на совокупности обстоятельствъ, — могъ, конечно, принять въ соображеніе и этотъ законъ. Впрочемъ, Московская судебная палата взглянула на дѣло иначе: по протесту прокурорскаго надзора, дѣло г. Кацмана разсматривалось въ палатѣ 11 марта, и подсудимый, признанный виновнымъ, приговоренъ къ тому самому наказанію, о которомъ мы говорили выше.

А. Носъ.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

8-го марта.

Развязка европейской трагедіи. — Что будетъ съ Франціей?—Волненія въ Парижѣ; причина ихъ и значеніе.—Роль Тьера и характеръ національнаго собранія; задачи, предстоящія новому правительству. — Экономическое положеніе страны. — Надежды на возрожденіе французскаго государства. — Торжество побѣдителей. — Чѣмъ заявила себя новая имперія. — Будущность Эльзаса и его онѣмечиваніе.—Преимущества федеративнаго единства. — Результаты выборовъ въ сеймъ. — Прусскія торжества въ Австріи. — Переговоры министерства съ славянской оппозиціей.—Желанія русскихъ, поляковъ, чеховъ и хорватовъ.— Мадьярское національное войско.—Отпоръ славянъ и съѣздъ для его организаціи.—Закрытіе лондонской конференціи и всеобщая жажда мира.

Послѣ долго затянувшейся трагедіи, насталъ, наконецъ, эпилогъ: все, что тревожило, волновало смятеннаго зрителя, какъ будто примолкаетъ. Развязка показала ему, чѣмъ покончились мучительныя перипетіи боровшихся народовъ. Эпилогу достается на долю показать, что сталось съ героями трагедіи, и донести къ намъ послѣдніе отголоски замирающихъ страстей. Но, какъ въ трагедіи, составленной по всѣмъ законамъ неизбѣжныхъ единствъ, такъ и въ разнузданной, кровавой *народной трагедіи* эпилогъ бываетъ нерѣдко ужаснѣе, тревожнѣе всего хода борьбы. Узелъ такъ или иначе перерубленъ; но вопросъ: что-жь дальше, что потомъ—охватываетъ зрителя холодомъ и увлекаетъ его въ думы о будущемъ разбитыхъ жизнью надеждъ, стремленій, страстей.

Настоящая пора отличается именно этимъ свойствомъ. Условія мира, по видимому, завершаютъ состязаніе племенъ; прусскія войска мало по малу покидаютъ Францію и страна эта начинаетъ дышать свободнѣе; но теперь-то и выдвигаются на первый планъ вопросы, на время затѣсненные военными событіями: что будетъ съ Франціей, какая будущность ждетъ ее, что будетъ съ самой Германіей, чѣмъ ознаменуетъ себя новая имперія, возникшая при громѣ барабановъ, созданная приказомъ

Digitized by Google

по арміи, провозглашенная при крикахъ гвардейцевъ и тѣлохранителей? Борьба свободы и деспотизма, столкновеніе различныхъ политическихъ системъ, будущность цивилизаціи и общаго мира—вотъ что чудится уже изъ-за этихъ вопросовъ, вотъ что грозно возстаетъ вдали.—Послѣднія извѣстія изъ Франціи вводятъ уже насъ въ преддверіе цѣлаго ряда событій; они говорятъ о мятежѣ въ Парижѣ, объ агитаціи, схваткахъ, они выражаютъ порицаніе проискамъ, стремящимся погубить Францію, но не останавливаются надъ причиной всѣхъ этихъ прискорбныхъ, но неизбѣжныхъ фактовъ. Въ парижскихъ волненіяхъ не нужно видѣть только вспышку, затѣянную нѣсколькими сотнями горячихъ головъ, но проявленіе народнаго сознанія, долго сдержаннаго деспотизмомъ. Франція перерождается и должна вынести всѣ муки этого перерожденія. Централизованная, монархическая, военная, она невольно возвращаетъ нынѣ жизнь областямъ, водворяетъ свободу и спѣшитъ стереть слѣды солдатчины. Тамъ, гдѣ прежде дѣйствовали главные центры народонаселенія,—тамъ встаетъ изъ своей апатіи народъ; ему, вольно набранному въ виду опасности, обязано отечество хотя немногими успѣхами минувшей войны и стойкимъ отпоромъ врагу; напряженіе народа, вызванное борьбой, было столь сильно, что реакція, возвратъ прежней бездѣятельности сталъ для народа невозможнымъ. Съ настоящей поры несомнѣнно начнется ростъ французской областной жизни и политическое пробужденіе массъ. Представимъ же себѣ при общемъ, хотя еще глухомъ, возбужденіи умовъ въ пользу самостоятельности и широкихъ правъ, при живомъ еще воспоминаніи объ императорскомъ правительствѣ, при тягостномъ впечатлѣніи, произведенномъ вынужденнымъ принятіемъ мирныхъ условій,—представимъ себѣ возникновеніе кабинета, во главѣ котораго стоитъ личность, много разъ мѣнявшая свое знамя, извѣстная своею преданностью давно забытой династіи, приверженностью къ Риму, протекціонизмомъ, нерасположеніемъ къ рабочему движенію,—словомъ, грозящая повернуть всякую народную жизнь и, послѣ недолгаго просвѣта, возвратить ее къ одряхлѣвшимъ государственнымъ формамъ и порядку вещей, давно минувшему. Въ кабинетъ этотъ едва не вошли наполеоновскіе министры (Бюффе), а честные дѣятели прежняго правительства національной обороны, какъ Жюль Фавръ, послѣ нѣсколькихъ дней обнаруживаютъ желаніе выйти изъ министерства, отвѣчая рѣзкимъ отказомъ на убѣжденія остаться при дѣлахъ. Прибавимъ къ этому національное собраніе, на которое опирается кабинетъ,—собраніе, большинство котораго не скрываетъ реакціонныхъ стремленій, отвѣчаетъ грубой неблагодарностью на услуги старика Гарибальди, предаетъ позору дѣятельность правительства Гамбетты, находившаго въ себѣ гигантскую энергію, чтобъ вести дѣла страны, находившейся въ полной анархіи,—говоритъ о перенесеніи столицы или, по крайней мѣрѣ, мѣста своихъ засѣданій изъ Парижа въ какой либо провинціальный или даже подстоличный горо-

Digitized by Google

докъ, все отъ того, что Парижъ есть гнѣздо разврата и очагъ красной революціи; собраніе, возстающее, не хуже ярыхъ патріотовъ временъ Наполеона III, противъ либераловъ, обвиняющее ихъ и въ стремленіяхъ къ всемірной республикѣ, и къ ниспроверженію общественныхъ основъ! Сопоставивъ два элемента, столь же противоположные между собой, какъ ледъ и пламень, легко понять, что люди, искренно преданные республикѣ, не могли безъ ужаса глядѣть на занимающуюся зарю реакціи, хотя бы и благонамѣренной, не могли не заподозрить такое правительство, спѣшащее распустить именно національную гвардію, въ покушеніи произвести государственный переворотъ, опираясь на дисциплинированныя линейныя войска. Эта-то національная гвардія и явилась, быть можетъ, на половину противъ воли, опорой движенія; въ ней увидали истинно республиканское войско, и простаго назначенія ея главнокомандующимъ линейнаго генерала Орель-де-Паладина, вмѣсто избраннаго самимъ войскомъ вождя, достаточно было, чтобы переполнить чашу и подвинуть недовольныхъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Занявъ Монмартръ, овладѣвъ наскоро пушками, прикрывшись баррикадами и окопами, инсургенты долго не выступали изъ-за нихъ; частныя стычки и столкновенія на улицахъ и площадяхъ Парижа доказывали, что горючаго матеріала много и въ центрѣ города. Правительство обнаружило рѣдкую въ подобныхъ случаяхъ умѣренность; оно не прибѣгло тотчасъ же къ вооруженной силѣ, не нагрянуло съ военно-судными коммисіями и экзекуціями, но предоставило времени успокоить страсти и утишить волненіе; видимая бездѣятельность правительственныхъ органовъ должна была парализовать напряженіе возстанія. Но въ это время не дремали тайные наполеоновскіе агенты; они разжигали въ толпѣ недовольство правительствомъ и, въ то время, какъ оно отвѣчало отказомъ на просьбу сохранить и послѣ осады производившуюся денежную и вещевую раздачу подвижной національной гвардіи, раздавали между возставшими деньги щедрою рукой. Волненіе не ослабѣвало, такъ что, когда министерство прибѣгло къ рѣшительнымъ мѣрамъ и двинуло войска противъ возставшихъ, на многихъ пунктахъ произошли серьезныя схватки, попавшіеся въ плѣнъ къ возставшимъ генералы были разстрѣляны, и войска, ограничившись отбитіемъ части пушекъ, принуждены были отойти назадъ. Неудача такого образа дѣйствій выказалась тѣмъ очевиднѣе, что линейныя войска, на которыя возлагалось столько надеждъ по удержанію порядка, братались съ національной гвардіей и не охотно шли противъ нея. Предчувствіе этого единодушія заставило уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ правительство удалить изъ Парижа застоявшіеся тамъ и сжившіеся съ населеніемъ армейскіе полки и на смѣну имъ призвать войска изъ провинціи. Какъ видно, и эта предосторожность была не достаточна. Монмартрцы вышли наконецъ изъ своей позиціи и быстрымъ натискомъ внутрь города успѣли овладѣть ратушей, и рядомъ декретовъ

Digitized by Google

снять осадное положеніе, отмѣнить рядъ распоряженій правительства и назначить общинные выборы. Министерство принуждено было выселиться въ Версаль, сосредоточить тамъ наличныя военныя силы и объявить измѣнникомъ всякаго, кто признаетъ законнымъ иное правительство.—Въ такомъ положеніи находятся обѣ враждующія стороны, одна противъ другой; долго ли продержится возстаніе, поражающее своими быстрыми успѣхами, или, быть можетъ, и оно, въ виду критическаго положенія, въ которомъ находится государство, утратитъ своей силы и пойдетъ на мировую съ правительствомъ, которое найдетъ въ себѣ столько догадливости, чтобъ компромисомъ выйти изъ затрудненія, — все это покажетъ ближайшее будущее. Позволительно вѣрить въ возможность компромиса,—его легко можетъ вызвать общій врагъ—нѣмцы. При первомъ извѣстіи о волненіяхъ въ Парижѣ, рѣшено возвратить въ Германію одинъ лишь ландверъ, а линейныя войска оставить во Франціи, въ виду ея настоящаго смутнаго состоянія, впредь до новыхъ распоряженій. Это новое закрѣпощенье страны врагу, отъ присутствія, котораго она только что надѣялась избавиться и который для водворенія порядка сочтетъ себя вправѣ на *реставрацію* въ какомъ бы то ни было смыслѣ, быть можетъ, вызоветъ примирительное настроеніе и между ярыми внутренними врагами.

Прискорбныя событія въ Парижѣ докажутъ всю неспособность Тьера овладѣть настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ. Какъ ни смотрятъ на него лица разныхъ партій какъ на ходячее примиреніе крайностей, какъ ни провозглашаетъ даже Луи-Бланъ, что обязанность всякаго истиннаго республиканца содѣйствовать во всемъ Тьеру,—этотъ «геніальный Фигаро тридцатыхъ годовъ», какъ прозвалъ его одинъ изъ лучшихъ нашихъ политическихъ писателей, не доросъ до высоты своего положенія. Вѣрный своимъ политическимъ преданіямъ, онъ уже чуткимъ ухомъ прислушивается къ римскому вопросу, онъ уже комбинируетъ планъ дипломатическихъ подвиговъ, когда истерзанная страна требуетъ не только умиротворенія, но и коренныхъ преобразованій. На это нуженъ человѣкъ, умѣющій притянуть къ себѣ живыя народныя симпатіи и вселить полное довѣріе къ своей политикѣ; довѣріе же къ Тьеру, выразившееся въ его избраніи,—совершенно особаго рода. Въ критическую минуту, когда, забывая свой позоръ, вся страна сливается въ одинъ отчаянный крикъ: «миръ во что бы то ни стало!», вполнѣ естественно, что тотъ человѣкъ, который вынищется, чтобъ дать этотъ миръ странѣ, на время привлечетъ къ себѣ общее, какъ-бы стихійное сочувствіе. Но проходитъ время, умы отрезвляются и внутреннія язвы края обнажаются ужаснѣе, чѣмъ когда либо;—каково въ эту минуту странѣ убѣдиться, что во главѣ ея, въ челѣ исполнительной власти, стоитъ не иной кто, какъ—Фигаро, хотя и геніальный!

Оставаясь и впредь съ старымъ порядкомъ, въ которомъ силы, значеніе, интеллигенція и голосъ Парижа неограниченно властвовали надъ

Digitized by Google

всѣмъ государствомъ, почти не оставляя самодѣятельности для мѣстныхъ центровъ, французская республика не можетъ расчитывать на прочное и сильное бытіе. Продлить прежній порядокъ—значитъ парализовать оживающія въ народѣ силы и сдѣлать впредь будущность страны зависимою отъ различныхъ столичныхъ революцій и переворотовъ, какъ въ другихъ странахъ она зависитъ отъ революцій дворцовыхъ, серальныхъ. Въ усиленной децентрализаціи, въ поднятіи благосостоянія народа, въ его просвѣщеніи и уравненіи съ другими сословіями лежитъ нынѣ обязанность французскаго правительства. Уже бывшій императоръ понималъ это, и введеніемъ плебисцитовъ, мнимымъ поощреніемъ рабочаго движенія, нѣкоторою долей провинціальнаго самоуправленія выказывалъ стремленіе поднять уровень народной, сельской, рабочей жизни; но у Наполеона III стремленіе это обличало лишь желаніе создать себѣ прочную опору, положась на которую, онъ могъ бы пріобрѣсти желаемую свободу дѣйствій,—республиканское же правительство должно увлекать на тотъ же путь упроченіе здороваго порядка вещей и благосостоянія. При всемъ томъ, застарѣвшее поползновеніе французскихъ государственныхъ людей—декретировать свыше, хотя бы даже свободу, должно быть на вѣки оставлено; въ чемъ грѣшилъ всепоглощающій централизмъ, того да убережется новая система!—Спросить страну о ея нуждахъ, дать ей высказаться вполнѣ и затѣмъ согласить эти требованія съ общей государственной пользой—вотъ что предстоитъ въ ближайшемъ времени совершить и правительству и національному собранію, если оно хочетъ дѣйствительно быть *учредительнымъ* (constituante), а не терять время на пренія о томъ, что имѣлъ въ виду Гарибальди, прибывъ во Францію, или ломая себѣ голову, въ какой городъ перенести свои засѣданія. Вслѣдъ за вопросами внутренней политики собственно, встаетъ и тревожный для государства вопросъ экономическій, финансовый. Средства Франціи истощены, содержаніе армій, возвращеніе плѣнныхъ изъ Германіи, жалованье корпусу Бурбаки,—всѣ эти громадныя траты поддерживаютъ въ финансовомъ отношеніи положеніе дѣлъ почти такое же, какое было и въ теченіе войны; но къ военнымъ издержкамъ присоединяется громаднѣйшая цифра вознагражденія, имѣющаго быть выплаченнымъ Германіи. Сумма эта, доставляющая неисчислимую выгоду Германіи и грозящая разорить въ конецъ Францію, своею чудовищностью поражаетъ даже нѣмцевъ, хотя въ большинствѣ органовъ нѣмецкой печати удивленіе смѣшивается съ самодовольствомъ. Откуда добыть требуемые пять милліардовъ франковъ? По предположеніямъ лондонскаго *экономиста*, Франція должна будетъ сдѣлать заемъ на лондонскомъ рынкѣ, и удержавъ часть денегъ на собственные расходы, значительной долей расплатиться съ Германіей. Но, замѣчаетъ названная газета, французы немного могутъ достать денегъ за границей, если подписка на заемъ не пойдетъ въ широкихъ размѣрахъ въ самой странѣ. «Если они сами выкажутъ безнадежность и недовѣріе къ своимъ финан-

Digitized by Google

самъ или хотя бы къ настоящему правительству, заемъ не состоится. Вообще, настоящая минута чрезвычайно опасна для французскаго кредита. Новое обремененіе казны можетъ быть покрыто либо сокращеніемъ расходовъ, что всегда трудно сдѣлать въ большихъ размѣрахъ, либо увеличеніемъ налоговъ. Но Франція приступаетъ къ дѣлу при дурныхъ предзнаменованіяхъ. Настоящее средство для оживленія французскихъ финансовъ—это свободная торговля и income-tax; но гг. Тьеръ и Пуйе-Кертье—протекціонисты; они начнутъ съ возвышенія таможенныхъ пошлинъ, которое мы уже испытали.... Мы боимся, что подобныя средства поправить финансы Франціи окажутся столь же несчастными, какъ несчастно и все ея финансовое положеніе». Предположенія англійской газеты оказались до нѣкоторой степени справедливыми. Къ г. Тьеру обращалась уже компанія англійскихъ и голландскихъ капиталистовъ съ предложеніемъ принять на себя уплату военныхъ издержекъ, требуя взамѣнъ того передачи въ ея руки взиманія таможенныхъ пошлинъ на всемъ протяженіи французскихъ границъ. О-бокъ съ этимъ дѣловымъ предложеніемъ заявлено другое, свидѣтельствующее о неугасшемъ еще духѣ самоотверженія въ народѣ: это всеобщая подписка на образованіе требуемаго капитала, предложенная бывшимъ министромъ Кремье, препроводившимъ къ президенту при своемъ воззваніи вкладъ въ 100.000 франковъ. Собравъ цѣну крови, Франція избавилась бы ранѣе срока отъ присутствія ненавистныхъ враговъ. Событія послѣднихъ дней грозятъ отдалить это желанное время и дать нѣмцамъ готовый поводъ къ вмѣшательству во имя порядка.

Какъ бы ни были тягостны внутренніе раздоры, какъ бы ни были они въ настоящую минуту преждевременны и опасны, ничто не даетъ права считать Францію глубоко павшею, погибшею. Не можетъ быть ничего безсмысленнѣе, безсодержательнѣе подобныхъ толковъ, идущихъ нынѣ преимущественно въ нѣмецкой печати, этихъ декламацій о развращеніи французскаго характера, о паденіи цивилизаціи. Гнѣвъ исторической Немезиды принимаютъ за конечное разрушеніе жизни; завершеніе одного ея періода считаютъ предѣломъ, за которымъ только позоръ, нищета!— Но въ исторической жизни богато развившихся, окрѣпшихъ народовъ не бываетъ такого внезапнаго разрушенія до тла,—скрытыя силы не замедлятъ обнаружиться, новые соки поднимутся по израненному тѣлу и оно оживится новой жизнью. «Есть растенія, говоритъ извѣстный физіологъ Пастёръ въ письмѣ, которымъ слагаетъ съ себя званіе почетнаго члена Боннскаго университета,—есть растенія, кои, вытерпѣвъ искусственный уходъ рукъ человѣка и разслабляющее вліяніе душной теплицы, такъ мѣняютъ свой внѣшній видъ, что естествоиспытатель, одаренный лишь поверхностнымъ взглядомъ, готовъ измѣнить и самое имя его; но лишь только растеніе снова очутится въ прежнихъ естественныхъ условіяхъ, оно быстро возвращается къ своему коренному типу. Такова

Digitized by Google

теперь и Франція; народный духъ снова вырывается на просторъ, и Богъ одинъ знаетъ, куда повлечетъ его энергическое напряженіе».

Въ то время, когда Франція раздирается внутренними волненіями, у побѣдителя слѣдуютъ торжества за торжествами, и возвращеніе императора въ Берлинъ является рядомъ тріумфовъ. Затѣмъ пойдутъ обычной чередою различныя награды главнѣйшимъ пособникамъ въ походѣ, награды громадными помѣстьями, высшими военными чинами и титулами, а тамъ.... «а тамъ пойдетъ снова по старому». Вмѣсто разрозненныхъ государствъ дѣйствительно создалось одно, съ виду сильное и могучее, но на дѣлѣ скованное только силою обстоятельствъ. Какой принципъ выставитъ оно на поприщѣ міровой исторіи, чѣмъ ознаменовались первыя дѣйствія его? Единство найдено въ поглощеніи цѣлымъ его частей, а не въ свободной жизни ихъ для общаго благосостоянія; прерогатива исполнительной власти поднята высоко надъ всѣми прочими проявленіями народной жизни. Въ внѣшней политикѣ новая имперія обнаружила лишь открытую жестокость, отсутствіе всякаго состраданія къ пораженному врагу, даже какое-то невиданное въ новѣйшія времена грубое наслажденіе его мученіями. Настойчивое требованіе вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Парижъ, когда не подлежало сомнѣнію принятіе и безъ того уже унизительныхъ мирныхъ условій, когда представители французскаго народа, какъ на примѣръ Трошю, положительно отсовѣтовали рѣшаться на этотъ вызывающій шагъ,—показываетъ только чисто восточное упоеніе местью. Въ постановленіи мирныхъ условій всюду ясна цѣль унизить Францію до той степени ничтожества, при которомъ стало бы не возможнымъ возобновленіе войны. «Нѣмцы убѣждены были, говоритъ «Saturday Review», что Франція снова пойдетъ войной на нихъ, какъ только возвратившіяся силы позволятъ ей это; они убѣждены были, что отнынѣ не замолкнутъ крики, требующіе мести за Седанъ, за сдачу Меца и Парижа. Въ этихъ видахъ они дѣйствительно сдѣлали *все, что могли*, чтобъ сдѣлать шансы неизбѣжной войны наиболѣе выгодными для нихъ». Въ совершенную противуположность политикѣ союзниковъ, предписывавшихъ условія Франціи въ 1814 году, они вовсе и не выказывали желанія искоренять непріязнь великодушіемъ, мстить за обиду полнымъ забвеніемъ ея; полвѣка, протекшіе съ тѣхъ поръ, научили ихъ многому, и на мѣсто прекраснодушнаго романтизма въ политикѣ, всѣ ихъ дѣйствія проникнуты беззастѣнчивымъ и рѣзкимъ вымогательствомъ. Основы международнаго права оставляются ими въ сторонѣ; если въ дипломатической перепискѣ иногда и встрѣчаются ссылки на него, то это происходитъ какъ будто изъ приличія, въ силу заведеннаго порядка. На дѣлѣ же, какъ Бисмаркъ, такъ и мельчайшій представитель нѣмецкой арміи и дипломатіи, смѣло ссылаются на право сильнаго, на неотъемлемую вольность завоевателя. По отношенію къ особенностямъ странъ, присоединяемыхъ нынѣ къ составу германской имперіи или ожидающихъ этого присоединенія, какъ

Digitized by Google

Люксембургъ, со дня на день, мы видимъ полное равнодушіе побѣдителя, какъ будто бы дѣло идетъ о механическомъ передвиженіи неодушевленныхъ предметовъ. Нація, которая издавна гордится быть носительницею просвѣщенія, культуры, готовится нынѣ приступить въ Эльзасѣ и Лотарингіи къ тому возмутительному процесу онѣмечиванія, къ тому насильственному навязыванію своей національности, въ которомъ, къ несчастію, она сдѣлалась до того опытною, что увлекаетъ своимъ примѣромъ и другія государства, стремящіяся къ такому же единству. Въ странѣ, которую не десятки, но сотни лѣтъ связывали съ французскимъ народомъ, его преданіями, цивилизаціей, пойдетъ отнынѣ упорное систематическое преслѣдованіе этихъ началъ, грубая ломка всего, что маломальски напоминаетъ прежній порядокъ. Въ Лотарингію, Эльзасъ посылаются миссіонеры для водворенія административнымъ порядкомъ протестантской религіи. Страсбургскій университетъ и за нимъ всѣ школы обращаются въ строго нѣмецкія заведенія, города и мѣстечки получаютъ новыя названія,—словомъ недалеко то время, когда самое произнесеніе простѣйшей фразы на французскомъ языкѣ повлечетъ за собою тяжкое наказаніе. Весь этотъ экспериментъ имѣетъ отдаленной цѣлью привести то блаженное время, когда всякій нѣмецкій патріотъ будетъ въ состояніи, глядя на Эльзасъ, воскликнуть: «здѣсь *прусскій духъ, здѣсь Пруссіею пахнетъ*»!... Возможность другаго порядка вещей почти никѣмъ не усматривается. Нѣмецкій народъ, воспитанный на началахъ абсолютной монархіи, не представляетъ себѣ иного идеала государства, кромѣ полнаго ассимилированія разноплеменныхъ его частей; тѣ же пріемы, которые онъ употребляетъ противъ познанскихъ поляковъ и прусскихъ лужичанъ, онъ прикладываетъ и ко вновь доставшимся ему провинціямъ. Немногіе раздавшіеся понынѣ голоса въ защиту Эльзаса, обращаютъ только вниманіе правительства на поднятіе матеріальнаго благосостоянія провинціи и въ особенности чуть не до конца разоренной промышленности, для чего совѣтуютъ созвать представителей страны (нотаблей) и спросить ихъ о нуждахъ населенія. При федеративномъ устройствѣ единой Германіи нашлась бы возможность выйти и изъ этого труднаго положенія; примѣръ Швейцаріи доказываетъ, что и въ Европѣ возможно совмѣстное и мирное существованіе нѣсколькихъ племенъ въ одномъ и томъ же государствѣ. Но о федераціи въ данную минуту даже опасно говорить, и, когда старикъ Гервинусъ высказалъ печатно свои мысли о возможности иной формы единства, на него посыпались градомъ укоры и оскорбленія не только отъ мелкихъ, но ревностныхъ не въ мѣру патріотовъ, но и отъ лучшихъ представителей нѣмецкой литературы.—Не только отрицается самостоятельность вновь присоединенныхъ провинцій, но весьма вѣроятно раздробленіе одной изъ нихъ. Въ награду за территоріальныя потери, понесенныя Баваріей въ 1866 году, предполагается присоединить къ ней Вейсенбургскій округъ. Сколько ни протестовала нѣмецкая печать противъ этого

Digitized by Google

дѣленія, оно почти неизбѣжно, и уже получено согласіе виртембергскаго и баденскаго правительствъ на выдѣленіе упомянутаго округа изъ Эльзаса.

Выборы въ германскій союзный сеймъ почти уже окончены; результаты ихъ обнаруживаютъ торжество такъ называемой либеральной партіи, отъ которой, впрочемъ, правительство въ минуту необходимости долго еще будемъ слышать полные готовности крики: «распни, распни его». Консервативная партія также представляетъ собою значительный по численности элементъ, и, состоя въ значительной степени изъ католиковъ, теперь уже заставляетъ предвидѣть ту агитацію въ пользу свѣтской власти папы, конкордата и т. д., которой не замедлитъ предаться. Демократическая партія остается въ значительномъ меньшинствѣ, и очевидно, будетъ безсильна противодѣйствовать проискамъ противниковъ. Большую честь здравому смыслу избирателей дѣлаетъ то обстоятельство, что сеймъ, вѣроятно, будетъ избавленъ, по крайней мѣрѣ, отъ присутствія генераловъ, снискавшихъ себѣ лавры въ едва окончившейся войнѣ. Не только Роонъ и Вердеръ, но даже и самъ Мольтке потерпѣли во многихъ округахъ полнѣйшее пораженіе и должны были, хотя въ этомъ мірѣ гражданской жизни, оставить голосъ людямъ, незапя тнавшимъ себя ничьею кровью.

Торжество нѣмецкаго оружія исполнило восторгомъ сердца австрійскихъ нѣмцевъ; во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣмецкій элементъ преобладаетъ, или хотя бы имѣетъ немногихъ представителей, возникла одновременно и, конечно, не безъ общаго плана, мысль учредить торжественные празднества въ честь нѣмецкихъ побѣдъ и блистательнаго мира; въ Вѣнѣ, Градцѣ, Инспрукѣ, Боценѣ и др., составились комитеты для устройства подобныхъ празднествъ. Населеніе, принадлежащее къ другимъ національностямъ, встрѣтило съ негодованіемъ эти анти-австрійскія демонстраціи. Въ отвѣтъ готовы были создаться демонстраціи съ выраженіемъ сочувствія французамъ, и не скрывались намѣренія насильно прекратить лже-патріотическія заявленія австрійскихъ нѣмцевъ. Въ виду грозившихъ несогласій, которыя легко могли бы служить отголоскомъ прискорбныхъ сценъ, вызванныхъ подобнымъ празднествомъ въ Цюрихѣ, новое министерство нашло въ себѣ на столько силы, чтобъ, ссылаясь на «внѣ-германское положеніе австрійской монархіи и въ особенности на принятый ею нейтралитетъ», запретить всѣ подобныя демонстраціи. Этотъ небывалый въ Австріи шагъ нанесъ чувствительное пораженіе нѣмецкой партіи, нашедшей въ этомъ новый поводъ къ своимъ нападкамъ на министерство. Вообще парламентарныя роли въ Цислейтаніи перемѣнились: оппозицію представляютъ нынѣ нѣмцы, и давно еще никакое министерство не выносило такого озлобленнаго натиска отъ славянской оппозиціи, какой оно терпитъ въ настоящее время отъ нѣмцевъ. Графъ Гогенвартъ, по видимому, искалъ сначала компромиса съ нѣм-

Digitized by Google

цами, что увлекло его до весьма безтактнаго назначенія Шмерлинга президентомъ палаты господъ; въ лицѣ его министерство надѣялось пріобрѣсти посредника между собою и конституціонной партіей. Но первое вступленіе Шмерлинга въ должность показало все значеніе сдѣланной ошибки. Въ первой же рѣчи своей онъ выказалъ себя прежнимъ централистомъ, ничему не научившимся со времени паденія своего, и по этому графу Гогенварту пришлось на первыхъ же порахъ ослабить невыгодное впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, прибѣгнувъ къ успокоительнымъ объясненіямъ относительно намѣреній кабинета.

Нѣмецкая партія, предвидя упорную борьбу и не находя ничего добраго для себя въ примирительной политикѣ министерства, рѣшилась устроить общій съѣздъ своихъ членовъ для выработки програмы дѣйствій. Но и этотъ съѣздъ оказался столь же неудачнымъ, какъ и всѣ политическія дѣйствія этой партіи. Не только независимая цислейтанская печать, но даже и венгерскія газеты, сочувствіемъ которыхъ гордились австрійскіе нѣмцы, отозвались презрительно о совѣщаніяхъ людей, обнаружившихъ всю пустоту, безсодержательность и отсталость своего направленія. Въ отвѣтъ на этотъ съѣздъ послѣдовало устройство въ Вѣнѣ громаднаго собранія рабочихъ, въ десять разъ многочисленнѣйшаго и принявшаго резолюцію, въ которой обѣщана поддержка кабинета на условіи введенія прямыхъ выборовъ, неограниченной свободы печати и признанія права ассоціаціи и сходокъ въ обширныхъ размѣрахъ.

При всей озлобленности партіи, привыкшей до сей поры господствовать въ странѣ, министерство не отступаетъ ни шага отъ принятаго однажды направленія. Въ настоящую минуту представители нѣсколькихъ народностей успѣли уже представить министерству въ истинномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ разныхъ областяхъ. «Сколько намъ извѣстно изъ расказовъ ѣздившихъ въ Вѣну делегатовъ нашихъ, говоритъ *Слово*, мы видимъ, что министры ручались, что они хотятъ быть справедливыми для русскаго народа. Одинъ изъ министровъ высказалъ даже ту истину, что государство страдаетъ, коль скоро не удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ народа». Министръ этотъ усмотрѣлъ такое положеніе дѣлъ въ самой Австріи и заявилъ, что подобное положеніе дѣлъ дальше продолжаться не можетъ. Депутаты отъ галицко-русскаго народа представили министерству програму, выработанную галицкимъ политическимъ обществомъ «Русская народная рада». Для устраненія ненормальнаго положенія русскаго народа требуется пересмотръ мѣстнаго избирательнаго устава, введеніе прямыхъ выборовъ въ имперскую думу, уравненіе правъ всѣхъ племенъ и для этого обнародованіе особаго закона о національностяхъ; далѣе русскіе протестуютъ противъ всѣхъ изданныхъ административнымъ путемъ, распоряженій, которыми, на перекоръ началу равноправности, оскорбляются права русскаго народа; требуютъ отмѣны всѣхъ министерскихъ приказовъ, которыми введенъ исключительно польскій языкъ въ

Digitized by Google

администраціи, судахъ и школахъ восточной, русской, Галиціи, какъ равно и преобразованія галицкаго училищнаго совѣта, который, находясь вполнѣ въ польскихъ рукахъ, не обращаетъ должнаго вниманія на нужды русской части населенія; наконецъ, требуется свободное замѣщеніе уніатскихъ приходовъ, основанное на полной самостоятельности этого исповѣданія.

Польская часть населенія Галиціи также вступила въ переговоры съ министерствомъ о соглашеніи. Представители ея намѣрены потребовать внесенія въ имперскую думу такъ называемой резолюціи львовскаго сейма, въ которой высказаны были разъ навсегда требованія поляковъ. Министерству выпадетъ на долю искусно согласить требованія обѣихъ національныхъ элементовъ Галиціи, и оно силою обстоятельствъ будетъ поставлено передъ неизбѣжнымъ и единственно спасительнымъ средствомъ умиротворенія страны, — передъ раздѣленіемъ ея на восточную и западную половины. На этомъ только основаніи и можно будетъ фактически достигнуть, наконецъ, русско-польскаго соглашенія, — хотя бы въ Галиціи. Что касается сношеній съ чехами, то различные толки нѣмецкой печати о переговорахъ графа Гогенварта съ Ригеромъ, графомъ Кламъ-Мартиницемъ и другими чешскими представителями являются слишкомъ преувеличенными. Несомнѣнно, что въ Вѣнѣ былъ одинъ только Ригеръ; но даже его появленія было достаточно, чтобы дать министерству всѣ необходимыя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Чехіи и о сущности чешскихъ требованій. Къ положительнымъ результатамъ эти переговоры еще не привели, но, по свѣдѣніямъ «Zukunft», есть много вѣроятія, что мирное рѣшеніе вопроса станетъ возможнымъ.

Мы уже не разъ говорили, что въ настоящее время національное движеніе охватило мало по малу всѣ славянскіе народы. Одновременно съ упомянутыми заявленіями и переговорами не прекращается во всѣхъ областяхъ, населенныхъ словенцами, заявленія солидарности всѣхъ ихъ и преданности одной и той же программѣ. Въ то же Время и въ Хорватіи національная оппозиція начинаетъ дѣйствовать смѣлѣе и въ виду предстоящихъ выборовъ въ хорватскій сеймъ уже напрягаетъ свои силы для пораженія мадьярской партіи. Она обращаетъ къ новому бану Бедековичу рядъ требованій, общихъ всему хорватскому народу; въ нихъ она желаетъ для него всѣхъ благъ, которыми пользуются государства, свободно управляемыя, — охраненія личной свободы и неприкосновенности домашняго очага, свободы печати, ассоціаціи и сходокъ, уравненія правъ всѣхъ исповѣданій, отмѣны всѣхъ преимуществъ, даваемыхъ происхожденіемъ, и т. д. Но до настоящей минуты ничто еще не указываетъ на то, чтобы перемѣна правителя въ Хорватіи отразилась и на перемѣнѣ системы. Мадьярская политика, поборникомъ которой былъ до послѣдняго времени Бедековичъ, всѣхъ позже придетъ къ убѣжденію въ необходимости уступокъ. Забывая о многочисленныхъ не-вен-

Digitized by Google

герскихъ національностяхъ, мадьяры имѣютъ въ виду лишь удовлетвореніе своихъ завѣтныхъ стремленій. Такъ въ настоящее время они настаиваютъ на томъ, чтобы къ существующей уже мадьярской національной арміи, носящей названіе гонведовъ, присоединены были и мадьярская кавалерія и даже артиллерія. Необходимость этихъ родовъ войскъ была указана необыкновенно прямо и откровенно во время преній въ нижней палатѣ пештскаго сейма. Графъ Бела-Кеглевичъ въ рѣчи своей указалъ на то, что только тѣ націи способны уцѣлѣть, у которыхъ развито національное сознаніе; австрійскія національности лишены этого сознанія и по этому Австрія должна распасться. Съ ея паденіемъ перестанетъ существовать и австрійская армія, — *поэтому* нужно организовать армію мадьярскую и кадры для нея заготовить теперь же. Впрочемъ, требованія гонведской артиллеріи встрѣтили сопротивленіе въ министерствѣ, которое, для успокоенія раздраженнаго національнаго чувства, обѣщало организовать ее со временемъ и изъ охотниковъ.

Когда цислейтанскіе нѣмцы взываютъ къ солидарности съ Германіей и заявляютъ уже планы полнаго присоединенія къ ней западной половины имперіи (какъ то дѣлаетъ вышедшая недавно въ Вѣнѣ эксцентрическая брошюра «Ein deutschösterreichisches Wort zur Verfassungsfrage,») а мадьяры стараются во-время обезпечить себя на случай борьбы съ славянами, послѣднимъ остается искать въ единствѣ дѣйствій той силы, которую Цислейтанія ожидаетъ отъ нѣмецкихъ полковъ, а Венгрія отъ отечественныхъ штыковъ и пушекъ. Идея о съѣздѣ представителей славянскихъ племенъ Австріи, высказанная и въ *Бесѣдѣ*, нашла себѣ живое выраженіе въ вызовѣ, сдѣланномъ *Заставой*, созвать въ Вѣнѣ или Пештѣ, къ 9, 10 и 11 апрѣля, конференцію всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей западныхъ и южныхъ славянъ при участіи въ ней и румыновъ, если они на то согласятся; при этомъ предположено условиться относительно началъ общей програмы, избрать постоянный комитетъ для завѣдыванія текущими дѣлами и основать международный органъ, посвященный славянскимъ политическимъ интересамъ. На этой конференціи, планъ которой встрѣченъ былъ весьма сочувственно, было бы вполнѣ умѣстно обсудить и важный вопросъ о польско-русскомъ соглашеніи. Въ собраніи представителей главнѣйшихъ славянскихъ племенъ вполнѣ умѣстно будетъ указать на чисто славянскій характеръ этого вопроса, и въ минуту братскаго единенія хотя бы заявить о взаимной готовности предать забвенію прошлое несогласіе.

Въ остальной Европѣ ходъ дѣлъ течетъ обычнымъ порядкомъ; пренія и толки печати о реформѣ англійской арміи, пренія въ итальянскомъ парламентѣ о правахъ и льготахъ, присваиваемыхъ папѣ взамѣнъ прежней власти, не остывшее еще волненіе различныхъ мелкихъ партій въ Испаніи и не измѣнившаяся пока умѣренность новаго правительства, — вотъ что составляетъ въ настоящую минуту политическій интересъ этихъ

Digitized by Google

странъ.—Долго облеченныя въ непроницаемый и загадочный мракъ, совѣщанія черноморской конференціи закрылись, наконецъ, постановивъ рѣшеніе, которымъ возстановляется какъ для Россіи, такъ и для Турціи право защиты своихъ береговъ и содержанія флота на Черномъ морѣ и отвергнуты притязанія Австріи на верховное наблюденіе за нижнимъ Дунаемъ. Цѣня важность правъ, возвращенныхъ нынѣ нашему отечеству, и утрата которыхъ была не совмѣстна съ достоинствомъ и силой его, какъ великой державы, мы (не зная еще офиціальной редакціи постановленія) не можемъ не выразить желанія, чтобъ возстановленіемъ флота не была преграждена свобода дѣйствій Россіи по вопросамъ, тѣсно связаннымъ не только съ защитой ея южной окрайны, но и со всею ея политической будущностью.

Нельзя не порадоваться, что замѣшательства и несогласія, которыми грозилъ разрѣшиться черноморскій вопросъ, устранены мирнымъ путемъ. Въ настоящее время, когда вся Европа въ большей или меньшей степени изстрадалась отъ продолжительной войны, новый разладъ былъ бы губителенъ для того, хотя пока еще и не вполнѣ приглядного, порядка вещей, который съумѣла выработать новѣйшая цивилизація.—Отовсюду слышатся голоса, требующіе упроченія мирнаго и свободнаго развитія племенъ; они слышатся даже изъ той страны, которая успѣхомъ своего оружія вознесена на высшую ступень военнаго могущества. Эти-то голоса, привлекающіе къ себѣ невольную симпатію, указываютъ на дорогія свойства кореннаго нѣмецкаго характера, когда онъ не затемненъ властолюбіемъ и милитаризмомъ. Увидѣвъ снова родину послѣ долгаго изгнанія, Фрейлигратъ обращается нынѣ къ ней съ привѣтомъ и въ глубоко прочувствованномъ стихотвореніи высказываетъ свои задушевныя желанія, отрадно поражающія среди свирѣпаго разгула воинственныхъ страстей. Онъ желаетъ,

Dasz aufs Geklirr der Waffen
Ein langer goldner Tag
Für der Freiheit fröhliches Schaffen
Den Völkern glänzen mag.
Dasz, thronend in Aller Mitte,
Du walten magst in Ruh'
Des Rechts, der Lichts, der Sitte,
Freieiniges Deutschland du!.....

Digitized by Google

ЗАМѢТКА *).

Suum cuique.

Хотя я не принималъ прямаго, дѣятельнаго участія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, тѣмъ не менѣе я слѣдилъ за нимъ очень прилежно и душею участвовалъ въ его невзгодахъ и успѣхахъ. Историческая часть этого дѣла мнѣ близко извѣстна; а потому прошу позволенія исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ статью, помѣщенную въ № 2 «Бесѣды», подъ заглавіемъ: *Когда и гдѣ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею заявлена офиціально*?

Г. Z. говоритъ: «Многіе думаютъ, что это сдѣлано редакціонною коммисіею; но такое мнѣніе совершенно ошибочно. Всѣ мыслящіе люди въ Россіи никогда не предполагали возможности освобожденія крестьянъ безъ земли. Доказательствомъ тому могутъ служить и мысли Радищева и мнѣнія декабристовъ и др.» Едва ли это такъ. Не слыхалъ я ни отъ кого, до появленія вышеупомянутой статьи, чтобы мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею была приписываема редакціонной коммисіи. Ея великая заслуга заключается въ томъ, что она строго, послѣдовательно и неуклонно провела эту мысль во всѣхъ своихъ проектахъ; въ этомъ ей честь и слава. Самая же мысль о надѣленіи освобожденныхъ крестьянъ землею столько же мало принадлежитъ редакціонной коммисіи, сколько и людямъ, которымъ ее приписываетъ г. Z. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, хотя и много говорили объ освобожденіи крестьянъ и дворовыхъ людей, но никѣмъ мысль объ утвержденіи за крестьянами земельнаго надѣла не была положительно и послѣдовательно проводима ни письменно, ни даже въ частныхъ, самыхъ откровенныхъ бесѣдахъ. Какъ подъ луною никакой совершенно новой истины нѣтъ, и какъ всякая истина въ зародышѣ заключается въ началахъ,

*) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ эту замѣтку, потому что она, не опровергая того факта, что мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею поднята въ первый разъ *офиціально* тверскимъ комитетомъ, существенно дополняетъ статью, помѣщенную во 2-й книгѣ «Бесѣды».

Digitized by Google

прежде высказанныхъ, то и мысль вышеупомянутая тамъ и сямъ, бѣгло и поверхностно, могла быть высказана. Инвентари, указъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ, свѣдѣнія о произведенномъ въ Пруссіи, по мысли Штейна, уничтоженіи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ, и въ особенности изученіе русской исторіи и народнаго русскаго быта вызвали, развили и утвердили мысль, что освобожденіе крестьянъ безъ земли въ Россіи было бы не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ ихъ быта, было бы не шагомъ впередъ, а бѣдовымъ отступленіемъ назадъ. Эта мысль всего усерднѣе разрабатывалась въ Москвѣ и неоспоримо, что тутъ ея колыбель и мѣсто развитія. Въ Петербургѣ эта мысль проводилась нѣсколькими москвичами, туда пріѣзжавшими или тамъ пребывавшими. Печатно она въ первый разъ обстоятельно и послѣдовательно была высказана въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 года, въ статьѣ г. Кошелева: *по поводу журнальныхъ статей о замѣнѣ обязанной работы наемною и объ общинной поземельной собственности.* Вскорѣ затѣмъ явился Высочайшій рескриптъ къ виленскому генералъ-губернатору, и тогда почти всѣ журналы взялись за разработку этого вопроса, и тутъ, конечно, не малую долю пользы принесъ, спеціально крестьянскому дѣлу посвященный при «Русской Бесѣдѣ» учрежденный журналъ «Сельское благоустройство.» Основная мысль этого журнала была освобожденіе крестьянъ съ землею.

Г. Z. говоритъ, что г. Унковскій, губернскій предводитель Тверской губерніи, и г. Головачовъ, одинъ изъ уѣздныхъ предводителей этой же губерніи, «представили правительству свои соображенія о необходимости совершеннаго упраздненія крѣпостнаго права и вотчинной полиціи, выкупа полнаго крестьянскаго надѣла, въ видахъ общей государственной пользы, и возложенія уплаты процентовъ на всѣ сословія.» Эта записка мнѣ весьма памятна и хорошо извѣстна; не буду оцѣнивать ея внутренняго достоинства, но не могу умолчать и о другихъ лицахъ, представившихъ въ то же время свои записки по тому же предмету. Извѣстно, что подано было очень много записокъ, проектовъ и проч. и въ числѣ ихъ самыми замѣчательными были проекты Кавелина, Позена, Самарина, кн. Черкаскаго и Кошелева. Проектъ послѣдняго былъ самый широкій и самый положительный и имѣлъ въ виду полное освобожденіе крестьянъ съ оставленіемъ за ними почти полнаго надѣла, съ выкупомъ посредствомъ банковой операціи и съ уплатою процентовъ самими крестьянами. Сколько мнѣ извѣстно, этотъ проектъ, переданный въ редакціонную коммисію, заслужилъ тамъ особенно благопріятнаго отзыва.

Впрочемъ, я вовсе не желаю отрицать заслугъ тверскаго губернскаго комитета по дѣлу освобожденія крестьянъ. Онъ дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ шелъ впереди всѣхъ прочихъ губернскихъ комитетовъ и тѣмъ стяжалъ себѣ право на общую благодарность.

Уничтоженіе крѣпостной зависимости въ Россіи есть дѣло такое важное,

Digitized by Google

что его никто не могъ совершить своимъ личнымъ дѣйствіемъ, какъ бы впрочемъ оно сильно ни было. Это великое дѣло совершено не тѣмъ или другимъ лицомъ, а всею страною подъ могущею десницею своего великаго Государя. Исторія произнесетъ свой судъ и со временемъ воздастъ каждому дѣятелю по его заслугамъ; теперь же кого либо увѣнчивать—значитъ, какъ мнѣ кажется, не сознавать настоящаго смысла совершившагося преобразованія. Счастливъ тотъ, кому удалось хоть одинъ камень вложить въ воздвигнутое зданіе! Счастливъ и тотъ, кто, сочувствуя этому дѣлу, видѣлъ его совершеніе.

А.

С.-Петербургъ.
12 марта 1871 г.

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

И. Г. СОЛОВЬЕВА.

Москва, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Первая цѣна означена безъ пересылки, вторая—съ пересылкой.

Сочиненія С. В. Ешевскаго. 3 т. М. 1870—71. Ц. 6 р.—6 р. 60 к.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. Т. I. 3 книги. Спб. 1871. Ц. 7 р.—8 р.

Временщики и фаворитки XVI—XVIII ст. Соч. К. Биркина. 2 ч. Спб. 1871. Ц. 5 р.—5 р. 50 к.

Бумаги флорентинскаго центральнаго архива, касающіяся до Россіи. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1871. Ц. 5 р.—5 р. 50 к.

Исторія святыхъ вселенскихъ соборовъ. Вып. I. Еп. Іоанна. М. 1871. Ц. 85 к.—1 р. 20 к.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ. Соч. Эд. Лабулэ. 3 ч. Спб. 1870—1871. Ц. 5 р.—6 р.

Государственные преступники Англіи. Историческій очеркъ Лондонской Башни. Соч. В. Диксона. Спб. 1871. Ц. 2. р. 50 к.—3 р.

Задача и метода государственныхъ наукъ. В. Сергѣевича. М. 1871. Ц. 1 р. 25 к.—1 р. 50 к.

Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. В. Сергѣевича. М. 1867. Ц. 2 р.—2 р. 30 к.

Городовое положеніе 16 іюня 1870 г. Изд. К. С. Толоконникова. М. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Второй съѣздъ сельскихъ хозяевъ при И. М. О. С. Х. М. 1871. Ц. 3 р.—3 р. 50 к.

Краткій обзоръ пятидесятилѣтней дѣятельности И. М. О. сельскаго хозяйства. М. 1871. Ц. 25 к.—50 к.

Русская начальная школа. Бар. Н. А. Корфа. Изд. 2. Спб. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

Основанія безконечно-малыхъ. Дюгамеля. Перев. П. Савостьянова. Воронежъ. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—3 р.

Физіологія и патологія души. Г. Маудели. Перев. И. Исаипа. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—3 р.

Среди богомольцевъ. Наблюденія и замѣтки во время путешествія по Востоку. Н. Благовѣщенскаго. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—3 р.

Новый Египетъ. Соч. Гр. В. А. Соллогуба. Спб. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

Digitized by Google

Изъ недавнихъ воспоминаній о недалекомъ Западѣ. Повѣсть Ев. Львова. М. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы и драматическія сочиненія. Н. А. Лейкина. 2 т. Спб. 1871. Ц. 3 р. 50 к.—4 р.

Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ. 4 т. Спб. 1870. Ц. 8 р.—9 р.

Современная Пруссія. Соч. Э. Лавель. Спб. 1870. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 80 к.

Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологія растеній, Ю. Либиха. 2-е изд. М. 1870. Ц. 3 р. 50 к.—4 р.

Изслѣдованія въ области русской исторіи. Вас. Пассека. М. 1870. Ц. 1 р. 20.—2 р.

Историческое обозрѣніе дѣйствій и трудовъ И. Московскаго Общества сельскаго хозяйства за 2-е двадцатипятилѣтіе. М. 1870. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 80 к.

Подробное описаніе путешествія въ Московію и Персію А. Алеарія. Перев. П. Варсова. М. 1870. Ц. 3 р. 50 к.—4 р.

Конопля и ея продукты. Соч. М. Пузанова. М. 1870. Ц. 1 р. 25 к.—1 р. 50 к.

Очеркъ маслобойнаго производства. В. Андреева. М. 1870 г. Ц. 75 к.—1 р.

Digitized by Google

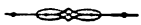
Стран.

XII.—РУССКІЯ СУДНЫЯ ДѢЛА.—Преступленія противъ вѣры.—Бража мертвыхъ тѣлъ.—Стѣсненія свободы раскольничьихъ вѣроученій.—Похороненіе мертвыхъ тѣлъ не по обрядамъ господствующей церкви.—Положеніе католичества по дѣйствующему закону.—Мнимое принятіе православія.—Дѣла о крещеніи ребенка безъ ксендза и священника и о похороненіи по обрядамъ католической вѣры мнимо-православнаго крестьянина.—Переходъ изъ православія въ вѣру Моисеева закона. **А. Е. Носа**. . 29

XIV.—ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Развязка европейской трагедіи.—Что будетъ съ Франціей?—Волненія въ Парижѣ; причина ихъ и значеніе.—Роль Тьера и характетъ національнаго собранія; задачи, предстоящія новому правительству.—Экономическое положеніе страны.—Надежды на возрожденіе французскаго государства.—Торжество побѣдителей.—Чѣмъ заявила себя новая имперія.—Будущность Эльзаса и его онѣмечиваніе.—Преимущества федеративнаго единства.—Результаты выборовъ въ сеймъ.—Прусскія торжества въ Австріи.—Переговоры министерства съ славянской оппозиціей.—Желанія русскихъ, поляковъ, чеховъ и хорватовъ.—Мадьярское національное войско.—Отпоръ славянъ и съѣздъ для его организаціи.—Закрытіе лондонской конференціи и всеобщая жажда мира 37

XV.—ЗАМѢТКА.—А. 50

ОБЪЯВЛЕНІЯ.—Русская книжная торговля И. Г. Соловьева.



☞ **Объявленія** для помѣщенія въ ближайшей книжкѣ «Бесѣды» принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за страницу—10 руб., за ½ страницы—5 руб., за ¼ страницы—3 руб. Помѣщающіе свои объявленія послѣдовательно въ нѣсколькихъ книжкахъ пользуются уступкою 15%; равно и гг. книгопродавцамъ, обращающимся прямо въ контору редакціи, дѣлается уступка 25%. Кромѣ конторы редакціи объявленія принимаются у Н. А. Мейера (Солянка, домъ Бабурина).

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Бесѣда» издается съ 1871 года, въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1. **Изящная словесность.** Русскія произведенія въ стихахъ и прозѣ, переводы и изложенія сочиненій иностранныхъ писателей.

2. **Науки и искусства.** Статьи о разныхъ предметахъ наукъ и искусствъ.

3. **Жизнь русскаго народа:** а) Движеніе русскаго законодательства. б) Судъ, земство, городское и крестьянское управленіе. в) По возможности всестороннее изученіе русской народной жизни. г) Статьи по всѣмъ вопросамъ, отъ которыхъ зависитъ умственное, нравственное и общественное развитіе Россіи и ея экономическое благосостояніе. д) Статьи по всѣмъ отдѣламъ русской исторіи.

4. **Славянскіе народы.** Исторія славянскихъ народовъ, ихъ бытъ, ихъ дѣятельность умственная, общественная, политическая, и вопросы, возбуждаемые современнымъ ихъ положеніемъ.

5. **Иноплеменные народы.** Ихъ историческое развитіе, современное состояніе ихъ умственной, религіозной, общественной, политической жизни, и вопросы, занимающіе ихъ въ настоящее время.

6. **Критика** замѣчательныхъ произведеній русской словесности и иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ какое-либо значеніе для Россіи или въ общей исторіи просвѣщенія.

7. **Политическій отдѣлъ.** Обозрѣніе политическихъ событій и статьи по вопросамъ, сюда относящимся.

8. **Обозрѣніе** замѣчательныхъ явленій въ наукахъ, искусствахъ, религіозной, государственной, общественной, торговой, промышленной и вообще экономической жизни, какъ въ Россіи и славянскихъ земляхъ, такъ и у иноплеменныхъ народовъ.

9. **Смѣсь.** Статьи разнаго рода, извѣстія по части словесности, наукъ, искусствъ, торговли, сельскаго хозяйства и проч.

10. **Библіографія.**

„Бесѣда" выходитъ каждый мѣсяцъ книжками отъ восьмнадцати до тридцати печатныхъ листовъ, въ первой половинѣ мѣсяца.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ безъ доставки 15 руб., съ доставкою на домъ и во всѣ мѣста Имперіи 16 руб. 50 коп; за полгода, или за 6 книжекъ, безъ доставки, 7 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой 9 руб.— Заграничные подписчики приплачиваютъ къ 15 руб.: для Австріи и Германіи—3 руб., для Франціи—5 руб., для Англіи и Турціи—6 руб.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи (Срѣтенка, домъ Щепкина), въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, (Страстной бульваръ) и въ книжныхъ магазинахъ: **А. И. Глазунова** (Кузнецкій мостъ), **М. О. Вольфа** (Кузнецкій мостъ), **М. М. Черенина** (уголъ Рождественки и Софійки). Въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Базунова** (Невскій проспектъ) и въ книжномъ магазинѣ **Я. А. Исакова** (Гостиный дворъ).

Иногородные подписчики обращаются исключительно въ редакцію журнала, надписывая свои требованія такъ: въ Редакцію журнала «Бесѣда», Москва, на углу Садовой и 4-й Мѣщанской, домъ Пятницкой.

Лица, желающія получать журналъ съ пересылкою за границу, обращаются или прямо въ контору Редакціи, или къ Я. А. Исакову въ С.-Петербургѣ, и И. Г. Соловьеву, въ Москвѣ. Можно получать журналъ также чрезъ заграничныхъ книгопродавцевъ: Герольда въ Вѣнѣ, Ашера въ Лондонѣ и Берлинѣ, и Штейгера въ Нью-Йоркѣ.

О перемѣнѣ адреса редакція проситъ сообщать заблаговременно съ обозначеніемъ послѣдне-полученной книжки и прежняго мѣста полученія.

Редакторъ-Издатель **С. А. Юрьевъ.**

Digitized by Google

259187

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

БЕСѢДА

IV

МОСКВА
1871.

Digitized by Google

КНИГА IV-я.—АПРѢЛЬ. 1871 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЪ I.

Стран.

I.—ВЪ ВОДОВОРОТѢ.—Романъ. Окончаніе второй части. Гл. VII—XII.—**А. Ѳ. Писемскаго** 5

II.—ЛЮБУША И ПРЕМЫСЛЪ.—Чешское преданіе.—Стихотвореніе **А. Н. Майкова** 74

III.—РУССКІЯ БЫЛИНЫ ВЪ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.—I.—**Н. Д. Кваснина-Самарина** . . . 78

IV.—ЧЬЯ ПРАВДА?—Драма.—**О. А. Голохвастовой** 116

V.—ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.—**Н. Ф. Ковалева** 205

VI.—КЛАСИЦИЗМЪ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ НАУКИ.—**Д. А. Столыпина**. 245

VII.—О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ СЪ ЗЕМСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.—**А. И. Кошелева**. 266

VIII.—О ВСЕОБЩЕЙ ВОЕННОЙ ПОВИННОСТИ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНІЮ.—N. 278

IX.—РОССІЯ И МОРЕПЛАВАНІЕ.—**Х. М. Вольдемара** 289

X.—БОЛГАРЕ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ПАТРІАРХІЯ.—**М. С. Дринова** 324

XI.—БЫЛЬ.—Стихотвореніе **Н. П. Орлова** 360

ОТДѢЛЪ II.

I.—НОВЫЯ КНИГИ.—Русская юридическая литература.—Судебная реформа въ Россіи — И. Филиппова. — Полицейское право — М. Андреевскаго. — О порядкѣ производства дѣлъ по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ— И. Ѳедоровскаго. — Юридическіе этюды по гражданскому праву—А. Хоткевича. — Процесъ гг. Кострубо-Карицкаго, Дмитріевой и др.—**А. Е. Носа** 1

Иностранная литература.—Gegen Gervinus — K. Braun.—Im neuen Reich.—Lücken im Völkerrecht— A. Trendelenburg. — Heinrich IV und Philipp III — M. Philippson 51

II.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I.—Тревога въ станѣ классиковъ.—Сравнительное языкознаніе.—Новые языки и способъ ихъ изученія.—Историческій очеркъ ихъ преподаванія у насъ.—Мѣна учебниковъ. — Необходимость новой системы преподаванія. — Учебникъ г. Гемиліана и

Digitized by Google

INDEXED

БЕСѢДА

1871

Digitized by Google

Digitized by Google

БЕСѢДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

Книга IV.—Апрѣль

МОСКВА
И. Г. Соловьевъ. Страстной бульваръ
главная контора журнала

ВѢНА
C. Gerold u. Sohn

БЕРЛИНЪ, ЛОНДОНЪ
A. Acher & C°

НЬЮ-ІОРКЪ
E. Steiger

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
А. Ѳ. Базуновъ. Невскій проспектъ
главная контора журнала

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
259187
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1903. L

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°.
Большая Дмитровка, д. № 7.

Digitized by Google

ВЪ ВОДОВОРОТѢ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII.

Приходъ, къ которому принадлежалъ домъ князя Григорова, а также и квартира Елены, былъ обширный и богатый. Священникъ этого прихода, довольно еще молодой, былъ большой любитель до свѣтской литературы. Онъ имѣлъ пріятный теноръ, читалъ во время служенія всегда очень толково, волосы и бороду немного подстригалъ, ходилъ въ синихъ или темногранатныхъ рясахъ и носилъ при этомъ часы на золотой цѣпочкѣ. Съ купечествомъ и съ своею братіею, духовенствомъ, отецъ Іоаннъ (имя священника) говорилъ, разумѣется, въ извѣстномъ тонѣ; но съ дворянствомъ, и особенно съ молодыми людьми, а еще паче того со студентами, любилъ повольнодумничать, и повольнодумничать порядочно. Дьяконъ же въ этомъ приходѣ, съ лицомъ нѣсколько перекошеннымъ и похожимъ на кривой топоръ (басъ онъ имѣлъ неимовѣрнѣйшій) былъ, на противъ, человѣкъ совершенно простой, занимался починкой часовъ и переплетомъ книгъ; но за то былъ прелюбопытный и зналъ до мельчайшихъ подробностей все, что въ приходѣ дѣлалось: на примѣръ, ему положительно было извѣстно, что князь по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать не исповѣдывался и не причащался, что никогда не ходилъ ни въ какую церковь. Въ недавнее время онъ провѣдалъ и то, что князь къ нимъ же въ приходъ перевезъ содержанку свою. Обо всемъ этомъ дьяконъ са-

Digitized by Google

мымъ добродушнѣйшимъ образомъ докладывалъ священнику. Тотъ на это не дѣлалъ никакого замѣчанія и только при этомъ какъ-то необыкновенно гордо смотрѣлъ на дьякона. Вообще отецъ Іоаннъ держалъ весь причтъ ужасно въ какомъ отдаленномъ и почтительномъ отъ себя разстояніи. Въ одну изъ заутрень дьяконъ доложилъ снова ему:

— Метреса-то у князя родила.

— А она дѣвица? спросилъ зачѣмъ-то священникъ.

— Дѣвица, кажется! отвѣчалъ дьяконъ.

Отецъ Іоаннъ на это ничего не сказалъ, но какъ будто бы ему пріятно было слышать, что дѣвица родила.

Князь и Елена въ этотъ самый день именно недоумѣвали, какимъ образомъ имъ пригласить священниковъ крестить ихъ ребенка: идти для этого къ нимъ князю самому,—у него рѣшительно не хватало духу на то, да и Елена находила это совершенно неприличнымъ; послать же горничную звать ихъ,—они, пожалуй, обидятся и не придутъ. Пока Елена и князь рѣшали это, вдругъ къ нимъ въ комнату вбѣжала кухарка и доложила, что маменька Елены Николаевны пріѣхала и спрашиваетъ, «примутъ ли ее?»

Елизавета Петровна до того смиренно явилась, что даже вошла не въ переднюю дверь, а черезъ заднее крыльцо въ кухню.

Князь и Елена переглянулись между собой.

— Что-жь, ты примешь ее? спросилъ онъ Елену по-французски.

Та сдѣлала недовольную мину.

— Очень бы не желала; но если сегодня ее не принять, все равно, она завтра пріѣдетъ.... отвѣчала Елена тоже по-французски.—Проси! присовокупила она кухаркѣ по-русски.

Та ушла, и вслѣдъ затѣмъ появилась Елизавета Петровна тише травы, ниже воды.

— Ну что, какъ твое здоровье? сказала она, подойдя къ дочери, самымъ кроткимъ голосомъ.

Елена послѣ родинъ еще не вставала и лежала въ постелѣ.

— Теперь ничего! отвѣчала она довольно сухо матери.

Елизавета Петровна простояла нѣкоторое время въ молчаніи: она даже шляпки не снимала съ головы, ожидая, вѣроятно, что ее не пригласятъ долго оставаться.

— А что можно мнѣ внучка моего посмотрѣть? прибавила она опять кротчайшимъ голосомъ.

— Посмотрите!.. Онъ тамъ въ комнатѣ!.. отвѣчала Елена, показывая ей глазами на сосѣднюю комнату.

Digitized by Google

Елизавета Петровна самыми тихими шагами ушла туда.

Князю, между тѣмъ, пришла мысль воспользоваться посѣщеніемъ Елизаветы Петровны.

— А что ежели я попрошу мать твою похлопотать насчетъ крестинъ?.. Я тутъ ничего не понимаю, сказалъ онъ Еленѣ.

— Очень хорошо сдѣлаешь; пусть она и устроитъ все это!... отвѣчала Елена, видимо довольная этой выдумкой князя.

— Но кто же скажетъ ей о томъ: ты или я? спрашивалъ князь.

— Я скажу! отвѣчала Елена.

Въ это время Елизавета Петровна возвратилась изъ дѣтской.

— Премиленькой!.. *Агушка* ужь понимаетъ, ей Богу! проговорила она тихо и тихо сѣла около дочери.

— Какое понимаетъ!... Мы еще и не крестили его, и имени ему не давали!... сказала Елена.

— Ахъ, какъ это можно!.. Пора, пора! посовѣтовала Елизавета Петровна нѣсколько посмѣлѣе: она и тѣмъ была довольна, что съ нею разговариваютъ, а не молчатъ.

— Мы оба не знаемъ, какъ это сдѣлать... продолжала Елена.—Похлопочите, пожалуйста, вы объ этомъ.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! сказала Елизавета Петровна совершенно уже смѣло и съ нѣкоторою даже важностію.—Я-то это дѣло очень хорошо знаю... Слава тебѣ Боже, у меня самой трое дѣтей было.

— А у васъ трое было дѣтей? спросилъ ее князь ласково. Онъ очень ужь благодаренъ былъ Елизаветѣ Петровнѣ, что она принимала на себя крестинныя хлопоты.

— Трое-съ. Въ живыхъ только вотъ она одна, ненаглядное солнышко, осталась, отвѣчала Елизавета Петровна, и вздохнула даже при этомъ, а потомъ, снимая шляпку, обратилась къ дочери:— Ну, такъ я извощика, значитъ, отпущу; ночевать, впрочемъ, не останусь, а уѣду къ себѣ: гдѣ мнѣ, старухѣ, по чужимъ домамъ ночевать... И не засну, пожалуй, всю ночь.

Послѣднія слова Елизавета Петровна сказала для успокоенія Елены, чтобы та не подумала, что она совсѣмъ у ней хочетъ поселиться: получая и безъ нея отъ князя акуратнымъ образомъ по триста рублей въ мѣсяцъ, она вовсе не хотѣла обременять ее собой.

— Скажите, что вы вѣроятно все-таки желаете сдѣлать завтракъ для священниковъ? отнеслась она къ князю.

— Право не знаю! отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.—Желаю, чтобы было сдѣлано, какъ вездѣ это дѣлается.

Digitized by Google

— Вездѣ такъ и дѣлается, вездѣ! подхватила Елизавета Петровна,—потому что шампанское акушерка подаетъ: тутъ ей обыкновенно и деньги кладутъ,—въ этомъ ея главный доходъ. И какъ же теперь шампанское подавать безъ завтрака,—не ловко, согласитесь сами...

Князь согласился съ ней.

— Наконецъ, священники всегда обижаются, когда ихъ не угощаютъ,—всегда!... Сколько разъ я отъ нихъ слыхала: «закусочки, говорятъ, даже не поставили, словно щенка какого нибудь мы крестили»!

Елизавета Петровна очень настаивала на завтракѣ, главнымъ образомъ по тому, что въ эти минуты сама очень проголодалась, и въ ея воображеніи необыкновенно пріятно рисовались отбивныя телячьи котлеты, превосходно приготовляемыя однимъ ея знакомымъ кухмистеромъ-кондитеромъ, поставлявшимъ обыкновенно обѣды на свадьбы, похороны, крестины.

— Ну, такъ вы, поэтому, священниковъ и пригласите!... подхватилъ князь, болѣе всего безпокоимый послѣднимъ обстоятельствомъ.

— Хорошо! сказала Елизавета Петровна на первыхъ порахъ очень было рѣшительно; но потомъ она пообдумала, видно, нѣсколько.

— На два слова! сказала она, уходя въ другую комнату и махая рукой князю.

Тотъ хоть и не совсѣмъ охотно, но вышелъ къ ней.

— Я за священниками сходить—схожу, начала Елизавета Петровна,—но что я мать Елены, я имъ не скажу; потому что будь она дама, то другое бы дѣло....

— Ну, да!... подхватилъ князь, очень хорошо понявшій, что хочетъ сказать Елизавета Петровна.

— Я сейчасъ же къ нимъ въ церковь и пойду, благо обѣдня еще не кончилась. Вѣдь, эта большая церковь, вѣроятно, вашъ приходъ? присовокупила она, показывая на виднѣвшуюся въ окно огромную колокольню.

— Эта самая! отвѣчалъ князь.

— Въ минуту слетаю туда! сказала Елизавета Петровна и, проворно войдя въ комнату дочери, проворно надѣла тамъ шляпку и проворнѣйшимъ шагомъ отправилась въ церковь, куда она, впрочемъ, поспѣла къ тому уже времени, когда юный священникъ выходилъ съ крестомъ. Онъ, видимо, хотѣлъ представить себя

Digitized by Google

сильно утомленнымъ, и грустнымъ выраженіемъ лица желалъ какъ-бы свидѣтельствовать о своихъ аскетическихъ подвигахъ.

Елизавета Петровна прямо подлетѣла къ нему.

— Покорнѣйшая просьба, батюшка, въ вамъ! проговорила она, поцѣловавъ крестъ и раскланиваясь передъ священникомъ.

Ея нахальный и расфранченный видъ невольно обратили вниманіе отца Іоанна.

— Чѣмъ могу служить-съ? отвѣчалъ онъ, потупляя передъ ней свои голубыя глаза.

— Тутъ одна моя знакомая родила и желаетъ имя наречи и окрестить своего ребенка.

— Это въ домѣ Яковлева, вѣроятно? спросилъ всезнающій и стоящій около священника дьяконъ.

— Точно такъ, отвѣчала Елизавета Петровна.

— Это что я вамъ вчера говорилъ, сказалъ дьяконъ священнику.

— А! произнесъ тотъ, снова потупляя свои глаза.

— Такъ завтрашній день въ 12-ть часовъ окрестить и откушать!.. продолжала Елизавета Петровна.

— Хорошо-съ! сказалъ священникъ задумчивымъ тономъ.

Получивъ этотъ отвѣтъ, Елизавета Петровна отправилась обратно къ дочери.

— Ну-съ, священниковъ я пригласила, сказала она.—А кто же у васъ будутъ воспріемниками: кумъ и кума?

— Кумъ будетъ Миклаковъ, отвѣчалъ князь и затѣмъ пріостановился.

— А кума ужь вы будьте! подхватила Елена.

— Хорошо, очень пріятно, съ большимъ удовольствіемъ! отвѣчала Елизавета Петровна радостно и немножко важничая.—Теперь, поэтому, о завтракѣ только надобно похлопотать,—сколько вы изволите жертвовать на него? отнеслась она снова къ князю.

Толстыя телячьи котлеты все соблазнительнѣй и соблазнительнѣй рисовались въ воображеніи Елизаветы Петровны.

— Сколько нужно будетъ? отвѣчалъ тотъ.

— Ста рублей не пожалѣете?

— Разумѣется! сказалъ, усмѣхаясь, князь.

Во все это время Елена имѣла мучительнѣйшее выраженіе лица.

— Постороннихъ у васъ никого не будетъ, а только кумъ, кума, акушерка, докторъ?

— Да! подтвердилъ князь.

Digitized by Google

— Ахъ, кстати о докторѣ!.. подхватила Елизавета Петровна, какъ будто бы къ слову.—У васъ, вѣдь, Елпидифоръ Мартынычъ лѣчитъ, а что вы заплатили ему?

— То есть, я ему заплачу потомъ, отвѣчалъ князь, нѣсколько сконфуженный такимъ вопросомъ.

Елена же при этомъ болѣе не вытерпѣла.

— Мамаша, это наконецъ несносно!.. Что за распросы: заплатили ли тому, что дадите на то?.. Вамъ что за дѣло до этого?! почти вскрикнула она сердитымъ голосомъ.

— Не буду, не буду больше! отвѣчала Елизавета Петровна, замѣтно струхнувъ, и затѣмъ подойдя къ Еленѣ, поцѣловала ее, перекрестила и проговорила:—Ну, прощай, я поѣду... До свиданья! присовокупила она почти дружественнымъ голосомъ князю.

Тотъ, не вставая съ мѣста, кивнулъ ей головой.

Елизавета Петровна отправилась къ знакомому ей кухмистеру, тоже пѣшкомъ и тѣмъ же проворнымъ шагомъ. Услышавъ, что онъ боленъ, она не остановилась передъ этимъ и дорвалась до его спальни. Кондитеръ былъ уже девяностолѣтній старикъ, глухой и плохо видящій.

— Здравствуйте, Яковъ Иванычъ! воскликнула Елизавета Петровна, входя къ нему.—Что, вы вѣроятно не узнали меня?

— Нѣтъ, не знаю, извините! отвѣчалъ кондитеръ, выглядывая на нее изъ-подъ зеленаго зонтика своего.

— Я—Елизавета Петровна Жиглинская!

— А, вотъ кто... Очень радъ, покорнѣйше прошу садиться! заговорилъ кондитеръ гораздо болѣе любезнымъ голосомъ.—Въ прежніе годы, когда у Жиглинскихъ былъ картежный домъ, почтенный старецъ готавливалъ у нихъ по тысячѣ и по полторы обѣды.

— Я къ вамъ съ дѣломъ, продолжала Елизавета Петровна:— приготовьте-ка мнѣ завтрачекъ,—у меня дочь родила.

— Дочь?.. Вотъ какъ! воскликнулъ старецъ еще привѣтливѣе.—За кѣмъ же она замужемъ? присовокупилъ онъ.

— Да тутъ за однимъ господиномъ... Его, впрочемъ, нѣтъ въ Москвѣ.

— Нѣтъ въ Москвѣ? повторилъ, какъ-бы соображая кое-что про себя, многоопытный старецъ.

— Завтрачекъ вы мнѣ сдѣлайте персонъ на десять, рублей во сто серебромъ.

— Можно это! протянулъ старецъ, и въ его почти омертвѣломъ лицѣ на мгновеніе блеснулъ лучъ какого-то удовольствія:

Digitized by Google

онъ сразу же тутъ сообразилъ, чтоотъ этого дѣла рублей съ полсотни наживетъ.

— Завтрачекъ, понимаете, чтобы приличный, дворянскій былъ.

— Дворянскій будетъ! подтвердилъ старикъ.—А въ карты послѣ крестинъ будутъ играть?

— Конечно будутъ! отвѣчала, неизвѣстно на какомъ основаніи, Елизавета Петровна.

— Чтобы карты отъ моихъ лакеевъ были! объяснилъ старецъ.

— Отъ вашихъ, отъ вашихъ! успокоила его Елизавета Петровна, и затѣмъ, оставивъ ему адресъ Елены, отправилась, наконецъ, домой. Всѣмъ этимъ днемъ и тѣмъ, что случилось съ ней, Елизавета Петровна была очень довольна.

На другой день, часу въ 12-мъ, лица, долженствующія участвовать въ крещеніи, собрались. Князь, впрочемъ, по предварительному соглашенію съ Еленой, не пришелъ совсѣмъ. Елпидифора Мартыныча тоже не было: не получая до сихъ поръ отъ князя ни полушки, онъ наконецъ разобидѣлся и дня два уже не былъ у Елены.

Елизавета Петровна, разумѣется, явилась раньше всѣхъ, въ чепцѣ съ цвѣтами, набѣленная, нарумяненная; лице ея дышало важностью и удовольствіемъ. Акушерка тоже была довольно нарядна и довольно весела, но зато Миклаковъ, въ новомъ своемъ фракѣ, въ новомъ бѣльѣ и бѣломъ даже галстукѣ, сидѣлъ мрачный въ залѣ на стулѣ. Онъ самъ напросился на кумовство, а теперь и не радъ былъ тому, потому что вся эта процедура начинала казаться ему страшно скучною. Наконецъ пришли священники. Отецъ Іоаннъ былъ въ самой новенькой своей гарнитуровой рясѣ; подстриженные волоса и борода его были умаслены, сапоги чистѣйшимъ образомъ вычищены. Онъ велѣлъ на эти крестины взять весьма дорогія ризы, положенныя еще покойнымъ отцемъ князя Григорова въ церковь; купель тоже была (это, впрочемъ, по распоряженію дьякона) вычищена. Церемонія началась. Отецъ Іоаннъ одной своей гарнитуровой рясой и сильно вычищенными сапогами уже произвелъ на Миклакова весьма непріятное впечатлѣніе; но когда онъ началъ весьма жеманно служить, выговаривая черезчуръ ясно и какъ бы отчеканивая каждое слово, а иногда зачѣмъ-то поднимая къ верху свои голу-

Digitized by Google

бые глаза, то просто привелъ его въ бѣшенство: «Вотъ фиглярьто и комедіантъ»! думалъ Миклаковъ, стоя у купели. Затѣмъ отецъ Іоаннъ, говоря куму и кумѣ, чтобъ они дунули и плюнули, точно какъ будто бы усмѣхнулся при этомъ. «А, такъ ты вотъ еще изъ какихъ... Ну, я теперь тебя насквозь понимаю!» продолжалъ почти съ бѣшенствомъ думать Миклаковъ. Онъ имѣлъ своимъ правиломъ, что если кто попъ, такъ и будь попъ... будь набоженъ, а если кто офицеръ, такъ будь храбръ и не разсуждай; но если выскочилъ умственно и нравственно изъ своего положенія, такъ выходи вонъ и ищи себѣ другой дѣятельности. Отца Іоанна онъ рѣшился, при первомъ удобномъ случаѣ, срѣзать на чѣмъ свѣтъ стоитъ. По окончаніи церемоніи, дьячки, забравъ купель и облаченіе, сейчасъ же отправились домой. Отецъ Іоаннъ ни на какихъ обѣдахъ и завтракахъ не позволялъ имъ оставаться, такъ какъ имъ всегда почти накрывали или въ лакейской, или гдѣ нибудь въ заднихъ комнатахъ: онъ не хотѣлъ, чтобы духовенство было такъ публично унижаемо; самъ же онъ остался и усѣлся въ передній уголъ, а дьяконъ все ходилъ и посматривалъ то въ одну сосѣднюю комнату, то въ другую, и даже заглядывалъ подъ ларь въ передней. Ему все хотѣлось увидать князя Григорова, который, по его мнѣнію, непремѣнно долженъ быть гдѣ нибудь тутъ. Елизавета Петровна, расплакавшаяся отъ полноты чувствъ во время церемоніи, по окончаніи ея, сейчасъ же повела Миклакова поздравить родильницу.

Елена лежала на постелѣ въ новенькомъ, нарядномъ чепчикѣ, въ батистовой, бѣлѣйшей кофтѣ и подъ розовымъ одѣяломъ. Такимъ образомъ нарядиться ее почти насильно заставила Елизавета Петровна и даже сама привезла ей все это въ подарокъ.

— Ну, поздравляю васъ, поздравляю! говорилъ Миклаковъ Еленѣ.

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ? повторила та дважды и какъ-бы укоризненнымъ голосомъ.

Елизавета Петровна, нисколько, разумѣется, не понявшая подобнаго возраженія дочери, прошла въ другую комнату, чтобы поскорѣе велѣть подавать священникамъ чай.

Когда Миклаковъ снова вернулся въ залу, къ нему сейчасъ же обратился отецъ дьяконъ.

— Вашъ чинъ и фамилія для записанія въ книгу?

— Надворный совѣтникъ Миклаковъ, отвѣчалъ ему тотъ.

— Благодарю! сказалъ дьяконъ и записалъ фамилію на бумажкѣ.

Digitized by Google

Отецъ Іоаннъ внимательно вслушался въ отвѣтъ Миклакова. Онъ сейчасъ же догадался, что это былъ тотъ самый сочинитель, про котораго онъ недавно еще читалъ въ одномъ журналѣ ругательнѣйшую статью.

Отецъ Іоаннъ въ натурѣ своей, между прочимъ, имѣлъ два свойства. Во первыхъ, онъ всему печатному почти безусловно вѣрилъ: если котораго сочинителя хвалили, тотъ и по его мнѣнію былъ хорошъ, а котораго бранили, тотъ худъ; во вторыхъ, не смотря на свой кроткій видъ, онъ былъ человѣкъ весьма эхидный и любилъ каждаго уязвить чѣмъ только могъ.

— А я недавно читалъ критику на ваши сочиненія, началъ онъ, кладя съ замѣтнымъ франтовствомъ ногу на ногу.

— На мои сочиненія? спросилъ Миклаковъ нѣсколько уже удивленнымъ голосомъ.

— Да, отвѣчалъ ему отецъ Іоаннъ съ важностью.—Тутъ, прибавилъ онъ съ нѣкоторой разстановкой,—во многомъ васъ порицаютъ, и я нахожу, что нѣкоторыя изъ порицаній справедливы и основательны.

— Вы находите? повторилъ Миклаковъ. Въ голосѣ его послышался какой-то ужь хрипъ, и еслибъ отецъ Іоаннъ зналъ, какую онъ бурю злобы поднималъ противъ себя въ душѣ Миклакова, то, конечно, остерегся бы говорить ему подобныя вещи. Миклаковъ рѣшился уже теперь не продернуть попенка, а просто на просто пугнуть его хорошенько. Сдѣлавъ надъ собой всевозможное усиліе, чтобъ овладѣть собою, онъ прежде всего вознамѣрился приласкаться къ отцу Іоанну, и пользуясь тѣмъ, что въ это время вошла въ залу Елизавета Петровна и общимъ поклономъ просила всѣхъ садиться за завтракъ, нараднѣйшимъ образомъ разставленный офиціантами старца,—онъ, какъ-бы совершенно добродушнымъ образомъ, обратился къ нему:

— Что намъ, батюшка, предаваться безполезнымъ литературнымъ разговорамъ!... Выпьемте-ка лучше съ вами водочки!

— Нѣтъ-съ, благодарю, я не пью, отвѣчалъ отецъ Іоаннъ не безъ важности.

— А вы, отецъ дьяконъ? спросилъ Миклаковъ дьякона.

— Я пью-съ! пробормоталъ тотъ.

— Водку не пить конечно прекрасная вещь, продолжалъ Миклаковъ,—но я все дѣтство мое и часть молодости моей прожилъ въ деревнѣ и вотъ что замѣчалъ: священникъ если ньяница, то по большей части малый добрый; но если ужь не пьетъ, то всегда почти сутяга и кляузникъ.

Digitized by Google

— Это есть, есть! подтвердилъ съ удовольствіемъ и дьяконъ, улыбаясь себѣ въ бороду.

Отецъ Іоаннъ эти слова, кажется, принялъ прямо сказанными на его счетъ; но, по наружности, постарался это скрыть.

— Образъ жизни деревенскихъ священниковъ таковъ, отвѣчалъ онъ,—что, находясь посреди невѣжественныхъ крестьянъ, они невольно отъ скуки или обезумѣвать себя должны, или изощрять свой умъ въ писаніи какихъ нибудь кляузъ. Здѣсь вонъ есть и библіотеки, и духовные концерты,—и то въ нашемъ санѣ инымъ временемъ бываетъ крайне скучно.

— Ну, нѣтъ!... По-моему, тутъ есть нѣсколько другая причина, возразилъ ему Миклаковъ:—они видятъ, что имъ каждодневно приходится обманывать этихъ невѣжественныхъ крестьянъ, ну и совѣстно: люди попорядочнѣе и пьютъ со стыда! Самъ Миклаковъ, въ продолженіи всего этого разговора, пилъ безпрестанно и ничего почти не ѣлъ.

— Чѣмъ же они обманываютъ ихъ? спросилъ отецъ Іоаннъ съ легкимъ оттѣнкомъ улыбки на лицѣ.

— Какъ чѣмъ, батюшка? воскликнулъ Миклаковъ.—Ахъ, отецъ Іоаннъ!.. отецъ Іоаннъ!.. прибавилъ онъ, какъ бы дружественно-укоризненнымъ голосомъ,—будто вы не знаете и не понимаете этого....

Отецъ Іоаннъ позамѣтнѣе при этомъ улыбнулся; но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ Миклакову глазами на дьякона, какъ бы упрашивая его не компрометировать его и не говорить съ нимъ о подобныхъ вещахъ при этомъ человѣкѣ.

— Меня вотъ что всегда удивляло, продолжалъ Миклаковъ, какъ-бы вовсе не понявшій его знака:—я знаю, что есть много умныхъ и серьезно образованныхъ священниковъ,—что они, произнося проповѣди, искренно ли убѣждены въ томъ, что говорятъ, или нѣтъ?

— Смотря по тому, что говорятъ... Отвѣчалъ отецъ Іоаннъ съ прежней полуулыбкой.

— Стало быть, есть нѣчто и даже, можетъ быть, нѣсколько этихъ *нѣчто*, въ чемъ вы сомнѣваетесь? спросилъ Миклаковъ.

— Конечно, что нельзя же всего провѣрить умомъ человѣческимъ, и потому многое остается неразгаданнымъ, отвѣчалъ опять какъ-то уклончиво отецъ Іоаннъ: тайное предчувствіе шептало ему, что онъ долженъ былъ говорить осторожно.

— Но надѣюсь, что въ этомъ случаѣ не дьяволъ же васъ

Digitized by Google

смущаетъ и поселяетъ въ васъ сомнѣніе, проговорилъ Миклаковъ, пожимая плечами.

— Разумѣется... Что же такое дьяволъ?! отвѣчалъ отецъ Іоаннъ, уже явно усмѣхаясь.

Выраженіе лица Миклакова въ эту минуту мгновенно измѣнилось: изъ добродушнаго оно сдѣлалось какимъ-то строгимъ.

— А вѣдь это скверно, батюшка, ужасно скверно! воскликнулъ онъ.

Глаза Миклакова въ это время совершенно уже посоловѣли, и онъ былъ замѣтно пьянъ. Въ эту же самую минуту вышла акушерка съ шампанскимъ.

Миклакову пришлось отдать ей свои послѣднія десять рублей, что еще болѣе усилило его дурное расположеніе духа.

— Скверно это-съ, скверно! продолжалъ онъ повторять.

Отецъ Іоаннъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не понимая, къ чему онъ это говоритъ.

— Вотъ, изволите видѣть, объяснилъ наконецъ Миклаковъ (языкъ у него при этомъ нѣсколько даже запинался):—въ той статьѣ, о которой вы такъ обязательно напомнили мнѣ, говорится, что я подкупленъ правительствомъ; а такъ какъ я человѣкъ искренній, то и не буду этого отрицать,—это болѣе чѣмъ правда: я, дѣйствительно, служу въ тайной полиціи...

Отецъ Іоаннъ, а также и дьяконъ подались нѣсколько назадъ на своихъ мѣстахъ.

— И вотъ о томъ, батюшка, что вы, по вашимъ словамъ, во многомъ сомнѣваетесь, я,—извините меня,—долженъ буду донести моему начальству, а оно, вѣроятно, сообщитъ объ этомъ митрополиту.

Отецъ Іоаннъ поблѣднѣлъ при этомъ.

— Я ничего подобнаго не говорилъ! произнесъ онъ.

— Какъ, вы ничего не говорили? Нѣтъ? нѣтъ?... Не отнѣкивайтесь!.. По вашему священству, вамъ стыдно такое запирательство чинить! Вы—свѣтильники наши... болталъ Миклаковъ.

— Что же я такое говорилъ? воскликнулъ отецъ Іоаннъ: у него губы уже дрожали при этомъ.—Доносъ и клевета конечно все могутъ на человѣка изобрѣсть! присовокупилъ онъ.

— Что на васъ будетъ доносъ—это совершенно справедливо; но чтобы это была клевета—это вздоръ-съ, совершеннѣйшій вздоръ-съ! восклицалъ, какъ-то даже взвизгивая, Миклаковъ.

— Но я васъ прошу, по крайности... началъ было отецъ Іоаннъ

Digitized by Google

и не могъ докончить, потому что въ это время Елизавета Петровна позвала Миклакова къ Еленѣ.

— Это зачѣмъ? спросилъ было тотъ.

— Нужно-съ, ступайте! повторила настоятельно Елизавета Петровна.

Миклаковъ послушался и пошелъ.

— Что это вы за глупости священнику говорили, что донесете на него!.. сказала Елена сердитымъ голосомъ Миклакову: весь предыдущій разговоръ она слышала отъ слова до слова изъ своей комнаты.

— Учу батьку, дресирую немножко его! отвѣчалъ Миклаковъ.

— Подите сейчасъ и скажите ему, что вы все это шутили.

— Ни за что, ни за что!.. воскликнулъ Миклаковъ.—Пусть себѣ мучится и терзается... А вотъ у васъ такъ ручку поцѣлую, ибо сейчасъ домой отправляюсь! сказалъ Миклаковъ и въ самомъ дѣлѣ поцѣловалъ у Елены руку.

— Говорятъ же вамъ, скажите, что вы шутили! повторила ему еще разъ Елена.

— Я ему скажу только другое, только другое! говорилъ Миклаковъ, выходя въ залу, гдѣ сейчасъ же отыскалъ свою шляпу.

— Такъ я буду имѣть неудовольствіе донести на васъ! сказалъ онъ, расшаркиваясь передъ отцемъ Іоанномъ,—а васъ похвалю, похвалю,—попъ настоящій! отнесся онъ къ дьякону и ушелъ.

Отецъ Іоаннъ остался совершенно растеряннымъ; но его также Елизавета Петровна позвала къ Еленѣ.

— Вы, пожалуйста, не безпокойтесь, сказала ему та:—Миклаковъ вовсе не служитъ въ тайной полиціи,—это честнѣйшій и либеральнѣйшій человѣкъ.

Отецъ Іоаннъ, какъ-то сомнительно скосивъ ротъ, улыбнулся.

— Судя по тѣмъ отзывамъ, которые я читалъ о немъ въ литературѣ, онъ далеко не пользуется именемъ такого человѣка.

— Онъ потому и не пользуется, что очень честенъ, всѣмъ говоритъ правду въ глаза, всѣхъ задираетъ!... Пожалуйста, не безпокойтесь!

— Благодарю васъ за утѣшеніе, хоть и не могу вполнѣ онымъ успокоиться, а прошу васъ объ одномъ, что если будетъ какой либо доносъ, засвидѣтельствовать въ мою пользу, отвѣчалъ отецъ Іоаннъ.

Этой своей просьбой онъ показался противнымъ Еленѣ.

— Да не будетъ на васъ никакого доноса! воскликнула она съ явной досадой.

Digitized by Google

— Дай Богъ!. произнесъ, вздохнувъ, отецъ Іоаннъ и за тѣмъ, раскланявшись съ Еленой, вышелъ отъ нея, а черезъ минуту оба они съ дьякономъ шли къ домамъ своимъ, имѣя при этомъ головы понуренными!

VIII.

Миклаковъ издавна велъ безобразную жизнь, такъ что, по его собственному выраженію, онъ съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ литературу, ничего ужь порядочнаго не дѣлалъ и даже послѣднее время читалъ мало. Утра у него, обыкновенно, проходили въ службѣ, а вечера или у какого нибудь пріятеля, гдѣ затѣвались карты, попойка и безсмысленные споры съ разными пошляками, или у пріятельницы секретной; но встрѣча съ княгиней и нѣкоторое сближеніе съ ней заставило его какъ-бы отрезвиться физически и нравственно и устыдиться своихъ поступковъ. Собственно говоря, Миклаковъ не признавалъ за женщиной ни правъ на большой умъ, ни правъ на высокія творческія способности въ искусствахъ, а потому больше всего цѣнилъ въ нихъ сердечную нѣжность и цѣломудріе. Корделію, дочь короля Лира, онъ считалъ высшимъ идеаломъ всѣхъ женщинъ; нѣчто подобное онъ видѣлъ и въ княгинѣ, поразившей его, по преимуществу, своей чистотой и строгой нравственностью. Что касается до сей послѣдней, то она, въ свою очередь, тоже день ото дня начала получать о Миклаковѣ все болѣе и болѣе высокое понятіе: кромѣ его прекраснаго сердца, которое княгиня въ немъ подозрѣвала вслѣдствіе его романическаго сумашествія, она стала въ немъ видѣть человѣка очень честнаго, умнаго, образованнаго и независимаго рѣшительно ни отъ чьихъ чужихъ мнѣній. Обо всѣхъ этихъ качествахъ Миклакова княгинѣ, впрочемъ, больше натолковалъ князь.

Спустя нѣсколько дней послѣ крестинъ у Елены, госпожа Петицкая, успѣвшая одной только ей извѣстнымъ способомъ провѣдать, что у Елены родился сынъ, и даже то, что она не хотѣла его крестить,—сейчасъ же прибѣжала къ княгинѣ и расказала ей объ этомъ. Какъ княгиня ни была готова къ подобному извѣстію, все-таки оно смутило и встревожило ее. Она рѣшилась распросить

Digitized by Google

поподробнѣе Миклакова, который, какъ донесла ей та же госпожа Петицкая, былъ воспріемникомъ ребенка.

Вечеромъ Миклаковъ, по обыкновенію, пришелъ къ княгинѣ, и всѣ они втроемъ усѣлись играть въ карты. Княгиня, впрочемъ, часовъ до одиннадцати не въ состояніи была обратиться къ Миклакову съ распросами; наконецъ она начала, но и то издалека:

— А что, скажите, вы видаете вашу знакомую m-lle Жиглинскую?

— Видаю-съ! отвѣчалъ ей Миклаковъ почтительно.—Онъ постоянно держалъ себя у княгини нѣсколько мрачно; но съ величайшимъ уваженіемъ какъ къ ней самой, такъ и ко всей окружающей ее средѣ.

— У ней есть, кажется, прибавленіе семейства? продолжала княгиня.

Миклаковъ нѣкоторое время затруднялся отвѣчать; но потомъ, какъ видно, надумалъ.

— Если ужь вы знаете объ этомъ, то скрывать конечно нечего... Есть!

— Что же, сынъ или дочь? спросила его уже госпожа Петицкая, по обыкновенію, самымъ невиннымъ голосомъ, какъ будто бы ничего объ этомъ не знавшая и въ первый разъ еще слышавшая о томъ.

— Сынъ-съ! отвѣчалъ ей Миклаковъ довольно вѣжливо.

«Князь, я думаю, очень этимъ доволенъ?» хотѣла было первоначально спросить княгиня, но у ней духу не хватило, и она перевернула на другое:—А вотъ что еще мнѣ скажите: правда ли, что Жиглинская не хотѣла было крестить ребенка?

Вопросъ этотъ опять очень смутилъ Миклакова: отъ княгини онъ не хотѣлъ бы ничего скрывать и въ то же время при госпожѣ Петицкой не желалъ ничего говорить.

— Что за пустяки такіе! произнесъ онъ, усмѣхаясь.

— Я думаю, что вздоръ! подхватила княгиня, потому что еслибъ это правда была, то это показывало бы, что она какая-то страшная и ужасная женщина.

— Нѣтъ, она вовсе не страшная и не ужасная женщина, отвѣчалъ Миклаковъ уже серьезно,—а немножко эксцентричная — это дѣйствительно; но въ то же время она очень умная и честная дѣвушка!

— Не знаю, можетъ быть, это отъ ея эксцентричности происходитъ; но про нее въ самомъ дѣлѣ расказываютъ ужасныя вещи, вмѣшалась въ разговоръ госпожа Петицкая.

Digitized by Google

— Мало ли про кого что расказываютъ-съ! отвѣчалъ ей съ удареніемъ Миклаковъ: онъ самъ слыхалъ про госпожу Петицкую такія вещи, которыя тоже могли бы показаться ужасными; но только не хотѣлъ ей напоминать теперь о томъ.

Княгиня, между тѣмъ, оставалась печальною и смущенною; ей невольно припомнилось то время, когда она была невѣстой князя: какъ онъ трепеталъ отъ восторга при одномъ ласковомъ взглядѣ ея, отъ одного легкаго пожатія руки ея, и что же теперь стало? Княгиня готова была расплакаться отъ грусти. Ея печальный видъ не свернулся съ глазъ Миклакова и навелъ его тоже на весьма невеселыя мысли касательно собственнаго положенія.

«Она все еще, кажется, изволитъ любить мужа, думалъ онъ, играя въ карты и взглядывая по временамъ на княгиню, — да и я-то хорошъ, продолжалъ онъ, какъ-то злобно улыбаясь,—вообразилъ, что какая нибудь барыня можетъ заинтересоваться мною: изъ какого чорта и изъ какого интереса дѣлать ей это?... Рожицы смазливой у меня нѣтъ; богатства—тоже; ловкости военнаго человѣка не бывало; физики атлетической не имѣю. Есть нѣкоторый умишко,—да на что онъ имъ?... Въ семъ предметѣ они вкуса настоящаго не знаютъ».

«Все это прекрасно-съ! разсуждалъ онъ за тѣмъ, придя домой и въ томъ же озлобленномъ настроеніи.—Но если я въ самомъ дѣлѣ не имѣю для ея сіятельства никакого значенія, то зачѣмъ же мнѣ въ такомъ случаѣ таскаться къ ней каждый день?.. Надобно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ей декларацію: «такъ и такъ-молъ, а тамъ, какъ вамъ угодно будетъ». Но Миклаковъ очень хорошо зналъ, что на словахъ онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать никогда никакой декларацiи ужь по одному тому, что всякій человѣкъ, объясняющійся въ любви, до того ему казался смѣшнымъ и ничтожнымъ, что онъ скорѣе бы умеръ, чѣмъ самъ всталъ въ подобное положеніе.

«Мы княгинѣ напишемъ! рѣшился онъ послѣ нѣкотораго размышленія,—благо бумага все терпитъ: трусъ на бумагѣ можетъ явиться храбрецомъ; подлецъ нагло говоритъ о своемъ благородствѣ; она смиренно переноситъ всякую ложь, пошлость, глупость,—виватъ бумагѣ! Напишемъ-съ!» повторилъ еще разъ Миклаковъ, и дѣйствительно написалъ. Письмо его вышло въ томъ же юмористическомъ и насмѣшливомъ тонѣ, хоть вмѣстѣ съ тѣмъ на сердцѣ у него сильно щемило и болѣло:

«Милостивая государыня, княгиня Елизавета Сергѣевна! писалъ

Digitized by Google

онъ.—Если дьяволамъ дозволено не безкорыстно возводить свои очи на ангеловъ земныхъ, именуемыхъ женщинами, то я виновенъ въ томъ предъ вами, и пылаю къ вамъ неудержимой страстью, послѣ которой опять, можетъ быть, придется еще разъ сойти съ ума. Съ вашей стороны, прошу быть совершенно откровенною, и если вамъ не благоугодно будетъ дать благопріятный на мое письмо отвѣтъ, за полученіемъ котораго не премину я самъ прійти, то вы просто велите вашимъ лакеямъ прогнать меня: «не смѣй-де, этакая демократическая шваль, питать такія чувства къ намъ, бѣлокостнымъ»! Все же сіе будетъ легче для меня, чѣмъ сидѣть вѣки вѣчинскіе въ холодномъ и почтительномъ положеніи передъ вами, тогда какъ душа требуетъ пасть передъ вами ницъ и молить васъ хоть о маленькой взаимности».

Отправившись, какъ и всегда, вечеромъ къ княгинѣ, Миклаковъ захватилъ это письмо съ собой. Госпожу Петицкую онъ засталъ тамъ же: она еще и не уходила со вчерашняго вечера отъ княгини. Сѣли, какъ водится, играть въ карты. Миклаковъ безпрестанно щупалъ себя за карманъ, какъ-бы опасаясь, чтобы письмо оттуда не выскочило. Самъ онъ былъ при этомъ блѣденъ и какъ-то встревоженъ. Все это замѣтили княгиня и госпожа Петицкая. Послѣдняя врядъ ли не догадалась, что она тутъ немножко лишняя, потому что, воспользовавшись первой удобной минутой, вышла. По уходѣ ея, Миклаковъ сейчасъ же началъ какимъ-то могильнымъ и торопливымъ тономъ.

— Вы какъ-то просили меня прочесть вамъ мои сочиненія,— это все вздоръ, они не стоютъ того; а вотъ я лучше желаю, чтобы вы прочли то, что я собственно для васъ написалъ. Можно вамъ передать это?

Тутъ ужь княгиня въ свою очередь поблѣднѣла.

— Давайте! проговорила она торопливо.

Миклаковъ вынулъ изъ кармана письмо и подалъ его ей. Княгиня сейчасъ же спрятала его въ карманъ.

— Я завтра приду за отвѣтомъ! присовокупилъ Миклаковъ.

— Приходите! отвѣчала княгиня протяжно.

Госпожа Петицкая довольно долго еще не возвращалась; но Миклаковъ и княгиня ни слова уже не говорили между собой и даже не глядѣли другъ на друга.

Весь слѣдующій день Миклаковъ провелъ въ сильномъ безпокойствѣ и волненіи. Онъ непремѣнно ожидалъ, что когда придетъ къ Григоровымъ, то усатый швейцаръ ихъ, съ мрачнымъ выра-

Digitized by Google

женіемъ въ лицѣ, скажетъ ему строгимъ голосомъ: «Дома нѣтъ-съ!»

Но швейцаръ однако встрѣтилъ его съ обычной своей флегмой:

— А что, дома княгиня? спросилъ его Миклаковъ.

— У себя-съ! отвѣчалъ швейцаръ, повертывая къ нему свою засаленую спину и вѣшая вмѣстѣ съ тѣмъ его пальто на обычномъ гвоздикѣ.

Миклаковъ прошелъ въ гостиную, гдѣ княгиня всегда его принимала; но тамъ никого не засталъ и оставался довольно долгое время одинъ, такъ что, увидавъ выглянувшую на него изъ-за дверей, съ любопытствомъ, горничную, онъ поспѣшилъ сказать ей:

— Доложи княгинѣ, что я пришелъ.

— Слушаю-съ! отвѣчала та и вѣроятно сейчасъ же доложила, потому что княгиня наконецъ вышла. Лице ея имѣло весьма растроенное и какъ бы испуганное выраженіе:

— Bonsoir! сказала она и тотчасъ же сѣла на диванъ въ нѣсколько церемонной позѣ.

Миклаковъ тоже сѣлъ не вдалекѣ отъ нея и тоже въ церемонной позѣ. Разговоръ между ними не начинался нѣсколько минутъ; наконецъ Миклаковъ прервалъ это молчаніе.

— Я пришелъ получить вашъ отвѣтъ на мое письмо.... проговорилъ онъ.

— Вы уже получили его! отвѣчала княгиня, держа глаза совсѣмъ опущенными въ землю.

— То есть, я не прогнанъ: значитъ, я могу растолковать это совершенно въ мою пользу?

— Я не знаю, ей Богу, отвѣчала княгиня, не поднимая глазъ.

— Какъ, вы не знаете? спросилъ Миклаковъ, удивленный и испуганный такимъ отвѣтомъ:—я, кажется, весьма прямо и ясно спросилъ.

Княгиня молчала.

— Почему-жь вы отвѣчаете мнѣ такъ уклончиво? присовокупилъ онъ.

— Потому что я не могу иначе отвѣчать! сказала княгиня.

— Отчего-жь не можете?

— Оттого, что я на дняхъ совсѣмъ уѣзжаю въ Петербургъ, къ отцу и матери своей.

И слезы при этомъ заискрились на глазахъ княгини.

— Въ Петербургъ уѣзжаете, навсегда!... повторилъ глухимъ голосомъ Миклаковъ.—И вы давно имѣли это намѣреніе?

Digitized by Google

— Давно!

— Ну, и то хорошо, что раньше этого не зналъ!.. Было въ жизни хоть нѣсколько минутъ счастливаго самообольщенія.... Охъ, Боже мой, Боже мой! какъ бы больше простоналъ Миклаковъ.

Княгиня обмирала и едва могла переводить дыханіе. Получивъ наканунѣ объясненіе въ любви Миклакова, она съ той поры пережила тысячу разнообразныхъ и мучительныхъ чувствованій: сначала она обрадовалась, потому что для нея найдена наконецъ была цѣль въ жизни, но потомъ и испугалась того: какъ, отвѣчать любовью совершенно постороннему человѣку? Что скажетъ ея совѣсть?... Что скажетъ князь... общество? Отказаться же отъ этой любви — значило опять обречь себя на скуку, на одиночество, а такая жизнь казалась княгинѣ теперь больше невозможною, и она очень хорошо сознавала, что, оставаясь въ Москвѣ, не видѣться съ Миклаковымъ она будетъ не въ состояніи. Чтобы спасти себя отъ этого соблазна, она рѣшилась уѣхать въ Петербургъ къ отцу. Съ этимъ намѣреніемъ княгиня пробыла весь день и съ этимъ же намѣреніемъ приняла Миклакова; но его растроенный видъ, его печаль и отчаяніе, когда она сказала ему свое рѣшеніе, сильно поколебали ея рѣшимость: она уже готова была сказать ему, что она, пожалуй, и не поѣдетъ, однако произнести эти слова ей было невыносимо стыдно и она сочла за лучшее промолчать.

Миклаковъ вскорѣ послѣ того всталъ и, держа въ рукахъ шляпу, произнесъ:

— И такъ до свиданія?

— До свиданія... проговорила княгиня.

— Зачѣмъ же я, безумецъ, говорю: до свиданія? Надобно говорить откровеннѣе: навсегда прощайте!

Княгиня и на это хотѣла сказать, что зачѣмъ же навсегда, что она вовсе не желаетъ этого, и что этого никогда быть даже не можетъ, но ничего однако не сказала.

Миклаковъ еще нѣкоторое время постоялъ передъ ней, какъ бы ожидая услышать отъ княгини хоть одно слово въ утѣшеніе, но она молчала, и Миклаковъ, раскланявшись, ушелъ. Княгинѣ легче даже сдѣлалось, когда она перестала его видѣть!... Она сейчасъ же ушла къ себѣ въ комнату и здѣсь, тщательно скрывая это отъ прислуги, начала потихоньку плакать....

Миклаковъ прошелъ отъ княгини не домой, а въ московскій трактиръ, выпилъ тамъ цѣлое море разной хмѣльной дряни, поссо-

Digitized by Google

рился съ однимъ господиномъ, нашумѣлъ, набуянилъ, такъ что, по дружественному только расположенію къ нему трактирныхъ служителей, онъ не отправленъ былъ въ часть, и одинъ изъ половыхъ бережно даже отвезъ его домой. Здѣсь онъ сначала спалъ, какъ мертвый, потомъ часу въ девятомъ утра проснулся съ совершенно почти обезумѣвшей головой. Мысли, одна другой несбыточнѣе, безсвязно проходили въ умѣ его: то ему думалось ѣхать за княгиней въ Петербургъ, преслѣдовать ее годъ, два, лишь бы добиться ея любви, — то похитить ее здѣсь и увезти куда нибудь съ собой далеко. Наконецъ онъ вдругъ вскочилъ съ своей постели, схватилъ бумагу и написалъ княгинѣ письмо: «Я страшно заболѣлъ и вѣроятно не вдолгѣ опять помѣшаюсь.... Молю объ одномъ: пришлите мнѣ вашъ большой портретъ, который виситъ у васъ въ угольной комнатѣ; я поставлю его вмѣсто образа въ головахъ, когда буду умирать!»

Отправивъ записку эту, онъ снова послалъ за водкой, напился ею до безчувственности и опять заснулъ.

Княгиня, получивъ записку, окончательно перепугалась. Портретъ она, разумѣется, сейчасъ же послала и приложила къ нему еще записочку: «Посылаю вамъ мою фотографію; но вы спрячьте ее, потому что я сегодня непремѣнно упрошу мужа заѣхать къ вамъ и сказать мнѣ, что такое съ вами»?

За обѣдомъ она дѣйствительно сказала князю:

— Миклаковъ прислалъ ко мнѣ записку, что онъ очень боленъ.

— Это чѣмъ и отъ чего? спросилъ тотъ.

— Не знаю, проговорила княгиня, потупляясь.—Ты не заѣдешь ли его провѣдать?

— Непремѣнно, сегодня же!

— Пожалуйста, съѣзди и мнѣ скажешь, что такое съ нимъ, повторила княгиня.

— Хорошо! отвѣчалъ князь, и вставъ изъ-за стола, сейчасъ же велѣлъ подать себѣ карету и поѣхалъ къ Миклакову.

Тотъ въ это время успѣлъ уже опять проснуться, и мрачный, истерзанный, сидѣлъ передъ полученнымъ портретомъ княгини и смотрѣлъ на него. Вдругъ раздались шаги. Миклаковъ сообразилъ, что это можетъ быть князь, и спряталъ портретъ въ ящикъ. Въ нумеръ, дѣйствительно, вошелъ князь.

— Что такое съ вами? воскликнулъ онъ, пораженный наружнымъ видомъ Миклакова.

— Да такъ что-то.... не совсѣмъ хорошо! отвѣчалъ тотъ,

Digitized by Google

по преимуществу, стараясь, какъ бы не дохнуть на князя виномъ.

— Но что же именно? распрашивалъ его тотъ.

— Опять, кажется, сумашествіе начинается, отвѣчалъ Миклаковъ, держась за голову, которая отъ боли треснуть была готова.

— Не можетъ быть! возразилъ князь искренно встревоженнымъ голосомъ.—Но что же это отъ любви, что ли, опять какой нибудь? присовокупилъ онъ, смотря, по преимуществу, съ удивленіемъ на воспаленные глаза Миклакова и на его перепачканные въ пуху волосы.

— А чортъ его знаетъ отъ чего! отвѣчалъ тотъ.

— Не хотите ли, я вамъ медика пришлю?

— Не нужно-съ! произнесъ съ досадой Миклаковъ, и при этомъ всталъ со стула, подошелъ къ постелѣ своей и легъ на нее, а потомъ началъ растирать рукою грудь, какъ бы затрудняясь, чѣмъ дышать.

Князь продолжалъ смотрѣть на него съ участіемъ.

— Не мѣшаю ли я вамъ? Вы заснуть, кажется, хотите, присовокупилъ онъ, видя, что Миклаковъ закрылъ глаза и нѣсколько времени лежитъ въ такомъ видѣ.

— Да, лучше оставьте меня; я одинъ какъ нибудь тутъ пролежу-съ, отозвался, не открывая своихъ глазъ, Миклаковъ.

— А медика рѣшительно не хотите? переспросилъ его князь.

— Рѣшительно не хочу.

Князь, дѣлать нечего, уѣхалъ и завернулъ сначала домой, чтобы разсказать о своемъ посѣщеніи княгинѣ.

— Онъ чуть ли опять съ ума не сходитъ, проговорилъ онъ, входя къ ней.

Княгиня поблѣднѣла.

— Какъ съ ума сходитъ?! почти воскликнула она.—Что же, онъ лежитъ въ постелѣ?

— Не лежитъ, а весь видъ имѣетъ сумашедшаго человѣка; я предлагалъ было прислать ему доктора,—не хочетъ.

— Но если онъ сумашедшій, что же его слушать? Просто послать къ нему доктора!

— Посылай, пожалуй,—не приметъ, или просто прогонитъ даже!

При этомъ разговорѣ, князю въ первый разъ еще запало въ голову нѣкоторое подозрѣніе, что не влюблена ли жена въ Миклакова, и онъ рѣшился распросить объ этомъ Елену, которая, какъ

Digitized by Google

припомнилъ онъ теперь, кое-что, въ шутку конечно, и намекала ему на это!

По отъѣздѣ мужа снова изъ дому, княгиня осталась въ совершенномъ отчаяніи: изъ-за нея человѣкъ съ ума сходилъ, могъ умереть—наконецъ! По своей добротѣ, она готова была пожертвовать собою, чтобы только спасти его; но какъ это сдѣлать, она рѣшительно не могла понять. Къ счастію, къ ней явилась на помощь госпожа Петицкая, которая сейчасъ же замѣтила ея смущенный и растроенный видъ и приступила къ ней съ распросами: что это значитъ? Княгиня рѣшилась на этотъ разъ быть съ ней совершенно откровенною. Она расказала ей, какъ Миклаковъ прислалъ ей объяснительную въ любви записку, какъ онъ у нея былъ потомъ, и она сказала ему, что уѣзжаетъ въ Петербургъ къ отцу и матери.

— Но развѣ вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете? воскликнула госпожа Петицкая, тоже испугавшись. Она сама очень многое теряла въ княгинѣ, не говоря уже о дружбѣ ея, даже въ матеріальномъ отношеніи: та безпрестанно дѣлала ей подарки, давала часто денегъ взаймы!

— Да, то есть, я хотѣла уѣхать, отвѣчала княгиня сконфуженнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ?... Для чего?

— Для того... Что же мнѣ остается дѣлать?

— Какъ что?... Я не понимаю вашего вопроса.

— Не отвѣчать же мнѣ на его чувство, пояснила наконецъ княгиня, краснѣя въ лицѣ.

— Стало быть, онъ вамъ не нравится?

— Тутъ дѣло не въ томъ, нравится ли онъ мнѣ или нѣтъ; но мнѣ никто не долженъ нравиться.

— Это почему? спросила госпожа Петицкая съ удивленіемъ.

— Потому, что я—замужняя женщина.

— Нѣтъ, вы не замужняя женщина, вы—разводка, даже больше того: вы—вдова, потому что мужъ вашъ для васъ невозвратимъ, и что̀ бы вы теперь ни дѣлали, васъ извинятъ не только-что люди, но и Богъ!

— Да я-то себя не извиню! отвѣчала княгиня.

Госпожа Петицкая при этомъ пожала плечами.

— Тутъ дѣло не во мнѣ, продолжала княгиня.—Еслибъ одной

Digitized by Google

меня казалось, я бы съумѣла совладѣть со всякимъ моимъ чувствомъ; но тутъ другой человѣкъ замѣшанъ: онъ, говорятъ, съ ума сходитъ и умретъ.

— Очень не мудрено... Это не баронъ, который поухаживалъ, его прогнали, онъ и утѣшился сейчасъ: Миклаковъ—человѣкъ съ чувствомъ, съ душей...

Госпожа Петицкая готова была Богъ знаетъ какъ хвалить Миклакова, чтобы только полюбила его княгиня и не уѣхала въ Петербургъ.

— А теперь я и поправить рѣшительно не знаю какъ, присовокупила та.

— Ахъ, Боже мой, какъ трудно, скажите пожалуйста! воскликнула Петицкая:—напишите ему, что отвѣчаете на его чувство—вотъ и все!

— Ни за что!.. никогда!.. воскликнула княгиня почти съ ужасомъ.—Еслибы какъ нибудь при свиданіи успокоить и утѣшить его какимъ нибудь словомъ,—я готова.

— Ну, утѣшьте его при свиданіи.

— Но гдѣ-жь я его увижу?

— У васъ... Пошлите къ нему, чтобъ онъ пришелъ къ вамъ.

— Не могу я послать къ нему, потому что это значило бы прямо—признаться ему въ любви.

Петицкая только усмѣхнулась при этомъ и опять пожала плечами: княгиня начала становиться для нея совершенно непонятною.

— Ну, хотите я къ нему напишу, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ?

— Что-жь изъ того, что онъ къ вамъ придетъ?

— То, что и вы ко мнѣ пріѣзжайте: у меня и увидитесь,—больше ничего!

Княгиня нѣкоторое время думала.

— Пожалуй.... Хорошо!... отвѣтила наконецъ она.

Госпожа Петицкая послѣ этого сейчасъ же побѣжала домой и написала Миклакову записку на французскомъ языкѣ, въ которой приглашала его прійти къ ней, поясняя, что у нея будетъ «une personne, qui désire lui dire quelques paroles consolatrices», и что настанетъ даже время, «il sera complétement heureux». Въ концѣ же записки было прибавлено: «у меня также будетъ

Digitized by Google

и княгиня Григорова». Къ счастію Миклакова, что онъ послѣ посѣщенія князя удержался и не пилъ цѣлый вечеръ; на другой день поутру отправился даже на службу, по возвращеніи съ которой, онъ и получилъ благодатную вѣсточку отъ госпожи Петицкой. Радость его съ полною ясностью я описать даже не могу, а скажу только, что Миклаковъ началъ по своему нумеру танцовать, припрыгивать, прищелкивать. Затѣмъ, не выпивши ни рюмки вина или водки, пообѣдалъ только, и такъ какъ всю предыдущую ночь не спалъ, то заснулъ мертвымъ сномъ и часовъ въ восемь проснулся поздоровѣвшій и совершенно счастливый. Расфрантившись, надушившись, онъ отправился къ госпожѣ Петицкой, которая въ своей маленькой квартиркѣ, очень мило убранной, приготовила все какъ слѣдуетъ для пріема гостей. У ней готовъ былъ чай съ бріошками, карточный столикъ былъ поставленъ въ небольшой гостиной, и даже заказанъ былъ легкій ужинъ. Когда Миклаковъ пришелъ къ Петицкой, княгиня была уже у ней.

— Вы были больны? спросила его Петицкая.

— Да, и порядочно! отвѣчалъ ей Миклаковъ немного смущеннымъ голосомъ отъ тайной мысли, чѣмъ собственно онъ былъ боленъ.

Княгиня вся пылала въ лицѣ.

Госпожа Петицкая, только-что передъ тѣмъ убѣждавшая ее какъ можно скорѣе ободрить Миклакова, поспѣшила будто бы за чѣмъ-то по хозяйству выйти.

— Кто это позволилъ вамъ быть больнымъ? проговорила княгиня, когда они остались вдвоемъ, и видимо употребляя надъ собой страшное усиліе.

— Что дѣлать, силъ недостало перенести такой ударъ, отвѣчалъ Миклаковъ, держа голову и глаза потупленными.

— Удара тутъ никакого нѣтъ!.. Я вовсе не ѣду въ Петербургъ! говорила княгини.

— Не ѣдите? спросилъ Миклаковъ радостнымъ голосомъ.

— Не ѣду! Только теперь, пожалуйста, нечего больше объ этомъ говорить!... присовокупила она скороговоркой и затѣмъ сейчасъ же перевела разговоръ на совершенно другіе предметы. Когда потомъ госпожа Петицкая возвратилась, то княгиня замѣтно была рада ея приходу и даже сказала ей:

— Не извольте больше уходить.

Госпожа Петицкая, разумѣется, повиновалась ей; но вмѣстѣ

Digitized by Google

съ тѣмъ сгорала сильнымъ нетерпѣніемъ узнать, объяснился ли Миклаковъ съ княгиней или нѣтъ, и для этой цѣли она изобрѣтала разные способы: пригласивъ гостей, послѣ чаю, сѣсть играть въ карты, она приняла видъ, что какъ будто бы совершенно погружена была въ игру, а въ это время однимъ глазомъ подсматривала, что переглядываются ли княгиня и Миклаковъ, и замѣчала, что они переглядывались; потомъ, по окончаніи пульки, Петицкая, какъ-бы забывъ приказаніе княгини, опять ушла изъ гостиной и сильнѣйшимъ образомъ хлопнула дверью въ своей комнатѣ, желая тѣмъ показать, что она затворилась тамъ, между тѣмъ сама, спустя нѣкоторое время, влѣзла на свою кровать и стала глядѣть въ нарочно сдѣланную въ стѣнѣ щелочку, изъ которой все было видно, что происходило въ гостиной. При этомъ госпожа Петицкая очень ясно разсмотрѣла, что Миклаковъ сидѣлъ нѣкоторое время, понуривъ голову, и чертилъ мѣломъ на столѣ; княгиня же, откинувшись на задокъ креселъ, то вскидывала на него глаза свои, то снова опускала ихъ. Вдругъ Миклаковъ что-то такое проговорилъ ей. Княгиня на это, осмотрѣвшись боязливо кругомъ, протянула ему свою руку, которую онъ съ жаромъ поцѣловалъ. Госпожа Петицкая и этимъ ужь была довольна на первый разъ и сошла съ своего наблюдательнаго поста.

IX.

Въ одно утро Елпидифоръ Мартыновичъ бесѣдовалъ съ Елизаветой Петровной и самъ былъ при этомъ въ какомъ-то елейномъ и добромъ настроеніи духа. Князь наканунѣ только прислалъ ему тысячу рублей и приглашеніе снова сдѣлаться годовымъ въ домѣ его врачемъ.

— Что, ничего еще на внучка не получали? Ничѣмъ еще князь его не обезпечилъ? спрашивалъ онъ, повертывая между пальцами свою золотую табакерку.

— Ничѣмъ, ни грошемъ, отвѣчала Елизавета Петровна невеселымъ голосомъ.

— Онъ обезпечитъ непремѣнно!... Не такой человѣкъ князь, успокоивалъ ее Елпидифоръ Мартыновичъ.

Digitized by Google

— Знаю, что не такой человѣкъ по душѣ своей; но, вѣдь, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: сегодня живъ, а завтра нѣтъ,— что тогда со всѣми нами будетъ?

— Да, конечно, к-ха!... согласился Елпидифоръ Мартыновичъ.—Объяснить бы какъ нибудь вамъ это надо было ему, присовокупилъ онъ.

— Нѣтъ, ужь это—благодарю покорно! возразила Елизавета Петровна, грустно-насмѣшливымъ голосомъ.—Мнѣ дочка, вонъ, напрямикъ сказала: «Если вы, говоритъ, маменька, еще разъ заикнетесь говорить съ княземъ о деньгахъ, такъ я видѣться съ вами не буду». Ну, такъ мнѣ тутъ погибай лучше все, а видѣть ее я желаю.

— Конечно, конечно! опять согласился Елпидифоръ Мартыновичъ.

— Вы тоже не хотите сказать князю объ этомъ, хоть и ваша личная польза тутъ замѣшана, говорила Елизавета Петровна.

— Мнѣ какъ сказать ему объ этомъ?.. На это надобно имѣть большое право.

— Да, вѣдь, прежде же говорили?...

— Прежде все-таки не о такомъ важномъ предметѣ шелъ разговоръ. Кромѣ того, я тутъ тоже черезъ одну особу дѣйствовалъ.

— Черезъ какую же это особу?

— Такъ, тутъ, черезъ одну—к-ха!

— Гдѣ же теперь эта особа?

— Умерла! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартыновичъ, чтобъ отвязаться отъ дальнѣйшихъ распросовъ Елизаветы Петровны.

Дѣйствовалъ онъ, какъ мы знаемъ, черезъ Анну Юрьевну; но въ настоящее время никакъ не могъ сдѣлать того, потому что, когда Анна Юрьевна вышла въ отставку и отъ новой попечительницы Елпидифору Мартынычу, какъ любимцу бывшей попечительницы, начала угрожать опасность быть спущеннымъ, то онъ, чтобы спастись на своемъ мѣстѣ, сдѣлалъ ей на Анну Юрьевну маленькій доносецъ, которая, случайно узнавъ объ этомъ, прислала ему съ лакеемъ сказать, чтобъ онъ послѣ того и въ домъ къ ней не смѣлъ показываться. Елпидифоръ Мартынычъ смиренно покорился своей участи, хотя въ душѣ и глубоко скорбѣлъ о потерѣ практики въ такомъ почтенномъ домѣ.

— Но какъ же тутъ быть, что дѣлать? спрашивала его Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ развелъ руками.

Digitized by Google

— К-ха!. началъ онъ, какъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ съ кашля,—отъ времени тутъ надобно больше всего ожидать.

— Что же время-то можетъ сдѣлать?.. Только несчатье намъ можетъ принести, если, чего не дай Богъ слышать, князь умретъ, перебила его Елизавета Петровна.

— А время вотъ что-съ можетъ принести, продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, перемежая по временамъ рѣчь свою кашлемъ:— когда вотъ послѣдній разъ я видѣлъ княгиню, она очень серьезно начала распрашивать меня, что полезно ли будетъ для ея здоровья уѣхать ей за границу,—ну я, разумѣется, зная ихъ семейную жизнь, говорю, что отлично это будетъ, безподобно, и поѣзжайте, говорю, не на одинъ какой нибудь сезонъ, а на годъ, на два.

— Что-жь изъ того, что она поѣдетъ за границу?.. Поѣдетъ, да и пріѣдетъ! возразила Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ нахмурилъ при этомъ свои густыя брови.

— Ну, пока еще пріѣдетъ, а князь тѣмъ временемъ совершенно будетъ въ рукахъ вашихъ, произнесъ онъ.

— Да развѣ въ моихъ, батюшка, въ моихъ развѣ рукахъ онъ будетъ?.. Я опять тутъ не при чемъ останусь! воскликнула Елизавета Петровна.

— Что-жь не при чемъ? вамъ тогда надобно будетъ немножко побольше характеру показать!.. Идти къ князю на домъ, что ли, и просить его, чтобъ онъ обезпечилъ судьбу внука. Онъ вашу просьбу долженъ въ этомъ случаѣ понять и оцѣнить, и теперь, какъ ему будетъ угодно—деньгами ли выдать или вексель. Только на чье имя? На имя младенца дѣлать глупо: умеръ онъ,—Еленѣ Николаевнѣ одни только проценты пойдутъ; на имя ея—она не желаетъ того; значитъ, прямо вамъ: умрете вы, никому же не достанется, какъ имъ!..

— Такъ, такъ! согласилась Елизавета Петровна съ блистающими отъ удовольствія глазами, и какъ бы заранѣе предвкушая блаженство имѣть на князѣ въ тридцать, въ сорокъ тысячъ вексель.

Умасливъ такимъ образомъ старуху, Елпидифоръ Мартынычъ поѣхалъ къ Еленѣ, которая въ это время забавлялась съ сыномъ своимъ, держа его у себя на колѣняхъ. Князь сидѣлъ не вдалекѣ отъ нея и почти съ пламеннымъ восторгомъ смотрѣлъ на малютку; наконецъ, какъ-бы не въ состояніи будучи удержаться.

Digitized by Google

наклонился, вынулъ ножку ребенка изъ-подъ пеленки и началъ ее цѣловать.

— А посмотри ручки у него какія смѣшныя, сказала Елена, вытаскивая изъ-подъ пеленки ручку ребенка.

Князь и ту началъ цѣловать.

— А носикъ у него какой тоже славный! произнесла Елена и тутъ ужь сама не утерпѣла, подняла ребенка и начала его цѣловать въ щечки, въ глазки; тому это не понравилось: онъ сморщилъ носикъ и натянулъ губки, чтобы сейчасъ же рявкнуть; но Елена поспѣшила снова опустить его на колѣни и малютка, корчась своими раскрытыми рученками и ноженками, принялся свои собственные кулачки совать себѣ въ ротъ. Счастію князя и Елены предѣловъ не было.

Въ комнату вошелъ наконецъ пріѣхавшій Елпидифоръ Мартынычъ.

— Пріятная семейная картина! произнесъ онъ не громкимъ голосомъ.

— Ахъ, здравствуйте! сказала ему на это Елена довольно ласковымъ голосомъ.

— Здравствуйте! сказалъ ему тоже ласково и князь.

— Прежде всего-съ, к-ха! началъ Елпидифоръ Мартынычъ,— осмотримъ Николая Григорьича... Теплота въ тѣльцѣ умѣренная, пупокъ хорошъ, а что это глазки ваши вы такъ держите?.. Не угодно ли вамъ ихъ открыть!.. и Елпидифоръ Мартынычъ дотронулся легонько пальцемъ до горлышка ребенка и тотъ при этомъ сейчасъ же открылъ на него свои большіе, черные глаза.

— Воспалены немного, воспалены, продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ,—маленькое прилитіе крови къ головкѣ есть.

— Но онъ ужасно много ѣстъ и спитъ! какъ бы пожаловалась Елена на сына.

— И отлично дѣлаетъ, что симъ занимается, отлично! подхватилъ Илліонскій и усѣлся, чтобы, по обыкновенію своему, поболтать.

— Какой случай сейчасъ! началъ онъ съ усмѣшкою:—подъѣзжаю ужь я почти къ здѣшнему дому, вдругъ мнѣ на встрѣчу сынъ этого богача Оглоблина,—какъ его: Николай Гаврилычъ, что ли... Вѣдь онъ, кажется, родственникъ вамъ?

— По несчастью, родственникъ, отвѣчалъ князь, начинавшій уже и досадовать въ душѣ, зачѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ разсѣлся тутъ и мѣшаетъ ему любоваться сыномъ.

Digitized by Google

— Только вдругъ онъ кричитъ «стой»! «стой»! продолжалъ свой расказъ докторъ.— Я думалъ, Богъ знаетъ что случилось: останавливаюсь... онъ соскакиваетъ съ своего экипажа, подбѣгаетъ ко мнѣ: «дайте-ка, говоритъ, мнѣ вашу шляпу, а я вамъ отдамъ мою шапку. Мнѣ, говоритъ, ужò нужно ѣхать въ маскерадъ, и я хочу нарядиться докторомъ». Что такое, говорю, за глупости! Ну, присталъ: «дайте, да дайте!» Думаю, сынъ такого почтеннаго и именитаго человѣка,—взялъ да и отдалъ, а онъ мнѣ далъ свою шапку. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что моя-то шляпенка ничего не стóитъ, а его шапка рублей двѣсти, чай, заплачена. И съ этими словами Елпидифоръ Мартынычъ встряхнулъ передъ глазами своихъ слушателей въ самомъ дѣлѣ дорогую бобровую шапку Оглоблина и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошо замѣтилъ, что расказомъ своимъ нисколько не заинтересовалъ ни князя, ни Елену; а потому, полагая, что, по общей слабости влюбленныхъ, они снова желаютъ поскорѣе остаться вдвоемъ, онъ не преминулъ тотчасъ же прекратить свое каляканье и уѣхать.

Николя Оглоблинъ выпросилъ шляпу Елпидифора Мартыныча дѣйствительно для маскерада; но только хотѣлъ нарядиться не докторомъ,—это онъ солгалъ, а трубочистомъ. Мѣсяца два уже monsieur Николя во всѣхъ маскарадахъ постоянно ходилъ съ одной женской маской въ черномъ домино, а самъ былъ просто во фракѣ; но передъ послѣднимъ театральнымъ маскерадомъ получилъ, вѣроятно, отъ этого домино записочку, въ которой его умоляли, чтобы онъ явился въ маскерадъ замаскированнымъ, такъ какъ есть будто бы злые люди, которые подмѣчаютъ ихъ свиданія,—но только, Бога ради, прибавлялось въ записочкѣ, не въ богатомъ костюмѣ, въ которомъ сейчасъ узнаютъ Оглоблина, а въ самомъ простомъ. Николя началъ ломать себѣ голову: какой бы это такой простой костюмъ изобрѣсть; не въ цирюльню же ѣхать и взять тамъ себѣ какую нибудь мерзость. Но когда онъ встрѣтилъ Елпидифора Мартыныча и невольно обратилъ вниманіе на его лоснящуюся противъ солнца скверную, круглую шляпенку, то ему вдругъ пришла въ голову счастливая мысль выпросить эту шляпу и одѣться трубочистомъ. Намѣреніе свое, какъ мы видѣли, онъ привелъ въ исполненіе и въ двѣнадцать часовъ былъ уже въ предполагаемомъ костюмѣ въ театральной залѣ. Вскорѣ потомъ онъ увидѣлъ свое знакомое женское домино и прямо направился къ нему.

— Ахъ, это вы? проговорило ему домино пискливымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Я-съ! отвѣчалъ Николя, едва ворочая подъ маской своими толстыми губищами и сильно задыхаясь подъ ней.

Затѣмъ маска взяла Оглоблина подъ руку.

— Лучше намъ, я думаю, ложу взять; здѣсь тѣсно, да и такая дрянная толпа, проговорила она.

— Bon! повиновался ей Николя, и взялъ самую темную ложу въ бенуарѣ.

Толпа замаскированныхъ все больше и больше прибывала и, между прочимъ, вошли цѣлыхъ пять мужскихъ масокъ: двѣ впередъ подъ руку и сзади тоже подъ руку три. Маски эти, должно быть, были все народъ здоровый, не совсѣмъ благовоспитанный и замѣтно выпившій.

— Что-жь, они здѣсь? спросила одна изъ переднихъ масокъ.

— Здѣсь! Я ужь справлялся.—Онъ сегодня въ костюмѣ трубочиста.

— А, въ костюмѣ трубочиста! Ха, ха, ха!... говорилъ и смѣялся спрашивающій.

Задняя тройка шла молча и какъ-то неуклюже шагая. Въ передней парѣ одинъ одѣтъ былъ разбойникомъ, съ огромнымъ кинжаломъ за поясомъ, а другой — кучеромъ съ арапникомъ. Задніе же всѣ наряжены были въ потасканные, грубые костюмы капуциновъ, съ огромными четками въ рукахъ. Проходя мимо того бенуара, въ которомъ помѣстился Николя съ своей маской, разбойникъ кивнулъ головой своему товарищу и проговорилъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

— Смотри, вотъ они гдѣ сидятъ...

— Ага!... И отлично! повторилъ опять другой и снова захохоталъ.—Ребятамъ-то надобно дать еще выпить! присовокупилъ онъ, когда они прошли ложу.

— Дадимъ! Пойдемте, господа, вонзимте! проговорилъ разбойникъ, обращаясь къ задней тройкѣ.

— Вонзимъ, вонзимъ! отозвалась одна изъ масокъ, и всѣ они, съ видимымъ удовольствіемъ, послѣдовали за разбойникомъ, который провелъ ихъ въ буфетъ, гдѣ и предложилъ имъ цѣлый графинъ водки въ ихъ распоряженіе. Всѣ три капуцина сейчасъ же выпили по рюмкѣ и потомъ, не закусивши даже, по другой; а разбойникъ и кучеръ угостили себя по стаканчику лисабонскаго.

— Теперь-съ, началъ первый изъ нихъ толковать прочимъ товарищамъ,—какъ они тронутся, мы на тройкѣ за ними; дѣвка

Digitized by Google

ужь подкуплена, на звонокъ отворитъ намъ, мы войдемъ и сдѣлаемъ свое дѣло....

— Чтобы тоже кто изъ сосѣдей не услыхалъ: пожалуй, и полицію притащатъ! замѣтилъ одинъ изъ капуциновъ, вѣроятно, болѣе благоразумный.

— Да никто, чортъ ты эдакой, не услышитъ, возразилъ ему съ досадой разбойникъ:—совершенно отдѣльный флигель и ходъ даже съ улицы; я пріѣзжалъ туда, бывало, какой пьяный, пѣлъ и оралъ, чертямъ тошно,—никто никогда ничего не слыхалъ.

— Да вѣдь, наконецъ, братъ, коли взялся, такъ отнѣкиваться нечего! подхватилъ кучеръ, обращаясь къ капуцину.

— Коли ужь деньги взялъ, такъ дѣйствуй, какъ велятъ! подхватилъ другой капуцинъ.

— Да, это точно что.... согласился невеселымъ голосомъ первый капуцинъ.

Въ это время Николя и Петицкая (читатель, вѣроятно, уже догадался, кто была эта маска) продолжали сидѣть въ своемъ бенуарѣ и разговаривали между собой. Госпожа Петицкая была на этотъ разъ болѣе, чѣмъ грустна. Пользуясь тѣмъ, что она сидѣла въ совершенно почти темномъ углу ложи, маску свою она сняла и, совершенно опустивъ въ землю глаза, нетерпѣливой рукой, сама, кажется, не замѣчая того, вертѣла свое домино до того, что изорвала даже его. Monsieur Николя тоже былъ въ какомъ-то раздраженно-воспаленномъ состояніи. Онъ передъ тѣмъ только спросилъ бутылку шампанскаго, которую хотѣлъ было распить вмѣстѣ съ госпожей Петицкой, что и дѣлалъ всегда обыкновенно въ прежніе маскерады; но та рѣшительно отказалась, такъ что онъ всю бутылку принужденъ былъ выпить одинъ.

— Этому рѣшительно не должно продолжаться, говорила госпожа Петицкая.

— Но почему же? спрашивалъ Николя, удивленнымъ и испуганнымъ голосомъ.

— Потому что завтра или послѣ завтра должна пріѣхать моя сестра ко мнѣ, и я не хочу, чтобы она была свидѣтельницей моего позора.

У госпожи Петицкой ни на какую сестру въ цѣломъ мірѣ намеку не было.

— Но что-жь сестра?... Мы можемъ видаться не у васъ, а въ гостиницахъ! какъ-то шлепалъ больше Николя своимъ толстымъ языкомъ.

Digitized by Google

— Что?... что?... воскликнула госпожа Петицкая.—Это ужь глупо, наконецъ, такъ говорить! проговорила она, какъ бы и раздраженнымъ голосомъ.

Николя сильно сконфузился такимъ замѣчаніемъ.

— Вы принимаете меня я не знаю за какую женщину, продолжала госпожа Петицкая.

— Нисколько я не принимаю!... И думать никогда ничего подобнаго не смѣлъ!.. Я люблю только пламенно васъ, говорилъ Николя.

Петицкая захохотала самымъ обиднымъ, саркастическимъ смѣхомъ.

— Чему же вы смѣетесь? спросилъ ее Николя, въ свою очередь, тоже обиженнымъ и опечаленнымъ тономъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! произнесла на это, какъ-бы больше сама съ собой, госпожа Петицкая.—Еслибы вы дѣйствительно любили меня пламенно, обратилась она къ Николѣ, такъ не стали бы спрашивать, чему я смѣюсь, а сами бы поняли это.

— Но какъ же мнѣ понять? Ей-Богу, я не знаю, научите меня,—je vous supplie.

— Подобнымъ вещамъ не учатъ-съ, а мущины, любя, сами знаютъ ихъ.

Николя на это пожалъ только плечами. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ поставленъ въ довольно затруднительное положеніе; по своему уму-разуму и по опытамъ своей жизни, онъ полагалъ, что если любимая женщина груститъ, капризничаетъ, недовольна вами, то стòитъ только дать ей денегъ, и она сейчасъ успокоится; но въ госпожѣ Петицкой онъ встрѣтилъ совершенно противуположное явленіе: сблизясь съ ней довольно скоро послѣ ихъ перваго знакомства, онъ, видя ея небогатую жизнь, сейчасъ же предложилъ ей пятьсотъ рублей; но она отвергнула это съ негодованіемъ. Потомъ онъ и послѣ того нѣсколько разъ умолялъ ее принять отъ него или деньги, или хоть подарокъ какой нибудь; на все это госпожа Петицкая только грустно усмѣхалась и отрицательно качала головой. Она въ этомъ случаѣ имѣла совершенно иные виды: слывя между всѣми своими знакомыми, конечно, немножко за кокетку, но въ то же время за женщину весьма хорошей нравственности, тѣмъ не менѣе однако госпожа Петицкая, при мужѣ и во вдовствѣ, постоянно имѣла обожателей, но только она умѣла это дѣлать какъ-то необыкновенно скрытно: видалась съ ними по большой части не дома, а если и дома, то всегда

Digitized by Google

подбирала себѣ прислугу очень глупую и ничего не понимающую. Самой живой и сильною страстью ея въ послѣднее время былъ Архангеловъ; онъ сильно плѣнилъ ее красотой своей; но на розахъ любви, если только подъ ними не подложено обезпеченнаго состоянія, какъ извѣстно, нельзя долго почить. Госпожа Петицкая увидала, что ей скоро кушать будетъ нечего, потому что Архангеловъ только опивалъ и объѣдалъ ее, да еще денегъ у нея бралъ взаймы: само благоразуміе заставляло ее не пренебречь ухаживаніемъ monsieur Николи, и расчитывая на его недалекость и чувственный темпераментъ, госпожа Петицкая надѣялась даже женить его на себѣ; для этого она предположила сначала сблизиться съ нимъ, показать ему весь рай утѣхъ, и вдругъ все это прервать, объяснивъ ему, что рай сей онъ можетъ возвратить только путемъ брака. Настоящее свиданіе было послѣднее, на которомъ она и предназначила объявить ему свое рѣшеніе.

— Что-жь, мы отсюда къ вамъ поѣдемъ? проговорилъ Николя какимъ-то ужь робкимъ голосомъ.

Петицкая нѣкоторое время недоумѣвала: сказать ли ему свое рѣшеніе въ маскерадѣ и потомъ самой уѣхать, оставя Николю одного, — но какъ въ этомъ случаѣ можно было понадѣяться на мущину: пожалуй, онъ тутъ же пойдетъ, увлечется какой нибудь маской и сейчасъ же забудетъ ее. Гораздо было вѣрнѣе зазвать его въ свой уединенный уголокъ, увлечь его тамъ и тогда сказать ему: finita la comedia!

— Поѣдемте, если ужь вы такъ желаете этого, отвѣчала она ему грустнымъ тономъ.

Николя былъ въ восторгѣ и предложилъ сейчасъ же уѣхать изъ маскерада.

— Хорошо, отвѣчала Петицкая и на это грустнымъ тономъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они въ каретѣ Николи уже неслись въ скромный проулокъ жилища госпожи Петицкой. Вскорѣ за ними, этимъ же путемъ, проѣхала и ухорская извощичья тройка съ нѣсколькими сѣдоками.

По возвращеніи домой, Петицкая не позволила Николѣ войти прямо за собой въ спальню и объявила ему, что она еще переодѣться хочетъ, потому что ей будто бы страшно неловко было въ маскерадномъ платьѣ, и когда, наконецъ, онъ былъ допущенъ, то увидѣлъ ее сидящею въ восхитительнѣйшей блузѣ.

Николѣ даже совѣстно сдѣлалось, что самъ онъ одѣтъ былъ

Digitized by Google

трубочистомъ. Онъ тяжело опустился въ кресло и началъ глядѣть на свою собесѣдницу. Отъ выпитаго шампанскаго и отъ волновавшей его страсти у него глаза даже выперло впередъ.

— Подите сюда, я васъ поцѣлую! произнесъ онъ какимъ-то задыхающимся голосомъ.

— Нѣтъ!.. Нельзя! отвѣчала на это госпожа Петицкая, отрицательно качнувъ головой и не трогаясь съ своего мѣста.

— Отчего же нельзя? спросилъ Николя уже съ испугомъ и удивленіемъ.

— Отъ того же!.. отвѣчала протяжно Петицкая,—что посидите еще у меня немного, и adieu навсегда.

— Не можетъ быть, вы шутите?... говорилъ Николя. У него на глазахъ почти были слезы.

— Нисколько!... Я долго себѣ позволяла безразсудно увлекаться, пора же и опомниться!

— Но почему же безразсудно? бормоталъ Николя.

— Почему безразсудно?... Странный вопросъ! отвѣчала госпожа Петицкая грустно-насмѣшливымъ голосомъ.—Словомъ, присовокупила она рѣшительнымъ тономъ,—любовницей я ничьей больше быть не желаю, но женой вашей съ величайшимъ восторгомъ буду!

Николя опять выпучилъ глаза, и неизвѣстно, что бы онъ отвѣчалъ, но въ это время раздался сильный звонокъ.

Петицкая вздрогнула и не успѣла крикнуть горничной, чтобы та не отворяла дверей, какъ услыхала, что та ужь прибѣжала и отворила ихъ. Въ переднюю вошли нѣсколько замаскированныхъ людей: это были знакомые намъ разбойникъ, кучеръ и капуцины. Горничная какъ-бы отъ испугу вскрикнула и затѣмъ, убѣжавъ въ кухню, спряталась тамъ; разбойникъ повелъ своихъ товарищей хорошо, какъ видно, знакомымъ ему путемъ. Они вошли сначала въ залу, а потомъ, черезъ маленькую дверь, прямо очутились въ спальной.

— А, вотъ они! вскрикнулъ разбойникъ, вынувъ свой кинжалъ и махнувъ имъ.

— Боже мой! воскликнула Петицкая. Она, кажется, узнала вошедшихъ, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ.

Николя съ испуганнымъ и удивленнымъ лицомъ хлопалъ пока только глазами.

— Распоряжайтесь съ этимъ бариномъ хорошенько! крикнулъ разбойникъ, показывая на него товарищамъ. Тѣ сейчасъ же бро-

Digitized by Google

сились на Николю, и какъ тотъ ни отбивался, они повергли его на полъ и принялись хлестать—кучеръ плетью, а капуцины четками.

— Боже мой! Боже мой! стонала между тѣмъ Петицкая, ломая руки.—Передъ ней стоялъ разбойникъ съ поднятымъ кинжаломъ.

Николя первоначально продолжалъ, ругаясь, отбиваться и старался высвободиться, наконецъ началъ орать во все горло и кричать караулъ.

— О, не кричите такъ, вы меня совсѣмъ погубите! упрашивала его Петицкая.

Николя началъ ужь восклицать: «умираю! умираю»!

— Ну, бросьте его! разрѣшилъ наконецъ разбойникъ.

Капуцины поотпустили Николю, который мгновенно же поднялся на ноги и бросился бѣжать. Въ передней онъ едва успѣлъ схватить шубу и, держа ее въ рукахъ, вскочилъ въ свою карету и велѣлъ, что есть духу, везти себя домой.

— Ну, теперь васъ, madame, продолжалъ между тѣмъ разбойникъ.

— Сержъ, умоляю тебя, я невинна! умоляла его госпожа Петицкая.

— Знаю я васъ, какъ вы невинны! восклицалъ разбойникъ.

Здѣсь, впрочемъ, авторъ находитъ болѣе удобнымъ накинуть завѣсу на послѣдовавшую затѣмъ грустную и возмутительную картину и воскликнуть только:

«О, родина моя!
«Когда смягчишься въ правахъ ты!»

X.

На другой же день послѣ описаннаго нами горестнаго событія, княгиня получила отъ Петицкой записку, которую та прислала къ ней со своей горничной, очень безобразной изъ себя. Горничную эту госпожа Петицкая тоже считала весьма недалекою; но въ сущности врядъ ли это было такъ: горничная дѣйствительно имѣла рожу на подобіе прянишной формы и при этомъ какой-то огромный, глупый носъ, которымъ она вдобавокъ еще

Digitized by Google

постоянно храпѣла и сопѣла, но въ то же время она очень искусно успѣла увѣрить барыню, что во вчерашнемъ происшествіи будто бы сама очень испугалась и поэтому ничего не слыхала, что происходило въ спальнѣ. Въ запискѣ своей, написанной, по обыкновенію, очень правильнымъ французскимъ языкомъ, госпожа Петицкая умоляла княгиню пріѣхать къ ней; такъ какъ она очень больна и, что хуже всего, находится совершенно безъ денегъ; но идти и достать ихъ гдѣ нибудь—у ней, совершенно не хватаетъ силъ. Госпожа Петицкая не упускала ни одного случая, чтобы не занять у княгини хоть маленькой суммы, которую она, разумѣется, никогда и не возвращала. Добрая княгиня очень встревожилась этимъ извѣстіемъ и сама вышла къ горничной.

— Что такое съ твоей барыней? спросила она.

— Онѣ нездоровы очень-съ, отвѣчала съ храпомъ горничная и вмѣстѣ съ тѣмъ улыбаясь всѣмъ своимъ ртомъ.

— Но чѣмъ именно?

— Спинка, должно быть, болитъ-съ! произнесла горничная и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы не утерпѣвъ, фыркнула на всю комнату.

— Но чему же ты смѣешься, моя милая? спросила княгиня нѣсколько уже разсердившись на нее.

— Да я всегда такая-съ, отвѣчала горничная, втягивая въ себя съ храпомъ воздухъ: ей главнымъ образомъ. смѣшно было вспомнить, что̀ именно болитъ у ея госпожи.

Сама княгиня не поѣхала къ свой подругѣ, но денегъ ей конечно сейчасъ же послала и кромѣ того отправила нарочнаго къ Елпидифору Мартынычу съ строгимъ приказаніемъ, чтобъ онъ сейчасъ же ѣхалъ и оказалъ помощь госпожѣ Петицкой. Тотъ, конечно, не смѣлъ ослушаться и пріѣхалъ къ больной прежде даже, чѣмъ возвратилась ея горничная.

Дверь съ крыльца въ переднюю оставалась еще со вчерашняго вечера не запертою. Елпидифоръ Мартынычъ вошелъ въ нее, прошелъ потомъ залу, гостиную и затѣмъ очутился въ спальнѣ госпожи Петицкой. Та въ это время лежала въ постелѣ и плакала.

— Это что, о чемъ такія слезы? воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ. Онъ видалъ Петицкую еще прежде того нѣсколько разъ у княгини.

— Ахъ, Боже мой! Елпидифоръ Мартынычъ! воскликнула она, въ свою очередь, стараясь поправить нѣсколько свое неглиже.

— Я-съ, я-съ это—к-хъ! отвѣчалъ ей докторъ, садясь около ея

Digitized by Google

кровати.—Княгиня прислала меня къ вамъ и велѣла мнѣ непремѣнно васъ вылѣчить!

— Мегсі! проговорила больная, почему-то вся вспыхнувши въ лицѣ.

— Что же у васъ такое болитъ-съ? спрашивалъ Елпидифоръ Мартынычъ, нѣсколько наклоняясь къ ней.

— Все болитъ! отвѣчала Петицкая.

— Какъ все?... Что нибудь да не болитъ же, вѣдь!... возразилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Все! повторила госпожа Петицкая настойчиво.

Елпидифоръ Мартынычъ поставленъ былъ въ большое недоумѣніе; онъ взялъ ея руку и пощупалъ пульсъ.

— Пульсъ нервный только, произнесъ онъ.—Видно только раздраженіе нервное. Что вы, не разсердились ли на что нибудь, не опечалились ли чѣмъ нибудь, не испугались ли чего?

— Ахъ, я очень испугалась, воскликнула Петицкая, какъ бы обрадовавшись послѣднему вопросу Илліонскаго.—Вообразите, я ѣхала на извощикѣ; онъ меня выпрокинулъ, платье и салопъ мой за что-то зацѣпились въ саняхъ; лошадь между тѣмъ побѣжала и протащила меня по замерзшей улицѣ!

— А, скверно это, скверно... Что же, переломовъ нѣтъ ли гдѣ въ рукѣ, въ ногѣ?

— Переломовъ нѣтъ.

— Ушибы, значитъ, только.

— Да, ушибы.

— Г-мъ! произнесъ глубокомысленно Елпидифоръ Мартынычъ.—Посмотрѣть надобно-съ, взглянуть! присовокупилъ онъ.

— Ни за что на свѣтѣ, ни за что! воскликнула госпожа Петицкая.

— А вотъ это такъ предразсудокъ, да-съ, предразсудокъ! возразилъ ей Илліонскій.—Стыдливость тутъ ни къ чему-съ не ведетъ.

— Ну, какъ вы тамъ хотите, а я не могу.

— Все-таки примочку какую нибудь прописать вамъ надобно.

— Пожалуй! протянула госпожа Петицкая.

Елпидифоръ Мартынычъ вышелъ прописать рецептъ, и только было усѣлся въ маленькой гостиной за круглый столъ, надѣлъ очки и закинулъ голову нѣсколько вправо, чтобы сообразить, что̀ собственно прописать, какъ вдругъ пораженъ былъ неописаннымъ удивленіемъ: на одномъ изъ ближайшихъ стульевъ онъ увидѣлъ стоявшую, или, лучше сказать, валявшуюся, свою соб-

Digitized by Google

ственную, круглую шляпенку, которую онъ далъ Николѣ Оглоблину для маскерада. Первымъ движеніемъ Елпидифора Мартыныча было закричать госпожѣ Петицкой нѣсколько лукавымъ голосомъ: «какая это такая у ней шляпа», но многолѣтняя опытность жизни человѣка и врача инстинктивно остановила его, и онъ только громчайшимъ образомъ кашлянулъ на всю комнату: «к-ха!», такъ что Петицкая даже вздрогнула и невольно проговорила сама съ собой:

— Господи! какъ онъ кашляетъ ужасно....

Елпидифоръ Мартынычъ послѣ того принялся писать рецептъ, продолжая искоса посматривать на свою шляпенку и соображая, какимъ образомъ она могла попасть къ госпожѣ Петицкой.

— Когда же съ вами эта непріятность отъ извощика случилась? крикнулъ онъ своей паціенткѣ, какъ-бы для соображенія при писаніи рецепта, а въ сущности для объясненія обстоятельствъ по случаю шляпы.

— Вчера! отвѣчала ему больная изъ своей комнаты.

— Вчера!... повторилъ протяжно докторъ: вчера онъ именно и далъ шляпу Николѣ.

Для Елпидифора Мартыныча не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что между симъ молодымъ человѣкомъ и госпожей Петицкой кое-что существовало.

— Стало быть, у извощика лошадь была очень бойкая, если онъ такъ долго не могъ остановить ее? крикнулъ онъ ей опять.

— Очень бойкая! отвѣчала ему та.

— Бойкая!... повторилъ еще разъ Елпидифоръ Мартынычъ и самъ съ собой окончательно рѣшилъ, что она вовсе ѣхала не на извощикѣ, а вѣроятно на бойкихъ лошадяхъ Николи Оглоблина, и ѣхала, вѣроятно, съ нимъ изъ маскерада.

— А рано ли вы это ѣхали? попытался онъ еще спросить ее.

— Очень поздно, изъ маскерада ѣхала, отвѣчала госпожа Петицкая.

Елпидифоръ Мартынычъ при этомъ только съ удовольствіемъ улыбнулся.

— Эврика! произнесъ онъ самъ съ собой, и затѣмъ написавъ рецептъ и отдавъ его съ приличнымъ наставленіемъ госпожѣ Петицкой, расшаркался передъ нею моднѣе обыкновеннаго, поцѣловалъ у нея даже при этомъ ручку и уѣхалъ. Елпидифоръ Мартынычъ вообще со всѣми женщинами, про которыхъ онъ узнавалъ кое-что, всегда дѣлался какъ-то развязнѣе.

Digitized by Google

Отъ госпожи Петицкой Елпидифоръ Мартынычъ прямо отправился къ княгинѣ, съ тѣмъ чтобы донести ей о томъ, что исполнилъ ея приказаніе, а потомъ, если выпадетъ къ тому удобный разговоръ, то и расказать ей о томъ, что успѣлъ онъ наблюсти у госпожи Петицкой. Елпидифоръ Мартынычъ, опять-таки по своей многолѣтней опытности, очень хорошо зналъ, что всякая женщина, какъ бы она ни была дружна съ другой женщиной, всегда выслушаетъ съ удовольствіемъ скандалъ про эту другую женщину, особенно если этотъ скандалъ касается сердечной стороны. Услыхавъ о пріѣздѣ Илліонскаго, княгиня поспѣшила даже выйти къ нему на встрѣчу.

— Что такое съ Петицкой? спрашивала она, когда Елпидифоръ Мартынычъ только-что успѣлъ показаться въ залѣ.

— Да не хорошо-съ, не хорошо-съ! отвѣчалъ докторъ.—А пожалуй и хорошо! присовокупилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія съ улыбкою.

— Какъ не хорошо и хорошо? спросила княгиня немножко испуганная и съ удивленіемъ.

— Это такъ, я пошутилъ, отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, лукаво потупляя передъ ней глаза свои.

— Но чемъ же собственно она больна? приставала княгиня.

— Испугомъ, кажется, больше ничего; она ѣхала, выпрокинулась изъ саней и немножко потащилась.

— Господи Боже мой! воскликнула княгиня, окончательно испуганнымъ голосомъ.—Но откуда же это она ѣхала?

— Изъ маскерада.... ночью, и, кажется, не одна!.... отвѣчалъ Илліонскій съ растановкой (онъ въ это время вмѣстѣ съ княгиней входилъ въ гостиную, гдѣ и усѣлся сейчасъ же въ кресло).— Между нами сказать, прибавилъ онъ, мотнувъ головой и приподнимая свои густыя брови,—тутъ кроется что-то таинственное.

— Но что такое тутъ можетъ быть таинственнаго? спросила княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ сначала усмѣхнулся немного, а потомъ расказалъ подробнѣйшимъ образомъ, какъ онъ отдалъ свою шляпу Николѣ Оглоблину для маскерада и какъ сегодня, пріѣхавъ къ госпожѣ Петицкой, увидѣлъ эту шляпу у ней въ гостиной.

— Ту самую, которую вы отдали Николѣ? спросила его княгиня.

— Ту самую! отвѣчалъ Илліонскій.

Княгиня при этомъ покраснѣла даже немного въ лицѣ. Она сама уже нѣсколько времени замѣчала, что у Петицкой что-то

Digitized by Google

такое происходитъ съ Николей Оглоблинымъ, но всегда старалась отогнать отъ себя подобное подозрѣніе, потому что считала Николю ниже вниманія всякой порядочной женщины.

— Зачѣмъ же могла быть у нея его шляпа?

— Вѣроятно, заѣзжалъ послѣ маскерада побесѣдовать съ ней!... На послѣднія слова Елпидифоръ Мартынычъ сдѣлалъ сильное удареніе.

— Я, однако, все-таки тутъ ничего не понимаю! произнесла княгиня досадливымъ голосомъ.—А вы спрашивали, зачѣмъ у нея эта шляпа?

— Господи помилуй! развѣ о подобныхъ вещахъ спрашиваютъ дамъ? возразилъ Елпидифоръ Мартынычъ, растопыривая руки.

— А я такъ спрошу ее непремѣнно, говорила княгиня.

— Нѣтъ ужь и вы, пожалуйста, не спрашивайте—к-ха!... Я сказалъ вамъ по преданности моей, а вы меня и выдадите—к-ха!... началъ было упрашивать Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я васъ не буду выдавать — нисколько!... возразила ему княгиня.

— Да какъ же не выдавать,—отъ кого же вы узнали про это? продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ какимъ-то уже жалобнымъ голосомъ.

— Ну, ужь я знаю отъ кого я узнала! почти прикрикнула на него княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ чмокнулъ только на это губами и уѣхалъ отъ княгини, съ твердою рѣшимостью никогда ей больше ничего не расказывать. Та же, оставшись одна, принялась разсуждать о своей пріятельницѣ: болѣе всего княгиню удивляло то, что неужели же Петицкая въ самомъ дѣлѣ полюбила Оглоблина, и если не полюбила, то что же заставило ее быть благосклонною къ нему?

Какъ-бы въ разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, вошелъ лакей и доложилъ, что пріѣхалъ Николя Оглоблинъ.

— Ахъ, проси! воскликнула на этотъ разъ княгиня съ явнымъ удовольствіемъ.

По свойственному женщинамъ любопытству, она не въ состояніи была удержаться и рѣшилась теперь же, сейчасъ же, не говоря конечно прямо, повывѣдать отъ Николи всю правду, которую онъ, какъ надѣялась княгиня, по своей простоватости, не съумѣетъ скрыть.

Николя вошелъ къ ней, замѣтно стараясь быть веселымъ, без-

Digitized by Google

заботнымъ и довольнымъ. Онъ нарочно ѣздилъ по всѣмъ своим знакомымъ, чтобы тѣ не подумали, что съ нимъ наканунѣ чт нибудь случилось. На Петицкую Николя былъ страшно сердит потому что догадался, что вздулъ его одинъ изъ ея прежних обожателей. Онъ далъ себѣ слово никогда не видаться съ не и даже не произносить никогда ея имени, какъ будто бы и н зналъ ея совсѣмъ.

— Пожалуйте-ка сюда, пожалуйте! сказала княгиня, при ее входѣ, нѣсколько даже какъ-бы угрожающимъ голосомъ.

Николя одного этого уже немного сконфузился.

— Что такое, что такое? зашлепалъ онъ своимъ толстым языкомъ.

— А гдѣ вы вчера вечеромъ были? спросила княгиня, устав ляя на него пристальный взглядъ.

Николя просто обмеръ.

— Дома былъ-съ! отвѣчалъ онъ, рѣшительно не находя, что бы такое придумать.

— А зачѣмъ же вы шляпы у Елпидифора Мартыныча пр сили? продолжала княгиня.

— Какой шляпы-съ? спросилъ Николя, какъ бы ни въ чем не повинный.

— А такой, въ которой вечеромъ вы были въ маскерадѣ.

Николя при этомъ покраснѣлъ, какъ ракъ вареный.

— Это вамъ все старый этотъ чортъ Илліонскій наболтал проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не Илліонскій! возразила ему княгиня,—потому чт я знаю даже, куда вы изъ маскерада уѣхали.

Николя окончательно растерялся; онъ нисколько уже не сомн вался, что княгиня все знаетъ и теперь смѣется надъ нимъ, потому онъ страшно на нее разсердился.

— Много что-то вы ужь знаете! До всего вамъ дѣло!... про несъ онъ, надувшись.

— Дѣло по тому, что вы мнѣ родня...

— Много у меня этакой-то родни по Москвѣ!.. бухнулъ Нико

Княгиня увидѣла, что съ этимъ дуралеемъ разговаривать бы почти невозможно.

— Какъ это мило такъ выражаться! сказала она, немно ужь разсердясь на него.

— Что выражаться-то?.. Вы сами начали... продолжалъ Нико

Княгиня окончательно на него разсердилась.

Digitized by Google

— Дѣйствительно, я на этотъ разъ виновата и впередъ не позволю себѣ никакой шутки съ вами! проговорила она и, вставъ съ своего мѣста, ушла совсѣмъ изъ гостиной и больше ужь не возвращалась, такъ что Николя сидѣлъ, сидѣлъ одинъ, пыхтѣлъ, пыхтѣлъ, наконецъ принужденъ былъ уѣхать. Его главнымъ образомъ бѣсило то, отъ кого могла узнать княгиня, и какъ только онъ помышлялъ, что ей извѣстна была вся постигшая его непріятность, такъ кровь подливала у него къ сердцу и неимовѣрная злоба имъ овладѣвала. Съ этимъ самымъ чувствомъ онъ совершилъ всѣ прочіе свои визиты, на которыхъ никто даже не намекнулъ ему о вчерашней непріятности,—значитъ, одна только княгиня въ цѣлой Москвѣ и знала объ этомъ, а потому она начинала представляться ему самымъ злѣйшимъ его врагомъ. Надобно было ей самой отомстить хорошенько. О, Николя имѣлъ для этого отличное средство. Госпожа Петицкая давно уже раскавала ему о шурахъ-мурахъ княгини съ Миклаковымъ. «А гдѣ-жь они видаются?» спросилъ тогда ее Николя.—«Въ домѣ у княгини!... Миклаковъ почти каждый вечеръ бываетъ у ней, и князя въ это время всегда дома нѣтъ», отвѣчала Петицкая.—«Значитъ, они въ гостиной у нихъ и видаются!» продолжалъ допрашивать Николя. «Вѣроятно въ гостиной», отозвалась Нетицкая. Николя все это очень хорошо запомнилъ, и поэтому теперь ему стоило только сказать о томъ князю, такъ тотъ шутить не будетъ и расправится съ княгиней и Миклаковымъ по-свойски. Николя, какъ мы знаемъ, страшно боялся князя и считалъ его скорѣе за тигра, чѣмъ за человѣка... Но какъ же сказать о томъ князю, кто осмѣлится сказать ему это? «А что если, придумалъ Николя, написать князю анонимное письмо?» Но въ этомъ случаѣ онъ опасался, что князь узнаетъ его руку, и потому Николя рѣшился заставить переписать это анонимное письмо своего камердинера. Для этого, вернувшись домой, онъ сейчасъ же позвалъ лакея ласковымъ голосомъ:

— Пойдемъ, Савастьянушко, ко мнѣ въ кабинетъ.

Камердинеръ послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ видишь, началъ Николя своимъ нерѣчистымъ языкомъ,—видишь, мнѣ надобно послать письмо.

— Слушаю-съ! протянулъ Севастьянъ, глубокомысленно стоя передъ нимъ.

— Перепиши мнѣ, пожалуйста! заключилъ Николя.

Камердинеръ посмотрѣлъ на барина съ какимъ-то почти презрѣніемъ и удивленіемъ.

Digitized by Google

— Да что я за писарь такой! Я и писать-то настоящимъ манеромъ не умѣю, произнесъ онъ.

— Да ничего, какъ нибудь, пожалуйста!.. упрашивалъ его Николя.

Камердинеръ опять съ какимъ-то презрѣніемъ усмѣхнулся.

— Да сами-то вы не умѣете, что ли, писать-то? сказалъ онъ.

— Мнѣ нельзя, понимаешь, руку мою знаютъ; догадаются, тогда чортъ знаетъ что со мной сдѣлаютъ!.. Перепиши, сдѣлай дружбу, я тебѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ за это дамъ.

Камердинеръ отрицательно покачалъ головой.

— Коли съ вами что нибудь сдѣлаютъ, что же со мною будетъ?

— Да ничего тебѣ не будетъ, увѣряю тебя, успокоивалъ его Николя.

Севастьянушко и самъ очень хорошо понималъ, что врядъ ли баринъ затѣетъ что нибудь серьезно-опасное, и если представлялся нерѣшительнымъ, то желалъ этимъ набить лишь цѣну.

— Ну, я тебѣ сто дамъ! бухнулъ Николя отъ нетерпѣнія сразу.

Камердинеръ почесалъ у себя при этомъ въ затылкѣ.

— Къ кому же такому письмо-то это? продолжалъ онъ спрашивать, какъ бы все еще недоумѣвая.

— Къ князю Григорову... безъименное!.. никѣмъ не подписанное.... о томъ, что княгиня его живетъ съ другимъ.

— Да вотъ видите-съ, штука-то какая! произнесъ камердинеръ, нѣсколько уже и смутившись.

— Никакой штуки тутъ не можетъ быть: руки твоей князь не знаетъ.

— Нѣтъ-съ, не знаетъ.

— Люди ихніи тоже не знаютъ твоей руки?

— Нѣтъ-съ, не знаютъ; да и самихъ-то ихъ я никого не знаю.

— Такъ чего же тебѣ бояться?...

Камердинеръ продолжалъ соображать.

— Только деньги-то вы мнѣ впередъ ужь пожалуйте; онѣ теперь мнѣ очень нужны-съ! проговорилъ онъ наконецъ.

— Деньги отдамъ впередъ, отвѣчалъ Николя, покраснѣвъ немного въ лицѣ.

Камердинеръ не безъ основанія принялъ эту предосторожность: молодой баринъ часто обѣщалъ ему разныя награды, а потомъ, какъ будто бы случайно, и позабывалъ о томъ.

Условившись такимъ образомъ съ Севастьяномъ, Николя при-

Digitized by Google

нялся сочинять письмо и сидѣлъ за этой работой часа два: лобъ его при этомъ неоднократно увлажнялся потомъ; листовъ двѣнадцать бумаги было исписано и перервано; наконецъ онъ изложилъ то, что желалъ, и изложеніе это не столько написано было по-русски, сколько переведено дурно съ французскаго:

«Любезный князь! не знакомые вамъ люди желаютъ васъ увѣдомить, что жена ваша вамъ невѣрна и даетъ рандеву господину Миклакову, съ которымъ каждый вечеръ встрѣчается въ вашей гостиной; объ этомъ знаютъ въ свѣтѣ, и честь вашей фамиліи обязываетъ васъ отомстить княгинѣ и вашему коварному ривалю».

Все сіе посланіе камердинеръ, въ запертомъ кабинетѣ, тоже весьма долго переписывалъ, перемаралъ тоже очень много бумаги, и наконецъ письмо было изготовлено, запечатано, надписано и положено въ почтовый ящикъ, а вечеромъ Николя, по случаю собравшихся у отца гостей, очень спокойно и совершенно какъ-бы съ чистой совѣстью болталъ съ разными гостями. Онъ, кажется, вовсе и не подозрѣвалъ, до какой степени былъ гадокъ содѣянный имъ противъ княгини поступокъ.

XI.

Князь получилъ анонимное письмо въ то время, какъ собирался ѣхать къ Еленѣ. Прочитавъ его, онъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ и вначалѣ, кажется, хотѣлъ было идти къ княгинѣ, показать ей это письмо и попросить у нея объясненія ему; но потомъ онъ удержался отъ этого и остался на томъ же мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ: вся фигура его приняла какое-то мрачное выраженіе. Болѣе всего возмущалъ его своимъ поступкомъ Миклаковъ. Положимъ даже, что княгиня сама первая выразила ему свое вниманіе, но ему сейчасъ же слѣдовало устранить себя отъ этого; потому что князь ввелъ его въ свой домъ, какъ друга, и онъ не долженъ былъ позволять себѣ быть развратителемъ его жены, тѣмъ болѣе, что какого нибудь особенно сильнаго увлеченія со стороны Миклакова князь никакъ ужь не предполагалъ. Самымъ простымъ и естественнымъ дѣломъ казалось князю вызвать подобнаго господина на дуэль; но онъ очень хорошо зналъ, ка-

Digitized by Google

кимъ образомъ Миклаковъ смотритъ на дуэли этого рода, да и кром того, что́ скажетъ объ этой дуэли Елена: она ее напугаетъ глубоко огорчитъ, пойдетъ цѣлый рядъ сценъ, объясненій!.. Сло вомъ, разсудокъ очень ясно говорилъ въ князѣ, что для спокой ствія всѣхъ близкихъ и дорогихъ ему людей, для спокойстві собственнаго и наконецъ по чувству справедливости онъ должен былъ на любовь жены къ другому взглянуть равнодушно; но в то же время, какъ и въ исторіи съ барономъ Мингеромъ, он чувствовалъ, что у него, при одной мысли объ этомъ, цѣлое мор злобы поднимается къ сердцу. Скрыть это и носить въ этомъ от ношеніи маску князь видѣлъ, что на этотъ, по крайней мѣрѣ, ден въ немъ не достанетъ силъ,—а потому онъ счелъ за лучше остаться дома, просидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ весь ве черъ и бо́льшую часть ночи, а когда на другой день случайн увидѣлъ въ зеркалѣ свое пожелтѣвшее и измученное лицо, т почти не узналъ себя. Съ княгиней онъ могъ еще не видаться день и два, но къ Еленѣ долженъ былъ ѣхать.

«Э, чортъ возьми! Могу же я быть спокойнымъ или не спо-койнымъ, какъ мнѣ пожелается того!» подумалъ онъ; но, поѣхав къ Еленѣ, все-таки рѣшился, чтобы не очень встревожить ее, совладѣть съ собой и передать ей всю эту исторію, какъ давн имъ ожидаемую. Но Елена очень хорошо знала князя, такъ что едва только онъ вошелъ, какъ она воскликнула встревоженным даже голосомъ:

— Что такое у тебя за видъ сегодня?

— А что? спросилъ князь, какъ-бы не понимая ея.

— Ты зеленый какой-то...

— Такъ, не здоровится что-то сегодня.

Елена продолжала на него смотрѣть, не спуская глазъ.

Князь, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, постарался да усмѣхнуться.

— Я вчера получилъ анонимное письмо, которымъ извѣщ ютъ меня, что между княгиней и Миклаковымъ существуетъ л бовь... проговорилъ онъ, продолжая усмѣхаться; но этимъ одна ему не удалось замаскироваться передъ Еленой.

— И тебя это, видно, очень встревожило? спросила она его.

— Да, отчасти, отвѣчалъ князь,—и главное въ томъ отнош ніи, что этимъ соблазнителемъ моей супруги является Мик ковъ, человѣкъ, котораго я все-таки любилъ искренно!..

— А, вотъ что!... произнесла Елена, и князь по одному то голоса ея догадался, какая буря у ней начинается въ душѣ.

Digitized by Google

— Ты, разумѣется, заговорилъ онъ, опять усмѣхаясь немного и какъ-бы желая въ этомъ случаѣ предупредить Елену,—не преминешь сочинить мнѣ за то сцену, но что-жь дѣлать: чувствовать иначе, какъ я чувствую, я не могу...

— Это съ чего ты взялъ, что я сочиню тебѣ сцену? воскликнула Елена, гордо поднимая передъ нимъ свою голову.—Слишкомъ ошибаешься!.. Прошла та пора: теперь я тебя очень хорошо понимаю, и еслибы ты даже сталъ притворяться передо мною, такъ я бы это сейчасъ увидѣла, и ты къ теперешнимъ своимъ качествамъ прибавилъ бы въ глазахъ моихъ еще новое, весьма некрасивое.

— Какое же это такое? спросилъ князь.

— Качество лжеца! отвѣчала Елена.

— Качество нехорошее! произнесъ князь.—А какія же мои теперешнія качества,—любопытно было бы знать! присовокупилъ онъ.

— Качества весьма обыкновенныя... *Весьма!* отвѣчала Елена почти съ презрительной гримасой.—Ты имѣешь любовницу и жену; обѣихъ ихъ понемножку любишь и очень не желаешь, чтобы которая нибудь изъ нихъ измѣнила тебѣ!.. Словомъ, себя считаешь вправѣ дѣлать все, что тебѣ угодно, и крайне бываешь недоволенъ, когда другіе вздумаютъ поступать тоже по своему усмотрѣнію.

Князь, при такого рода опредѣленіи ему самого себя, покраснѣлъ даже въ лицѣ.

— Очень странно, что ты такого человѣка позволила себѣ полюбить, сказалъ онъ.

— Ошиблась, больше ничего! пояснила ему Елена.—Никакъ не ожидала, чтобы люди, опутанные самыми мелкими чувствами и предразсудками, вздумали прикидываться людьми свободными отъ всего этого!.. Свободными людьми—легко сказать! воскликнула она,—а надобно спросить вообще: много ли на свѣтѣ свободныхъ людей?.. Ихъ нужно считать единицами посреди сотней тысячъ,—это герои: они не только-что не боятся измѣнъ женъ, но даже каторгъ и гильотинъ, и мы съ вами, ваше сіятельство, никакъ ужь въ этотъ сортъ людей не годимся.

— Совершенно согласенъ! сказалъ князь.—Но опять тебѣ повторяю, что мнѣ странно, какъ ты полюбила человѣка, подобнаго мнѣ, а не избрала кого либо, болѣе подходящаго къ воображаемому тобою герою.

Digitized by Google

— Вначалѣ я тебя считала подходящимъ къ такому герою.

— Что же такое потомъ тебя разочаровало во мнѣ?... Это мое нѣкоторое вниманіе къ поведенію жены?

— Нѣтъ, не это только, а *многое, многое!* отвѣчала Елена съ удареніемъ.

Князь хоть и полагалъ, что она говоритъ такимъ образомъ подъ вліяніемъ ревности, а потому, можетъ быть, высказываетъ то, чего и не чувствуетъ; но, какъ бы то ни было, онъ разсердился на нее и рѣшился, въ свою очередь, тоже высказать ей нѣсколько горькихъ истинъ.

— Вотъ видишь ли что! началъ онъ, съ дрожащими немного отъ досады губами:—согласенъ, что я имѣю предразсудки, мелкія чувства; но когда мы кого любимъ, то не только-что такіе недостатки, но даже пороки прощаемъ!.. Значитъ, любви въ тебѣ ко мнѣ нисколько нѣтъ!.. Мало этого, въ тебѣ даже нѣтъ простаго чувства сожалѣнія ко мнѣ, которое мы имѣемъ ко всѣмъ почти людямъ!... Ты очень хорошо знала, что я пришелъ къ тебѣ съ больной моей раной; но ты вмѣсто того, чтобъ успокоить меня, посовѣтовать мнѣ что нибудь, говоришь мнѣ только дерзости.

— Ахъ, нѣтъ, ужь извините!.. За совѣтомъ этимъ вамъ лучше обратиться къ какому нибудь вашему адвокату, воскликнула Елена.—Тотъ научитъ васъ, куда и въ какой судъ подать вамъ на вашу жену жалобу: законы, вѣроятно, есть противъ этого строгіе; ее посадятъ, конечно, за то въ тюрьму, разведутъ васъ.

— Я вовсе не хочу жены моей сажать въ тюрьму! возразилъ князь.—И еслибы желалъ чего, такъ это единственно, чтобы не видѣть того, что мнѣ тяжело видѣть и чему я не желаю быть свидѣтелемъ.

— Въ такомъ случаѣ прогоните вашу жену отъ себя, или еще лучше того: отправьте ее за границу!.. Это многимъ можетъ показаться даже очень великодушнымъ съ вашей стороны.

— Въ томъ-то и горе, что она не желаетъ этого... возразилъ князь.

— Тогда начните поколачивать ее, и послѣ этого она непремѣнно ужь пожелаетъ.

Князь при этомъ усмѣхнулся даже нѣсколько.

— А ты думаешь, что я способенъ поколотить ее? проговорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, виновата! опять воскликнула Елена:—я ошиблась; жену вашу, по тому, разумѣется, только, что она же-

Digitized by Google

на ваша, вы слишкомъ высоко ставите и не позволите себѣ сдѣлать это противъ нея; но любовница же, какъ я, на примѣръ, то другое дѣло.

— Тебя, значить, это я способенъ поколотить?...

— Еще какъ!.. Съ наслажденіемъ, я думаю! Вообще: бросить, поколотить любовницу всякому нравственному человѣку, какъ ты, даже слѣдуетъ: того де она и стòитъ!

Слова эти окончательно разсердили князя. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Послѣ того, какъ ты меня понимаешь, мнѣ въ самомъ дѣлѣ слѣдовало бы тебя оставить, что я и сдѣлалъ бы, еслибъ у насъ не было сына, за воспитаніемъ котораго я хочу слѣдить, проговорилъ онъ, стараясь при этомъ не смотрѣть на Елену.

— Въ отношеніи воспитанія вашего сына, начала она,—вы можете быть совершенно покойны и не трудиться наблюдать нисколько надъ его воспитаніемъ, потому что я убила бы сына моего изъ собственныхъ рукъ моихъ, еслибъ увидѣла, что онъ наслѣдовалъ нѣкоторыя ваши милыя убѣжденія!

— И ты искренно это говоришь? спросилъ ее князь, блѣднѣя весь въ лицѣ.

— Совершенно искренно, *совершенно!* отвѣчала Елена съ удареніемъ и, по видимому, въ самомъ дѣлѣ искреннимъ голосомъ.

— Хорошо, что заранѣе по крайней мѣрѣ сказала! проговорилъ князь почти задыхающимся отъ гнѣва голосомъ и затѣмъ всталъ и собралъ всѣ книги, которыя приносилъ Еленѣ читать, взялъ ихъ себѣ подъ руку, отыскалъ послѣ того свою шляпу, зашелъ потомъ въ дѣтскую, гдѣ нѣсколько времени глядѣлъ на ребенка; наконецъ, поцѣловавъ его горячо раза три, четыре, ушелъ совсѣмъ, не зайдя уже больше и проститься съ Еленой. Та, въ свою очередь, тоже осталась въ сильно раздраженномъ состояніи. Ее больше всего выводила изъ себя эта *двойственность и непослѣдовательность* князя. Говоритъ, что не любитъ жену, и дѣйствительно, кажется, мало любитъ ее; говоритъ наконецъ, что очень даже радъ будетъ, если она полюбитъ другаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый разъ, какимъ-то тигромъ бѣшенымъ дѣлается, когда княгиня начинаетъ съ кѣмъ нибудь даже только кокетничать. Положимъ, прежде бѣсновался онъ отъ того, что барона считалъ дрянью совершенною; но про Миклакова онъ никакъ не могъ этого сказать. «Въ самомъ дѣлѣ, имъ ужь лучше разъѣхаться; по крайней мѣрѣ, они не будутъ мучить другъ друга»—рѣшила въ мысляхъ своихъ Елена.

Digitized by Google

Кромѣ того она отъѣздъ княгини за границу находила не дурнымъ и для себя, потому что этимъ окончательно успокоивалась ея ревность; сообразивъ все это, Елена прежде всего хотѣла перетолковать съ Миклаковымъ, и, не любя откладывать никакого своего намѣренія, она сейчасъ же отправилась къ нему.

Миклакова Елена застала дома и, сверхъ обыкновенія, довольно прилично одѣтымъ.

— У меня сейчасъ былъ князь, начала она, усѣвшись на одномъ изъ сломанныхъ стульевъ,—и сказывалъ, что получилъ анонимное письмо о вашей любви съ княгиней.

— О нашей любви съ княгиней? повторилъ Миклаковъ, по видимому, тономъ не малаго удивленія.—Но кто-жь ему могъ написать эту нелѣпость? присовокупилъ онъ.

— Лѣность это или нелѣпость—я не знаю, и конечно ужь не я ему писала! проговорила Елена, покраснѣвъ отъ одной мысли, что не подумалъ ли Миклаковъ, что князь отъ нея узналъ объ этомъ, такъ какъ она иногда смѣялась Миклакову, что онъ влюбленъ въ княгиню, и тотъ обыкновенно, тоже шутя, отвѣчалъ ей: «влюбленъ-съ!.. влюбленъ!»

— Знаю, что не вы, произнесъ онъ, нахмуриваясь въ свою очередь.—Впрочемъ, что-жь?.. на здоровье ему, если у него есть такіе добрые и обязательные корреспонденты.

— Ему вовсе не на здоровье, потому что онъ взбѣшенъ какъ я не знаю что! возразила Елена.

Миклаковъ усмѣхнулся при этомъ и взглянулъ пристально на Елену.

— Да вы о комъ тутъ больше хлопочете: о насъ, или о князѣ? спросилъ онъ.

— И о васъ, и о князѣ, потому что я никакъ не ручаюсь, чтобъ онъ, въ одну изъ бѣшеныхъ минутъ своихъ, не убилъ васъ обоихъ!

— Даже убилъ?.. Ой, батюшки, какъ страшно! сказалъ Миклаковъ комическимъ тономъ.

— Пожалуйста, не шутите! Смѣяться въ этомъ случаѣ нечего, потому что князь рѣшительно не желаетъ быть свидѣтелемъ вашей любви, и потому, я полагаю, вамъ и княгинѣ лучше всего теперь уѣхать за границу.

Миклаковъ на это опять усмѣхнулся.

— Уѣхать за границу, конечно, каждому хорошо, но для этого прежде всего нужно имѣть деньги.

Digitized by Google

— За деньгами дѣло не станетъ: князь съ удовольствіемъ дастъ на это княгинѣ денегъ.

— Все это очень хорошо-съ! возражалъ Миклаковъ,—но это дѣло нисколько до меня не касающееся.

— Какъ не касающееся?.. воскликнула Елена.—И вы должны ѣхать за границу, если только любите княгиню.

— Я-то? спросилъ Миклаковъ какимъ-то дурацкимъ голосомъ и почесывая у себя въ затылкѣ.

— Да, вы-то! повторила Елена.—Что-жь, поѣдете, или нѣтъ? присовокупила она.

— Поѣду, если ужь очень звать будутъ! отвѣчалъ Миклаковъ.

— Звать его будутъ!... Вотъ противный-то! воскликнула Елена.—Но, во всякомъ случаѣ, вы отправляйтесь къ княгинѣ и внушите ей эту мысль.

— Какую это мысль? спросилъ Миклаковъ, какъ-бы не понявъ Елены.

— Мысль уѣхать за границу.

— Ну, ужь это—слуга покорный.... Я никогда ей внушать такой мысли не буду.

— Это почему?

— Потому что это прямо, значитъ, увезти ее отъ мужа, да и на мужнины еще деньги!.. Очень ужь это будетъ благородно съ моей стороны.

— Подите вы съ вашимъ казеннымъ *благородно, не благородно*!.. Васъ вовсе не то останавливаетъ!

— Что же меня останавливаетъ?

— То, что вы старый, развратный старичишка: вамъ просто страшно сойтись надолго съ порядочной женщиной.

Миклаковъ, обыкновенно нисколько не стѣсняясь, всегда разсказывалъ Еленѣ разныя свои безобразія по сердечной части.

— Можетъ быть и то останавливаетъ... произнесъ онъ, смотря какъ-то въ уголъ.

— Знаете что? начала вдругъ Елена, взглянувъ внимательно ему въ лицо:—вы такимъ тономъ говорите, что точно вы нисколько не любите княгини и какъ будто бы у васъ ничего съ ней нѣтъ...

— Да у меня съ ней ничего и нѣтъ! отвѣчалъ, усмѣхаясь, Миклаковъ.

— Такъ-таки ничего? повторила свой вопросъ Елена.

— Серьезнаго ничего!

Digitized by Google

Елена пожала плечами.

— Странно!... произнесла она.—Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вамъ и ѣхать съ ней за границу?

Миклаковъ въ отвѣтъ на это опять почесалъ у себя только затылокъ и молчалъ.

— Что-жь, вы ничего и не скажете княгинѣ о сегодняшнемъ нашемъ разговорѣ съ вами? спросила его Елена.

— Не знаю. Подумаю... Отвѣчалъ Миклаковъ.

Досада замѣтно отразилась на лицѣ Елены.

— Ну-съ, проговорила она, уже вставая,—я сказала вамъ мое мнѣніе, предостерегла васъ; а тамъ дѣлайте какъ знаете.

— Да это такъ!.. На томъ благодаримъ покорно! произнесъ Миклаковъ снова тономъ какого-то дурачка.

Елена уѣхала отъ него.

Миклаковъ хоть и старался во всей предыдущей сценѣ сохранить спокойный и насмѣшливый тонъ, но все-таки видно было, что сообщенное ему Еленою извѣстіе обезпокоило его, такъ что онъ, оставшись одинъ, нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по своему нумеру, какъ-бы что-то обдумывая; наконецъ, сѣлъ къ столу и написалъ княгинѣ письмо такого содержанія: «Князя кто-то увѣдомилъ о нашей аки-бы преступной съ вами любви, и онъ, говорятъ, очень на это взбѣшенъ. Приготовьтесь къ этому и примите какія нибудь съ своей стороны мѣры противъ того: главное, внушите ему, что ревновать ему васъ ко всякому встрѣчному и поперечному не подобаетъ даже по религіи его,—это, мнѣ кажется, больше всего можетъ его обуздать».

Письмо это, какъ и надобно было ожидать, очень встревожило княгиню, тѣмъ болѣе, что она считала себя уже нѣсколько виновною противъ мужа, такъ какъ сознавала въ душѣ, что любитъ Миклакова, хоть отношенія ихъ никакъ не дошли дальше того, что успѣла подсмотрѣть въ щелочку госпожа Петицкая. Не сознавая хорошенько сама того, что дѣлаетъ, и предполагая, что князя цѣлый вечеръ не будетъ дома, княгиня велѣла сказать Миклакову черезъ его посланнаго, чтобъ онъ пришелъ къ ней; но едва только этотъ посланный отправился, какъ раздался звонокъ. Княгиня догадалась, что это пріѣхалъ князь, и отъ одного этого почувствовала страхъ, который еще больше въ ней увеличился, когда въ комнату къ ней вошелъ лакей и доложилъ, что князь желаетъ ее видѣть и проситъ ее прійти къ нему.

— Доложи князю, что я сейчасъ выйду въ гостиную и что я переодѣваюсь теперь, проговорила она.

Digitized by Google

Лакей, видя, что барыня вовсе не переодѣвается, глядѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Ну, ступай! сказала ему княгиня.

Лакей ушелъ.

Княгиня послѣ того зачѣмъ-то поправила свои волосы передъ зеркаломъ, позвала потомъ свою горничную, велѣла ей подать стаканъ воды, выпила изъ него немного и, взглянувъ на висѣвшее на стѣнѣ распятіе, пошла въ гостиную. Князь уже былъ тамъ и ходилъ взадъ и впередъ. Одна только лампа на среднемъ столѣ освѣщала эту огромную комнату. Услыхавъ шаги жены, князь пріостановился. Княгиня, какъ вошла, такъ сейчасъ же поспѣшила сѣсть въ самомъ темномъ мѣстѣ гостиной. Князь снова началъ ходить по комнатѣ. Гнѣвъ на Елену, на которую онъ очень разсердился, а частію и проходившія въ умѣ князя, какъ-бы противъ воли его, воспоминанія о томъ, до какой степени княгиня, въ продолженіи всей ихъ жизни, была въ отношеніи его кротка и добра, значительно смягчили въ немъ неудовольствіе противъ нея. Онъ далъ себѣ слово, что̀ бы тамъ на сердцѣ у него ни было, быть какъ можно болѣе мягкимъ и кроткимъ съ нею въ предстоящемъ объясненіи.

— Я очень радъ, что засталъ васъ дома, началъ онъ почти веселымъ голосомъ.

Княгиня молчала.

— Тутъ одинъ какой-то мерзавецъ, продолжалъ князь послѣ короткаго молчанія и съ замѣтнымъ усиліемъ надъ собой,—вздумалъ ко мнѣ написать извѣщеніе, что будто бы вы любите Миклакова.

Княгиня и на это молчала: ей въ одно и то же время было страшно и стыдно слушать князя.

— Скажите, правда это или нѣтъ? заключилъ онъ почти нѣжно.

Признаться мужу въ своихъ чувствахъ къ Миклакову и въ томъ, что между ними происходило, княгиня все-таки боялась; но, съ другой стороны, запереться во всемъ—у ней не хватало духу; да она и не хотѣла на этотъ разъ, припоминая, какъ князь нѣкогда отвѣчалъ на ея письмо по поводу барона, а потому княгиня избрала нѣчто среднее.

— На подобные вопросы обыкновенно не отвѣчаютъ мужьямъ, проговорила она, какъ-бы больше шутя.

Digitized by Google

— Отчего же? спросилъ князь тѣмъ же ласковымъ голосомъ.

— Оттого, что откровенный отвѣтъ можетъ ихъ оскорбить.

— Поэтому вашъ откровенный отвѣтъ могъ бы оскорбить меня? растолковалъ ея слова князь.

Княгиня на это ничего не сказала.

— Но вы ошибаетесь, продолжалъ князь:—никакой вашъ отвѣтъ не можетъ оскорбить меня, или, лучше сказать, я не имѣю даже права оскорбляться на васъ: къ кому бы вы какое чувство ни питали, вы совершенно полновластны въ томъ!.. Тутъ только одно: о вашей любви я получилъ анонимное письмо, значитъ, она сдѣлалась предметомъ всеобщей молвы; вотъ этого, признаюсь, я никакъ не желалъ бы!...

— Но какъ же помочь тому?... Молва иногда бываетъ совершенно напрасная! возразила княгиня.

— Да, но тутъ она не напрасная! перебилъ ее рѣзко князь,— и я бы просилъ васъ, для прекращенія этой молвы, уѣхать что ли куда нибудь!

Княгиня опять затрепетала: ее испугала мысль, что она должна будетъ растаться съ Миклаковымъ.

— Но куда же вы хотите, чтобъ я уѣхала? спросила она прерывающимся голосомъ.

— Лучше всего за границу!.. Пусть съ вами ѣдетъ и г. Миклаковъ! отвѣчалъ князь, какъ-бы понявъ ея страхъ.—Я, конечно, обезпечу васъ совершенно состояніемъ: мое въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, единственное желаніе будетъ, чтобы вы и я послѣ того могли открыто и всенародно говорить, что мы разошлись.

— Разошлись?... повторила княгиня, но на этотъ разъ слово это не такъ страшно отозвалось въ сердцѣ ея, какъ прежде: во первыхъ, она какъ-то попривыкла къ этому предположенію, а потомъ ей и самой иногда невыносимо неловко было встрѣчаться съ княземъ отъ сознанія ,что она любитъ другаго. Княгиня, какъ мы знаемъ изъ словъ Елпидифора Мартыныча, подумывала уже уѣхать за границу; но какъ-бы то ни было, слезы обильно потекли изъ ея глазъ.

Князь это видѣлъ, страшно мучился этимъ и нарочно даже сѣлъ на очень отдаленное кресло отъ жены. Прошло между ними нѣсколько времени какого-то тяжелаго и мрачнаго молчанія. Вдругъ тотъ же лакей, который приходилъ звать княгиню къ князю, вошелъ и объявилъ, что пріѣхалъ Миклаковъ. Княгиня при этомъ вздрогнула. Князя тоже вначалѣ, по видимому, покороби-

Digitized by Google

ло нѣсколько. Княгиня, поспѣшно утирая слезы, обратилась къ лакею.

— Скажи, что дома нѣтъ, что всѣ уѣхали на цѣлый вечеръ!.. проговорила она скороговоркой.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?.. возразилъ ей князь.—Прими, скажи, что просятъ! приказалъ онъ лакею.

Тотъ пошелъ.

— А вы нѣсколько успокойтесь! отнесся князь къ женѣ.— Это отлично, что Миклаковъ пришелъ; мы сейчасъ же съ нимъ все и устроимъ! присовокупилъ онъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собой.

Миклаковъ, войдя въ гостиную и увидя князя, немного сконфузился: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы тотъ былъ дома.

— Здравствуйте, мой милый другъ! сказалъ князь, привѣтливо протягивая къ нему руку.

Миклаковъ неловко принялъ у него руку и такъ же неловко поклонился княгинѣ.

— А вотъ мы сейчасъ съ княгиней рѣшили, продолжалъ князь,— что намъ, чѣмъ морочить добрыхъ людей, такъ лучше явно, во все-очію разойтись!

Миклаковъ отвѣтилъ на это только взглядомъ на княгиню, которая сидѣла, потупивши лицо свое въ землю.

— И чтобы прекратить по этому поводу всякую болтовню, она уѣзжаетъ за границу, и вотъ я даже васъ бы просилъ сопутствовать ей...

— Меня?.. Сопутствовать княгинѣ? переспросилъ Миклаковъ.

— Да, васъ!.. отвѣчалъ князь и хотѣлъ, кажется, еще что-то такое добавить, но не въ состояніи уже былъ того сдѣлать.

Миклаковъ въ свою очередь тоже, хоть и усмѣхался, но замѣтно растерялся отъ такого прямаго и откровеннаго предложенія. Услыхавъ поутру отъ Елены, что княгинѣ и ему хорошо было бы уѣхать за границу, онъ считалъ это ея фантазіей, а теперь вдругъ самъ князь говоритъ ему о томъ.

— Что-жь, вы проводите ее или нѣтъ? спросилъ его тотъ, снова указывая глазами на жену.

Миклаковъ видѣлъ необходимость что нибудь отвѣчать.

— Мнѣ еще для этого прежде нужно въ отставку подать, проговорилъ онъ какъ-бы размышляющимъ и соображающимъ тономъ.

— Въ отставку подать не долго, подхватилъ князь.

Миклаковъ думалъ нѣкоторое время.

Digitized by Google

— Но я не знаю, произнесъ онъ потомъ,—пріятно ли еще будетъ княгинѣ мое сопутничество.

— Вы желаете, чтобы Миклаковъ вамъ сопутствовалъ? отнесся къ ней князь.

— Желаю, потому что все-таки лучше ѣхать хоть съ однимъ знакомымъ человѣкомъ, отвѣчала княгиня.

— Ну, поэтому и все теперь! сказалъ князь.—Черезъ недѣлю вы, полагаю, можете и ѣхать, а къ этому времени я устрою тамошнюю жизнь вашу! прибавилъ онъ княгинѣ; затѣмъ, обратясь къ Миклакову и проговоривъ ему: «до свиданья!», ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Миклаковъ послѣ того нѣкоторое время продолжалъ усмѣхаться про себя. Княгиня же сидѣла печальная и задумчивая.

— У васъ, значитъ, было уже и объясненіе? спросилъ онъ ее.

— Да, было! отвѣчала она отрывисто.

— Что же, вы сказали ему, что все это вздоръ?

— Нѣтъ, не сказала! произнесла княгиня по прежнему отрывисто.

— Отчего же?

— Оттого, что это не вздоръ!

— Вы полагаете, что не вздоръ? повторилъ Миклаковъ знаменательно.

Княгиня молчала.

— Ну, а этимъ отъѣздомъ вашимъ за границу онъ самъ распорядился? продолжалъ Миклаковъ.

— Самъ, сказала княгиня.

— Но вы, кажется, недовольны такимъ его распоряженіемъ.

— Очень! отвѣчала княгиня.

— Почему же?

— Потому что я знаю, что буду наказана за то Богомъ.

Миклаковъ опять усмѣхнулся.

— Какъ Богъ ни строгъ, но Ему пока рѣшительно не за что еще наказывать васъ! проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ужь есть за что! произнесла княгиня почти патетически.

Миклаковъ на это развелъ только руками.

Князь, между тѣмъ, войдя въ кабинетъ, прямо бросился на канапе и закрылъ глаза: видимо, что всѣми этими объясненіями онъ измученъ былъ до послѣдней степени!

Digitized by Google

XII.

Княгиня на другой, на третій и на четвертый день послѣ того, какъ рѣшена была ея поѣздка за границу, оставалась печальною и встревоженною. Наконецъ она, какъ-бы придумавъ что-то такое, написала Петицкой, все еще болѣвшей, о своемъ отъѣздѣ и просила ее, чтобъ она, если только можетъ, пріѣхала къ ней. Госпожа Петицкая, получивъ такое извѣстіе, разумѣется, забыла всякую болѣзнь и бросилась къ княгинѣ. У той въ это время сидѣлъ Миклаковъ, и они разговаривали о князѣ, который, послѣ объясненія съ княгиней, рѣшительно осыпалъ ее благодѣяніями: сначала онъ прислалъ княгинѣ съ управляющимъ бриллiанты покойной своей матери, по крайней мѣрѣ, тысячъ на сто; потомъ—купчую крѣпость на имѣніе, приносящее около пятнадцати тысячъ годоваго дохода. Управляющій только при этомъ каждый разъ спрашивалъ княгиню: «что, когда она изволитъ уѣзжать за границу?»

Выслушавъ обо всемъ этомъ расказъ, Миклаковъ сдѣлалъ насмѣшливую гримасу.

— Очень ужь онъ женерозничаетъ не кстати! произнесъ онъ.

— Отчего же не кстати? спросила княгиня съ маленькимъ удивленіемъ.

— Оттого что вовсе не то чувствуетъ, продолжалъ насмѣшливо Миклаковъ,—и въ душѣ, вѣроятно, весьма бы желалъ, какъ указано въ Домостроѣ, плеткой даже поучить васъ!...

— Ахъ, нѣтъ! Въ душѣ онъ очень добрый человѣкъ! возразила княгиня.

Разговоръ этотъ ихъ былъ прерванъ раздавшимися въ сосѣдней комнатѣ быстрыми шагами госпожи Петицкой.

— Боже мой, душенька, ангелъ мой! куда это вы уѣзжаете? воскликцала она, какъ только появилась въ комнатѣ.

— За границу! отвѣчала ей княгиня.

— Что со мной теперь несчастной будетъ, что будетъ? продолжала восклицать госпожа Петицкая, ломая себѣ руки.

Положеніе ея въ самомъ дѣлѣ было не красивое: послѣ несчастной исторіи съ Николей Оглоблинымъ, она просто боялась показаться на Божій свѣтъ, изъ опасенія, что всѣ объ этомъ

Digitized by Google

знаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она очень хорошо понимала, что въ цѣлой Москвѣ, между всѣми ея знакомыми, одна только княгиня все ей проститъ, что̀ бы про нее ни услышала, и не дастъ наконецъ ей умереть съ голоду, чего госпожа Петицкая тоже опасалась, такъ какъ послѣднее время прожилась окончательно.

— Теперь только и осталось одно — идти да утопиться въ Москвѣ рѣкѣ! присовокупила она, разводя руками.

— Вовсе вамъ не нужно тоциться ни въ какой рѣкѣ, возразила ей княгиня съ улыбкою, потому что вы должны ѣхать со мною за границу!

— Я?... Съ вами? воскликнула Петицкая, никакъ не ожидавшая такого предложенія.

— Да, вы! повторила княгиня.

При этомъ Миклаковъ взглянулъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на княгиню; но она сдѣлала видъ, что какъ будто бы не замѣчаетъ этого.

— Но я не имѣю средствъ, княгиня, ѣхать за границу! возразила Петицкая.

— Средства у меня очень хорошія, и потому вамъ объ этихъ пустякахъ безпокоиться нечего! сказала ей княгиня.

У госпожи Петицкой послѣ этого глаза мгновенно увлажнились слезами.

— Княгиня! начала она какимъ-то прерывающимся голосомъ: — я не знаю, благодарить ли мнѣ васъ, или удивляться вамъ?...

— Ни то, ни другое, а ѣхать со мною! проговорила княгиня одушевленнымъ и веселымъ тономъ.

— Что ѣхать съ вами я готова, вы, я думаю, не сомнѣвались въ томъ; но въ то же время это такая для меня неожиданность и такая радость, что до сихъ поръ еще я не могу прійти въ себя!

— Ну, и отлично, что радость!.. Мы будемъ съ вами жить вмѣстѣ, гулять, переѣзжать изъ одного города въ другой.

— Ужь конечно! подтвердила госпожа Петицкая въ какомъ-то раздумьи, и потомъ, какъ-бы сообразивъ хорошенько все, что дѣлаетъ для нея княгиня, она вдругъ протянула ей руку и проговорила почти трагическимъ голосомъ:

— Благодарю васъ!

Въ отвѣтъ на это княгиня хотѣла было ее поцѣловать; но госпожа Петицкая вмѣсто того упала къ ней совсѣмъ въ объятія и зарыдала.

Digitized by Google

Этого Миклаковъ не въ состояніи уже былъ вынести. Онъ порывисто всталъ съ своего мѣста и началъ ходить съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ по комнатѣ. Княгиня однако и тутъ опять сдѣлала видъ, что ничего этого не замѣчаетъ; но очень хорошо это подмѣтила госпожа Петицкая и даже нѣсколько встрѣвожилась этимъ: спустя нѣкоторое время, она, какъ-бы прійдя нѣсколько въ себя отъ своего волненія, обратилась къ Миклакову и спросила его:

— А вы, monsieur Миклаковъ, не ѣдете за границу?

Что онъ ѣдетъ за границу—госпожа Петицкая заранѣе почти знала.

— Нѣтъ-съ, ѣду! отвѣчалъ онъ ей.

О, тогда госпожѣ Петицкой показалось, что она очень хорошо понимаетъ: она полагала, что Миклаковъ тоже ѣдетъ на деньги княгини и теперь ему досадно, что она хочетъ то же самое сдѣлать и для другихъ! Госпожа Петицкая судила въ этомъ случаѣ о Миклаковѣ нѣсколько по своимъ собственнымъ чувствамъ.

— Вы, однако, скорѣе должны собираться! Мы уѣзжаемъ черезъ недѣлю! сказала ей княгиня.

— Что мнѣ собираться!... Я въ полчаса могу собраться! возразила госпожа Петицкая.—Но нѣтъ, нѣтъ! продолжала она снова трагическимъ голосомъ,—я вообразить себѣ даже не могу этого счастія, что вдругъ я съ вами, моимъ ангеломъ земнымъ, буду жить подъ одной кровлей и даже поѣду за границу, о которой всегда мечтала. Нѣтъ, этого не можетъ быть и этому никогда не сбыться!

— Но отчего же? спросила княгиня.

— Оттого же, что, вѣроятно, найдутся нѣкоторые люди, которые будутъ отсовѣтывать вамъ взять меня съ собою! отвѣчала грустнымъ и печальнымъ голосомъ госпожа Петицкая. Подъ именемъ *нѣкоторыхъ людей* она, конечно, разумѣла Миклакова, частію и князя.

— Никогда я не передумаю и никто мнѣ не отсовѣтуетъ этого, отвѣчала княгиня съ явной настойчивостью: она тоже, въ свою очередь, догадалась, кого госпожа Петицкая разумѣетъ подъ именемъ *нѣкоторыхъ людей*.

— Ну, хорошо, смотрите же! отвѣчала ей та, и затѣмъ вскорѣ ушла, чтобы поспѣшить въ самомъ дѣлѣ сборами.

— Что вы за сумашествіе дѣлаете, навязывая себѣ на руки эту скверную бабу! воскликнулъ Миклаковъ, какъ только остался вдвоемъ съ княгиней.

Digitized by Google

— Для васъ она скверная, а для меня очень хорошая! возразила ему та упрямымъ и недовольнымъ голосомъ.

— Но чѣмъ?... Развѣ тѣмъ, что низкопоклонница, сплетница и даже развратница! продолжалъ восклицать Миклаковъ.

Княгиня при такихъ эпитетахъ его покраснѣла.

— Развѣ можно такъ говорить о женщинѣ? проговорила она: вообще ее часто начиналъ шокировать нѣсколько грубый и рѣзкій тонъ Миклакова.—И что всего досаднѣе, продолжала она,— мущины не любятъ Петицкой за то только, что она—умная женщина; а между тѣмъ сами говорятъ, что они очень любятъ умныхъ женщинъ.

— Умную еще какую-то нашли! Она лукавая—это такъ... воскликнулъ Миклаковъ,—а лукавство никакъ не умъ, котораго первый признакъ есть справедливость и ясность.

— Нѣтъ, умная, не спорьте! настаивала на своемъ княгиня. Она придумала взять съ собою Петицкую—чисто съ цѣлію имѣть въ ней оплотъ и защиту свою противъ любви къ Миклакову. Она вознамѣрилась ни на минуту не раставаться съ Петицкой, говорить съ ней обо всемъ, совѣтоваться. Подчиняясь суровой волѣ мужа, который, видимо, отталкивалъ ее отъ себя, княгиня хоть и рѣшилась уѣхать за границу и при этомъ очень желала не раставаться съ Миклаковымъ, тѣмъ не менѣе, однако, много думая и размышляя послѣднее время о самой себѣ и о своемъ положеніи, она твердо убѣдилась, *что никогда и никого внѣ брака вполнѣ любить не можетъ*, и мечты ея въ настоящее время состояли въ томъ, что Миклаковъ ей будетъ преданнѣйшимъ другомъ и, пожалуй, тайнымъ обожателемъ ея, но и только. По своему нѣсколько мечтательному и идеальному міровоззрѣнію, княгиня воображала, что мущина, если онъ только истинно любитъ женщину, можетъ и долженъ удовольствоваться этимъ. Но всего этого она не хотѣла открывать Миклакову и сказала ему нѣсколько иную причину, почему пригласила Петицкую.

— Какъ вы не понимаете того! продолжала она.—Когда Петицкая поѣдетъ со мной, то все-таки я поѣду съ дамой, съ компаньонкой, а то мою поѣздку Богъ знаетъ чѣмъ могутъ растолковать!..

Миклаковъ многое хотѣлъ было возразить на это княгинѣ; но въ это время вошелъ лакей и подалъ ему довольно толстый пакетъ, надписанный рукою князя. Миклаковъ поспѣшно распечатывалъ

Digitized by Google

талъ его; въ пакетѣ была большая пачка денегъ и коротенькая записочка отъ князя: «Любезный Миклаковъ! посылаю вамъ на вашу поѣздку за границу тысячу рублей и надѣюсь, что вы позволите мнѣ каждогодно высылать вамъ таковую же сумму!» Прочитавъ эту записку, Миклаковъ закусилъ сначала немного губы и поблѣднѣлъ въ лицѣ.

— Этотъ господинъ начинаетъ себѣ очень большія шуточки позволять, проговорилъ онъ.

— Что такое? спросила его съ безпокойствомъ княгиня.

Миклаковъ подалъ ей письмо и деньги.

Княгиня прочла и тоже замѣтно сконфузилась.

— Ну, я съ нимъ поговорю по этому поводу, продолжалъ Миклаковъ: ему и прежде того еще очень хотѣлось побесѣдовать съ княземъ.—Доложи князю, что я желаю его видѣть, присовокупилъ онъ стоявшему въ дверяхъ лакею и ожидавшему приказанія.

— Для чего вы хотите его видѣть? спросила княгиня съ безпокойствомъ, когда лакей ушелъ.

— Да хоть бы для того, чтобы отдать ему деньги назадъ, отвѣчалъ Миклаковъ.

Лакей снова возвратился и доложилъ, что князь проситъ Миклакова въ кабинетъ.

Тотъ торопливо пошелъ туда.

Княгиня осталась въ сильно тревожномъ состояніи.

Войдя къ князю, Миклаковъ довольно небрежно поклонился ему и сейчасъ же сѣлъ.

— Я получилъ отъ васъ какое-то странное письмо съ приложеніемъ къ оному и пришелъ вамъ возвратить все сіе! проговорилъ онъ насмѣшливо и бросилъ на столъ передъ княземъ письмо и деньги.

— Отчего же странное? спросилъ тотъ нѣсколько сконфуженнымъ тономъ.

Миклаковъ пожалъ, какъ-бы въ удивленіи, плечами.

— Потому что я никогда, сколько помню, не говорилъ вамъ ни о какихъ моихъ нуждахъ, никогда не просилъ у васъ денегъ взаймы: съ какой же стати вы пожелали сдѣлать мнѣ сей презентъ?

— Я полагалъ, что ваши средства недостаточны на столько, чтобы жить на нихъ за границею, проговорилъ князь довольно ровнымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Такъ на какія же средства, по-вашему, я могъ расчитывать, ѣдучи за границу? На средства княгини, что ли?... спросилъ его Миклаковъ, устремляя на князя пронзительный взглядъ. Сколько я ни ожидалъ слышать отъ васъ дурное мнѣніе о себѣ, но такого, признаюсь, все-таки не чаялъ, а потому позвольте васъ разубѣдить въ немъ нѣсколько. Я-съ по тому только ѣду за границу, что могу тамъ существовать независимо ни отъ кого въ мірѣ. Я выслужилъ пенсію въ тысячу двѣсти рублей!... У меня есть кромѣ того маленькій капиталъ, за который я продалъ на дняхъ мою библіотеку!..

— Въ такомъ случаѣ я очень радъ за васъ, прервалъ его князь, съ трудомъ сдерживая себя и какъ-то порывисто кидая валявшіяся на столѣ деньги въ ящикъ. — Онъ полагалъ, что этимъ кончится его объясненіе съ Миклаковымъ, но тотъ однако не уходилъ.

— И вообще, я желалъ бы знать, началъ Миклаковъ снова,— что хорошо ли вы обдумали ваше рѣшеніе отправить княгиню за границу и чтобы я ей сопутствовалъ?

Князь сдѣлалъ только на это презрительную гримасу и молчалъ. Миклаковъ замѣтилъ это и еще болѣе взбѣсился.

— Вамъ, какъ я слышалъ, написалъ кто-то какую-то сплетню про меня и про княгиню, продолжалъ онъ.—Оправдываться въ этомъ случаѣ я не хочу, да нахожу и безполезнымъ, а все-таки долженъ вамъ сказать, что хоть вы и думаете всѣми теперешними вашими поступками разыграть роль великодушнаго Жоржъ-Зандовскаго супруга Жака; но вы забываете тутъ одно, что Жакъ былъ виноватъ передъ женой своей только тѣмъ, что былъ старше ея и по одному этому онъ простилъ ей привязанность къ другому; мало того, снова принялъ ее, когда этотъ другой бросилъ ее. Въ положеніе его вы никакъ не можете стать, потому что, прежде всего, сами увлеклись другой женщиной, погубили ту совершенно и вмѣстѣ съ тѣмъ отринули отъ себя жену вашу!.. Еслибы даже кто и полюбилъ княгиню, то во всякомъ случаѣ поступилъ бы не безчестно противъ васъ, въ силу того что поднялъ только брошенное!

Князю наконецъ стали казаться всѣ эти разсужденія Миклакова какимъ-то умышленнымъ надругательствомъ надъ нимъ.

— Я удивляюсь, къ чему вы все это говорите? произнесъ онъ едва сдерживаемымъ отъ бѣшенства голосомъ.

— Да къ тому, чтобы вы себя-то ужъ не очень великодушнымъ

Digitized by Google

человѣкомъ считали, отвѣчалъ Миклаковъ,—такъ какъ многіе смертные дѣлаютъ то же самое, что и вы, только гораздо проще и искреннѣе и не бывъ даже сами ни въ чемъ виноваты, а вы тутъ получаете должное возмездіе!

Князь не въ состояніи былъ долѣе выдерживать.

— Да кто-жь, чортъ возьми! воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу,—далъ вамъ право приходить ко мнѣ и анализировать мои чувства и поступки? Я васъ однимъ взмахомъ руки моей могу убить... Миклаковъ! поймите вы это, и потому прошу васъ оставить меня!

Говоря это, князь поднялся передъ Миклаковымъ во весь свой огромный ростъ. Тотъ тоже всталъ съ своего мѣста и, какъ ёжъ, весь ощетинился.

— Это такъ, вы сильнѣе меня! началъ онъ, стараясь сохранить насмѣшливый тонъ,—но противъ силы есть разныя твердыя орудія! присовокупилъ онъ и положилъ руку на одно изъ пресъ-папье.

Въ это время быстро вошла въ кабинетъ княгиня, ходившая уже по залѣ и очень хорошо слышавшая разговоръ мужа съ Миклаковымъ.

— Князь, умоляю васъ, успокойтесь! обратилась она прежде къ мужу.—Миклаковъ, прошу васъ, уйдите!.. Я не перенесу этого, говорю вамъ обоимъ!

Князь ничего на это не сказалъ женѣ, даже не взглянулъ на нее, но, проворно взявъ съ окошка свою шляпу, вышелъ изъ кабинета и черезъ нѣсколько минутъ совсѣмъ ушелъ изъ дому.

Миклаковъ, между тѣмъ, сталъ ходить по комнатѣ.

— Какой сердитенькій баринъ—а? говорилъ онъ, потирая руки:—не любитъ, какъ противъ шерсти-то кто его погладитъ!..

Княгиня въ свою очередь принялась почти рыдать.

— Вы-то же о чемъ плачете? спросилъ ее съ досадой Миклаковъ.

— Такъ, я ужь знаю о чемъ! отвѣчала она.

Во всей предыдущей сценѣ Миклаковъ показался княгинѣ человѣкомъ злымъ, несправедливымъ и очень неделикатнымъ.

— Если вы когда нибудь опять затѣете подобное объясненіе съ мужемъ, я возненавижу васъ! проговорила она сквозь слезы.

— Я же виноватъ! произнесъ съ удивленіемъ Миклаковъ, видимо считавшій себя совершенно правымъ.

Digitized by Google

Князь въ это время шелъ по направленію къ квартирѣ Елены, съ которой не видался съ самаго того времени, какъ разсорился съ нею. Онъ думалъ даже совсѣмъ съ ней болѣе не видаться: высказанное ею въ послѣдній разъ почти презрѣніе къ нему глубоко оскорбило и огорчило его. Въ первые дни, когда князь хлопоталъ объ отъѣздѣ жены за границу, у него доставало еще терпѣнья не идти къ Еленѣ, и вообще это время онъ ходилъ въ какомъ-то туманѣ; но вотъ хлопоты кончились, и что же ему затѣмъ оставалось дѣлать? Мысль о самоубійствѣ какъ-бы невольно начала ему снова приходить въ голову. «Умереть, убить себя!» помышлялъ князь въ одно и то же время съ чувствомъ ужаса и омерзѣнія, и его въ этомъ случаѣ не столько пугала мысль Гамлета о томъ, «*что будетъ тамъ, въ безвѣстной сторонѣ*»,—князь особенно объ этомъ не безпокоился,—сколько онъ просто боялся физической боли при смерти, и наконецъ ему жаль было не видѣть болѣе этого неба, иногда столь прекраснаго,—не дышать болѣе этимъ воздухомъ, иногда такимъ ароматнымъ и теплымъ!... О какихъ нибудь чисто-нравственныхъ наслажденіяхъ князь какъ-то не вспоминалъ, можетъ быть, по тому, что послѣднее время только и дѣлалъ, что мучился и страдалъ нравственно.

Очутившись на улицѣ, князь сообразилъ только одно—идти къ Еленѣ, чтобъ и съ ней покончить все и навсегда; а потомъ, пожалуй, и пулю себѣ въ лобъ... Елена, между тѣмъ, давно ужь и съ нетерпѣніемъ поджидала его. Побранившись въ послѣднее свиданіе съ княземъ, она нисколько не удивлялась и не тревожилась тѣмъ, что онъ нейдетъ къ ней, такъ какъ понимала, что сама сдѣлала бы то же самое на его мѣстѣ. Въ это время Елена услыхала отъ Миклакова, что князь отправляетъ жену за границу,—это ей было пріятно узнать, и гнѣвъ на князя въ ней окончательно пропалъ. Но вотъ, однако, князь не шелъ цѣлую недѣлю. Еленѣ начинало дѣлаться скучно; чтобы наполнить чѣмъ нибудь свое время, она принялась шить наряды своему малюткѣ и нашила ихъ, по крайней мѣрѣ, съ дюжину; князь все-таки не являлся. Терпѣніе Елены истощилось; она приготовилась уже написать князю бранчивое письмо и спросить его: «что это значитъ, и по какому праву онъ позволяетъ себѣ выкидывать подобныя штучки», какъ вдругъ увидала изъ окна, что князь подходитъ къ ея домику. Первымъ движеніемъ Елены была радость,

Digitized by Google

но она сдержала ее, сѣла на свое обычное мѣсто, взяла даже работу свою въ руки и приняла какъ-бы совершенно спокойный видъ. Князь, войдя, слегка пожалъ ей руку. Его искаженное и явно дышавшее гнѣвомъ лицо смутило нѣсколько Елену, и при этомъ она хорошенько не знала, на нее ли князь продолжаетъ сердиться, или опять дома онъ чѣмъ нибудь, благодаря своей глупой ревности, былъ взбѣшенъ.

— А что, Колю могу я видѣть? спросилъ князь, почти не глядя на Елену.

— Онъ у себя въ дѣтской, отвѣчала она.

Князь прошелъ туда. Ребенокъ спалъ въ это время. Князь открылъ пологъ у его кроватки и нѣсколько времени съ такимъ грустнымъ выраженіемъ и съ такой любовью смотрѣлъ на него, что даже нянька-старуха замѣтила это.

— Да не прикажете ли, батюшка, я разбужу его и покажу вамъ? проговорила она.

— Нѣтъ, не надо! отвѣчалъ князь, вздохнувъ, и потомъ, снова возвратясь къ Еленѣ, сѣлъ не вдалекѣ отъ нея.

Та какъ-бы старательнѣйшимъ образомъ продолжала работу свою.

— Я хотѣлъ бы васъ спросить... заговорилъ князь, по прежнему, не глядя на Елену,—о томъ презрѣніи, которое вы такъ безпощадно высказали мнѣ въ прошлый разъ: что, оно постоянно вамъ присуще?.. И князь не продолжалъ далѣе.

Елена поняла всю серьезность и щекотливость этого вопроса.

— А еслибъ я питала такое презрѣніе къ тебѣ, то какъ ты думаешь, я оставалась бы съ тобой хоть въ какихъ нибудь человѣческихъ отношеніяхъ, а не только въ тѣхъ, въ какихъ я нахожусь теперь? спросила она его въ свою очередь.

— Не успѣла еще прервать ихъ, отвѣчалъ князь, грустно усмѣхнувшись.—Ты сама говорила, что прежде иначе меня понимала.

— Долго что-то очень сбираюсь прервать ихъ... Ты не со вчерашняго дня страдаешь и мучишься о супругѣ твоей и почти пламенную любовь выражаешь къ ней въ моемъ присутствіи. Кремень, такъ и тотъ, я думаю, можетъ лопнуть при этомъ отъ ревности.

Князь опять грустно усмѣхнулся.

— Ревность не заставляетъ же насъ высказывать презрѣніе къ тому человѣку, котораго мы ревнуемъ, проговорилъ онъ.

Digitized by Google

— Но въ минуты ревности я, можетъ быть, тебя и презираю,— я не скрою того!.. Можетъ быть, даже убить бы тебя желала, чего я въ спокойномъ состояніи, какъ самъ ты, конечно, увѣренъ, не желаю....

Елена на этотъ разъ хотѣла поуспокоить князя и разубѣдить его въ томъ, что̀ высказала ему въ порывѣ досады, хотя въ глубинѣ души и сознавала почти справедливость всего того, что тогда говорила.

— А что, какъ ты думаешь, еслибъ я всѣ твои выходки по случаю супруги встрѣчала равнодушно, какъ это для тебя лучше или хуже бы было? спросила она.

— По крайней мѣрѣ, покойнѣй бы было, возразилъ князь.

— А, покойнѣй!.. Ну, того мущину нельзя поздравить съ большимъ уваженіемъ отъ женщины, если женщина какія нибудь пошлости и малодушіе его встрѣчаетъ равнодушно,—тутъ ужь настоящее презрѣніе, и не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ; а когда сердятся, такъ это еще ничего,—значитъ, любятъ и цѣнятъ! проговорила Елена.

Князь, съ своей стороны, тоже при этомъ невольно подумалъ, что еслибъ Елена въ самомъ дѣлѣ питала къ нему такое презрѣніе, то зачѣмъ же бы она стала насиловать себя и не бросила его совершенно. Не изъ-за куска же хлѣба дѣлаетъ она это. Зная Елену, князь никакъ не могъ допустить того.

— Ну, не извольте дуться, извольте быть веселымъ! проговорила она, вставая съ своего мѣста и садясь князю на колѣни.— Говорятъ вамъ, улыбнитесь, продолжала она, цѣлуя и теребя его за подбородокъ.

Князь, наконецъ, слегка улыбнулся.

— Будетъ ужь, довольно оплакивать супругу!.. не утерпѣла Елена и еще разъ его кольнула.—Говорятъ, она ѣдетъ за границу? прибавила она.

— Ѣдетъ.

— А когда?

— Дня черезъ три.

— И Миклаковъ тоже ѣдетъ?

— И онъ ѣдетъ.

— Но чѣмъ же они жить будутъ за границей?

— У Миклакова свое есть, а княгинѣ я отдалъ третью часть моего состоянія, отвѣчалъ князь.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, душка, merci за это, отлично ты это сдѣлалъ! проговорила Елена и опять начала цѣловать князя.

— Знаешь что, продолжала она потомъ, какимъ-то даже заискивающимъ голосомъ:—мнѣ бы ужасно хотѣлось проститься съ княгиней.

— Это зачѣмъ? спросилъ князь почти съ удивленіемъ.

— Такъ, мнѣ хочется сказать ей на дорогу нѣсколько моихъ добрыхъ пожеланій!.. Но дѣло въ томъ: если мнѣ ѣхать къ вамъ, то княгиня конечно меня не приметъ.

— Вѣроятно! подтвердилъ князь.

— И потому нельзя ли мнѣ просто ѣхать на желѣзную дорогу, продолжала Елена опять тѣмъ же заискивающимъ голосомъ,— и тамъ проститься съ княгиней?

Князь молчалъ, но по лицу его замѣтно было, что такое намѣреніе Елены ему вовсе не нравилось.

— Вѣдь ты поѣдешь провожать ее? присовокупила между тѣмъ Елена.

— Можетъ быть! отвѣчалъ протяжно князь.

— Въ такомъ случаѣ мы поѣдемъ съ тобой вмѣстѣ.

— Но я думалъ было поѣхать ее провожать изъ дому, да и ловко ли намъ вмѣстѣ съ тобой туда пріѣхать? возразилъ на это князь.

— Напротивъ, тебѣ одному ѣхать, по-моему, не ловко! воскликнула Елена.

— Почему не ловко? спросилъ князь.

— Потому что супруга твоя уѣзжаетъ съ обожателемъ своимъ, и ты чувствительнѣйшимъ образомъ пріѣдешь провожать ее одинъ; а когда ты пріѣдешь со мной, такъ скажутъ только, что оба вы играете въ ровную!

— И то дѣло! согласился, усмѣхнувшись, князь.

Въ день отъѣзда княгини Григоровой, къ дебаркадеру Николаевской желѣзной дороги подъѣхала карета, запряженная щегольской парою кровныхъ вороныхъ лошадей. Изъ кареты этой вышли очень полная дама и довольно худощавый мущина. Это

Digitized by Google

были Анна Юрьевна и баронъ. Анна Юрьевна за послѣднее время не только-что еще больше пополнѣла, но какъ-то даже расплылась.

— Мы хоть здѣсь съ ней простимся! говорила она, съ усиліемъ поднимаясь на лѣстницу и слегка при этомъ поддерживаемая барономъ подъ руку.—Я вчера къ ней заѣзжала; сказали: дома нѣтъ, а я непремѣнно хочу съ ней проститься!

За тѣмъ Анна Юрьевна прошла въ залу 1-го класа. Баронъ послѣдовалъ за ней.

Тамъ ужь набралось довольно много отъѣзжающихъ, но княгини еще не было.

— Подождемте здѣсь ее, она непремѣнно сегодня выѣзжаетъ!.. говорила Анна Юрьевна, тяжело опускаясь на диванъ.

Лице барона приняло скучающее выраженіе и напомнило нѣсколько то выраженіе, которое онъ имѣлъ въ началѣ нашего расказа, придя съ княземъ въ книжную лавку; онъ и теперь также сталъ разсматривать висѣвшую на стѣнѣ карту. Наконецъ Анна Юрьевна сдѣлала восклицаніе:

— Ну вотъ, слава Богу, пріѣхала! говорила она, поднимаясь съ своего мѣста и идя на встрѣчу княгинѣ, входившей въ сопровожденіи госпожи Петицкой.

Обѣ онѣ были одѣты въ одинаковыя и совершенно новыя дорожныя платья.

— Я хоть здѣсь хотѣла перехватить васъ! говорила Анна Юрьевна, пожимая руку княгини.

Госпожа Петицкая скромно, но въ то же время съ глубокимъ уваженіемъ, поклонилась Аннѣ Юрьевнѣ.

— А вы тоже пріѣхали проводить княгиню? спросила та.

— О, нѣтъ, я съ ними ѣду компаньонкой за границу! отвѣчала госпожа Петицкая, не поднимая глазъ.

— Компаньонкой? переспросила Анна Юрьевна.—А мнѣ этотъ дуралей Оглоблинъ что-то такое пріѣзжалъ и болталъ, что Миклаковъ тоже ѣдетъ за границу... присовокупила она.

При этомъ княгиня и Петицкая покраснѣли: одна отъ одного имени, другая отъ другаго.

— Да, онъ тоже ѣдетъ! отвѣчала княгиня, не смотря на Анну Юрьевну, или, лучше сказать, ни на кого не смотря.

Баронъ, молча поклонившись княгинѣ и Петицкой, устремилъ на первую изъ нихъ грустный взглядъ: онъ уже слышалъ о странномъ выборѣ ею предмета любви и въ душѣ крайне удивлялся тому.

Digitized by Google

Наконецъ въ залѣ показался Миклаковъ. Онъ къ обществу княгини не подошелъ даже близко, а только поклонился всѣмъ издали.

Баронъ продолжалъ грустно смотрѣть на княгиню.

— А что же, мужъ твой не пріѣдетъ проводить тебя? спросила Анна Юрьевна княгиню.

— Нѣтъ, онъ пріѣдетъ! отвѣчала та, продолжая, по прежнему, ни на кого не смотрѣть, и въ то же время лице ея горѣло яркимъ румянцемъ.

Не задолго до звонка появился князь съ Еленой, при видѣ которой княгиня окончательно смутилась: она никакъ не ожидала когда нибудь встрѣтиться съ этой женщиной.

Елена сначала поклонилась всѣмъ дамамъ общимъ поклономъ.

— Хороша, хороша!.. сказала ей укоризненнымъ голосомъ Анна Юрьевна:—меня изъ-за васъ изъ службы выгнали, а вы и глазъ ко мнѣ не покажете!

— Но я все это время была больна! отвѣчала Елена.

— Ахъ, Господи! вашей болѣзнью не годы же бываютъ больны! воскликнула Анна Юрьевна.—А лучше просто признайтесь, что вамъ не до меня было.

— Если не до васъ, такъ и ни до кого въ мірѣ! подхватила Елена.

— Это еще можетъ быть! согласилась Анна Юрьевна.

Елена послѣ того обратилась къ княгинѣ и, воспользовавшись тѣмъ, что та стояла нѣсколько вдали отъ прочихъ, она скороговоркой проговорила:

— Князь сказалъ мнѣ, что на дому вы меня не примете, а потому я хотѣла по крайней мѣрѣ здѣсь, на пути вашемъ пожелать вамъ всего хорошаго... Меня вы конечно ненавидите и презираете, но я не такъ виновата, какъ, можетъ быть, кажусь вамъ! Дѣло все въ разницѣ нашихъ убѣжденій: то, что вѣроятно вамъ представляется безнравственнымъ, по-моему только право всякой женщины, и то, что по-вашему священный долгъ, я считаю однимъ безполезнымъ принужденіемъ и насилованіемъ себя! Вамъ собственно я никогда не желала сдѣлать ни малѣйшаго зла, и теперь мое самое пламенное желаніе, чтобы вы были вполнѣ и навсегда счастливы во всю вашу будущую жизнь.

— Я на васъ нисколько и не сержусь! отвѣчала тоже торопливо княгиня и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшила отойти отъ нея и стать около Анны Юрьевны.

Digitized by Google

Елена при этомъ невольно улыбнулась про себя: она видѣла, что княгиня не поняла ни словъ ея, ни ея желанья сказать ихъ. Затѣмъ Елена начала наблюдать за княземъ, интересуясь посмотрѣть, какъ онъ будетъ держать себя въ послѣднія минуты передъ раставаніемъ съ женой. Она непремѣнно ожидала, что князь подойдетъ къ княгинѣ, скажетъ съ ней два, три ласковыхъ слова, но онъ, поздоровавшись очень коротко съ барономъ, а на Миклакова даже не взглянувъ, принялся ходить взадъ и впередъ по залѣ и взглядывалъ только при этомъ по временамъ на часы.

Наконецъ пробилъ звонокъ. Всѣ проворно пошли къ выходу и княгиня, только уже подойдя къ рѣшеткѣ, отдѣляющей дебаркадеръ отъ вагоновъ, остановилась на минуту и, подавъ князю руку, проговорила скороговоркой: «прощайте!»

— «Прощайте!» протянулъ нѣсколько подольше ея князь.

У княгини при этомъ глаза мгновенно наполнились слезами. Выраженіе же лица князя, какъ очень хорошо подмѣтила Елена, было какое-то неподвижное. Вслѣдъ за княгиней за рѣшетку шмыгнула также и госпожа Петицкая. Миклаковъ, какъ-то еще до звонка и невидимо ни для кого, прошелъ и усѣлся во 2-мъ класѣ вагоновъ; княгиня съ Петицкой ѣхали въ 1-мъ класѣ. Вскорѣ послѣ того поѣздъ тронулся.

Анна Юрьевна направилась опять къ выходу, къ своей каретѣ, и идя кричала князю:

— Пріѣзжай какъ нибудь ко мнѣ обѣдать!

— Пріѣду! отвѣчалъ тотъ, идя въ свою очередь съ понуренной головой около Елены.

Когда стали сходить съ лѣстницы, баронъ опять поддержалъ Анну Юрьевну слегка за руку.

За ихъ экипажемъ поѣхали также и князь съ Еленой. Выраженіе лица его продолжало быть какимъ-то неподвижнымъ. У него никакъ не могла выйти изъ головы только-что совершившаяся передъ его глазами сцена: въ вокзалѣ желѣзной дороги съѣхались Анна Юрьевна со своимъ наемнымъ любовникомъ, самъ князь съ любовницей, княгиня съ любовникомъ, и всѣ они такъ мирно, съ такимъ уваженіемъ разговаривали другъ съ другомъ: все это князю казалось по меньшей мѣрѣ весьма страннымъ. Но Елену въ это время занимала совершенно другая мысль: ей очень не понравилось присутствіе Петицкой около княгини.

Digitized by Google

— Петицкая тоже за границу поѣхала съ княгиней? спросила она.

— Тоже! отвѣчалъ князь.

— Ну, въ такомъ случаѣ поздравляю: она черезъ недѣлю же поссоритъ княгиню съ Миклаковымъ!

— Это ужь ихъ дѣло! произнесъ князь и зевнулъ.

— Нѣтъ, и твое! возразила ему Елена,—потому что княгиня тогда опять вернется къ тебѣ!

— Нѣтъ, это благодарю покорно! Я ее больше не приму.

— Нѣтъ, ты примешь, если только ты порядочный человѣкъ! повторила ему настойчиво Елена.

Князь при этомъ пожалъ плечами и немного усмѣхнулся.

— Я, кажется, по-твоему все на свѣтѣ долженъ дѣлать, что только мнѣ непріятно! произнесъ онъ.

— А не принимай въ такомъ случаѣ на себя роли, которыя тебѣ несвойственны! замѣтила ему ядовито Елена.

А. Писемскій.

Digitized by Google

ЛЮБУША И ПРЕМЫСЛЪ

ЧЕШСКОЕ ПРЕДАНІЕ *).

Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья,
Завели жестокій споръ изъ-за наслѣдства;
Побѣжала ихъ сестра къ княжнѣ Любушѣ
И молила разсудить ихъ межъ собою.
И княжна послала повѣстить въ народѣ,
Чтобъ бояре собрались и старики на вѣче,
И чтобъ на судъ явились оба брата.

И бояре собрались и старики на вѣче
Въ золотомъ кремлѣ, во свѣтломъ Вышеградѣ.
На златой престолъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Поднялась княжна и вѣче открывала.
У престола стали вѣщія двѣ дѣвы:
У одной въ рукахъ доска была съ закономъ,
У другой былъ мечъ—каратель кривды.
Противъ нихъ зажженъ былъ огнь, свѣтильникъ правды,
И поставленъ былъ сосудъ въ водою очищенья.

---

*) Стихотвореніе это заимствовано изъ Краледворской рукописи и хроникъ Далемила и Козьмы Пражскаго.

Digitized by Google

И княжна сказала со злата́ престола:
«Вѣрные бояре, мудрые вы старцы!
Разрѣшите споръ двухъ братьевъ о наслѣдствѣ,
По закону, какъ поставлено богами:
Должно имъ иль сообща владѣть землею,
Иль обоимъ раздѣлить по равной части.»

Кланялись княжнѣ и старцы и бояре,
Стали тихо говорить между собою;
И когда поговорили ужь довольно,
То княжна велѣла вѣщимъ дѣвамъ
Голоса сбирать въ златую урну.
И собрали голоса и, сосчитавъ, сказали
Приговоръ такой народу: чтобы братьямъ
Сообща владѣть отцовскимъ достояньемъ.

Услыхавъ рѣшенье, поднялся во гнѣвѣ
Лютый Хрудошъ и затрясся весь отъ злости;
Вскинулъ онъ рукою и, что туръ свирѣпый, рявкнулъ:
«Горе для птенцовъ, когда змѣя въ гнѣздо вотрется!
Горе для мужей, когда жена владѣетъ ими!
Подобаетъ мужу володѣть мужами!
Старшій сынъ владѣть добромъ отцовскимъ долженъ,
Какъ у нѣмцевъ заведенъ тому порядокъ!»

Ратиборъ, старикъ уже согбенный и весь бѣлый,
Поднялся и, головою покачавъ, промолвилъ:
«Не похвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!
Наша правда по закону святу,
Какъ ее съ собою принесли и утвердили
Наши дѣды, черезъ три рѣки прешедши, въ эту землю.»

«Не похвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!»
Повторили старцы и бояре,
И во всемъ народѣ раздалося:
«Не похвально въ нѣмцахъ намъ искати правды.»

«Такъ и быть суду, какъ положило вѣче!»
Порѣшила мудрая княжна Любуша
И потомъ еще сказала: «старцы и бояре!
Слышали мое вы нынѣ поруганье...

Digitized by Google

Непристойно больше разбирать мнѣ ваши споры.
Изберите сильнаго вы мужа,—
Пусть онъ вами по-желѣзному владѣетъ:
Дѣвичьей рукѣ—ужь не подъ силу!»

И, сказавъ, сошла съ престола золотаго.
И молить ее усердно стали старцы и бояре,
Чтобъ она въ зазоръ не принимала
Грубіяномъ сказанное слово.
Но княжны уже не умолили.
«Такъ сама намъ укажи, по крайней мѣрѣ»,—
Заключили старцы и бояре,—
«Кто-жь достоинъ будетъ нами править?»

И на то Любуша отвѣчала:
«Ужь богами рѣшено, кому быть вашимъ княземъ!
Вотъ мой конь: куда пойдетъ, за нимъ ступайте;
Передъ кѣмъ онъ остановится,—тотъ князь вашъ!»
И съ коня узду сняла сама Любуша
И его пустила безъ узды на волю.

Ѣдутъ съ вѣча посланцы по князя,
Ѣдутъ съ ними вѣщія двѣ дѣвы.
Конь бѣжитъ гдѣ полемъ, гдѣ дорогой;
Добѣжалъ до рѣчки, побѣжалъ вдоль быстрой,
Прибѣжалъ онъ къ нови, къ выжженному полю:
Подымалъ ее желѣзнымъ плугомъ
Человѣкъ въ лаптяхъ, большаго роста,
Погонялъ воловъ жезломъ остроконечнымъ.
Конь предъ нимъ какъ разъ остановился;

Посланцы, взглянувъ на пахаря, на лапти,
Передъ нимъ, смутясь, остановились;
Но, оправясь, поклонились низко:
«Здравствуй, добрый человѣкъ», сказали,—
«Облачайся княжеской одеждой,
Надѣвай вѣнецъ: тебѣ княжна Любуша
И народъ весь чешскій повелѣли
Власть принять и княженье надъ нами!»

И на то отвѣтствовалъ имъ пахарь:
«Вамъ добро пожаловать, драгіе гости!

Digitized by Google

Прежде-жь, чѣмъ о дѣлѣ заводить намъ рѣчи,
Угостить васъ, чѣмъ могу, я долженъ:
Здѣсь есть хлѣбъ и сыръ со мною,—
Отпущу воловъ и кушайте во здравье!»

И сказавъ, вонзилъ онъ острый жезлъ свой въ землю,
И съ воловъ ярмо сложилъ и крикнулъ:
«Гой! идите, милые, до дому!»
Только вдругъ волы, лишь крикнулъ онъ, исчезли,
Словно ихъ и не было тутъ вовсе.
А который жезлъ воткнулъ онъ въ землю,
Изъ него, глядятъ, растутъ три вѣтви,
Выше все и выше выступаютъ
Изъ вѣтвей еще сучки—и много;
На сучкахъ выходятъ почки,
Почки, смотрятъ, развернулись въ листья,
А межъ листьевъ выступаютъ гнѣздами орѣхи.

Посланцы и пахарь изумились.
Только дѣвы вѣщія въ единый голосъ—
«Радуйтесь»! воскликнули,—«се явно
Боги намъ свою сказали волю:
Облачайся, пахарь, княжеской одеждой,
На коня садись Любушина и съ миромъ
Къ намъ въѣзжай во свѣтлый Вышеградъ—
Чешскимъ княземъ!»

Облачился пахарь въ княжія одежды,
На плеча накинулъ плащъ Любушинъ,
Сапоги надѣлъ... однако лапти
Взялъ съ собой на память,—и хранятся
Въ Вышеградѣ эти лапти и донынѣ.

Такъ Премыслъ сталъ славнымъ чешскимъ княземъ,
А княжнѣ Любушѣ—добрымъ мужемъ.

А. Майковъ.

Digitized by Google

РУССКІЯ БЫЛИНЫ

ВЪ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ

I.

Въ послѣднее время было много писано о нашихъ былинахъ, и ихъ разбирали со многихъ сторонъ. Но есть въ нихъ одна сторона, которая, какъ намъ кажется, была до сихъ поръ оставлена безъ достаточнаго вниманія,—сторона историко-географическая. Именно, любопытно знать, на сколько справедливо изображаютъ былины прославляемую ими эпоху, на сколько онѣ ей вѣрны, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны; карта древней Руси, которую онѣ намъ представляютъ, на сколько вѣрна дѣйствительности. Вопросъ этотъ важенъ: отъ него зависитъ многое. Если эпоха въ общихъ чертахъ представлена вѣрно, то, значитъ, и самыя пѣсни сложились скоро послѣ нея (само собой разумѣется, въ первоначальной своей формѣ; нѣтъ эпоса, который не измѣнился бы сколько нибудь въ теченіи времени). Если же это такъ, то мы получаемъ право смотрѣть на былины, какъ на хорошій историческій матеріалъ, и пользоваться ими, какъ таковымъ. Пользовались былинами и прежніе изслѣдователи, но доводы ихъ не всегда бывали убѣдительны, потому что мы не знаемъ, сколь древни пѣсни и къ какому вѣку пріурочивать ихъ показанія.

Чтобы наша статья была полна, слѣдовало бы коснуться этнографической части вопроса: показать, по возможности, что нравы и обычаи, рисуемые въ пѣсняхъ, дѣйствительно существовали въ

Digitized by Google

древнюю эпоху; но это потребовало бы много труда и времени, а также и особенныхъ свѣдѣній по этой части, почему мы на первый разъ останемся вѣрны заглавію и будемъ разбирать нашъ предметъ больше съ фактической, внѣшней, стороны, касаясь этнографіи только вообще, или когда къ слову придется. Впрочемъ, если окажется вѣрна старинная географія Россіи, то это одно докажетъ глубокую древность и важность былинъ. Итакъ, приступимъ къ дѣлу.

Дѣйствіе былинъ происходитъ на Руси, при князѣ Владимірѣ Святославичѣ, то есть, въ концѣ X и началѣ XI столѣтій. Въ какомъ же видѣ была тогда Россія, по словамъ пѣвцовъ?

Въ пѣсняхъ Россія является намъ соединенною въ одно цѣлое подъ властью великаго князя, сидящаго въ Кіевѣ. Удѣловъ почти нѣтъ. Единственный удѣльный князь, о которомъ упоминается, это Вольга или Олегъ, сынъ сестры Владиміра. Онъ получаетъ отъ своего дяди нѣсколько городовъ и беретъ съ нихъ дань.

Есть у Владиміра и другіе племянники, но они еще очень молоды, волостей не имѣютъ, а живутъ при дядѣ. Впрочемъ, пѣсни представляютъ ихъ обыкновенно людьми не княжескаго происхожденія, родственниками Владиміра по женскому колѣну. Особенное положеніе Вольги объясняется тѣмъ, что онъ рожденъ не отъ простаго смертнаго, а отъ чудеснаго змѣя. Нѣкоторыя пѣсни пазываютъ княземъ Добрыню Никитича,—и, вѣроятно, это мнѣніе самое древнее; но и Добрыня не имѣетъ удѣла.

Сыновей у Владиміра нѣтъ. Есть основаніе думать, что встарину были и о нихъ пѣсни, но онѣ мало по малу изгладились изъ народной памяти, противорѣча обыкновенному понятію о Владимірѣ, какъ о князѣ, вѣчно юномъ и прекрасномъ. И дочь его Забава Володиміришна, въ большинствѣ пѣсенъ, называется Путятишной и является опять-таки племянницей князя.

Вѣрны ли эти показанія?—Совершенно. При Владимірѣ Россія была подъ властью одного князя, и власть эта была сильная и всѣми признаваемая. Рюриковъ домъ былъ еще не многочисленъ и состоялъ изъ однихъ дѣтей великаго князя. Дѣти же эти сидѣли по дальнимъ городамъ и въ Кіевѣ бывали рѣдко. Понятно, что и подвиги ихъ не могли быть особенно извѣстны въ Кіевѣ. Притомъ, какъ мы уже выше замѣтили, такія пѣсни старили бы Владиміра, а это было не по нраву народу. Иное дѣло—племянники, которые могутъ быть почти однихъ лѣтъ съ дядей. Вслѣдствіе этого-то, изъ сыновей Владиміра упоминается только князь

Digitized by Google

Новгородскій, и то мимоходомъ, безъ имени, и въ былинѣ поздней редакціи [1]).

Великій князь всея Руси сидитъ въ стольномъ Кіевѣ на Нѣпрѣ рѣкѣ. Пѣсни наперерывъ воспѣваютъ красоту и величіе Кіева. Онъ называется «краснымъ городомъ», «славнымъ стольнымъ Кіевомъ градомъ». Онъ «стоитъ на красѣ, на угожествѣ, въ немъ живетъ князь богачъ» [2]). Литовская княжна Опракса, по ея словамъ, три года Богу молилась, чтобы попасть за князя Владиміра. «Хотя я не была въ городѣ Кіевѣ, однако знаю имѣнье—богачество у этого князя Владиміра. Тамъ стоятъ палаты грановитыя, тамъ стоятъ луга красовитые; у мово у сударя у батюшки, у мово короля у любимова, палатишки стоятъ все пустешеньки, лужишки помяты все низешеньки» [3]). Только одному городу отдаетъ пѣсня преимущество передъ Кіевомъ, именно—южному Галичу; но пѣсни о Галичѣ, очевидно, дошли до насъ въ нѣсколько позднѣйшей редакціи противъ кіевскихъ. Эта редакція относится именно къ тому времени, когда могущественное княжество Галицкое дѣйствительно стало затмѣвать старый, разоренный Кіевъ.

Жизнь въ Кіевѣ—вѣчный пиръ, прерываемый только набѣгами кочевыхъ варваровъ, живущихъ по сосѣдству въ степи. Нашествія эти впрочемъ сами служатъ поводомъ къ новымъ пирамъ. Они бываютъ кратковременны и кончаются блестящимъ торжествомъ для русской земли. Такъ и было при историческомъ Владимірѣ. Но объ этомъ послѣ. Что же касается до его пировъ, то при Несторѣ ихъ хорошо помнили въ Кіевѣ. По словамъ лѣтописца, онъ уставилъ творить пиръ у себя въ гридницѣ каждое воскресенье, и приходили бояре и гриди (дружинники—наши богатыри), и сотскіе и десятскіе, и высокіе нарочитые люди при князѣ и безъ князя, и бывало тамъ множество мясовъ и отъ скота и отъ звѣрины (дичины), и рыбы и овощи разноличныя, и множество вина и медовъ разныхъ. Переяславская лѣтопись прибавляетъ къ этому чисто эпическую черту: «а перцу выходило колода безъ князя, а при князѣ три колоды на недѣлю, а колода 8 бочекъ». Бѣднымъ же каждый день выдавались на княжемъ дворѣ съѣстные припасы и деньги, а больнымъ и калѣкамъ все это возилось на домъ. Но всего болѣе честилъ Владиміръ свою

---

[1]) Рыбникова II, № 25.
[2]) Рыбн. I, 30, 27; III, 31.
[3]) Рыбн. III, 3.

Digitized by Google

дружину, то есть, богатырей. Всѣмъ извѣстенъ тотъ случай, записанный Несторомъ, когда подпившая дружина стала корить князя въ скупости: «зло нашимъ головамъ: ѣдимъ деревянными ложками». Владиміръ сейчасъ же велѣлъ сковать серебряныя. «Сребромъ и золотомъ, примолвилъ онъ, я не добуду дружины, а съ дружиной добуду и серебра и золота». Какъ ни было велико по тогдашнему времени богатство Владиміра, но врядъ ли бы его хватило на такой безконечный пиръ. Былина о Чурилѣ даетъ намъ понять, что иные пиры происходили въ складчину, и князь являлся на нихъ только распорядителемъ. Посылая Чурилу звать гостей, князь, по словамъ пѣсни, велѣлъ ему брать по десяти рублей *зватаго* [1]). Иные объясняютъ, что это былъ почетный подарокъ Чурилѣ за приглашеніе, но братчины были въ такомъ употребленіи въ древней Руси, что первое толкованіе вѣроятнѣе. Новгородская пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ говоритъ о братчинѣ, устроенной князьями новгородскими со всѣмъ городомъ. Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ, конечно, платили въ Кіевѣ только богачи бояре, а дружина пировала даромъ.

Кіевъ и въ пѣсняхъ представляется святымъ городомъ. Тамъ церковь соборная, тамъ есть и чудотворцы. Но пѣсня говоритъ о всемъ этомъ въ общихъ выраженіяхъ; да и точно, религіозное значеніе Кіева только начиналось при Владимірѣ. Хотя былина не говоритъ о крещеніи Руси и считаетъ ее землей искони христіанской, но впрочемъ знаетъ, что при Владимірѣ не было еще многаго изъ кіевской святыни. Такъ, на примѣръ, церковь Печерская, одна изъ знаменитѣйшихъ въ цѣлой Руси, построеніе которой окружено самыми чудесными преданіями, по словамъ былинъ, построена Ильей Муромцемъ, и притомъ уже тогда, когда онъ былъ въ глубокой старости.

Не менѣе Кіева дорога и памятна народу Нѣпра рѣка. Казалось бы, что̀ до нея сѣвернымъ жителямъ, у которыхъ есть свои великія рѣки? Однако, въ пѣсняхъ Волга встрѣчается почти въ однихъ запѣвахъ, а Нѣпра олицетворяется не хуже, чѣмъ Ксанѳъ у Гомера. Она сама—русская и была нѣкогда великой богатыршей, женой другой, священнѣйшей славянской рѣки—тихаго Дуная. Обѣ онѣ умерли несчастнымъ образомъ и превратились въ рѣки. Само собой разумѣется, что это преданіе гораздо древнѣе Владиміра и только впослѣдствіи перенесено въ его эпоху. Бу-

[1]) Кирѣевскаго IV, стр. 78.

Digitized by Google

дучи сама кіевлянкой, Нѣпра бережетъ свой Кіевъ. Въ превосходной пѣснѣ о Сухманѣ, она не пускаетъ къ Кіеву татаръ, рветъ мосты, которые они наводятъ, борется съ ними три дня, наконецъ выбилась изъ силъ и помутилась пескомъ. На помощь ей является богатырь Сухманъ, которому она объявляетъ языкомъ человѣческимъ объ опасности, и тотъ истребляетъ татаръ [1]).

Есть еще рѣки, упоминаемыя въ былинахъ: Сафатъ, Изрой, Почай, Черега. Мѣсто ихъ большею частію не опредѣлено, но всѣ онѣ текутъ около Кіева. Первое имя, какъ объясняютъ, выдумано подъ вліяніемъ религіозныхъ преданій о Іосафатовой долинѣ около Іерусалима. Второе носитъ миѳическій характеръ. Оба они замѣняютъ въ пѣсняхъ подлинное имя Нѣпра. Но Почай рѣка и понынѣ существуетъ въ Кіевѣ подъ именемъ Почайны. Это ручей, впадающій въ Днѣпръ въ самомъ Кіевѣ. Только пѣсни забыли его размѣры и поютъ о немъ, какъ о большой рѣкѣ. Въ нихъ встрѣчается форма Пучай, осмысленная отъ глагола пучиться; но первая форма древнѣе.

Ручей Почайна имѣлъ великое значеніе въ преданіяхъ: въ немъ происходило крещеніе русской земли. Кромѣ того, старое устье его, нынѣ уже занятое Днѣпромъ, составляло встарину кіевскую гавань. Поэтому и мѣстность, гдѣ протекаетъ Почай рѣка, изображена въ былинахъ довольно вѣрно. На этой рѣкѣ живетъ богачъ Чурило Пленковичъ, а живетъ онъ, по словамъ той же пѣсни, не въ Кіевѣ, а пониже малаго Кіевца [2]). Малымъ же Кіевцемъ можно считать только Вышгородъ, находящійся въ небольшомъ разстояніи отъ Кіева и сѣвернѣе его, а Почайна именно беретъ свое начало между Кіевомъ и Вышгородомъ, *пониже* малаго Кіевца, и течетъ къ Кіеву. Что пѣсни именно такъ представляли себѣ дѣло, доказываетъ слѣдующій стихъ изъ былины о томъ же Чурилѣ. Владиміръ отправляется къ нему на Почай рѣку:

«Будетъ князь на Почай рѣкѣ,
У чудна креста Леванидова,
У святыхъ мощей у Борисовыхъ...» [3]).

А мощи св. Бориса и Глѣба, какъ извѣстно, лежали въ Вышгородѣ. Такимъ образомъ Почай рѣка есть рѣка совершенно исто-

---

[1]) Рыбн. I, 6.
[2]) Кирѣев. IV, стр. 78.
[3]) Рыбн. III, 24.

Digitized by Google

рическая. Но такой она является только въ пѣсняхъ о Чурилѣ. Въ другихъ же она, равно какъ и Изрой, представляется рѣкой темною, текущею въ степи, обиталищемъ чудовищныхъ змѣевъ, которые живутъ въ ея бѣлокаменныхъ пещерахъ. Всѣ эти преданія зашли въ поэму изъ отдаленной старины и не могли примѣняться къ свѣтлой и слишкомъ извѣстной Нѣпрѣ. Поэтому для нихъ надо было изобрѣсть особенное помѣщеніе.

Что касается до Череги, то эта рѣка зашла изъ новгородскихъ преданій. Она течетъ недалеко отъ Новгорода и извѣстна въ исторіи тѣмъ, что на берегу ея происходила битва между Мстиславомъ Изяславичемъ Новгородскимъ и знаменитымъ Всеславомъ Полоцкимъ. Мстиславъ былъ разбитъ, а Всеславъ овладѣлъ Новгородомъ и страшно его разграбилъ. Потому Черега или Череха и осталась памятна народу.

Но что такое этотъ крестъ Леванидовъ, который мы сейчасъ видѣли и который является въ разныхъ мѣстахъ: около Кіева на Почай рѣкѣ и за Днѣпромъ, между Кіевомъ и Черниговымъ, около 12-ти дубовъ Соловья разбойника? Кажется, что въ этомъ случаѣ нельзя не держаться стараго мнѣнія, что Леванидъ есть второй кіевскій митрополитъ Леонтій. Онъ былъ для народа памятнѣе своего предшественника Михаила, правившаго недолго церковью. Нѣтъ ничего мудренаго, что онъ ставилъ въ разныхъ мѣстахъ кресты въ ознаменованіе побѣды христіанства и чтобъ ознакомить народъ съ символомъ спасенія. Такихъ крестовъ могло быть много. Однако могли въ этомъ случаѣ оказать вліяніе и ростовскія преданія о чудотворномъ крестѣ тамошняго епископа св. Леонтія. Упоминается кромѣ того въ пѣсняхъ о лугахъ Леванидовыхъ. Быть можетъ, и были такіе около Кіева и составляли церковную собственность. Если же справедливо мнѣніе г. Безсонова о томъ, что царь Сауръ Ванидовичъ, о которомъ существуютъ древнія пѣсни, есть искаженіе имени Свѣналдъ, то и вмѣсто луговъ Леванидовыхъ слѣдуетъ читать луга Свѣналдовы.

Посмотримъ теперь, какіе города знаетъ былина кромѣ Кіева и гдѣ ихъ помѣщаетъ. Во первыхъ, выше Кіева, Смоленскъ, въ сосѣдствѣ брынскихъ лѣсовъ. Тамъ, по словамъ одной былины, происходитъ бракъ Алеши Поповича, чуть ли не владѣющаго этимъ городомъ [1]). Впрочемъ, о самомъ этомъ городѣ говорится рѣдко, а упоминаются только черны грязи смоленскія. Даже Новгородъ только названъ въ былинахъ кіевскихъ, а отно-

[1]) О. Миллеръ, стр. 493.

Digitized by Google

шенія къ нимъ не имѣетъ. Ни одинъ богатырь не произведенъ оттуда. Но въ древности была такая личность, именно тотъ Ставръ, который за похвальбу передъ княземъ былъ посаженъ въ погребъ и выручается оттуда своей женой. О немъ говоритъ Новгородская лѣтопись. По ея словамъ, онъ былъ сотскимъ въ Новгородѣ, въ княженіе Мономаха. Мономахъ вызвалъ его въ Кіевъ и заточилъ въ тюрьму за то, что онъ принималъ участіе въ волненіяхъ. Пѣсня привязалась къ этому случаю и выбрала Ставра героемъ древняго и всюду распространеннаго расказа о томъ, какъ жена выручаетъ мужа изъ бѣда. А такъ какъ князь, заключившій Ставра, назывался Владиміромъ, то и событіе легко можно было отнесть къ Владиміру красному солнышку. Но впослѣдствіи пѣвцы забыли подлинное происхожденіе Ставра и стали выводить его изъ земли ляховицкой или веденецкой (венеціанской).

О Полоцкѣ, Минскѣ и вообще Бѣлой Руси нѣтъ ничего. Эти страны и самый Новгородъ рано зажили особою жизнью; отъ того и эпосъ у нихъ былъ особенный. Въ Новгородѣ онъ сохранился, въ Бѣлоруссіи погибъ, если не считать намековъ на него въ Словѣ о полку Игоревомъ.

Это обстоятельство составляетъ сильное доказательство въ пользу древности кіевскихъ былинъ. Еслибъ онѣ сложились на сѣверѣ, то въ нихъ конечно больше бы говорилось о сосѣднемъ Новгородѣ, нежели о Волыни, Галичѣ и Подольской землѣ, которыя мы вскорѣ увидимъ.

Новгородъ былъ связанъ съ Кіевомъ Днѣпромъ. Этотъ же Днѣпръ привязывалъ къ Кіеву необъятный суздальскій сѣверъ. Люди, желавшіе попасть съ Волги и нижней Оки на югъ, какъ на примѣръ святой Глѣбъ, должны были плыть по Волгѣ или ѣхать на конѣ вдоль ея береговъ, потомъ подняться Вазузую до волока и оттуда плыть Днѣпромъ. Этотъ путь былъ очень далекъ, но другаго не было. Между средней Окой и Днѣпромъ тянулись дубовые лѣса вятичей, эти—упоминаемые въ пѣсняхъ «корбы зыбучіе, ольхи топучія, грязи черныя». Плодоносная, сильная земля легко выращивала «сырые дубы кряковистые» и «славныя березы покляпыя», на которыхъ было утверждено гнѣздо Соловья разбойника. Самъ Соловей есть представитель вятичей, упорныхъ въ своемъ язычествѣ (они крестились только при Мономахѣ и нельзя сказать, чтобы по доброй волѣ). Въ то время, когда всѣ племена великой Скиѳіи преклонили голову передъ племенемъ Рюрика, когда

Digitized by Google

князь и рюриковичъ были слова равнозначущія, одни вятичи держались своихъ старыхъ племенныхъ князей, жили въ лѣсу, ѣли что попало и вступали въ браки, не стѣсняясь Коричей, подобно тому, какъ и Соловей разбойникъ возмущалъ христіанина Илью Муромца кровосмѣшеніемъ, господствовавшимъ въ его семьѣ:

«Я сына-то вырощу, за него дочь отдамъ,
Дочь-ту вырощу, отдамъ за сына,
Чтобъ Соловейкинъ родъ не переводился....» [1]).

Это впрочемъ преувеличено. До такихъ браковъ врядъ ли доходило дѣло и у вятичей. Но кромѣ этихъ провинностей, они естественно считалась кудесниками, дѣйствовали съ помощью чернобога, а также и другихъ боговъ, имена которыхъ, нѣкогда свѣтлыя, послѣ принятія народомъ христіанства, стали означать чертей. Какъ и всѣ покоренныя племена, вятичи, конечно, не питали любви къ кіевлянамъ и мстили имъ при случаѣ за обиды. Все это вело къ тому, что путь черезъ вятичей бывалъ открытъ только князю, и то окруженному сильной ратью. Потому-то пѣсни такъ превозносятъ подвигъ Ильи Муромца, который проѣхалъ въ Кіевъ дорогой прямоѣзжей, взялъ въ плѣнъ главнаго представителя вражей темной силы и привелъ его въ Кіевъ. Этотъ эпизодъ замѣчательно совпадаетъ съ расказомъ Никоновской лѣтописи. По ея словамъ, въ 1008 году привели въ Кіевъ славнаго разбойника Могута. Его хотѣли казнить, но онъ сталъ плакать и проситься на покаяніе. Владиміръ умилился и велѣлъ ему жить безвыходно въ домѣ митрополита, и Могутъ сдержалъ слово и велъ святую жизнь до самой смерти.

Точно такъ же происходило дѣло и съ Соловьемъ. Послѣ того, какъ его попытка бѣжать не удалась, онъ сталъ просить пощады:

«Ай же солнышко, Владиміръ князь,
И старый казакъ, да Илья Муромецъ!
Спустите меня, да на свою волю:
Я повыстрою вкругъ города Кіева
Села съ приселочками,
Улки съ переулками,
Города съ пригородками,
Монастыри все богомольные.....» [2]).

---

[1]) Кирѣев. I, стр. 37.
[2]) Рыбн. II, 63.

Digitized by Google

Въ другомъ варіантѣ сходство еще ближе: Соловей просто просится въ честные монастыри [1]). Но дѣло не оканчивается такъ мягко, какъ въ лѣтописи. Соловей слишкомъ силенъ, чтобы можно было довѣриться его обѣщанію; богатыри кричатъ, что онъ всѣхъ ихъ перебьетъ, и самъ Илья говоритъ Владиміру, что Соловей не строитель, а разоритель. И въ концѣ концевъ его зарываютъ въ землю, ибо больше съ нимъ дѣлать нечего. Такимъ образомъ, мы имѣемъ право предположить, что пѣсня о Соловьѣ сложилась по горячимъ слѣдамъ дѣйствительнаго событія. Говоря это, мы нисколько не отрицаемъ, что она приняла въ себя много изъ пѣсень еще древнѣйшихъ и получила мѣстами миѳическую окраску.

Въ сѣверной Руси пѣсни знаютъ только два города: Ростовъ и Муромъ, да больше ихъ въ то время почти и не было. Впрочемъ и Суздаль не безъизвѣстенъ,—по крайней мѣрѣ, упоминается о молодыхъ сульздальцахъ. Ростовъ называется богомольной стороной: въ самомъ дѣлѣ, это была первая христіанская колонія на глубокомъ сѣверѣ. Основателемъ христіанства тамъ былъ святой епископъ Леонтій; народъ сдѣлалъ изъ него Левонтья, стараго соборнаго попа ростовскаго, а сынъ его есть ростовскій богатырь Алеша Поповичъ. Описывая путь Ильи въ Кіевъ, былины нѣсколько путаются. По ихъ словамъ, онъ пріѣзжаетъ въ Черниговъ безъ особенныхъ затрудненій, а препятствія начинаются уже между Кіевомъ и Черниговымъ. Вѣрнѣе было бы помѣстить болота и Соловья сѣвернѣе Чернигова; но требовалось, чтобъ Илья былъ предупрежденъ о предстоящей опасности, а это могло случиться только въ Черниговѣ, такъ какъ другихъ христіанскихъ городовъ между Муромомъ и Кіевомъ не было. Но это мелочи.

За Черниговымъ Илья встрѣчаетъ рѣку Смородину, которая считается въ числѣ трехъ заставъ, задерживающихъ путниковъ: первая застава—болота, вторая—Смородина, третья—Соловей. Имя Смородины темно. Нѣкоторые производятъ его отъ смурый—темный, но, можетъ быть, правильнѣе было бы произносить Самородина, то есть, рѣка сама собою рождающаяся, первообразная. Тогда это была бы рѣка миѳическая, прототинъ всѣхъ рѣкъ. Можетъ быть, она первоначально помѣщалась гдѣ нибудь на небѣ, какъ рѣка скандинавской Эдды, но потомъ ее перенесли на землю и прилагали къ разнымъ земнымъ рѣкамъ. Есть преданіе,

---

[1]) Рыбн. I, 9.

Digitized by Google

что такъ нѣкогда называлась Москва рѣка. Но врядъ ли это такъ: финское названіе всегда древнѣе славянскаго. Въ пѣснѣ объ Ильѣ Муромцѣ, вѣроятно, разумѣли подъ ней Десну. Она течетъ около Чернигова, Богъ вѣсть откуда, темными лѣсами и болотами, изъ языческой стороны. О ней всего легче было ходить чудеснымъ преданіямъ. По словамъ ихъ, это рѣка злая и коварная; она представляется тихой и смирной, будто лужа дождевая, и заманиваетъ путниковъ, но потомъ ихъ топитъ. Пѣсня часто ее олицетворяетъ. Итакъ, мы видимъ, что пѣсни довольно хорошо изобразили восточный край Россіи. На Волгѣ—зачатки христіанства и образованности; между вятичами и Днѣпромъ—лѣсъ, глушь и язычество. Лѣсъ этотъ и понынѣ существуетъ подъ именемъ Брынскаго, но встарину доходилъ до средней Оки, то есть, до земли залѣсской—суздальской.

Но мы еще ничего не говорили о сѣверской землѣ и о ея столицѣ Черниговѣ. Эта сторона изображена христіанской, стоящей заодно съ Кіевомъ и подвергающейся тѣмъ же самымъ нападеніямъ со стороны кочевыхъ варваровъ. Тѣмъ не менѣе она находится въ совершенно особыхъ отношеніяхъ къ Владиміру.

Мы сказали выше, что эпосъ почти не знаетъ удѣльныхъ князей. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ не зналъ вообще князей на Руси, кромѣ Владиміра. Напротивъ того, онъ ихъ знаетъ не мало, только это князья не удѣльные, а племенные. Чтобы понять ихъ значеніе, надо сдѣлать небольшой обзоръ древней исторіи Руси. Когда вѣщій Олегъ и его русская дружина убили Аскольда и Дира и овладѣли Кіевомъ, то они черезъ это сдѣлались господами только однихъ полянъ. Господство это было полное: не было васальныхъ князей, которые стояли бы между народомъ и великимъ княземъ. Племенные князья полянъ, ведшіе свой родъ отъ Кія, Щека и Хорива, были уничтожены еще козарами. Праздное мѣсто осталось Аскольду, а отъ него перешло къ рюриковичамъ. Варяги явились въ Кіевъ освободителями отъ хищнаго азіатскаго племени, и поляне могли только выиграть отъ перемѣны господъ. Дальнѣйшія распространенія власти Олега и его преемниковъ сдѣлали Кіевъ средоточіемъ обширнаго владѣнія. Въ Кіевъ потекли дани подчиненныхъ племенъ, добычи и дары греческіе; торговля съ сѣверомъ и югомъ усилилась, и Кіевъ могъ до нѣкоторой степени оправдывать названіе «соперницы Византіи», которое ему даютъ нѣкоторые западные писатели. Поэтому кіевляне скоро стали смотрѣть на чу-

Digitized by Google

жихъ князей, какъ на своихъ кровныхъ, и гордо называли себя Русью.

Не то было въ другихъ частяхъ южной Россіи. Овладѣвъ Кіевомъ, Олегъ прежде всего пошелъ на древлянъ, жившихъ съ запада. Племя было сильное, воинственное, привыкшее жить на счетъ смирныхъ полянъ. Древляне были разбиты, стали платить дань, и кому же?—Кіеву, отъ котораго они прежде сами живились. Перемѣна была самая тяжелая.

Князья у нихъ остались свои и вообще все внутреннее управленіе шло по прежнему. Измѣнить все это Олегъ не имѣлъ ни времени, ни средствъ. Послѣ древлянъ дошло дѣло до сѣверянъ. Но здѣсь борьбы не было. Сѣверяне были тоже данниками казаръ, и Олегъ обложилъ ихъ данью болѣе легкой. Мы не знаемъ, были-ль у нихъ князья, но похоже, что были. Въ пѣсняхъ мы съ ними встрѣтимся. Замѣтимъ только, что лѣсные сѣверяне и подъ козарской властью легче могли сохранить старые порядки, чѣмъ поляне, сидѣвшіе на большой дорогѣ. Несторъ говоритъ, что въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Любечѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ сидѣли князья, подручники Олега: но были-ль между ними славяне, мы не знаемъ. Конечно, всѣ эти князья исчезли раньше Владиміра.

Затѣмъ Олегъ взялъ подъ свою власть радимичей на Сожѣ, а на западѣ велынянъ и хорватовъ. Надъ этими двумя племенами его власть была, кажется, номинальная, такъ какъ они были отдѣлены отъ Кіева не всегда покорными древлянами. Что у нихъ оставались туземные князья, это мы прямо знаемъ изъ венгерскихъ лѣтописей, да иначе и быть не могло.

Были еще два племени на юго-западѣ: тиверцы и угличи. Первые сидѣли на верхнемъ Днѣстрѣ, а вторые на нижнемъ, у Дуная, въ томъ мѣстѣ, которое византійскіе лѣтописцы зовутъ «Онглъ»—Углъ (уголъ) и которое нынѣ зовется Буджакъ, что по-турецки—то же самое. Вся эта страна по Днѣстру звалась, кромѣ того, Подоломъ, то есть, низовой страной относительно хорватовъ и Волыни. Племена, о которыхъ идетъ рѣчь, были нѣкогда страшны сосѣдямъ. Несторъ полагалъ, что они-то были скиѳы, о которыхъ онъ слышалъ отъ грековъ. На самомъ дѣлѣ предками ихъ были анты, долго боровшіеся съ готами и наконецъ перешедшіе Дунай. Большинство ихъ поселилось во Ѳракіи; на старыхъ пепелищахъ осталась лишь небольшая часть, но и та была окружена варварами—печенѣгами. Однако эти народ-

Digitized by Google

цы держались и сохраняли воинственность. Олегъ, по словамъ лѣтописи, имѣлъ съ ними рать, но не сказано, чтобъ онъ ихъ покорилъ. Они потомъ прислали ему помощь на грековъ, вѣроятно, по доброй волѣ.

Вятичей Олегъ совсѣмъ не трогалъ.

По смерти Олега, Игорю пришлось усмирять возстаніе древлянъ, которые взялись за оружіе, лишь только узнали о смерти вѣщаго князя. Они были усмирены, и положеніе ихъ стало много хуже противъ прежняго; но свою автономію они еще сохраняли. Игорь, какъ кажется, продолжалъ брать дань и съ западныхъ племенъ. Тиверцы покорились ему, но угличи, сидѣвшіе въ крѣпкомъ мѣстѣ, въ придунайскихъ болотахъ, долго съ нимъ боролись. Взявъ послѣ упорной защиты ихъ городъ Пересѣченъ, онъ счелъ за лучшее забрать ихъ всѣхъ и перевесть куда нибудь поближе. «Сидѣли угличи по Днѣстру внизъ и потомъ перешли между воинами Днѣстръ и сѣли тамъ» [1]). Все это мѣсто сильно испорчено и варіантовъ нѣтъ. Въ текстѣ стоитъ по Днѣпру, но это несомнѣнная описка [2]). Крайне сомнительно, даже невозможно, чтобы въ X столѣтіи, или хотя бы ранѣе, жилъ какой нибудь осѣдлый народъ ниже Кіева. Самый Кіевъ тогда граничилъ со степью. А еслибъ и такъ, то этотъ народъ былъ бы покоренъ первымъ, а не послѣднимъ.

Поселены они были, какъ можно заключить изъ словъ лѣтописи, на восточномъ берегу Днѣстра, въ теперешней Подоліи и, вѣроятно, выше тиверцевъ. Эта мѣра не принесла хорошихъ плодовъ. Кочевники стали хозяйничать въ опустошенномъ Углѣ и нападали на переселенцевъ, ослабленныхъ и уменьшенныхъ въ числѣ. Подолія скоро стала пустыней, и рѣдкое ея населеніе не имѣло городовъ до XIV столѣтія. На западной сторонѣ Днѣстра, изъ уцѣлѣвшихъ жителей, образовались, кажется, маленькія независимыя общины на казачій образецъ. До прихода молдаванъ, этотъ край обыкновенно причислялся къ Руси. Исторія его совершенно неиз-

---

[1]) Никоновская лѣтопись.

[2]) Все это мѣсто нѣсколько иначе объясняетъ Шафарикъ. Онъ читаетъ: между Воинонъ и Дестромъ, и полагаетъ, что угличи жили по обѣимъ сторонамъ Буга до самаго Днѣпра и, тѣсненные печенѣгами, перешли въ сѣверскую землю на рѣку Воинъ (нынѣ Вьюнка), впадающую въ Остеръ (возможное встарину Естеръ, Дестръ, ниже Нѣжина въ Черниговской губ.). Впрочемъ и Шафарикъ не выдаетъ своего мнѣнія за безошибочное. Слав. древн., перев. Бодянскаго. Т. II., ч. I, стр. 209. *Ред.*

Digitized by Google

вѣстна. Мы знаемъ только, что тамъ было мѣстечко Берладъ, скопище всякой вольницы и бѣглецовъ. Они назывались берладниками и нанимались въ службу къ русскимъ князьямъ. Кажется, это было нѣчто въ родѣ южной Вятки.

По смерти Игоря—новое возстаніе древлянъ, за которымъ слѣдуетъ ихъ совершенное покореніе Ольгой и истребленіе ихъ князей. Затѣмъ Святославъ накладываетъ первый дань на вятичей. Владиміръ опять воюетъ съ ними и усмиряетъ бунтъ ихъ сосѣдей, радимичей. Между тѣмъ Польша, соединенная подъ властью Пястовъ, хочетъ захватить Волынь и Галичъ; но побѣда Владиміра упрочиваетъ этотъ край за Россіей, давъ ему возможность принять крещеніе отъ грековъ, что́ рѣшаетъ его дальнѣйшую судьбу. Вѣроятно, тутъ-то и прекратилось существованіе независимыхъ князей хорватскихъ. О Волыни мы знаемъ это навѣрное, такъ какъ тамъ былъ посаженъ сынъ Владиміра.

Что же говорятъ пѣсни объ устройствѣ Россіи въ это время?—Почти то же, что исторія, только, какъ водится, онѣ приписываютъ богатырямъ Владиміра подвиги богатырей его предковъ и подчасъ выводятъ на сцену княжества, уже уничтоженныя первыми князьями Руси. Начнемъ съ Чернигова. При освобожденіи Чернигова Ильей, въ иныхъ варіантахъ встрѣчается князь черниговскій, который принимаетъ побѣдителя. А въ пѣснѣ объ Иванѣ Годиновичѣ расказывается слѣдующее:

Иванъ Годиновичъ, крестникъ князя Владиміра и человѣкъ, кажется, купеческаго происхожденія, сидитъ задумавшись за княжимъ столомъ. Владиміръ этого не любитъ и сейчасъ допрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Иванъ жалуется на свою судьбу. Въ Кіевѣ дескать всѣ молодцы переженены и всѣ дѣвицы замужъ повыданы, только я одинъ не женатъ хожу. Такъ что же? говоритъ Владиміръ,—иди на конюшій дворъ, бери жеребца съ девяти цѣпей, поѣзжай-ка ты, куда хочется, ты бери себѣ жену, гдѣ можется. Иванъ на это отвѣчаетъ:

Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
Гдѣ охота брать,—за меня не даютъ,
Гдѣ даютъ, ту я самъ не беру;
Я возьму ли себѣ, возьму сужену,
Что во томъ во городѣ во Черниговѣ,
У того-ль короля у черниговца (читай, князя):
У него есть Марья, лебедь бѣлая....» [1]).

[1]) Кирѣев. III, стр. 11.

Digitized by Google

Она такая-то и такая; ростомъ не мала и умомъ крѣпка; лице, какъ осенній снѣгъ; кровь въ лицѣ, какъ маковъ цвѣтъ, и проч. Владиміръ не одобряетъ выбора. Она, говоритъ онъ, ростомъ не мала, да умомъ слаба. Иванъ обижается и выходитъ, хлопнувъ дверью. Добрый князь сейчасъ же сдается, призываетъ крестника и даетъ ему письмо къ князю черниговцу:

«Написали ярлыкъ скорописчатый,
А и князь ему руку приложилъ:
Что не ты де поѣдешь свататься,
Сватаюсь я де Владиміръ князь....» [1]).

Съ этимъ письмомъ Иванъ ѣдетъ въ Черниговъ. Онъ тамъ—знакомый человѣкъ. Пѣсня даетъ намъ понять, что въ ранней молодости Иванъ находился нѣсколько времени въ услуженіи у черниговскаго князя. Иванъ вообще не мало видѣлъ на своемъ вѣку, какъ явствуетъ изъ другихъ пѣсенъ. Въ Черниговѣ онъ, выходитъ, и влюбился въ Марью. При другихъ обстоятельствахъ черниговецъ былъ бы не прочь породниться съ крестникомъ своего верховнаго владыки, не смотря на не совсѣмъ знатное происхожденіе Ивана, но, на бѣду, ему представился еще болѣе выгодный женихъ: именно, царь Кощей Трипетовичъ, то есть, печенѣжскій ханъ (кощеями, какъ извѣстно изъ Слова о полку Игоревомъ, звали кочевыхъ варваровъ. Впрочемъ эти двѣ личности: Иванъ, русскій витязь, и Кощей, представитель темной силы, являются, кромѣ того, въ безчисленныхъ сказкахъ, берущихъ свое начало еще изъ миѳической эпохи). Вслѣдствіе этого черниговецъ отказываетъ Ивану, и притомъ въ грубыхъ выраженіяхъ. Надѣясь на своего будущаго зятя, онъ не боится Владиміра и говоритъ слѣдующее:

«Глупый Иванъ, неразумный Иванъ!
Гдѣ ты, Иванушко, перво былъ?
Нонѣ Марья просватана,
Душа Дмитревна запоручена
Въ дальну землю загорскую,
За царя Кощея Трипетова (въ этомъ варіантѣ за Афромея).
За царя отдать—ей царицею слыть,
Пановья всѣ поклонятся,
Пановья и улановья,
А нѣмецкихъ языковъ и счету нѣтъ;
За тебя отдать—холопкою слыть,
Избы мести, заходы скрести...» [2]).

---

[1]) Кирѣев. III, стр. 20.
[2]) Кирѣев. III, стр. 21.

Digitized by Google

А въ другомъ варіантѣ отвѣтъ еще грубѣе. Черниговецъ предлагаетъ Ивану взять замужъ свою собаку [1]).

Иванъ въ гнѣвѣ выбѣгаетъ изъ палаты и скачетъ въ Кіевъ объявить объ оскорбленіи Владиміру. Владиміръ приходитъ въ еще сильнѣйшій гнѣвъ, да и есть отъ чего: его присяжникъ осмѣлился презрѣть его личное сватовство и еще заводитъ свойство со враждебной печенѣжской силой (замѣтимъ, что подобные союзы въ то время дѣйствительно бывали. Вятичи, намѣреваясь возстать противъ этого самаго Владиміра, какъ говоритъ лѣтопись, ссылались съ печенѣгами),—и не помнитъ онъ себя отъ гнѣва.

«Тутъ ему за бѣду стало,
Рветъ на главѣ черны кудри свои,
Бросаетъ ихъ о кирпищатъ полъ:
Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня, князя, 100 человѣкъ,
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери друго сто,
У себя, Иванъ, третье сто,
Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ, о сватиньѣ,
Честью не дастъ, ты и силой бери....» [2]).

И тутъ сохранилась черта глубокой древности, засвидѣтельствованная сагой Олафа Тригвесона. Сага эта говоритъ, что у Владиміра и его жены было поровну воиновъ, и что княгиня распоряжалась своими, какъ знала.

Но Иванъ надѣется на собственную силу и не хочетъ пользоваться чужой помощью, благо дано разрѣшеніе. Не успѣлъ онъ выѣхать изъ Кіева, какъ разсылаетъ всѣ три сотни съ разными порученіями и оставляетъ при себѣ только Екима Ивановича, слугу Алеши Поповича, котораго онъ съ собой выпросилъ. Пріѣзжаютъ они въ Черниговъ и входятъ въ палаты. Въ палатахъ сидятъ мурзы улановья: это—дружки царя Кощея; они привезли дары невѣстѣ, а самъ царь стоитъ съ войскомъ недалеко отъ Чернигова. Иванъ, не обращая ни на кого вниманія, идетъ за занавѣсъ и выводитъ оттуда Марью. Марья дѣйствительно умомъ слаба. Она забываетъ о своемъ прежнемъ женихѣ и цѣлуетъ Ивана въ уста сахарны [3]). Онъ хватаетъ ее въ охапку и уно-

---

[1]) Рыбн. III, 23.
[2]) Кирѣев. III, стр. 22.
[3]) Кирѣев. III, стр. 14.

Digitized by Google

ситъ. Князь не смѣетъ противиться и даже предлагаетъ отпраздновать свадьбу честью, но Иванъ не хочетъ его знать. Онъ съ Марьей ѣдетъ въ Кіевъ. Ихъ застигаетъ ночь. Иванъ отправляетъ Ежима съ вѣстями ко Владиміру, а самъ разбиваетъ шатеръ и ночуетъ въ немъ съ Марьей. Между тѣмъ мурзы даютъ знать о случившемся Кощею. Тотъ отправляется одинъ въ погоню, прибѣгаетъ къ шатру и вызываетъ Ивана на единоборство. Бой кончается побѣдой Ивана, но Кощей зоветъ на помощь Марью, напоминая ей словами отца, что съ нимъ она будетъ царицей, а съ Иваномъ холопкой. «Слабая умомъ» Марья прельщается царствомъ и помогаетъ Кощею, не смотря на то, что уже вполнѣ стала женой кіевскаго богатыря. Тогда, говоритъ пѣсня, одолѣли Ивана Годиновича женская сила и богатырская. Они вяжутъ Ивана, привязываютъ къ дереву и уходятъ въ шатеръ «прохлаждатися». Прилетаютъ два вѣщихъ голубя, садятся на дерево и высказываютъ человѣческимъ языкомъ свои замѣчанія по поводу событія. Марья знаетъ, что это кіевскія птицы, обыкновенные помощники богатырей, и совѣтуетъ Кощею убить ихъ, чтобы не было вѣсти въ Кіевъ [1]). Но стрѣла, пущенная Кощеемъ, отскакиваетъ отъ дерева и попадаетъ ему въ сердце. Тогда Марья хочетъ убить Ивана, а тотъ клянется, что не будетъ ей мстить и возьметъ ее по прежнему замужъ. По большей части варіантовъ выходитъ, что Марья развязываетъ его и дорого платится за легковѣріе, но одинъ варіантъ [2]) объясняетъ дѣло иначе и снимаетъ съ Ивана обвиненіе въ обманѣ. По его словамъ, Марья со страху роняетъ изъ рукъ саблю, а та разрубаетъ оковы Ивана. Такимъ образомъ уговора между ними еще не состоялось. Варіантъ этотъ, по нашему мнѣнію, самый древній, ибо онъ совершенно своеобразенъ, а въ другихъ дѣло оканчивается слово въ слово, какъ въ пѣснѣ о Добрынѣ и Маринѣ. Какъ бы то ни было, освободившійся Иванъ рубитъ измѣнницу на части. Главная его обида, по словамъ пѣсни, состоитъ въ томъ:

«Зачѣмъ эти ручушки бѣлыя
Обнимали татарина поганаго.»

Такимъ образомъ онъ наказываетъ Марью не только за измѣну лично себѣ, а также за измѣну землѣ, за связь со враж-

---

[1]) Рыбн. II, 13.
[2]) Рыбн. II, 13.

Digitized by Google

дебной степной силой. Г. О. Миллеръ, въ своей диссертаціи, говоритъ, что мораль этой пѣсни состоитъ будто бы въ томъ, что надо любить кого велятъ [1]). Не можемъ съ этимъ согласиться. Конечно, Иванъ взялъ невѣсту насильно, «умыканьемъ», но вѣдь она и царя Кощея не знала и не могла любить, а польстилась только на власть. Изъ двухъ жениховъ ей все-таки долженъ бы былъ прійтись болѣе по сердцу Иванъ, какъ русскій и извѣстный ей еще прежде.

Въ большей части варіантовъ отецъ Марьи называется Дмитріемъ, гостемъ богатымъ. Но мнѣ кажется, что чѣмъ мельче личность, воспѣваемая въ пѣснѣ, тѣмъ и самая пѣсня должна быть моложе (я не говорю, конечно, о тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ *главный* герой является незнатнымъ, дабы тѣмъ болѣе оттѣнить его подвиги,—это совсѣмъ другое дѣло). Поэтому мы считаемъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что первоначально шла рѣчь о князѣ, а гость явился уже позднѣе, вслѣдствіе, что называется, *закудѣнія* пѣсней, попавшихъ въ тотъ слой народа, гдѣ гость казался личностью болѣе близкою и интересною. Примѣровъ для подобныхъ переходовъ въ народной поэзіи не мало. Такъ, на примѣръ, полубогъ Дунай обратился сначала въ смертнаго богатыря, потомъ въ обыкновеннаго служилаго человѣка, затѣмъ въ крѣпостнаго ключника и, наконецъ, о ужасъ!—въ камеръ-лакея. Добрыня, котораго сѣверные варіанты тотчасъ называютъ княземъ и всѣ считаютъ особенно знатнымъ человѣкомъ, у Кирши Данилова является сыномъ гостя богатаго. Воинственная богатырша, побѣжденная Ильей Муромцемъ и зачавшая отъ него сына, въ одномъ варіантѣ выдается за дѣвку *калачницу*. Все это пошло и совершенно чуждо величественному древнему строю былинъ. Можно думать, что встарину отецъ Марьи именовался не Дмитрій или Митрій, а Мстиславъ. Князь Романъ Мстиславичъ Галицкій въ пѣсняхъ названъ Романомъ Митричемъ. Притомъ первый черниговскій князь изъ рюриковичей, сынъ Владиміра, дѣйствительно именовался Мстиславъ.

Такъ вотъ что говорятъ пѣсни объ отношеніяхъ сѣверянъ къ Кіеву. Такъ и должно было быть въ дѣйствительности. Русскій князь терпѣлъ до времени сѣверскаго, но обращался съ нимъ свысока и училъ уму-разуму, когда нужно, а тотъ, естественно, тяготился своимъ положеніемъ и подыскивалъ себѣ другой опоры, хотя бы

---

[1]) «Илья Муромецъ и богатырство кіевское», стр. 373.

Digitized by Google

въ степи. Впрочемъ, Черниговъ большею частію считается вполнѣ русскимъ городомъ и ставится обыкновенно рядомъ съ Кіевомъ, какъ его необходимое дополненіе. Послы Владиміра, посланные оцѣнивать богатства Дюка Галицкаго, говорятъ, что прежде, чѣмъ оцѣнивать, Владиміръ долженъ продать на бумагу Кіевъ градъ, а на чернила—Черниговъ градъ [1]). Богатыри пробуютъ своихъ коней, скача отъ Кіева до Чернигова (Иванъ гостиный сынъ). Это, между прочимъ, подтверждаетъ мысль нашу, что болота и Соловей разбойникъ поставлены южнѣе Чернигова ошибкой. Кстати, пѣсня знаетъ о владыкѣ черниговскомъ, который при одномъ случаѣ держитъ руку Ивана Гостинова, вѣроятно, по связямъ этого послѣдняго съ Черниговымъ, такъ какъ Иванъ Гостиный и Иванъ Годиновичъ—одно лицо. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что кромѣ владыки черниговскаго упоминается еще однажды объ архіереѣ кіевскомъ [2]). Архіерей поставленъ здѣсь нисколько не ошибкой. Мы знаемъ, что первые митрополиты жили въ Переяславлѣ, а въ Кіевѣ обыкновенно служилъ епископъ бѣлгородскій, жившій въ ничтожномъ разстояніи отъ города.

По словамъ былинъ, одинъ изъ богатырей постоянно живетъ въ Черниговѣ и, значитъ, оттуда родомъ. Это Данило Ловчанинъ, то есть, охотникъ. Онъ помѣщенъ тамъ не спроста. Черниговскія пущи были самымъ охотничьимъ мѣстомъ въ древней Руси. Объ этомъ ниже. И въ этой пѣснѣ замѣчается второстепенное положеніе Чернигова. Владиміръ задаетъ Данилѣ опасные подвиги и, наконецъ, губитъ его. При этомъ на Данилу посылается русская сила, то есть, кіевская [3]).

Перейдемъ къ другимъ племенамъ. Имя древлянъ не извѣстно пѣснямъ, и о князьяхъ ихъ не упоминается (въ эпоху Владиміра это племя окончательно обрусѣло). Но въ пѣснѣ о Вольгѣ Святославичѣ говорится слѣдующее:

«Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
Тремя городами съ крестьянами:
Первымъ городомъ Гурчевцемъ,
Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ» [4]).

---

[1]) Рыбн. I, 48.
[2]) Кирѣев. III, стр. 77.
[3]) Кирѣев. III. стр. 36.
[4]) Рыбн. I, 3.

Digitized by Google

Вольга ѣдетъ къ этимъ городамъ «за получною», то есть, за данью. Мужики гурчевскіе не даютъ ему дани. Вольга, вспомоществуемый крестьяниномъ-богатыремъ Микулой Селяниновичемъ, котораго онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ломится къ нимъ силою. Тогда, говоритъ пѣсня, мужики гурчевскіе были злодѣи догадливы, дѣлали мосточки поддѣльные. Дружина Вольги провалилась и стала тонуть, но Вольга и Микула перескочили рѣку на коняхъ и стали мужиковъ чествовать, жаловать, плетями ихъ нахлестывать,—однимъ словомъ, припугивать, какъ выражаются лѣтописи. Тѣ покорились.

Имя Вольга есть несомнѣнно одно и то же съ именемъ Олегъ или Вольгъ, по одному произношенію. Но въ другомъ варіантѣ онъ именуется Волхъ. Дѣло въ томъ, что тутъ слилось много сходныхъ типовъ.

Древнѣйшій изъ нихъ былъ Волховъ, миѳическій князь новгородскій. О немъ мы знаемъ только то, что онъ былъ чародѣй, оборотень, и по смерти былъ признанъ богомъ. Имя Волхъ составляетъ одну изъ формъ имени Волховъ и въ этомъ смыслѣ употреблено въ новгородской пѣснѣ о гостѣ Терентьищѣ. Сходнаго съ нашимъ Волхомъ то, что и нашъ оборачивается въ животныхъ. Притомъ новгородскій оборачивался именно въ змѣя, а Волхъ кіевскихъ пѣсень рожденъ отъ чудеснаго змѣя.

Но значительно болѣе послужилъ къ образованію типа Вольги или Волха другой вѣщій князь, Олегъ. Во первыхъ, онъ дѣйствительно занимался припугиваньемъ племенъ; во вторыхъ, главнымъ его подвигомъ былъ походъ на грековъ. Этотъ-то походъ воспѣтъ нашими былинами подъ именемъ похода на царство индѣйское или Турецъ-землю. Царьградъ съ теченіемъ времени сталъ для русскихъ священнымъ городомъ и русскому князю казалось не пригоже было поднимать на него руку. Поэтому мѣсто дѣйствія перенесли въ отдаленную и азіатскую Индію или въ Турецъ-землю, смѣнившую впослѣдствіи греческое царство. Кромѣ этого, главное искаженіе подлиннаго расказа, весьма, впрочемъ, художественное, заключается въ томъ, что пѣвцы желали достигнуть единства времени (всегдашнее стремленіе эпоса), приблизили Олега къ эпохѣ Владиміра, а такъ какъ мѣсто великаго князя было уже занято, то пришлось понизить чиномъ Олега и сдѣлать изъ него удѣльнаго князя и племянника Владиміра. Вообще вся пѣснь о Вольгѣ рѣзко отличается отъ другихъ. Здѣсь на первомъ планѣ является стихія пришлая, варяжская.

Digitized by Google

Олегъ силенъ не столько своею храбростью или тѣлесною силой, сколько своей мудростью. «Онъ не силой возьметъ, такъ хитростью-мудростью» [1]). Мудростью варяги дѣйствительно превосходили славянъ. Но мудрость, по древнему понятію, заключается, главнымъ образомъ, въ чародѣйствѣ. По словамъ Нестора, кіевляне, по возвращеніи Олега изъ Греціи, называли его вѣщимъ, то есть, думали, что онъ успѣхомъ обязанъ особой наукѣ, не всѣмъ извѣстной; а наука эта — знаніе *рунъ*—точно особенно уважалась въ Скандинавіи.

Этой-то наукѣ и обучается нашъ Вольга въ дѣтствѣ. Онъ изучаетъ языки звѣриные и птичьи, учится искусству оборачиваться разными животными. Достигнувъ отрочества, онъ набираетъ дружину не большую, но храбрую. Съ ней-то онъ и совершаетъ всѣ подвиги и притомъ самъ дѣйствуетъ только въ крайнихъ случаяхъ, да и то почти всегда пускаетъ въ ходъ чары: совершенная противуположность другимъ богатырямъ, которые всѣ равны другъ другу, только иногда держатъ слугъ, и то больше на правахъ меньшихъ братьевъ, и въ большинствѣ случаевъ ѣздятъ поодиночкѣ. Обучившись наукѣ, Вольга начинаетъ дѣлать ловы, одно изъ любимыхъ занятій нашихъ князей. Всѣ твари земныя повинуются его чарамъ; звѣри, птицы и рыбы бѣгутъ толпой въ его сѣти. Покончивъ первое дѣло, онъ вступаетъ на другое поприще,—беретъ дань не только съ земли, но и съ людей. Но ему тѣсно на Руси, онъ радъ случаю вырваться на просторъ. Онъ идетъ со своей дружиной въ отдаленное царство индѣйское, оборачивается на пути волкомъ и соколомъ, бьетъ звѣрей и птицъ и своей добычей кормитъ и одѣваетъ дружину. Въ видѣ тура, а потомъ опять-таки сокола, онъ являетея въ царство индѣйское, слушаетъ тайныя рѣчи царя съ царицей, обернувшись горностаемъ, портитъ его оружіе, затѣмъ приводитъ свою дружину къ главному городу и, видя крѣпость стѣны, проходитъ съ войскомъ черезъ скважины въ воротахъ въ видѣ муравьевъ и затѣмъ легко овладѣваетъ беззащитнымъ царствомъ и садится самъ царемъ, взявъ за себя прежнюю царицу. Ея первый мужъ убитъ, всѣ жители перебиты, оставлено только по одной дѣвицѣ на воина. Огромная добыча подѣлена по-братски. Все это подвиги болѣе варяжскіе, чѣмъ славянскіе. Славянинъ не переселился бы на чужую сторону, а

[1]) Рыбн. I, 8.

Digitized by Google

сдѣлалъ бы ее предварительно святой Русью, подчинивъ ее одному и тому же государю.

Вѣщаго Олега по тому, между прочимъ, было легко подвинуть ко времени Владиміра, что между ними былъ другой Олегъ, старшій братъ Владиміра и притомъ Святославичъ, какъ и нашъ Вольга. Этотъ князь погибъ при взятіи Вручія или, по древнему склоненію, Вручего, свалясь съ моста съ частью своего войска. Этотъ князь самъ по себѣ не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго, но его странная смерть въ молодыхъ лѣтахъ могла остаться памятной народу, и расказъ о поддѣльныхъ гурчевскихъ мостахъ, который мы недавно видѣли, сложился, кажется, подъ вліяніемъ воспоминаній о *вручевскомъ* мостѣ,—тѣмъ болѣе, что городъ Гурчевецъ есть вѣроятно то же самое, что и Вручевецъ. Такимъ образомъ врагами Вольги оказываются древляне. Вспомнимъ, что первымъ ихъ завоевателемъ былъ дѣйствительно Олегъ вѣщій.

Объясненіе слова Гурчевецъ принадлежитъ г. Безсонову, который во многомъ, если не во всемъ, положилъ основаніе дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ эпоса. Мы съ своей стороны рѣшаемся нѣсколько дополнить его объясненіе. Первый городъ Гурчевецъ есть Вручевецъ; второй, Орѣховецъ, намъ не извѣстенъ, но могъ существовать встарину. Третье имя Крестьяновецъ явно выдумано или искажено. Если оно искажено, то какъ могла звучать первоначальная форма? Мнѣ кажется, что пѣлось такъ:

Первымъ городомъ Вручевцемъ.
Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Коростеновцемъ.

Коростенъ, главный городъ древлянъ, извѣстенъ всѣмъ.

Четвертая личность, повліявшая на пѣсни о Вольгѣ, есть Всеславъ Полоцкій. По лѣтописи, онъ рожденъ отъ волхованія—Волхъ отъ лютаго змѣя. Слово о полку Игоревомъ говоритъ, что онъ былъ чародѣй и оборотень. Есть въ Словѣ и другіе намеки. Прежде обращали вниманіе на отчество Всеславичъ; всѣми признано, что Всеславичъ произошло изъ Сеславичъ, а это сокращеніе отчества Святославичъ. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что эпизодъ о чудесномъ рожденіи Волха главнымъ образомъ относится къ Всеславу.

Итакъ, мы видимъ, что и древляне оставили замѣтный слѣдъ въ эпосѣ. Но спрашиваю, кто помнилъ о нихъ и о ихъ борьбѣ

Digitized by Google

съ русскими послѣ татарскаго нашествія. Явное доказательство, что эта пѣсня пѣлась задолго до татаръ, и что основа ея близка къ X вѣку.

Что знаетъ эпосъ о западныхъ племенахъ: о велынянахъ, хорватахъ, угличахъ? Онъ знаетъ всѣхъ ихъ; они являются въ пѣсняхъ о Михайлѣ Потыкѣ. Этотъ богатырь былъ самый отчаянный бродяга, перебывавшій во многихъ земляхъ: оттого-то пѣсни о немъ даютъ самые богатые матеріалы для географіи и этнографіи древней Руси. Займемся сначала имъ самимъ: это типъ очень древній и характеристическій.

Потыкъ является намъ сначала атаманомъ каликъ перехожихъ. Онъ родомъ изъ Волынца Галича, который, какъ мы увидимъ, рисуется въ пѣсняхъ городомъ богатымъ, съ особенными князьями. Вслѣдствіе своего богатства и могущества, онъ мало зависитъ отъ Кіева, но впрочемъ это городъ очень образованный, христіанскій и дружественный Кіеву. Мы видѣли, что хорваты дѣйствительно были окончательно покорены только Владиміромъ. Михайло приходитъ изъ Галича въ Кіевъ, плѣняетъ собой княжну Опраксу и отвергаетъ ея любовь; за это онъ оклеветанъ ею въ воровствѣ и казненъ собственными товарищами, но чудесно исцѣленъ, и, возвратясь въ Кіевъ, чудотворно исцѣляетъ саму княжну, которой въ наказаніе была послана болѣзнь. Общаго между Потыкомъ этой пѣсни и другимъ, болѣе извѣстнымъ намъ, только то, что онъ тоже любитъ скитаться по свѣту и притомъ очень хорошъ собой. Но вообще въ этой пѣснѣ онъ является почти святымъ и мало похожимъ на пьяницу и гуляку, какимъ изображаетъ его великая пѣснь о Потыкѣ. Разногласіе это впрочемъ можно примирить. И запорожскіе казаки, бывая по временамъ великими кутилами, въ другое время вели чуть не отшельническую жизнь. Подобные рѣзкіе переходы—въ духѣ русскихъ. Но все-таки эта пѣсня, по своему строю, удаляется отъ другихъ и переходитъ въ разрядъ духовныхъ стиховъ.

Есть другая пѣсня, въ которой повѣствуется о пріѣздѣ въ Кіевъ новаго богатыря, тоже Михайлы, но прозвищемъ не Потыка, а Казарянина. Она-то, по настоящему, и должна стоять въ началѣ поэтической біографіи Потыка, ибо, по нашему мнѣнію, Потыкъ и Казарянинъ—одно лице. Доказательства слѣдующія:

Оба они Михайлы.

Оба пріѣзжаютъ изъ Галича.

Потыкъ значитъ—бродяга, Казарянинъ—казакъ.

Digitized by Google

О козарской землѣ нечего думать, ибо богатырь является изъ Галича.

Конь Михайлы Казарянина рисуется самыми блестящими красками. Потыку приписывается особое искусство наѣздничества [1]). Казарянинъ изображенъ богатыремъ страшнымъ, въ шеломѣ и латахъ; Потыкъ—тоже самый свирѣпый и исполинскій изъ богатырей Замѣтимъ, что шеломъ и латы, кромѣ варяга Вольги, приписываются почти только одному Казарянину, да еще Дюку, жителю того же особенно цивилизованнаго Галича. Въ особенности рѣдокъ шеломъ.

Казарянинъ величается: душа Михайло Петровичъ; Потыкъ—душка Михайло Ивановичъ. Одинъ варіантъ впрочемъ называетъ этого душку уродищемъ, за его безобразное поведенье [2]).

Михайло Казарянинъ посылается Владиміромъ настрѣлять гусей, лебедей для его стола. По одному варіанту, Потыкъ посланъ за тѣмъ же, и тутъ встрѣчаетъ свою невѣсту [3]). Но и въ другихъ она встрѣчается съ нимъ подъ видомъ бѣлой лебеди, а Потыкъ хочетъ ее стрѣлять. Выходитъ, что охота за птицами—спеціальность этого богатыря.

Послѣднее и самое разительное сходство: Казарянинъ, настрѣлявъ птицъ, освобождаетъ изъ татарскаго плѣна русскую дѣвушку и тутъ же хочетъ ее обезчестить,—черта совершенно свойственная буйному Потыку. О самомъ же Потыкѣ пѣсни расказываютъ, что онъ избавилъ точно такъ же плѣнницу, привезъ ее въ Кіевъ и этимъ возбудилъ ревность своей жены [4]).

Итакъ Михайло Потыкъ или Казарянинъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ изъ Галича и поступаетъ въ число богатырей. Тамъ онъ тотчасъ же занимаетъ второе мѣсто между всѣми. Онъ—младшій братъ Ильи и старшій Добрыни [5]). Типъ его рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ. Это богатырь лютый, гнѣвный, склонный къ разврату; онъ—силачъ, голосъ его подобенъ реву звѣря [6]); къ вину онъ чувствуетъ такую склонность, что не можетъ воздержаться отъ нея даже въ виду величайшей опасности. По всему онъ стоитъ особнякомъ отъ другихъ и напоминаетъ собой казацкихъ рыца-

---

[1]) Рыбн. II, 7.
[2]) Рыбн. IV, 12.
[3]) Кирѣев. IV, стр. 52.
[4]) Рыбн. I. 36.
[5]) Рыбн. I, 38.
[6]) Рыбн. III, 30.

Digitized by Google

рей; онъ же изъ Галича и Казарянинъ. Приближается онъ и къ типу сербскаго Марка Королевича.

Цѣпь его подвиговъ начинается тѣмъ, что Владиміръ отправляетъ его за важнымъ дѣломъ:

«Ему ѣхати во ты ли во гридни черныя,
Во тое Подолье Лиходѣево,
Справить-то дани и выходы
За старые годы и за нынѣшни....» [1])

Это Подолье, очевидно,—земля угличей. Мы увидимъ сейчасъ, что она лежитъ у моря. Гридни называются черными въ отличіе отъ бѣлыхъ гридней кіевскаго князя, верховнаго господина углицкой земли. Пріѣхалъ Потыкъ и собираетъ дани. Но

«Мужики на Подолѣ всѣ скошевалися,
Не стали отдавать даней выходовъ.
Михайло Потыкъ, сынъ Ивановичъ,
Поразсердилъ плечо богатырское,
Сталъ бить казнить, иныхъ вѣшати....» [2])

Совершенный княжій мужъ, въ родѣ Свѣнельда или Волчихвоста, примучивающій угличей. Замѣтить слѣдуетъ, что подоляне называются мужиками, подобно мужикамъ гурчевскимъ. О неславянскихъ народахъ это слово не употребляется. Мужики струсили и отдали дань. Король (князь) Лиходѣй Лиходѣичъ отправляетъ Потыка въ Кіевъ моремъ, давъ ему три корабля съ народомъ. Тутъ является ему волшебница Марья, дочь Лиходѣя, въ видѣ бѣлой лебеди. Она—язычница и чародѣйка; земля подольская представляется чѣмъ-то еще чуждымъ и враждебнымъ. Она предлагаетъ свою руку Михайлѣ, тотъ очень радъ, привозитъ ее въ Кіевъ, креститъ ее и женится на ней. Но Марья зла отъ природы, она желаетъ держать мужа на всякій случай въ рукахъ, и поэтому передъ вѣнцемъ заключаетъ съ нимъ условіе, что тотъ изъ нихъ, кто переживетъ другаго, долженъ быть зарытъ въ землю съ первымъ.

Скоро Михайло, какъ мы видѣли, возбуждаетъ ревность Марьи. Та хочетъ ему отмстить. Она избираетъ для этого время его отлучки, а онъ посланъ въ какую-то степную орду къ царю На-

---

[1]) Рыбн. I, 37.
[2]) Рыбн. IV, 12.

Digitized by Google

лету или Бухарю за данью. Дани онъ собралъ и садится играть съ царемъ въ шахматы, но вдругъ летитъ гонецъ изъ Кіева: «умерла твоя молода жена». Михайло скачетъ въ Кіевъ и поспѣваетъ туда въ нѣсколько часовъ. Марья, между прочимъ, не умерла, а только обмерла, чтобы погубить мужа. Но Потыкъ этого не знаетъ и хочетъ исполнить клятву. Клятва эта хотя и пахнетъ язычествомъ, но въ то время не имѣла ничего особенно страннаго. Мы знаемъ, что славянки очень часто умирали со своими мужьями, и пѣсня легко могла допустить, какъ исключеніе, и противуположный случай. Михайло зарытъ живой въ могилу. Къ нему приползаетъ великая змѣя подземельная, вѣроятно, посланная Марьей. Но Михайло осиливаетъ змѣю и заставляетъ ее принесть живой воды [1]). Противъ живой воды горы безсильны, и Марья должна вскочить. Ихъ вынимаютъ изъ могилы.

Затѣмъ являются подъ Кіевъ сорокъ царей и требуютъ себѣ Марью, такъ какъ она всюду прославилась своимъ воскресеньемъ. Потыкъ ѣдетъ къ нимъ, одѣвшись Марьей (онъ очень красивъ собой) и всѣхъ ихъ убиваетъ. Поразительное сходство съ пѣсней Эдды о томъ, какъ Торъ одѣлся невѣстой и выходилъ замужъ за великана, чтобъ его убить. Оно уже было замѣчено г. Миллеромъ. Но грозятъ новыя бѣды. Пріѣзжаетъ самъ король Лиходѣй и требуетъ выдачи Потыка, похитителя его дочери. Владиміръ выдаетъ виноватаго головой, и Потыкъ не споритъ, надѣясь на себя. Пріѣхавъ въ Подолье, онъ обыгрываетъ короля въ шахматы, выигрываетъ сначала свою голову, потомъ королевство и наконецъ голову самого короля, но тутъ опять вѣсть изъ Кіева: пріѣхалъ де царь Вахрамей Вахрамеичъ, увезъ твою жену въ свою землю волынскую.

Вотъ явилась и волынская земля. Вахрамей, очевидно,—князь, владѣтель Волыни и близкій сосѣдъ Кіева. Онъ еще не покоренъ, довольно силенъ и способенъ на дерзкіе поступки противъ Руси. Все это очень подходитъ къ характеру волынской земли.

Волынь была нѣкогда заселена древнимъ племенемъ дулѣбами. На нихъ обрушилось около 600 года нашествіе аваровъ. Эти авары или обры, гласитъ преданіе, страшно ихъ притѣсняли, запрягали въ телѣги ихъ женъ и дочерей и ѣздили на нихъ. Но вскорѣ возстали противъ аваровъ всѣ славянскія племена, въ ихъ

---

[1]) Рыбн. I, 37.

Digitized by Google

числѣ были и дулѣбы. Руководство возстаніемъ, надо полагать, приняли жители города Велыня; мы знаемъ изъ Нестора, что имя ихъ потомъ замѣнило древнее названіе дулѣбовъ и сдѣлалось общимъ всей землѣ. Массуди, арабскій писатель X-го столѣтія, говоритъ, что велыняне (валинана) были нѣкогда сильнѣйшимъ племенемъ между славянами и имѣли князя по имени Мужекъ, покорившаго многія окрестныя земли; но въ X-мъ столѣтіи, по его же словамъ, ихъ сила совершенно исчезла. Рядомъ съ ними жило другое племя, еще сохранявшее старое названіе дулѣбовъ (дулаба) и имѣвшее особеннаго князя Вячеслава.

Такимъ образомъ мы видимъ, что волынцы и встарину были не послѣдними между своими сосѣдями и имѣли свой золотой вѣкъ. Значеніе ихъ, вѣроятно, было подорвано усиленіемъ древлянъ.

Дальнѣйшій расказъ о Потыкѣ не имѣетъ особеннаго интереса для нашего предмета. Потыкъ бросаетъ и короля, и королевство, и гонится за похитителемъ, котораго и настигаетъ на волынскомъ рубежѣ. Вахрамей, видя бѣду, прячется; Марья бѣжитъ къ Потыку и даетъ ему *забыдущаго* питья (она рада была случаю отдѣлаться отъ прежняго мужа). Потомъ она обращаетъ его въ камень. Илья и Добрыня ѣдутъ развѣдывать о Потыкѣ, но безуспѣшно. Никола Чудотворецъ, сопутствующій имъ подъ видомъ старца, объясняетъ имъ дѣло и освобождаетъ Потыка изъ камня. Потыкъ идетъ мстить измѣнницѣ.

Та вторично опаиваетъ его виномъ и прибиваетъ гвоздями къ стѣнѣ. Его выручаетъ Настасья красивая, дочь Вахрамея. Съ ея помощью, Потыкъ, по выздоровленіи, добываетъ себѣ коня и оружіе. Марья, видя бѣду, въ третій разъ подноситъ ему вина, и Потыкъ въ третій разъ готовъ себя погубить, но Настасья его удерживаетъ. Онъ рубитъ Марьѣ голову, хочетъ королевство за щитомъ пройти и огнемъ сжечь [1]). Настасья однако выпрашиваетъ прощенье отцу. Потыкъ женится на ней, предварительно окрестивъ ее, и возвращается въ Кіевъ. Такимъ образомъ волынскій князь проученъ за свою дерзость противъ Руси. Мы видимъ, что тогда, какъ сѣверская земля имѣетъ уже церкви и владыку, Подолье и Волынь изображены язычниками. Христіанство къ нимъ дѣйствительно пришло съ востока, изъ Кіева, и притомъ уже послѣ того, какъ были окрещены старые русскіе города.

Но къ Галичу, какъ мы уже сказали, былина относится вполнѣ

---

[1]) Рыбн. IV, 12.

Digitized by Google

сочувственно. Это городъ вполнѣ христіанскій, хотя почти независимый отъ Кіева. Главный представитель его—молодой витязь Дюкъ Степановичъ, богачъ и аристократъ,—типъ вполнѣ своеобразный, галицкій; на остальной Руси мы такихъ личностей не видимъ. Кіевскій соперникъ Дюка, Чурило Пленковичъ, не болѣе какъ разбогатѣвшій купецкій сынъ. Добрыня выдается, правда, за человѣка знатнаго, но знатность эта сказывается исключительно въ вѣжливости и хорошихъ манерахъ; по всему остальному онъ не выдѣляется изъ другихъ богатырей. Но въ Дюкѣ видна уже нѣкоторая щепетильность и брезгливость. И если былина все-таки ему сочувствуетъ, то болѣе по тому, что его соперникъ, Чурило, хуже Дюка, ибо выскочка и не отличается храбростью. Мы знаемъ, что Галичъ былъ единственной землей въ древней Руси, гдѣ развилось наслѣдственное боярство; такой характеристическій край не могъ не оставить слѣда въ эпосѣ. Любопытно, что два галицкихъ богатыря суть типы противуположные и въ то же время одинаково родные Галичу. Первый, Дюкъ, соотвѣтствуетъ пану (вспомнимъ малорусское слово дука, означающее богача), второй, Михайло Казарянинъ, есть казакъ, бродяга. Удивительна полнота и вѣрность исторіи нашего эпоса!

Разберемъ пѣсню о Дюкѣ. Дюкъ Степановичъ не то княжескій сынъ, не то боярскій; пѣсни называютъ его и такъ, и иначе. Въ обоихъ случаяхъ его знатность наслѣдственная. Впрочемъ, въ эпоху Владиміра, когда хорватскіе владѣтели лишались своихъ городовъ и переходили въ разрядъ подданныхъ Руси, и точно, трудно было опредѣлить, кто князь и кто нѣтъ. Одинъ варіантъ говоритъ, что чудныя стрѣлы Дюка были оперены перьями морскаго орла, а перья эти были куплены мужиками галицкими и поднесены въ даръ отцу Дюка,—значитъ, онъ правилъ этими мужиками. Расказъ начинается тѣмъ, что Дюкъ выѣзжаетъ прогуляться въ поле, при чемъ описывается его нарядъ и вооруженіе. И то и другое очень дорого и напоминаетъ описаніе вооруженія другаго галичанина—Михайлы Казарянина. Поѣздивши по полю и позабавившись стрѣльбой изъ лука, Дюкъ замышляетъ предпринять дальнее путешествіе въ Кіевъ. Кіевъ для Галича считается городомъ, не имѣющимъ равнаго. «Говорятъ, Кіевъ градъ на красѣ стоитъ, на красѣ на угожествѣ; говорятъ, солнышко Володиміръ богато живетъ». Надо поглядѣть на этотъ городъ. Дюкъ проситъ позволенья у государыни матушки; та, послѣ разныхъ отказовъ и предостереженій, даетъ его. Дюкъ надѣваетъ еще болѣе вели-

Digitized by Google

колѣнныя платья; убираетъ коня такъ, что его не видать подъ уборомъ, и пускается въ путь. Путь этотъ совершается въ баснословно короткое время: по инымъ варіантамъ, между вечерней и заутреней Свѣтлаго воскресенья. Самъ Илья поспѣлъ въ Кіевъ между обыкновенной заутреней и обѣдней, что все-таки легче. Такимъ образомъ конь Дюка оказывается лучше всѣхъ остальныхъ.

Не далеко отъ Кіева Дюкъ встрѣчается съ Ильей Муромцемъ, проситъ его покровительства и получаетъ. Наконецъ, онъ въ Кіевѣ. Кіевъ его совершенно разочаровываетъ. Эта столица Руси оказывается совершенно ничтожной противъ Галича. И дома, и одежды, и все-никуда не годится, по его мнѣнію. Разница между двумя городами почти такая же, какъ въ настоящее время между Россіей и западной Европой. Въ Галичѣ улицы вымощены дубовыми мостками, въ Кіевѣ—сосновыми; въ Галичѣ по нимъ настланы багрецовыя сукна, въ Кіевѣ ничего нѣтъ кромѣ грязи. На воротахъ Дюкова дома было 70 иконъ и всѣ на золотѣ, а у Владиміра нѣтъ десятка. Внутри тоже бѣдно; пища и питье приготовлены неряшливо и дурно.

Дюкъ не можетъ скрыть своего отвращенія. Кіевляне обижаются этимъ и говорятъ колкости самому Дюку, а тотъ имъ, хотя и въ тонкой формѣ. Наконецъ за честь Кіева подымается извѣстный щеголь и волокита Чурило Пленковичъ. Они бьются съ Дюкомъ о своихъ буйныхъ головахъ, кто кого перещеголяетъ платьемъ. Когда наступитъ условный день, они должны оба идти къ обѣднѣ, и народъ долженъ самъ рѣшить, кто выигралъ. Любопытна разница между ихъ нарядами. У Чурилы сапожки изъ зеленаго сафьяна, у Дюка—лапотки семи шелковъ. На Чурилѣ шапка мурмолка, на Дюкѣ—*шляпа* съ украшеніями изъ дорогихъ камней. Пуговицы Чурилиной шубы были вылиты въ видѣ юношей и дѣвицъ: «какъ застегнутся, такъ обоймутся; а разстегнутся—поцѣлуются». У Дюка пуговицы еще хитрѣй сдѣланы: въ видѣ лютыхъ звѣрей и змѣй, которые ревутъ и шипятъ отъ прикосновенья къ нимъ. Всѣ признаютъ побѣдителемъ Дюка, и тотъ хочетъ рубить голову Чурилѣ, но прощаетъ его, по совѣту Ильи Муромца. Затѣмъ Дюкъ борется съ настоящими богатырями и побѣждаетъ ихъ всѣхъ, кромѣ Ильи и Добрыни, которые не вступаютъ въ бой. Къ Ильѣ самъ Дюкъ долженъ относиться съ величайшимъ почтеніемъ. Такимъ образомъ былина добродушно признаетъ первенство Запада въ матеріальной цивилизаціи, но ревниво охраняетъ внутреннее первенство русской земли, первенство

Digitized by Google

земскаго человѣка Ильи передъ аристократомъ Дюкомъ. Замѣчательно, что былины, не смотря на свой сильно демократическій характеръ, не относятся враждебно къ высшимъ сословіямъ и не отвергаютъ ихъ въ той или другой формѣ. Для нихъ безразлично происхожденіе богатыря, только бы онъ дѣлалъ свое дѣло. Но онѣ безпощадны къ личностямъ, стремящимся выдѣлиться изъ народа, и кромѣ того строго держатся мысли, что корень всему и основаніе—земля, и потому идеальнымъ богатыремъ дѣлаютъ крестьянина, а не кого нибудь другаго.

Владиміръ, изумленный расказами Дюка о богатствѣ Галича, хочетъ узнать, сколько они справедливы, и посылаетъ двухъ богатырей оцѣнить Дюково имѣнье. Слишкомъ долго было бы расказывать, что они тамъ видѣли; дѣло кончается тѣмъ, что оцѣнщики бросаютъ свой трудъ, видя невозможность оцѣнки [1]).

Скажемъ только нѣсколько словъ о перьяхъ морскаго орла, которыми оперены Дюковы стрѣлы, и о самомъ этомъ орлѣ. Мѣсто это въ наиболѣе древнемъ видѣ читается такъ: стрѣлы Дюковы были оперены перьями сизаго орла,

«Не того орла, что летаетъ во чистомъ полѣ,
А того орла, который на синемъ морѣ.
Сидитъ-то орелъ на камени,
На тоемъ на камени на латырѣ;
Аще тотъ орелъ сворохнется,
Сине море сколыблется,
Въ деревняхъ пѣтухи вспоютъ;
Тутъ ѣздятъ гости корабельщики
И берутъ-то перья орловыя....» [2])

Этотъ орелъ—миѳическая птица. Онъ до крайности похожъ на исполина Гресвельгра, о которомъ говоритъ Эдда. Гресвельгръ сидитъ на краю міра (то есть, на морѣ), исполинъ въ орлиной шкурѣ. Отъ его крыльевъ происходитъ вѣтеръ. Сходство это, кажется, еще не было замѣчено нашими учеными.

Мы окинули взоромъ поэтическую карту древней Руси, представляемую нашими былинами, и открыли на ней большую часть тогдашнихъ городовъ и племенъ. Теперь надо посмотрѣть, чѣмъ, по мнѣнію былинъ, окружена Россія, кто съ ней сосѣдитъ.

Сѣверъ Руси огражденъ моремъ, пустыннымъ, наполненнымъ чудесами. Съ запада граничитъ съ Россіей земля свицкая, отдѣ-

---

[1]) Рыбн. Всѣ части сборника.
[2]) Рыбн. III, 30.

Digitized by Google

ленная Варяжскимъ моремъ. Туда ѣздилъ однажды Добрыня за данью, а другой варіантъ замѣчаетъ, что онъ ѣздилъ за синее море [1]). Насчетъ дани, пѣсни прихвастнули, да и вообще объ этой землѣ упоминается рѣдко. Особенныхъ столкновеній съ ней при Владимірѣ не было, варяжская же стихія на самой Руси была совершенно подавлена тѣмъ же Владиміромъ. Южнѣе Швеціи лежитъ другое королевство, напротивъ того, весьма извѣстное въ пѣсни: это—земля ляховицкая или хоробра Литва. Эпосъ смѣшалъ Польшу и Литву по ихъ позднѣйшему соединенію; имя земли ляховицкой, конечно, древнѣе, ибо собственная Литва при Владимірѣ еще не имѣла никакого значенія. Столицей ляховицкой земли изображается историческій Краковъ. Тамъ королевское село Березово (явное смѣшеніе съ кіевскимъ Берестовымъ), откуда пріѣзжаетъ на Русь Петрой королевичъ [2]). Вся земля представляется воинственной и грозной; притомъ король ея смотритъ высокомѣрно на Русь и соглашается съ трудомъ на бракъ своей дочери съ Владиміромъ. Такія отношенія между Русью и Польшей дѣйствительно существовали въ XI вѣкѣ, когда Польша первыхъ королей, гордая своимъ католичествомъ и королевскимъ титуломъ, вторгалась нѣсколько разъ на Русь и при случаѣ относилась къ русскимъ, какъ къ своимъ васаламъ. Но эти гордыя притязанія не всегда соотвѣтствовали дѣйствительной силѣ двухъ земель. Владиміръ нѣсколько разъ побѣждалъ поляковъ, за походомъ Болеслава I послѣдовалъ страшный разгромъ ляшской земли при Ярославѣ, за торжествомъ Болеслава II—побѣда галицкихъ ростиславичей. И въ пѣснѣ гордый король хороброй Литвы вскорѣ долженъ смириться передъ силой кіевскихъ богатырей. Но пѣсни кромѣ того представляютъ эту землю языческой, введенныя въ ошибку язычествомъ дѣйствительной Литвы. Дунай, служившій нѣсколько лѣтъ въ Литвѣ, знаетъ тамошніе порядки, и потому, входя въ королевскую гридню, не крестится и не молится [3]).

Король ляховицкій большею частью не носитъ имени. Только Кирша Даниловъ называетъ его Еммануйломъ. Это имя, конечно, образовалось изъ польскаго титула гетманъ. Окончаніе *уйло* напоминаетъ литовскія имена: Ягайло, Свитригайло и др.

Связь Руси и Литвы заключается въ бракѣ Владиміра съ Опрак-

---

[1]) Рыбн. I, 37, 38.
[2]) Рыбн. I, 72.
[3]) Рыбн. I, 30.

Digitized by Google

сой, дочерью ляховицкаго короля. Дунай Ивановичъ, бродячій богатырь, типъ служилаго человѣка, переходящаго отъ одного князя къ другому, ходя изъ земли въ землю, заходитъ къ королю въ Литву и служитъ тамъ. У него заводятся любовныя дѣла съ королевской дочерью Настасьей, или вѣрнѣе Нѣпрой; король хочетъ его казнить, но Нѣпра спасаетъ его и даетъ возможность уйти изъ Литвы [1]). Нѣпрой эту королевичну называетъ только одинъ варіантъ [2]), но очевидно, что это ея древнее имя, ибо кто же и могъ считаться женой Дуная, какъ не рѣка Нѣпра.

Дунай приходитъ въ Кіевъ. Владиміръ, по совѣту бояръ, призываетъ его къ себѣ и распрашиваетъ, какъ бывалаго человѣка, гдѣ бы ему посватать невѣсту. Дунай рекомендуетъ ему Опраксу, младшую сестру Нѣпры, а о Нѣпрѣ говоритъ, что она Владиміру не годится: она де мало при домѣ живетъ, больше ѣздитъ въ чистое поле поляковать. Нѣпра, выходитъ,—поляница удалая, валькирія. Опракса, напротивъ того, воспитана въ теремѣ. Владиміръ, плѣненный красотой Опраксы, описанной ему Дунаемъ, посылаетъ его свататься и даетъ ему въ товарищи Добрыню. Король, увидавъ Дуная, приходитъ въ страшный гнѣвъ, но тотъ задаетъ ему такого страху, что онъ на все соглашается. Они везутъ Опраксу въ Кіевъ. Нѣпра, бывшая въ отлучкѣ, узнаетъ о похищеніи сестры и скачетъ въ погоню, не зная, кто похитители. Она вступаетъ въ бой съ Дунаемъ, и Дунай, тоже не узнавъ ея, сбиваетъ ее съ коня. Дѣло объясняется, и она выходитъ за него замужъ. Но бракъ этотъ несчастенъ. Вскорѣ Дунай убиваетъ нечаянно жену, желая сбить стрѣлой яблоко съ ея головы (мотивъ, распространенный во многихъ эпосахъ), и съ отчаянья закалывается. Отъ крови ихъ протекаютъ Дунай и Днѣпръ. Древнѣйшіе стихійные боги вочеловѣчились и отнесены къ исторической эпохѣ.

Нѣпра была беременна во время ея смерти. Дунай достаетъ ребенка изъ ея утробы. Большею частью, ребенокъ оказывается мертвымъ. Но въ варіантѣ Кирши онъ живъ и мгновенно выростаетъ. «Зачѣмъ ты мнѣ не далъ досидѣть, говоритъ онъ отцу: я бы вышелъ въ семь разъ удалѣе тебя». Сынъ Дуная и Нѣпры долженъ быть тоже рѣкой. Какую же рѣку при этомъ разумѣли былины?.. Ужь не Донъ ли, который по корню имени сходенъ съ Дунаемъ и

---

[1]) Кирѣев. III, стр. 59.
[2]) Рыбн. I, 32.

Digitized by Google

Днѣпромъ, сдѣлался народу извѣстенъ много позднѣе и меньше ихъ обоихъ? Или, можетъ быть, Днѣстръ?.. Въ одномъ варіантѣ самъ Дунай называется Дономъ [1]). Впрочемъ, имя Дунай придавалось встарину и этому послѣднему.

Опракса живетъ долго, но память о ней дурная. Она развратна и коварна, но, не смотря на это, сохраняетъ любовь своего мужа. Вспомнимъ Артура и Жиневру. Вѣроятно, въ основаніи преданій о ней лежитъ память о которой нибудь изъ двухъ чехинъ—женъ Владиміра. Онъ и добылъ-то ихъ, вѣроятно, въ польскихъ походахъ.

Отношенія Литвы къ Руси дѣлаются, вслѣдствіе этого брака, дружественны. Кирша Даниловъ расказываетъ, что Владиміръ посылалъ Добрыню очистить тестю Еммануйлу дороги отъ разныхъ враждебныхъ народовъ. И Ярославъ, сынъ Владиміра, очищалъ такимъ образомъ польское королевство для короля Казимира, мужа своей сестры.

Нѣпра всегда считается сестрой Опраксѣ, но почему одинъ варіантъ называетъ ее Збродовишной? Братья Збродовичи извѣстны въ былинахъ, хотя и не вполнѣ. Они сопутствуютъ другимъ богатырямъ, но отдѣльныхъ дѣлъ не совершаютъ. Число ихъ неопредѣленно: иногда 7, иногда 2. Двумя они являются въ единственной пѣснѣ, спеціально имъ посвященной [2]).

Дѣло въ томъ, что Алеша Поповичъ соблазнилъ сестру Збродовичей, Настасью, а потомъ хвастаетъ этимъ. По одному варіанту дѣло кончается свадьбой, по другимъ—братья убиваютъ сестру за безчестье роду.

Слово Збродовичи объясняютъ обыкновенно словомъ збродъ. Подъ этимъ именемъ, говорятъ намъ, эпосъ хотѣлъ изобразить намъ сбродныхъ богатырей, пришедшихъ Богъ вѣсть откуда. Но эти богатыри—братья и, значитъ, всѣ изъ одной мѣстности. Притомъ такія аллегоріи не совсѣмъ въ духѣ древности. Если пѣсня называетъ богатырей Збродовичами, то ясно, что, по ея мнѣнію, отецъ ихъ назывался Збродъ и былъ дѣйствительнымъ лицемъ.

Но могло ли существовать имя собственное Збродъ?—Врядъ ли. Зато было имя Збирадъ. И встрѣчается оно, какъ и всѣ имена, съ корнемъ *збы* преимущественно у поляковъ, на примѣръ: Збигневъ, Збиславъ, Збилютъ и др.

) Рыбн. I, 32.

[2]) Кирѣев. II, стр. 67.

Digitized by Google

Есть у насъ еще пѣсня о двухъ братьяхъ Петроичахъ[1]). Они—королевичи, а родомъ изъ Кракова. Одинъ въ дѣтствѣ плѣненъ татарами. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ ищетъ подвиговъ и нападаетъ на Кіевъ. Тамъ онъ встрѣчается съ своимъ братомъ, который держитъ сторону русскихъ. Тотъ побѣждаетъ его въ единоборствѣ и хочетъ убить, но дѣло объясняется, и оба ѣдутъ въ Краковъ къ матери.

Нѣтъ ли связи между всѣми этими именами? Нѣпра и Опракса—дочери польскаго короля. Нѣпра называется Збродовишной, отецъ ея король, выходитъ, назывался Збирадъ. Братья Збродовичи и братья Петроичи нѣсколько напоминаютъ другъ друга поименно. Збродовичи—дѣти Збирада, Петроичи—дѣти краковскаго короля. Одинъ изъ Петроичей—Петрой, другой—Лука. Похоже, что первоначальное отчество забылось и произведено отъ имени собственнаго одного изъ героевъ. Оно очень могло встарину быть то же самое, что у Збродовичей. Намъ кажется, что первые пѣвцы представляли дѣло такъ, что Збродовичи, братья Опраксы, впослѣдствіи оставили Краковъ для Кіева и привезли съ собой еще сестру. Впрочемъ, при настоящемъ количествѣ матеріаловъ, дѣло все-таки сомнительно. Но для окончательнаго рѣшенія его достаточно было бы одного слова.

Вообще всѣ эти западные герои и героини, Нѣпра, Опракса, самъ Дунай (и этотъ типъ болѣе западный), Петроичи и Збродовичи, всѣ имѣютъ одинъ отпечатокъ—польскій и такъ сказать женственный. Главная роль между ними принадлежитъ женщинамъ. Дунай, хотя и сильный богатырь, представляетъ тоже что-то стихійное, неопредѣленное, текучее. Петроичи и Збродовичи почти безличны. Это племя играетъ въ нашемъ эпосѣ роль въ родѣ той, какую въ Эддѣ занимаютъ блестящіе, мягкіе, но неустойчивые Ваны, въ противуположность суровымъ и крѣпкимъ Азамъ. Ваны—существа морскія, водяныя, какъ и наши Дунай и Нѣпра. Вмѣсто Опраксы является Фрея, такая же прекрасная, но развратная. Можетъ быть, наши миѳическіе типы, изъ которыхъ впослѣдствіи выродились эпическіе, и подверглись встарину нѣкоторому вліянію богатой германской миѳологіи. Германцы хозяйничали въ древней Руси не одно столѣтіе. Сначала готы, потомъ варяги. Но, можетъ быть, тутъ сходство первоначальное.

Кромѣ земли ляховицкой, на западѣ лежитъ земля латинская.

---

[1]) Рыбн. I, 72.

Digitized by Google

О ней мало извѣстно. Въ нее посылаютъ покупать богатырскихъ коней, величаемыхъ латинскими. А это вѣрно дѣйствительности. Азіатскіе степные кони были не довольно сильны, чтобы выдерживать желѣзное вооруженіе. Силачи и исполины должны были ѣздить на западныхъ коняхъ, огромныхъ и раскормленныхъ, отъ которыхъ требовалась почти одна сила.

Еще далѣе на югъ лежитъ Царьградъ, священный городъ, метрополія и средоточіе православія. Царь носитъ историческое имя Константина; отчество Боголюбовичъ указываетъ на его православіе. Отношенія Руси къ этому городу сыновнія и почтительныя. Симпатіи къ нему русскихъ еще болѣе усиливаются отъ того, что и Русь и Царьградъ пьютъ одну и ту же горькую чашу отъ варваровъ, враговъ христіанства. Но Русь еще не такъ отъ нихъ страдаетъ, отбиваясь довольно успѣшно; Царьградъ же однажды совершенно впадаетъ во власть темной силы. Тамъ воцаряется поганое идолище, представитель язычества и магометанства, которыя сливались во-едино въ воображеніи нашихъ предковъ. Онъ насильничаетъ, грабитъ казну и церкви, ругается надъ иконами, жретъ въ несмѣтномъ количествѣ быковъ и коровъ вторгается даже въ семейную жизнь царя, котораго до времени терпитъ еще на престолѣ:

«И сидитъ онъ идолъ въ новомъ теремѣ,
Промежду царя и царицы;
Не даетъ царю съ царицей думу подумати.»

Нѣжная и высокая черта въ послѣднемъ стихѣ. Главная цѣль брака полагается въ томъ, чтобы человѣку «было съ кѣмъ думу подумати».

Но вотъ идетъ помощь. Въ Цареградѣ является русскій паломникъ. Онъ становится подъ царскимъ окномъ и кричитъ громкимъ голосомъ, прося милостыни. А просить милостыню строго запрещено идоломъ. Онъ преслѣдуетъ ее, какъ сущность христіанства. Отъ громкаго голоса калики дрожитъ теремъ, столы качаются, питья проливаются, страхъ беретъ самого идола, а царь, напротивъ того, возрадовался и говоритъ таковы слова:

«Не красное солнце пораспекло,
Не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ поразсвѣтилъ,
Показался во Цареградѣ
Старый казакъ Илья Муромецъ....»

Digitized by Google

Онъ узналъ богатырскій голосъ; онъ знаетъ, что это идетъ поборникъ Руси на помощь старшимъ братьямъ.

Идолъ упрекаетъ царя за то, что онъ позволяетъ шляться нищимъ, но изъ любопытства зоветъ въ теремъ «русскаго горлана». Тотъ входитъ и черезъ нѣсколько минутъ идолъ и его воинство лежатъ мертвые.

Въ этихъ пѣсняхъ главнымъ образомъ сказалось исконное, вѣчное убѣжденіе русскаго народа, общее не одному ему, но всѣмъ его братьямъ по языку или по вѣрѣ, что рано или поздно Россія нанесетъ смертельный ударъ врагу христіанства и въ то же время свѣтлаго племени дажбогова, то есть арійскаго, и сокрушитъ послѣднюю и главную голову туранскаго змѣя. Народъ думалъ, что чаемое ужь исполнилось однажды, и тѣмъ болѣе надѣялся на будущій успѣхъ. Но случалось русскимъ оказывать и дѣйствительную помощь грекамъ. Не мало русскихъ служило въ ихъ войскѣ; Владиміръ нѣсколько разъ помогалъ кесарямъ въ бѣдѣ.

Однако на самомъ дѣлѣ и съ Цареградомъ приходилось иногда ссориться. До крещенія Руси, войны бывали не рѣдко. Самъ Владиміръ добылъ себѣ крещеніе оружіемъ. Потомъ были еще двѣ войны, если не болѣе; и замѣчательно, что оба воевавшіе князья назывались тоже Владимірами: Владиміръ Ярославичъ и Владиміръ Мономахъ. Смутное воспоминаніе объ этихъ дѣлахъ сохранилось въ старинномъ полупрозаическомъ сказаніи, найденномъ въ рукописи XVII вѣка [1]). По этому расказу, царь греческій собирается войной на Кіевъ. Владиміръ сообщаетъ объ этомъ богатырямъ и велитъ имъ никуда не отлучаться изъ Кіева. Тѣ, напротивъ того, просятся въ поле за вѣстями и, получивъ отказъ, уѣзжаютъ безъ позволенія. На дорогѣ они встрѣчаются съ паломниками, получаютъ отъ нихъ свѣдѣнія, мѣняются съ ними платьями и, подъ видомъ каликъ, отправляются въ Царьградъ. Тамъ они внезапно хватаютъ лошадей греческихъ витязей и уѣзжаютъ. Греческіе богатыри гонятся за ними, но побиты, а двое изъ нихъ взяты въ плѣнъ. Но и тутъ замѣтна особая мягкость отношеній. Русскіе возвращаются съ торжествомъ въ Царьградъ и привозятъ обоихъ плѣнныхъ. Все имъ покоряется, но они ничего не требуютъ, даже отпускаютъ одного изъ плѣнныхъ, а другаго берутъ въ Кіевъ только для того, что иначе имъ «не чѣмъ челомъ ударить князю»,

---

[1]) Кирѣев. IV, стр. 23.

Digitized by Google

обѣщаясь потомъ отпустить и его, что и исполняютъ. Пѣвцы видимо недоумѣвали при видѣ такого междоусобія, и потому путаются въ расказѣ. Плѣнные богатыри носятъ варварскія имена—идола и Тугарина, такъ что хотя этимъ оправдываются поступки богатырей. Весь этотъ расказъ, впрочемъ, очень поздней редакціи.

Одна изъ пѣсенъ объ Ильѣ расказываетъ, что онъ послѣ подвига забрелъ въ Царьградъ и тамъ, разгулявшись, разломалъ царскій погребъ, самъ напился и перепоилъ всѣхъ цареградскихъ пьяницъ. Весь этотъ расказъ носитъ на себѣ очень наивный характеръ. Илья находитъ, что онъ—свой человѣкъ въ Цареградѣ и что ему тамъ особенно церемониться нечего. Уходя изъ города, онъ идетъ мимо царской палаты и кричитъ добродушно царю:

«Батюшко царь Константинъ Боголюбовичъ!
Ты ищи казну за мной Ильей Муромцемъ.
Приходилъ я на славу великую
Пить бездепежно зелено вино...» [1]).

Илья знаетъ, что сочтется еще не разъ съ царемъ.

Остаются теперь югъ и востокъ. Они населены кочевниками; всѣ они подѣлены на орды; ордъ этихъ много, но имена ихъ сливаются, какъ сливались и самыя племена. Есть орда задонская, есть золотая, есть темная орда. Однажды упоминается о богатырѣ жидовинѣ, то есть, какъ объясняютъ, козаринѣ. Этотъ богатырь, по другимъ пѣснямъ, есть сынъ Ильи, внукъ короля задонскаго. Козары дѣйствительно жили за Дономъ. Всѣ эти орды воюютъ съ Россіей. Война идетъ съ перемѣннымъ успѣхомъ: то Владиміръ беретъ дань съ разныхъ царей, Налетовъ и Бухарей, то самъ подвергается опасности отъ другихъ хановъ посильнѣе—отъ Калиновъ и Батыевъ. Эти не разъ приходятъ подъ самый Кіевъ, но въ концѣ концевъ побѣждаются.

Столицей Батыя называется Астрахань. Наконецъ далеко на краю свѣта есть король Бутеянъ Бутеяновичъ. Пѣсни говорятъ, что онъ когда-то наложилъ дань на Владиміра, когда—не извѣстно. Король этотъ живетъ такъ далеко, что можно было бы и прекратить платежъ, но Владиміръ, напротивъ того, хвастаетъ вѣрностью данному слову и посылаетъ туда богатырей съ данью за 12 лѣтъ. Дань впрочемъ чисто почетная: 12 лебедей и 12 кречетовъ. Богатыри пріѣзжаютъ къ Бутеяну только черезъ 6 лѣтъ, а ѣдутъ назадъ тоже 6,—такъ и расчитана дань. Король пробуетъ

[1]) Рыбн. III, 16.

Digitized by Google

силу богатырей, наконецъ заставляетъ ихъ драться со всѣм его воинами. Но русскіе витязи производятъ такое побоище, что король насилу ихъ можетъ унять и долженъ простить дань и обязаться самъ платить такую же. И такимъ образомъ честь Руси возставлена [1]).

Изъ именъ этихъ варварскихъ царей мы встрѣчали много историческихъ. Древнѣйшіе—это змѣй Тугаринъ, то есть Тугоръ, ханъ половецкій, страшно разорявшій Россію въ концѣ XI вѣка, и Шаркъ великанъ, Шару-ханъ, жившій около того же времени, тоже половецкій князь. Эти молодцы дѣйствуютъ съ небольшими отрядами или даже одни, грабятъ Русь и наконецъ погибаютъ. Тугаринъ забирается даже въ Кіевъ, навязавшись в гости къ Владиміру, заводитъ связи съ Опраксой, объѣдаетъ князя и наконецъ убитъ Алешей Поповичемъ. Историческій Тугорхан точно былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Кіевомъ. Послѣ того, какъ онъ ограбилъ до чиста кіевскую и смежныя земли, великій князь Святополкъ II долженъ былъ просить у него постыдного мира и руки его дочери. Но и это не помогло. Тесть не унялся и былъ наконецъ убитъ въ битвѣ съ кіевлянами. Связи Святополка съ половецкой поганью, конечно, порицались многими русскими, и отголоски этихъ событій зашли въ эпосъ.

Болѣе сильными представляются цари, носящіе чисто татарскія имена: Батый, Сартакъ, Лоньшакъ, Мамай и другіе. Эти приходятъ съ несмѣтными полчищами. Ужасъ ихъ нашествій живо описанъ въ былинахъ. Такъ и вспоминалось лѣтописное описаніе взятія Кіева татарами. Особенно сильно это мѣсто у Кирши Данилова. Но оно не разъ цитировалась, почему мы его и не приводимъ.

Первоначальный эпосъ, разумѣется, зналъ только печенѣговъ, козаръ и тому подобныхъ; позднѣе они смѣнились половцами, наконецъ всѣ кочевники слились въ одно страшное имя татаръ.

Описанія осады Кіева, большею частью, сложились уже послѣ нашествія послѣднихъ. Но бывали случаи, что Кіевъ осаждался и печенѣгами. Разъ дѣло случилось при Ольгѣ; при Ярославѣ печенѣги приходили дважды подъ Кіевъ. Во второе нападеніе они вломились было въ городъ и были отражены только послѣ отчаянной битвы, продолжавшейся цѣлый день. Никоновская лѣтопись относитъ подобный случай и ко времени самого Владиміра, при чемъ дѣйствуетъ богатырь Александръ Поповичъ.

Изъ морей, русскія былины знаютъ Варяжское, какъ мы уже

[1]) Рыбн. I, 27.

Digitized by Google

упоминали. Оно же иногда называется Волынскимъ, по имени острова Волина, съ богатымъ торговымъ городомъ того же имени. Другое море было Черное, служившее торговымъ путемъ въ Царьградъ къ царю заморскому. Изъ него суда поднимались по Днѣпру. Далѣе Цареграда полагается земля веденецкая (венеціанская). Въ Словѣ о полку Игоревомъ венеціанцы именуются венедици. Тамъ былъ островъ Кодольской (канатный), откуда пріѣзжали купцы. Однимъ изъ нихъ былъ Соловей Будимировичъ, удивившій Кіевъ своимъ богатствомъ и женившійся на Запавѣ, племянницѣ Владиміра. Кирша выводитъ Соловья изъ города Веденца. Это имя объясняли изъ миѳическихъ преданій, но, кажется, это просто искаженіе слова венедицы. Пѣсни путаютъ два торговыхъ моря, такъ что Соловей часто ѣдетъ и по морю Варяжскому, или Волынскому. Вѣроятно, древнѣйшіе пѣвцы и выводили его изъ Волина, такъ какъ имя его славянское и былинамъ приличнѣе было избрать такого богатаго купца—изъ своихъ, чѣмъ изъ чужихъ.

Третье море, извѣстное нашимъ предкамъ (мы не считаемъ сѣвернаго Ледовитаго или вообще окіянъ-моря, о которомъ кіевскія былины не много знаютъ,—новгородскія напротивъ), было Хвалынское или Каспійское. Тамъ ѣздилъ Илья съ другими богатырями на Соколѣ кораблѣ и билъ непріятельскія суда. Имя Сокола ставятъ въ связь съ похожденіями Стеньки Разина, корабль котораго тоже звался Соколъ. Но, вѣроятно, и Стенька выбралъ это имя только по тому, что соколъ былъ древнее поэтическое названіе сказочныхъ кораблей. Начало же пѣсни о плаваньи Муромца берутъ отъ опустошительныхъ набѣговъ русскихъ на каспійскіе берега въ IX и X столѣтіяхъ. Былъ, говорятъ восточные писатели, такой набѣгъ и въ XII столѣтіи, но тамъ русскіе дѣйствовали не одни, а въ союзѣ со многими народами. Вообще въ нашихъ лѣтописяхъ описаны далеко не всѣ похожденія удалыхъ князей. Такъ, на примѣръ, мы знаемъ, что знаменитый Всеволодъ Курскій ходилъ въ самую Грузію, а въ нашихъ извѣстіяхъ объ этомъ ни слова. Но зато въ нихъ говорится о походахъ на ясовъ, а ясы жили у Каспійскаго моря.

Одинъ пѣвецъ расказывалъ, что Илья, уплывъ въ море на Соколѣ, подвергся нападенію какого-то сизаго орла и потомъ исчезъ безъ вѣсти. Изъ каспійскихъ походовъ русскихъ тоже мало кто возвратился. Всѣ они кончились несчастливо.

Н. Кашинъ-Самаринъ.

Digitized by Google

ЧЬЯ ПРАВДА?

драма въ 5 дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прасковья Александровна Айдарова, вдова.
Александръ Сергѣевичъ
Вѣра Сергѣевна. } ея дѣти.
Лили.
Марья Ивановна Дергачева, воспитанная въ семействѣ Айдаровыхъ.
Илья Александровичъ Сотниковъ, братъ Айдаровой.
Княжна Татьяна Николаевна Мурзина, сирота, дальняя родственница Сотникова по женѣ.

Хорошо убранная комната. Двери по сторонамъ и по серединѣ. Налѣво отъ зрителей круглый столъ съ чайнымъ приборомъ. Направо, у аванъ-сцены, окно и около него мольбертъ съ начатымъ пейзажемъ. На полу ящикъ съ красками и на немъ палитра. Столикъ. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Ивановна входитъ въ боковую дверь, подходитъ къ камину и смотритъ на часы, потомъ къ окну, наконецъ къ чайному столу. Изъ другой двери выходитъ Александръ Сергѣевичъ, осматривается, подходитъ къ Марьѣ Ивановнѣ, здоровается и цѣлуетъ у нея руку.

Айдаровъ.

Наконецъ-то удалось повидаться съ вами наединѣ! Давно я жду—не дождусь этой радости. Какъ бы я рано ни всталъ. Вѣра, тутъ какъ тутъ, сидитъ за своимъ мольбертомъ.

Digitized by Google

Марья Ивановна.

Вѣра Сергѣевна очень рано стала вставать. Она торопится кончить свою картину къ выставкѣ, а дни такіе короткіе.

Айдаровъ.

Богъ съ ней и съ ея мазней. Но мнѣ кажется, что вы сами стали.... какъ бы нарочно избѣгать встрѣчи со мной.

Марья Ивановна.

Вамъ такъ кажется?... Вы не ошибаетесь.

Айдаровъ (съ укоризной).

Маша! что же это значитъ?

Марья Ивановна.

Ничего (помолчавъ)... Къ чему намъ встрѣчаться?

Айдаровъ.

Какъ къ чему? Маша! я васъ не понимаю.... За что это? Развѣ не все по-старому?

Марья Ивановна (съ ироніей).

По-старому все. Все по-старому! Чему же мѣняться? И какъ *давно* все по-старому....

Айдаровъ.

А, вотъ что!... Упрекъ. Полно, Маша! Вѣдь я самъ страдаю отъ нашего положенія. Наболѣла у меня душа. Я, кажется, на все готовъ бы....

Марья Ивановна (быстро перебивая).

Нѣтъ! Вотъ это уже неправда. Вашимъ страданіямъ я еще вѣрю, пожалуй, но въ вашу готовность хоть что нибудь сдѣлать я перестала вѣрить.

Айдаровъ.

Маша! да развѣ вы не знаете....

Марья Ивановна (сначала горячо, потомъ запальчиво).

Я знаю, что отъ васъ зависитъ все разомъ кончить, и что вы не хотите,—нѣтъ, *не можете*, рѣшиться! Я знаю, что мы оба страдаемъ совершенно даромъ, совершенно напрасно, по вашей доброй волѣ. Я знаю, что мнѣ не было шестнадцати лѣтъ, когда вы въ первый разъ сказали мнѣ, что любите меня, а что

Digitized by Google

теперь мнѣ двадцать два года.... Я знаю, что все это время я молчала и ждала, и оставалась здѣсь, въ вашей семьѣ, гдѣ, со смерти вашего отца и съ тѣхъ поръ, какъ Лида вышла замужъ, мной никто не дорожитъ; гдѣ всякій, кто сознательно, кто безсознательно, оскорбляетъ и унижаетъ меня на каждомъ шагу!... Вотъ что я знаю, да и вамъ пора бы знать!

Айдаровъ.

Маша! что съ вами? Грѣхъ вамъ такъ говорить со мной. Я васъ такъ люблю, а вы....

Марья Ивановна.

Да что проку въ вашей любви?

Айдаровъ.

Будетъ прокъ. Мы молоды; у насъ вся жизнь впереди. Есть же, наконецъ, надежда на счастье, когда нибудь, скоро, быть можетъ....

Марья Ивановна.

Опять!... Все то же!... Нѣтъ, Александръ Сергѣевичъ, къ чему обманывать себя и меня?... Какая надежда! Пока она была,—и терпѣніе было. Но теперь и надежда, и терпѣніе пропали. Всему, вѣдь, мѣра есть.

Айдаровъ.

Вы правы, во всемъ правы,—я заслужилъ ваши упреки. Самъ знаю. Но все-таки, не смотря на то, не отнимайте у меня вашей любви. Вспомните, Маша,—въ ней единственная свѣтлая сторона моей невеселой, вѣдь, жизни.

Марья Ивановна.

Рада бы отнять, да въ томъ-то и бѣда моя, что не могу.

Айдаровъ.

Маша моя....

Марья Ивановна.

И что за мученье любить человѣка безъ силы, безъ воли!... Только не хочу я болѣе такъ мучить себя.... Пора покончить съ этимъ. Я рѣшилась не оставаться долѣе здѣсь. Лучше намъ разойтись въ разныя стороны.... Я уйду.

Айдаровъ.

Уйдете?... Куда уйдете?

Digitized by Google

Марья Ивановна.

Мѣсто возьму.... гувернантки, разумѣется.... Куда же еще?

Айдаровъ.

Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого.... Маша, вы пожалѣете меня.... Вы не отнимете у меня послѣднихъ крохъ моего счастья—жить съ вами въ одномъ домѣ, видать васъ ежедневно. Развѣ я могу потерять васъ?... Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе я рѣшусь.... Скажите, присовѣтуйте, что мнѣ дѣлать!

Марья Ивановна (холодно).

Ничего, разумѣется... Оставаться покорнымъ сыномъ и жениться на княжнѣ Мурзиной.

Айдаровъ.

Что?... Что вы сказали?

Марья Ивановна.

Какъ это васъ поражаетъ! Словно новость нежданную я вамъ сообщаю.

Айдаровъ.

Для меня, по крайней мѣрѣ, это—новость нежданная.

Марья Ивановна.

Полноте, Александръ Сергѣичъ. Не только всѣ ваши домашніе, вѣдь ужь и прислуга-то вся знаетъ и толкуетъ про то. Правда, еще мѣсяца нѣтъ, что княжна живетъ у насъ, но ей уже успѣли вскружить голову вами, натолковать, что вы влюблены въ нее,—ну, и она въ васъ влюбилась; и все это отлично, все идетъ какъ по заказу, и черезъ мѣсяцъ, другой—вы будете обвѣнчаны.

Айдаровъ.

Этого быть не можетъ! Вы ошибаетесь....

Марья Ивановна.

Такъ вы въ самомъ дѣлѣ ничего не знали? Ничего не замѣчали? О, да какой же вы ребенокъ послѣ этого! Какъ легко было замѣтить, а догадаться еще легче. Развѣ вы не знаете, что княжна богата,—очень, говорятъ, богата, и что вы разорены теперь уже окончательно?

Айдаровъ.

Это все такъ, но....

Марья Ивановна.

Развѣ Прасковья Александровна не говорила вамъ тысячу

Digitized by Google

разъ, что вы должны, для поправленія семейныхъ обстоятельствъ, жениться на деньгахъ?

Айдаровъ.

Но она говорила такъ, вообще, никогда никого не называя: у нея никого не было въ виду.

Марья Ивановна.

Ну, такъ теперь есть. Она назоветъ и скажетъ,—нѣтъ, *прикажетъ* вамъ жениться, и вы женитесь.

Айдаровъ.

Это невозможно! Помилуйте, я такъ мало знаю княжну, да и она меня.... Она сама не захочетъ....

Марья Ивановна.

Да я же вамъ говорю, что она въ васъ влюблена.

Айдаровъ.

Но я этому не вѣрю. Этого быть не можетъ...

Марья Ивановна.

Почему не можетъ? Развѣ вы не знаете, что вообще нравитесь женщинамъ? Да и полюбить васъ не мудрено (помолчавъ).... Что же касается этой только-что выпущенной институтки, подумайте, вы первый, съ кѣмъ ей пришлось хоть сколько нибудь сблизиться, въ васъ она полюбила, быть можетъ, первый проблескъ любви.... Какъ бы то ни было, повѣрьте мнѣ, я наблюдательница хорошая, Александръ Сергѣичъ,—съ ея стороны вамъ нечего *опасаться* отказа.

Айдаровъ.

Боже мой! Еще этого не доставало!... Что же мнѣ теперь дѣлать? Маша, помогите, присовѣтуйте, что мнѣ дѣлать. (Марья Ивановна молчитъ.) Да что я спрашиваю?.. Развѣ я самъ не знаю? Развѣ я не упрекаю себя постоянно въ непростительной слабости и нерѣшительности?... Вы правы. Да, я обманывалъ и васъ, и себя. Чего я ждалъ? Къ чему томилъ васъ столько лѣтъ? Вѣдь я зналъ, что у меня ни сегодня, ни завтра, никогда—духу не хватитъ высказаться передъ матерью. Вотъ результатъ моего несчастнаго воспитанія, моего несчастнаго дѣтства. Больно и стыдно сознаться въ томъ, но изъ меня сдѣлали жалкаго получеловѣка. Я все еще дрожу передъ матерью, какъ дрожалъ передъ ней ребенкомъ; я все еще безъ воли, безъ голосу, въ ея

Digitized by Google

присутствіи!.. (помолчавъ.) Неужель и теперь, когда настала рѣшительная минута, когда меня ставятъ въ такое положеніе, что я долженъ пожертвовать собой и вами, или, наконецъ, возстать противъ этого гнета, — неужели и теперь я не смогу рѣшиться? (въ волненіи ходитъ по сценѣ)... Нѣтъ, пора, пора кончить, пора перестать презирать себя! Борьба будетъ тяжела, конечно.... но она стала неизбѣжна.... Я приготовлюсь къ ней.... На дняхъ.... нѣтъ, къ чему откладывать,—чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше,— сегодня же я все скажу матери, и будь, что будетъ (останавливается).... я настою на своемъ. Я вамъ это обѣщаю.... Маша! что за недобрая усмѣшка на вашемъ лицѣ... Вы мнѣ не вѣрите?

Марья Ивановна.

Не вѣрю, Александръ Сергѣичъ.

Айдаровъ.

Вы безпощадны!.. Но вы имѣете на это полное право. Только я заставлю васъ повѣрить. Сегодня же....

Марья Ивановна (быстро перебивая).

Вы окончательно отречетесь отъ меня!

Айдаровъ.

Полно, Маша! Довольно горечи, довольно упрековъ!... Лучше протяните мнѣ руку, скажите мнѣ доброе, ласковое слово. Поддержите меня,—вы однѣ это можете.

Марья Ивановна (съ порывомъ чувства).

Александръ, простите меня! Я вамъ вѣрю. Вотъ вамъ моя рука.... Вѣдь я не помнила себя отъ горя и мученій... О, этотъ мѣсяцъ!... Еслибы вы знали, чѣмъ онъ былъ для меня!... Съ перваго же дня все угадать, все видѣть, все слышать!... Чувствовать, какъ вырываютъ изъ сердца послѣднюю надежду на счастье—и напрасно ждать отъ васъ хоть бы слова успокоенія, поддержки!... Я была твердо увѣрена, что вамъ все извѣстно, а вы такъ упорно молчали! За то теперь.... знаете ли что, Александръ? Хотите, я сама пойду и все открою вашей матери?... Мнѣ нисколько не страшно. Прежде было одно обстоятельство, которое не позволяло мнѣ самой говорить за себя. Меня пугала огромная разница въ нашемъ положеніи. Бѣдной дочери вольноотпущеннаго управляющаго непремѣнно бросили бы въ лицо упрекъ, что она изъ корыстныхъ, низкихъ цѣлей завлекла сы-

Digitized by Google

на своихъ богатыхъ, знатныхъ благодѣтелей. И признаюсь, я боялась, что и въ васъ могли вселить эту мысль.... Теперь, слава Богу, вы такъ же бѣдны, какъ и я. Намъ придется общими силами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, а въ трудовой, суровой обстановкѣ ваше имя скорѣй помѣха, чѣмъ преимущество. Стало быть, никто не посмѣетъ замарать мои чувства къ вамъ. Вотъ что снимаетъ съ меня обязанность молчать. Итакъ, еще разъ, скажите *да,* и я сама, я одна....

Айдаровъ.

Нѣтъ, я этого не могу допустить. Ужь это было бы слишкомъ малодушно... и все-таки безполезно.

Марья Ивановна.

Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, мы вмѣстѣ выдержимъ угрозу. (улыбаясь) Помните, какъ въ дѣтствѣ бывало?

Айдаровъ.

Вы все еще сомнѣваетесь во мнѣ?

Марья Ивановна.

Нѣтъ; но я хочу заодно съ вами отстоять наше счастье. Вы сказали, что сегодня переговорите съ Прасковьей Александровной. Условимтесь же теперь, въ какое время; вѣдь мы уже больше не увидимся наединѣ.

Айдаровъ (нерѣшительно).

Я думаю, всего удобнѣе вечеромъ, когда всѣ разойдутся.

Марья Ивановна.

Хорошо. Такъ сегодня вечеромъ. (робко и умоляющимъ голосомъ) Вы будете тверды... не правда ли? Подумайте, этой одной тяжелой, невыносимой минутой мы купимъ покой и счастье на всю жизнь... (Вѣра Сергѣевна входитъ безъ шума и останавливается въ дверяхъ. Марья Ивановна видитъ ее и внезапно мѣняетъ тонъ.) Сегодня ничуть не теплѣе вчерашняго; я смотрѣла: было двадцать градусовъ на солнцѣ.

Александръ Сергѣевичъ съ удивленіемъ смотритъ на нее, оборачивается, видитъ сестру и подходитъ къ ней. Въ началѣ слѣдующей сцены онъ въ явномъ смущеніи, теряется, тогда какъ Марья Ивановна вполнѣ владѣетъ собой.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Вѣра Сергѣевна.

Айдаровъ.

Вѣра! Ты такъ тихо вошла... Ты... раньше обыкновеннаго сегодня...

Вѣра Сергѣевна.

То есть, позднѣе. Я проспала... У меня вчера голова болѣла. А жаль: день ясный, можно бы хорошо поработать (подходитъ къ мольберту и открываетъ картину).... А ты давно здѣсь?

Айдаровъ.

Нѣтъ, я только-что... Я тоже поздно всталъ, послѣ вчерашняго бала.

Вѣра Сергѣевна (многозначительно Марьѣ Ивановнѣ).

И *вы* только-что пришли?

Марья Ивановна (сначала смотритъ на каминные часы, потомъ отвѣчаетъ совершенно равнодушно).

Теперь десять минутъ одиннадцатаго, а я была уже здѣсь въ четверть...

Вѣра Сергѣевна (перебивая).

Довольно! Къ чему такой подробный отчетъ (садится и принимается писать)... Что же это самовара еще нѣтъ? Не успѣли велѣть подать, или забыли? (Марья Ивановна звонитъ. Входитъ лакей.)

Самоваръ!

Лакей уходитъ и возвращается съ самоваромъ. Марья Ивановна садится къ столу и завариваетъ чай. Александръ Сергѣевичъ сидитъ напротивъ нея.

Вѣра Сергѣевна (черезъ плечо).

Чаю мнѣ, скорѣй!

Марья Ивановна наливаетъ ей чашку, несетъ и ставитъ на столикъ около мольберта. Въ боковую дверь входитъ Сотниковъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Сотниковъ.

Сотниковъ (въ дверяхъ).

Только трое на лице? А я думалъ, что перещеголялъ сегодня самыхъ отчаянныхъ лежебоковъ и лѣнивцевъ. Здравствуйте! (здоровается со всѣми и садится къ столу.) Все мои проказы вчерашнія... Вѣдь я стариной тряхнулъ: танцовалъ... право...

Вѣра Сергѣевна.

Неужели, дядя?

Айдаровъ.

Да, и можно сказать, что дядюшка всѣхъ нашихъ кавалеровъ за поясъ заткнулъ.

Сотниковъ.

Ну это, братъ, не мудрено. Всего-то васъ два съ половиной человѣка танцуетъ. Э... эхъ вы, нынѣшніе!... Ну вотъ хоть бы ты, на примѣръ,—ну, къ чему ты на балы ѣздишь? Всего-то ты двѣ, три кадрили протанцовалъ вчера.

Айдаровъ.

Какой я танцоръ!... Я ѣзжу на балы не по своей охотѣ...

Сотниковъ.

Да и то сказать, балы-то нынѣшніе... Какъ это все измѣнилось, упало. Ну, хоть бы ужинъ вчерашній! (дѣлаетъ гримасу.)...

Айдаровъ.

Развѣ не хорошъ былъ?.. Я и не замѣтилъ.

Сотниковъ.

Ужина не замѣтилъ!.. Такъ послѣ этого вы и не стоите лучшаго. Нѣтъ, въ наше время не то было. Мы и поплясать охотники были, да зато и поужинать—мастера. Насъ не посмѣли бы такъ кормить...

Вѣра Сергѣевна.

Значитъ, балъ не удался?

Айдаровъ.

Нѣтъ, не то чтобы... Не хуже другихъ.

Сотниковъ.

Ну такъ хороши и другіе. По-моему, совершенно не удался. Оживленія никакого, вяло такъ все это... Да и не могло быть

Digitized by Google

иначе. Въ мое время ни одна хозяйка не допустила бы, чтобъ ея баломъ фрачникъ дирижировалъ,—ужь непремѣнно нашъ братъ, гвардеецъ. Зато любо было посмотрѣть. Бывало, къ мазуркѣ— у насъ уже все огнемъ горитъ. А теперь и мундировъ совсѣмъ не видать, развѣ что за карточными столами, на старикахъ.

Вѣра Сергѣевна (насмѣшливо).

Есть о чемъ тужить! Слава Богу, что нынѣшнее поколѣніе серьезнѣе стало; что всѣ эти балы, да ужины, да мундиры, да кутежи изъ моды выходятъ. Пора было за умъ взяться...

Сотниковъ.

Вотъ какъ, племянница... А мы-то чѣмъ же не хороши были? Развѣ отъ того, что молодость свою весело проживали, такъ что есть чѣмъ ее вспомянуть,—мы ни на что ужь и негодны вышли? Какъ бы не такъ!... Да вотъ хоть бы, на примѣръ, я самъ тоже не изъ послѣднихъ былъ кутилъ, а какъ пришла пора,—женился, остепенился, примѣрнымъ мужемъ, нѣжнымъ отцемъ сталъ, да и человѣкомъ не безполезнымъ. Дѣло дѣлаю, и себѣ и другимъ служу. И изъ насъ большинство такихъ вышло. Значитъ, мы уже себя показали.... (племяннику) А вотъ вы, серьезные люди, надежда отечества, молодые старики,—что-то еще изъ васъ будетъ!.. Да еще, пожалуй, если хорошенько разобрать причины вашего хваленаго благоразумія, такъ выйдетъ, что вы перестали кутить по тому, что не на что. Поразорились всѣ...

Айдаровъ.

Отъ того, что *вы* пожили.

Сотниковъ (многозначительно).

И отъ этого, и еще кой отъ чего. Но въ результатѣ: денегъ нѣтъ, кредитъ упалъ,—ну, и присмирѣли поневолѣ.

Вѣра Сергѣевна.

Духъ времени не тотъ! Теперь не только между молодежью, но и между нами, женщинами, не мало такихъ, что нашли себѣ занятія подѣльнѣй баловъ и выѣздовъ.

Сотниковъ.

Позволь узнать, ты это про себя что ли говоришь?.. Такъ, вѣдь, ужь тебѣ и пора. Наплясалась на своемъ вѣку,—будетъ. Нужно уступить мѣсто тѣмъ, кто помоложе.

Digitized by Google

Вѣра Сергѣевна (вспыхнувъ отъ досады).

Совсѣмъ не по тому!... Гораздо старше меня дѣвушки до сихъ поръ ни одного бала не пропускаютъ. Но у меня, слава Богу, другія цѣли, другія стремленія...

Входитъ Айдарова.

Сотниковъ.

А!.. Сама сестра, Прасковья Александровна!

Всѣ встаютъ, здороваются. Вѣра, Александръ и Марья Ивановна цѣлуютъ у Айдаровой руку.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Айдарова.

Айдарова.

Здравствуйте.

Сотниковъ.

Ну что, сестра, какъ можется?.. Не устала?

Айдарова.

Я привыкла. Третью дочь вывожу.

Входятъ Лили и Мурзина.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Лили и княжна Мурзина.

Лили (весело вбѣгаетъ и здоровается).

Что, мы удивили васъ?.. Послѣ бала и такъ рано!

Сотниковъ.

Ну, оно не совсѣмъ-таки рано.

Лили.

Какъ не рано, дядя? Да мы къ тому же всю ночь проболтали съ Таней,—только къ утру заснули.

Сотниковъ.

Вотъ это дѣло!.. Дня-то у васъ на это не хватаетъ, что ли?

Лили.

Ахъ, дядя, вы ничего не понимаете!.. Бальныя впечатлѣнія—что бальные цвѣты, къ утру ужь завяли.

Сотниковъ.

Ну что, Танюша, весело тебѣ было—а?

Digitized by Google

Мурзина.

Очень, дяденька.

Айдарова.

Еще бы!.. Первые разы!

Сотниковъ.

Да, особенно послѣ институтскихъ стѣнъ... Вамъ тамъ, въ институтѣ вашемъ, и не снилось о подобномъ счастьѣ?

Мурзина.

Напротивъ, дяденька, передъ выпускомъ часто снилось, такъ какъ мы только объ этомъ и мечтали, и говорили.

Лили.

Маша, дай намъ скорѣе чаю. Мы торопимся. Сестра Лида сейчасъ заѣдетъ за нами. И вотъ еще что (вынимаетъ изъ кармана кружевной платокъ): посмотрите, какъ мнѣ вчера отдѣлали мой point d'Alençon!... Подъ ноги попалъ. Почини мнѣ его, ты на это мастерица. На! (бросаетъ черезъ столъ платокъ Марьѣ Ивановнѣ.)

Айдарова.

Куда это вы съ Лидіей поѣдете?

Лили.

Ахъ, мама, это долго расказывать! Въ тысячу мѣстъ. Весь день проѣздимъ!..

Вѣра Сергѣевна.

Дѣльно проведенный день!..

Лили.

Что же! Наше время не драгоцѣнно, мы его можемъ убивать, какъ хотимъ. Не правда ли, Таня? (встаетъ и идетъ впередъ.) Мы съ тобой вѣдь не призваны (съ комической важностью) указать русскимъ женщинамъ новые великіе пути (подходитъ къ Вѣрѣ)... ни даже сдѣлаться русскими Каламами!

Вѣра Сергѣевна (ядовито).

Нѣтъ, конечно!

Лили (стоитъ за спиной сестры, смотритъ на ея работу съ маленькой гримаской).

А знаешь, Вѣра, мнѣ приходитъ въ голову счастливая мысль, за которую ты мнѣ должна быть благодарна... Вѣдь ты очень спѣшишь своей картиной?

Digitized by Google

Вѣра Сергѣевна.

Да. И поэтому дѣйствительно буду благодарна, если ты перестанешь мнѣ мѣшать.

Лили.

Напротивъ, я еще помогу тебѣ. Вотъ что я придумала. Если твой chef-d'oeuvre не поспѣетъ къ академической выставкѣ, ты можешь послать его на другую, гдѣ тебя навѣрное ожидаютъ лавры успѣха.

Вѣра Сергѣевна.

Это что еще за вздоръ!.. На какую другую?

Лили.

На выставку цвѣтовъ и овощей! И ты непремѣнно получишь золотую медаль за произведеніе такого отличнаго, сочнаго, зеленаго шпината (смѣется).

Вѣра Сергѣевна (съ сердцемъ).

Удивительно остро!..

Сотниковъ (подходя къ нимъ).

Шпинатъ?.. Ха! ха ха! Ахъ ты егоза! (смотритъ на картину.) Ты меня извини, Вѣра, я въ живописи *немного* смыслю, но, по-моему, шалунья права. У тебя въ самомъ дѣлѣ шпинатъ какой-то вышелъ. Ха ха ха! (уходитъ въ боковую дверь.)

Вѣра старается скрыть гнѣвъ презрительной улыбкой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Сотникова.

Айдарова (продолжая разговоръ съ сыномъ вполголоса).

Такъ ты сейчасъ къ нему поѣзжай и попроси, чтобъ онъ возобновилъ вексель на одинъ мѣсяцъ. Братъ—поручителемъ; онъ не можетъ отказать.

Айдаровъ.

Я боюсь, маменька, что онъ не согласится.

Айдарова (возвышая голосъ).

Я тебѣ говорю, что онъ не откажетъ. Поѣзжай сейчасъ! (Александръ встаетъ, чтобъ идти.) А когда вернешься, зайди ко мнѣ: мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Digitized by Google

Айдаровъ (идетъ).

Хорошо, маменька.

Марья Ивановна (тоже уходитъ и въ дверяхъ говоритъ ему тихо).

Вы за мной пошлете, да?..

Айдаровъ (чуть слышно).

Да.

Уходятъ: онъ въ среднюю дверь, а она въ боковую.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Айдарова, Вѣра, Лили и Мурзина.

Лили (допивая свой чай).

Ну, вотъ я и готова. Ты—тоже, Таня.

Входитъ лакей.

Лакей.

Лидія Сергѣевна за барышнями пріѣхали. Просятъ поскорѣе. Онѣ въ каретѣ ждутъ-съ.

Лили.

Скажите, что сейчасъ будемъ. Ну, Таня, идемъ.

Лакей уходитъ.

Айдарова.

Что же это Лидія не зашла поздороваться со мной?

Лили.

Ну да, и засидѣлась бы!.. А мы такъ спѣшимъ. Она потомъ заѣдетъ. Прощайте, мама! (цѣлуетъ мать.) Таня! ѣдемъ.

Обѣ уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вѣра, Айдарова и потомъ Сотниковъ (входитъ со шляпой въ рукахъ и въ перчаткахъ).

Айдарова.

Ты тоже собираешься куда-то, братъ?

Сотниковъ.

Да.... У меня свиданіе назначено съ однимъ человѣкомъ по своему дѣлу. (Идетъ.)

Айдарова.

А мнѣ хотѣлось переговорить съ тобой.

Digitized by Google

Сотниковъ (смотритъ на часы).

Что-жь? Если не слишкомъ задержишь меня, то пожалуй. (Возвращается.)

Айдарова.

Вѣра, оставь насъ! (Вѣра начинаетъ медленно сбирать свои вещи.) Нельзя ли поскорѣй?

Вѣра Сергѣевна (про себя).

И поработать никогда не дадутъ! (Уходитъ, пожимая плечами.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Айдарова и Сотниковъ.

Сотниковъ (садясь).

Ну, сестра, что прикажешь? О чемъ это у насъ будетъ секретная конференція?

Айдарова.

Какъ ты думаешь, Илья, не пора ли намъ покончить наше общее дѣло?

Сотниковъ.

Не слишкомъ ли скоро будетъ?

Айдарова.

Я не вижу никакой причины медлить. Чего еще ждать?.. Лили мнѣ давно ужь говорить, что Таня только и бредитъ, что моимъ сыномъ.

Сотниковъ.

Если такъ, я пожалуй согласенъ. Жена и то въ каждомъ письмѣ домой зоветъ... Соскучилась безъ меня.

Айдарова.

Можно было еще скорѣе устроить дѣло, но ты требовалъ, чтобы твоя племянница влюбилась сначала въ моего сына.

Сотниковъ.

Еще бы!.. Вѣдь это только въ старинныхъ комедіяхъ жестокіе опекуны насильно выдаютъ замужъ своихъ питомицъ, за что всегда и въ дуракахъ остаются. Я не изъ такихъ. Я хочу, чтобы Танюша была счастлива. Она—премилая дѣвочка, право. Я ее полюбилъ. Да къ тому же, ея покойный отецъ взялъ съ меня слово, что я позабочусь объ ея счастьи. Пле-

Digitized by Google

мянникъ мой—добрый малый и будетъ ей хорошимъ мужемъ, на этотъ счетъ я покоенъ. Но только, какъ я сказалъ тебѣ съ самого начала, такъ и теперь повторяю: если Александръ съумѣетъ ей понравиться, если она сама захочетъ пойти за него,—я буду очень радъ, пусть идетъ; если же нѣтъ, то я ни словомъ, ни дѣломъ въ это не вмѣшиваюсь,—ея воля. Шансы я вамъ всѣ далъ. Прямо изъ института привезъ ее къ вамъ въ домъ, такъ сказать, въ самую львиную пасть.... Только левъ-то нашъ скорѣй на ягненка похожъ.

Айдарова.

Въ ея согласіи мы можемъ быть вполнѣ увѣрены.

Сотниковъ.

Ну, и хорошо. Нечего больше и толковать. (Встаетъ.)

Айдарова.

Александръ сегодня же сдѣлаетъ ей предложеніе.

Сотниковъ.

Сегодня? Такъ я долженъ предупредить тебя, что, въ случаѣ успѣха, съ моей стороны будутъ два условія.

Айдарова.

Условія!...

Сотниковъ.

Да ты не смущайся. Такъ, сущія бездѣлицы. Во первыхъ, какъ я уже сказалъ, я искренно желаю, чтобы Танюша была счастлива и довольна своей судьбой; для этого необходимо, чтобы молодая чета жила сама по себѣ, своимъ умомъ.

Айдарова.

То есть, отдѣльно, не со мной?..

Сотниковъ.

Именно.

Айдарова (подумавъ).

Пусть живутъ гдѣ и какъ знаютъ. А второе условіе?..

Сотниковъ.

Сейчасъ доберемся и до него. Видишь ли, сестра, нужно правду сказать: Танюша—невѣста такая, что вѣдь днемъ съ огнемъ ищи, не найдешь подобной. Э—эхъ, будь у меня сынъ взрослый, ужь не выпустилъ бы изъ рукъ! Но.... пусть племянникъ родной беретъ,—уступаю. Вѣдь это не то, что другія, такъ называемыя,

Digitized by Google

богатыя невѣсты. Знаемъ мы ихъ!... А тутъ дѣло чистое: во первыхъ, двѣ тысячи временно-обязанныхъ, оброчныхъ душъ въ нашей губерніи, итого восемнадцать тысячъ вѣрнаго годоваго доходу, да при имѣньѣ лѣсу тысячъ на сто; а во вторыхъ, наличными деньгами до трехсотъ тысячъ... Такъ вотъ ото всей этой благодати можно мнѣ, дядѣ и опекуну, на заемное письмо, срокомъ не десять лѣтъ, по законнымъ процентамъ, дать сто тысячъ взаймы.... Это второе мое условіе.

Айдарова.

Признаюсь, братъ, удивилъ ты меня... Я едва вѣрю своимъ ушамъ.

Сотниковъ.

Напрасно!... Ничего тутъ такого удивительнаго нѣтъ. Дѣло простое: деньги мнѣ въ настоящую минуту нужны,—достать ихъ мудрено. Я оказываю племяннику услугу первой важности съ тѣмъ, чтобъ онъ, въ свою очередь, при возможности, мнѣ отплатилъ тѣмъ же. Видишь ли, какъ просто?

Айдарова.

Вижу, какъ честно!... Такъ за то, что племянница твоя замужъ выходитъ, ты желаешь стотысячную взятку получить?

Сотниковъ.

Что такое?... Безчестно! Взятку!.. Ты, сестра, смотри, будь поразборчивѣй на слова-то. Я человѣкъ не злой, но и меня разсердить можно!... Такъ я тебѣ, ради твоей же пользы, совѣтую, будь поосторожнѣе.

Айдарова.

Это нѣжный, заботливый опекунъ, который думаетъ только о счастьѣ свой племяницы!... Принуждать ее,—Боже сохрани! А за его согласіе.... пожалуйте ему сто тысячъ!...

Сотниковъ.

Эй, сестра, замолчи! Въ послѣдній разъ говорю, не серди меня! Разсержусь, уѣду, Таню увезу,—и не видать вамъ ея, какъ ушей своихъ. А у васъ петля на шеѣ: сама мнѣ говорила.

Айдарова.

Ну, это еще посмотримъ, какъ ты ее увезешь теперь. Она сама не захочетъ уѣхать.

Сотниковъ.

Не захочетъ!... Да развѣ она совершеннолѣтняя? Въ моей власти она!... Поѣдетъ, коли повезу!

Digitized by Google

Айдарова (ядовито).

Ты не рѣшишься разбить сердце влюбленной дѣвушки....

Сотниковъ.

Та, та, та! Да, вѣдь, это ты увѣряешь, что она души не чаетъ въ твоемъ сынѣ! А хоть бы и такъ. Мало ли въ кого семнадцатилѣтнія дѣвочки влюбляются! Ну, поплачетъ—и перестанетъ, а черезъ мѣсяцъ, другой и позабудетъ! Моя жена веселить ее станетъ, развлекать,—вѣдь у насъ тамъ не захолустье какое: тоже люди живутъ, женихи-то, пожалуй, не получше ли вашихъ найдутся. Невѣста, какъ Таня, не засидится,—бояться нечего. (помолчавъ) Ясно кажется, что коли поссоримся, я ничего не теряю, а ты—все. Значитъ, не рука тебѣ со мной ссориться, а лучше и благоразумнѣе устроить все дѣло по-моему.

Айдарова.

Но откуда взять эти сто тысячъ? И такъ Таниныхъ денегъ едва хватитъ намъ на уплату долговъ и....

Сотниковъ.

Ну вотъ еще! Вѣдь я знаю, сколько у васъ долговъ: ты мнѣ сама говорила.

Айдарова.

Да; но ты понимаешь, что мнѣ еще не много выгоды въ томъ, что долги будутъ уплачены, если все останется по-старому. Нѣтъ!... Наскучило мнѣ возиться съ дѣлами, съ управленіемъ имѣнья. Пусть сынъ, такъ какъ онъ главный наслѣдникъ, возьметъ себѣ и домъ, и имѣнья, а мнѣ и двумъ не замужнимъ сестрамъ своимъ выплатитъ слѣдующую намъ часть.

Сотниковъ.

Гм.... Расчетъ не дурной. Заложенный домъ, разоренныя имѣнья—сыну, да ему же еще тысячъ полтораста долгу въ придачу, а себѣ—чистыми деньгами.... Сколько? Позволь узнать.

Айдарова.

Ну, ужь это мое дѣло.

Сотниковъ.

Э... эхъ! Оберете вы мою бѣдную Таню.... Ну, да какъ сдамъ я ее на руки мужу, то ужь не моя забота будетъ. Только, сестра, ты мнѣ о чести больше не говори, сдѣлай милость. Я пятый десятокъ на свѣтѣ живу и никогда, никто, ни въ единомъ безчестномъ поступкѣ меня упрекнуть не могъ.... Вотъ хоть бы

Digitized by Google

эта самая опека... Сколько бы другихъ на моемъ мѣстѣ тутъ руки нагрѣли! А я.... ты знаешь, я человѣкъ дѣловой, предпріимчивый—и фабрикантъ, и заводчикъ, и подряды у меня разные.... деньги иногда до зарѣзу нужны бывали.... и все-таки я, какъ далъ себѣ слово изъ Таниныхъ никогда копѣйки не трогать, ни даже заимообразно, такъ и сдержалъ его. Законные проценты бралъ, разумѣется, но кромѣ этого—ни гроша. Теперь—совсѣмъ другое дѣло. Благодаря мнѣ, племянникъ мой становится изъ нищаго богатымъ человѣкомъ и, въ свою очередь, оказываетъ мнѣ услугу.... такъ сказать.... очень обыкновенную.... даетъ мнѣ взаймы сумму, весьма значительную, правда, но на которую онъ будетъ получать вѣрные, хорошіе проценты.... нормальные, конечно, не теперешніе бѣшеные; а обезпеченъ онъ всѣмъ моимъ состояніемъ.

Айдарова.

Но опять скажу, гдѣ же взять эти деньги?

Сотниковъ (соображая).

Наконецъ вотъ на что я могу согласиться. Оно не совсѣмъ удобно, и хлопотно, да ужь такъ и быть.... Хочется мнѣ, чтобы дѣло-то у насъ уладилось, и сознаюсь тебѣ, всего больше изъ участія къ племяннику.... Не вѣкъ же ему пришибеннымъ такимъ жить.... Такъ вотъ что: я согласенъ взять во сто тысячъ лѣсъ въ Таниномъ имѣньѣ. Цѣна хорошая. Если весь разомъ продать, никто больше не дастъ.... Всѣ нужные документы мы совершимъ. Свадьбой ты, конечно, медлить не будешь.

Айдарова.

Еще бы!... Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Ты знаешь мое положеніе. Я надѣюсь, что ты поможешь мнѣ покудова; вѣдь расходовъ много будетъ, а денегъ у меня совсѣмъ нѣтъ, и достать нѣтъ никакой возможности.

Сотниковъ.

Ну, это какъ нибудь устроимъ. Такъ по рукамъ, сестра?

Айдарова.

Сегодня же будетъ сговоръ.

Сотниковъ.

Значитъ, можно и за шампанскимъ посылать. (Смотритъ на часы.) Эхъ, опоздалъ я.... Ну, да ничего. Одно дѣло упустилъ, другое сдѣлалъ. До свиданія, сестра. (Уходитъ.)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Прасковья Александровна Айдарова.
Александръ Сергѣевичъ. } Айдаровы.
Вѣра Сергѣевна. } Айдаровы.
Лили. } Айдаровы.
Марья Ивановна Дергачева.
Илья Александровичъ Сотниковъ.
Княжна Мурзина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кабинетъ Айдаровой. Лили и Мурзина сидятъ на кушеткѣ, у камина.

Мурзина.

Говорятъ, легко вѣрится тому, чего хочется; но со мной оно не такъ. Я не смѣю вѣрить твоимъ рѣчамъ, Лили. Мнѣ все кажется, что ты увлекаешься по дружбѣ ко мнѣ и невольно преувеличиваешь чувства твоего брата. (со вздохомъ) По-моему, онъ совершенно равнодушенъ.

Лили (качая головой).

Не стану, не стану и не стану!

Мурзина.

Что такое?... Чего не станешь?

Лили.

Не стану увѣрять тебя въ противномъ. Надоѣло!... Развѣ я не вижу, что ты все это нарочно говоришь, чтобъ еще и еще, опять и опять, всегда и вѣчно слышать отъ меня, что братъ въ тебя влюбленъ безъ памяти, что ты его съ ума свела, и все такое?...

Мурзина.

О, еслибы хоть сотая доля *всего такого* была правдой! Но я не могу вѣрить.

Лили.

И не вѣрь. Оно гораздо благоразумнѣе.... Почемъ знать! Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ ошибаюсь, а ты права, и братъ вовсе не думаетъ о тебѣ.

Digitized by Google

Мурзина (съ тревогой).

Ты это серьезно говоришь, Лили?

Лили.

Совершенно!

Мурзина.

Это твое настоящее мнѣніе?

Лили.

Ну, да!

Мурзина.

А все, что ты твердила мнѣ до сихъ поръ?...

Лили (съ шутливою важностью).

Да будетъ забыто! Ты меня переубѣдила: я отказываюсь отъ своего мнѣнія и преклоняюсь передъ *твоей* долгой опытностью, *твоимъ* глубокимъ знаніемъ дѣла!...

Мурзина.

Я знаю только, что жестоко смѣяться, когда я всю душу свою раскрываю передъ тобой.

Лили.

Но что же мнѣ дѣлать? Я говорю то, что думаю,—ты мнѣ не вѣришь, хотя тебѣ и хочется вѣрить; я соглашаюсь съ тобой,—ты сердишься на меня....

Мурзина.

Нѣтъ, нѣтъ, не сержусь. Моя милая Лили! (цѣлуетъ ее).... я тебя такъ люблю.... только будь со мной добрая, терпѣливая....

Лили (перебивая).

И не переставай говорить о твоемъ братѣ съ утра до вечера и съ вечера до утра. Не такъ ли, Таня? Вотъ что по-твоему значитъ быть доброй!... Ну ужь, такъ и быть, изволь, начинаю снова нашу сказку про бѣлаго бычка. Ты говоришь *нѣтъ*, я говорю *да*....

Мурзина.

Я говорю только, что мои сомнѣнія основательны. Ну, разсуди сама, возможно ли, чтобы такой, какъ *онъ*, влюбился въ меня? Что во мнѣ?... Нѣтъ ни красоты, ни особеннаго ума, никакихъ талантовъ.... Ничего, ничего нѣтъ! Я—самая обыкновенная изъ обыкновенныхъ дѣвушекъ...

Лили.

Это что еще такое? Да я не позволю такъ безсовѣстно клеве-

Digitized by Google

тать на моего друга! Слышите? Ты—просто самый милый, добрый, умный ребенокъ на свѣтѣ, и братъ будетъ счастливѣйшій изъ смертныхъ, если ему въ руки достанется такое сокровище, какъ моя Таня! Впрочемъ, изъ чего это я горячусь? Ты сама въ этомъ вполнѣ увѣрена....

Мурзина.

Нѣтъ, Лили, я говорю искренно. Да какже мнѣ не знать себѣ настоящей цѣны, когда я то и дѣло сравниваю себя съ другими?

Лили.

Съ кѣмъ же это?

Мурзина.

Съ тобой, съ твоими свѣтскими пріятельницами.

Лили.

Мы всѣ мизинца твоего не стòимъ!

Мурзина.

Вотъ ужь это не искренно!

Лили.

Не стòимъ, потому что ты живой человѣкъ, а мы всѣ—болѣе или менѣе усовершенствованныя куклы!

Мурзина.

Какъ, и ты, Лили?

Лили.

Разумѣется, и я.... Только я имѣю претензію быть одной изъ самыхъ дорогихъ,—знаешь, изъ тѣхъ, что поворачиваютъ голову и пищатъ papa и maman.

Мурзина.

Полно, Лили! Ты клевещешь на себя.

Лили.

Ничуть. Впрочемъ, я очень довольна собой и очень благодарна обстоятельствамъ и воспитанію, превратившимъ меня въ куклу. Зато мнѣ весело и покойно живется.... Нѣтъ ни тревожныхъ чувствъ въ сердцѣ, ни докучныхъ мыслей въ головѣ.... Были бы только парядныя тряпки, балы, выѣзды, вскруженныя головы моихъ танцоровъ и завистливые взгляды моихъ подругъ,—и кромѣ этого я не люблю ничего и никого на свѣтѣ!

Мурзина.

Ни даже меня?

Digitized by Google

Лили.

Развѣ что тебя слегка, да и то ненарочно!

Мурзина.

Ни даже князя Порховскаго?

Лили (вспыхнувъ).

Это что еще за дерзости?

Мурзина.

А.... какъ покраснѣла! Неужели ты думаешь, что я ничего не замѣчаю, ничего не понимаю? Отъ меня ты все выпытываешь, требуешь полной откровенности, а сама не хочешь повѣрять мнѣ своихъ тайнъ.

Лили.

У меня ихъ нѣтъ.

Мурзина.

А я сама ихъ уловила.

Лили.

Скажи лучше—сочинила.

Мурзина.

И тебѣ не стыдно такъ скрытничать со мной? Неужели ты станешь утверждать, что между тобой и Порховскимъ нѣтъ ничего?

Лили.

Этого я не говорю. Есть то, что онъ безъ ума отъ меня, а я позволяю ему обожать себя.

Мурзина.

А сама не отвѣчаешь ему тѣмъ же?

Лили.

Разумѣется, нѣтъ.

Мурзина.

Отчего же ты покраснѣла при одномъ его имени? Отчего ты мѣняешься въ лицѣ, когда онъ входитъ? Отчего глаза твои загораются, когда онъ говоритъ съ тобой?... А сердце, ужь навѣрное, бьется, какъ пойманная птичка....

Лили.

Какой вздоръ!... Да я не помню, умѣла ли я когда нибудь краснѣть. А сердце мое не бьется ни сильно, ни слабо, потому что у куколъ не бываетъ сердца. На! (беретъ со стола костяной ножикъ) попробуй сама, проткни, и ты увидишь, что изъ меня посыплются отруби.

Digitized by Google

Мурзина.

Шути, шути!... Меня не разувѣришь. Впрочемъ, твой выборъ меня нисколько не удивляетъ: Порховской кажется такимъ милымъ, умнымъ....

Лили.

Онъ и милъ, и уменъ, и могъ бы нравиться,—не будь въ немъ одного непростительнаго недостатка....

Мурзина.

Какого?

Лили.

Онъ бѣденъ.

Мурзина.

Такъ что-жь такое?

Лили.

Только то, что ему никогда не бывать моимъ мужемъ.

Мурзина.

Какъ, изъ-за этого?

Лили.

Да, изъ-за этого. Хорошо вамъ такъ говорить, m-me la marquise de Carabas, но я безприданица, и мой будущій мужъ долженъ прежде всего быть богатымъ человѣкомъ.

Мурзина.

Извини меня.... но какъ это ты говоришь, что ты безприданица? Я, напротивъ, думала, что у васъ огромное состояніе.... Вы такъ живете.... кажется....

Лили.

Да, но только кажется.... Были мы богаты, но теперь разорились, какъ и прочіе. А между тѣмъ роскошь мнѣ нужна, какъ рыбѣ вода, и поэтому моя судьба уже давно рѣшена.

Мурзина.

Кѣмъ?

Лили.

Мной, во первыхъ, и мама.... Только мнѣ дано немножко льготы: годъ, другой я еще могу ждать, искать, выбирать, а тамъ непремѣнно выйду.... пожалуй, хоть за Скребницына. Онъ, кстати, уже два раза сватался.

Мурзина.

Полно!... Онъ такой старый!

Лили.

Нисколько. Ему лѣтъ сорокъ, и, право, будь у него—ну хоть

Digitized by Google

столько волосъ на головѣ, сколько ему лѣтъ, я была бы очень довольна. Впрочемъ, и это не бѣда: его можно нарядить въ парикъ, и онъ будетъ очень приличнымъ мужемъ.

Мурзина.

Ты шутишь!... Ты за него не пойдешь.

Лили.

Пойду, если къ тому сроку не найду кого нибудь получше, на что, между нами, сильно надѣюсь. Скребницына же я берегу на черный день,—онъ мой подставной женихъ.

Мурзина.

Но вѣдь ты любишь Порховскаго...

Лили.

Опять!... Ну, да положимъ, что со мной и случилась такая глупость, все-таки не бывать тому. Мама никогда не согласится.

Мурзина.

Но она тебя такъ любитъ, такъ балуетъ во всемъ, ты—ея любимая дочь.

Лили (въ легкомъ раздумьѣ).

Да, любимая.... Она исполняетъ всѣ мои прихоти.... Только мнѣ иногда приходитъ въ голову.... что̀ было бы, еслибъ я вздумала идти противъ ея воли въ чемъ нибудь важномъ.... на примѣръ, въ моемъ замужествѣ....

Мурзина.

Что-жь было бы?

Лили.

Да вотъ что! (быстрымъ движеніемъ переламываетъ пополамъ ножикъ, которымъ играла съ тѣхъ поръ, какъ взяла его со стола, и бросаетъ обѣ половинки. Молчаніе. Встряхнувъ слегка головой)...Ну, да что толковать о небылицахъ!...

Мурзина (въ сильномъ замѣшательствѣ).

Можетъ быть, мнѣ кажется.... что я хочу сказать.... очень глупо, очень неловко.... но ты не разсердишься, Лили.... Я еще такъ мало знаю, что можно и чего нельзя говорить....

Лили.

Ну!

Мурзина (все больше и больше конфузясь).

Вотъ, говорятъ, что я.... очень богата....

Digitized by Google

Лили.

Ты—маленькій Крезъ.

Мурзина.

А на что же мнѣ.... такъ много.... куда?...

Лили.

Просто, некуда дѣвать!

Мурзина.

Я то же думаю.... А ты говоришь... что у тебя.... вотъ ты говоришь, что мы, можетъ быть, будемъ сестрами, и я тебя люблю, какъ сестру..., потому между нами все должно быть общее... и...

Лили.

И, словомъ, ты предлагаешь мнѣ половину твоего состоянія?

Мурзина (радостно).

Ну да! Такъ это можно? Это не такъ ужъ глупо съ моей стороны?

Лили.

Нѣтъ, ужасно глупо! Просто ни на что не похоже! Неужели у васъ въ институтѣ до сихъ поръ процвѣтаютъ подобныя понятія? Это непостижимо!...

Мурзина (печально).

Но отчего же?....

Лили.

Тс.... Ни слова больше! Вспомни, что теперь ты *моя* воспитанница, не срами меня.... Нѣтъ, Таня, это не принято, *такъ* не даютъ и не берутъ... то есть, открыто, честно.....

Вѣра входитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Вѣра Сергѣевна.

Вѣра Сергѣевна.

Гдѣ мама?

Лили.

Здѣсь ея нѣтъ.

Вѣра Сергѣевна.

Это я сама вижу.

Лили.

А больше я тебѣ не умѣю сказать.

Вѣра Сергѣевна.

Съ чего это вы здѣсь расположились?

Digitized by Google

Лили.

Развѣ *мы тебѣ* мѣшаемъ?

Вѣра Сергѣевна.

Пока еще нѣтъ, но когда мама придетъ, я попрошу васъ удалиться.

Лили.

Жаль, что чувство вѣжливости мѣшаетъ намъ съ Таней высказать наши желанія.... Но если ужь гора пришла къ Магомету, то вѣдь Магометъ можетъ уйти отъ горы. (Встаетъ.) Бѣжимъ, Таня!

Выходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ Айдаровой.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Айдарова.

Айдарова.

Порховской пріѣхалъ! Идите, примите его. Я сейчасъ выйду въ гостиную.

Лили (вполголоса Танѣ).

Легокъ на поминѣ! (вслухъ) Нельзя ли отказать ему, мама?

Айдарова.

Съ какой стати, когда всѣ дома?

Входитъ лакей и докладываетъ.

Лакей.

Князь Порховской!

Айдарова.

Принять! Идите, Лили.

Лили.

Ахъ, какая скука! Пойдемъ, Таня. Помоги мнѣ быть любезной съ гостемъ.

Выходятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Айдарова и Вѣра Сергѣевна.

Вѣра Сергѣевна.

Порховской къ намъ часто ѣздитъ.

Айдарова.

И къ намъ, и къ другимъ. Что-жь ему больше дѣлать?...

Вѣра Сергѣевна.

Но къ намъ, кажется, чаще, чѣмъ къ другимъ. Онъ влюбленъ въ Лили.

Digitized by Google

Айдарова.

Мало ли кто влюбленъ въ Лили.

Вѣра Сергѣевна (ядовито).

Всѣ, разумѣется. Но Порховской больше всѣхъ и, вѣроятно, не замедлитъ предложить ей руку и сердце.

Айдарова.

Очень глупо сдѣлаетъ: онъ ей не женихъ.

Вѣра Сергѣевна.

Почемъ знать! Быть можетъ, сама Лили думаетъ иначе.

Айдарова.

Нѣтъ, Лили не думаетъ иначе. А если ты подобными намеками хочешь возстановить меня противъ сестры, то говорю тебѣ заранѣе, что по пустому тратишь и слова и время. Я знаю Лили лучше твоего: она отъ меня ничего не скрываетъ, и я вполнѣ полагаюсь на нее.

Вѣра Сергѣевна.

Что и говорить! Лили — совершенство, это давно извѣстно. (помолчавъ.) Но я вовсе не за тѣмъ пришла, чтобы толковать о ней: у меня есть предметъ разговора поважнѣе.

Айдарова.

Теперь не время. Ты знаешь, что меня ждутъ въ гостиной.

Вѣра Сергѣевна.

И съ какимъ нетерпѣніемъ! Но ужь дайте имъ подождать и выслушайте меня: оно, право, нужно.

Айдарова.

Ну, что тамъ еще? Говори! (Садится.)

Вѣра Сергѣевна.

Хотя я не удостоена, какъ Лили, быть повѣренной вашихъ желаній и намѣреній, все-таки у меня есть глаза и уши, которыми, къ вашему счастью, я вижу и слышу даже и то, что ускользаетъ отъ всѣхъ.

Айдарова (нетерпѣливо).

Что все это значитъ?

Вѣра Сергѣевна.

Вы собираетесь женить Александра на Танѣ Мурзиной...

Айдарова.

Ну?...

Digitized by Google

Вѣра Сергѣевна.

Такъ я васъ предупреждаю, что вамъ это не такъ легко удастся, какъ вы полагаете.

Айдарова.

А на чемъ основаны твои глубокомысленныя предположенія?

Вѣра Сергѣевна.

Вы, должно быть, еще не говорили объ этомъ съ братомъ. Попробуйте, скажите ему, и вы увидите, что онъ станетъ противиться вамъ.

Айдарова.

Онъ этого никогда не посмѣетъ.

Вѣра Сергѣевна.

Онъ бы не посмѣлъ. Но знаете, кто посмѣетъ? —Марья Ивановна Дергачева, ваша воспитанница, дочь вашего бывшаго крѣпостнаго, которая задумала стать вашей невѣсткой!...

Айдарова.

Что за вздоръ!

Вѣра Сергѣевна.

Нѣтъ, не вздоръ.

Айдарова.

И откуда это у тебя берутся такія нелѣпыя выдумки?

Вѣра Сергѣевна.

Выдумки?.. Ну, такъ слушайте. Первыя мои подозрѣнія были возбуждены уже очень давно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда они оба были еще почти дѣтьми. Но братъ малодушенъ, трусливъ, а она—ловкая, хитрая интригантка, и поэтому мнѣ ни разу не удалось поймать ихъ такъ, чтобъ уличить явно, съ шумомъ, со скандаломъ, какъ мнѣ того хотѣлось..... Вѣдь вы знаете, я всегда ненавидѣла вашу воспитанницу и никогда не скрывала этого чувства. Признаюсь, я ждала, чтобъ она пала, она—это гордое существо, такъ бы низко пала, чтобъ я могла раздавить ее своимъ презрѣніемъ.

Айдарова.

Что за безумныя рѣчи!

Вѣра Сергѣевна.

Безумныя, пожалуй; но вѣдь все это пережито, выстрадано мной! Оно почти-что невольно вырывается у меня. И пусть! Надо же и мнѣ когда нибудь высказаться!... Однакожь, не далось мнѣ это

Digitized by Google

торжество. Она оказалась сильнѣе меня.... Иногда мнѣ приходилось самой сомнѣваться въ справедливости моихъ догадокъ.... но сегодня утромъ я застала ихъ вдвоемъ и услыхала нѣсколько такихъ словъ.... что рѣшилась все сказать вамъ.

Айдарова.

Если только это правда, то ты давно, тогда же, должна была сказать мнѣ. Какъ ты смѣла такъ долго скрывать отъ меня ихъ низкій обманъ? А она... негодная, фальшивая тварь! Вотъ чѣмъ отплатила за всѣ наши благодѣянія!

Вѣра Сергѣевна (со злымъ смѣхомъ).

Пойдите, спросите у нея, считаетъ ли она ихъ благодѣяніями!.. И чему тутъ удивляться? Это должно было неизбѣжно случиться. Когда берутъ въ домъ и держатъ наравнѣ съ собственными дѣтьми красивыхъ воспитанницъ, то всегда кончается этимъ. Это такая обыденная, избитая тема, что уже ни въ романъ, ни на сцену не годится и только въ дѣйствительной жизни удержалась въ полной силѣ. Вольно-жь вамъ было.....

Айдарова.

Взялъ ее твой отецъ и почти-что помимо меня.

Вѣра Сергѣевна.

Но вы сами?... Отчего вы не подумали о томъ, что взятый вами за красоту и за умъ ребенокъ выростетъ вмѣстѣ съ вашими дочерьми, затмитъ ихъ собой? Знаете ли, что *она* мнѣ выйти замужъ помѣшала!.. Да! На кого смотрѣли, въ кого влюблялись молодые люди, ѣздившіе къ намъ въ домъ въ то время, когда я выѣзжала, а сестра Лида и Маша подрастали? Не на вашихъ дочерей! Нѣтъ, а на вашу воспитанницу, чье настоящее мѣсто было бы въ дѣвичьей, а не въ гостиной, на одной ногѣ съ Лидой и со мной. Да не только влюблялись!... Знаете ли вы, что она, эта холопская дочь, два раза отказывала такимъ женихамъ, за которыхъ я, *ваша* дочь, пошла бы, не задумываясь!

Айдарова.

Этого не бывало. Въ первый разъ объ этомъ слышу.

Вѣра Сергѣевна.

Позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы многаго не знали, потому что васъ боялись.... Вотъ, вы говорите, что Лили ничего не скрываетъ отъ васъ.... Быть можетъ, но за то она ваша любимица, ее баловали.... а насъ держали такъ строго, что мы всѣ трепе-

Digitized by Google

тали передъ вами. И вотъ, вслѣдствіе этого, мы всѣ и даже сам отецъ многое скрывали отъ васъ.... Но теперь уже не то вре мя.... Кстати, я давно собиралась сказать вамъ, что намѣрен выйти изъ-подъ домашней ферулы. Вы сами часто попрекает меня тѣмъ, что я осталась въ старыхъ дѣвкахъ; такъ, по крайней мѣрѣ. я хочу пользоваться преимуществами моего положенія, я хочу стать независимой....

Айдарова.

Ты съ ума сошла! Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной!

Вѣра Сергѣевна.

Прежде не смѣла, но день ото дня я все больше и больше чувствую, что я не даромъ ваша дочь!

Айдарова.

Вѣра, замолчи!

Вѣра Сергѣевна.

Извольте! Объ этомъ у насъ рѣчь впереди. А покудова вам не худо бы позаботиться о томъ, что я вамъ сообщила.

Айдарова (встаетъ).

Такъ вотъ что происходитъ у меня въ домѣ! Со всѣхъ сторонъ непокорность, своеволіе, обманъ.... Позови сюда эту негодницу!

Вѣра Сергѣевна.

Вы очень разсержены; разбраните ее, она не смолчитъ,—не таковская!... Выйдетъ шумъ, всѣ узнаютъ и, конечно, Таня тоже... Велите-ка лучше позвать брата, и даже не упоминая ея имени, не показывая виду, что вамъ все извѣстно, принудьте его сейчасъ же сдѣлать предложеніе Танѣ. Этакъ дѣло еще можетъ уладиться. Главное, чтобы братъ не видѣлся съ нею, пока все не рѣшено; а не то ея вліяніе можетъ поколебать и вашу власть надъ нимъ.

Айдарова (подумавъ).

Пожалуй, что и такъ. Правда твоя. Поди, позови Александра.

Вѣра Сергѣевна.

Видите, что я тоже могу дать хорошій совѣтъ, хоть я и не Лили. (звонитъ. Входитъ лакей.) Александръ Сергѣевичъ дома?

Лакей.

Только-что изволили вернуться.

Digitized by Google

Вѣра Сергѣевна.

Попроси ихъ сюда.

Лакей уходитъ. Вѣра садится поодаль. Молчаніе.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Александръ Сергѣевичъ входитъ какъ-то нерѣшительно.

Айдаровъ.

Вы меня звали маменька?... Я и самъ хотѣлъ прійти сказать вамъ, что дѣла никакъ не могъ устроить. Штернъ отказалъ наотрѣзъ. Былъ я и у другихъ,—вездѣ одно и то же.... Ужь я и не знаю, какъ намъ быть....

Айдарова.

Это все равно. Не одинъ, такъ другой. Дѣла въ такомъ пололоженіи, что кризисъ неминуемъ. Дольше тянуть невозможно. Къ счастью, есть средство подъ руками, и имъ надо воспользоваться немедленно. (пристально смотритъ на сына.) Вѣдь тебѣ нравится Таня Мурзина?

Айдаровъ молчитъ.

Вѣра Сергѣевна.

Я нѣсколько разъ отъ тебя слышала, что ты находишь ее очень милой.

Айдарова.

Ты же ей положительно нравишься... (Помолчавъ.) Надо жениться на ней, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Можешь сегодня же сдѣлать предложеніе.

Молчаніе.

Вѣра Сергѣевна.

Позвать Таню?

Айдарова.

Я сама пойду. (Встаетъ.)

Айдаровъ (наконецъ рѣшаясь съ большимъ усиліемъ надъ собой).

Маменька!... ради Бога.... выслушайте меня.... Я всегда былъ покорнымъ сыномъ.... я и теперь все готовъ сдѣлать.... но только не это....

Айдарова.

Отчего же не это?

Айдаровъ.

Помилуйте!... Да развѣ можно такъ скоро рѣшиться на такой важный шагъ?... Вѣдь я почти-что вовсе не знаю княжну....

Digitized by Google

Айдарова.

Что-жь дѣлать! Время не терпитъ.

Вѣра Сергѣевна.

Да тутъ и нечего узнавать и изучать! Она—совершенный ребенокъ,—именно тотъ мягкій воскъ, изъ котораго мужья лѣпятъ что имъ угодно.

Айдаровъ.

И я совсѣмъ не понимаю, почему вы думаете, что княжна пойдетъ за меня....

Айдарова.

Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Вѣра Сергѣевна.

Должно быть, твоя скромность помѣшала тебѣ замѣтить, какъ эта дѣвочка влюбилась въ тебя чуть ли не съ перваго дня!...

Айдаровъ.

Но.... я самъ.... я вовсе не люблю ея....

Айдарова.

Полюбишь.

Айдаровъ (чуть слышно).

Но я.... люблю другую.

Айдарова.

А—а!... Кого же это? (Айдаровъ молчитъ.) Впрочемъ, все равно, все-таки ты долженъ жениться на Танѣ.

Айдаровъ.

Маменька!... этого я не могу! Я уже давно.... нѣсколько лѣтъ люблю дѣвушку... но я не смѣлъ сказать вамъ прежде, потому что знаю, что вы.... вы никогда не согласитесь! ..

Айдарова.

Вѣрно какую нибудь нищую!

Айдаровъ.

У нея нѣтъ состоянія.... Но вѣдь и у меня ничего нѣтъ. Въ моихъ глазахъ нѣтъ женщины выше ея.... Только съ нею я и могу быть счастливъ.... если вы....

Айдарова (встаетъ, перебивая).

Довольно! Я все знаю....

Вѣра Сергѣевна (про себя).

Напрасно! Онъ бы не посмѣлъ ее назвать.

Digitized by Google

Айдарова.

И ты смѣлъ въ моемъ домѣ, подъ глазами твоихъ сестеръ, завести низкую интригу съ недостойной тварью, которую твои родители вытащили изъ грязи!...

Айдаровъ.

Маменька, ради Бога, не оскорбляйте ее такими словами!

Айдарова.

Довольно! Ни слова больше объ этомъ! Я и слышать не хочу! Сейчасъ приведу сюда Таню,—приготовься....

Айдаровъ (удерживая ее).

Маменька! не требуйте отъ меня невозможнаго....

Айдарова.

А что же возможно по-твоему? Чего ты хочешь? Чего намъждать? Не сегодня, такъ завтра, твою мать,—меня, слышишь,—меня посадятъ въ тюрьму за долги! Тебя тоже.... Твои сестры останутся безъ угла, безъ куска хлѣба, съ опозореннымъ именемъ!... Это возможно?... Этого ждать—по-твоему.... а? говори! отвѣчай!...

Айдаровъ.

Боже мой!

Айдарова.

Ты долженъ спасти всю семью отъ разоренія, отъ скандала! А ты отказываешься... а?... Да говори же.

Айдаровъ.

Маменька.... вѣдь такъ играть душой человѣка нельзя!.... Я васъ умоляю.... скажите мнѣ откровенно, сколько правды въ томъ, что вы сейчасъ сказали?... Я давно знаю, что дѣла наши совершенно разстроены, но все-таки.... возможно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы дошло до этого, до.... тюрьмы!...

Айдарова.

Дойдетъ неминуемо и даже очень скоро, если твоя женитьба на Танѣ не выручитъ насъ.

Айдаровъ.

Да развѣ нѣтъ другаго средства, другаго исхода?... Вѣдь я готовъ всю жизнь свою посвятить вамъ, трудиться, работать изо всѣхъ силъ.... Но продать себя.... измѣнить моей любви къ *ней*.... Маменька! пожалѣйте меня!...

Digitized by Google

Айдарова.

Нѣтъ, ты *насъ* пожалѣй. Трудиться, работать!... Что за ребяческія рѣчи! Стыдно говорить подобный вздоръ въ твои лѣта! Много ли ты наживешь своимъ трудомъ?... Вспомни, *какъ* мы привыкли жить (помолчавъ).... Наконецъ, вѣдь то, что я требую отъ тебя, составитъ твое собственное счастье: у тебя будетъ премилая жена, огромное состояніе,—значитъ, прочное положеніе въ обществѣ, вѣсъ, значеніе, да къ тому же сознаніе, что ты исполнилъ свой долгъ въ отношеніи ко мнѣ, устроилъ будущность своихъ сестеръ.... Стóитъ, кажется, ради всего этого пренебречь сумасбродной, мальчишечьей страстью, отъ которой, кромѣ горя и стыда всѣмъ намъ, ждать нечего.... Ты видишь, я не сержусь, я не приказываю, я прошу. (Молчаніе.) Послушай, ты самъ знаешь, какимъ смертельнымъ ударомъ моему самолюбію, моимъ надеждамъ на тебя была бы твоя женитьба на Машѣ; но я тебѣ говорю, что при другихъ обстоятельствахъ, то есть, не будь у насъ петли на шеѣ, я.... я бы позволила тебѣ жениться на ней.... потому что материнское сердце способно на всякую жертву!

Вѣра Сергѣевна (про себя).

Ай да мама!... Ловко сыграно.

Айдаровъ.

Маменька, благодарю васъ и за это слово.

Айдарова.

Дай *мнѣ* благодарить тебя. Скажи, что ты согласенъ.... *спасти* насъ!...

Айдаровъ.

Дѣлайте со мной, что хотите. Я согласенъ на все.

Айдарова.

Сынъ мой! (Обнимаетъ его.)

Айдаровъ.

Только, не трогайте *ея*.... обѣщайте мнѣ....

Айдарова.

Хорошо, хорошо! Подожди меня здѣсь. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Айдаровой.

Айдаровъ (въ волненіи ходитъ по сценѣ).

Боже мой! Да что это я дѣлаю съ собой? Развѣ я могу?...

Digitized by Google

Развѣ я имѣю право?... Нѣтъ, будь что будетъ! (рѣшительно подходитъ къ двери, но Вѣра предупреждаетъ его, быстрымъ движеніемъ, запираетъ дверь и кладетъ ключъ въ карманъ.) Вѣра, что ты? Пусти меня!...

Вѣра Сергѣевна.

Не пущу... Ты бѣжать вздумалъ отъ своего счастья! Какое малодушіе! А послѣ самъ бы сталъ раскаиваться! Нѣтъ, я тебя не пущу! (Онъ отходитъ.) Если ты непремѣнно хочешь подражать Подколесину, то ужь выпрыгни въ окно, какъ онъ.... Только не совѣтую, здѣсь высоко... (помолчавъ) И подумать, что они называютъ насъ слабыми.... Вы сильные, вы смѣлые.... (вслушивается) Идутъ, кажется... (быстро отворяетъ дверь.)

Айдарова съ Таней входятъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Айдаровъ, Айдарова и Мурзина.

Айдарова (въ дверяхъ тихо Вѣрѣ).

Уйди.

Вѣра неохотно выходитъ.

Айдарова.

Моя милая Таня, вы, быть можетъ, догадываетесь, за чѣмъ я васъ привела сюда.... Вотъ мой сынъ.... пусть онъ самъ выскажетъ вамъ то, что только-что передалъ мнѣ. Съ своей стороны, я могу увѣрить васъ, что мы всѣ съ перваго же дня полюбили васъ, какъ родную.

Мурзина (въ сильномъ смущеніи).

Вы всѣ такъ добры ко мнѣ.

Айдарова (значительно смотритъ на сына, но онъ стоитъ блѣдный, взволнованный и молчитъ. Неловкое положеніе всѣхъ).

Я вижу, что мой сынъ такъ взволнованъ, такъ не увѣренъ въ успѣхѣ, что не смѣетъ обратиться къ вамъ... (силясь улыбнуться) Приходится помочь ему и спросить васъ, милая Таня, согласны ли вы быть его женой, моей дорогой дочерью, сестрой Лили?...

Мурзина (радостно).

Такъ это правда? А я.... не смѣла вѣрить.... (робко Александру Сергѣичу) Какъ я счастлива!

Digitized by Google

Айдарова.

Ну, цѣлуй руку у невѣсты.

Айдаровъ (машинально цѣлуетъ руку Мурзиной).

Княжна!...

Мурзина (робко).

Нѣтъ, пожалуйста.... теперь ужь не княжна, а Таня....

Айдарова.

Мои милые дѣти! Богъ да благословитъ васъ. (цѣлуетъ ихъ, потомъ громко зоветъ.) Вѣра, Лили идите сюда!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же. Вѣра и Лили (вбѣгаютъ).

Айдарова.

Поздравьте жениха и невѣсту.

Лили.

Какъ, уже все готово! (цѣлуетъ Таню) Ахъ ты плутовка! Какъ ты смѣла безъ моего спросу? Ну, такъ и быть, только чуръ въ послѣдній разъ! (торжественно) Дѣти мои, я васъ прощаю! Будьте счастливы! (полусерьезно, брату) Помни, Саша, вручаю тебѣ маленькую жемчужину.... Смотри же, чтобъ она не поблекла въ твоихъ рукахъ....

Айдарова.

А гдѣ же дядя? Зовите его!

Лили.

Онъ тутъ (кричитъ у дверей). Дядя, дядя! Гдѣ это вы пропадаете?

Сотниковъ (за сценой).

Что тамъ такое?

Лили.

Идите же скорѣй. Пожаръ! Горимъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Сотниковъ (входитъ неторопливо).

Айдарова.

Ну, опекунъ, иди сюда, скрѣпи своимъ согласіемъ затѣянное нами дѣло. (указываетъ на сына и Мурзину.)

Digitized by Google

Сотниковъ.

Да вы, кажется, безъ меня все порѣшили!... Ай да Танюша! Не спросясь у дяди и опекуна, вотъ какія штучки выкидываетъ! Нехорошо, племянница! Не одобряю!

Лили.

Дядя, вы точь въ точь повторяете мои слова.

Сотниковъ.

Какъ это я теперь твоей тетѣ на глаза покажусь? Безъ обѣщанной племянницы!... А? Что я ей скажу! (племяннику) Нѣтъ, братъ, я тебѣ ее просто не отдамъ! Самимъ нужна. Увезу ее завтра же. (Танѣ) Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь я шучу!... А ужь ты испугалась. Кажется, даже поблѣднѣла немного. Я самъ очень радъ, что устроилъ тебя. (племяннику) Только ты у меня смотри, братъ, чтобъ она была счастлива!...

Лили.

Ахъ, дядя, не нужно! Ужь и это все сказано мной. Вы просто поздравьте ихъ, вотъ кстати и шампанское.

Лакей подноситъ вино. Всѣ поздравляютъ и цѣлуются. У дверей толпятся домашніе, прислуга, изъ-за нихъ выходитъ Марья Ивановна.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Марья Ивановна.

Вѣра Сергѣевна (первая увидѣвъ ее).

Вы тоже пришли поздравить жениха?

Марья Ивановна (спокойно).

Да.

Айдарова (быстро подходитъ къ ней. Шепотомъ).

Не смѣть дѣлать сцены!

Марья Ивановна (отвѣчаетъ ей только взглядомъ, беретъ бокалъ и подходитъ къ Мурзиной).

Княжна, поздравляю васъ!

Мурзина.

Благодарю васъ, милая Марья Ивановна (цѣлуетъ ее).

Марья Ивановна (подходя къ Айдарову).

Позвольте мнѣ, какъ старому другу, отъ души пожелать вамъ счастья. (чокаются.)

Digitized by Google

Александръ Сергѣевичъ въ такомъ волненіи, что роняетъ изъ рукъ бокалъ.

Всѣ (съ легкимъ крикомъ).

Ахъ!

Сотниковъ.

Что это? Что это съ тобой, племянникъ? Вѣдь бокалъ еще былъ полнехонекъ. Должно быть, отъ любви!

Лили.

Отъ счастья!

Марья Ивановна.

И, говорятъ, къ счастью!

Вѣра Сергѣевна (про себя).

Комедіантка.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Кузьминъ Дергачевъ, управляющій Айдаровыхъ.
Арина Власьевна, его жена.
Груня 17-ти лѣтъ, **Клавдія** 10-ти лѣтъ, **Мотя** 8-ми лѣтъ, } дѣти Дергачева отъ первой жены.
Петръ Онуфріевичъ Пазухинъ, купецъ.
Матрена Никитишна, его жена.
Трофимъ Петровичъ, ихъ сынъ.
Ягодкинъ, **Палиловъ**, } офицеры квартирующаго въ городѣ полка.
Дворовый мальчикъ.
Александръ Сергѣевичъ Айдаровъ.
Татьяна Николаевна, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣньѣ Айдаровыхъ, близь уѣзднаго города. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями прошло три года.

Садъ. Группа большихъ деревьевъ, подъ ними скамейки и столъ. Налѣво отъ зрителей флигель управляющаго, съ открытой деревянной террасой. Ступеньки въ садъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Ивановна съ работой въ рукахъ сидитъ на скамейкѣ. На столѣ стоитъ глобусъ и лежитъ развернутая географическая карта. Клавдія стоитъ у стола и говоритъ, водя пальцемъ по картѣ.

Клавдія.

А въ Бѣлое море впадаютъ рѣки: Мезень, Сѣверная Двина и Онѣга.... Вотъ и весь заданный мнѣ урокъ. Я хорошо его выучила. Ты довольна мной Маша?

Марья Ивановна.

Довольна, моя дѣвочка.

На террасѣ появляется Груня.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Груня.

Груня (стоя на верхней ступенькѣ).

Что это вы, сестрица, и въ праздникъ-то Клавдиньку своимъ ученьемъ мучаете?

Марья Ивановна.

Клавдія не считаетъ свои уроки мучепьемъ. Правда, Клавдія?

Клавдія.

Правда!

Груня.

Ужь сдѣлайте милость, отпустите ее: маменька теперь однѣ на кухнѣ хлопочутъ-съ; Матрена ушла коровъ доить,—имъ и послать-то не кого; Мотя братца качаетъ.... реветъ все.... а я ужь не намѣрена въ свои имянины со стряпней возиться,—еще платье, пожалуй, испортишь.... Да и гости, чай, скоро подъѣдутъ.

Марья Ивановна.

Развѣ Арина Власьевна зоветъ ее?

Груня.

А то какъ же!... Приказали прислать.

Марья Ивановна (не совсѣмъ рѣшительно).

Слышишь, Клавдія?—Иди.

Клавдія.

Не пойду. Она опять браниться станетъ.

Digitized by Google

Груня.

А ты угождай ей, такъ и не станетъ.

Марья Ивановна.

Иди, Клавдія! Что велятъ—дѣлай, а на брань не отвѣчай ни слова, я тебя прошу.

Клавдія.

Не стану, Маша.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Ивановна и Груня.

Груня (подходитъ и садится около Марьи Ивановны. Нѣсколько минутъ молчанія.)

Очень злятся на васъ маменька, сестрица, за Клавдиньку. Онѣ даже тятенькѣ жаловаться хотѣли. Говорятъ, что вы ужасно избаловали дѣвчонку, такъ что отъ рукъ совсѣмъ отбилась, никакихъ ладовъ съ ней нѣтъ.

Марья Ивановна.

Это неправда. Клавдія—послушный ребенокъ, но только мачиха несправедливо обращается съ ней, а когда меня нѣтъ, то даже жестоко. Грѣхъ отцу попускать это.

Груня.

Намъ родителей своихъ судить не приходится. А про маменьку вы напрасно такъ думаете. Онѣ даже, можно сказать, очень добрыя. Другія мачихи и не такія еще бываютъ. Меня онѣ даже словомъ никогда не обижаютъ.

Марья Ивановна.

Потому что ты льстишь, да поддѣлываешься къ ней.

Груня.

А какъ же быть!.. Конечно, мы имъ угождать должны. Хорошо вамъ, сестрица, супротивъ нихъ идти. Васъ онѣ не тронутъ, а надъ нами ихъ власть: надо мной, да надъ Клавдинькой, да надъ Мотей, даромъ что вы—ихъ вѣчная заступница. (съ нѣкоторымъ злорадствомъ) Вотъ еще сегодня какъ Мотю за вихры оттаскали....

Марья Ивановна (вздрогнувъ, про себя).

Что за безобразіе!... (Грунѣ) За что еще?

Digitized by Google

Груня.

Самъ виноватъ. Посадили его Гришу качать, а онъ взялъ да ушелъ, ребенка одного бросилъ, а тотъ реветъ. Такой озорникъ этотъ Мотька, право. (Помолчавъ) А я къ вамъ съ просьбой, сестрица.

Марья Ивановна.

Съ какой?

Груня.

Одолжите мнѣ поясъ вашъ голубой, ужо вечеромъ надѣть, какъ танцовать будемъ. (Подходя, конфиденціально) Намедни Викторъ Николаичъ говорилъ, что голубой цвѣтъ ко мнѣ ужасно какъ идетъ.

Марья Ивановна.

Поясъ возьми, хоть совсѣмъ. А кто это Викторъ Николаичъ?... Ягодкинъ, что ли?

Груня.

Онъ самый. Какъ это вы до сихъ поръ не знали, что ихъ такъ зовутъ! А за поясъ я вамъ такъ благодарна, душечка!... Лента у меня въ сѣткѣ голубая есть. Чудесно будетъ! Викторъ Николаичъ мнѣ непремѣнно опять все комплименты говорить будетъ.

Марья Ивановна.

И это тебѣ пріятно?

Груня.

Еще бы! Онъ у насъ первымъ кавалеромъ считается. Городскія всѣ барышни безъ ума въ него влюблены.

Марья Ивановна.

Нашли въ кого!...

Груня (обидчиво).

Вы такъ говорите, сестрица, потому что себя очень высоко понимаете, а всѣхъ другихъ очень низко. Конечно, вы, можетъ быть, и лучше господъ видали, а для насъ и такіе хороши. Не здѣшнимъ купцамъ, да приказнымъ чета; одно слово—офицеръ, благородный. (Одушевляясь) Ахъ, какъ онъ это намедни у Журкиныхъ на фортепьянахъ игралъ, да пѣлъ: «Что такъ жадно глядишь на дорогу», а тамъ еще: «Скажите ей»,—такъ просто очарованіе какое-то выходило. Слушаешь, слушаешь, да такъ вотъ и влюбишься!

Марья Ивановна.

И ты влюбилась?

Digitized by Google

Груня (со вздохомъ).

Можетъ, и влюбилась. (Помолчавъ) Какъ это вы думаете, сестрица, если онъ посватается теперь ко мнѣ, вѣдь тятенька не отдадутъ за него?

Марья Ивановна.

А ты сама пошла бы?

Груня.

Какъ не пойти! Такой онъ душка, красавецъ, военный (Вздыхаетъ.) Только тятенька не отдадутъ-съ.. Они меня все за купца прочатъ. И чуетъ мое сердце, что за Трошку за Пазухина. А я на такого-то и смотрѣть не хочу! Что изъ того, что отецъ его первый богачъ въ уѣздѣ? На что и деньги при ихней необразованности?...

Марья Ивановна.

Ну, въ этомъ Ягодкинъ не далеко отъ нихъ ушелъ.

Груня (обидясь).

Это вы на зло мнѣ говорите, сестрица.

Марья Ивановна.

Не на зло, а потому что я тебѣ добра хочу. Послушайся меня, Груня, выкинь ты изъ головы весь этотъ вздоръ...

Груня.

О чемъ же мнѣ думать? Я теперь какъ есть невѣста; извѣстно, въ мои годы всѣ о женихахъ думаютъ. Только я съ вами по душѣ говорю, потому какъ мы все-таки сестры родныя....

Марья Ивановна.

Еслибы ты всегда была со мной откровенна, лучше было бы. Но съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчаю, что ты какъ будто даже враждебно настроена противъ меня; я потеряла всякое вліяніе надъ тобой, ты меня не слушаешь, не вѣришь мнѣ. Знаю я, что мачиха въ этомъ виновата....

Груня.

Ахъ, нѣтъ, сестрица! Вы это по ненависти къ нимъ говорите.

Марья Ивановна.

Къ сожалѣнію, все это правда. А между тѣмъ я знаю, что тебѣ нужны мои совѣты, моя поддержка, мой присмотръ. Прежде ты бы повѣрила мнѣ, когда бы я тебѣ сказала, что какой нибудь Ягодкинъ—самый пустой, ничтожный человѣкъ; что онъ ухажи-

Digitized by Google

ваетъ за тобой, какъ и за всѣми, кто побогаче изъ здѣшнихъ невѣстъ, и что еще счастье твое, что отецъ не отдаетъ тебя за него.

Груня.

Нѣтъ, ужь какое это счастье!... Видно, вы никогда не бывали влюблены, сестрица, когда вы такъ говорить можете.

Марья Ивановна.

Да вѣдь и ты не влюблена. Все это только такъ, отъ праздности, отъ скуки. Ахъ, Груня, Груня, какъ жаль, что ты учиться ничему не хотѣла.

Груня.

Когда ужь мнѣ учиться! Года прошли.

Марья Ивановна.

Когда я пріѣхала къ вамъ, я тебя застала почти дѣвочкой.... Да учиться вѣдь никогда не поздно.

Груня.

Я грамотѣ знаю,—будетъ съ меня.

Марья Ивановна.

Да что проку въ томъ, если ты книги никогда не откроешь?

Груня.

Вотъ еще скука какая! У меня не то на умѣ....

Марья Ивановна.

Въ томъ-то и бѣда, что у тебя на умѣ однѣ глупости и пошлости. (Припоминая) Кстати, я хотѣла у тебя спросить, не сегодня бы,—ну, да ужь теперь къ слову пришлось,—что это у тебя за переписка завелась съ этимъ юнкеромъ?

Груня.

Съ Гульковымъ?

Марья Ивановна.

Да, съ этимъ негодяемъ! Вѣдь отецъ выгналъ его изъ дому.

Груня.

За то, что очень ужь пить сталъ и буянить. Кто-жь вамъ сказалъ про его письмо, сестрица?

Марья Ивановна.

Онъ самъ. Попался мнѣ вчера вечеромъ около дома, самъ едва на ногахъ стоитъ: «Позвольте, говоритъ, попросить васъ Аграфе-

Digitized by Google

нѣ Ивановнѣ письмецо отдать, очень нужное, говоритъ, а отвѣта ждать буду съ нетерпѣніемъ», и подаетъ мнѣ какую-то бумажку.

Груня.

Это онъ по тому, что нетрезвый.... Ну, а вы что, сестрица?

Марья Ивановна.

Отвѣчала ему, что я писемъ не передаю, а ты ихъ не принимаешь.

Груня.

И вѣрно ужь Богъ знаетъ что про меня подумали....

Марья Ивановна.

Ничего я не подумала; но спрашиваю тебя, что это значитъ?

Груня.

Побожитесь мнѣ, сестрица, что вы никому не скажете, такъ я вамъ какую тайну открою...

Марья Ивановна.

Божиться я не стану.

Груня (озираясь, наклоняется къ Марьѣ Ивановнѣ и вполголоса).

Вѣдь это письмо не ко мнѣ было, а къ маменькѣ, право-съ. Это онъ у нихъ все деньги выманиваетъ. Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ тятенька ему къ намъ запретили ходить, я два раза ему передавала... (Потупившись) Это у нихъ, почитай, что все лѣто идетъ....

Марья Ивановна (съ негодованіемъ).

И ты передаешь письма и деньги! Да понимаешь ли ты, что ты дѣлаешь?—кажется, что нѣтъ, къ счастью.... Но смотри, Груня, чтобъ этого никогда больше не было,—слышишь? Пусть мачиха дѣлаетъ, что хочетъ, но я не хочу, чтобы ты впутывалась въ подобныя низости.

Груня (плаксиво).

А если онѣ-съ прикажутъ, развѣ я смѣю ослушаться?

Марья Ивановна.

Такъ и скажи ей, что не хочешь, не станешь! Обѣщай мнѣ сейчасъ же, что этого никогда больше не будетъ.

Груня.

Воля ваша, сестрица, я имъ не смѣю такъ сказать!

Марья Ивановна.

Ты должна, слышишь, Груня? Чтобъ этого никогда, никогда

Digitized by Google

больше не было! Я буду смотрѣть за тобой, и если что нибудь подобное замѣчу, то, чего бы оно мнѣ ни стоило, я скажу отцу.

Груня.

Вотъ этого я отъ васъ не ожидала! Очень благородно это будетъ съ вашей стороны!... Я вамъ все расказала, а вы теперь шпіонить за мной собираетесь. Очень я вамъ благодарна, сестрица,—сдѣлали вы меня съ имянинами!

Встаетъ и уходитъ въ домъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марья Ивановна одна.

Марья Ивановна.

Боже мой! Какъ не задохнуться ото всей этой грязи! О, только бы вырвать отсюда сестру да брата и бѣжать, бѣжать куда глаза глядятъ!

Слышенъ звонъ бубенчиковъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Мотя.

(выбѣгаетъ изъ дому, спускается съ террасы и на ходу кричитъ).

Гости ѣдутъ, гости! Гриша уснулъ,—побѣгу встрѣчать!

Исчезаетъ въ глубинѣ сада.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Марья Ивановна, входятъ Пазухины, за ними Мотя, который тутъ же убѣгаетъ въ домъ.

Пазухинъ (подходитъ).

Марья Ивановна, наше почтеньс-съ, съ имянинницей!

Пазухина.

Здравствуйте, красавица вы моя, съ дорогой имянинницей! Позвольте поцѣловать.

Цѣлуются.

Трофимъ Петровичъ.

Поздравляю-съ съ имянинницей!

Пазухинъ.

Иванъ Кузьмичъ дома?

Марья Ивановна.

Кажется, въ поле ушелъ... Арина Власьевна дома.

Digitized Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же. Груня выходитъ изъ дому.

Пазухина.

А вотъ и сама имянинница... (Идетъ къ ней навстрѣчу.) Съ ангеломъ, Грунечка!

Цѣлуются.

Пазухинъ.

Аграфена Ивановна! съ ангеломъ, дай вамъ Богъ много лѣтъ прожить, добраго мужа найти, милыхъ дѣточекъ выростить!

Груня.

Ахъ, что вы, Петръ Онуфричъ!

Пазухина (мужу съ укоромъ).

Развѣ можно такъ дѣвицу конфузить?

Трофимъ Петровичъ.

Съ ангеломъ позвольте васъ, Аграфена Ивановна...

Груня.

Въ горницу пожалуйте, маменька тамъ-съ.

Всѣ уходятъ въ домъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Марья Ивановна остается одна въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, потомъ возвращается молодой Пазухинъ, какъ-то нерѣшительно подходитъ къ ней, беретъ и разсматриваетъ глобусъ.

Пазухинъ.

Гм..... штучка какая! Глобусомъ прозывается. Мы это тоже знаемъ-съ. Учили и насъ этому въ училищѣ. (Молчаніе.) Это вы заниматься изволите?

Марья Ивановна.

Я давала урокъ Клавдіи.

Пазухинъ.

Такъ-съ!.... Должно быть, изъ Клавдіи Ивановны самая образованная дѣвица тоже выйдетъ.

Марья Ивановна.

Учу ее, на сколько хватаетъ моего умѣнья. Способности у сестры отличныя.

Пазухинъ.

Да-съ. Это, точно, правду говорятъ: ученье—свѣтъ, а неученье—

Digitized by Google

тьма. Вотъ и я очень даже желалъ въ гимназію поступить, какъ въ уѣздномъ училищѣ кончилъ. Я тамъ изъ первыхъ шелъ, учителя тоже способности хвалили, только батюшка не пустили меня. Какъ сталъ я ихъ просить, чтобы меня въ губернію отправили, такъ они сказали: «ладно, молъ, и такъ ученъ; мы де вовсе грамотѣ не знали, а копѣйку нажить съумѣли... (со вздохомъ.) Такъ и посадили меня, съ четырнадцати лѣтъ, за прилавокъ-съ.

Марья Ивановна (съ участіемъ).

Жаль. Впрочемъ, была бы охота, а время не ушло: вы еще такъ молоды.

Пазухинъ.

Ваша правда. Эхъ, кажись, кабы мнѣ теперь жену образованную взять, такъ могла бы изъ меня человѣка сдѣлать.. (Молчаніе.) Марья Ивановна, прикажите мнѣ говорить,—больно я робокъ передъ вами....

Марья Ивановна (съ улыбкой).

Напрасно. Говорите смѣло.

Пазухинъ.

Особенно какъ теперь, можетъ быть, въ самое это время, мой родитель съ вашимъ батюшкой про это же самое рѣчь ведутъ-съ, то хотѣлось бы мнѣ самому слово за себя замолвить... (Марья Ивановна съ ожиданіемъ смотритъ на него.) потому слыхалъ я, что у господъ, у образованныхъ, всегда такъ водится.... и....

Марья Ивановна.

Про что же это вы, Трофимъ Петровичъ?... Я понять не могу.

Пазухинъ.

Какъ сказалъ мнѣ батюшка, что меня женить пора, такъ палъ я ему въ ноги и говорю: ваша надо мной родительская воля, а коли хотите моего счастья, такъ посватайте мнѣ у Ивана Кузьмича его старшую дочь.

Марья Ивановна (съ большимъ удивленіемъ).

Что вы!...

Пазухинъ.

Я, Марья Ивановна, свои чувства допрежь сего и выказывать не смѣлъ, а только съ самыхъ этихъ поръ, какъ я васъ узналъ, я про другихъ и думать позабылъ, потому я очень понимаю, что не только здѣсь, либо въ городѣ у насъ, а даже въ цѣломъ свѣтѣ не найти другой такой дѣвицы, какъ вы....

Digitized by Google

Марья Ивановна.

Полноте, Трофимъ Петровичъ.... И съ чего это такая мысль вамъ въ голову пришла? Ну, какая я вамъ жена? Что общаго между нами?..

Пазухинъ.

Знаю я это, Марья Ивановна. Все какъ есть понимаю. Знаю, что васъ недостоенъ. Знаю, кто я и кто вы. Въ какомъ домѣ, между какими людьми, вы съ дѣтства находились, и все это я понимаю-съ. А только думаю, отчего же мнѣ счастья своего не попытать. Опять-таки ваша жизнь теперь не больно хороша. Одно, что не при матери родной-съ..... и съ такимъ образованіемъ-то, да за самое, можно сказать, пустое жалованье цѣлую зиму, по всякой погодѣ, по морозу-то, да по грязи, каждый день на село ходить, ребятъ деревенскихъ учить....

Марья Ивановна.

Я это съ охотой исполняю.

Пазухинъ.

А коли бы мнѣ Господь такое счастье великое послалъ, такъ, кажись, ужь ничего бы не пожалѣлъ, чтобы самая покойная, самая лучшая жизнь вамъ была. А родители мои васъ тоже просто на рукахъ бы носить стали. Еще давеча, какъ ѣхалъ сюда, самъ батюшка говорилъ: кабы она только пошла за тебя, а съ капиталомъ нашимъ все остальное можно....

Марья Ивановна (съ невольной горечью).

Вашъ отецъ думаетъ, вѣроятно, что его сынъ, по своему капиталу, долженъ завести жену съ французскимъ языкомъ, да съ музыкой.

Пазухинъ (тряхнувъ головой).

Обидно очень вы это сказать изволили. Нѣтъ, Марья Ивановна, ужь капиталъ тутъ не при чемъ, а думалъ я, что за любовь мою великую вы авось жалость ко мнѣ почувствуете.

Марья Ивановна (тронутая).

Трофимъ Петровичъ! если я васъ оскорбила, простите меня. Дайте мнѣ вашу руку, будемте отнынѣ друзьями. Хотя мы нерѣдко видѣлись, но я васъ не знала до сегодня. (Молчаніе.)

Пазухинъ (печально).

А что-жь, тому ужь видно не бывать... счастью-то моему?

Digitized by Google

Марья Ивановна.

Нѣтъ, Трофимъ Петровичъ.

Пазухинъ.

Эхъ, доля наша горькая!... (Встаетъ.)

Марья Ивановна.

Только знайте, что ни за васъ, ни за другаго кого никогда я замужъ не пойду.

Пазухинъ.

Нѣтъ, Марья Ивановна, этому вѣрить нельзя. Такъ говорятъ жениху постылому, да не такъ отвѣтятъ милому. Прощенья просимъ. (Хочетъ идти.)

Марья Ивановна.

Куда вы?

Пазухинъ.

Такъ, пройдусь немного: авось размыкаю свое горе лютое, авось разнесутъ его вѣтры буйные. (Уходитъ въ глубину сада.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Марья Ивановна. На террасу выходятъ Арина Власьевна и Пазухина.

Арина Власьевна (указывая на Марью Ивановну).

Ишь принцеса-то наша для важности одна разсѣлась, сидитъ. Нѣтъ того, чтобы къ гостямъ войти: очень ужь всѣ низки передъ нами.

Матрена Никитишна.

Не напрасно ли обижаете, Арина Власьевна? Вѣстимо, ваша падчерица не намъ чета... Но все-таки онѣ дѣвица безподобная.

Арина Власьевна.

Не знаете еще вы ее, Матрена Никитишна. Аспидъ она, настоящій аспидъ... Кровь мою по каплѣ сосетъ....

Матрена Никитишна.

Тсс.... что вы! Неравно услышитъ.

Арина Власьевна.

А пускай! Мнѣ что?...

Марья Ивановна поспѣшно беретъ работу, книгу и уходитъ въ садъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же. Дергачевъ и Пазухинъ-отецъ выходятъ изъ дому.

Пазухинъ (обтирая лицо).

Жарища, жарища-то какая стоитъ... Ухъ!

Арина Власьевна.

А вы бы, Петръ Онуфріевичъ, чайку еще выкушали,—очень оно освѣжаетъ. Ужь сдѣлайте милость, позвольте еще чашечку налить.

Пазухинъ.

Много благодаренъ. Будетъ-съ.

Дергачевъ.

Да ты бы намъ, Арина Власьевна, сюда вынесла. А мы вотъ тутъ и присядемъ,—все оно попрохладнѣе.

Арина Власьевна.

Сейчасъ, Иванъ Кузьмичъ. Пойдемте, Матрена Никитишна.

Обѣ уходятъ въ домъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дергачевъ и Пазухинъ сидятъ на террасѣ.

Пазухинъ.

Что-жь, Иванъ Кузьмичъ, каковъ же твой отвѣтъ насчетъ энтаго дѣла будетъ?... А?

Дергачевъ (поеживаясь).

Да что говорить, Петръ Онуфріевичъ; конечно, я радъ, душой радъ, съ тобой породниться, только ужь ты меня не тѣсни. Приданое все какъ слѣдуетъ сдѣлаю, за этимъ не постою, потому какъ все-таки она мнѣ дочь, такъ не захочу передъ людьми срамиться; но только насчетъ денегъ ты уступи, сдѣлай милость. Первымъ дѣломъ, откуда я ихъ возьму? Самъ знаешь, что мы не купцы, не вамъ чета, а всю свою жизнь, какъ есть, на жалованьѣ па господскомъ прожили, семья тоже не малая,—такъ гдѣ же тутъ да такимъ деньгамъ быть!...

Пазухинъ.

Ну, этотъ разговоръ ужь ты лучше оставь, Иванъ Кузьмичъ: кому другому еще можешь, пожалуй, Лазаря-то пѣть, а мы, вѣдь, не повѣримъ-съ. Знаемъ тоже, какъ это ты на барскомъ

Digitized by Google

жалованьѣ жилъ, да барскимъ имѣньемъ управлялъ, да въ мутной водѣ рыбку ловилъ... Эти дѣла всѣ намъ извѣстны. (Треплетъ его по плечу.) Вспомни-ка, братъ, господскіе-то лѣса,—мы, чай, съ тобой вмѣстѣ сводили. (Оба усмѣхаются.) То-то....

Дергачевъ.

Опять вотъ еще что.... Кабы это Груня была, я не говорю, можетъ статься, и не пожалѣлъ бы, а вѣдь Машу-то я никакъ наравнѣ съ другими считать не могу: жила она отрѣзаннымъ ломтемъ, почитай, что всю жизнь свою....

Пазухинъ.

Какъ это господа ее къ себѣ взяли? Слыхалъ я кое-что про это, а доподлинно не знаю, потому въ то время мы съ тобой еще знакомства не водили.

Дергачевъ.

Какъ?... Извѣстно, кабы своя воля, можетъ, и не отдалъ бы, потому она у насъ одна была въ ту пору.... Другіе какъ-то все помирали, а Маша ужь подрастать стала, годиковъ эдакъ семи была; да такая дѣвочка понятливая, хорошенькая,—всѣ, бывало, хвалятъ, а покойница жена такъ и не надышется на нее, ужь мнѣ останавливать приводилось: избалуешь, молъ, совсѣмъ дѣвчонку... (Помолчавъ.) Ну, вотъ пріѣхали на лѣто господа.... а ихней второй-то барышнѣ, въ то время, тоже годковъ шесть было. Увидали какъ-то мою Машу, стала барышня маленькая-то съ ней играть, полюбилась имъ очень дочка наша: каждый день за ней присылаютъ; дома, почитай что, и не видать ея; иной разъ такъ даже ночевать господа оставляли: не отпускаетъ, молъ, барышня Машу отъ себя. А мы съ покойницей и рады, что нашей дочери да отъ господъ милость такая. Только разъ, дѣло уже осенью было, стою это я въ кабинетѣ у барина,—за нарядомъ пришелъ,—онъ мнѣ и говоритъ: «славная у тебя дѣвочка, Дергачевъ. Что, она у васъ одна?»—Одна, говорю, ваше превосходительство. Помолчалъ немного, говоритъ: «значитъ, ты ее очень любить долженъ, а коли любишь, то и добра ей желаешь. Вотъ видишь, мы съ барыней порѣшили, чтобы взять твою дочь совсѣмъ къ себѣ въ домъ, и не то, чтобы въ дѣвичью, а съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нашей дочерью училась и воспитывалась. Ты понимаешь, говоритъ, что это большое счастье для твоей дочери; кабы у васъ она росла, изъ нея бы вышла горничная, а теперь мы какъ есть барышню воспитанную изъ нея сдѣлаемъ, и если Господь приведетъ ее

Digitized by Google

пристроить, такъ мы и приданое ей все, какъ слѣдуетъ, дадимъ.... А тебѣ, говоритъ, я за это вольную обѣщаю».—И такъ, говорю, вашей милости много обязаны, на что мнѣ вольная, я еще послужу вашему превосходительству. «Должность твоя, говоритъ, пусть за тобой и остается, а все-таки вольнымъ не худо быть. Такъ вотъ, говоритъ, чрезъ недѣлю мы отсюда уѣдемъ; пусть Маша завтра же совсѣмъ къ намъ переходитъ, скорѣе привыкнетъ, а вы съ женой ее навѣщать можете».—Поклонился я барину въ ножки, руку поцѣловалъ и вышелъ. Самъ точно и радъ, а все за сердце какъ будто защемило: жаль дѣвочки. Прихожу домой, расказываю покойницѣ женѣ; а она какъ затрясется вся, бѣлѣй полотна стала.—«Креста на тебѣ что ли нѣтъ, говоритъ, что дочь свою единую въ чужіе люди отдать хочешь»?—Что-жь, говорю, надъ нами воля господская: что хотятъ, то и творятъ. «Нѣтъ, говоритъ, такого закону, чтобы дѣтей у отца, у матери отнимать!. Не отдамъ я имъ Маши»! говоритъ.—Ну я съ ней разсуждать не сталъ: извѣстно, у бабы умъ коротокъ. Только какъ сказано было, ровно черезъ недѣлю и уѣхали господа.

Пазухинъ

И взяли дѣвочку?

Дергачевъ.

Взяли. (Помолчавъ.) Такъ Дарья Прохоровна моя даже слегла въ ту пору; долго хворала; ужь я такъ и думалъ.... помретъ, однако-жь нѣтъ, оправилась. Ну тамъ пошли у насъ опять дѣтки, стали жить, она о Машѣ какъ будто и позабыла. Года четыре мы ея не видали. Господа либо въ другихъ вотчинахъ по лѣтамъ жили, либо въ чужихъ краяхъ. А какъ пріѣхали опять сюда, мы дѣтище-то свое родное насилу признали: какъ есть барышней настоящей стала, а намъ словно чужая кажется. Только она ничего, ласковая такая съ нами была; даже покойница сказывала, будто Маша-то ей говорила: вотъ какъ выросту, большая буду, всему научусь, такъ опять съ вами жить стану. (Помолчавъ.) Но послѣ того мы съ нею не видывались. Писать всегда бывало по нѣскольку писемъ въ годъ напишетъ. Только какъ случилось моей Дарьѣ Прохоровнѣ въ третьемъ году съ лѣстницы скатиться, да стала она послѣ того все хворать, такъ она мнѣ и наказала: напиши, молъ, Машѣ-то, чтобъ пріѣхала; смерть моя подходитъ, не помру я покойно, коли съ дочерью милой не увижусь. А Маша въ ту пору ужь на мѣстѣ въ гувернанткахъ жила... Пріѣхала она въ скорости. Дарья Про

Digitized by Google

хоровна еще мѣсяца съ три никакъ при ней пожила, да у нея на рукахъ и скончалась. Послѣ смерти жены, дочь сказала мнѣ, что у меня жить останется, за сестрами да за братомъ смотрѣть хочетъ. Хорошо, говорю, живи. И стала она жить, ребятишекъ къ себѣ пріучила; хозяйство тоже въ порядкѣ держала. Только какъ взялъ это я Арину Власьевну, такъ промежь нихъ свары и пошли... изъ-за дѣтей больше; ну, извѣстно: семь топоровъ вмѣстѣ, а двѣ прялки врозь. Арина-то Власьевна все ко мнѣ съ жалобами приставала, а мнѣ что-жь дѣлать?.. Не гнать же изъ дому дочь. Оченно ужь надоѣло. Запретилъ имъ до себя доводить; вы, молъ, тамъ какъ знаете: хошь ссорьтесь, хошь миритесь, а мнѣ недосугъ ваши бабьи дрязги разбирать.

Пазухинъ.

Кто ихъ разберетъ! Это точно.

Дергачевъ.

Такъ ты понимаешь, Петръ Онуфріевичъ, что ужь изъ-за этого одного мнѣ дочь пристроить не мѣшало бы, а за твоего сына—и подавно. Только ты ужь насчетъ денегъ меня не прижимай, сдѣлай милость.

Пазухинъ.

Эхъ, Иванъ Кузьмичъ! Да разсуди ты самъ. Знаешь, чай, что за моего Трошку что ни на есть самую лучшую невѣсту съ радостью отдадутъ, изъ кого хошь изъ здѣшнихъ выбирай... Но только пожалѣлъ я сына... одинъ тоже у меня... а все-таки совсѣмъ чтобы безприданицу намъ взять не приходится. И не то чтобы деньги нужны, — своихъ хватитъ,—а только передъ людьми совѣстно будетъ. Такъ ужь ты тысчонокъ этакъ съ десятокъ отвали...

Дергачевъ.

Ей-ей не могу. Ужь такъ и быть, даю за дочерью пять тысячъ, а больше ни гроша... Да и то единственно по тому, что съ тобой породниться за честь считаю.

Пазухинъ.

Ну, нечего дѣлать: съ тобой видно не сговоришь... Согласенъ, такъ и быть, сына жалѣючи. Такъ по рукамъ!

Дергачевъ.

И будемъ сватами... Никакъ еще гостей Богъ принесъ?

Въ глубинѣ сада появляются Ягодкинъ и Палиловъ.

Digitized by Google

Пазухинъ (осматриваясь).

Это все наша голытьба мундирная!.. Туда же за людьми шляются, около невѣстъ нашихъ увиваются.

Дергачевъ.

Да что возьмутъ?

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же. Ягодкинъ и Палиловъ подходятъ.

Ягодкинъ.

Иванъ Кузьмичъ! честь имѣю съ имянинницей поздравить... Петръ Онуфріевичъ, какъ поживаете? (Оглядывается.) А гдѣ же сама прелестная виновница торжества?

Дергачевъ.

Милости просимъ въ горницу пожаловать. (Уводитъ всѣхъ.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Груня и за ней Ягодкинъ выходятъ изъ дому и останавливаются на ступенькахъ.

Груня.

Что это барышни такъ долго не ѣдутъ? Пора бы, кажись.

Ягодкинъ.

Скоро быть должны. Иные ужь давно изъ городу выѣхали: я по дорогѣ двѣ тройки обогналъ, потому что летѣлъ, такъ сказать, на крыльяхъ любви.

Груня (жеманно).

Этому никакъ повѣрить нельзя. А знаете, Викторъ Николаичъ, мы ужо вечеромъ танцовать будемъ. Я упросила тятеньку... они и музыку вашу полковую заказали.

Ягодкинъ.

А!.. Это вы отлично сдѣлали, а то безъ танцевъ что ужь за веселье! Permettez на первую кадриль... (Расшаркивается.)

Груня.

Ахъ! съ удовольствіемъ

Голосъ Арины Власьевны: Грунечка, а Грунечка, гдѣ ты?

Груня (съ досадой).

Иду.

Уходитъ въ домъ, въ дверяхъ сталкивается съ Палиловымъ, который даетъ ей дорогу, а самъ спускается въ садъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Ягодкинъ и Палиловъ.

Палиловъ.

Жара тамъ у нихъ! Духота!.. Набились какъ сельди въ боченокъ. Дай-ка огоньку. (Закуриваетъ.) Ну, какъ твои сердечныя дѣла? Подвигаются?..

Ягодкинъ.

Ничего!.. Идутъ успѣшно. Только если этотъ лысый чортъ, Кузьмичъ, не отсчитаетъ мнѣ тысячъ двадцать чистоганомъ, такъ вѣдь я не женюсь.

Палиловъ.

Какъ же! Отсчитаетъ! Держи карманъ!.. Нѣтъ, братъ, Кузьмичъ себѣ на умѣ, его не поддѣнешь.

Ягодкинъ.

Ну, а я дешевле не возьму. (Изъ саду идетъ Марья Ивановна.) Вотъ и Недотрога Ивановна плыветъ.

Палиловъ.

А вѣдь чертовски хороша! Вотъ въ кого влюбиться можно. Не твоей бѣлобрысенькой чета.

Ягодкинъ.

Просто, видѣть ея не могу. Гордячка! И вѣдь чѣмъ чванится? Какъ подумаешь, та же городская мѣщаночка выходитъ. (Идетъ ей навстрѣчу.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Марья Ивановна.

Ягодкинъ (съ натянутой развязностью).

Здравствуйте, Марья Ивановна! Надѣюсь, что ваше здоровье... Честь имѣю поздравить...

Марья Ивановна.

Благодарю васъ. (Хочетъ пройти въ домъ.)

Въ эту минуту подбѣгаетъ дворовый мальчикъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и дворовый мальчикъ.

Мальчикъ.

Иванъ Кузьмичъ дома?... Господа пріѣхали.

Digitized by Google

Ягодкинъ.

Въ самомъ дѣлѣ?.. Ты не врешь?

Мальчикъ.

Ей Богу пріѣхали-съ. Послали меня за Иваномъ Кузьмичемъ, чтобы шелъ скорѣй.

Марья Ивановна.

Я скажу отцу. (Входитъ въ домъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Дергачевъ и за нимъ многіе выходятъ изъ дому.

Дергачевъ.

Вотъ такъ сюрпризъ! Ждали, ждали съ начала лѣта, а они какъ снѣгъ на голову!... Ну, гости дорогіе, не взыщите, надо идти господъ встрѣчать. (Идетъ.)

Груня.

Ахъ, тятенька, никакъ они сами сюда идутъ?

Всѣ суетятся и спѣшатъ скрыться въ домъ. Дергачевъ бѣжитъ навстрѣчу подходящимъ Айдаровымъ. Марья Ивановна остается на террасѣ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Айдаровъ, Айдарова, Дергачевъ и Марья Ивановна.

Дергачевъ.

Батюшки, Александръ Сергѣичъ! Извините, сдѣлайте милость, вы такъ неожиданно подъѣхать изволили, а тутъ далеко, ничего и не слыхать... У меня къ пріѣзду вашему все готово, только домъ запертой стоитъ, такъ ужь вы гнѣваться не извольте...

Айдаровъ.

Ничего, ничего, ты не суетись, еще успѣемъ. А сильно ты постарѣлъ, Дергачевъ, я бы тебя не узналъ.

Дергачевъ.

Какъ не постарѣть, батюшка Александръ Сергѣичъ, сколько лѣтъ мы не видали вашей милости... (къ Айдаровой) Матушка, Татьяна Николаевна, пожалуйте ручку.

Хочетъ поцѣловать руку, Айдарова не даетъ. Въ это время Айдаровъ вдругъ замѣчаетъ Марью Ивановну, и у него вырывается жестъ удивленія; она же спускается со ступенекъ и подходитъ къ нему.

Digitized by Google

Марья Ивановна.

Здравствуйте, Александръ Сергѣичъ! (протягиваетъ ему руку.) Давно мы съ вами не видались. Татьяна Николаевна, вы меня не узнаете?

Айдарова.

Боже мой!—неужели Марья Ивановна? (Здороваются.) Но какимъ образомъ вы здѣсь, я рѣшительно не понимаю!

Марья Ивановна (улыбаясь).

Очень просто: (Указываетъ на Дергачева.) я дочь вашего управляющаго и... честь имѣю представиться—ваша сельская учительница, второй годъ у васъ на службѣ, а вы объ этомъ и не знали.

Айдарова.

Ахъ, какъ я рада, что встрѣчаю здѣсь знакомое лицо. (къ мужу) Саша, не правда ли, какъ пріятно? Милая Марья Ивановна! хотя я васъ и немного, а, главное, такъ не долго знала... ну да здѣсь, въ деревнѣ, познакомимся покороче, да? Пойдемте теперь же съ нами, я васъ прошу. Вѣдь я здѣсь никого и ничего не знаю, точно въ лѣсу. Вы мнѣ все покажете: и домъ, и садъ... а я за то покажу вамъ моихъ дѣтей. Вы, можетъ быть, знаете, у меня ихъ двое. И такія, такія прелестныя... Идемте же, идемте.

Увлекаетъ Марью Ивановну за собой. Айдаровъ идетъ за ними. Дергачевъ слѣдуетъ въ почтительномъ разстояніи.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Айдаровъ.
Айдарова, жена его.
Марья Ивановна.
Авдотья Савишна, няня у Айдаровыхъ.
Арина Власьевна.
Груня.
Гульковъ, юнкеръ, стоящій постоемъ въ деревнѣ.

Digitized by Google

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Комната въ деревенскомъ домѣ Айдаровыхъ. Средняя дверь выходитъ въ садъ, боковая—во внутреннія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Изъ саду выходитъ Айдарова и ведетъ за руку Марью Ивановну.

Айдарова (шутливо).

Нѣтъ, нѣтъ! Теперь ужь не выпущу: вы моя военноплѣнница, съ боя взяла. Это ни на что не похоже, васъ совсѣмъ больше не видать у насъ!... Злая!

Марья Ивановна.

Право, некогда, Татьяна Николаевна,—у меня столько дѣла!

Айдарова.

Не вѣрю: это просто отговорка. А я въ этотъ мѣсяцъ ужь такъ успѣла привыкнуть къ вамъ, что безъ васъ дни кажутся мнѣ вдвое длиннѣе. Сначала, по нашемъ пріѣздѣ, мы видались постоянно, вмѣстѣ гуляли, читали, занимались музыкой, но съ нѣкоторыхъ поръ васъ насилу затащишь сюда, а когда я къ вамъ захожу, (полушутя, полусерьезно) мнѣ какъ-то сейчасъ же приходитъ въ голову то, что о незваномъ гостѣ говорится, и я спѣшу уйти. Право, можно подумать, что мы поссорились.... Скажите мнѣ откровенно: можетъ быть, я какъ нибудь—невольно, конечно, сдѣлала или сказала что нибудь....

Марья Ивановна (перебивая).

Кромѣ ласки и искренняго радушія, я отъ васъ ничего не видала, Татьяна Николаевна. Если я теперь и рѣже бываю у васъ, это только по тому, что я очень занята. Во первыхъ, мои уроки съ Клавдіей: для этого я пользуюсь свободнымъ лѣтнимъ временемъ; потомъ дома дѣла много.... вотъ теперь старшая сестра просватана,—помогаю шить приданое.

Айдарова (качая головой).

Нѣтъ, это все не то.... Сядемьте! А такъ мнѣ все кажется, что вы сейчасъ же убѣжите. (Садятся.) Вы, вѣрно, замѣтили, что я по характеру очень застѣнчива, что и мѣшаетъ мнѣ высказываться.... Но, въ надеждѣ тронуть хотя бы немножко ваше непо-

Digitized by Google

датливое сердце, хочу сдѣлать усиліе надъ собой и прямо сказать вамъ, что я васъ очень полюбила.... Я помню, что съ перваго же разу, когда я видѣла васъ въ семьѣ моего мужа, вы пріятно поразили меня.... чѣмъ, я не скажу, чтобы не заставить васъ покраснѣть; но въ моемъ восторженномъ институтскомъ сердцѣ уже готовъ былъ воздвигнуться въ вашу честь маленькій алтарь.... Вы знаете, что институтки всегда кого нибудь да обожаютъ.... Только я не знала, какъ къ вамъ подступиться: вы такъ мало входили въ общій складъ нашей тогдашней жизни, такъ упорно стушевывались. Да вдобавокъ Лили всецѣло овладѣла мной, закружила меня, потомъ.... я такъ скоро стала невѣстой, вы же тогда переѣхали къ Лидіи; словомъ, не удалось мнѣ сблизиться съ вами. Теперь, здѣсь, я вамъ такъ обрадовалась, такъ надѣялась, что и вы меня полюбите, что мы подружимся и что я найду въ васъ давно желаннаго друга,—знаете, такого, на котораго можно смотрѣть снизу вверхъ....

Марья Ивановна.

Полно-те, Татьяна Николаевна. Тяжело слушать ничѣмъ не заслуженную похвалу.

Айдарова.

Я тѣмъ больше могла надѣяться на это, что хотя вы никогда не жалуетесь, но я все-таки знаю, какъ тяжела ваша семейная обстановка,—знаю, изъ-за чего вы миритесь съ нею, и не могу не уважать васъ глубоко за это. Скажите, зачѣмъ же вы отталкиваете мою дружбу? Будьте такъ же откровенны со мною, какъ я съ вами.

Марья Ивановна.

Вы непремѣнно хотите знать?.. (*Силясь принять шутливый тонъ.*) Я не могу забыть, что у васъ за спиной крылья: сегодня вы здѣсь, завтра наскучитъ—вы расправите ихъ и улетите, а мнѣ вдвое тяжелѣй покажется мое одиночество.

Айдарова.

Правда?... Только изъ-за этого? Такъ я могу васъ вполнѣ успокоить. Я сложила наши крылья и велѣла запрятать ихъ какъ можно подальше, какъ самую ненужную вещь. Въ самомъ дѣлѣ, намъ такъ полюбилась деревенская жизнь, что мы съ мужемъ порѣшили остаться здѣсь и на зиму. Наскучило ужь намъ летать безъ отдыху. Не хочется въ городъ, гдѣ пришлось бы опять отдаться вихрю свѣтской жизни; не тянетъ насъ снова за гра-

Digitized by Google

ницу, гдѣ мы провели весь прошлый годъ. Здѣсь я гораздо больше принадлежу мужу и дѣтямъ. Да кромѣ этого, здѣсь есть и обязанности, и весьма серьезныя, на которыя наталкиваешься на каждомъ шагу. Въ этомъ отношеніи у меня въ головѣ цѣлый лѣсъ плановъ и намѣреній.... И еслибы вы знали, какъ крѣпко я расчитываю на вашу помощь....

Марья Ивановна (съ очевиднымъ намѣреніемъ перемѣнить разговоръ, указываетъ на развернутое письмо, лежащее на столѣ).

Я узнаю почеркъ Елены Сергѣевны.... Что она?

Айдарова.

Пишетъ нѣсколько строчекъ: вѣдь Лили не охотница писать.... Мужъ ея лечится въ Вильдбадѣ, а она въ Біаррицѣ купается, веселится.... Бѣдная Лили!

Марья Ивановна

Бѣдная?

Айдарова.

Да.... Развѣ *ея* счастье настоящее?

Марья Ивановна.

Мнѣ кажется, она и не желаетъ другаго.

Айдарова.

Почемъ знать! Вы, я замѣтила, не высокаго мнѣнія о Лили....

Марья Ивановна.

Она очень привлекательна.... Дружна я была съ одной Лидой.

Айдарова.

Лида—милая, симпатичная, только я ее меньше знаю. Мнѣ сдается, что и она не совсѣмъ счастлива.

Марья Ивановна.

Къ сожалѣнію, нѣтъ.

Айдарова.

Когда подумаешь, какъ мало настоящаго, полнаго счастья на свѣтѣ, то невольно становится страшно за свое собственное. Въ самомъ дѣлѣ, отчего это я такъ счастлива? Чѣмъ я это заслужила? А подобные вопросы всегда вызываютъ опасеніе за дорогихъ, за близкихъ.... Не правда ли?

Digitized by Google

Марья Ивановна (съ горечью).

Не знаю. Мнѣ не приходилось задавать себѣ подобныхъ вопросовъ.

Айдарова.

Простите меня.... Я не такъ выразилась и нечаянно возбудила въ васъ горькое чувство.... Но именно, когда я сравниваю себя съ вами и вашу судьбу съ моей, мнѣ кажется такъ несправедливо, что вы, кого я считаю гораздо лучше, выше себя....

Марья Ивановна.

Прошу васъ, Татьяна Николаевна, не говорите этого.

Айдарова.

Вамъ непріятно?... Не буду. Но я хочу надѣяться, что и вамъ на долю еще выпадетъ счастье.

Марья Ивановна.

Не думаю.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Входитъ Авдотья Савишна.

Айдарова.

Что такое няня?.. Ты за мной?

Авдотья Савишна.

Пожалуйте, Сереженька проснулись, кушать просятъ.

Айдарова.

Иду сейчасъ. (Марьѣ Ивановнѣ.) Я скоро вернусь. Вы меня подождете? Пожалуйста. День такой славный, мы пойдемъ въ лѣсъ и возьмемъ съ собой дѣтей.... Да? Вы не уйдете?

Марья Ивановна.

Я подожду васъ.

Айдарова и няня уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Ивановна. Айдаровъ выходитъ изъ противуположной двери.

Айдаровъ.

Я зналъ, что вы здѣсь.

Марья Ивановна.

И подкараулили минуту, когда ваша жена вышла. Какъ же

Digitized by Google

мнѣ послѣ этого бывать у васъ! Татьяна Николаевна насильно привела меня сегодня, и я только-что выдержала истинную пытку. Вѣдь я лгать не умѣю, не хочу.... Чѣмъ мнѣ отвѣчать на ея искреннее расположеніе ко мнѣ, на ея ласку, на ея доброту? Не разъ вся правда готова была вырваться у меня, но ея жаль.... Она такъ увѣрена въ своемъ счастьѣ, въ вашей любви.... Какъ вы виноваты передъ нею!

Айдаровъ.

А развѣ мнѣ самому не жаль ея?—До боли, до отчаянія жаль!... Вы знаете, вы видите, какъ она дорога, какъ она близка мнѣ!... Развѣ возможно было прожить три года съ такой женой и не привязаться къ ней?... Вѣдь было же время, когда я думалъ, что ей удалось вытѣснить изъ моего сердца все прошлое.... Да, я старался увѣрить себя, что забылъ васъ. Хорошо забылъ!... Перваго вашего взгляда было довольно, чтобы вся эта прошлая правда поднялась съ небывалой еще силой и подавила все то, что зовутъ долгомъ, совѣстью, честью!... Бѣдная Таня!... Но что же мнѣ дѣлать?...

Марья Ивановна.

Я вамъ скажу, что дѣлать. Такъ какъ мы съ вами не съумѣли молчать, такъ какъ вамъ удалось вырвать у меня признаніе.... то вы должны уѣхать отсюда, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Айдаровъ.

Ни за что!

Марья Ивановна.

Я бы сама уѣхала, но я не могу!.. Еще на дняхъ я чуть не въ ноги кланялась отцу, умоляла его отпустить со мной сестру, говорила, что найду себѣ кусокъ хлѣба и дамъ ей воспитаніе; но онъ не согласился. А я не могу, не имѣю права покинуть ее на вѣрную нравственную гибель... Ею-то ужь не пожертвую никому и ничему на свѣтѣ. Такъ видите, я не могу уѣхать. А вы можете и должны. Знаете, я увѣрена, что когда минетъ первая горечь разлуки, вы сами будете рады, что рѣшились.... Вѣдь вотъ были же вы относительно счастливы въ теченіи вашей трехлѣтней семейной жизни. Старая рана опять понемногу затянется, и если не забудется,—я убѣдилась, что любовь, какъ наша, не забывается,—то все-таки притупится чувство страданія.... Да, ваша жена такая милая, такая хорошая.... вы такъ любите своихъ дѣтей.... О, да вѣдь у васъ впереди еще много свѣтлыхъ, чистыхъ радостей!... Не губите же свое и чужое счастье....

Digitized by Google

уѣзжайте, а я останусь здѣсь доживать свою разбитую горемъ жизнь....

Айдаровъ.

И послѣ такого слова вы требуете, чтобъ я уѣхалъ! Нѣтъ. Мы оба несчастны по моей винѣ, такъ по крайней мѣрѣ будемъ же вмѣстѣ несчастны. И видитъ Богъ, я не промѣняю моихъ настоящихъ мученій на искусственное все-таки, на поддѣльное спокойствіе послѣднихъ лѣтъ. Есть у меня и теперь радости.... Вотъ я васъ вижу.... иногда по цѣлымъ днямъ только издали, да украдкой.... Зато по ночамъ я хожу смотрѣть на свѣтъ въ вашемъ окнѣ.... (Схватываетъ со стола ея шляпу и покрываетъ поцѣлуями.) Вотъ онѣ—эти радости, и я не разстанусь съ ними.

Марья Ивановна (прерывисто).

Да пожалѣйте же вы меня! Или вы думаете, что я каменная, что я святая?... Вѣдь и надо мной не всегда властны разсудокъ и чувство долга... И во мнѣ говорятъ порой молодость, и страсть, и эгоизмъ—и съ какой страшной силой!... Я боюсь ихъ голоса. Онъ твердитъ мнѣ, что жизнь коротка, что молодость и красота проходятъ скоро.... что не вѣкъ же терпѣть и жертвовать собою, что и я имѣю право на счастье.... отравленное, правда.... а это счастье—въ вашей любви.... Она у моихъ ногъ... Стоитъ мнѣ наклониться и поднять ее.... (Порывистымъ движеніемъ обвиваетъ его шею руками и цѣлуетъ его.) О, мой милый!.... Пустите! (Вырывается изъ его объятій.) Вы убѣдились теперь, что вы должны уѣхать. (Идетъ къ двери.) Ваша жена просила меня подождать ее.... Скажите ей что нибудь.... что хотите.... лучше всего, правду....

Уходитъ. Айдаровъ остается въ нерѣшимости нѣсколько секундъ, потомъ поспѣшно слѣдуетъ за Марьей Ивановной.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Авдотья Савишна входятъ въ боковую дверь и съ удивленіемъ озирается кругомъ.

Авдотья Савишна.

Да гдѣ же это она?... Татьяна Николаевна звать приказала, а ея и слѣдъ простылъ! Неужто къ барину прошла?... (Подходитъ къ выходной двери и смотритъ въ садъ.) Вотъ она гдѣ, и баринъ съ ней.... говоритъ ей что-то.... Боже мой! никакъ руки у ней цѣлуетъ?... Днемъ-то, почитай что у всѣхъ на виду!... Стыда, видно, въ нихъ нѣтъ!... А голубушка моя Татьяна Николаевна и не

Digitized by Google

знаетъ, не вѣдаетъ.... къ себѣ ее принимаетъ.... дружбу съ ней ведетъ.... Нѣтъ, ужь видно приходится доложить.... Ужь и такъ всѣ толкуютъ....

ЯВЛЕНІЕ V.

Авдотья Савишна и Айдарова (входитъ).

Айдарова.

Что это ты такъ долго, няня? (Съ удивленіемъ) А гдѣ же Марья Ивановна?

Авдотья Савишна (многозначительно).

Ушла... и баринъ, Александръ Сергѣичъ, съ нею пошли.

Айдарова.

Они сказали тебѣ, куда?

Авдотья Савишна.

Нѣтъ, матушка Татьяна Николаевна, не сказывали. Да я ихъ ужь и не застала, только вотъ видѣла, какъ это они съ бариномъ по аллеѣ по липовой шли.

Айдарова.

Странно, что не подождали меня. Впрочемъ Марья Ивановна знаетъ, что я въ лѣсъ собиралась. Приведи дѣтей и пойдемъ за ними.

Авдотья Савишна.

Матушка, Татьяна Николаевна, не извольте вы на меня, старуху, гнѣваться.... я васъ на рукахъ носила, а теперь привелъ Господь дѣтокъ вашихъ няньчить.... такъ не могу я дольше это видѣть и молчать.

Айдарова.

Что такое, няня?... Говори, не пугай меня.

Авдотья Савишна.

Злую разлучницу свою въ домъ къ себѣ пускаете.

Айдарова.

Кого?

Авдотья Савишна.

Вѣдь баринъ-то нашъ, Александръ Сергѣевичъ, съ дочкой-то управительской опять слюбились.

Айдарова.

Что за мерзкая сплетня! Какъ смѣешь ты мнѣ это говорить!...

Digitized by Google

Авдотья Савишна.

Правда оно, Татьяна Николаевна, голубушка моя. Вѣдь еще допрежь того, когда она въ дому у нихъ жила, они въ связи съ ней были.... ихніе же люди сказывали.... А какъ сталъ онъ вашимъ женихомъ, такъ за это за самое Прасковья Александровна изъ дому ее прогнали. Конечно, отъ васъ это все скрыли, да отъ дядюшки отъ вашего.

Айдарова.

Не правда! Я ничему этому не вѣрю.

Авдотья Савишна.

Потому что сами вы точно младенецъ невинный, зла не понимаете, а только, что все это я вамъ справедливо докладываю. Сама я въ ту пору при васъ была, у нихъ же въ домѣ отъ людей слышала. А теперь она, ехидная, видно опять барина къ себѣ приворожила,—ея же домашніе сказывали. Арина Власьевна,—можетъ, изволили видать ее,—она говорила мнѣ.

Айдарова (перебивая).

Это ея мачиха. Гадкая, злая женщина! Она ненавидитъ Марью Ивановну и отъ того такъ низко клевещетъ.

Авдотья Савишна.

Совсѣмъ она не злая, а только, что много ей бѣдной терпѣть приходится отъ падчерицы.

Айдарова.

Все это клевета, одна клевета!

Авдотья Савишна.

Сама я сейчасъ собственными своими глазами видѣла, какъ Александръ Сергѣевичъ руки у нея цѣловалъ.

Айдарова.

Такъ что-жь?.. Онъ и при мнѣ иногда цѣлуетъ у нея руку. Это дѣлается, особенно между такими давними знакомыми. (строго) Слушай, няня, никогда больше не смѣй мнѣ говорить про это. Я не потерплю, чтобы до меня доходили эти гадкія, лакейскія сплетни, въ которыхъ нѣтъ ни единаго слова правды. Слышала? Ступай.

Авдотья Савишна уходитъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VI.

Айдарова одна (въ сильномъ негодованіи).

Айдарова.

Боже мой! Какая гадость! Какъ они смѣютъ говорить, думать подобныя вещи! Вѣдь этого не можетъ быть.... чтобъ онъ, мой мужъ, котораго я такъ люблю, такъ уважаю, сталъ обманывать меня! Никогда не повѣрю! А она?... Такая гордая... (Вдругъ какъ-бы вспомнивъ.) Ахъ! А ея странное поведеніе въ послѣднее время... Что оно значитъ? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, она и любила его прежде.... любитъ теперь.... Такимъ образомъ все объясняется.

Она садится къ столу, склоняетъ голову на руки и остается нѣкоторое время въ раздумьи. Айдаровъ входитъ. При видѣ его, она быстро встаетъ и принимаетъ безпечный тонъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Айдаровъ и Айдарова.

Айдарова.

Саша! ты ужъ вернулся? Какъ скоро! А мнѣ сказали, что ты ушелъ гулять съ Марьей Ивановной.

Айдаровъ.

Я только проводилъ ее до конца сада. Она просила извиниться передъ тобой, что не дождалась тебя.... Ей, кажется, не здоровится.

Айдарова.

Какъ мнѣ жаль, что она такъ очевидно стала избѣгать насъ. Я нахожу ее такой симпатичной. Не правда ли?

Айдаровъ.

Да.

Айдарова.

Я рѣдко встрѣчала такое замѣчательное существо. Собой красавица, умная такая,—однимъ словомъ, положительно изъ ряду вонъ. Ты согласенъ со мной?

Айдаровъ.

Да, въ ней много хорошаго.

Айдарова.

Меня удивляетъ, что при всемъ этомъ она не вышла замужъ.

Digitized by Google

Она такъ долго жила у васъ.... Кажется, могъ бы представиться случай. (шутливо) Скажи мнѣ, неужели ты самъ никогда не былъ,— ну, хоть бы немножко,—увлеченъ ею?

Айдаровъ.

Какой вопросъ!... Съ чего это пришло тебѣ въ голову?

Айдарова.

Такъ просто. Мнѣ кажется, что это было бы такъ естественно съ твоей стороны.... влюбиться въ такую дѣвушку, постоянно видя ее....

Айдаровъ.

Не забудь, что я съ дѣтства привыкъ къ ней.... какъ къ своимъ роднымъ сестрамъ.

Айдарова.

Тѣмъ болѣе.... Скажи мнѣ, вѣдь тебѣ было двадцать пять лѣтъ, когда ты женился на мнѣ,—неужели ты до этого ни въ кого ни разу не былъ влюбленъ. (Пристально смотритъ на него.)

Айдаровъ (слегка отворачиваясь).

Вѣроятно, бывалъ, какъ и всѣ. Что это тебѣ вздумалось.... ревнуешь меня, что-ль?

Айдарова.

Къ прошедшему—нѣтъ; это было бы безразсудно... Но если... (Приближается къ нему и мѣняетъ прежній свой тонъ на серьезный, съ замѣтной тревогой.) но еслибы теперь ты разлюбилъ меня и полюбилъ другую.... я бы этого не перенесла.... я бы умерла съ горя.

Айдаровъ (въ смущеніи, лаская ее).

Полно, Таня, что ты!

Айдарова.

Но вѣдь этого не будетъ?.. Нѣтъ? Никогда не будетъ? Мой милый! (бросается къ нему на шею.)

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Отдаленное мѣсто въ саду, большія деревья, густой кустарникъ, запущенная дорожка, заросшій прудъ, ночь, луна свѣтитъ изъ-за тучъ то ярко, то тусило.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Айдаровъ и Марья Ивановна сидятъ на скамейкѣ на берегу пруда.

Марья Ивановна.

Это я твердо рѣшила. Выбирай: или она, или я. Такъ жить я не хочу. Это унизительно для всѣхъ насъ. Вѣчно лгать! Вѣчно обманывать!.. И развѣ возможно, чтобы ты продолжалъ пользоваться ея средствами?... Если тебѣ моя любовь нужна больше всего, уѣдемъ отсюда, станемъ жить вмѣстѣ, трудиться общими силами.... Ты весь мой, я вся твоя. Если же ты не можешь на это рѣшиться....

Айдаровъ.

Я на все готовъ, все сдѣлаю, что ты потребуешь отъ меня, лишь бы ты была со мной всегда.

Марья Ивановна.

Въ такомъ случаѣ, ѣдемъ завтра же ночью,—это всего удобнѣй: моихъ не будетъ дома; только я возьму съ собой сестру Клавдію,—съ нею я не разстанусь.

Айдаровъ (съ упрекомъ).

Ты мнѣ дороже, чѣмъ я тебѣ: я ради тебя покидаю дѣтей своихъ.

Марья Ивановна.

Но они остаются съ матерью, и съ какой!... А я не могу бросить сестры. Брата жаль тоже, но онъ мальчикъ, ему не такъ гибельна эта среда. Отецъ, я думаю, не станетъ очень хлопотать о томъ, чтобы вернуть сестру; если же да, то намъ придется скрываться: развѣ насильно вырвутъ ее у меня.... иначе не отдамъ.... Одно меня смущаетъ: ей уже десять лѣтъ, она скоро пойметъ, ей растолкуютъ мое положеніе.... это большое несчастіе для нея, но все-таки лучше, чѣмъ оставить ее здѣсь.... съ ними....

Айдаровъ.

Боюсь, что это затруднитъ намъ отъѣздъ.

Мрья Ивановна.

Я все беру на себя. Мнѣ увезти ее не трудно будетъ. Ты выѣдешь впередъ и будешь ждать меня на станціи, не въ городѣ, разумѣется,—тамъ насъ всѣ знаютъ,—а въ Буграхъ: это

Digitized by Google

въ двадцати-пяти верстахъ отсюда. Только я тебя прошу, не бери съ собой денегъ, *ея* денегъ.... у меня есть немного, на дорогу намъ хватитъ. (Насильно улыбаясь.) Тебѣ надо пріучаться быть бѣднымъ.

Айдаровъ.

Но какъ же это я поѣду впередъ, а тебя оставлю?...

Марья Ивановна.

Обо мнѣ не безпокойся, я вѣдь не безпомощная.... (помолчавъ) Ты скажешь ей?... Все? По-моему, лучше бы. Къ чему тебѣ скрываться? Ты свободенъ.... Мнѣ—другое дѣло: меня могутъ остановить, просто не пустить.

Айдаровъ.

Но я не могу рѣшиться. Подумай, какъ тяжело будетъ обоимъ намъ...

Въ это время, съ противуположной стороны сцены, входитъ Гульковъ, за нимъ Арина Власьевна и Груня, всѣ они крадутся осторожно, всматриваются, дѣлаютъ другъ другу знаки, наконецъ прячутся: Гульковъ въ кусты около самой дорожки, по которой Марья Ивановна должна пройти, Арина Власьевна и Груня еще подальше отъ нихъ за деревья.

Марья Ивановна.

Правда и то; пожалуй, опять не выдержишь. Напиши ей и оставь письмо.

Айдаровъ.

Вѣдь и такъ узнаетъ.

Марья Ивановна.

Да; но ударъ будетъ еще тяжелѣй. Бѣдная она!.. Но объ этомъ поздно думать. Не она одна несчастна... Придетъ время, ты опять вернешься къ ней.

Айдаровъ.

Никогда.

Марья Ивановна.

О, мой милый, къ чему себя обманывать! Я не хочу. Я прямо смотрю въ глаза будущему и твердо знаю, что меня ожидаетъ... Но я рѣшилась... День мой—вѣкъ мой... (помолчавъ) Теперь пора намъ разстаться... вѣдь я дома окружена шпіонами... быть можетъ, и теперь здѣсь слѣдятъ за нами... Ну, да пусть ихъ! Завтра выѣзжай часовъ въ десять. Здѣсь мы уже больше

Digitized by Google

не увидимся. Прощай, милый! (Онъ обнимаетъ ее и потомъ долго не выпускаетъ ея руки.) Ну, пора, пусти меня, иди.

Айдаровъ уходитъ. Она стоитъ нѣсколько минутъ неподвижно и потомъ идетъ въ противуположную сторону по дорогѣ вдоль пруда. Изъ-за кустовъ выползаетъ Гульковъ. Она вздрагиваетъ отъ неожиданности.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Марья Ивановна.

Кто это?

Гульковъ (съ притворнымъ удивленіемъ).

Марья Ивановна!.. Какимъ это образомъ? Понимаю-съ: вы должно быть видомъ любоваться изволили, или, быть можетъ, соловья послушать приходили... Такъ Александръ Сергѣевичъ тоже, кажется, соловьиное пѣніе любятъ...

Марья Ивановна молча идетъ дальше, онъ за ней, тихо свиститъ. Изъ-за деревьевъ выходятъ Арина Власьевна и Груня и заступаютъ ей дорогу.

ЯВЛЕНІЕ X.

Марья Ивановна, Гульковъ, Арина Власьевна и Груня.

Арина Власьевна.

А!.. полуночница!... безстыдница!... Жаль, что отецъ твой въ отъѣздѣ, а то бы я и его привела сюда, на дочку, на милую, полюбоваться!..

Груня.

Вотъ, сестрица, мнѣ вы все нравоученія читаете, а сами что дѣлаете!..

Арина Власьевна.

Развратница!

Марья Ивановна.

Арина Власьевна, я не желаю васъ слушать, пустите меня

Отстраняетъ ихъ и уходитъ.

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Айдаровъ.
Айдарова.
Марья Ивановна.
Клавдія.
Авдотья Савишна.
Человѣкъ Айдаровыхъ.
Климовъ, проѣзжій.
Филька, мальчикъ, слуга его.
Станціонный смотритель.
Староста и ямщики.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Комната въ домѣ Айдаровыхъ, накрытый столъ съ чайнымъ приборомъ, на немъ запечатанные пакеты газетъ, журналовъ. Айдарова подходитъ къ столу.

ЯВЛЕНІЕ I.

Айдарова.

А... почта... Только одно письмо (беретъ со стола письмо.) ко мнѣ, а почеркъ незнакомый! (распечатываетъ и пробѣгаетъ первую страницу.) Какая гадость!..(перевертываетъ) Безъ подписи, конечно...И какъ безграмотно написано! (Разсматриваетъ конвертъ.) Такъ и есть.... безъ почтоваго штемпеля... очевидно, здѣсь подсунули.... Да какъ это они смѣютъ писать ко мнѣ безымянныя письма? Я скажу Сашѣ... пусть онъ разбираетъ, кто изъ нихъ и.... только... (Садится къ столу.) вѣдь правду говорятъ, что отъ клеветы, самой презрѣнной, все-таки что нибудь да остается... (Входитъ Айдаровъ съ небольшимъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.) Саша! что это у тебя?

ЯВЛЕНІЕ II.

Айдаровъ и Айдарова.

Айдаровъ.

Я забылъ тебѣ сказать, Таня, что ѣду дня на два къ Камышеву,— онъ давно меня ждетъ. Даже немного неловко, что я до сихъ поръ не былъ у него.

Digitized by Google

Айдарова.

И ты сейчасъ ѣдешь?

Айдаровъ.

Да, сегодня же вечеромъ, послѣ чаю, часовъ въ десять я выѣду.

Садится къ столу.

Айдарова (разливая чай).

Какъ же это ты прежде не сказалъ мнѣ? Да и что за охота ѣхать такъ поздно! Ты пріѣдешь туда уже ночью,—вѣдь оно не близко.

Айдаровъ.

Верстъ тридцать—не больше. Днемъ жарко, а ночи теперь лунныя.... Я уже и лошадей заказалъ... почтовыхъ. Что это, почта пришла?... Письма есть?

Айдарова (нерѣшительно).

Нѣтъ.... только одно ко мнѣ... (поспѣшно), впрочемъ не интересное. (Молчаніе.) Саша, милый!... что если я тебя попрошу отложить эту поѣздку? Вѣдь тебѣ все равно—сегодня ли ѣхать, или въ другой разъ.

Айдаровъ.

А тебѣ развѣ не все равно?

Айдарова.

Нѣтъ!.. Мнѣ какъ-то не хочется отпустить тебя сегодня. Ты останешься?

Айдаровъ.

Но почему? Я тебя не понимаю, Таня.

Айдарова.

Милый мой! Это просто маленькій капризъ съ моей стороны, уступи ему...

Айдаровъ.

Ты меня не пріучила къ капризамъ.

Айдарова.

Тѣмъ болѣе... Ты не поѣдешь?... Нѣтъ?

Айдаровъ.

Но вѣдь ужь лошади сейчасъ подъѣдутъ.

Айдарова.

Такъ что-жь? Ихъ можно отослать. Позволь мнѣ это сдѣлать! Да?... (Подходитъ къ нему.) Ну, я тебя прошу...

Digitized by Google

Айдаровъ.

Да что съ тобой, Таня?

Айдарова.

Я сама не знаю. Такъ, словно предчувствіе какое-то. Не хочется мнѣ, чтобы ты уѣхалъ сегодня. Ну что тебѣ стоитъ уступить мнѣ!

Айдаровъ.

Пожалуй, изволь. Только.....

Айдарова (обнимаетъ его).

Мой милый!.. Какъ я тебѣ благодарна. Такъ ты не поѣдешь? Дай я разложу твой мѣшокъ. (Вынимаетъ и кладетъ на столъ разныя вещи.) Что это?.. Портреты дѣтей! Ты хотѣлъ взять съ собой?

Айдаровъ (смущенный).

Не хотѣлось мнѣ разставаться съ ними даже на два дня.

Айдарова.

Милый! (Съ укоромъ) А моего не взялъ?

Айдаровъ (указываетъ на медальонъ у часовой цѣпочки).

Но вѣдь ты у меня здѣсь...

Айдарова.

Ахъ, да, я позабыла. (Приближается къ нему.) А главное—здѣсь. (Указываетъ на сердце.) Не правда ли?

Айдаровъ.

Еще бы!

Входитъ лакей.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и лакей.

Лакей.

Лошади готовы.

Айдарова.

Отошлите ихъ. Александръ Сергѣевичъ не поѣдетъ сегодня.

Лакей.

Слушаю-съ.

Уходитъ.

Айдаровъ (про себя).

Боже мой! Еще черезъ этотъ стыдъ пройти... (Идетъ къ двери.)

Айдарова.

Саша! ты куда?

Digitized by Google

Айдаровъ.

Я сейчасъ вернусь. Надо разложиться. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Айдарова (одна).

Что со мной? Нѣтъ, что съ нимъ?... А я развѣ могу быть покойной послѣ всего яду, который они влили мнѣ въ сердце?... Что же это значитъ? Какъ хочется мнѣ показать ему это письмо.... Но теперь я не смѣю.... Мнѣ кажется, онъ прочтетъ въ моемъ лицѣ, что я сомнѣваюсь въ немъ....

Айдаровъ входитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Айдарова и Айдаровъ.

Айдарова.

Саша, послушай!... Ты вѣрно подумаешь, что я не на шутку раскапризничалась, но ужь такъ и быть, рѣшаюсь просить тебя еще вотъ о чемъ. Знаешь ли что, мой другъ?... Уѣдемъ отсюда.

Айдаровъ.

Уѣхать?... Но куда, зачѣмъ?

Айдарова.

Да просто вернемся въ городъ. Вѣдь ужь скоро и осень.... Правда, что недавно я сама просила тебя остаться здѣсь, даже на зиму, но теперь мнѣ этого ужь болѣе не хочется. Надоѣла деревня!

Айдаровъ.

Какъ это?... Такъ вдругъ!

Айдарова.

Должно быть, опять капризъ. Такъ какъ же ты рѣшишь?.. Уѣдемъ?

Айдаровъ.

Пожалуй.

Айдарова.

Скоро?

Айдаровъ.

Когда хочешь.

Айдарова.

О, какой ты добрый! Я увѣрена, что другихъ такихъ мужей, какъ ты, нѣтъ на свѣтѣ.

Digitized by Google

Айдаровъ (грустно).

Не говори этого.

Входитъ Авдотья Савишна.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Авдотья Савишна.

Авдотья Савишна.

Татьяна Николаевна, пожалуйте, у насъ все готово.

Айдаровъ.

Ты къ дѣтямъ?

Айдарова.

Да, купать ихъ и укладывать. Когда они будутъ въ постелькѣ, я пришлю за тобой, и ты придешь съ ними проститься.... Ахъ, я забыла тебѣ сказать: сегодня Сережа въ первый разъ выговорилъ: *папа*. Вотъ и няня слышала.

Авдотья Савишна.

Слышала, какже-съ. И такъ это онъ, ангельчикъ нашъ, чисто, да внятно сказалъ: па—па.

Айдарова.

Вѣдь вотъ Коля такъ гораздо позднѣй сталъ говорить.

Авдотья Савишна (вслушивается).

Никакъ плачетъ?... Пожалуйте, Татьяна Николаевна.

Айдарова.

Иду, иду, няня!

Обѣ уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Айдаровъ (говоритъ вслѣдъ женѣ).

Прощай, Таня!... Прости, если можешь.

Поспѣшно схватываетъ разложенныя вещи, бросаетъ все въ мѣшокъ и уходитъ въ другую дверь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ лакей и начинаетъ убирать со стола. Изъ противуположной двери входитъ Айдарова, очень блѣдная, взволнованная, озирается.

Айдарова.

Гдѣ Александръ Сергѣевичъ?

Digitized by Google

Лакей.

Должно быть, уѣхали: вѣдь они приказали, чтобы лошади дожидались ихъ за садомъ.

Айдарова (съ усиліемъ).

Знаю.... Но я думала, что еще застану его.... Идите.

Лакей.

Со стола не прикажете убирать?

Айдарова.

Послѣ.

Лакей уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Айдарова (одна).

Уѣхалъ!.. Обманулъ меня!.. Няня мнѣ правду сказала!.. Онъ увезъ ее!... Боже мой!...

Входитъ Авдотья Савишна.

ЯВЛЕНІЕ X.

Айдарова и Авдотья Савишна.

Авдотья Савишна.

Матушка, Татьяна Николаевна, здѣсь она, не уѣхала съ бариномъ-то. Солгала я вамъ! Сейчасъ бѣгала узнавать. Постучалась я къ нимъ, такъ она сама ко мнѣ вышла. Никого у нихъ дома нѣтъ, окромѣ ея....

Айдарова.

Не уѣхала!... Такъ что же это вы со мной дѣлаете?... О, пора мнѣ узнать всю правду.... Няня, сбирай дѣтей, приготовь все.... Мы сегодня же уѣдемъ отсюда.... всѣ....совсѣмъ.... Дай мнѣ что нибудь накинуть на плечи. (Няня подаетъ ей со стула кружевной платокъ.) Такъ. Я скоро вернусь... Чтобы все было готово, слышишь?

Авдотья Савишна.

Матушка, Татьяна Николаевна, что это вы задумали?... Куда вы?

Айдарова.

Пусти, я ужь знаю. (Уходитъ.)

Занавѣсъ.

Digitized by Google

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Комната Марьи Ивановны, двѣ кровати, на одной изъ нихъ спитъ Клавдія; окно открыто въ садъ. На полу чемоданъ, вещи разбросаны: Марья Ивановна укладываетъ ихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Ивановна (останавливается и смотритъ на часы).

Еще рано будить сестру. Мы выѣдемъ часа черезъ два. (Стукъ въ дверь.) Кто тамъ? (Входитъ Айдарова.) Татьяна Николаевна!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Марья Ивановна, Айдарова и Клавдія (спитъ).

Айдарова (указывая на дорожныя приготовленія).

Такъ это правда!... Мой мужъ уѣхалъ, и вы ѣдете за нимъ.... Онъ бросилъ меня и дѣтей!...

Марья Ивановна.

Правда....

Айдарова.

А я такъ долго не хотѣла вѣрить.... (приближается.) Послушайте, я не стану говорить о прошломъ, обо всемъ, что было.... Я пришла съ тѣмъ, чтобъ узнать всю правду отъ васъ самой, и узнала...

Марья Ивановна (перебивая).

Напрасно вы пришли.... Свиданіе между нами теперь нестерпимо тяжело обѣимъ, а повести оно ни къ чему не можетъ.

Айдарова..

Такъ неужели же мнѣ отпустить васъ съ нимъ, а самой навсегда отказаться отъ него?...

Марья Ивановна.

Что-жь дѣлать! Любитъ онъ не васъ, а меня.

Айдарова.

Пусть такъ!... Все-таки вы не можете отнять его у меня.

Марья Ивановна.

Не я у васъ, а вы у меня его отняли. Вѣдь мы съ нимъ уже

Digitized by Google

давно любили другъ друга, когда его заставили жениться на васъ.

Айдарова.

Заставили!... О, нѣтъ! Я знаю, что въ то время, по крайней мѣрѣ, онъ любилъ меня.

Марья Ивановна.

Васъ увѣрили въ этомъ тѣ, кому это нужно было,—его жадная къ деньгамъ, разоренная семья. Вы купили его себѣ....

Айдарова.

Боже мой!... Но если это правда, отчего же вы тогда не сказали мнѣ всего? Я бы не пошла за него, не смотря на то, что любила.

Марья Ивановна.

Отчего!... Да я сама сотни тысячъ разъ мучила себя этимъ вопросомъ, но ужь поздно было!... Вы говорите, что и вы любили его.... Можетъ быть. Но какъ?... Какъ полюбили бы всякаго другаго на его мѣстѣ, по тому только, что вамъ пришла пора любить! А я не такъ!... Неужели вы думаете, что я не боролась съ собой, не силилась вырвать изъ сердца мою любовь къ нему?... Но вы видите, къ чему оно повело.... Къ несчастью для всѣхъ насъ: мы опять встрѣтились, и правда взяла свое.

Айдарова.

Какая правда?.. Что бы ни было прежде, *теперь* только одна правда: *я*—его жена, *я*—мать его дѣтей, онъ на вѣки связанъ со *мною*, и ничто на свѣтѣ не можетъ дать ему права покинуть меня!

Марья Ивановна.

Какая правда?—Правда любви, правда жизни.... Вотъ какая! И *ваша* жалкая, законная правда уступаетъ *моей*!

Айдарова.

Послушайте, мы встрѣчаемся врагами, но все-таки, не смотря на все, я не перестала вѣрить въ васъ..... Вы откажетесь отъ его любви.... вы останетесь, а *я* поѣду къ нему!... Скажите мнѣ, гдѣ онъ?

Марья Ивановна.

Вы требуете невозможнаго.

Айдарова.

Невозможнаго!.. Да подумайте же, что *вы* дѣлаете!.. Я не стану

Digitized by Google

говорить о себѣ, о своемъ разбитомъ счастьѣ.... но мои бѣдныя дѣти! Что я скажу имъ, когда они подростутъ?... И неужели вы думаете, что онъ будетъ, что онъ *можетъ* быть счастливъ съ вами? Положимъ, меня онъ забудетъ,- я ему ненужна, но ихъ онъ не разлюбитъ!... Я знаю его.... онъ будетъ постоянно думать о нихъ, и придетъ пора, когда онъ захочетъ вернуться къ нимъ!...

Марья Ивановна.

Пусть вернется. Удерживать я его не стану.

Айдарова.

Но.... быть можетъ, тогда будетъ поздно. Теперь я все могу простить.... Я его такъ люблю.... но кто знаетъ?... Такое горе, какъ мое, долгое одиночество могутъ ожесточить меня.... Любовь пройдетъ, останется одно чувство смертельной обиды.... Онъ вернется ко мнѣ, а я оттолкну его отъ себя.... Но Богъ, милостивый Богъ не допуститъ такого несчастья. Я надѣюсь на Его помощь. Онъ внушитъ вамъ, что дѣлать.... Вы откажетесь отъ него!...

Марья Ивановна.

Нѣтъ, не откажусь! Вы говорите о своемъ несчастіи. Оно велико, конечно. Но у васъ еще много остается: ваши дѣти, ихъ любовь, ихъ ласка, общее сочувствіе, сознаніе своей правоты.... Меня же что ожидаетъ? Въ семьѣ—злоба, ненависть, ежеминутныя оскорбленія, насмѣшки, попреки.... и все это такое мелкое, такое грязное.... Уйти отсюда?... Но репутація моя погублена.... а главное, вѣра въ самое себя, уваженіе къ себѣ пропали.... И съ этимъ-то прожить, вѣроятно, еще много лѣтъ, такъ какъ я молода, и моихъ силъ и здоровья хватитъ надолго.... Нѣтъ, Татьяна Николаевна, *мнѣ* возвратъ невозможенъ.... У меня въ жизни ничего не осталось, кромѣ его любви, и я не пожертвую ею.... Вотъ вамъ мое послѣднее слово.... Прекратите же эту тяжелую сцену, уйдите.

Айдарова.

Послѣднее!... О, значитъ я не умѣла говорить съ вами. Вся судьба моя въ вашихъ рукахъ. Мнѣ слѣдовало просить васъ, умолять, вы бы сжалились надо мною. (хочетъ опуститься передъ ней на колѣни.)

Марья Ивановна (удерживая ее, сурово).

Перестаньте, не унижайтесь....

Digitized by Google

Айдарова.

Это не униженіе. Какъ жена, какъ мать, я требую отъ васъ величайшей жертвы, и хочу требовать ее у вашихъ ногъ! (опускается на колѣни.)

Марья Ивановна (съ видимымъ усиліемъ надъ собой, отталкиваетъ ее).

Пустите.... Мнѣ пора ѣхать.

Айдарова (поднимается).

Ну, такъ поѣзжайте же!... Богъ вамъ судья.... Но дай вамъ Господи никогда не испытать того, что я переживаю теперь... (Идетъ къ двери.) Прощайте....

Марья Ивановна.

Татьяна Николаевна.... постойте.... воротитесь.... я.... уступаю вамъ его.... Слышите.... я остаюсь.... поѣзжайте къ нему.... онъ ждетъ на станціи, въ Буграхъ.... Скажите ему, что я *никогда* не увижусь съ нимъ.... Ну, теперь идите, вамъ здѣсь нечего больше дѣлать.... Да идите же.... я хочу быть одна....

Айдарова.

О, я знала!... Я знала, что такъ будетъ... (быстро схватываетъ руку Марьи Ивановны и цѣлуетъ.)

Марья Ивановна (вырываетъ руку и почти насильно ведетъ Айдарову въ дверь).

Уходите, уходите, я не хочу васъ видѣть!

Айдарова уходитъ. Марья Ивановна возвращается, стоитъ нѣсколько мгновеній молча, потомъ подходитъ къ открытому окну.

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Ивановна и Клавдія (спитъ).

Марья Ивановна (у окна).

Что за свѣтлая, чудная ночь. Имъ хорошо будетъ ѣхать.... Какъ рѣка сверкаетъ!... Вѣдь *тамъ* тоже хорошо.... такъ прохладно.... такъ глубоко.... Тамъ можно потопить всякое горе.... всю жизнь.... и прошедшее, и будущее.... (содрагаясь) это страшное будущее!.... Вѣдь *это*—исходъ! Вѣдь *это*—спасенье!... Нѣсколько шаговъ.... и все кончено.... *все*! (задумывается, потомъ, рѣшившись, быстро идетъ къ двери, останавливается.) Куда это

Digitized by Google

я иду? На что я рѣшилась? А она? (указываетъ на Клавдію.) *Ей*— я нужна.... Умереть хорошо бы, но *надо* жить.... жить и терпѣть... (Подходитъ къ Клавдіи и будитъ ее.) Клавдія! Клавдія! Да проснись же, милая!

Клавдія (сквозь сонъ).

Маша! *ты* меня зовешь? Что, пора ѣхать? (приподнимается.)

Марья Ивановна.

Нѣтъ, мы не ѣдемъ. Но если можешь, не спи, побудь со мной, поговоримъ.... мнѣ тяжело.... мнѣ грустно.... Клавдія, скажи, ты любишь меня?...

Клавдія.

Больше всѣхъ на свѣтѣ.

Марья Ивановна.

Ты сама никогда не захочешь разстаться со мной?...

Клавдія.

Никогда! (зѣваетъ и потягивается.)

Марья Ивановна (порывисто цѣлуетъ ее).

О, моя милая! (Клавдія закрываетъ глаза.) Тебѣ очень хочется спать, моя бѣдная дѣвочка. (садится около ея постели.) Ну, положи головку сюда, ко мнѣ на грудь, дай мнѣ руку.... такъ.... покрѣпче.... теперь спи, мое дитя!

Занавѣсъ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Почтовая станція, ночь, на столѣ лежатъ разныя дорожныя принадлежности Айдарова, за сценой по временамъ слышны возгласы ямщиковъ, звонъ бубенчиковъ и т. д.

ЯВЛЕНІЕ I.

Айдаровъ (одинъ, ходитъ взадъ и впередъ по сценѣ).

Айдаровъ.

Что же это она не ѣдетъ?.. Ужь пора бы, кажется. Не случилось ли чего? Не помѣшали ли ей? Напрасно я согласился оставить ее. Слѣдовало бы намъ вмѣстѣ выѣхать, или, по крайней мѣрѣ, встрѣтиться гдѣ нибудь поближе, поскорѣй... (вслушивается.) Кажется, ѣдутъ... (Шумъ за сценой.) Она!...

Идетъ къ двери, но сталкивается съ входящимъ Алимовымъ, за которымъ слѣдуютъ мальчикъ съ дорожнымъ погребцомъ и ямской староста.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Айдаровъ, Алимовъ, Филька и староста.

Алимовъ (къ мальчику).

Сюда, ставь на столъ, Филька, да живѣй поворачивайся!.. Эй ты, староста, чтобы лошади мнѣ были поскорѣй готовы!

Староста.

Будутъ, ваше благородіе. Самоварчикъ принажете?

Алимовъ.

Не надо.

Староста и мальчикъ уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Айдаровъ и Алимовъ.

Алимовъ.

Честь имѣю кланяться, милостивый государь! Очень радъ случаю познакомиться... Вы тоже по тракту въ губернскій ѣхать изволите? (Айдаровъ молча отвѣчаетъ на поклонъ.) Говорилъ мнѣ смотритель, что тутъ рядомъ есть свободное помѣщеніе, но я предпочелъ здѣсь расположиться. Люблю компанію, даже въ дорогѣ... Надѣюсь, что не помѣшалъ вамъ?

Айдаровъ.

Нѣтъ, я скоро уѣду.

Алимовъ.

И я тоже: только вотъ закусить хочу, пока лошадей мѣняютъ... (Раскрываетъ свой погребецъ и вынимаетъ бутылку и закуску.) Да не угодно ли и вамъ со мной?..

Айдаровъ (сухо).

Нѣтъ, благодарю.

Алимовъ.

Напрасно; въ дорогѣ это никогда не мѣшаетъ. А можетъ быть вы это по тому, что мы незнакомы,—вѣдь иные на этотъ счетъ туги бываютъ, такъ честь имѣю рекомендоваться: помѣщикъ здѣшняго уѣзда, Ѳедоръ Степановичъ Алимовъ. Позвольте и мнѣ, въ свою очередь, узнать ваше имя, отчество и фамилію.

Айдаровъ (нетерпѣливо).

Айдаровъ.

Digitized by Google

Алимовъ.

Ба, ба, ба! Такъ вы не Сергѣя ли Николаевича, покойнаго, сынокъ?

Айдаровъ.

Его.

Алимовъ.

Ахъ, какая, можно сказать, наипріятнѣйшая встрѣча! (протягиваетъ руку) Вѣдь я знавалъ вашего батюшку... Какъ же!.. Да и рѣдкій кто изъ насъ, здѣшнихъ-то, не былъ съ нимъ знакомъ... Хлѣбосолъ былъ покойникъ... Такъ и вы наконецъ-таки изволили пріѣхать въ наши края, только, какъ видно, не надолго. Или вы теперь на короткое время отлучаетесь?

Айдаровъ.

Я самъ еще не знаю. Думаю, что не надолго.

Алимовъ.

Надѣюсь, что позволите мнѣ, по вашемъ возвращеніи, возобновить знакомство! Хотя мы съ вами сосѣди не близкіе, все-таки, за непремѣнный долгъ сочту явиться къ вамъ, въ Успенское... Славное оно имѣнье у васъ! Золотое бы дно, кабы у хорошаго хозяина въ рукахъ... Но только я вамъ скажу, что̀ за продувная шельма вашъ управляющій... И что онъ тамъ творилъ на просторѣ, да безо всякаго присмотру, такъ право вчужѣ досадно бывало слушать... Я бы его на вашемъ мѣстѣ прогналъ... (Наливаетъ себѣ рому.) Вы хоть бы рому стаканчикъ пропустили.

Айдаровъ.

Я ничего не хочу, благодарю васъ.

Алимовъ.

Напрасно; повѣрьте мнѣ, что вотъ отъ такого стаканчика всю дорожную усталь какъ рукой снимаетъ.... Рѣшительно не хотите? Эй ты, Филя, (Входитъ мальчикъ.) убирай все это, да про лошадей узнай. (Мальчикъ убираетъ со стола и уходитъ съ погребцомъ. Алимовъ подходитъ къ столу, беретъ и разсматриваетъ дорожные пистолеты Айдарова.) Это ваши?.. Вещь хорошая. Что, вы всегда ихъ съ собой въ дорогу берете? (Айдаровъ утвердительно киваетъ головой.) Что-жь! Оно пожалуй и не лишнее. Мало ли что можетъ случиться? Вотъ, на примѣръ, говорятъ, что въ Суходольскомъ лѣсу.... это въ двухъ станціяхъ отсюда.... такъ пошаливаютъ иногда.... только что теперь ночи свѣтлыя, такъ оно не опасно.... А славные пистолеты. Дорого за нихъ дали?

Digitized by Google

Айдаровъ.

Право, не помню.

Алимовъ.

Пари держу, что не дешево. Вотъ у меня тоже револьверъ имѣется; (Входитъ мальчикъ и стоитъ у дверей.) у жида-разнощика купилъ; такъ вѣдь надулъ мошенникъ, продалъ за англійскій, а кой чортъ англійскій, такая дрянь, что и въ руки-то взять опасно: того и гляди какъ нибудь выстрѣлитъ самъ. Такъ я его въ дорогу-то и не беру, разумѣется, а вотъ сабля ужь всегда со мной ѣздитъ. (къ мальчику) Филька, гдѣ наша сабля?

Мальчикъ.

Въ чемоданѣ-съ.

Алимовъ.

Въ чемоданѣ?.. Ахъ ты розиня, розиня! Да на что она намъ въ чемоданѣ нужна? Ну, если нападутъ на насъ разбойники, такъ ты въ чемоданъ доставать ее полѣзешь? А?.... Поди, вынь ее сейчасъ и положи въ тарантасъ, чтобы подъ рукой у меня была,— слышишь?

Мальчикъ.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Входитъ староста.

Староста.

Лошади готовы, ваше благородіе. (Айдарову) А вашей милости еще не прикажете закладывать?

Айдаровъ.

Нѣтъ, я еще подожду.

Алимовъ.

А мнѣ такъ пора. (Подаетъ руку Айдарову.) Ну-съ, желаю вамъ счастливаго пути! Очень, очень радъ, что пришлось познакомиться. Непремѣнно буду у васъ. До свиданія.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Айдаровъ (одинъ).

А ея все нѣтъ!.. Что это значитъ? Непремѣнно что нибудь да случилось... (Шумъ за сценой. Идетъ къ двери) Наконецъ... (Входитъ Айдарова.) Таня!...

ЯВЛЕНІЕ V.

Айдаровъ и Айдарова.

Айдарова (бросается ему на шею).

Да, Таня!.. Твоя жена!.. О, мой милый! Какъ я рада, что мы опять вмѣстѣ.... И мы уже не разстанемся.... никогда.... (обнимаетъ его.

Digitized by Google

Адаровъ.

Но какимъ образомъ ты здѣсь?.. Я не могу понять.

Айдарова.

Я вѣдь все знаю.... но я все простила.... Только ты уже не уѣдешь отъ меня.... моя радость!...

Айдаровъ.

Все знаешь! Но.... гдѣ же она? Что съ ней?

Айдарова.

Она—благородная душа. Я въ ней не ошиблась.... Я вымолила тебя у нея. Она велѣла тебѣ сказать, что *никогда* больше не увидится съ тобой.

Айдаровъ.

Но я.... не могу жить безъ нея.

Айдарова.

Милый!.. А я?.. Подумай же и обо мнѣ!.. А дѣти?.. Знаешь, вѣдь и они здѣсь. Мы сейчасъ же уѣдемъ отсюда всѣ, навсегда, и все это оставимъ за собой, какъ тяжелый, страшный сонъ, который постараемся позабыть....

Айдаровъ (мрачно).

Нѣтъ, это не сонъ.... Этого нельзя забыть.... Вѣдь я ее погубилъ!... Какъ же я брошу ее теперь?...

Айдарова.

А развѣ насъ ты можешь бросить?.. Меня.... твоихъ дѣтей?... Она справится со своимъ несчастьемъ, у ней сильный характеръ.... Мой милый! я вѣдь понимаю, какъ тебѣ тяжело.... но жизни еще много впереди.... Богъ поможетъ намъ.... Я тебя такъ, такъ люблю.... Я знаю, что верну и твою любовь.... Клянусь тебѣ, ты никогда не услышишь отъ меня единаго слова упрека.... Да я и не считаю тебя виноватымъ: я смотрю на все, что случилось, какъ на большое несчастіе; но, повѣришь ли, я его ожидала, я знала, что оно придетъ.... не *это*, нѣтъ.... но, вообще испытаніе, горе.... Я была слишкомъ счастлива, оно не могло продолжаться.... но все это пройдетъ.... Милый мой! да взгляни же на меня, отвѣчай мнѣ, скажи хоть слово....

Айдаровъ.

Ты прощаешь мнѣ, Таня, но я самъ не могу простить себѣ.... Что я сдѣлалъ съ вами, съ ней, съ тобой?... Чѣмъ я заплатилъ

Digitized by Google

за твою любовь?... Нѣтъ, не говори мнѣ о возможности счастья.... оно навсегда разрушено.... Послѣ всего этого.... жить нельзя....

Айдарова.

Что ты сказалъ?... Жить нельзя!... Но развѣ ты забылъ, Кто далъ тебѣ жизнь? Кто Одинъ воленъ въ ней?... Нѣтъ, милый, ты будешь жить!... Я помогу тебѣ нести твое горе.... Какъ только настанетъ тяжелая минута, приходи ко мнѣ, я поддержу тебя.... Мы переживемъ все это рука объ руку, душа въ душу.... и, вѣрь мнѣ, еще много хорошаго, свѣтлаго ждетъ насъ впереди.... Только обѣщай мнѣ никогда больше не говорить такихъ страшныхъ словъ....

Айдаровъ.

Развѣ ты еще вѣришь моимъ обѣщаніямъ?

Айдарова.

Вѣрю, потому что люблю тебя, мой милый, и еслибы ты только зналъ, *какъ* люблю!...

Айдаровъ (обнимая ее).

Таня, ты—ангелъ!...

Айдарова.

Нѣтъ, нѣтъ, только твоя Таня, твоя любящая, твоя счастливая Таня... (Молчаніе.) Но намъ пора. Поѣдемъ, милый, дѣти спятъ въ каретѣ, я велѣла закладывать, ужь должно быть готово. Какое во мнѣ страстное желаніе увезти тебя отсюда поскорѣй.... подальше....

Айдаровъ.

Такъ поѣдемъ же.... Только (останавливая ее) скажи мнѣ еще разъ: ты мнѣ искренно прощаешь?... *все* прощаешь?

Айдарова.

Еще бы!

Айдаровъ.

Иди же, а я сейчасъ....

Айдарова идетъ къ выходной двери, потомъ возвращается.

Айдарова.

Знаешь, только когда мы будемъ всѣ вмѣстѣ, въ каретѣ, я опять почувствую, что ты весь нашъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Айдаровъ (одинъ).

Неужели ты права?... И можно не только жить, но даже пере-

Digitized by Google

жить, забыть?... А она?.... На какой адъ я *ее* покидаю!... *Она* не можетъ простить!... И какъ безумно я люблю ее!... Забыть!... Нѣтъ, такъ жить нельзя... (беретъ со стола пистолетъ.) Онъ говорилъ, этотъ проѣзжій: мало ли что можетъ случиться.... Вотъ и случилось... (взводитъ курокъ.) Только не здѣсь.... сюда войдутъ, помѣшаютъ... Куда бы мнѣ?.. (припоминая.) А!... «свободное помѣщеніе-то» рядомъ. (идетъ къ боковой двери.) Таня, я еще разъ обманулъ тебя.... но ужь это въ послѣдній. (уходитъ и запираетъ за собой дверь.)

Нѣсколько секундъ длится тишина. Потомъ раздается выстрѣлъ, въ середнюю дверь вбѣгаетъ Айдарова, потомъ и остальные.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Айдарова, потомъ смотритель, староста, лакей Айдаровыхъ и ямщики.

Айдарова.

Что это было?... Саша!... Гдѣ онъ?... Гдѣ? Неужели это онъ?... Господи!... Саша! Саша! Гдѣ ты!... Отвѣчай. (бросается къ дверямъ.) А, здѣсь!... (силится отворить.) Отворите мнѣ.... Да отворите же!.... (Всѣ тѣснятся у дверей.)

Смотритель.

Должно быть, изнутри крючокъ заложенъ.... Нечего дѣлать, выламывайте, ребята.

Дверь подается. Айдарова первая бросается впередъ. Слышенъ ея отчаянный вопль. За ней входятъ и другіе.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же. Входитъ Авдотья Савишна.

Авдотья Савишна.

Батюшки свѣты!... Да что такое приключилось?

Одинъ изъ ямщиковъ (шепотомъ).

Баринъ ишь застрѣлился....

Авдотья Савишна.

Охъ!.. Пустите! (протѣсняется сквозь народъ.)

Digitized by Google

Смотритель (выходитъ.)

За священникомъ, скорѣй.... да становому сказать.... Онъ дома.... Ну, чего стоите, скорѣй, говорятъ вамъ!

Нѣкоторые уходятъ.

Лакей (появляется на порогѣ).

Да пошлите же за священникомъ... Того и гляди, помретъ безъ покаянія.

Авдотья Савишна (съ крикомъ выбѣгаетъ).

Отошелъ!... Царство ему небесное!

Занавѣсъ

О. Голохвастова

Digitized by Google

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

Задача и метода государственныхъ наукъ. Очерки современной политической литературы. *В. Сергѣевича*, доцента Императорскаго Московскаго университета. **Москва 1871.**

I.

Характеристическую черту нашей эпохи составляетъ богатое разнообразіе историческихъ событій, съ необыкновенной быстротой смѣняющихъ другъ друга. Понятна поэтому та масса возрѣній, самыхъ противоположныхъ, которыя высказываются и въ наукѣ и литературѣ, на явленія современной жизни; понятна эта умственная анархія, въ силу которой одна партія признаетъ неоспоримо-истиннымъ, абсолютно-вѣрнымъ то, что другая съ такою же положительностью отвергаетъ какъ абсолютно-ложное и ни къ чему негодное. Въ этомъ широкомъ и всеувлекающемъ потокѣ исторической жизни, въ этомъ рѣзкомъ диссонансѣ мнѣній, въ этомъ дисгармоническомъ, раздирающемъ концертѣ положеній, взаимно обличающихся во лжи, только наукѣ дано по временамъ выводить на свѣтъ божій истину, столь ясную и разительную, что самыя противуположныя мнѣнія и партіи не могутъ съ ней не согласиться. Такъ теперь никто не отвергаетъ, что въ современной исторіи, съ одной стороны, совершается всеобщій процесъ разложенія, благодаря которому старый порядокъ вещей день ото дня становится невыносимѣе и грозитъ рушиться если не вдругъ, то по частямъ; съ другой, нигдѣ еще не удалось установить новаго порядка, который обѣщалъ бы хоть какую нибудь прочность. То и другое одинаково относится какъ къ политической системѣ Евро-

Digitized by Google

ны вообще, такъ и къ внутреннему быту отдѣльныхъ государствъ въ частности. Призрачность, непрочность, случайность, что-то такое, что нынче возникло, а завтра обѣщаетъ исчезнуть,—вотъ отличительный и повсюдный характеръ политико-соціальныхъ явленій нашего времени. Ходомъ исторіи Европа сдвинута со старыхъ основъ и ищетъ новыхъ.... Но гдѣ онѣ, эти новыя основы? Что̀ всѣ эти конституціи и законодательныя реформы, чуть не каждый годъ смѣняющія одна другую путемъ революцій и реакцій?—Обманчивые миражи, пленительные оазисы, встрѣчаемые на пути всеобщаго движенія и разрушенія. Къ нимъ стремятся люди, на нихъ останавливается исторія. Но каждая изъ этихъ остановокъ ни болѣе, ни менѣе какъ временный отдыхъ, военный бивуакъ, вооруженное перемиріе, вслѣдъ за которымъ наступаетъ новая борьба, новое разрушеніе... Таковъ весь ходъ исторіи XIX вѣка, развернувшійся теперь въ страшную, кровавую драму соціальной борьбы во Франціи — этомъ животрепещущемъ пульсѣ историческаго движенія Европы.

Если такое положеніе дѣлъ не нуждается въ подтвержденіи и доказательствахъ, потому что современныя событія слишкомъ бьютъ въ глаза, чтобы съ нимъ не согласиться, зато тѣмъ болѣе требуетъ оно объясненія. Человѣкъ никогда не могъ, тѣмъ болѣе не можетъ въ наше время, отказаться отъ сознанія дѣйствительности, отъ того или другаго пониманія окружающей его среды и совершающихся передъ нимъ событій. Напротивъ, онъ всегда стремится не только понять и уяснить окружающую его жизнь, но и, по возможности, подчинить ее себѣ, расположить въ свою пользу, по требованію своихъ выгодъ и удобствъ. Въ этомъ собственно и состоитъ исторія. Только въ самую раннюю пору своей культуры, въ эпоху историческаго дѣтства, человѣкъ прибѣгалъ къ покровительству фатума, ссылался на неизбѣжность судьбы, оставлялъ дѣла идти такъ, какъ они шли сами собой. Такого отношенія къ жизни и исторіи наше время не допускаетъ. Напротивъ, все оно поглощено стремленіемъ дать событіямъ иное, лучшее направленіе, чѣмъ они имѣютъ въ дѣйствительности. Интересъ къ вопросамъ общественнымъ въ наше время возрастаетъ со дня на день, доходя иногда до лихорадочнаго, судорожнаго напряженія умовъ. Жизнь ставитъ грозные, кровавые вопросы, народныя массы стремятся свести старые, не конченные счеты съ преобладающими класами, и общественное зданіе вѣковъ грозитъ разлетѣться въ дребезги. Живой примѣръ такого

Digitized by Google

неестественнаго напряженія соціальныхъ силъ и послѣдовавшаго за тѣмъ страшнаго взрыва представляетъ, какъ мы сказали, въ настоящую минуту Франція.

Вопросъ въ томъ: какое направленіе долженъ былъ сообщить этотъ лихорадочный, хаотическій, взбудораженный во всѣхъ своихъ основахъ характеръ эпохи европейскому политическому мышленію? Какъ онъ повліялъ на современное пониманіе соціальныхъ явленій и ихъ историческаго движенія?

Разрушеніе стараго порядка путемъ революцій и неудачныя попытки къ созданію новаго путемъ конституцій, постоянно повторяющіяся,—въ этихъ немногихъ словахъ вполнѣ выражается внѣшній характеръ политико-соціальнаго кризиса, переживаемаго Европой. Что старое старѣетъ и умираетъ, это понятно. Помѣшать этому не у многихъ есть желаніе, да и нѣтъ возможности. Старое должно старѣть, разрушаться, умирать: таковъ ужь законъ жизни, измѣнить который не въ состояніи никакія усилія людей. Потому за старый порядокъ нѣтъ общественнаго сочувствія; безъ вздоховъ и сожалѣній кладетъ его въ гробъ исторія. Всѣ здоровыя и свѣжія симпатіи общественной мысли и чувства обращаются къ новому. Оно предназначается на смѣну старому, расчитываетъ на рѣшеніе вопросовъ, поставленныхъ самой исторіей, совпадаетъ и гармонируетъ съ интересами и заботами дня,—стало быть, должно жить, развиваться, крѣпнуть; и если вмѣсто того оказывается такъ же несостоятельнымъ и непрочнымъ, какъ и старый государственный строй, сломившійся подъ напоромъ жизни,—значитъ, причина въ немъ самомъ, въ его постановкѣ, въ его конструкціи, будетъ ли то ошибочность исходныхъ пунктовъ, отъ которыхъ отправляется историческая новизна, или негодность средствъ, которыми она пользуется, или фальшивая постановка цѣлей, къ которымъ стремится, или и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Къ такому именно выводу долженъ былъ привести современную политическую мысль самый ходъ событій. Этотъ выводъ казался и былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ несомнѣннѣе, что въ основѣ всѣхъ политическихъ и общественныхъ нововведеній XIX вѣка лежали общія отвлеченныя доктрины метафизическаго свойства, которыя съ конца прошлаго столѣтія распространились по всему цивилизованному міру. Всѣ новѣйшія западныя конституціи и общественныя реформы имѣютъ это доктринальное, метафизическое происхожденіе. Стало быть, непрочность, измѣнчивость ихъ означала не что иное, какъ несостоятельность са-

Digitized by Google

мыхъ теорій, изъ которыхъ заимствованы ихъ основы. Такимъ образомъ желаніе выйти изъ современнаго политико-общественнаго кризиса естественно привело политическую мысль къ критикѣ и отрицанію существовавшихъ доселѣ политическихъ доктринъ.

Два направленія заправляли политическимъ мышленіемъ большинства, а въ силу этого и государственною практикою XIX вѣка: *метафизическое и теологическое*. Къ первому принадлежатъ теоріи *народовластія и чистаго разума;* ко второму—теорія *божественнаго права*. Принципъ *народовластія*, народной воли—это принципъ самой *революціи*; онъ представляетъ изъ себя дѣйствительную, движущую силу исторіи, какъ скоро дѣло сводится къ разрушенію стараго строя. Народная воля обладаетъ безспорно реальной силой и способностью разрушить до основанія каждое данное политическое устройство, и доказала это въ нашу богатую великими событіями и грандіозными переворотами эпоху нѣсколько разъ. Но она оказалась безсильной, для построенія новыхъ политическихъ организмовъ: ей не удалось обосновать и утвердить ни одной конституціи, и вѣроятно долго не удастся, потому что сама она, эта народная воля, представляетъ не что иное, какъ чистую *измѣнчивость*, чистое *непостоянство*, свободныя отъ всякой примѣси устойчивости,—а на такомъ подвижномъ флюгерѣ, способномъ колебаться во всѣ стороны, при каждомъ самомъ легкомъ дуновеніи политическаго вѣтра, не можетъ быть основана никакая конституція, никакой государственный порядокъ. И вотъ на этой-то слабой сторонѣ народовластія покоится, съ другой стороны, по видимому непонятная въ наше время, теорія *божественнаго права*, какъ специфическій принципъ *реакціи*. Представляя собою радикальную противуположность народовластію, она естественно вызывается каждымъ его порывомъ въ силу простаго закона причинности, по которому дѣйствіе не можетъ не вызвать противодѣйствія. Представители этой теоріи справедливо утверждаютъ, что фундаментомъ государства должно быть нѣчто болѣе прочное и менѣе измѣнчивое, чѣмъ народная воля,—стало быть, нѣчто независимое отъ нея. А что можетъ стать выше въ этомъ отношеніи абсолютной, непреклонной воли божества, предъ которой обращается въ ничто всякое противорѣчіе? Но дѣло въ томъ, что проповѣдники этой теоріи, при всемъ напряженіи своихъ силъ, никакъ не могутъ указать, какія формы государственнаго строя предписаны намъ Богомъ, и всѣ

Digitized by Google

ихъ длинныя проповѣди сводятся, въ концѣ концевъ, къ *чувству кроткаго смиренія*. Гораздо лучше дѣлаютъ тѣ изъ нихъ, которые сами себя объявляютъ провозвѣстниками божественной воли и силою заставляютъ непокорныхъ подчиняться своимъ вдохновеніямъ; но обыкновенно эти вдохновенія такъ суровы, что ихъ не можетъ долго выносить народъ, и мѣра его кроткаго терпѣнія, въ концѣ концевъ, истощается. Среди этихъ другъ другу противуположныхъ теорій стоитъ теорія *чистаго разума*, противуставляющая себя имъ обѣимъ. Она уже по тому кажется симпатичнѣе двухъ первыхъ, что занимаетъ между ними среднее положеніе. Къ тому же, кто ссылается на разумъ, тотъ уже этимъ самымъ имѣетъ за себя лучшую рекомендацію, потому что предполагается, что онъ и дѣйствовать будетъ разумно, такъ какъ обыкновенно никто не желаетъ открыто поступать безразсудно. Такимъ образомъ кажется, что вліяніе разума, съ одной стороны, должно сдержать измѣнчивую, легкомысленную, безразсудную прихотливость народной воли, съ другой—возтановить свободу, которую уничтожаетъ теорія божественнаго права, такъ какъ, слушаясь разума, каждый слушается самого себя. Далѣе, такъ какъ изъ разума можетъ быть выведена цѣлая система вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, то кажется, что этимъ путемъ можетъ быть найденъ самый прочный фундаментъ для государственнаго строя,—такой фундаментъ, который если не будетъ такъ же вѣченъ, какъ вѣчны законы разума, то, во всякомъ случаѣ, будетъ имѣть наипродолжительнѣйшее существованіе. Но, увы, опыты Франціи совершенно подорвали вѣру въ эту продолжительность, не говоря уже о вѣчности. Теорія чистаго разума оказалась тамъ такъ же неспособна—прочно и незыблемо установить новый государственный строй, какъ и теорія народной воли, съ которой, къ тому же, первая постоянно вступала въ наитѣснѣйшій союзъ, чтобы бѣглымъ маршемъ погонять конституцію за конституціей, пока наконецъ не появился Наполеонъ и не пріостановилъ эту плодовитую изобрѣтательность разума. Германія тѣмъ временемъ дѣлала теоретическіе опыты построенія разумной системы государства; но эти опыты съ наивной откровенностью обнаружили міру всю измѣнчивость вѣчныхъ истинъ разума. Міръ узналъ, что чистый разумъ одно говоритъ чрезъ Канта, совершенно другое чрезъ Фихте, третье чрезъ Шеллинга, четвертое чрезъ Гегеля и т. д. Такимъ образомъ, съ каждой философскою системой появлялась и особая теорія государственнаго строя,

Digitized by Google

иногда доходившая до прямой противуположности съ другими, такъ что и полнѣйшая неспособность государственныхъ системъ, построенныхъ на чистомъ разумѣ, положить прочное основаніе новому государственному зданію стала ясна каждому, кто намѣренно не хотѣлъ закрывать глаза.

Таковы три отвлеченные принципа, заправлявшіе политическимъ движеніемъ новаго времени. Правда, съ полнымъ сознаніемъ и послѣдовательностью, эти принципы проводились лишь въ философскихъ системахъ, но это не мѣшало, а содѣйствовало имъ проникнуть и въ политическую науку, и въ воззрѣнія гражданъ, и въ государственную практику, такъ что, при серьезномъ изслѣдованіи, все сводилось къ этимъ тремъ принципамъ. Отсюда, сама собой становится понятною всеобщая и бьющая въ глаза непрочность и негодность новыхъ конституцій, а равно и всѣхъ политическихъ мѣропріятій нашего времени. Имъ всѣмъ недоставало твердаго, фактическаго, реальнаго основанія; это были зданія, построенныя на пескѣ, а потому такъ легко и рушились одно за другимъ, не смотря, по временамъ, на свой гордый и величественный видъ. И могло ли быть иначе, когда точкою отправленія служили имъ указанныя три теоріи, которыя, при всемъ ихъ внутреннемъ различіи, сходятся именно въ томъ, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ основанія? Что можетъ колебаться легче океана народной воли, а вѣдь политико-общественный организмъ долженъ имѣть наипрочнѣйшее основаніе? По отношенію къ этому зыблющемуся и бушующему океану, самъ чистый разумъ представляется въ образѣ вѣчнаго покоя, хотя на самомъ дѣлѣ, въ своихъ вѣчныхъ истинахъ и планахъ, онъ такъ же измѣнчивъ и безконечно плодовитъ, какъ и народная воля. Правда, онъ самъ по себѣ есть уже нѣчто реальное; но такъ какъ все реальное, въ силу принципа чистаго разума, изгоняется изъ построенныхъ на немъ системъ, то въ этомъ отношеніи онъ становится ниже самаго принципа народовластія. Наконецъ, что можно сказать о теоріи божественнаго права, которая вмѣсто того, чтобы «строить свое государственное зданіе въ облакахъ, потому что тамъ, можетъ быть, оно ей и удалось бы, строитъ его на землѣ изъ облаковъ»? Произвольны, эфемерны, въ полномъ смыслѣ слова, всѣ эти теоріи. Понятно поэтому то сильно-отрицательное отношеніе къ нимъ, которое все болѣе и болѣе внѣдряется въ умы нашего времени и по временамъ доходитъ до без-

Digitized by Google

пощаднаго глумленья. Конечно, очень часто это крайнее проявленіе отрицанія дѣлается безсознательно, по крайней мѣрѣ, очень дурно мотивируется, тѣмъ не менѣе въ немъ нельзя не видѣть знаменія времени, отголоска дѣйствительнаго общеевропейскаго поворота въ поступательномъ движеніи политической мысли, признака вступленія ея въ новую фазу развитія. Можно сказать безъ преувеличенія, что періодъ отвлеченнаго доктринерства въ политико-общественной сферѣ миновалъ безвозвратно. Авторитетъ божественнаго права, народной воли и разума сломился подъ давленіемъ неудержимаго потока жизни. Для обезпеченія дальнѣйшаго прогреса, для спасенія цивилизаціи, угрожаемой перекрестнымъ огнемъ революцій и реакцій, возникло новое ученіе, вполнѣ реальное, все погруженное въ жизнь, не отвлекающееся отъ земли ни на шагъ—ученіе *положительное*.

II.

Въ чемъ состоитъ сущность *положительнаго* взгляда на государство; какъ положительное воззрѣніе понимаетъ государство въ каждомъ данномъ состояніи и историческомъ развитіи: вотъ вопросъ, который собственно составляетъ предметъ настоящей статьи. Поэтому необходимо сдѣлать предварительно общій очеркъ положительнаго пониманія соціальныхъ явленій и вытекающаго изъ этого пониманія отношенія къ нимъ научной, положительной мысли. Тогда самъ собой опредѣлится основной пунктъ, исходная точка положительнаго воззрѣнія на государство. Общая сторона положительнаго ученія прекрасно изложена г. Сергѣевичемъ въ его трудѣ «*Задача и метода государственныхъ наукъ*» (стр. 33—46, 178—231*). Въ краткомъ, сжатомъ, но полномъ очеркѣ, безъ упущенія существенныхъ подробностей, представлены здѣсь всѣ основныя начала положительной школы, въ томъ видѣ, какъ они разработаны лучшими представителями ея: Огюстомъ Контомъ, Миллемъ и Льюисомъ.

Положительная мысль въ изслѣдованіи соціальныхъ явленій прежде всего отправляется отъ гипотезы постоянныхъ законовъ, управляющихъ этими явленіями, въ противуположность метафизиче-

*) Той части сочиненія г. Сергѣевича, гдѣ онъ излагаетъ и разбираетъ взгляды нѣмецкихъ ученыхъ на государственную науку, мы коснемся въ другомъ мѣстѣ нашей статьи.

Digitized by Google

скому взгляду, считающему человѣческую личность творцемъ всего окружающаго ее соціальнаго порядка и, стало быть, ничего не видящему въ этомъ порядкѣ, кромѣ случая и человѣческаго произвола,—и въ противуположность теологическому, ставящему источникъ соціальныхъ явленій внѣ самаго соціальнаго порядка—въ предначертаніяхъ и въ волѣ божества. Къ этому предположенію постоянныхъ законовъ, управляющихъ соціальными явленіями, положительная философія, съ одной стороны, была приведена успѣхами естествознанія, открывшаго въ области природы дѣйствіе этихъ постоянныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, съ другой—неудачами многочисленныхъ попытокъ пересоздать соціальный бытъ по личному произволу, на основаніи отвлеченныхъ политическихъ ученій. Это предположеніе постоянныхъ законовъ, управляющихъ соціальными явленіями, все болѣе и болѣе подтверждается въ наше время раціональнымъ изученіемъ соціальной жизни и законовъ человѣческой природы. Такимъ образомъ, какъ точныя естественныя науки, такъ и политическія общественныя имѣютъ общую задачу—изученіе законовъ, управляющихъ явленіями. Вся разница между ними—въ степени сложности этихъ явленій, которыя несравненно значительнѣе въ области соціальной сравнительно съ областью естествознанія, что̀, главнымъ образомъ, затрудняетъ развитіе политическаго и общественнаго знанія сравнительно съ естественнымъ (183—184).

Отправляясь отъ этой гипотезы, положительная мысль разсматриваетъ дѣйствіе законовъ, управляющихъ соціальными явленіями, въ двухъ направленіяхъ, въ какихъ совершается сама соціальная жизнь: въ направленіи *статическомъ*, устойчивомъ, и въ направленіи *динамическомъ*, прогресивномъ. Такимъ образомъ положительное воззрѣніе приходитъ къ изученію соціальныхъ явленій подъ двумя углами, подъ двумя точками зрѣнія: въ порядкѣ ихъ сосуществованія и въ порядкѣ послѣдовательности.

Соціальныя явленія, существующія въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, находятся, по положительному воззрѣнію, въ постоянномъ воздѣйствіи другъ на друга, такъ что каждое данное соціальное состояніе есть результатъ взаимодѣйствія всѣхъ элементовъ, существующихъ въ томъ или другомъ обществѣ,—гармонія или согласіе всѣхъ реальныхъ силъ, заправляющихъ этимъ обществомъ, такъ сказать, ихъ равнодѣйствующая. Въ силу этого постоянно перекрещивающагося вліянія соціальныхъ

Digitized by Google

фактовъ другъ на друга, происходитъ то, что при данныхъ факторахъ возможенъ только извѣстный, а не другой какой либо соціальный результатъ. Этимъ объясняется, почему «одни феномены государственной жизни не могутъ ужиться рядомъ и исключаютъ другъ друга, а другіе, на оборотъ, вызываютъ другъ друга»: въ данной странѣ и въ данное время возможно только извѣстное соціальное состояніе, опредѣляемое дѣйствующими факторами, а не всякое, какое было бы желательно. Такимъ образомъ соціальный строй всегда солидаренъ, на пр., съ распредѣленіемъ экономическихъ и нравственныхъ силъ между общественными класами, съ общимъ уровнемъ умственнаго развитія, характеромъ народа и проч. Итакъ, законы сосуществованія явленій приводятъ каждое данное общество къ извѣстному согласію или гармоніи, которая является необходимымъ плодомъ взаимодѣйствія всѣхъ существующихъ въ этомъ обществѣ факторовъ. Разумѣется, эта гармонія не тождественна съ идеальнымъ порядкомъ. Самый неудовлетворительный, въ отношеніи къ развитію и благосостоянію гражданъ, порядокъ можетъ представлять, съ точки зрѣнія статики, совершенную гармонію, такъ что гармонія эта въ одинаковой мѣрѣ можетъ существовать, на пр., въ Турціи и Соединенныхъ штатахъ. Эта зависимость соціальныхъ явленій одного отъ другаго приводитъ къ необходимости совмѣстнаго ихъ изученія въ ихъ взаимодѣйствіи, такъ что имѣть при изученіи постоянно въ виду всю совокупность общественныхъ явленій составляетъ существенное требованіе положительнаго воззрѣнія въ области статики (184—187).

Но законы, управляющіе соціальными явленіями, дѣйствуютъ не только въ порядкѣ статики, устойчивости, но и въ порядкѣ динамики, прогреса, измѣнчивости. Основное положеніе здѣсь состоитъ въ томъ, что каждое соціальное состояніе ближайшую свою причину имѣетъ въ состояніи непосредственно ему предшествовавшемъ. Отсюда—неизбѣжная связь настоящаго съ прошедшимъ, будущаго съ настоящимъ. Такимъ образомъ раскрываются законы послѣдованія соціальныхъ фактовъ, законы движенія, прогреса. Но какъ подъ гармоніей соціальныхъ явленій разумѣется не идеальный порядокъ вещей, точно такъ же и подъ идеей прогреса понимается не непремѣнное улучшеніе въ каждомъ данномъ случаѣ послѣдованія. Въ послѣдованіи соціальныхъ явленій признается возможнымъ переходъ отъ лучшаго къ худшему состоянію. Сущность прогреса состоитъ въ томъ, что

Digitized by Google

въ каждую позднѣйшую эпоху соціальное состояніе различается отъ предыдущаго, и это различіе тѣмъ больше, чѣмъ отдаленнѣе сравниваемыя эпохи. «Только въ этомъ смыслѣ человѣчество всегда и неотступно идетъ впередъ». Но, не признавая, согласно опыту, улучшенія въ поступательномъ движеніи съ каждымъ новымъ шагомъ, положительное воззрѣніе, тѣмъ не менѣе, принимаетъ, что преобладающее направленіе измѣненія, въ концѣ концевъ, путемъ тяжелой борьбы и ошибокъ, ведетъ человѣчество къ лучшему (187—188).

Раскрытіе законовъ соціальныхъ явленій въ ихъ статическомъ и динамическомъ движеніи составляетъ предметъ *чистой соціальной науки*. Эта чистая соціальная наука должна «разъяснить связь, существующую какъ между явленіями единовременными, такъ и слѣдующими одни за другими въ порядкѣ времени,—должна раскрыть родъ и степень вліянія одного явленія на другое и, въ концѣ концевъ, вывести законы какъ сосуществованія, такъ и преемственности явленій» (34).

«Такимъ образомъ чистая наука ничего не предписываетъ,—она изучаетъ только связь фактовъ; она не говоритъ, что должно быть, а только то, что есть и какъ». Такая наука, очевидно, не можетъ быть непосредственной руководительницей политико-соціальной практики. Между наукой и практикой должна быть посредница, роль которой принадлежитъ *прикладной наукѣ*. Начала, выработанныя чистою наукой, она предлагаетъ въ формѣ удобной для практическихъ цѣлей, указываетъ тотъ путь, которымъ цѣли практическаго дѣйствія могутъ быть достигнуты. Зная изъ чистой науки причины и слѣдствія явленій; зная, какія явленія ведутъ къ какимъ цѣлямъ, и отправляясь отъ тѣхъ цѣлей, достиженіе которыхъ желательно,—прикладная наука опредѣляетъ, такимъ образомъ, при помощи чистой, тѣ средства, которыя ведутъ къ этимъ цѣлямъ. Но прикладная наука не можетъ дать правила на каждый отдѣльный случай дѣйствительной жизни; она предлагаетъ свои совѣты въ болѣе или менѣе общей формѣ, внѣ индивидуальной обстановки отдѣльныхъ случаевъ (43—44). Послѣдніе выпадаютъ на долю самой практики—*практическаго искусства*. Оно есть «самое дѣйствіе при данныхъ условіяхъ дѣйствительной жизни», потому не можетъ ограничиться тѣми указаніями, кои даютъ чистая и прикладная науки; оно должно обладать множествомъ такихъ свѣдѣній, которыхъ не даетъ никакая наука; оно должно знать «всѣ условія данной дѣйствительности,

Digitized by Google

всѣ ея потребности и наконецъ всѣ тѣ силы, которыми она можетъ располагать для достиженія своихъ цѣлей въ каждомъ данномъ случаѣ» (46). Здѣсь, по видимому, представляется на первый взглядъ нѣкоторе противорѣчіе въ положительномъ воззрѣніи. Такъ какъ соціальныя явленія въ своемъ сосуществованіи и послѣдовательности подчиняются постояннымъ и отъ воли человѣка не зависящимъ законамъ, которыми занимается чистая наука, то возможна ли вообще, по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ, практическая наука, а тѣмъ болѣе практическое искусство,—возможно ли вообще воздѣйствіе человѣка на измѣненіе соціальныхъ явленій въ лучшую или худшую сторону?—Вполнѣ возможно. Гипотеза постоянныхъ законовъ, управляющихъ соціальными явленіями въ статическомъ и динамическомъ направленіи, конечно, исключаетъ измѣненіе и направленіе соціальныхъ явленій по совершенно свободному произволу законодательства, безъ всякаго соображенія съ законами сосуществованія и послѣдовательности явленій. Мы знаемъ, что то или другое законодательство можетъ быть воспринято данной соціальной средой и можетъ быть отвергнуто. Стало быть, авторитетъ законодательства условливается совмѣстимостью его съ извѣстной соціальной средой, въ которой оно призвано дѣйствовать. Такимъ образомъ законодательныя реформы, если желаютъ быть дѣйствительными, а не бумажными, должны гармонировать съ даннымъ фактическимъ состояніемъ общества. Но эта зависимость законодательства, въ его воспринятіи жизнію, отъ реальной среды, отъ фактическаго состоянія общества вовсе не исключаетъ возможности политическаго воздѣйствія на эту среду. Она вовсе не значитъ, что развитіе человѣчества должно быть предоставлено естественному теченію, соціальнымъ законамъ, безъ всякаго вмѣшательства активной человѣческой воли. Правда, положительное воззрѣніе не признаетъ человѣческую волю всемогущею, но въ то же время оно считаетъ ее за одинъ изъ факторовъ, создающихъ соціальныя явленія. Исходя изъ знанія законовъ, ими управляющихъ, человѣкъ можетъ видоизмѣнять соціальные феномены, комбинировать ихъ такъ или иначе. Такимъ образомъ, подъ условіемъ дѣйствія, согласнаго съ данными законами человѣческаго развитія, законодательство, вообще политика можетъ сдѣлать чрезвычайно многое. Какъ медицина и гигіена, которыя не господствуютъ надъ естественнымъ закономъ, но дѣйствуютъ согласно съ нимъ, могутъ видоизмѣнять отправленіе больнаго и здороваго организма

Digitized by Google

къ лучшему, такъ и законодательство и политика, дѣйствуя согласно съ соціальными законами, могутъ улучшать положеніе организма соціальнаго. Но изъ этого само собой понятно, что прикладная соціальная наука, политика, практическое искусство, по существу своему, относительны и измѣнчивы. Не имѣя вовсе въ виду начертать «единый идеальный порядокъ вещей, годный для всѣхъ временъ и народовъ», они указываютъ только «начала устройства, наиболѣе пригодныя для даннаго состоянія общества». «По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общества, которое будетъ совершаться, между прочимъ, подъ вліяніемъ новыхъ элементовъ, введенныхъ въ жизнь политическимъ дѣйствіемъ, эти начала должны уступать мѣсто инымъ, болѣе соотвѣтствующимъ измѣнившемуся состоянію общества» (89—90).

Такимъ образомъ положительное воззрѣніе скорѣе учитъ измѣненію фактическаго состоянія общества и, въ виду этого, развитію знанія и матеріальныхъ средствъ культуры, въ которыхъ видитъ наивѣрнѣйшій путь къ побѣдѣ надъ всѣми общественными недостатками,—чѣмъ поверхностнымъ, внѣшнимъ переворотамъ, которые, въ случаѣ ихъ несоотвѣтствія съ фактическою средой, рѣшительно ни къ чему не ведутъ, а только задерживаютъ соціальное развитіе. Оно думаетъ, что за измѣненіемъ фактическаго, реальнаго состоянія общества, какъ естественное и неизбѣжное послѣдствіе, должно идти и измѣненіе законодательнаго, внѣшняго соціальнаго строя. Оно думаетъ, что не законъ производитъ жизнь, но жизнь создаетъ законъ. Наученное неудачными законодательными опытами умозрительнаго направленія, думавшаго путемъ бумажныхъ актовъ пересоздать и измѣнить фактическій и соціальный строй, оно съ недовѣріемъ относится ко всѣмъ доктринальнымъ законопроектамъ и уложеніямъ, составленнымъ по отвлеченнымъ началамъ и не хотѣвшимъ знать ни законовъ соціальнаго развитія, ни дѣйствительныхъ реальныхъ условій среды. Ставя выше всего фактическое измѣненіе, оно думаетъ, что если человѣчество можетъ прійти къ искомому порядку, то не иначе, какъ путемъ тѣхъ средствъ, которыя измѣняютъ фактическое положеніе общества, т. е., путемъ знанія и матеріальной культуры, уничтожающихъ бѣдность и невѣжество,—этихъ главныхъ враговъ общественнаго благополучія.

Digitized by Google

III.

Таковы основныя черты положительнаго воззрѣнія на соціальныя явленія и отношеніе къ нимъ человѣка, какъ научнаго наблюдателя и практическаго дѣятеля. Этимъ воззрѣніемъ вполнѣ опредѣляется тотъ путь, которымъ должна была идти положительная мысль въ изученіи крупнѣйшаго изъ соціальныхъ фактовъ—государства. Она, конечно, не могла разсматривать государство ни съ метафизико-либеральной точки зрѣнія, какъ продуктъ личной человѣческой воли, какъ договоръ гражданъ между собою или съ государемъ, ни съ чисто метафизической, какъ осуществленіе разумной идеи или идеи справедливости, ни тѣмъ болѣе съ теологической, какъ божественный порядокъ. Напротивъ, являясь въ общемъ ходѣ развитія мысли реакціею противъ этихъ направленій, она, естественно, создавъ себѣ особую теорію, и должна была по ея указаніямъ изучать соціальныя явленія. Собственно говоря, за созданіемъ этой грандіозной теоріи, положительное мышленіе не много еще подвинулось впередъ. Чистой соціальной науки въ томъ видѣ, въ какомъ она должна быть по этой теоріи, еще не создано.

Тѣмъ не менѣе плодотворное воздѣйствіе положительнаго направленія уже успѣло болѣе или менѣе сказаться въ разработкѣ отдѣльныхъ соціальныхъ вопросовъ. Не говоря о *политической экономіи*, достаточно указать на сильное стремленіе англо-французской науки къ созданію *соціологіи* и нѣмецкой—къ созданію науки объ *обществѣ* *). Общество, прежде никому неизвѣстное, кромѣ «мечтателей и ихъ учениковъ» (выраженіе Роберта Миля), оказывается теперь, по изслѣдованіямъ германскихъ ученыхъ, сильнѣйшимъ изъ соціальныхъ факторовъ,—силою, создающею тотъ или другой государственной строй!... Въ послѣднее время въ Германіи сдѣлано нѣсколько попытокъ къ созданію еще новой науки—*политической физіологіи* **), которая сводится къ

*) *Милль*, *Гербертъ Спенсеръ*, *Кори*, *Баррье*: Principes de sociologie. 1867 г. *Лоренцъ Штейнъ*: Gesellschaftslehre. *Риль*: Die bürgerliche Gesellschaft. 1851. *Робертъ Моль*: Social-Politik. *Костеръ*: System der Gesellschaftswissenschaft. 1855. *Трейтшке*: Gesellschaftswissenschaft. 1859. *Линднеръ*: Jdeen zur Psychologie der Gesellschaft. 1871.

**) Die Naturlehre des Staates, als Grundlage aller Staatswissenschaft, von Constantin Franz. 1870.

Digitized by Google

желанію объяснить государство со стороны статики, тогда какъ наука объ обществѣ разсматриваетъ его по преимуществу со стороны динамики. Если въ томъ и другомъ направленіи наука не пришла еще къ болѣе или менѣе твердымъ научнымъ положеніямъ, то, съ другой стороны, уже намѣтила основной характеръ своихъ воззрѣній, который, съ одной стороны, исходитъ изъ общей теоріи, съ другой—подтверждается дѣйствительностью.

Исходя изъ закона сосуществованія и послѣдовательности явленій, положительная мысль разсматриваетъ каждое данное государство какъ историческій результатъ всѣхъ существовавшихъ и существующихъ въ немъ соціальныхъ силъ и элементовъ, какъ продуктъ историческаго и настоящаго ихъ воздѣйствія другъ на друга, какъ общій знаменатель, условливаемый ихъ перекрещивающимся статическимъ и динамическимъ вліяніемъ и вытекающею изъ этого вліянія переработкой ихъ однихъ другими. Согласно этому взгляду, все государственное устройство, все законодательство, всѣ учрежденія данной страны,—однимъ словомъ, весь политическій и юридическій ея строй есть не что иное, какъ внѣшнее выраженіе этихъ фактическихъ отношеній, этого фактическаго устоя даннаго общества. Въ фактическомъ соотношеніи реальныхъ общественныхъ силъ, главнымъ образомъ, заключается сущность, центръ тяжести государства. Эти фактическія соотношенія, по преимуществу,—та дѣятельная сила, которая творитъ все въ государствѣ, и основной законъ, и всѣ другіе законы, и всѣ правовыя учрежденія, которая дѣлаетъ ихъ тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, такъ что въ странѣ въ данное время, при данномъ фактическомъ состояніи ея, не могутъ издаваться никакіе законы, кромѣ именно *этихъ*, и политическій строй ея въ существенныхъ чертахъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ каковъ есть, чѣмъ каковъ возможенъ при данномъ фактическомъ состояніи.

Мысль эта лучше всего можетъ быть объяснена нагляднымъ примѣромъ *). Положимъ, въ той формѣ, въ какой будетъ предложенъ этотъ примѣръ, онъ невозможенъ; но, какъ мы увидимъ ниже, онъ возможенъ въ другой формѣ,—да дѣло и не въ томъ, можетъ ли случиться что нибудь подобное, а только въ томъ, чтобы на этомъ примѣрѣ изучить природу государства, которая обнаружилась бы, еслибъ онъ случился. Возьмемъ какое нибудь от-

*) Ueber Verfassungswesen. Berlin. 1862 г., стр. 10 и слѣд.

Digitized by Google

дѣльное государство. Извѣстно, что въ современныхъ государствахъ только то имѣетъ законную силу, что обнародовано въ собраніи законовъ. Собраніе законовъ печатается обыкновенно въ государственной типографіи; оригиналы законовъ сохраняются въ государственныхъ архивахъ; печатныя собранія законовъ—въ другихъ архивахъ, библіотекахъ и магазинахъ. Предположимъ же, что сдѣлался страшный пожаръ, во время котораго сгорѣли всѣ эти государственные архивы, библіотеки, магазины и государственная типографія; предположимъ, что, по странному стеченію обстоятельствъ, то же случилось бы не только въ столицѣ, но и въ другихъ городахъ, что погорѣли бы даже частныя библіотеки, въ которыхъ были собранія законовъ, такъ что во всей странѣ не осталось бы ни единаго закона въ достовѣрной формѣ. Такимъ образомъ страна лишилась бы всѣхъ своихъ законовъ, и ей ничего больше не оставалось бы, какъ приняться за составленіе новыхъ законовъ. Конечно, граждане пришли бы въ восторгъ отъ представившагося случая ввести такіе законы, какіе имъ нравятся, какіе они считаютъ лучшими и справедливыми.

Но могли ли бы они въ этомъ случаѣ поступать произвольно, вводить такіе законы, какіе кому ни вздумалось бы?—Посмотримъ.

Естественно, взоры всѣхъ прежде всего обратились бы къ монархіи. Мы хотимъ дѣлать новые законы, сказали бы граждане, и ужь теперь, конечно, не дадимъ монархіи того положенія, которое она имѣетъ въ обществѣ, или, лучше, не дадимъ ей вовсе никакого положенія.—Положимъ, законы погибли, сказалъ бы тогда монархъ,—и вы хотите дѣлать новые, но изъ этого рѣшительно ничего не слѣдуетъ: фактически мнѣ повинуется моя армія, идетъ, по моему мановенію, туда, куда я ей прикажу; фактически коменданты арсеналовъ и казармъ выдадутъ по моему приказу пушки, я прикажу артиллеріи выѣхать съ ними на улицы, и, опираясь на эту фактическую силу, я заставлю васъ дать мнѣ такое положеніе, какого самъ желаю.—Такимъ образомъ обнаружилось бы, что монархъ, которому повинуются армія и пушки, составляетъ такую фактическую реальную силу, которая предопредѣляетъ государственный строй, такъ что онъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ есть.

Идемъ дальше. Извѣстно, что въ конституціонныхъ государствахъ существуютъ такъ называемыя верхнія палаты. Такъ, на пр., въ Пруссіи есть палата господъ, которая, состоя изъ небольшаго числа крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, обсуж-

Digitized by Google

даетъ постановленія палаты депутатовъ, избранныхъ всею націей, и отвергаетъ ихъ въ случаѣ, если они ей не понравятся.— Насъ милліоны, сказали бы граждане, и мы не хотимъ, чтобы нами управляла верхняя палата, горсточка господъ,—мы всѣ господа, и въ новый законъ не введемъ палату господъ.—Но это намѣреніе имъ такъ же не удалось бы, какъ не удалось намѣреніе не дать въ новомъ государственномъ устройствѣ такого положенія монарху, какого онъ самъ желаетъ. Положимъ, крупные дворяне-землевладѣльцы не выставили бы за себя крестьянъ, потому что крестьяне не пошли бы за нихъ; но они выслали бы за себя войска и пушки, потому что имѣютъ большое вліяніе на дворъ и короля, и король не отказалъ бы имъ въ услугахъ своей арміи. Итакъ, дворянство, имѣющее вліяніе на короля и дворъ, есть также фактическая реальная сила, творящая государственный законъ.

Возьмемъ третій случай. Предположимъ, что государь и дворянство задумали бы уничтожить свободу промышленности, созданную крупнымъ фабричнымъ производствомъ, и возстановить средневѣковое цеховое устройство, и притомъ не только въ мелкихъ ремеслахъ, но и въ большомъ производствѣ, въ крупной машинной промышленности, которая совершенно несовмѣстима съ цеховымъ устройствомъ. Цеховое устройство состояло въ томъ, что оно разграничивало отрасли труда, даже самыя ближайшія и сродныя другъ другу, такъ что ни одинъ промышленникъ по закону не могъ соединять двѣ такія отрасли. Кромѣ того, въ цеховой системѣ точно были опредѣлены и размѣръ производства каждаго промышленника и количество рабочихъ силъ, которыми онъ могъ располагать. Крупное же производство, напротивъ, требуетъ соединенія разнообразнѣйшихъ отраслей труда въ рукахъ одного крупнаго капитала и неограниченнаго употребленія рабочихъ силъ. Тѣмъ не менѣе, однако, предположимъ, что монархъ и дворянство задумали бы ввести цеховое устройство, какъ наиболѣе совпадающее съ системой феодализма. Что вышло бы изъ этого?—То, что всѣ фабриканты всевозможныхъ производствъ, хлопчатобумажные, шелковые и проч., закрыли бы свои фабрики и распустили бы своихъ рабочихъ. Дирекціямъ желѣзныхъ дорогъ пришлось бы сдѣлать то же: торговля и промышленность остановились бы, мелкіе ремесленые мастера распустили бы своихъ подмастерьевъ, и вся эта громадная масса хлынула бы на улицы, требуя себѣ хлѣба

Digitized by Google

и работы; за ней стояла бы, воспламеняя ее своимъ вліяніемъ и деньгами, крупная буржуазія, и вспыхнула бы борьба не на жизнь, а на смерть. Понятно, на чьей сторонѣ въ этомъ случаѣ осталась бы побѣда. Такимъ образомъ и крупные капиталисты, промышленники и фабриканты, составляютъ также фактическій соціальный элементъ, реальную силу, предопредѣляющую государственный строй.

Предположимъ, что правительство задумало бы преобразовать государственный банкъ такъ, чтобы сдѣлать кредитъ его доступнымъ бѣднаго состоянія людямъ. Извѣстно, что государственные банки, въ настоящемъ ихъ состояніи, служатъ только интересамъ крупныхъ банкировъ и капиталистовъ, которые одни могутъ дисконтировать въ банкѣ на свои подписи, то есть, одни получаютъ кредитъ. Но и эта мѣра оказалась бы невозможною для нынѣшнихъ правительствъ. Правительства часто нуждаются въ такихъ громадныхъ денежныхъ средствахъ, которыхъ они не могутъ и не пожелаютъ собирать въ формѣ налоговъ. Въ этихъ случаяхъ они дѣлаютъ займы и выдаютъ за нихъ государственныя бумаги. Какимъ образомъ?—Правительству деньги нужны сейчасъ разомъ, или въ немногіе сроки. И вотъ оно обращается къ банкирамъ, прося ихъ дать ему всю сумму и взамѣнъ взять на себя сбыть государственныя бумаги, выдаваемыя имъ за это, мало по малу, въ публику, притомъ съ барышомъ для себя въ повышеніи курса, которое искусственно доставляется этимъ бумагамъ на биржѣ. Понятно по этому, что еслибы правительство задумало реформу государственнаго банка въ указанномъ выше смыслѣ, такъ оскорбляющемъ интересъ банкировъ, то послѣдніе отказались бы содѣйствовать правительству въ займахъ, и правительство не захотѣло бы ссориться съ банкирами. Итакъ, банкиры, вообще биржа, составляютъ въ наше время также реальную силу, вліяющую на государственное устройство.

Предположимъ, что правительство, въ соединеніи съ дворянствомъ, банкирами, крупными промышленниками и фабрикантами, вздумало бы посягнуть на мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ и крестьянъ, т. е., задумало бы объявить ихъ крѣпостными, приписать къ землямъ, фабрикамъ и заводамъ, какъ было во многихъ странахъ въ средніе вѣка,—однимъ словомъ, лишить ихъ той личной свободы, которой они теперь вездѣ добились. Что вышло бы тогда?—Вышло

Digitized by Google

бы, что вся эта рабочая масса возстала бы, какъ одинъ человѣкъ, рѣшилась бы скорѣе умереть, чѣмъ допустить снова свое закрѣпощеніе, и едва ли бы какому правительству въ мірѣ, со всѣми арміями, дворянствомъ, крупными промышленниками и капиталистами удалось побѣдить это соединенное сопротивленіе. Такимъ образомъ, въ крайнихъ случаяхъ, и низшій рабочій класъ опредѣляетъ государственное устройство, дѣлаетъ существенно необходимыми тѣ или другіе его пункты. Но это только *въ крайнихъ случаяхъ*, потому что въ другихъ лишеніе правъ низшаго класа удается весьма легко. Такъ закономъ 8 апрѣля 1848 г. въ Пруссіи было введено общее избирательное право, suffrage universelle, по которому каждый гражданинъ,—богатъ ли онъ, бѣденъ ли,—имѣлъ одинаковую со всѣми другими гражданами политическую власть, одинаковое право на опредѣленіе воли и цѣли государства. Но избирательнымъ закономъ 1849 года эта политическая свобода была отнята у мелкихъ гражданъ, ремесленниковъ и работниковъ, и отнята безъ труда, такъ что до сихъ поръ не послѣдовало никакой попытки со стороны этого класа къ возвращенію отнятаго права. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы лишеніе рабочаго класа политической свободы легко удается. Но едва ли бы это было возможно уже и въ настоящее время, на пр., во Франціи. Всеобщее избирательное право, suffrage universelle, существуетъ тамъ также съ 1848 года, но ни правительство, ни буржуазія ни разу прямо и откровенно не посягнули на него,—просто потому, что французская рабочая масса не допустила бы этого посягательства, какъ въ другихъ странахъ она не допуститъ лишенія личной свободы.

Итакъ, государь съ арміей, дворянство, капиталисты, наконецъ низшій рабочій класъ — вотъ тѣ реальныя, фактическія силы, изъ взаимодѣйствія которыхъ другъ на друга опредѣляется государственный порядокъ, государственное устройство, и притомъ такъ, что онъ не можетъ быть инымъ, а именно такимъ, какое допускаетъ взаимное отношеніе между собою этихъ фактическихъ силъ. Изъ борьбы ихъ между собою, изъ стремленія каждой изъ нихъ взять перевѣсъ, занять лучшее положеніе—выливается весь политическій организмъ, такъ что онъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ результатъ этой борьбы, пришедшей къ большей или меньшей устойчивости. Это то же, что въ механикѣ равнодѣйствующая, получаемая изъ взаимодѣйствія

Digitized by Google

двухъ, трехъ, нѣсколькихъ противуположныхъ силъ. Такимъ образомъ государственное устройство, политическій обликъ страны сводится къ обществу, къ общественнымъ класамъ (такъ на языкѣ современной науки принято называть фактическія, реальныя силы), къ борьбѣ ихъ между собою. Стало быть, объ осуществленіи идеи справедливости или разума, какъ думаютъ метафизики, а тѣмъ болѣе божественнаго порядка, какъ думаютъ философы-теологи, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Совершенно, на оборотъ, все говоритъ лишь объ осуществленіи силы,—простой, матеріальной силы,—тѣмъ болѣе, что сами общественные класы суть не что иное, какъ представители разныхъ видовъ этой матеріальной силы. Такъ государь и дворянство, опирающіеся на армію,—представители *землевладѣнія*, этого феодальнаго экономическаго фактора. Крупные промышленники, фабриканты, банкиры, вообще биржа олицетворяютъ собою *капиталъ*, эту главную экономическую силу буржуазіи. Наконецъ, низшіе класы представляютъ собою третій экономическій дѣятель—*трудъ*. Въ наше время политическое преобладаніе въ общемъ ходѣ исторіи, безъ отношенія къ отдѣльнымъ государствамъ, принадлежитъ буржуазному элементу, капиталу. Съ одинаковымъ успѣхомъ онъ отражаетъ нападенія какъ феодальнаго элемента, землевладѣнія, такъ и демократическаго, труда. Послѣднему предстоитъ еще въ будущемъ занять достойное мѣсто на пиру исторіи, хотя попытки къ этому онъ дѣлаетъ у жесъ 1848 года, и въ настоящій моментъ во Франціи, въ лицѣ возставшаго Парижа, представляетъ изъ себя силу, способную на энергическую и продолжительную борьбу съ капиталомъ, засѣвшимъ въ Версалѣ. Исходъ этой борьбы, имѣющей всеобщій и глубокій историческій смыслъ, покажетъ, достаточно ли въ настоящее время этотъ экономическій дѣятель силенъ, чтобы занять мѣсто въ государствѣ и исторіи наряду съ другими предшествовавшими ему силами.—Итакъ, государственный строй снизошелъ къ реальнымъ, фактическимъ силамъ. Эти силы свелись къ общественнымъ класамъ, а общественные класы—къ экономическимъ факторамъ. Такимъ образомъ въ основѣ всего—въ основѣ общества и государства оказывается экономическая, матеріальная сила. На ней зиждутся и общество, и общественные класы, и внѣшній политическій организмъ. Вотъ почему положительная мысль наивѣрнѣйшій путь къ общественному и политическому прогресу видитъ прежде всего въ матеріальной культурѣ, въ экономическомъ развитіи, въ разлитіи богатства по всѣмъ общественнымъ класамъ.

Digitized by Google

IV.

Общественные класы, опредѣляющіе строй государства, сводятся къ экономическимъ факторамъ—землѣ, капиталу и труду. Но въ обществѣ, помимо экономическихъ силъ, есть нравственные, духовные элементы. Эти послѣдніе, въ свою очередь, также вліяютъ на построеніе государства. Предположимъ, что какое нибудь европейское правительство задумало издать уголовный законъ въ родѣ китайскаго, чтобы за воровство, совершенное сыномъ, наказывать отца. Разумѣется, эта затѣя не пошла бы въ ходъ. Противъ нея возмутилось бы всеобщее сознаніе, общее развитіе времени. Всѣ, отъ государя до послѣдняго рабочаго, нашли бы это предосудительнымъ. Итакъ, общее развитіе, уровень идей, вѣрованій составляютъ также фактическую, реальную силу, опредѣляющую государственный строй. Мало этого, идеи, понятія составляютъ чрезвычайно важную силу, потому что, принимая иногда научную оболочку, научную форму, возводятъ фактическіе элементы государства въ догматъ, въ результатъ знанія, въ требованіе науки, чѣмъ придаютъ имъ болѣе или менѣе вѣскій авторитетъ. Герцогъ Сенъ-Симонъ, въ своихъ мемуарахъ, расказываетъ одинъ любопытный случай, метко характеризующій вліяніе научной мысли на государственное управленіе *). Извѣстно, какими тяжелыми налогами обременялъ свою націю Лудовикъ XIV. Благодаря непрерывнымъ войнамъ и роскоши двора, онъ отъ одного налога переходилъ къ другому, болѣе тяжкому. Наконецъ маршалъ Десмаре представилъ ему невозможность продолжать эту систему вслѣдствіе сильнаго обѣднѣнія народа. Это подѣйствовало на государя; въ немъ проснулся голосъ совѣсти, онъ впалъ въ задумчивость и обратился за успокоеніемъ къ своему духовному отцу Телье. Послѣдній предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе ученыхъ докторовъ Сорбонны, которые въ своей конференціи постановили, что все имущество гражданъ принадлежитъ государю, и поэтому все, что онъ съ нихъ беретъ, беретъ только свое. Этой санкціи со стороны представителей науки было совершенно достаточно, чтобъ успокоить Лудовика и удержать прежнюю систему податей. Понятно, при такомъ умственномъ, науч-

*) Memoires du duc de Saint-Simon. Chap. VIII.

Digitized by Google

ѡмъ уровнѣ общества, Лудовикъ XIV имѣлъ полную возмож-
ѡсть отождествлять государство съ своею личностью и говорить:
État c'est moi!.. Ученые Сорбонны точно такъ же возвели бы это
ѡрѣченіе въ научную догму, какъ они санктировали своимъ ав-
ѡритетомъ разорительную систему податей. Подобное отноше-
е науки къ факту, къ фактическому преобладанію матеріаль-
ѡй силы въ государствѣ, не исчезло и въ наше время. Возь-
ѡмъ нѣсколько примѣровъ изъ книги г. Сергѣевича, изъ той
ѡсти ея, гдѣ онъ разсматриваетъ взгляды нѣмецкихъ ученыхъ
ѡ задачу и методу государственной науки. Большинство нѣмец-
ѡхъ ученыхъ клонитъ свои теоріи къ утвержденію факта, къ
еланію дать научныя или теологическія оправданія современно-
у государственному строю, доказать, что по абсолютнымъ,
ѡзусловнымъ требованіямъ знанія онъ непремѣнно долженъ быть
ѡковъ, каковъ есть, и такимъ долженъ остаться навсегда. Такъ,
ѡ воззрѣнію Гегеля, государство есть осуществленіе свободной
ѡли, которая и выражается въ личности конституціоннаго монар-
ѡ. Такимъ образомъ монархическій элементъ является у него
ѡкъ требованіе науки, какъ необходимый признакъ каждаго го-
ѡдарства. Согласно съ этимъ, народъ безъ монарха есть без-
ѡизненная масса, не составляющая государства; суверенитетъ
ѡ, въ противуположность къ суверенитету государя, не имѣетъ
ѡысла. Въ этомъ видѣ философія Гегеля есть безусловное отри-
ѡніе всѣхъ формъ государственнаго устройства, кромѣ консти-
ѡціонной монархіи (75). Въ иной формѣ, не смотря на всю
ѡомадность своего ума, представить государство Гегель не мо-
ѡетъ. Не можетъ представить его себѣ въ иной формѣ и Лоренцъ
Штейнъ, лучшій изъ современныхъ дѣятелей въ области госу-
ѡрственной науки въ Германіи. Столь блестящій въ своихъ ис-
ѡрическихъ изслѣдованіяхъ, въ изъясненіи реальныхъ условій
ѡщественной жизни, онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ
ѡ своемъ метафизическомъ построеніи государства. По его воз-
ѡѣнію, государство есть высшее развитіе элементовъ личности.
ѡ силу этого, каждый элементъ личности, не обособляющійся въ
ѡдѣльномъ лицѣ въ особую форму, долженъ вылиться въ го-
ѡдарствѣ въ отдѣльный, болѣе или менѣе художественный, орга-
ѡизмъ. Такъ основной и существенный элементъ личности—*со-
ѡаніе*, личное *я*, заправляющее всѣми другими элементами, въ го-
ѡдарственномъ организмѣ находитъ себѣ опредѣленное выраженіе
ѡ особѣ монарха. Другіе элементы личности—*воля и дѣйствіе*,

Digitized by Google

сливающіяся въ физическомъ лицѣ въ одинъ моментъ, въ государствѣ обособляются въ отдѣльные и вполнѣ развитые органы *законодательнаго собранія* и *исполнительной власти*, совмѣщающей въ себѣ всю систему управленія (114—115). Изъ этой теоріи прямо слѣдуетъ, что *физическая сила* отдѣльной личности въ государствѣ выражается въ организмѣ *арміи* и *флота*. Существуетъ даже особая теорія объ отношеніи этой физической силы государства къ государственному сознанію—королю. Но здѣсь оказывается любопытная непослѣдовательность философской дедукціи. Тогда какъ въ отдѣльной личности на физическую силу одинаково вліяютъ и сознаніе, и разумъ, и воля,—физическая сила государства, войско, почему-то должно зависѣть отъ одного государственнаго сознанія—особы короля, и вовсе не проникаться государственнымъ разумомъ и волею. Она исключается изъ вѣдѣнія послѣднихъ и становится къ королю въ какое-то особенное, непонятное, таинственное отношеніе. Король, какъ государственное сознаніе, проникаетъ собой, по этой теоріи, и законодательное собраніе, и управленіе, и сверхъ всего этого стоитъ въ особенныхъ, излюбленныхъ отношеніяхъ къ арміи, касаться до которой другіе органы государственной личности—воля и дѣйствіе, народные депутаты и администраторы—никакъ не могутъ: это воспрещаетъ наука. Стало быть, единственно, что дозволяется націи въ отношеніи къ арміи—это давать на нее людей и деньги. Во всемъ остальномъ, въ организаціи и распоряженіи, армія должна зависѣть исключительно отъ короля, который стоитъ къ ней совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ ко всѣмъ другимъ государственнымъ учрежденіямъ. Онъ въ отношеніи къ арміи не только король, но что-то такое таинственное, романическое и поэтическое, для обозначенія чего изобрѣтается даже особое слово «Kriegsherr» — военный государь. Теорія эта идетъ еще дальше. Связывая армію исключительно съ особой короля, она ставитъ ее совершенно внѣ общаго закона, внѣ всякихъ обязательныхъ отношеній къ установленному государственному строю. Такъ 108-й параграфъ прусской конституціи гласитъ: «Армія конституціи не присягаетъ» *); между тѣмъ по той же самой хартіи всѣ государственные чиновники, даже самъ король, обязываются присягать конституціи; одна армія освобождается, какъ будто она, относясь исключительно къ осо-

*) Uber Verfassungswesen, стр. 17.

Digitized by Google

бѣ короля, не имѣетъ ничего общаго съ своей страной. Ужь не вытекаетъ ли это воззрѣніе изъ основныхъ свойствъ той же личности, по типу которой строится все государство, изъ того, что какъ тѣло, тѣлесныя страсти и побужденія иногда стоятъ въ противорѣчіи съ разумомъ и волей отдѣльной личности, такъ и армія, какъ физическая сила страны, можетъ иногда противорѣчить разуму и волѣ націи? Если такъ, то можно преклониться передъ этимъ апоѳеозомъ государственной философіи. Выше его никакая философія ни въ древнее, ни въ новое время не становилась, да и стать не можетъ. Но есть воззрѣнія нѣмецкихъ ученыхъ еще болѣе любопытныя. Блюнчли, одинъ изъ солиднѣйшихъ германскихъ ученыхъ нашего времени, утверждаетъ, что государство должно быть организовано по типу человѣческаго тѣла, и притомъ въ мужской его формѣ, а церковь—по типу женскаго тѣла. «Государство есть мужъ», говоритъ онъ,—«государство въ своей организаціи мужественно, церковь женственна». Далѣе онъ утверждаетъ, что государь есть глава, а народъ тѣло; сравниваетъ министерство иностранныхъ дѣлъ съ органомъ обонянія, уголовное правосудіе съ пупкомъ, фискъ съ нервной системой и т. д. (143—145). Наконецъ Шталь учитъ, что государство должно быть организовано по типу царства Божія: «что какъ царство Божіе управляется личнымъ Богомъ, такъ и государство должно управляться даннымъ высшимъ авторитетомъ, въ формѣ живой личности,—монархомъ», и проч. (105). Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобъ ознакомиться съ государственными идеалами многихъ изъ авторитетныхъ представителей современной германской науки. Впрочемъ, нужно сказать, что подобныя воззрѣнія на государство, закрѣпляющія современный государственный порядокъ на всѣ времена, какъ идеальный, долженствующій быть,—мало по малу, и среди нѣмецкихъ ученыхъ, болѣе или менѣе упорно держащихся традиціонныхъ пріемовъ науки, уступаютъ мѣсто иному политическому пониманію. Подъ вліяніемъ широкаго теченія исторической жизни, съ одной стороны, и усиленнаго вѣянія положительнаго направленія, съ другой, нѣмецкіе ученые сами начинаютъ наконецъ приходить къ сознанію неудовлетворительнаго состоянія своей государственной науки. И вотъ «маститый патріархъ этой науки», Робертъ Моль, по поводу возникшаго ученія объ обществѣ, говоритъ: «Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ жизнь привела въ движеніе науку. Фактъ различныхъ общественныхъ сочлененій че-

Digitized by Google

ловѣка существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ люди впервые сошлись вмѣстѣ. Для его подмѣты нуженъ былъ только одинъ ясный взглядъ, но его-то и недоставало. Наука оставалась слѣпа, хотя со времени Платона не было недостатка въ намекахъ на существованіе общества. Но эти намеки казались не заслуживающими вниманія серьезныхъ ученыхъ. Наконецъ слово «общество» было произнесено сперва «мечтателями и ихъ учениками»... (177).

Подобныхъ грустныхъ признаній нѣмецкихъ ученыхъ о дурномъ состояніи своей науки много приводитъ г. Сергѣевичъ въ своей книгѣ (171—178).—Мы коснулись этой стороны вопроса лишь за тѣмъ, чтобы показать, что, помимо матеріальныхъ силъ, общій уровень развитія, идей, знаній въ томъ или другомъ государствѣ, также вліяетъ на государственный строй: что послѣдній, опредѣляясь фактическимъ распредѣленіемъ силы, всегда болѣе или менѣе совпадаетъ и съ господствующими воззрѣніями; что противъ всякаго другаго государственнаго порядка, хотя бы и высшаго и лучшаго, какъ скоро онъ несовмѣстимъ съ понятіями современниковъ, общее сознаніе, развитіе, наука вооружились бы точно такъ же, какъ теперь, во имя общаго развитія и знанія, всѣ вооружатся противъ китайскаго закона о наказаніи отцевъ за преступленія дѣтей. Поэтому въ развитіи знанія положительное направленіе видитъ такую же силу для измѣненія фактическаго состоянія общества, какъ и въ развитіи матеріальной культуры. Оно признаетъ полное взаимодѣйствіе и солидарность между фактическимъ состояніемъ и уровнемъ понятій и идей. Потому если оно говоритъ, что передовыя идеи, разъ установившись, сильно вліяютъ на общество и содѣйствуютъ дальнѣйшему его прогресу, то, съ другой стороны, утверждаетъ, что для того, чтобъ эти идеи установились, нужно, чтобъ общество было подготовлено къ ихъ воспріятію. «Идеи, вполнѣ чуждыя тому или другому соціальному состоянію», говоритъ Гербертъ Спенсеръ, «не могутъ въ немъ развиться, а если вводятся извнѣ, не принимаются, или же если и принимаются, то вымираютъ, какъ только кончается временный фазисъ чувствъ, допустившихъ ихъ принятіе» *). Такимъ образомъ общепринятыя идеи каждаго соціальнаго состоянія въ среднемъ выводѣ соотвѣтствуютъ чувствамъ гражданъ и, слѣдовательно, стоятъ въ уровень съ тѣмъ соціальнымъ

*) Классификація наукъ, стр. 42—50. Статья Д. С. Милля: «О. Контъ и позитивизмъ», стр. 93.

Digitized by Google

состояніемъ, которое породило эти чувства. Въ результатѣ получается, что соціальный механизмъ въ такой же мѣрѣ покоится на мнѣніяхъ, въ какой и на характерахъ гражданъ. «Соціальное состояніе всякой данной эпохи есть равнодѣйствующая всѣхъ честолюбій, своекорыстій, опасеній, поклоненій, негодованій и проч. гражданъ предковъ и гражданъ современниковъ».

V.

Каждый данный государственный организмъ есть продуктъ фактическихъ элементовъ, т. е., матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, существующихъ въ обществѣ: эту мысль, лежащую въ основѣ положительнаго воззрѣнія на государство, старались мы уяснить въ предыдущемъ изложеніи. Результатъ фактическихъ отношеній, записанный на бумагѣ, составитъ государственный законъ, государственное уложеніе, которое и опредѣлитъ всѣ нормы публичнаго права въ странѣ. Итакъ, фактическій строй государства обращается въ юридическій, въ правовый, въ силу чего то или другое нарушеніе его уже влечетъ за собой наказаніе. Вопросъ въ томъ: какъ дѣлается это записываніе фактическаго состоянія, результата взаимодѣйствія и борьбы общественныхъ силъ на бумагѣ, въ государственное уложеніе, въ основной законъ? Предположимъ, что фактическія отношенія общественныхъ факторовъ пришли между собой къ такому устою, что класъ крупныхъ капиталистовъ имѣетъ въ странѣ столько же или еще больше силы, чѣмъ весь низшій рабочій класъ, взятый вмѣстѣ, во всѣхъ своихъ расчлененіяхъ. Разумѣется, ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не напишутъ этого прямо въ законѣ, а проведутъ такое отношеніе силы въ организаціи выборовъ (извѣстно, что политическая власть выражается въ избирательномъ правѣ); издадутъ, на пр., избирательный законъ въ родѣ прусскаго трехкласнаго закона 1849 г. По этому закону всѣ граждане дѣлятся на три класа избирателей, по величинѣ ихъ имущества. Въ 1849 году, по офиціальнымъ избирательнымъ спискамъ, къ первому класу общинныхъ избирателей принадлежало 153,808 избирателей, ко второму 409,945 и къ третьему 2,691,950. Каждый класъ высылалъ въ палату по ровному числу депутатовъ. Изъ этихъ цифръ уже видно, если даже оставить второй класъ въ сторонѣ, что 153,808 богатыхъ гражданъ имѣютъ въ Пруссіи

Digitized by Google

столько же политической власти, сколько 2,691,950 бѣдныхъ гражданъ, ремесленниковъ, крестьянъ и работниковъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ прусскаго трехкласнаго избирательнаго закона получается то же самое, какъ еслибы въ конституціонномъ актѣ было прямо сказано: богатый долженъ въ 17 разъ имѣть больше политической власти, чѣмъ другой гражданинъ, или столько же, сколько 17 другихъ гражданъ. Предположимъ далѣе, что отношеніе фактическихъ силъ въ странѣ таково, что крупные землевладѣльцы, дворяне, обладаютъ такою же силою, какую имѣютъ всѣ богатые, зажиточные и неимущіе класы вмѣстѣ, то есть, какую имѣетъ вся нація. Въ этомъ случаѣ обыкновенно учреждаютъ верхнюю палату. Такъ въ Пруссіи изъ представителей древняго и упроченнаго землевладѣнія учреждена палата господъ, согласіе которой необходимо для дѣйствительности всѣхъ постановленій палаты депутатовъ, представляющихъ собою всю націю. Такимъ образомъ. въ результатѣ, политическая власть палаты господъ, т. е. крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, будетъ перевѣшивать политическую власть всей націи и всѣхъ ея класовъ. Возьмемъ наконецъ такой случай, гдѣ, по фактическому распредѣленію силы. государь имѣетъ столько же или даже гораздо больше политической власти, чѣмъ вся нація вмѣстѣ, со всѣми своими палатами и депутатами. Тогда въ конституціонномъ актѣ постановляется, что ему принадлежитъ исключительная власть надъ арміей, что отъ него зависитъ назначеніе во всѣ должности въ арміи. Этимъ однимъ дается государю не только столько же, а въ десять разъ больше политической власти, чѣмъ имѣетъ вся нація, потому что неорганизованное и безоружное могущество націи ничтожно предъ организованной и вооруженной силой арміи. Но въ государствахъ не конституціонныхъ обыкновенно вмѣстѣ съ властію надъ арміей сосредоточивается въ особѣ государя и все законодательство и управленіе страны, и въ этомъ смыслѣ составляется основной законъ.

Такимъ путемъ фактически опредѣлившійся государственный строй переходитъ въ юридическій, фактическая реальная сила получаетъ правовый обликъ. О фактѣ и силѣ теперь уже рѣчи быть не можетъ,—все сводится, по мнѣнію однихъ, къ праву. по мнѣнію другихъ—къ разумности, по мнѣнію третьихъ—къ божественному порядку. Поочередно, то тѣмъ, то другимъ, то третьимъ принципомъ объясняютъ государственный строй. Фактъ.

Digitized by Google

инявшій юридическую форму, получаетъ научное утвержденіе, временамъ возводится въ идеалъ, что, естественно, удерживаетъ щественное сознаніе въ кругу фактическихъ отношеній.

Такимъ образомъ мы пришли къ различію фактическаго госурственнаго строя отъ юридическаго. Ясно, что вся сила въ ктическомъ элементѣ, что внѣшній юридическій порядокъ ни лѣе, ни менѣе какъ выраженіе фактическихъ отношеній. Отода само собой слѣдуетъ, что съ измѣненіемъ фактическихъ ношеній должны измѣняться и юридическія, служащія ихъ выженіемъ. Какъ скоро перемѣна въ фактическихъ отношеніяхъ столько сильна, что они не укладываются уже въ прежнія авовыя рамки, является необходимость въ новомъ ихъ опреленіи со стороны права,—такомъ опредѣленіи, которое могло вмѣстить измѣнившееся содержаніе жизни. Въ противномъ учаѣ, жизнь насильно разорветъ старый юридическій строй такъ или иначе создастъ себѣ новый. Съ этой точки зрѣнія ановится совершенно понятною та характеристическая осоенность нашего времени, на которую мы указали въ началѣ атьи,—особенность, состоящая въ повсюдной и неудержимой мкѣ стараго юридическаго быта и въ попыткахъ создать себѣ вый, путемъ всевозможныхъ конституцій, уложеній и рермъ. Въ этомъ стремленіи высказывается не что иное, какъ льное и радикальное измѣненіе, происшедшее въ фактическихъ ношеніяхъ, которыя сбрасываютъ съ себя старыя юридическія рмы, не совмѣщающія уже всего содержанія жизни, и ищутъ бѣ новыхъ, которыя бы пришлись вполнѣ въ мѣру этому соржанію. Къ глубокому коренному перевороту въ фактическихъ ношеніяхъ сводится все историческое движеніе нашего времени, е политическое разрушеніе и созиданіе, вся эта смѣна революцій, нституцій, административныхъ и общественныхъ реформъ.

VI.

Въ чемъ состоитъ это измѣненіе, какъ оно произошло, какъ вооб-е происходитъ измѣненіе фактическихъ отношеній въ государствѣ? ѣсь положительное мышленіе, естественно, уже оставляетъ стаческую точку зрѣнія и переходитъ къ динамической, основной инципъ которой состоитъ въ объясненіи настоящаго изъ проедшаго. Выше мы сдѣлали краткое указаніе, что въ основаніи щества лежатъ экономическіе факторы—землевладѣніе, капиталъ

Google

трудъ; что представители этихъ факторовъ составляютъ общественные класы, что исторія общества, а потому и государства состоитъ въ борьбѣ этихъ класовъ и въ послѣдовательномъ ихъ преобладаніи. Историческое наблюденіе вполнѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ *). Въ средніе вѣка были также на лицо всѣ тѣ класы и сословія, которыя и въ наше время составляютъ гражданское общество, только не такъ отчетливо и опредѣленно развитыя. Но въ то время одно сословіе и одинъ элементъ преобладали—это *землевладѣніе*. Оно окрашивало своимъ колоритомъ всѣ учрежденія, весь бытъ, всю жизнь среднихъ вѣковъ. Это преобладаніе землевладѣльческаго элемента въ средневѣковой періодъ вполнѣ объясняется экономическимъ положеніемъ тогдашняго общества. Народонаселеніе было рѣдкое. Земля большею частью принадлежала дворянству и духовенству. По малочисленности населенія, почти все оно было занято обработкой земли и производствомъ необходимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ для себя и феодаловъ; въ распоряженіи промышленности и торговли могла находиться лишь ничтожная часть населенія, потому эти отрасли хозяйства были совершенно не развиты. Движимая собственность и капиталъ не имѣли никакого значенія. Главнымъ экономическимъ факторомъ признавалась единственно поземельная собственность, и въ силу этого все богатство средневѣковаго общества состояло *въ земледѣльческомъ производствѣ*. Изъ этого само собой слѣдуетъ, что, благодаря своему экономическому положенію, представители землевладѣнія, дворянство и духовенство должны были быть преобладающими факторами общества и государства. Это господствующее начало землевладѣнія сказывается и въ ленномъ и въ государственномъ устройствѣ того времени. Первое представляло лѣстницу васальныхъ отношеній основанныхъ на пользованіи землей; во второмъ мы видимъ, что на имперскихъ сеймахъ представительство имѣли только князья, имперскіе графы, духовенство—все представители крупнаго землевладѣнія, и только изрѣдка вольные имперскіе города. Господство землевладѣнія обнаруживается и въ томъ общественномъ презрѣніи, которое тяготѣло на всякомъ трудѣ, кромѣ земледѣлія,—презрѣніи, доходившемъ до того, что занятіе тор-

*) *Лоренцъ Штейнъ*: Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich 1850 г. 3 т. Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs 1848 г. 1 т.

Digitized by Google

говлей и промышленностью считалось для привиллегированныхъ сословій, дворянства и духовенства, безчестнымъ и позорнымъ. Еще ярче этотъ принципъ поземельнаго начала высказывается въ податной льготѣ землевладѣнія, которая естественно должна была явиться въ силу того принципа, что всякое господствующее сословіе непремѣнно старается такъ или иначе свалить податную тягость на другіе класы. «L'usage ancien de l'église pendant sa vigneur était, que le peuple contribuait ses biens, la noblesse—son sang, le clergé ses prières aux nécéssités de l'Etat»—отвѣчало недовольное французское духовенство г. Ришелье, требовавшему съ него чрезвычайнаго налога. Еще рѣзче въ 1776 году высказался французскій парламентъ, когда Людовикъ XVI отмѣнилъ крестьянскую дорожную повинность и ввелъ для покрытія ея общій налогъ, падавшій и на земли дворянъ: «Le peuple de France est taillable et corvéable à volonté, c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer». Такимъ образомъ во всемъ средневѣковомъ бытѣ, во всѣхъ средневѣковыхъ учрежденіяхъ сказывается господство землевладѣнія, преобладаніе дворянства и духовенства. Самъ государь чувствуетъ себя слабымъ передъ этой всепоглощающей силою землевладѣнія. Противъ феодальнаго дворянства онъ не имѣетъ иной защиты, кромѣ помощи тѣхъ же дворянъ, которые добровольно откликнутся на его призывъ,—заставить ихъ онъ не можетъ,—и слабой помощи нѣкоторыхъ городовъ. Безъ согласія дворянъ, онъ не вправѣ установить ни гроша налога; по отношенію къ нимъ онъ не болѣе, какъ первый между равными, primus inter pares.

Между тѣмъ, населеніе все болѣе и болѣе увеличивается. Земледѣліе уже не можетъ занять всѣхъ свободныхъ рукъ, которыя обращаются къ другимъ отраслямъ труда; начинаютъ процвѣтать промышленность и торговля, которыя еще болѣе увеличиваютъ населеніе, создавая новыя средства существованія. Промышленный класъ скучивается въ городахъ, гдѣ возникаютъ гильдіи, и начинаетъ развиваться капиталъ, денежное богатство. Это возрастаніе городскаго населенія служитъ прежде всего на пользу государю; увеличивается число способныхъ носить оружіе; горожане, съ своей стороны, сильно страдая отъ дворянскихъ междоусобицъ и желая, въ интересахъ торговли и промышленности, спокойствія, безопасности и обезпеченія правосудія, охотно поддерживаютъ государя людьми и деньгами. Это даетъ ему возможность имѣть военную силу, превосходящую силу дворян-

Digitized by Google

ства, и такимъ образомъ ограничить власть послѣдняго и смирить его буйные порывы. Наконецъ развитіе денежнаго богатства и населенія, все болѣе и болѣе увеличивающееся, приводитъ государя къ возможности составить постоянную армію. Тогда государю ничего не стòитъ двинуть свои полки на собраніе чиновъ и со словами Фридриха Вильгельма I: je stabilirai die souveränetät wie einen rocher de bronze—уничтожить податную льготность дворянства и духовенства и ихъ право утверждать налоги,—или, подобно Людовику XIV, говорить: l'état c'est moi. Такимъ образомъ, съ перемѣной фактическихъ отношеній силы, происходитъ перемѣна и въ государственномъ устройствѣ. Возникаетъ *абсолютная монархія*. Государю нѣтъ надобности записывать этотъ фактическій и блестящій результатъ въ основной законъ, составлять новое уложеніе, новую конституцію. У него въ рукахъ фактическое реальное средство власти—армія, не нуждающееся ни въ какомъ юридическомъ формулированіи. Армія—вотъ дѣйствительное уложеніе этого времени.

Такимъ образомъ элементъ землевладѣнія сошелъ со сцены. Дворянство давно уже забыло свое прежнее противодѣйствіе государю, давно перестало думать, что было равнымъ ему. Совершенно на противъ: оно переѣхало изъ своихъ зáмковъ въ столицу, стало получать отъ государя жалованье и пенсіи и своимъ присутствіемъ при дворѣ увеличивало его блескъ и значеніе. На сцену исторіи уже давно вступилъ другой экономическій дѣятель—*капиталъ*. Мы видѣли, что абсолютизмъ выросъ и расцвѣлъ, благодаря только его содѣйствію; значитъ, капиталъ былъ уже въ состояніи обратить въ ничто могучій авторитетъ средневѣковаго землевладѣнія. Откуда и какъ взялась у капитала такая громадная сила?—Въ то время, когда на поверхности исторіи совершался переходъ отъ феодализма къ абсолютизму, внутри общества прогресъ промышленности двигался гигантскими шагами. Открытіе Америки и морскаго пути въ Остъ-Индію, совершившееся еще до реформаціи, изобрѣтеніе компаса и магнитной стрѣлки—эти событія дали неизмѣримый толчокъ европейской торговлѣ и производству. Возможность сбыта на всемірномъ рынкѣ совершенно иначе поставила экономическій вопросъ. Уже не нужно было, какъ въ средніе вѣка, при цеховой системѣ, ожидать спроса и имъ опредѣлять размѣры производства. Совершенно на оборотъ: теперь предложеніе получило возможность предшествовать спросу,—импульсъ громадный для развитія промышленности. Производство

изъ мелкаго должно было перейти въ крупное, что повлекло за собой *дешевизну* производства, а эта послѣдняя объусловила *раздѣленіе труда*, которое, въ свою очередь, вызвало еще болѣе обширные размѣры производства. Развитіе абсолютизма содѣйствовало какъ нельзя болѣе этому широкому размаху промышленности. Въ абсолютизмѣ было гораздо больше благопріятныхъ условій для развитія послѣдней, чѣмъ въ феодальной системѣ. Абсолютизмъ повлекъ за собой обузданіе воинственнаго дворянства и распущеніе независимыхъ феодальныхъ дружинъ, обезпеченіе правосудія и владѣнія, улучшеніе путей сообщенія,—все такія условія, которыя сильно двигали впередъ промышленный прогресъ, закончившійся изобрѣтеніемъ въ 1775 году ткацкой машины въ Англіи. Съ этой машиной наступила, въ полномъ смыслѣ, эпоха большаго производства, а съ ней вмѣстѣ и окончательное торжество капитала. Такимъ образомъ, въ теченіе двухсотъ лѣтъ, слѣдовавшихъ непосредственно за реформаціей, внутри общества совершался этотъ гигантскій переворотъ, это радикальное измѣненіе фактическихъ отношеній, которое и потребовало себѣ юридическаго формулированія во французской революціи 1789 года, такъ какъ новое фактическое содержаніе не могло уже умѣститься въ прежнемъ юридическомъ строѣ. Въ самомъ дѣлѣ, капиталъ, буржуазія сдѣлалась всѣмъ, скучила въ своихъ рукахъ всѣ богатства, низвела въ ничтожество дворянство, создала абсолютизмъ, развила знаніе,—стало быть, все должно было преклониться передъ ней, и преклонилось; но все это только фактически,—юридически буржуазія была ничѣмъ. Юридически дворянство и духовенство по прежнему оставались еще привиллегированными сословіями. Нужно было уравнять юридическое положеніе общественныхъ класовъ съ фактическимъ ихъ значеніемъ; нужно было дать пріобрѣтенному буржуазіей дѣйствительному значенію правовое признаніе и санкцію. Она не могла, подобно государю, оставить свою фактическую силу безъ юридическаго опредѣленія; у буржуазіи не было арміи,—потому ей нуженъ былъ законъ, на который бы она могла оперѣть свое фактическое могущество,—и вотъ въ 1788 году является аббатъ Сіейсъ съ брошюрой: Qu'est-ce que c'est que le tiers-état?—Rien. Qu'est-ce qu'il doit être?—Tout. Революція докончила дѣло,—она сдѣлала буржуазію дѣйствительно всѣмъ, т. е., *юридически* провозгласила ее тѣмъ, чѣмъ она была фактически. И вотъ, въ силу измѣненія фактическихъ отношеній, совершился на поверхности государства, въ юридиче-

Digitized by Google

скомъ его строѣ, переворотъ въ интересѣ буржуазіи, какъ предъ нимъ совершился переворотъ въ интересѣ абсолютизма.

Взрывъ революціи былъ тотъ же самый пожаръ, истребившій всѣ законы, на который мы ссылались выше и который предположили возможнымъ въ другой формѣ. Революція разбила въ дребезги старый юридическій строй, ниспровергнула всѣ прежде бывшіе законы,—что все равно, какъ еслибъ они дѣйствительно погорѣли,—и принялась творить новые. Эти новые законы, согласно излагаемой нами теоріи, не могли быть иными, какъ только въ интересѣ буржуазіи, капитала. И дѣйствительно, капиталъ проникъ собой весь новый политическій строй, покрылъ своимъ колоритомъ всѣ общественныя учрежденія и общественную жизнь. Сначала буржуазія, противуполагая себя привиллегированнымъ сословіямъ, дворянству и духовенству, отождествила себя со всѣмъ народомъ, сочла свое дѣло—дѣломъ всего человѣчества (провозглашеніе правъ человѣка). Но это было только увлеченіе, весьма естественное на первыхъ порахъ. Въ сущности же буржуазія кончила тѣмъ, что сама стала въ привиллегированное положеніе и подчинила народъ своему политическому владычеству. Она ввела *цензъ* и такимъ образомъ политическую власть, избирательное право гражданина, поставила въ зависимость отъ обладанія капиталомъ. Первоначально низкій, равнявшійся цѣнности трехъ рабочихъ дней, цензъ этотъ, постепенно переходя изъ одной конституціи въ другую, возвышался все болѣе и болѣе, такъ что при Людовикѣ-Филиппѣ и Гизо, изъ 30 слишкомъ милліоновъ населенія страны, Франція имѣла только 200 тысячъ избирателей. Въ податной системѣ буржуазія дѣйствовала точно такъ же. Какъ въ средніе вѣка землевладѣніе, т. е., дворянство и духовенство старались сбросить съ себя податную тягость на низшій класъ путемъ своихъ привиллегій, такъ теперь буржуазія старается по возможности облегчить податную повинность капитала путемъ косвеннаго налога, падающаго по преимуществу на неимущій, рабочій класъ. Наконецъ, какъ средневѣковое дворянство презирало всякую промышленную дѣятельность, кромѣ земледѣлія, такъ въ настоящее время, въ эпоху господства капитала, если не презирается трудъ, зато презирается всякій, кто не имѣетъ за душой капитала. Капиталъ, однимъ словомъ, проникъ собой какъ государственныя учрежденія, такъ и общественную жизнь. Даже въ положеніи современной печати, этого главнаго органа распространенія образованія въ наше время, высказывается господство капитала.

Digitized by Google

Какъ въ средніе вѣка заправляло образованіемъ духовенство, такъ теперь его мѣсто заняли журналы и газеты; но они обставлены залогами и штемпельными пошлинами,—стало быть, находятся болѣе или менѣе во власти капитала.

Періодъ, завершившійся во Франціи путемъ революціи, въ другихъ странахъ континента, на пр., въ Германіи и Россіи, законченъ правительственными реформами. Измѣненіе фактическихъ отношеній въ интересѣ капитала вездѣ приняло внѣшній, юридическій обликъ. Всѣ европейскія государства, во внѣшнемъ политическомъ строѣ, сформировались болѣе или менѣе сообразно фактической силѣ капитала. Такимъ образомъ общество, перейдя изъ земледѣльческаго фазиса въ промышленный, перестроило на свой ладъ и государство. Но движеніе исторіи на этомъ фазисѣ, по видимому, не остановилось. Общество продолжаетъ развиваться. Культура и знаніе дѣлаютъ быстрые успѣхи. Трудъ, въ его высшемъ смыслѣ, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія и, кажется, уже становится фактической силой въ противуположность капиталу. Внутри общества происходитъ, если уже не произошло, какое-то новое историческое измѣненіе фактическихъ отношеній,—измѣненіе столь сильное, что въ нѣкоторыхъ странахъ оно уже не находитъ возможнымъ умѣститься въ старомъ политико-общественномъ строѣ и требуетъ себѣ новаго юридическаго организма. Это требованіе, въ неопредѣленныхъ и туманныхъ очертаніяхъ, выразилось въ революціи 1848 года. Теперь оно вновь заявляетъ себя, какъ мы уже говорили, въ междоусобной борьбѣ Франціи. Во Франціи опять погорѣли всѣ законы, и она составляетъ новые—путемъ борьбы общественныхъ класовъ. Своею кровію, своими страданіями она рѣшитъ новый историческій вопросъ,—и опять вслѣдъ за нею примутъ ея рѣшеніе другія націи и осуществятъ его у себя путемъ реформъ. Такова была всегда историческая роль Франціи. Франція—это фокусъ европейской исторіи, это—живое отраженіе внутреннихъ движеній каждой страны, только въ самомъ крайнемъ ихъ проявленіи. Каждая страна въ исторіи Франціи можетъ читать отчасти свою собственную исторію.

VII.

Когда въ исторіи мысли совершается тотъ или другой поворотъ, возникаетъ то или другое направленіе,—много проходитъ

Digitized by Google

времени, прежде чѣмъ оно, вполнѣ выработавшись и сформировавшись окончательно, овладѣетъ умами и окажетъ свое благотворное воздѣйствіе на жизнь. До того времени каждому направленію приходится переживать въ своемъ развитіи трудный, болѣе или менѣе продолжительный, переходный періодъ, въ теченіе котораго оно, съ одной стороны, должно само вырабатываться, съ другой, неизбѣжно проникая уже и въ этомъ не сформированномъ и не законченномъ еще видѣ въ общественное сознаніе и преломляясь сквозь личныя толкованія общества,—подвергаться неминуемымъ извращеніямъ. Для Европы этотъ періодъ въ отношеніи положительнаго ученія, по видимому, миновалъ. Тамъ оно болѣе или менѣе выяснилось и сдѣлалось достояніемъ какъ ежедневной журнальной литературы, такъ и парламентскихъ преній по всевозможнымъ вопросамъ политики. Но нельзя сказать того же о нашемъ обществѣ. Положимъ, слово—*положительный* сильно пущено у насъ въ ходъ въ послѣднее время; но мы далеко еще не освоились съ характеромъ и методомъ положительнаго воззрѣнія на явленія общественной и политической жизни. Въ виду сбивчивости нашихъ понятій, книга г. Сергѣевича является какъ нельзя болѣе кстати. Проникнутая свѣтлымъ, живымъ, истинно научнымъ взглядомъ, она сопоставляетъ положительное ученіе съ нѣмецкой философской школой и этимъ сопоставленіемъ приводитъ къ убѣжденію въ несомнѣнномъ превосходствѣ положительнаго метода. Правда, г. Сергѣевичъ въ своемъ трудѣ вовсе не касается матеріальнаго содержанія положительнаго мышленія,—это не входитъ въ програму его труда. Но матеріальное содержаніе и не составляетъ пока главной стороны въ положительномъ ученіи,—оно только еще вырабатывается,—и если мы въ своей статьѣ, по преимуществу, остановились на немъ, то лишь за тѣмъ, чтобы показать, что и здѣсь, на первыхъ своихъ шагахъ, положительное мышленіе приводитъ уже къ болѣе или менѣе научнымъ, вѣрнымъ выводамъ. Это будетъ еще яснѣе, если мы нѣсколько подробнѣе остановимся на нѣмецкой метафизической школѣ. Мы уже видѣли ея практическіе государственные идеалы. Теперь посмотримъ, что она представляетъ собственно въ научномъ отношеніи, со стороны задачи и метода государственной науки. Прежде всего оказывается, что нѣмецкое философское государственное право, по своей задачѣ, скорѣе искусство, чѣмъ наука. Наука, по положительному воззрѣнію, не строитъ идеаловъ,—это задача искусства,—а только

Digitized by Google

уясняетъ дѣйствительность; нѣмецкая же философія государства вся стремится къ тому, чтобъ отыскать вѣчный неизмѣнный, для всѣхъ временъ и народовъ, государственный порядокъ; но и въ этомъ отношеніи, въ большинствѣ случаевъ, она никакъ не можетъ выйти изъ замкнутаго круга дѣйствительности и, какъ мы видѣли, закрѣпляетъ на всѣ времена существующій государственный строй. Стало быть, и какъ искусство, она не представляетъ особеннаго величія, не паритъ широкими полетами.— Со стороны метода она оказывается еще въ худшемъ положеніи. Въ большинствѣ своихъ современныхъ представителей она признаетъ матафизическій пріемъ въ изученіи государства на ряду съ положительнымъ. Но, разсуждая такъ, она на самомъ дѣлѣ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, если приходитъ къ какимъ результатамъ, то только благодаря положительному методу; метафизическій же пріемъ ни къ чему ее не приводитъ,—и она въ своихъ изслѣдованіяхъ постоянно сбивается съ него на положительную тропинку. Такъ Аренсъ находитъ возможнымъ познать существо государства лишь изъ апріорно-постигаемаго существа человѣка и его назначенія; на самомъ же дѣлѣ понятіе о существѣ и цѣляхъ государства выводитъ изъ наблюденій историческихъ явленій государственной жизни (79—97). Шталь свое идеальное государство строитъ единственно на аналогіи съ царствомъ Божіимъ (102—108). О Лоренцѣ Штейнѣ мы уже говорили. Блестящими результатами своихъ изслѣдованій объ обществѣ и соціальномъ движеніи Франціи онъ обязанъ положительному методу; въ своей же философской дедукціи государства онъ оказался такъ же несостоятеленъ, какъ и другіе приверженцы метафизическаго пріема. Въ результатѣ его дедукціи получаются такіе моменты государственнаго организма, которыхъ не включаютъ въ себѣ принимаемые имъ за исходный пунктъ абсолютные элементы человѣческой личности,—что противорѣчитъ его собственному методу (109—122). Шмиттенеръ, правда, допускаетъ только одни опытные пріемы познанія; но въ то же время строитъ идеальное гусударственное право, чѣмъ вступаетъ въ противорѣчіе съ опытными пріемами (122—130). Въ то же самое противорѣчіе впадаетъ и Робертъ Моль: его философское государственное право выводится на самомъ дѣлѣ изъ понятій, добытыхъ наблюденіемъ (130—142). Блюнчли, признавая въ принципѣ философскій методъ въ соединеніи съ наблюденіемъ, въ результатѣ даетъ ни болѣе, ни менѣе какъ обобщеніе исто-

Digitized by Google

рическаго права (142—148). Нѣмецкая историческая школа, правда, вполнѣ стоитъ на почвѣ наблюденія; но она не идетъ далѣе признанія даннаго историческаго права и его разработки (149—153). Изъ этой краткой характеристики нѣмецкой науки въ ея современныхъ представителяхъ можно сдѣлать безошибочно только тотъ выводъ, что она, съ одной стороны, смутно стремится къ выведенію свойствъ государства изъ свойствъ человѣческой природы, съ другой—къ наблюденію явленій исторической жизни. Въ томъ и другомъ стремленіи есть несомнѣнная правда; но эта правда получаетъ ясную и совершенно правильную постановку только въ положительномъ методѣ. Отправляясь отъ *гипотезы* соціальныхъ законовъ въ порядкѣ сосуществованія и послѣдовательности явленій, положительный методъ идетъ путемъ *сравнительно-историческаго наблюденія,* къ изученію самыхъ явленій и ихъ обобщенію, чрезъ что получаются *эмпирическіе законы,* которые, въ свою очередь, *дедуктивно* повѣряются законами человѣческой природы, но не произвольно понимаемыми, а изучаемыми этологіей и психологіей. Сравнительно-историческое наблюденіе въ сущности есть не что иное, какъ наведеніе чрезъ простое перечисленіе. Оно состоитъ въ сличеніи различныхъ формъ человѣческаго общежитія, единовременно наблюдаемыхъ въ разныхъ частяхъ земнаго шара, при чемъ наблюденію открываются общія черты самыхъ различныхъ соціальныхъ состояній. Эти общія черты описываются, уясняются въ своихъ особенностяхъ и сводятся въ общія группы. Но этотъ пріемъ сравненія единовременныхъ состояній, разсматривая ихъ только съ точки зрѣнія сосуществованія, очевидно, не обращаетъ вниманія на послѣдовательность явленій. Отсюда является необходимость въ присоединеніи къ первому пріему сравненія—сравненія историческаго, т. е., сопоставленія различныхъ ступеней послѣдовательнаго измѣненія одного и того же общества,—что естественно должно повести къ раскрытію законовъ послѣдовательности одного состоянія за другимъ. Эти послѣдовательные переходы одного состоянія общества въ другое должны быть наблюдаемы также сравнительнымъ путемъ, у различныхъ народовъ, чтобъ общіе выводы получались по возможности изъ большаго числа фактовъ. Такимъ образомъ сравнительно-историческое наблюденіе приводитъ къ цѣлому ряду общихъ положеній, имѣющихъ значеніе *эмпирическихъ законовъ*. Характеристическая особенность этихъ законовъ состоитъ въ томъ, что

Digitized by Google

они могутъ считаться вѣрными только по отношенію къ случаямъ, лежащимъ въ границахъ сдѣланнаго наблюденія. Сами по себѣ они не представляютъ никакого ручательства, что могутъ оказаться вѣрными внѣ этихъ границъ. Поэтому перенесеніе ихъ за предѣлы сдѣланнаго наблюденія всегда болѣе или менѣе опасно. Удачный примѣръ того, къ какимъ невѣрнымъ выводамъ можетъ повести иногда подобное перенесеніе, г. Сергѣевичъ приводитъ изъ логики Милля: «положеніе: *лебеди бѣлы*, получилось простымъ перечисленіемъ всѣхъ доступныхъ наблюденію лебедей, при чемъ до самаго послѣдняго времени не было извѣстно ни одного противорѣчія. Но такъ какъ это положеніе есть плодъ одного перечисленія, и причина, почему лебеди бѣлы, неизвѣстна, то его и не слѣдуетъ переносить за границы того пространства, въ предѣлахъ котораго было сдѣлано наблюденіе. За этими границами, въ силу существованія иныхъ условій, могутъ найтись и не бѣлые лебеди. И дѣйствительно, вскорѣ по открытіи Австраліи, естествоиспытатели узнали о существованіи черныхъ лебедей. Допуская переносъ такого рода обобщеній (т. е., эмпирическихъ законовъ) за предѣлы границъ, въ которыхъ они были сдѣланы, негры Африки могли бы прійти къ заключенію, что «всѣ люди чернокожи». Такимъ образомъ, истина эмпирическихъ законовъ всегда зависитъ отъ другихъ, болѣе общихъ, условій, которыя предстоитъ еще открыть. Потому они могутъ быть распространяемы на новые случаи только тогда, когда есть увѣренность, что эти общія условія существуютъ и въ новыхъ случаяхъ. Эмпирическіе законы являются, такимъ образомъ, производными отъ другихъ высшихъ законовъ, которые, съ одной стороны, составляютъ ихъ причину и объясненіе, съ другой—точно опредѣляютъ границы, въ которыхъ они имѣютъ дѣйствіе. Положеніе: «старые люди отличаются осторожностью въ поступкахъ, а молодые опрометчивостію» будетъ эмпирическій законъ, не допускающій вывода, что непремѣнно *всѣ* старики осторожны и *всѣ* молодые опрометчивы,—и граница дѣйствія этого закона опредѣлится, когда найдена будетъ причина, высшій законъ приведеннаго эмпирическаго обобщенія. Законъ этотъ — жизненный опытъ, слабая напряженность стремленій въ старикѣ, и, на оборотъ, пылкіе порывы и отсутствіе жизненнаго опыта въ юношѣ. Какъ скоро эти общія условія существуютъ налицо,—приведенный эмпирическій законъ дѣйствуетъ; какъ скоро ихъ нѣтъ,—онъ не проявляется. Оттого есть осторожные молодые люди и опромет-

Digitized by Google

чивые старики. Всѣ обобщенія соціальныхъ явленій, полученныя путемъ сравнительно-историческаго наблюденія, имѣютъ значеніе именно такихъ эмпирическихъ законовъ. Поэтому, чтобъ опредѣлить границы ихъ дѣйствія, необходимо возвести ихъ къ первоначальнымъ законамъ, отъ которыхъ они зависятъ. По отношенію къ соціальнымъ явленіямъ, эти первоначальные законы суть не что иное, какъ законы этологіи и психологіи, т. е., законы дѣйствій и страстей человѣческихъ, такъ какъ эти дѣйствія и страсти—источникъ всѣхъ соціальныхъ феноменовъ, а стало быть и законы ихъ не могутъ быть инымъ чѣмъ, какъ законами человѣческихъ дѣйствій и страстей, т. е. вообще законами духовной человѣческой природы. Отсюда—необходимость провѣрки соціальныхъ эмпирическихъ законовъ законами этологопсихологическими, законами человѣческой природы. Повѣрка эта дѣлается уже путемъ *дедукціи*. Такимъ образомъ дедукція въ положительномъ методѣ играетъ важную роль, но имѣетъ совершенно другое назначеніе, чѣмъ въ методѣ философскомъ или метафизическомъ. Посредствомъ ея не выводится апріорно изъ законовъ человѣческой природы тотъ порядокъ, которому должно слѣдовать развитіе человѣческихъ обществъ. Такое выведеніе невозможно, въ силу постоянно привходящаго все въ большей и большей пропорціи вліянія предшествующихъ поколѣній на послѣдующія. По мѣрѣ движенія исторіи впередъ, т. е., по мѣрѣ увеличенія предшествовавшихъ состояній, вліяніе ихъ на послѣдующія становится все болѣе и болѣе преобладающимъ надъ всѣми другими вліяніями, такъ что, «въ концѣ концевъ, извѣстное состояніе общества гораздо въ большей мѣрѣ есть плодъ всей предшествующей исторіи, чѣмъ первоначальныхъ и простыхъ законовъ человѣческой природы». Предусмотрѣть напередъ весь этотъ длинный рядъ вліяній, исходя изъ простыхъ законовъ человѣческой природы, невозможно, а потому дедукція, на основаніи этихъ законовъ, можетъ имѣть здѣсь мѣсто лишь повѣрки эмпирическихъ обобщеній, добытыхъ путемъ индуктивнымъ. Какъ скоро тѣ или другіе эмпирическіе законы установлены, дедукція должна сказать только, что именно таковъ долженъ быть порядокъ соціальнаго развитія по законамъ человѣческой природы, или, по крайней мѣрѣ, что этотъ порядокъ согласуется съ законами человѣческой природы, при чемъ эти законы должны быть не произвольно понимаемы, а установляемы этологіей и психологіей (206—216). Въ концѣ своей книги, г. Сергѣевичъ даетъ образчикъ при-

Digitized by Google

ложенія положительнаго метода къ изслѣдованію древнѣйшаго быта народовъ Европы. Сравнительное изученіе этого быта у славянъ, германцевъ, англо-саксовъ, грековъ и римлянъ приводитъ къ тому выводу, что, на первыхъ ступеняхъ гражданственности, у всѣхъ перечисленныхъ народовъ преобладалъ частный интересъ надъ общимъ, что собственно общаго, государственнаго интереса и не было, что каждый гражданинъ въ одно и то же время былъ и *законодатель и подданный, и управляющій и управляемый*. Въ силу этого, государственная связь была чрезвычайно слаба; личная воля отдѣльныхъ членовъ и классовъ господствовала надъ общей, государственной волей; частное благо отождествлялось съ благомъ общественнымъ. Но эти общія черты, полученныя путемъ сравнительно-индуктивнаго наблюденія, имѣютъ значеніе только эмпирическаго соціальнаго закона и потому не могутъ быть переносимы за предѣлы наблюденія до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены путемъ дедукціи въ связь съ законами человѣческой природы, т. е. человѣческихъ дѣйствій и страстей. Относительно же послѣднихъ Огюстъ Контъ и Милль держатся того мнѣнія, что инстинкты эгоистическіе, личные преобладаютъ въ человѣкѣ надъ болѣе благородными, имѣющими прямое отношеніе къ общежитію, что это преобладаніе съ особенною силою сказывается при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія, что только съ поднятіемъ этого уровня умъ человѣческій освобождается отъ господства чувственной природы. Какъ скоро этотъ взглядъ на природу человѣка вѣренъ, эмпирическій законъ первобытной гражданственности получилъ свое объясненіе,—и тогда можно утверждать безъ колебанія, что такой характеръ имѣютъ всѣ человѣческія общества на первыхъ ступеняхъ своего развитія (217—230).

Таковы въ основныхъ чертахъ пріемы положительнаго метода. Между тѣмъ у насъ объ этомъ предметѣ существуютъ самыя сбивчивыя представленія. Господствующій предразсудокъ состоитъ въ томъ, что положительный методъ сводятъ къ исключительному пользованію индукціей. Слово индукція слишкомъ часто повторяется въ послѣднее время, какъ будто въ немъ, по одному меткому выраженію,—«весь смыслъ современности». Очевидно, нѣтъ ничего ошибочнѣе такого представленія. Выше мы видѣли, что положительный методъ, признавая наблюденіе источникомъ знанія, не только не отвергаетъ, но даже считаетъ неизбѣжнымъ, при изслѣдованіи соціальныхъ явленій, и пользо-

Digitized by Google

ваніе дедуктивнымъ методомъ, предназначая ему роль повѣрки индуктивно добытыхъ обобщеній. Этого мало: въ самомъ основаніи положительнаго метода лежитъ гипотетическая теорія соціальныхъ законовъ, такъ какъ никакое наблюденіе невозможно безъ предварительной теоріи, которая руководила бы наблюденіемъ. Наконецъ, изъ всѣхъ видовъ индукціи, положительный методъ прилагаетъ къ изслѣдованію соціальныхъ явленій только самый несовершенный видъ ея—наведеніе черезъ простое перечисленіе (сравнительно-историческое наблюденіе), находя невозможнымъ, по особенной сложности соціальныхъ явленій, пользованіе другими, болѣе совершенными ея способами (методъ разницы, методъ согласія, методъ сопутствующихъ измѣненій, методъ остатковъ). Стало быть, въ положительномъ методѣ нѣтъ никакого основанія отождествлять его съ исключительнымъ пользованіемъ индукціей. Приверженцы исключительно индуктивнаго метода обыкновенно ссылаются на науки естественныя и точныя, приписывая весь успѣхъ ихъ этому методу. Опять ошибка: дедукція въ естественныхъ и точныхъ наукахъ играла и играетъ не менѣе важную роль, чѣмъ индукція, если еще не большую. Тиндаль, въ своемъ недавно вышедшемъ сочиненіи: «On The scientific use of the imagination», доказываетъ, что естествознаніе всѣми своими успѣхами обязано, главнымъ образомъ, гипотезамъ, и что въ тѣхъ своихъ областяхъ, гдѣ не было и нѣтъ гипотезъ, оно и до сихъ поръ слабо. Съ другой стороны, извѣстно, что самая точная изъ всѣхъ наукъ, математика, чисто дедуктивная наука; что, имѣя въ основаніи двѣ, три аксіомы, добытыя путемъ индуктивнымъ, она строитъ на нихъ всю свою систему, изъ нихъ выводитъ всѣ свои положенія и теоремы, и такимъ образомъ приходитъ къ поразительнымъ вычисленіямъ астрономіи, которая, въ свою очередь, только тогда начала дѣлать быстрые успѣхи, когда ей удалось напасть на гипотезу, подтвердившуюся впослѣдствіи фактами. Такимъ образомъ методы изслѣдованія и въ общественныхъ и точныхъ наукахъ всегда были и будутъ одни и тѣ же. Дѣло вовсе не въ разницѣ методовъ, а въ пониманіи и способахъ пользованія ими, которые, по отношенію къ общественнымъ наукамъ, въ наше время, и уяснены положительною школою.

И. Ковалевъ.

13 апрѣля 1871 г.

Digitized by Google

КЛАСИЦИЗМЪ
И
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ НАУКИ

СЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ *).

То, что мы разумѣемъ подъ классическимъ образованіемъ, а именно, образованіе, имѣющее въ основаніи изученіе древнихъ языковъ, извѣстный французскій ученый Литре называетъ, мо-

---

*) Помѣщая эту статью, въ которой находимъ весьма дѣльныя мысли, мы считаемъ себя обязанными высказать здѣсь, хотя вкратцѣ, нашъ взглядъ на общее образованіе, въ надеждѣ напечатать въ скоромъ времени статью объ этомъ предметѣ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, съ которою мы вполнѣ согласны. Изъ этой замѣтки читатель самъ увидитъ, въ чемъ мы расходимся съ г. Столыпинымъ.

Весь споръ между классицизмомъ и реализмомъ, по нашему мнѣнію, есть не болѣе и не менѣе какъ недоразумѣніе. Онъ сводится на вопросъ: что лучше и всестороннѣе разовьетъ способности человѣка—древніе ли языки, или естествознаніе? На это отвѣтъ очень простъ: одного разовьетъ скорѣе изученіе слова, другаго—естествознаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь человѣкъ, по способностямъ своимъ, индивидуаленъ почти съ самаго дня своего рожденія.

Цѣль общаго образованія состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность гармонически развиваться всѣмъ сторонамъ человѣческаго духа и возбуждать и укрѣплять всѣ его способности. Другой цѣли и быть не можетъ. О пріобрѣтеніи знаній въ большемъ или меньшемъ объемѣ мы не говоримъ: это другой вопросъ. Спрашивается теперь: можетъ ли одинъ предметъ преподаванія,—будетъ ли то какой нибудь языкъ, математика, или одна изъ наукъ естественныхъ,—всегда необходимо отмѣченный спеціальнымъ характеромъ, достигнуть этой широкой цѣли?—Разумѣется нѣтъ. Одинъ предметъ всегда будетъ давать пищу для развитія одной только способности человѣка въ ущербъ другихъ.

Господа профессора берлинскаго университета заявили (№ 67 «Моск. Вѣд.»),

Digitized by Google

жетъ быть, съ большею вѣрностію, образованіемъ литературнымъ или словеснымъ. Собственно греческій класическій міръ, въ лицѣ своихъ главныхъ мыслителей, уже заявлялъ тѣ требованія положительнаго знанія, которыя съ такою силою выдвигаются теперь

что «*не нашлось предмета, который могъ бы замѣнить класическіе языки, какъ средоточіе образованія*». Почему именно древніе языки должны быть такимъ средоточіемъ, которому и равнаго нѣтъ? По тому, говорятъ господа професора, что систематическое ихъ изученіе невозможно «*безъ логическаго развитія и разнообразныхъ историческихъ свѣдѣній*». И только?.. Странно! Точно человѣкъ одаренъ одною способностію къ логическому мышленію. Точно ужь и нѣтъ другихъ предметовъ, которые бы могли развивать эту способность. Если ужь дѣло идетъ только о логикѣ, то математика еще сильнѣе развиваетъ ее въ головѣ человѣка. А къ чему тутъ приплетены историческія свѣдѣнія въ доказательство пользы отъ изученія древнихъ языковъ—это одинъ Богъ знаетъ.

Какъ бы великъ ни былъ авторитетъ человѣка, подающаго мнѣніе, необходимы доказательства; безъ нихъ самое почтенное мнѣніе ничего не значитъ. Древніе языки, говорятъ гг. нѣмецкіе професора, нужны для того, чтобы были средоточіе образованія. Конечно, единство необходимо во всякомъ дѣлѣ, а слѣдовательно, и въ дѣлѣ образованія. Но о какомъ же единствѣ говорятъ нѣмецкіе ученые? Вѣдь есть единство внѣшнее и есть единство внутреннее. Внутреннее единство незримо, но дѣйствуетъ могущественно; оно есть результатъ гармоническаго образованія всѣхъ частей живаго организма; изъ этой гармоніи проистекаетъ сила, обусловливающая внутреннее его единство, дающая ему самостоятельную, индивидуальную жизнь, безъ нарушенія самостоятельности его частей, не дозволяя ни одной изъ нихъ насильственно подавлять жизнь другой. Внутреннее единство можно замѣтить только созерцая весь организмъ. Другое единство, внѣшнее, необходимо предполагаетъ существованіе одного бросающагося въ глаза вещественнаго владыки, подчиняющаго себѣ всѣ равноправные ему члены живаго организма. Такимъ владыкою, въ понятіяхъ нѣмцевъ, въ дѣлѣ образованія должны быть древніе языки; имъ должны быть подчинены и такія силы человѣческаго духа, которыя не имѣютъ съ ними ничего общаго. Не можетъ человѣкъ, развившійся на класической римской почвѣ, хотя бы и протестантъ, существовать безъ внѣшняго владыки, безъ папы. Для протестанта формальная логика, а для нѣмцевъ въ особенности система, есть незримый, владѣющій ими, папа. Плоды цивилизаціи, развившейся на такомъ основаніи, мы видѣли въ послѣдней войнѣ Германіи съ Франціей: во второй половинѣ XIX вѣка абстрактному идеалу было принесено въ жертву человѣчество,—и систематично истреблялся французскій народъ.

Споръ между класицизмомъ и реализмомъ—не въ нашемъ духѣ: онъ возникъ на Западѣ. Класики хотятъ, чтобы папою въ образованіи были языки, а большинство реалистовъ—естествознаніе. Мы же хотимъ, чтобы всѣ сво-

Digitized by Google

въ обществѣ. Сократъ относился критически къ установленнымъ въ его время понятіямъ; онъ искалъ истину, истину доказанную и непоколебимую. Его ученикъ Платонъ начерталъ надъ дверями

собности духа развивались школою гармонично; мы желаемъ внутренняго, а не внѣшняго единства.

Всякій человѣкъ имѣетъ слѣдующія четыре способности: наблюдать, мыслить отвлеченно, выражать свои мысли словомъ и способность къ изящному, идеальному созерцанію. Каждую изъ этихъ способностей школа должна развивать, и каждая изъ нихъ раскрыла соотвѣтствующую ей область человѣческаго вѣдѣнія, которая, по существу самаго дѣла, и способна ее развивать.

Способность наблюдать развивается преимущественно умнымъ, живымъ преподаваніемъ естественныхъ наукъ. Преподаватель приноситъ своему ученику, на примѣръ, нѣсколько растеній и требуетъ замѣтить, а потомъ расказать или описать все, что есть между ними общаго и въ чемъ они разнятся между собою. Умно подобравъ растенія и помогая самодѣятельности ученика, преподаватель можетъ достигнутъ того, что самимъ учащимся будетъ построена цѣлая система, на примѣръ, Линнеева или другая. Не нужно забывать, что способность видѣть и наблюдать требуетъ такого же тщательнаго ухода, какъ и способность мыслить.

Существуютъ два способа мышленія: дедуктивный и индуктивный. Изучая вышесказаннымъ способомъ естественныя науки, ученикъ упражняется въ индукціи; а для дедукціи нѣтъ лучшаго предмета, какъ чистая математика. Такъ, на примѣръ, изучая геометрію древнихъ, ученикъ, при помощи учителя, отправляясь отъ аксіомъ и опредѣленія прямой линіи и плоскости, мысля строго логично, путемъ дедукціи, и оставаясь постоянно въ области отвлеченнаго мышленія, можетъ построить всѣ формы тѣлъ и изучить всѣ свойства ихъ измѣреній. Безъ наблюденій онъ дойдетъ до понятій въ высшей степени реальныхъ. Такимъ образомъ естественныя науки и математика научатъ образующагося юношу строго мыслить.

Но вотъ наступаетъ очередь слова, этого художественнаго сочетанія мысли съ представленіемъ. Граматика—это, такъ сказать, художественная логика. Для изученія такой логики, нужно, конечно, избрать языкъ, граматическая сторона котораго вполнѣ опредѣлена. Этому условію наиболѣе удовлетворяетъ греческій класическій языкъ послѣдовательностью и законченностію своихъ формъ. Само собою разумѣется, что одновременно съ мертвымъ языкомъ нужно изучать свой родной, живой языкъ; ибо если логическая сторона слова уясняется изученіемъ древняго языка, то творческая сила слова ничѣмъ инымъ не можетъ быть такъ воспитана и развита, какъ своимъ роднымъ языкомъ. Что касается изученія латинскаго и новыхъ языковъ, то, имѣя здѣсь собственно въ виду развитіе способностей, а не степень познаній,—мы относимъ эти языки уже къ средствамъ, пролагающимъ путь къ сокровищамъ человѣческаго знанія, кото-

Digitized by Google

своей школы, что только одни знающіе геометрію имѣютъ туда входъ. Платонъ полагалъ, что онъ нашелъ истину въ положительной наукѣ, въ лицѣ геометріи, единственной въ то время уста-

---

рыя каждый можетъ измѣрять и почерпать по своей доброй воли и по личнымъ наклонностямъ. Но такъ какъ духъ человѣческій всецѣлъ, то развитіе способностей съ помощію законовъ раскрытія духа въ словѣ, по крайней мѣрѣ въ той отрасли, къ которой причисляютъ себя народы европейскіе, по нашему мнѣнію, можетъ удобнѣе, легче и полнѣе совершиться лишь при совмѣстномъ изученіи образовательныхъ языковъ, на помощь къ которымъ могутъ быть призваны отчасти и другіе языки для всецѣлаго, хотя бы въ общихъ чертахъ, воспроизведенія творческой силы духа человѣческаго въ звукахъ, формахъ, словахъ и построеніи рѣчи. Впрочемъ, мы надѣемся поговорить объ этомъ въ особой статьѣ.

Чтеніе греческихъ писателей въ оригиналѣ, при помощи хорошаго руководителя, воспитаетъ въ ученикѣ какъ художественную сторону его духа, такъ и стремленіе къ выраженію самой отвлеченной мысли въ формѣ изящной, полной ясности, точности и величайшей простоты. Но ничѣмъ такъ гармонично не развьются внутренніе инстинкты его духа, его чувства (мягкія, благородныя, возвышенныя), какъ музыкой. Словесность и музыка должны идти рядомъ. Музыка имѣетъ свою грамматику и свой синтаксисъ; учить надобно не бренчанью на рояли, не пиликанью на скрипкѣ, но чтенію музыкальныхъ письменъ—нотъ. Музыка совершенно справедливо почиталась древними однимъ изъ существенныхъ элементовъ образованія. Къ этому можно присоединить также и изученіе пластическихъ искусствъ, но не рисованіе головокъ или лѣпку куколокъ, а такъ сказать чтеніе рисунковъ и статуй, то есть, пониманіе изящнаго.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что въ школахъ (особенно въ такъ называемыхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ) не должны быть заглушаемы и подавляемы тѣ особенности психическаго строя ученика, на которыхъ лежитъ печать народности, особенно же воспитанныхъ его семьею и народною средой.

Народная пѣсня, народное поэтическое творчество, чтеніе избранныхъ мѣстъ лѣтописей и т. д. должны необходимо входить, какъ одни изъ существенныхъ элементовъ, въ школьныя занятія. Мы не касаемся въ этой замѣткѣ преподаванія исторіи и географіи, потому что имѣемъ въ виду сдѣлать краткій очеркъ только образовательныхъ основаній, на которыхъ, по нашему мнѣнію, должно быть построено въ школахъ развитіе способностей духа, та умственная подготовка къ всестороннему дальнѣйшему саморазвитію человѣка. При такомъ устройствѣ общаго образованія, дающемъ возможность развиваться всѣмъ способностямъ,—сознанію самого учащагося, безошибочнѣе, чѣмъ при одностороннемъ образованіи, откроется, къ какой спеціальности онъ болѣе способенъ.

Послѣ такой школы, какую бы спеціальность ни избралъ молодой человѣкъ, онъ не будетъ узкимъ и ограниченнымъ спеціалистомъ.

Ред.

Digitized by Google

новившейся положительной наукѣ. Аристотель идетъ далѣе: онъ изучаетъ природу. Три поколѣнія, Сократъ, Платонъ, Аристотель, представляютъ собою историческое движеніе мысли, главная черта котораго та, что мысль дѣлается все болѣе положительною. Греческій міръ падаетъ, и нѣсколько только столѣтій спустя наступаетъ эпоха возрожденія; а подъ этимъ словомъ, надобно замѣтить, разумѣется возрожденіе греческаго міра. Являются Бэконъ и Декартъ. Бэконъ, такъ сказать, начинаетъ тамъ, гдѣ остановился Аристотель: его «Новый органонъ» написанъ съ цѣлію замѣнить «Органонъ» Аристотеля; со временъ Аристотеля двинулась положительная наука, и на нее опирается Бэконъ. Съ своей стороны, Декартъ тоже старается сдѣлать методъ мышленія положительнымъ. Одновременно съ этимъ, онъ—созидатель въ геометріи, онъ занимается астрономіей, физикой, физіологіей. Вотъ что мы видимъ вслѣдствіе эпохи возрожденія греческаго класицизма.—Въ наше XIX-ое столѣтіе, Огюстъ Контъ, желая слѣдовать по пути, проложенному величайшими умами, подобно Платону, основалъ свою философію на познаніи положительной науки, но уже не на одной геометріи, а вмѣстѣ съ математикой—на познаніи *міровыхъ законовъ въ ихъ совокупности*. Послѣдовательность мысли, стремящейся къ положительному знанію, такъ, какъ явилась она въ греческомъ мірѣ и потомъ перешла черезъ эпоху возрожденія класицизма въ нашъ вѣкъ, мнѣ кажется, тутъ вѣрна безъ всякой натяжки.

Остается вопросъ: на сколько исполнилъ вѣрно свою задачу Контъ. Положительная философія Конта еще недостаточно критически оцѣнена; еще не отдѣлено въ ней вѣрное отъ ошибочнаго, а потому, оставляя теперь въ сторонѣ тѣхъ авторовъ, которые поддерживаютъ его ученіе, приведу здѣсь только тѣхъ, которые строже къ нему отнеслись и сквозь огонь которыхъ его положенія должны были пройти. При этомъ приму во вниманіе только то, что̀ эти послѣдніе признали вѣрнымъ, оставляя за собою право дальнѣйшей провѣрки этого остатка; можетъ быть, въ этомъ остаткѣ окажется еще довольно, чтобы сдѣлать цѣлый поворотъ въ нѣкоторыхъ установленныхъ взглядахъ, по послѣдствіямъ своимъ вредныхъ.—Гёксли, въ статьѣ «Позитивизмъ и современная наука» *), такъ безпощадно перебралъ сочиненія Конта, въ томъ числѣ нѣкоторыя

*) «Космосъ». Второе полугодіе, № 5.

Digitized by Google

сочиненія, отъ коихъ отказываются сами его ученики, называемые позитивистами, что, казалось бы, не осталось одного живаго мѣста. Однакожь, говоря объ общемъ неблагопріятномъ впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ изученія этихъ сочиненій, Гёксли прибавляетъ: «Впрочемъ я вынесъ еще убѣжденіе, за возбужденіе котораго я вѣчно буду ему благодаренъ: что устройство общества на новыхъ и исключительно научныхъ началахъ есть не только практическое предпріятіе, но единственный политическій предметъ, въ самомъ дѣлѣ, заслуживающій нашихъ усилій и нашей борьбы (стр. 78).—Гербертъ Спенсеръ, въ статьѣ «О причинахъ разногласія съ философіею Конта» *), опредѣляя разность своихъ взглядовъ съ этимъ авторомъ во всѣхъ главныхъ, по его выраженію, воззрѣніяхъ, потомъ указывая на тѣ второстепенныя, съ которыми онъ сходится, говоритъ: «Ученіе о томъ, что воспитаніе личности должно согласоваться въ видахъ своихъ и въ строѣ своемъ съ воспитаніемъ человѣчества, разсматриваемаго исторически,—я привелъ изъ сочиненій Конта и пытался подтвердить это ученіе» (стр. 56). Въ концѣ статьи, Гербертъ Спенсеръ, говоря о заслугѣ и пользѣ возбужденія новой идеи, хотя и не вѣрной, но которая чрезъ разногласіе заставляетъ вдумываться въ предметъ, прибавляетъ: «Контъ имѣлъ еще ту особенную заслугу, что онъ освоилъ людей съ идеей соціальной науки, основанной на другихъ наукахъ». Это та же мысль, которая выражена Гёксли. Впрочемъ, это положеніе Контъ считалъ первой важности и научно основать оное — онъ ставилъ себѣ цѣлью и полагалъ главною потребностію своего времени. «Такова», говоритъ въ своей первой лекціи Контъ, «въ настоящее время, по многимъ важнымъ причинамъ, самая главная, самая настоятельная потребность нашего разума; такова, позволю я себѣ прибавить, главная цѣль этого курса, его спеціальное назначеніе» (стр. 22). Я здѣсь остановлюсь. Положеніе, что соціальная наука должна быть основана на другихъ наукахъ, довольно распространено въ обществѣ; критики Конта ее принимаютъ и ставятъ ее въ заслугу ему; а потому приму на первый разъ, что положеніе это вѣрно. Но если оно вѣрно,—а я полагаю его таковымъ,—то долженъ измѣниться установившійся взглядъ на общественное образованіе. Класическимъ должно признать то образованіе, которое имѣетъ въ основаніи положительныя науки; а то, что теперь называется класическимъ, имѣющее въ основаніи сво-

*) Гербертъ Спенсеръ: «Класификація наукъ», со статьею о причинахъ разногласія съ философіею Конта. С.-Петербургъ. 1866.

Digitized by Google

емъ древніе языки,—собственно образованіемъ словеснымъ или литературнымъ.

Защитники именуемаго теперь класицизма, обращая вниманіе на языкъ, литературу, искусство, исторію общества, на форму, въ которой выразилась мысль древнихъ, упускаютъ изъ виду самую существенную часть класическаго міра,—мысль, всегда живучую, которая, отрекаясь отъ риторства, отъ созданнаго юношескимъ воображеніемъ великолѣпнаго Олимпа, обращается къ наукѣ положительной. Между тѣмъ въ этой послѣдней сторонѣ, а именно, въ отреченіи отъ условнаго и ложнаго, въ пониманіи и изученіи природы, можно сказать,—весь духъ и разумъ древнихъ грековъ. Безъ Сократа, Платона и Аристотеля—что̀ былъ бы древній міръ? Скажу болѣе, былъ ли бы онъ возможенъ безъ своихъ мыслителей... Можетъ быть, замѣтятъ, что теперешнее класическое образованіе не отвергаетъ этихъ философовъ. Да, но оно принимаетъ ихъ только по выработанной ими формѣ, а вовсе не по тому общему духу знанія, стремящемуся къ положительной наукѣ, который присущъ этимъ философамъ и руководитъ ими. Нѣкоторые нѣмецкіе педагоги принимаютъ въ основу высшаго образованія древніе языки и, какъ они выражаются, немного математики. Это послѣднее, пожалуй, и есть формула, принятая Платономъ въ основаніе его ученія. Но еслибы во время Платона былъ извѣстенъ законъ всемірнаго тяготѣнія, открытый Ньютономъ, неужели бы онъ остановился при одной геометріи? Здѣсь геометрія, единственная тогда утвердившаяся положительная наука, явно, по существу, представляетъ всю положительную науку въ ея совокупности.

Въ томъ-то и особенность теперешняго класическаго образованія, что оно какъ-бы не вѣдаетъ положительной науки, или развѣ только терпитъ ее; въ этомъ его и слабость. Какъ на примѣръ, въ подтвержденіе вышесказаннаго, обращу вниманіе читателя на пренебреженіе, или даже совершенное исключеніе, со стороны класическаго образованія, нѣкоторыхъ наукъ, по существу своему совершенно необходимыхъ для тѣхъ именно предметовъ, для которыхъ желаютъ приготовить учащуюся молодежь. Контъ указалъ на молодыхъ физіологовъ, которые приступаютъ прямо къ изученію живыхъ тѣлъ, съ знаніемъ одного или двухъ мертвыхъ языковъ, и много, много если они имѣютъ, какъ выражается Контъ, кое-какія свѣдѣнія въ химіи и физикѣ. Но вѣдь химія и физика, это—основа физіологіи. Если я не ошибаюсь, продолжалось то же

Digitized by Google

самое и послѣ этихъ сказанныхъ словъ. Здѣсь приведенъ случай пренебреженія къ основнымъ для предмета наукамъ. А вотъ и полное исключеніе. Молодые люди изъ класической гимназіи поступаютъ въ университетъ, откуда они выходятъ (на примѣръ, изъ юридическаго факультета, да и изъ другихъ) для занятія разныхъ мѣстъ на поприщѣ общественной дѣятельности. При этомъ въ продолженіи всего курса ученія не упомянуто ни разу о физіологіи и біологіи (отъ греческаго *біосъ*—жизнь и *логосъ*—рѣчь, наука о жизни); но по теоріи Конта, что соціальная наука опирается на другія науки, слѣдуетъ, что для познанія общественныхъ жизненныхъ явленій надобно знать законы жизни.

Здѣсь ставится самъ собою вопросъ, достаточно ли образованіе безъ физіологіи для пониманія общественныхъ явленій? Убѣдиться въ недостаточности класическаго образованія, я полагаю, можно, если мы возьмемъ только получившихъ установившееся образованіе, какихъ, между политическими людьми и писателями, весьма много на Западѣ. Я полагаю, что можно убѣдиться въ недостаточности теперешняго образованія по тому, что исключительность и раздробленность мысли, нѣкоторое доктринерство, пренебреженіе къ закону развитія и правильнаго измѣненія есть поразительная черта нашего времени. Весьма замѣтно, какъ въ разныхъ вопросахъ, немного сложныхъ, людямъ съ замѣчательными, впрочемъ, талантами, не приходитъ даже въ голову приложить къ разрѣшенію оныхъ соотвѣтственные методы. Видно неумѣнье владѣть научными пріемами, не то чтобы дѣлать ошибки, что свойственно всему человѣчеству при самыхъ лучшихъ методахъ. Но такъ какъ этотъ недостатокъ замѣчается у людей весьма талантливыхъ и умныхъ, то его можно только приписать незнанію. Спрашивается: много ли найдется писателей, которые, говоря объ общественныхъ вопросахъ, принимаютъ въ расчетъ процесъ историческаго развитія. Наше XIX столѣтіе — вѣкъ полной анархіи въ убѣжденіяхъ соціальныхъ. Всякій считаетъ себя правымъ и указываетъ, что другія партіи виноваты и ошибаются; но къ обобщенію соціальныхъ явленій или къ постановкѣ вопроса о томъ, какъ приступить къ обобщенію оныхъ, едва приступлено, объ этомъ нѣтъ и въ помин-нѣ. Исключительность—преобладающая черта нашего времени: ее можно исправить только правильнымъ образованіемъ. Не въ спеціальности, а въ пониманіи *общаго* и въ ознакомленіи съ разными видами мышленія должно состоять общее образованіе. Не

Digitized by Google

именно этого пониманія общаго и знанія методовъ мышленія теперь и не имѣется. Этотъ недостатокъ, который замѣчается у лучшихъ умовъ, также въ ученыхъ, но по спеціальнымъ частямъ, и наконецъ въ обществѣ, нельзя считать недостаткомъ силы, а можно только приписать незнанію, проистекающему отъ неудовлетворительнаго образованія. Въ виду несостоятельности современной мысли въ вопросахъ соціальныхъ, естественно искать такого метода образованія, который бы предотвратилъ существующее зло.

Перехожу къ пересмотру теоріи, предлагаемой Контомъ.

Измѣненіе и развитіе—свойства общія какъ общественнымъ явленіямъ, такъ и всему одаренному жизнію въ природѣ, съ тою разницей, что соціальныя явленія болѣе сложны. По теоріи Конта, что соціальная наука основана на другихъ наукахъ, слѣдуетъ, что правильная система образованія заключается въ томъ, чтобъ идти въ изученіи отъ простаго къ сложному. Поэтому для того, чтобы понимать соціальныя явленія, нужно предварительно изучить законъ жизненнаго (біологическаго) развитія, который открываетъ законъ измѣненія, послѣдовательность и соотношеніе явленій въ ихъ простѣйшемъ видѣ. На этомъ же законѣ послѣдовательности и на соотношенія явленій, но въ болѣе сложномъ видѣ (историческое развитіе), построена и соціологія. Подобную послѣдовательность отъ простѣйшаго къ болѣе сложному мы видимъ всюду въ природѣ, гдѣ примѣняется законъ развитія. По теоріи Конта, нѣтъ разрыва между науками, а является полная связь. Мысль все болѣе опирается на положительную науку, и это согласно съ общимъ движеніемъ мысли въ историческія времена и особенно выдается въ эпохи сильнаго умственнаго развитія: въ греческомъ мірѣ и въ эпоху возрожденія. Изъ этого слѣдуетъ, что, не останавливаясь на формахъ, выработанныхъ древними *), класицизмъ, понятый въ надлежащемъ объемѣ, какъ историческій прогресъ, и положительная наука—неразрывны.

Конечно, я не писалъ этихъ строкъ съ тѣмъ, чтобы класическія и реальныя гимназіи назвать—первыя словесными, а вторыя класическими, какъ я сказалъ выше, или тѣ и другія именовать класическими (хотя и нельзя не признать извѣстнаго дѣйствія на общество названія, какъ авторитета); но, въ виду несостоятельности современныхъ понятій и мысли и несостоятельности существующаго образованія, для отвращенія зла,

*) Языки тутъ являются только какъ спеціальность.

Digitized by Google

я заключаю о настоятельной необходимости преобразованія существующаго метода преподаванія наукъ и о необходимости введенія, для полнаго образованія, обязательнаго изученія курса физіологіи въ извѣстныхъ размѣрахъ. Это распространеніе знанія и болѣе правильный методъ, конечно, подѣйствуютъ благотворно какъ на политическихъ людей и писателей, такъ равномѣрно и на все общество, и поведутъ къ болѣе научному и строгому методу въ его приложеніяхъ къ соціальнымъ явленіямъ, что будетъ совершенно согласно со всѣмъ ходомъ мысли, извѣстнымъ намъ изъ изученія исторіи, а именно, что, съ развитіемъ человѣчества, мышленіе все дѣлалось болѣе положительнымъ и научнымъ.

Понятно, что мышленіе только послѣдовательно дошло до положительнаго воззрѣнія: нужно было время, чтобы сдѣлать научныя открытія; нужно было время, чтобъ установить самый научный методъ мышленія, неизвѣстный еще грекамъ и римлянамъ, у которыхъ была одна діалектика; нужно было, наконецъ, время, чтобы приложить научный методъ для изслѣдованія и разрѣшенія разныхъ, болѣе сложныхъ явленій. Всѣ эти послѣдовательныя открытія имѣли вліяніе на историческій ходъ философскихъ и общихъ воззрѣній, въ томъ смыслѣ, что дѣлали ихъ болѣе научными. Они также оказали свое вліяніе и на ходъ общественнаго образованія; явились новыя требованія, болѣе положительныя, и прежнее образованіе стало считаться недостаточнымъ. Завися отъ движенія мысли и науки, вопросъ общаго образованія является, такимъ образомъ, вопросомъ второстепеннымъ или зависимымъ.

Что касается до современнаго спорнаго вопроса о системѣ образованія, то вопросъ этотъ былъ поднятъ еще Бэкономъ и Декартомъ. Приведу здѣсь краткій обзоръ ихъ мнѣній. Декартъ пишетъ въ своемъ сочиненіи «О методѣ», что онъ въ молодости съ большимъ жаромъ принялся за ученіе, такъ какъ его завѣрили, что этимъ средствомъ можно достичь яснаго и вѣрнаго пониманія всего полезнаго въ жизни. «Но только-что я окончилъ, прибавляетъ онъ, весь тотъ курсъ занятій, послѣ котораго люди почитаются учеными, я совершенно измѣнилъ свое первоначальное воззрѣніе; я былъ до такой степени опутанъ сомнѣніями, что, казалось, вся польза, которую я извлекъ изъ моего старанія образоваться, состояла лишь въ томъ, что мнѣ яснѣе стало мое собственное невѣжество». Относясь скептически къ разнымъ, имъ пройденнымъ, наукамъ, Декартъ, говоря объ

Digitized by Google

изученіи мертвыхъ языковъ и о чтеніи древнихъ класиковъ, замѣчаетъ, «что когда слишкомъ занимаешься тѣмъ, что дѣлалось въ древнія времена, остаешься обыкновенно весьма несвѣдущимъ въ томъ, что происходитъ въ настоящемъ». Перечисляя въ томъ же духѣ другія изученныя имъ науки, Декартъ дѣлаетъ исключеніе только для одной: коснувшись математики, онъ совершенно измѣняетъ принятый имъ тонъ; ему кажется даже, что важность этой науки недостаточно сознана. «Въ особенности любилъ я математическія науки, пишетъ онъ,—за вѣрность и ясность ихъ доказательствъ; но я не сознавалъ тогда ихъ настоящаго значенія, и, полагая, что онѣ только служатъ для механическихъ искусствъ, я удивлялся, что на такомъ твердомъ и прочномъ основаніи не было возведено чего либо болѣе возвышеннаго».

Находя мало существеннымъ полученное имъ образованіе, Декартъ рѣшился оставить книги и не искать другой науки, кромѣ той, которая могла бы найтись въ самой жизни. Но и тутъ онъ убѣдился, что воззрѣнія людей столь же различны, какъ и мнѣнія философовъ; такъ что вся польза, которую онъ извлекъ изъ общенія съ людьми, заключалась въ слѣдующемъ: видя, что нѣкоторыя вещи, которыя кажутся странными въ одномъ государствѣ, приняты и одобрены другими великими народами, онъ выучился не придерживаться слишкомъ строго того, что прежде было принято имъ только на вѣру или по обычаю. «Такимъ образомъ, говоритъ Декартъ, я избавился отъ многихъ ошибочныхъ воззрѣній, которыя, затемняя смыслъ, затрудняютъ воспріятіе истины».

Такое отрицательное настроеніе привело Декарта, въ концѣ концевъ, къ тому, что онъ отказался отъ всѣхъ, принятыхъ имъ до тѣхъ поръ, понятій, съ твердою рѣшимостью—или замѣнить ихъ лучшими, или принять ихъ вновь, но только провѣренными разсудкомъ. Чтобы достичь этой цѣли, онъ поставилъ себѣ правила мышленія,—всего четыре правила. Вотъ одно изъ этихъ правилъ: «Вести въ порядкѣ мысли, начиная съ вещей самыхъ простыхъ и легко понимаемыхъ, чтобы потомъ постепенно подыматься до познанія самыхъ сложныхъ».

Эту послѣдовательность отъ простаго къ сложному, по словамъ его, онъ почерпнулъ изъ пріемовъ, которые употребляются геометрами, достигающими рѣшенія самыхъ сложныхъ задачъ, начиная съ простѣйшихъ. Далѣе, замѣтивъ, что различныя науки, извѣстныя подъ общимъ именемъ математическихъ, хотя отно-

Digitized by Google

сятся къ разнымъ предметамъ, но согласуются въ томъ, что разсматриваютъ одни только отношенія и пропорціи, которыя находятся въ вещахъ,—Декартъ положилъ за лучшее приступить къ изученію однихъ этихъ отношеній—отвлеченно отъ вещей, съ тѣмъ, чтобы потомъ тѣмъ легче эти выводы могли быть прилагаемы ко всѣмъ подходящимъ предметамъ. Чтобы выразить эти отношенія, онъ рѣшился употребить самые короткіе знаки, что и привело его къ созданію новой науки—приложенія алгебры къ геометріи (аналитическая геометрія).

Такимъ образомъ Декартъ открываетъ первыя ступени того пріема мышленія, который обнимаетъ предметы и явленія въ ихъ послѣдовательности и соотношеніи, а это и есть тотъ методъ, который, въ примѣненіи къ жизни и обществу, даетъ намъ возможность понимать біологическое и историческое развитіе.

По вышеприведенному изъ сочиненія Декарта можно заключить, что это былъ, во первыхъ, протестъ противъ установившагося тогда образованія и, во вторыхъ, указаніе на изученіе положительной общей науки (математики), для правильнаго веденія мышленія.

Бэконъ (книга котораго, впрочемъ, явилась прежде сочиненія Декарта), въ своемъ «Новомъ органонѣ», прямо начинаетъ съ указанія на необходимость примѣненія къ явленіямъ научнаго метода (наблюденія и размышленія совмѣстно), дѣйствіе котораго онъ приравниваетъ дѣйствію улучшенныхъ орудій въ механическихъ трудахъ. Предвидя, что его взгляду противупоставятъ авторитетъ и діалектику древнихъ, Бэконъ замѣчаетъ, что такъ какъ цѣль его—указать мышленію новый путь, который древнимъ былъ неизвѣстенъ, то нѣтъ и повода къ спору.

Полагая, что знаніе и сила человѣческая возрастаютъ только по мѣрѣ открытія естественнаго порядка вещей, Бэконъ пишетъ: «существуетъ только одинъ вѣрный методъ мышленія, методъ весьма простой: вести людей къ самимъ фактамъ, чтобъ они могли услѣдить ихъ порядокъ и послѣдовательность».

Бэконъ различаетъ четыре главныя преграды къ воспріятію истины умомъ человѣческимъ. Во первыхъ, прирожденное человѣческому мышленію свойство полагать вѣчнымъ и абсолютнымъ то, что только преходяще. Во вторыхъ, склонность къ исключительности и спеціализаціи. Въ третьихъ, злоупотребленіе словами съ неопредѣленнымъ смысломъ. Въ четвертыхъ, ошибочные методы мышленія, діалектика.

Digitized by Google

«Какіе плоды принесли методы и діалектика древнихъ?» спрашиваетъ Бэконъ. «Какое было ихъ дѣйствіе на частныя науки?» Какіе плоды могутъ они приносить и въ настоящее время? Изъ разныхъ народовъ, гдѣ преобладаетъ класицизмъ, надо сдѣлать нѣкоторую оговорку для англичанъ, у которыхъ ознакомленіе съ народнымъ писателемъ Бэкономъ, вѣроятно, входитъ въ курсъ образованія, а потому противодѣйствуетъ слишкомъ большому подчиненію древнимъ.

Требуя извѣстной широты познанія, Бэконъ говоритъ, что люди, желающіе серьезно заняться открытіемъ истины, вообще ограничиваются однимъ своимъ предметомъ, пренебрегая другими познаніями, хотя очень легко примѣтить, что тотъ законъ, который въ одномъ предметѣ скрытъ, можетъ быть весьма явствѐнъ и, такъ сказать, ощутителенъ въ другихъ предметахъ.

Что касается до широты приложенія научнаго метода, имъ предлагаемаго, Бэконъ пишетъ, что методъ этотъ можетъ быть приложенъ къ астрономіи, оптикѣ, музыкѣ, механическимъ искусствамъ, медицинѣ и,—чему, впрочемъ, можетъ быть, не повѣрятъ, прибавляетъ Бэконъ,—къ нравственности, политикѣ и логикѣ. Ко всему, что можетъ быть наблюдаемо, можно приложить и научный методъ.

Изъ этого обзора сочиненій Декарта и Бэкона можно заключить, что первое, исторически намъ извѣстное, недовольство класицизмомъ или древнимъ міромъ было направлено противъ ихъ метода изслѣдованія истины, который не удовлетворялъ новымъ возникающимъ потребностямъ. Что же было у древнихъ — силогизмъ? На тѣхъ же основаніяхъ многіе и теперь укоряютъ класицизмъ въ недостаткѣ широты мышленія и научности.

Что касается мертвыхъ языковъ, то Бэконъ писалъ еще на латинскомъ языкѣ: это былъ общепринятый языкъ для научныхъ сочиненій. Декартъ сдѣлалъ нѣкотораго рода отступленіе, написавъ свою рѣчь о методѣ по-французски. Постепенно потомъ древніе языки выходили изъ употребленія. Сравнительно въ недавнее время, явилось сомнѣніе въ предпочтительности изученія мертвыхъ языковъ передъ живыми; и это воззрѣніе поддерживается нѣкоторыми извѣстными современными учеными. Если изученіе мертвыхъ языковъ не представляетъ особой пользы, то стремленіе избавиться отъ лишняго труда, для нѣкоторыхъ весьма тяжкаго, конечно, очень естественно. Чтобъ уяснить себѣ вопросъ о пользѣ древнихъ языковъ, такъ какъ они составляютъ

Digitized by Google

только часть языкознанія, можно обратиться *къ наукѣ о языкѣ*. Максъ Мюллеръ начинаетъ читанный имъ курсъ 1861 года, объ этой наукѣ, съ опредѣленія своего предмета и ставитъ науку о языкѣ въ число естественныхъ наукъ. Такое опредѣленіе можетъ впервые показаться, конечно, страннымъ, если вспомнить, что споръ объ образованіи назывался у насъ споромъ классиковъ и естественниковъ. Какъ бы то ни было, Максъ Мюллеръ называетъ эту науку естественной, потому что не во власти человѣка, говоритъ онъ, измѣнять законы языка. Человѣкъ властвуетъ надъ природой и надъ языкомъ только тогда, продолжаетъ онъ, когда знаетъ ихъ законы и имъ повинуется. Къ этому онъ приводитъ два слѣдующіе анекдота *). «Когда императоръ Тиверій сдѣлалъ ошибку въ языкѣ и былъ поправленъ Марцеллемъ, то другой, случайно присутствовавшій тутъ граматикъ, по имени Капитонъ, замѣтилъ, что сказанное императоромъ хорошая латынь, а нѣтъ—такъ будетъ. Марцеллъ, болѣе граматикъ, нежели царедворецъ, отвѣчалъ: «вретъ Капитонъ, ибо ты, о государь, можешь давать право римскаго гражданства людямъ, а не словамъ». Подобный анекдотъ раскаывается о нѣмецкомъ императорѣ Сигизмундѣ. Предсѣдательствуя на констанскомъ соборѣ, онъ обратился къ присутствовавшимъ съ латинскою рѣчью, увѣщевая ихъ искоренить расколъ гуситовъ. «Videte Patres, сказалъ онъ, ut eradicetis shismam Hussitarum». Какой-то монахъ призвалъ его къ порядку, довольно безцеремонно воскликнувъ: «Serenissime Rex, shisma est generis neutri». Императоръ, не теряя присутствія духа, спросилъ дерзкаго монаха: «Откуда ты это знаешь»? Старый чешскій педагогъ отвѣчалъ: «Александръ Галлъ это говоритъ».—«А кто Александръ Галлъ»?—«Онъ былъ монахъ».—«Хорошо», сказалъ государь, «а я римскій императоръ, и мое слово, я полагаю, будетъ на столько же хорошо, какъ слово какого нибудь монаха». Безъ сомнѣнія, смѣхъ былъ на сторонѣ государя, но shisma все-таки осталась средняго рода, и даже императоръ не могъ перемѣнить его рода или окончанія».

Языкъ повинуется законамъ, и наука о языкѣ, въ числѣ положительныхъ наукъ, принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ отдѣлу соціологіи. Что же касается собственно до граматики, которая

---

*) Лекціи по наукѣ о языкѣ, читанныя въ королевскомъ британскомъ институтѣ въ 1861 г. Русскій переводъ 1865 г.

Digitized by Google

учить правильно говорить и писать (то есть, учить говорить и писать, какъ принято по обычаю), то вотъ по этому предмету нѣсколько словъ того же автора: «Граматика, пишетъ Максъ Мюллеръ, которая должна бы быть самою логичною изъ всѣхъ наукъ, часто бываетъ самою нелогичною. Мальчика учатъ въ школѣ, что если нужно сказать: «я нахожусь въ Римѣ», то въ латинскомъ употребляется родительный падежъ для выраженія мѣстности. Какимъ образомъ логикъ или граматикъ можетъ изложить или перековеркать значеніе родительнаго падежа до того, чтобы заставить его выражать покой на одномъ мѣстѣ,—разбирать это не наше дѣло; но еслибъ ему это удалось, то ученикъ сталъ бы для той же цѣли употреблять родительные падежи отъ Carthago, т. е., Garthaginis, или отъ Athenae, т. е., Athenarum, и тогда ему нужно было бы говорить, что этихъ родительныхъ падежей нельзя употреблять такимъ же образомъ, какъ родительный отъ именъ на *a*. Какимъ образомъ все это выполнено такъ называемою философскою граматикою—того мы не знаемъ; но сравнительная граматика скоро устраняетъ всѣ затрудненія. Только въ первомъ склоненіи мѣстный падежъ замѣняетъ родительный, между тѣмъ какъ Carthaginis и Athenarum, будучи дѣйствительно родительными падежами, никогда не могли употребляться для выраженія мѣстнаго падежа. Спеціальный падежъ, подобный мѣстному, можно обобщить въ еще болѣе общій родительный, но не на оборотъ». Граматика—та же отвлеченная наука,—она отыскиваетъ законы языка: пусть спеціалисты судятъ, на сколько латинская граматика логична.

Что касается до предпочтенія мертвыхъ языковъ въ граматическомъ отношеніи, Максъ Мюллеръ пишетъ въ курсѣ 1863 г., лекція шестая: «Такъ какъ изученіемъ мертвыхъ языковъ занималось только меньшинство, и такъ какъ вообще полагаютъ, что легче выучиться живому, нежели мертвому языку, то привыкли считать такъ называемые класическіе языки, санскритскій *), греческій и латинскій, орудіемъ мысли, болѣе чистымъ и превосходнымъ, чѣмъ современные европейскіе языки. Оставляемъ теперь въ сторонѣ всякое сравненіе между литературами греческой, римской, древне-индійской и литературами англійской, фран-

*) Можетъ быть, по существу дѣла, слѣдовало бы класикамъ желать обязательнаго изученія санскритскаго языка, граматика котораго безупречна; но въ такомъ случаѣ яснѣе стало бы, что изученіе мертвыхъ языковъ—спеціальность, а не необходимое условіе общаго образованія.

Digitized by Google

цузской, германской и итальянской. Мы говоримъ только о языкѣ, о корняхъ и словахъ, о склоненіяхъ, спряженіяхъ и о построеніи рѣчи, присущей каждому языку; по всѣмъ этимъ пунктамъ, мы допускаемъ, что живые языки стоятъ на совершенно равной ногѣ съ древними языками». Если мнѣніе Максъ Мюллера справедливо, то здѣсь ставится вопросъ: зачѣмъ же дается въ изученіи предпочтеніе древнимъ языкамъ,—и приходитъ на мысль, что это болѣе дѣло обычая, традиціи, а не слѣдствіе критическаго научнаго вывода *). Гербертъ Спенсеръ полагаетъ, что изученіе латинскаго и греческаго языковъ есть дѣло обычая, и въ книгѣ своей «О воспитаніи» подводитъ этотъ обычай подъ законъ, что въ развивающемся обществѣ украшающее предшествуетъ полезному.

Кромѣ этого спора ученыхъ, есть одно современное обстоятельство, которое дало вопросу объ общественномъ образованіи особенную важность. При историческомъ ходѣ развитія человѣчества, все большее и большее число людей стало получать образованіе. Во времена Бэкона и Декарта было одно образованіе: оно имѣло основаніемъ изученіе мертвыхъ языковъ и считалось общимъ: другаго и не было. Люди, выходившіе изъ этой школы, почитались получившими полное образованіе; болѣе или менѣе такое образованіе получали всѣ,—конечно, всѣ полноправные. Но, при постепенномъ упадкѣ феодализма, явился вопросъ объ образованіи народа, не получавшаго до тѣхъ поръ никакого образованія, и съ этимъ расширеніемъ числа учащихся и вышло впослѣдствіи затрудненіе. Въ прежнія времена, не долго думая, всѣхъ начинающихъ сажали за латинскую граматику; потомъ, когда начали строить школы для всѣхъ классовъ народа, этотъ педагогическій пріемъ сдѣлался невозможенъ въ примѣненіи ко всѣмъ. Вопросъ былъ предрѣшенъ практически въ томъ смыслѣ, что явились школы съ изученіемъ древнихъ языковъ и явились школы безъ изученія древнихъ языковъ, такъ что разсуждать пришлось на совершившемся или совершающемся фактѣ. Здѣсь говоримъ мы о мужскихъ школахъ, но сюда надо прибавить и женскія школы, такъ какъ теперь и женщины предъявляютъ свои права на общее образованіе, хотя бы въ качествѣ матерей и въ виду того вліянія, которое онѣ имѣютъ на своихъ дѣтей.

*) Мертвымъ языкамъ въ гимназіяхъ даютъ предпочтеніе передъ всѣми науками; въ VII классѣ преподаютъ въ недѣлю 14 уроковъ древнихъ языковъ и 2 урока изъ математики.

Digitized by Google

При этомъ замѣтимъ, что когда слабое меньшинство только образовано, то общество всегда легкомысленнѣе, нежели тогда, когда большее число народонаселенія получаетъ образованіе. Съ числовымъ увеличеніемъ людей, получающихъ образованіе во всѣхъ слояхъ, общество дѣлается все болѣе серьезнымъ и *могучимъ*. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія, въ Европѣ высшимъ класамъ преподавалось главное—танцованіе, музыка, поэзія и словесность, вообще искусство; но теперь требуютъ гораздо болѣе отъ образованнаго человѣка. Что мысль является все болѣе положительною, въ историческомъ развитіи, и что, съ увеличеніемъ числа учащихся, все общество переходитъ къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, это два явленія, которыя совпадаютъ. Въ примѣръ того, какихъ предметовъ приходится касаться образованію, какъ скоро оно расширяется на всѣ слои народа, укажемъ на то обстоятельство, что, въ виду различныхъ ученій, соціализма и комунизма, распространенныхъ въ низшихъ слояхъ населенія въ Англіи,—пришлось для рабочаго класа читать краткія лекціи изъ политической экономіи. По этому можно судить, что въ тѣхъ школахъ, гдѣ не преподаются мертвые языки, ученіе должно имѣть характеръ не одной спеціальности, но и общаго образованія.

Вопросъ образованія, какъ мы сказали, есть вопросъ зависящій отъ движенія научныхъ открытій, вслѣдствіе чего, для того чтобы составить раціональную програму ученія, нужно предварительно, чтобы былъ составленъ порядокъ или класификація самыхъ наукъ. Такая класификація наукъ была составлена въ тридцатыхъ годахъ Контомъ. Контъ отдѣлилъ сначала общія науки отъ частныхъ. Подъ словомъ общихъ онъ разумѣлъ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ цѣлью открытіе однихъ лишь общихъ законовъ, и взялъ руководящею нитью для своей класификаціи послѣдовательность отъ простаго къ сложному. Такъ какъ явленія дѣлятся на небесныя и земныя, и первыя болѣе общи, то онъ поставилъ въ началѣ порядка астрономію или небесную механику. Земныя явленія представляются неорганическими и органическими, или одаренными жизнію; физическія и химическія явленія принадлежатъ къ первому отдѣлу, они же и простѣе жизненныхъ; ко второму отдѣлу принадлежатъ явленія, относящіяся къ особи (физіологія) и обществу (соціологія). Впереди всего этого Контъ поставилъ самую общую науку — математику. Такимъ образомъ составилась класификація въ слѣдующемъ порядкѣ: ма-

Digitized by Google

тематика, астрономія, физика, химія, физіологія, соціологія. Въ такомъ же точно порядкѣ и въ такой же послѣдовательности науки эти возникали и установлялись исторически. Послѣ Контъ на мѣсто физіологіи употреблялъ слово біологія, которое относится къ жизни вообще и имѣетъ болѣе широкое значеніе. Надобно замѣтить, что класификація эта была въ извѣстной степени предрѣшена на практикѣ, и въ политехнической школѣ, съ самаго ея основанія, преподавались первыя четыре науки, а именно: математика, астрономія, физика и химія, къ чему если прибавить науки органическаго міра, то и вся класификація Конта тутъ будетъ сполна. Такое образованіе можно назвать истинно всестороннимъ.

Такъ какъ Контъ принялъ за руководящее правило идти отъ болѣе общаго и простаго къ сложному, то всѣ послѣдующія науки въ его класификаціи зависятъ отъ предыдущихъ. Притомъ всѣ науки связаны такъ тѣсно, что всякое открытіе въ сложныхъ имѣетъ свое дѣйствіе и на болѣе простыя или общія. Класификація эта имѣетъ ту особенность, что въ поименованныхъ общихъ наукахъ можно изучить *въ корнѣ* всѣ разные виды научнаго метода мышленія.

Есть два образованія: общее и спеціальное. Изъ теоріи Конта слѣдуетъ, что высшее общее образованіе и низшее понимаются на практикѣ только въ отношеніи *степени и объема* преподаванія наукъ, которыя, по самому смыслу слова: общее ученіе,—должны быть одни и тѣ же въ высшемъ и низшемъ общемъ образованіи.

Я изложилъ здѣсь въ краткихъ словахъ класификацію наукъ Конта. Можно замѣтить, что въ наукахъ неорганическаго міра, до химіи включительно, всѣ положенія, какъ и въ мертвыхъ языкахъ, весьма опредѣленны и неизмѣнны. Какъ въ математикѣ сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ, такъ даже и въ химіи извѣстныя пропорціи составныхъ частей дадутъ всегда одинаковый результатъ, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ. Но тамъ, гдѣ начинается жизненное развитіе, такъ какъ измѣненія слѣдуютъ послѣдовательно одни за другими,—явленія осложняются; самый законъ развитія остается всегда непреложнымъ, но собственно явленія принимаютъ характеръ преходящаго и относительнаго. Вслѣдствіе этого, такія учрежденія, какъ, напримѣръ, политехническая школа, въ которыхъ преподаются науки только изъ міра неорганическаго, не даютъ учащимся полнаго знанія міра, какъ онъ въ дѣйствительности существуетъ, и

Digitized by Google

могутъ повести къ нѣкоторой *абсолютности* въ понятіяхъ, а потому, чтобы получить полное образованіе, нужно присоединить къ другимъ и науки органическія.

Можно понимать слово класицизмъ въ широкомъ смыслѣ, и, на примѣръ, сочиненія по естественнымъ наукамъ Бюфона, или Космосъ Гумбольдта называть класическими. Но есть и болѣе тѣсный смыслъ этого слова, относящійся собственно къ древнимъ и, въ вопросѣ объ образованіи, сосредоточивающійся на изученіи мертвыхъ языковъ. На этомъ пунктѣ вертится и современный споръ объ образованіи. Поэтому надо опредѣлить, имѣетъ ли *форма* образованія, которая принимаетъ въ основаніе изученіе древнихъ языковъ, характеръ явленія преходящаго, подобно другимъ *формамъ*, которыми облекается общество при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, или же носитъ на себѣ характеръ міровыхъ, вѣчныхъ явленій, которыми занимаются науки общія. Нѣкоторые поддерживаютъ мертвые языки, въ виду ихъ пользы при теперешнемъ положеніи юридическихъ наукъ: это вопросъ о современности. Древніе языки составляютъ часть общей науки о языкѣ, а потому, какъ *частныя* науки, должны стоять *на одной ногѣ съ другими частными науками* и не могутъ служить преимущественнымъ общимъ основаніемъ для образованія. Можно сказать, что, слѣдуя класификаціи наукъ Конта и восходя отъ основаній науки—математики,—до наукъ о явленіяхъ жизни, убѣдимся, что эти послѣднія способствуютъ пониманію явленій общественныхъ, политическихъ и нравственныхъ, и, наконецъ, что науки эти носятъ въ себѣ самихъ всѣ виды или методы мышленія. Тутъ есть существенная связь между науками, и онѣ постепенно приводятъ къ тому, что составляетъ цѣль умственнаго образованія,—къ правильному мышленію

Чему же служитъ преимущественнымъ основаніемъ изученіе мертвыхъ языковъ? Говорятъ, что если въ класическомъ ученіи много учащихся пропадаетъ, то остальные выходятъ весьма способными, избираютъ себѣ спеціальность,—и, какъ на плодъ такого порядка вещей, указываютъ на первокласныхъ ученыхъ Запада. Но, мнѣ кажется, общая и разительная черта этихъ ученыхъ спеціалистовъ заключается въ томъ, что какъ скоро они выступаютъ за предѣлы своей спеціальности, то знаменуются своими ошибками и слабостію сужденія, что̀ происходитъ отъ того, что, усвоивъ себѣ только одинъ пріемъ мышленія, они естественно переходятъ съ нимъ и въ такія науки, которыя имѣютъ свой

Digitized by Google

собственный методъ и къ которому они примѣниться не умѣютъ. Общее образованіе не должно имѣть цѣлью дѣлать спеціалистовъ, а должно знакомить со всѣми видами мышленія, что будетъ весьма полезно и для самихъ спеціалистовъ. Что касается до воспитательнаго значенія, которое заключается въ твореніяхъ древнихъ, то ихъ можно изучать въ переводѣ, и такимъ образомъ они входятъ въ курсы общаго образованія.

Если справедливо, что не предстоитъ никакой надобности въ изученіи древнихъ языковъ для общаго образованія, то изъ этого положенія можно получить довольно утѣшительный выводъ. Еслибъ изученіе древнихъ языковъ было необходимымъ условіемъ общаго образованія, то большинство народа должно бы было оставаться безъ общаго образованія; а это, судя по тому, что теперь происходитъ на Западѣ, составляло бы всегдашнюю опасность. На противъ, если изученіе древнихъ языковъ не есть существенная сторона общаго образованія, то оно, сдѣлавшись доступнымъ большинству, будетъ залогомъ порядка и благоденствія для будущаго. На Западѣ, вслѣдствіе феодализма, осталась сильная вражда между сословіями, даже между мѣщанствомъ и народомъ; у насъ этой вражды нѣтъ, а еслибъ и была, то не въ такой степени, а потому, вѣроятно, никто не будетъ скорбѣть, но, на противъ, всякій порадуется мысли, что общее образованіе доступно всему русскому народу.

Скажутъ, что вопросъ образованія долженъ быть обсуждаемъ только спеціалистами. Однакожь, съ учрежденіемъ земскихъ и городскихъ собраній, подобные вопросы къ нимъ поступаютъ; вопросъ объ общемъ образованіи равно на столько же спеціаленъ, какъ и вопросъ о круговой порукѣ и общественнаго пользованія землей; однакожь послѣдній былъ въ недавнее время поднятъ въ петербургскомъ земствѣ. Въ виду того, что вопросы очень важные оставляются на обсужденіе гласныхъ, полагаю необходимымъ, чтобы общее образованіе было какъ можно болѣе распространено во всѣхъ класахъ общества. Говорятъ, что класическія гимназіи будутъ собственно называться гимназіями и представятъ собою общее образованіе; реальныя же гимназіи будутъ называться училищами, и образованіе въ нихъ приметъ направленіе спеціальности. При этомъ надо взять во вниманіе, что такъ какъ меньшинство въ публикѣ будетъ учиться мертвымъ языкамъ, а, на примѣръ, въ городскія собранія *обязательно* избираются гласные изъ всѣхъ слоевъ обывателей, то большинство гласныхъ будетъ со-

Digitized by Google

ставлено изъ людей, которыхъ лишили способа получить общее образованіе. Затѣмъ раждается вопросъ: если даютъ право людямъ разсуждать объ общихъ вопросахъ, но нѣтъ имъ возможности получить общаго образованія, то не останется ли это право мертвой буквой? Когда педагогика идетъ въ разрѣзъ съ жизнію, то можно полагать, что не жизнь, а педагогика тутъ ошибается.

Не народъ для науки, а наука для народа; слѣдовательно, должно спросить русскій народъ, чему онъ хочетъ учиться?

Д. Столыпинъ.

Digitized by Google

О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

СЪ ЗЕМСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Предстоящее переустройство воинской повинности занимаетъ и тревожитъ всѣхъ и каждаго. Это не есть дѣло только личное, касающееся людей, которые имѣютъ поступить въ военную службу; это не дѣло только семейное, относящееся до тѣхъ, у кого дѣти или братья должны быть призваны къ отправленію воинской повинности; это также не есть дѣло только военное или государственное, предлежащее разсмотрѣнію, обсужденію и рѣшенію людей военныхъ или государственныхъ, стоящихъ въ главѣ арміи или общаго управленія. Нѣтъ!.. Переустройство воинской повинности есть дѣло всѣхъ и каждаго,—*дѣло, по преимуществу, земское.*

Теперь толкъ идетъ не о томъ, какъ устроить наши полки, дивизіи и корпуса, какъ довести ихъ до того, чтобъ они были вполнѣ въ состояніи защищать границы и достоинство имперіи, и какъ выгоднѣе ихъ содержать въ мирное и военное время. Даже численность арміи и количество ежегоднаго призыва молодыхъ людей подъ знамена—составляютъ обстоятельства почти второстепенныя. Суть дѣла заключается въ томъ, какой характеръ будетъ имѣть это устройство, какія его дѣйствія будутъ не только на ближайшій, но и на нѣсколько отдаленный ходъ нашихъ дѣлъ вообще, и сохранится ли русскому народу мирный, человѣчный строй его быта, чувствъ, понятій и дѣйствій, или превратитъ Россію въ вооруженный лагерь, въ видѣ Пруссіи.

Послѣднія событія такъ значительны, заключаютъ въ себѣ такой грозный смыслъ, что они должны пробудить хоть кого, и заставляютъ каждаго призадуматься насчетъ будущаго.

Мы полагали, что вступаемъ въ періодъ мира, развитія промышленности и торговли, во времена великихъ умственныхъ, нравственныхъ и вещественныхъ успѣховъ, и думали, что одинъ

Digitized by Google

только человѣкъ служитъ помѣхою къ осуществленію нашихъ надеждъ, а потому паденіе этого человѣка было встрѣчено, во всей Европѣ, съ живѣйшею радостью и съ общими благословеніями. Но на дѣлѣ оказывается совершенно иное. Вмѣсто этого единоличнаго возмутителя общаго спокойствія, является препятствіемъ къ миру, возбужденіемъ къ войнѣ и, слѣдовательно, призывомъ къ оборонѣ—цѣлый народъ, и притомъ, къ несчастью, такой, который расположенъ станомъ въ центрѣ Европы. Есть надъ чемъ призадуматься!

Между Германіею и Франціею заключенъ теперь не миръ, а перемиріе; ибо никакъ нельзя допустить, чтобы народъ, тридцати восьми-милліонный, крѣпко сплоченный, имѣющій свое славное прошедшее, свое выработанное образованіе, свой особый духъ и обладающій громадными силами и богатствами, могъ сгинуть или даже долго оставаться въ униженномъ, урѣзанномъ положеніи. Нельзя думать и того, что Бисмаркъ и прочіе германскіе государственные люди на столько близоруки, что считали и считаютъ возможнымъ утвердить прочный миръ на условіяхъ, ими продиктованныхъ; очевидно, что эти люди имѣли цѣлью заключеніе такого договора, который ставилъ бы ихъ въ необходимость удерживать угрожающее положеніе и къ врагамъ и къ друзьямъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ,—и для того сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе власти и пользоваться ею для осуществленія своихъ видовъ столько же внутри, сколько и за предѣлами своего государства.—Между Германіей и Австріей также немыслимъ прочный миръ: часть этой двуглавой, или, вѣрнѣе сказать, многоглавой имперіи тянетъ къ Германіи, а прочія ея части болѣе ими менѣе враждебно расположены къ этой державѣ. Какъ послѣдней устоять противъ искушенія помочь своимъ единокровнымъ къ возврату въ объятія пламенно ихъ любящей матери! Пруссія пользовалась и не такими предлогами къ завоеваніямъ; предстоящія же пріобрѣтенія ими напрашиваются на честь и счастіе быть присоединенными къ новой побѣдоносной имперіи. Слѣдовательно, война между Германіей и Австріей неминуема, и вопросъ только въ томъ, когда она начнется. — Неустранима, неизбѣжна война и между Германіею и Россіею. Правительства этихъ странъ могутъ теперь, даже искренно, увѣрять другъ друга въ любви и уваженіи и обѣщать взаимную поддержку, и даже болѣе того; но сила вещей сильнѣе даже сильныхъ міра сего. Нѣмецъ съ презрѣніемъ отно-

Digitized by Google

сится къ русскимъ и славянамъ вообще; онъ считаетъ ихъ объектами, подлежащими дѣйствію его образовательныхъ способностей, а себя призваннымъ просвѣтителемъ человѣчества и нареченнымъ владыкою міра. Эти убѣжденія присущи нѣмцу: они держались въ немъ прежде, во времена его упадка; легко себѣ вообразить, въ какомъ разгарѣ они теперь. Русскій, какъ и всякій славянинъ, чувствуетъ какую-то непреоборимую нелюбовь къ нѣмцамъ и влеченіе показать имъ, что настоящая сила не въ формахъ, не въ такихъ или иныхъ придуманныхъ кунштикахъ, даже не въ искусно и умно соображенныхъ установленіяхъ, а въ духѣ; что, въ этомъ отношеніи, онъ не уступитъ никому, и что будущность принадлежитъ не нѣмцамъ, уже разъ игравшимъ великую роль въ исторіи и исполнившимъ, какъ кажется, свое міровое назначеніе, а славянскому племени, только вступающему на міровое поприще и чувствующему въ себѣ призваніе быть, въ свою очередь, великимъ міровымъ дѣятелемъ. Конечно, русскій не полѣзетъ на брань,—это не въ его правахъ, обычаяхъ и выгодахъ; нѣмецъ также, имѣя много дѣла и помимо ссоры съ Россіею, будетъ воздерживаться отъ столкновеній съ нею; но обстоятельства не преминутъ сложиться такъ, что война между Россіей и Германіей сдѣлается неминуемою. Война откроется не по желанію той или другой державы, а въ силу неотразимаго хода событій. Пятиглавое господство въ Европѣ было потрясено Наполеономъ III; теперь оно окончательно схоронено Пруссіею. Что же можетъ вмѣсто того возникнуть? Неужели дуализмъ Германіи и Россіи?—Нѣтъ, такой дуализмъ еще менѣе можетъ быть состоятельнымъ, чѣмъ даже австро-венгерскій! Неужель единовластіе Германской имперіи?—Нѣтъ! Исторія вспять нейдетъ.

При такомъ положеніи Европы, всѣ государства должны быть наготовѣ къ войнѣ или, по крайней мѣрѣ, къ оборонѣ.

Что же дѣлать намъ для исполненія этого долга? Какъ намъ устроить военныя силы? Какъ расходовать намъ на это столько нашихъ средствъ, сколько необходимо, и никакъ не болѣе? Какъ дать нашему слову въ Европѣ надлежащее значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ остаться вѣрными духу нашего народа? Какую систему воинской повинности, согласную съ требованіями нашей страны, установить въ виду настоящаго и ожидающей насъ будущности?

Вотъ вопросы, которые осаждаютъ умъ каждаго мыслящаго русскаго и на которые мы должны дать отвѣты. Но какіе дадимъ мы отвѣты? Мы сознаемъ, что предлагаемыя доселѣ разрѣшенія

Digitized by Google

задачъ неудовлетворительны; что иноземные образцы къ нашему быту и положенію не примѣнимы, и что мы должны имѣть свою систему воинской повинности, соотвѣтствующую и нашему предназначенію и нашимъ нравамъ и особенностямъ нашей страны. Мы чувствуемъ, что такая система должна у насъ установиться, и что не нынѣ, такъ завтра она явится въ своемъ своеобразномъ видѣ, точно такъ, какъ изъ вопроса объ улучшеніи крестьянскаго быта вышло не гдѣ либо заимствованное, а туземное, надѣломъ обезпеченное освобожденіе крестьянъ.

Существующая у насъ система воинской повинности осуждена и общественнымъ мнѣніемъ и самимъ правительствомъ. Она носитъ на себѣ печать упраздненнаго крѣпостнаго права, стоитъ дорого и не представляетъ достаточныхъ средствъ къ оборонѣ. Новыя основанія, предложенныя военнымъ министромъ, далеко не соотвѣтствуютъ общимъ ожиданіямъ страны. Семилѣтній срокъ службы и затѣмъ зачисленіе на восемь лѣтъ въ резервъ должны имѣть послѣдствіемъ полное отчужденіе поступившихъ въ военную службу отъ прежняго ихъ быта и удержаніе ихъ въ томъ же исключительномъ, уединенномъ и странномъ положеніи среди народонаселенія, въ какомъ теперь находятся отставные или безсрочно-отпускные солдаты. Слѣпой жребій, имѣющій рѣшить не то обстоятельство, кто прежде и кто послѣ долженъ идти на службу, а то, кто можетъ оставаться на свободѣ и заниматься своимъ дѣломъ и кто всю лучшую часть жизни, т. е., цѣлые 15 лѣтъ, долженъ отдать въ распоряженіе начальства, посвятить себя защитѣ другихъ или военнымъ экзерциціямъ и полюбить дѣло, которое не всякому по душѣ. Поступленіе 17-ти лѣтняго юноши на службу въ качествѣ вольно-опредѣляющагося обрѣкаетъ его, до 36-ти лѣтняго возраста, быть постоянно наготовѣ возвратиться на службу по первому къ оной призыву. Назначеніе цѣлой четверти всего 21-го лѣтняго народонаселенія на 7-ми лѣтнюю, а за исключеніемъ отпусковъ—на полную пятилѣтнюю службу, и вслѣдствіе того призывъ въ армію около 200 тысячъ людей въ годъ и постоянная наличность цѣлаго милліона самаго здороваго народа подъ знаменами—устрашаютъ воображеніе, выбиваютъ умъ изъ его расчетовъ и разрушаютъ надежды на лучшее будущее. Эти и нѣкоторыя другія главныя основанія будущаго устройства воинской повинности, указанныя въ докладѣ военнаго министра, смущаютъ и податныя сословія, доселѣ исключительно отбывавшія эту тяжкую повинность, и тѣ

Digitized by Google

сословія, которыя съ искреннею радостію привѣтствовали объявленіе о распространеніи на всѣхъ гражданъ обязанности защищать свое отечество. Первыя недоумѣваютъ, какъ распространеніе повинности и на другія сословія можетъ собственно для нихъ удвоивать прежнюю тягость; а послѣднія опасаются, чтобы новое положеніе о воинской повинности не послужило препятствіемъ къ успѣхамъ просвѣщенія, промышленности и торговли. Сверхъ того, всѣ страшатся, чтобы постановленія новаго закона по сему предмету не возбудили въ народѣ того духа военщины, который вовсе не необходимъ на войнѣ и который можетъ быть весьма вреднымъ во времена мирныя. Одно, что утѣшаетъ людей самыхъ опасливыхъ, это то, что указанныя основанія, по докладу военнаго министра, не должны считаться окончательно установленными и имѣютъ подлежать всестороннему обсужденію при разработкѣ самыхъ положеній.

При неимѣніи въ готовности собственныхъ соображеній о томъ, какъ воинская повинность могла бы быть у насъ устроена, многіе предлагаютъ образцами для подражанія системы иностранныхъ государствъ и въ особенности—системы прусскую и американскую.

Одни желаютъ, чтобы мы, въ этомъ отношеніи, позаимствовали какъ можно болѣе у Пруссіи. Но едва ли эти люди хорошо знаютъ и Пруссію, и свое отечество, и едва ли вѣрно оцѣниваютъ мѣстныя, нравственныя и экономическія обстоятельства этихъ двухъ совершенно различныхъ странъ. Къ чему намъ, 80-ти милліонному государству, напрягать свои силы такъ, какъ вынуждено было то сдѣлать разгромленное государство, едва не исчезнувшее съ лица земли и потомъ пожалованное въ званіе великой державы, не смотря на свое едва 12-ти милліонное народонаселеніе? Къ чему намъ, защищеннымъ и пространствомъ, и климатомъ, и уязвимымъ только съ одной стороны, обрекать все свое народонаселеніе на военную службу? Къ чему намъ, только бокомъ прилегающимъ къ европейскому водовороту, добровольно, безъ всякой необходимости, наваливать на себя тѣ тяготы, подъ которыми изнемогаетъ Европа и которыя ведутъ ее къ упадку? Конечно, находясь въ Европѣ, хотя и на ея оконечностяхъ, и будучи своимъ положеніемъ вынуждены принимать участіе въ ея треволненіяхъ, мы должны быть всегда на готовѣ; но если мы истощимъ себя въ ожиданіи войны, то, пожалуй, при наступленіи ея, мы окажемся несостоятельными. Мы никакъ не можемъ упускать изъ вида, что наши капиталы, у

Digitized by Google

ственные и вещественные, далеко не соотвѣтствуютъ ни пространствамъ, нами занимаемымъ, ни числу людей, на нихъ живущихъ, и что мы должны быть какъ нельзя болѣе бережливыми и на рабочія силы, и на деньги. Мы обязаны также имѣть въ виду и то, что нашъ вѣрнѣйшій, ничѣмъ не замѣнимый способъ обороны есть народная война. Но этого средства мы можемъ себя лишить, если подорвемъ семейный бытъ, уничтожимъ привязанность простолюдина къ своему дому и казарменною жизнію сокрушимъ своеобразный духъ русскаго народа. Нѣтъ, нѣмецкіе порядки намъ не по природѣ. Они могутъ быть хороши тамъ, если и тамъ они хороши, что еще подлежитъ сомнѣнію; но здѣсь, на Руси, нужны намъ иныя установленія, сохраняющія въ насъ человѣчность,—то, что всего дороже.

Другіе выставляютъ образцемъ американское военное устройство. Къ сожалѣнію, оно намъ мало извѣстно, и люди, его восхваляющіе, не сообщаютъ о немъ достаточно подробныхъ и положительныхъ свѣдѣній. Это устройство, быть можетъ, хорошо, очень хорошо; но не примѣнимо ли оно только тамъ, за морями, поодаль отъ европейскихъ интригъ, отъ монархическихъ завоевательныхъ замысловъ и отъ постоянныхъ стремленій къ перемѣщенію карты владѣній? Американскіе штаты считаютъ свою постоянную армію десятками тысячъ, а здѣсь мы обозначаемъ наши обыкновенныя войска сотнями тысячъ, чуть-чуть не милліонами. У нихъ ополченіе вызвано было только внутренними смутами, и арміи, какъ южанъ, такъ и сѣверянъ, явились, на полѣ битвы, при одинакихъ условіяхъ военной сформировки; а у насъ, посреди нашего материка, расположился лагеремъ цѣлый народъ, и сколько прежде онъ отличался домоустройствомъ, изобрѣтательностію и ученостію, столько теперь грозитъ первенствовать своими громадными, искусно сформированными и съ настойчивостію обученными полчищами, забываетъ, что, при угнетеніи другихъ народовъ, нѣтъ возможности самому у себя пользоваться свободою, и упускаетъ изъ вида, что, производя насильственно и спѣшно свое государственное объединеніе, онъ уничтожаетъ въ себѣ мѣстную самобытность, безъ которой и самыя громадныя государства слабы и не заключаютъ въ себѣ залога прочности и устойчивости.

Полезно, необходимо намъ знать, какъ другія государства устроены или устроиваютъ у себя военныя силы; но еще полезнѣе и необходимѣе изучить, какъ на дѣлѣ существуетъ у насъ во-

Digitized by Google

енная повинность, что̀ возбуждаетъ особенное къ ней нерасположеніе въ народѣ, чего онъ желаетъ и къ чему имѣется въ нем природная наклонность. Мы можемъ заимствовать у другихъ странъ нѣкоторыя, ими придуманныя, опытомъ утвержденныя и нашему народному духу не противорѣчащія установленія; но пуще всего мы должны воспользоваться тѣмъ, что̀ у насъ уже существуетъ, что̀ освящено обычаемъ и въ чемъ, быть можетъ, имѣется зародышъ своеобразнаго, туземнаго устройства военной повинности. Только при исполненіи этого условія, мы можемъ устроить грозныя силы и притомъ сохранить духъ и строй нашего человѣчнаго, къ сожалѣнію, еще недостаточно оцѣненнаго народнаго быта.

Намъ расказывали, что въ уральскомъ казачьемъ поселеніи существуетъ слѣдующій порядокъ по отправленію воинской повинности: правительство назначаетъ число людей, имѣющихъ изъ этого поселенія поступить на службу, и мѣстныя власти расчитываютъ, сколько на какое селеніе причитается воиновъ къ поставкѣ. За тѣмъ каждое селеніе дѣлится на столько участковъ, сколько ему приходится поставить казаковъ на службу. Каждый участокъ вызываетъ, въ своей средѣ, желающаго поступить на службу. Если таковой явится, то входятъ съ нимъ въ переговоры и условливаются насчетъ того, сколько ему уплатить при его отправленіи, сколько выдавать семейству во время его отсутствія и сколько ему вручить при его возвращеніи на родину. Если въ участкѣ нѣтъ охотника, то приглашается таковой изъ другаго участка. Тяжесть или легкость условій зависитъ отъ количества требуемыхъ правительствомъ людей и числа являющихся охотниковъ; но увѣряютъ, что недостатка въ охотникахъ никогда не бываетъ. Такимъ образомъ правительство всегда получаетъ нужное ему число казаковъ; ни одинъ изъ нихъ не покидаетъ родины безъ собственнаго согласія и безъ обезпеченія своего при возвратѣ; и всѣ казаки, безъ особеннаго обремененія, безъ разоренія семействъ и даже съ оказаніемъ помощи бѣднѣйшимъ изъ нихъ, участвуютъ въ воинской повинности. Нѣчто въ этомъ же родѣ существуетъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ селеніяхъ. Въ такомъ порядкѣ, быть можетъ, заключается зародышъ того устройства, которое сродно русскому народу и которое составило бы туземную систему воинской повинности.

Желательно, чтобъ устройство воинской повинности сдѣлалось у насъ заботою всѣхъ и каждаго, точно такъ, какъ теперь

Digitized by Google

оно составляетъ предметъ общихъ опасеній и тревогъ. Желательно, чтобы по этому предмету писались книги и журнальныя статьи, чтобы выходило ихъ много, очень много, и чтобъ этотъ важный вопросъ разработывался сколь возможно многостороннѣе. Желательно, чтобъ онъ составилъ предметъ совѣщаній въ земскихъ собраніяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ, такъ чтобы каждый могъ подать совѣтъ, сообщить имѣющіяся у него свѣдѣнія и высказать свои желанія и опасенія. Въ кабинетахъ, въ коммисіяхъ, самыхъ многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ, не составится народная система вооруженія, т. е., такая, которая соотвѣтствовала бы народному духу, народнымъ нравамъ и средствамъ, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворила бы нашему положенію на грани Европы и Азіи.

Главнѣйшее, самое необходимое свойство современнаго военнаго устройства заключается въ томъ, чтобъ оно соотвѣтствовало требованіямъ справедливости, т. е., чтобы воинъ или посвящалъ себя службѣ по собственному избранію, или несъ эту повинность наравнѣ со всѣми прочими своими согражданами. Въ Америкѣ и Англіи это условіе исполняется тѣмъ, что тамъ постоянная армія состоитъ только изъ охотниковъ; въ Пруссіи же тѣмъ, что всѣ прусаки должны пройти чрезъ военную службу. На что намъ рѣшиться и какъ привести въ дѣйствіе, при устройствѣ воинской повинности, то рѣшеніе, которое мы примемъ?

При разрѣшеніи задачи въ первомъ смыслѣ, необходимо имѣть въ виду устроить это дѣло такъ, чтобы въ охотникахъ не могло быть недостатка и чтобы правительство было вполнѣ обезпечено насчетъ полнаго числа арміи какъ въ мирное, т. е., обыкновенное время, при сокращенномъ ея составѣ, такъ и въ военное, т. е., чрезвычайное время, когда могутъ потребоваться огромная дѣйствующая армія и, сверхъ того, ополченіе.

При разрѣшеніи вышеупомянутой задачи во второмъ смыслѣ, необходимо имѣть въ виду, чтобы люди, поступающіе, по обязанности, подъ знамена, не были вырваны съ корнемъ изъ своего гражданскаго положенія, чтобъ исполненіе воинской повинности было для нихъ только нѣсколько продолжительною отлучкою изъ своего дома и чтобъ они сохраняли тѣсную связь съ своею семьею и интересы своего первобытнаго состоянія.

Пожалуй, скажутъ, что исполненіе какъ того, такъ и другого условія крайне трудно, почти невозможно. Подобныя же возраженія дѣлали намъ, когда мы, во время оно, настаивали

Digitized by Google

на необходимости прекращенія крѣпостной зависимости однихъ людей отъ другихъ и надѣленія крестьянъ землею. Главная трудность во всякомъ дѣлѣ заключается не въ томъ, какъ устроить его для достиженія предположенной цѣли, а въ томъ, чтобы сознать цѣль и проникнуться убѣжденіемъ въ необходимости ея достиженія. Какъ нельзя допустить, чтобы въ благоустроенномъ государствѣ, при нынѣшнемъ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ, одни люди считались вещами другихъ, такъ противно справедливости и требованіямъ разума, чтобы нѣкоторые люди, вопреки своему желанію, присуждались жертвовать лучшую часть своей жизни на оборону прочихъ, и затѣмъ оставались въ обществѣ какими-то бобылями. Нѣтъ! Всѣ мы обязаны защищать свое отечество; и какъ всѣ мы на его защиту идти не можемъ и какъ въ томъ нѣтъ и никакой необходимости, то слѣдуетъ исполненіе этой обязанности устроить такъ, чтобы нѣкоторые люди охотою посвящали себя этому дѣлу (что не невозможно), или чтобъ эта повинность ложилась на всѣхъ легко и уравнительно, и чтобы никто, по отбытіи оной, не былъ лишенъ возможности устроить свою жизнь по своему желанію, по своимъ склонностямъ, силамъ и способностямъ. Послѣднее, кажется, много труднѣе перваго.

Извѣстно, что учреждена коммисія для разработки этого важнаго вопроса и для составленія новаго положенія о воинской повинности. Слышно, что въ эту коммисію приглашены эксперты изъ людей земскихъ. Но достаточно ли этого для обезпеченія составляемому положенію того характера, который оно должно имѣть, и той удобоисполнимости, которая необходима всякому закону и въ особенности такому важному и общему, какимъ является положеніе о воинской повинности? Мы не имѣемъ никакой причины, а еще менѣе желанія сомнѣваться въ добрыхъ намѣреніяхъ, въ свѣдѣніяхъ и способностяхъ людей, призванныхъ въ упомянутую коммисію; но мы не можемъ не опасаться, что задача, имъ предлежащая, не по силамъ пятнадцати, двадцати человѣкамъ, собраннымъ въ офиціальныя засѣданія. Теперь предстоитъ, какъ намъ кажется, не выработать и сочинить положенія, а рѣшить вопросы бытовые. Это дѣло должно предшествовать составленію проекта, и оно можетъ быть удовлетворительно совершено только сообща всѣми мыслящими силами въ народѣ. Уже начали появляться книги и журнальныя статьи по сему важному преобразованію. Желательно, совершенно необходи-

Digitized by Google

мо, чтобы земскія собранія имѣли случай высказаться по этому дѣлу. Десять, двадцать умнѣйшихъ людей, посаженныхъ въ коммисію и собирающихся въ одномъ мѣстѣ, и при томъ офиціально, никакъ не могутъ быть ни столь умны, ни столь свѣдущи и подготовлены, ни столь находчивы, сколько можетъ тѣмъ быть совокупность народныхъ умственныхъ силъ. Какъ для успѣха исполнительнаго дѣйствія необходимо единство — единоличная, по возможности, власть, такъ для обсужденія необходимо разностороннее разсмотрѣніе предмета, и чѣмъ болѣе людей принимаютъ участіе въ такомъ трудѣ, тѣмъ лучше. Часто люди не особенно умные подаютъ самыя плодотворныя мысли, которыя подхватываются, разработываются другими и выходятъ изъ этого истинно народныя учрежденія и законы. Такъ, никто не можетъ сказать, кому принадлежитъ великая мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею: она гдѣ-то и кѣмъ-то была высказана, другими пополнена, развита и уяснена; затѣмъ, въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ по крестьянскимъ дѣламъ, она была разработана и, наконецъ, въ редакціонныхъ коммисіяхъ она получила воплощеніе въ составленныхъ ими проектахъ. Спѣшно и однолично составленный проектъ закона по предмету даже не важному рѣдко бываетъ удаченъ; законъ долженъ быть примѣненъ и исполненъ не на одномъ какомъ либо мѣстѣ, не въ одномъ какомъ либо случаѣ и не нѣсколькими лицами, а на всемъ пространствѣ государства и часто почти всѣми его жителями; а потому, для того чтобъ онъ былъ дѣйствительнымъ закономъ, необходимо, чтобы въ составленіи его участвовало какъ можно болѣе личностей, изъ разныхъ мѣстностей и изъ разныхъ состояній. Прежде мы были лишены возможности пользоваться народнымъ умомъ: цензура налагала печать молчанія на всякія, изъ обычной колеи выходящія, мысли и съуживала по возможности кругъ печатнаго обсужденія предметовъ; учрежденій же, въ которыхъ могли разсматриваться дѣла съ земской точки зрѣнія, не было никакихъ. А потому и не удивительно, что въ тѣ времена всѣ законы грѣшили неудобоисполнимостью. Мысль призывать экспертовъ въ коммисіи по составленію уставовъ и положеній— была значительнымъ шагомъ впередъ, мѣрою весьма хорошею, но, конечно, недостаточною и оправдываемою только тогдашними обстоятельствами. Теперь печать получила нѣкоторую свободу по обсужденію общественныхъ и государственныхъ вопросовъ; теперь существуютъ уѣздныя и губернскія земскія учрежденія, и хотя

Digitized by Google

и то и другое еще весьма неполно и несовершенно, однако все-таки есть возможность призвать народный умъ на совѣтъ при разрѣшеніи важныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Польза отъ такого обсужденія проектовъ признается всею страною и самимъ правительствомъ, и, благодаря этому, важный вопросъ о податной реформѣ переданъ на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній. Увѣрены, что правительство не будетъ раскаяваться въ такомъ своемъ дѣйствіи, и что оно извлечетъ изъ него большую пользу. Преобразованіе воинской повинности есть дѣло, которое много труднѣе весьма труднаго дѣла о податной реформѣ; а потому тутъ совѣтъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и изъ разныхъ мѣстностей еще болѣе необходимъ, и тутъ общественное мнѣніе можетъ сильно помочь правительству. Полагаемъ, что въ правительственной коммисіи по устройству воинской повинности, между мнѣніями членовъ, господствуетъ теперь сильное разногласіе, и оно должно быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ члены коммисіи добросовѣстнѣе. Хотя они и лица офиціальныя, однако вмѣстѣ съ тѣмъ они и члены общества. Въ обществѣ же теперь страшная разноголосица насчетъ того, какъ устроить воинскую повинность. Податной вопросъ разработывался, въ учрежденной при министерствѣ финансовъ коммисіи, болѣе десяти лѣтъ; и въ журналахъ, и въ обществѣ этотъ вопросъ обсуждался многократно и съ разныхъ сторонъ, а потому уже выработались нѣкоторыя общія основанія для этого преобразованія. Воинскій вопросъ, хотя давно требовавшій разрѣшенія, не былъ предметомъ общихъ обсужденій, и онъ вдругъ сталъ на очередь. Не мудрено, что общественное мнѣніе еще почти вовсе не готово высказаться съ нѣкоторою положительностью по этому вопросу. Теперь замѣтно, что отрицательное направленіе значительно преобладаетъ надъ направленіемъ положительнымъ. Всегда легче критиковать, чѣмъ созидать: это вполнѣ естественно. Главная мысль устройства этой повинности должна еще выработаться: вѣроятно, она уже заключается въ томъ или другомъ высказанномъ мнѣніи; но она еще не уяснена, не разработана, не оцѣнена, не усвоена. Для этого необходимо время и общій трудъ.

Пожалуй, скажутъ, что разрѣшеніе этой задачи не терпитъ отлагательства, и что правительство, въ видахъ узнанія мнѣнія земства, вызываетъ изъ него нѣсколькихъ экспертовъ. На это мы считаемъ долгомъ замѣтить, что излишняя спѣшность въ важномъ дѣлѣ даже хуже излишней медленности при его совер-

Digitized by Google

шеніи. Конечно, не хорошо откладывать до завтра то, что̀ можетъ быть сдѣлано сегодня; но теперь идетъ дѣло объ устройствѣ важнѣйшей изъ всѣхъ повинностей,—такой, которая должна сильно отозваться на народномъ бытѣ, и которая, быть можетъ, рѣшитъ будущій строй нашего государства. А потому поспѣшность въ этомъ дѣлѣ совершенно непозволительна и даже предосудительна. Лучше годомъ позже окончить дѣло, чѣмъ устроить его такъ, что придется его переустроивать чрезъ нѣсколько лѣтъ, или, что̀ еще хуже, чѣмъ удержаніемъ несоотвѣтственнаго устройства искажать народный бытъ. Что касается до вызова экспертовъ изъ земства, то, во первыхъ, эти люди теперь столь же мало въ состояніи дать какое либо положительное мнѣніе, сколько и всѣ прочіе, не призванные члены земства, и это по тому, что общественнаго мнѣнія по вопросу о воинской повинности еще не выработалось; а во вторыхъ, можно было приглашать экспертовъ по важнымъ общимъ вопросамъ, пока не было такихъ учрежденій, которыя представляли законнымъ образомъ общественное мнѣніе; но теперь, при существованіи земскихъ учрежденій, эксперты изъ земства составляютъ какую-то странную аномалію; всего естественнѣе и правильнѣе въ особенно важныхъ дѣлахъ вызывать членовъ земства, по его избранію, и не иначе, какъ по предварительномъ обсужденіи имъ проектовъ, ибо тогда только выборы членовъ, отправляемыхъ къ правительству на совѣтъ, могутъ выражать мнѣніе общественное.

Чувствуется, что у насъ долженъ выработаться своеобразный способъ отправленія воинской повинности, что главная мысль, зародышъ этого устройства, уже заключается и въ отрицаніяхъ, и въ предложеніяхъ, дѣлаемыхъ по этому предмету, и что нужны только время и свобода для развитія этого зародыша. А потому желательно, чтобы не ограничивали свободы печатнаго слова при обсужденіяхъ этого вопроса, и чтобы составленный проектъ правительственною коммисіею былъ переданъ на обсужденіе земскихъ собраній. Только при исполненіи этихъ условій, предпринятое переустройство воинской повинности и съ тѣмъ вмѣстѣ нашихъ военныхъ силъ можетъ сдѣлаться грозою для враговъ, успокоеніемъ для русской земли и новой славою для нынѣшняго царствованія.

Москва.
22-го марта 1871 г.

А. Кошелевъ.

Digitized by Google

О ВСЕОБЩЕЙ ВОЕННОЙ ПОВИННОСТИ

ПО

ОТНОШЕНІЮ КЪ ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНІЮ *).

Всякая государственная мѣра, чтобы быть плодотворною въ жизни, должна быть прежде всего справедлива.

Мы намѣрены разсмотрѣть, на сколько можетъ быть справедлива у насъ, при существующемъ порядкѣ вещей, общая военная повинность по отношенію къ высшему образованію.

Высшее образованіе получается у насъ въ университетахъ, къ которымъ, по нынѣшнимъ требованіямъ и програмамъ, надо готовиться не менѣе, какъ девятилѣтнимъ учебнымъ курсомъ.

---

*) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ по вопросу о воинской повинности мнѣніе женщины и матери семейства. Пусть раздается голосъ женщины въ государственномъ вопросѣ. Онъ особенно важенъ въ настоящемъ случаѣ, потому что посредствомъ воинской повинности государство вторгается, такъ сказать, въ душу самой семьи, гдѣ нравственно царствуетъ женщина.

Понятно и справедливо опасеніе матери, чтобы великое дѣло, ею совершаемое,—воспитаніе въ сынѣ благородной любви къ знанію и высокихъ стремленій къ умственной и нравственной дѣятельности не было разрушено солдатчиной. Вопросъ, поставленный авторомъ, объ исключеніи изъ рекрутской повинности молодыхъ людей, посвятившихъ себя дѣлу мысли и знанія, для того, чтобы не было прервано или возмущено ихъ умственное и нравственное развитіе, чтобы развитой умъ и знаніе не были унижены передъ счастливымъ и блестящимъ невѣжествомъ,—вопросъ чрезвычайно важный и существенный для насъ, бѣдныхъ людьми, для которыхъ, по слову Шиллера, наука—богиня, а не корова, дающая молоко. Прежде всего и болѣе чѣмъ кто нибудь, должны мы направить всѣ наши силы на то, чтобы возбуждать умственную дѣятельность во всѣхъ слояхъ народа и привлекать къ ней всякаго способнаго къ ней, а не ставить ей препоны и не унижать ея передъ другими.

Digitized by Google

По окончаніи гимназическаго курса, весьма немногіе изъ начавшихъ его съ младшихъ классовъ достигаютъ университета; стало быть, выдерживаютъ до конца только отличные по дарованіямъ ученики,—такіе, которыхъ родители поддерживаютъ нравственно, не смотря на ненависть и противодѣйствіе класическому образованію большинства окружающей ихъ среды, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Петербургѣ *).

Въ университетѣ они слушаютъ курсъ еще 4 года, т. е., напряженно учатся всего 12 или 13 лѣтъ. Большинство учащихся въ гимназіяхъ принадлежитъ или къ недостаточнымъ семействамъ, которыя не безъ чувствительнаго ущерба содержатъ ихъ, платятъ взносъ и доставляютъ имъ учебныя пособія; или же это дѣти достаточныхъ семействъ, но такихъ, которыя сами образованы и умѣютъ поставить солидное образованіе выше приманокъ легкой карьеры и дорожатъ тѣмъ, что дѣти ихъ остаются подъ ихъ просвѣщеннымъ руководствомъ во все время своего ученья и воспитанія.

Между тѣмъ, пока гимназическая молодежь учится и трудится,

Вопросъ этотъ такъ же важенъ и по отношенію къ величію и силѣ государства, потому что и сила и величіе государства достигаются въ могуществѣ умственной жизни народа, а не въ количествѣ войска.

Но, съ другой стороны, для того же развитія народнаго духа не можетъ быть терпима никакая несправедливость въ общественномъ и политическомъ положеніи каждаго гражданина, ибо каждая неправда задерживаетъ свободное его развитіе; а потому и воинская повинность, какъ и всякая другая, должна быть равномѣрно отправляема всѣми состояніями, всѣми званіями,—словомъ, должна быть общенародною. Посвящать себя умственной дѣятельности въ состояніи только болѣе другихъ довольственные класы народа, а освобожденіе, весьма желательное ради общей пользы, отъ воинской повинности людей, развитыхъ наукою, равносильно избавленію отъ нея болѣе богатыхъ людей, и такимъ образомъ тяжесть этой тяжелѣйшей изъ повинностей опять ложится на плеча людей, и безъ того уже удрученныхъ бѣдностію, которые однако не менѣе первыхъ могутъ быть богаты задатками умственныхъ силъ. Вопіющая неправда! Какъ рѣшить въ настоящую минуту эту дилемму? Мы думаемъ, не иначе, какъ уничтоженіемъ всеобщей обязательной рекрутчины и образованіемъ войска изъ охотниковъ. *Ред.*

*) Авторъ не высказываетъ опредѣленно, что̀ должно разумѣть подъ класическимъ образованіемъ: если же почтенная писательница полагаетъ, что это то самое, которое непремѣнно должно быть пріурочено къ изученію латинскаго и греческаго языковъ и на нихъ по преимуществу построено, то весьма естественно противодѣйствіе ему большинства. Мы надѣемся помѣстить по этому вопросу особую статью въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ нашего журнала.

Ред.

Digitized by Google

а родители заботятся о ея нравственномъ направленіи въ продолженіи 12—13 лѣтъ, на воспитанниковъ привиллегированныхъ закрытыхъ заведеній, послѣ легкаго 6—7 лѣтняго курса, щедрою рукою разсыпаются служебныя права и преимущества. Изъ этихъ заведеній выходятъ будущіе государственные дѣятели, съ притязаніями на высшія мѣста и высшіе оклады, и будущіе начальники университетскихъ тружениковъ.

Въ силахъ ли предстоящая военная реформа изгладить такую вопіющую несправедливость и поставить, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ военной повинности, университетское образованіе выше всѣхъ другихъ по облегчительнымъ льготамъ? Или ея справедливыя стремленія къ уравненію всѣхъ сословій въ государствѣ останутся безсильными въ области протекціи?

Второе соображеніе касается отношеній университета къ военнымъ гимназіямъ.

Здѣсь рѣчь идетъ о молодежи, которую родители и родственники, за даровое воспитаніе, даваемое государствомъ и поглощающее у него большія суммы, обрекаютъ на военное ремесло. Для этихъ молодыхъ людей, кромѣ облегченнаго курса наукъ въ сравненіи съ класическими гимназіями, военная повинность, составляющая ихъ спеціальность, облегчается сообразнымъ съ нею воспитаніемъ, развитіемъ съ самаго ранняго дѣтства физическихъ силъ, умѣренною умственною работой, упражненіями гимнастическими и военными. Солдатская же служба въ этихъ заведеніяхъ проходится вовсе незамѣтно въ приспособленной къ тому и благоустроенной обстановкѣ. Притомъ, находясь въ военномъ заведеніи, имѣя всегда опредѣленную цѣль, эти молодые люди, поступая въ военную службу, не могутъ чувствовать того нравственнаго насилія, которое долженъ испытывать молодой человѣкъ, посвятившій себя съ дѣтства мирнымъ занятіямъ и трудамъ, когда его вдругъ перенесутъ въ совершенно другую среду жизни. Весь складъ физическаго и нравственнаго существа молодаго человѣка, прошедшаго черезъ гимназію, при нынѣшнихъ условіяхъ физическаго воспитанія, дѣлаетъ его негоднымъ для военной службы. Съ измѣненія этихъ условій надо начать военную реформу. Физическое развитіе до сихъ поръ въ такомъ пренебреженіи у насъ, что въ послѣднее время здоровье и зрѣніе учащагося юношества рѣшительно подвергались преждевременному разстройству до того, что вызывали даже протесты со стороны родителей, оставшіеся однако безъ послѣдствій.

Digitized by Google

И будетъ величайшая несправедливость, если родители, не соблазнившіеся на даровое воспитаніе и жертвовавшіе, по необходимости, даже физическимъ благомъ дѣтей умственному ихъ развитію, будутъ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Дѣти ихъ будутъ брошены въ среду, для которой вовсе не предназначались, а молодые люди, получившіе даровое образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, будутъ имѣть передъ ними не только важныя преимущества въ легкомъ и быстромъ движеніи по службѣ, но и одинаковое число лѣтъ военной повинности, одинаково легкій выходъ изъ нея. Такъ, на пр., до сихъ поръ въ одномъ и томъ же военномъ вѣдомствѣ выходящіе изъ медико-хирургической академіи должны отслужить два или полтора года за каждый годъ казенной стипендіи, а ученики военно-учебныхъ заведеній не обязываются никакимъ срокомъ службы. Послѣднее обстоятельство и теперь уже лишаетъ армію офицеровъ, для нея подготовлявшихся, и заставляетъ военное вѣдомство привлекать къ себѣ всеобщей повинностью образованную молодежь обязательно. Но еще болѣе вопіющей покажется эта несправедливость, если вспомнить, что и между военно-учебными заведеніями есть также привиллегированныя. На примѣръ, въ пажескомъ корпусѣ юношество воспитывается на паркетѣ, среди роскошной обстановки, въ атмосферѣ дворцовъ и преждевременныхъ свѣтскихъ удовольствій и выдвигается на службѣ съ такой быстротой, что ровесники студентовъ могутъ легко оказаться не ближайшими только, а даже высшими начальниками гораздо болѣе образованной, болѣе серьезной и потрудившейся университетской молодежи. Будетъ ли и здѣсь новая реформа имѣть силу побороть систему протекціи мѣста воспитанія и оградить интересы высшаго образованія? Извѣстно, что преимущества особаго рода видной и легкой военной службы всегда были огромны. Людямъ, принадлежащимъ къ высшей военной аристократіи, были открыты у насъ всѣ области гражданской службы; и часто своею неприготовленностью они оказывались едва ли не вредными дѣлу мирнаго преуспѣянія своей страны. Теперь, когда люди гражданскаго образованія будутъ насильно привлечены къ военной службѣ, будутъ ли гражданскія вѣдомства, на оборотъ, избавлены отъ неприготовленныхъ дѣятелей, выдвигаемыхъ системой протекціи извѣстнымъ заведеніямъ, извѣстнымъ полкамъ, извѣстнымъ гимназіямъ и положеніямъ въ обществѣ и пр.? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ докажетъ, своевременна ли, или не своевре-

Digitized by Google

менна у насъ новая военная система. Вообще, когда уже всѣ граждане потребуются къ отбыванію военной повинности, то мыслящее общество должно получить болѣе права, нежели нынѣ, требовать отчета въ томъ, какъ распоряжается военное управленіе притянутыми обязательно въ военную службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта служба должна сама отрѣшиться отъ всякаго аристократизма, привиллегій и протекціи и принимать въ соображеніе при повышеніяхъ только подготовленность къ дѣлу, годы труда и ученья, истинныя заслуги и способности.

Обратимся теперь къ нравственной сторонѣ вопроса.

Извѣстно, что чѣмъ выше развитіе человѣка, тѣмъ глубже оскорбляется его нравственное и человѣческое чувство истребленіемъ себѣ подобныхъ кровью, разрушеніемъ, насиліями всякаго рода, тѣмъ болѣе война кажется ему варварствомъ, а военныя упражненія—отвлеченіемъ отъ занятій болѣе производительныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ его призванію. Когда же къ этому присоединяется отсутствіе физической крѣпости, бодрости и ловкости, то понятно, что для такого человѣка военная повинность является истиннымъ бичемъ или пыткой. Надо замѣтить еще, что существующіе у насъ пріемы начальствованія не всегда дѣльны и справедливы. Когда же надъ образованною молодежью поставлены будутъ начальники иногда совсѣмъ невѣжественные, привыкшіе коситься на университеты и студентовъ и вообще относиться къ нимъ подозрительно, то положеніе молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ станетъ еще тяжелѣ и погубитъ задаромъ не одну свѣтлую и дѣльную голову.

Но, можетъ быть, всѣ эти неудобства и нравственныя несправедливости въ отношеніи какъ къ молодымъ людямъ, посвятившимъ себя высшему образованію, такъ и къ достойнымъ семействамъ, приготовлявшимъ ихъ къ нему, искупятся огромной государственной пользой? Молодые люди, учившіеся въ классическихъ гимназіяхъ, можетъ быть, внесутъ въ армію тотъ духъ, который ей нуженъ?.. Какой же духъ, спросимъ мы, нуженъ арміи? Прежде всего, конечно,—духъ воинскій. Надо, чтобъ армія чувствовала свое призваніе, любила свое дѣло, была приготовлена къ нему сообразнымъ направленіемъ, оказалась стойкою въ огнѣ, бодрою при тяжелыхъ переходахъ, крѣпкою для перенесенія всѣхъ тягостей боевой жизни,—однимъ словомъ, чтобъ армія была твердымъ и стройнымъ тѣломъ. Конечно, кандидаты университетовъ, просидѣвшіе лѣтъ 14 за одною только умственной работой, не

Digitized by Google

внесутъ въ армію ни *одного* изъ этихъ качествъ и никогда ничего общаго съ ней имѣть не будутъ. Внутренніе ихъ, духовные интересы, интересы всей ихъ будущности, всегда будутъ тянуть ихъ вонъ изъ этой чуждой имъ среды. Во время дѣйствительной опасности отечества, когда вооружается вся страна, чтобъ отразить вторгнувшагося непріятеля, патріотическія чувства и любовь къ родинѣ могутъ творить чудеса; но они все-таки останутся временными исключеніями изъ общаго правила, слѣдствіемъ сильно затронутаго и мгновенно вспыхнувшаго чувства. Но, при теперешнемъ направленіи воспитанія, кандидатъ университета не можетъ быть ни хорошимъ солдатомъ, ни хорошимъ офицеромъ, если не оставитъ совершенно своей спеціальности для другой, т. е., военной, по свободному выбору, а не по насилію. При всей своей любви къ родинѣ, онъ будетъ чувствовать, что могъ бы послужить ей другими, лучшими силами, а пребываніе его въ рядахъ арміи будетъ ему казаться всегда враждебно отвлекающимъ его отъ этого призванія. Но какъ ни тяжела будетъ самая война и ея напряженія для человѣка высшаго образованія, еще тяжелѣ для него будетъ мирная служба солдата. Кандидатъ университета, попавшій, на примѣръ, на караулъ въ зимнее время, конечно, въ глубинѣ души будетъ глубоко сознавать несправедливость, заставляющую его, съ опасностью для здоровья и даже для жизни, исполнять обязанность, которую столько людей безграмотныхъ, неразвитыхъ, но крѣпкихъ и здоровыхъ, могли бы исполнить гораздо лучше его, тогда какъ эти неразвитые люди, конечно, не въ состояніи сѣсть за его письменный столъ, взять на себя его умственный трудъ, замѣнить его въ аудиторіи, или въ класѣ. Условія нашего климата и воспитанія и скудость нашей умственной жизни не позволяютъ намъ уравнивать физическую рабочую силу и физически не крѣпкую интеллигенцію. Всякое усидчивое занятіе у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, разслабляетъ человѣка, такъ какъ мы по крайней мѣрѣ 9 мѣсяцевъ въ году осуждены сидѣть въ искусственно нагрѣтыхъ комнатахъ, а это неблагопріятное условіе нашей жизни измѣнить невозможно. И потому многіе, при надорванномъ умственнымъ трудомъ здоровьѣ, не въ состояніи будутъ вынести военной службы и падутъ, какъ ея жертвы, безъ пользы для дѣла и въ ущербъ просвѣщенію, которое мы не можемъ еще расточать такъ, какъ націи, уснѣвшія разлить его въ массахъ, на примѣръ, нѣмцы, у которыхъ навѣрно не остается нигдѣ вакант-

Digitized by Google

ныхъ каѳедръ въ университетахъ, не слышится никогда жалобъ на недостатокъ учителей, не только въ казенныхъ, но и въ частныхъ заведеніяхъ, наконецъ не чувствуется отсутствія *людей*, въ смыслѣ какихъ бы то ни было общественныхъ дѣятелей. А у насъ до сихъ поръ еще далеко не всѣ университетскія каѳедры замѣщены, во многихъ округахъ недостаетъ по 12—15 учителей, а уже о другихъ дѣятеляхъ и говорить нечего. Отчего у насъ мѣры, хорошо придуманныя и краснорѣчиво изложенныя въ канцеляріяхъ, такъ часто являются въ жизни обезображенными и, при ихъ исполненіи, отчего столько злоупотребленій, если не отъ недостатка истинно просвѣщенныхъ и честныхъ исполнителей?

Но возразятъ намъ: такъ какъ военная повиность будетъ облегчена сообразно со степенью образованія, то для университетскаго юношества призывъ къ отбыванію ея будетъ ограничиваться самымъ краткимъ срокомъ. Разсмотримъ однако, такъ ли ничтожны даже одинъ или два года для кандидата университета, какъ думаютъ нѣкоторые. Если молодой человѣкъ достойно приготовленъ и вполнѣ зрѣлъ для университетскаго курса, то ему должно быть не менѣе 19—20 лѣтъ, какъ это водится вездѣ въ образованныхъ странахъ. Если онъ будетъ отбывать военную повинность между гимназіей и университетомъ, то не предстоитъ ли опасность, что у насъ, гдѣ образованіе безъ внѣшней приманки не пустило еще довольно глубокихъ корней, многіе юноши, вкусившіе прелесть свободы отъ умственныхъ занятій, не возвратятся болѣе къ ученью, и желательно ли уменьшить у насъ число стремящихся въ университеты? Если же молодой человѣкъ будетъ призванъ къ отбыванію военной повинности уже 24—25 лѣтъ послѣ того, какъ онъ и семейство его, можетъ быть, переносили столько лѣтъ борьбы и жертвъ для высшихъ цѣлей, то справедливо ли будетъ даже хоть на одинъ годъ (не только уже на два, на три) еще задерживать для труженика возможность достигнуть этихъ цѣлей и умственнымъ трудомъ пріобрѣсти положеніе и обезпеченный кусокъ хлѣба? За что же для такого молодаго человѣка началомъ его настоящей жизненной дѣятельности будетъ возрастъ около 30 лѣтъ, а окружающіе его сверстники, иногда знакомые и родные, благодаря привиллегированнымъ учебнымъ заведеніямъ, начнутъ свое поприще съ 19—20 лѣтняго возраста, а къ 22—23 годамъ освободятся уже отъ военной повинности? А если сообразить, что, при скудости у насъ средствъ къ умственному совершенствованію, человѣкъ, посвятившій себя

Digitized by Google

высшей научной или гражданской дѣятельности, долженъ довершить свое образованіе за границей, то употребленіе двухъ, трехъ лѣтъ на военную повинность можетъ вовсе лишить его возможности къ такому довершенію своего образованія.

Изъ всего этого ясно, что послѣдуетъ упадокъ серьезнаго университетскаго образованія, которое едва только начинало утверждаться на прочномъ основаніи болѣе доброкачественнаго ученья, чѣмъ прежде. Кто же станетъ посылать дѣтей своихъ въ гимназіи и университеты, когда продолжительный умственный трудъ не будетъ избавлять отъ военной повинности, и университеты не будутъ поставлены по льготамъ выше всякихъ другихъ учебныхъ заведеній? Когда и теперь большинство полуобразованнаго общества не можетъ еще понять пользы основательнаго класическаго ученья, когда родители возмущаются противъ продолжительности учебнаго курса и огромности труда для достиженія университета,— что же будетъ, когда всѣ труды эти будутъ приводить къ солдатчинѣ? Мѣры государственныя не должны быть расчитаны на немногихъ избранныхъ. Люди, понимающіе собственную цѣну высшаго просвѣщенія, не составляютъ у насъ большинства. Гораздо болѣе людей смотрятъ на просвѣщеніе какъ на срество успѣха въ жизни. А когда успѣхъ этотъ достигается легче посредствомъ полузнанія и даже незнанія, подъ прикрытіемъ фирмы привиллегированнаго заведенія, то нечего будетъ ожидать быстраго распространенія такого просвѣщенія, которое имѣло бы цѣну въ самомъ себѣ и вмѣстѣ служило бы своимъ высокимъ достоинствомъ государству.

Изъ всего этого слѣдуетъ:

1) Что надо стараться, чтобы *на первое время* университетское образованіе, успѣшно оконченное, совершенно избавляло отъ военной повинности. Къ учащимся теперь въ гимназіяхъ и въ университахъ по 1871 годъ новый законъ не долженъ быть примѣненъ, такъ какъ законъ вообще обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ. Въ воспитаніе нынѣшнихъ гимназистовъ и студентовъ вовсе не входило физическое укрѣпленіе и развитіе. Ни гимнастика, ни прогулки, ни даже дѣтскія игры на свободѣ въ просторномъ помѣщеніи или на воздухѣ не были введены въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Сама же Германія начала и упрочила свое военное устройство прежде всего распространеніемъ гимнастики, фехтованія, стрѣльбы въ цѣль, экскурсій въ горы, во всѣхъ своихъ учебныхъ заведе-

Digitized by Google

ніяхъ. Не говоримъ уже о томъ, въ какомъ блестящемъ положеніи, въ сравненіи съ нами, находится тамъ вообще народное здравіе, благодаря просвѣщенію и бдительности правительства и разлитымъ во всемъ обществѣ правильнымъ понятіямъ о гигіенѣ. Исключеніе на первое время учащихся и кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ до 1871 года легко, если требуется только 25 процентовъ наличныхъ силъ; и если думаютъ, въ виду этого, избавить отъ военной повинности народныхъ учителей, то какъ не избавить отъ нея горсти молодыхъ людей, готовящихся въ кандидаты университетовъ?

2) Если уже невозможно въ будущемъ, или хоть еще надолго, совершенное избавленіе отъ обязательной военной повинности успѣшно кончившихъ курсъ въ университетахъ, то надо стараться о томъ, чтобъ они не несли службы болѣе года, не иначе учились военному ремеслу, какъ въ особыхъ курсахъ, и несли солдатскую службу при той же обстановкѣ, какъ и воспитанники высшихъ военныхъ заведеній, и какъ можно скорѣе производились въ офицеры. Въ Пруссіи извѣстно, что студентъ, несущій военную повинность, не отрывается отъ своихъ научныхъ занятій, ходитъ въ партикулярномъ платьѣ, кромѣ часовъ ученья, и въ мирное время несетъ свою военную повинность совершенно легко и незамѣтно. Если же внутри Россіи наши образованные юноши будутъ брошены въ грязную и губительную среду военныхъ постовъ, то легко предвидѣть, что весьма многіе изъ нихъ погибнутъ. Что представляетъ наша деревня, наши уѣздные города, и какова у насъ сила страшной заразы, распространенной въ народѣ и войскѣ, объ этомъ, конечно, здѣсь, въ столицѣ, не всѣ знаютъ, но время отъ времени намъ напоминаютъ объ этомъ краснорѣчивыя корреспонденціи изъ провинціи. Не постараться уберечь отъ этой язвы наше юношество было бы истиннымъ преступленіемъ. По окончаніи же годоваго срока службы, надо, чтобъ университетское юношество, опять-таки въ виду скудости высшаго образованія, освобождалось отъ службы совсѣмъ, такъ какъ будутъ освобождаться не попавшіе въ жребій, или чтобъ оно зачислялось въ тѣ же резервы, куда не попавшіе въ жребій будутъ зачислены.

3) Надо, чтобы было обращено вниманіе на причину устраненія молодыхъ людей изъ дорого стоющихъ государству военно-учебныхъ заведеній,—на причину, заставляющую избирать всѣ возможныя поприща, кромѣ военнаго. Не вслѣдствіе ли этой причины

Digitized by Google

происходитъ недостатокъ въ офицерахъ, а также въ поступающихъ въ высшія спеціальныя военныя школы, гдѣ кончаютъ курсъ едва 10—20 человѣкъ (въ инженерной и артиллерійской академіяхъ), такъ что количество учащихся не соотвѣтствуетъ тѣмъ расходамъ, которые требуются этими заведеніями? Надобно, чтобы даровое обученіе въ военныхъ школахъ непремѣнно дѣлало военную службу обязательною для этихъ молодыхъ людей на гораздо болѣе долгіе сроки, чѣмъ для тѣхъ, которые готовятся къ высшему гражданскому и ученому образованію. Тогда только военное вѣдомство можетъ надѣяться имѣть постоянные кадры хорошихъ офицеровъ съ спеціальнымъ военнымъ подготовленіемъ, безъ чего не обходится и Пруссія, которую мы хотимъ взять въ образецъ. Въ Австріи же каждый казеннокоштный воспитанникъ военно-учебныхъ заведеній обязанъ прослужить въ арміи десять лѣтъ; состоявшій не на полномъ казенномъ иждивеніи—семь лѣтъ, а своекоштный—четыре года.

4) Необходимо обратить вниманіе на содержаніе и улучшеніе быта офицеровъ арміи: армейская служба была всегда существеннѣе для войска и всегда была унижена правами и привиллегіями гораздо болѣе легкой и пріятной гвардейской службы, такъ что для человѣка образованнаго эта служба была почти невозможна.

5) Наконецъ необходимо кореннымъ образомъ измѣнить у насъ условія физическаго воспитанія всего учащагося юношества—распространеніемъ гимнастики, вниманіемъ ко всѣмъ гигіеническимъ требованіямъ въ учебныхъ заведеніяхъ, безъ чего намъ никакъ нельзя состязаться съ крѣпкой, рослой, цвѣтущей здоровьемъ германской молодежью. Вотъ какія условія нужны, чтобы не задавить новой реформой слабые зачатки нашего просвѣщенія, чтобы льготы, требуемыя въ пользу этой первой государственной потребности, были не ложью и фразой, а дѣломъ. Если теперь военная повинность не воспользуется случаемъ поставить настоящее образованіе выше средняго полуобразованія и признать одни университеты дающими высшія права на льготы и облегченія, то мы скажемъ, что мы до такой важной реформы не доросли, что у насъ она явится несправедливою по отношенію къ высшему благу государства—къ просвѣщенію. Если военное вѣдомство сознаетъ необходимость имѣть въ средѣ своей людей болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ тѣ, которыми оно до сихъ поръ располагало, то во сколько разъ люди съ высшимъ образованіемъ

Digitized by Google

необходимѣе и драгоцѣннѣе у насъ для занятія гражданскихъ должностей и на ученомъ поприщѣ?... Можно сказать, что въ эту минуту намъ вновь предстоитъ создать у себя на новыхъ началахъ порядокъ и благоустройство, безъ которыхъ не можетъ имѣть успѣха и предполагаемая военная реформа. Эта-то потребность приготовить людей для разрѣшенія усложнившихся государственныхъ вопросовъ и вызвала у насъ къ жизни болѣе серьезную школу—школу класическую. Поэтому коммисія, которой поручено разработать вопросъ о военной повинности, не должна руководствоваться никакимъ личнымъ отвращеніемъ къ класическому образованію. Нельзя и къ университетамъ, по высотѣ ихъ образовательнаго значенія, приравнивать какія бы то ни было другія учебныя заведенія. Ежели въ литературѣ существуетъ споръ о класицизмѣ и реализмѣ, то никто однакожь не споритъ о превосходствѣ университетскаго образованія передъ всякимъ спеціальнымъ. Это превосходство не подлежитъ сомнѣнію. Вражда къ университету есть вражда къ просвѣщенію. Если же военное вѣдомство желаетъ привлечь къ себѣ и университетскихъ воспитанниковъ, то имъ должны быть предоставлены на службѣ права высшія передъ учившимися въ другихъ заведеніяхъ и, по крайней мѣрѣ, равныя, по службѣ и денежному обезпеченію, съ воспитанниками военныхъ академій.

Предположеніе же брать 25 процентовъ изъ молодыхъ людей 21 лѣтняго возраста, а остальныхъ увольнять совсѣмъ отъ военной повинности—обѣщаетъ породить въ нашей средѣ злоупотребленія, подкупъ и всякія беззаконія, такъ что надо опасаться, что въ концѣ концевъ будутъ торжествовать не достоинство и просвѣщеніе, а неправда и туго набитые карманы.

N.

С.-Петербургъ.
27 февраля 1871 г.

Digitized by Google

РОССІЯ и МОРЕПЛАВАНІЕ.

Желѣзныя дороги и опека иностранцевъ надъ русской землей; корень этого зла въ отношеніи къ торговлѣ.—Слово Петра Великаго о значеніи морскихъ прибрежій.—Кто владѣетъ моремъ, тотъ господствуетъ, имѣя связи со всѣмъ міромъ въ своихъ рукахъ.—Естественно ли отвращеніе русскихъ отъ мореходства?—Невѣжество массы создаетъ вездѣ самыя непреодолимыя препятствія.—Книга Сидорова; административный произволъ.—Общества прибрежныхъ промышленниковъ необходимы для успѣха морскихъ промысловъ.—Какъ устранить невѣжество народа на столько, чтобы мореплаваніе оказалось возможнымъ.—Наши прежнія школы мореплаванія. Образованіе однихъ лишь офицеровъ *не можетъ* принести почти никакой пользы. Число учителей мореходныхъ школъ у насъ болѣе чѣмъ достаточное.—Наши настоящія реформы обязываютъ насъ не упускать изъ виду настоящую минуту и пользоваться ею для морскаго дѣла.—Относительная дешевизна необходимыхъ новыхъ мѣръ.—Старая поощрительная система. Новая система: возбужденіе всеобщей конкуренціи.—Что можетъ быть достигнуто пожертвованіемъ 10,000 рублей, 50,000 и 100,000 рублей; что—израсходованіемъ $^1/_2$—1 милл. рублей; что, наконецъ,—вполнѣ достаточнымъ пожертвованіемъ пяти милліоновъ (или процентовъ изъ этой суммы въ теченіи десяти лѣтъ).—Учрежденіе главнаго поощрительнаго комитета изъ всѣхъ русскихъ професоровъ народохозяйства.—Нѣчто о Черномъ морѣ и о латышеманіи.—О предстоящемъ основаніи навигаціонныхъ школъ въ Петербургской губерніи.—Народохозяйственныя понятія.—Умѣренность нашихъ крупныхъ промышленныхъ дѣятелей.—Министерство финансовъ.

Надобно полагать, что сказанное нами въ 12 № газеты *Москва* 1867 г. о важности мореплаванія для Россіи имѣетъ особенную доказательную силу, такъ какъ приведенныя ниже слова впослѣдствіи удостоились повторенія въ разныхъ изданіяхъ. Тамъ было сказано:

«Кто не имѣетъ своего торговаго флота, тотъ отдѣляется моремъ отъ остальнаго міра; у кого есть флотъ, тотъ моремъ соединяется и сливается во едино со всѣми другими странами. Желѣзныя дороги и торговый флотъ такъ тѣсно связаны между собою, что невозможно представить себѣ развитіе первыхъ безъ развитія послѣдняго, какъ невозможно представить себѣ причины безъ послѣдствія, или слѣдствія безъ причины. Если какая либо страна, при развитіи у себя желѣзныхъ дорогъ, пренебрежетъ развитіемъ торговаго флота,

Digitized by Google

«то она *непремѣнно самыя желѣзныя дороги сдѣлаетъ сборщиками по-«датей съ своихъ жителей въ пользу иноземцевъ*, и непремѣнно будетъ «вводить ихъ въ обманъ кажущимся увеличеніемъ запроса за трудъ, тогда какъ «плата за него въ общей сложности нисколько не увеличивается».

Въ самомъ дѣлѣ, при нашемъ столь радостномъ увеличеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, насъ необходимо должна изумлять и тревожить мысль, что для созданія торговаго флота у насъ просто ничего не дѣлается, за исключеніемъ лишь отрицательныхъ мѣръ.

Постройка желѣзныхъ дорогъ по всѣмъ краямъ великой Россіи и совершенное упущеніе изъ виду мореплаванія можетъ имѣть только одинъ результатъ: передать Россію, ея торговлю и денежные интересы *иностранцамъ въ такой степени, какъ это до сихъ поръ еще никогда и нигдѣ не бывало*. Другаго результата предвидѣть невозможно *). При такомъ положеніи дѣлъ, матушка Россія, хотя бы она имѣла даже болѣе естественныхъ богатствъ, нежели имѣла ихъ Испанія послѣ открытія Америки,—однако все это *отнюдь не послужило бы намъ въ пользу*, а лишь помогло бы западнымъ странамъ, денежные центры которыхъ не замѣтно, неминуемо привлекли бы къ себѣ всѣ наши богатства, оставляя за нами лишь самое скудное вознагражденіе за грубый трудъ произведенія сырыхъ матеріаловъ. Черезъ каждыя пять лѣтъ каждый русскій торговецъ будетъ въ состояніи замѣтить, на сколько съузился кругъ его дѣятельности и дѣятельности русскаго люда вообще, даже въ самой внутренности Россіи. А между тѣмъ

---

*) При спорахъ восточно-прусскихъ газетъ съ русскими газетами, первыя въ 1868 году весьма откровенно объявили: «какое направленіе вы ни давайте ва-«шимъ желѣзнымъ дорогамъ (говорилось о Лыкской и Либавской линіяхъ), мы «все-таки держимъ васъ въ самой положительной зависимости отъ насъ и на-«шихъ интересовъ, такъ какъ мы владѣемъ моремъ, портами, дешевыми де-«нежными средствами и развитіемъ кредита и проч. Зато мы предоставляемъ «вамъ такъ же эксплуатировать бухарцевъ, остяковъ и прочихъ азіатскихъ на-«родовъ».—Въ самомъ дѣлѣ, весьма завидное будущее для русскихъ въ отношеніи ко всемірной торговлѣ! Сравнивая русскихъ съ остяками и великодушно предоставляя послѣднихъ произволу русскихъ, умные прусаки, при всемъ своемъ великодушіи, конечно, не упускали изъ виду, что у русскихъ все-таки еще есть нѣсколько копѣекъ больше въ карманѣ, нежели когда либо было у остяковъ и бухарцевъ, и, стало быть, прусаки выигрываютъ больше, нежели русскіе, при раздѣленіи промышленной добычи. Но у кого сила, у того и права въ промышленной, какъ въ политической жизни. Если мы не освободимся сами, то наши надежды на великодушіе нашихъ западныхъ сосѣдей окажутся весьма напрасными. «Помогай самъ себѣ»!—это единственный законъ въ свободномъ торговомъ мірѣ.

Digitized by Google

каждая отрасль нашей дѣятельности, сопряженной съ значительными денежными оборотами, непремѣнно перейдетъ въ руки иностранцевъ. Кто властвуетъ въ портовыхъ городахъ Россіи, тотъ, то есть, иностранецъ, захватитъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, и всю внутреннюю торговлю въ свои руки.

Прежде, при дурныхъ путяхъ сообщенія, иностранецъ нуждался въ посредничествѣ русскаго купца; онъ неохотно отправлялся во внутренность Россіи. Ему казалось лучше остаться въ портовомъ городѣ, гдѣ, по неволѣ, всѣ русскія произведенія должны были сосредоточиваться, значитъ—попасть въ его руки, т. е., быть отправляемыми при его посредничествѣ на заграничные рынки. Русскому торговцу оставалась, по крайней мѣрѣ, свобода собирать товаръ изъ внутреннихъ краевъ и передавать его иностранцу въ портовомъ городѣ. Хотя русскій торговецъ, при этомъ дѣленіи купеческаго труда, получалъ менѣе вознагражденія, нежели иностранецъ; хотя онъ при этомъ долженъ былъ брать на себя самый большой рискъ и огромный личный трудъ, но онъ всего этого не зналъ и не вѣрилъ, что иностранецъ выигрываетъ больше при своемъ весьма легкомъ трудѣ. Не имѣя возможности контролировать иностранца, онъ полагалъ, что на его долю остается *лучшая* часть, и что «весьма трудолюбивый иностранецъ работаетъ и акуратно, и дешево»,—почему? Никакъ не по тому, что иностранецъ выбралъ себѣ легчайшую и болѣе безопасную сторону купеческаго промысла, но просто вслѣдствіе особенныхъ способностей, несвойственныхъ русскому человѣку. Такъ думали нерѣдко сами русскіе, а иностранцы, разумѣется, весьма охотно пользовались этимъ столь выгоднымъ и лестнымъ для нихъ предубѣжденіемъ русскихъ дѣятелей.

Въ настоящее же время положеніе дѣлъ для русскаго купца не можетъ не измѣниться къ худшему. При теперешней легкости сообщеній, доступъ ко всѣмъ внутреннимъ рынкамъ даетъ иностранцу возможность забрать въ свои руки, кромѣ иностранной, еще значительную часть внутренней торговли Россіи и, по естественному ходу дѣлъ, перевѣсъ иностранца на русской почвѣ будетъ все чувствительнѣе и чувствительнѣе, пока мы не обратимся къ единственному естественному средству сопротивленія—мореплаванію, черезъ которое мы можемъ перенести промышленную борьбу въ края нашихъ противниковъ. Пока мореходцы лишь иностранцы, они и подчиняются лишь иностранцамъ, живущимъ въ нашихъ портахъ, и послѣдніе держатъ черезъ нихъ всю тор-

Digitized by Google

говлю въ своихъ рукахъ, такъ какъ торговля находится въ зависимости отъ высоты фрахтовъ и страховыхъ суммъ. Однихъ фрахтовъ Россія платитъ ежегодно до 60,000,000 руб. Вотъ что имѣлъ остроумный Петръ Великій въ виду, когда онъ говорилъ, что одна сажень морскаго прибрежья стоитъ квадратной мили земли на сушѣ. Правда, Петръ Великій не могъ вообразить себѣ такую будущность Россіи, при которой она, владѣя тысячами верстъ самыхъ надежныхъ прибрежій Балтійскаго и Чернаго морей, все-таки не могла бы имѣть торговаго флота.

Пока мы не заберемъ морскаго промысла въ наши руки, мы напрасно будемъ жаловаться, что на крайнемъ сѣверѣ русскіе притѣсняются норвежцами и англичанами, на Балтикѣ—англичанами и нѣмцами, на югѣ—англичанами, греками и—слушайте, слушайте!! — турками, на Каспійскомъ морѣ, разумѣется,— персіянами. Кто торгуетъ въ нашихъ портахъ, кто владѣетъ моремъ, тотъ господствуетъ, имѣя въ своихъ рукахъ связи со всѣмъ міромъ.

Но отчего происходитъ наше отвращеніе отъ моря? Что это отвращеніе существуетъ, этого никто не полагаетъ сомнительнымъ. У насъ флота нѣтъ,—значитъ, народы Россіи отвращаются отъ морскихъ промысловъ. Это простая, старая логика массы, знающей произносить слово «логика». Жаль только, что она слишкомъ проста,—такъ проста, какъ утвержденіе: «солнце восходитъ и заходитъ, слѣдовательно, оно двигается вокругъ земнаго шара». Страннымъ, при подобномъ утвержденіи, кажется только то, что столь различные по нравамъ и происхожденію народы, проживающіе въ Россіи, одинаково сходятся между собою въ отвращеніи отъ морскихъ промысловъ. Удивительно трогательное согласіе лишь въ этомъ одномъ пунктѣ?.. Въ западныхъ краяхъ мы замѣчаемъ рѣзкую противуположность. Тутъ занимаются мореходствомъ фины, шведы, норвежцы и датчане, голландцы и нѣмцы, французы и англичане, испанцы, итальянцы, славянскіе далматы, греки и турки. Тутъ мы замѣчаемъ трогательное согласіе въ желаніи заниматься мореходствомъ.

Уже это противупоставленіе показываетъ, что тутъ о природномъ отвращеніи не можетъ быть и рѣчи, и что виноваты въ этомъ могутъ быть единственно государственныя условія. Климатъ у нашихъ морей самый различный—отъ 70 до 40 градуса широты; морскіе берега съ ихъ портами весьма различны; народы, близъ нихъ обитающіе, также весьма различны; произведенія

Digitized by Google

внутренняго края Россіи весьма разнообразны,—можно ли въ этомъ случаѣ говорить, какъ у насъ, къ сожалѣнію, еще постоянно говорятъ, о естественномъ отвращеніи, о естественныхъ препятствіяхъ? Нѣтъ, конечно, нѣтъ; очевидно, что препятствія искусственнѣйшимъ образомъ созданы послѣ-петровскою русскою цивилизаціей.

На вопросъ: какая можетъ быть причина, объясняющая столь удивительное и столь жалкое явленіе,—мы можемъ отвѣчать однимъ словомъ: кромѣ крѣпостнаго положенія и административнаго произвола—лишь невѣжество *массы* народонаселенія Россіи, за исключеніемъ лишь высшаго класа. А высшій класъ не занимается и не можетъ даже нигдѣ заниматься морскимъ промысломъ. Относительно образованія, большинство обитателей Россіи стояло и до сихъ поръ еще стоитъ ниже, нежели магометанскій міръ. Намъ извѣстно, что даже въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ русскіе магометане грамотны, а ихъ русскіе соотечественники не грамотны. Съ самыхъ древнихъ временъ всемірная исторія учитъ, что народы, занимающіеся мореходствомъ, принадлежали къ самымъ образованнымъ народамъ міра; еслибы даже они не были безусловно *самыми образованными* народами, морской промыселъ былъ причиною и слѣдствіемъ ихъ развитія.

Такъ и до сихъ поръ; у всѣхъ западныхъ народовъ, имѣющихъ значительный торговый флотъ, грамотность распространена между массами простаго народа: въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ весь народъ грамотенъ; въ Англіи—отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ всего народа; шотландцы всѣ образованы; неграмотныхъ людей почти вовсе нѣтъ въ Норвегіи, Даніи, Швеціи и Германіи; во Франціи, по крайней мѣрѣ, наибольшая часть народа знаетъ грамоту. Россія не можетъ ожидать ни правильнаго развитія матеріальныхъ, ни умственныхъ силъ своихъ обитателей, если она не разовьетъ торговаго флота, при помощи котораго экипажъ пріобрѣтаетъ безъ труда всѣ возможныя промышленныя и другія полезныя свѣдѣнія. Мореплаваніе есть наилучшее училище промышленности народа. А съ другой стороны, Россія почти не можетъ развивать торговый флотъ, если она не владѣетъ нравственнымъ и матеріальнымъ развитіемъ. Вотъ волшебный кругъ, въ которомъ мы уже 150 лѣтъ вертимся, не находя исхода.

Чѣмъ тутъ помочь? Неужели мы на вѣки вѣковъ будемъ лишены возможности осуществить планы Петра Великаго и имѣть свой торговый флотъ? *Съ чего начать: съ образованія ли народа, или съ устройства флота?*

Digitized by Google

Намъ кажется, что слѣдуетъ разъ серьезно начать съ того и другаго вмѣстѣ. Мы должны одновременно заботиться о развитіи торговаго флота и объ умственномъ развитіи прибрежнаго населенія. Только въ этомъ случаѣ мы можемъ ожидать успѣха, котораго этимъ путемъ достигнуть окажется весьма не трудно, особенно, если мы съ самаго начала откажемся отъ лживаго и крайне несправедливаго пренебреженія къ народамъ, проживающимъ въ предѣлахъ Россіи, а также отъ преувеличенія способностей иностранцевъ. То, что намъ у послѣднихъ кажется добродушіемъ, акуратностью, особеннымъ прилежаніемъ,—то оказывается нерѣдко въ совершенно другомъ свѣтѣ, если намъ случится видѣть ихъ заграничныя связи. Они дѣйствуютъ на совершенно другомъ, гораздо лучше обработанномъ полѣ, между тѣмъ какъ русскій торговецъ работаетъ на ново-вспаханной землѣ, гдѣ труда больше, а акуратность не всегда можетъ быть примѣнима. Естественныя способности русскаго и иностранца были бы равны на равномъ полѣ дѣйствія.

То же самое—съ дѣломъ нашего мореплаванія. Простой русскій народъ (а только *онъ* можетъ быть мореходцемъ; другіе могутъ лишь хвастаться на его счетъ) никакъ не изнѣженъ, и было бы весьма ошибочно думать, что онъ самъ по себѣ не въ состояніи выдержать конкурренцію со всѣми иностранцами, особенно съ весьма изнѣженными и богатыми старыми мореплавателями—англичанами и голландцами. Напротивъ того, нашъ казацкій рыбакъ, отправляющійся на весьма неакуратно построенномъ каботажномъ суднѣ по Азовскому и Черному морямъ, нашъ полуголодный эзельскій рыбакъ въ Балтійскомъ морѣ, нашъ закаленный каботажникъ въ Бѣломъ морѣ,—они побѣдили бы всѣхъ англичанъ, нѣмцевъ и проч., еслибы только были поставлены на сколько нибудь равныхъ съ ними условіяхъ. Они далеко превосходятъ своихъ соперниковъ—иностранцевъ даже въ неустрашимости на морѣ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что гораздо менѣе опасности плавать по морямъ на хорошихъ, нежели на весьма дурныхъ судахъ. Они превзойдутъ ихъ также въ бережливости и умѣренности своихъ требованій; жалованье и пища для англичанъ обходятся несравненно дороже, нежели для русскихъ. Но нашему торговцу и нашему мореходцу мѣшаютъ еще препятствія, могущія отчасти, лишь мало по малу, быть устранены.

Кто, на прим., прочиталъ книгу М. К. Сидорова: «Сѣверъ Россіи» (С.-Петербургъ 1870 г.), тотъ, если онъ даже самъ изъ

Digitized by Google

практики не знакомъ съ дѣломъ, убѣдится довольно легко въ томъ, что даже нашему крупному промышленному класу мѣшаютъ неимовѣрныя препятствія, не имѣющія ничего общаго съ естественными наклонностями народа. Въ странахъ, гдѣ, какъ мы видимъ изъ книги Сидорова (стр. 187), чиновнику возможно лѣсъ цѣною въ 600,000 рублей, купленный законнымъ образомъ, задержать, при сплавѣ внизъ по рѣкѣ, подъ удивительно ничтожнымъ предлогомъ, что еще не вполнѣ извѣстно, вырубленъ ли весь этотъ лѣсъ въ купленной дачѣ или нѣтъ, и что вслѣдствіе этого сомнѣнія весь лѣсъ долженъ портиться на мѣстѣ, пока не покончен начатый по этому дѣлу 20-лѣтній процесъ; въ такой странѣ, гдѣ подъ подобнымъ предлогомъ весьма легко можно разорить каждаго сколько нибудь предпріимчиваго человѣка; наконецъ, въ странѣ, гдѣ чиновнику возможно задержать купленную для крестьянъ рыбаковъ соль, и задержать именно въ то время, когда соль необходимо нужна имъ для соленія рыбы,—задержать подъ предлогомъ, что не вполнѣ еще извѣстно, привезена ли соль съ уплатою казенныхъ пошлинъ, а потомъ разрѣшить уже черезъ полгода выдачу (полуиспорченной) соли, то есть, въ такое время, когда рыба давно сгнила и весь край отъ этого разоренъ,—въ такой странѣ, повторяемъ, нечего уже дѣлать мелкому промышленнику крестьянину, желающему заниматься мореплаваніемъ, значитъ, ремесломъ, при которомъ онъ, по понятіямъ различныхъ чиновниковъ, можетъ быть весьма вреднымъ тѣмъ интересамъ государства, которые г. чиновникъ посвоему такъ усердно защищаетъ... Поэтому немудрено, что многіе изъ нашего сѣвернаго края, и именно самые предпріимчивые, мореходцы и рыбаки переселились въ Норвегію, гдѣ имъ нечего опасаться разоренія отъ чиновниковъ. А между тѣмъ къ намъ переселяются также предпріимчивые иностранцы-промышленники и захватываютъ весьма легко значительныя богатства въ свои руки. Они имѣютъ то преимущество въ Россіи, что ихъ, при особенно явныхъ притѣсненіяхъ, защищаютъ консулы и посланники иностранныхъ державъ, и что кромѣ того всѣ наши присутственныя мѣста смотрятъ на нихъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и поступаютъ съ ними довольно осторожно и вѣжливо. Кромѣ того, для нихъ не существуетъ нашей рекрутской и паспортной системы, не существуютъ и сословныя и другія учрежденія, столь сильно стѣсняющія свободу нашего люда. Немудрено, что, при такихъ обстоятельствахъ, иностранецъ у насъ легко

Digitized by Google

процвѣтаетъ. За границею же бывшій русскій подданный, правда, вовсе не пользуется особенными льготами, но уже одно отсутствіе всякихъ стѣсненій облегчаетъ для него пріобрѣтеніе болѣе чѣмъ достаточныхъ средствъ для жизни. Тутъ (на прим., въ Норвегіи, гдѣ выселившіеся русскіе нерѣдко процвѣтаютъ) иностранцу и въ голову не приходитъ нелѣпое, а между тѣмъ у насъ такъ часто встрѣчаемое, предположеніе, будто русскіе отъ природы менѣе способны, нежели иностранцы.

Только пессимистъ могъ бы признать наше, покамѣстъ, правда, весьма неотрадное, положеніе дѣйствительно безнадежнымъ уже по тому, что чиновникъ можетъ разорить промышленника и въ особенности крестьянина. Соединенное законное противодѣйствіе общества можетъ у насъ, *какъ и вездѣ*, мало но малу ограничить это страшное зло. Развѣ не происходили и не происходятъ еще теперь, и въ заграничныхъ странахъ, злоупотребленія административной власти? Кромѣ благодѣтельнаго дѣйствія правительственныхъ мѣръ и газетныхъ статей, непремѣнно должны существовать у насъ, по всѣмъ нашимъ прибрежьямъ, для защиты мелкаго промышленника и мореходнаго промысла, состоящія изъ промышленниковъ и крестьянъ рыбаковъ, общества, по примѣру такихъ же иностранныхъ «навтическихъ» обществъ. Такія общества имѣютъ цѣлію отчасти защищеніе и поддержаніе промышленныхъ интересовъ мореходства, отчасти—спасеніе жизни мореходцевъ въ случаяхъ судокрушенія, кромѣ того, взаимное страхованіе судовъ и, наконецъ, огражденіе промышленниковъ отъ неправильнаго примѣненія законовъ и отъ противузаконныхъ притѣсненій со стороны чиновниковъ. Вотъ строго законный путь, на которомъ народъ у насъ, какъ и во всѣхъ цвѣтущихъ промышленныхъ западныхъ краяхъ, можетъ помогать самъ себѣ. Если эти общества будутъ состоять въ надлежащей связи между собою, и если они будутъ имѣть центръ въ столицѣ или другомъ удобномъ пунктѣ (въ Германіи центръ навтическихъ обществъ бываетъ отчасти въ Берлинѣ, отчасти въ Гамбургѣ), то мы найдемъ возможность устранить у насъ громадное множество различныхъ и никому не полезныхъ препятствій. Но самая организація этихъ обществъ, хотя она очевидно можетъ быть осуществлена, потребуетъ сначала нѣкоторыхъ денежныхъ средствъ отъ правительства и, кромѣ того, умственныхъ, нравственныхъ и даже тѣлесныхъ напряженій самого населенія. Подобныя общества у насъ, очевидно, не будутъ въ состояніи въ первое время, то есть, въ теченіи 10 или 20

Digitized by Google

лѣть, существовать и удовлетворительно разрѣшать свои задачи изъ средствъ слишкомъ неразвитаго и, кромѣ того, бѣднаго прибрежнаго населенія. Чтобы ожидать, въ относительно скоромъ времени, достаточныхъ успѣховъ, нельзя оставить подобныя общества вовсе безъ содѣйствія правительства, тѣмъ болѣе, что организація ихъ дастъ правительству случай самымъ относительно наилучшимъ образомъ употреблять тѣ поощрительныя средства, которыя оно находитъ возможнымъ жертвовать въ пользу русскаго мореплаванія. Самая организація такихъ обществъ, по извѣстнымъ заграничнымъ примѣрамъ, устранитъ возможность крупныхъ злоупотребленій казенныхъ денегъ,—злоупотребленій, которыя невозможно отвратить при настоящемъ административномъ веденіи дѣлъ, при нашемъ, такъ называемомъ, поощреніи промысловъ. Учрежденіе такихъ обществъ у насъ сдѣлается формою или рамкою для положительно соотвѣтствующихъ цѣли дѣйствій правительства.

Спрашивается: что слѣдуетъ создать въ этой рамкѣ или съ помощью формы обществъ, въ которыхъ, конечно, будутъ участвовать прибрежные мѣстные жители и вообще всѣ желающіе добра нашему морскому дѣлу, безъ различія сословій и степени образованія? Конечно, тутъ первую и важнѣйшую роль должно и будетъ занимать распространеніе полезныхъ свѣдѣній о морскомъ дѣлѣ вообще между массою нашего прибрежнаго населенія всѣхъ классовъ. Для невѣждъ море всегда останется закрытымъ. Потомъ, кромѣ изложенныхъ выше задачъ, важное занятіе обществъ будетъ состоять въ изслѣдованіи дѣйствительныхъ интересовъ и промышленныхъ потребностей каждаго пункта нашихъ столь обширныхъ прибрежій, съ помощью всей мѣстной интеллигенціи, а также въ разныхъ ходатайствахъ предъ правительствомъ въ пользу промысла. При этихъ ходатайствахъ правительство уже будетъ имѣть предъ собою не одно отвлеченное мнѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, могущихъ весьма легко ошибаться или увлекаться корыстолюбивыми видами, а мнѣніе, хорошо обдуманное большинствомъ промышленниковъ каждаго берега, соображающихся со своими особенными нуждами. Если правительство со временемъ найдетъ возможнымъ пожертвовать нѣкоторыя болѣе значительныя суммы для премій судостроителямъ и судоходцамъ, то общества, въ этомъ случаѣ, окажутся самыми лучшими посредниками для возбужденія конкурренціи и употребленія этихъ премій въ пользу морскаго промысла самымъ справедливымъ образомъ. Ихъ открытое передъ всѣми дѣйствіе устранитъ пристрастіе одного

Digitized by Google

лица къ другому, и устранитъ даже отчасти вліяніе сословнаго происхожденія и богатства конкуррентовъ. Правительство великаго государства само никогда не можетъ тутъ справиться какъ слѣдуетъ. Мы говоримъ, что главнѣйшая задача организуемыхъ обществъ, главнѣйшая задача самого правительства должны состоять въ распространеніи всѣхъ необходимыхъ для мореплаванія свѣдѣній между нашимъ прибрежнымъ населеніемъ. Едва ли можно сомнѣваться, что въ этомъ именно состоитъ главная задача. Наши поощрительныя мѣры были до сихъ поръ совсѣмъ другаго рода: громадныя средства были выдаваемы въ пользу промысловъ, но никакъ не въ пользу каждаго любаго дѣятеля, а лишь въ пользу немногихъ высокопоставленныхъ лицъ и обществъ. Исчисляютъ, что для развитія промышленности на югѣ генералъ-губернатору князю Воронцову выдано 160 милліоновъ; кромѣ того въ пользу города Одессы до 200 милліоновъ; въ пользу русскаго общества пароходства и торговли на Черномъ морѣ 35 милл.; въ пользу такого же общества для Каспійскаго моря — «Кавказъ и Меркурій» тоже нѣкоторое число милліоновъ рублей (а между тѣмъ оказывается, что частное общество «Лебедь», не получающее никакого поощренія отъ казны, можетъ выдержать конкурренцію съ названнымъ обществомъ и содержать 3 парохода на Каспійскомъ морѣ). Значитъ, Россія отличалась выдачею громадныхъ поощрительныхъ средствъ. Но въ общую пользу, то есть, для всѣхъ возможныхъ конкуррентовъ, выдавалось лишь нѣсколько весьма незначительныхъ средствъ для поощренія каботажнаго судоустройства на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Эти поощряющія у насъ конкурренцію средства были каплями въ морѣ, въ сравненіи со средствами, выданными исключительно поощряемымъ лицамъ и обществамъ, состоящимъ изъ знатныхъ лицъ. Между тѣмъ, какъ сотни милліоновъ расходовались для нашего юга, мы отличались необыкновенною и небывалою нигдѣ, кромѣ у насъ, скупостію при распространеніи *народнаго* образованія.

Даже магометане, проживающіе въ Россіи, оказываются болѣе грамотными, нежели русскіе тѣхъ прибрежій, для которыхъ было выдано такъ много поощрительныхъ средствъ. Итакъ, если мы теперь отправляемъ нашихъ не грамотныхъ рыбаковъ въ море, то они въ болѣе образованныхъ странахъ уже не могутъ выдержать конкурренціи съ тамошними образованными народами. Правда, при нашемъ отвращеніи отъ общаго народнаго образованія, мы весьма ловко выдумали такія мореходныя школы, въ которыхъ

Digitized by Google

имѣли получить образованіе лишь будущіе *офицеры* нашего торговаго флота, а матросы должны по прежнему оставаться не грамотными. Стало-быть, мы начали морское дѣло введеніемъ строгаго сословнаго различія между моряками. Но, къ сожалѣнію, наша смѣлая реформа не удалась. Въ западныхъ краяхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, подобнаго различія никто не знаетъ: *каждый* морякъ тамъ начинаетъ свое мореплаваніе въ качествѣ юнга или мальчика; потомъ онъ получаетъ мѣсто полуматроса, а изъ матросовъ онъ можетъ перейти въ офицеры, т. е., въ штурманы и шкиперы, коль скоро онъ выдержитъ положенный для сего экзаменъ. Выдержавшій экзаменъ продолжаетъ плаваніе въ качествѣ матроса, если онъ не находитъ мѣста шкипера или штурмана. Въ случаѣ судокрушенія, шкиперъ и штурманъ, не задумываясь, принимаютъ опять мѣсто матроса, пока не находятъ чего нибудь лучшаго. На большихъ заграничныхъ судахъ обыкновенно существуетъ *достаточное число* основательно образованныхъ матросовъ, могущихъ подчасъ занимать мѣста шкиперовъ или штурмановъ, если ихъ начальники на морѣ внезапно умираютъ, заболѣваютъ, и проч. А при нашей реформѣ въ этихъ случаяхъ (то есть, если умерли или заболѣли шкиперъ и штурманъ) непремѣнно погибли бы наши невѣжды матросы вмѣстѣ съ судномъ и грузомъ. Изъ сего уже видно, что *образованіе однихъ только офицеровъ почти никакой пользы принести не можетъ*, особенно если предполагаемые офицеры не вышли изъ сословія рыбаковъ и каботажниковъ крестьянъ, а провидѣніемъ, при ихъ назначеніи въ казеннокоштномъ учебномъ заведеніи, служитъ администраторъ чиновникъ, каковъ бы ни былъ онъ—гуманный ли человѣкъ, или корыстолюбивый. Образованіе всей массы прибрежнаго народа необходимо въ такомъ размѣрѣ, какъ мы его встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, въ менѣе развитыхъ странахъ, за границею, гдѣ занимаются мореходствомъ; лишь тогда намъ можно будетъ выдержать конкурренцію съ западными народами. Для достиженія этой степени образованія въ относительно скорое время нужно несравненно менѣе государственныхъ средствъ, нежели мы уже истратили безуспѣшно для обогащенія нѣкоторыхъ лицъ и обществъ, подъ благозвучнымъ предлогомъ «развитія» края, промысловъ, мореплаванія и пр.

Мы должны стараться о томъ, чтобы образовать всю массу народа; но мы можемъ при этомъ быть вполнѣ увѣрены, что, по причинѣ разныхъ громадныхъ препятствій, не скоро достигнемъ пред-

Digitized by Google

полагаемой цѣли. Имѣя все это въ виду, мы должны основывать возможно наибольшее число простонародныхъ навигаціонныхъ школъ по всѣмъ нашимъ прибрежьямъ. Школы эти сначала должны занимать мѣсто обыкновенныхъ хорошихъ сельскихъ или элементарныхъ школъ, съ тѣмъ однако, чтобы главный учитель въ нихъ былъ морякъ и зналъ свое дѣло практически и вмѣстѣ съ тѣмъ теоретически. Ему самому можно предоставить планъ ученія, по крайней мѣрѣ въ первые годы. Пока его помощникъ школы занимается простымъ обученіемъ грамотѣ, онъ съ болѣе образованными школьниками и взрослыми людьми будетъ заниматься изъясненіемъ морскихъ картъ, морской географіи и математики и вспомогательныхъ для мореплаванія таблицъ, книжекъ и инструментовъ. Кромѣ того, онъ будетъ объяснять все необходимое о судоустройствѣ, о парусахъ, канатахъ и прочее, о коммерческихъ законахъ и обычаяхъ, о портовыхъ правилахъ, о различныхъ монетахъ и заключеніяхъ условій при отправленіи товара. Разумѣется, что подобное ученіе способный учитель-морякъ будетъ производить лучше, нежели не способный; но очевидно и то, что лишь практическій морякъ можетъ взяться за успѣшное производство ученія. Число лицъ, окончившихъ курсъ въ нашихъ прежнихъ навигаціонныхъ школахъ, довольно значительно; во всякомъ случаѣ, оно превышаетъ пять или шесть сотъ. Хотя, большею частью, они вовсе не могутъ быть хорошими учителями, потому что они практически мореплаваніемъ вовсе не занимались, но все-таки остается еще болѣе чѣмъ достаточное число годныхъ учителей, коль скоро будутъ открыты необходимыя школы съ назначеніемъ отъ 400 до 600 руб. въ годъ для каждаго изъ нихъ. Такъ какъ каждый дѣйствительный морякъ, въ зимнее время, имѣетъ мало занятій, то онъ очень охотно возьмется за небольшое вознагражденіе обучать своихъ соотечественниковъ и внушать имъ любовь къ морскому дѣлу. Учитель-морякъ будетъ, кромѣ жалованья, еще извлекать другія разныя выгоды отъ ближайшаго ознакомленія съ своими учениками, изъ которыхъ онъ можетъ для лѣтняго сезона выбрать самый надежный и нравственный экипажъ. Не имѣющій судна учитель-морякъ будетъ всѣми силами стараться возбуждать мѣстное населеніе къ устройству судна, которымъ онъ можетъ командовать въ лѣтнее время, а когда уже будетъ устроено одно судно и доставитъ хорошій процентъ судовладѣльцамъ, то онъ уже, конечно, легко уговоритъ ихъ построить еще большее судно, команда надъ которымъ дастъ ему

Digitized by Google

еще большій выигрышъ за лѣтнее полугодіе; команда же надъ первымъ маленькимъ судномъ, въ этомъ случаѣ, будетъ передана лучшему ученику. По достиженіи этихъ результатовъ, дальнѣйшее развитіе мореплаванія будетъ уже обезпечено, особенно если правительство отъ себя, мало по малу, устранитъ разныя очевидныя препятствія этому промыслу, вслѣдствіе просьбъ и представленій мѣстныхъ приморскихъ обществъ, о которыхъ уже было говорено выше. Если же правительство, кромѣ того, дастъ еще нѣкоторое временное пособіе первымъ судостроителямъ и мореходцамъ, то скорое процвѣтаніе всего нашего морскаго дѣла уже не будетъ подлежать никакому сомнѣнію, потому что естественныя обстоятельства у насъ необыкновеннымъ образомъ способствуютъ этому промыслу. У насъ масса вывозимыхъ сырыхъ продуктовъ увеличивается ежегодно весьма скоро, вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ. Предстоящая отмѣна нашей паспортной и рекрутской системы должна обезпечить личную свободу—этотъ необходимѣйшій фундаментъ при дѣлѣ мореплаванія, въ небывалыхъ до сихъ поръ въ Россіи послѣ Петра Великаго размѣрахъ. Эти реформы, вмѣстѣ съ постройкою желѣзныхъ дорогъ и улучшеніемъ судопроизводства, при несуществованіи уже крѣпостничества, такъ облегчатъ у насъ мореходный промыселъ, какъ еще никогда не было. Притомъ ежедневно у насъ усиливается общее убѣжденіе въ необходимости народнаго образованія, которое даже въ военномъ отношеніи теперь признается столь неотлагательнымъ, что вопросъ объ удовлетвореніи этой нужды въ самомъ обширномъ объемѣ для всего государства долженъ рѣшиться если не сегодня, то завтра. Но, при необыкновенной важности морскаго дѣла у насъ, мы не можемъ спокойно ждать, пока образованіе прибрежнаго населенія вмѣстѣ съ образованіемъ всего внутренняго края состоится само по себѣ. Гдѣ поощреніе образованія имѣетъ такую *особенную* важность и такія особенныя препятствія, какъ у прибрежій, тамъ нельзя довольствоваться простою надеждою на старанія министерствъ военнаго и народнаго просвѣщенія. Здѣсь особенно сильно затронуты интересы министерства финансовъ,—здѣсь оно должно дѣйствовать отъ себя.

При такихъ обстоятельствахъ мы ничѣмъ не рискуемъ, полагая, что мѣры для созданія русскаго торговаго флота теперь могутъ быть приняты съ несравненно большею надеждою на успѣхъ, нежели когда нибудь. Намъ теперь нельзя упустить изъ виду ни одного изъ нашихъ морскихъ прибрежій; мы должны забо-

Digitized by Google

титься о нихъ обо всѣхъ, припоминая слова Петра Великаго, что одна сажень морскаго берега имѣетъ бо́льшую цѣну, нежели квадратная миля твердой земли. А у насъ сколько тысячъ верстъ морскаго берега лежитъ безъ употребленія!... Между тѣмъ наши прибрежья имѣютъ особенную важность въ смыслѣ всемірной торговли, потому что они тянутся въ срединѣ громаднаго восточнаго материка, составляющаго Европу и Азію. У такихъ прибрежій, естественнымъ образомъ, должна сосредоточиваться самая громадная торговля, особенно вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ. Неразвитіемъ морской дѣятельности у столь надежныхъ прибрежій мы сильно вредили до сихъ поръ не только нашимъ собственнымъ интересамъ, но и интересамъ всего человѣчества, котораго развитіе и обогащеніе главнымъ образомъ основываются на развитіи морской дѣятельности. Поэтому всегда народы, развивающіе морское дѣло, признавались особенными благодѣтелями міра.

Такъ какъ изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что уже громадныя средства истрачены для развитія промышленности на югѣ, гдѣ дано болѣе двухъ сотъ милліоновъ въ пользу города Одессы, а генералъ-губернатору князю Воронцову до 160 милл., кромѣ того русскому обществу пароходства и торговли 35 милл. и еще разнымъ другимъ обществамъ и лицамъ многіе милліоны,— то желательно прежде всего избѣжать упрека, что будто бы требуются опять подобныя же громадныя суммы для того, чтобы дѣйствительно всѣ наши столь обширныя прибрежья привести въ цвѣтущее положеніе. Напротивъ того, мы вполнѣ убѣждены, что столь громадныхъ суммъ не нужно, что достаточно будетъ израсходованіе лишь *одного процента* вышеупомянутыхъ суммъ. Мы увѣрены, что употребленіе слишкомъ крупныхъ суммъ для одного края или промысла почти всегда составляетъ несправедливость для другихъ странъ государства, которыя должны платить эти суммы и кромѣ того—еще покрыть всѣ необходимыя государственныя издержки. При прежнихъ, столь значительныхъ, издержкахъ не всегда имѣли въ виду самую главную поощрительную силу—конкурренцію. Въ весьма многихъ случаяхъ мы прежде руководствовались лишь мнѣніемъ, что промышленность не успѣваетъ у насъ, потому что у предпринимателей нѣтъ достаточныхъ средствъ, и что слѣдуетъ только извѣстнымъ предпріимчивымъ людямъ дать денегъ изъ средствъ государства, и тогда уже дѣло пойдетъ само собою. Эта поощрительная система играла

Digitized by Google

до сихъ поръ важную роль у насъ, да и въ западныхъ странахъ она прежде была не рѣдко примѣняема. Нельзя сказать, чтобы эта система, крайняя несправедливость которой впрочемъ очевидна, во всѣхъ случаяхъ была совершенно ложная. Но она была такова въ большомъ множествѣ случаевъ; причина вотъ какая: множество лицъ, получившихъ казенныя средства, хотя были полезны дѣлу промышленности, однако не принесли столько пользы, сколько слѣдовало бы ожидать. Мы не должны забывать, что каждый умный, прилежный и предпріимчивый человѣкъ доставляетъ государству несравненно болѣе пользы, нежели прочіе смертные; между тѣмъ ихъ всѣхъ никто не вознаграждаетъ и даже не можетъ вознаграждать, такъ какъ государство и все человѣческое общество отъ ихъ стараній и питается, и получаетъ надлежащія средства для прогреса. Лѣнивцы, пьяницы и глупцы не могутъ зарабатывать необходимыхъ средствъ для своихъ и общественныхъ нуждъ. Итакъ, получающій казенныя средства по справедливости долженъ быть несравненно *болѣе* полезнымъ, нежели всѣ другіе прилежные, предпріимчивые и умные люди государства. Но поощряемыя лица весьма рѣдко оправдываютъ такія справедливыя требованія уже по тому, что у многихъ людей, по полученіи крупныхъ казенныхъ средствъ, ослабѣваетъ та необыкновенная и неутомимая дѣятельность, которая одна могла бы оправдывать жертвованіе казенныхъ суммъ, взятыхъ изъ кармана другихъ полезныхъ, и отчасти весьма полезныхъ, государству людей. Осталась весьма незначительная часть, которая при этой поощрительной системѣ, въ самомъ дѣлѣ, удовлетворила всѣмъ справедливымъ требованіямъ. Напротивъ того, нашлось не мало и такихъ лицъ, которыя употребляли даже во зло даруемыя имъ казенныя субсидіи, угнетая на счетъ казны другихъ полезныхъ промышленниковъ, подверженныхъ тяжелымъ государственнымъ налогамъ.

Вотъ соображенія, заставившія мыслящихъ людей въ западныхъ государствахъ, особенно же въ благоустроенныхъ, почти вовсе отмѣнить систему поощренія отдѣльныхъ личностей и обществъ. Изъятіе дѣлается лишь въ пользу нѣкоторыхъ изобрѣтателей и особыхъ геніевъ. Между тѣмъ мыслящіе люди Запада открыли новую, по крайней мѣрѣ не замѣчавшуюся прежде во всей своей важности, поощрительную силу—конкурренцію или соперничество дѣятелей всего народа или государства. Теперь въ благоустроенныхъ государствахъ о томъ только и думаютъ, чтобы достаточно возбуждать конкурренцію на умственномъ и промышленномъ по-

Digitized by Google

лѣ дѣйствія. Оказалось, что такое возбужденіе на счетъ казны: 1) *обходится несравненно дешевле*, 2) *дѣйствуетъ несравненно больше* и 3) *соотвѣтствуетъ гораздо лучше духу справедливости* относительно всѣхъ вообще полезныхъ дѣятелей государства, которые всѣ могутъ при новопринятой системѣ участвовать, отличаться и пріобрѣсти славу и извѣстность своими дѣйствіями.

Правда, толковое примѣненіе этого общаго правила не всегда легко,—оно составляетъ само по себѣ особенную отрасль ученія народохозяйственной науки. Но утѣшительно то, что, при примѣненіи этого благодѣтельнаго правила, мало по малу, расширяется кругъ его примѣнимости на практикѣ.

Нашъ планъ поощренія русскаго мореходнаго промысла основывается исключительно на мысли возбужденія общей конкурренціи. По этому только мы надѣемся достичь весьма многаго съ относительно весьма незначительными казенными средствами. На этомъ полѣ возбужденія конкурренціи мы полагаемъ достигнуть замѣтныхъ плодовъ, даже съ выдачею какихъ нибудь 10.000 рублей. Съ суммами 50.000 рублей или 100.000 рублей уже было бы возможно достичь гораздо большаго. Но при всѣхъ этихъ, въ сущности крайне незначительныхъ, суммахъ нельзя думать о какихъ нибудь матеріальныхъ субсидіяхъ для предпринимателей. Все поощреніе тутъ можетъ состоять лишь въ нравственномъ возбужденіи конкурренціи, въ убѣжденіи людей въ выгодности морскаго промысла, его полезности для Россіи и—въ возможномъ расширеніи кругозора нашихъ промышленныхъ низшихъ классовъ, относительно всемірной и заморской торговли. Но знающему свѣтъ не безъизвѣстно, что весьма значительную часть закаленныхъ и осторожныхъ промышленниковъ весьма трудно убѣдить одними нравственными доводами. Есть нѣкоторое число (особенно молодыхъ и не имѣющихъ почти никакихъ другихъ, кромѣ нравственныхъ, средствъ) людей вполнѣ доступныхъ нравственнымъ доводамъ и теоретическимъ убѣжденіямъ. Имѣя лишь этихъ людей въ виду (а они составляютъ отчасти цвѣтъ умственно-развитыхъ у насъ людей), мы можемъ достигнуть всего желаемаго съ помощью выше приведенныхъ незначительныхъ суммъ, изъ которыхъ самая большая была бы нужна, еслибы имѣлось въ виду обратить должное вниманіе на многочисленный класъ низшаго населенія, могущаго не только весьма много содѣйствовать нашему мореплаванію, *но даже рѣшить его судьбу*.

Digitized by Google

Впрочемъ, есть еще другая, весьма важная нравственная сила своего рода, а именно честолюбіе, съ помощью которой уже возможно достигать гораздо большихъ результатовъ, если только *предшествовало* распространеніе свѣдѣній о полезности предмета и повсюду утвердилось убѣжденіе, что успѣхъ русскихъ на морѣ есть успѣхъ и торжество всего русскаго народа и государства. Сила эта, честолюбіе людей, есть сила создающая и поддерживающая цѣлыя государства и города съ ихъ пышными домами и монументами. Правда, что эта сила есть больше разрушительнаго, нежели производительнаго характера, что кромѣ того честолюбіе, какъ производительная сила, всего болѣе стремится къ достиженію лишь внѣшнихъ блистательныхъ эфектовъ, но все-таки сила эта такъ важна, что нельзя пренебрегать ею. Честолюбіе людей можетъ быть возбуждено выдачею большихъ и маленькихъ золотыхъ и серебряныхъ медалей или другихъ знаковъ отличія. Если мы, при важности мореплаванія для Россіи, рѣшились бы пользоваться этою важною силой, и притомъ еще назначить нѣкоторыя маленькія суммы для вознагражденія за пожертвованія строителямъ парусныхъ судовъ и пароходовъ и, кромѣ того, за трудъ судоходовъ особо, то пришлось бы пожертвовать разъ навсегда отъ $^1/_2$ до 1 милліона рублей для развитія русскаго мореплаванія. Вся эта сумма могла бы быть израсходована въ теченіе 5 или 10 лѣтъ, при чемъ толчокъ, данный промыслу въ этотъ срокъ, несомнѣнно былъ бы такъ силенъ, что послѣ, по прекращеніи всѣхъ поощрительныхъ мѣръ, самое дѣло уже не остановится, но увеличится собственными силами въ болѣе и болѣе значительныхъ размѣрахъ.

Въ выше упомянутыхъ случаяхъ мы еще почти не заботились объ увеличеніи на счетъ государства личной прибыли предпринимателя, въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Выдача денежныхъ премій можетъ быть въ ограниченномъ объемѣ произведена только въ двухъ послѣднихъ случаяхъ (при общемъ бюджетѣ отъ $^1/_2$ до 1 мил. рублей); если же мы желали бы не щадить денегъ и обезпечить сполна наше мореплаваніе мореходными школами, денежными преміями и разными другими поощрительными мѣрами, то, пожалуй, понадобилось бы израсходовать нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ, пожалуй,—проценты съ капитала въ 5,000,000 рублей, но съ тѣмъ, чтобы въ первые два года израсходовались небольшія суммы. Еслибы со стороны казны было назначено израсходовать: въ 1-й годъ 50,000, во 2-й годъ 100,000, въ 3-й

Digitized by Google

годъ 200,000, а потомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по 250,000 и до 300,000 р., но съ тѣмъ, чтобъ истраченныя суммы никогда не превышали процентовъ съ 5,000,000 капитала, то оказалась бы полнѣйшая возможность обезпечить всѣ нужды достойнымъ и даже щедрымъ образомъ для прибрежій всего обширнаго нашего государства. Вотъ какая умѣренная сумма изъ государственныхъ средствъ достаточна, чтобы произвести чудесный результатъ, если мы поступимъ раціонально, заботясь о массѣ народа и не имѣя въ виду лишь обогащенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ личностей.

Намъ кажется, что подобная затрата денегъ дала бы совсѣмъ другой, несравненно болѣе блестящій результатъ для государства, нежели громадныя пожертвованія, при которыхъ возбужденіе конкурренціи играло бы незначительную роль. Хотя мы и принадлежимъ къ числу людей, отвергающихъ всѣ крупныя денежныя преміи, однако мы полагаемъ возможнымъ сдѣлать маленькое исключеніе для возбужденія морской промышленности, которая у насъ находится въ необыкновенномъ упадкѣ. Мореходство для Россіи необходимо уже само по себѣ; но, послѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, отсутствіе собственнаго торговаго флота должно причинить намъ такіе убытки, что израсходованіе 250,000 рублей въ годъ для устраненія этихъ убытковъ должно быть признано за ничтожную сумму. Покамѣстъ Россія имѣетъ уже около 10,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ; это составляетъ, считая стоимость каждой версты въ 60,000 руб., не менѣе какъ на 600 милліоновъ рублей. Какая ничтожная въ сравненіи съ 600 милліонами сумма—желаемые проценты съ 5,000,000 руб. для нашихъ морскихъ путей, по которымъ Россія можетъ распространить свою торговую дѣятельность до тѣхъ всемірныхъ рынковъ, гдѣ это требуется нашими торговыми интересами! Это ничто даже въ сравненіи съ суммою ежегодныхъ фрахтовъ, около 60,000,000 рублей, уплачиваемыхъ нами за вывозимый нашъ товаръ моремъ и привозимые заморскіе продукты и издѣлія водяными путями. Почти всю упомянутую сумму, до 60,000,000 рублей, мы ежегодно должны платить чужимъ судоходцамъ и судовладѣльцамъ; нѣтъ сомнѣнія, что, при достаточномъ увеличеніи сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ, нашъ вывозъ увеличится такъ, что мы скоро будемъ платить уже не только 60, а 100 или болѣе милліоновъ въ годъ за одни морскіе фрахты. При нашей возмутительной лѣни и равнодушіи, эти громадныя ежегодныя суммы изъ нашихъ кармановъ непремѣнно будутъ обогащать лишь самые богатые

Digitized by Google

народы Европы; они не дадутъ никакой выгоды нашему, отчасти крайне бѣдному, приморскому населенію. Зато эти суммы дадутъ новое оружіе въ руки нашимъ врагамъ, обогащая всѣхъ ненавистниковъ Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ представить себѣ, чтобы кто нибудь почелъ требуемую нами поощрительную для морскаго дѣла сумму за слишкомъ высокую. По всей вѣроятности, каждый скажетъ, что лучше слѣдуетъ израсходовать и болѣе пяти милліоновъ вмѣсто одного милліона, коль скоро мы, при израсходованіи высшей суммы, можемъ *сократить срокъ* къ достиженію собственнаго торговаго флота. Тутъ вся опасность, которой должны избѣгать, состоитъ въ слишкомъ большомъ медленіи, между тѣмъ какъ предложенная здѣсь система поощренія всеобщей конкурренціи уже сама по себѣ есть самая вѣрная и надежная и, въ финансовомъ отношеніи, самая бережливая система. На вопросъ: достигнется ли вообще достаточно скоро и положительно вѣрно, или нѣтъ, желаемая цѣль предложеннымъ здѣсь путемъ образованія народа,—мы можемъ только отвѣчать, что при всѣхъ возможныхъ народохозяйственныхъ и политическихъ вопросахъ всегда остается мѣсто для сомнѣнія, какъ и во всякомъ простѣйшемъ хозяйствѣ. Кто изъ обработавшихъ хорошо свои поля и засѣявшихъ отличнымъ сѣменемъ можетъ положительно вѣрно расчитывать на отличный урожай? Но все-таки каждый заслуживаетъ названія весьма дурнаго хозяина, кто не обработываетъ своихъ полей, и проч. Поэтому и Россія считается за границею весьма дурнымъ хозяиномъ, не обработывающимъ свое самое плодоносное *морское* поле и вредящимъ равномѣрно своему кредиту и своей репутаціи. Мореплаваніе есть черноземное поле для Россіи; нужно лишь обработать его, то есть, дать народу необходимѣйшее образованіе; нуженъ посѣвъ, то есть, распространеніе свѣдѣній о морскомъ дѣлѣ. Одобренія въ видѣ премій требуется весьма мало,—крупныя преміи даже портятъ дѣло. Потому и едва ли могутъ быть сомнѣнія относительно общаго плана поощрительныхъ дѣйствій. Такъ какъ наши старыя государственныя учрежденія сами мѣшали народамъ Россіи познакомиться съ моремъ, сблизиться съ заморскими націями и развивать у себя охоту къ образованію и познаніямъ, то очевидно, что самое государство собственными средствами должно загладить *свою вину* и доставить своимъ народамъ всѣ средства (доступныя другимъ народамъ теперь уже, самимъ по себѣ, безъ особенной государствен-

Digitized by Google

ной инициативы) для ознакомленія съ мореходствомъ. Выдача премій уже не такъ обязательна для нашего государства. Но преміи могутъ быть съ несомнѣнною пользою выдаваемы при нашемъ исключительномъ положеніи, чтобы скорѣе привлечь къ дѣлу массу промышленнаго народа, не подчиняющагося ни отвлеченнымъ нравственнымъ доводамъ, ни побужденіямъ честолюбія, а только видимой выгодѣ для кармана. Преміи эти непремѣнно должны быть выдаваемы лишь въ первый опредѣленный пяти- или, много говоря, десятилѣтній срокъ для покрытія особенныхъ издержекъ, какія въ самомъ дѣлѣ неизбѣжны при новомъ предпріятіи; коль скоро же опытъ начнетъ помогать промыслу, то и преміи должны прекратиться, такъ какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ окажутся не нужными при промыслахъ, свойственныхъ краю и которые уже сами по себѣ доставляютъ предпринимателямъ большія выгоды. Если же выгодъ отъ нашего мореплаванія не оказалось бы въ первый десятилѣтній срокъ, то онѣ не окажутся никогда, а тогда и не нужно продолжать этотъ промыселъ у насъ искусственными мѣрами, то есть, льготами и денежными преміями. Но доходность морскаго промысла у всѣхъ нашихъ прибрежій не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, коль скоро будутъ возстановлены тѣ естественныя условія, при которыхъ въ настоящее время конкурренція съ другими народами на морѣ возможна, то есть, коль скоро будетъ открытъ неисчерпаемый источникъ силъ народа — конкурренція массы прибрежнаго народа. Какъ бы ни была высока заработная плата у нашихъ прибрежій Азовскаго и Чернаго морей въ лѣтніе мѣсяцы, все-таки англичане и голландцы, отправляющіе свои суда въ тѣ же наши моря, платятъ *еще гораздо больше* жалованье своимъ морякамъ, на пищу которыхъ они, кромѣ того, расходуютъ такъ много, что ничего подобнаго не слыхано у насъ для простаго люда. У Балтійскаго же и Бѣлаго морей плата рабочимъ вовсе не велика,—стало быть, тутъ еще менѣе возможно сомнѣваться въ доходности нашего морскаго промысла.

При опредѣленіи всего 5-ти милліоннаго бюджета, полезно было бы эту сумму раздѣлить на слѣдующіе главные предметы:

I. Для премій:

1) Строителямъ парусныхъ судовъ 1 милліонъ руб.
2) Строителямъ пароходовъ также 1 милліонъ руб.
3) Мореходцамъ также 1 милліонъ руб. *).

*) У насъ сотни людей уже говорили, писали и хлопотали о назначеніи денежныхъ премій для судостройства—конечно по тому, что эти преміи могутъ

Digitized by Google

II. Для первоначальной организаціи навигаціонныхъ школъ, особенно лишь временныхъ, и, кромѣ того, для помощи русскимъ судостроителямъ, желающимъ отправляться въ разныя заграничныя страны для основательнаго изученія судостройства,—1 милліонъ рублей.

III. Для примѣрной постройки судовъ на пунктахъ, гдѣ судостройство до сихъ поръ не производилось, но очевидно съ успѣхомъ можетъ быть произведено,—500 тысячъ рублей.

IV. Для разныхъ другихъ издержекъ—500 тысячъ рублей.

Что касается до непосредственныхъ стараній правительства къ улучшенію судостройства, то единственная раціональная и потому вполнѣ удовлетворительная мѣра для него можетъ состоять въ отправленіи желающихъ заниматься судостройствомъ въ разныя заграничныя страны (въ Швецію, Финляндію, Норвегію, Германію, Грецію и Далмацію), гдѣ они несравненно основательнѣе изучатъ это дѣло, нежели это могло бы случиться въ нашихъ судостроительныхъ заведеніяхъ, еслибы мы такія устроивали, особенно въ первое время. Такое отправленіе за границу не очень многихъ лицъ, по просьбамъ прибрежныхъ обществъ, не обойдется очень дорого, такъ какъ число судостроителей далеко не должно быть такъ велико, какъ число мореходцевъ, для которыхъ у насъ непремѣнно должно существовать большое число учебныхъ заведеній. Въ теченіи времени часть судоходцевъ, ежедневно отправляющихся ко всѣмъ торговымъ пунктамъ всего міра, изучитъ судостройство самымъ лучшимъ образомъ безъ всякаго особеннаго труда. Вотъ причина, почему, на прим., въ Норвегіи нѣтъ ни одной судостроительной школы, между тѣмъ какъ тамъ существуетъ весьма великое число частныхъ, общественныхъ и казенныхъ навигаціоныхъ школъ.

Упомянутыя въ IV пунктѣ 500 тысячъ рублей (или по край-

попасть въ карманы крупныхъ дѣятелей, между тѣмъ одна постройка судовъ еще весьма недостаточна. Привлекать способныхъ для сего рыбаковъ и пр. къ самому мореходству на *парусныхъ* судахъ (на пароходахъ они оставляются простыми рабочими)—вотъ задача, которая у насъ отчасти *болѣе*, по крайней мѣрѣ—не менѣе важна, нежели первая, то есть, поощреніе судоустройства. Будь только у насъ многочисленный, хорошо развитой и опытный класъ мореходцевъ, то можно и покупать, при удобныхъ случаяхъ, дешево заграничныя суда. Во время войны между нѣмцами и датчанами въ 1849—50 г. въ Ригѣ куплено было 70 заграничныхъ торговыхъ судовъ; но, за неимѣніемъ достаточнаго числа мореходовъ, всѣ эти суда проданы опять по окончаніи войны.

Digitized by Google

ней мѣрѣ проценты съ этого капитала) на разныя издержки могутъ быть употреблены такъ:

1) Для организаціи и обезпеченія спасительныхъ станцій у всѣхъ нашихъ прибрежій, съ помощью мѣстнаго населенія,—200 тысячъ рублей (Нынѣшнія спасительныя станціи, обыкновенно содержимыя исключительно на счетъ правительства, даже съ пособіемъ солдатъ, которыхъ собственное назначеніе состоитъ въ оборонѣ отечества, крайне неудовлетворительны; онѣ обходятся отчасти весьма дорого, и кромѣ того число ихъ слишкомъ незначительно).

2) Для организаціи упомянутыхъ, весьма полезныхъ, наутическихъ обществъ между населеніемъ всѣхъ нашихъ прибрежій—100 тысячъ руб.

3) Особыя и литературныя издержки для ознакомленія народа съ морскимъ дѣломъ—100 тысячъ рублей.

4) Управленіе и контроль выдачи и дѣйствій поощрительныхъ мѣръ, поѣздки и канцелярскія издержки—всего 100 тысячъ руб.

Главное управленіе всего поощрительнаго дѣла могло бы состоять изъ комитета, членами котораго были бы всѣ професора политической экономіи въ нашемъ государствѣ. Въ этомъ столь важномъ и новомъ дѣлѣ лишь тогда успѣхи будутъ вполнѣ обезпечены, когда лица, совершенно хорошо знакомыя съ новыми теоріями государственнаго народохозяйства, примутъ въ немъ участіе. Особенно назначенныя министерствомъ финансовъ лица, для приведенія въ исполненіе плана поощреній, должны были бы руководствоваться предписаніями этого главнаго ученаго комитета, особенно при выдачѣ премій и при собираніи всякаго рода статистическихъ и народохозяйственныхъ свѣдѣній. Добросовѣстное собраніе этихъ свѣдѣній и обсужденіе ихъ въ этомъ ученомъ комитетѣ, получающемъ надлежащее вознагражденіе изъ назначенныхъ для премій средствъ, дало бы во всякое время возможность обсудить удовлетворительность самыхъ мѣръ и, въ случаѣ необходимости, замѣнить нѣкоторыя изъ нихъ другими лучшими мѣрами, не обременяя при томъ государственную казну ни въ какомъ случаѣ новыми издержками. Что касается до издержекъ для навигаціонныхъ школъ, то значительное большинство ихъ у насъ никакъ не должно имѣть отличительный характеръ какихъ-то спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеній: напротивъ, онѣ должны быть, по своей организаціи, *просто высшими народными школами*; часть ихъ можетъ быть черезъ нѣ-

Digitized by Google

которое время закрыта, если зажиточныя мѣстныя общества не согласятся ихъ содержать преимущественно своими собственными средствами и проч. Но сначала должна быть достаточна самая ничтожная поддержка со стороны мѣстныхъ обществъ для открытія *временной* навигаціонной школы на счетъ поощрительнаго капитала. Поступая такимъ образомъ, мы достигнемъ: во первыхъ, наискорѣйшаго возбужденія умовъ прибрежнаго населенія въ пользу мореплаванія и, во вторыхъ, избѣгнемъ излишнихъ расходовъ казны для школъ, оказывающихся по какимъ нибудь мѣстнымъ условіямъ не совсѣмъ удовлетворительными. Во всякомъ случаѣ должны и могутъ быть покрыты всѣ будущіе расходы для навигаціонныхъ школъ на счетъ этого 5-ти милліоннаго бюджета. Такимъ образомъ не можетъ случиться то, что не рѣдко случалось у насъ, то есть, трата значительныхъ денегъ на мѣропріятія, не доставляющія соотвѣтственной пользы. Какъ важна именно такая постановка дѣла, видно изъ того, что у насъ (да, къ нашему утѣшенію, можемъ прибавить, также и въ другихъ странахъ), нерѣдко въ продолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, поддерживались мѣры, вполнѣ осужденныя ученымъ народохозяйственнымъ міромъ. Такъ, на примѣръ, у насъ поддерживались крупными казенными деньгами прежнія навигаціонныя школы въ Кронштадтѣ и Херсонѣ, съ израсходованіемъ около 25.000 руб. въ годъ, до 1867 г., не смотря на то, что въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ почти никто не сомнѣвался въ совершенной неудовлетворительности ихъ организацій. Слѣдовательно, тамъ истрачено около 500.000 рублей безъ всякой разумной цѣли. А сколько десятковъ милліоновъ израсходовано просто даромъ для различныхъ компаній и ихъ привиллегій при прежней системѣ поощреній! Черноморское русское общество пароходства и торговли, еслибъ оно было поставлено относительно субсидій подъ вѣдѣніе подобнаго ученаго комитета, конечно, не получило бы 35 милл. руб. казенныхъ денегъ; если же для него было бы выдано до 10 или даже 15 милл. р., то ему пришлось бы за это вознагражденіе принести дѣлу нашего мореплаванія *несравненно большую пользу*, чѣмъ та, которая теперь отъ него требуется и доставляется.

Изъ всего обсужденія этого предмета мы видимъ, что назначеніе 5 милліоновъ ни въ какомъ видѣ не можетъ быть названо гратою большихъ денегъ. Напротивъ того, наше безвыходное положеніе, относительно мореплаванія, такъ прискорбно, что ми-

Digitized by Google

нистру финансовъ непремѣнно слѣдуетъ что нибудь сдѣлать въ пользу его. Если не будетъ назначена соотвѣтствующая сумма для осуществленія *хорошо* обдуманнаго *общаго* поощрительнаго плана, то придется, сегодня или завтра, принять и утвердить планы, имѣющіе цѣлью лишь обогащеніе нѣсколькихъ лицъ на счетъ казны, подъ благозвучнымъ предлогомъ «поощренія мореходства»,—планы, которые обойдутся казнѣ никакъ не менѣе, а можетъ быть несравненно больше, и, разумѣется, доставятъ государству столь же мало пользы, какъ и всѣ утвержденные до сихъ поръ планы. Какъ всѣмъ извѣстно, подобные планы приносятъ и могутъ принести лишь отрицательную пользу. Петербургъ, главный источникъ всѣхъ благодѣяній правительства въ пользу русскаго мореплаванія, теперь дошелъ до того, что онъ даже совершенно не имѣетъ никакого торговаго флота. И этотъ злобный пасквиль на великолѣпные планы Петра Великаго совершился, не смотря на то, что нѣтъ сомнѣнія, что и фины и русскіе (Бѣлаго моря), и даже осташи Тверской губерніи, и нѣмцы, и шведы и проч.,—словомъ, *всѣ мѣстные жители* весьма склонны къ мореплаванію, и что здѣсь сосредоточивается половина всей русской торговли. Къ результату болѣе дурному мы уже ни въ какомъ случаѣ не можемъ дойти; нашъ главнѣйшій торговый портъ равняется, въ дѣлѣ мореплаванія, портамъ полудикихъ африканскихъ и азіатскихъ народовъ. Потому и нечего удивляться, что морская торговля Россіи теперь, вслѣдствіе дѣйствія желѣзныхъ дорогъ, стала переселяться изъ Петербурга и Риги въ Кенигсбергъ, Данцигъ, Штетинъ и даже Гамбургъ.

Мы впрочемъ вполнѣ увѣрены, что по назначенію упомянутаго ученаго комитета, какъ руководителя предполагаемой здѣсь выдачи 3 мил. рублей (или лишь процентовъ съ этого капитала для однихъ премій,—упомянутый комитетъ со временемъ нашелъ бы возможнымъ сократить эти издержки. Но въ теченіи перваго пяти или десятилѣтія выдача премій все-таки будетъ полезна потому, что намъ необходимо созданіе флота *въ самое скорѣйшее время* и что мы не можемъ медлить ни одного года.

Въ борьбѣ за существованіе прежняя поощрительная система, предоставляющая исключительныя льготы нѣкоторымъ личностямъ и обществамъ, имѣетъ на своей сторонѣ въ неразвитомъ государствѣ тотъ перевѣсъ, что она, какъ и почти каждое другое государственное зло, заставляетъ нѣкоторое число (отчасти высоко поставленныхъ) лицъ во что бы то ни стало защищать эту систему.

Всѣ, желающіе быть милліонерами на счетъ казны, на счетъ

Digitized by Google

массы народа, не могутъ не защищать съ жаромъ и воодушевленіемъ системы, скопляющей громадные капиталы въ рукахъ нѣкоторыхъ лицъ при обѣднѣніи низшихъ и среднихъ классовъ. Хотя извѣстно, что такое распредѣленіе богатствъ крайне невыгодно въ хозяйственномъ отношеніи и что оно не доставляетъ никакихъ выгодъ ни для защиты государства, ни для поддержки верховной власти, однако люди, желающіе быть милліонерами, объ этомъ вовсе не заботятся.

Кто, на примѣръ, изъ акціонеровъ Русскаго общества пароходства и торговли, получающихъ 40 или 50%, кто изъ служащихъ тамъ и получающихъ громадное жалованье не будетъ защищать столь выгодную систему, не смотря на то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Скальковскій (въ № 75 офиціальной *Сѣверной Почты* за 1867 г.) откровенно объявилъ общеизвѣстный фактъ, что громадныя привиллегіи этого общества губятъ морское дѣло въ нашихъ южныхъ моряхъ? А кому дастъ 40% предложенная нами система возбужденія конкурренціи всѣхъ и каждаго?—Никому. (Въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ, гдѣ конкурренція развита болѣе, нежели гдѣ нибудь, число милліонеровъ относительно весьма небольшое, какъ это убѣдительно доказывалось при послѣднихъ налогахъ на доходы; но тѣмъ болѣе значителенъ *средній* класъ, владѣющій небольшими капиталами, заработанными въ потѣ лица, съ весьма большимъ личнымъ трудомъ. Зато лица низшаго класа имѣютъ тамъ вездѣ, по крайней мѣрѣ, по нѣскольку сотъ долларовъ). Даже общества, поощряемыя по старой системѣ и все-таки выдающія лишь незначительные проценты (какъ на прим. «Кавказъ и Меркурій»), не перестанутъ хвалить пользу старой системы, такъ какъ при новой системѣ поддержанія общей конкурренціи подобныя общества рушились бы неизбѣжно и замѣнились бы разными новыми обществами или отдѣльными лицами, *лучше* понимающими свое дѣло.

Итакъ, общеполезная система развитія конкурренціи частныхъ лицъ на счетъ казны, по руководству науки народохозяйства, едва ли гдѣ найдетъ горячихъ защитниковъ противъ сильно и съ ожесточеніемъ нападающихъ на нее приверженцевъ старой системы произвольнаго благопріятствованія однихъ на счетъ другихъ. Скажутъ, пожалуй, что требуемыя деньги слишкомъ велики *), что

*) Между тѣмъ какъ до сихъ поръ порицали планъ наставленія народа лишь за утопическое будто бы предположеніе создать весьма много «*самыми ничтожными* средствами, при чемъ, къ сожалѣнію, еще никогда не оказывалось

Digitized by Google

соотвѣтствующій издержкамъ успѣхъ все-таки не можетъ быть положительнымъ и несомнѣннымъ, и на этомъ основаніи найдутъ возможнымъ отказать даже въ самыхъ малыхъ средствахъ для содѣйствія плану, точно такъ же, какъ прежде, при требованіи «слишкомъ незначительныхъ суммъ», выдачу ихъ нашли напрасною тратою денегъ, весьма нужныхъ для большихъ компаній. Для возможнаго обезоруженія нѣкоторыхъ изъ этихъ противниковъ мы прибавимъ, что мы съ нашей стороны вполнѣ успокоились бы относительно нашего морскаго дѣла, еслибы, въ видахъ государственной экономіи, послѣдовало лишь осуществленіе того плана, о которомъ мы уже говорили прежде, требующаго израсходованія всего лишь $^1/_2$—1 милл. рублей въ теченіе 5 или 10 лѣтъ для всего нашего морскаго дѣла,—значитъ, по 100 тысячъ рублей въ годъ. При помощи этихъ суммъ, кромѣ первоначальной организаціи народныхъ мореходныхъ школъ, обществъ и проч. и удовлетворенія разнымъ литературнымъ, ученымъ и учебнымъ потребностямъ для непосредственнаго вознагражденія предпринимателей, останется выдача лишь маленькихъ денежныхъ премій, кромѣ, разумѣется, золотыхъ и серебряныхъ медалей и поддержки судостроенія въ теченіи первыхъ лѣтъ на разныхъ пунктахъ и, сверхъ того, выдачи неотлагательнаго денежнаго вознагражденія новымъ мореходцамъ въ первые два, три года (т. е., пока они еще не могутъ заслужить на судахъ полнаго матроскаго жалованья). Мы увѣрены, что осуществленіемъ этого проекта наше морское дѣло было бы также вполнѣ обезпечено; но его развитіе послѣдуетъ не такъ быстро и блистательно, какъ въ случаѣ ассигнованія всѣхъ пяти милліоновъ. Даже одно заблаговременное покрытіе издержекъ для литературныхъ и ученыхъ цѣлей (всего отъ 10,000 до 50,000 или 100,000 рублей) развило бы наше морское дѣло несравненно болѣе, нежели можно ожидать при пожертвованіи цѣлыхъ милліоновъ для привиллегированныхъ обществъ. Еслибъ уже десять лѣтъ тому назадъ было израсходовано до десяти тысячъ рублей для составленія и для безвозмезднаго *добросовѣстнаго* распространенія полезныхъ брошюръ, объясняющихъ народу и вообще прибрежному населенію нашему тѣ дан-

---

возможности выдать эти «ничтожныя средства» для важнаго дѣла, чтобъ убѣдиться въ томъ, *вѣрны* или *лживы* тѣ предположенія о способности и легкой возбуждаемости нашего прибрежнаго народа къ мореплаванію, коль скоро ему сообщаются лишь нѣкоторыя свѣдѣнія изъ необходимыхъ при морскомъ промыслѣ.

Digitized by Google

ыя о морскомъ дѣлѣ, которыя большинство у насъ отнюдь не знатъ и не можетъ знать, то я увѣренъ, что тогда нашъ флотъ, вѣоятно, уже былъ бы вдвое или втрое больше, нежели онъ теперь сть. Но мы привыкли избѣгать издержекъ на литературные труы; мы лишь косвенно признаемъ громадную силу печатнаго лова.

Пожертвованія публики, вслѣдствіе моихъ воззваній въ «Московкихъ Вѣдомостяхъ» и газетѣ «Москва», до сихъ поръ не достигли 500 рублей. Что на эту собранную сумму возможно сдѣлать, ыло сдѣлано: брошюры и газетныя статьи распространены въ вое время въ разные (болѣе 150) пункты русскихъ прибрежій. Но этого все еще слишкомъ недостаточно, и вполнѣ удовлетвоительныхъ плодовъ отъ этой мѣры не можетъ оказаться, пока рошюры и свѣдѣнія не могутъ поступать прямо въ крестьянскія ижины и жилища мелкихъ промышленниковъ, адресы которыхъ, онечно, не могутъ быть найдены въ Москвѣ и Петербургѣ, а лишь съ большимъ трудомъ отысканы на мѣстѣ. Для удовлетворительаго распространенія свѣдѣній о морскихъ промыслахъ нужны и ечатныя, и письменныя, и устныя объясненія съ прибрежнымъ ародомъ, чтобъ его подвинуть впередъ, какъ теперь подвигается морское дѣло впередъ по балтійскимъ прибрежьямъ у латышей, вслѣдствіе десятилѣтнихъ объясненій и обсужденій онаго.

При семъ пишущему эти строки нужно объясниться по поводу статьи № 247 газеты «Дѣятельность», гдѣ г. Л. Т. пишетъ лѣдующее изъ Одессы отъ 6-го декабря 1870 г.:

«Апостолъ торговаго мореплаванія, г. Вольдемаръ, столь неутомимо трудившійся писать по вопросамъ торговаго мореплаванія, былъ чрезчуръ односторонен. Изучивъ бытъ латышей и эстовъ, и самъ, какъ латышъ (да въ добавокъ и не морякъ), г. Вольдемаръ хотѣлъ всѣ моря Россіи организовать на латышскій ладъ. Латышеманія не привилась, подобно тому какъ не прививалась англеманія, и т. п.; а между тѣмъ сочиненія г. Вольдемара издавались на пожертвованія Высочайшихъ особъ, такъ что иной читатель могъ думать, что латышеманія угодна правительству».

Между тѣмъ, какъ слишкомъ лестный титулъ *апостола* меня крайне обязываетъ, я нахожу весьма естественнымъ, что незнакомый мнѣ авторъ теперь называетъ мои предложенія лишь «чрезчуръ односторонними». Это названіе есть уже рѣшительный переворотъ къ лучшему. Прежде съ юга бросались на меня болѣе крупные камни: меня признавали крайнимъ невѣждою и проч. Правда, я сильно виноватъ въ глазахъ многихъ тамошнихъ лицъ тѣмъ, что многократно нападалъ на громадныя привиллегіи Черно-

Digitized by Google

морскаго русскаго общества пароходства и торговли. Вина увеличивалась неоднократными опроверженіями мнѣнія, что, подъ командою офицеровъ военнаго флота и при подчиненіи прибрежныхъ крестьянъ произволу этихъ офицеровъ, возможно процвѣтаніе торговаго флота, даже въ томъ случаѣ, если казна (какъ въ свое время предлагалъ *Николаевскій Вѣстникъ*) даровала бы каждому офицеру по 7.000 рублей за судно, постройка котораго на мѣстѣ обходится всего не болѣе какъ 6—7.000 рублей. Значитъ, требовалась скромная премія отъ 100 до 116$^2/_3$ процентовъ за одну постройку—конечно, «*образцовыхъ*» судовъ. Между тѣмъ даже Русск. общ. парох. и торг. выдаетъ только 40% изъ средствъ казны. Но еще болѣе изумительны и печальны были предлагаемыя мѣры, чтобы насильственно принудить прибрежное населеніе къ мореплаванію. Эти возмутительныя мѣры предлагались со стороны разныхъ весьма образованныхъ, стало быть, многостороннихъ лицъ, желающихъ ввести новое крѣпостное право для будущихъ моряковъ Россіи. Какъ не признать человѣка черезчуръ одностороннимъ, который уже 12 лѣтъ постоянно говоритъ о неотлагательности промышленной свободы и нѣкотораго образованія всего прибрежнаго населенія, который кромѣ того сѣтуетъ, видя, что на Черномъ морѣ, гдѣ, правда, въ 1867 г. произошло проектированное имъ *закрытіе* херсонскаго училища торговаго мореплаванія, стоившаго казнѣ до 7.000 рублей въ годъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не послѣдовало и даже теперь не предвидится *весьма легкое* (какъ вездѣ, такъ и на нашихъ южныхъ прибрежьяхъ) *открытіе* новыхъ десяти таковыхъ училищъ съ помощью этой же суммы. Одно закрытіе малополезныхъ школъ трудно назвать здравою реформою, если не послѣдуетъ единовременно открытіе новыхъ, лучшихъ школъ въ большомъ числѣ. Признаюсь, я такъ черезчуръ одностороненъ, что не нахожу положительно никакихъ препятствій ни отъ высшаго правительства, ни отъ мѣстнаго промышленнаго населенія, ни отъ недостатка учителей для учрежденія десяти отличныхъ и въ своемъ родѣ совершенныхъ навигаціонныхъ школъ съ помощью упомянутыхъ 7.000 руб. въ годъ отъ казны, и приписываю всѣ препятствія лишь крѣпостническому взгляду мѣстныхъ чиновниковъ и находящихся подъ вліяніемъ Русскаго общества пароходства и торговли лицъ, какъ бы по принципу не допускающихъ существованія дешевыхъ морскихъ учебныхъ заденій, въ которыя могъ бы попасть низшій класъ. Для этого класа не могутъ и никогда не будутъ суще-

Digitized by Google

гвовать другія, какъ лишь *дешевыя*, школы; въ этомъ никто не ожетъ сомнѣваться. Вотъ почему ни за что не допускаются акія дешевыя школы мореплаванія на черноморскихъ прибрежьхъ; гораздо легче тамъ допускались бы *университеты* для моеходства, «*професора*» которыхъ получали бы по 4—5.000 уб. жалованья. Въ Норвегіи, гдѣ сословій въ нашемъ смыслѣ е существуютъ, гдѣ всѣ помѣщики суть простые крестьяне,— ъ Норвегіи существуетъ множество такихъ школъ, коимъ отъ осударства дается въ помощь не болѣе 200—300 руб. въ годъ. , кромѣ того, еще весьма виноватъ въ томъ, что мнѣ кажется езполезнымъ, или мало полезнымъ учрежденіе желаемыхъ офиерами школъ судостроенія, такъ какъ эти заведенія, даже при рупномъ ежегодномъ государственномъ бюджетѣ въ 50—60.000 уб. на каждое училище, не могутъ быть достаточными. Такъ е кажется мнѣ неразумною и выдача 4—5.000 рублей въ годъ ля проектируемыхъ тамъ навигаціонныхъ школъ вмѣсто 400— 00 рублей лишь съ (тайною) цѣлью закрытія ихъ для крестьнъ. При маленькой поддержкѣ *каждой* изъ этихъ *весьма мноочисленныхъ* школъ, онѣ будутъ полезны, а при большихъ изержкахъ для маленькаго числа школъ—послѣднія будутъ горазо менѣе полезны. Но нельзя здѣсь повторять всѣ мои предложеія объ этомъ предметѣ,—предложенія, не могущія быть пріятыми для большихъ компаній, созданныхъ на счетъ казны, для люей съ крѣпостническимъ взглядомъ и для всѣхъ, думающихъ, что усскій торговый флотъ долженъ быть созданъ нѣкоторыми отдѣльыми лицами, а не усиліями всего прибрежнаго народонаселенія.

Теперь скажу «нѣсколько словъ о латышеманіи»: эта манія, а сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ обнаруживалась лишь трицательными дѣйствіями, какъ, на примѣръ, тѣмъ, что латыши эсты обезземелены, между тѣмъ какъ всѣ прочія племена Росіи уже владѣютъ землею. Правда, о мореходныхъ школахъ съ 869 года началъ серьезно заботиться курляндскій губернаторъ . Лиліенфельдъ. Нѣкоторый успѣхъ тутъ вѣроятенъ, не смотря а то, что желаніе г. губернатора доставить пишущему эти троки возможность *непосредственнаго вліянія* при организаціи и правленіи этихъ школъ—не могло осуществиться, изъ опасенія дурнаго» вліянія на его соплеменниковъ латышей. Въ Лифляндіи же (для избѣжанія преслѣдованія—тайно) организованная въ 864 г., исключительно по моему плану и содѣйствію, морская школа въ Гайнажѣ получила государственную помощь не раньше

Digitized by Google

какъ въ 1869 г., т. е., черезъ 5 лѣтъ неутомимаго ходатайства *). На островѣ Эзелѣ даже тамошній баронъ фонъ Засеъ получилъ рѣшительный отказъ, когда онъ, въ 1868 г., прочитавъ одну изъ моихъ брошюръ, желалъ учредить дешевыя мореходныя школы для мѣстныхъ эстовъ и нѣмцевъ. Но теперь, взамѣнъ ихъ, учреждается дорого обходящаяся школа, для которой легко можетъ быть ежегодно израсходовано до 2.000 руб.; при чемъ, конечно, этимъ истаженіемъ плана можетъ быть доказана безполезность навигаціонныхъ школъ вообще **). Вотъ и все! Какой же латышеманіи тутъ можетъ опасаться заботливый г. Л. Т.? Неужели весьма умѣренныя денежныя пособія, выданныя мнѣ въ теченіе 10 лѣтъ отъ правительства для нѣкоторыхъ путешествій и на изданіе нѣкоторыхъ книгъ, доказываютъ опасную латышеманію? Я съ намѣреніемъ выставилъ на видъ вездѣ въ своихъ брошюрахъ всѣ полученныя мною вспомогательныя средства для того, чтобъ этимъ съ своей стороны придать дѣлу нашего мореплаванія нѣкоторую важность въ глазахъ нашей публики, еще далеко не сочувствующей этому дѣлу, какъ бы слѣдовало. Писавши уже съ 1857 годъ о мореплаваніи, я, правда, получилъ въ 1860, 1861 и 1868 годахъ средства изучить этотъ предметъ въ разныхъ краяхъ и государствахъ.

Если г. Л. Т. подъ словами: «г. Вольдемаръ хочетъ всѣ моря Россіи организовать *на латышскій ладъ*», понимаетъ распространеніе необходимѣйшихъ печатныхъ свѣдѣній и неотлагательнаго

*) При этомъ никто не можетъ оспаривать, что лишь противузаконное учрежденіе гайнажской школы мѣстными крестьянами послужило поводомъ для изданія закона 27 іюня 1867 года, облегчающаго открытіе подобныхъ школъ.

**) Впрочемъ, это доказательство едва ли удастся теперь, когда изъ гайнажской школы уже вышло значительное число образованныхъ моряковъ, безъ исключенія остающихся при морскомъ промыслѣ и постепенно увеличивающихъ и даже безъ всякихъ премій и поощрительныхъ мѣръ *улучшающихъ* суда латышскихъ крестьянъ—мореходцевъ, которые, со временъ открытія гайнажской школы, стали совершать морскіе рейсы до Голландіи и Англіи (въ прошлое лѣто даже до Америки), о чемъ они прежде и не думали. Подобные блистательные успѣхи, достижимые съ самыми ничтожными издержками въ пользу школы, едва ли возможно отрицать, особенно теперь, когда въ Курляндіи только-что (28 октября 1870 г.) открыта крестьянская мореходная школа въ деревушкѣ Гибке, гдѣ въ первый день нашелся 31 ученикъ изъ крестьянъ,—школа, которая обѣщаетъ такіе же блистательные результаты въ самомъ скоромъ времени. (Главный учитель въ Гибке, шкиперъ Шульцъ, родомъ латышъ, выдержалъ экзаменъ въ рижской нѣмецкой навигаціонной школѣ; его помощникъ, тоже латышъ,—воспитанникъ митавской «реальной» школы)

Digitized by Google

школьнаго образованія самымъ возможно дешевымъ образомъ для всѣхъ племенъ, обитающихъ на русскихъ прибрежіяхъ, то онъ вполнѣ правъ. При всемъ различіи условій въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ (важнѣйшіе рейсы до Англіи и пр. составляютъ изъ Чернаго моря дѣйствительно дальнее, изъ Балтійскаго же въ сущности лишь каботажное плаваніе), это требованіе одинаково неотлагательно для русскихъ, для эстовъ и латышей, казаковъ, татаръ, армянъ, грековъ и прочихъ. Первый милліонъ рублей, который правительство можетъ пожертвовать развитію русскаго торговаго мореплаванія, очевидно, долженъ быть употребленъ къ возвышенію уровня образованія нашихъ прибрежныхъ жителей съ помощью книгъ, брошюръ и высшихъ сельскихъ школъ, въ которыхъ, между прочимъ, сообщались бы морскія свѣдѣнія, какія собенно требуются смотря по мѣстности, племени и условіямъ торговли. Если затѣмъ правительство найдетъ возможнымъ израсходовать еще второй милліонъ, то это второе пожертвованіе должно послѣдовать въ пользу постройки судовъ парусного флота; лишь третій жертвуемый милліонъ могъ бы быть отчасти употребленъ для пароходовъ. Вотъ въ общихъ чертахъ наши требованія, составляющія, конечно, чистѣйшую ересь въ глазахъ не только многихъ черноморскихъ, но даже и петербургскихъ дѣятелей, требующихъ прежде всего поддержанія пароходства, проектирующихъ прежде всего мореходство до Китая, Индіи и Австраліи, между тѣмъ какъ они едва ли обращаютъ вниманіе на нашу невозможность имѣть торговый флотъ въ Петербургѣ для совершенія простыхъ рейсовъ до Англіи, Даніи и Франціи. Измѣненіе нашего плана можно предоставить лишь комитету, состоящему изъ профессоровъ народохозяйства, а никакъ не многоторонним приверженцамъ крѣпостничества у Чернаго моря. Комитетъ этотъ, какъ я вполнѣ убѣжденъ, поддерживалъ бы рѣшительнымъ образомъ изложенный здѣсь взглядъ въ общихъ его чертахъ, точно также какъ его поддерживаютъ безпристрастные пограничные учители навигаціонныхъ школъ (напр. въ Гамбургѣ директоръ Нибуръ, въ Копенгагенѣ—Шварцъ, въ Амстердамѣ—Ахенбахъ, въ Норвегіи—Билле и пр.), моряки и образованные помышленники. Еслибы намъ было возможно собрать самыхъ лучшихъ прибрежныхъ жителей изъ однихъ крестьянъ, или съ людей всѣхъ сословій—все равно, то этотъ комитетъ, сомнѣнія нѣтъ, высказался бы торжественнымъ образомъ въ пользу его плана. Вотъ мои авторитеты.

Digitized by Google

Теперь, слава Богу, наконецъ петербургское земство также высказалось за учрежденіе навигаціонныхъ школъ у прибрежій этой губерніи въ будущую зиму (о чемъ было говорено въ газетахъ за декабрь 1870 г.); вслѣдствіе сего открывается для русскихъ крестьянъ этой губерніи блистательная будущность, новая и небывалая эпоха въ ихъ промышленной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь будетъ возможно въ скорѣйшее время достигнуть самыхъ радостныхъ успѣховъ при самыхъ незначительныхъ пожертвованіяхъ со стороны земства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, министерства финансовъ, если будутъ приняты всѣ необходимѣйшія мѣры. Первый важнѣйшій шагъ долженъ состоять въ подготовленіи почвы. Нужно вызвать нѣкоторый энтузіазмъ къ дѣлу въ средѣ прибрежныхъ крестьянъ еще до организаціи этихъ школъ, обществъ и пр. Нужно ихъ потомъ сблизить съ латышами и эстами, совершающими уже теперь каботажные рейсы по всему Балтійскому морю и, въ новѣйшее время, даже до Голландіи, Англіи и далѣе. Этотъ энтузіазмъ вызвать не трудно, и потому успѣхъ легко можетъ быть самый поразительный. Такой успѣхъ возможенъ между низшими класами прибрежныхъ жителей Петербургской губерніи, потому что имъ весьма легко можно доказать особенную выгоду морскаго дѣла для русскаго люда въ самомъ Петербургѣ, въ сравненіи съ незнающими русскій языкъ и поэтому не знающими внутреннюю Россію съ ея торговлею—финнами и латышами, которые все-таки весьма легко выдерживаютъ конкурренцію съ иностранцами. Примѣръ близкихъ финскихъ и латышскихъ крестьянъ можетъ служить самымъ убѣдительнымъ примѣромъ для подкрѣпленія теоретическихъ доводовъ, къ которымъ, послѣднимъ впрочемъ, необразованный человѣкъ далеко не такъ недоступенъ, какъ обыкновенно полагаютъ. По крайней мѣрѣ, я могу здѣсь засвидѣтельствовать, что кромѣ заграничныхъ моряковъ, съ которыми (также какъ со многими учителями навигаціонныхъ школъ) я, съ моими теоріями, нахожусь въ полномъ согласіи, латышскіе крестьяне были изъ первыхъ, вполнѣ понявшихъ всю практическую важность и примѣнимость къ дѣлу моихъ теоретическихъ изложеній. То же самое мнѣ случилось встрѣчать въ 1868 г. у русскихъ прибрежныхъ жителей Ладожскаго и Онежскаго озера (хотя самое знакомство мое съ ними было еще весьма кратковременное и потому недостаточное для подробныхъ объясненій съ ними). Крупное же купечество,—все равно, нѣмецкаго ли, или русскаго происхожденія (съ немногими исключеніями),—

Digitized by Google

какъ въ Балтійскомъ краѣ, такъ и въ Петербургѣ, сначала оказывается весьма равнодушнымъ къ этому дѣлу, вѣроятно по тому, что наши купцы никакъ не могутъ усвоить себѣ мысль о самостоятельной предпріимчивости низшаго сословія на морѣ. Купцы же ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть непосредственными дѣятелями ни при извозномъ промыслѣ на морѣ, или на сушѣ, ни при земледѣльческомъ промыслѣ и пр., и потому оказывается необходимымъ расширять кругъ самостоятельности бѣдныхъ, низшихъ, промышленныхъ дѣятелей *), чтобы извлечь достаточную пользу не только всему государству, но, косвеннымъ образомъ, даже и самому крупному капиталисту. Но у насъ послѣдній, когда порядокъ вещей заведенъ такъ, чтобы мыслящій, но не богатый человѣкъ служилъ только слѣпымъ исполнителемъ идей купечества,—остается вполнѣ равнодушнымъ ко всему дѣлу. Правда, купцамъ нельзя ставить это въ вину. Не государственный интересъ, а личный есть и долженъ быть главнымъ руководителемъ стремленій частныхъ промышленниковъ. Частные промышленные дѣятели въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, также думаютъ лишь о своемъ личномъ обогащеніи; они стремятся къ осуществленію своей мысли не церемонясь, по первому удобнѣйшему пути. Рѣдко кто изъ нихъ отказывается, изъ чисто нравственныхъ побужденій, отъ обогащенія на счетъ государства, на счетъ другихъ своихъ согражданъ. Совершенно то же самое мы видимъ у насъ, въ Пруссіи, въ Австріи и проч. Для весьма многихъ биржевыхъ величинъ самый любимый тотъ министръ финансовъ, который имъ позволяетъ обогащаться на счетъ казны. Но громадная разница состоитъ именно въ томъ, что въ Англіи и Америкѣ почти каждый образованный человѣкъ хорошо понимаетъ главные принципы государственной экономіи и разумнаго народохозяйства, а у насъ подобные люди встрѣчаются весьма рѣдко. Въ Англіи такъ называемая

*) Въ разныхъ моихъ сочиненіяхъ (какъ, на пр., въ брошюрѣ: «Статистико-критическій обзоръ вопросовъ, касающихся торговаго флота Россіи». Москва, 1868 г., и въ книгѣ: «Какъ обезпечить будущность нашего морскаго дѣла». Москва, 1870 г. Оба сочиненія продаются въ Петербургѣ—у Базунова, въ Москвѣ—у Соловьева) доказано обстоятельно и подробно, что и почему теперь во всѣхъ краяхъ владѣніе торговыми судами переходитъ изъ рукъ крупныхъ въ руки самыхъ мелкихъ капиталистовъ. Такъ, на примѣръ, въ Мекленбургѣ уже ни одно судно не принадлежитъ какому нибудь крупному капиталисту, а во всей Германіи перешло $^3/_4$ всѣхъ судовъ въ руки мелкихъ владѣльцевъ, въ Норвегіи $^7/_8$, а въ Англіи болѣе половины всего торговаго флота.

Digitized by Google

англійская наука народнаго обогащенія, т. е., ученіе, изложенное впервые англичаниномъ Адамомъ Смитомъ, была объясняема молодежи, уже 20 лѣтъ тому назадъ, въ 4 тысячахъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Судя по этимъ даннымъ, мы смѣло можемъ полагать, что теперь въ Англіи, вѣроятно, уже въ 6 тысячахъ учебныхъ заведеніяхъ преподаются главные принципы народнаго обогащенія. Спрашивается: много ли у насъ заведеній, въ которыхъ распространено это полезное ученіе? Едва ли въ 60-ти, такъ какъ только въ нашихъ университетахъ и въ очень не многихъ частныхъ комерческихъ и реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподается упомянутое народохозяйственное ученіе. Независимо отъ школъ, въ Англіи существуютъ еще сотни популярныхъ, легко понятныхъ книгъ и книжекъ народохозяйственнаго содержанія. Самое это ученіе тамъ считается полезнымъ и понятнымъ какъ для рабочихъ, такъ и для студентовъ. У насъ, напротивъ, даже и высоко образованные люди (особенно офицеры) весьма часто не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о принципахъ раціональнаго народохозяйства *); знакомые же съ этими принципами составляютъ, кромѣ купцовъ, лишь весьма рѣдкое исключеніе. Необразованные крестьяне у насъ оказываются болѣе доступными этимъ ученіямъ (какъ ученіямъ справедливости относительно всѣхъ промышляющихъ), нежели большая часть крупныхъ промышленниковъ, привыкшихъ къ старымъ нашимъ порядкамъ. У насъ, на пр., офицеры весьма часто увѣрены въ возможности обогащенія народа на счетъ неистощимыхъ, по ихъ мнѣнію, средствъ министерства финансовъ, съ помощью организаціи промысловъ на военную ногу, на счетъ гарантіи казны, подъ командою офицеровъ и при безусловномъ повиновеніи низшихъ сословій, т. е. всего народа. Подобныя неосновательныя понятія, къ сожалѣнію, встрѣчаются даже въ русской печати, и нельзя не опасаться, что они пріобрѣтутъ даже нѣкоторое сочувствіе въ кружкахъ безпристрастныхъ людей, искренно желающихъ добра нашему отечеству.

Говоря чистосердечно, мы отнюдь не можемъ сѣтовать на корыстолюбіе нашихъ крупныхъ промышленниковъ, желающихъ у насъ, какъ и въ Англіи, Америкѣ и проч., при удобныхъ случаяхъ, обогатиться на счетъ казны или другихъ промышленныхъ класовъ. Напротивъ того, мы должны признавать ихъ умѣрен-

*) Бѣда той губерніи, гдѣ губернаторъ, хозяинъ губерніи, ничего не знаетъ объ этомъ ученіи.

Digitized by Google

ность. При столь поразительномъ отсутствіи здраваго понятія о народномъ хозяйствѣ у насъ, въ средѣ образованнаго класа, они, въ случаѣ неумѣренности, могли бы разорить несравненно больше наши финансы и поставить къ позорному столбу передъ Европой не только наши заботы объ учрежденіи торговаго флота въ Россіи,—заботы, вслѣдствіе которыхъ Россія положила нѣсколько тысячъ милліоновъ въ финскомъ болотѣ, учреждая столицу на устьяхъ рѣки Невы и достигая уже того результата, что послѣ 160 лѣтнихъ неутомимыхъ стараній тамъ уже существуетъ почти десятокъ русскихъ торговыхъ судовъ. Они, т. е., вліятельные изъ нашихъ крупныхъ дѣятелей, могли бы даже поставить въ такое же положеніе всѣ наши промышленныя дѣла вообще и истощать естественныя богатства громадной Россіи, не смотря на то, что эти богатства во всемъ свѣтѣ признаются самыми *неистощимыми*. Лишь здравый тактъ этихъ вліятельныхъ промышленниковъ заставилъ ихъ оказаться, относительно столь умѣренными. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что наше министерство финансовъ въ послѣднее время весьма дѣятельно поддерживаетъ этотъ духъ умѣренности. Въ этомъ отношеніи намъ остается лишь благодарить министерство финансовъ и желать ему успѣха. Но, въ виду неотлагательной необходимости торговаго флота для насъ, не вѣроятно, чтобы желаемый успѣхъ упрочился на долгое время, если министерство не рѣшится разъ навсегда пожертвовать хоть самую умѣренную сумму въ пользу всего нашего торговаго флота на *всѣхъ* нашихъ прибрежьяхъ и для всѣхъ дѣятелей,—сумму, которая доставила бы всѣмъ соотвѣтствующую выгоду подъ контролемъ вполнѣ компетентнаго ученаго комитета и по мѣрѣ средствъ, которыя г. министръ находитъ возможнымъ вообще пожертвовать въ пользу этого, столь необходимаго для Россіи промысла. Но если ничто не будетъ назначено для столь *полезныхъ* цѣлей, то непремѣнно придется не только нѣчто, но *весьма много* пожертвовать для весьма *безполезныхъ* или даже *вредныхъ* цѣлей. Найдутся дѣятели, могущіе весьма ловко пользоваться даже нашими безпрерывными воплями насчетъ русскаго мореходства для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Въ этомъ случаѣ весь нашъ неутомимый трудъ въ пользу русскаго мореплаванія обратится во вредъ русскому мореплаванію и финансамъ государства.

Х. Вольдемаръ.

Digitized by Google

БОЛГАРЕ

И

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ПАТРІАРХІЯ.

Въ 870 г., на константинопольскомъ соборѣ, положено было прочное основаніе для самостоятельной славянской церкви въ Болгаріи. Принявшій христіанскую вѣру лѣтъ за десять передъ тѣмъ, болгарскій государь Борисъ-Михаилъ, глядя на ожесточенную борьбу между Римомъ и Византіею изъ-за новопросвѣщенной болгарской паствы, сталъ страшиться духовнаго подчиненія своей обширной державы какъ Риму, такъ и Византіи. Въ душѣ его созрѣла мысль о независимой болгарской церкви,—мысль, осуществленіе которой обличаетъ въ немъ глубокое пониманіе римско-византійской распри. «Когда на соборѣ въ Константинополѣ легаты папскіе и апоклисаріи византійскіе, въ присутствіи посланниковъ болгарскихъ, препирались о томъ, римскія или византійскія будутъ духовныя дѣти Иллирика; когда взаимные упреки готовы были вспыхнуть взрывомъ раздора,—тогда изъ глубины Болгаріи пронесся въ отвѣтъ всенародный голосъ: не римскія и не византійскія, но славянскія. Этотъ голосъ вѣщалъ, что роковое слово Бориса-Михаила было произнесено: славянская православная церковь, славянское богослуженіе—вотъ это завѣтное слово, которымъ ознаменовался 870 годъ». Такими словами професоръ Григоровичъ изобразилъ это громадное въ исторіи славянъ событіе, въ день тысящелѣтней его годовщины.

Digitized by Google

Внимая голосу Бориса, восточные отцы собора поставили Болгаріи совершенно самостоятельнаго, по внутреннему строенію болгарской церкви, архіепископа, который въ скоромъ времени былъ почтенъ и званіемъ патріарха. Такое рѣшеніе восточныхъ іерарховъ вызвало сильный протестъ со стороны римскаго первосвященника, ни за что не соглашавшагося выпустить изъ рукъ новопросвѣщенныхъ болгаръ,—протестъ, который повелъ за собою раздѣленіе *христіанской церкви* на двѣ враждебныя половины. Вотъ какимъ великимъ въ исторіи церкви событіемъ сопровождалось основаніе славянской церкви въ Болгаріи и упроченіе слявянскаго богослуженія.

Съ славянскою церковью, съ славянскимъ богослуженіемъ слилась нераздѣльно съ тѣхъ поръ болгарская народность: и церковь и богослуженіе, купно съ народностію, восходили на вершину могущества и славы и не разъ стояли у болгарской народности на стражѣ въ годины тяжкихъ испытаній. Но вотъ болгарскій народъ постигаютъ потрясенія, среди которыхъ цѣпенѣетъ его сознаніе, и народная его церковь дѣлается достояніемъ константинопольской патріархіи, которая лишила его и славянскаго богослуженія. Болгарская народность, потерявъ священнѣйшія свои достоянія, подъ охраною которыхъ всегда двигалась и жила, вскорѣ очутилась на краю совершеннаго исчезновенія, какъ вдругъ ее оживила ожившая въ ней завѣтная мысль Бориса. «Славянское богослуженіе, славянская народная церковь!» — снова разнесся голосъ надъ Болгаріею; ровно черезъ тысячу лѣтъ снова выступилъ вопросъ о болгарской церкви, который,—замѣчательное совпаденіе!—фактически былъ рѣшенъ наканунѣ тысящелѣтней годовщины основанія болгарской церкви и упроченія славянскаго богослуженія.—Не менѣе достойны примѣчанія и послѣдствія, которыя угрожаютъ ознаменовать и нынѣшнее рѣшеніе этого вопроса. Первое рѣшеніе его, какъ извѣстно, повлекло за собою раздѣленіе христіанской царкви на западную и восточную, нынѣшнее же его рѣшеніе грозитъ раздѣленіемъ православной церкви на славяно-румынскую—для русскихъ, болгаръ, сербовъ и румыновъ, и греческую—для грековъ и другихъ православныхъ народцевъ Малой Азіи и Египта.

15 слишкомъ лѣтъ болгарскій народъ всею силою своей воли требуетъ отъ патріархіи возвращенія ему славянскаго богослуженія и возстановленія народной его церкви; но патріархія не внемлетъ этимъ требованіямъ, выдавая ихъ за противорѣчащія

Digitized by Google

духу христіанскаго ученія. Наконецъ турецкое правительство, фирманомъ отъ 28-го февраля 1870 года, дозволило болгарамъ имѣть свое народное высшее духовенство, свое особенное церковное управленіе, что̀ они и приняли съ благодарностію. Патріархія протестуетъ противъ этого распоряженія турецкаго правительства и сзываетъ вселенскій соборъ противъ *безумія* болгаръ: всѣ находящіяся подъ вѣдомствомъ грековъ автокефальныя церкви привѣтствуютъ мысль патріарха и изъявляютъ готовность явиться на предполагаемый соборъ, заранѣе осуждая при этомъ требованія болгаръ. Русская же, сербская и румынская церкви находятъ вселенскій соборъ по такому вопросу неумѣстнымъ,— онѣ не раздѣляютъ мнѣнія греческихъ іерарховъ объ антиканоничности болгарскихъ желаній; до нѣкоторой степени онѣ какъ будто и оправдываютъ появленіе султанскаго фирмана, хотя, въ сущности, и не признаютъ никакого права за надишахомъ рѣшать подобные вопросы однимъ своимъ фирманомъ. А между тѣмъ въ Константинополѣ уже засѣдаетъ народное болгарское собраніе, которое занимается разсмотрѣніемъ проекта устава внутренняго управленія болгарской церковной области и обсужденіемъ мѣръ къ приведенію его въ исполненіе. Скоро оно кончитъ свои работы, послѣ чего, надобно ожидать, немедленно обратится къ вселенскому патріарху за признаніемъ возродившейся болгарской церкви. Что отвѣтитъ тогда патріархъ, заранѣе объявляющій болгаръ чуть ли не раскольниками? Какъ отнесутся къ его отвѣту прочіе греческіе іерархи, высказавшіе такой же взглядъ на дѣйствіе болгаръ? Какъ отнесутся, наконецъ, къ послѣднему слову патріарха по этому дѣлу святѣйшій синодъ русскій, митрополитъ сербскій, примасъ румынскій? Вотъ какое любопытное положеніе приняла въ послѣднее время распря болгаръ съ константинопольскою патріархіей. Недавно обнародованы два новыхъ документа по этой распрѣ: посланіе вселенскаго патріарха на имя святѣйшаго синода и отвѣтъ послѣдняго на оное. Мы воспользуемся появленіемъ ихъ, чтобы сказать нѣсколько словъ къ уясненію нѣкоторыхъ и доселѣ хорошо не уясненныхъ сторонъ этой распри, къ раскрытію самой сущности ея, которая, судя по тому, что недавно еще говорилось о ней въ нѣкоторыхъ весьма почтенныхъ русскихъ журналахъ, видно, не совсѣмъ ясно понимается русскою читающей публикой.

Обнародованные нынѣ документы содержатъ второй обмѣнъ мыслей между патріархомъ Григоріемъ VI и святѣйшимъ сино-

Digitized by Google

домъ по греко-болгарскому вопросу. Первый происходилъ два года тому назадъ, въ 1868 году, когда султанское правительство, видя безплодность всѣхъ попытокъ патріарха удовлетворить болгаръ, нашло нужнымъ вмѣшаться въ церковную распрю своихъ подданныхъ и представило имъ два проекта для разрѣшенія столь шумнаго вопроса. Новый фазисъ, въ которомъ такъ неожиданно для патріарха очутился вопросъ, навелъ его на мысль представить это дѣло вселенскому собору; съ этою цѣлью онъ обратился тогда съ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ автокефальнымъ православнымъ церквамъ, прося ихъ согласія на созваніе собора. Церкви: іерусалимская, александрійская, антіохійская, кипрская и эллинскаго королевства *поспѣшили привѣтствовать* мнѣніе патріарха *о необходимости* разрѣшить распрю на вселенскомъ соборѣ, высказывая при этомъ мнѣніе въ сущности такого рода: «всѣ требованія болгарскаго общества (кромѣ заявленія о необходимости имѣть каждой паствѣ пастыря, говорящаго на одномъ съ нею языкѣ), какъ постоянно противорѣчащія церковному закону по положенію и уничтожающія церковное единство, рѣшительно не могутъ имѣть практическаго приложенія». Иначе отвѣтила церковь русская. Указывая на полное право вселенскаго патріарха—не только дѣлать болгарамъ такія или другія уступки, но признать даже по своей волѣ и полную независимость болгарской церкви, святѣйшій синодъ находилъ вселенскій соборъ по болгарскому вопросу совершенно излишнимъ. Осуждая при этомъ болгаръ, если они, ухватившись за означенные проекты турецкаго правительства, стали бы домогаться образовать отдѣльную церковь безъ соизволенія патріарха, святѣйшій синодъ въ то же самое время заявилъ, что если не всѣ, то нѣкоторыя желанія ихъ суть желанія самыя естественныя, основательныя и законныя, и что вселенскій патріархъ призывается своимъ пастырскимъ долгомъ удовлетворить, по возможности, этимъ желаніямъ.

Прошло два года; патріархія не могла удовлетворить требованіямъ болгаръ, а между тѣмъ турецкое правительство, чтобы положить конецъ безпорядкамъ, столько лѣтъ уже нарушающимъ гражданское спокойствіе въ значительной части имперіи изъ-за этого вопроса, нашло нужнымъ рѣшить его помимо патріарха, однимъ султанскимъ фирманомъ. Немедленно по обнародованіи этого фирмана, 28-го февраля 1870 года, болгары учредили коммисію для составленія проекта устава болгарской церкви и на-

Digitized by Google

чали дѣлать приготовленія къ созванію народнаго собранія для пересмотра и подтвержденія этого устава.—Въ виду такихъ происшествій, патріархъ снова обращается къ святѣйшему синоду съ только-что обнародованнымъ посланіемъ, въ которомъ онъ подробно излагаетъ весь ходъ болгарскаго вопроса за послѣдніе два, три года и ставитъ на видъ то безвыходное положеніе, въ которое поставила его столь рѣшительная мѣра турецкаго правительства. Изложеніе патріарха во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ серьезнѣйшаго вниманія, и мы почитаемъ необходимымъ обстоятельнѣе познакомить съ нимъ читателей. Изъ этого изложенія мы узнаемъ, что, по полученіи отвѣтовъ на первое окружное свое посланіе, патріархъ, вопреки совѣту святѣйшаго синода, рѣшился принять выжидательное положеніе. «Не желая, говоритъ онъ, тогда же и безъ всякаго приготовленія предпринимать что либо новое касательно превозлюбленныхъ о Христѣ чадъ, рѣшили было, предоставивъ всеч еловѣколюбивому и всемогущему Богу, хранить спокойствіе, въ предположеніи, что, быть можетъ, по озаренію божественной благодати, или племенной сепаратизмъ, обдумавшись и перемѣнивъ свои намѣренія, обратится на путь болѣе правильный, или же, по крайней мѣрѣ, народолюбивое державное правительство, изъ сожалѣнія къ нравственно упавшимъ и ослабѣвшимъ своимъ подданнымъ, болгарамъ по происхожденію и языку, уврачуетъ болѣзнь дѣйствительнымъ лекарствомъ». Племенной сепаратизмъ, однако, не только не перемѣнилъ своихъ намѣреній и не обратился на путь болѣе правильный, но дошелъ до того, что сталъ считать «необходимымъ разрушать и совершенно уничтожать,—насиліемъ ли то, или коварствомъ,—всякій церковный или правительственный оплотъ, стоящій на дорогѣ ихъ замысламъ». На берегу Босфора, въ мѣстечкѣ Месахорѣ (Ортакёй), составилось *беззаконное сборище* изъ 9-ти свѣтскихъ болгаръ и трехъ архіереевъ *по одѣянію и названію*. Они стали дѣйствовать оттуда всякими низкими средствами, заискивая повсюду расположеніе народа. Ухватившись за извѣстные проекты турецкаго правительства, какъ за какую-то находку, издали ихъ въ печати и въ тысячахъ экземпляровъ разослали по Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи, настойчиво увѣряя, что вопросъ разрѣшенъ согласно желанію. Благодаря *позорнымъ средствамъ*, пущеннымъ въ ходъ *этимъ скопищемъ*, означенныя страны сдѣлались зрѣлищемъ грустныхъ картинъ: насмѣшекъ, колкостей, наглыхъ выходокъ, соблазнительныхъ дѣйствій, кощунственныхъ сборищъ

Digitized by Google

и т. п. Подвѣдомственные патріаршему престолу митрополиты во Ѳракіи и Македоніи приглашены присоединиться немедленно къ *беззаконному сборищу* въ Ортакёй, и тѣмъ, которые не повиновались этому призыву, угрожало страшное преслѣдованіе, даже *пытки,*— такъ что эти пастыри принуждены были скрываться въ какомъ нибудь уголкѣ своего округа, или же отправиться въ столицу, *чтобы сохранить тѣло, данныя ими клятвы, свою совѣсть и православіе.* Бывало и такъ, что нѣкоторые изъ этихъ пастырей *волею-неволею погрязли въ тину болгаризма, лишь бы избавиться отъ опасности и пытокъ.* Кто изъ сихъ послѣднихъ былъ человѣкомъ болѣе поверхностнымъ, тѣ немедленно отправлялись въ Константинополь и присовокуплялись къ сборищу въ Ортакёй. Сборище это разсылало по епархіямъ своихъ приверженцевъ (изъ духовныхъ), которые возбуждали простой и незлобивый народъ къ возстанію и рукополагали священниковъ изъ своего племени и пр. Изложеніе этихъ неистовствъ болгаризма патріархъ заканчиваетъ слѣдующею картиною: «И вотъ, можно было видѣть, какъ избранница Господня постоянно и съ разныхъ сторонъ подвергалась опустошительнымъ нападеніямъ и ограбленіямъ со стороны разбойниковъ, которые, имѣя видъ пастырей, обманывали чужія паствы; какъ разнаго рода лжесвященники сочетавали бракомъ и расторгали всякаго встрѣчнаго, налагали епитиміи и разрѣшали, кому пришлось; какъ они крестили (увы!) въ лужахъ и болотахъ, такъ какъ св. купели находились въ распоряженіи законныхъ священниковъ, и вмѣсто божественнаго мѵра помазывали обыкновеннымъ елеемъ; какъ шарлатаны изъ мірянъ исполняли всѣ священническія требы, облекаясь въ ихъ одежды, и какъ обманщики народа, при помощи денегъ, достигали званія священнослужителей церкви»...

Затѣмъ патріаршее посланіе продолжаетъ:

Въ виду этихъ фактовъ, совершающихся ежедневно, патріархія рѣшилась выйти изъ принятаго ею выжидательнаго положенія и прибѣгнуть къ дѣятельности. Что же она предприняла? Прежде всего патріархъ издалъ два окружныя церковныя посланія, отъ 2-го и 7-го декабря 1868 года, ко всѣмъ подвѣдомственнымъ его престолу митрополитамъ, епископамъ и прочимъ христіанамъ, увѣщевая ихъ остаться твердыми въ истинномъ порядкѣ дѣлъ и ожидать вмѣстѣ съ церковію собранія вселенскаго собора. Затѣмъ, для обузданія болгарскихъ неистовствъ, онъ препроводилъ къ верховному министру три такриры (отноше-

Digitized by Google

нія) отъ 3, 13 и 20 того же мѣсяца и года*), «стараясь въ нихъ привести на мысль его мудрости, какъ ничтожны сами по себѣ привиллегіи и бераты (грамоты), церковныя правила и государственные законы, разумность и теоретическая справедливость для людей невѣжественныхъ и безпокойныхъ». Въ этихъ такрирахъ изображались соблазнительныя дѣйствія и безпорядки приверженцевъ болгаризма въ Константинополѣ и по епархіямъ, въ виду которыхъ патріархъ усердно просилъ о скорѣйшей и надлежащей защитѣ и покровительствѣ. Не смотря на то, что такриры, по своему содержанію, имѣли важное значеніе, онѣ не были однако удостоены письменнаго отвѣта. Но, при личномъ посѣщеніи патріархомъ министерства, 31-го декабря 1868 г., оно словесно сообщило ему, что высокая Порта, обнародовавъ два сказанные проекта, отнюдь не объявляла этимъ болгарскаго вопроса окончательно рѣшеннымъ. При этомъ министерство успокоило патріарха, обѣщавъ ему подвергнуть наказанію всякаго, кто усмотрѣнъ будетъ въ совершеніи чего либо противнаго правительственнымъ намѣреніямъ, на что обращали вниманіе патріаршія такриры. При этомъ же случаѣ министръ спросилъ, нельзя ли вмѣсто того, чтобы созывать вселенскій соборъ, обратиться къ тому проекту, который въ 1867 году былъ сообщенъ патріархомъ въ верховный совѣтъ. По этому проекту предполагалось образовать болгарскій экзархатъ, обнимающій пространство отъ Дуная до Емоса, *что и составляетъ собственно Болгарію*. Архіепископія эта должна была зависѣть отъ Константинополя и заключать въ себѣ опредѣленное число митрополій и епископій; внутренними дѣлами управлять посредствомъ областнаго синода и употреблять при богослуженіи тотъ языкъ, какой признанъ будетъ болѣе удобнымъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ находиться подъ наблюденіемъ вселенскаго патріарха, который утверждаетъ и защищаетъ законность екзарха и подвѣдомыхъ ему митрополитовъ въ отношеніи церковномъ и гражданскомъ. Министръ обращалъ вниманіе на тотъ проектъ не

*) Здѣсь въ изложеніи патріаршаго посланія оказывается противорѣчіе, которое мы, имѣя въ виду только простую передачу содержанія сего посланія, не сочли себя вправѣ исправлять. Но отмѣтить его считаемъ не лишнимъ. По смыслу посланія, надобно было ожидать, что на эти мѣры патріархія рѣшилась по полученіи уже отвѣтовъ на первое окружное посланіе къ автокефальнымъ церквамъ, а между тѣмъ мы видимъ, что онѣ приводятся въ исполненіе въ декабрѣ 1868 года, когда только-что было разослано окружное посланіе и никакого отвѣта еще не было.

Digitized by Google

просто, но подъ условіемъ уступить нѣчто и измѣнить или преобразовать въ пользу экзархата. Патріархъ отвѣтилъ, что не невозможно и это, ради мира. Вслѣдъ затѣмъ императорское правительство назначило коммисію изъ шести человѣкъ,—по три человѣка изъ грековъ и болгаръ, —которая, подъ предсѣдательствомъ самого великаго визиря, приступила къ составленію проекта, удобопріемлемаго для той и другой стороны, принявши въ основаніе означенный проектъ патріарха. Составивъ такой проектъ, коммисія послала двухъ изъ своихъ *не-болгарскихъ* членовъ подвергнуть оный на обсужденіе патріарха и узнать, погрѣшаетъ ли въ чемъ этомъ проектъ съ канонической точки зрѣнія. Имъ было отвѣчено, что онъ канонически несостоятеленъ и съ основаніями патріаршаго проекта не согласенъ. Спустя около мѣсяца, эти же самыя лица пришли съ другимъ проектомъ, *представляющимъ, по видимому, меньше недостатковъ*. Они просили и умоляли его святѣйшество прочитать оный со вниманіемъ и откровенно объяснить его высочеству, если въ этомъ проектѣ найдется что либо противное канонамъ. Патріархъ, хотя и протестовалъ противъ составленія коммисіи и объявилъ заранѣе, что результаты ея, если они окажутся и правильными, не будутъ имѣть обязательной силы для него,—нашелъ, однако, умѣстнымъ представить этотъ новый проектъ ея на разсмотрѣніе синода, гдѣ въ два засѣданія онъ былъ изслѣдованъ и снабженъ, относительно важнѣйшихъ пунктовъ его, весьма подробными замѣчаніями и поправками. По неотступной просьбѣ все тѣхъ же двухъ членовъ коммисіи, его святѣйшество рѣшился отправиться къ великому визирю и лично изъяснить ему воззрѣнія синода на этотъ проектъ. Между ними произошелъ разговоръ, повергшій патріарха въ огорченіе. Его высочество, внимательно выслушавъ разъясненія и возраженія патріарха, крѣпко держа передъ собою бумагу съ проектомъ коммисіи, немедленно высказалъ, сколько благородно, столько же рѣшительно и краснорѣчиво, «что султанское правительство, видя себя въ необходимости разрѣшить болгарамъ исполнять религіозныя дѣла ихъ, какъ они знаютъ и какъ хотятъ, ни на кого другаго не возлагаетъ отвѣтственности за послѣдствія, кромѣ какъ на ромейскую (греческую) патріархію, и впредь не будетъ обращать вниманія, если за тѣмъ она стала бы плакаться и жаловаться во всеуслышаніе на безпорядки и нестроенія среди болгаръ». На возраженіе патріарха визирь возразилъ съ своей стороны, что ромейская патріархія, въ виду совершившагося факта отнаденія отъ нея болгаръ,

Digitized by Google

должна бы послѣ этого факта заботиться не о томъ, чѣмъ наказать ихъ, но о томъ, какъ бы устроить дѣло мѣрами болѣе церковнаго характера. Это происходило 1-го іюня 1869 года: а въ послѣдній день февраля 1870 года, въ патріархію принесенъ фирманъ, который въ 11-ти пунктахъ заключаетъ постановленія объ организаціи и устройствѣ болгарскаго экзархата. 21-го марта собранъ былъ въ патріархіи по сему случаю синодъ, который, по строгомъ обсужденіи дѣла, единогласно положилъ: *великому визирю отвѣчать со свойственною въ церковныхъ дѣлахъ смѣлостію.* Для успокоенія же ропота и возмущеній, возникшихъ въ епархіяхъ съ обнародованіемъ фирмана, издано окружное посланіе, гдѣ патріархъ прямо высказалъ, что вопросъ болгарскій имѣетъ быть разрѣшенъ самою церковію, но никакъ не государственнымъ фирманомъ. Между тѣмъ полученъ отъ великаго визиря отвѣтъ, оставить безъ вниманія который казалось опаснымъ, а отвѣчать было не совсѣмъ-то удобно и пріятно. «Ибо трудно выяснить всю важность божественныхъ догматовъ и священныхъ каноновъ иновѣрному министру и при выясненіи быть имъ понятымъ, когда сами именующіе себя пастырями болгаризма и состарѣвшіеся въ православіи оказываются въ высшей степени неспособными, чтобъ уразумѣть неизмѣнность богоначертанныхъ отеческихъ постановленій». Но такъ какъ, во всякомъ случаѣ, нужно было отвѣчать, то и былъ данъ отвѣтъ, послѣ котораго, однако, его высочество совершенно замолкъ, а между тѣмъ собравшееся въ Ортакёй болгарское «скопище», увѣренное уже въ побѣдѣ, всячески старалось примѣнить къ дѣлу высочайшій фирманъ; въ самомъ Константинополѣ оно образовало изъ мірянъ и духовныхъ лицъ народную учредительную коммисію для составленія особаго уложенія по управленію церковными и народными ихъ дѣлами. Четверо изъ членовъ сей коммисіи, *по какой-то странности*, не замедлили даже прійти просить патріаршаго утвержденія и благословенія на оконченное уже и императорскимъ фирманомъ признанное ихъ святое дѣло... Видя все это и не находя болѣе никакой возможности защитить патріаршую каѳедру отъ причиняемыхъ ей неправдъ, патріархъ два раза обращался къ правительству съ просьбой, чтобъ оно согласилось на созваніе вселенскаго собора, или приняло отреченіе его святѣйшества отъ патріаршаго престола. Визирь отвѣтилъ на обѣ бумаги весьма благосклонно, но не согласно съ выраженнымъ въ нихъ желаніемъ: онъ завѣрялъ только, что всякое нарушеніе порядка и злоупотреб-

Digitized by Google

леніе, о коемъ ему донесено, онъ устранитъ и исправитъ. «Таковы, говорится въ заключеніе патріаршаго письма, и симъ подобныя бѣдственныя и плачевныя явленія, проистекающія изъ возмущенія и безумія болгаръ; таковы и употребляемые со стороны великой Христовой церкви, вполнѣ разумные (какъ намъ кажется) и согласные съ канонами, пріемы невольной защиты противъ людей, которые, по ихъ словамъ, имѣютъ *образъ благочестія, силы же его отверглись*, какъ показываютъ ихъ злонамѣренныя дѣянія». Далѣе, обращая вниманіе святѣйшаго синода на все изложеніе дѣла, равно какъ и на документы, приложенные къ сему письменному извѣщенію, *которые покажутъ и изобличатъ противный православію антиканоническій духъ болгаризма*, патріархъ продолжаетъ: «сообщите намъ, какъ вамъ кажется относительно всего настоящаго дѣла, истинно ли и справедливо мы судимъ и говоримъ, согласуемся ли съ духомъ евангелія и святыхъ вселенскихъ соборовъ».

Таково содержаніе патріаршаго посланія. Мы находимъ нужнымъ предложить здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу этого письма, которыя, какъ намъ кажется, тѣмъ необходимѣе, что безъ нихъ отвѣтъ святѣйшаго синода на это посланіе можетъ показаться не совсѣмъ понятнымъ для тѣхъ, кто не близко знакомъ съ греко-болгарскою распрей.

1. Въ посланіи патріарха насъ прежде всего поражаетъ совершенное непониманіе имъ болгарскаго вопроса, который онъ все еще продолжаетъ считать совершенно новою затѣей немногочисленной шайки честолюбцевъ, корыстныхъ людей, дѣломъ *беззаконнаго сборища, скопища*. Читая въ посланіи патріарха, что̀ только творитъ это скопище въ Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи, можно подумать, что люди, составляющіе его, обладаютъ какою-то сверхъестественною силой, ибо не понятно, какимъ образомъ, пребывая сами на берегу Босфора, они могутъ такъ быстро приводить въ такое волненіе столь обширныя области турецкой имперіи. Вопросъ этотъ не такъ новъ для болгаръ, какъ полагаетъ патріархъ: онъ ведетъ свое начало съ того самаго момента, какъ была уничтожена болгарская патріархія въ Терновѣ, и достояніе ея сдѣлалось достояніемъ константинопольскаго патріарха, что̀ случилось въ XV вѣкѣ. Нельзя думать, что тогдашніе болгаре оставались равнодушными зрителями попранія ихъ древней народной церкви. Рагужанинъ Павелъ Георгичъ, прожившій въ концѣ XVI вѣка нѣсколько лѣтъ въ Болгаріи и отлично ознакомившійся съ болга-

Digitized by Google

рами, свидѣтельствуетъ, что они были сильно раздражены противъ грековъ и ненавидѣли ихъ чуть ли не наравнѣ съ турками, sono nemici de Turchi, niente amici de greci.—Въ концѣ XVII вѣка, мы находимъ между болгарами стремленіе отложиться отъ константинопольской церкви и присоединиться къ русской,—стремленіе, которое не могло осуществиться только благодаря той политической обстановкѣ, въ которой находился тогда народъ болгарскій.—Въ половинѣ XVIII вѣка, появилась на болгарскомъ языкѣ книга, написанная іеромонахомъ Паисіемъ, котораго болгаре справедливо ставятъ во главѣ своего возрожденія. Вся книга есть жалобный вопль противъ греческой духовной власти, окончательно убившей болгарскую народность. Вотъ, между прочимъ, что говорится въ этой книгѣ: «Когда узели и попрали турцы Болгарія, тогда патріарси цароградски съ турская помощь и насиліе освоили терновская патріаршія подъ своя власть и, на пакость и злоба, что имѣютъ на болгары, еще исперво время не поставляютъ отъ болгарскаго языка епископи болгаромъ, но все отъ гречески языкъ, и не радатъ отнюдь за болгарски школи или ученіе, но обращаютъ все на гречески языкъ; за то су остали болгари прости и не учени и не искусни писаніемъ. Тая вина болгаромъ отъ греческая духовная власть приходитъ и много насиліе неправедно отъ гречески владыки терпитъ во сія времена... Но они архіереи, что съ турска сила творатъ болгарамъ велика обида и насиліе,—они по свое дѣло и безсовѣстіе воспріимутъ мзду свою отъ Бога....» Въ другомъ мѣстѣ Паисій замѣчаетъ, что въ его время многіе сербы и русскіе «ругались болгаромъ, за что су прости и не книжни въ писаніи». Онъ старается многими доказательствами доказать всю неумѣстность сего ругательства и кончаетъ слѣдующими словами: «но они руси и сербіе да благодарятъ Бога, что ги (ихъ) е покрылъ отъ попраніе агарянское и отъ греческая власть архіерейская. Да су они (еслибы они) то мало искусили, то бы весма болгаромъ благодарили, что въ толико страданіе и насиліе держатъ свою вѣру непремѣнно».

Книга іеромонаха Паисія издана была по древнему способу, въ рукописи, такъ какъ книгопечатанія не существовало тогда еще для болгаръ; тѣмъ не менѣе, однако, она имѣла громадный успѣхъ: намъ извѣстны нѣсколько разныхъ ея списковъ, въ концѣ которыхъ находятся приписки разныхъ читателей,—приписки, свидѣтельствующія о повсемѣстномъ распространеніи этого сочиненія между болгарами, и о томъ сильномъ, невыразимомъ впечатлѣніи,

Digitized by Google

оторое она производила на читателей. Судя по одной изъ этихъ рописокъ, въ нѣкоторыхъ болгарскихъ городахъ смотрѣли на это очиненіе какъ на священную книгу, которую хранили въ церкахъ вмѣстѣ съ церковною святынею. Къ концу прошлаго вѣка амѣчательная эта книга сдѣлалась предметомъ передѣлокъ, въ оторыхъ жалобный вопль Паисія преобразился въ страшное неодованіе противъ греческой іерархіи. Одна изъ такихъ передѣлокъ оявилась и въ печати въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; изъ другой професоръ Ламанскій недавно обнародовалъ ѣсколько отрывковъ въ «Журналѣ министерства народнаго провѣщенія» (въ сентябрьской книгѣ 1869 г.). Въ одномъ изъ этихъ грывковъ, гдѣ расказывается о времени втораго разоренія Болріи, говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Патріархъ нѣкто цареградскіи, аду наслѣдникъ, діаволу другъ, горый Іуда, новый Арія, ошелъ (пошелъ) при царя Селима на оклоненіе и сказалъ ему: царю многолѣтній, есть твои подданицы болгарскій родъ, соровы человѣцы, въ бранѣхъ непобѣдиміи, аще не смиришъ ихъ до конца, то паки востанутъ на тебе возмутъ землю свою отъ тебе, но да разоришъ начальныя мѣста къ и градоначальниковъ ихъ, и тогда будешъ миренъ отъ брани». огда де послѣдовало конечное разореніе болгарской земли. «Тогда терновская патріаршія огнемъ сожигоша и патріарха мечемъ клаша». «Патріарси же цариградски съ турска помощь и насиемъ освоили тогда терновская патріаршіа подъ свою власть». ы далеки отъ мысли выдавать это сказаніе за историческое свительство, тѣмъ не менѣе, однако, оно заслуживаетъ особеннаго иманія, какъ преданіе, ходившее между болгарами и характезующее настроеніе ихъ умовъ относительно константинопольой патріархіи. Что болгаре не предпринимали тогда никакихъ ръ къ возстановленію своей церкви, это объясняется весьма гко, если взять во вниманіе то безотрадное, безапелляціонное ложеніе ихъ, въ какомъ они находились до парижскаго трактта. До этого времени всѣ свои невзгоды, обиды, жалобы они лжны были представлять правительству не иначе, какъ чрезъ средство своихъ епископовъ, митрополитовъ, или же чрезъ поедство самого вселенскаго патріарха. При такомъ порядкѣ вещей, ъ ничего не оставалось дѣлать, какъ глубоко таить въ себѣ все ое раздраженіе противъ греческой духовной власти. До какой ругости оно дошло наконецъ, это яснѣе всего показываетъ та ла, съ которою оно прорвалось наружу, какъ только предста-

Digitized by Google

вилась къ тому возможность, хотя и не совсѣмъ полная. Немедленно по обнародованіи хатти-хамайюна, которымъ турецкое правительство обязалось, по парижскому трактату, ввести равноправность въ своей имперіи, со всѣхъ концевъ болгарской земли стали получаться въ патріархіи прошенія, длина которыхъ измѣрялась аршинами. Въ этихъ прошеніяхъ, подъ которыми насчитывали тысячи и десятки тысячъ подписей, болгаре, излагая всѣ злоупотребленія и кривды, которыя они терпятъ отъ греческихъ архіереевъ, просили объ ихъ смѣнѣ и о замѣщеніи ихъ достойными пастырями, пастырями народными, слово которыхъ они могли бы понимать, и которые бы не занимались преслѣдованіемъ славянскаго языка и *обращеніемъ всего на греческій языкъ*. Патріархія оставила безъ вниманія эти прошенія, а между тѣмъ архіереи, противъ которыхъ были писаны эти жалобы, съ помощію мѣстныхъ властей, начали преслѣдованіе противъ болѣе выдающихся болгаръ, вліянію которыхъ они приписывали все это движеніе противъ себя. Нѣкоторымъ изъ нихъ они успѣли жестоко отомстить, уготовавъ имъ продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ или ссылку. Начались открытыя возстанія для изгнанія ненавистныхъ пастырей. Единовременно во многихъ болгарскихъ городахъ многочисленныя толпы, состоящія преимущественно изъ женщинъ (мужчинамъ очень часто дорого обходилось участіе въ подобныхъ демонстраціяхъ: по распоряженію архіереевъ, мѣстныя власти брали подъ арестъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и ссылали), начали осаждать дома архіереевъ и требовали ихъ удаленія; во многихъ городахъ купцы и продавцы всякаго рода составляли стачки не продавать ничего, особенно съѣстныхъ припасовъ, владыкамъ или ихъ приверженцамъ. Рѣшено было не платить имъ никакихъ податей, и если они являлись въ какую нибудь церковь, всѣ уходили оттуда и оставляли ихъ однихъ. Вотъ какимъ образомъ началось изгнаніе греческихъ архіереевъ. Кто заправлялъ этимъ движеніемъ?... Указывали на народныхъ учителей, особенно на тѣхъ, которые учились въ Россіи; но они меньше всего были причастны въ этомъ дѣлѣ, ибо, зная, что и безъ того на нихъ смотрятъ съ подозрѣніемъ, они держали себя какъ можно дальше отъ всякихъ демонстрацій. На первыхъ порахъ, однако, правительство охотно вѣрило этимъ указаніямъ, и не одного изъ такихъ учителей постигла несчастная участь—или смерть въ тюрьмѣ, или изгнаніе. Къ чести правительства, однако, нужно сказать, что оно въ скоромъ времени разгадало характеръ этого

Digitized by Google

волненія и стало болѣе разборчиво относиться къ подобнымъ доносамъ. Позволительно еще патріархіи не знать, что вопросъ болгарскій—не новая затѣя; но когда знаешь, сколь многими и какими крупными фактами сказался всенародный характеръ этого движенія; когда знаешь, что всѣ эти факты происходили, такъ сказать, передъ глазами самого патріарха,—то нельзя безъ удивленія читать тѣ слова, въ которыхъ онъ представляетъ болгарское движеніе дѣломъ нѣсколькихъ честолюбцевъ, дѣломъ скопища въ Ортакёй, состоящаго изъ девяти свѣтскихъ болгаръ и трехъ архіереевъ. Что касается этого *скопища*, то мы знаемъ навѣрное, что оно составилось по желанію народа; мы знаемъ очень хорошо, что не оно, *это сборище*, заправляетъ народнымъ движеніемъ, а онъ, народъ, заправляетъ его дѣйствіями; и не одинъ разъ члены этого собора подвергались тяжкимъ порицаніямъ со стороны народа за слишкомъ недостаточную энергію.

2) Другое, что столь же сильно насъ поражаетъ въ посланіи патріарха, это то, что въ желаніи болгаръ имѣть природныхъ священнослужителей, имѣть свое собственное церковное управленіе, онъ видитъ какой-то племенной сепаратизмъ, котораго не знаетъ православіе, который антиканоничень, который, наконецъ, представляется патріарху *мрачной и евангельски непроходимою скалой*, грозящей разбить благоустроенный и богоучрежденный корабль. При чтеніи этихъ словъ, естественно рождается вопросъ, какимъ же образомъ въ прежнія времена вѣками могли существовать болгарская патріархія въ Охридѣ, другая болгарская въ Терновѣ, сербская въ Ипекѣ, которыя находились въ постоянномъ единеніи съ константинопольскою патріархіею и не разъ взаимно обмѣнивались мыслями по разнымъ вопросамъ? Какимъ же образомъ существуютъ нынѣ церкви русская и сербская? Въ существованіи народныхъ церквей въ православномъ мірѣ, при тѣсномъ духовномъ ихъ общеніи, мы привыкли было видѣть лучшее украшеніе православной вселенской церкви. Даже въ средѣ католицизма, въ послѣднее время, стали чаще и чаще указывать на этотъ нашъ порядокъ, какъ на идеалъ церковнаго единства. Посланіе патріарха въ этомъ случаѣ ставитъ насъ въ крайнее недоумѣніе. Но допустимъ, что охридская, терновская и ипекская патріархіи явились по ошибкѣ нѣкоторыхъ изъ древнихъ константинопольскихъ патріарховъ,—по ошибкѣ, которую новѣйшіе ихъ преемники исправили, уничтоживъ эти болгаро-сербскія іерархіи. Допустимъ, что и нынѣ существующія русская и сербская церкви явились

Digitized by Google

тоже по какому нибудь исключительному случаю. Будемъ смотрѣть на племенной сепаратизмъ, какъ на нѣчто антиканоническое. Что же тогда сказать о константинопольской церкви, которая, уничтоживъ болгаро-сербскія іерархіи, стала посылать во всѣ болгарскія и сербскія епархіи исключительно греческихъ архіереевъ, вводила въ церкви и въ училища ихъ языкъ греческій и довела дѣло до того, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія невозможно было найти ни въ одномъ болгарскомъ городѣ церкви, гдѣ богослуженіе совершалось бы на славянскомъ языкѣ, или училища, гдѣ преподавалось бы на болгарскомъ языкѣ. Славянскій и болгарскій языки продолжали жить только въ оградахъ немногихъ монастырей, или въ захолустьяхъ, куда не заглядывало архіерейское око. Намъ извѣстно не одно произведеніе новогреческой письменности, въ которыхъ огреченіе болгарскихъ странъ ставится въ величайшую заслугу константинопольской церкви, на дѣятельности которой главнымъ образомъ основывали свои надежды поборники такъ называемой греческой великой идеи, стремившейся огречить весь Балканскій полуостровъ. Что болгарскій сепаратизмъ въ сравненіи съ такой греческой исключительностію? И если сепаратизмъ этотъ—ересь, то какое же названіе дать греческой исключительности? Но, говорятъ, патріархія принуждена была посылать болгарамъ греческихъ архіереевъ, ибо не находила между болгарами людей, достаточно подготовленныхъ для такого служенія. Синодъ греческаго королевства недавно еще, въ своемъ отвѣтѣ на первое окружное посланіе патріарха, ставилъ болгарамъ въ упрекъ и то, что они, въ своемъ невѣдѣніи, стали давать предпочтеніе своему народному языку передъ языкомъ эллиновъ. Не говоря объ этомъ упрекѣ со стороны синода греческаго королевства, мы не можемъ оставить безъ нѣкоторыхъ замѣчаній оправданіе патріархіи недостоинствомъ болгаръ, ибо, не смотря на всю несостоятельность этого оправданія, оно съ любовію повторяется при каждомъ удобномъ случаѣ греческою печатью. Въ концѣ XIV-го в., во время паденія болгарскаго царства, на болгарскомъ патріаршемъ престолѣ въ Терновѣ святительствовалъ св. Евѳимій, оставившій много сочиненій, очень замѣчательныхъ какъ по содержанію, такъ и по литературной отдѣлкѣ. Онъ занимался и исправленіемъ церковныхъ книгъ, составилъ и нѣчто въ родѣ граматики или правила о славянскомъ правописаніи—«Утвержденіе писменемъ» (трудъ, къ сожалѣнію, доселѣ не отысканный) и вообще слылъ между современниками за

Digitized by Google

великаго художника словенскихъ писменъ. Въ его время въ Терновѣ существовала духовная школа, о качествѣ которой можно судить по извѣстнымъ въ Россіи кіевскимъ митрополитамъ Кипріану и Григорію Цамвлаку, вышедшимъ изъ этой школы. Школа эта пережила турецкій погромъ и, какъ свидѣтельствуетъ Константинъ философъ Костенскій, также ученикъ этой школы, въ половинѣ XV-го вѣка продолжала еще просвѣщать не только терновскія страны (Болгарію), но и окрестныя царства.

Трудно предположить, что просвѣщеніе, распространенное этой школой и распространяемое ею еще въ половинѣ XV-го вѣка, могло бы такъ скоро изсякнуть. Съ другой стороны, въ самомъ ли дѣлѣ греческіе архіереи обладали особеннымъ какимъ либо духовнымъ образованіемъ? Русскій священникъ Лукіановъ, въ началѣ прошлаго столѣтія посѣтившій Константинополь, гдѣ онъ имѣлъ возможность очень близко ознакомиться съ высшимъ греческимъ духовенствомъ, былъ пораженъ его полнѣйшимъ невѣжествомъ и крайнимъ нравственнымъ паденіемъ. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что русскіе сельскіе священники въ этомъ отношеніи стоятъ выше греческихъ митрополитовъ.

Около начала нынѣшняго столѣтія, какимъ-то невѣдомымъ чудомъ, одной небольшой болгарской епархіи былъ поставленъ епископъ болгаринъ. Это—извѣстный Софроній Врачанскій, составившій большой сборникъ поученій и евангельскихъ толкованій (первая печатная болгарская книга), оставившій замѣчательную автобіографію и большое сочиненіе подъ заглавіемъ «Исторія премудрости»,—человѣкъ, значитъ, довольно образованный, да при томъ глубоко проникнутый своимъ пастырскимъ долгомъ. Паства его, которую онъ съ усердіемъ поучалъ на родномъ ея языкѣ, считала его святымъ человѣкомъ. «Такъ какъ они не слыхали дотолѣ отъ другихъ архіереевъ таковое поученіе, говоритъ онъ, то смотрѣли на меня, какъ на философа». Но, за свою образованность и книголюбіе, Софроній извѣдалъ, однако, много горя отъ греческихъ своихъ сослуживцевъ и начальниковъ. Первые ненавидѣли его и всячески клеветали на него высшимъ начальникамъ, которые то и дѣло налагали на него денежныя взысканія, указывая ему, что онъ поменьше бы занимался книжнымъ хламомъ, а позаботился бы объ уплатѣ своихъ долговъ. Дѣло дошло до того, что этотъ образованный и добросовѣстный епископъ не могъ болѣе жить среди подобныхъ сослуживцевъ и начальниковъ и предпочелъ такой жизни добровольное изгнаніе въ Румынію.

Digitized by Google

«Боюся Бога, пишетъ онъ, чтобы Онъ не судилъ меня за то, что, взявши на рамена свою паству, оставилъ ее, но надѣюсь на Его милость. Видитъ Онъ, что я поступилъ такъ не ради своего спокойствія, но вслѣдствіе великой нужды, вслѣдствіе тяжкихъ денежныхъ взысканій, которыми обременили меня, ни за что не хотя повѣрить, что люди совсѣмъ обнищали». Чтобы не распространяться слишкомъ много, мы замѣтимъ, что даже въ настоящее время истинно духовно-образованный архіерей между высшимъ греческимъ духовенствомъ—большая рѣдкость.

3) Третье наше замѣчаніе будетъ по поводу султанскаго фирмана, которымъ турецкое правительство рѣшило болгарскій вопросъ и который сдѣлалъ положеніе патріарха невыносимымъ. Для православнаго христіанина, незнакомаго съ турецкими порядками, будетъ казаться очень страннымъ то, что магометанинъ вмѣшивается въ церковныя дѣла христіанъ и произноситъ надъ ними рѣшительный приговоръ. Еще страннѣе будутъ казаться ему тѣ христіане, которые принимаютъ этотъ приговоръ, какъ въ нынѣшнемъ случаѣ поступаютъ болгаре, считающіе послѣ этого фирмана вопросъ свой конченнымъ и принявшіеся уже за учрежденіе своего экзархата, уступленнаго имъ этимъ фирманомъ. Дѣло это, намъ кажется, требуетъ болѣе обстоятельнаго обсужденія; вотъ почему мы и намѣрены остановиться на немъ дольше. Прежде всего мы обратимъ вниманіе читателей, чувство которыхъ можетъ оскорбиться султанскимъ фирманомъ, на слѣдующее обстоятельство. Когда турки завоевали Балканскій полуостровъ, они застали тамъ, кромѣ константинопольской, еще три другія патріархіи: двѣ болгарскихъ, въ Терновѣ и Охридѣ, и одну сербскую—въ Ипекѣ. Терновская патріархія учреждена въ 1236 г. По свидѣтельству самихъ византійцевъ, терновскій архіерей былъ почтенъ автономіею и провозглашенъ былъ патріархомъ не только императорскимъ, но и соборнымъ утвержденіемъ, βασιλικῷ καὶ συνοδικῷ τῷ θεσπίσματι. Въ болгарскомъ сказаніи объ этомъ происшествіи приводится и грамота, которую императоръ Ватаци препроводилъ тогда по этому случаю къ константинопольскому и другимъ восточнымъ патріархамъ. Изъ этой грамоты явствуетъ, что новый патріархъ былъ *равнаго имъ степени патріаршескаго*.

Объ учрежденіи охридской патріархіи или архіепископіи первой Юстиніаны существуютъ разныя мнѣнія; изъ нихъ ближе къ истинѣ кажется намъ то, которое полагаетъ, что патріархія эта

Digitized by Google

была непосредственной наслѣдницей древней преславской патріархіи *). Какъ бы то ни было, мы имѣемъ такія свидѣтельства и факты, которые ставятъ каноническое учрежденіе охридской патріархіи внѣ всякаго сомнѣнія. Въ то время, когда на престолѣ ея святительствовалъ знаменитый Ѳеофилактъ, архіепископъ болгарскій, константинопольскій патріархъ далъ позволеніе нѣкоему иноку воздвигнуть часовню въ одномъ приходѣ ея (охридской патріархіи). Ѳеофилактъ ему возбранилъ и по этому случаю написалъ къ одному изъ членовъ патріаршаго синода, между прочимъ, слѣдующее:

«Не понимаю, какъ позволяютъ возникать подобнымъ дѣламъ, черезъ которыя изгоняются изъ церкви всякій добрый порядокъ и миръ, словно кровь Христова, проліянная да умиритъ все, пролилась втунѣ.

«Дѣйствительно, какое отношеніе имѣютъ болгаре къ константинопольскому патріарху, который не имѣетъ ни даже права рукоположенія въ болгарской церкви, имѣющей своего автокефальнаго архіепископа, и который не унаслѣдовалъ никакого иного преимущества надъ нею отъ своихъ предмѣстниковъ?»

Далѣе Ѳеофилактъ восклицаетъ: «Кто, развѣ только вовсе выжившій изъ ума, потерпитъ присутствіе между болгарами константинопольскаго экзарха и станетъ смотрѣть на него и трактавать его иначе, какъ чуждопохитителя, показуя противъ него, выражаясь словами Соломона, гнѣвъ, исполненный ярости?» Припомнимъ при этомъ, что слова эти писаны въ началѣ XII-го вѣка, когда болгаре находились подъ властію Византіи.

Письмо это ясно показываетъ, на сколько была независима и самостоятельна охридская архіепископія. Въ доказательство, что эта независимость и совершенная самостоятельность признаваема

*) Честь предложенія этой гипотезы принадлежитъ Лингенталю, но не мнѣ, какъ утверждаетъ г. Филипповъ въ своей брошюрѣ «Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгар. распря». Считаю нужнымъ еще замѣтить г-ну Филиппову, что не я одинъ называю іерарховъ охридскихъ патріархами: такъ ихъ называютъ всѣ болгаре, такъ назывались и сами эти іерархи, такъ, наконецъ, называли ихъ и въ Константинополѣ. Г. Филипповъ подозрѣваетъ меня, будто я, въ моемъ «Историческомъ очеркѣ болгарской церкви», съ намѣреніемъ утаилъ одно греческое свидѣтельство объ уничтоженіи Цимисхіемъ перваго болгарскаго патріархата. Стóитъ только г. Филиппову справиться въ примѣчаніи на 34 стран. моей книжки, и онъ убѣдится, что я и не думалъ утаивать это свидѣтельство.

Digitized by Google

была и константинопольской церковью, мы ограничимся пока указаніемъ на два письма константинопольскихъ патріарховъ.

Въ 1369 г. шелъ вопросъ о соединеніи восточной и западной церквей. По этому дѣлу константинопольскій патріархъ Филоѳей сзывалъ вселенскій соборъ, для чего и обратился съ письмомъ къ тогдашнему архіепископу охридскому. Увѣдомляя его, что патріархи александрійскій и іерусалимскій уже сзываютъ подчиненныхъ имъ архіереевъ на этотъ соборъ, что и патріарху антіохійскому дано знать объ этомъ, Филоѳей приглашаетъ и болгарскаго архіепископа, со всѣми подчиненными ему архіереями, прибыть. «Какой ущербъ, пишетъ онъ, между прочимъ,—какой вредъ и къ тому какое безчестіе будетъ, когда въ такихъ нужныхъ церковныхъ дѣлахъ твое священство отсутствовать будетъ отъ столь полезнаго собора, а если прибудешь, то сколько чести, сколько славы, сколько пользы и добра будетъ и твоему священству и христіанамъ, обрѣтающимся тамъ!»

Другой константинопольскій патріархъ, Антоній, въ 1390 г. пишетъ Мирчѣ, воеводѣ Угровлахіи, которая въ то время зависѣла отъ охридскаго патріарха, по какому-то дѣлу. Между прочимъ, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «на это и вашъ архіепископъ охридскій соблаговолилъ, согласился и далъ свое благословеніе.... Того, что усмотрѣла и разсудила къ общему благу христіанъ его мудрость, мы ни пересужаемъ, ни отрѣшаемъ».

Ипекская патріархія учреждена была при царѣ Душанѣ въ 1347 г. на соборѣ скопльскомъ, гдѣ присутствовали патріархъ терновскій и охридскій архіепископъ. Съ согласія ихъ и всего освященнаго собора сербской земли, сербскій архіепископъ былъ провозглашенъ патріархомъ, при чемъ Душанъ изгналъ изъ предѣловъ Сербіи всѣхъ архіереевъ изъ грековъ и замѣнилъ ихъ природными славянами. Константинопольскій патріархъ Каллистъ, безъ вѣдома котораго совершилось переименованіе сербскаго архіепископа въ патріарха, не только не призналъ этой новой патріархіи, но и предалъ царя Душана, новаго патріарха сербскаго и весь сербскій народъ проклятію. Въ 1376 г., въ правленіе сербскаго князя Лазаря, анаѳема эта была снята, и сербская патріархія признана и Великой церковью.

Вотъ на какихъ правахъ существовали три славянскія патріархіи на Балканскомъ полуостровѣ, во время покоренія его турками. Теперь онѣ не существуютъ болѣе. Охридская и ипекская уничтожены во второй половинѣ прошлаго вѣка, терновская же

Digitized by Google

исчезла такъ, что время уничтоженія ея неизвѣстно. Извѣстно только то, что ея епархіи, какъ и епархіи первыхъ двухъ, вошли въ составъ области константинопольской патріархіи. Какъ это случилось?—Въ церковныхъ лѣтописяхъ мы не находимъ никакого упоминанія, какими каноническими мѣрами уничтожены эти, вѣками существовавшія, іерархіи, которыя, какъ совершенно самостоятельныя, не могли быть упразднены такъ легко: осьмое правило 3-го вселенскаго собора строго воспрещаетъ всякое посягательство на независимость церквей. Мы приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ, объясняющихъ намъ отношенія константинопольской патріархіи къ охридской и сербской въ ближайшее къ уничтоженію послѣднихъ время. Изъ нихъ видно, какъ подготовлялось и самое уничтоженіе оныхъ.

Въ 1702 г. константинопольскій патріархъ Каллиникъ издалъ окружное посланіе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ которомъ, доказывая, что такъ называемые патріархъ охридскій и патріархъ ипекскій—не истинные патріархи, предписывалъ не считать и не называть ихъ таковыми. За неисполненіе этого предписанія, Каллиникъ изрекалъ анаѳему и отлученіе отъ церкви.

Но что дѣло шло не объ одномъ только патріаршескомъ званіи, но и о существованіи самыхъ патріархій, охридской и ипекской,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Въ одномъ весьма любопытномъ путешествіи по Сербіи, отъ конца XVII вѣка, которое намъ удалось найти между рукописями Бранкачанской библіотеки въ Неаполѣ, говорится, что ипекскій патріархъ часто подвергается насиліямъ со стороны константинопольскаго патріарха, домогающагося уничтоженія его патріархіи и подчиненія ея себѣ (per esser egli—il patriarca di Peck—independente dal patriarcha constantinopolitano dal quale viene spesso travagliato per soggetarlo etc.).

Въ 1737 году, константинопольскій патріархъ доносилъ Портѣ, что охридскій іерархъ состоитъ въ тайныхъ политическихъ сношеніяхъ съ Австріею, злѣйшимъ тогда врагомъ Турціи, и подавалъ совѣтъ, что благо имперіи требуетъ уничтоженія охридской патріархіи.

Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло уничтоженія двухъ славянскихъ патріархій тянулось очень долго, и что, для достиженія своей цѣли относительно ихъ, константинопольской патріархіи пришлось испробовать нѣсколько разныхъ стратагемъ, пока наконецъ патріархъ Самуилъ, *усердный и спо-*

Digitized by Google

собный сотрудникъ Ивана Ипсиланти (отца великой греческой идеи), не пустилъ въ ходъ самую надежную.—Въ протоколахъ константинопольской патріархіи, 11-го сентября 1766 года, записано, что подчиненіе *ипекской архіепископіи* вселенскому престолу произошло съ согласія девяти митрополитовъ, подвластныхъ ипекскому престолу: нишскаго, ужицкаго, скопльскаго, новопазарскаго, босанскаго, самоковскаго, кюстендильскаго, герцеговинскаго и призрѣнскаго. Послѣдовавшее, годъ спустя, подчиненіе и охридской патріархіи обставлено такою же, если не болѣе благовидною формальностію: тутъ уже самъ охридскій іерархъ подаетъ отреченную грамоту, которою проситъ упраздненія охридской архіепископіи, а 11 изъ 15 подчиненныхъ ему митрополитовъ подаютъ совокупную просьбу константинопольскому патріарху, чтобы онъ оказалъ милость и принялъ бы клиръ и паству охридской архіепископіи въ свою ограду. Но послушаемъ, что говорятъ славянскіе источники объ этомъ дѣлѣ,—источники самые достовѣрные. Существуетъ письмо черногорскаго митрополита Саввы къ митрополиту московскому Платону; изъ этого письма, которое писано 26-го февраля 1776 года, слѣдовательно за *шесть* мѣсяцевъ до упраздненія сербской патріархіи, мы узнаемъ, что девять сербскихъ архіереевъ изгнаны и лишены своихъ престоловъ *неправосудіемъ константинопольскаго патріарха и его синода*, «и скитаются по Святой горѣ, а иные заточенія на различная мѣста».... «а на ихъ мѣсто возведеніи грекіи... и никакова епархія не имѣетъ своего природнаго архіерея сербина». Увѣдомляя объ этомъ насиліи, учиненномъ въ ипекской патріархіи, митрополитъ Савва продолжаетъ: «Того ради вси вишеписатіи архіереи (изгнанные греками) просятъ со слезами святѣйшій правительствующій синодъ Бога ради и единовѣрія и единоязычія и единокровія съ нами: соболѣзнуйте по братіи своей изгнани и неволни и лишенныхъ своихъ престоловъ неправосудіемъ патріарха константинопольскаго и ихъ синода, что противъ всѣхъ правъ церковныхъ дѣлаютъ и при Порти святотатство купуютъ. Воздвигните престолъ падшій сербскія архіепископія которая отъ грековъ всякаго благолѣпія лишена неправеднимъ судомъ константинопольскаго патріарха и ихъ синода». Далѣе, отъ имени изгнанныхъ архіереевъ, митрополитъ Савва обращается къ *православной, правосудной великой государынѣ Екатеринѣ* съ слѣдующими словами: «Изли фіялъ милосердія своего на насъ бѣдныхъ архіереевъ сербскихъ, тебѣ имами по Бозѣ за-

Digitized by Google

ступницу. Заступи насъ при Портѣ, что греки не би мѣшались (чтобы греки не мѣшались) у сербскій націонъ: тимъ насъ вѣчно одолжишъ.....» Въ этомъ письмѣ перечисляются по епархіямъ всѣ изгнанные сербскіе архіереи,—и что же оказывается? Это—тѣ же самые епархіальные титулы, которыми въ протоколахъ константинопольской патріархіи называются тѣ девять архіереевъ, съ согласія которыхъ уничтожена ипекская архіепископія. Понятна теперь уловка Самуила: онъ сперва позаботился изгнать природныхъ архіереевъ сербской церкви и замѣстить ихъ греческими, а потомъ уже, съ помощію этихъ своихъ клевретовъ, нанесъ послѣдній ударъ.

Подобная же, только болѣе усовершенствованная, стратагема употреблена была и противъ охридской патріархіи. Что ни говори защитники вселенской патріархіи о добровольной отреченной грамотѣ послѣдняго охридскаго іерарха Арсенія, что ни утверждай они о совокупной просьбѣ 11-ти его митрополитовъ; но имѣя ясно передъ глазами, какъ поступлено было съ сербскою церковію и чѣмъ этотъ поступокъ замаскированъ въ протоколахъ Великой церкви; зная все это,—мы и въ этихъ документахъ вправѣ видѣть болѣе благовидную личину, скрывающую болѣе тяжкое насиліе. Укажемъ пока на слѣдующій весьма любопытный фактъ. Добровольно просившаго объ упраздненіи охридской архіепископіи Арсенія мы вдругъ находимъ изгнанникомъ въ зографскомъ монастырѣ. Туда черезъ нѣсколько времени былъ сосланъ и константинопольскій патріархъ Самуилъ. Келейникъ Арсенія расказываетъ, что разъ оба патріарха, встрѣтившись нечаянно во время прогулки, стали другъ противъ друга, крупно укоряли одинъ другаго, при чемъ нашъ говорилъ Самуилу: *ты причиною моего здѣсь заключенія*. Посчитавшись порядкомъ, они разошлись «со скорбію». Расказъ этотъ достаточно изобличаетъ лживость документовъ, которыми обставлено уничтоженіе охридской патріархіи. Надобно сказать, что константинопольской патріархіи самой теперь какъ будто неловко отъ существованія этихъ документовъ, и она свое «неотъемлемое» право на обладаніе вѣковой болгарской церковью основываетъ совсѣмъ на другаго рода документахъ. На какихъ же?

Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1860 году, патріархія, по предложенію Порты, созвала представителей отъ всѣхъ православныхъ областей турецкой имперіи, которые, совмѣстно съ нѣсколькими архіереями, должны были выработать новый уставъ церковно-на-

Digitized by Google

роднаго управленія православными христіанами, болѣе согласный съ потребностями просвѣщенія и времени. Въ собраніе это допущены были только трое представителей отъ болгаръ. Въ то время требованія болгаръ отъ патріархіи ограничивались только замѣщеніемъ греческихъ архіереевъ болгарскими, или, по крайней мѣрѣ, знающими болгарскій языкъ греками. Болгарскіе представители напомнили этому собранію, при составленіи новаго устава церковно-народнаго управленія, принять во вниманіе и скромное желаніе болгарскаго народа. Но собраніе не нашло нужнымъ останавливаться на предложеніи болгарскихъ представителей. Тогда эти послѣдніе представили ему (собранію) письменное заявленіе такого содержанія: «Такъ какъ Великой церкви не угодно было выслушать многолѣтнія горячія просьбы болгаръ объ опредѣленіи на болгарскія епархіи архіереевъ болгарскаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, знающихъ болгарскій языкъ; такъ какъ и народное (греческое) собраніе не нашло нужнымъ обратить вниманіе на это столь важное для нашего народа дѣло,—то для уврачеванія ранъ, происходящихъ отъ нынѣшняго церковнаго управленія, и для искорененія неправдъ, претерпѣваемыхъ болгарскимъ народомъ, мы заявляемъ о необходимости возстановить уничтоженныя вселенскою патріархіею самостоятельныя церковныя начальства: охридское и терновское.» Но патріархія, напомнивъ подателямъ сей записки султанскіе бераты (грамоты), которые она имѣетъ въ своихъ рукахъ, тутъ же отвергла это ихъ заявленіе. Это значитъ, что патріархія, которую нынѣшній султанскій фирманъ глубоко уязвляетъ въ сердце, 10 лѣтъ тому назадъ какъ-бы признавала каноническую силу за подобными же султанскими бумагами, если не считала нужнымъ приводить другія основанія въ доказательство своихъ «неотъемлемыхъ» правъ на обладаніе достояніемъ двухъ прежнихъ болгарскихъ патріархій. Зная это, болгаре не слишкомъ скандализируются султанскимъ фирманомъ. Нашла же греческая патріархія, разсуждаютъ они, султанскіе бераты достаточными для уничтоженія нашихъ древнихъ канонически учрежденныхъ патріархій; отчего же теперь султанскій фирманъ, наполовину возстановляющій независимость болгарской церкви, кажется ей недостаточнымъ? И это разсужденіе ихъ тѣмъ естественнѣе, что происхожденіе фирмана несравненно законнѣе, чѣмъ темное порожденіе ея бератовъ.

Разсмотримъ и исторію нынѣшняго фирмана.

Какъ мы имѣли уже случай упомянуть въ первомъ замѣчаніи

Digitized by Google

на патріаршее посланіе, турецкое правительство сначала противилось волненію болгаръ противъ греческой іерархіи, которую оно поддерживало всякими полицейскими мѣрами. Изъ многихъ фактовъ, показывающихъ, какъ сильна была эта поддержка, припомнимъ пока одинъ. Три архіерея, которые осмѣлились признать весьма скромныя тогда требованія болгаръ справедливыми, по желанію патріарха, были отправлены въ заточеніе. Очень памятенъ день и обстоятельства ихъ ареста. Узнавши объ этомъ рѣшеніи правительства, все болгарское населеніе Константинополя окружило домъ, гдѣ жили эти архіереи, и объявило, что не выдастъ защитниковъ правъ болгарскаго народа. Цѣлыя сутки десятки тысячъ народа твердою стѣною окружали осужденныхъ архіереевъ. Правительство должно было, наконецъ, прибѣгнуть къ хитрости для того, чтобы привести въ исполненіе волю патріарха. Въ скоромъ времени, однако, оно разгадало мысль этого волненія и совѣтовало патріархіи не пренебрегать просьбами болгаръ, но внимательно ихъ изслѣдовать и, на сколько онѣ справедливы, удовлетворить ихъ. Послѣ долгаго колебанія, патріархія согласилась, наконецъ, назначить въ болгарскія епархіи архіереевъ изъ болгаръ, или изъ знающихъ болгарскій языкъ грековъ; но изъ всѣхъ этихъ болгарскихъ архіереевъ, только двумъ допускалось быть членами патріаршаго синода, состоящаго изъ 12-ти архіереевъ. Болгаре видѣли въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи патріарха явное и обидное для себя предпочтеніе патріархіею греческаго племени и не согласились принять его. Обезпечивая грекамъ избраніе патріарха изъ ихъ же племени, они требовали только, чтобы синодъ его состоялъ изъ равнаго числа болгарскихъ и греческихъ членовъ. По настоянію правительства, составлена смѣшанная коммисія для рѣшенія этого дѣла; но такъ какъ греческіе члены ея ни за что не соглашались признать какую нибудь справедливость за этимъ требованіемъ болгаръ, то коммисія разошлась, оставивъ дѣло по прежнему. Немного спустя, патріархъ собралъ собраніе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, все греческаго происхожденія, на которомъ, по долгомъ обсужденіи требованій болгаръ, рѣшено было, что они заключаютъ въ себѣ антиканоническій принципъ народности, и поэтому не могутъ быть приняты церковью. Это рѣшеніе немедленно было сообщено правительству. Но правительство никакъ не могло понять, почему скромное требованіе болгаръ (которые гораздо многочисленнѣе грековъ), чтобы синодъ состоялъ изъ равнаго числа архіереевъ той и другой на-

Digitized by Google

ціи, антиканонично, а настойчивость патріархіи, чтобы синод этотъ состоялъ преимущественно изъ грековъ, нисколько не пр тиворѣчитъ духу церкви. Не совсѣмъ понимая это, правител ство продолжало настаивать, чтобы патріархія вновь обсудила э дѣло. Созвано было новое собраніе, но и оно не пошло дальш перваго рѣшенія.—Вступаетъ на патріаршій престолъ Григорій V который выказалъ сначала большое желаніе положить конец распрѣ. Онъ выступилъ съ извѣстнымъ своимъ проектомъ об учрежденіи особеннаго болгарскаго экзархата, долженствующаг обнимать въ себѣ пространство между Дунаемъ и Балканомъ, что по понятіямъ Григорія, и составляетъ Болгарію. Проектъ этот исключалъ изъ болгарскаго экзархата всю Македонію и сѣверну половину Ѳракіи, составляющія ядро болгарскаго народа, населе ныя исключительно болгарами, и оставлялъ подъ властію па ріархіи пловдинскую, бытольскую, охридскую, скопльскую многія другія епархіи, гдѣ ожесточеніе противъ высшаго гр ческаго духовенства было сильнѣе, чѣмъ въ епархіяхъ межд Дунаемъ и Балканомъ. Зная это, правительство замѣтило, чт проектъ этотъ не удовлетворяетъ болгаръ, и указывало на необхо димость присоединенія къ экзархату еще нѣсколькихъ епархій; и указаніе его было отвергнуто, и вопросъ остался опять не разрѣ шеннымъ. А между тѣмъ, необходимость скорѣйшаго рѣшени его день ото дня становилась грознѣе и грознѣе. Многія епархіи по изгнаніи изъ нихъ греческихъ архіереевъ, оставались въ т чеціи 6, 8 и 10-ти лѣтъ безъ всякихъ архіереевъ: не кому бы рукополагать священниковъ; много приходовъ, цѣлыя мѣстечк оставались совсѣмъ безъ священнослужителей; люди умирали без церковнаго напутствованія, и хоронили ихъ безъ отпѣванія; нов рожденные по нѣскольку лѣтъ оставались не крещенными и уми рали таковыми. О томъ, что часто приходилось крестить въ до махъ, причемъ св. купель замѣняло корыто, нечего и говорить (Чтобы крестили въ лужахъ и болотахъ, какъ увѣряетъ патріарх въ своемъ посланіи, мы не знаемъ. Да и къ чему было при бѣгать къ лужамъ и болотамъ, когда изъ гидрографіи болгар ской земли извѣстно, что страна эта далеко не болотиста и щедр одарена свѣжей проточной водою?) Замѣшательство въ церковном управленіи повело за собою большія смятенія и безпорядки и в гражданскомъ управленіи. Со всѣхъ сторонъ правительство осаж дали прошеніями, въ которыхъ, указывая на разнаго рода безпо рядки, просили о скорѣйшемъ рѣшеніи затянувшагося такъ долг

Digitized by Google

опроса. Въ Балканахъ появились и повстанцы, которые между ервыми своими требованіями ставили и освобожденіе шестимил-оннаго народа отъ постыднаго ига горсти фанаріотовъ. Все то какъ будто нисколько не смущало патріархію, не принимав-ую отъ себя никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для разрѣшенія опроса и съ непонятнымъ упорствомъ отвергавшую всѣ сред-ства къ этому, предлагаемыя ей какъ со стороны правитель-ства, такъ и со стороны болгаръ, а также и лучшей части гре-ческаго общества въ Константинополѣ. Вотъ при какомъ поло-ленія дѣла правительство издало извѣстные два проекта согла-шенія между болгарами и патріархіею. Препровождая эти про-екты въ патріархію, Порта указывала ей на крайнюю не-обходимость скорѣйшаго окончанія дѣла и совѣтовала ей, если и оба проекта окажутся негодными, то чтобы она пріискала скорѣе другой способъ соглашенія, пріемлемый обѣими сторонами. Но и этимъ дѣло нисколько не подвинулось. По прошествіи двухъ лѣтъ, послѣ неоднократнаго, совершенно без-плоднаго для дѣла, обмѣна мыслей между патріархомъ и правительствомъ, послѣднее вынуждено было приступить къ изданію фирмана. Такова исторія нынѣшняго султанскаго акта, наполовину возстановляющаго самостоятельность болгар-ской церкви. Каково же происхожденіе султанскаго берата (дипло-ма), закрѣпившаго совершенно самостоятельную нѣкогда эту церковь къ вселенскому престолу? Онъ, какъ и бератъ на обла-даніе сербскою церковію, по словамъ черногорскаго митрополита Іоанны, свидѣтеля очень близкаго и правдиваго, у Порты свято-тствомъ купленъ. Дѣлая это сопоставленіе, мы нисколько не думаемъ оправдывать учрежденный пока однимъ султанскимъ фирманомъ болгарскій экзархатъ; цѣль наша—показать, на сколь-ко права патріархія плакаться и жаловаться на нынѣшній фир-манъ, когда она сама, такъ сказать, научила турецкое прави-тельство рѣшать и болѣе важные вопросы одними своими актами.

При всей, однако, относительно большей законности болгар-скаго фирмана передъ патріаршескими бератами, къ чести бол-гаръ надобно сказать, что они совсѣмъ не думаютъ довольство-ваться однимъ только этимъ фирманомъ и обойтись безъ патріар-шаго соизволенія на возстановленіе хотя бы и полусамостоятель-ной своей церкви.

Намъ кажется, что мы представили достаточно данныхъ для ясненія начала, развитія и фактическаго рѣшенія такъ назы-

Digitized by Google

ваемой греко-болгарской распри; остается теперь указать, на чем помирились болгаре, что́ собственно уступлено имъ султанскимъ фирманомъ, противъ какихъ именно уступокъ этого фирмана особенно протестуетъ патріархія, во имя какихъ обойденныхъ ея требованій она апеллируетъ къ вселенскому собору. Уясненіе этихъ вопросовъ раскроетъ всю сущность дѣла, покажетъ настоящее значеніе этой распри какъ для той, такъ и для другой изъ тяжущихся сторонъ. Права учрежденнаго султанскимъ фирманомъ болгарскаго экзархата, равно какъ и обойденныя этимъ фирманомъ требованія патріархіи очень опредѣленно изложены въ отвѣтномъ посланіи святѣйшаго синода, съ которымъ предварительно мы считаемъ нужнымъ подробнѣе ознакомить читателей.

Святѣйшій синодъ начинаетъ свой отвѣтъ сожалѣніемъ, что великой патріаршей церкви не угоденъ былъ его братскій совѣтъ, который онъ предложилъ ей въ первомъ своемъ отвѣтѣ. «И что же послѣдовало?—То, чего не хотѣла дать болгарамъ власть церковная по своей доброй волѣ, рѣшилась дать имъ мѣстная власть гражданская, государственная, указывая на свою непререкаемую обязанность заботиться о спокойствіи и безопасности своихъ подданныхъ....» Далѣе, соглашаясь съ патріархомъ, что Порта не имѣетъ права рѣшать болгарскій вопросъ однимъ своимъ фирманомъ, синодъ объявляетъ, «хотя и со скорбію въ сердцѣ», что не можетъ согласиться съ мыслію, будто для рѣшенія настоящаго вопроса необходимо созваніе вселенскаго собора.

1. Вселенскіе соборы могутъ быть созываемы только по дѣламъ, касающимся вселенской вѣры и церкви. И дѣйствительно, всѣ семь вселенскихъ соборовъ созывались по дѣламъ такого рода. Вопросъ же греко-болгарскій не касается основаній вѣры и не угрожаетъ опасностію ни одному изъ ея догматовъ. Этотъ вопросъ, по истинѣ, относится исключительно къ церковному управленію и касается одной мѣстной константинопольской церкви, потому и можетъ и долженъ быть рѣшенъ только ея мѣстнымъ соборомъ, подобно тому, какъ было поступлено при отдѣленіи русской церкви и церкви греческаго королевства. «Если тогда святѣйшіе патріархи, со своими мѣстными соборами, признали возможнымъ дать даже полную независимость церквамъ русской и греческой, не видя въ этомъ нарушенія каноновъ и не опасаясь за это отвѣтственности передъ всею православною

Digitized by Google

церковію, не тѣмъ ли возможнѣе и безопаснѣе должно быть нынѣ для патріархіи удовлетворить болгаръ, которые просятъ отъ нея сравнительно меньшаго»? При этомъ святѣйшій синодъ спрашиваетъ: «почему же не рѣшить нынѣ точно такъ же вопроса болгарскаго? Зачѣмъ теперь обращаться къ собору вселенскому»?

2. Всѣ частныя православныя церкви, представители которыхъ должны были бы явиться на вселенскій соборъ (еслибъ онъ состоялся), уже подали свои голоса по этому вопросу и какъ-бы предрѣшили его. «И между тѣмъ, какъ однѣ изъ церквей: іерусалимская, александрійская, антіохійская, греческаго королевства, прямо возстали противъ болгаръ, называя ихъ требованія антиканоническими, другія церкви: сербская и русская, признали эти требованія заслуживающими удовлетворенія. Естественно ожидать, что онѣ не откажутся отъ своихъ мнѣній и на соборѣ, особенно судя по тому рѣзкому тону, съ какимъ высказаны нѣкоторыми эти мнѣнія». Для чего созывать вселенскій соборъ, когда напередъ знаемъ, что спорный вопросъ на немъ не можетъ быть рѣшенъ единогласно, и голоса на немъ неминуемо раздѣлятся? Такой вселенскій соборъ, не порѣшивъ окончательно ничего, могъ бы только представить печальное зрѣлище открытаго разногласія, если не раздѣленія, между церквами греческими и славянскими, и послужитъ соблазномъ для всего христіанскаго міра, православнаго и не православнаго.

3. Не надобно упускать изъ виду и то, что султанское правительство уже выразило свою волю по греко-болгарскому вопросу прямо и рѣшительно въ законодательномъ актѣ. А если соборъ постановитъ рѣшеніе не согласное съ фирманомъ султана, въ такомъ случаѣ правительство Порты можетъ не принять соборнаго рѣшенія и не допустить осуществленія его между своими подданными.

Таковы основанія, на которыхъ святѣйшій синодъ считаетъ разрѣшеніе греко-болгарскаго вопроса на вселенскомъ соборѣ дѣломъ не только умаляющимъ значеніе самого вселенскаго собора, но еще, въ настоящемъ случаѣ, и опаснымъ и неумѣстнымъ.

Далѣе святѣйшій синодъ обращается къ желаніямъ болгарскаго народа, какъ они выражены въ султанскомъ фирманѣ, составленіемъ котораго, по свидѣтельству самого патріарха, занимались предводители болгаризма. Изъ этихъ желаній онъ усматриваетъ, что болгаре не отказались послѣдовать его совѣту,

Digitized by Google

изложенному въ первомъ его отвѣтѣ: они уже не требуютъ себѣ полной церковной независимости, не думаютъ совершенно отдѣлиться отъ великой патріаршей церкви и тѣмъ устраняютъ поводъ подозрѣвать и укорять ихъ въ какомъ либо расколѣ. Въ 6-й статьѣ фирмана говорится: «Въ дѣлахъ, относящихся до православной вѣры и требующихъ взаимныхъ совѣщаній и помощи, синодъ болгарскаго экзархата долженъ сноситься со вселенскимъ патріархомъ и синодомъ, эти же послѣдніе должны безъ замедленія подавать надлежащую помощь и сообщать необходимые отвѣты». По смыслу 3-й и 4-й статьи того же фирмана, болгаре соглашаются, чтобы экзархъ ихъ былъ поставляемъ или утверждаемъ вселенскимъ патріархомъ, и чтобы поминалъ въ священныхъ служеніяхъ имя вселенскаго патріарха. Изъ 7-й статьи видно, что болгаре изъявляютъ согласіе, чтобы св. мѵро синодъ болгарскаго экзархата испрашивалъ для всего своего округа у вселенскаго патріарха. По статьѣ 11-й, монастыри, находящіеся въ предѣлахъ болгарскаго экзархата, но, по церковнымъ постановленіямъ, зависимые отъ вселенскаго патріарха, остаются при прежнемъ порядкѣ. Изъ этихъ, а также и изъ нѣкоторыхъ другихъ статей фирмана видно, что болгаре желаютъ сохранять съ патріаршею церковію связь и по дѣламъ вѣры, и іерархическую, и вообще церковную, согласно съ священными канонами. «Справедливость требуетъ присовокупить», замѣчаетъ святѣйшій синодъ, по разсмотрѣніи желаній болгаръ, «что въ этомъ изложеніи своихъ желаній относительно соглашенія со вселенскою патріархіею болгаре старались приблизиться къ извѣстному проѳекту вашего святѣйшества, воспользоваться имъ и принять всѣ главнѣйшія его требованія. Чего же еще теперь недостаетъ?»

Далѣе, сопоставляя желанія болгаръ, какъ они выражены въ фирманѣ, съ замѣчаніями патріархіи на проектъ, вошедшій въ этотъ фирманъ, святѣйшій синодъ замѣчаетъ только слѣдующія четыре разности между заявленіями болгаръ и требованіями вселенской патріархіи.

1. Болгаре соглашаются, чтобы только ихъ экзархъ былъ поставляемъ или утверждаемъ вселенскимъ патріархомъ и поминалъ бы его при священнослуженіяхъ; а патріархія требуетъ, чтобъ и всѣ прочіе болгарскіе митрополиты были поставляемы вселенскимъ патріархомъ и поминали бы его имя.

2. Болгаре желаютъ, чтобъ уставъ, по которому будетъ управ-

Digitized by Google

ляться ихъ экзархать, былъ представленъ на утвержденіе и признаніе только султанскаго правительства, а вселенская патріархія требуетъ, чтобъ уставъ былъ представленъ на утвержденіе патріарха.

3. Болгаре желаютъ, чтобъ ихъ экзархъ, по избраніи его болгарскимъ синодомъ, утверждаемый грамотою вселенскаго патріарха, былъ утверждаемъ и опредѣляемъ императорскимъ бератомъ. А патріархія присовокупляетъ, чтобъ этотъ бератъ былъ выдаваемъ не иначе, какъ по представленію вселенскаго патріарха, и отсылался непосредственно къ экзарху.

4. Въ составъ болгарскаго экзархата предназначаются, между прочимъ, и такія епархіи и мѣстности, которыя, по замѣчаніямъ патріархіи, не должны входить въ составъ ея.

Указывая на эти разности, синодъ замѣчаетъ: «Во всякомъ случаѣ, каждый безпристрастный можетъ согласиться, что эти разности, при рѣшеніи греко-болгарскаго вопроса, несущественны въ дѣлѣ, и что изъ-за нихъ не стоитъ созывать вселенскаго собора. Каждый безпристрастный долженъ согласиться, что изъ-за такихъ незначительныхъ разногласій было бы несправедливо отвергать, отлучать отъ церкви и называть раскольниками болгаръ.»

Таковъ въ сущности новый отвѣтъ святѣйшаго синода. Первый отвѣтъ его проникнутъ былъ живѣйшимъ сочувствіемъ къ страждущей константинопольской церкви и слишкомъ глубокимъ уваженіемъ къ правамъ ея. Уваженіе это доходило до того, что святѣйшій синодъ совѣтовалъ болгарамъ не домогаться полной церковной самостоятельности. И при всемъ томъ константинопольская печать разразилась страшными перунами противъ этого отвѣта, наговорила по поводу его много нелѣпостей на русскихъ скиѳовъ и на все славянство вообще. И все изъ-за того, что святѣйшій синодъ русскій не осудилъ всѣхъ желаній болгаръ, но, вопреки заявленію прочихъ восточныхъ іерарховъ, призналъ нѣкоторыя изъ этихъ желаній *естественными*, *основательными*, *законными*. Патріархія, которая оставила безъ всякаго вниманія благой совѣтъ святѣйшаго синода къ прекращенію распри, этимъ самимъ доказала, что и она раздѣляетъ взглядъ извѣстной константинопольской печати на этотъ отвѣтъ. Какимъ же образомъ будетъ встрѣчено ею нынѣшнее прямое и откровенное слово святѣйшаго синода, который прямо высказываетъ ей, что она сама, своимъ нерадѣніемъ, создала себѣ то положеніе, выходъ изъ котораго она напрасно ищетъ въ созваніи вселенскаго собора? Корреспон-

Digitized by Google

дентъ «Московскихъ Вѣдомостей» уже извѣстилъ насъ, что константинопольскія греческія газеты, узнавши только по наслышкѣ о содержаніи новаго отвѣта святѣйшаго синода, принялись уже, по своему обыкновенію, стращать турецкое правительство предстоящими ему опасностями отъ интригъ панславизма. Одна изъ нихъ, на примѣръ, усиливается доказать, что отвѣты русской и сербской церквей направлены противъ турецкаго правительства, ибо ведутъ де къ безконечному продолженію распри и соединенныхъ съ нею безпорядковъ, за которые отвѣтственность будетъ возложена на правительство Порты. Другая разсуждаетъ, что Россія, для осуществленія задачъ своей политики, бросила сѣмена раздора между двумя народами, которые доселѣ жили между собою въ согласіи (?!), но на будущее время, вслѣдствіе церковнаго раскола и стремленій одного изъ нихъ, болгарскаго, усердно служить началамъ панславизма и захватывать права другаго, будутъ всегда разъединены; что Россія для той же цѣли разрушила привиллегіи цареградскаго патріаршаго престола. По той же причинѣ и святѣйшій всероссійскій синодъ, вмѣсто того, чтобы прямо служить церкви, направляетъ свои дѣйствія по внушеніямъ политики.

Не въ первый разъ стращаютъ такимъ образомъ турецкое правительство, которое уже не разъ объявляло этимъ лжедоносчикамъ на болгаръ, чтобъ они не слишкомъ безпокоились на этотъ счетъ, что оно само съумѣетъ отыскать и наказать опасныхъ панславистовъ, если таковые дѣйствительно окажутся между болгарами. Вотъ почему мы не придаемъ никакого значенія новымъ доносамъ греческой печати въ Константинополѣ. Мы привели образчики ея сужденій по поводу отвѣта святѣйшаго синода совсѣмъ съ другою цѣлью. По болгарскому вопросу, между патріархіею и этою печатью существуетъ нѣкотораго рода солидарность, въ виду которой нелѣпыя сужденія послѣдней даютъ поводъ думать, что патріархія не поспѣшитъ загладить свои ошибки и намѣревается грозить расколомъ. Но кто будетъ отвѣтственъ за этотъ расколъ?

Въ посланіи своемъ къ святѣйшему синоду, патріархъ увѣряетъ, что болгаре сами заправляли составленіемъ султанскаго фирмана, который поэтому де выражаетъ всѣ ихъ желанія. А между тѣмъ, что же мы видимъ? Фирманъ этотъ учреждаетъ болгарскій экзархатъ, къ которому онъ причисляетъ пока только тѣ епархіи, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что населены ис-

Digitized by Google

ключительно болгарами; изъ епархій же съ смѣшаннымъ населеніемъ только тѣмъ предоставлено право присоединяться къ болгарскому экзархату, которыхъ все населеніе, или, по крайней мѣрѣ, двѣ трети его выскажутся за это присоединеніе. Неужели это продиктовали болгаре? Фирманъ учреждаетъ болгарскій экзархатъ, который будетъ управляться своимъ собственнымъ синодомъ по особенному уставу; но глава этого экзархата будетъ поставляемъ или подтверждаемъ константинопольскимъ патріархомъ и будетъ поминать имя послѣдняго въ священныхъ служеніяхъ. Кромѣ того, синодъ болгарскаго экзархата долженъ испрашивать св. мѵро для всего своего округа у вселенскаго патріарха. Неужели и это писано подъ диктовку *предводителей болгаризма*? Намъ хорошо извѣстны желанія болгаръ: они желали имѣть совершенно самостоятельную церковь, со всѣми правами незаконно уничтоженныхъ ихъ патріархій, охридской и терновской. Зная это, мы никакъ не можемъ допустить, что фирманъ писанъ подъ диктовку предводителей болгаризма, или, другими словами, что онъ выражаетъ вполнѣ желанія болгаръ, какъ увѣряетъ патріархъ, и въ этомъ случаѣ скорѣе повѣримъ Аали-пашѣ, который не разъ объяснялъ патріарху, что при составленіи фирмана имѣлись главнымъ образомъ въ виду замѣчанія и проектъ патріархіи, въ пользу которой желанія болгаръ урѣзаны до того, что изъ совершенно самостоятельной церкви они снизошли до полунезависимаго экзархата. И если болгаре приняли этотъ фирманъ съ благодарностію, то это значитъ, что они, ради мира, отказались отъ многаго. Они даже согласились, чтобъ экзархъ ихъ былъ поставляемъ константинопольскимъ патріархомъ, за что едва ли бы похвалилъ ихъ древній блюститель неприкосновенности самостоятельной болгарской церкви, сказавшій, какъ мы имѣли уже случай замѣтить: «Кто, развѣ только вовсе выжившій изъ ума, потерпитъ присутствіе между болгарами цареградскаго экзарха?» и проч. Чего же еще не достаетъ патріархіи? Она требуетъ еще: чтобы не только экзархъ, но и прочіе болгарскіе митрополиты были поставляемы патріархомъ и поминали его имя въ священныхъ служеніяхъ; чтобъ уставъ болгарской церковной области былъ представленъ на утвержденіе патріарха; чтобы бераты (дипломы) болгарскимъ архіереямъ выдаваемы были Портою не иначе, какъ по представленію вселенскаго патріарха. Другими словами, она требуетъ, чтобы патріархъ остался по прежнему предстателемъ болгаръ передъ турецкимъ правитель-

Digitized by Google

ствомъ. Вотъ каковы, обойденныя султанскимъ фирманомъ, требованія патріархіи. Что касается требованія ея о томъ, чтобъ извѣстныя епархіи не входили въ составъ болгарскаго экзархата, то оно съ излишкомъ удовлетворено фирманомъ, по смыслу котораго, какъ мы упомянули уже, только такія епархіи должны входить въ составъ экзархата, которыхъ все населеніе или, по крайней мѣрѣ, двѣ третьи его пожелаютъ этого. Поэтому, оставляя это требованіе патріархіи, какъ вполнѣ удовлетворенное, мы скажемъ нѣсколько словъ о прочихъ трехъ ея требованіяхъ, которыя дѣйствительно обойдены фирманомъ. Эти обойденныя требованія, кромѣ того, что лишены всякаго каноническаго основанія, но еще и находятся въ прямомъ противорѣчіи съ сдѣланными уже патріархіею уступками.

Если патріархъ уже соглашается поставлять болгарамъ экзарха, который бы считался главою болгарской церковной области, то почему же этотъ экзархъ не можетъ поставлять подвластныхъ себѣ митрополитовъ, которые, по отношенію къ нему, суть тѣ же епископы? Какая же надобность имъ ѣздить въ Константинополь, чтобы тамъ поставлялъ ихъ патріархъ непремѣнно? Если патріархія предоставляетъ болгарскому синоду право, независимо отъ вселенскаго патріарха, вести внутреннее управленіе болгарскою церковною областію, то къ чему требовать, чтобъ уставъ этого управленія былъ представляемъ на утвержденіе патріарха? Наконецъ, зачѣмъ считать болгаръ какими-то недорослями и требовать, чтобы по своимъ церковно-народнымъ дѣламъ они сносились съ правительствомъ не иначе, какъ посредствомъ патріарха?

Каноническая несостоятельность этихъ требованій ясна сама по себѣ; ихъ логическое противорѣчіе сдѣланнымъ уже патріархіею уступкамъ было указано въ свое время Аали-пашею. И не смотря на это, патріархія съ одинаковымъ упорствомъ продолжаетъ настаивать на нихъ. Во имя ихъ она созывала вселенскій соборъ, а когда онъ не удался, то солидарная съ патріархіею печать стала угрожать православному міру расколомъ. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ обстоятельнѣе разъяснить настоящій смыслъ этихъ, по видимому, несущественныхъ въ дѣлѣ требованій.

Въ Турціи архіерей не то, что въ Россіи: тамъ онъ не только служитель церкви и духовный пастырь, но и представитель своей паствы передъ свѣтскою властію, вслѣдствіе чего его голосъ

Digitized by Google

пользуется большимъ значеніемъ, какъ въ турецкихъ мезлишахъ, такъ и въ гражданскихъ собраніяхъ христіанъ. До реформъ, совершенныхъ при нынѣшнемъ султанѣ, а отчасти и при его предшественникѣ, архіереи были единственными посредниками между православной раей и правительствомъ. Имъ предоставлены были право и власть защищать эту раю отъ произвола мѣстныхъ властей; они должны были сообщать раѣ касающіяся ея новыя распоряженія правительства и содѣйствовать приведенію ихъ въ исполненіе. Въ рукахъ высшаго духовенства находилось не только церковное управленіе, но и значительная доля свѣтской власти, которою облачаютъ его султанскіе бераты, выдаваемые архіереямъ при ихъ поставленіи. Отсюда понятно то исключительное положеніе архіереевъ въ Турціи, въ силу котораго они—на сколько духовные пастыри, на столько же и свѣтскіе владыки. Понятно и то рвеніе, съ которымъ ловкіе константинопольскіе греки накинулись, чтобы закрѣпить за собою всѣ архіерейскія мѣста между православными жителями Турціи. И этого они достигли нисколько не *превосходствомъ своего просвѣщенія*, какъ стараются насъ убѣдить, а благодаря другаго рода превосходствамъ, дѣйствительно отличающимъ ихъ передъ прочимъ населеніемъ Балканскаго полуострова,—превосходствамъ, которыя давали имъ возможность не задумываться ни передъ какими средствами. Говоря объ уничтоженіи ипекской и охридской патріархій, мы указали нѣсколько на характеръ средствъ, къ которымъ они прибѣгали.

Дабы убѣдиться, что они употребляли такого рода средства даже и не противъ иноплеменниковъ, стóитъ только пробѣжать исторію константинопольской патріархіи за послѣднія три столѣтія: тамъ мы то и дѣло наталкиваемся на взаимныя *ссаживанія* между греками,—ссаживанія самаго циническаго свойства. Укажемъ хоть на два примѣра: въ 1612 году, на константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ мѣнялись три патріарха: второму согнать перваго стоило всего 25,000 червонцевъ, а третій, съ помощію 30,000 такихъ же червонцевъ, ссадилъ и втораго. Немного лѣтъ спустя, мы снова видимъ троихъ соискателей патріаршаго престола: одинъ изъ нихъ—извѣстный Кириллъ Лукари, котораго соперники отлучили отъ церкви за то, что онъ продалъ де свою вѣру кальвинистамъ для того только, чтобы голландскій посланникъ помогъ ему своимъ вліяніемъ при Пóртѣ возвратиться на патріаршій престолъ. Другой, отлучившій Лукари за

Digitized by Google

вѣротступничество, въ то же самое время входитъ въ сдѣлку съ католическою пропагандою, обѣщая ей подчиниться папѣ, если только католическія державы помогутъ ему удержаться на патріаршемъ престолѣ. Наконецъ, третій, чтобы ссадить своего союзника противъ Лукари, поспѣшилъ въ Италію, подчинился папѣ и обѣщалъ ему полнѣйшее послушаніе во всемъ. Мы указываемъ на эти факты не только въ опроверженіе того мнѣнія, которое силится доказать, что греки, благодаря своему *превосходству надъ бѣдными просвѣщеніемъ народами Балканскаго полуострова*, упрочили за собою власть надъ ними; но факты эти избавятъ насъ и отъ труда распространяться о томъ, какого рода люди были греческіе архіереи въ Болгаріи, какими средствами они получали свои епархіи, и чего можно было ожидать отъ нихъ для болгаръ, отданныхъ въ ихъ полную власть. Мы не будемъ распространяться и о томъ, какими средствами эти архіереи, по прибытіи въ болгарскія свои епархіи, старались вознаградить не только себя за труды и жертвы, какихъ стоило имъ пріобрѣтеніе епархій, но еще и многихъ своихъ помощниковъ и покровителей. Скажемъ только коротко, что константинопольскіе греки, вслѣдствіе такого порядка вещей, пріучились смотрѣть на болгарскія епархіи какъ на доходное имѣніе, которое обезпечивало имъ богатое, роскошное существованіе; на болгаръ же, которые подъ ихъ архіерейскою властію изъ народа превратились въ болгарогласную деревенщину (βουλγαρόφωνοι χωριάται), они привыкли смотрѣть какъ на своихъ крѣпостныхъ людей. Вотъ этотъ взглядъ, превратившійся въ вѣковую традицію для константинопольскихъ грековъ, сказывается и теперь въ требованіяхъ патріархіи. «Пока отъ насъ будетъ зависѣть поставленіе всѣхъ болгарскихъ митрополитовъ, пока мы будемъ оставаться предстателями болгаръ передъ Портою,—наше дѣло не пропало еще». Вотъ истинный смыслъ этихъ требованій, которыхъ, надобно сказать, добрый патріархъ Григорій, можетъ быть, есть только глашатаемъ. Формулируются же они въ той самой греческой средѣ, которая смотритъ на болгаръ какъ на свою родовую собственность и которую откровенное и правдивое слово святѣйшаго синода повергаетъ въ страшное горе. Изступленная, она мечется во всѣ стороны: то стращаетъ Порту панславизмомъ, то пугаетъ православныхъ христіанъ расколомъ, то, наконецъ, по новѣйшимъ слухамъ, намѣревается искать у моднаго нѣмецкаго императора покровительства противъ болгаръ.

Digitized by Google

Не нужно доказывать, что болгаре хорошо понимаютъ всю сущность этихъ, по видимому, ничтожныхъ требованій патріархіи. Они очень хорошо знаютъ, что предстательство грековъ передъ Портою держало ихъ въ томъ безапелляціонномъ положеніи, въ которомъ они извѣдали столько горя и которое привело ихъ народность къ тому, что она находилась на краю совершеннаго исчезновенія. Болгаре не скрываютъ сущности своей борьбы за возстановленіе своей народной церкви. «Мы боремся, заявляютъ они во всеуслышаніе, за церковь, но дѣло идетъ собственно о бытіи и благоденствіи нашей народности. Только съ освобожденіемъ отъ греческой патріархіи, наше отечество можетъ выйти изъ мрака, изъ тьмы въ свѣтъ. Мы ждемъ отъ народной церкви, чтобы она озарила и согрѣла оледенѣвшія подъ греческимъ игомъ духовныя силы нашего народа и вызвала ихъ къ жизни». А эти благія ожиданія немыслимы, если болгаре, хотя и будутъ пользоваться самостоятельнымъ церковнымъ управленіемъ, будутъ имѣть предстателемъ передъ Портою греческую патріархію. Вотъ почему уступать и этимъ требованіямъ патріархіи для нихъ значитъ лишиться всѣхъ благъ, которыя они пріобрѣли долголѣтней борьбою, стоившею имъ столькихъ усилій и столькихъ жертвъ. Дѣло болгарской церкви есть дѣло болгарской народности.

М. Дриковъ.

Digitized by Google

БЫЛЬ

(ИЗЪ СЛѢДСТВЕННАГО ДѢЛА)

посвящается Е. П. Лужиной.

I.

Когда-то въ деревнѣ глухой и далекой,
На бѣдномъ дворишкѣ, въ убогой избѣ,
Жилъ Ваня сиротка, бобыль одинокій,
Въ работѣ тяжелой покорный судьбѣ.
И тихо, день за день, въ глухой деревушкѣ,
Бездольная жизнь одиночки текла;
Да видно на грѣхъ ужь, въ сосѣдней избушкѣ
Красоточка Маша на диво росла.
Она была дѣвка собою картина.
(Отецъ ея старостой прежде служилъ.)
И Ваня былъ тоже изрядный дѣтина
И умникомъ первымъ въ деревнѣ онъ слылъ.
И разъ, въ посидѣлкахъ, красавица Маша
Заигрывать съ Ваней сама начала,
А Ваня отвѣтилъ.... и парочка наша
Слюбилась и счастье и радость нашла.
И Ваня о горькой сиротской недолѣ,
О скукѣ, кручинѣ совсѣмъ позабылъ;
Онъ зналъ, что любимъ онъ, самъ Машу любилъ:—
Отъ доли суровой не требовалъ болѣ.
Росло удивленіе только въ сосѣдкахъ,
Что Ваню на играхъ нигдѣ не видать;
А въ зимнее время, въ веселыхъ посѣдкахъ,
Лишь съ Машей любилъ онъ сидѣть и играть.

Digitized by Google

II.

Но, видно, завистливо смотритъ судьбина
На счастье и радость, что ею-жь далось,—
За радостью слѣдуетъ скоро кручина,
И съ Ваней бѣднягою то же сбылось.
Прискучило Машѣ его милованье,
Не жгло оно больше горячую кровь,
И презрѣла Маша и преданность Вани
И честную душу, святую любовь.
Сосѣдній помѣщикъ—гусаръ волокита
Ни денегъ, ни словъ для нея не жалѣлъ,
И Машею счастіе было забыто,
И взятъ былъ позоръ и несчастье въ удѣлъ....
А вечеромъ позднимъ, въ избушкѣ убогой,
У Вани послѣдній горѣлъ огонекъ,
А къ утру онъ шелъ ужь большою дорогой,
И труденъ былъ путь и тяжолъ и далекъ.
Онъ зналъ, что не можетъ ни лаской, ни силой
Прошедшей желанной любви воротить,
И лучше хотѣлъ, не видаяся съ милой,
Въ дали, на чужбинѣ, недолю забыть.
Упала слеза на родимое поле,
Заныло сердечко, душа замерла....
Но Ваня былъ крѣпокъ—и горькую долю
Душа безбоязненно, тихо снесла....
На Волгѣ широкой съ ярмомъ на плечахъ,
Съ косой молодецкой въ симбирскихъ степяхъ,
Безъ устали бравый Ванюша гулялъ.
Да вотъ въ чемъ причина: всегда онъ спускалъ
Въ веселомъ пиру трудовую копѣйку —
Хотѣлъ затопить онъ тоску лиходѣйку....

III.

И вотъ, безпаспортный, въ деревнѣ своей
Онъ снова живетъ за невзносъ податей.
Не хочетъ никто заглянуть къ нему въ душу:
Бездомнымъ бродягой считаютъ Ванюшу.

Digitized by Google

И Машу хотѣлъ бы онъ снова любить,
Да трудно убитую душу лечить,
И трудно въ развалинахъ счастья былова
Найти дорогое и милое снова...

. . . . . .

И вотъ на задворкахъ, въ ометѣ сѣнномъ,
Увидѣли Машу.... злодѣйскимъ ножомъ
Порѣзана шея и грудь молодая....
И молвила тихо она, умирая:
«Простите!... Я грѣшница!... дайте взглянуть
«На милаго Ваню и слово шепнуть....»
Но тутъ отлетѣла душа молодая,
И слово застыло на блѣдныхъ устахъ.
Не выдала Вани она, умирая....
Но выдалъ онъ самъ себя: кровь на рукахъ
И съ дѣломъ согласное тотчасъ признанье;
Его, какъ убійцу, вели къ наказанью.
И молча прослушалъ онъ свой приговоръ
И тихо бродилъ потухающій взоръ
Надъ праздно глазѣвшей понурой толпою,—
Какъ будто кого-то онъ встрѣтить желалъ,
Какъ будто кого-то еще умолялъ—
Простить и поплакать надъ грѣшной душою....

И снова онъ въ дальній пускается путь;
Но страшно цѣпей его звонъ раздается,
И грустно несчастный страдалецъ плетется
Хоть въ ссылкѣ отъ жизненныхъ бѣдъ отдохнуть!

Н. Орловъ.

Москва
21 января 1871 г.

Digitized by Google

362 e

НОВЫЯ КНИГИ

РУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Вступленіе.—Необходимыя условія лучшаго суда по требованіямъ науки.—Вопросъ о свободѣ ассоціаціи и народныхъ собраній.—Негодность паспортовъ, какъ полицейской мѣры.—Значеніе предварительной цензуры, какъ мѣры, ограждающей возможность правонарушенія посредствомъ печатнаго слова.—Порядокъ мироваго разбирательства по дѣламъ о нарушеніяхъ доходовъ казны.—Четыре вопроса гражданскаго права.—Двѣ книги по поводу процеса г-жи Дмитріевой.

Преобразованіе суда оживило юридическую жизнь нашего отечества. Призваніе цѣлаго населенія, въ лицѣ присяжныхъ, къ участію въ непосредственномъ отправленіи правосудія, избирательный мировой судья, гласность и публичность судопроизводства—все это такія условія, при которыхъ общество стало непосредственнѣе, цѣльнѣе, тѣснѣе относиться къ юридическимъ явленіямъ жизни. Отсюда—несомнѣнный подъемъ любознательности по отношенію къ предметамъ правовѣдѣнія. Но кромѣ этой, такъ сказать, теоретической стороны въ отношеніяхъ общества къ юридическимъ явленіямъ, есть еще и другая сторона: интересъ къ предмету правовѣдѣнія усилился, и изъ побужденій чисто практическихъ. Дѣйствуетъ ли гражданинъ въ качествѣ избирателя мировыхъ судей, является ли онъ какъ присяжный въ судѣ, намѣревается ли онъ самъ занять великую должность мироваго судьи,—во всѣхъ этихъ случаяхъ, хотя и не въ равной мѣрѣ, но въ большей или меньшей степени, непремѣнно требуется обладаніе юридическими свѣдѣніями. Не говоримъ уже о кандидатахъ на должность мироваго судьи: для нихъ безъ юридической подготовки,—по крайней мѣрѣ путемъ чтенія и житейской практики, — невозможно исполненіе обязанностей; но и для избирателей и для присяжныхъ невозможно сознательно-добросовѣстное исполненіе долга безъ нѣкотораго знакомства съ юридическими явленіями жизни. Но этого мало: указанная практическая полезность общихъ юридическихъ

Digitized by Google

познаній обнимаетъ не одинъ только рядъ случаевъ, при которыхъ болѣе или менѣе непосредственно русскій гражданинъ принимаетъ участіе въ юридической жизни страны, какъ избиратель судей, какъ присяжный, какъ судья. Есть и другое житейское побужденіе къ пріобрѣтенію этихъ познаній. Каждый изъ насъ есть единица въ общегражданской жизни: каждый есть единица нравственная, имѣющая свою личность, личныя права; каждый, въ то же время, представляетъ и хозяйственную личность, какъ совокупность имущественныхъ интересовъ. При прежнемъ порядкѣ суда, устроенномъ по системѣ опеки, мы могли быть небрежнѣе, равнодушнѣе въ стремленіи лично, непосредственно охранять свои интересы; на обязанности суда лежало, въ силу основнаго принципа его, достигать и безъ указанія отдѣльнаго лица возстановленія правъ. Теперь не то: въ гражданскихъ, имущественныхъ дѣлахъ судъ является лишь посредникомъ, возстановляющимъ права въ такой только мѣрѣ, въ какой отъ него требуютъ сами спорящія стороны. Великое начало уваженія къ личности, къ личному начинанію, къ личной самодѣятельности положено во главу угла состязательнаго процеса. Самостоятельность сторонъ на судѣ такъ значительна, что успѣхъ ихъ дѣла, торжество ихъ правъ нерѣдко зависитъ отъ ихъ ловкости, умѣнья, отъ ихъ знакомства съ своими положительными правами. Имущественный ущербъ, въ случаѣ невыигрыша процеса,—по неосновательности ли его предъявленія, или по небрежности въ представленіи доказательствъ своихъ правъ,—есть какъ-бы заслуженная кара гражданина за нерадѣніе о своихъ интересахъ, за незнаніе своихъ правъ. Единственная опора для небрежнаго въ отношеніи къ себѣ гражданина—адвокаты, конечно, не всегда и не вполнѣ могутъ замѣнить собственное знаніе своихъ правъ. Такое же положеніе занимаетъ гражданинъ и по отношенію къ уголовнымъ дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія, и еще къ большей массѣ дѣлъ, наиболѣе встрѣчающихся въ жизни каждаго,—въ дѣлахъ мироваго суда. Такое отношеніе къ судебной власти, по необходимости, заставляетъ каждаго ближе ознакомиться съ своими правами и обязанностями; другими словами: здѣсь заключается необходимость имѣть нѣкоторыя юридическія познанія. Но и въ этомъ предѣлѣ еще не конецъ современной важности юридическихъ знаній. Благодаря новому порядку суда, чувство законности, уваженіе къ закону, т. е., законное охраненіе своихъ правъ и признаніе правъ другаго и обязанностей по отношенію къ обществу, со дня на день дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Законность дѣлается постепенно первою потребностью, насущнымъ интересомъ дня; преклоняться предъ нею есть практическая необходимость: нарушая права другихъ, не исполняя юридическихъ обязанностей къ обществу и установленныхъ требованій закона, мы дѣлаемся жертвою судебнаго преслѣдованія, которое, при справедливости новаго суда, не можетъ не причинять ущерба нашимъ личнымъ и

Digitized by Google

имущественнымъ правамъ. Но какъ мы будемъ соблюдать законность въ своихъ дѣйствіяхъ, если мы не знаемъ положительно своихъ правъ и обязанностей? Расчитывать на одинъ здравый смыслъ и житейскій опытъ—дѣло далеко не выгодное. Справедливо или нѣтъ, но часто здравый смыслъ расходится съ требованіями закона, и пока законъ не будетъ измѣненъ согласно требованіямъ здраваго смысла гражданъ, судъ имѣетъ право, и даже обязанъ, принудить насъ исполнить требованіе закона. Охранять существованіе законныхъ правъ — единственная задача суда. Если и предположить, что судъ, хотя и строгій, но справедливый, смягчитъ наказаніе или вовсе его не назначитъ, во вниманіе къ тому, что требованія закона расходятся съ потребностями жизни,—все же самое привлеченіе къ суду, всегда возможное въ подобномъ случаѣ, есть уже великая непріятность въ жизни—и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Но вы скажете, что можно расчитывать еще на опытъ, на житейскій случай. Уже давно признано, что опытъ—односторонній и слишкомъ дорогой и медленный учитель. Да притомъ и самое знаніе есть не что иное, какъ сводъ данныхъ изъ житейскаго опыта и наблюденія людей въ теченіе долгаго времени. Каждому повторять тѣ же опыты не приходится по краткости жизни и по трудности задачи. Да и работа эта почти всегда бываетъ безполезна: она приведетъ почти къ тѣмъ же выводамъ, которые, въ видѣ готовыхъ правилъ, даетъ знаніе. Слѣдовательно, какъ мы ни перевернемъ вопросъ, все окажется, что возрастающее не по днямъ, а по часамъ чувство законности въ нашей жизни заставляетъ каждаго, изъ чисто практическихъ интересовъ, стряхнуть свою лѣнь, дѣятельнѣе относиться къ жизни и поближе ознакомиться съ своими правами и обязанностями. Здѣсь опять, стало быть,—новое доказательство въ пользу необходимости юридическихъ свѣдѣній.

Но есть и еще одна практическая цѣль, по которой мы должны расширить свои юридическія познанія. Послѣднее время богато преобразованіями. Перечислять ихъ — значило бы повторять въ тысячу первый разъ то, что уже всѣмъ извѣстно и о чемъ безчисленное множество разъ и писалось и читалось. Достаточно сказать, что всѣ эти преобразованія, идущія сверху и, стало быть, мало знакомыя большинству до ихъ провозглашенія, — достаточно сказать, что эти преобразованія во многомъ измѣнили наши отношенія другъ къ другу, къ властямъ, къ обществу. Не знать этихъ измѣненій нельзя: это значило бы почти то же, что умереть. Какъ бы мы ни были равнодушны ко всѣмъ этимъ даруемымъ милостямъ, какъ бы мы ни смотрѣли на нихъ,—хотя бы мы и видѣли въ нихъ лишь перемѣну одной внѣшности съ незначительнымъ измѣненіемъ сущности дѣла,—во всякомъ случаѣ, мы должны познакомиться съ этими перемѣнами. Перемѣны эти касаются нашихъ правъ и обязанностей. Опять, слѣдовательно,—та же неотвязчивая необходимость юридическихъ познаній въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Digitized by Google

Итакъ, сказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобы признать, что книжки юридическаго содержанія потеряли въ настоящее время характеръ спеціальности. Онѣ теперь должны по необходимости интересовать не только людей юридической науки, не только практиковъ, такъ или иначе причастныхъ юридической жизни страны,—онѣ должны интересовать, по указаннымъ выше причинамъ, всѣхъ гражданъ, читающихъ какія либо книжки.

Въ виду такой потребности общества, и самая юридическая литература разрослась въ послѣдніе годы и значительно измѣнилась по своему содержанію и изложенію. Это вполнѣ понятно: изъ всѣхъ сторонъ жизни, литература, если она хотя сколько нибудь свободна, наиболѣе способна отражать потребности времени, наиболѣе способна отвѣчать на запросы жизни. Мы думаемъ, что, при такомъ значеніи русской юридической литературы въ настоящее время, на насъ лежитъ обязанность знакомить читателей съ новостями этой литературы. Мы надѣемся, что наши статьи найдутъ читателей не во одной средѣ спеціалистовъ,—на нихъ мы мало расчитываемъ,—а вообще между образованными людьми. Этихъ послѣднихъ мы и будемъ имѣть въ виду при составленіи своихъ отзывовъ о книгахъ и очерковъ ихъ содержанія.

Судебная реформа въ Россіи. *М. А. Филиппова.* Спб. 1871 г. Т. I. Ч. I. Судопроизводство.

Авторъ этой книги, вѣроятно, извѣстенъ по своимъ статьямъ многочисленнымъ читателямъ конца пятидесятыхъ годовъ покойнаго журнала «Современникъ». Цѣль его настоящаго сочиненія—критическое изученіе нашего преобразованнаго судоустройства и судопроизводства. При этомъ онъ имѣетъ въ виду такую критику, которая познакомила бы читателей: 1) съ недостатками прежняго законодательства, 2) съ общими научными началами судоустройства и судопроизводства и 3) съ причинами, вызвавшими то или другое положеніе новыхъ уставовъ.—Поставивъ себѣ такую задачу, авторъ подвергаетъ научному и практическому разсмотрѣнію старые и новые законы по этому предмету, а также и всѣ мнѣнія, высказанныя при начертаніи судебнаго преобразованія. Поэтому г. Филипповъ разсматриваетъ всѣ труды и мнѣнія редакціонной коммисіи, всѣ присланныя въ коммисію замѣчанія и основанія государственнаго совѣта.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что такой трудъ необходимъ и притомъ какъ нельзя болѣе своевременъ въ настоящую минуту. Тревожные слухи, еще такъ недавно бродившіе въ обществѣ,—слухи о попыткахъ исказить сущность судебнаго преобразованія, посредствомъ изданія новыхъ дополненій и измѣненій въ уставахъ 20 ноября 1864

Digitized by Google

года,—эти слухи заставляютъ общество ближе, короче ознакомиться съ великими основными началами преобразованія. Знакомство съ ними усилитъ чуткость общества и дастъ ему возможность подмѣтить грѣховность покушеній той горсти людей, которая готова заставить сдѣлать шагъ назадъ въ дѣлѣ суда, чтобъ удовлетворить своей ветхозавѣтной похоти къ чиновничьей опекѣ надъ русской жизнью. Но такая безпристрастная критика въ дѣлѣ судебнаго преобразованія въ то же время заставитъ прозрѣть и тѣхъ людей, которые воображаютъ, что великія основы реформы проведены въ уставахъ 20-го ноября до конца, послѣдовательно, безъ малѣйшихъ уступокъ разнымъ практическимъ соображеніямъ и злобѣ дня. Они путемъ подобнаго изученія дѣла судебнаго преобразованія могутъ убѣдиться, что старый чиновничій опекунскій духъ оставилъ за собою въ судебныхъ уставахъ еще много лазѣекъ для того, чтобы портить своимъ тлетворнымъ вліяніемъ прекрасное дѣло судебной реформы. Они убѣдятся, что люди, не преклоняющіеся передъ судебными уставами какъ передъ святыней, въ которой должна быть неприкосновенна непослѣдовательность, отступленіе, опечатка даже въ буквѣ,—они убѣдятся, что ихъ противники желаютъ въ этихъ уставахъ измѣненія лишь того, что противорѣчитъ основнымъ началамъ реформы, что внесено въ нихъ лишь благодаря неблагопріятнымъ вліяніямъ временныхъ обстоятельствъ.—Наконецъ, такая критика будетъ плодотворна еще и какъ лучшее доказательство, что судебная реформа есть лишь начало, одна часть тѣхъ преобразованій, которыя неотложно необходимы въ нашемъ политическомъ строѣ; эта критика доказываетъ, что безъ этихъ преобразованій дорогая и любезная каждому судебная реформа завянетъ, заглохнетъ среди неблагопріятной обстановки.—Книга г. Филиппова по тому и имѣетъ особенную цѣну, что онъ въ своемъ взглядѣ держится почти постоянно на высотѣ полнаго безпристрастія, чуждаго, въ одно и то же время, низкопоклонничества передъ совершившимся великимъ событіемъ и ненависти къ его коренному значенію въ жизни. Онъ чутко прислушивается къ голосу жизни и тонко замѣчаетъ почти все существенное въ уставахъ 20-го ноября, въ чемъ это существенное соотвѣтствуетъ трезвымъ запросамъ жизни и въ чемъ оно идетъ въ разладъ съ живыми потребностями и пахнетъ затхлой стариной. Появленіе книги г. Филиппова тѣмъ болѣе важно, что она назначается для дѣльной читающей среды вообще, а не для ученыхъ, и, какъ мы увидимъ ниже, цѣль эта по возможности достигнута г. Филипповымъ.

«Цѣль моя, говоритъ онъ, не писать ученое, а по возможности популярное сочиненіе, т. е. такое, которое бы служило руководствомъ не столько для преподавателей, сколько для каждаго, желающаго изучить теорію судоустройства и судопроизводства въ примѣненіи ея къ нашему отечеству. Согласно съ этой-то цѣлью, продолжаетъ онъ, не могу обременить моего сочиненія ни слишкомъ обширнымъ изложеніемъ фи-

Digitized by Google

лософскихъ системъ, ни обильнымъ историческимъ изложеніемъ предметовъ суда и судопроизводства, ни подробнымъ изложеніемъ иностранныхъ положительныхъ законодательствъ. Вотъ почему я преимущественно и обращу вниманіе моихъ читателей на общія теоретическія стороны предмета, на его видоизмѣненіе и примѣненіе къ нашему законодательству; философскихъ же системъ, исторіи иностранныхъ законодательствъ и литературы коснусь на столько, чтобы, не затемняя дѣла, дать ясное о нихъ понятіе.

«Независимо отъ этого, я, по возможности, буду избѣгать догматическаго метода изложенія. Послѣдній методъ принятъ во всѣхъ курсахъ; но сухость изложенія положеній науки не только затемняетъ нерѣдко ихъ смыслъ, но отбиваетъ даже охоту въ читателѣ дочитывать книгу. По этому всему, изслѣдованію своему я придаю болѣе критическую, чѣмъ научно-курсовую форму. Для того же, чтобы сочиненіе мое могло служить *пособіемъ для практиковъ*, я, кромѣ полнаго изложенія текста преобразованнаго нашего судоустройства, буду еще излагать практическіе примѣры, формы и т. д.,—словомъ, все то, что необходимо для теоретико-практическаго изученія нашего судебнаго законодательства.

«Иностранная и отечественная литература по судоустройству и судопроизводству также не будутъ забыты мною: по временамъ, я буду и ихъ касаться; полный и обстоятельный же отчетъ по этому предмету будетъ отданъ мною впослѣдствіи, въ особой книжкѣ.

«Самое сочиненіе распредѣлено на три отдѣла, или тома: первый томъ—судоустройство, 2 части; второй томъ—судопроизводство гражданское; третій томъ—судопроизводство уголовное».

Ознакомившись съ цѣлями и характеромъ труда г. Филиппова, мы постараемся, на сколько возможно въ журнальной статьѣ, посвятить читателей въ самое содержаніе его интересной книги и изложить его взгляды на существенные вопросы разсматриваемаго имъ предмета. Въ настоящей статьѣ, пользуясь книгой г. Филиппова, мы постараемся въ сжатомъ очеркѣ изложить теоретическія научныя основанія наилучшаго устройства суда. Въ слѣдующей же книгѣ «Бесѣды» разсмотримъ, на сколько устройство суда по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года удовлетворяетъ этимъ требованіямъ научной теоріи. Наконецъ, мы разсмотримъ, на сколько наши житейскія условія позволили осуществить то судоустройство, которое указано судебными уставами.

Послѣ незначительнаго по объему введенія, посвященнаго объясненію закона общежитія, его прогресивныхъ явленій, возникновенію государственнаго союза, г. Филипповъ переходитъ къ объясненію существа одной изъ видовъ государственной власти—власти судебной:

«Съ того мгновенія, какъ въ человѣчествѣ явилось сознаніе права, въ видѣ ли грубой физической силы или идеала, совмѣщающаго въ себѣ всѣ необходимыя условія для физическаго и нравственнаго развитія че-

Digitized by Google

ловѣка,—въ немъ явилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и созна
такой власти, которая бы охраняла его право. Власт
формѣ она ни проявлялась, и получила названіе власти
существо судебной власти заключается въ томъ
етъ право въ обществѣ. Слѣдовательно, совершенст
виситъ отъ сущности самаго права, а отъ условій, ста
кое положеніе, чтобъ отправленія суда могли осущ
Совершенство права зависитъ отъ большей или мены
тости общества; поэтому, удовлетворяя матеріальным
потребностямъ общества, оно можетъ стоять на той
совершенства. Дѣло же суда—наблюдать за охраненіе
бы оно ни было. Цѣль суда, такимъ образомъ,—осущес
торое господствуетъ въ обществѣ; и совершенство ег
когда онъ исполнилъ въ точности свои обязанности
этого видно, что совершенство суда и совершенство
совершенно различныя: въ одномъ и томъ же общес
ствовать законы *самые варварскіе въ отношеніи опр
скихъ и политическихъ правъ его членовъ и вмѣстѣ
быть хорошій судъ.* Безъ всякаго сомнѣнія, гармоні
необходима: если существуютъ въ какомъ нибудь
скіе законы, то само собою разумѣется, что неправ
него благодѣяніе, а правый судъ обращается въ стр
ни нельзя допустить между судомъ и правомъ; п
ная общественная жизнь требуетъ, чтобы при хоро
соотвѣтственное ему разумное право. Но это доказы
власть судебная, какъ одинъ изъ моментовъ права, и
къ другимъ его моментамъ; въ теоріи же судоустро
сматриваться только тѣ условія, которыя должны дѣла
цѣлесообразною.

«Послѣднее вытекаетъ изъ того, что, какъ выше ска
или несовершенство гражданскаго и уголовнаго права
ности даннаго общества, его интелектуальныхъ особе
леній и потребностей, и поэтому оно всецѣло носит
тому только не препятствуютъ какія нибудь внѣшнія
токъ той степени развитости и той степени прогреса
итъ общественное сознаніе. Поэтому гражданскій и
по большей части, совпадаютъ съ требованіями боль
и, не смотря на свое несовершенство, не нарушаю
спокойствія.

«На этомъ основаніи теорія можетъ только сожал
ществахъ, которыя, имѣя у себя варварскіе гражда
законы, *остаются ими довольны*, и это сожалѣніе и
тѣмъ сожалѣніемъ, какое имѣетъ человѣкъ, привыч

Digitized by Google

къ людямъ, ведущимъ жизнь грубую. Но за то теорія не можетъ допустить несовершеннаго суда; хорошій, правый судъ есть потребность каждаго общества, на какой бы низкой ступени оно ни стояло по своему развитію. Какъ бы ни были несовершенны законы данной страны, но если они существуютъ, то значитъ, что они обнимаютъ и обусловливаютъ весь строй этого общества; а потому является необходимость имѣть такую судебную власть, которая бы давала вполнѣ осуществиться законамъ страны. Значитъ, что правый судъ есть такая же потребность общества несовершеннаго, какъ и совершеннаго, потому что онъ остается вездѣ вѣренъ своей цѣли—дать силу обычаю или закону страны, сохранить обязательную силу права и черезъ это—сущность общества.

«Цѣлесообразность же судебной власти заключается въ томъ, чтобъ она какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ проявленіи—подчинилась такимъ условіямъ, по которымъ она могла бы безпрепятственно осуществлять право своего общества, т. е., другими словами, наблюдало бы. чтобы граждане уважали взаимно свои права и не нарушали правъ чужой личности. Эта цѣлесообразность и вызываетъ: 1) чтобы власть судебная была совершенно независима и самостоятельна и отдѣлена отъ законодательной и исполнительной, и чтобы проявленіе ея было все основано на правѣ; 2) устройство ея должно быть таково, чтобъ она могла проявлять свою дѣятельность свободно и самостоятельно во всѣхъ другихъ областяхъ общественной жизни и во всѣхъ случаяхъ нарушенія права; 3) чтобъ она являлась не какъ власть, дѣйствующая сама по себѣ произвольно, а по уполномочію общества или отдѣльныхъ его членовъ, 4) чтобы формы проявленія этой власти были согласны съ ея сущностью и цѣлью.»

Здѣсь мы пока остановимся, чтобы сдѣлать нѣсколько необходимыхъ соображеній. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Филипповъ, что хорошій судъ можетъ существовать рядомъ съ несовершенными и даже варварскими законами. Но это справедливо лишь въ теоріи, а не въ жизни. И законы и судъ существуютъ для жизни, для благоденствія личности и цѣлаго общества,—и это благоденствіе есть конечная цѣль всѣхъ человѣческихъ дѣяній и человѣческихъ учрежденій. Будетъ ли это благоденствіе куплено цѣною несправедливости, нарушенія законовъ и попранія и искаженія существа и правъ того или другаго учрежденія,—во всякомъ случаѣ, человѣкъ, имѣющій возможность лишь одинъ разъ существовать на землѣ, будетъ стремиться, во что́ бы то ни стало, къ осуществленію своего благоденствія. Вотъ почему, какъ справедливо замѣчаетъ г. Филипповъ, при варварскихъ законахъ неправый судъ будетъ благодѣяніемъ, а правый обратится въ страшилище для общества. Послѣднее никогда не преклонится передъ требованіемъ отвлеченной справедливости и, конечно, постарается или измѣнить варварскіе законы на гуманные.

Digitized by Google

или же сдѣлать судъ продажнымъ, неправымъ. Вотъ почему хорошо устроенный судъ требуетъ и совершеннаго положительнаго права, хорошихъ законовъ. Разъ нѣтъ этого соотвѣтствія, судъ всегда изъ хорошаго въ законѣ, по уставу, сдѣлается плохимъ и несовершеннымъ по своей дѣятельности. Эту великую житейскую истину мы можемъ подтвердить наблюденіемъ надъ нашею современною дѣйствительностью. При несовершенствѣ нашихъ гражданскихъ законовъ, созданныхъ чиновничествомъ и далеко не соотвѣтствующихъ требованіямъ жизни, мы постоянно наблюдаемъ трагическую борьбу новаго суда въ столкновеніи съ вопросами жизни; мы постоянно слышимъ нареканіе на судъ за его формализмъ со стороны людей обладающихъ лишь здравымъ смысломъ, но не знающихъ юридическихъ тонкостей. Между тѣмъ корень этихъ нареканій—несовершенство законовъ, а не суда. Та же исторія происходитъ и въ случаяхъ уголовной практики при отсталости закона, особенно при нарушеніи не коренныхъ уголовныхъ законовъ, а тѣхъ, которые караютъ за искусственно созданные проступки, каковы преступленія печати, паспортныя, нарушенія уставовъ казенныхъ управленій и т. п. Это проявленіе борьбы живой жизни съ мертвыми законами невыгодно отражается на дѣятельности нашего молодаго суда. Если мы желаемъ, чтобы судъ осуществился въ жизни такимъ, какимъ онъ задуманъ по уставамъ; если мы желаемъ, чтобъ онъ остался навсегда такимъ,—то мы должны желать пересмотра нашего законодательства не по указаніямъ петербургскихъ чиновничьихъ коммисій, а по внушенію людей выхваченныхъ прямо изъ среды живой жизни. Чиновничья стряпня законовъ всегда будетъ разношерстна по своему характеру и всегда будетъ одинакова лишь въ одномъ отношеніи—въ своемъ разладѣ съ требованіями жизни. Голосъ свѣжей, животрепещущей жизни не прозвучитъ изъ устъ чиновника, смотрящаго на народъ какъ на опекаемое для своихъ выгодъ существо. Только самъ народъ, въ лицѣ своихъ земцовъ, можетъ сказать, какіе законы нужны землѣ.

Но перейдемъ къ книгѣ г. Филиппова. Обращаясь къ существу судебной власти, онъ находитъ, что она, какъ власть верховная, должна быть самостоятельна, независима и едина.

Первый вопросъ верховной судебной власти есть вопросъ о ея отдѣленіи отъ власти законодательной и исполнительной. Если мы вникнемъ въ характеръ дѣйствій существующихъ властей въ человѣческомъ обществѣ,—все равно, представляются ли эти власти въ лицѣ одного человѣка, или многихъ, будутъ ли эти представители власти избираться самимъ населеніемъ, или назначаться изъ среды управителей ими самими,—во всякомъ случаѣ, мы замѣтимъ, что эта дѣятельность имѣетъ троякій характеръ. Одними дѣйствіями власть устанавливаетъ правила для дѣйствій людей; другія дѣйствія—направлены къ разбору споровъ между людьми, чтобы рѣшить вопросъ, кто отступилъ отъ установленныхъ пра-

Digitized by Google

вилъ; наконецъ, третьи дѣйствія будутъ состоять въ наблюденіи за исполненіемъ установленныхъ правилъ и въ поставленіи людей въ правильныя отношенія, опредѣленныя закономъ. Этотъ тройственный характеръ дѣйствій власти и служитъ основаніемъ для раздѣленія ея на три власти: первая дѣятельность будетъ дѣятельность власти законодательной, вторая—судебной, третья—исполнительной.

«Результаты историческаго развитія и прогреса идеи верховной власти стали на томъ, что законодательная, судебная и исполнительная власти должны быть совершенно отдѣлены одна отъ другой и вѣдомство ихъ должно быть совершенно самостоятельно. Теоретическое начало этого положенія основано на исторической почвѣ и заключалось въ томъ, что смѣшеніе этихъ властей вездѣ, во всѣ вѣка, пораждало самый ужасный деспотизмъ, унижало достоинство человѣка, лишало его личности, дѣлало всѣ стороны правъ человѣка шаткими и произвольными. Объясненіе же этихъ печальныхъ явленій слѣдующее: верховная власть, какъ власть законодательная и исполнительная, установляла и приводила въ исполненіе самые жестокіе законы. Какъ власть судебная, она не могла уважать тѣ законы, которые произвольно ею измѣнялись; поэтому въ судѣ не могло быть ни системы, ни уваженія къ законамъ,— все основывалось на произволѣ. При такомъ же порядкѣ, низведя человѣка къ жизни простаго животнаго, подобная власть не могла вдохнуть въ своихъ подвластныхъ стремленія къ нравственному и экономическому совершенству. Нравственное совершенство дѣлало только человѣка болѣе несчастнымъ, а экономическаго совершенства не могло быть по тому, что каждый членъ общества, зная о непрочности права собственности, долженъ былъ прятаться съ своимъ богатствомъ, не дорожилъ имъ, не пользовался имъ надлежащимъ образомъ, и поэтому каждый ограничивался пріобрѣтеніемъ только необходимаго и насущнаго.» Такое положеніе дѣлъ всегда приводило къ расточительности денежныхъ средствъ, къ нерадѣнію въ хозяйствѣ, къ грубому себялюбію, отсутствію заботы объ общемъ благѣ, къ господству нечестности и невѣжества. «Эти-то причины, какъ справедливо говоритъ г. Филипповъ, и вызвали отдѣленіе властей законодательной и исполнительной отъ судебной, потому что только съ этимъ отдѣленіемъ стали крѣпки — право собственности, права наслѣдственныя и личныя; только съ этимъ отдѣленіемъ — договоры и обязательства, опредѣляющія нравственныя и матеріальныя отношенія гражданъ, стали на ту ступень, къ которой ведутъ ихъ прогресъ, цивилизація и наука; только съ этимъ отдѣленіемъ—личность человѣка и самостоятельность общества получаютъ тѣ величественныя формы, къ которымъ ведутъ ихъ христіанскія ученія; только съ этимъ отдѣленіемъ возможенъ экономическій прогресъ, счастіе и спокойствіе человѣка; наконецъ, только при этомъ условіи возможно процвѣтаніе наукъ, ремеслъ, промышленности.

Digitized by Google

искусствъ, торговли,—словомъ, разумное развитіе умственныхъ и вещественныхъ силъ народа.

«Неправильное отношеніе исполнительной власти къ судебной, вызывая неправосудіе въ государствѣ и безпорядокъ, должно было найти охужденіе, вызвать реформы, основанныя на болѣе современныхъ и разумныхъ началахъ. Но, съ другой стороны, если вмѣшательство исполнительной власти въ дѣла суда приноситъ гибельные плоды, то и обратно: судъ долженъ быть такъ устроенъ, чтобъ онъ не могъ вторгнуться въ область законодательной и исполнительной власти. Необходимость эта вытекаетъ изъ такого простаго основанія: въ томъ только случаѣ каждая власть можетъ достигнуть своей цѣли, когда она независима отъ другой и дѣйствуетъ только въ кругу своей самостоятельности; въ подобномъ случаѣ она можетъ быть только безпристрастна, проявлять лишь свои естественныя и законныя права и побуждать другія отрасли государственной власти не выходить изъ своихъ естественныхъ предѣловъ. Въ противномъ случаѣ, спокойствіе общественное нарушается. Какъ не можетъ быть правосудія, когда судебная власть смѣшана съ властью законодательною и исполнительною, то есть, когда судебная власть находится въ рукахъ законодателя и исполнителя, точно такъ же спокойствіе общественное нарушается, когда власть законодательная принадлежитъ власти судебной. Вторая власть есть не что иное, какъ блюститель общественнаго спокойствія. Послѣднее зиждится на законѣ и обычаѣ, опредѣляющихъ всѣ личныя, нравственныя и экономическія отношенія гражданъ; отсюда само собою разумѣется, что судебная власть, для достиженія своей цѣли, должна быть только точнымъ блюстителемъ правъ и обязанностей гражданъ безразлично, основаны ли они на обычаѣ или на положительномъ предписаніи закона. Естественно, что при такой самостоятельной дѣятельности власть законодательная, или, другими словами, власть, опредѣляющая разумныя отношенія гражданъ, не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи судебной власти: нельзя быть установителемъ правъ и обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ быть блюстителемъ правъ и обязанностей. Въ подобномъ случаѣ судебная власть, сама установляя права и обязанности, не могла бы имѣть уваженія къ твердости и святости закона и, отмѣняя ихъ произвольно, явилась бы первая нарушительницею законовъ и обычаевъ; независимо отъ этого, занятая обширнымъ кругомъ своихъ дѣйствій, она не могла бы сосредоточить все свое вниманіе на исполненіи существенныхъ своихъ цѣлей. Поэтому судебная власть въ томъ лишь случаѣ можетъ осуществить свободно и разумно свои обязанности, когда она совершенно отдѣлена отъ власти законодательной и когда она вѣрна своей цѣли—блюсти за ненарушимостью существующихъ правъ и обязанностей гражданъ.

«Въ этомъ только случаѣ общественное спокойствіе совершенно обезпечено: судебныя опредѣленія тогда суть не что иное, какъ крайнее выра-

Digitized by Google

женіе законности и равноправности; приговоръ суда есть голосъ закона. Законъ не есть болѣе мертвая буква, а живое слово, внутренняя и внѣшняя жизнь общества. Судъ съ подобными условіями становится живымъ органомъ закона, точное исполненіе котораго есть крайняя его цѣль, и, независимый отъ администраціи, онъ приводитъ въ исполненіе только то, что установила власть законодательная. Судъ при такихъ началахъ становится помощникомъ власти законодательной; вторая установляетъ разумное отношеніе гражданъ, первая обращаетъ эти правила въ жизнь, и только при такой гармоніи этихъ двухъ властей можетъ быть полнѣйшее общественное спокойствіе: при независимости обѣихъ этихъ властей, обѣ онѣ безпристрастны, обѣ заняты осуществленіемъ своихъ цѣлей, и каждая потому отправляетъ, согласно своему общественному развитію, свои естественныя функціи.»

Таковъ взглядъ здраваго возрѣнія на отдѣленіе власти судебной отъ законодательной и исполнительной. Послѣ разграниченія власти судебной отъ исполнительной и законодательной, самостоятельность суда есть одно изъ существенныхъ условій, необходимыхъ для свободнаго проявленія имъ своей дѣятельности. Это понятіе вытекаетъ изъ самой сущности судебной власти, какъ о власти верховной. Судебная власть есть власть верховная, и въ государствѣ ей ввѣрено наблюденіе за исполненіемъ закона, за ненарушимымъ осуществленіемъ господствующаго въ государствѣ права. Какъ власть верховная, она должна подчинить себѣ все, что только не входитъ въ предѣлъ ея вѣдомства; поэтому она должна подчинить дѣйствію своей власти всѣ сословія, всѣ лица и всѣ предметы, касающіеся прямо или косвенно нарушенія права. Выполнять же успѣшно такую програму можетъ она только тогда, когда дѣйствія ея совершенно свободны и когда она не подчинена никакой другой власти. Но дѣйствія ея тогда только могутъ быть свободны, когда она никому не подчинена, потому что подчиненность стѣсняетъ свободу дѣйствій и ставитъ совѣсть судей въ зависимость отъ посторонней воли. Чтобы человѣкъ свободно высказалъ свое сужденіе о данномъ предметѣ, нужно совершенно свободное, самостоятельное мышленіе; нужно, чтобы сужденіе его было высказано по чистой совѣсти, всенародно. Гдѣ же есть подчиненность, тамъ является или боязнь наказанія, или ожиданіе награды,—а при такомъ порядкѣ нельзя ожидать правдиваго суда. Судъ долженъ самъ собою, какъ верховное учрежденіе государства, подчинить дѣйствію своей власти всѣ остальныя государственныя учрежденія, кромѣ равноправной ей исполнительной и законодательной власти; а потому подчиненіе судебной власти какому нибудь изъ учрежденій этихъ двухъ послѣднихъ не можетъ имѣть мѣста. Это подчиненіе противорѣчило бы сущности государственной власти. На этомъ основаніи судебная власть должна быть поставлена въ государствѣ въ такія условія, чтобы самостоятельность ея была непоколебима. Жизнь и науки

Digitized by Google

ыработали по этому предмету слѣдующія начала: 1) независимость и есмѣняемость судей и 2) выборное начало.

«Несмѣняемость судей есть, по мнѣнію большинства юристовъ, одно зъ существеннѣйшихъ условій самостоятельнаго суда. Несмѣняемость ставитъ судью въ независимое положеніе, и при этомъ условіи онъ охраняетъ свою самостоятельность и можетъ совершенно свободно отравлять свои обязанности, потому что ограничить его самостоятельную ласть, или удалить отъ должности, или наказать его за его сужденія—неправѣ никакая власть въ государствѣ. Въ единственномъ случаѣ судья подиняется общему дѣйствію судебной власти, когда онъ выходитъ изъ круга воихъ правъ или же совершаетъ проступокъ или преступленіе. Въ перомъ случаѣ судебная власть указываетъ ему предѣлы его власти и вѣомства; во второмъ—судитъ его, какъ частнаго человѣка, на основаніи бщихъ законовъ государства. Послѣднее основано на томъ, что въ судьѣ ва лица: одно офиціальное, должностное, которому ввѣрило государство асть дѣятельности судебной власти; другое лицо — частное, имѣющее вои гражданскія отношенія и обязанности къ другимъ членамъ общества къ государству. Въ первомъ отношеніи судья—лицо независимое; во горомъ—онъ зависимъ и подчиненъ, какъ и прочіе граждане, державной олѣ судебной власти. Вотъ почему и судья, переступая предѣлы своей ласти, или же дѣйствуя внѣ круга своихъ обязанностей, подчиняется бщей судебной власти, какъ нарушитель общественнаго спокойствія какъ частный членъ общества. При такомъ условіи, когда только одна удебная власть можетъ извергнуть свой гнилой членъ и когда никакая ругая власть въ государствѣ не можетъ имѣть вліянія ни на общественое положеніе судьи, ни на прикосновенность его личности, тогда само собою азумѣется, что положеніе его можетъ назваться вполнѣ независимымъ.»

При независимости судьи, законодательство обезпечиваетъ его безприграстіе: 1) выборомъ судьи изъ людей испытанныхъ, 2) гласностью суда 3) правомъ подачи отзыва о вторичномъ пересмотрѣ дѣла по существу.

Выборъ обезпечиваетъ общество въ томъ отношеніи, что судьею не ожетъ быть человѣкъ безчестный. Что касается гласности суда, то на есть болѣе надзоръ нравственный, чѣмъ юридическій; она существуетъ для того, чтобы нравственно побудить судью къ правильому рѣшенію дѣла. При гласности, совѣсть его открыта передъ обществомъ, и нужно быть отъявленнымъ негодяемъ, чтобы всенародно овершить крайнюю несправедливость. Наконецъ, если она даже и совершена, то общественное мнѣніе, при правѣ подачи отзыва, склоняетъ верхій судъ къ перерѣшенію дѣла, согласно требованіямъ закона и справедливости. Такимъ образомъ судья, за крайнюю свою несправедливость, адитъ свое рѣшеніе уничтоженнымъ и подвергается всенародному осуженію общества посредствомъ печати.

«На этомъ основаніи, при безсмѣнности, остаются еще сильныя обез-

Digitized by Google

печенія безпристрастности судьи, и при гласности процеса, не смотря на свою неприкосновенность, всякое его повышеніе стоитъ еще въ прямой зависимости отъ общественнаго мнѣнія и степени уваженія къ нему его собратовъ по занятію. Основываясь на этомъ, нельзя признать смѣняемость судьи крайне необходимымъ условіемъ праведности судьи.... И въ этомъ случаѣ, какъ вообще во всѣхъ данныхъ случаяхъ, устрашительное начало наказуемости едва ли можетъ достигать цѣли. Каждый человѣкъ, какъ бы извращенъ онъ ни былъ, считаетъ себя честнымъ, такъ какъ совращенность его происходитъ единственно отъ неправильнаго опредѣленія имъ понятій о честности; если же у человѣка есть ясный взглядъ на честность, то, совершивъ безчестный поступокъ, онъ едва ли охотно пожелаетъ выставить его на показъ обществу. Въ первомъ случаѣ угроза отрѣшенія отъ должности едва ли будетъ имѣть мѣсто, такъ какъ судья, будучи убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ честно, не будетъ придавать особеннаго значенія этой угрозѣ и будетъ продолжать дѣйствовать по крайнему своему разумѣнію. Во второмъ случаѣ угроза не будетъ имѣть мѣста, такъ какъ судья съумѣетъ прикрыть свою безчестность формализмомъ и разными другими благовидностями. Слѣдовательно, идея угрозы теряетъ свою силу и во второмъ случаѣ; дѣйствительное удаленіе отъ должности судьи будетъ имѣть мѣсто только въ первомъ отношеніи.»

Невозможно допустить, чтобы какой нибудь судья былъ на столько дерзокъ, чтобъ идти противъ общепринятаго понятія о добросовѣстности и честности. Подобные случаи будутъ весьма рѣдки и, какъ исключенія изъ общаго правила, не могутъ служить основаніемъ для предоставленія сословію избирателей права удаленія отъ должности судей.

Другое условіе самостоятельности суда, какъ мы сказали,—выборное начало. Теоретическое основаніе выборнаго начала заключается въ томъ, что общество, лучшій блюститель собственныхъ своихъ интересовъ, лучше всякаго другаго можетъ знать и опредѣлить, кто изъ членовъ его способенъ или не способенъ къ занятію, необходимой для общественнаго спокойствія, должности судьи. Независимо отъ этого, выборное начало есть необходимое условіе самостоятельности суда и совершеннаго его отдѣленія отъ сопредѣльной ему власти—исполнительной. Второе положеніе основано на томъ, что если администрація имѣетъ какое нибудь прямое или косвенное вліяніе на назначеніе судей, то безпристрастіе послѣднихъ легко можетъ быть поколеблено. Судъ же долженъ стоять внѣ всякихъ вліяній. На этомъ основаніи слѣдуетъ требовать примѣненія выборнаго начала, при назначеніи не только сельскихъ и мировыхъ судей, но и при назначеніи членовъ общихъ судовъ. Затѣмъ у администраціи должно быть отнято право повѣрять списки кандидатовъ въ мировые суды и присяжныхъ засѣдателей. Но выборное начало не должно быть *безусловно*, т. е., не каждый гражданинъ можетъ быть судьей, а лишь тотъ, кто

Digitized by Google

соотвѣтствуетъ условіямъ, необходимымъ для правильнаго исполненія судейской должности. «При безусловности выбора могутъ быть избираемы лица, не вполнѣ заслуживающія право занять судейскія должности, которыми поэтому, посредствомъ интригъ, овладѣетъ господствующая въ обществѣ партія. Съ другой стороны, въ подобномъ случаѣ общественныя партіи и сословія могутъ поставить судъ подъ непосредственное свое вліяніе, въ прямой ущербъ другимъ сословіямъ. Поэтому и теорія и практика совершенно отвергаютъ безусловность выборнаго начала. Правда, эта безусловность льститъ общественному самолюбію и выражаетъ полную независимость его самоуправленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ вредитъ прямо его же собственнымъ интересамъ, такъ какъ она выборы обращаетъ не въ разумное представительство народа въ судѣ, а въ неразумную отдачу судебной власти въ руки партій. Въ особенности послѣднее явленіе встрѣчается въ тѣхъ обществахъ, которыя по развитію стоятъ на низкой ступени: въ нихъ не дѣйствуетъ на столько сознаніе, чтобъ они поняли, что судьею, при настоящемъ положеніи дѣлъ, не можетъ быть каждый умный и честный человѣкъ, а что для этого необходимъ еще извѣстный запасъ теоретическихъ юридическихъ познаній и знаніе отечественнаго правовѣдѣнія. Поэтому общество должно стоять очень высоко по своей развитости, чтобъ оно, при безусловномъ правѣ выбора, само назначало въ судьи только однихъ юристовъ. Если же послѣдняго условія нѣтъ, то законодательство должно указать обществу тѣ качества, по которымъ его выборъ можетъ быть только дѣйствителенъ. Кромѣ этого законодательство должно поставить выборы въ такое положеніе и въ такіе разумные предѣлы, чтобъ они не сдѣлались выраженіемъ стремленій одного какого нибудь исключительнаго сословія или партіи.»

«Такимъ образомъ выборное начало въ томъ лишь случаѣ можетъ вполнѣ оправдать свое назначеніе въ дѣлѣ суда, когда оно основано на разумныхъ началахъ, дающихъ народу возможность истиннаго національнаго представительства въ судѣ.»

«Но какъ же это осуществить?»—спрашиваетъ г. Филипповъ, имѣя въ виду наше отечество. «Общество наше, продолжаетъ онъ, раздѣлено еще на сословія, которыя совершенно отдѣлены другъ отъ друга гражданскими правами и интересами. Само собою разумѣется, что въ подобномъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ слитіе интересовъ гражданъ и ихъ равноправность. Только при этомъ условіи можетъ установиться полное согласіе въ государствѣ: иначе, разрозненныя въ своихъ интересахъ, сословія будутъ враждовать между собою, и эта рознь ихъ можетъ болѣзненно отразиться во всемъ государственномъ строѣ. При равноправности же гражданъ исчезаетъ сословность, и поэтому общій выборъ цѣлымъ земствомъ становится упрощенною выборною формою. На этомъ основаніи, лучшая выборная форма есть форма совмѣстнаго избирательства: въ этомъ случаѣ выборный судья не есть представитель сословности, а представи-

Digitized by Google

тель цѣлаго общества. Тутъ исчезаютъ всѣ сословные интересы, всѣ неудобства, сопряженныя съ этимъ, и выборное лицо становится вполнѣ независимымъ. Оно уже не выражаетъ одни сословные или партіонные интересы, а представляетъ самое общество въ дѣлѣ суда. Не принадлежа ни къ какому сословію, ни къ какой партіи, лицо это становится живымъ органомъ закона и блюстителемъ его.

«Въ какой же формѣ возможно совмѣстное избраніе?... Само собою разумѣется, что если извѣстное общество такъ сложилось, что оно слито въ одно нераздѣльное цѣлое, и если оно по развитію своему стоитъ такъ высоко, что большинство гражданъ имѣетъ ясное понятіе о своихъ гражданскихъ правахъ, потребностяхъ и обязанностяхъ, тогда лучшая форма есть всеобщность выбора, т. е. избраніе судьи посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Эта всеобщность выбора выражается въ подобномъ случаѣ голосомъ каждаго совершеннолѣтняго члена общества. Но если этихъ условій нѣтъ: если общество не слито, если большинство его членовъ крайне неразвито и едва имѣетъ понятіе не только о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ, но даже и о своихъ потребностяхъ, то, конечно, выборная форма, въ видѣ всеобщей подачи голосовъ, можетъ сдѣлаться не выраженіемъ разумныхъ потребностей народа, а выраженіемъ его неразвитости. Поэтому, при неразвитости большинства общества, лучшею формою можетъ служить выборъ, предоставленный представителямъ, гласнымъ всѣхъ сословій. Форма эта лучше первой, потому что выборные или гласные изъ народа всегда люди болѣе или менѣе развитые, болѣе или менѣе умные люди; небольшое собраніе людей можетъ всегда лучше обсудить дѣло, нежели масса народа, въ которой большинство не развито; наконецъ выборные могутъ, прежде подачи голосовъ относительно избираемаго судьи, собрать всѣ свѣдѣнія объ его поведеніи, качествахъ и способностяхъ; и притомъ выборные, какъ люди болѣе близкіе къ обществу, могутъ имѣть болѣе общежительности и знакомыхъ и поэтому скорѣе могутъ знать все хорошее и дурное объ избираемомъ лицѣ, чѣмъ отдѣльные члены общества, въ особенности въ большихъ городахъ и селахъ.»

Съ такими началами выборное право можетъ дѣйствительно сдѣлаться полнѣйшимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Но для полнаго осуществленія выборнаго права по отношенію къ суду, представительство народа должно быть устроено на самыхъ широкихъ началахъ. Тогда только представители могутъ принять полное участіе въ назначеніи судей во всѣ судебныя установленія.

Только послѣдовательно проведенное, во всѣхъ случаяхъ назначенія судей, выборное начало несомнѣнно будетъ имѣть весьма благотворное вліяніе на устройство суда. Само собою разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь о примѣненіи выборнаго начала къ устройству суда именно въ такомъ смыслѣ, а не отрывочно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Тогда

Digitized by Google

это наиболѣе разумный и удобный способъ назначенія судей и единственный для условія полной независимости суда: каждый судебный округъ можетъ, черезъ представителей земства, избрать себѣ членовъ не только мироваго института, но и судовъ окружныхъ и судебной палаты. Мы совершенно согласны съ г. Филипповымъ, что если положительное законодательство и теорія допускаютъ необходимость избранія мироваго института земствомъ, то никакой опасности нѣтъ для правосудія, если эти права будутъ предоставлены ему и въ отношеніи общихъ судовъ. Не по тому только слѣдуетъ это допустить, что мировой судъ—судъ единоличный, требующій большей осмотрительности при своемъ назначеніи: единоличность и соборность (колегіальность) суда не есть непремѣнное отличіе мироваго суда отъ общаго: и послѣдній можетъ быть единоличнымъ, особенно при участіи присяжныхъ. Но главная причина—большая важность судовъ общихъ, охраненію которыхъ ввѣряются наиболѣе крупные интересы гражданъ, личные и имущественные. Слѣдовательно, если лучшей и наиболѣе безпристрастной формой суда признается судъ выборный, а не назначаемый исполнительною властью, то такая форма наиболѣе важна въ томъ судѣ, который рѣшаетъ судьбу наиважнѣйшихъ юридическихъ интересовъ страны. Да и съ практической стороны избирательная форма общихъ судовъ имѣетъ за собою несомнѣнное преимущество: при обширности государственной области, какъ бы ни были проницательны, всезнающи, талантливы и добросовѣстны представители исполнительной власти, имѣющіе прямое и косвенное вліяніе на назначеніе судей, они никогда не могутъ сдѣлать вполнѣ удовлетворительнаго выбора всѣхъ судей, число которыхъ велико, или даже и большинства ихъ. Земство, по своей многочисленности, по большему и болѣе близкому знакомству съ кандидатами на должность судей, представляетъ гораздо болѣе обезпеченій въ безошибочности и удовлетворительности выборовъ судей, чѣмъ назначеніе ихъ представителями исполнительной власти. Наконецъ и самое самоуправленіе въ области суда, земское представительство въ этой средѣ будетъ не полно и не совершенно, если назначеніе государственныхъ судей будетъ въ рукахъ исполнительной власти. Судья, излюбленный мѣстнымъ земствомъ, только и есть въ полномъ смыслѣ представитель народнаго, вполнѣ независимаго правосудія: хорошо земство, хорошъ будетъ и судья. Но каковъ бы онъ ни былъ, онъ свой, земскій, онъ радѣтель интересовъ земли, а не назначенный сверху чиновникъ, зачастую чуждый мѣстнымъ пользамъ и выгодамъ. Излюбленный, выборный, онъ всегда имѣетъ на своей сторонѣ сочувствіе населенія; онъ по самому существу своему, по происхожденію своей судейской власти—любъ населенію и не можетъ поселить розни между судомъ и гражданами.

Принявши начало избираемости судей, необходимо остановиться на срочности или безсрочности избранія. Выше мы уже говорили о несмѣ-

Digitized by Google

нѣемости судей, какъ объ одномъ изъ необходимыхъ условій самостоятельности и независимости судебной власти. Здѣсь мы считаемъ необходимымъ дополнить новыми, практическими соображеніями высказанныя нами теоретическія начала. И срочность, и безсрочность избранія—обѣ эти условія имѣютъ свои хорошія и дурныя стороны. Срочность избранія есть лучшее средство оцѣнки и наблюденія общества за своими судьями, но срочность эта въ то же время равносильна отрѣшенію отъ должности, хотя бы и по приговору избирателей.

При трудности судейской должности, требующей спеціальнаго теоретическаго и практическаго образованія, срочность выбора можетъ сдѣлать судью менѣе независимымъ, можетъ поколебать его безпристрастіе въ виду періодической зависимости отъ избирателей возобновленія его уполномочія. Безсрочность устраняетъ это неудобство, дѣлаетъ судью вполнѣ независимымъ и даетъ большую возможность имѣть судей—спеціалистовъ, требуемыхъ въ каждомъ государствѣ, гдѣ юридическія отношенія гражданъ довольно сложны и гдѣ требуется довольно долговременное изученіе гражданскаго и уголовнаго права. Но, съ другой стороны, безсрочность, пожизненность судейскаго званія какъ-бы удаляетъ судей отъ полнаго, всемогущаго контроля общества и создаетъ изъ нихъ особое пожизненное сословіе. Въ виду такой двойственности рѣшенія этого вопроса, теорія должна остановиться въ одно и то же время на примѣненіи обоихъ началъ, сообразно съ житейскими потребностями и условіями государства.

«Въ тѣхъ обществахъ, которыя, по просвѣщенію своему, стоятъ на высокой степени и которыя, по количеству членовъ, немногочисленны, въ такихъ обществахъ срочность избранія еще можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ въ нихъ не можетъ чувствоваться недостатокъ въ перемѣнѣ судей. Въ обществахъ же обширныхъ, гдѣ юридическая наука еще не глубоко пустила корни въ общественномъ сознаніи, если тамъ назначеніе судей зависитъ только отъ выборнаго начала,—неминуемо въ нихъ должно быть одно изъ двухъ: или они должны чувствовать крайній недостатокъ въ выборѣ судей, въ особенности когда существуетъ законъ, что никто не можетъ быть два раза сряду избираемъ; или, если не будетъ послѣдняго условія, то назначеніе судей будетъ повторительнее, то есть, прежніе судьи будутъ вновь избраны.

«Но этого нельзя сказать относительно мѣстныхъ судовъ. Послѣдніе, обнимая участки незначительные, небольшія мѣстности и маловажныя дѣла, по большей части, требуютъ и меньше теоретическихъ знаній отъ судьи, чѣмъ въ судахъ общихъ и государственныхъ. Мѣстный судья долженъ быть только человѣкъ развитой, умный и честный, а подобныхъ людей легче найти, чѣмъ такихъ, въ которыхъ необходимо искать спеціальность юридическихъ познаній и особую судейскую способность. Нельзя не признать справедливымъ то, что срочность выбора можетъ

Digitized by Google

помимо дисциплинарнаго или уголовнаго преслѣдованія, быть обезпеченіемъ для общества въ отношеніи избранія судьи. Если судья не оправдалъ надеждъ общества и если онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, велъ себя такъ хитро и тонко, что оно не могло преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ, то, при новыхъ выборахъ, оно безъ скандала можетъ избавиться отъ этого судьи. Въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, подобное юридическое дѣйствіе равносильно отрѣшенію или удаленію отъ должности, но оно отличается отъ послѣдняго способа тѣмъ, что общество привыкло съ неудачными для кандидата выборами не соединять идеи о чемъ-то безчестномъ; между тѣмъ второе кладетъ на отрѣщеннаго отъ должности клеймо позора». Поэтому нельзя, безъ нарушенія справедливости, предоставить право отрѣшенія судей отъ должности; но обществу, при срочности избранія, можетъ быть предоставлено право не избрать вновь судью безъ ущерба для интересовъ послѣдняго: неизбраніе, по принятому взгляду общества, не можетъ повредить судьѣ ни въ карьерѣ, ни въ общественномъ мнѣніи. Но срочность избранія слѣдуетъ признать полезною только въ отношеніи судей мѣстныхъ, т. е. въ отношеніи сельскихъ волостныхъ судовъ и мировыхъ судебныхъ установленій; судьи же государственные должны быть изъяты отъ срочности избраній: они должны быть пожизненны.

Выше мы сказали, что примѣненіе выборнаго начала къ замѣщенію судейскихъ должностей, по самой сущности ихъ обязанностей, не можетъ быть безусловнымъ. Какія же качества долженъ имѣть гражданинъ, чтобы занять должность судьи? Какія условія требуются отъ него, чтобъ онъ могъ подлежать избранію?—Эти качества и эти условія опредѣляются должностью судейскаго званія.

«Судебная власть имѣетъ предметомъ своимъ осуществленіе права въ государствѣ, наблюденіе за его ненарушимостью и за точнымъ, единообразнымъ его примѣненіемъ къ жизни. Поэтому, предметъ судебной власти обнимаетъ бо̀льшую часть вѣтвей права: она на столько же обязана охранять государственное право, какъ и гражданское; на столько же обязана наблюдать за ненарушимостью народнаго хозяйства, какъ и за неприкосновенностью отдѣльнаго имущества; должна побуждать на столько же администраторовъ къ исполненію инструкцій казеннаго управленія, на сколько частныхъ лицъ къ исполненію ими ихъ частныхъ обязательствъ и уполномочій; она на столько же должна бдѣть объ общественномъ спокойствіи, на сколько она заботится о безопасности отдѣльныхъ лицъ; она должна на столько же охранять державныя права законодательной и исполнительной власти и ихъ органовъ, какъ и права гражданъ. При такой обширности своихъ предметовъ, судебная власть обнимаетъ всю внутреннюю государственную жизнь, со всѣми ея учрежденіями, уставами, отдѣльными законоположеніями, частными и юридическими обычаями; обнимаетъ науки, торговлю, промышленность, искус-

Digitized by Google

ство и художество; входитъ во всю внутреннюю жизнь отдѣльныхъ членовъ общества, вторгаясь въ ихъ духовный міръ, въ ихъ отношенія къ семейству, къ частнымъ лицамъ и къ обществамъ. При такомъ же характерѣ судебная власть требуетъ знанія, до малѣйшихъ подробностей и частностей, не только теоретическаго и практическаго смысла законовъ страны и обычаевъ, но требуетъ и полнѣйшаго и совершеннѣйшаго знанія народной жизни, ея условій во всѣхъ положеніяхъ ея развитія. Поэтому-то сословіе судей, какъ представителей власти судебной, должно быть составлено изъ лицъ съ самыми обширными познаніями, которыя бы обнимали всю внутреннюю жизнь государства. Безъ этихъ же условій судебная власть не можетъ осуществить своей цѣли: какъ будетъ она знать, нарушены ли законныя условія независимости и ненарушимости правъ власти законодательной и исполнительной и всѣхъ ея органовъ, правъ обществъ и сословій, если судьи не будутъ знать государственнаго права? Какимъ образомъ судебная власть можетъ заботиться о ненарушимости законныхъ условій народнаго хозяйства, народнаго здравія, народнаго просвѣщенія, если судьи не знакомы съ правомъ финансовымъ, съ правомъ полицейскимъ? Какъ можетъ судебная власть осуществить права отдѣльныхъ лицъ, какъ въ отношеніи ихъ къ семейству, такъ и въ отношеніи ихъ къ обществу, если судьи основательно не знаютъ права гражданскаго? Какъ можетъ она соразмѣрять наказанія съ преступленіями и проступками, если ея представители основательно не знаютъ права уголовнаго, со всѣми вспомогательными къ нему науками? Наконецъ, какъ можетъ власть судебная примѣнить законъ къ жизни, когда судьи будутъ незнакомы съ этой жизнію, во всѣхъ ея проявленіяхъ? Оттого-то самая сущность судебной власти требуетъ, чтобы представители ея или судьи совмѣщали въ себѣ именно тѣ условія, по которымъ она бы могла сдѣлаться цѣлесообразною. Безъ этихъ же условій судебная власть становится какимъ-то чудовищнымъ уродомъ въ ряду государственныхъ учрежденій: не понятое ею право принимаетъ уродливыя формы; народное и частное хозяйства, не имѣя разумной и твердой законной опоры, приходятъ въ упадокъ; законы теряютъ свою обязательную силу; она сама теряетъ свое единство—это духовное начало, которое даетъ ей и крѣпость, и мощь; она обезсиливаетъ и себя, и общество, и общественное сознаніе.... Но для того, чтобы совмѣщать въ себѣ эти условія, для того, чтобы судебная власть была цѣлесообразною,—для этого необходимо представителямъ долговременное, теоретическое и практическое изученіе права, со всѣми вспомогательными къ нему науками. Послѣднее условіе достигается двумя путями: или можно изучать право въ высшихъ юридическихъ учебныхъ заведеніяхъ и потомъ изучать приложеніе его къ жизни въ адвокатурѣ и канцеляріяхъ судовъ; или же можно непосредственно, внѣ учебныхъ заведеній, изучать теоретически право, а приложеніе его къ жизни изучать тѣмъ же путемъ, какъ въ пер-

Digitized by Google

вомъ случаѣ. Но само собою разумѣется, что первый і
голѣтнее изученіе въ учебномъ заведеніи науки, въ
стематическомъ видѣ, можетъ обогатить человѣка не т
ными теоретическими познаніями права, но вмѣстѣ съ
душѣ его идеалъ этого права, — идеалъ, къ которому
прогресивныя стремленія человѣчества. Прилагая пото
ни, теоретикъ невольно и почти безсознательно пров
жизни, и такимъ образомъ теорія становится практи
вится жизнію. Достигнуть же чисто практическимъ і
этого идеала почти невозможно: практика предста
только хорошую, но и дурныя стороны каждаго учре
для того, чтобы быть въ состояніи положить границ
другимъ, для того, чтобы быть въ состояніи сдѣл
привести въ своемъ сознаніи все, почерпнутое изъ ж
въ опредѣленную систему,—безъ чего самый идеалъ нем
го необходимо имѣть особенный складъ ума, особенный
тическую развитость. Послѣднее же есть удѣлъ умовъ
кихъ.... Но теоретическое изученіе права, возразятъ н
быть и внѣ учебныхъ заведеній. Это совершенно спра
хотите возьмите способъ изученія права (въ учебномъ
внѣ его), каждый требуетъ изученія долговременнаго и
долговременнаго по тому, что юридическая наука—нау
ная, такъ какъ она обнимаетъ всю государственную вн
систематическаго по тому, что научныя начала можно у
ко изучая ихъ въ извѣстной послѣдовательности.

«Послѣднія же условія, по большей части, невозмож
практика отрываетъ человѣка отъ науки, мѣшаетъ е
заниматься предметомъ и, озабочивая его трудомъ не н
ма рѣдкихъ случаяхъ, можетъ предоставить ему столь
онъ могъ просиживать бо́льшую часть досуга надъ т
чиненіями. Къ тому же и подобный методъ изученія
обойтись безъ руководителя: каждая наука имѣетъ с
нецъ; поэтому необходимо, чтобы каждому начинающе
съ чего начинать, гдѣ что отыскивать, что изучать и
читывать, какими сочиненіями руководствоваться и т.
тись въ этомъ случаѣ безъ руководителя? Практика
ли эти условія?... Если вы сами—адвокатъ, то дѣла і
не позволятъ вамъ посвятить столько времени, чтобы
кою сдѣлаться теоретикомъ: вечеръ свой вы посвящае
ніе себя къ завтрашней защитѣ дѣла; утро—на пріем
объясненіе съ ними; полуденное время—на защиту дѣл
обѣда—на отдыхъ.... Гдѣ же тутъ время для труда,
усидчивости и систематичности? И если у васъ оста

Digitized by Google

скомъ поприщѣ досугъ, то вы, вѣроятно, скорѣе его употребите на чтеніе газетъ и журналовъ, а по предмету права только иногда прочтете легкую какую нибудь статейку. Поэтому-то, самъ отрываясь отъ науки, какимъ образомъ адвокатъ можетъ, въ научномъ отношеніи, быть полезнымъ руководителемъ молодежи, у него практикующейся?... Въ самой же практикѣ молодежь можетъ у адвоката научиться только защищать кліентовъ своихъ, сопоставлять факты фактамъ, прилагать законъ къ дѣлу, объяснять софистически смыслъ закона односторонне; но въ этомъ не только ничего нѣтъ научнаго, но все это на столько же отстоитъ отъ науки, какъ ложь и искусно расказанная неправда отъ истины. Поэтому-то, въ адвокатурѣ, практикующійся молодой человѣкъ можетъ вынести, напротивъ, самый ложный идеалъ о правѣ: въ сознаніи его этотъ идеалъ можетъ принять видъ не святой, неприкосновенной истины, а напудренной, набѣленной и облеченной въ софизмы и риторическіе возгласы лжи; и такимъ образомъ у молодежи можетъ установиться понятіе не о безусловномъ правѣ, а о томъ правѣ, которое умѣетъ принять этотъ видъ въ адвокатской защитѣ. Къ тому же, если у адвоката и встрѣчаются дѣла правдивыя, то все-таки у него перемѣшаны ложь и правда, а онъ не можетъ же каждый разъ объяснять своему ученику истинный смыслъ и значеніе факта, такъ какъ подобное объясненіе можетъ нерѣдко погубить дѣло его кліента. Слабая сторона процесса— не адвоката, а его кліента, и выдача этого секрета кому бы то ни было— измѣна со стороны адвоката. Поэтому, собственное убѣжденіе адвоката въ данномъ дѣлѣ должно быть его строжайшимъ секретомъ. Иначе онъ не исполнилъ ни долга своего, ни присяги. На этомъ основаніи, полнѣйшей истины ученикъ адвоката никогда не можетъ добыть, и можно сказать, что изъ конторы своего патрона онъ даже не выноситъ своихъ личныхъ убѣжденій, а только—его манеру защищать дѣла и способъ примѣненія законовъ. Въ отношеніи же судебныхъ мѣстъ, можно сказать, что молодежь, служащая въ ней, можетъ познакомиться съ обрядностью, съ частными приложеніями закона къ жизни; но, прослуживши всю жизнь въ судѣ, она все-таки не вынесетъ опредѣленнаго идеала о правѣ. Судебный практикъ укажетъ вамъ, пожалуй, съ большою точностью, практическое значеніе извѣстнаго закона, можетъ объяснить вамъ весь порядокъ суда и расправы; но дѣлать онъ будетъ и первое и второе совершенно безсознательно и не съумѣетъ объяснить вамъ: почему въ такомъ-то случаѣ прилагается къ дѣлу такой-то законъ, почему въ другомъ случаѣ—другой. Происходитъ же это отъ того, что судьѣ не входить же въ объясненія съ чиновниками суда и каждый разъ растолковывать имъ: почему онъ сослался, въ одномъ случаѣ, на такую-то статью, а почему въ другомъ—на другую. Руководителями же молодежи въ судѣ не могутъ быть судьи ужь по тому, что все время ихъ занято или засѣданіями, или просмотромъ документовъ дѣла. Слѣдова-

Digitized by Google

тельно, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, практика можетъ воспроизвести теоретика. Вотъ почему *наука и отдает первой формѣ, а именно: систематическому изученію в денiяхъ права и потомъ приложенію его къ жизни въ адв дебныхъ канцеляріяхъ;* вотъ почему *науки и требуют условій отъ того лица, которое желаетъ занять судеб* Впрочемъ, допуская и возможность совмѣщенія теоріи въ лицахъ, не изучавшихъ права въ учебныхъ заведен скаетъ къ занятію судейскихъ должностей и послѣднихъ условіемъ теоретическаго знанія права. Собственно для гдѣ бы мы ни пріобрѣли теоретическія знанія; она т чтобы фактъ этотъ былъ засвидѣтельствованъ вѣрным данными.

«Съ другой стороны, наука не можетъ не желать, что чившіе теоретическое юридическое образованіе, умѣли познанія къ жизни. Необходимость послѣдняго вытекает судебной власти: возстановляя нарушенное право, он народной жизни; встрѣчается, если можно такъ выразит лицу съ послѣдней; обращаетъ букву закона въ дѣло жизнь согласно съ условіями права. Для того же, что ронне можно было понимать и объяснять законъ, для этого гостороннее приложеніе закона къ частнымъ случая этимъ условіемъ возможно уяснить себѣ истинный см закона или общаго правила,—возможно составить себѣ о какъ о наукѣ живой, возможно сдѣлаться способнымъ п въ жизнь. Эти же условія требуютъ долголѣтней и много тики, которая и возможна только или въ судахъ, или поприщѣ.»

Мы позволили себѣ эту длинную выписку изъ книг но тому, что изъ нея читатель можетъ ясно видѣть, на требованіе теоретической и практической подготовки отъ должность судьи.

Мы будемъ продолжать далѣе обзоръ условій, которы летворять избираемые на должность судей, пользуясь м му предмету г. Филиппова, у котораго особенно хоро эта часть.

Послѣ перваго и самаго существеннаго условія, требу ставленія гражданину права быть судьею, которое сейча лено, слѣдуетъ разсмотрѣть и другія условія, болѣе или Здѣсь прежде всего является вопросъ, можно ли судьям гую общественную должность, быть избирателемъ, быть народа, вести торговлю, занимать профессорскую каѳедру

«Первая мысль, подавшая поводъ къ установленію т

Digitized by Google

что судья не можетъ занимать другихъ общественныхъ должностей, имѣла основы чисто практическія. Вліятельные администраторы, овладѣвая судейскими мѣстами, попирали законъ, притѣсняли гражданъ, покровительствовали всякимъ неправдамъ и въ особенности защищали своихъ подчиненныхъ. Вторгнувшись такимъ образомъ въ дѣло суда, администрація уничтожала самостоятельность его и дѣлала изъ него, совершенно безконтрольно, что хотѣла. Поэтому, съ первымъ же сознаніемъ необходимости несмѣненія и отдѣленія властей административной отъ судебной и рождалась потребность запрещенія администраторамъ занимать судейскія должности. Затѣмъ возникъ вопросъ: могутъ ли судьи быть обратно администраторами. Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ долженъ былъ быть отвѣтъ отрицательный: сущность остается та же, какъ и въ предшествовавшемъ вопросѣ. Для насъ все равно: дѣлается ли администраторъ судьею или судья администраторомъ,— результаты одни и тѣ же: въ обоихъ случаяхъ смѣшиваются разнородные интересы, двѣ различныя власти. Такимъ образомъ сама сущность и цѣлесообразность судебной власти требуютъ, чтобъ она ни прямо, ни косвенно не приходила въ соотношеніе съ властью административною, такъ какъ органы послѣдней непосредственно подчинены ей, какъ исполнители законныхъ инструкцій, уставовъ и установленій.

«Общество можетъ допустить судью къ занятію еще какой либо должности, но только подъ условіемъ непосредственнаго избранія его этимъ же самымъ обществомъ, и чтобы новая должность никогда, непосредственно или косвенно, не могла имѣть никакихъ соотношеній съ властью судебною и съ обязанностями судьи.»

Согласно этому положенію, и возникаетъ вопросъ: можетъ ли судья быть избирателемъ, народнымъ представителемъ въ законодательномъ сословіи, и можетъ ли онъ вести торговлю.... Собственно говоря, ни одно, ни другое, ни третье, не составляетъ общественной должности. И то, и другое, и третье есть лишь самостоятельное право, а потому и не подлежитъ тѣмъ условіямъ, какимъ подлежатъ административныя общественныя должности. Мы не будемъ здѣсь разсматривать подробно этихъ вопросовъ, и желающихъ ознакомиться съ противуположными возрѣніями на этотъ предметъ отсылаемъ къ книгѣ г. Филиппова.

Замѣтимъ только, что участіе судьи, въ качествѣ представителя въ политической жизни страны, не представляетъ никакой опасности для его судейской карьеры; законодательному же собранію участіе судей, какъ людей свѣдущихъ въ законахъ, приноситъ прямую выгоду. Что касается торговли, то она, какъ одинъ изъ видовъ экономической дѣятельности, не можетъ быть воспрещена судьѣ, подобно тому, какъ нельзя его удалить отъ другихъ родовъ дѣятельности—сельско-хозяйственной, литературной и т. п.

Остается еще затѣмъ рѣшить одинъ вопросъ: могутъ ли судьи быть

Digitized by Google

професорами и, обратно, професоры судьями. Предоставимъ слово по этому вопросу самому г. Филиппову, позволяя себѣ сдѣлать извлеченіе всего существеннаго изъ его соображеній по этому предмету.

«Чтобы быть истиннымъ судьею и истиннымъ профессоромъ, для этого необходимо посвященіе всего своего времени этимъ обязанностямъ; поэтому, совмѣщать эти двѣ должности въ одномъ лицѣ рѣшительно немыслимо, и указаніе на частные случаи есть только исключеніе изъ общаго правила. Нужно имѣть особенный талантъ, особенный геній, чтобы быть въ состояніи исполнить въ совершенствѣ, единовременно, обѣ эти должности, т. е., быть исправнымъ судьею и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить за наукою. Поэтому, въ обыкновенныхъ случаяхъ, будетъ страдать или правосудіе, или научные интересы». Но, въ виду интересовъ университетской науки, адъюнкты и преподаватели, по ограниченности своихъ ученыхъ и учебныхъ обязанностей, безъ ущерба научнымъ интересамъ, могутъ занимать должности въ канцеляріяхъ, въ судахъ, въ прокуратурѣ и даже на поприщѣ адвокатскомъ. Поэтому, допущеніе ихъ къ подобнымъ занятіямъ можетъ принести существенную пользу дѣлу: молодые люди могутъ въ подобномъ случаѣ соединять практику съ теоріею, науку—съ жизнію; этимъ путемъ, не отрываясь отъ судебной карьеры, они могутъ оставаться и служителями науки; никто тогда не будетъ избѣгать ученой части, такъ какъ она не закроетъ пути молодому человѣку къ высшей карьерѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ему возможность, служа въ судебномъ вѣдомствѣ, выказывать свои способности и на научномъ поприщѣ; а это будетъ, въ большей части случаевъ, также важнымъ шагомъ къ повышенію.»

Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть слѣдующія условія: во первыхъ, *извѣстный возрастъ*. Какъ теорія, такъ и всѣ почти европейскія законодательства требуютъ, для поступленія въ судейскія должности и для отправленія этихъ обязанностей, извѣстный возрастъ. Основанія этому—теоретическія и практическія. Сущность обязанностей судьи требуетъ, чтобы способности его были въ полномъ развитіи и силѣ, для того чтобъ онъ могъ добросовѣстно исполнять свои обязанности, съ чѣмъ соединено благо, спокойствіе и счастіе общества. Во имя послѣднихъ, наука вправѣ требовать, чтобы человѣкъ, желающій принять обязанности судьи, вступилъ въ опредѣленный возрастъ возмужалости, когда не только его понятія уже уяснились, но когда и характеръ его принялъ уже опредѣленный видъ. Съ другой стороны, наука можетъ требовать, чтобы при упадкѣ силъ судьи, въ глубокой старости, онъ оставлялъ свою дѣятельность. Оба эти условія существенно необходимы для правильнаго отправленія правосудія въ государствѣ, потому что, въ рѣдкихъ случаяхъ, человѣкъ, не достигшій возмужалости или же достигшій глубокой старости, можетъ съ пользою исполнять судейскія обязанности. Въ первомъ случаѣ, неопытность молодости, увлеченіе, горячность, впечатли-

Digitized by Google

тельность могутъ дѣлать его не всегда безпристрастнымъ или же могутъ ввести его въ капитальныя ошибки и погрѣшности. Во второмъ случаѣ, старческая немощь, брюзгливость, придирчивость, суровость, раздражительность, усталость и вялость могутъ мѣшать не только безпристрастрастному обсужденію имъ дѣла, но и основательному его изслѣдованію и осмотру. Наконецъ, физическое безсиліе можетъ отнять у него возможность энергически работать, отъ чего можетъ быть застой въ дѣлахъ, въ явный ущербъ правосудію.

Вслѣдствіе этого, теорія требуетъ, чтобы были опредѣлены крайніе предѣлы наименьшаго и наибольшаго возраста для лицъ, занимающихъ судейскую должность.

Принадлежность судьи къ мѣстному обществу, которое его избираетъ, или для котораго онъ избирается, и необходимость для судьи быть владѣльцемъ недвижимой собственности или вообще удовлетворять извѣстному имущественному цензу считается многими существеннымъ условіемъ для должности судьи.

Въ отношеніи перваго нельзя не согласиться съ г. Филиповымъ, что на сколько вредна сословность въ дѣлѣ назначенія судей, на столько же вредно и условіе—о принадлежности лицъ къ мѣстнымъ жителямъ и къ владѣльцамъ недвижимости. «Это условіе чрезвычайно ограничиваетъ выборное начало, такъ какъ именно изъ мѣстныхъ жителей и владѣльцевъ недвижимости не можетъ быть того количества кандидатовъ, которые бы совмѣщали въ себѣ тѣ условія, которыя требуются для судьи. Наука можетъ требовать, чтобы, во имя сущности судебной власти, судьи были просвѣщенны и имѣли достаточный запасъ юридическихъ, научныхъ и практическихъ свѣдѣній, были честны и нелицепріятны, были достаточно развиты и во цвѣтѣ силъ и здоровья; но наука не можетъ допустить условій, не имѣющихъ ничего общаго ни съ правами обществъ, ни съ сущностью судебной власти. Мѣстность и недвижимая собственность не имѣютъ ничего общаго ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Если общество находитъ извѣстнаго человѣка способнымъ быть судьею, по его качествамъ души и познаніямъ, то обществу не могутъ быть поставлены такія преграды, которыя нарушаютъ его выборныя права. Вытекаетъ это изъ того, что если съуживаютъ кругъ выбора, такъ что послѣдній становится почти одною буквою закона, то само собою разумѣется, что слѣдуетъ сказать, что самаго выборнаго права не существуетъ. Поэтому наука требуетъ, чтобы выборное право, съ одной стороны, заключало условія, не противорѣчащія сущности судебной власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ исключало бы все то, что ослабляетъ или уничтожаетъ это право... Условія же мѣстности и недвижимости собственности, преимущественно при высокомъ цензѣ, именно и ставятъ выборное право въ такое невыгодное положеніе, въ особенности въ обществахъ, гдѣ образованіе стоитъ еще на низкой степени. Откуда эти общества могутъ изъ мѣстныхъ жителей, да еще недвижимыхъ соб-

Digitized by Google

ственниковъ, имѣть судей, которые бы совмѣщали въ себѣ всѣ необходимыя условія, требуемыя для того наукой и законодательствомъ? Послѣднія же условія измышлены тѣми лицами, которыя: 1) не желая выпустить власти изъ рукъ своихъ, будто бы передаютъ выборное право обществу, но въ сущности оставляютъ его за собою; 2) сознавая, что сословности пришелъ конецъ, въ видѣ спасенія этой идеи, хотятъ установить хоть аристократизмъ имущественный. Если, думаютъ они, не плетью, то обухомъ; если не имѣть власти по праву доблестей предковъ, то—по капиталу. Слѣдовательно, здѣсь является въ сущности та же самая сословность, только вмѣсто шитаго мундира — у нея мѣщанскій армякъ. При выборахъ, гдѣ цензъ высокъ, кандидатами на должности судей явятся преимущественно дворянство, такъ какъ, съ одной стороны, оно въ отношеніи недвижимой собственности занимаетъ въ государствѣ главнѣйшее мѣсто; съ другой стороны, оно болѣе другихъ сословій заключаетъ въ себѣ условія, требуемыя для судей. При такихъ обстоятельствахъ, выборы едва ли могутъ избѣгнуть характера сословности, и дворянство получитъ судебную власть, какъ привилегію, только подъ видомъ другимъ, чѣмъ прежде,—уже не въ видѣ сословнаго права, но въ формѣ права имущественнаго; сущность остается та же самая, только подъ другими условіями». Къ этимъ словамъ г. Филиппова слѣдуетъ прибавить еще общія соображенія относительно имущественнаго ценза, хотя бы онъ и не состоялъ исключительно въ одной недвижимости. Правда, допущеніе къ выборамъ въ судьи лицъ, получающихъ доходъ съ движимаго имущества въ извѣстномъ размѣрѣ, увеличитъ общее число кандидатовъ, но при высокомъ цензѣ это увеличеніе не будетъ слишкомъ значительно. Но не въ этомъ суть дѣла: тотъ или другой размѣръ имущественнаго дохода не имѣетъ никакого существеннаго значенія для опредѣленія, способно ли данное лице быть судьею. По этимъ даннымъ, теорія никакъ не можетъ остановиться на томъ, чтобы вообще имущественный цензъ игралъ какую бы то ни было роль при выборномъ началѣ въ приложеніи его къ судебной власти.

Не состоять подъ слѣдствіемъ и судомъ, не быть опороченнымъ общественными и судебными приговорами, есть также *существенное* условіе, требуемое многими законодательствами. Теоретическое основаніе этихъ условій заключается въ томъ, что сущность судебной власти требуетъ, чтобы представители ея не заключали въ себѣ ничего такого, что́ могло бы подорвать къ ней довѣріе общества. Общество должно питать уваженіе къ судьямъ и вѣрить ихъ авторитету. Поэтому-то законодательства и предписываютъ строгія условія для занятія должности судьи. Человѣкъ, только обвиняемый въ проступкѣ или преступленіи, не можетъ уже занять мѣста судьи до тѣхъ поръ, пока онъ предъ судомъ не оправдается и не возстановитъ своего добраго имени. И какъ можно дать ему, въ подобномъ случаѣ, мѣсто судьи, когда еще не извѣстно, чѣмъ окончатся слѣд-

Digitized by Google

ствіе и судъ, такъ какъ взводимое на кандидата обвиненіе можетъ еще оправдаться. И если это можно сказать въ отношеніи лицъ только подозрѣваемыхъ въ проступкѣ или преступленіи, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать въ отношеніи тѣхъ, которые уже обвинены судебными рѣшеніями и уже наказаны. Но здѣсь рождается важный юридическій вопросъ: должно ли это запрещеніе быть безусловно для всѣхъ лицъ, подвергшихся судебнымъ наказаніямъ, или только оно должно простираться по дѣламъ уголовнымъ,—и не безусловно, а съ ограниченіями. Извѣстно, что преступность воли выражается въ проступкахъ и преступленіяхъ; первые влекутъ за собою денежные штрафы и кратковременное тюремное заключеніе, вторые—долговременное тюремное заключеніе, ссылку, каторжную работу и лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Независимо отъ этого, проступки и преступленія подраздѣляются на государственныя и частныя. Отсюда и возникаетъ вопросъ: должно ли запрещеніе относиться къ приговорамъ судебнымъ только по преступленіямъ или по проступкамъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ, должны ли рѣшенія относиться вообще, или только въ отношеніи нарушенія правъ частныхъ лицъ.....

Точное опредѣленіе этихъ случаевъ необходимо, для избѣжанія недоразумѣній. Устраненіе кандидата отъ занятія судейской должности, по справедливому мнѣнію г. Филиппова, должно имѣть только мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: когда кандидатъ былъ наказанъ судебнымъ приговоромъ за проступокъ или за преступленіе, касавшіеся имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ, казны или обществъ; или заключавшіе въ себѣ клевету, оскорбленіе и безчестіе частному лицу; или были нарушеніемъ долга присяги, обязанности—частной и государственной службы; или составляли подлогъ; или заключали въ себѣ измѣну; или выдали тайну частную или государственную. Во всѣхъ этихъ случаяхъ общество можетъ уже видѣть въ судьѣ человѣка дурнаго,—человѣка, къ которому нельзя имѣть довѣрія. Но по проступкамъ и преступленіямъ государственнымъ, или политическимъ, или же по нарушеніямъ цензурныхъ правилъ и законовъ о печати, такъ какъ въ актѣ этомъ выражается только извѣстное направленіе идей человѣка, а не испорченность и преступность его воли, по минованіи срока наказанія, хотя бы и уголовнаго, права этого лица на должность судьи должны быть возстановлены.

«Но никакихъ ограниченій нельзя дѣлать въ отношеніи приговоровъ общественныхъ. Гласъ народа, говорятъ,—гласъ Божій; и если общество исключило кого нибудь изъ среды своей, или же опорочило его приговоромъ своимъ, т. е., выставило ему на видъ, публично, его пороки, предосудительную жизнь или проступки,—то подобное лице не должно и не можетъ ужь болѣе занимать судейскихъ мѣстъ, хотя бы приговоръ и имѣлъ чисто политическій характеръ. Въ приговорѣ сущность—не въ самомъ проступкѣ, который можетъ и не имѣть криминальности и не быть предосудительнымъ, а въ томъ, что въ немъ выражается недовѣріе

Digitized by Google

бщества къ лицу, вызвавшему приговоръ. И въ единс
огутъ только быть возстановлены права лица на
ость, когда то же самое общество приговоромъ своимъ
режнее его рѣшеніе было или пристрастно, или осно
ыхъ фактахъ.»

Послѣ разсмотрѣнія условій, которымъ должна удовле
удьи, перейдемъ къ разсмотрѣнію условій, при которы
охранить самостоятельность и независимость.

Одно изъ существенныхъ условій независимости, са
вободной дѣятельности и безпристрастія судебной власт
тороны, *система содержанія* судей, съ другой—*самый*
одержанія. Что касается самаго способа содержанія судь
наетъ за лучшій способъ—содержаніе изъ общей государ
изъ источника общихъ налоговъ; при чемъ признается с
асть этого расхода покрывать особеннымъ налогомъ, к
адать на сторону, обвиненную по суду.

Въ отношеніи самаго размѣра содержанія судей, суще
ныя мнѣнія: одни требуютъ, ради сущности этихъ общес
ей, чтобъ это содержаніе было на столько значительно,
удьи сдѣлалось наивозможно независимѣе и самостоятел
атеріальное благосостояніе есть одно изъ существенны
стоятельности человѣка. Другіе же требуютъ, чтобы жа
удьѣ только одну возможность безбѣднаго существова
возрѣніе слѣдуетъ признать болѣе правильнымъ. Вотъ
Филипповъ въ этомъ отношеніи:

«Богатство всегда, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ,
ахъ толпы, людей болѣе почетными, чѣмъ самыхъ умнѣй
пихъ бѣдняковъ. Какъ уменъ, разсудителенъ и безпристр
богатый и знатный, хотя бы въ головѣ его не было н
идеи, а въ сердцѣ—ни одного возвышеннаго чувства!
глупъ и пошелъ кажется бѣднякъ: правда, выходящая
принимаетъ видъ злой ябеды и зависти, каждое суж
основанная на зависти или корыстолюбіи!... И какое
вается поэтому человѣку знатному: начиная отъ убогой
посадятъ подъ икону, до роскошнаго дворца, въ котор
въ мягкое кресло,—вездѣ его слушаютъ съ открытым
оракула,—вездѣ его слово имѣетъ вѣсъ и значеніе, как
ложная! И обратно: несносенъ и невыносимъ кажется н
и поэтому примутъ его въ убогой хижинѣ въ передней,
не пустятъ, какъ человѣка глупаго, не стоющаго никак

«Поэтому, если вы хотите, чтобы ваши судьи были ум
и образованными, дайте имъ блескъ; и если вы не мож
вить богатства, то дайте имъ, по крайней мѣрѣ, мат

Digitized by Google

состояніе, такъ какъ для толпы нужна мишура на столько же, на сколько и золото. При такомъ же ихъ положеніи, какіе они будутъ умники, какіе нелицепріятные, безпристрастные люди, и какой почетъ будетъ имъ не только отъ бѣдняковъ, но и отъ богатыхъ и знатныхъ! Но поставьте только судью въ состояніе бѣдности: пусть вмѣсто экипажа онъ употребитъ, для перенесенія своей особы въ судъ, плебейскія калоши,— съ какимъ презрѣніемъ отнесется о немъ тогда богачъ, который въ это время, отправляясь въ судъ, обрызжетъ его съ ногъ до головы грязью своихъ рысаковъ; и какъ холодно поклонится ему въ это время бѣднякъ, пробирающійся тоже въ судъ, причемъ невольно подумаетъ: «нашего поля ягода; такой же воробей, какъ и я, а сидитъ въ судѣ»!... Ужь одно это несовершенство не человѣческой природы, а общественнаго нашего строя, во имя самаго правосудія, требуетъ, чтобы судья въ матеріальномъ отношеніи былъ поставленъ наивозможно независимѣе, наивозможно выше толпы, дабы онъ сохранилъ среди нея мѣсто почетное—единственно чрезъ свое благосостояніе.

«Судейскія обязанности требуютъ, кромѣ честности, способностей ума и образованности, еще и опытности. Судьѣ необходимо не только знаніе жизни и ея условій, но еще—умѣнье примѣнять законы; эти же предметы требуютъ долговременной практики и спеціальности занятій. Только непосредственнымъ примѣненіемъ закона къ жизни можно узнать его истинный смыслъ, его достоинства и недостатки. Обусловливаясь такими обстоятельствами, самая сущность обязанностей судьи вызываетъ потребность долговременнаго образованія судей—въ школѣ опыта и непосредственнаго приложенія закона въ жизни. Отсюда вытекаютъ два теоретическія начала: *несмѣняемость судей и судебная карьера.*

«Первое условіе, оставляя долговременно судью на одной карьерѣ, вырабатываетъ въ немъ спеціальную судейскую способность, направляетъ умственныя его силы къ одной дѣятельности—разоблаченію истины, анализу фактовъ, примѣненію закона къ даннымъ случаямъ,—и этимъ самымъ вырабатываетъ въ немъ тѣ качества, которыя необходимы для хорошаго судьи.

«Второе условіе является необходимымъ послѣдствіемъ перваго: еслибы несмѣняемость не сопровождалась судебною карьерою, то она могла бы развить односторонность взгляда въ судьѣ, убила бы въ немъ энергію, не побуждала бы его къ усиленной дѣятельности, къ добросовѣстному исполненію имъ своихъ обязанностей.... Эти выгоды вытекаютъ изъ сущности человѣческой природы: если положеніе человѣка становится непреложнымъ, если онъ впереди ничего не видитъ, если никакія обстоятельства не могутъ болѣе измѣнить его положенія, то въ немъ потухаетъ тотъ внутренній жаръ, та энергія воли и мысли, которыя вызываются въ человѣкѣ стремленіемъ его впередъ, его постоянными надеждами, которыя присущи человѣку отъ его рожденія до могилы. И

Digitized by Google

дѣйствительно, человѣкъ, не стремящійся впередъ, не надѣющійся и не ищущій болѣе ничего отъ жизни, пресыщенный ею, не можетъ создать ни истинно прекраснаго, ни истинно великаго. Происходитъ же это отъ того, что безнадежность убиваетъ въ человѣкѣ энергію воли и мысли; безъ этихъ же двухъ условій не можетъ быть ни глубины анализа, ни творческой фантазіи, ни усидчивости труда. Способности человѣка требуютъ постоянныхъ побудителей и двигателей, а безъ нихъ мысль тупѣетъ, органы мышленія теряютъ свою способность, и самый умный человѣкъ, при такомъ бездѣйствіи, можетъ отупѣть и оглупѣть. Исторія представляетъ намъ это явленіе не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но и въ цѣлыхъ народахъ.

«Могучими же рычагами человѣческой воли и мысли являются вездѣ и всегда страсти человѣка, и безъ нихъ едва ли человѣчество достигло бы того высокаго умственнаго развитія, на которомъ оно находится въ настоящее время и къ которому оно стремится въ прогресивномъ своемъ развитіи. Страсти побудили людей къ открытію всѣхъ великихъ истинъ и началъ въ области наукъ, искусствъ и художествъ; страсти побудили людей къ новѣйшимъ изобрѣтеніямъ.... Словомъ, еслибы не эти нравственные двигатели человѣка, онъ до настоящаго времени былъ бы въ состояніи естественнаго подбора и стоялъ бы на такой же низкой степени, какъ и прочія человѣкообразныя животныя. Изъ числа же страстей двѣ страсти составляютъ существенную принадлежность почти каждаго человѣка: страсть къ пріобрѣтенію и возвышенію. Оба эти двигатели вытекаютъ изъ грубаго животнаго инстинкта самосохраненія и имѣютъ первоначальную основу въ стремленіи человѣка пріобрѣтать какъ можно болѣе власти, какъ продуктъ силы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ прогресивномъ своемъ развитіи, эти страсти видоизмѣняются и проявляются въ видѣ стремленія къ изобрѣтенію и усовершенствованію своихъ способностей. Поэтому въ человѣкѣ не слѣдуетъ ни убивать, ни уничтожать естественныхъ двигателей всѣхъ его способностей; а напротивъ того, необходимо дать имъ благородное, разумное и плодотворное направленіе.

«Убивать же страсти въ человѣкѣ—значитъ убить всю внутреннюю его жизнь, всю работу и энергію его мысли. Развивать ихъ разумно—значитъ возбудить въ человѣкѣ всю силу его способностей, всю энергію его воли; значитъ—дать постоянную работу его мысли и чувствамъ; значитъ—побуждать его ко всему великому, прекрасному. Эти-то естественныя причины, имѣющія основу свою въ сущности человѣческой природы, и побуждаютъ теорію къ устраненію изъ должности судьи всего того, что могло бы убить въ судьѣ естественныхъ двигателей его способностей и его усовершенствованія: отсюда-то и вытекаетъ необходимость судебной карьеры. Еслибъ этой карьеры не было, или бы въ должности судьи были закрыты всѣ пути къ пріобрѣтенію и возвышенію, то само собою

Digitized by Google

разумѣется, что, съ ослабленіемъ и даже съ совершеннымъ уничтоженіемъ этихъ двухъ нравственныхъ двигателей человѣка, въ судьяхъ убито было бы стремленіе не только къ дальнѣйшему своему усовершенствованію, но и всѣ способности могли бы въ немъ отупѣть и не проявляли бы ни энергіи, ни силы. Поэтому-то, если несмѣняемость судей обусловливаетъ сущность судебной власти, то такъ же точно и она, въ свою очередь, обусловливается судебною карьерою.»

Такимъ образомъ судебная карьера, своею связью съ несмѣняемостью, является уже прямымъ послѣдствіемъ, вытекающимъ изъ самой сущности судебной власти, и обусловливаетъ ее на столько же, какъ и сама несмѣняемость.

Признавая карьеру необходимымъ условіемъ судебныхъ должностей, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ эту карьеру не дѣлать безусловною, потому что послѣднее покровительствуетъ посредственности, въ ущербъ таланту.

«Безусловность судебной карьеры порождаетъ еще и другое зло: она обращаетъ судейскую корпорацію въ касту, въ которую не могутъ вторгнуться ни новые свѣжіе элементы, ни свѣжія силы. При безусловности необходимо установляется судебный рангъ, который опредѣляется старшинствомъ службы, и талантливѣйшій человѣкъ не можетъ получить возвышенія, если на пути его стоитъ бездарность, которая хоть однимъ днемъ поступила на службу ранѣе его. Чрезъ это каждый шагъ на судебномъ поприщѣ долженъ сопровождаться ожиданіемъ вакансій по старшинству, и если линію вести по цѣлому судебному вѣдомству, то самое возвышеніе станетъ какимъ-то миѳомъ, потому что оно будетъ въ зависимости только отъ большей или меньшей продолжительности жизни людей. При такомъ порядкѣ, сенаторскаго званія достигали бы только самыя старыя, самыя маститыя бездарности». «Основываясь на этихъ положеніяхъ, слѣдуетъ допустить, соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ г. Филиппова, судейскую карьеру въ такомъ видѣ, чтобъ она, съ одной стороны, была правомъ каждаго судьи; съ другой стороны, чтобъ она не исключала возможности таланту возвыситься надъ посредственностью. Поэтому тѣ формы судебной карьеры, которыя требуютъ, чтобы судьи высшихъ судовъ пополнялись исключительно судьями изъ низшихъ,—есть форма самая лучшая, если при этомъ оставляется за обществомъ совершенная свобода выбора того или другаго, не обращая вниманія на старшинство службы и на другія внѣшнія отличія. При такомъ порядкѣ, судьи низшихъ судовъ сохраняютъ право на повышеніе, а общество—право отличать талантъ отъ посредственности.»

Но здѣсь возникаетъ еще одинъ вопросъ: вмѣстѣ съ судебною карьерою должны ли судьи получать чины, ордена и другія награды?

Вотъ что говоритъ г. Филиповъ по этому поводу: «Если въ извѣстномъ государствѣ существуетъ система награжденій чинами, орденами, деньгами и арендами, то, казалось бы, почему и почетное со-

Digitized by Google

словіе судей изъять отъ этихъ внѣшнихъ отличій и отъ того матеріальнаго благосостоянія, которое получаютъ другія общественныя лица изъ денежныхъ и арендныхъ наградъ?... Подобный вопросъ законенъ и весьма справедливъ; но дѣло въ томъ, что всякія награды, по представленію, для сословія судей совершенно немыслимы. Судебная власть отдѣляется совершенно отъ властей—законодательной и исполнительной, она становится безконтрольна, независима и дѣйствуетъ, въ предѣлахъ своего вѣдомства, совершенно самостоятельно. Кто же можетъ и будетъ ее вознаграждать? Гдѣ предполагается оцѣнка, тамъ предполагается и контроль. Но гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ нельзя и дѣлать оцѣнки; поэтому нѣтъ власти въ государствѣ, которая могла бы оцѣнить заслуги судей для того, чтобы наградить каждаго по достоинству. А если нѣтъ этой власти, то исчезаетъ и самое понятіе о возможности для судей полученія наградъ, и при ихъ усердіи имъ остается одна судебная карьера, пенсіоны и народное благословеніе—лучшая изъ наградъ, которыхъ можетъ только пожелать честный гражданинъ».

Переходимъ теперь къ послѣднему вопросу—къ вопросу объ отвѣтственности судей и по этому предмету приведемъ слова г. Филиппова: «Понятіе объ отвѣтственности судей вытекаетъ изъ сущности власти судебной. Власть судебная имѣетъ предметомъ своимъ возстановленіе нарушеннаго права, безразлично, кто бы ни нарушилъ его въ государствѣ—частное или общественное лице. Судья есть только органъ этой власти, посредствомъ котораго она обнаруживаетъ свою дѣятельность, и если этотъ органъ препятствуетъ ея свободному отправленію или самъ становится нарушителемъ права, то судебная власть обязана или отсѣчь свой гнилой членъ, для того чтобъ онъ не препятствовалъ ей отправлять ея обязанности, или должна направить его къ правильной дѣятельности; само же право должно быть возстановлено. Судебная власть сама по себѣ есть власть неограниченная, верховная; но она до тѣхъ только поръ сохраняетъ это право и этотъ характеръ, пока она дѣйствуетъ въ предѣлахъ своего уполномочія. Независимая отъ властей законодательной и исполнительной, она такъ же державна, какъ и послѣднія. Но когда она выходитъ изъ предѣловъ своего уполномочія, самодержавіе ея прекращается и дѣйствія ея—беззаконны; а органы, которые воспроизвели это, подлежатъ суду, какъ нарушители общественнаго спокойствія. Эту верховность, въ предѣлахъ своего вѣдомства, судебная власть проявляетъ въ различной степени и въ своихъ органахъ, и этимъ различнымъ органамъ она даетъ уполномочія—ограниченныя или неограниченныя. Вотъ почему, смотря по предѣлу подсудности, каждый органъ судебной власти проявляетъ въ себѣ извѣстныя отправленія единой верховной судебной власти.

«Независимо отъ этого, каждому органу предписано—власть свою проявлять, въ извѣстной, законной формѣ, излагаемой подробно въ судо-

Digitized by Google

производствѣ. Эти предписанія судебныя установленія обязаны приводить въ исполненіе безпрекословно и не должны при этомъ выходить ни на шагъ изъ своего уполномочія и вѣдомства. Но коль скоро какое нибудь судебное установленіе вышло изъ предѣловъ предписанія закона или изъ своего уполномочія и переступило тѣ формальности и условія, при которыхъ оно должно проявлять свою дѣятельность, то судебная власть немедленно возстановляетъ нарушенное право; при чемъ подвергаетъ нарушителя взысканію, по мѣрѣ его вины.

«Изъ этихъ-то естественныхъ отношеній верховной судебной власти къ своимъ органамъ и вытекаетъ понятіе объ отвѣтственности судей, которое есть не что иное, какъ отвѣтъ судей за неисполненіе ими своихъ обязанностей, за превышеніе ими своего уполномочія и за неисполненіе ими тѣхъ формальностей и условій, посредствомъ которыхъ они должны обнаруживать свою дѣятельность.

«На этомъ основаніи, въ понятіи объ отвѣтственности судей не слѣдуетъ и нельзя искать отвѣтственности за неправое рѣшеніе, а можно искать только взысканія съ нихъ за неисполненіе или за превышеніе ими своего уполномочія, за явное нарушеніе ими своихъ обязанностей и за нарушеніе чужаго права. Въ прежнія времена существовало убѣжденіе, что судьи должны отвѣтствовать за неправыя рѣшенія, и этимъ правиломъ близорукіе юристы думали обезпечить безпристрастіе судей. Но дѣло въ томъ, что правосудіе обезпечивается только совершенною свободою мнѣнія; и судебная власть становится тогда только цѣлесообразна, когда она не зависитъ ни отъ кого; когда мнѣніе ея не стѣсняется одинаково ни прельщеніями, ни угрозами. Только при такихъ условіяхъ можно ожидать правильнаго приложенія закона къ жизни, правильнаго разбора событій на судѣ, потому что всякое стѣсненіе мысли влечетъ за собою робость сужденія и, вслѣдствіе этого, невѣрность или ошибочность взгляда. Человѣкъ, находящійся подъ страхомъ наказанія за высказанную имъ мысль, никогда не скажетъ вамъ ничего дѣльнаго, такъ какъ страхъ и боязнь возможнаго наказанія или перепутываетъ его понятія, или ставитъ его въ необходимость рѣшить дѣло надвое, чтобъ имѣть какой нибудь исходъ. Поэтому нелѣпы тѣ постановленія, которыя установляли штрафы за неправыя рѣшенія.

«Жизнь и прогресъ мысли указали, гдѣ зло; и неправосудіе не признается нынѣ органическимъ недостаткомъ судей, такъ какъ люди остаются въ нравственномъ отношеніи почти во всѣ вѣка одинаковы. Поэтому и наука признаетъ за судьями совершенную свободу мысли, какъ одно изъ существеннѣйшихъ условій правосудія.

«Отъ того-то, какъ бы ни было нелѣпо и нелогично мнѣніе судьи, но онъ законной отвѣтственности не можетъ и не долженъ подлежать, если только его мнѣніе—въ предѣлахъ его власти. Въ подобномъ случаѣ можетъ быть совершенно другая отвѣтственность: отвѣтственность передъ

Digitized by Google

общественнымъ мнѣніемъ, которое нравственнымъ осужденіемъ можетъ побудить судью къ болѣе правильнымъ рѣшеніямъ; а высшей степени суда, въ подобномъ случаѣ, остается только одно—отмѣнить неправое рѣшеніе. Неправосудный судья, такимъ образомъ, своимъ неправосудіемъ не достигъ своей цѣли; публичность же процеса, уронивъ его въ общественномъ мнѣніи, лишила его возможности дальнѣйшаго повышенія. На этомъ основаніи, лучшими обезпеченіями правильности рѣшенія дѣлъ судьями являются—гласность процеса, аппелляція и судебная карьера: они лучше всѣхъ наказаній и штрафовъ дѣйствуютъ и направляютъ сужденія судьи къ правильности и законности.

«Но иное дѣло, когда судья переступилъ предѣлъ своего уполномочія: здѣсь онъ является уже не какъ судья, а какъ нарушитель чужаго права, какъ похититель общественной власти; въ подобномъ случаѣ судъ и взысканіе должны немедленно воспослѣдовать—точно такъ, какъ-бы судья не былъ вовсе органомъ судебной власти, а лицомъ частнымъ, потому что, въ подобномъ случаѣ, вовсе не дѣйствуетъ судья,—такъ какъ въ понятіи послѣдняго заключаются только извѣстныя права,—а дѣйствуетъ само лице, Иванъ или Петръ, присвоившее себѣ высшую власть; и это лице ставится подъ судъ или подъ дисциплинарную отвѣтственность».

Мы не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о порядкѣ привлеченія судей къ отвѣтственности. Замѣтимъ только, что наука, при нарушеніи судьями предѣловъ ихъ уполномочія, подчиняетъ ихъ общей юрисдикціи судебной власти, какъ общей возстановительницѣ нарушеннаго права.

Чтобъ окончить очеркъ необходимыхъ условій лучшаго устройства суда по требованіямъ науки, намъ бы слѣдовало, пользуясь также книгой г. Филиппова, остановиться на вопросѣ о единствѣ судебной власти. Понятіе о единствѣ судебной власти вытекаетъ изъ понятія государственной власти вообще и судебной въ частности. Теорія и жизнь требуютъ, чтобы каждая изъ отдѣльныхъ частей государственной власти, такъ же, какъ и вся совокупность ея, кромѣ верховности и самостоятельности, имѣла бы еще своимъ существеннымъ условіемъ и единство. Но вопросъ о единствѣ судебной власти тѣсно связанъ съ вопросомъ о существованіи особенныхъ судовъ: военныхъ, комерческихъ, межевыхъ, духовныхъ и т. д. Само собою разумѣется, что вопросъ этотъ, по своей обширности и практическому значенію, требуетъ особаго разсмотрѣнія, которое мы отложимъ до другаго раза.

Полицейское право. Соч. *И. Андреевскаго.* Т. 1. Введеніе. Ч. 1. Полиція безопасности. Спб. 1871 г.

Авторъ этого сочиненія, И. Е. Андреевскій, професоръ петербургскаго университета по предмету полицейскаго права. Цѣль его сочиненія—пред-

Digitized by Google

ставить, въ видѣ систематическаго цѣлаго, начала науки полицейскаго права, какъ анализъ главнѣйшихъ положительныхъ западно-европейскихъ полицейскихъ законодательствъ, и въ особенности русскаго. Въ настоящее время у насъ въ Россіи полицейская дѣятельность, въ обширномъ научномъ смыслѣ этого слова, составляетъ предметъ заботъ не только правительственныхъ, но и земскихъ и городскихъ учрежденій. Поэтому г. Андреевскій задачею своего труда поставилъ изученіе полицейской дѣятельности общества рядомъ съ полицейскою дѣятельностью государства, и разъясненіе началъ, связывающихъ органически эти двѣ вѣтви въ самомъ законодательствѣ. Но желая своею книгою прежде всего оказать пособіе слушателямъ, г. Андреевскій, въ разсмотрѣніи каждаго изъ вопросовъ, держался предѣловъ учебника.

Мы считали нужнымъ указать на эти задачи и цѣли автора, чтобы читатель могъ судить, что̀ мы можемъ требовать и ожидать отъ настоящей книги. Вотъ какъ г. Андреевскій опредѣляетъ предметъ своей науки: «Для жизни человѣка, развитія его способностей и возможности достиженіи его человѣческихъ цѣлей необходимы извѣстныя условія. Между ними главнѣйшее мѣсто занимаютъ безопасность и благосостояніе. Условіе безопасности обезпечивается предупрежденіемъ и пресѣченіемъ опасностей, могущихъ грозить какъ отъ злой воли другихъ людей, такъ и отъ силы природы и различныхъ несчастныхъ случаевъ. Условіе благосостоянія достигается возможностью пріобрѣсти и пользоваться извѣстнымъ количествомъ матеріальныхъ благъ, необходимыхъ для удовлетворенія сознаваемыхъ человѣкомъ потребностей, и кромѣ того достигать извѣстнаго духовнаго развитія. Для созданія такихъ условій недостаточно отдѣльныхъ, единичныхъ силъ человѣка,—необходима совокупная дѣятельность людей. Эта дѣятельность и проявляется въ государствѣ, будетъ ли она исходить отъ отдѣльныхъ лицъ, союзовъ, общества или правительства. Совокупность этой дѣятельности для созданія условій безопасности и благосостоянія и есть дѣятельность *полицейская* въ обширномъ смыслѣ этого слова. Но полицейская дѣятельность собственно правительства должна заключаться лишь въ наблюденіи за предпріятіями частныхъ лицъ, союзовъ и обществъ, имѣющихъ цѣлію обезпечить условія безопасности и благосостоянія, и въ принятіи съ своей стороны мѣръ для обезпеченія этихъ условій, при недостаточности для того частной и общественной дѣятельности. Полицейское право и имѣетъ въ виду изучить положительное законодательство, опредѣляющее полицейскую дѣятельность». Вотъ, стало быть, въ чемъ заключается предметъ сочиненія г. Андреевскаго. Въ настоящемъ случаѣ вышелъ только одинъ томъ этого сочиненія.

Мы не станемъ разсматривать введенія, посвященнаго установленію понятія о предметѣ и историческому обзору полицейской дѣятельности государствъ, въ связи съ развитіемъ теоретическихъ воззрѣній на поли-

Digitized by Google

цейскую дѣятельность; не станемъ разбирать, на сколько вѣрны въ научномъ отношеніи воззрѣнія г. Андреевскаго на названіе, объемъ и содержаніе самой науки. Мы не будемъ предлагать читателю и обзора 1-й части, посвященной полиціи безопасности. Мы позволимъ себѣ остановиться лишь на четырехъ отдѣлахъ изо всей книги. Этого будетъ вполнѣ достаточно, чтобъ ознакомить читателей съ характеромъ изложенія автора, со степенью дѣльности или легкости, основательности или неосновательности, глубины или поверхности его взглядовъ. Эта работа вполнѣ удовлетворитъ насъ и въ томъ отношеніи, что она дастъ намъ возможность судить о степени полноты фактической стороны сочиненія и о томъ, на сколько оно живо, душевно относится къ задачамъ настоящаго времени или, на оборотъ, на сколько оно сухо, безучастно къ жизненнымъ вопросамъ. Начнемъ съ вопроса о наблюденіи за обществами и ассоціаціями. Союзы частныхъ лицъ, составляемые для различныхъ цѣлей, общества для совокупной дѣятельности, съ цѣлію удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей—это одно изъ первостепенныхъ явленій нашего времени, по своему значенію въ жизни и по своей важности для развитія отдѣльныхъ лицъ и всей массы населенія. Сотрудничество, соединеніе силъ для самостоятельной работы—это величайшее, благотворное начало, пробуждающее дремлющія силы, противодѣйствующее застою и неподвижности и наиболѣе способствующее развитію самоначинанія и самодѣятельности. наиболѣе содѣйствующее равномѣрному распредѣленію благъ вещественныхъ и духовныхъ. Что же мы находимъ въ книгѣ г. Андреевскаго объ этомъ насущномъ вопросѣ дня?—При быстромъ развитіи обществъ и союзовъ, говоритъ онъ, явились весьма различныя воззрѣнія на то. какъ должны относиться къ нимъ правительство и законъ. Одни, говоритъ онъ, смѣшивали понятіе о союзахъ съ неяснымъ для большинства понятіемъ соціализма и комунизма. Но это воззрѣніе г. Андреевскій не считаетъ правильнымъ, обличая въ немъ совершенное непониманіе существа ассоціаціи, развитіе которой возможно только при уваженіи личности, свободы и собственности. Другіе думаютъ, что всякаго рода ассоціаціи могутъ существовать въ государствѣ, и что правительству до этого нѣтъ дѣла. Но и это воззрѣніе г. Андреевскій также считаетъ несправедливымъ и доказываетъ свою мысль однимъ лишь примѣромъ изъ Моля: примѣръ этотъ онъ называетъ убѣдительнымъ. На сколько этотъ примѣръ убѣдителенъ, пусть судитъ каждый,—вотъ этотъ примѣръ: если двое разговариваютъ на площади (?) о политикѣ, то это остается совершенно незамѣтнымъ и всегда безопаснымъ; но если тысяча человѣкъ соберутся туда (то есть, на площадь) съ этою цѣлію, то это не можетъ остаться незамѣтнымъ, напротивъ, можетъ *иногда* быть и опаснымъ. Вотъ и все, что какъ-бы вскользь представилъ г. Андреевскій противъ этого воззрѣнія. Далѣе онъ, считая какъ-бы поконченнымъ критическое отношеніе къ предмету, выставляетъ такія положительныя требованія:

Digitized by Google

1) государству всѣ ассоціаціи должны быть извѣстны и 2) государство сознаетъ выгоду развитія всякаго рода ассоціацій, не нарушающихъ правъ отдѣльнаго лица, общества или государства. Если таковы положенія науки о полицейскомъ отношеніи правительства къ союзамъ частныхъ лицъ, то изъ нихъ слѣдуетъ вывести два положенія: во первыхъ, долженъ существовать основной законъ, опредѣляющій право всѣхъ гражданъ — составлять безъ всякаго разрѣшенія правительства всевозможныя общества и союзы, ученыя, учебныя, благотворительныя, хозяйственныя, увеселительныя и т. п., за исключеніемъ только такихъ обществъ, которыя положительно и опредѣленно будутъ признаны этимъ закономъ вредными, нарушающими права отдѣльныхъ лицъ, общества и государства. Второе положеніе: всѣ общества, при самомъ ихъ возникновеніи, должны только представлять уставы свои или правила своей дѣятельности правительству и затѣмъ допускать непосредственный надзоръ уполномоченныхъ правительства за своими дѣйствіями, за своею дѣятельностью, въ той формѣ, какая будетъ установлена закономъ. При этомъ надзорѣ предварительныя мѣры и всякое вмѣшательство въ дѣйствія общества не должны быть допускаемы, такъ какъ общества должны быть самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ. Но г. Андреевскій обходитъ эти выводы изъ выставленныхъ имъ положеній. Онъ говоритъ, что въ отношеніяхъ правительства къ союзамъ нужно отличать два обстоятельства: устроеніе ассоціаціи и дѣятельность ея.

«Никакая ассоціація, продолжаетъ онъ, не можетъ устроиваться безъ вѣдома правительства: или требуется разрѣшеніе со стороны правительства, или требуется извѣщеніе правительства со стороны устроившейся ассоціаціи объ ея устроеніи и началѣ дѣятельности. Послѣднее, по мнѣнію г. Андреевскаго, немногимъ отличается отъ перваго, ибо правительству принадлежитъ право закрыть такую ассоціацію, отъ которой можетъ грозить опасность отдѣльному лицу или цѣлому государству. По отношенію ко второму моменту, то есть, дѣятельности ассоціаціи, правительству принадлежитъ право надзора». Разбирая эти отношенія, г. Андреевскій находитъ, что правительство не можетъ допускать существованія такихъ обществъ, которыя по цѣли будутъ имѣть въ виду измѣненіе государственнаго устройства, нарушеніе правъ частныхъ лицъ или общества, или достиженіе чего либо прямо безнравственнаго. За тѣмъ правительство не должно допускать такихъ обществъ, которыя по формѣ своей требуютъ безусловнаго повиновенія членовъ или сохраненія дѣйствій въ совершенной тайнѣ. Наконецъ не должны быть допущены ассоціаціи, законныя по цѣли и формѣ своего устройства, но употребляющія въ своей дѣятельности средства, составляющія нарушеніе правъ лицъ и учрежденій. Замѣтимъ прежде всего, что условія, указываемыя г. Андреевскимъ, чисто внѣшнія, формальныя и потому ихъ нельзя не признать справедливыми, если положительный законъ, соблюдая эти усло-

Digitized by Google

вія, ограничится лишь требованіемъ, чтобы эти условія совпадали съ предписаніями уголовнаго закона. Если законъ объ ассоціаціяхъ только тѣ изъ нихъ будетъ признавать недозволенными, которыя по цѣли, по формѣ и по средствамъ заключаютъ въ себѣ возможность правонарушеній, наказуемыхъ по уголовнымъ законамъ, тогда, само собой разумѣется, право составлять общества и союзы будетъ обнимать всю область дѣятельности, не запрещенную закономъ подъ страхомъ наказанія. Другаго, болѣе правильнаго опредѣленія отношеній правительства къ ассоціаціямъ нельзя оправдать ничѣмъ, кромѣ стремленія правительства не охранять права, а опекать населеніе,—не предоставлять народу самостоятельную дѣятельность въ предѣлахъ закона, а регламентировать ее, вмѣшиваться въ нее съ цѣлію направить по-своему. Въ виду этого, представляется весьма важнымъ вопросъ о размѣрѣ правъ собственно административной власти по отношенію къ ассоціаціямъ. При правильномъ разрѣшеніи этого вопроса, вся совокупность этихъ правъ должна ограничиваться только временною пріостановкою дѣятельности ассоціаціи, временнымъ запрещеніемъ ея возникновенія и передачею дѣла въ судъ, если члены ассоціаціи не согласны со взглядомъ администраціи,—для рѣшенія вопроса, дѣйствительно ли ассоціація противузаконна. Съ этой же точки зрѣнія не все равно, будетъ ли открытіе обществъ предоставлено предварительному разрѣшенію администраціи или нѣтъ. Если открывающаяся ассоціація будетъ обязана заявить о своемъ возникновеніи администраціи и затѣмъ допускать ея надзоръ за своей дѣятельностью, тогда роль администраціи будетъ лишь наблюдательною, а дѣятельность обществъ независимою и при этомъ условіи лишь самостоятельной, свободной и разумной. Предварительное разрѣшеніе со стороны правительства союзовъ, обществъ, есть то же самое по отношенію къ вопросу о правѣ ассоціацій, что и предварительная цензура по отношенію къ произведеніямъ печати. Насъ удивляетъ, что г. Андреевскій, какъ мы увидимъ ниже, признающій вредъ предварительной цензуры въ дѣлахъ печати, допускаетъ эту цензуру въ дѣлѣ ассоціаціи и даже отождествляетъ и приравниваетъ ее къ наблюдательнымъ карательнымъ дѣйствіямъ правительства въ этомъ отношеніи. Обращаясь отъ общихъ началъ къ обозрѣнію положительнаго законодательства, г. Андреевскій дѣлаетъ очеркъ законовъ западно-европейскихъ государствъ объ этомъ предметѣ, при чемъ оказывается, что всѣ первостепенныя державы имѣютъ общіе основные законы объ ассоціаціяхъ. Такого закона не имѣетъ только Россія, но г. Андреевскій проходитъ молчаніемъ этотъ предметъ и даже ни слова не упоминаетъ о томъ, что у насъ, въ чисто полицейскихъ видахъ, не дозволяется устраивать безъ особеннаго разрѣшенія на каждый случай такихъ невинныхъ обществъ, какъ танцовальныя, пѣнія, потребительныя, ссудныя кассы, вспомогательныя и т. п. Онъ ни слова не говоритъ о томъ, что и самый порядокъ относительно испрошенія раз-

Digitized by Google

рѣшенія у насъ не установился правильно и раздѣленъ между разными министерствами. Онъ ни единымъ словомъ своимъ русскимъ слушателямъ и читателямъ не объясняетъ, что у насъ нѣтъ никакихъ руководящихъ правилъ, которыя бы ограничивали произволъ администраціи въ разрѣшеніи той или другой ассоціаціи, которыя ставили бы ей опредѣленныя условія при разсмотрѣніи проектированныхъ уставовъ. Между тѣмъ всѣ эти данныя имѣютъ, конечно, значеніе въ полицейскомъ отношеніи, и молчать о нихъ професору университета не подобаетъ.

Переходимъ теперь къ вопросу о наблюденіи за сборищами народа. Г. Андреевскій признаетъ необходимость собраній народа для его развитія. Свободное право составлять собранія, въ видѣ сходокъ, митинговъ, сборищъ, съѣздовъ и т. п., безспорно есть также одно изъ величайшихъ и могущественныхъ средствъ для общенія интересовъ, для развитія общественности, для воспитанія въ населеніи стремленія къ общему благу. Раздѣляя эти собранія на два вида: собранія по политическимъ цѣлямъ и по инымъ, кромѣ политическихъ (ярмарки, религіозныя празднества и т. п.), г. Андреевскій находитъ, что если первыя имѣютъ цѣлью совѣщаніе о различныхъ вопросахъ общественной жизни (устроеніе школъ, проведеніе дорогъ и т. п.), то они во всѣхъ государствахъ, при всякаго рода образахъ правленія, могутъ принести чрезвычайную пользу. Собранія же, имѣющія цѣлью обсужденіе общихъ политическихъ вопросовъ страны, по мнѣнію г. Андреевскаго, не допускаются вовсе въ государствахъ съ неограниченной верховной властію.

Переходя къ положительному законодательству и указывая на неограниченную свободу собраній въ Англіи и Германіи, г. Андреевскій упоминаетъ, что наше правительство постоянно преслѣдовало собранія, не вызываемыя закономъ. Какъ извѣстно, у насъ могутъ быть свободныя собранія только по поводу религіозныхъ празднествъ и ярмарокъ; да и то относительно разрѣшенія послѣднихъ существуютъ извѣстныя правила. Религіозныя же торжества установлены силою обычая. Что касается сходокъ и съѣздовъ съ другими цѣлями, научными, на прим., то каждый разъ требуется особое разрѣшеніе, которое получается далеко не всегда. Такъ мы знаемъ, что недавно не былъ разрѣшенъ съѣздъ представителей русскихъ потребительныхъ обществъ. Вообще же по предмету собраній у насъ нѣтъ общаго закона. Законъ лишь запрещаетъ сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныя. Далѣе, законъ запрещаетъ учинять прошеніе или доносъ скономъ или заговоромъ. Наконецъ, полиція должна заставить толпу разойтись по домамъ, а въ случаѣ нужды—требовать содѣйствія войска, если народъ соберется въ шумномъ и безпорядочномъ сконищѣ. Таковы наши положительные законы. Практика допускаетъ собранія, какъ мы сказали, лишь съ особаго разрѣшенія, хотя бы то былъ сельско-хозяйственный съѣздъ, или съѣздъ археологовъ, естествоиспытателей или фабрикан-

Digitized by Google

товъ и заводчиковъ; другими словами, хотя бы эти собранія не имѣли предметомъ своимъ такія цѣли, по которымъ свободныя собранія допускаетъ наука и въ монархическихъ неограниченныхъ государствахъ. Нѣсколько случаевъ разрѣшенія подобныхъ съѣздовъ въ послѣднее время заставляютъ думать, что у насъ уже не считаютъ опасными подобныя собранія, и потому желательно было бы появленіе общаго закона, дозволяющаго свободныя собранія для цѣлей, не противныхъ законамъ и не имѣющихъ въ виду обсужденія общихъ политическихъ вопросовъ. Появленіе такого закона тѣмъ необходимѣе, что относительно права сходокъ и собраній, такъ же какъ и по отношенію къ вопросу объ ассоціаціяхъ, у насъ не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ для дѣйствій администраціи, и потому дозволеніе или недозволеніе сходки или съѣзда является дѣйствіемъ ничѣмъ не опредѣляемаго произвола, который не долженъ имѣть мѣста при правильныхъ отношеніяхъ администраціи къ обществу.

Переходя къ вопросу о наблюденіи за путешествующими, мы остановимся только на путешествіи или, лучше сказать, передвиженіи подданныхъ, внутри своего отечества.

Свобода передвиженія или перемѣна мѣста жительства или пребыванія въ своемъ отечествѣ есть одно изъ существенныхъ условій для развитія страны,—условіе, своимъ вліяніемъ благотворно дѣйствующее на всѣ слои населенія, образованные и необразованные. Только при этомъ условіи возможно свободное развитіе вещественнаго благосостоянія. Здѣсь не мѣсто касаться этого вопроса съ экономической стороны, хотя, по отношенію къ нашему отечеству, эта сторона вопроса имѣетъ существенное значеніе. Наша община, это драгоцѣнное достояніе, этотъ перлъ во всемъ строѣ нашего быта, вслѣдствіе неудовлетворительности финансоваго хозяйства, сдѣлалась однимъ изъ средствъ прикрѣпленія крестьянскаго населенія къ данному мѣсту и сдѣлала его далеко не свободнымъ въ хозяйственной дѣятельности. Но, повторяемъ, этотъ вопросъ не идетъ къ настоящему дѣлу, и мы будемъ говорить о свободѣ передвиженія лишь въ полицейскомъ отношеніи.

Путешествіе или передвиженіе собственныхъ подданныхъ внутри страны должно быть обезпечено уничтоженіемъ всякаго рода излишнихъ преградъ и не достигающихъ законныхъ цѣлей формальностей. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ путешествующихъ предвидится несомнѣнная опасность, правительство не только вправѣ, но обязано слѣдить за путешествующими и воспрепятствовать желающему предпринять путешествіе. Это можетъ быть вызвано требованіями медицинской полиціи и, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ войны и возмущеній,—мѣрами военной предосторожности. Г. Андреевскій указываетъ еще на «вопросы предупрежденія преступленій». Но этотъ поводъ такой неясный, такой обширный, что при допущеніи его, какъ причины, стѣсняющей свободу передвиженія, послѣдняя можетъ вовсе не существовать, или же

Digitized by Google

можетъ стѣсняться ненужными формальностями, что и доказывается нашими порядками. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ путешествіе гражданъ внутри страны должно быть совершенно свободно; но правительству, по отношенію къ путешествующимъ, должно принадлежать право надзора и возможность узнать, кто путешественникъ, изъ какого мѣста, для какой цѣли и куда намѣренъ отправиться. Какія же для этого могутъ быть средства? Средства эти заключаются въ различныхъ формахъ удостовѣренія личности путешествующаго. Такимъ удостовѣреніемъ является, между прочимъ, паспортъ, подъ которымъ разумѣется выдаваемое отъ правительства формальное удостовѣреніе личности гражданина. Паспорты эти находили, какъ предполагалось, еще обезпеченіе въ томъ, что представлялись во всѣхъ мѣстахъ пребыванія путешественника на просмотръ и прописку органамъ мѣстной полиціи. «Но тѣ выгоды и обезпеченіе, которыя долгое время представляли въ паспортахъ, оказались только кажущимися; новыя начала общественнаго строя разрушили и существенныя основы паспортной системы. Прежде всего стали убѣждаться въ несостоятельности тѣхъ выгодъ, которыя, казалось, давали паспорты въ полицейскомъ отношеніи. Убѣдились, что паспортъ, не смотря на старательное изображеніе въ немъ примѣтъ, не можетъ быть точнымъ и вѣрнымъ портретомъ лица; что есть возможность добыть фальшивый паспортъ или передѣлать примѣты; что есть, далѣе, возможность жить и путешествовать вовсе безъ паспорта; что, при существованіи паспортовъ, полицейскіе органы, вмѣсто надлежащаго надзора и наблюденія за путешествующими, стали ограничиваться пропискою паспортовъ и тѣмъ самымъ отрѣзали себѣ возможность узнавать тѣхъ, которые паспортовъ не представляютъ; что, при обиліи путешествующихъ въ большихъ центрахъ и при одинаковости именъ и фамилій, полицейскіе органы становились въ совершенную невозможность достигать цѣли наблюденія за путешественниками. Съ другой стороны, стали чувствоваться громадныя невыгоды отъ системы паспортовъ путешественниками, особенно при быстротѣ движеній на новыхъ путяхъ сообщенія. Статистика показала, что только занимающіеся промышленностью и законными и полезными трудами снискивающіе себѣ пропитаніе терпятъ всѣ невыгоды отъ паспортной системы, а живущіе посредствомъ нарушеній правъ другихъ не подвергаются ея невыгодамъ и стѣсненіямъ, такъ какъ находятъ средства обходиться безъ паспортовъ. Эти результаты начали приводить къ убѣжденію о безплодности и невыгодѣ этой системы, какъ средства предупрежденія опасностей отъ путешествующихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стали убѣждаться, что и главное основаніе паспортовъ—полученіе дозволенія—не вѣрно. Основаніемъ здѣсь должно быть не дозволеніе путешествовать, но только удостовѣреніе, что получившій паспортъ есть именно такое-то лице, а при этомъ падаетъ значеніе паспортовъ, какъ мѣры полицейской, обезпечивающей преду-

Digitized by Google

режденіе опасности отъ путешествующаго, и паспортъ получаетъ значеніе совершенно иное: является полицейскимъ средствомъ помощи отдѣльному лицу въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно представить доказательства своей личности.»

На этомъ послѣднемъ значеніи паспорта остановились всѣ западно-европейскія государства, и только у насъ паспортъ является съ тѣмъ ретхозавѣтнымъ значеніемъ, которое за нимъ признавалось прежде и которое теперь считается несостоятельнымъ.

Оканчивая ознакомленіе читателей съ книгой г. Андреевскаго, мы становимся еще на предупрежденіи опасностей, могущихъ произойти отъ печатнаго слова. Справедливо замѣчаетъ Л. Штейнъ, что печать есть отъ процесъ, въ которомъ, чрезъ постоянное взаимное вліяніе отдѣльнаго лица на общество и общества на отдѣльное лицо, находитъ для себя обезпеченіе общее всѣхъ образованіе. Печать, какъ нравственная сила и главный дѣятель человѣческаго развитія, вызываетъ въ государствѣ необходимость условій, наиболѣе содѣйствующихъ ея расширенію и развитію. Но, будучи великимъ орудіемъ общественнаго развитія и преспѣянія, печать можетъ нарушить право отдѣльнаго лица, общества ли государства. Дѣло уголовнаго права—объяснить эти правонарушенія. Но при характерѣ вмѣшательства правительства въ дѣятельность гражданъ, при господствовавшемъ до послѣдняго времени взглядѣ на право правительства быть опекуномъ населенія, старались найти средства, могущія предупредить вредъ печатнаго слова. Какъ на лучшее изъ такихъ средствъ указывали,—а у насъ и теперь еще многіе указываютъ,—на такъ называемую предварительную цензуру. Подъ этою мѣрою разумѣется, какъ извѣстно, такое положеніе печати, когда всякое произведеніе слова, прежде чѣмъ является въ печати, разсматривается особыми, отъ правительства поставленными, чиновниками, цензорами, и только при разрѣшеніи съ ихъ стороны произведеніе можетъ быть напечатано и пущено въ обращеніе. Вотъ что говоритъ г. Андреевскій о значеніи предварительной цензуры въ полицейскомъ отношеніи:

«Предупредительную цензуру считали за средство выгодное и достигающее цѣли. Въ ней видѣли, во первыхъ, то условіе, что дѣлалось невозможнымъ нарушеніе правъ частнаго лица или правительства; во вторыхъ, что, при существованіи предупредительной цензуры, предупреждались многія преступленія авторовъ; далѣе, предупреждалось внесеніе въ общество вредныхъ началъ для общественнаго порядка, нравственности и развитія; что, наконецъ, она давала въ руки правительства средство надлежащаго воспитанія массъ и выгоднаго для страны развитія умовъ. Но въ практической жизни скоро оказались совершенно другія стороны этого предупредительнаго средства, казавшагося правительству весьма надежнымъ. Съ развитіемъ общаго образованія, съ полученіемъ новыхъ воззрѣній на отношенія подданныхъ къ верховной власти, съ полученіемъ

Digitized by Google

убѣжденія о необходимости, для свободы и развитія государства, свободы и самостоятельности отдѣльнаго лица, стали рождаться мнѣнія о положительномъ вредѣ, проистекающемъ отъ существованія предупредительной цензуры. Начали, прежде всего, сомнѣваться въ возможности, посредствомъ установленія цензуры, достигать тѣхъ цѣлей, для которыхъ она существовала. Начали указывать, что главная цѣль цензурныхъ установленій—предупреждать нарушеніе правъ частныхъ лицъ и правительства—для цензоровъ недостижима. Какъ, спрашивали, узнаетъ цензоръ, будетъ ли тутъ нарушеніе правъ, когда и самый судъ, при всѣхъ гарантіяхъ и средствахъ, коими онъ обставленъ, бываетъ нерѣдко въ затрудненіи прійти къ точному убѣжденію—было ли нарушено право? Если, продолжали, ограничиться только требованіемъ отъ цензора направлять литературу къ выгодамъ правительства, то и въ этомъ случаѣ цензура окажется несостоятельною. Какимъ образомъ, спрашивали, можетъ цензоръ знать выгоды правительства и интересы государства? Можетъ быть, цензоръ будетъ опираться на издаваемый законодательною властью цензурный уставъ,—но никакое цензурное законоположеніе не въ состояніи изобрѣсть такой инструкціи, которая бы могла точнымъ образомъ оградить интересы страны и правительства. Наиспособнѣйшій и наилучшій цензоръ, руководствующійся наиподробнѣйшимъ и наиточнѣйшимъ цензурнымъ уставомъ, можетъ воспрещать то, что служитъ къ выгодѣ страны и интересамъ правительства, и пропускать въ печать то, что принесетъ странѣ и правительству наибольшій вредъ. Оттого, высказывали, неизбѣжнымъ свойствомъ цензурныхъ установленій и цензурныхъ уставовъ являются произволъ и насиліе. Желаніе удержать посредствомъ цензуры литературу въ должныхъ и законныхъ предѣлахъ давало крайне невыгодныя послѣдствія. Именно правительству представлялось невозможнымъ совершившихъ нарушеніе правъ, посредствомъ печати, преслѣдовать судебнымъ порядкомъ, такъ какъ виновнымъ являлся уже не авторъ, а правительственный органъ—цензоръ; стремленіе карать такого виновнаго административнымъ порядкомъ, къ чему не рѣдко и приходилось прибѣгать правительствамъ, давало крайне неудовлетворительныя и даже опасныя послѣдствія. Другую невыгоду сознали въ томъ, что литература ставилась, вслѣдствіе цензуры, въ положеніе ненормальное. При существующихъ въ литературѣ спорахъ, столкновеніяхъ различныхъ мнѣній, убѣжденій и ученій, цензоръ, пропускавшій одно и воспрещавшій другое, получалъ политическое значеніе; всякая ошибка въ оцѣнкѣ убѣжденій спорящихъ давала превосходство одному ученію предъ другимъ, и понятно, что такое превосходство давалось не всегда истинѣ. Все это возбуждало пишущихъ вооружаться средствами, не соотвѣтствующими существу самаго дѣла: не говорить прямо, но полунамеками. Прикрытая же таинственностью и полунамеками мысль можетъ дать послѣдствія опасныя, ибо будетъ не-

Digitized by Google

ната иначе, чѣмъ должно ее понять, а обличать ее тѣмъ труднѣе, чѣмъ строже цензура. На цензуру стали сыпаться нападенія и со стороны литературы, и со стороны органовъ самого правительства.»

Теперь, какъ извѣстно, предварительная цензура, и то уже не вполнѣ, существуетъ только въ нашемъ отечествѣ.

Изъ этого ознакомленія читателей съ отрывками изъ книги г. Андреевскаго нельзя не убѣдиться, что у автора замѣтна какая-то легкость отношенія къ предмету, поверхностность во многихъ взглядахъ, а главное—отсутствіе строго опредѣленныхъ руководящихъ началъ при изложеніи курса. Будь у г. Андреевскаго эти начала, весь курсъ его долженъ бы былъ проникнуться одной основной мыслью. Мысль эта—указаніе на отсталость нашего отечества въ полицейскомъ отношеніи отъ требованій науки и практики западно-европейскихъ государствъ. Въ то время, какъ наука и западныя государства признали, или всецѣло, или въ значительномъ большинствѣ случаевъ, полицейскую заботу объ условіяхъ безопасности за самимъ обществомъ,—въ то время, какъ, согласно требованіямъ теоріи, западныя правительства отказались отъ мелочнаго и всеобъемлющаго вмѣшательства въ дѣла гражданъ и предоставили себѣ лишь право полицейскаго наблюденія, надзора,—въ это самое время у насъ и въ законѣ, и въ жизни царятъ еще съ полной силой отжившія теоріи полицейскаго вмѣшательства государства почти во всѣ отправленія нашей жизни. Мы думаемъ, что первая обязанность русскаго професора полицейскаго права должна была заключаться въ проведеніи этой мысли, тѣмъ болѣе, что она нисколько не тенденціозна, а совершенно научна. Этотъ недостатокъ замѣтенъ во всей книгѣ г. Андреевскаго, и читатели ея должны сами доходить до вывода этой мысли, если только такая работа возможна при той легкости изложенія предмета, которая принята г. Андреевскимъ.

О порядкѣ производства дѣлъ по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Руководство для казенныхъ управленій и мировыхъ судей. *Ил. Ѳедоровскаго.* М. 1871 г.

Изъятія изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, по уставамъ 20-го ноября 1864 г., довольно значительны. Достаточно сказать, что одна пятая часть всѣхъ статей устава уголовнаго судопроизводства (255 статей изъ 1254) посвящена этимъ изъятіямъ, чтобы видѣть, какъ много нашъ уголовный процесъ новаго порядка допускаетъ исключеній изъ общихъ правилъ. Эти изъятія допускаются, во первыхъ, по преступленіямъ противъ вѣры и другимъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ; по преступленіямъ духовныхъ лицъ; по важнѣйшимъ государственнымъ преступленіямъ; по преступленіямъ должности, противъ имущества и доходовъ казны, противъ общественнаго благоустройства

Digitized by Google

и благочинія и, наконецъ, по уголовнымъ дѣламъ смѣшанной подсудности, военной и гражданской. Слѣдовательно, изъятія изъ общихъ правилъ обнимаютъ собою весьма важныя преступленія и такимъ образомъ осложняютъ нашъ уголовный процесъ исключительными условіями во многихъ случаяхъ, начиная съ важнѣйшихъ государственныхъ преступленій и кончая нарушеніемъ питейнаго устава и устава о паспортахъ. Само собою разумѣется, что установленіе этихъ изъятій, замедляя отправленіе правосудія и лишая уголовный процесъ свойственной ему простоты и несложности, особенно вредно дѣйствуетъ на отправленія мироваго суда. Мировой судъ, по своей основной мысли, по своей внѣшней формѣ, есть, по преимуществу, судъ земскій, народный, чуждый въ своей дѣятельности юридическихъ тонкостей. Между тѣмъ, въ силу практической необходимости, и этому земскому народному суду пришлось осложнить формы своей дѣятельности по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, пришлось погрузиться во всѣ тонкости юридической казуистики, благодаря переходному состоянію, благодаря несовершенству нѣкоторыхъ частей нашего законодательства. Дѣло въ томъ, что, въ предѣлахъ власти мироваго суда, ему предоставлено, впредь до пересмотра уставовъ казенныхъ управленій, руководствоваться уложеніемъ о наказаніяхъ при опредѣленіи взысканій за нарушеніе этихъ уставовъ. Такимъ образомъ, по этимъ уголовнымъ дѣламъ, мировой судъ, при рѣшеніи вопросовъ права, уже руководствуется общими уголовными законами, а не уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. При веденіи же самаго процеса онъ дѣйствуетъ не по одному общему закону объ уголовномъ судопроизводствѣ, но и сообразно съ изъятіями изъ общаго порядка. Уставы казеннаго управленія обнимаютъ главнѣйшія отрасли нашего торговаго и промышленнаго быта: питейныя, табачныя, свеклосахарнаго песку; они заключаютъ въ себѣ законы по управленію почтовому, таможенному, лѣсному, положеніе по производству торговли и промысловъ и, наконецъ, пробирный уставъ. Нарушенія этихъ уставовъ, въ большинствѣ случаевъ, наносятъ ущербъ казнѣ, потому законъ и нашелъ нужнымъ расширить права обвинителей по дѣламъ этого рода. Всѣ эти законы, ограждающіе доходы казны, изданы въ разное время, подъ различными вліяніями, а потому нерѣдко расходятся въ своихъ началахъ съ общими уголовными законами. При существующемъ порядкѣ изданія у насъ законовъ, при чемъ главную роль играетъ чиновничество подлежащаго вѣдомства, такія противорѣчія, конечно, не рѣдкость. Они, однако, затрудняютъ отправленіе мироваго суда; но еще болѣе его отправленія осложняются тѣмъ привиллегированнымъ положеніемъ, въ которое поставлены представители казеннаго управленія, являющіеся въ качествѣ обвинителей передъ мировымъ судомъ. Значительное число этихъ дѣлъ, особенно по нарушенію устава питейнаго, исключительность положенія обвинителей и та разность взглядовъ, которая всегда является

Digitized by Google

при существованіи исключительныхъ законовъ,—все это должно было вызвать особое развитіе казуистики по производству дѣлъ казенныхъ управленій. Какъ велика практика по дѣламъ этого рода, видно уже изъ того, что на долю ихъ въ касаціонномъ сенатѣ приходится 20 процентовъ изъ общаго числа дѣлъ. Причину этого печальнаго явленія слѣдуетъ видѣть, какъ справедливо замѣчаетъ г. Ил. Ѳедоровскій, между прочимъ, въ томъ, что, съ одной стороны, казенныя управленія мало знакомы съ тѣмъ порядкомъ судопроизводства, который введенъ судебными уставами. Имѣя же право безпошлиннаго обжалованія приговоровъ сенату и не неся такимъ образомъ ни матеріальнаго ущерба, ни служебной отвѣтственности за неосновательныя жалобы, казенныя управленія вовсе не слѣдятъ за развитіемъ порядка судопроизводства въ судебной практикѣ. Съ другой стороны, и мировые судьи, нерѣдко оставляя безъ вниманія тѣ рѣшенія касаціоннаго сената, которыми разъясняются постановленія судебныхъ уставовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны, не заботятся объ ознакомленіи себя съ различными казенными уставами. Постановленія этихъ уставовъ, по очень понятной причинѣ, имъ мало извѣстны; въ особенности же мало извѣстна имъ цѣль тѣхъ или другихъ законоположеній.

При такомъ положеніи дѣла чувствуется потребность въ особомъ практическомъ руководствѣ. Въ подобномъ руководствѣ казенныя управленія должны найти разрѣшеніе такихъ вопросовъ судопроизводства, которыя чаще всего встрѣчаются въ практикѣ. Мировые же судьи нуждаются въ такой книгѣ, какъ въ указателѣ такихъ постановленій различныхъ казенныхъ уставовъ, которыя имъ необходимо знать при разрѣшеніи дѣлъ о нарушеніи этихъ уставовъ; они нуждаются въ ней еще и по тому, чтобы знать взглядъ казенныхъ управленій на извѣстные проступки и цѣль, къ которой они стремятся въ своихъ преслѣдованіяхъ. Названная нами книга г. Ѳедоровскаго удовлетворяетъ вполнѣ этой потребности. Авторъ старался изложить въ ней весь порядокъ производства дѣлъ по нарушеніямъ казенныхъ уставовъ. Онъ останавливается преимущественно на тѣхъ частяхъ процеса, въ которыхъ всего болѣе дѣлается закономъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства для дѣлъ этого рода. И на оборотъ: онъ проходитъ молчаніемъ или ограничивается простыми указаніями на статьи закона въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ производство дѣлъ этого рода подчиняется общимъ правиламъ судопроизводства. Указывая на постановленія закона и на разъясненія ихъ касаціонною практикой сената, авторъ старался по возможности держаться подлинныхъ выраженій закона и касаціонныхъ рѣшеній. Чтобы дать возможность провѣрить его положенія, авторъ указываетъ въ выноскахъ на статьи закона и надлежащіе нумера сенатскихъ рѣшеній. Чрезъ это его книга получаетъ значеніе чисто практическаго руководства. Наконецъ, въ концѣ

Digitized by Google

книги, авторъ приложилъ особый списокъ существенныхъ нарушеній формъ и обрядовъ судопроизводства, какъ поводовъ къ отмѣнѣ рѣшеній собственно по дѣламъ о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій.

Нужно отдать справедливость г. Өедоровскому: задачу свою онъ выполнилъ вполнѣ добросовѣстно. Авторъ, какъ кажется, давно уже слѣдитъ за предметомъ спеціальной задачи своей книги. Его статьи и замѣтки, относящіяся до настоящаго предмета, не разъ появлялись въ «Судебномъ Вѣстникѣ» и въ «Судебномъ Журналѣ». Его книга особенно замѣчательна по тщательной обработкѣ казуистики касаціонныхъ рѣшеній по настоящему вопросу. Онъ въ своей книгѣ захватываетъ рѣшенія касаціоннаго суда съ 1866 по 1870 годъ.

При такомъ характерѣ, книга г. Өедоровскаго—несомнѣнно полезное практическое руководство для мировыхъ судей, чиновниковъ казенныхъ управленій, полиціи, адвокатовъ и, наконецъ, для всѣхъ лицъ, кто можетъ подвергаться преслѣдованіямъ по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій. А такихъ нарушителей одного питейнаго устава на Руси не мало.

Юридическіе этюды по гражданскому праву, или краткіе очерки имущественнаго найма, давности, залога недвижимыхъ имуществъ, отношеній супруговъ по имуществу. *А. М. Хоткевича.* М. 1871 г.

Эта книжка въ сорокъ три страницы заключаетъ въ себѣ четыре статьи по предметамъ, которые обозначены въ ея заглавіи. Двѣ изъ этихъ статей, если намъ не измѣняетъ память, были напечатаны въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», другія двѣ—въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ». Первая изъ этихъ статей, о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, имѣетъ цѣлію выяснить различіе между законодательствомъ русскимъ и французскимъ по этому предмету и разрѣшить по возможности тѣ случаи, когда арендные договоры должны имѣть силу или же, на противъ, признаваться недѣйствительными. Такимъ образомъ этотъ очеркъ представляетъ результатъ сравнительнаго изученія нѣсколькихъ статей дѣйствующаго законодательства, при чемъ авторъ имѣетъ въ виду преимущественно разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ судебной практики. Поэтому очеркъ его не исчерпываетъ всего предмета, страдаетъ неполнотою и отрывочностью изложенія, лишеннаго теоретической подкладки. Очеркъ «о давности по русскому гражданскому праву» есть попытка свести воедино всѣ постановленія закона о давности и о давностныхъ срокахъ. Этотъ сводъ—почти голый, сухой перечень законовъ, относящихся къ этому предмету, и притомъ сводъ, далеко не отличающійся систематическимъ расположеніемъ предмета. Остальныя двѣ статейки, незначительныя по объему, въ нѣсколько страничекъ, еще не-

Digitized by Google

нѣе удовлетворительны по своему содержанію и далеко не полно отвѣчаютъ на тѣ заглавія, которыя имъ далъ авторъ. Словомъ, вся книжка если и можетъ имѣть какое либо значеніе, то едва ли значеніе это на столько велико, чтобы слѣдовало разъ напечатанныя статьи перепечатывать вновь. Кому была бы охота и надобность познакомиться съ этими очерками, тотъ отыскалъ бы ихъ въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ они были напечатаны прежде.

Стенографическій отчетъ (?). **Процесъ г-жи Дмитріевой, полковника Карицкаго, ст. сов. Дюзинга, врача Сапожкова и г-жи Кассель** (Вытравленіе плода и кража 38 тысячъ рублей). 2 ч. Изданіе, *Я. Ѳ. Богданова.* М. 1871 г.

Кража и вытравленіе плода. Процесъ полковника Каструбо-Карицкаго, Дмитріевой, Дюзинга, Сапожкова и Кассель. *И. Р.* Изданіе „Русской Лѣтописи". М. 1871 г.

Такъ называемое дѣло г-жи Дмитріевой, какъ видно, не на шутку заинтересовало наше общество, если послѣ отчетовъ, печатавшихся во многихъ газетахъ, отчетъ объ этомъ процесѣ явился особою книжкою, да притомъ въ двухъ изданіяхъ сразу. Мы уже имѣли случай высказаться по поводу этого процеса. Мы признали за нимъ значеніе первостепенной важности, какъ въ юридическомъ, такъ преимущественно въ нравственномъ отношеніи. Мы указывали, что и по содержанію своему, и по ходу производства, этотъ процесъ—одна изъ блестящихъ страницъ для характеристики современнаго положенія нашего общества. Въ виду такого значенія настоящаго процеса, конечно, нельзя не желать полнаго, *дѣйствительно,* стенографическаго отчета о немъ. Напечатанные въ газетахъ отчеты далеко нельзя назвать не только стенографическими, но даже вѣрными въ передачѣ существенныхъ подробностей процеса. Такой отчетъ, какъ мы слышали, печатается въ «Рязанскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ», но мы имѣли случай видѣть только начало этого процеса въ этой мѣстной газетѣ и потому не можемъ сказать, на сколько этотъ отчетъ дѣйствительно можно назвать стенографическимъ. Посмотримъ теперь, на сколько отчетъ, изданный г. Богдановымъ, можетъ заслуживать это названіе. Во-первыхъ. самъ издатель сознается, что начало процеса (до 31 страницы) изложено не стенографически, и даже опредѣленіе судебной палаты помѣщено не вполнѣ, а въ извлеченіи. Затѣмъ самъ составитель признаетъ, что стенографическій отчетъ продолжается только до 342 стр. Другими словами, стенографировано только судебное слѣдствіе о произведеніи выкидыша. Судебное слѣдствіе о кражѣ, продолжавшееся почти въ двухдневномъ засѣданіи, заимствовано изъ «Московскихъ Вѣдомостей» и помѣщено на десяти страничкахъ. Затѣмъ

Digitized by Google

рѣчи прокурора и защитниковъ кн. Урусова и г. Плевако напечатаны по тому тексту, который появился въ газетахъ. Текстъ же этотъ, какъ мы знаемъ навѣрное, былъ написанъ далеко не согласно съ дѣйствительно произнесенными рѣчами. Рѣчь г. Городецкаго въ этомъ изданіи является вполнѣ, чего не было въ газетныхъ отчетахъ. Рѣчи гг. Спасовича и Кирѣевскаго, особенно послѣдняго, далеко не полныя. Затѣмъ не приведены ни отвѣтныя рѣчи сторонъ, ни заключительное слово предсѣдавшаго. Мы считали нужнымъ указать на эти подробности, чтобы читатель зналъ, что изданіе г. Богданова не представляетъ собственно стенографическаго отчета о дѣлѣ г-жи Дмитріевой, хотя издатель и называетъ его, самозванно, конечно, стенографическимъ отчетомъ. Далѣе, не можемъ не замѣтить, что и стенографическій отчетъ требуетъ нѣкоторой литературной обработки слога; въ изданіи же г. Богданова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются неудобочитаемыя фразы, написанныя небрежнымъ языкомъ. Наконецъ, къ рѣчамъ обвинителя и защитниковъ сдѣланы неумѣстныя примѣчанія, имѣющія претензію на остроуміе, и въ концѣ книги, вѣроятно, для приданія ей большей соблазнительности для покупателей, помѣщена статья П. Д. Бабарыкина, заимствованная изъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». Словомъ, настоящее изданіе г. Богданова и по своей внѣшности, и по той небрежности, въ которой оно выполнено и которую нельзя извинить даже и спѣшностью работы, и по своему длинному и многообѣщающему заглавію, представляетъ одно изъ явленій московской книгопродавческой спекуляціи.

Совершенно другими недостатками страдаетъ другое изданіе отчета, составленнаго г. И. Р. Эта книжка, изящно и весьма опрятно изданная, есть собственно перепечатка отчета о дѣлѣ г-жи Дмитріевой, напечатаннаго въ почтенной газетѣ «Русская Лѣтопись». Отчетъ этотъ не стенографическій: онъ не передаетъ всего происходившаго на судѣ съ объективною точностью, онъ даже не есть выборка существенныхъ подробностей дѣла изъ стенографическаго отчета. Этотъ отчетъ—мастерское воспроизведеніе происходившаго на судѣ, — воспроизведеніе, сдѣланное хорошимъ языкомъ, и потому оно весьма легко и пріятно читается и невольно увлекаетъ читателя. Но какъ бы ни было хорошо, даже художественно, воспроизведеніе процеса, все же такое воспроизведеніе относится къ стенографическому отчету о процесѣ такъ же, какъ портретъ, нарисованный живописцемъ, относится къ фотографическому изображенію. Въ воспроизведеніи процеса постоянно проглядываетъ личный взглядъ составителя отчета, тогда какъ въ стенографическомъ отчетѣ этого не бываетъ. Отчетъ, можетъ быть, при искусствѣ составителя, и выигрываетъ въ чтеніи, но интересъ строгой, безпристрастной истины даже въ малѣйшихъ подробностяхъ при этомъ способѣ изложенія сильно страдаетъ. А интересъ истины долженъ быть единственнымъ интересомъ, проникающимъ весь отчетъ о судебномъ за-

Digitized by Google

сѣданіи. Отчетъ г. И. Р., по самому способу его составленія, не можетъ быть такимъ. Но мало этого: составитель, видимо, далеко не безстрастно относившійся къ дѣлу, внесъ въ отчетъ тенденцію, можетъ быть, и вѣрную, и благородную, но во всякомъ случаѣ вредную для интереса объективности изложенія. Впрочемъ, у него есть мѣста въ отчетѣ, на прим., гдѣ говоритъ предсѣдательствующій, изложенныя не совсѣмъ такъ, какъ они были въ дѣйствительности и какъ они являются въ стенографическихъ отчетахъ. Изъ двухъ золъ, однако, слѣдуетъ выбирать меньшее,—и потому мы ставимъ изданіе «Русской Лѣтописи» много выше изданія г. Богданова.

А. Кость

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Gegen Gervinus. Von Dr. Karl Braun (Wiesbaden). Leipzig. 1871.

Im neuen Reich. Wochenschrift für das Leben des deutschen Volkes. Herausg. v. Alfred Dove und Gustav Freitag. 1871.

Lücken im Völkerrecht. Betrachtungen und Vorschläge aus d. Jahre 1870. V. Adolf Trendelenburg. Leipz. 1870.

Военныя событія, вызвавшія чрезвычайное напряженіе народныхъ силъ въ одномъ направленіи, крайне неблагопріятно отозвались на развитіи нѣмецкой литературы. Дѣятельность писателей, покидая другія отрасли письменности, идетъ вслѣдъ за тріумфальнымъ шествіемъ войскъ и находитъ себѣ выраженіе во множествѣ мелкихъ сочиненій, брошюръ, памфлетовъ, порожденныхъ «злобой дня», наскоро, впопыхахъ, составленныхъ исторіяхъ Эльзаса и Лотарингіи, доказывающихъ на всѣ лады необходимость возсоединенія ихъ съ великимъ отечествомъ, патріотическихъ драмъ и расказовъ; не говоримъ уже о безчисленныхъ летучихъ листкахъ, стихотвореніяхъ и карикатурахъ съ грошовымъ и циническимъ остроуміемъ, которымъ имя легіонъ и которыя такъ живо напоминаютъ подобныя же русскія произведенія (жалкой памяти) временъ крымской войны.—Даже многіе изъ лучшихъ представителей нѣмецкой литературы увлеклись въ это одностороннее, болѣзненное направленіе, и только рѣдкіе труженики или истинно либеральные мыслители съумѣли, въ минуту всеобщаго опьяненія торжествомъ, остаться вѣрными своему

Digitized by Google

просвѣтительному призванію и держать знамя развитія и науки превыше всякихъ императорскихъ штандартовъ.

Въ числѣ произведеній, вызванныхъ прусско-французской войной и объединеніемъ Германіи, можно, впрочемъ, остановиться на нѣкоторыхъ, которыя касаются многихъ существеннѣйшихъ вопросовъ народной жизни, и если не рѣшаютъ ихъ удовлетворительно, то, по крайней мѣрѣ, невольно разоблачаютъ настроеніе большинства и его отношеніе къ этимъ вопросамъ. Обусловливается ли германское единство сліяніемъ всѣхъ областей въ одно громадное государство съ полнымъ единообразіемъ всѣхъ порядковъ, подавляющее всѣ мѣстныя особенности,—этотъ вопросъ естественно заявлялся не разъ въ литературѣ, особенно съ 1866 года, когда лживый призракъ сѣверо-германскаго *союза* давалъ въ глазахъ политиковъ-идеалистовъ какъ-бы готовую почву для федераціи. Сила обстоятельствъ подняла нынѣ превыше всѣхъ сомнѣній вѣру въ необходимость прусской гегемоніи, и возбуждать раздумье объ этомъ совершившемся фактѣ кажется теперь государственной измѣной. Не озабочиваясь этимъ, Гервинусъ нашелъ въ себѣ столько гражданскаго мужества, чтобы сказать правдивое слово среди общаго ослѣпленія, и въ предисловіи къ послѣднему изданію своей Geschichte der deutschen Dichtung, обозрѣвая развитіе нѣмецкаго народа за послѣднее время, выразилъ сожалѣніе о ложномъ направленіи, принятомъ нѣмецкой политикой,—направленіи, не свойственномъ духу истиннаго прогресса; онъ вспомнилъ всѣ тайные ходы сторонниковъ прусскаго верховенства и поставилъ имъ въ упрекъ употребленіе грубой силы и беззавѣтнаго самоуправства тамъ, гдѣ возможно было соглашеніе и уваженіе къ обоюднымъ правамъ. Чувствуя грустное разочарованіе и сознавая, что годы берутъ свое, онъ съ грустью вспомнилъ о своихъ прежнихъ сподвижникахъ въ литературѣ и единомышленникахъ въ политикѣ, великихъ братьяхъ Яковѣ и Вильгельмѣ Гриммѣ и историкѣ Дальманѣ, невольно представляя себѣ, что̀ бы почувствовали они, еслибы дожили до государственной нивелировки Германіи.

Такая рѣчь человѣка, привыкшаго всегда съ неустрашимостью высказывать свое мнѣніе, возбудила въ противномъ лагерѣ дружное негодованіе; отвѣты и возраженія посыпались на предисловіе Гервинуса: ему возразилъ, довольно извѣстный въ политической литературѣ, докторъ Браунъ-Висбаденъ, статья котораго вызвала отвѣтъ Гервинуса и рекритику Брауна; наконецъ, нашелся вынужденнымъ вступить въ споръ и сынъ Вильгельма Гримма, романистъ Германъ Гриммъ, стараясь выгородить память отца своего отъ нечестія. Вся эта полемическая литература, вызванная заявленіемъ Гервинуса, собрана нынѣ Брауномъ въ брошюрѣ Gegen Gervinus. Расказываютъ, что скончавшійся нынѣ виновникъ всего спора послѣдніе дни своей жизни посвятилъ на составленіе обширнаго отвѣта на всѣ нападки противниковъ, гдѣ намеки и полуслова были бы замѣнены прямыми указаніями, подкрѣпленными

Digitized by Google

фактами. Смерть помѣшала окончанію этого труда, который однако, вѣроятно, будетъ изданъ и въ недодѣланномъ видѣ.

Возраженія противниковъ Гервинуса не имѣютъ той серьезности, которой требовала важность предмета. Пріемы и уловки, чисто казуистическія, приходятъ на помощь тамъ, гдѣ дѣло говоритъ само за себя. Гервинусъ выставленъ не сторонникомъ федеративнаго склада государства, а партизаномъ прежняго мелочнаго дробленія Германіи на миніатюрныя безсильныя части; намъ ставятъ на видъ, что Гервинусъ не можетъ забыть, что онъ прежде всего гессенъ-дармштатецъ, и поэтому-то такъ горячо ратуетъ за партикуляризмъ. Оттого такъ слаба Германія въ экономическомъ отношеніи, толкуетъ ему Браунъ, что въ ней не было единства; нынѣ, при занятіи Франціи нѣмцами, становится очевидно, что граждане единой Франціи гораздо далѣе ушли въ этомъ отношеніи гражданъ раздробленной Германіи, которая еще такъ недавно была перерѣзана таможенными линіями и всякаго рода заставами и для людей, какъ и для товаровъ. Стоило однако взять для сличенія не императорскую Францію, а сосѣднюю Швейцарію или Американскіе Штаты, чтобы видѣть, какъ тѣхъ же цѣлей и тѣхъ же результатовъ достигали истинно свободные народы иными путями, кромѣ поглощенія всѣхъ областей одною. Но примѣръ Швейцаріи, по мнѣнію Брауна, въ настоящемъ случаѣ не приложимъ; причина тому—территоріальная незначительность Швейцаріи, защищенной счастливо горами; обширная и лишенная столь безопасныхъ границъ, Германія должна искать силы въ крѣпкой централизаціи. Федеративное устройство почему-то представляется критику и его единомышленникамъ прямо предающимъ страну во власть врагамъ, открывая всѣ ея слабыя стороны и препятствуя всякой стойкой защитѣ!..... Но къ тому же намъ доказывается, что и идеи Гервинуса не оригинальны, а заимствованы, и именно изъ французскаго источника; таковъ ловкій пріемъ, которымъ въ тревожное время легко набросить тѣнь на патріотизмъ любаго писателя. Гервинусъ повторяетъ де то, что до него уже говорилъ Викторъ Шербюлье въ извѣстной своей книгѣ о Пруссіи; но что позволительно французу, то не простится нѣмецкому ученому, заявившему, что онъ смотритъ на текущія событія безпристрастнымъ взглядомъ историка.

На всѣ хитросплетенія уловокъ, извѣтовъ, насмѣшекъ своего противника, приправленныхъ восхваленіями прусскаго милитаризма, столь ненавистнаго Гервинусу, и выдвинувшихъ некстати совершенно побочный вопросъ, были ли бы Гриммы и Дальманъ одного мнѣнія съ Гервинусомъ, еслибъ дожили до событій настоящаго времени,—Гервинусъ отвѣчалъ въ Allgemeine Zeitung краткой, но энергическою статьей. Не смущаясь патріотическимъ изувѣрствомъ своего критика, онъ снова и положительно выставляетъ на видъ свою приверженность федералистскому принципу, снимая съ себя незаслуженное обвиненіе въ чествова-

Digitized by Google

ціи мелкихъ владѣльческихъ стремленій прежняго времени, и, оставаясь твердымъ въ своемъ убѣжденіи, доказываетъ, что и тѣ люди, чьи тѣни, дорогія для него, онъ призвалъ въ свидѣтели своей правоты, раздѣляли его убѣжденія; отрывками изъ ихъ переписки онъ доказываетъ, какимъ искреннимъ федералистомъ неизмѣнно былъ Яковъ Гриммъ, пламенный и искренній патріотизмъ котораго никто не подвергнетъ сомнѣнію; онъ припоминаетъ, какимъ образомъ и Дальмана, на время увлеченнаго пруссоманіей, деспотизмъ Пруссіи возвратилъ на прежнюю дорогу. Въ заключеніе Гервинусъ выражаетъ желаніе, чтобъ «упоенная торжествомъ Германія имѣла хоть на столько свободы слова, сколько доведенная до отчаянія и поруганная Франція»,—думая, что легче тогда будетъ вести серьезно и спокойно споръ о насущныхъ народныхъ вопросахъ. Послѣдняя отповѣдь Брауна и безсодержательная статья Германа Гримма силятся опровергнуть доводы Гервинуса, но доказываютъ на дѣлѣ, на примѣръ, что Гриммъ не стоялъ за партикуляризмъ Гессенъ-Дармштадта, а за соединеніе всѣхъ гессенскихъ земель въ одну область, за союзъ нѣсколькихъ мелкихъ государствъ въ одну Тюрингію и т. д., т. е., за округленіе составныхъ частей возможной федераціи, сообразно различію мѣстныхъ условій, за что въ сущности стоитъ и Гервинусъ. Критики берутъ рѣшительно сторону Пруссіи и, издѣваясь надъ пророчествами Гервинуса, увѣряютъ его, что объединеніе, нынѣ совершившееся, ведетъ не къ унитаризму, но къ федерализму, что стремленія къ самоуправленію поощряются, и самостоятельность государствъ будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока они сами перестанутъ охранять ее,— т. е., пока они не будутъ вынуждены къ тому Пруссіею... Въ концѣ брошюры, на бѣлой полосѣ, красуется заявленіе, сильно звучащее фанфаронадой, — «окончательный приговоръ въ этомъ спорѣ будетъ произнесенъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи». Еще вопросъ, въ чью пользу выскажется со временемъ общественное мнѣніе? Военной силѣ не создать нынѣ прочнаго величія страны...

Новая эра нѣмецкой исторіи вызвала, кромѣ разнообразныхъ случайныхъ политическихъ сочиненій, и цѣлое изданіе, спеціально посвященное интересамъ Германской имперіи. Это еженедѣльный журналъ «Im neuen Reich», основанный въ Лейпцигѣ Альфредомъ Дове при постоянномъ участіи извѣстнаго Густава Фрейтага. Съ перваго же выпуска новое изданіе поспѣшило отчетливо выяснить свои основныя точки зрѣнія. Издатели, очевидно, принадлежатъ къ немалому числу передовыхъ нѣмецкихъ людей, увлеченныхъ неожиданнымъ объединеніемъ отечества до идеальнаго настроенія. Фрейтагъ посвящаетъ даже въ первомъ № большое, но не совсѣмъ удачное, стихотвореніе (Die Kaiserkrone) воспѣванію принятія королемъ Вильгельмомъ новаго титула. Но, при всемъ томъ, они далеки отъ удовлетворенія настоящимъ и стоятъ за неудержимое ничѣмъ движеніе впередъ. «Развитіе конституціи, говорится во

Digitized by Google

вступительной статьѣ Дове, нынѣ, къ сожалѣнію, затруднено; можно даже опасаться полнаго застоя. Но тутъ-то и нужно поднять въ самомъ народѣ внутреннюю работу національнаго духа, которому, если только онъ выразится въ единодушныхъ требованіяхъ, не въ силахъ будутъ противостоять правительства. Прошло время жертвовать всѣми желаніями одному лишь достижимому,—слѣдуетъ добиваться цѣли желаній, которая *должна* быть достижима». Въ этомъ новый журналъ видитъ главную свою задачу; частности ея, указанныя понынѣ редакціею, состоятъ въ требованіи тѣснѣйшаго соединенія всѣхъ частей имперіи въ законодательномъ и конституціонномъ отношеніи, устраненія всѣхъ остатковъ старонѣмецкаго самоуправства въ отдѣльныхъ государствахъ, развитія самоуправленія во всѣхъ его видахъ, отдѣленія церкви отъ государства,—въ служеніи образовательнымъ цѣлямъ, наукѣ, искусству, которыхъ настоящій пароксизмъ легко можетъ отодвинуть на задній планъ, въ заботѣ объ экономическихъ улучшеніяхъ быта; но прежде всего требуется, ни болѣе, ни менѣе, какъ соединеніе въ имперіи *всѣхъ нѣмецкихъ племенъ*. Это-то и есть на самомъ дѣлѣ главная цѣль журнала. Въ одной изъ кореспонденцій, присланныхъ въ него изъ Австріи, мысль о собираніи нѣмецкаго отечества получаетъ еще болѣе разительное примѣненіе. Обсуждая положеніе нѣмецкой партіи въ Цислейтаніи, кореспондентъ настаиваетъ на измѣненіи политики правительства съ цѣлью подавить славянскую оппозицію и выдвинуть впередъ нѣмецкій племенной элементъ; въ этихъ видахъ онъ не затрудняется порицать тактику министерства Гербста и К°, взявшихъ себѣ за правило мысль Бейста о необходимости побѣдить Пруссію либерализмомъ; вслѣдствіе того, говоритъ авторъ, проведено столько либеральныхъ затѣй, что ими создано трудно искоренимое препятствіе осуществленію завѣтной идеи. Стóитъ труда договорить за автора, сдѣлать его выводъ: итакъ, нужно убавить свободы въ Австріи (какъ будто ея тамъ въ волю!), *только бы* тѣмъ легче подавить славянъ и скорѣе примкнуть къ Германіи! Вотъ до чего можетъ договориться усердный не по разуму патріотъ; но характеристичнѣе всего обстоятельство, выведенное наружу чешскими газетами: оказывается, что этотъ рьяный истребитель славянъ, Антонъ Шпрингеръ, нѣкогда, именно въ 1848 году, торжественно защищалъ нѣчто другое, и на устахъ его были сладкія слова братства и единодушія съ славянами...

Наблюденія, сдѣланныя въ теченіи минувшей франко-прусской войны, показали, въ какомъ несовершенномъ состояніи, не отвѣчающемъ потребностямъ европейской жизни, находится по сю пору международное право. Газеты уже говорятъ о различныхъ предложеніяхъ, приписываемыхъ то Голландіи, то Бельгіи, то даже Россіи, и имѣющихъ цѣлью установленіе болѣе прочныхъ основъ этого права. Разъясненію замѣченныхъ въ немъ пробѣловъ посвящено новѣйшее сочиненіе Тренделенбурга Lücken im Völkerrecht. Перечисляя подробно выказавшіеся недостатки, онъ пытается

Digitized by Google

даже предложить свой способъ устраненія ихъ. Прилагая къ дѣлу и въ этомъ сочиненіи философскіе пріемы, онъ исходитъ отъ вполнѣ раздѣляемаго имъ положенія Канта, что стремленіе къ вѣчному миру есть задача практическаго разума и потому является *долгомъ*. Къ этому умиротворенію должно стремиться человѣчество во имя безмятежнаго и всесторонняго развитія своихъ силъ. Новѣйшая исторія народовъ обличаетъ растущее съ каждымъ годомъ живое стремленіе къ общимъ международнымъ начинаніямъ, которыя не могутъ не содѣйствовать постепенному умиротворенію Европы. Въ виду этого стремленія, и международное право должно отозваться на вопросы самою практикою, самою жизнью. Захватъ французскими судами нѣмецкихъ торговыхъ судовъ, при существовавшемъ запрещеніи нѣмецкому флоту отвѣчать тѣмъ же, указываетъ на отсутствіе прочныхъ договоровъ, которые отняли бы у морской войны характеръ разбойничества. Изготовленіе подданными государствъ, объявившихъ себя нейтральными, оружія, военныхъ припасовъ, ссуда пароходовъ, устройство телеграфовъ и т. д.,—чему примѣры во множествѣ представили и Англія и Бельгія и даже частію Австрія,—требуютъ установленія основъ нейтральности, обязательныхъ не для государственныхъ властей только, но и для всего населенія. Изгнаніе цѣлыхъ массъ иностранныхъ подданныхъ изъ государства, безъ различія, по сплошному подозрѣнію въ измѣнѣ, не основано ни на какомъ писанномъ актѣ международнаго права, ничѣмъ не предусматривается и не воспрещается, тогда какъ благосостояніе сотенъ тысячъ можетъ быть легко подорвано подобною мѣрой. Охрана постановленій женевской конвенціи о раненыхъ и больныхъ воинахъ и установленіе правилъ, обуздывающихъ самоуправное употребленіе грубой силы во время войны, является столь же желательнымъ. Что касается до вчинанія войны вообще, то, по мнѣнію Тренделенбурга, должны быть измышлены всѣ удобоприложимыя средства для того, чтобъ она не могла послѣдовать совершенно произвольно, внезапно, по капризу властителей или министерствъ. Европейскія державы должны имѣть прочное право своимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ затруднять, на сколько возможно, всѣ войны, направляя рѣшеніе споровъ на путь соглашенія.

Для разсмотрѣнія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, установленія впредь положительныхъ основъ и въ особенности для наблюденія за исполненіемъ ихъ, авторъ предлагаетъ учрежденіе постояннаго международнаго конгреса или комитета, составленнаго изъ представителей державъ, избранныхъ изъ лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ. Этотъ комитетъ долженъ выработать законы, опредѣляющіе права и обязанности нейтральныхъ, опредѣлить, что имѣетъ быть считаемо контрабандой, нарушеніемъ нейтралитета и т. д. Каждая держава должна взять на себя усвоить эти общія положенія своему мѣстному законодательству и наблюдать за ихъ исполненіемъ. Комитету должна быть дана возможность дѣятельно

Digitized by Google

принимать участіе въ улаживаніи всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ международныхъ недоразумѣній. Въ послѣднемъ случаѣ ему должна быть предоставлена возможно большая свобода дѣйствій, конечно, не исключающая извѣстной зависимости каждаго представителя отъ инструкцій своего правительства.

Такова въ общихъ чертахъ сущность предложенія Тренделенбурга и побудительныхъ къ нему мотивовъ. Затрогивая одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ европейской политики, онъ приходитъ къ тому же заключенію, къ какому до него приходилъ и Кантъ, мечтавшій уже о европейскомъ конгресѣ, зорко слѣдящемъ за спокойствіемъ нашей части свѣта. Тренделенбургъ не скрываетъ, что приложеніе его плана на дѣлѣ встрѣтитъ затрудненія, но возлагаетъ надежду на *нѣмецкое племя*, которому, по его мнѣнію, выпало нынѣ на долю произвести на началахъ права и мира сближеніе государствъ и соединеніе человѣчества въ одно стройное тѣло. Все это прекрасно. Нѣтъ сомнѣнія, что международное право, съ одной стороны, не всѣ еще принципы установило и выработало, а съ другой, не имѣетъ на столько живой силы и интереса безусловнаго соблюденія, чтобы державы, объявляющія себя во время войны нейтральными, рѣшились во что бы то ни стало, хотя бы даже и оружіемъ, заставить уважать то, что уже выработано международнымъ правомъ и въ чемъ охотно соглашаются все державы въ мирное время. Намъ кажется, что и самая книга Тренделенбурга вызвана многочисленными нарушеніями международнаго,—скажемъ болѣе: общечеловѣческаго права, совершенными пруссаками въ послѣдней войнѣ съ французскимъ народомъ. Печать европейская за время этой войны полна извѣстіями самаго возмутительнаго свойства. Пруссаки не уважали ни собственности, ни жизни мирныхъ гражданъ, ни даже неприкосновенности нейтральнаго имущества, коль скоро оно было нужно имъ для военныхъ цѣлей; ими оскорблены, попраны самыя священныя и завѣтныя чувства человѣка. Поэтому не *нѣмецкому племени*, какъ надѣется Тренделенбургъ, выпало на долю произвести сближеніе государствъ и соединеніе человѣчества на началахъ права и мира, а на противъ, нѣмецкое племя только *отрицательно* содѣйствовало къ тому, возбудивъ въ общественномъ мнѣніи Европы желаніе упрочить право и миръ собственно въ виду постоянныхъ правонарушеній и безобразія прусской солдатчины. Вопросъ же о томъ, какъ сдѣлать войну наименѣе возможною, можетъ быть рѣшенъ не конгресомъ (мы видѣли въ греко-турецкой распрѣ, какъ дѣйствовалъ конгресъ), а только полнымъ допущеніемъ народнаго участія въ вопросахъ войны и мира, на томъ основаніи, что только самъ народъ можетъ быть блюстителемъ своей чести и своего достоинства, на которыя ссылаются кабинеты.

Digitized by Google

Heinrich IV und Philipp III. Die Begründung d. französ. Uebergewichts in Europe. v. Dr. M. Philippson. Berlin. 1870.

Въ то время, когда удача нѣмецкаго оружія свергнула господство Франціи надъ судьбами Европы, является весьма умѣстнымъ сочиненіе, разбирающее тѣ обстоятельства, при которыхъ это господство, этотъ перевѣсъ французскаго государства впервые былъ водворенъ. Авторъ считаетъ Генриха IV если не прочнымъ установителемъ его, то первымъ государемъ, положившимъ ему основаніе. Постепенное ослабленіе испанской монархіи дало возможность властителямъ Франціи перенѣстить европейскій центръ тяжести. Разладъ между обоими государствами, однимъ дряхлѣвшимъ и разрушавшимся, другимъ молодымъ и быстро крѣпнувшимъ,—принималъ все большіе и большіе размѣры. Въ этой борьбѣ за первенство, симпатіи Европы не могли не быть на сторонѣ Франціи. «Испанія была представительницей строго-католическаго принципа, подавленія всякаго мнѣнія, уклонившагося отъ него. Франція, во внутреннихъ дѣлахъ своихъ отличавшаяся такою же нетерпимостью, изъ ненависти къ Испаніи, примыкала, внѣ своихъ предѣловъ, къ реформатамъ и поддерживала ихъ дѣло въ Германіи и Нидерландахъ. Торжество Франціи надъ ея соперницей было такимъ образомъ и укрѣпленіемъ реформаціи». Въ дальнѣйшемъ развитіи французскаго главенства, это направленіе получаетъ значительное развитіе; отмѣна нантскаго эдикта кладетъ конецъ войнамъ за вѣру, а вестфальскій миръ упрочиваетъ равноправность исповѣданій. Разработать по накопившимся нынѣ многочисленнымъ источникамъ исторію этого періода, имѣющаго такое важное значеніе для европейской цивилизаціи, поставилъ себѣ цѣлью авторъ. Сличая взаимное положеніе обѣихъ странъ, ихъ политику, внутреннія дѣла, соціальное устройство, онъ желаетъ объяснить ими неизбѣжность столкновенія между двумя разнородными стихіями. Освѣщенный съ этой стороны, трудъ его, не сообщающій большаго груза новыхъ фактовъ, получаетъ тѣмъ не менѣе живой интересъ. Въ настоящее время вышла лишь первая часть, обнимающая собою время отъ 1598 года до 1605 и останавливающаяся на начинающемся сближеніи Англіи съ испанскимъ дворомъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тревога въ станѣ класиковъ.—Сравнительное языкознаніе.—Новые языки и способъ ихъ изученія.—Историческій очеркъ ихъ преподаванія у насъ.—Мѣна учебниковъ.—Необходимость новой степени преподаванія.—Учебникъ г. Гемиліана и ученый комитетъ.—Неудачная рецензія.—Равноправность языковъ въ системѣ преподаванія.—Состояніе земледѣльческой статистики въ Россіи.—Данныя комиссій народнаго продовольствія.—Надежды на земскія учрежденія.—Труды департамента земледѣлія и сельской промышленности.—Уровень среднихъ урожаевъ хлѣба по разнымъ мѣстностямъ Европейской Россіи.—Количество хлѣба, производимаго въ Европейской Россіи и его распредѣленіе.—Урожай 1870 года: полоса сѣверная, Прибалтійскій край, полосы: западная, югозападная, центральная, восточная и южная, Привислинскій и Кавказскій края, Сибирь.—Выводы для «любознательныхъ».—Земледѣльцы и скупщики.—Чего слѣдуетъ желать отъ земства?

Послѣ непродолжительнаго временнаго успокоенія поборниковъ классическаго образованія, въ узкомъ смыслѣ слова, на лаврахъ, добытыхъ при содѣйствіи разныхъ постороннихъ соображеній и опасеній и вслѣдствіе случайнаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ,—внезапно въ ихъ станѣ поднялась тревога. Встрепенулись и противники ихъ. Обѣ стороны схватились за оружіе, ополчились именами и томами греческихъ и латинскихъ классиковъ и вдобавокъ одна изъ сторонъ выдвинула щитомъ и вмѣстѣ тараномъ за себя и Пруссію. Дѣло въ томъ, что правительство рѣшилось пересмотрѣть и исправить учебную часть въ школахъ. Но когда вопросъ поднятъ изъ-за народнаго образованія и тутъ же ничего лучшаго не находятъ, какъ ссылку на Пруссію, то такъ и мерещатся намъ будущіе, по-прусски образованные, русскіе юноши—солдатами вѣшателями, сожигателями, грабителями, насильниками признанныхъ всѣми и потому всюду уважаемыхъ нравственныхъ началъ, каковы, на прим. самозащищеніе, пощада мирныхъ гражданъ, уваженіе къ чужой собственности и проч. и проч. Такъ и кажется намъ, что, вдохновенные воинственнымъ азартомъ гомеровскихъ сказаній и хитростію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ героевъ древности, настроенные браннымъ содержаніемъ и воинственностію расказовъ Ксенофонта, Саллюстія, Юлія Цезаря и Тита Ливія, которыхъ первыхъ преподносятъ для чтенія младшему возрасту, воспринимающему обыкновенно лишь внѣшнія, наиболѣе бьющія и легко усвояемыя стороны,—наши будущіе подвижники народной жизни, вниманіе которыхъ устремлено исключительно на чтеніе классическихъ писа-

Digitized by Google

телей, не найдутъ ничего лучшаго, какъ забавляться воинскими игрищами и ринутся кровожадною толпою для истребленія, порабощенія и разоренія чужаго племени. Кстати, и болѣе глубокое пониманіе смысла нѣкоторыхъ класическихъ произведеній наведетъ ихъ на мысль не мирнаго сожитія народовъ, а на племенную вражду, на истребленіе одной народности другою. Туда же, гдѣ у древнихъ вылилось наиболѣе успокоивающей гармоніи духа,—въ область ваянія, архитектуры, права, ученики гимназій, конечно, не заглянутъ: намъ кажется, что и пониманіе художественности древнихъ писателей, въ настоящемъ, серьезномъ своемъ значеніи, для ихъ возраста недоступно. Они обречены, съ перваго раза, на самое продолжительное бесѣдованіе съ греко-римской военщиной. А потомъ, когда быстро созрѣвающій возрастъ подвинется достаточно для того, чтобы понимать лирическія движенія,—греко-римскіе класики займутъ ихъ пластичностію античной красоты, дѣйствіе которой едва ли выдержитъ въ равновѣсіи образа и духа возрастъ, склонный къ увлеченіямъ. Пусть кто изъ литературныхъ вожаковъ класицизма припомнитъ свое собственное молодое время и эти аѳинскія забавы, остающіяся пока еще въ живомъ преданіи.... И вотъ мы видимъ начала двухъ особенностей солдатчины—кровь и развратъ.

Если сосредоточивать понятіе о класицизмѣ на изученіи древнихъ языковъ, которымъ придавать значеніе по преимуществу основы первоначальнаго умственнаго развитія, то надобно впередъ увѣрить поборниковъ класицизма, что справедливость взгляда не на ихъ сторонѣ. Университеты имѣютъ общеобразовательное значеніе: на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности бывшій студентъ университета виденъ изъ-за другихъ. Подъ этимъ взглядомъ устроено въ университетахъ послѣдовательное распредѣленіе курсовъ и предметовъ чтенія, такъ что можно сказать, что факультеты съ своими спеціальностями исподволь выдѣляются изъ среды общеобразовательной. Тѣмъ болѣе гимназіи, какъ школы подготовительныя къ университету, взятому еще въ будущемъ, въ его, слѣдовательно, цѣльности, еще безъ раздѣленія на факультеты, которое только въ немъ уже совершается, должны имѣть значеніе общеобразовательныхъ и сколько подготовительныхъ, столько же, по степени этой подготовки, и самостоятельныхъ училищъ. Онѣ не могутъ подготовлять молодыхъ людей преимущественно къ одному историко-филологическому факультету.

Съ языкомъ изучается нераздѣльно и всецѣло духъ народа, создавшій этотъ языкъ. Почему же христіанскіе народы, воспринявшіе въ себя откровеніе духа и стоящіе гораздо выше древнихъ народовъ, обречены на болѣе слабое, даже, можно сказать, пренебрегаемое изученіе въ одномъ изъ главнѣйшихъ созданій ихъ духа—языкѣ? А такъ какъ движенія духа человѣческаго въ своихъ началахъ одинаковы во всѣхъ народахъ, то мы убѣждены, что со временемъ, когда ученая подготовка преподавателей

Digitized by Google

станетъ гораздо выше, чѣмъ теперь,—изученіе древнихъ и новыхъ (въ томъ числѣ и славянскихъ) языковъ не иначе будетъ совершаться въ нашихъ гимназіяхъ, какъ сравнительно, одновременно. Тогда не нужно будетъ учителямъ твердить порознь—одному для древнеславянскаго, другому для латинскаго, третьему для греческаго языка, и твердить, пожалуй не въ ладъ съ своимъ товарищемъ, то, что можно сказать для всѣхъ вмѣстѣ, разомъ и понятнѣе. Тогда только осмыслятся для учениковъ формы, на прим., падежей, по видимому, не сходныя, и времена и формы спряженій глаголовъ, озадачивающія ученика, въ чужихъ языкахъ, своею непонятностію и усвояемыя одною памятью. Но тогда это уже не будетъ класическимъ дресированіемъ способностей ученика, а понятнымъ усвоеніемъ, съ помощію понятнаго роднаго языка, главныхъ началъ и происходящихъ отсюда главныхъ движеній въ языкахъ, какъ мертвыхъ, такъ и живыхъ. Для насъ, русскихъ, это тѣмъ удобнѣе, что нашъ языкъ богатъ звуками и формами, въ особенности видами глагола, да еще пособіемъ ему служитъ почти такой же понятный языкъ древнеславянскій, формы котораго логично отчетливы, полны и совершенно установлены, какъ и въ языкахъ класическихъ. Желательно бы было, чтобы на этотъ способъ изученія языковъ было обращено главнѣйшее вниманіе: легкость такого изученія и постепенно раскрывающееся пониманіе въ ученикѣ, непритворный интересъ, съ которымъ онъ слѣдитъ за живою силою духа, работающею надъ созданіемъ языка, начиная отъ трехъ простыхъ звуковъ до самыхъ сложныхъ формъ, — силою, которая въ молодомъ воображеніи рисуется почти образно, при наглядной обстановкѣ, заимствованной изъ исторіи, археологіи, географіи и проч., — извѣстны намъ по опыту. Затѣмъ, когда эти основы языковъ, эта разумность ихъ схвачены ученикомъ и достаточно дополнены лексически, можно уже спеціализировать изученіе тѣхъ или другихъ языковъ, но не обязательно для всѣхъ, а по желанію каждаго, сообразно съ предназначаемымъ родомъ занятій въ будущемъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о сравнительномъ способѣ изученія языковъ, безъ предпочтенія тому и другому, безъ насилованія способностей и времени въ пользу древнихъ языковъ. Мы только слабо намекнули на мысль, которая насъ занимаетъ при соображеніи доводовъ двухъ противуположныхъ направленій. Но если ужь стоять собственно за дресировку умственныхъ способностей, или, вѣрнѣе и проще, за развитіе ихъ, то ужь конечно понятливость и логичность разовьются въ ученикѣ скорѣе при наглядномъ слѣженіи за звуками и формами, при упрощеніи ихъ съ помощію роднаго языка и сопоставленія съ такими же однородными, чѣмъ въ одной чужой, подавляющей сферѣ мертвыхъ языковъ, требующей всетаки памяти тамъ, гдѣ должно быть пониманіе,—зубренья тамъ, гдѣ можетъ быть живой интересъ къ одухотворенной творческой силѣ слова, выступающей изъ основныхъ свойствъ цѣлой отрасли языковъ.

Digitized by Google

Не поспѣшимъ къ новымъ языкамъ.

По общепринятому мнѣнію, знаніе новыхъ языковъ считается необходимымъ; само правительство подтвердило мнѣніе большинства и ввело въ число обязательныхъ предметовъ среднихъ учебныхъ заведеній языки французскій и нѣмецкій (и почему же еще не англійскій?). Ученые и люди свѣтскіе убѣждены, кажется, въ необходимости такого знанія, но, не смотря на общественное мнѣніе, изученіе новыхъ языковъ играетъ у насъ довольно странную роль. Въ университетахъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, изученіе новыхъ языковъ считаютъ дѣломъ второстепеннымъ, на томъ основаніи, говорятъ, что въ немъ нѣтъ той образовательной силы, той умственной гимнастики, которая кроется въ исторіи, въ математикѣ, въ древнихъ языкахъ. Знаніе новыхъ языковъ считается только средствомъ, а не цѣлью. Намъ кажется, что такое положеніе ложно и не выдерживаетъ анализа. Какая разница между цѣлью и средствомъ? Цѣль—конечный, удачный исходъ любаго дѣла, средство—возможность достигнуть такого удачнаго исхода. Почему изученіе исторіи будетъ цѣлью, а новыхъ языковъ—средствомъ? Развѣ знаніе новыхъ языковъ не можетъ быть тоже цѣлью и быть превосходной, умственной гимнастикой? Все зависитъ отъ способа преподаванія и отъ тѣхъ данныхъ, которыхъ захотятъ достигнуть. Языкъ любаго народа отражаетъ въ себѣ степень его историческаго развитія. Исторія раскрываетъ путь, которымъ знаменовало себя развитіе народа, а языкъ собираетъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, весь процесъ этого развитія и каждую минуту служитъ живымъ, дѣйствующимъ итогомъ за все прошедшее народное, даже доисторическое. На звуки, формы, съ ихъ повременными измѣненіями, на словообразованіе, на сочетаніе словъ и на самую рѣчь исторія кладетъ свои неизгладимые и присущіе слѣды—и языкъ является величественнымъ памятникомъ всецѣлаго народнаго духа. Если жизнь нынѣшнихъ народовъ Европы и сѣверныхъ американцевъ, представителей современнаго человѣчества, имѣетъ первенствующее значеніе, то почему наилучшій плодъ ихъ жизни, языкъ, низведенъ на степень служебную, изучается на столько, на сколько служитъ орудіемъ усвоенія другихъ знаній, и почему не поставленъ самъ себѣ цѣлью; почему не дано ему значенія, подобающаго той средѣ, въ которой народъ раскрываетъ глубочайшую сторону своего духа? Изучая новые языки, мы изучаемъ вмѣстѣ и жизнь французовъ, германцевъ и англичанъ. Каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ свой отличительный характеръ. Изученіе языка знакомитъ насъ съ внутреннимъ настроеніемъ, которое произвели въ данную эпоху тотъ или другой историческій моментъ. Такъ, на примѣръ, обозрѣвая явленія французской революціи, мы выяснимъ себѣ ея причины, обративъ особенное вниманіе на экономическій и гражданскій бытъ французскаго народа и на нравственные переходы, которые обусловили революцію; но мы уразумѣемъ причины отличительнаго характера такого факта, изучивъ языкъ

Digitized by Google

народа; онъ-то и дастъ намъ ключъ къ объясненію особенностей этой революціи; онъ раскроетъ намъ психическое настроеніе, свойственное въ данную эпоху только французамъ, а не другому народу.

Объяснимся. Въ XVIII столѣтіи энциклопедисты пожелали сдѣлать общій смотръ всѣмъ человѣческимъ знаніямъ и внесли въ нихъ критическій элементъ. Духъ сомнѣнія придалъ новую форму идеямъ; новыя изслѣдованія въ наукахъ вызвали къ жизни новыя слова, новыя выраженія. Писатели XVII вѣка во всѣхъ своихъ описаніяхъ не могутъ обойтись безъ сравненій съ миѳологіей грековъ и римлянъ; *лугъ, покрытый цвѣтами*,—у нихъ: un champ, que Pomone couvre de ses dons; *умирающій человѣкъ*—un homme dont la Parque tranche les jours; писатели XVII вѣка—христіане по понятіямъ, а язычники на дѣлѣ. Въ XVIII столѣтіи весь этотъ хламъ старыхъ преданій, навѣянныхъ эпохой возрожденія, затирается требованіями пытливаго ума энциклопедистовъ. Многіе изъ нихъ лучше своихъ предшественниковъ понимаютъ природу; иные сочувствуютъ ея красотамъ; точныя знанія становятся основательнѣе; сравненія и метафоры берутся изъ среды наукъ и природы; слова получаютъ болѣе опредѣленное значеніе, потому что философы хотятъ точно опредѣлить значеніе терминовъ, которые ими употребляются въ рѣчи. Самый главный новаторъ—Дидеротъ; онъ говоритъ je crois, que nous avons plus d'idées que de mots; онъ создаетъ критику въ области искусства; онъ слѣдитъ за живописью, за ваяніемъ, и употребляетъ выраженія и сравненія, свойственныя мастерскимъ художниковъ, и его вліяніе сказывается даже въ описаніяхъ писателей нашего вѣка. Духъ анализа, система разрушенія прежнихъ идей и понятій отражается въ словахъ, въ этой алгебраической формулѣ воззрѣній данной эпохи. Во время революціи, въ эпоху полнаго разрушенія всего отжившаго, составилось громадное число словъ съ приставками dé и in, которыя означаютъ отрицаніе и уничтоженіе. Démarquiser: до революціи много молодыхъ людей носили титулы бароновъ и маркизовъ, не имѣя на то права; они жили аферами, и когда попадались въ плутняхъ, ихъ сажали въ тюрьму, но прежде on les démarquisait. Démènagement—говорилось въ смыслѣ смерти. Se déprêtriser—употребляется въ журналахъ 1793 года въ смыслѣ отказаться отъ сана священника. Déprisonner—освободить изъ тюрьмы; incérémonieux, inéluctable, неизбѣжный,—слово Камиля Демулена; inutiliser quelqu'un—сдѣлать кого не нужнымъ; irascibilité—слово Мирабо, и проч. и проч. Изобрѣтеніе новыхъ словъ доказываетъ, что языкъ не соотвѣтствовалъ потребностямъ новыхъ мыслей, и ясно обозначаетъ общее воззрѣніе, наклонность къ новизнѣ, свойственную всѣмъ писателямъ данной эпохи.

Вліяніе англичанъ, упроченное во Франціи Вольтеромъ, сказалось въ огромномъ числѣ клубовъ, которые стали быстро распространяться послѣ открытія перваго клуба въ Парижѣ въ 1782 году. Въ нихъ сосредоточивалась масса идей, новыхъ понятій и надеждъ, которыя волновали

Digitized by Google

толпу и были причиной общественныхъ сходокъ, безъ которыхъ въ Парижѣ немыслимо никакое политическое движеніе. Когда настало время отъѣздовъ за границу, въ обществѣ появилась игра le jeu de Coblentz ou l'émigrette (катушка, которая поднимается и опускается на веревочкѣ, смотря по движенію руки)—и Бомарше даже вводитъ ее въ свою комедію «Le mariage de Figaro». Когда стали уничтожать гербы, одинъ герцогъ велѣлъ покрыть туманной краской свой щитъ съ надписью: ce nuage n'est qu'un passage.

Слова, выраженія времени революціи ясно обозначаютъ психическое настроеніе французовъ въ то время; отличительный характеръ революціи—свобода, и слѣдовательно также возможность калякать и писать о чемъ угодно на всѣ лады; нѣтъ такой идеи, нѣтъ такой нелѣпости, которая бы не получила право гражданства въ этомъ страшномъ водоворотѣ человѣческихъ фантазій; народъ обрадовался свободѣ чувствовать, мыслить, говорить вслухъ, безъ боязни, и, опьяненный свободою, сталъ разрушать не только всѣ обычаи, вѣрованія, понятія, но и слова. Внутренній смыслъ причинъ революціи понятнѣе намъ становится съ изученіемъ словъ того времени: если не было въ народѣ какого нибудь понятія, то и нѣтъ слова для его представленія; съ его зарожденіемъ—рождается и слово.

Изучая наконецъ писателей, мы познаемъ характеръ народа, проявившійся въ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя, какъ явленія своего времени, подчинились воззрѣніямъ данной эпохи и выразили ихъ въ своихъ произведеніяхъ.

Съ этой точки зрѣнія, изученіе новыхъ языковъ можетъ также имѣть въ себѣ образовательную силу и должно, какъ самостоятельный предметъ изученія, стоять на одной степени съ другими науками. Если нужна умственная гимнастика, то изученіе новыхъ языковъ будетъ также умственною гимнастикою. Безъ соображенія и сметливости, ученикъ не составитъ толковито предложенія. Съ изученіемъ словъ и выраженій, учащійся постепенно пріобрѣтаетъ навыкъ къ выраженіямъ въ духѣ того народа, языкъ котораго онъ изучаетъ; мысли его принуждены подчиниться иному строю, и умственная гимнастика становится неизбѣжнѣе и сложнѣе. Чтобы говорить цицероновскимъ языкомъ, требуется усвоеніе памятью извѣстныхъ оборотовъ рѣчи; чтобы говорить, какъ французъ, какъ нѣмецъ, какъ англичанинъ говорятъ, недостаточно одной памяти для изученія идіотизмовъ, а нужно раскрытіе особой стороны духа, особой духовной способности, такъ сказать, способности объективироваться, подобно тому, какъ актеръ входитъ въ свою роль и живетъ въ ней. На чьей же сторонѣ больше содѣйствія къ развитію, къ приведенію въ движеніе силъ духа въ молодомъ человѣкѣ?

Неужели есть только одинъ рецептъ, слѣдуя которому люди непремѣнно выйдутъ образованнѣе, умнѣе и дѣльнѣе другихъ,—рецептъ проведенія учащихся по тернистому пути усиленнаго, преобладающаго, пер-

Digitized by Google

енствующаго, чуть только не исключительнаго изученія древнихъ язы-
овъ? Неужели человѣческое слово англичанъ, французовъ, нѣмцевъ,
силенное всѣми наслоеніями развивающихся идей и стремленій столь-
ихъ вѣковъ, дѣйствуя и на другія способности духа, не можетъ, по
райней мѣрѣ, одинаково съ древними языками, удовлетворить препода-
ателей и учащихся и быть тоже предметомъ самостоятельнаго и дѣль-
аго изученія?

Намъ кажется, что еслибы рецептъ класическій былъ такъ хорошъ,
о не могло бы выходить ничтожностей изъ лабораторіи древнихъ язы-
овъ; однако, все дѣло сводится къ одному: способные ученики выйдутъ
ѣльными людьми, а неспособные, по какому рецепту ни учи ихъ, все
ыйдутъ бездѣльными.

Итакъ, наше убѣжденіе таково, что изученію новыхъ языковъ надоб-
о дать надлежащее мѣсто въ системѣ преподаванія. Они не только мо-
ютъ содѣйствовать въ развитіи способностей духа главнымъ образователь-
ымъ предметамъ, на сколько позволитъ гимназическій курсъ, но и слу-
атъ необходимымъ средствомъ къ пріобрѣтенію запаса знаній.

Что же было сдѣлано у насъ въ пользу изученія новыхъ языковъ?

Въ то время, когда обсуждался проектъ новаго устава министерства
ароднаго просвѣщенія, много было ожиданій. Предполагалось вообще,
о изученіе новыхъ языковъ возымѣетъ, наконецъ, должное дѣйствіе,
змъ болѣе, что нѣтъ такого знанія, нѣтъ такого ученаго труда, въ
оторомъ бы можно было обойтись безъ языка нѣмецкаго, французскаго,
ли англійскаго. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, введены
овые языки и признано, кажется, что обойтись безъ нихъ нельзя.

Виноваты, мы жестоко ошибаемся: безъ нихъ обойтись можно. Дока-
тельствомъ служатъ слѣдующіе примѣры: если вступающій въ уни-
рситетъ семинаристъ хорошо выдерживаетъ экзаменъ изъ древнихъ
ыковъ и ничего не знаетъ изъ новыхъ, его принимаютъ. Отличные
еники уѣздныхъ училищъ принимаются въ четвертый класъ любой
мназіи, хотя бы они не умѣли читать ни по-французски, ни по-нѣ-
цки. По новому уставу, на произволъ учениковъ предоставляется вы-
рать знаніе или нѣмецкаго языка, или французскаго. Въ университе-
хъ уже три года вовсе отмѣнены экзамены изъ новыхъ языковъ и
реходные и выпускные.

Желательно бы, наконецъ, выяснить, какую же роль играетъ у насъ
ученіе новыхъ языковъ? Что, они дѣйствительно необходимы при обще-
ловѣческомъ воспитаніи, или же допускаются у насъ въ видѣ не-
бѣжнаго зла, безъ котораго и хотѣлось бы обойтись, да нѣтъ къ тому
зможности? Ужь не потому ли они введены у насъ, что находятся въ
рограмахъ германскихъ школъ? Во Франціи не изучаютъ ни нѣмецкаго
ыка, ни англійскаго,—это предоставляется любителямъ. Въ Германіи
учаютъ французскій языкъ и знаютъ его лучше французовъ. Что нибудь

Digitized by Google

одно: или дать изученію новыхъ языковъ надлежащее направленіе, выяснивъ себѣ цѣль, которую преслѣдуютъ, или вовсе уничтожить; вѣдь признано вообще, что полумѣры не ведутъ ни къ чему хорошему. Есть люди, которые никогда не смѣютъ открыто высказать свое мнѣніе. Они убѣждены, что дѣло никуда не годится, но боятся не только отстаивать свои убѣжденія, но даже ихъ высказывать. Можетъ быть, у насъ многіе думаютъ про себя, къ чему мнѣ знать новые языки?—знать я ихъ не хочу; но совѣстно сказать правду: что скажетъ Марья Алексѣевна, если я не буду учиться ни нѣмецкому языку, ни французскому?

Общіе факты, которые поражаютъ теперь вниманіе людей, интересующихся ходомъ занятій по новымъ языкамъ, сводятся къ одному грустному итогу—ко всеобщему пониженію уровня знанія новыхъ языковъ.

Мы думали прежде, что такое пониженіе замѣтно только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетахъ, гдѣ учатся только желающіе (а число ихъ весьма ограниченно); мы предполагали, что въ другихъ вѣдомствахъ такое пониженіе незамѣтно, а между тѣмъ «Московскія Вѣдомости» приводятъ, въ № 33 текущаго 1871 года, отчетъ военной академіи, въ которомъ сказано, что самыя слабыя познанія оказались по математикѣ и иностраннымъ языкамъ; редакціею дѣлается замѣчаніе, что слабое знаніе новыхъ языковъ—*явленіе общеизвѣстное*. Неужели нельзя принять мѣръ, чтобы не было такого прискорбнаго явленія? Стóитъ только болѣе обратить вниманія на преподаваніе новыхъ языковъ; слѣдуетъ отстранить тѣ условія и воззрѣнія, которыя ведутъ къ ослабленію занятій.

Семинаристы, принятые въ университетъ безъ знанія новыхъ языковъ, рѣдко принимаются за ихъ изученіе,—дѣла имъ много и безъ нихъ; иные оканчиваютъ курсъ со степенью кандидата, а какъ экзамены изъ новыхъ языковъ отмѣнены, кандидаты эти вовсе языковъ новыхъ не знаютъ. Въ гимназіяхъ ученики выбираютъ изученіе того языка, который имъ кажется легче, или гдѣ учитель не такъ строгъ; иные займутся сперва нѣмецкимъ языкомъ, а потомъ, видя неудачу, переходятъ къ французскому языку; оказывается въ итогѣ, что они не знаютъ, по окончаніи курса, ни того, ни другаго.

По новымъ требованіямъ програмы для домашнихъ учителей, отличный ученикъ гимназіи, если умѣетъ правильно переводить съ русскаго языка на французскій и, обладая хорошею памятью, напишетъ отвѣтъ изъ граматики, которую онъ отлично знаетъ наизусть, можетъ получить дипломъ домашняго учителя. Хотя въ новомъ уставѣ министерства народнаго просвѣщенія выражено желаніе, чтобы преподаватели новыхъ языковъ были люди, кончившіе курсъ въ университетѣ, но, тѣмъ не менѣе, прибавлено, въ видѣ исключенія, что можно ихъ замѣнять учителями, выдержавшими успѣшно экзаменъ на домашняго учителя; можетъ легко случиться, что преподавателями новыхъ языковъ сдѣлаются недоучившіеся гимназисты.

Digitized by Google

Не вправѣ ли мы сказать послѣ такихъ положительныхъ фактовъ, что повсюду замѣчается постоянное пониженіе уровня знанія новыхъ языковъ? Какія же причины подѣйствовали исключительно на такое пониженіе знанія новыхъ языковъ?

Ихъ много, но вотъ существенныя. Знаніе французскаго языка развилось у насъ въ особенности во времена Екатерины, подъ вліяніемъ Вольтера и цѣлой фаланги французскихъ философовъ того времени. До какой степени интересовались каждымъ словомъ французовъ, видно изъ того, что въ библіографіи Сопикова нѣтъ почти замѣчательнаго произведенія французской литературы того времени, которое не было бы переведено на языкъ русскій. Время революціи наградило Россію огромнымъ количествомъ эмигрантовъ, которые, для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, занялись преподаваніемъ французскаго языка. Болѣе образованные изъ нихъ передали русскому дворянству не только серьезное знаніе французскаго языка, но и внѣшній лоскъ французскаго образованія того времени. Послѣ эмигрантовъ стали являться уже другаго закала люди; они ѣхали собственно съ цѣлію нажить средства, потому что прошелъ слухъ, что Россія — страна богатая, кипитъ медомъ и млекомъ. 1812 годъ наградилъ насъ плѣнными, которые, не имѣя иногда никакого образованія, кромѣ умѣнья говорить по-французски, оказались, однако, пригодными для должности учителей не только въ семействахъ, но и въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Новыя требованія экзаменовъ, въ 1828 году, положили предѣлъ учителямъ-невѣжамъ въ учебныхъ заведеніяхъ, но не въ семействахъ. Тамъ принимались люди всякаго сорта, лишь бы они говорили по-французски. Рѣчи не было о знаніи языка, потому что все знаніе заключалось только въ умѣньи говорить по-французски, и этимъ ограничивалось. До чего такое мнѣніе было повсюду распространено, видно изъ того, что только съ 1863 года положено не требовать болѣе умѣнья говорить по-французски, а достаточно было удовлетворительно перевести страницу историческаго содержанія съ французскаго, чтобы быть приняту въ университетъ. Наконецъ, самымъ важнымъ требованіемъ было непремѣнное знаніе русскаго языка и отъ лекторовъ университетовъ, и отъ учителей гимназій.

Послѣ всесильнаго, всеподавляющаго вліянія французскаго языка наступило время реакціи, увлеченіе имъ отстранилось, вліяніе его литературы стушевалось, и теперь, по всему видимому, впадаютъ въ противуположную крайность.

Характеръ преподаванія совершенно измѣнился. Во времена Екатерины, когда въ самой Франціи не думали объ историческомъ изученіи французскаго языка, все вниманіе было обращено исключительно на тонкости рѣчи; требовалась безукоризненная форма выраженія, меткость эпитета; такія тонкости были переданы эмигрантами ихъ русскимъ ученикамъ. Но прошло время эмиграціи, и преподаваніе приняло иное на-

Digitized by Google

правленіе; все вниманіе было обращено на знаніе французской грамматики; сперва Ломондъ, а потомъ Ноэль и Шапсаль держали учениковъ подъ своимъ гнетомъ чуть не полстолѣтія. Преподаватели хлопотали о правильности произношенія, безпощадно душили учениковъ безпрерывными упражненіями на правильномъ согласованіи формъ, на причастіяхъ, и все преподаваніе носило вообще характеръ орѳографическій. Изъ такихъ двухъ направленій преподаванія вышли ученики съ различными воззрѣніями. Ученики эмигрантовъ обращали вниманіе на изящество рѣчи, на удачность выраженія; ученики второй полосы обращали вниманіе на орѳографическія особенности, на правильность произношенія; но ни тѣ, ни другіе не могли и не могутъ похвалиться знаніемъ языка. Попробуйте добиться отъ нихъ настоящаго значенія тѣхъ словъ, которыми они такъ пестрятъ свою рѣчь, и они ничего вамъ не отвѣтятъ и глубоко возмутятся, если вы имъ скажете, что они французскаго языка не знаютъ. Помилуйте, да вѣдь они такъ превосходно на немъ говорятъ! Правда, но все ихъ умѣнье сводится къ болтовнѣ съ голоса гувернера; они привыкли съ малолѣтства слышать бойкую и правильную французскую рѣчь, они свыклись съ ней съ пеленокъ, и вполнѣ убѣждены, что языкъ знаютъ: они даже съумѣютъ замѣтить въ вашей рѣчи недостатокъ изящества, неумѣнье пользоваться всѣми идіотизмами французскаго языка.

Еслибы такіе люди не участвовали въ наблюденіяхъ и попеченіяхъ за ходомъ преподаванія новыхъ языковъ, то зла не было бы никакого; но какъ скоро они имѣютъ силу и власть направлять ходъ занятій, естественно, что они не могутъ этого дѣлать, не подчиняясь всецѣло своему воззрѣнію. Слѣдуетъ прежде всего имъ самимъ открыть глаза, слѣдуетъ ихъ убѣдить, что все ихъ знаніе не имѣетъ основанія, потому что только въ наше время лингвистическія занятія получили, наконецъ, должное развитіе не только въ Германіи, но и во Франціи.

Когда, въ пятидесятыхъ годахъ, понятія о преподаваніи новыхъ языковъ стали замѣтно измѣняться подъ вліяніемъ нѣмецкихъ педагоговъ и на основаніи ученыхъ трудовъ лингвистовъ въ самой Франціи; когда перестали мечтать о возможности выучить говорить на новыхъ языкахъ въ гимназіяхъ (конечно, при существующемъ положеніи дѣлъ),— явились новыя попытки. Чтобъ удовлетворить потребностямъ времени, начали искать лучшаго выхода къ цѣли; но куда же пришли?—Пришли только къ тому, что стали мѣнять учебникъ за учебникомъ. Такія почти насильственныя измѣненія въ ходѣ нашего образованія печально отразились на умственномъ складѣ учащихся. Такъ какъ не было положено въ основаніи требованій никакой руководящей идеи, то частая мѣна учебниковъ произвела лишь неурядицу и окончательно сбила съ толку и преподавателей и учащихся.

Что же было сдѣлано для учебниковъ?

Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», въ мартѣ 1864 года,

Digitized by Google

было приглашеніе отъ ученаго комитета къ участію въ составленіи педагогическаго и дидактическаго руководства для учителей гимназіи. Оно раздѣлялось на двѣ части—общую и спеціальную. Въ общей части предполагалось четыре отдѣла:

1) Историческій очеркъ среднихъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлію общее образованіе, то есть, гимназій и реальныхъ училищъ въ западной Европѣ и въ нашемъ отечествѣ.

2) Необходимыя для учителя свѣдѣнія о духовномъ развитіи человѣка.

3) Составъ учебнаго общеобразовательнаго курса класическихъ гимназій и реальныхъ училищъ и общее значеніе каждаго учебнаго предмета для развитія учащихся.

4) Общія правила преподаванія (общая дидактика), вытекающія изъ законовъ духовнаго развитія человѣка: а) по отношенію къ ученику, б) по отношенію къ преподаваемому предмету и в) по отношенію къ самому учителю.

Въ концѣ каждаго изъ означенныхъ четырехъ отдѣловъ должны быть указаны замѣчательнѣйшія сочиненія, особенно отечественныя, съ изложеніемъ ихъ содержанія и съ критическою оцѣнкою ихъ.

Въ спеціальной части слѣдовало изложить правила и методъ преподаванія по отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ (методика). По отдѣлу новыхъ языковъ требовалось изложить слѣдующее: преподаваніе новыхъ языковъ, психологическое значеніе ихъ, исторію преподаванія, современные методы, лучшія сочиненія и руководства.

По каждому отдѣлу слѣдовало представить сочиненіе къ 1-му февраля 1865 года.

12 марта 1865 года составлена была инструкція относительно объема преподаванія учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ и въ прогимназіяхъ. О новыхъ языкахъ сказано слѣдующее:

«Преподаваніе новыхъ языковъ въ класическихъ гимназіяхъ должно обнимать собою точное знаніе граматическихъ формъ этихъ языковъ, постепенное упражненіе въ переводахъ на русскій языкъ и, обратно, съ русскаго на иностранные языки статей не трудныхъ; чтеніе образцовыхъ, болѣе легкихъ произведеній прозаиковъ и поэтовъ, при чемъ конечною цѣлію должно быть пониманіе книжнаго языка читаемыхъ авторовъ.

«Въ реальныхъ гимназіяхъ, сверхъ того, присоединяются чтенія болѣе трудныхъ писателей, и особенно поэтовъ, и упражненія въ переводахъ болѣе трудныхъ статей историческаго содержанія съ русскаго на иностранные языки. И здѣсь должно имѣть въ виду пріобрѣтеніе способности читать свободно авторовъ и основательное знаніе граматическаго строя изучаемыхъ языковъ. Усвоеніе же навыка легко говорить на иностранныхъ языкахъ, достигаемаго только при постоянныхъ и

Digitized by Google

продолжительныхъ упражненіяхъ въ разговорѣ, не можетъ быть поставлено необходимымъ условіемъ новымъ языкамъ въ гимназіяхъ, не обладающихъ достаточными къ тому средствами; но нельзя не желать, чтобы въ гимназіяхъ, по возможности, обращено было вниманіе и на пріобрѣтеніе этого навыка».

Благія желанія и начинанія! Но что по нимъ сдѣлано—мы рѣшительно сказать не можемъ. Обращаемся къ инструкціи и спрашиваемъ: какое же слѣдуетъ дать направленіе изученію новыхъ языковъ? Отвѣта нѣтъ. Неужели въ Россіи должно учиться французскому языку такъ, какъ ему учатъ во Франціи? Или нужны особенные пріемы, основаніе которыхъ должно лежать въ требованіяхъ русскаго языка и русскаго характера? Объ этомъ нѣтъ и помина въ инструкціи, а, кажется, слѣдовало бы обратить вниманіе на эту существенную сторону всякаго успѣшнаго преподаванія. Можетъ быть, еслибы былъ представленъ трудъ въ ученый комитетъ по поводу новыхъ языковъ, такой вопросъ и народился бы; но нельзя требовать отъ людей иныхъ воззрѣній, кромѣ тѣхъ, которыя имъ переданы предками.

Говоря вообще, мы рѣшительно не понимаемъ цѣли постоянной мѣны учебниковъ почти по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Постоянныя измѣненія въ общемъ ходѣ нашего образованія,—измѣненія, вынужденныя требованіемъ вѣка и желаніемъ скорѣе достигнуть цѣли, печально отразились на умственномъ складѣ учащихся. Всѣ педагоги сходятся въ одномъ убѣжденіи, что всякая перемѣна въ преподаваніи, безъ крайней надобности, невыгодно отзывается на занятіяхъ учащихся. Чѣмъ болѣе разныхъ преподавателей, тѣмъ болѣе замѣчается въ ученикахъ недостатковъ. Вѣдь не даромъ говорятъ у насъ, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Такъ-то и наши постоянныя измѣненія въ програмахъ, въ объемѣ преподаванія, въ его пріемахъ и, наконецъ, въ учебникахъ. Пусть бы програмы и измѣнялись вслѣдствіе новыхъ потребностей жизни; но вѣдь онѣ измѣняются, большею частію, вслѣдствіе сравненія съ програмами чужихъ государствъ, или вслѣдствіе кабинетнаго высиживанья новыхъ дѣвственныхъ измышленій. Даже допустимъ, что измѣненія въ програмахъ необходимы, вслѣдствіе новаго открытія въ физикѣ, химіи; но зачѣмъ постоянныя измѣненія въ програмахъ русскаго языка, гдѣ все, болѣе или менѣе, уже ясно и точно опредѣлено? Зачѣмъ измѣненія въ програмахъ древнихъ языковъ, въ которыхъ давно все замерло? Зачѣмъ, наконецъ, постоянная мѣна учебниковъ?

Въ періодъ отъ 1837 по 1848 г. учебниковъ рѣшительно не было, на недостатокъ ихъ жаловались постоянно, а учились несравненно основательнѣе и дѣльнѣе теперешняго. А всему виной мѣна учебниковъ безъ разбора; безпрестанно замѣчаешь, что въ первомъ класѣ другой учебникъ, нежели во второмъ, въ третьемъ опять другой. По предмету французскаго языка въ женской первой гимназіи, въ приготовительномъ

Digitized by Google

ласѣ—Manuel par Dufour; въ первомъ—Manuel Dufour и Lectures par upont; во второмъ—Марго, Нуке и христоматія Паульсона, въ третьемъ—évrier и Марго; въ четвертомъ—Narrations Lévrier, Finesses de la langue ançaise par Bougeault; въ пятомъ—La Fosse, Nouquet и Bougeault; въ шестомъ—La Fosse и, не знаемъ еще чья, исторія литературы, вѣроятно, ресловутый Bougeault. Вѣдь цѣлая библіотека по одному предмету! бременительно для кармана, потому что въ гимназіи воспитываются дѣти недостаточныхъ семействъ, и неудобоваримо для умственаго желудка учащихся, потому что нѣтъ никакой путеводной мысли ъ занятіяхъ.

Если начали преподавать въ первомъ класѣ по одному учебнику, если онъ остроенъ на извѣстныхъ данныхъ и проведена въ немъ одна идея,—ченики всѣхъ семи класовъ одного выпуска могутъ, въ продолженіи еми лѣтъ, учиться по немъ. Въ семь лѣтъ можно осмотрѣться, наконецъ идны будутъ результаты по окончаніи курса. Если они удовлетворительны,—нечего желать лучшаго. Можно высмотрѣть недостатки и потреовать ихъ исправленія. Ни одинъ издатель не захочетъ идти противъ воихъ комерческихъ интересовъ и нужныя исправленія сдѣлаетъ. По райней мѣрѣ, не будетъ насильственныхъ измѣненій въ преподаваніи.

Учебникъ, по нашему мнѣнію, можно провѣрить только на дѣлѣ, а редварительное его разсмотрѣніе не спеціалистами по предмету и людьми, е знакомыми практически съ преподаваніемъ новыхъ языковъ, можетъ овести къ совершенно ложнымъ заключеніямъ.

Мѣна учебниковъ безъ настоятельной надобности и безъ толку служитъ оказательствомъ той же печальной страсти къ регламентаціи, о которой «Бесѣда» говорила въ дѣлѣ народнаго образованія. Какъ будто вся наежда на учебникъ, какъ будто все спасеніе въ учебникѣ... Личнымъ способностямъ преподавателя, непосредственной передачѣ живымъ словомъ ого, что знаетъ преподаватель, и что можетъ воспринять ученикъ—ѣста слишкомъ мало. Въ учебникѣ вся премудрость знанія, а преподатель—какъ будто только аппаратъ передаточный. Нѣтъ, надобно вполнѣ ладѣть и предметомъ преподаванія, и способами преподаванія, для того, тобы не ограничиваться слабыми отзывами полуодобренія или полуеодобренія и затѣмъ пускать въ ходъ, наудачу, всякаго рода учебную тряпню. Надобно умѣть понять достоинство или недостатки учебника рѣшительно одни выдвинуть впередъ, а другіе отодвинуть назадъ. Вотъ того-то мы и не находимъ въ отзывахъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Для примѣра возьмемъ французскій языкъ, какъ наиболѣе знакомый обществу, и спросимъ: какое есть лучшее руководство къ его изученію? Идемъ за рѣшительнымъ приговоромъ въ ученый комитетъ:—тамъ нѣтъ его. Сравниваемъ однако существующіе учебники и видимъ, что учебникъ г. Гемиліана, оконченный только въ прошломъ году, далеко опере-

Digitized by Google

дилъ прочіе учебники, какъ новизною, такъ и легкостью методы преподаванія. Въ этомъ случаѣ мы согласны съ отзывомъ «Вѣстника Европы». Но отмѣтилъ ли его ученый комитетъ—ну, хоть серьезностію своего приговора? И того нѣтъ. Въ 8-й кн. «Журнала минист. народн. просвѣщенія» за 1869 г., ученый комитетъ признаетъ учебникъ «не безполезнымъ» для употребленія учащихся въ высшихъ классахъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи устранены были указанныя въ рецензіи погрѣшности и недостатки. Ну, а самая система обученія, проведенная въ учебникѣ,—понята ли она, указана ли ученымъ комитетомъ? Чѣмъ вообще отличается учебникъ отъ другихъ, и въ чемъ его существенное достоинство—объ этомъ ни полслова. А это-то намъ и всего нужнѣе знать, потому что только общая система учебника можетъ опредѣлить его достоинство и преимущество передъ прочими. Какую же пользу принесетъ ученый комитетъ обществу, обыкновенно затрудняющемуся выборомъ учебника?—Разумѣется, никакой.

Есть вообще два способа преподаванія: или ученикъ обремененъ занятіями, весь трудъ ученія лежитъ на немъ; или же преподаватель беретъ часть труда на себя и тѣмъ даетъ ученику возможность исподволь и легко овладѣвать предметомъ. Въ первомъ случаѣ, ученикъ работаетъ по преимуществу памятью и теряется въ массѣ трудностей; только даровитыя, весьма смышленныя натуры успѣваютъ осилить эти трудности и вынести давленіе преподаванія; но зато онѣ притупляются, у нихъ пропадаетъ быстрота концепціи, свѣтлость и широта взгляда,—словомъ, свѣжесть и плодородность дарованія. Ученики средней руки, т. е., большинство учащихся, чувствуя невыносимый гнетъ, отступаютъ назадъ, перебиваясь кое-какъ школьною рутинною учёбою, и потому рѣдко доходятъ даже до сомнительныхъ успѣховъ. Во второмъ случаѣ, въ особенности, видно искусство преподавателя; отъ него зависитъ скрыть трудность отъ ученика тамъ, гдѣ еще ея объясненіе не у мѣста, и, такъ сказать, незамѣтно владѣя силами ученика, наводя его соображеніе и давая ходъ его сметливости, облегчить для него усвоеніе предмета не одною памятью, но и разумною познавательною способностію. Для втораго способа преповаванія нужна большая опытность, а она достигается не скоро: надобно много наблюдать, долго слѣдить за учащимися, чтобы съумѣть опредѣлить степень ихъ воспріимчивости и обширность ихъ понятій и сразу приноровиться къ нимъ. Этотъ способъ—дорогая принадлежность немногихъ преподавателей, которые умѣютъ сознательнымъ путемъ идти къ вѣрной цѣли.

Опытъ и навыкъ преподаванія, пріобрѣтаемые лишь долголѣтнею практикою, восполняются дѣльнымъ учебникомъ. Преподавателю тогда путь указанъ; но онъ самъ еще долженъ провѣрить его на практикѣ. По нашему мнѣнію, учебникъ не можетъ быть вполнѣ составленъ одною личностію,—это дѣло продолжительныхъ трудовъ, безчисленныхъ указаній

Digitized by Google

опыта; постороннія провѣрки, слѣдовательно, чрезвычайно важны; гласно высказанныя, онѣ помогаютъ къ совершенствованію учебника и ведутъ къ упрощенію преподаванія и къ сознательному достиженію цѣли. Въ нашъ вѣкъ, когда время такъ дорого, сокращеніе времени и облегченіе труда, при изученіи предмета, не маловажная услуга.

Мы находимъ, что учебникъ г. Гемиліана одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ опытъ всюду проглядываетъ въ связи съ добросовѣстностію. Авторъ высказываетъ, какіе настоятельные вопросы заставили его мѣнять учебники, отыскивая въ нихъ разрѣшеніе своихъ сомнѣній, и, наконецъ, какимъ образомъ его убѣжденія постепенно преобразовались и сложились подъ вліяніемъ новыхъ идей, распространяющихся въ ученомъ мірѣ.

Основная мысль автора—сбереженіе времени и труда; потому главное его вниманіе обращено на слова и выраженія. Способъ образованія словъ, особенности и значеніе французскихъ приставокъ,—все объяснено въ началѣ христоматіи (часть 3-я) и въ концѣ есть корнесловъ, для составленія котораго авторъ воспользовался дорогими и довольно рѣдкими изданіями и сдѣлалъ ихъ доступными каждому. Преподаватель, даже съ небольшимъ запасомъ свѣдѣній, можетъ добросовѣстно подготовиться по такому учебнику къ каждому класу, пользуясь замѣчаніями и указаніями автора. Изъ однихъ замѣчаній онъ наберется знанія, которое ему пришлось бы долго копить, просматривая очень много и словарей, и даже ученыхъ книгъ. Слѣдовательно, оказывается въ итогѣ для учениковъ сбереженіе времени, а для преподавателя—сбереженіе труда. Въ переводахъ съ французскаго главная цѣль заключается въ заготовкѣ словъ и выраженій. Въ переводахъ съ русскаго статьи подобраны систематически,—сначала такія, въ которыхъ строй рѣчи наиболѣе приближается къ строю французской рѣчи; чѣмъ далѣе, тѣмъ языкъ русскій становится своеобразнѣе. Ясно, что авторомъ руководила мысль о различіи въ построеніи рѣчи у каждаго народа, согласно съ его характеромъ и способомъ міровоззрѣнія. Это мысль новая, которая недавно только получила права гражданства въ Германіи и сознательно проводится съ 1860 года истолкователемъ Вильгельма Гумбольдта—Штейнталемъ. Умозрительныя догадки Штейнталя обратились въ учебникѣ въ дѣйствительность; онѣ послужили путеводною нитью. Наконецъ, отдѣлъ о законахъ французскаго языка оригинальнѣе всего предыдущаго. Все то, что ученикъ пріобрѣталъ по частямъ, собрано здѣсь какъ въ фокусѣ; каждое понятіе опредѣлено; самый историческій процесъ образованія изучаемой формы представленъ наглядно. Для составленія этого отдѣла, надобно было вполнѣ освоиться со многими учеными трудами, выжать сокъ изъ книгъ, доступныхъ только ученому спеціалисту. Все это передано такъ, что стало доступно безъ особеннаго труда. Въ этомъ отношеніи авторъ вѣренъ своей мысли—сберечь время и трудъ.

Можно не соглашаться съ иными воззрѣніями составителя учебника,

Digitized by Google

можно измѣнить частности, но, во всякомъ случаѣ, недостатки не иначе могутъ быть указаны, какъ опытомъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной провѣрки на практикѣ. Зато фундаментъ заложенъ, по видимому, прочно и широко, основной ходъ преподаванія указанъ; учебника хватитъ на весь гимназическій курсъ. Какъ бы то ни было, въ учебникѣ г. Гемиліана мы нашли новое педагогическое начало, примѣненное къ французскому языку,—и вотъ это-то начало, составляющее основной отличительный признакъ учебника, измѣняющее прежній способъ и преподаванія и усвоенія языка, не указано ученымъ комитетомъ. Еще бывшій лекторъ московскаго университета Пако замѣтилъ, что общая слабая сторона всѣхъ французскихъ учебниковъ—именно въ цѣломъ и строѣ. Стало быть, недостаточность существующихъ учебниковъ сознавалась. Теперь нужно знать, какъ удовлетворилъ новой потребности учебникъ другаго лектора того же университета,—и ученый комитетъ объ этой-то попыткѣ къ разрѣшенію существенной задачи педагогики—молчитъ. Онъ, вѣроятно, не примѣтилъ ея, но послѣ этого не вправѣ ли мы заключать, что онъ стоитъ ниже уровня учебника, и что педагогическій опытъ, который уже прежде взывалъ къ радикальному измѣненію пріемовъ преподаванія, ученому комитету не извѣстенъ. Изъ выраженія «не безполезенъ» общество ничего не пойметъ. Вниманіе его не будетъ устремлено на то, что составляетъ существеннаго въ новомъ упрощенномъ способѣ преподаванія,—и старая рутина, господствующая въ изученіи древнихъ языковъ, будетъ продолжать поглощать и лишнее время и лишній трудъ въ изученіи новыхъ языковъ. Мелочность ученаго комитета изумительна!..

Учебникъ хочетъ научить поскорѣе ученика обиходнымъ выраженіямъ, чтобы, такъ сказать, ввести его въ живую сферу языка, а рецензентъ ученаго комитета, усматривая, что въ фразахъ есть глаголы, безъ которыхъ, конечно, не можетъ быть никакой рѣчи, предлагаетъ прежде выучить ученика спрягать глаголы. Долго же придется учиться живому языку по граматикѣ, и конечно ужь долѣе, чѣмъ языку мертвому! Мы видимъ, что ученый комитетъ, въ лицѣ своего рецензента, все еще стоитъ при старомъ рутинномъ понятіи о граматикѣ и граматическомъ изученіи языковъ. Представимъ себѣ, что ученикъ проходитъ послѣдовательно всѣ формы по граматикѣ, и пока не выучитъ всей граматики, до тѣхъ поръ не имѣетъ права произносить или, вѣрнѣе, имѣетъ право не произносить ни одной французской фразы. Но движеніе памяти по отдѣльнымъ, сухимъ, одинокимъ, безжизненнымъ граматическимъ формамъ введетъ ли ученика въ духъ языка, раскроетъ ли въ немъ ту внутреннюю воспріимчивость, ту непосредственность духовнаго усвоенія, которая озаряетъ познавательную способность лишь такимъ путемъ, по которому течетъ жизнь съ ея цѣлостными, разумными понятіями, представленіями и мыслями? Здѣсь мы видимъ коснѣющее воззрѣніе, которое

Digitized by Google

узкіе класики, отъ способа изученія мертвыхъ языковъ, хотятъ перенести и на языки живые. Ученый комитетъ, въ лицѣ своего рецензента, гоняется только за мелочами. Послѣдуемъ за нимъ. Такъ учебникъ, въ системѣ французскихъ гласныхъ, принимаетъ за исходный звукъ *e*, самый обширный и разнохарактерный во французскомъ языкѣ; произношеніемъ этого звука онъ старается объяснить множество другихъ звуковыхъ сочетаній, сходныхъ съ нимъ по произношенію. Хотя здѣсь мы не видимъ того, чтобъ объяснены были долгота и усиленіе звука, вслѣдствіе разныхъ сочетаній, что прямо уже повело бы къ органическому языкоученію съ помощію сравнительнаго метода, однако учебникъ, какъ видится, вышелъ на правильный путь, принятый и нѣмецкимъ професоромъ Магеромъ, а рецензентъ видитъ здѣсь лишь желаніе автора познакомить учащихся съ многочисленными оттѣнками произношенія *e*. Разсматривая христоматію, ученый комитетъ упрекаетъ автора въ томъ, что у него статьи почти тѣ же, что у г. Трико. По справкѣ оказывается, что г. Трико всѣ статьи свои заимствовалъ изъ большаго и лучшаго сборника Тиссо и многія даже исказилъ. Учебникъ, въ выборѣ статей, встрѣчается и съ Трико, и съ Тиссо, и съ Бонифасомъ, и съ Магеромъ. Слѣдовательно, ученому комитету не пришло на память ничего другаго, по части выбора статей, кромѣ христоматіи Трико. А вотъ примѣръ недостаточности практическаго знанія языка ученымъ комитетомъ. Къ христоматіи составителемъ учебника приложены обширныя замѣчанія, какихъ въ другихъ христоматіяхъ не встрѣчается. Тутъ говорится и объ особенностяхъ французскихъ временъ, о галицизмахъ, о болѣе употребительныхъ синонимахъ и пр. Рецензентъ не доволенъ ими и дѣлаетъ свои замѣтки, въ которыхъ промахъ на промахѣ. Vil (vilis) въ первомъ своемъ значеніи—подлый, потомъ низкій; но въ выраженіи vils manants значитъ низкій съ переходнымъ понятіемъ въ ничтожный; слѣдовательно, сказать это было необходимо, чтобъ ученикъ не понялъ невѣрно слова подлый и не перевелъ бы подлые мужики. Du comté de Boulogne et du Ponthieu въ учебникѣ переведено—изъ графства Булонь и Понтьё, а рецензентъ замѣчаетъ: какъ будто по-французски сказано: du comté de Boulogne et de Ponthieu. Но во французскомъ языкѣ не можетъ быть такой фразы: могло бы быть des comtés de Boulogne et de Ponthieu, но въ единственномъ числѣ никогда не могло бы быть сказано du comté de Boulogne et de Ponthieu. Рецензенту не извѣстно, что тутъ обыкновенное опущеніе вмѣсто du comté de Boulogne et du comté de Ponthieu, откуда короче du Ponthieu. Вотъ гдѣ именно видно то незнаніе употребленія члена, на которое такъ сѣтуетъ рецензентъ ученаго комитета, говоря объ ученикахъ гимназіи; ясно, что самъ онъ не усвоилъ себѣ тонкостей сего употребленія. Les auxiliaires bretons, manceaux et poitevins переведено помощники изъ Бретани, Мансо и Пуату. Какъ будто существуетъ территорія, называемая Мансо, говоритъ ре-

Digitized by Google

цензентъ? Существуетъ такое названіе территоріи; главный ея городъ Le Mans, по-русски, Ле-Мансъ, а не Леманъ, какъ неправильно его перевели нѣкоторыя газеты; жителей въ ней называютъ mansais, mansois, manceaux, откуда французская пословица: un manceau vaut deux normands. Помощники, т. е. отъ различныхъ владѣльцевъ назначенные ратники изъ Бретани, Мансъ (или Мансо) и Пуату шли на помощь главному войску; каждый баронъ обязанъ былъ выставить ихъ извѣстное число. A portée de trait—на разстояніе выстрѣла, рецензентъ находитъ, что это переведено неправильно. А какъ же правильнѣе?.. Развѣ по-старинному—на верженіе камня?..

Разбирая статьи для перевода, рецензентъ ученаго комитета, по поводу статьи Лермонтова, «Ѣзда верхомъ», находитъ, что учебникъ неправильно перевелъ слово возвращаться чрезъ глаголъ revenir и упустилъ изъ виду болѣе употребительный въ данномъ случаѣ глаголъ rentrer и типическое выраженіе de retour. Замѣтимъ рецензенту, что онъ смѣшиваетъ совершенно различныя понятія, и revenir не значитъ rentrer, а rentrer далеко не то, что être de retour. Rentrer употребляется только, когда говорятъ о полномъ возвращеніи домой, т. е., болѣе не выходятъ, оттуда rentrer les foins. Etre de retour тогда говорится, когда человѣкъ идетъ обратно туда, откуда его посылали, когда совершается обратный путь; отъ того выраженіе vous etes sur le retour—вы постарѣли. Revenir же общее выраженіе возвращаться, съ мыслію или безъ мысли снова пуститься въ путь. А такъ какъ въ статьѣ Лермонтова ясно сказано, что онъ вернулся только, чтобы снова поѣхать гулять, то revenir употреблено правильно.

Оставляя мелочи, въ которыхъ тоже, какъ видно, не везетъ ученому комитету, спрашиваемъ: гдѣ же тотъ свѣтлый, широкій взглядъ, который обнималъ бы собою цѣлую систему преподаванія языковъ и искалъ бы легчайшаго выхода къ познанію ихъ чрезъ ихъ взаимную помощь? Такого взгляда мы не находимъ. Языки стоятъ порознь; то за тотъ, то за другой хватается ученикъ, а почему—самъ не знаетъ. Кажущаяся легкость и кажущаяся трудность—вотъ то зыбкое, чисто поверхностное основаніе, которое, подобно прихоти, руководитъ, съ разрѣшенія устава, выборомъ языка. Отсюда-то, изъ этой розничной постановки языковъ, вытекаетъ неминуемо, подобный ученическому, произволъ уже не учениковъ, а смышленыхъ людей, которые, на примѣръ, древнимъ языкамъ готовы пожертвовать всѣмъ дорогимъ временемъ и еще болѣе дорогимъ трудомъ учащихся. Пока кругозоръ самого ученаго комитета не расширится, пока самъ ученый комитетъ не разгадаетъ задачи равновѣсія языковъ, въ системѣ изученія или обученія; пока не обратитъ онъ должнаго вниманія на самую систему преподаванія, до тѣхъ поръ образовательныя училища будутъ не только предметомъ споровъ, подобныхъ теперешнему, между класицизмомъ и реализмомъ, но даже, что еще хуже,

Digitized by Google

могутъ стать въ той или другой мѣстности средою чьихъ нибудь личныхъ посягательствъ, чьей нибудь предпріимчивости, способныхъ запутать чисто научный споръ, легко разрѣшимый безъ примѣси постороннихъ видовъ и расчетовъ.

Намъ кажется, что теперь предстоитъ возможность, по крайней мѣрѣ относительно языкознанія, выдѣлить изъ общеобразовательной сферы нашихъ среднихъ училищъ и чистую реальность, съ одной стороны, и чистую филологію съ другой, и найти ту золотую средину, когда необходимое изученіе древнихъ и новыхъ языковъ пойдетъ столь же спокойно, стройно и безспорно, какъ идетъ оно въ нѣкоторыхъ счастливыхъ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя, вдали отъ треволненій учебно-ученаго міра, изучивъ въ совершенствѣ новые языки и преимущественно свой,—разумѣется, не по однѣмъ граматикамъ,—принимаются добровольно и за изученіе древнихъ языковъ. Вся сила въ томъ, что in medio—virtus, и что сами языки, какъ плодъ живаго и цѣльнаго человѣческаго духа, взаимно помогаютъ одинъ другому и легче всего познаются сравнительно, unitis viribus.

Ж.

ХЛѢБНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ.

(Урожай 1870 года).

Безспорная важность хлѣбнаго дѣла между всѣми производительными силами Россіи составляетъ болѣе чѣмъ общее мѣсто въ ряду всѣхъ нашихъ экономическихъ положеній. Къ сожалѣнію, это общее мѣсто оказывается до сихъ поръ больнымъ мѣстомъ. Въ вопросѣ такой первостепенной важности мы такъ еще мало потрудились для того, чтобы, сблизивъ производство съ потребленіемъ, устранить не всегда полезное посредничество, высасывающее изъ нашего земства жизненные его соки и не возвращающее ему обратно ничего. Хуже всего то, что, отдѣлываясь только общими мѣстами или собирая разрозненныя свѣдѣнія, и притомъ путемъ крайне сомнительнымъ, мы до сихъ поръ еще не выработали даже самыхъ основаній, съ которыхъ бы слѣдовало приняться за дѣло.

Въ какомъ положеніи находится у насъ земледѣльческая статистика, отъ которой единственно можно было бы ожидать помощи въ этомъ дѣлѣ, можетъ засвидѣтельствовать «Статистическій Временникъ», вышедшій еще въ 1866 году и до сихъ поръ не обновленный. «Статистическія свѣдѣнія, говоритъ «Временникъ» (стр. XXIII), о числѣ десятинъ земли,

Digitized by Google

находящихся подъ разными посѣвами, у насъ немыслимы, при совершенномъ отсутствіи правильной поземельной регистраціи, то есть, при неимѣніи даже полнаго списка единицъ владѣнія и поуѣздныхъ свѣдѣній объ общемъ количествѣ земель, находящихся ежегодно подъ посѣвами. Только отъ введенія поземельной регистраціи и отъ дѣятельности *земскихъ учрежденій* по собиранію сельско-хозяйственныхъ статистическихъ свѣдѣній, можно ожидать чего нибудь общаго для цѣлой Россіи». Единственныя, обнимающія всю Россію, свѣдѣнія по сельско-хозяйственной статистикѣ собирались коммисіями народнаго продовольствія, но тотъ же «Временникъ» замѣчаетъ, что въ нихъ «не находится гарантій даже приблизительной точности».

Итакъ, остается ожидать всего отъ земскихъ учрежденій.... Но земство до сихъ поръ не выработало еще основаній, которыми можно бы было воспользоваться, еслибы мы захотѣли точнымъ образомъ разрѣшить хотя вопросъ о томъ, каковъ былъ у насъ урожай прошлаго года. До сихъ поръ земствомъ не опредѣленъ, на основаніи положительныхъ данныхъ, уровень вообще средняго урожая по Россіи, и даже встрѣчается странная небрежность въ своевременномъ опубликованіи достовѣрныхъ свѣдѣній объ урожаѣ хотя по каждой отдѣльной мѣстности. Вообще приходится довольствоваться въ большей части случайными и разрозненными извѣстіями объ урожаяхъ въ той или другой мѣстности, помѣщаемыми въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

При такомъ положеніи дѣла, полагаемъ, не безъинтересна была бы попытка собрать воедино отдѣльныя извѣстія о послѣднемъ урожаѣ у насъ хлѣба. Но чтобъ отдѣльныя извѣстія получили какое либо опредѣленное значеніе и надлежащій смыслъ, все-таки необходимо имѣть хотя приблизительное понятіе о томъ, что́ у насъ считается удовлетворительнымъ урожаемъ. Всѣмъ, что въ этомъ отношеніи сдѣлано, мы обязаны департаменту земледѣлія и сельской промышленности министерства государственныхъ имуществъ. Онъ воспользовался свѣдѣніями объ урожаяхъ за періодъ времени съ 1857 по 1863 годъ, собранными коммисіями народнаго продовольствія, и провѣривъ, на сколько было возможно, данныя коммисій съ отдѣльными частными изслѣдованіями, опредѣлилъ, между прочимъ, и *приблизительный* уровень средняго урожая хлѣба по Европейской Россіи (за исключеніемъ Привислянскаго края) въ исправленномъ изданіи «Хозяйственно-статистическаго атласа Европейской Россіи съ объяснительнымъ текстомъ» (1869 годъ),—изданіи, къ сожалѣнію, находящемся только въ кабинетахъ спеціалистовъ.

По сдѣланнымъ департаментомъ выводамъ, наиболѣе значительными урожаями отличаются у насъ рѣдко населенныя губерніи юга и юго-востока съ почвою черноземною и еще не истощенною, съ многоземеліемъ, допускающимъ господство переложной системы, и на ряду съ ними губерніи прибалтійскія, въ которыхъ скудость физическихъ условій по-

Digitized by Google

бѣждается приложеніемъ къ земледѣлію силы знанія. За ними слѣдуютъ губерніи черноземной полосы, но уже съ болѣе густымъ населеніемъ, чѣмъ окраинныя, съ почвой, раньше вступившею въ оборотъ и потому болѣе истощенною. Слѣдующую степень занимаютъ губерніи западныя, смежныя съ прибалтійскими, также отчасти принявшія плодосмѣнную систему или, по крайней мѣрѣ, стоящія на пути къ ней, и многоземельныя губерніи крайняго сѣвера, гдѣ еще не утратилось вполнѣ нормальное отношеніе луговъ къ пахатной землѣ, и гдѣ еще господствуетъ подсѣчная система. Наконецъ, самыми скудными урожаями отличаются губерніи съ почвой скудной, бѣдныя лугами и скотомъ, съ населеніемъ, превышающимъ производительныя силы почвы, а потому обратившимся къ отхожимъ промысламъ и фабричной дѣятельности.

Изъ собранныхъ коммисіями народнаго продовольствія данныхъ за означенное семилѣтіе, *по возможности* провѣренныхъ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, средніе урожаи хлѣба выводятся въ такой постепенности: во первыхъ, урожай озимаго и яроваго отъ самъ 6 до самъ 8; во вторыхъ, озимаго отъ самъ 5 до самъ 6½, яроваго отъ самъ 4 до самъ 6; въ третьихъ, озимаго отъ самъ 4 до самъ 5, яроваго отъ самъ 3½ до самъ 4½; въ четвертыхъ, озимаго и яроваго отъ самъ 3 до самъ 4, и въ пятыхъ, озимаго отъ самъ 2½ до самъ 3½, яроваго до самъ 2½.

Такимъ образомъ, по хлѣбородности, къ *первому* разряду, съ среднимъ урожаемъ озимаго и яроваго отъ самъ 6 до самъ 8, относятся слѣдующія губерніи: Бессарабская область, Херсонская, Екатеринославская, Саратовская, Самарская, Симбирская, Оренбургская со вновь учрежденною Уфимскою, Эстляндская, Лифляндская и Курляндская. Ко *второму* разряду, съ урожаемъ озимаго отъ самъ 5 до самъ 6½, яроваго отъ самъ 4 до самъ 6: Таврическая, Земля Войска Донскаго, Астраханская, Кіевская, Подольская, Волынская, Полтавская, Харьковская, Тамбовская, Пензенская и Рязанская. Къ *третьему*, съ урожаемъ озимаго отъ самъ 4 до самъ 5, яроваго отъ самъ 3½ до самъ 4: Черниговская, Тульская, Нижегородская, Казанская, Вятская и Пермская. Къ *четвертому*, съ урожаемъ озимаго и яроваго отъ самъ 3 до самъ 4: Гродненская, Ковенская, Виленская, Минская, Могилевская и Архангельская. И, наконецъ, къ *пятому*, съ урожаемъ озимаго отъ самъ 2½ до самъ 3½ и яроваго до самъ 2½: Витебская, Смоленская, Псковская, Новгородская, С.-Петербургская, Олонецкая, Вологодская, Костромская, Ярославская, Владимірская, Тверская, Московская и Калужская.

Цифры средняго урожая дали возможность приблизительно опредѣлить и количество хлѣба, производимаго въ Европейской Россіи. Высчитывается, что здѣсь, за исключеніемъ губерній привислянскихъ, среднимъ числомъ засѣвается ежегодно озимаго хлѣба 24.668.000 четв., яроваго 38.921.000 четв. и картофеля 6.427.000 четв., всего 70.016.000 чет-

Digitized by Google

вертей; въ томъ числѣ зерноваго хлѣба 63.589.000 четвертей. Это количество посѣва даетъ средняго сбора озимаго хлѣба 113.790.000 четв., яроваго 151.912.000 четв., итого зерноваго хлѣба 265.702.000 четв., и картофеля 23.878.000 четв., всего хлѣба: 289.580.000 четв., при среднемъ урожаѣ озимаго самъ—4½, яроваго самъ—4 и картофеля самъ—3¾. За исключеніемъ посѣва, остается чистаго сбора озимаго хлѣба 89.121.000 четв., яроваго 112.991.000 четв., итого зерноваго хлѣба 202.113.000 четв., картофеля 17.451.000 четв., всего хлѣба: 291.564.000 четв. Изъ этого количества необходимо на продовольствіе 174.647.000 четв., на винокуреніе 9.481.000; затѣмъ остается 35.436.000; изъ этого числа до 10 милл. четв. ежегодно вывозится за-границу и въ Финляндію и до 25 милл. поступаетъ въ запасы, что составляетъ ⅕ часть количества ежегодной потребности въ хлѣбѣ; другими словами, семь лѣтъ средняго урожая могутъ обезпечить продовольствіе на одинъ годъ вполнѣ неурожайный. Болѣе частые неурожаи (особенно мѣстные) пополняются запасами болѣе обильныхъ годовъ.

Изъ означеннаго количества ежегоднаго сбора хлѣба въ 265.702.000 четв., болѣе 181 милл. четв. или около 70% приходится на черноземную полосу Россіи, на населеніе въ 36 милл. или до 5 четв. на душу; на остальную часть Европейской Россіи съ населеніемъ въ 25 милл. приходится до 85 милл. четв., или около 3½ четв. на душу. По отдѣльнымъ губерніямъ отношеніе производимаго хлѣба измѣняется болѣе или менѣе. Именно: наибольшее производство озимаго хлѣба оказывается въ губерніяхъ праваго берега нижней Волги, центральныхъ, такъ называемыхъ степныхъ, и въ губерніяхъ средне-волжскихъ вообще, изъ которыхъ, какъ извѣстно, идетъ на продажу значительное количество ржи и озимой пшеницы; за ними слѣдуютъ губерніи юго-западныя и западныя, также участвующія въ отпускѣ озимаго хлѣба, и, наконецъ, губерніи южныя (отпускающія преимущественно яровой хлѣбъ) и губерніи средней и сѣверной полосы, производящія хлѣба только для удовлетворенія потребностей мѣстнаго сельскаго населенія.

Полоса наибольшаго производства яроваго хлѣба, начинаясь въ Заволжьи и переходя Волгу, тянется на западъ по всей южной окраинѣ: эту полосу къ сѣверу окаймляетъ пространство средняго производства яроваго хлѣба; иначе сказать: производство яроваго хлѣба постепенно уменьшается отъ юго-востока къ сѣверо-западу, по направленію почти параллельному направленію линій равной температуры лѣта.

По количеству всего зерноваго хлѣба на душу, первое мѣсто занимаютъ губерніи заволжья, нижней Волги и такъ называемыя степныя,—губерніи почти исключительнаго производства хлѣба; затѣмъ слѣдуютъ губерніи новороссійскія, южныя и юго-западныя; послѣдними оказываются губерніи западныя и прибалтійскія и наконецъ сѣверныя.

Картофеля больше всего производится въ губерніяхъ прибалтійскихъ

Digitized by Google

и западныхъ, т. е., вообще въ западной полосѣ имперіи, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ центральныхъ; совершенно же ничтожно производство этого продукта во всей восточной половинѣ Европейской Россіи—въ губерніяхъ басейна средней и нижней Волги, а также въ новороссійскихъ.

Средній годовой избытокъ хлѣба, поступающій на вывозъ за границу и въ запасы, составляетъ, какъ мы видѣли, цифру до 35.436.000 четв. Избытокъ этотъ даютъ, въ количествѣ 42.889.000 четв., слѣдующія губерніи, которыя, по постепенному уменьшенію сбора хлѣба, представляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Саратовская	3.534.000	четв.
Самарская	3.116.000	»
Уфимская и Оренбургская	2.880.000	»
Воронежская	2.468.000	»
Симбирская	2.457.000	»
Орловская	2.422.000	»
Херсонская	1.956.000	»
Полтавская	1.769.000	»
Рязанская	1.726.000	»
Казанская	1.686.000	»
Екатеринославская	1.575.000	»
Пензенская	1.557.000	»
Подольская	1.403.000	»
Курская	1.364.000	»
Тульская	1.358.000	»
Бессарабія	1.323.000	»
Нижегородская	1.286.000	»
Кіевская	1.168.000	»
Волынская	929.000	»
Тамбовская	923.000	»
Вятская	923.000	»
Харьковская	767.000	»
Земля Войска Донскаго	734.000	»
Черниговская	711.000	»
Таврическая	570.000	»
Лифляндская	510.000	»
Минская	437.000	»
Ковенская	372.000	»
Гродненская	339.000	»
Виленская	204.000	»
Курляндская	174.000	»
Ярославская	117.000	»
Калужская	59.000	»
Эстляндская	36.000	»
Итого	42.889.000	четв.

Digitized by Google

Но изъ этого количества цифрою въ 7.453.000 четв. восполняется недостатокъ мѣстнаго хлѣба въ слѣдующихъ губерніяхъ:

Пермской	58.080	четв.
Псковской	112.000	»
Костромской	211.000	»
Смоленской	213.000	»
Владимірской	223.000	»
Тверской	253.000	»
Могилевской	272.000	»
Олонецкой	348.000	»
Астраханской	430.000	»
Витебской	495.000	»
Архангельской	526.000	»
Новгородской	989.000	»
Вологодской	989.000	»
Московской	1.160.000	»
С.-Петербургской	1.573.000	»
Итого:	7.453.000	четв.

Если же дѣлить губерніи, производящія хлѣба съ избыткомъ, на нѣсколько группъ по районамъ сбыта хлѣба, то получится, что въ нижневолжскихъ губерніяхъ избытокъ хлѣба составляетъ до 17.439.000 четв., въ центральныхъ до 10.972.000 четв., въ южныхъ 10.294.000 четв. Изъ первыхъ и вторыхъ хлѣбъ идетъ на потребленіе всей сѣверной полосы Россіи, гдѣ потребность хлѣба составляетъ до 7½ милл. четв., въ Финляндію—болѣе ½ мил. четв., и на вывозъ изъ бѣломорскихъ и балтійскихъ портовъ, составляющій среднимъ числомъ болѣе 2 милл. четв., итого до 10 милл. четв., т. е., около ⅓ части всего хлѣбнаго избытка: изъ южныхъ же губерній хлѣбъ идетъ въ черноморскіе и азовскіе порты (часть хлѣба, отпускаемаго отсюда, принадлежитъ также Саратовской и Воронежской губ.), изъ которыхъ ежегодный средній отпускъ составляетъ до 5½ милл. четв.

Вотъ краткій очеркъ того, на сколько разработаны у насъ общія и первоначальныя свѣдѣнія, относящіяся до урожаевъ. Переходя собственно къ урожаю прошлаго года, мы оговариваемся, что представляемъ свѣдѣнія только о тѣхъ мѣстностяхъ, откуда что либо сообщалось въ періодическія изданія,—притомъ на столько, на сколько было сообщено. По инымъ мѣстностямъ оцѣнка урожая отступаетъ отъ общепринятаго пріема считать урожай *самъ—столько-то*; опредѣляется онъ и ужиномъ, и умолотомъ, и мѣрою, и вѣсомъ, и общимъ выводомъ, и по сравненію съ прежними годами. Свѣдѣнія объ урожаѣ извлекались какъ изъ офиціальныхъ сообщеній, которыя еще на сихъ дняхъ помѣщались въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ изданіяхъ (но не во всѣхъ еще помѣщены), такъ и изъ частныхъ

Digitized by Google

свѣдѣній, преимущественно торговаго характера. Свѣдѣнія по Европейской Россіи имѣются изъ всѣхъ губерній, хотя и не съ одинаковою подробностію; и мы нашли возможнымъ присоединить къ общему обзору извѣстія и изъ привислянскихъ губерній, а равно изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Кавказа и Сибири. Тамъ, гдѣ извѣстія ограничиваются только сообщеніями о видахъ на урожай, мы предполагали было сопоставить торговыя цѣны хлѣба, какъ за 1870 г., такъ и за настоящій годъ, но по большей части мѣстностей не оказалось свѣдѣній и этого рода. Въ наше обозрѣніе вошли также и послѣднія свѣдѣнія о грузахъ, приготовленныхъ къ настоящей навигаціи, равно какъ и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ суррогатахъ хлѣба и произведеніяхъ, замѣняющихъ по сбыту въ народной экономіи продукты хлѣбопашества (овощи, ленъ, пенька и пр.). Самыя мѣстности мы размѣщаемъ по группамъ, для удобства сравненія данныхъ по губерніямъ, находящимся въ болѣе одинаковыхъ географическихъ условіяхъ.

Сѣверная полоса.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ, *Пермской* губерніи, до 1-го іюля стояли большія засухи, во многихъ мѣстахъ яровые хлѣба̀ попортились, притомъ были побиты и кобылкою. Съ іюля пошелъ дождь, и все стало оживать; сѣно въ окрестностяхъ Перми сняли въ достаточномъ количествѣ. Въ южной части Ирбитскаго уѣзда урожай самый плохой, въ западной—средній, въ сѣверной—довольно хорошъ. Вообще по губерніи считаютъ, что урожай озимей вышелъ самъ 4, яроваго самъ $3^1/_4$, картофеля самъ $4^1/_4$; недостатокъ озимаго на продовольствіе опредѣляютъ до 497.903 четв., зато оказывается избытокъ яроваго до 348.948 четв. Въ *Вятской* губерніи урожай признается удовлетворительнымъ. Вообще получено съ десятины: озимой пшеницы 3 четв. и 1 мѣра, яровой пшеницы 3 четв. и 4 мѣры, ячменя 4 четв. и 1 мѣра, гречихи 3 четв., овса 4 четв. и 7 мѣръ, гороху 3 четв. и 4 мѣры, картофеля 22 четв. и 6 мѣръ, льна отъ 5 до 20 пуд., льнянаго сѣмени 1 четв. и 3 мѣры. Есть свѣдѣнія, что съ вятскихъ пристаней въ настоящую навигацію будетъ отправлено хлѣба на Волгу до 450.000 четв. Въ *Вологодской* губерніи почти весь май 1870 года погода стояла для хлѣба весьма неблагопріятная: нѣсколько разъ выпадалъ даже снѣгъ; яровые хлѣба̀ въ ростѣ остановились, озимые были хороши; но урожай оказался не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Сѣмени льнянаго противъ предшествовавшаго года на половину менѣе, овса тоже; а рожь хотя и хороша по количеству, но неумолотна, притомъ хлѣбъ этотъ на видъ теменъ. По послѣднимъ, впрочемъ, извѣстіямъ, въ Вологдѣ къ с.-петербургскому и архангельскому портамъ заготовлено, кромѣ льна и кудели, овса до 150.000 пуд., сѣмени льнянаго до 20.000 и ржи до 6.000 четвертей. По *Архангельской* губерніи извѣстно, что озими росли посредственно, яровые дали слабые ростки,

Digitized by Google

урожай казался сомнительнымъ, но цѣны 1871 года оказались ниже бывшихъ въ 1870 году. Въ настоящемъ году, въ январѣ, овесъ, вѣс. въ 5 пудовъ 35 фунтовъ, продавался по 3 рубля 90 коп. четвер., февраля 1-го мука ржаная была 76 к. п., а въ 1870 году овесъ того же вѣса былъ 4 р. четв., а мука отъ 89 до 91 к. п. По *Олонецкой* губерніи урожай удовлетворителенъ, хотя и меньше предшествовавшаго года; озимый хлѣбъ уродился въ сложности самъ 4, яровой самъ 3½; больше хлѣба дали уѣзды: Петрозаводскій, Олонецкій и Лодейно-Польскій; сѣно было хорошо въ Олонецкомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ. Въ Валдайскомъ, Демянскомъ и Боровицкомъ уѣздахъ *Новгородской* губерніи наступившая въ половинѣ іюня теплая погода давала надежду если не на хорошій, то на посредственный урожай. Въ окрестностяхъ Тихвина рожь уродилась посредственно, яровые хороши.

Прибалтійскій край.

По пути отъ Дуббельна до Динабурга хлѣба ржаные къ 14-му августа были уже сжаты, и по Курляндіи тоже; отъ Динабурга до С.-Петербурга сжаты на половину: нажинъ порядочный, а умолотъ средній, качествомъ: по Курляндіи отъ 1 пуд. 3 ф. до 1 пуд. 8 ф. и отъ Риги къ С.-Петербургу отъ 1 пуд. до 1 пуд. 5 ф. въ мѣрѣ. Яровые на высокихъ мѣстахъ недурны, а на низкихъ нехороши, ячмени дурны, льны пониже среднихъ. Населеніе Курляндской губерніи вполнѣ обезпечено урожаемъ до будущаго сбора.

Западная полоса.

По *Псковской* губерніи въ 8 уѣздахъ ожидался полный неурожай озимыхъ хлѣбовъ; своевременному посѣву яровыхъ мѣшали холодъ и недостатокъ сѣмянъ. Въ *Витебской* губерніи урожай неодинаковъ: самый лучшій въ уѣздахъ Лепельскомъ и Невельскомъ; затѣмъ слѣдуетъ уѣздъ Люцинскій, гдѣ озими и яровые вышли удовлетворительны; въ Рѣжицкомъ удовлетворительны только озими, а въ Велижскомъ, Витебскомъ, Полоцкомъ—только яровые. Въ остальныхъ уѣздахъ урожай оказался посредственнымъ; яровые неудовлетворительны въ уѣздахъ Рѣжицкомъ и Дриссенскомъ; травы болѣе или менѣе хороши вышли только въ уѣздахъ Рѣжицкомъ, Городецкомъ и въ особенности въ Лепельскомъ и Невельскомъ, а въ остальныхъ посредственны. Въ Россіенскомъ и Ковенскомъ уѣздахъ, *Ковенской* губерніи, озимый хлѣбъ при уборкѣ обѣщалъ дать хорошую жатву; яровые хороши, особенно овесъ. Въ уѣздахъ *Гродненской* губерніи: Волковысскомъ, Слонимскомъ, Пружанскомъ, Брестскомъ, Бѣлостокскомъ и Соколкинскомъ озимые и яровые хлѣба хороши; въ Гродненскомъ и Кобринскомъ озимые посредственны, а яровой, по причинѣ весенней засухи и продолжительныхъ холодовъ, не давалъ надежды на

Digitized by Google

хорошій урожай; въ Бѣльскомъ тотъ и другой хлѣбъ удовлетворителенъ только на унавоженныхъ мѣстахъ, пшеница скудна. Вообще урожай признаютъ, по мѣстнымъ условіямъ, вполнѣ удовлетворительнымъ; въ хлѣбѣ свыше потребности оказывается излишекъ до 1.434.301 четв. и въ сѣнѣ избытокъ до 1.307.308 пуд. Въ *Минской* губерніи въ общей сложности урожай озимаго—самъ 3½, яроваго—3½ и картофеля—3; вообще больше дѣйствительной потребности жителей собрано хлѣба и картофеля на 231.816 четвертей. На основаніи ужина и пробныхъ умолотовъ, ожидали по *Могилевской* губерніи въ Быховскомъ уѣздѣ урожая хорошаго, въ прочихъ уѣздахъ средняго, кромѣ Мстиславскаго, гдѣ урожай можно назвать худымъ, и Горецкаго, гдѣ онъ ниже посредственнаго; въ Рогачевскомъ уѣздѣ нажинъ и умолотъ хлѣба неудовлетворительны: яровые вообще лучше озимыхъ, особенно въ Быховскомъ и Чериковскомъ уѣздахъ. Въ *Смоленской* губерніи состояніе озимей, по случаю холодной и ненастной погоды, было крайне плохо, особенно въ Краснинскомъ, Смоленскомъ и Духовщинскомъ уѣздахъ.

Юговападная полоса.

Въ *Кіевской* губерніи урожай обильный и озимаго и яроваго хлѣбовъ; особенно довольны свекловицей. Въ *Подольской* губерніи урожай, какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ, вообще хорошъ; но въ Винницкомъ, Ольгопольскомъ и Балтскомъ уѣздахъ яровые посредственны. Въ *Волынской* губерніи уборкѣ хлѣба много мѣшала дождливая погода; впрочемъ, урожай въ большей части мѣстностей признается удовлетворительнымъ, но въ Житомірскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ—посредственнымъ, а въ Овручскомъ крайне неудовлетворительнымъ. Сборъ свекловицы, въ общей сложности по всему этому краю, доходилъ до 175 берковцевъ съ десятины.

Центральная полоса.

Тверской губерніи въ Ржевскомъ уѣздѣ урожай ржи нехорошъ какъ качествомъ, такъ и количествомъ; яровые уродились хорошо, особенно ленъ; въ Весьегонскомъ уѣздѣ рожь уродилась хорошо—самъ 6, но она легковѣсна. По *Ярославской* губерніи урожай обыкновенно бывалъ самъ 3, и только мѣстами самъ 4; въ 1870 же г. надѣялись на самъ 7 и 8, но дожди мѣшали уборкѣ хлѣба; по Угличскому уѣзду, гдѣ въ предшествовавшемъ году сжали 100 сноповъ, въ этомъ году собрали 175 сноповъ. Во *Владимірской* губерніи вообще собрано съ десятины: ржи отъ 3 до 6 четвертей, пшеницы отъ 3 до 5, овса отъ 4 до 9 и 12, гречихи отъ 3 до 6, ячменя отъ 2½ до 6 и 7; въ Александровскомъ же уѣздѣ пшеницы собрано до 8 четвертей, а въ Меленковскомъ гречихи—лишь 1¾. По *Тульской* губерніи урожай, кромѣ гречихи, удовлетворителенъ, особенно въ уѣздахъ Веневскомъ, Епифанскомъ, частію въ Богородицкомъ, Черн-

Digitized by Google

скомъ, Крапивенскомъ и Одоевскомъ; конопля повсемѣстно хороша, но не сѣмяниста; ленъ въ общемъ хорошъ; сѣнокосы прошли по хорошей погодѣ удовлетворительно. Вообще собрано съ десятины: пшеницы отъ 5 до 8 и 14 четвертей, ржи отъ $5^1/_2$ до 7 и 9, гречихи отъ 2 до 4 и 6, овса отъ 8 до 16 и 18, ячменя отъ 6 до 10 четвертей. *Рязанской* губерніи, въ Сапожковскомъ уѣздѣ, ржи вышло много. но зерна оказалось среднее количество: вѣсъ ржи 1 пудъ и 1—3 ф., въ копнѣ 3—6 мѣръ, въ десятинѣ около 7 копенъ; овса достаточно, гречихи немного, но послѣдніе четыре года ея совсѣмъ не было. По *Калужской* губерніи посѣвы яровыхъ хлѣбовъ на крестьянскихъ поляхъ продолжались до первыхъ чиселъ іюля; всходы ржи были почти вездѣ посредственны, особенно на низменныхъ мѣстностяхъ. Въ Масальскомъ уѣздѣ озими уродились самъ $2^1/_2$, а яровые самъ 3; въ уѣздахъ: Малоярославецкомъ, Тарусскомъ и Перемышльскомъ сильный недостатокъ въ сѣмянахъ и дороговизна рабочихъ рукъ заставили многихъ хозяевъ уменьшить посѣвы. По *Московской* губерніи урожаемъ какъ ржанаго хлѣба, такъ и яровыхъ, не нахвалятся; просо вышло плохо, такъ же какъ и въ губерніяхъ: Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской и Воронежской; капуста въ низменныхъ мѣстахъ хороша; но картофель и огурцы отъ дождей загнили. Въ *Орловской* губерніи урожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ вообще одобряютъ по количеству, но добротою хлѣбъ вышелъ мѣстами легковѣсенъ, особенно овесъ; мѣстами уборкѣ хлѣба мѣшали дожди. Въ Болховскомъ уѣздѣ гречиха вышла посредственная; пеньки меньше предшествовавшаго года, но зерно конопляное лучше; въ Трубчевскомъ уѣздѣ рожь уродилась плохо; въ Мценскомъ конопля тонка, головниста, но мала ростомъ. Урожай хлѣбовъ по всей *Тамбовской* губерніи очень удовлетворителенъ; урожай ржи считали отъ 15 до 16 телѣгъ съ десятины; овсы такъ хороши, что такихъ и не запомнятъ: бѣлые и съ хорошею сушкою, натурою не менѣе 6 пуд. въ четверти. Но въ Моршанскѣ и Шацкѣ жалуются на легковѣсность ржи: въ первомъ вѣсъ доходитъ только до 1 пуда 3—5 ф., а въ послѣднемъ—до 1 пуда 1—3 ф. въ мѣрѣ. Вообще полагаютъ, что по губерніи съ десятины снято: ржи 8, гречихи 7, конопли 7, озимой пшеницы 6, яровой 5, ячменя 9 четв. Въ *Пензенской* губерніи уборка съ полей озимаго и яровыхъ хлѣбовъ была при благопріятной погодѣ окончена почти повсемѣстно къ 1 сентября; остались къ 10 сентября неубранными только просо и гречиха, и то поздняго посѣва, да остался не свезеннымъ съ полей овесъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ запашки дѣлались изъ-полу. Урожай озимыхъ считаютъ посредственнымъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ изъ 120 сноповъ вымолачивалось только 6—7 мѣръ; яровые уродились хорошо, гречиха и горохъ плохо; въ уѣздахъ Инсарскомъ, Городищенскомъ и Саранскомъ урожай ржи большею частію скудный. Въ *Воронежской* губерніи ржи собрано съ десятины до 20 копенъ и болѣе, умолотъ ея—отъ 4 до 6 мѣръ съ копны; овса—

Digitized by Google

отъ 20 до 30 копенъ съ десятины, умолотъ его—до 8 мѣръ съ копны; овесъ рѣдокъ; ячменя собрано также до 20 копенъ и болѣе, умолотъ—до 6 мѣръ съ копны; пшеницы—отъ 10 до 15 и болѣе копенъ на десятину. Въ частности замѣчаютъ, что въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ урожай выразился въ среднихъ цифрахъ: озимаго хлѣба самъ $3^1/_2$, яроваго 4, картофеля $3^3/_4$; въ Богучарскомъ уѣздѣ озимый хлѣбъ самъ $3^1/_4$, яровой—4; въ Землянскомъ уѣздѣ въ послѣднее время стали сѣять больше яровой хлѣбъ, чѣмъ озимый. Въ общемъ выводѣ считаютъ, что по губерніи снято съ десятины: ржи 5, озимой пшеницы около 4, яровой свыше 4, ячменя около 5, гречихи около 4, льна $3^1/_2$, проса около 3 четв. Урожай, вслѣдствіе весеннихъ морозовъ, оказался посредственнымъ; удовлетворителенъ урожай подсолнечниковъ. Въ *Курской* губерніи урожай озимей и яровыхъ вполнѣ удовлетворителенъ; конопля въ значительномъ количествѣ сѣялась только въ Дмитріевскомъ и Фатежскомъ уѣздахъ; урожай ея также удовлетворителенъ. Въ *Полтавской* губерніи рожь оказалась посредственна, пшеница и овесъ удовлетворительны, гречиха плоха. Рожь, жатая на десятинѣ, давала отъ 10 до 12 копенъ въ 52 снопа и кошеная—отъ 8 до 10 копенъ; гирка вышла не особенно полна зерномъ; пшеница и овесъ сравнительно лучше въ южной части мѣстности. По *Харьковской* губерніи хлѣба̀ почти одинаковы съ полтавскими.

Восточная полоса.

Въ *Нижегородской* губерніи находятъ рожь и пшеницу новаго урожая по качеству хорошими; рожь уродилась натурой около 1 пуда 3 ф., пшеница русская до 10 п. Въ *Казанской* губерніи урожай вообще считаютъ удовлетворительнымъ, за исключеніемъ уѣздовъ: Лаишевскаго, Царевококшайскаго, Чистопольскаго и Ядринскаго, гдѣ можно назвать его посредственнымъ. Въ Спасскомъ и Тетюшскомъ уѣздахъ умолотъ ржи былъ 5—6 мѣръ со 100 сноповъ, натура 38—41 ф., тогда какъ въ прошломъ году умолотъ былъ 8—9 мѣръ, натура 42—44 ф.; въ Чистополѣ зерно тоще, 36—39 ф.; въ Казанскомъ уѣздѣ зерно не такъ мучнисто. Вообще въ этомъ краѣ собрано съ десятины: ржи $5,_6$ четвертей, яровой пшеницы $5,_{36}$, ячменя $5,_4$, овса 7, гречихи $6,_5$, проса $8,_6$, гороху $5,_1$, полбы $6,_8$; капуста и картофель родились хорошо, огурцы неудовлетворительно, ленъ и пенька удачно. Въ *Симбирской* губерніи ржаные хлѣба̀ немного лучше прошлогоднихъ, травянисты и рѣдки; умолотъ до 13 телѣгъ съ десятины, со ста сноповъ—отъ 5 до 6 мѣръ; зерно тоще и темно, натура 40 и 41 ф. въ мѣрѣ. Яровые очень хороши, особенно гречиха; горохи мѣстами хороши, мѣстами плохи. По рѣкѣ же Сурѣ, около Промзина и другихъ пристаней, урожай ржаныхъ хлѣбовъ считали такъ: ужи́нъ отъ 7 до 12 телѣгъ по 100 сноповъ въ каждой, умолотъ 6—10 пудовъ со 100 сноповъ, натура 1 пудъ, 2—5 фунтовъ; урожай

Digitized by Google

находятъ среднимъ; качество зерна ниже прошлогодняго вслѣдствіе дождей; яровые хороши, но зелены. Въ общей сложности по губерніи съ десятины получено: ржи 4 четв. и 4 мѣры, яровой пшеницы 3 четв. и 7 мѣръ, овса 7 четв., гречихи 6 четв., полбы 4 четв. и 3 мѣры, гороху 4 четв., ячменя 5 четв., чечевицы 3 четв. и 4 мѣры, картофеля 25 четв., льнянаго сѣмени 3 четв. и 1 мѣра, коноплянаго 5 четв. и 6 мѣръ. На сурскихъ пристаняхъ заготовлено къ настоящей навигаціи хлѣба 546.483 кул. и четв. Въ *Саратовской* губерніи урожай хлѣбовъ отличный; рожь уродилась натурой около 1 пуда 3 ф., пшеница русская до 10 пудовъ. Въ частности, въ Аткарскомъ уѣздѣ, очень хороши овесъ, гречиха, просо, пшеница, полба, горохъ; по рѣкамъ Терсѣ, Черной рѣчкѣ, Елани и пр. пшеница бѣлотурка и кубанка дали урожай самъ 20 и мѣстами даже 25 и 30; овсы равняются урожаемъ пшеницѣ. Въ Камышинѣ и Царицынѣ пшеница хотя уродилась и хороша, но сильно зарасла травой, такъ что передъ продажей необходимо было ее сортировать. Въ *Самарской* губерніи проливные дожди и холодная погода сильно вредили хлѣбамъ по 13 число іюля; но съ этого времени погода перемѣнилась, и урожай хлѣбовъ вышелъ отличный, кромѣ проса, которое пропало. Рожь наливомъ хороша, сборъ съ десятины отъ 100 до 200 пудовъ; ячменя, овса и льна урожай небывалый. Урожай распредѣлился впрочемъ неравномѣрно. Средній умолотъ пшеницы съ хозяйственной десятины (4.000 кв. саж.) казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ земель опредѣляютъ (по мѣрѣ приближенія къ степи) отъ 70 до 100 и мѣстами даже до 200 пудовъ; качествомъ пшеница удовлетворительна, рожь же по большей части легковѣсна. Стоявшая въ августѣ и началѣ сентября погода какъ нельзя лучше содѣйствовала успѣшной молотьбѣ и вѣянію пшеницы, для которой не въ употребленіи въ этой мѣстности овинная сушка, портящая янтарный цвѣтъ зеренъ, особенно цѣнимый въ продажѣ. Во второй половинѣ августа начался уже въ Самарѣ подвозъ пшеницы, и она прямо съ возовъ поступала на суда. Количество хлѣбовъ, приготовленныхъ въ зиму къ навигаціи опредѣляютъ въ 1.054.091 четв., что составляетъ на вѣсъ 10.461.974 п. (кули по роду хлѣба вѣсятъ 9 и 10 п). Такой значительный закупъ въ первый разъ встрѣчается въ продолженіи истекшихъ пяти лѣтъ; въ общей сложности онъ будетъ превышать вывозъ 1870 года на 672.064 четв., 1869 года на 232.369 ч., 1868 г. на 151.111 ч. и 1867 г. на 308.414 четв. *). По *Оренбургскому*

*) Цифры о закупкахъ хлѣба взяты изъ имянной вѣдомости, составленной лицами, участвовавшими въ хлѣбныхъ операціяхъ самарскаго рынка, и признаются достовѣрными, хотя составлены не для офиціальной статистики. Не смотря на огромный размѣръ торговыхъ оборотовъ, въ Самарѣ, по словамъ «Самарскихъ Вѣдомостей», *не составилось* еще биржеваго общества; уставъ самарской биржи утвержденъ *только болѣе года*.

Digitized by Google

краю теплая весна съ перепадавшими дождями благопріятствовала посѣву яровыхъ хлѣбовъ: они вышли было хороши вообще во всѣхъ уѣздахъ, а въ нѣкоторыхъ районахъ могли бы обѣщать даже богатый урожай; но съ половины мая и до половины іюля пошли почти непрерывные дожди, и хлѣбъ, преимущественно въ уѣздахъ: Уфимскомъ, Бирскомъ и Мензелинскомъ, полегъ на землю и проросъ травою. Выводятъ впрочемъ заключеніе о болѣе нежели удовлетворительномъ урожаѣ. Посредственнымъ считаютъ урожай пшеницы, ячменя, полбы и проса въ Троицкомъ уѣздѣ, ячменя въ Верхне-уральскомъ и гречихи въ Челябинскомъ. Въ Уфѣ при умолотѣ получено ржи со 100 сноповъ только 3—4 пуда; въ этомъ уѣздѣ хвалятъ овесъ собственнаго посѣва г. Языкова; овесъ, какъ говорятъ, изъ годовъ хорошъ, вѣсомъ 30 и 31 ф. въ мѣрѣ. Въ Оренбургскомъ уѣздѣ сотенная десятина дала пшеницы кубанки отъ 130 до 150 пудовъ, т. е., самъ 13 и 15. Безусловно хороши хлѣба въ Белебеевскомъ уѣздѣ, какъ озимые, такъ и яровые; на пристаняхъ р. Бѣлой въ Дертюляхъ и Бирскѣ рожь легка, вѣситъ только 37 и 38 ф. въ мѣрѣ; натура же ржанаго хлѣба въ Белебеевскомъ уѣздѣ 1 пудъ и 2 ф. въ мѣрѣ.

Южная полоса.

Въ *Бессарабіи* урожай вообще признавался удовлетворительнымъ; но дожди мѣшали уборкѣ и хлѣбъ началъ гнить. Сборъ зерна въ Оргѣевскомъ уѣздѣ уменьшился на $^1/_3$, а въ Сорокскомъ на $^1/_6$; въ Аккерманскомъ уѣздѣ хлѣбанъ вредилъ прусъ, въ Оргѣевскомъ жучекъ; въ Хотинскомъ яровые хороши: на одну фальчу приходилось среднимъ числомъ 20 копенъ; средніе же и поздніе посѣвы дали только 6 копенъ. Въ *Одесскомъ* районѣ предшествовавшія жатвѣ обстоятельства были слѣдующія: зимою много вымерзло озимыхъ посѣвовъ; въ маѣ наступила жаркая, сухая погода; съ іюня шли дожди; затѣмъ въ первыхъ числахъ іюля былъ зной, нѣсколько растворенный дождями къ половинѣ іюля; къ 5 августа прошли проливные дожди: въ Тирасполѣ, Балтѣ, Елисаветградѣ, Вознесенскѣ, Ялтѣ, Аккерманѣ и Николаевѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, урожай даже въ лучшихъ уѣздахъ, каковы, на пр., Александрійскій, Елисаветградскій и Ананьевскій, оказался не болѣе какъ среднимъ, въ особенности по количеству; озимые хлѣба вообще пострадали, яровые же дали не выше хорошаго средняго сбора. На земляхъ *Таганрогскаго* градоначальства собрано съ десятины пшеницы 6 четвертей, ржи 5, овса и ячменя по 7 и проса 4. Въ *Керчь-Еникольскомъ* градоначальствѣ удовлетворительнѣе: озимой пшеницы собрано съ десятины $6^1/_2$ четв., ржи $5^1/_2$, яровой пшеницы 6, овса $9^1/_{10}$, ячменя $9^2/_3$, проса $8^9/_{10}$ и льна $4^1/_2$ четв. На низовьяхъ Буга пшеница ранняго и средняго посѣвовъ дала около $3^1/_2$ четвертей съ десятины, а гдѣ были дожди, тамъ умолотъ вдвое

Digitized by Google

больше; качество зерна хвалятъ: вѣсъ вообще болѣе 10 пудовъ въ четверти. Урожай хлѣбовъ въ области *Войска Донскаго* былъ вообще удовлетворительный, а во многихъ мѣстностяхъ весьма хорошій. Сборъ хлѣба среднимъ числомъ съ казенной десятины считался слѣдующій: въ Черкаскомъ округѣ—пшеницы яровой отъ 3½ до 6½ четвертей, озимой отъ 3 до 6½, ржи 3—7½, овса 8—15, ячменя 6—10, проса 2½—10½, льна 4—7 четв.; въ Донскомъ первомъ округѣ: пшеницы яровой 10 четв., озимой 8, ржи 9, овса 12, ячменя 8, проса 8, льна 9 четв.; въ Донскомъ второмъ округѣп: шеницы яровой 4—5½ четв., озимой 4, ржи 4—5, овса 6—8, ячменя 4—6½, проса 4½—8, льна 5½—10 четв.: въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ: пшеницы яровой 2½—6 четв., ржи 1—7, овса 8—10, ячменя 7—8, проса 1—12, льна 6; слабый урожай на нѣкоторые роды хлѣбовъ оказался въ первомъ участкѣ этого округа; въ Хоперскомъ округѣ пшеницы яровой снято 4½—6 четв., ржи 2—7, овса 6—12, ячменя 6—10, проса 3—8, льна 4—10 четв.; въ Донецкомъ округѣ: пшеницы яровой 4—10 четв., озимой 4—7, ржи 5—12, овса 6—10, ячменя 6½—12, проса 6—8, льна 3½—9 четв.; въ Міусскомъ округѣ: пшеницы яровой 4—6½ четв., ржи 3½—7½, овса 3—12½, ячменя 3—8½, проса 2—9 (въ третьемъ участкѣ округа не возвращены и сѣмена посѣяннаго проса), льна 1½—6 (въ четвертомъ участкѣ только до 4 четвериковъ). Урожай огородныхъ и бахчевныхъ овощей въ Землѣ Войска Донскаго почти повсемѣстно считается удовлетворительнымъ, и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ плохъ: урожай винограда посредственный. По *Астраханской* губерніи извѣстно, что къ 1 марта въ самой Астрахани муки ржаной было только 3.000 п., а пшеничной 1.500 пуд., такъ что было предположеніе телеграфировать въ Саратовъ о доставкѣ хлѣба ранѣе сплава водою. Цѣны были 15 іюля 1870 года: на муку ржаную 5 р. 57½ к., пшено 4 р. 37½ к., овесъ 3 р. 97½ к. четв.; 14-го же апрѣля 1871 года: мука 7 р., пшено 6 р., овесъ 3 р. 50 к. четв.

Привислянскій край.

Въ *Люблинской* губерніи копна ржи въ 60 сноповъ дала зерна 4—5 мѣръ, пшеница 3—6, ячмень 4—5, овесъ 6 мѣръ; ленъ, пенька и маслобойныя растенія родились въ изобиліи. Въ *Кѣлецкой* губерніи урожай хлѣбовъ относятъ къ хорошимъ; но сѣно пропало, кормовыя травы не удались, картофель плохъ и мѣстами загнилъ. Вообще по губерніи съ десятины снято: озимой пшеницы 4 четв., яровой болѣе 3, ржи около 5, овса 5½, ячменя 5, гречихи 4, проса около 5 четв. По *Ломжинской* губерніи виды на урожай были благопріятны. Въ *Калишской* губерніи зимняя сурѣпица вышла нехороша, рожь изрядна, кромѣ посѣянной на влажной почвѣ, которая оказалась хуже. Въ *Петроковской* губерніи

Digitized by Google

урожай вообще хорошъ; особенно довольны пшеницею и обиліемъ соломы; находятъ, что еслибы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хлѣбъ не проросъ травою отъ ненастной погоды въ августѣ, то уборка вполнѣ была бы удовлетворительна. Въ *Сувалкской* губерніи урожай вполнѣ удовлетворителенъ; изъ пробныхъ умолотовъ оказывалось, что рожь уродилась самъ 5 и 6, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже самъ 8, пшеница самъ 6, а ячмень и овесъ самъ 3—7. По *Радомской* губерніи посѣвы яровыхъ значительно замедлились, по случаю влажности почвы; урожая ожидали не блестящаго. Вообще по Привислянскому краю жаловались на неурожай фруктовъ.

Кавказскій край.

Въ *Кубанской* области, около Челбасъ и Уманской станицы, къ іюню вывелась саранча и попортила посѣвы. Въ *Ставропольской* губерніи урожай считаютъ удовлетворительнымъ, за исключеніемъ степныхъ мѣстъ, гдѣ не было дождей. Въ *Терской* области, въ маѣ, на урожай надѣялись; частые дожди способствовали произрастанію кормовыхъ травъ, въ которыхъ часто нуждаются станицы, расположенныя по Тереку; сборъ хлѣбовъ и травъ по району средняго военнаго отдѣла былъ хорошъ. Въ *Елизаветпольской* губерніи пшеница и ячмень дали обильный умолотъ, при хорошемъ и полновѣсномъ зернѣ. Въ *Эриванской* губерніи такого обильнаго урожая хлѣбовъ и травъ, какой былъ въ истекшемъ году, не запомнятъ съ давнихъ лѣтъ.

Сибирь.

Въ *Томской* губерніи, по свѣдѣніямъ отъ 23 іюля, по округамъ Томскому и Кузнецкому стояла засуха; озимые хлѣба были довольно порядочны, яровые положительно плохи. Въ *Тобольской* губерніи, въ началѣ августа, надежды на урожай, въ большей части, были весьма слабы. Озимые хлѣба были еще удовлетворительны, хотя и не вездѣ, но яровые плохи, особенно въ Ишимскомъ, Тарскомъ и Тулинскомъ округахъ; причиною была тоже засуха: частію хлѣбъ выгорѣлъ, а частію побитъ кобылкой; въ Сургутскомъ округѣ дневной жаръ, умѣрявшійся на низменныхъ мѣстахъ сыростію, остался, впрочемъ, безъ вреднаго вліянія. По *Енисейской* губерніи, въ Красноярскомъ округѣ, въ теченіи всего іюня, всходъ хлѣбовъ давалъ надежду на удовлетворительный урожай, кромѣ мѣстностей, гдѣ хлѣба также отъ засухи оказались низки ростомъ, рѣдки и заглушены травой, и при жатвѣ, окончившейся къ 20 августа, надежды эти въ большей части округа оправдались. То же должно сказать и о Минусинскомъ округѣ, но здѣсь урожай хуже прошлогодняго. Въ Енисейскомъ округѣ сборъ большей части хлѣбовъ оказался нехорошъ, и только раннія озими и яровые могутъ считаться болѣе или

Digitized by Google

менѣе удовлетворительными; притомъ большая часть этого округа, равно какъ Канскаго и нѣкоторыхъ другихъ, пострадала отъ наводненій. Въ Минусинскомъ округѣ унесено водою до 48.000 копенъ сѣна.

Очевидно, что при такой неполнотѣ извѣстныхъ намъ свѣдѣній объ урожаѣ прошлаго года, при случайности самыхъ сообщеній и отсутствіи единства въ собираніи извѣстій, можно сказать только, что урожай прошлаго года въ общемъ выводѣ оказывается *выше средняго,* особенно если мы обратимся къ вывезенному въ 1870 году за границу по европейской торговлѣ количеству хлѣба, заключающему въ своей массѣ отчасти и результаты урожая 1870 года, и излишніе запасы прошлогодніе. Въ 1869 году отпускъ хлѣба за границу, какъ извѣстно по таможенному вѣдомству, составлялъ количество въ 10.337.322 четв., въ 1870 же году 21.061.014 четв., то есть, въ послѣднемъ больше на 103,$_{74}$%, чѣмъ въ первомъ, отпустившемъ только среднее количество. Но такого рода открытіе, имѣющее, конечно, теоретическое значеніе—въ особенности для «любознательности», вообще заявило уже себя въ состояніи цѣнъ на предметы потребленія, тогда какъ желательно было бы, для практическаго примѣненія, отношеніе обратное: чтобы самыя цѣны устанавливались при помощи обнародованія возможно широкихъ и своевременныхъ свѣдѣній объ урожаѣ въ той или другой мѣстности.

Кому не извѣстно, что вся хлѣбная торговля въ тѣхъ нашихъ мѣстностяхъ, которыя по справедливости называются житницею Россіи, находится въ рукахъ эксплуататоровъ, назначающихъ какія угодно имъ низкія цѣны? На югѣ Россіи, начиная отъ праваго берега Буга, выжимается сокъ изъ нашихъ земледѣльцевъ скупщиками евреями, а въ отношеніи землевладѣльцевъ цѣны сбиваются нѣмцами колонистами, составляющими передовые посты того иноплеменнаго движенія, которое происходитъ съ запада на востокъ и грозитъ залить собою всю южную полосу Россіи. По лѣвой же сторонѣ Буга та же задача исполняется греками и армянами. И страшно подумать, сколько вообще получаетъ выгоды посредничество! Вотъ, на примѣръ, какой расчетъ слѣдуетъ сдѣлать для донскихъ земледѣльцевъ. Всего въ Донской области куплено было въ прошломъ году у мѣстныхъ земледѣльцевъ хлѣба и льна около милліона четвертей, на сумму около 5.025.000 р., если принять среднюю цѣну пшеницы въ 5 р. 72 к., ржи 3 р. 40 к., льна 8 р. 75 коп., ячменя 3 р. 50 к. и овса въ 3 р. 25 к. На эту сумму скупщикамъ хлѣба пришлось валовой прибыли болѣе 1.800.000 р., такъ какъ среднія цѣны на хлѣбъ, отправленный на ростовскую и таганрогскую биржи, были здѣсь уже другія; для отправки за границу платили: за четверть пшеницы 8 р., льна 12 р., ржи 5 р., ячменя и овса по 4 р. Чистой же прибыли, за исключеніемъ расходовъ доставки до этихъ портовъ (среднее количество 1 р. за четв.), пришлось скупщикамъ около *800.000* руб. или въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ

Digitized by Google

16%, тогда какъ земледѣльцы, за исключеніемъ стоимости обработки земли и поземельной ренты, получили при благопріятныхъ обстоятельствахъ прошлаго года прибыли 1.400.000 руб.; но при урожаѣ, ближе подходящемъ къ среднему, приходится получать имъ не болѣе *900.000* р. Прибыль эта раздѣлится между десятками тысячъ земледѣльцевъ, а прибыль скупщиковъ останется въ рукахъ какихъ нибудь 200 капиталистовъ. «И вотъ, замѣчаютъ «Донскія Вѣдомости», сообщающія означенныя цифры,—когда хлѣбъ, добытый кровавымъ потомъ, обогащаетъ хлѣбныхъ торговцевъ, крестьянинъ нашъ, продавши свою пшеницу за море, самъ остается на *черномъ хлѣбѣ*».

И остается онъ на черномъ хлѣбѣ, главнымъ образомъ, за то, что, не имѣя своевременныхъ и доступныхъ свѣдѣній ни объ урожаѣ, ни о количествѣ запасовъ хлѣба, ни о цѣнахъ на хлѣбъ, принужденъ брать такую цѣну, какую ему назначаютъ. Это, скажутъ, дѣлаетъ нужда.... Да самая нужда-то не отъ того ли, что изъ года въ годъ приходится получать за свой трудъ и поземельную собственность, какъ сейчасъ мы видѣли, только половину стоимости? А будь устроены у насъ, въ особенности на югѣ, на примѣръ, постоянные съѣзды членовъ статистическихъ комитетовъ для взаимнаго обмѣна земледѣльческими свѣдѣніями, будь постоянно извѣстно и сообщаемо народу, и притомъ непремѣнно на базарахъ, положеніе и урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ,—не такъ бы удалось *кулакамъ* ловить въ мутной водѣ рыбу. Вотъ о чемъ слѣдуетъ подумать земству, если для него дорого возвысить хотя на половину благосостояніе народа. При этомъ, конечно, слѣдуетъ выработать и одну общую программу для сбора и обработки матеріаловъ земледѣльческой статистики, и вмѣсто того, чтобы собирать свѣдѣнія по губерніямъ и уѣздамъ,—какъ будто бы административное дѣленіе нашего отечества основывалось на сельско-хозяйственномъ значеніи каждой мѣстности,—собирать свѣдѣнія по отдѣльнымъ хозяйствамъ различной величины, и уже отсюда выводить среднія числа и изъ нихъ дѣлать заключеніе о всей производительности даннаго округа. Вопросъ въ этомъ послѣднемъ родѣ, впрочемъ, уже и былъ поднятъ въ засѣданіи втораго съѣзда сельскихъ хозяевъ при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства 28 декабря 1870 года; но такая отдаленная и слишкомъ общая постановка вопроса, пожалуй, отложитъ дѣло въ долгій ящикъ.... Не лучше ли ближе отнестись къ дѣлу и прямо приступить къ провѣркѣ уже готоваго матеріала?

П. Гиляровъ.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

12-го апрѣля.

Отличительный характеръ настоящаго времени; повсемѣстныя народныя движенія.—Толки о священномъ союзѣ.—Событія въ Парижѣ, ихъ первоначальное значеніе и позднѣйшее уклоненіе отъ цѣли. — Красный и бѣлый терроръ.— Тьеръ и національное собраніе.—Толки о монархіи и подчиненіе версальскаго правительства Пруссіи.—Германское правительство опасается либеральнаго движенія у себя.—Пренія о полякахъ въ нѣмецкомъ сеймѣ и заявленіе Бисмарка.— Будущее польскаго вопроса.—Проявленія германскаго властолюбія; Гельголандъ, Швейцарія и Цислейтанія.—Министерство Гогенварта между двухъ огней.— Боязнь нѣмцевъ и сближеніе съ оппозиціею, уступки полякамъ, переговоры съ чехами, поѣздка императора въ Тироль.—Вѣсти изъ русской Галиціи; митинги и усиленіе національнаго движенія.

Напряженное, лихорадочное возбужденіе, поддерживавшееся въ Европѣ продолжительной войной, смѣнилъ мучительный переломъ, служащій вѣрнымъ признакомъ дружно начавшагося почти повсюду броженія; потоки народнаго движенія прорываются сквозь старыя плотины: все мало по малу трогается, оживаетъ,—къ какой будущности? Богъ вѣсть! Куда ни оглянешься, кидается въ глаза что-то безпокойное, волнующееся; всѣмъ становится ясно, что старой жизни приходитъ конецъ, что наступаетъ новая, еще смутно рисующаяся уму, пора; словомъ, вѣетъ словно весеннимъ воздухомъ, но еще не благоухающимъ, бодрымъ, цѣлительнымъ воздухомъ установившейся весны, но тѣмъ, въ которомъ еще слышится разложеніе коры, сковывавшей землю, борьба зимняго оцѣпенѣнія и жизни въ волю, смерти и возрожденія.

Борьбѣ французскихъ городовъ за общинное самоуправленіе вторятъ въ Испаніи значительныя республиканскія демонстраціи, дошедшія до такой смѣлости, что извѣстный Кастеларъ публично, въ засѣданіи кортесовъ, объявилъ отъ имени своей партіи непримиримую вражду савойской династіи. Повышеніе податей въ Португаліи возбуждаетъ народныя

Digitized by Google

волненія. Въ то же время красная партія въ Румыніи организуетъ революціонныя вспышки, издѣвается въ палатѣ надъ заѣзжимъ своимъ государемъ; чернь даетъ волю своему нерасположенію къ господству нѣмцевъ и нападаетъ съ озлобленіемъ на дома германскаго генеральнаго консула и его значительнѣйшихъ соотечественниковъ. Въ самой Англіи сходятся республиканскіе митинги, а прусское правительство озабочивается замѣтнымъ движеніемъ крайней партіи въ своей странѣ. Передъ этимъ, ходко двинувшимся, волненіемъ массъ не остались бездѣятельными и равнодушными опоры охранительной системы. Всегда готовыя выступать противъ разрушительныхъ стремленій, онѣ, въ годины особенно сильнаго проявленія опаснаго духа въ слѣпо-покорныхъ когда-то массахъ, какъ будто напрягаютъ силы для безпощаднаго сокрушенія врага. Традиціи добраго стараго времени, политическіе догматы, освященные вѣками, какъ-бы взываютъ къ этимъ сателлитамъ консерватизма, побуждая ихъ не допускать поруганія дѣдовской морали. Императорская Франція была у нихъ какъ бѣльмо на глазу; связь имперіи съ тлетворными демагогическими принципами, это заискивающее отношеніе главы государства къ народу, это спрашиваніе народнаго мнѣнія, всеобщая подача голосовъ, наконецъ властитель не коронованный, величающій себя избранникомъ народа,—все это было, въ глазахъ охранителей европейскаго спокойствія, величайшимъ беззаконіемъ; оттого-то, когда люди независимые видѣли въ Наполеонѣ III поработителя и развратителя своего народа, тотъ же человѣкъ казался инымъ политикамъ врагомъ династическаго принципа, монархомъ-революціонеромъ. Не во имя одного лишь исправленія рейнской границы, не для одного обезпеченія Германіи отъ французскихъ вторженій предпринята была минувшая война, но и для водворенія попраннаго принципа, для обузданія смѣлаго выходца, святотатственно нарушавшаго всѣ добрыя традиціи. Цѣль эта достигнута и охранителямъ оставалось лишь торжествовать,—но глядь! на мѣсто сокрушенной гидры поднимаетъ голову другая, несравненно болѣе опасная, и отовсюду несутся признаки чего-то недобраго, смутный гулъ, пророчащій зло и развратъ. Снова становится необходимымъ напрячь силы и дружной коалиціей преслѣдовать повсемѣстно проявленія революціоннаго настроенія, герметически закупоривъ свои страны отъ малѣйшаго свободнаго вѣтерка. Такъ въ старые годы дѣйствовалъ священный союзъ съ своимъ рядомъ конгресовъ, гдѣ, какъ въ Крыловской баснѣ, рѣшались судьбы стадъ, не спросивъ, по забывчивости, самихъ овецъ.... При нѣкоторой аналогіи настоящаго періода съ минувшимъ, естественно могла явиться мысль возвратить къ новой дѣятельности заржавѣвшій отъ бездѣйствія аппаратъ пресловутаго союза. Побѣдителю приличествуетъ принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, благо сервильная печать или патріоты маниловскаго закала твердятъ на всѣ лады, что въ рукахъ Германіи отнынѣ судьбы Европы, охрана ея мира и благоденствія. И вотъ

Digitized by Google

стоустая молва разнесла во всѣ концы слухи о замыслахъ новой нѣмецкой имперіи организовать единеніе великихъ державъ для водворенія консервативной политики. Партизаны этой коалиціи, подобно Бурбонамъ, неисправимы; никакой опытъ не научаетъ ихъ осторожности; полстолѣтіе, прошедшее не даромъ для развитія народовъ, для нихъ ни почемъ: они не замѣчаютъ, что время непосредственнаго вліянія династическихъ сближеній на судьбы народовъ проходитъ, что, напротивъ, водворять разладъ между властью и гражданами во имя отжившаго принципа, по меньшей мѣрѣ, неразумно. Закусивъ удила и величаясь какъ левъ на воеводствѣ, они не прочь исполосовать неповинную Европу по своему усмотрѣнію, не забывая отдѣлить истинно-львиную долю себѣ въ удѣлъ и, накрывъ ее желѣзной лапой, промолвить: вотъ эта часть—моя!... Друзья истиннаго порядка не могутъ не пожелать, чтобы всѣ подобные слухи, нашедшіе себѣ вѣру и сочувствіе и въ нашемъ отечествѣ, оказались ложными, и духъ времени восторжествовалъ надъ ретроградными замыслами.

Парижскія событія, не смотря на отталкивающій характеръ, принятый ими въ послѣднее время, имѣютъ неотъемлемое и важное значеніе. Ихъ нельзя судить по легкомысленной мѣркѣ простаго безчинства изъ любви къ искусству, уличныхъ безпорядковъ, вчинаемыхъ нѣсколькими горячими головами. Сочувственное движеніе во многихъ большихъ городахъ, Ліонѣ, Сентъ-Этьеннѣ, Марселѣ, Тулузѣ, Лиможѣ, и небольшая вспышка въ Булони показываютъ, что тѣ же причины вызвали ихъ, къ тѣмъ же цѣлямъ стремились они. Послѣ господства Парижа надъ судьбами Франціи, послѣ частныхъ парижскихъ революцій, водворявшихъ затѣмъ въ странѣ тотъ или другой образъ правленія, мы видимъ движенія, ограничивающіяся извѣстною сферой, желающія вольностей для отдѣльныхъ городскихъ поселеній, добивающіяся полнаго самоуправленія, коего не вѣдала по сю пору Франція,—но не навязывающія своихъ требованій сельскому, областному населенію. Дѣйствительно, сколько излишествъ ни позволяли себѣ различныя лица, стоявшія во главѣ парижскаго возстанія, они почти никогда не драпировались званіемъ правителей страны; достовѣрно, что они не мало затруднились даже избраніемъ соотвѣтствующаго титула своей офиціальной газеты: они то называли ее органомъ парижской комуны, то величали офиціальнымъ журналомъ федеративной республики національныхъ гвардейцевъ, прямо указывая послѣднимъ названіемъ, что движеніе ограничивается парижской національной гвардіей, то есть, вооруженнымъ столичнымъ населеніемъ. Самое слово *федерація*, употребленное какъ будто вскользь, указывало на смутно представляющійся уже идеалъ переустройства страны, федеративный союзъ областей и городскихъ общинъ. Неудачи военныхъ дѣйствій, все болѣе и болѣе стѣсняя замыслы инсургентовъ, привели ихъ наконецъ къ опредѣленной програмѣ, которую они выставили основою для соглашенія съ версальскимъ правительствомъ; програма эта требуетъ совершеннаго

Digitized by Google

обособленія Парижа и, поэтому, присоединенія къ департаменту Сены и Уазы всѣхъ подстоличныхъ общинъ, широкаго самоуправленія города, порученія его защиты одной національной гвардіи съ выборными начальниками, за исключеніемъ военнаго времени; взамѣнъ этихъ льготъ, городъ обязывается платить извѣстную долю въ общегосударственную казну и участвовать во всѣхъ расходахъ въ случаѣ войны; комуна вызываетъ наконецъ правительство распустить національное собраніе, такъ какъ оно, будучи созваню лишь для обсужденія вопроса о мирѣ или войнѣ, не имѣетъ полномочій служить долѣе представителемъ страны; правленіе комуны въ такомъ случаѣ было бы тоже распущено и оба представительства были бы избраны изъ новыхъ людей.

Эта ясно высказанная программа, допускающая полное обсужденіе, принадлежитъ, впрочемъ, далеко не всей комунѣ, а лишь извѣстному оттѣнку ея, носящему названіе республиканской лиги. Здѣсь-то мы касаемся самаго больнаго мѣста парижскаго движенія—отсутствія единодушія и общаго плана дѣйствій, вслѣдствіе чего парализуется вся благая сторона возстанія. Не перечесть тѣхъ мелкихъ фракцій, которыя, смѣняя и оттѣсняя одна другую, захватывали въ свои руки власть. Примирительное настроеніе, оживлявшее первоначально значительное большинство, ослабѣло вслѣдствіе неудачи переговоровъ, завязанныхъ съ г. Тьеромъ, и центръ движенія перемѣстился въ руки лицъ, видящихъ въ ломкѣ и разрушеніи идеалъ движенія. Прямые продолжатели издавна существовавшей во Франціи партіи, поклоняющейся террору, они съ рѣдкимъ тщаніемъ подражаютъ своимъ образцамъ до мелочей. Написавъ сначала на своемъ знамени либеральный лозунгъ, они обезпечиваютъ себѣ свободу дѣйствія всѣми способами, не задумываясь надъ ихъ значеніемъ; поклонники свободы, они такъ же непринужденно закрываютъ враждебныя газеты, какъ то дѣлывалъ генералъ Винуа, вызвавшій закрытіемъ шести газетъ страшную бурю противъ себя; они вводятъ то же шпіонство, тѣ же оговоры словомъ и дѣломъ, которые процвѣтаютъ въ деспотическихъ государствахъ; они постепенно пропитываютъ всю атмосферу подозрѣніями, доносами, извѣтами, не довѣряютъ другъ другу и вчерашнихъ правителей бросаютъ сегодня въ тюрьму, какъ государственныхъ измѣнниковъ; экзекуціи, обыски и аресты, отбираніе кассъ въ финансовыхъ обществахъ и насильственные займы въ банкахъ—вотъ тѣ разнообразныя преступленія, которыми запятнали себя крайніе вожди движенія. Лучшія народныя силы постепенно отхлынули отъ нихъ; сыновья Гарибальди, вначалѣ сочувствовавшіе цѣли возстанія, поспѣшили прекратить всякое участіе въ немъ; самъ Гарибальди отклонилъ отъ себя выборъ въ главные начальники національной гвардіи и убѣждалъ комуну сосредоточить власть въ однѣхъ рукахъ, не дробя ее между нѣсколькими органами, не довѣряющими другъ другу; «вамъ нужно найти втораго Вашингтона», прибавляетъ Гарибальди, и въ

Digitized by Google

этихъ словахъ, обращенныхъ къ новѣйшимъ террористамъ, звучитъ иронія. Но всѣ совѣты и примирительныя попытки оставались тщетными; Асси и его друзья, осмѣлившіеся открыто совѣтовать умѣренность, были арестованы; Ранъ, быстро выдвинувшійся было впередъ, обѣщавшій будто бы даже втораго Робеспьера, принужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ. Водворилась почти анархія, въ которой ни личность, ни свобода, ни собственность человѣка не были уже обезпечены отъ посягательства. Пользуясь безурядицей, ловкіе авантюристы останавливали людей на улицахъ или врывались, вооруженные револьверами, въ дома, производили реквизиціи, аресты; редакторы либеральныхъ газетъ, съ рѣдкою неустрашимостью продолжавшихъ говоритъ правду въ лице вождямъ террористовъ, очутились въ казематахъ. Военныя дѣйствія, возобновившіяся съ удвоенной силой, довершили несчастія жителей безплоднымъ кровопролитіемъ, потому что способныхъ руководителей войскъ инсургентовъ не оказывалось, а наскоро найденные враждовали другъ съ другомъ. Лишь въ постороннихъ лицахъ, полякахъ Домбровскомъ, Околовичѣ и Врублевскомъ, армія инсургентовъ нашла храбрыхъ и предпріимчивыхъ руководителей, съ помощью которыхъ могла одержать верхъ надъ версальскими войсками въ небольшихъ стычкахъ.

Какъ всегда оказывается при изслѣдованіи народныхъ волненій и междоусобій, легко было бы вначалѣ обоюдными уступками, податливостью на примиреніе отвратить несчастныя событія. Когда, въ первые дни возстанія, адмиралъ Сессе, съ нѣсколькими столь же популярными лицами, сталъ во главѣ партіи мира и на свой страхъ обѣщалъ инсургентамъ принятіе версальскимъ правительствомъ составленныхъ ими условій соглашенія, г. Тьеру оставалось побѣдить обуревающее его отвращеніе къ демагогамъ и показать на дѣлѣ тотъ патріотизмъ, которымъ блещутъ его рѣчи; но, напротивъ того, сдерживаемый реакціоннымъ національнымъ собраніемъ и собственнымъ желаніемъ поддержать свой авторитетъ, Тьеръ отвѣчалъ презрительнымъ отказомъ на предложенія Сессе. Этимъ онъ косвенно поднялъ въ Парижѣ значеніе непримиримыхъ. Когда сформировавшаяся республиканская лига вновь выслала къ нему трехъ депутатовъ, онъ обѣщалъ лишь сохранить жизнь инсургентамъ, за исключеніемъ убійцъ генераловъ Леконта и Клемана Тома; впрочемъ, онъ обѣщалъ распространить и на Парижъ тѣ крохи самоуправленія, которыя національное собраніе нашло нынѣ возможнымъ даровать французскимъ городамъ. Въ послѣднее время, подъ впечатлѣніемъ кровавыхъ схватокъ, истинное значеніе которыхъ доселѣ трудно разгадать,—такъ противорѣчивы реляціи обѣихъ армій,—состоялось перемиріе, вызванное необходимостью похоронить множество убитыхъ, и подъ покровомъ перемирія возобновились переговоры на началахъ, уже изложенныхъ выше. Есть надежда, что на этотъ разъ уступчивость съ обѣихъ сторонъ будетъ значительнѣе: на нее вліяетъ главнѣйшимъ образомъ угрожающее поло-

Digitized by Google

женіе, принимаемое прусаками; князь Бисмаркъ заявилъ версальскому правительству, что, въ случаѣ неуплаты къ 1-му мая опредѣленной части контрибуціи, германскія войска будутъ взимать ее путемъ реквизицій; правительству Тьера поэтому является жизненнымъ вопросомъ скорѣе прекратить распрю съ Парижемъ, которая отнимаетъ у него наличныя денежныя средства и вредитъ всѣмъ финансовымъ операціямъ. Инсургентамъ же грозитъ голодъ вслѣдствіе препятствій, дѣлаемыхъ прусаками подвозу съѣстныхъ припасовъ въ Парижъ, только-что начинавшій оправляться отъ долгаго голода и терпящій, къ тому же, отъ настоящей бомбардировки несравненно болѣе, чѣмъ въ дни нѣмецкой осады; близость прусаковъ точно такъ же стѣсняетъ просторъ дѣйствій инсургентовъ, ограничивая ихъ передвиженія узкой полосой передъ Парижемъ. Всѣ эти условія въ совокупности должны бы повліять на ускореніе исхода печальнаго междоусобія.

Версальское правительство оправдало тѣ опасенія, которыя заявлялись при вступленіи его на поприще: либеральное на словахъ, оно умѣетъ постоять за неприкосновенность своего авторитета не хуже наполеоновскихъ министровъ; заявляя свою приверженность къ республикѣ, оно систематически удаляетъ изъ администраціи всѣхъ лицъ, отличающихся республиканскимъ направленіемъ. Для дѣйствій противъ инсургентовъ, оно безъ разбора принимаетъ въ свою службу всевозможныхъ кондотьеровъ наполеоновской эпохи; на его кличъ стекаются въ Версаль десятками генералы, выражающіе готовность сокрушить непокорныхъ. Даже самъ герцогъ Паликао, министръ-президентъ во дни регентства, удостоилъ посѣтить столицу республиканскаго правительства. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ операціи версальскихъ войскъ отличались особымъ успѣхомъ; въ стычкахъ, въ особенности въ самой кровопролитной изъ нихъ при Нельи, смѣлость натиска заслуживала похвалы; но когда маршалъ Макъ-Магонъ задумалъ сложное движеніе съ цѣлью обойти въ тылъ непріятеля, всѣ подробности плана были тайно сообщены Домбровскому, который поспѣшилъ предотвратить опасность. Такимъ образомъ вступленіе въ Парижъ, заранѣе торжествовавшееся версальцами, осталось въ области миѳовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на дѣйствія Тьера имѣетъ сильное вліяніе ультраконсервативное настроеніе національнаго собранія. Глава исполнительной власти кажется ему слишкомъ либеральнымъ, и правая сторона собранія, подобно войнолюбивымъ генераламъ, ропщетъ на *диктатуру* его. Но въ диктатурѣ и они видятъ спасеніе,—только каждый на свой ладъ; военная партія провозглашаетъ, что судьбы Франціи должны быть вручены человѣку съ неограниченными военными полномочіями, тогда какъ правая сторона желала бы, въ добавокъ, видѣть на челѣ желаемаго ею диктатора корону и составляетъ какъ-бы лигу для возстановленія монархическаго принципа. Напрасно безпристрастные люди останавливаютъ этихъ реставраторовъ, представляя имъ (какъ то сдѣлалъ профессоръ

Digitized by Google

Эмиль Аколла въ письмѣ къ одному изъ членовъ правой, надѣлавшемъ впечатлѣнія), что водвореніе монархіи повело бы къ величайшимъ бѣдствіямъ и нескончаемымъ междоусобіямъ; напрасно указываютъ имъ, что при рѣзко выказавшемся республиканскомъ настроеніи городовъ, добивающихся полной автономіи, невозможно прочное существованіе монархіи, а напротивъ есть вѣроятность постоянныхъ столкновеній горожанъ республиканцевъ съ консервативнымъ и болѣе склоннымъ къ монархіи сельскимъ людомъ. Рвеніе не по разуму воспламеняетъ монархистовъ, которые съ нѣжностью манятъ снова во Францію орлеанскихъ принцевъ, тогда какъ извѣстная фракція ведетъ сношенія съ наполеонидами. Настроеніе консерваторовъ столь озлоблено противъ парижскихъ инсургентовъ, что, по свидѣтельству корреспондента «Indépendance Belge», во время военныхъ дѣйствій часто требуются чрезмѣрныя усилія, чтобы подавить вспышки неистово усмиряющаго *бѣлаго террора*, который чуть ли не хуже краснаго.

Торжество прусаковъ не могло также не отразиться на извѣстнаго рода порабощеніи политики французскаго министерства внушеніямъ прусскихъ государственныхъ людей. Угрозы и представленія, дѣлаемыя изъ Версалю, приводятъ въ смущеніе правительство Тьера. Грозная германская нота побудила Тьера ускорить давно предположенный дружный натискъ на Парижъ; требованіе немедленной уплаты первой доли военнаго вознагражденія не только вызвало поѣздку Жюля Фавра въ Руанъ къ генералу Фабрису, служащему представителемъ князя Бисмарка, но чуть не имѣло слѣдствіемъ путешествіе Фавра въ Берлинъ для умилостивленія разгнѣваннаго бога. Имперскій канцлеръ недоволенъ также медленностью хода окончательныхъ переговоровъ о мирѣ, выразивъ въ рѣчи, сказанной въ нѣмецкомъ сеймѣ, сомнѣніе насчетъ искренности французской политики, желающей затянуть переговоры, выиграть время, и, давъ Франціи оправиться, добиться болѣе почетныхъ условій. Неизвѣстно, что сочтутъ необходимымъ въ Версалѣ для отклоненія этой новой грозы.

Германское правительство не скрываетъ желанія скорѣйшаго подавленія возстанія въ Парижѣ. Оно предлагало даже г. Тьеру помощь своихъ войскъ и, если вѣрить «Крестовой Газетѣ», дѣйствовало такъ по совѣту Англіи, представитель которой, лордъ Лофтусъ, отъ имени своего правительства, освѣдомлялся, не найдетъ ли Германія нужнымъ вмѣшательство во имя общаго спокойствія. Но г. Тьеръ, зная, какъ пагубно отозвался бы на его репутаціи этотъ призывъ чужеземцевъ для обузданія внутреннихъ раздоровъ, имѣлъ благоразуміе отклонить вмѣшательство. Впрочемъ, сами прусаки, на свой страхъ, содѣйствуютъ усмиренію возстанія: они берутъ военноплѣнными депутатовъ комуны, отправлявшихся въ Версаль; они посылаютъ ультиматумы вождямъ инсургентовъ и не допускаютъ подвоза продовольствій. Отъ Франціи и буйнаго ея народа они

Digitized by Google

ждутъ всего; можно себѣ представить всю степень паническаго страха, который долженъ былъ наполнять неустрашимыхъ германскихъ полководцевъ, судя по предосторожности, употребленной (какъ теперь стало извѣстно) при возвратномъ пути императора черезъ Францію; на значительномъ разстояніи передъ поѣздомъ высылаемъ былъ постоянно особый локомотивъ, который долженъ былъ обнаружить, не испорчены ли рельсы какими нибудь франтирерами или другими демагогами, или не сдѣлано ли какихъ либо другихъ препятствій императорскому путешествію.

Но если Пруссія опасается народныхъ волненій вчужѣ, то частью на опасенія ея вліяетъ сознаніе, что крайняя партія и рабочее движеніе въ самой Германіи чутко прислушиваются къ происходящему въ Парижѣ. Стремясь затушить чуждое движеніе, правительство зорко слѣдитъ за проявленіями недовольства и свободомыслія у себя. Лишь недавно выпущены изъ крѣпости брауншвейгскіе соціалисты-демократы, осмѣлившіеся еще въ началѣ войны обнародовать воззваніе въ пользу мира. Въ нѣмецкомъ сеймѣ предложеніе католическаго центра относительно установленія основныхъ правъ (Grundrechte) и принциповъ гражданской свободы встрѣтило рѣзкій отпоръ въ правительственной партіи, и, не смотря на либеральныя рѣчи епископа Кеттелера и баварскаго депутата Грейля, требовавшихъ свободы и равноправности для всѣхъ исповѣданій, установленіе основныхъ правъ отвергнуто и произволу дано еще въ волю повластвовать. Національному движенію поляковъ нанесенъ также рѣзкій ударъ заявленіемъ Бисмарка, по поводу поправки, внесенной польскими депутатами для измѣненія первой статьи новой нѣмецкой конституціи. Депутатъ Жолтовскій съ товарищами предложилъ вставить въ проектъ конституціи, послѣ упоминанія о принадлежности къ общенѣмецкому государству Пруссіи и Лауэнбурга, слова: «за исключеніемъ польскихъ областей, находящихся подъ владычествомъ Пруссіи»; они ссылались на то, что еще актъ вѣнскаго конгреса торжественно призналъ національно-политическую отдѣльность поляковъ отъ Германіи; на многочисленные протесты, коими польскіе представители всегда заявляли на прусскихъ сеймахъ свои права; на самый принципъ національностей и историческаго права, опираясь на который, Пруссія вышла побѣдительницей изъ войны; наконецъ, на тронную рѣчь, обѣщавшую уважать независимость другихъ народностей, какъ великихъ, такъ и незначительныхъ. Въ отвѣтъ на эту поправку, мотивированную въ весьма умѣренныхъ выраженіяхъ, поляки услышали отвѣтъ имперскаго канцлера, превзошедшій своею беззастѣнчивостью и цинической грубостью всѣ подобныя заявленія, слышанныя ими въ сеймѣ. Онъ отрицалъ ихъ національность, утверждая, что въ прусскомъ государствѣ знаетъ лишь одну національность—*прусскую*; отрицалъ ихъ право считать себя представителями своего племени, которое блаженствуетъ подъ скипетромъ прусскимъ и не знаетъ ничего лучше проливанія крови за нѣмецкое національное дѣло; онъ призналъ

Digitized by Google

ихъ лишь призванными стоять за католическіе интересы своихъ избирателей, и, чтобъ переполнить чашу, выставилъ цѣлый рядъ польскихъ прегрѣшеній, притѣсненій ими русскихъ, литовцевъ, даже нѣмцевъ. Къ этой рѣчи, звучащей странно въ устахъ человѣка, которому можно было бы не мало начесть соотвѣтствующихъ дѣяній, присоединился еще не въ мѣру усердный депутатъ Геннигъ, который довершилъ тягостное впечатлѣніе всего этого поучительнаго эпизода дикимъ глумленіемъ надъ господами поляками, насмѣшками надъ ихъ алчностью, которая завтра запроситъ, пожалуй, себѣ и всю Силезію, благо тамъ когда-то царили Пясты. Поляки стойко защищались, протестуя противъ отрицанія своей народности, взывая къ справедливости либеральной части сейма, къ принципамъ свободы, ею заявляемымъ, защищая правильность своего избранія и связь своихъ заявленій съ желаніями своего народа. Князь Бисмаркъ бросилъ въ отвѣтъ имъ нѣсколько дерзкихъ, полупрезрительныхъ словъ, и поправка была единодушно отвергнута громаднымъ большинствомъ: лишь два нѣмецкихъ депутата присоединились къ голосамъ поляковъ. Пруссія произнесла, такимъ образомъ, свое pas de réveries полякамъ. Пока война была еще въ ходу и раздражать ихъ національное чувство было неразумно, тотъ же канцлеръ находилъ возможнымъ спускаться съ своего пьедестала къ гонимымъ нынѣ представителямъ польскаго народа, сулить имъ въ будущемъ что-то хорошее, заманчивое, но которое давалось только предчувствовать, а не осязать; слухи о томъ заносились даже въ Галицію, и толки о возстановленіи Польши, при помощи Пруссіи, многимъ кружили головы. Теперь надобность въ полякахъ прошла, осторожность не нужна, маску прочь—и къ дѣлу безъ околичностей; «вы не народъ, у васъ нѣтъ ничего, кромѣ заблужденій, фикцій; вы самозванцы, вы клерикалы»,—звучитъ рядъ насмѣшекъ надъ предметами недавняго заигрыванья. Неужели и это тяжкое пораженіе не можетъ отвлечь поляковъ отъ безплоднаго исканія выхода не тамъ, гдѣ сама судьба его указываетъ? Неужели неисполненіе надеждъ, возлагавшихся сначала на Францію, затѣмъ на Германію, не приведетъ ихъ къ сознанію, что только на почвѣ славянства возможно ихъ обновленіе? И мессіанизмъ и макіавеллизмъ устарѣли и не спасутъ ихъ; сколько бы министровъ польскихъ дѣлъ ни натворили въ Цислейтаніи, хрупкость самой Цислейтаніи не даетъ гарантіи прочности сдѣлки. Будемъ же неустанно стучаться въ замурованныя отъ насъ двери,—быть можетъ, придетъ же пора, когда по евангельскому реченію, отверзется намъ.

Не смотря на торжественное обѣщаніе тронной рѣчи не мѣшаться въ дѣла чуждыхъ странъ, задоръ, порожденный необычайнымъ усиленіемъ Германіи, растетъ и отражается на разнообразныхъ поползновеніяхъ увеличить ея предѣлы. Во многихъ органахъ патріотической печати заявляется уже желаніе присоединенія Гельголанда, какъ важной морской станціи для нѣмецкаго флота; къ правительству взываютъ о необходимости

Digitized by Google

завязать по этому вопросу переговоры съ Англіей. Въ то же время, изъ полусловъ и глухихъ толковъ, тщательно, впрочемъ, опровергаемыхъ офиціальными люксембургскими газетами, ясно, что переговоры о присоединеніи Люксембурга въ полномъ и успѣшномъ ходу, и что только противодѣйствіе со стороны державъ-поручительницъ препятствуетъ пока поглощенію великаго герцогства германскимъ Молохомъ. Жажда новыхъ приращеній буквально обуреваетъ нѣмецкихъ патріотовъ; въ весьма характеристичномъ, въ этомъ отношеніи, засѣданіи берлинскаго сейма 5-го апрѣля, одинъ ораторъ за другимъ давалъ волю своимъ мечтаніямъ, вызывая правительство къ скорѣйшему возсоединенію всѣхъ нѣмцевъ. Графъ Франкенбергъ и депутатъ Микель требовали соединенія съ цислейтанскими нѣмцами и предлагали выразить имъ симпатіи сейма. Депутатъ Марквардсенъ, вспоминая объ оскорбленіи нѣмецкой чести въ Цюрихѣ, выразилъ надежду, что, въ случаѣ неудовлетворительнаго исхода процеса, нѣмецкое правительство подастъ энергическую помощь піонерамъ нѣмецкаго движенія въ Швейцаріи.... Цислейтанія же безъ оговорокъ считается законнымъ достояніемъ германской имперіи. Интересы славянъ и близкіе къ нимъ русскіе считается возможнымъ или игнорировать, или отвести имъ иной, безопасный стокъ. Въ такомъ родѣ разглагольствуетъ берлинская брошюра «Russland und Deutschland», рекомендующая Россіи посвятить себя дѣламъ Востока и оставить славянъ ихъ судьбѣ. Брошюра эта, по словамъ петербургскихъ газетъ, произвела у насъ большое впечатлѣніе въ извѣстныхъ сферахъ. Что-жь, въ добрый часъ!...

Въ виду кажущагося неотвратимымъ поглощенія Цислейтаніи нѣмецкой имперіей, австрійское правительство употребляетъ послѣднія силы для того, чтобы внутреннимъ соглашеніемъ достигнуть на столько крѣпости, чтобы смочь продлить независимое и нераздѣльноесу ществованіе имперіи. Всѣ попытки министерства Гогенварта ясно обнаруживаютъ это стремленіе. При всѣхъ своихъ добрыхъ замыслахъ, оно поставлено межъ двухъ огней; стараясь заручиться расположеніемъ политической и національной оппозиціи, оно не можетъ въ то же время неосторожно раздражать нѣмецкую партію, громко вопіющую противъ него и симпатизирующую Берлину. Поэтому на два шага впередъ оно дѣлаетъ шагъ назадъ, что, конечно, не особенно содѣйствуетъ успѣху политики. Открытыя германскія симпатіи министерство готово карать и, по полученіи извѣстій объ основаніи тайнаго общества, имѣющаго цѣлью отторженіе Цислейтаніи, приняло рѣшительныя мѣры противъ него. Но въ чисто-домашнихъ дѣлахъ оно не рѣдко дѣлаетъ промахи изъ одной боязни возстановить противъ себя нѣмцевъ. Не смотря на различныя обѣщанія, министръ народнаго просвѣщенія, чехъ родомъ, не сдѣлалъ ни шагу для возстановленія національнаго характера пражскаго университета и вмѣсто строгихъ мѣръ противъ одного изъ его профессоровъ, нахально воспѣвающаго въ латинскихъ одахъ своего германскаго императора и призывающаго съ жаромъ

Digitized by Google

минуту подчиненія ему всѣхъ нѣмцевъ, нарядилъ строгое слѣдствіе противъ студентовъ, раздраженныхъ такимъ безнаказанно вызывающимъ тономъ; въ виду общаго недовольства новыми школьными уставами въ Чехіи, насилу состоялось распоряженіе о составленіи коммисіи свѣдущихъ людей для разсмотрѣнія этихъ уставовъ (enquête-commission). Наконецъ, заботливое охраненіе и лелѣяніе давно устарѣвшаго аппарата имперской думы, непригодность котораго для дѣла соглашенія очевидна, безцѣльно раздражаетъ оппозицію. Старая закваска такъ прошла насквозь весь офиціальный строй Австріи, что министерству приходится не разъ исправлять излишне ревностныя ошибки своихъ агентовъ. Такова, на примѣръ, исторія курьезныхъ статей офиціознаго пражскаго «Abendblatt», который принялся, съ легкой руки Бисмарка, втолковывать чехамъ о необходимости отрекаться отъ всякой иной національности, кромѣ новоизобрѣтенной имъ *австрійской*, о томъ, что излишнее потворство національному движенію гибельно для блага страны и т. д. Чешская печать отвѣчала на этотъ категорическій тонъ, въ которомъ слышалось какъ-бы настроеніе министерства, цѣлою бурей негодованія. «Народные Листы» поставили на видъ правительству, что, слѣдуя этимъ неразумнымъ началамъ, оно само подкопаетъ основаніе бытія Австріи; еслибы чехи онѣмечились, говорила эта газета, то распаденіе Австріи было бы тѣмъ только ускорено, такъ какъ нѣмецкія притязанія получили бы тѣмъ большій смыслъ и значеніе. Министерство нашлось вынужденнымъ остановить излишнюю пылкость своего пражскаго публициста, и въ той же газетѣ напечатать успокоительное объясненіе.

Отношенія кабинета Гогенварта къ чехамъ продолжаютъ быть по прежнему неясными. О переговорахъ, веденныхъ съ Ригеромъ, неизвѣстно ничего положительнаго; газеты, смотрящія на дѣло соглашенія съ нѣсколько оптимистской точки зрѣнія, какъ, на прим., «Zukunft», увѣряютъ, что результатъ переговоровъ на столько уже удовлетворителенъ, что вскорѣ послѣдуетъ рядъ существенныхъ уступокъ чехамъ и въ томъ числѣ назначеніе министра чешскихъ дѣлъ. Пока ничто еще не подтверждаетъ этихъ слуховъ, а тонъ чешской печати по отношенію къ министерству вовсе не отражаетъ въ себѣ примирительнаго настроенія. Неясность будущности, ожидающей Чехію, которая окружена нѣмецкимъ населеніемъ, тяготѣющимъ къ своему общему отечеству, служитъ, по видимому, главнымъ препятствіемъ взаимному желанію договориться. Въ этомъ отношеніи не лишенъ интереса проектъ, появившійся въ миланской «Perseveranza», но идущій, вѣроятно, изъ чешскаго лагеря и встрѣченный довольно сочувственно чешскою печатью. Опираясь на анализъ взаимныхъ отношеній государствъ средней и восточной Европы, составитель проекта предлагаетъ устранить источникъ многихъ неизбѣжныхъ столкновеній, *нейтрализовавъ* чешское королевство, подобно Швейцаріи или предполагавшемуся первоначально устройству Эльзаса и Лотарингіи. Если это мнѣніе не личное,

Digitized by Google

но составляетъ часть чешской програмы, то нельзя не признать, что оно представляетъ остроумный способъ уберечь Чехію отъ захвата; но подобная нейтрализація разобщила бы чеховъ отъ прочихъ славянъ и лишила бы ихъ возможности подать имъ свою помощь въ національномъ ихъ освобожденіи. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы чешская печать опредѣленнѣе высказалась объ этомъ планѣ.

Пока соглашеніе съ чехами еще не подвинулось ни на шагъ, министерство продолжаетъ дѣлать попытки къ сближенію съ прочею оппозиціей. Въ этомъ духѣ придумана была новая поѣздка императора въ Тироль съ распространеніемъ ея и на южную, итальянскую его часть (Trentino). Стремленіямъ итальянскаго Тироля обособиться отъ сѣвернаго, нѣмецкаго, австрійское правительство до нѣкоторой степени удовлетворило уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ учрежденіемъ особаго отдѣла тирольскаго намѣстничества въ Тридентѣ; но итальянская партія не довольствуется этимъ и хочетъ полнаго отдѣленія, съ самостоятельнымъ управленіемъ, своимъ сеймомъ и т. д. Неизвѣстно, на сколько новый кабинетъ расположенъ былъ исполнить эти желанія, организовавъ императорское путешествіе; очевидно только, что удовлетворить всей мѣрѣ требованій не входило въ его виды. Императоръ, сочувственно принятый повсюду, былъ какъ-бы озадаченъ тѣми ходатайствами въ упомянутомъ смыслѣ, которыми утрудили его различныя депутаціи городовъ и общинъ. Онъ отвѣчалъ лишь указаніемъ на свою роль конституціоннаго монарха и обѣщаніемъ передать просьбы на разсмотрѣніе законнымъ порядкомъ, а въ то же время поспѣшно вызвалъ къ себѣ графа Гогенварта на помощь для болѣе подробныхъ объясненій съ вождями итальянскаго движенія.—Другою попыткой къ соглашенію была уступка, сдѣланная галицкимъ полякамъ назначеніемъ депутата Грохольскаго министромъ безъ портфеля съ правомъ завѣдыванія галицкими дѣлами. Это назначеніе, въ которомъ видятъ предвѣстіе назначенія ряда другихъ *земскихъ* министровъ, произвело въ польскихъ сферахъ благопріятное впечатлѣніе, хотя ни отъ кого не ускользнуло, что удовлетворенное тѣмъ требованіе составляетъ меньшую долю народныхъ желаній, заявленныхъ въ сеймовой резолюціи. Правительство обѣщаетъ полякамъ въ скоромъ времени назначить намѣстника изъ рядовъ національной партіи, не опредѣлять нѣмецкихъ професоровъ въ львовскій университетъ,—словомъ, какъ это было всегда въ Австріи, оказывается несравненно податливѣе на уступки полякамъ, чѣмъ на удовлетвореніе справедливыхъ требованій другихъ народовъ. Оно, по видимому, снова хочетъ пренебречь мирною и лояльною русскою частью населенія Галиціи, не смотря на обѣщанія, сдѣланныя русской депутаціи, посѣтившей въ минувшемъ мѣсяцѣ Вѣну. Ни въ административномъ, ни въ учебномъ, ни въ церковномъ вѣдомствѣ не сдѣлано того, чего просила депутація. Но силы русской партіи начинаютъ замѣтно крѣпнуть; политическое общество «Русская рада» разростается съ

Digitized by Google

каждымъ днемъ, и на собраніяхъ, ею устраиваемыхъ въ Львовѣ, собираются до 800 представителей различныхъ мѣстностей восточной Галиціи,—цифра громадная, если принять во вниманіе отсутствіе политической жизни у русскихъ и первоначальную робость движенія. Число участвующихъ на подобныхъ сходкахъ, гдѣ обсуждаются различные національные вопросы, увеличивается столь значительно, что зала Русскаго Народнаго Дома становится тѣсною, и предполагается устраивать русскіе митинги подъ открытымъ небомъ. Быть можетъ, въ виду рѣшительнаго и дружнаго направленія, принимаемаго русской агитаціей, измѣнятся и отношенія къ ней правительства, которое, слыша отъ галичанъ постоянныя увѣренія въ непоколебимой вѣрности престолу и отечеству, слишкомъ привыкло считать ихъ своими послушными орудіями.

Digitized by Google

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНІЕ.

(Письмо въ редакцію)

Прочитавши въ послѣднемъ (III) № «Бесѣды», на стр. 16 и 17 внутренняго обозрѣнія, выходки противъ русской обязательной общины и противъ тѣхъ «либераловъ», которые ее защищаютъ, я пришелъ въ недоумѣніе, что̀ считать мнѣніемъ редакціи журнала: то ли, что высказано его редакторомъ-издателемъ въ статьѣ: «Въ чемъ наша задача?», или то, что̀ напечатано въ упомянутомъ обозрѣніи? Это мое недоумѣніе раздѣляется и другими, которые вполнѣ сочувственно отнеслись къ новому изданію, обѣщавшему преимущественно трудиться на русской исторической и современной почвѣ, и на ней главнѣйше основывать свои мнѣнія и предположенія. Хотя, признаться, я почти не сомнѣваюсь, въ чемъ заключается настоящее мнѣніе редакціи по сему предмету; однако, дорожа тѣмъ единомысліемъ по главнымъ нашимъ бытовымъ вопросамъ, которое, съ перваго появленія «Бесѣды», составляетъ отличительную ея черту, я не желаю, чтобы кто нибудь могъ сомнѣваться въ убѣжденіяхъ ея редакціи, по существеннымъ предметамъ нашего быта, и въ цѣляхъ, къ которымъ она стремится. Вѣроятно, въ вышеуказанномъ противорѣчіи кроется какое либо недоразумѣніе; а потому рѣшаюсь покорнѣйше ее просить—положительнымъ разъясненіемъ устранить могущія быть сомнѣнія насчетъ послѣдовательности въ мнѣніяхъ глубоко уважаемой редакціи.

Признаю вполнѣ желательнымъ, чтобы духъ свободныхъ товариществъ или артелей какъ можно болѣе у насъ развивался, усиливался, утверждался и распространялся. Это ни мало не противорѣчитъ нашему общинному устройству, вполнѣ согласно съ духомъ нашего народа и находитъ для себя обильную пищу въ его склонностяхъ и понятіяхъ. Но я никакъ не вижу, почему, сочувствуя свободнымъ товариществамъ,

Digitized by Google

необходимо быть враждебнымъ обязательной поземельной общинѣ; почему она должна уступить мѣсто первымъ, и какимъ образомъ община можетъ и должна преобразоваться въ учрежденіе, свободно возникающее и, слѣдовательно, могущее свободно быть упраздненнымъ. Мнѣ кажется, что поземельная община и всякія товарищества или артели суть два учрежденія, совершенно различныя, другъ отъ друга независимыя, *вполнѣ могущія существовать* въ одномъ и томъ же мѣстѣ и едва ли когда либо имѣющія слиться. Думаю, что товарищества должны у насъ тѣмъ легче развиваться и тѣмъ плодотворнѣе дѣйствовать, чѣмъ почва для нихъ болѣе подготовлена и укрѣплена обязательною общиною; и не полагаю, чтобы когда либо они могли развиться и устроиться въ видѣ, содѣлывающемъ общину *не нужною* и ставящемъ ихъ на ея мѣсто.

Поземельная община не можетъ не быть обязательною, не только теперь, при уплатахъ за выкупъ, но и впослѣдствіи, когда эти взносы прекратятся. Допускать, что она подлежитъ упраздненію, значитъ не понимать ея настоящаго значенія. Главная суть и главное достоинство общины заключаются въ обязательной связи ея членовъ, въ ихъ равно- и полноправности и въ обладаніи общимъ имуществомъ, обезпечивающимъ имъ, хотя до нѣкоторой степени, уголъ и пропитаніе. Очень хорошо, что законъ дозволяетъ, по приговору двухъ третей всѣхъ членовъ схода, замѣну общиннаго землевладѣнія участковымъ. Этимъ отнятъ у этого учрежденія характеръ внѣшней обязательности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно поставлено подъ охрану народнаго духа и быта; и теперь всякій, не желающій быть въ общинѣ, можетъ изъ нея выйти, исполнивъ извѣстныя условія, которыя въ настоящее время, при взносахъ за выкупъ, нѣсколько тяжки, но которыя со временемъ, по окончаніи этихъ платежей, сдѣлаются совершенно легкими и даже весьма выгодными. Теперь община налагаетъ на своихъ членовъ болѣе обязанностей, чѣмъ предоставляетъ имъ правъ; тогда будетъ совершенно на оборотъ. Впрочемъ, уже и теперь, во многихъ губерніяхъ, выкупные платежи за землю составляютъ половину или двѣ трети существующихъ наемныхъ платъ за землю. Что же касается до отвѣтственности богатыхъ за бѣдныхъ недоимщиковъ, о которой такъ много и такъ охотно говорятъ въ журналахъ, то, на дѣлѣ, она вовсе не такъ тяжка, какъ ее представляютъ: при полновластіи сходовъ, не выплачиваетъ своей доли повинностей и выкупныхъ взносовъ только тотъ, кто совершенно не въ состояніи ихъ отбыть и кто, во всѣхъ краяхъ, даже и безъ поземельной общины, имѣетъ право на общественную помощь и благотворительность. Не надо забывать, что только община могла внушить мысль объ освобожденіи крестьянъ *съ землею* и дать возможность, безъ революціоннаго потрясенія, безъ разоренія помѣщиковъ и безъ обремененія казны, привести въ исполненіе это благое и великое дѣло. Пожалуй, скажутъ, что въ Пруссіи и въ нашихъ привислянскихъ и западныхъ губерніяхъ

Digitized by Google

крестьянство надѣлено землею, хотя въ этихъ мѣстностяхъ обязательной общины и не существуетъ. На это мы замѣтимъ, что въ Пруссіи далеко не все крестьянство надѣлено землею, что тамъ большинство крестьянъ обработываетъ чужую землю и своей не имѣетъ, и что тамъ сельскіе рабочіе находятся далеко не въ обезпеченномъ положеніи. Что же касается до Привислянскаго края, то тамъ надѣленіе крестьянъ землею произведено революціонно,—такъ, какъ сдѣлало то возможнымъ вспыхнувшее тамъ возстаніе, т. е., не по собственной мысли страны и не ея внутренними средствами, а по толчку, данному извнѣ, и при содѣйствіи людей, призванныхъ изъ другихъ частей имперіи. Почти то же должно сказать и о западныхъ губерніяхъ; и къ этому должно присовокупить, что ни тутъ, ни тамъ участь крестьянства не вполнѣ обезпечена; что въ обѣихъ мѣстностяхъ имѣются безземельные крестьяне, и что число ихъ, не малое и теперь, должно постоянно возрастать, не только вслѣдствіе естественнаго умноженія народонаселенія, но и по тому, что немногіе изъ безземельныхъ пріобрѣтутъ себѣ землю покупкою, и что многіе изъ нынѣ надѣленныхъ землею въ личную собственность или продадутъ свои участки по добровольнымъ сдѣлкамъ, или лишатся земли вслѣдствіе долговыхъ взысканій, которыя будутъ противъ нихъ предъявлены.

Въ Европѣ крестьянство изъ всѣхъ состояній есть то, которое всего менѣе самостоятельно; даже во Франціи, гдѣ поземельная собственность весьма раздроблена, сельское населеніе не имѣетъ почти никакого своего мнѣнія и голоса и составляетъ орудіе, вполнѣ и всегда пригодное къ утвержденію власти въ рукахъ Наполеоновъ и имъ подобныхъ. Наше сельское населеніе, даже при крѣпостномъ правѣ, было самостоятельно и сохранило народный духъ, народные нравы и обычаи, и этимъ, конечно, оно обязано своему общинному устройству. Неужели тяжелыя времена для крестьянства и для русской земли вообще уже безвозвратно миновали, и теперь можно выкинуть за бортъ это испытанное, въ народномъ духѣ коренящееся, учрежденіе, и слѣдуетъ вмѣсто его водворить какія-то сочиненныя, еще испытанію подлежащія товарищества? Но могутъ намъ замѣтить, что никто не требуетъ насильственной замѣны обязательной общины свободнымъ товариществомъ, и что только выставляется послѣднее какъ идеалъ, къ которому общественное устройство должно стремиться. Но и въ этомъ смыслѣ такое мнѣніе не заслуживаетъ одобренія, во первыхъ, по тому, что извѣстно, какъ у насъ, въ «цивилизованной» средѣ, склонны къ ломкѣ всего стараго, а во вторыхъ, по тому, что мысль невѣрна въ своемъ существѣ.

Я уже сказалъ, что община не можетъ не быть обязательною; товарищества же должны непремѣнно быть свободными. Они должны имѣть право принимать и исключать членовъ свободно, по баллотировкѣ или инымъ, согласіе выражающимъ, способомъ. Члены товарищества должны

Digitized by Google

быть состоятельными, иначе оно должно рушиться. Въ этомъ—въ свободѣ пріема и исключенія членовъ и въ ихъ состоятельности—вся сила, все значеніе товарищества. Спрашивается: какъ сельская община можетъ не заключать въ себѣ людей несостоятельныхъ и устранять ихъ изъ своей среды? Вотъ почему я не понимаю, какъ по предположенію, высказанному на стран. 17 упомянутой статьи, волость и товарищество могутъ слиться, и какимъ образомъ можетъ быть на послѣднее перенесено административное и политическое значеніе первой? Такое преобразованіе было бы равносильно уничтоженію товарищества, ибо оно превратилось бы въ обязательную общину. Не говорю, что никакое правительство не можетъ допустить существованіе такихъ шаткихъ административныхъ и политическихъ единицъ, которыя нынѣ образуются, а завтра могутъ упразднпться; но онѣ, сами по себѣ, немыслимы: какъ государства образуются не въ силу добровольнаго согласія, въ договорѣ изъявленнаго, а въ силу естественнаго, мало отъ воли людей зависящаго хода вещей, такъ и община, не только русская, но и всякая самая свободная западно-европейская, есть произведеніе менѣе воли человѣческой, чѣмъ обстоятельствъ, по большей части, отъ нея не зависящихъ. Даже вновь учреждающіяся колоніи подобны товариществамъ, т. е., свободны только во время своего основанія, а затѣмъ не только для потомства, но и для самихъ основателей онѣ становятся обязательными учрежденіями. Русская община для своихъ членовъ болѣе обязательна, чѣмъ западная, но зато она обезпечиваетъ имъ болѣе правъ и выгодъ. Въ крѣпости нашей общины, думаю, заключаются и сила и значеніе самаго нашего государства.

Знаю, что многимъ особенно не нравится существующее на Руси общинное землевладѣніе, которое они считаютъ препятствіемъ къ успѣхамъ земледѣлія и оковами къ выходу членовъ изъ общества. И на этотъ счетъ я совершенно иного мнѣнія. Я думаю, что общинное землевладѣніе ни теперь, ни въ будущемъ не препятствуетъ и не будетъ препятствовать крестьянамъ вести свое хозяйство такъ, какъ желаютъ. Трехпольное хозяйство есть господствующее не у однихъ крестьянъ, а и у самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и едва ли оно не есть теперь у насъ самое разумное и самое выгодное. Удобреніе крестьянскихъ земель едва ли не идетъ успѣшнѣе, чѣмъ у землевладѣльцевъ, и надо сознаться, что крестьяне весьма разумно приноравливаютъ свои передѣлы полей къ тому, чтобы свѣжій навозъ оставался въ пользу того, кто его вывезъ. При устройствѣ плотинъ и прудовъ, при рытіи канавъ, при возведеніи изгородей и проч., общины несравненно лучше распоряжаются, чѣмъ могли бы то сдѣлать личные мелкіе землевладѣльцы. Въ будущемъ, при произведеніи подземныхъ осушительныхъ канавъ или трубъ (что неизбѣжно въ Новгородской, Тверской и другихъ губерніяхъ, и при устройствѣ орошенія полей и луговъ (что весьма желательно и, въ нѣ-

Digitized by Google

которыхъ случаяхъ, возможно въ Рязанской, Тамбовской и другихъ губерніяхъ), общинное землевладѣніе должно оказать великія къ тому удобства и заслуги. При немъ все это дѣлается по приговору схода несравненно легче, чѣмъ при личномъ мелкомъ землевладѣніи, когда сотню независимыхъ лицъ должно привести къ общему соглашенію. Самъ авторъ упомянутой статьи говоритъ, что товарищества у насъ легко развиваются въ крестьянствѣ по милости существующаго въ немъ общиннаго духа, что́ вполнѣ справедливо; такъ для чего же и какъ же, въ виду будущихъ неизвѣстныхъ благъ, побуждать крестьянство къ лишенію себя такого благотворнаго воспитателя и помощника?

Не пугаетъ ли нѣкоторыхъ слово «обязательная», прилагаемое къ общинѣ, и не видятъ ли они въ немъ того, чего въ немъ нѣтъ? Община, конечно, обязательна, и нельзя ее уничтожить, пока имѣются люди, живущіе на выкупленной или отведенной имъ землѣ; но выходъ изъ общины возможенъ для всякаго. Правда, теперь выходъ изъ общества связанъ съ исполненіемъ нѣкоторыхъ условій; но спрошу, что́ для крестьянства лучше: получить безусловную и немедленную свободу выхода изъ общества и, слѣдовательно, право кочевать по пространной нашей имперіи, или подвергнуться временнымъ въ этомъ отношеніи ограниченіямъ, но зато обезпечить всему своему состоянію прочную осѣдлость? Въ частныхъ случаяхъ, могутъ при этомъ быть несправедливости, стѣсненія и пр., что при всякомъ преобразованіи неизбѣжно; но вообще нельзя не радоваться, что у насъ, по милости уцѣлѣвшаго общиннаго устройства, освобожденіе крестьянъ совершилось такъ, какъ нигдѣ. Эти страхи, внушаемые *обязательностью* общины, не происходятъ ли отъ того, что мы читаемъ болѣе сочиненія иностранныя, чѣмъ великую книгу нашего народнаго быта?

Русская община и общинное землевладѣніе имѣютъ свои недостатки,— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. И то и другое должны, согласно обстоятельствамъ, измѣняться и совершенствоваться. Устройство и общины и общиннаго землевладѣнія не только не одинаково на сѣверѣ, на востокѣ и въ серединѣ имперіи, но оно весьма разнообразно въ одной и той же губерніи, въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Наши общины и ихъ землевладѣніе устроены такъ, какъ того требуютъ нужды крестьянъ и мѣстныя обстоятельства; они исполнены жизни и крѣпки по тому именно, что въ нихъ нѣтъ ничего навязаннаго извнѣ, и что все въ нихъ вышло само собою, изъ крестьянскаго быта. Горе имъ и намъ, если мы вздумаемъ ихъ расформировать, регламентировать и втискивать въ нихъ наши теоретическія измышленія или гдѣ-то схваченныя и къ дѣлу вовсе не идущія усовершенствованія... Община, какъ учрежденіе живое, не отстанетъ отъ общаго умственнаго и матеріальнаго развитія народа и съумѣетъ и безъ насъ, премудрыхъ, и съ помощью людей простыхъ, ее составляющихъ, прилаживаться къ новымъ нуждамъ и желаніямъ крестьянства.

Digitized by Google

Авторъ упомянутой статьи, во внутреннемъ обозрѣніи, насмѣшливо называетъ «либералами» защитниковъ сельской общины и упрекаетъ ихъ въ изученіи чужой исторіи и незнаніи своей, въ слѣпотѣ относительно настоящаго и въ пребываніи въ прошедшемъ и пр. Не болѣе ли кстати эти упреки обратить и сказанное званіе примѣнить къ тѣмъ, которые не видятъ и не цѣнятъ живаго учрежденія у себя дома и восторгаются учреждающимися въ Германіи, съ большимъ трудомъ и съ тратою значительнаго времени, ссудными товариществами, и которые, погруженные въ чужое прошедшее и настоящее, упускаютъ изъ вида *свое* настоящее и еще болѣе *свое* будущее? Впрочемъ, еще разъ оговариваюсь: мы вовсе не противъ товариществъ ссудныхъ и другихъ, желаемъ имъ полнаго успѣха и готовы всячески содѣйствовать ихъ учрежденію и распространенію; но ихъ область—промышленность и торговля, а не администрація и не крестьянскій бытъ вообще. Этою мыслію необходимо глубоко проникнуться, ибо только при этомъ условіи мы будемъ въ настоящихъ отношеніяхъ и къ общинѣ и къ товариществамъ.

Едва ли мы, защитники русской общины, заслуживаемъ званія «либераловъ», ибо мы—вовсе не за свободу, отпускаемую по рецептамъ и изготовляемую своего рода аптекарями, а равно и не за свободу неограниченную, захватываемую для себя и влекущую неволю для другихъ. Мы также не за свободу, дающую права и не возлагающую обязанностей, простирающую свои домогательства на все и не основанную на твердыхъ, положительныхъ началахъ. Мы—за весьма простую свободу, т. е., за свободу жить, какъ намъ хочется, не стѣсняя и другихъ жить, какъ имъ хочется, развивать свои мысли и способности, не мѣшая и другимъ дѣлать то же, говорить, что считаемъ правдою, не подчиняясь авторитету ни француза, ни нѣмца, ни англичанина, ни даже русскаго, налагающаго на насъ свои убѣжденія въ видѣ оковъ,—однимъ словомъ, мы за свободу жить, мыслить, говорить и дѣйствовать *по-своему*, на основаніи *своихъ* бытовыхъ началъ, въ удовлетвореніи *своихъ* потребностей, подъ дѣйствіемъ законовъ, истекающихъ изъ нуждъ страны, и подъ защитою властей, одушевленныхъ чувствомъ долга, а не желаніемъ переступать за предѣлы права.

Очень радъ буду, если эти наши убѣжденія не противорѣчатъ убѣжденіямъ редакціи «Бесѣды», и если наши опасенія и сомнѣнія насчетъ ея мнѣнія произошли отъ какого либо недоразумѣнія или случайнаго съ ея стороны недосмотра.

Одинъ изъ защитниковъ русской общины.

7 апрѣля 1871 г.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая съ величайшимъ удовольствіемъ статью одного изъ защитниковъ русской общины, мы, ради уничтоженія всѣхъ возможныхъ недоразумѣній, разъ навсегда, *категорически* заявляемъ, что принадлежимъ къ числу защитниковъ русской поземельной общины въ той же мѣрѣ, какъ и глубокоуважаемый авторъ этой статьи. Но такъ же, какъ и онъ, мы не скрываемъ отъ себя, что «русская община», говоря его словами, «имѣетъ свои недостатки», и что «она должна совершенствоваться», разумѣется, свободно развиваясь изъ своихъ собственныхъ, коренныхъ основаній, безъ всякаго ущерба для нихъ.

Въ обществѣ, среди людей мыслящихъ, государственныхъ и земскихъ, ходятъ мнѣнія, часто болѣе или менѣе преувеличивающія эти недостатки. Этими мнѣніями возбуждаются разнаго рода страхи, которые приводятъ многихъ къ гибельному для жизни русскаго народа желанію насильственнаго не только исправленія русской сельской общины, но даже уничтоженія ея. Доказательствомъ тому служитъ петербургское земское собраніе. Возникающіе, такимъ образомъ, призраки могутъ быть уничтожены только свободнымъ обсужденіемъ дѣла. Безпристрастное разсмотрѣніе недостатковъ, сопровождающихъ жизнь нашей крестьянской общины, должно повести къ строгому обсужденію тѣхъ средствъ, которыя могутъ возбудить въ ней духъ самодѣятельности и помочь ей избавиться отъ всего, что болѣе или менѣе затемняетъ ея свѣтлую сторону и искажаетъ ея благотворныя для народной жизни и здоровыя основанія.

Глубоко вѣрно охарактеризовалъ почтенный авторъ статьи «Необходимое объясненіе» *суть* и *главное достоинство* русской общины, сказавъ, что «они заключаются въ обязательной связи ея членовъ, въ ихъ равно- и полноправности и въ обладаніи общимъ имуществомъ, обезпечивающимъ имъ, хотя до нѣкоторой степени, уголъ и пропитаніе». Желать уничтоженія такого сокровища въ русской жизни невозможно. Но въ то же время самъ авторъ указалъ на нѣкоторые недостатки современнаго состоянія общины на нѣсколько тяжкія условія выхода изъ нея для не желающихъ быть въ ней, и на то, что теперь она налагаетъ на своихъ членовъ болѣе обязанностей, чѣмъ предоставляетъ правъ имъ. Устраненіе этихъ недостатковъ не только не подорветъ самыхъ основаній русской общины, но и укрѣпитъ ее. Почтенный защитникъ русской общины увѣренъ, что два упомянутые недостатка, по окончаніи платежей, уничтожатся такъ: условія для выхода сдѣлаются совершенно «легкими и даже весьма выгодными», и каждому члену общины предоставлено будетъ больше правъ, нежели наложенія на него обязанностей; слѣдовательно, авторъ эти недостатки не почитаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, существенною принадлежностію нашей общины, и уничтоженіе ихъ—потрясеніемъ ея основаній.

Digitized by Google

Кромѣ вопроса объ устраненіи тѣхъ недостатковъ нашей общины, которые присущи ей, какъ и всякому живому факту, имѣющему жить и развиваться, и которые, какъ болѣзненные наросты, могутъ разъѣдать здоровую ея сущность,—развѣ не имѣетъ большаго значенія вопросъ о возбужденіи личной самодѣятельности въ ея членахъ,—самодѣятельности, которая бы не только не подрывала обязательной связи ея членовъ, въ ихъ равноправномъ и полноправномъ обладаніи имуществомъ, но коренилась въ ней?

Для возбужденія всѣхъ этихъ вопросовъ и для вызова откровенныхъ объясненій о недостаткахъ современнаго состоянія русской сельской общины, для уничтоженія разныхъ ходящихъ въ обществѣ, невыгодныхъ для нея, мнѣній, и напечатана въ третьей книгѣ нашего журнала, во «Внутреннемъ обозрѣніи», статья «Ссудныя товарищества». Эта статья принадлежитъ не намъ, а написана однимъ изъ нашихъ почтенныхъ сотрудниковъ, желавшимъ, чтобъ имя его осталось неизвѣстнымъ, и только по типографской ошибкѣ опущена подъ ея послѣднею строкою буква У, долженствовавшая замѣнять фамилію автора. Мы тѣмъ болѣе рѣшились дать мѣсто этой статьѣ въ нашемъ журналѣ, что въ ней нигдѣ не говорится о необходимости или о возможности уничтоженія общиннаго землевладѣнія и русской сельской общины. Авторъ возстаетъ только противъ того, что онъ называетъ безобразіемъ общины. «Неразумно, говоритъ онъ, на стран. 17, стараться о сохраненіи обязательной общины съ ея старымъ *безобразіемъ*», слѣд. не утверждаетъ, что неразумно сохранять общину безъ этого ея безобразія. Далѣе, на стран. 19, строки 20 и 21 св., онъ настаиваетъ на томъ, что ссудныя товарищества не подрываютъ общины. Авторъ статьи «Ссудныя товарищества», какъ мы понимаемъ, возстаетъ не на тѣхъ, кто стоитъ за русскую бытовую общину въ томъ смыслѣ и духѣ, какъ формулированы ея основанія авторомъ статьи «Необходимое разъясненіе», ожидающимъ, что тяжкія условія выхода изъ общины устранятся съ уплатою выкупныхъ платежей, а на тѣхъ, которые стоятъ за сохраненіе и этого недостатка. На страницѣ 16 онъ нападаетъ на либераловъ, какъ выражается онъ на стран. 17, строчка 11 снизу, «изучившихъ чужую исторію и не знающихъ своей», а не на тѣхъ, кто стоитъ и стоялъ на почвѣ русской народности и русской исторіи. Статья его есть возраженіе г. Елисѣеву, напечатавшему свою статью въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», и тѣмъ, кто предлагаетъ устроить общественные крестьянскіе банки на началахъ *государственной помощи*, потому что такая помощь можетъ усилить тяжесть тѣхъ условій для выхода изъ общины, которыя насильственно прикрѣпляютъ къ ней ея членовъ,—ту тяжесть, устраненія которой «одинъ изъ защитниковъ русской общины» ожидаетъ отъ окончанія уплаты выкупныхъ платежей. Авторъ статьи «Ссудныя товарищества», какъ мы полагаемъ, желаетъ къ интересамъ членовъ общества, случайно, какъ онъ выражается, образовавшагося вслѣдствіе физическаго нарожденія, присоединить другой связую-

Digitized by Google

щій ихъ интересъ—экономическій. Что онъ не думаетъ объ уничтоженіи общинъ, образовавшихся вслѣдствіе физическаго нарожденія, и о разрушеніи общиннаго землевладѣнія,—на это, по нашему мнѣнію, указываетъ высказанное имъ на стран. 17 ожиданіе, что «къ первоначальному ядру товарищества», образовавшемуся рядомъ, какъ онъ выражается, на той же страницѣ, съ обязательною общиною, «примкнетъ цѣлая волость, такъ что волость и товарищество сольются».

Мы почли необходимымъ остановиться на томъ, какъ мы понимаемъ отношеніе статьи «Ссудныя товарищества» къ русской сельской общинѣ. Еслибы мы нашли въ ней нападки на общинное владѣніе землею, или на равноправность и полноправность членовъ русской сельской общины на общинное имущество, то такой статьи мы бы, конечно, не напечатали, какъ діаметрально противуположной основнымъ нашимъ убѣжденіямъ.

Мы не раздѣляемъ убѣжденія почтеннаго автора въ томъ, что ссудныя товарищества могутъ совпасть съ сельскою общиною или слиться, какъ онъ выражается, съ волостью. Въ ссудныхъ товариществахъ не могутъ участвовать неимущіе члены общины или волости,—куда же они дѣнутся? Или, говоря словами автора статьи «Необходимое разъясненіе»: «какъ сельская община можетъ не заключать въ себѣ людей несостоятельныхъ и устранять ихъ изъ своей среды?» Или, можно ли переносить административное и политическое значеніе на общество, могущее ежеминутно разойтись по своему произволу? Все это хотѣли мы высказать сами, и весьма довольны тѣмъ, что предупредилъ насъ авторъ статьи «Необходимое разъясненіе»: повторяемъ, что мы желали вызвать объясненія относительно тѣхъ сторонъ современнаго состоянія нашей сельской общины, которыя даютъ поводъ къ нападкамъ на ея существенныя основы. Мы почитаемъ весьма благовременными обсужденія какъ недостатковъ русской сельской общины, которые чужды ея сущности и могутъ быть устранены, не нарушая ея главныхъ основаній, такъ и средствъ къ возбужденію въ ней личной самодѣятельности ея членовъ.

Всестороннее и свободное разъясненіе въ печати недостатковъ, неразлучныхъ со всякимъ живымъ явленіемъ, а слѣдовательно и подлежащимъ развитію, устраняетъ опасность, истекающую изъ глухаго недовольства, всегда ведущаго къ преувеличеніямъ и вреднымъ послѣдствіямъ.

Редакторъ-издатель С. А. Юрьевъ.

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

При печатаніи III книги «Бесѣды» вкрались ошибки:

Въ стихотвореніи А. Н. Плещеева, «Жалобы бѣдняковъ», изъ Роберта Соути, слѣдующія двѣ строфы должны быть напечатаны такъ:

На чье-то блѣдное лице
Палъ свѣтъ—отъ фонарей.
На камнѣ женщина сидитъ,
Малютокъ двое съ ней.

—Зачѣмъ, я молвилъ ей, ты здѣсь?
Вѣдь ночь такъ холодна,
И дѣтокъ бѣдныхъ жаль!... Но мнѣ
Отвѣтила она:

Въ статьѣ «Историческій очеркъ новѣйшаго романа въ Германіи», на стр. 300, строка 1 сн., вмѣсто «романизма», должно быть: *романтизма*. Стр. 301, строка 4 св., вм. «романистовъ», должно быть: *романтиковъ*. Стр. 306, строка 7 св., вм. «романистами», должно быть: *романтиками*.

Digitized by Google

ПРОДАЕТСЯ

въ Москвѣ, у книгопродавцевъ—Готье, Соловьева и Глазунова книга:

ГОЛОСЪ ОТЪ ЗЕМСТВА.

соч. А. Кошелева.

Содержаніе: I. О земскихъ собраніяхъ. II. Что такое русское дворянство, и чѣмъ оно быть должно. III. О дворянствѣ и землевладѣльцахъ. IV. О нынѣшнемъ положеніи крестьянъ и о мѣрахъ къ улучшенію новаго быта. V. О городахъ и горожанахъ. VI. О приходскихъ попечительствахъ. VII. О сельскихъ школахъ. VIII. О мѣрахъ къ сокращенію пьянства въ народѣ.

ЦѢНА 1 РУБ. 50 КОП.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ редакцію „Бесѣды", ничего не прилагая за пересылку.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

И. Г. СОЛОВЬЕВА.

Москва, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Первая цѣна означена безъ пересылки, вторая—съ пересылкой.

За себя и за многихъ. Повѣсть въ 2-хъ ч. О. А. Голохвастой. М. 1869. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

Алеша Поповичъ. Представленіе въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненное по старинным русскимъ былинамъ П. Д. Голохвастовымъ. М. 1869. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. VI. Спб. 1871. Ц. 3 р.—3 р. 50 к.

Памятники новой русской исторіи. Изд. В. Кашпирева. Т. I. Спб. 1871. Ц. 3 р.—3 р. 50 к.

Сношеніе Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 г. А. Попова. Спб. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 20 к.

Digitized by Google

Комедія всемірной исторіи. І. Шерра. Пер. съ нѣм. Вып. 2. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Кириллъ и Меѳодій. В. Бильбасова. Ч. 1. Спб. 1868. Ч. II. Спб. 1871. Ц. 3 р.—3 р. 50 к.

Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому. Лейбницъ и его вѣкъ. Т. II. Соч. В. Герве. Спб. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 20 к.

Война 1870 года. Кн. 2. Изд. М. Устинова. Спб. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 20 к.

Сочиненія И. С. Тургенева. Ч. 8. М. 1871. Ц. 75 к.—1 р.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Т. 1. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности. Вып. 3. М. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 20 к.

Годъ на сѣверѣ. С. Максимова. 3-е дополн. изд. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—2 р. 80 к.

Исторія великой французской революціи. Соч. Луи Блана. Пер. М. Антоновича. Т. І. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491 по 1861 г. Вып. І. М. 1871. Ц. 2 р.—2 р. 30 к.

Неорганическая фармакологія. А. Соколовскаго. М. 1871. Ц. 3 р.—3 р. 50 к.

Основанія психологіи и логики по Венеке. Пер. Паульсона. Спб. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

Учебникъ формальной логики. А. Свѣталина. Спб. 1871. Ц. 80 к.—1 руб.

О преподаваніи элементарной физики. Изд. Паульсона. Спб. 1871. Ц. 15 к.—35 к.

Основанія педагогики. В. Классовскаго. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Процессъ Кострубо-Карицкаго, Дмитріевой и др. М. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

Сборникъ рѣшеній главнаго военнаго суда. Вып. II, за 1870 г. Изд. Якубова. М. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—2 р. 80 к.

Болѣзни растеній, причиняемыя растительными паразитами. С. Розанова. М. 1871. Ц. 60 к.—80 к.

Общепонятное садоводство. Соч. Шмидта. М. 1871. Ц. 2 р.—2 р.

Digitized by Google

Стран.

ученый комитетъ.—Неудачная рецензія.—Равноправность языковъ въ системѣ преподаванія.—II.—Состояніе земледѣльческой статистики въ Россіи.—Данныя коммисій народнаго продовольствія.—Надежды на земскія учрежденія.—Труды департамента земледѣлія и сельской промышленности.—Уровень среднихъ урожаевъ хлѣба по разнымъ мѣстностямъ Европейской Россіи.—Количество хлѣба, производимаго въ Европейской Россіи, и его распредѣленіе.—Урожай 1870 года. Полоса сѣверная, Прибалтійскій край, полосы: западная, югозападная, центральная, восточная и южная, Привислянскій и Кавказскій края, Сибирь.—Выводы для «любознательныхъ».—Земледѣльцы и скупщики.—Чего слѣдуетъ желать отъ земства 59

III.—ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отличительный характеръ настоящаго времени; повсемѣстныя народныя движенія.—Толки о священномъ союзѣ.—Событія въ Парижѣ, ихъ первоначальное значеніе и позднѣйшее уклоненіе отъ цѣли.—Красный и бѣлый терроръ.—Тьеръ и національное собраніе.—Толки о монархіи и подчиненіе версальскаго правительства Пруссіи.—Германское правительство опасается либеральнаго движенія у себя.—Пренія о полякахъ въ нѣмецкомъ сеймѣ и заявленіе Бисмарка.—Будущее польскаго вопроса.—Проявленіе германскаго властолюбія; Гельголандъ, Швейцарія и Цислейтанія.—Министерство Гогенварта между двухъ огней.—Боязнь нѣмцевъ и сближеніе съ оппозиціею, уступки полякамъ, переговоры съ чехами, поѣздка императора въ Тироль.—Вѣсти изъ русской Галиціи; митинги и усиленіе національнаго движенія 94

IV.—НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНІЕ. 107

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОПРАВКИ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.—О продажѣ книги.—Русская книжная торговля И. Г. Соловьева.

☞ Объявленія для помѣщенія въ ближайшей книжкѣ «Бесѣды» принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за страницу—10 руб., за 1/2 страницы—5 руб., за 1/4 страницы—3 руб. Помѣщающіе свои объявленія послѣдовательно въ нѣсколькихъ книжкахъ пользуются уступкою 15%; равно и гг. книгопродавцамъ, обращающимся прямо въ контору редакціи, дѣлается уступка 25%. Кромѣ конторы редакціи объявленія принимаются у Н. А. Мейера (Солянка, домъ Бабурина).

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Бесѣда» издается съ 1871 года, въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1. **Изящная словесность.** Русскія произведенія въ стихахъ и прозѣ, переводы и изложенія сочиненій иностранныхъ писателей.

2. **Науки и искусства.** Статьи о разныхъ предметахъ наукъ и искусствъ.

3. **Жизнь русскаго народа:** а) Движеніе русскаго законодательства. б) Судъ, земство, городское и крестьянское управленіе. в) По возможности всестороннее изученіе русской народной жизни. г) Статьи по всѣмъ вопросамъ, отъ которыхъ зависитъ умственное, нравственное и общественное развитіе Россіи и ея экономическое благосостояніе. д) Статьи по всѣмъ отдѣламъ русской исторіи.

4. **Славянскіе народы.** Исторія славянскихъ народовъ, ихъ бытъ, ихъ дѣятельность умственная, общественная, политическая, и вопросы, возбуждаемые современнымъ ихъ положеніемъ.

5. **Иноплеменные народы.** Ихъ историческое развитіе, современное состояніе ихъ умственной, религіозной, общественной, политической жизни, и вопросы, занимающіе ихъ въ настоящее время.

6. **Критика** замѣчательныхъ произведеній русской словесности и иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ какое-либо значеніе для Россіи или въ общей исторіи просвѣщенія.

7. **Политическій отдѣлъ.** Обозрѣніе политическихъ событій и статьи по вопросамъ, сюда относящимся.

8. **Обозрѣніе** замѣчательныхъ явленій въ наукахъ, искусствахъ, религіозной, государственной, общественной, торговой, промышленной и вообще экономической жизни, какъ въ Россіи и славянскихъ земляхъ, такъ и у иноплеменныхъ народовъ.

9. **Смѣсь.** Статьи разнаго рода, извѣстія по части словесности, наукъ, искусствъ, торговли, сельскаго хозяйства и проч.

10. **Библіографія.**

„Бесѣда“ выходитъ каждый мѣсяцъ книжками отъ восьмнадцати до тридцати печатныхъ листовъ, въ первой половинѣ мѣсяца.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ безъ доставки 15 руб., съ доставкою на домъ и во всѣ мѣста Имперіи 16 руб. 50 коп; за полгода, или за 6 книжекъ, безъ доставки, 7 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой 9 руб.— Заграничные подписчики приплачиваютъ къ 15 руб.: для Австріи и Германіи—3 руб., для Франціи—5 руб., для Англіи и Турціи—6 руб.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Срѣтенка, домъ Щепкина), въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева** (Страстной бульваръ) и въ книжныхъ магазинахъ: **А. И. Глазунова** (Кузнецкій мостъ), **М. О. Вольфа** (Кузнецкій мостъ), **М. М. Черенина** (уголъ Рождественки и Софійки). **Въ С.-Петербургѣ:** въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. **Базунова** (Невскій проспектъ) и въ книжномъ магазинѣ **Я. А. Исакова** (Гостиный дворъ).

Иногородные подписчики обращаются исключительно въ редакцію журнала, надписывая свои требованія такъ: въ редакцію журнала «Бесѣда», Москва, на углу Садовой и 4-й Мѣщанской, домъ Пятницкой.

Лица, желающія получать журналъ съ пересылкою за границу, обращаются или прямо въ контору редакціи, или къ Я. А. Исакову въ С.-Петербургѣ, и И. Г. Соловьеву, въ Москвѣ. Можно получать журналъ также чрезъ заграничныхъ книгопродавцевъ: Герольда въ Вѣнѣ, Ашера въ Лондонѣ и Берлинѣ и Штейгера въ Нью-Йоркѣ.

О перемѣнѣ адреса редакція проситъ сообщать заблаговременно, съ обозначеніемъ послѣдне-полученной книжки и прежняго мѣста полученія.

Digitized by Google

Редакторъ-издатель **С. А. Юрьевъ.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JUL 5 - 1955

Digitized by Google

Digitized by Google